D14590

4° Russ. 68y (1

1933 / 11

I

Dr 9924

729

БИБЛІОТЕКА
Графа К. П. Кутайсова.
Шкафъ
Полка
№

<36607394630014

<36607394630014

Bayer. Staatsbibliothek

Описаніе
КІЕВА.

Д 14590

ОПИСАНІЕ

КІЕВА.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ЗАКРЕВСКАГО.

ВНОВЬ ОБРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО УМНОЖЕННОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ РИСУНКОВЪ И ЧЕРТЕЖЕЙ.

НАПЕЧАТАНО ИЖДИВЕНІЕМЪ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОРОТЪ, Д. МИЛЯКОВОЙ.

1868.

А/62/1182

Печатано по опредѣленію Общества.

Bayerische
Staatsbibliothek
MÜNCHEN

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Кіевъ не можетъ состязаться въ древности съ Аѳинами, ни въ огромности съ Пекиномъ; въ немъ антикварій не найдетъ развалинъ Пальмиры, и путешественникъ не увидитъ пирамидъ Египта, изумляющихъ своею огромностію. Онъ не былъ повелителемъ свѣта, какъ Римъ, не былъ законодателемъ вѣтренной моды, какъ Парижъ: но, не смотря на все это, Кіевъ есть священное достояніе Русскихъ! Это есть мѣсто, откуда Христіанская религія распростерла благотворные лучи по всему небосклону Русскому. Это есть колыбель просвѣщенія для потомковъ Славянъ, служившая и вторыми Аѳинами для насъ. Кратко, Кіевъ, знаменитый величіемъ и несчастіями, есть краса въ исторіи нашего отечества, есть лучшій бриліянтъ въ коронѣ нашихъ Государей!

Съ подобными мыслями, въ теченіи многихъ лѣтъ, составлялъ я *Лѣтопись и Описаніе города Кіева*, моей любезной родины. Въ 1836 г. напечаталъ я небольшое сочиненіе: *Очеркъ исторіи города Кіева;* тогда обстоятельства не позволили мнѣ издать это сочиненіе въ большемъ объемѣ. Можетъ быть и теперь нѣкоторые упрекнутъ меня за краткость, или за способъ изложенія первой части сего сочиненія, то есть Лѣтописи. Но вотъ и мои доводы: я не занимался описаніемъ рода постройки и наружности древнихъ зданій и памятниковъ, которыхъ впрочемъ (выключая письменъ и саркофаговъ Десятинной церкви, Софійской мозаики, Надгробія Ярослава I-го), въ Кіевѣ вовсе нѣтъ, или почти нѣтъ; не занимался обычаями, одеждою нашихъ предковъ, древними деньгами и проч., и проч., потому что все это дѣло археолога. Обращая вниманіе на историческія мѣста, я упоминалъ только о происшествіяхъ, но не описывалъ ихъ; ибо это обязанность историка прагматическаго. Указывая на грамоты и бывшія права Кіевлянъ, я не распространялся вообще о правѣ, на примѣръ, Магдебургскомъ; не развивалъ его началъ, происхожденія, слѣдствія и т. п.; это есть принадлежность правовѣда. Я оставался вѣрнымъ своей цѣли, то есть, имѣлъ въ виду судьбу города, а не судьбу людей. И такъ въ Лѣтописи представилъ я собраніе главнѣйшихъ событій, въ порядкѣ лѣтъ расположенныхъ,

и показалъ общій очеркъ судьбы города, а нѣкоторыя подробности отнесъ къ частному описанію Кіева, или ко второй части сего сочиненія. Чувствую, что въ этой книгѣ ученый читатель найдетъ довольно недостатковъ. Но любовь къ истинѣ была главнымъ путеводителемъ. Прошедшее описывалъ я по *крайнему разумѣнію*, а настоящее такъ, какъ видѣлъ и понималъ. Впрочемъ я держусь совѣта знаменитаго Шлецера: „Не надобно,“ — говоритъ онъ — „совершенно ни на комъ утверждаться, а испытывать и доказывать. Не вѣрь вообще ни чьему слову, слѣдственно и моему!“

Находить недостатки весьма легко, но не легко трудиться. И потому, предоставляя ошибки мои исправить людямъ добросовѣстнымъ, имѣющимъ образованный умъ и благородное сердце, заключаю это предисловіе и я словами почтеннаго монаха Лаврентія:

„Ѻ҃ци и братья! оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ: чтите, исправливая Б҃га дѣля, а не клените. Слышите Павла ап҃ла г҃люща: не клените, но благословите!“

Николай Закревскій.

Ревель.
1847 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Чтобы избѣжать недоразумѣній, нужно объясниться съ читателемъ относительно точки зрѣнія, съ которой авторъ смотритъ на предметъ своего сочиненія.

Едва ли кто будетъ оспаривать, что обстоятельства имѣютъ на насъ важное вліяніе. Даже геніальные люди, нерѣдко опереживавшіе свой вѣкъ, болѣе или менѣе находились подъ впечатлѣніями своего времени; о лицахъ обыкновенныхъ говорить нечего; они плывутъ за теченіемъ, и какой нибудь значительный авторитетъ увлекаетъ ихъ; но съ перемѣною обстоятельствъ и времени сопряжена перемѣна и понятій.

Въ началѣ настоящаго столѣтія было общее мнѣніе, что въ Кіевѣ нѣтъ почти никакихъ древностей, что многократныя опустошенія и пожары все истребили, что въ этомъ городѣ теперь все новое, и для насъ остались только древнія мѣста и воспоминанія. — Съ подобнымъ воззрѣніемъ въ 1848 г. отдано было мое *Описаніе Кіева* для помѣщенія въ весьма почтенномъ журналѣ, извѣстномъ подъ названіемъ: „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ." Половина была уже отпечатана, какъ этотъ журналъ нечаянно долженъ былъ прекратиться, а съ нимъ и печатаніе моего сочиненія; которое, по поводу этого обстоятельства, лежало подъ спудомъ ровно десять лѣтъ и, сверхъ всякаго чаянія съ моей стороны, стараніями многоуважаемаго Осипа Максимовича Бодянскаго, явилось на свѣтъ въ 1858 году.

Съ 1848 года я не имѣлъ уже никакого вліянія на мое *Описаніе;* но не оставлялъ своего любимѣйшаго предмета, и пользовался временемъ и средствами, какъ умѣлъ. Между тѣмъ неутомимая наука, въ лицѣ своихъ безкорыстныхъ дѣлателей, представила по Исторіи Кіева много важныхъ результатовъ, въ слѣдствіе коихъ древлепрестольный градъ нашъ является обильнымъ хранителемъ различнаго рода древностей. Даже должно удивляться, что при безчисленныхъ разореніяхъ и самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ Татаръ и Поляковъ къ Русскимъ, могло столь многое сохраниться до нашихъ дней. Изслѣдыванія и открытія эти были причиною, что я во многомъ измѣнилъ прежнее свое мнѣніе и обратилъ вниманіе на пробѣлы, о которыхъ прежде и не думали.

Открытіе фресковъ по всѣмъ мѣстамъ храма Софійскаго, Берестовскаго, Кирилловскаго ясно показываетъ, что церкви эти дошли до насъ въ своемъ первобытномъ видѣ, и только нѣкоторыя пристройки и передѣлки измѣнили ихъ наружность. Въ слѣдствіе многократныхъ разысканій и сравненій, получивъ понятіе о древнемъ зодчествѣ, мы имѣемъ возможность довольно близко воспроизвесть первоначальный видъ древняго зданія. Прежде о фрескахъ не могло быть и рѣчи, а теперь мы не имѣемъ права умолчать объ нихъ. Вотъ пріобрѣтенія, столь славно увѣнчавшія труды новѣйшихъ разыскателей!

Что касается до обычаевъ, одежды нашихъ предковъ, до старинныхъ монетъ и Русской торговли въ удѣльномъ періодѣ: то понятно, что древности эти не ограничиваются одною мѣстностію Кіева, а распространяются на всю нашу Русь и составляютъ особую вѣтвь археологіи, подобно тому, какъ мы понимаемъ науку о *Римскихъ Древностяхъ.* Обо всемъ этомъ можно предложить, при случаѣ, нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, но они не должны составлять спеціальности при описаніи одного какого либо города. Тоже самое должно сказать объ исторіи Кіевской Іерархіи и о древнемъ Русскомъ Правѣ. Предметы, которые впрочемъ уже довольно разработаны нашими и даже чужими учеными. Но необходимо сказать нѣсколько словъ объ уложеніи Магдебургскомъ. Этимъ правомъ руководствовались многіе южные и западные Русскіе города, бывшіе нѣкогда подъ владычествомъ Литвы и Польши. Причемъ чисто Русскія мѣстности подъ вліяніемъ *Магдебургіи* получили отличительный характеръ, съ которымъ однакожъ мы до новѣйшаго времени не были достаточно ознакомлены.

И такъ, въ числѣ упомянутыхъ выше предметовъ, иные составляютъ, по мнѣнію моему, существенную часть Описанія Кіева, а другіе дополнительную.

Но какъ они, при первомъ изданіи, были упущены изъ виду, то теперь я старался, по мѣрѣ силъ своихъ, восполнить эти пробѣлы и недостатки. О нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, на видъ и неважныхъ, но имѣвшихъ вліяніе на трудъ мой, будетъ упомянуто въ послѣдствіи.

Въ заключеніе рѣшаюсь присовокупить еще слѣдующія соображенія:

Зная по опыту всю слабость и несовершенство труда человѣческаго, притомъ же безпрестанно подвергаясь могущественному вліянію близорукаго самолюбія, которое воспрещаетъ намъ видѣть предметы въ надлежащемъ ихъ свѣтѣ, я старался по возможности обойти эти двѣ крайности, принявъ противъ нихъ слѣдующія мѣры:

1). Не выдавать вымысловъ за событія и не подкрѣплять ихъ фальшивыми цитатами изъ другихъ авторовъ, какъ это встрѣчается иногда. Для знатока легко открыть подлогъ.

2). Всякое свѣдѣніе, заимствованное изъ Исторіи, означать ссылкою. Въ случаѣ несостоятельности факта, сочинитель остается въ сторонѣ. Нѣкоторые писатели, пользуясь чужими мыслями и даже словами, избѣгаютъ указаній на источники, выдавая все это за свое. Ясное доказательство ограниченности ума и развитости самолюбія.

3). О всякомъ содѣйствіи и помощи упоминать съ благодарностію и тѣмъ воздать всякому свое; и

4). Всякое благонамѣренное указаніе на недостатки моего труда принимать съ сердечною признательностію. Отъ этого дѣло можетъ только выиграть. Причемъ не могу не сослаться на примѣръ, при всей учености, смиренномудраго Святителя Димитрія Ростовскаго, сказавшаго въ концѣ предисловія къ Четьи-Минеи слѣдующее: „Молимъ же любовь твою, читателю усердный, аще кая „обрящеши въ книзѣ сей погрѣшенія, исправи любовію, прощая немощи чело„вѣчестѣй и несовершенству.“

Сочинитель.

Москва
Октября, 24-го дня, 1865 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
MÜNCHEN

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЛѢТОПИСЬ
ГОРОДА КІЕВА.

Видите ли горы сиꙗ; Ꙗкѡ на сихъ горахъ восиꙗетъ бл҃дать Бж҃ьꙗ, имать градъ великъ быть и цр҃кви многы Бг҃ъ въздвигнꙋти имать.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ ВРЕМЕНЪ ОСНОВАНІЯ ГОРОДА КІЕВА ДО ТОРЖЕСТВЕННАГО ПРИНЯТІЯ ВЪ ОНОМЪ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ, ИЛИ ДО 988 ГОДА.

Начало Кіева скрывается въ туманѣ отдаленныхъ вѣковъ. Если мы встрѣчаемъ въ классическихъ историкахъ указанія на Днѣпровскія страны, то они столь неудовлетворительны и баснословны, что критикъ ничего достовѣрнаго изъ нихъ извлечь не можетъ. „Въ сѣдой древности—пишетъ Геродотъ (книга IV) — страна за сѣверными берегами Понта Эвксинскаго была обитаема Скиѳами. Борисѳенъ, только Нилу и Дунаю уступающій, доставлялъ имъ съ избыткомъ рыбу; они имѣли для царей своихъ кладбище, знали употребленіе саней и уже занимались хлѣбопашествомъ, но имѣли обычаи жестокіе и приносили людей въ жертву". — Соотечественникъ ихъ, Анахарсисъ, за желаніе ввести лучшіе обычаи, былъ убитъ ими. Во время Филиппа Македонскаго (въ 360 г до Р. Х.) между Греками вошло въ обыкновеніе Скиѳовъ называть Сарматами, распространившимися по обѣимъ сторонамъ Карпатовъ [1]).

[1]) Діодоръ Кн. 2.

Напоминая повѣствованіе Византійцевъ, коимъ и Преподобный Несторъ воспользовался, скажемъ, что около 40 лѣтъ по Р. Х. Св. Апостолъ Андрей былъ на ненаселенныхъ горахъ Кіевскихъ, предвѣщалъ на нихъ основаніе знаменитаго города и водрузилъ крестъ, то есть, онъ проповѣдывалъ тамъ Христіанство. *И приде въ устье Днѣпрьское, оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: Видите ли горы сия? — Яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья, имать градъ великъ быть и церкви многы Богъ въздвигнути имать. Вшедъ на горы сия, благослови я, и помолився Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть Кыевъ* [1]). Мы можемъ замѣтить, что митрополитъ Платонъ [2]) сомнѣвается въ томъ, чтобы въ первомъ вѣкѣ было обыкновеніе ставить гдѣ либо кресты. Того же мнѣнія и Карамзинъ. Шлецеръ [3]) опираясь на Байера [4]) и на слова лѣтописи: „*яко же рекоша*", сомнѣвается и въ самомъ путешествіи Св. Андрея по горамъ Кіевскимъ [5]).

На горахъ Кіевскихъ, какъ и на сценѣ всей тогдашней Европы, народы были извѣстны подъ многими названіями. Историки говорятъ о Сарматахъ, далѣе о Готахъ, Антахъ и потомъ о страшныхъ Гуннахъ. Древнее Греческое названіе *Борисѳенъ* (т. е. текущій отъ сѣвера), смѣнилось Сарматскимъ (по мнѣнію Татищева, а за нимъ и Берлинскаго) [6]) *Данапръ*, или *Днѣпръ*, и сдѣлалось извѣстнымъ въ концѣ втораго столѣтія. Можетъ быть Птолемеевъ *Азагоріумъ* былъ не что иное какъ Кіевъ, слывшій у окрестныхъ жителей подъ именемъ *Загорья*, и это подаетъ возможность думать, что Кіевъ гораздо древнѣе того времени, въ которое новѣйшіе историки (Длугошъ, Стрыйковскій) опредѣляютъ его основаніе. — Наконецъ Славяне, вытѣсненные изъ Дунайскихъ странъ, по словамъ Нестора, какими-то Волохами, разсѣялись по Россіи и Польшѣ. Поляне, одно изъ многочисленныхъ племенъ Славянскихъ, поселились на равнинахъ и горахъ, сопровождающихъ правый берегъ Днѣпра, и дали начало Кіеву. Они управлялись обычаями отцевъ своихъ, уважали женскій полъ; имѣя кроткій нравъ, для большей безопасности, жили обществами, и стояли на бо̀льшей степени образованія, чѣмъ Радимичи, Вятичи, Сѣверяне и другія племена Славянъ.

Объ основаніи города Кіева Преп. Несторъ сообщаетъ намъ слѣдующее преданіе: Щекъ и Хоривъ (а по другимъ спискамъ Хоревъ) со старшимъ братомъ своимъ, Кіемъ, выстроили городъ, то есть, сдѣлали укрѣпленное мѣсто надъ Боричевымъ взвозомъ (между теперешними церквами Трехсвятительскою и Андреевскою), назвавъ оное, въ честь послѣдняго *Кіевымъ*. Къ сѣверозападу отъ него поселился Щекъ на горѣ, извѣстной подъ именемъ *Щековицы*, или *Скавики*. Хоревъ обиталъ вверхъ по Днѣпру, на высокомъ и крутомъ берегу онаго, названномъ *Хореви-*

[1]) Лаврент. Лѣт. изд. Археогр. Ком. стр. 4. — Кенигсб. 8. [2]) Церк. Ист. Т. I с. 12. [3]) Nestor. Т. I. стр. 170. [4]) De origin. Russ. въ Comment. academ. Petropolit. T. III. c. 390. [5]) Карамз. Ист. Госуд. Росс. Т. I. пр. 66. [6]) Крат. Опис. Кіева, с. 4.

цею, а потомъ *Вышгородомъ*. Лыбедь, сестра ихъ, заняла мѣсто къ юго-западу отъ Кіева, при рѣчкѣ, названной по имени ея *Лыбедью*, гдѣ послѣ лежало село *Предславино*. Противъ Боричева въ старину былъ чрезъ Почайну и Днѣпръ перевозъ, называемый Кіевымъ; почему нѣкоторые почитали Кія перевощикомъ; но самъ Несторъ, опровергая это мнѣніе, пишетъ, что мужъ сей начальствовалъ въ родѣ своемъ, отличался умомъ, знаніями и искусствомъ. Поляне и Горяне добровольно повиновались ему, темные окрестные лѣса доставляли важную добычу въ звѣриной ловлѣ и онъ, какъ сказываютъ, ходилъ въ Константинополь и былъ съ честію принятъ царемъ Греческимъ. Кій, равно его братья и сестра скончались въ Кіевѣ; но родъ его наслѣдовалъ владычество надъ симъ городомъ и Полянами.

Выключая имени Хоревица, котораго уже болѣе не слышно, всѣ другія и теперь еще повторяются въ народѣ; но новѣйшіе историки думаютъ, что эти названія, неизвѣстно отъ чего произшедшія, вѣроятно подали поводъ къ вымыслу басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ. Несторъ не могъ ручаться за истину столь отдаленнаго обстоятельства, имъ только слышаннаго и разсказаннаго безъ всякой хронологической связи съ послѣдующими. Судьба почти всѣхъ знаменитыхъ древностію городовъ при началѣ ихъ одинакова. Начало ихъ теряется въ неизвѣстности и украшено баснословными преданіями, дабы тѣмъ болѣе питать любопытство народное. Стоитъ только вспомнить о началѣ Аѳинъ, Рима, Карѳагена, Константинополя [1]) и другихъ городовъ, даже самой Москвы (Щербатовъ, стр. 198; опроверженіе Елагина, стр. 180): то и существованіе основателей Кіева дѣлается сомнительнымъ.

Есть много басень объ основаніи Кіева, находящихся въ нашихъ лѣтописяхъ, и отчасти предложенныхъ Карамзинымъ [2]); но не стоитъ упоминать объ нихъ; впрочемъ я выписываю вкратцѣ нѣкоторыя мнѣнія объ этомъ: Длугошъ и Стрыйковскій принявъ, по недоразумѣнію, слово *горы* за города, думали, что вмѣсто одного города, было четыре, т. е. Кіевъ, Щековица, Хоревица и Лыбедь. Стрыйковскій пишетъ (кн. XI, гл. 3), что Кіевъ основанъ, по мнѣнію *нѣкоторыхъ* (?) въ 430 г. по Р. Х.; это опредѣленіе времени чрезвычайно неосновательно. Шлецеръ [3]) за это называетъ Стрыйковскаго безсовѣстнымъ лгуномъ. Между тѣмъ Несторъ повѣствуетъ, что всѣ три брата построили одинъ Кіевъ. — Татищевъ утверждаетъ, что слово Кіевъ или Кивы есть Сарматское и значитъ горы. Щербатовъ находитъ имена эти Арабскими и Персидскими, а посему не Славяне, но Гунны выстроили Кіевъ. Рейнегсъ и Байеръ увѣряютъ, что имя это есть Финико-Арабское, а посему городъ этотъ построенъ Готами; Болтинъ же старается доказать, что Кіевъ построенъ Аварами, и проч. Разысканія о Кіевѣ Френа [4]) кромѣ нѣкоторыхъ филологическихъ свѣдѣній, не даютъ важнаго результата

[1]) Reisen in Europa und im Morgenlande, von I. Berggren. Leipzig, 1827. I. c. 91. [2]) T. I. p. 71 и 282. [3]) Несторъ Т. I. с. 484. [4]) Jbn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen aelterer Zeit, S. Petersburg. (4) 1823.

для исторіи этого города. Не только Арабы, но и западные писатели слово Кіевъ весьма исказили. Напримѣръ: Cinamus пишетъ *Kiata*, Dithmar Merseburgensis—*Cuieuwa*, *Kitawa* и *Kitana*, Adam Bremen — *Chive*. Helmold — *Chue*, Otto Frisigenes — *Chios*, Matheus Parisiensis — *Cleva* и *Riena*, Constantin Porphirogenet. пишетъ *Kioava* и *Kiavos*; Восточные писатели Нассирединъ и Улугбекъ называютъ *Kujavah* или *Kuah*.

Кромѣ города Кіева, древней Днѣпровской столицы, находились еще, сколько извѣстно, до преданія Несторова и другіе. Имена *Кія* и *Кіева*, какъ видно, были изъ числа употребительнѣйшихъ между племенами Славянъ [1]), обитавшихъ, кромѣ Россіи, и въ другихъ Европейскихъ зем-

[1]) Не смотря на разумный авторитетъ Татищева, Мюллера, Шлецера, Карамзина и прочихъ извѣстныхъ нашихъ историковъ, г. Сементовскій принимаетъ преданіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ за истинное событіе, на томъ только основаніи, что по новому плану, послѣ великаго пожара въ 1811 г. на Подолѣ, Кіевская администрація распорядилась одну улицу назвать *Хоревою*, а другую *Лыбедскою*: то есть, онъ думаетъ, что существованіе названій есть самое вѣрное доказательство существованія лицъ. Вотъ слова его: „*Справедливость* такого повѣствованія *доказывается существованіемъ* и въ настоящее время *названій* разныхъ мѣстностей и путей, носящихъ имена этихъ братьевъ и сестры ихъ; такъ и нынѣ существуетъ" и проч. (Кіевъ, его святыня. 1864. ст. 20). Поэтому можно утверждать, что основателемъ *Боровска* былъ боровъ, *Козельска* — козелъ, *Алешекъ*, какой-то Алёшка и такъ далѣе. Стало быть и всѣ Европейскіе *Кіевы* основаны нашими же братьями. Хороша логика! Но въ своей *Галереѣ Кіевскихъ видовъ* Сементовскій представилъ неподражаемые силлогизмы. Изъ огромнаго набора словъ въ первой статьѣ означенной Галереи мы приведемъ нѣкоторыя мнѣнія его; онъ пишетъ: „съ *достовѣрностію* (!) можно сказать, что благословеніе первозваннымъ Апостоломъ горъ Кіевскихъ совершилось въ 34 или 35 году по Р. Х." (ст. 4). Положимъ! Но гдѣ же доказательство? а одному голословному увѣренію никто не повѣритъ. Далѣе: „*Сказаніе*, приведенное Несторомъ объ основаніи Кіева и наименованіи его *чрезвычайно достовѣрно*. Это *доказывается* существованіемъ и въ нынѣшнее время *преданіями* о трехъ братьяхъ — основателяхъ города и сестрѣ ихъ Лыбеди», и проч. (ст. 5). Прошу замѣтить: чрезвычайная достовѣрность доказывается преданіями и только! Но какъ преданіе о Дидонѣ, основательницѣ Карѳагена, сохранилось въ книгахъ и до нашихъ временъ: то оно *чрезвычайно* достовѣрно. Такъ Кирилловскій монастырь въ Кіевѣ основанъ Кирилломъ кожевникомъ, потому что это есть народное преданіе. Невольно повторишь старинную пословицу: «Палка стоитъ въ углу, слѣдовательно дождь будетъ». — Далѣе: «Нѣтъ сомнѣнія, что Несторъ могъ основательнѣе знать и зналъ, кто былъ Кій; ибо Несторъ жилъ ближе ко времени основанія Кіева, а Шлецеръ писалъ свои критическія замѣчанія спустя почти семьсотъ лѣтъ по смерти Преподобнаго Лѣтописца. Еслибы Лѣтописецъ не сдѣлалъ оговорки о Кіѣ, то навѣрное Шлецеръ не только не опровергалъ бы лѣтописнаго сказанія объ основаніи Кіева тремя братьями; но даже и не подумалъ бы пускаться въ генеалогическій разборъ о происхожденіи Кія». (ст. 6). Уязвивъ незаслуженною колкостію славнаго Шлецера, сочинитель съ торжествомъ въ четвертый разъ восклицаетъ: «И такъ сказаніе пр. Нестора о Кіѣ и о построеніи Кіева чрезвычайно правдоподобно и мы принимаемъ это сказаніе за достовѣрнѣйшее». (ст. 6). Поздравляемъ съ *такою* достовѣрностію и еще со способностію, пользоваться чужимъ трудомъ, давая видъ, что онъ принадлежитъ вамъ. Такъ въ этой первой статьѣ выписано нѣсколько мѣстъ слово въ слово изъ моего *Очерка Исторіи города Кіева*, *Ревель* 1836 г., но нѣтъ ни одного указанія. Подобная даровитость встрѣчается и въ другомъ сочиненіи автора Галереи, но объ этомъ мы укажемъ при случаѣ. — Да не поскучаетъ благосклонный читатель, что вмѣсто непрерывнаго повѣствованія, онъ развлекается различнаго рода соображеніями. Такъ какъ читатели, недостаточно знакомые съ Исторіею Кіева, могутъ ссылаться на упомянутыя сочиненія г. Сементовскаго, то для соблюденія возможной полноты въ *Описаніи Кіева*, мы необходимо должны обратить вниманіе не только на достовѣрные источники и на дѣльныя и полезныя изслѣдыванія нашихъ ученыхъ тружениковъ, но и на всякое печатное мнѣніе и сочиненіе, хотя бы оно явно противорѣчило здравой логикѣ. На этомъ основаніи мы обращаемся, при случаѣ, и къ сочиненіямъ Сементовскаго. Но на этотъ разъ довольно объ нихъ.

ляхъ; какъ-то: 1) *Кіевы поля* при Дравѣ въ Венгріи, 2) *Кіусъ* при Дунаѣ, или Несторовъ *Кіевецъ*, 3) Kyow's Thal въ Поморьѣ (Помераніи), 4) *Kiewe* въ Мекленбургѣ, 5) *Kijow* въ Чехахъ (Богеміи), 6) *Kiewel* въ Познанѣ, 7) *Kiob-haven* (торговый городъ) Копенгагенъ, 8) *Кій* островъ, 9) *Кія* рѣчка въ Архангельской губерніи, 10) *Кіево*, такъ называются множество селъ въ разныхъ губерніяхъ Россійск. Имперіи, 11) *Кіевка* рѣчка Калужск. губ. [1])

Племена Славянскія, какъ и всякія другія, еще издревлѣ не жили между собою въ мирѣ. Кіевляне съ окрестными Полянами претерпѣвали нападенія отъ Древлянъ, обитавшихъ въ лѣсахъ Волынскихъ и отъ другихъ сосѣднихъ единоплеменниковъ. Вѣроятно, зависть къ бо́льшимъ выгодамъ въ общественномъ быту первыхъ была причиною этихъ грабительствъ; но Славяне, ведя междоусобныя драки и ослабляя себя взаимно, были не въ состояніи противиться чуждому, сильнѣйшему врагу. Появились Авары, или Оборы, а за ними въ концѣ VII, или въ началѣ VIII столѣтія и сильные Козары, которые Кіевлянъ и другія племена содѣлали своими данниками.— Баснь—что Кіевляне приносили данъ побѣдителямъ по *мечу съ дыма*: послѣ же (какъ самъ Несторъ говоритъ) платили они *съ дому по бѣлкѣ*.

Храбрые Варяжскіе витязи и друзья *Аскольдъ* и *Диръ*, подстрекаемые тогдашнимъ обыкновеніемъ странствующихъ рыцарей, ищущихъ счастія или приключеній, а можетъ быть и недовольные Рюрикомъ, *выпросились* у него къ Царюграду. Собравъ нѣсколько отважныхъ мужей *отъ рода своего*, они отправились изъ Новагорода и, во время путешествія, на берегу Днѣпра увидѣли Кіевъ (864 г.); свѣдавъ обстоятельство, что основатели его уже давно не существуютъ, и что жители платятъ дань Козарамъ (Хазарамъ), завладѣли этимъ городомъ, какъ должно думать, силою оружія. — Утвердившись въ Кіевѣ, они призвали къ себѣ многихъ Варяговъ и отправились водою въ Царьградъ для добычи; но Русское войско было большею частію тогда истреблено бурями и только немногіе успѣли спастись.

Къ сему должно присовокупить еще слѣдующее обстоятельство, что съ именами Аскольда и Дира сопряжено чрезвычайно важное воспоминаніе о началѣ Христіанства въ стѣнахъ Кіева. Не смотря даже на молчаніе главнаго нашего руководителя, Преп. Нестора, мнѣніе это основывается на извѣстіи, находящемся въ достовѣрной грамотѣ Патріарха Фотія, писанной въ 866 г. къ восточнымъ епископамъ. Въ ней говорится, что Россы, недавніе враги Грековъ, оставивъ суевѣріе, уже исповѣдуютъ Христа и приняли епископа и священника. Это извѣстіе подтверждается и преданіемъ нашей Церкви о первомъ Кіевскомъ Митрополитѣ Михаилѣ, которому приписываютъ чудо евангелія, не сгорѣвшаго въ огнѣ [2]).

Въ 882 г. Аскольдъ и Диръ были коварно умерщвлены Великимъ Княземъ Олегомъ. Тѣло Аскольдово погребено на высокомъ, стремнистомъ берегу Днѣпра, который получилъ названіе Аскольдовой Моги-

[1]) Очеркъ. Истор. города Кіева. стр. 9. [2]) Ист. Карамз. Т. I. стр. 119. прим. 286.

лы, гдѣ въ Несторово время былъ Ольминъ дворъ и стояла церковь Св. Николая, нынѣ упраздненное кладбище съ каменною церковію того же Угодника за Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ. Прахъ Дира покоится на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ на *Старомъ Кіевѣ* монастырь Св. Ирины, къ югозападу отъ Софійскаго собора.

Олегъ, овладѣвъ Кіевомъ, назвалъ его *матерью городовъ Русскихъ*, дабы, имѣя въ немъ свою столицу, удобнѣе распространять владѣнія; съ этихъ поръ Кіевъ сдѣлался мѣстопребываніемъ Русскихъ Князей. Но между тѣмъ, какъ Олегъ побѣждалъ Древлянъ, Радимичей и Сѣверянъ, чрезъ Днѣпръ, возлѣ Аскольдовой Могилы, переправлялись Угры (Мадьяры, Венгры), шедшіе изъ Либедіи въ Паннонію (899 г.). Могила Аскольдова долго, по этому обстоятельству, называлась *Угорьскимъ* урочищемъ.

Въ правленіе Игоря Христіанство распространилось даже между его военачальниками, и для Исторіи Кіева достойно уваженія, что Игорь 945 г. съ языческою дружиною, для подтвержденія договора съ Греками, клялся въ храмѣ Перуна оружіемъ и золотомъ, полагая къ ногамъ этого идола щиты свои, обручи (кольца) и мечи обнаженные; Христіанскіе же его ратоборцы клялись предлежащимъ честнымъ крестомъ въ Соборной церкви Св. Иліи (на Подолѣ), вѣроятно, древнѣйшей въ Кіевѣ.

Осада Печенѣговъ въ 968 г. угрожала жителямъ столицы жестокою участію; но геройскій поступокъ неизвѣстнаго молодаго Кіевлянина и хитрость Претича, полководца Святославова, спасли Кіевъ отъ разоренія.

Не смотря на малоизвѣстность этого древнѣйшаго періода нашей Исторіи, Преподобный Несторъ оставилъ намъ въ своей безцѣнной лѣтописи нѣсколько отрывочныхъ извѣстій о состояніи Кіева въ X-омъ вѣкѣ. Но и эти, какъ бы мимоходомъ, сообщенныя извѣстія заслуживаютъ тѣмъ большее вниманіе, что они почти единственныя и, при всей своей сжатости, даютъ довольно ясное понятіе о Кіевѣ того времени. Мы представимъ въ совокупности все, что Лѣтописецъ въ разныхъ мѣстахъ упоминаетъ о нашей древней столицѣ: Тогда вода рѣки Почаины—пишетъ Св. Несторъ—протекала близъ самой *горы* Кіевской, то есть, у подошвы *Стараго Кіева*, который въ древности назывался просто *Горою* и былъ наиболѣе обитаемъ. Кіево-Подолъ въ этомъ столѣтіи былъ еще ненаселенъ. Покрытый топями и лѣсомъ, онъ представлялъ пустыню; въ которой однакожъ, какъ бы украдкою между деревьями, находилась церковь Св. Иліи, выстроенная на берегу ручья Почаины близъ слободы *Козарской*; гораздо далѣе, на *Оболони*, стояло капище бога Волоса.

Главная дорога въ городъ называлась *Боричевъ вѣздъ* и круто подымалась отъ Почаины на гору мимо крѣпостнаго вала, въ которомъ съ западной стороны были единственныя врата, а предъ ними мостъ. Первоначальная *крѣпость*, по тогдашнему *градъ Кыевъ*, составлявшая долгое время Акрополисъ Кіевскій, заключала въ себѣ очень небольшое про-

странство; не болѣе 130 саженъ въ длину, и столько же въ ширину. Здѣсь, надъ Боричевымъ въѣздомъ находился храмъ верховнаго бога Перуна, а близъ него дворецъ князей Кіевскихъ и нѣсколько домовъ вельможъ. Вблизи этой крѣпости, но внѣ ея, къ сѣверу, былъ еще княжескій каменный теремъ съ деревяннымъ зданіемъ и нѣсколько строеній именитыхъ людей. Далѣе, на Щековицѣ, возвышалась могила Олегова. На противуположной сторонѣ, къ югу, внѣ *града*, находился лѣсъ, въ которомъ ловили дикихъ звѣрей посредствомъ перевѣса сѣтей; отъ чего мѣсто сіе называлось *Перевѣсищемъ*. Впрочемъ всѣ окрестности древняго Кіева были покрыты дремучимъ лѣсомъ и представляли картину угрюмую. Самые жители тогдашняго времени, погруженные во мракъ идолопоклонства и невѣжества, имѣли нравы варварскіе: они приносили людей въ жертву богамъ своимъ.

Въ 980 г. Кіевляне увидѣли подъ стѣнами своими Владиміра, Князя Новгородскаго, съ войскомъ. Ярополкъ, слѣдуя предательскому совѣту своего вельможи Блуда, удалился въ городъ Родню. Кіевляне, оставленные княземъ, принуждены были отворять ворота городскія и признать Владиміра своимъ повелителемъ. Удаливъ отъ себя опасныхъ помощниковъ, Варяговъ, Владиміръ поставилъ нѣсколько кумировъ, между коими отличался, на Боричевомъ утесѣ, деревянный истуканъ Перуна съ серебряною головою и золотыми усами [1]).

Завоевавъ нынѣшнюю Галицію и Ливонію, Владиміръ, въ благодарность за побѣды (983 г.), хотѣлъ воздать богамъ честь особенную—принесть имъ въ жертву человѣка: по совѣту боляръ и старцевъ велѣлъ бросить жребій между отроками и дѣвицами Кіевскими. Судьба, какъ для испытанія, назначила юнаго Варяга, исповѣдывавшаго съ отцемъ своимъ Христіанство. Это были, сколько намъ извѣстно, первые и, къ счастію, послѣдніе *мученики Христіанскіе въ Кіевѣ* языческомъ. Церковь наша чтитъ ихъ святыми подъ именемъ Ѳеодора и Іоанна; память ихъ празднуется 12 іюля.—Къ этому времени историки относятъ одну трагическую сцену въ загородномъ домѣ Рогнѣды, на берегу Лыбеди, гдѣ въ Несторово время было село *Предславино*.

Слѣдуя сказанію Преп. Нестора упомянемъ, что въ 986 г. было въ Кіевѣ нѣсколько *миссіонеровъ* разныхъ исповѣданій; и каждый, сообразно вѣрѣ своей, обѣщалъ или грозилъ Князю Русскому; однако честолюбіе Владиміра, хотя увѣреннаго лично и чрезъ пословъ своихъ въ превосходствѣ Христіанской Религіи, не допустило его показаться предъ Византіею въ видѣ кающагося грѣшника. Онъ собралъ многочисленное войско, чтобы вооруженною рукою принять ученіе неземное, и отправился въ Крымъ къ Греческому Херсонесу или Херсону.

[1]) Изъ этого указанія нашего лѣтописца, кажется, можно заключить, что драгоцѣнные металлы были тогда очень рѣдки; потому что Великій Князь могъ удѣлить серебра только для головы истукана Перунова, а золота еще менѣе. Впрочемъ мы не знаемъ въ точности тогдашнихъ повѣрій. Можетъ быть, по понятіямъ, того времени, такъ и нужно было.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

ОТЪ ТОРЖЕСТВЕННАГО ПРИНЯТІЯ ВЪ КІЕВѢ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ ДО РАЗРУШЕНІЯ ЕГО БАТЫЕМЪ; ОТЪ 988 ДО 1240 ГОДА.

Принявъ въ 988 г. святое крещеніе въ Корсунѣ, Великій Князь Владиміръ взялъ отъ Грековъ сосуды церковные, мощи Папы Св. Климента и Фива, его ученика, двѣ статуи и четыре бронзовые коня; также нѣсколько Духовныхъ и Анастаса, помогшаго ему овладѣть Херсономъ. Воодушевленный новою религіею и горя желаніемъ содѣлать всѣхъ подданныхъ своихъ участниками благодати Христовой, онъ спѣшилъ въ Кіевъ. Великому торжеству предшествовало истребленіе кумировъ, кои были изрублены или сожжены. Перуна, привязавъ къ конскому хвосту, влекли по Боричеву, били тростьми и свергнули въ Почаину.

Въ присутствіи Греческаго священства (о митрополитѣ Несторъ, вопреки новѣйшимъ, ничего не говоритъ), совершено крещеніе народа въ Почаинѣ. — На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, Владиміръ выстроилъ церковь Св. Василія (имя, принятое имъ при крещеніи. Тамъ, гдѣ пострадали первые мученики за Христіанство, заложилъ Владиміръ каменную церковь въ честь Успенія Богородицы (989 г.), извѣстную въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Десятинной*, оконченной подъ надзоромъ Цареградскихъ архитекторовъ въ 994 г. и бывшей подъ вѣдѣніемъ Анастаса Корсунянина. Въ продолженіи своего правленія Великій Князь соорудилъ церковь Св. Василія въ Вышгородѣ и, вѣроятно, другую, Петропавловскую на Берестовѣ. Завелъ въ столицѣ училища для юношества.

Во время Святополка I (1017 г.), при безпрерывныхъ политическихъ буряхъ и междоусобіяхъ, сильный пожаръ истребилъ (по Никоновской Лѣтописи) до 700 церквей въ Кіевѣ и большую часть города. Карамзинъ находитъ это число невѣроятнымъ. Татищевъ поправилъ „*и домовъ до 700*". Впрочемъ въ Лаврентьевской лѣтописи сказано только: *И погорѣша церкви.* (с. 62).

Во время Ярослава I Кіево-Подолъ началъ заселяться. Скавика на всемъ своемъ пространствѣ покрылась жилищами; Кіевъ сталъ въ три раза болѣе противу прежней своей величины. Государь этотъ хотѣлъ столицу свою, въ отношеніи обширности, богатства и великолѣпія, сравнять съ Византіею: воздвигъ Дворецъ, монастыри Св. Георгія и Ирины, возобновилъ Десятинный храмъ. Софійская церковь (и теперь обширнѣйшая въ Россіи), Ограда, Златыя Врата выстроены и названы по примѣру Цареградскихъ. И подлинно, самые современные лѣтописцы подтверждаютъ это; вотъ слова ихъ: *Дитмаръ*, Епископъ Межибор-

скій (Мерзебургскій), родившійся 976, а умершій 1018 г. пишетъ: „Чрезвычайно же сильный городъ *Китава* (Кіевъ), по убѣжденію Болеслава, потрясается частыми нападеніями *Поленскихъ* (Poleniis) непріятелей и уменьшается сильными пожарами; но защищается своими жителями. .. Онъ (побѣдитель) надѣется найти тамъ несказанное множество денегъ. Въ этомъ большомъ городѣ, составляющемъ столицу онаго государства, находится болѣе четырехъ сотъ церквей и восемь торжищъ. Но неизвѣстное число народа, состоящаго, какъ и весь этотъ городъ, изъ стекающихся ото всюду бѣглыхъ рабовъ, особенно изъ быстрыхъ и много *Петинегамъ* (Petinegis, Печенѣги?) вредящихъ Дановъ (Danis) доселѣ противоборствовало и другихъ побѣждало“ [1]). Такъ называемый Саксонскій лѣтописецъ, Annalista Saxo, повторилъ Дитмарово сказаніе о Кіевѣ, но говоритъ только о 300 церквахъ [2]). *Адамъ*, учитель Бременскій, жившій въ XI столѣтіи, свидѣтельствуетъ подъ 1076 г. слѣдующее: „Острагардъ въ Русціи, коея столицею есть городъ *Хиве* (Кіевъ), спорящій съ державою Константинопольскою, знатнѣйшимъ украшеніемъ Греціи“ [3]). *Эингардъ*, подъ 1018 г.: „Въ этомъ большомъ городѣ *Китавѣ*, столицѣ сего государства, находится болѣе трехъ сотъ церквей и восемь бываетъ торжищъ; число же народа неизвѣстно [4]).

При Ярославѣ Великомъ получилъ начало свое знаменитый въ лѣтописяхъ нашихъ монастырь Кіево-Печерскій. По вызову этого государя пріѣхали 1051 г. въ Кіевъ три Греческіе пѣвца съ семействами и научили Русскихъ *Демественному* пѣнію. Промышленность и мануфактуры процвѣтали въ нашей древней столицѣ, которая не уступала ни одному изъ тогдашнихъ первѣйшихъ городовъ Европы. Но Кіевъ имѣлъ судьбу Ахена; плоды неусыпныхъ трудовъ Ярослава были истреблены слабыми или малодушными его преемниками, подобно тому, какъ изчезли громкія дѣла Карла Великаго при его потомкахъ. Слава Кіева была сопряжена съ жизнію Ярослава. Умирая, онъ унесъ съ собою въ гробъ счастіе Кіева и могущество Россіи. Государь этотъ скончался 19 февраля 1054 г. въ Вышгородѣ; тѣло его похоронено въ Софійскомъ храмѣ

При преемникахъ Ярослава система удѣловъ и междоусобія потрясали Россію. Со смертію сего Государя началась огромная трагедія, продолжавшаяся около трехъ столѣтій и повергшая отечество наше въ безсиліе. Неустройства имѣли также вліяніе на нравы жителей столицы, обогащенныхъ промышленностію; особенно во время Изяслава I, Днѣпровская столица была подобна Капуѣ. Въ 1069 г. Болеславъ II помогъ Изяславу вторично возсѣсть на престолъ Кіевскій. Преп. Нес-

[1]) Dithmarus restitutus Chronicon. in Leibnitii Scriptor rerum Brunsuicensium, Hanoverae, 1707. T. I. p. 426. — Нѣмецкій переводъ: Dithmar's Bischofs zu Merseburg Chronic. von. J. Fr. Ursinus. Dresden. 1790. стр. 567. Несторъ Шлецера, Т. II. стр. 263. О Дитмарѣ въ нашемъ сочиненіи упомянуто обстоятельнѣе въ статьѣ о Софійскомъ соборѣ, § 121. [2]) Eccard Corp. Histor. Medii aevi. Лейпц. 1723, T. I, подъ 1018 г., столб. 451. — Несторъ Шлецера, Т. II, стр 263. [3]) Histor. Eccles. Lib. II. cap. 13, pag. 19. Карамз. Т. I. пр. 522. [4]) Нест. Шлецера, Т. I. стр 180.

торъ, описывая это обстоятельство, говоритъ, что благочестіе между его соотечественниками начало упадать; мѣсто коего заступили пиршества и игрища; любезность и самая безхарактерность тогдашнихъ женщинъ были камнемъ преткновенія для Поляковъ, коихъ Кіевляне тайно и убивали.

Въ княженіе Всеволода I Кіевская область и самая столица претерпѣли многія бѣдствія. Отъ безпрестанныхъ неслыханныхъ жаровъ всѣ растенія и нивы изсохли, лѣса въ болотистыхъ мѣстахъ воспламенялись сами собою, работы сельскихъ жителей остановились, голодъ, болѣзни, моръ свирѣпствовали во многихъ областяхъ. Въ 1092 г. отъ 14 ноября до 1 февраля, умерло въ Кіевѣ 7,000 человѣкъ (около ста въ день; количество умершихъ опредѣлено по числу проданныхъ гробовъ). Къ этому присоединилось землетрясеніе. Напуганное воображеніе и суевѣріе людей вымышляло многія чудеса. — Въ это время начали появляться въ Кіевѣ Евреи.

Преемникъ Всеволода, Святополкъ, изъ легкомыслія заключилъ въ темницу посланниковъ Половецкихъ (1093 г.), предлагавшихъ дружбу, и долженъ былъ вести съ этимъ народомъ войну, имѣвшую горестныя послѣдствія, по причинѣ несогласія Русскихъ Князей, стоявшихъ подъ Кіевомъ; Янъ и другіе вельможи тщетно старались примирить ихъ. Половцы, эти всегдашніе враги Русскихъ, продолжали убійства и грабительства (іюля 23) подъ самою столицею, на урочищѣ Желани; въ 1095 г. разорили Юрьевъ, городъ на берегу Роси, коего жителей поселилъ Святополкъ ниже Кіева, на *Витичевомъ холмѣ*, получившемъ послѣ названіе *Святополчь* городъ.—Непріятели сожгли 24 мая, 1096 г., княжескій домъ на Берестовѣ. Немного спустя Великій Князь торжествовалъ побѣду надъ Половцами, и съ честію на Берестовѣ предалъ землѣ тѣло Тугоркана, своего тестя (отъ того послѣ *Тугорканова могила*), потерявшаго жизнь въ этомъ сраженіи; между тѣмъ другой Половецкій князь, Бонякъ, осадивъ 20 іюня столицу, привелъ жителей ея въ трепетъ, сжегъ *Красный дворъ* Всеволода на *Выдобичахъ*, сады и нѣсколько домовъ на Оболони, монастырь Стефанечь и *деревянный Германечь*. Ночью, выломавъ двери у обители Печерской, онъ истреблялъ все огнемъ и мечемъ, восклицая: „*Гдѣ есть Богъ ихъ? Да поможетъ имъ!*" Но едва утихли войны съ Половцами, какъ начались новые раздоры и брани между князьями. Съѣзды на совѣтъ возлѣ Кіева, при рѣчкѣ *Золочь* и озерѣ *Долобскомъ*, бывшіе въ 1098, 1101 іюня 30, и 1102 годахъ, имѣли послѣдствіемъ, что Половцы были нѣсколько разъ совершенно разбиты и надолго усмирены.

Правленіе Святополка не могло осчастливить Кіевлянъ. Историки называютъ этого Государя лицемѣромъ. Онъ выстроилъ (1108 г.) Златоверхо-Михайловскій монастырь на Старомъ Кіевѣ, часто бралъ у духовенства благословеніе, между тѣмъ не стыдился торговать солью; для собственной прибыли позволилъ умножаться и усиливаться Жидамъ въ Кіевѣ, которые захватили въ свои руки всѣ вѣтви промышленности и брали чрезвычайные проценты. Смерть Святополка (1113 г. апрѣля 16),

представила случай мятежнымъ гражданамъ къ своевольству. Они ограбили домъ Тысяцкаго, именемъ Путяты, и преслѣдовали мщеніемъ всѣхъ Жидовъ, бывшихъ въ столицѣ. Прибытіе Владиміра Мономаха, преемника-Святополкова, въ Кіевъ возстановило спокойствіе. Для прекращенія лихоимства Евреевъ, онъ далъ законъ о ростахъ.

Преподобный Несторъ Лѣтописецъ. Священное имя для любителей отечественной Исторіи! — Въ княженіе Святополка жилъ въ Печерской обители скромный инокъ Несторъ, мужъ безсмертный, по справедливости названный Отцемъ Русской Исторіи. Къ сожалѣнію мы имѣемъ объ немъ слишкомъ скудныя извѣстія, не зная въ которомъ году и гдѣ онъ родился и когда умеръ. „*Өеодосьеви же* (слова Нестора подъ 1051 г.), *живущю въ манастыри и правящю добродѣтелное житье и чернечьское правило* (т. е. Студійское), *и пріимающю всякаго приходящаго къ нему; къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя, лѣтъ ми сущю семнадесяти отъ рожденья моего*". Слѣдовательно, ежели Несторъ, пришедъ 1073 г. въ монастырь, былъ 17 лѣтъ, то долженъ родиться въ 1056 г. Когда Великая Печерская церковь была отстроена и освящена, то Нестору, бывшему уже діакономъ, поручено было (1090 г.) отыскать мощи Св. Өеодосія, которые на другой день (14 августа) и перенесены въ соборъ [1]) Вотъ *все*, что Несторъ разсказываетъ о себѣ. Годъ его смерти также нигдѣ съ точностію не означенъ. Въ Патерикѣ сказано: „поживе же лѣта довольна". Шлецеръ полагаетъ 60 лѣтъ, почему онъ и долженъ жить еще по крайней мѣрѣ въ 1116 г. Карамзинъ же думаетъ, что онъ скончался въ 1111 г. Мощи его почиваютъ въ *Ближнихъ пещерахъ.*

Промыслу небесному угодно было сохранить до нашихъ дней три сочиненія Преподобнаго Нестора, кои суть:

1-е) *Житие Өеодосия, Игоумена Печерьскаго.* Не смотря на многія разнорѣчія, передѣлки и сокращенія, житіе это было извѣстно во всѣ послѣдовавшія времена, и помѣщаемо въ Четьихъ-Минеяхъ и другихъ сборникахъ. Но оно сохранилось почти въ первоначальномъ своемъ видѣ въ превосходномъ харатейномъ спискѣ XII-го вѣка, въ сборникѣ, который принадлежитъ Большому Московскому Успенскому Собору № $^{175}/_{18}$, въ л. на 304 л., въ два столбца уставнаго письма. Руководствуясь этимъ спискомъ, при сличеніи съ другими, профессоръ Московскаго Университета О. М. Бодянскій издалъ упоминаемое житіе Преп. Өеодосія въ журналѣ: „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ" на 1858 годъ, кн. 3. — Не имѣя нужды распространяться въ наше время о важности этого сочиненія вообще, и въ особенности для Исторіи Кіева, приведемъ однакожъ замѣчательныя слова издателя онаго: „Считаю себя счастливымъ — пишетъ г. Бодянскій, — что напослѣдокъ, послѣ стольких переворотовъ, выпало мнѣ на долю быть издателемъ сего драгоцѣннѣйшаго памятника нашей древне-русской письменности, творенія нашего несравненнаго начальнаго лѣтописца; при-

[1]) Лаврентіевская лѣтоп. стр. 69 и 90. Т. I. Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Спб 1846.

надлежность которому его ничто не въ состояніи оспорить, такъ какъ самъ онъ въ началѣ и концѣ своего безсмертнаго труда засвидѣтельствовалъ объ этомъ" и проч. Москва, 3 сент. 1858 г.— Въ житіи Преп. Өеодосія Несторъ помѣстилъ, въ видѣ эпизодовъ, нѣсколько жизнеописаній Святыхъ Печерскихъ, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ и въ своей Лѣтописи. Житія эти вошли въ послѣдствіи въ составъ Патерика Печерскаго съ сочиненіями Св. Симона, епископа Владимірскаго и Поликарпа, монаха Печерскаго.

2-е) *Чтение о житии и о погублении святоую и блаженоую страстотерпьцю Бориса и Глѣба.* Со словъ издателя этого сказанія О. М. Бодянскаго, скажемъ, что это второе твореніе безсмертнаго нашего Лѣтописца, Преподобнаго Нестора, по времени написанія кажется первое. Нынѣшнее изданіе его, помѣщенное въ Чтеніяхъ Общества Истор. и Древн Рос. 1859 г. кн. 2, сдѣлано по древнѣйшему, сколько извѣстно, пергаменному списку Московской Синодальной Библіотеки (№ 31), принадлежавшему нѣкогда Кириллову Бѣлозерскому монастырю. Объ исторической и литературной важности этого произведенія приснопамятнаго Нестора не мѣсто здѣсь распространяться. То и другое само собою бросается въ глаза каждому. Изслѣдователи отечественныхъ древностей, судебъ народа и его языка, и теперь еще не могутъ вдоволь надивиться всему, оставшемуся намъ отъ неподражаемаго нашего Лѣтописца.—Съ особеннымъ сочувствіемъ археологи и палеографы вскорѣ встрѣтили книгу подъ названіемъ: Сказанія о Святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка. По порученію и на иждивеніи Императ. Археологическаго Общества издалъ И. И. Срезневскій Спб. 1860 г. in 4-to. Содержитъ: 1) Вступленіе, описаніе рукописи и примѣчанія, стр. 1—XXIV. 2) Текстъ *Сказаній* гражданскими буквами въ два столбца, стр. 1—90, и 3) Полный снимокъ (Fac-simile) съ текста и рисунковъ, стр. 1 — 147. Превосходное, великолѣпное изданіе.

3-е) *Лѣтопись Русская или Временникъ.* Сочиненіе это весьма важно не только для Исторіи Русской, но и для всѣхъ народовъ сѣверной части Европы до XI вѣка; безъ этого драгоцѣннаго памятника мы ничего не знали бы о началѣ нашего отечества и о первобытныхъ народахъ, населявшихъ оное. Преподобный Несторъ начинаетъ Лѣтопись свою космографіею, говоритъ о раздѣленіи земли между Ноевыми сыновьями и доходитъ до Вавилонскаго столпотворенія, которое однакожь скоро оставляетъ, поспѣшая ко вступленію въ Исторію своего отечества. Тутъ доставляетъ онъ очень полезныя и совершенно новыя извѣстія о многихъ народахъ, обитавшихъ тогда въ Россіи, прежде нежели соединились они подъ одну державу; означаетъ ихъ земли, отличая точно Славянскія племена отъ Финскихъ. Также исчисляетъ смежные и отдаленные Европейскіе народы, какъ тогда извѣстны они быбы въ Кіевѣ О переходахъ Славянъ въ древнія времена говоритъ много такого, чего нѣтъ ни въ одномъ Византійскомъ историкѣ. Послѣ этого приступаетъ къ своей Исторіи. Начало своего государства взялъ

онъ очевидно, изъ невѣрнаго преданія: образъ происхожденія онаго, по его изложенію, имѣетъ въ себѣ нѣчто очень естественное; но все его лѣтосчисленіе, почти до самаго Владиміра I, невѣрно или слишкомъ сомнительно. Начало Несторовой Лѣтописи совершенно сходно съ сочиненіями *Зонара*, *Кедрина* и другихъ Византійцевъ. Несторъ также ссылается на Георгія; *„глаголеть бо Георгии въ Лѣтописаньи,“* и на Меѳодія, епископа Патарскаго, *„яко же сказаеть Меѳодии Патарииски“* [1]). Строевъ [2]) извѣстилъ о древнемъ переводѣ сего Георгія *Амартола* или *Гамартола*, т. е. *грѣшнаго*, (αμαρτωλος, peccator, грѣшникъ). Сходство между лѣтописью *Георгія Грѣшнаго* и начальными листами нашего Нестора совершенное; почему Графъ Румянцевъ предполагалъ поручить ученому г. Газе, издателю *Льва Діакона Калойскаго*, изданіе и этого Византійца. Н. М. Карамзинъ нашелъ древній переводъ Меѳодія Патарскаго [3]). И такъ начало Несторовой лѣтописи (отъ царствованія Михаила до XI вѣка) составлено почти собственными словами Византійцевъ. Первый подлинникъ или образецъ этого изложенія, безъ сомнѣнія, дошелъ до насъ изъ Болгаріи, той самой страны, откуда Россія получила и первые переводы Правилъ Св. Отецъ и Св. Писаніе. Къ этому образцу Преп. Несторъ и продолжатели его присовокупили нѣкоторыя извѣстія, сохраненныя по преданію и въ записяхъ, равномѣрно свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи. Въ слѣдствіе этого *общаго начала* переписчики въ разныхъ мѣстахъ Россіи дополняли эти изложенія современными извѣстіями. Такой ходъ былъ самый естественный и полезный для сохраненія событій и происшествій, къ отечественной исторіи принадлежащихъ [4]).

Слогъ повѣствованія Нестора не похожъ на Византійскій, но на библейскій: онъ заставляетъ дѣйствующія лица говорить самихъ, точно, какъ въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта. Часто кстати и не кстати приводитъ изреченія изъ Библіи и дѣлаетъ набожныя размышленія. Языкъ въ этой лѣтописи Церковный или Древле-Славянскій, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ Славянской Грамматики (сравн. Лаврентьевскую лѣтопись), но отзывающійся сильнымъ вліяніемъ слога народнаго, т. е. нарѣчія Велико-Русскаго, впрочемъ со многими Малорусскими словами, что произошло, вѣроятно, отъ переписчиковъ.—Еще и до сихъ поръ не отысканъ оригиналъ Лѣтописи, который вѣроятно уже и не существуетъ болѣе; мы имѣемъ только копіи, или списки. Очевидно, что они, при всѣхъ разностяхъ, проистекаютъ изъ одного источника, т. е. изъ подлинной лѣтописи, изъ оригинала. Разнословія происходятъ отъ переписчиковъ. „На почтеннаго Нестора—говоритъ Шлецеръ—бросались всѣ; начали перемѣнять его слогъ, выкидывать слова, прибавлять, сокращать, вводить свое, толковать; простоту изуродовали многословіемъ, повѣствованія завалили разсужденіями.“ Все это надоб-

[1]) Лаврент. с. 6 и 107. Софійск. 8. Никонов. I. 10. Кенигсб. 12, 145 и пр. [2]) Въ № 11 Сѣверн. Архива и Труды и Лѣтопис. Обществ. Ист. и Др. Рос. Часть IV, кн. I. [3]) См. Т. II. прим. 64. [4]) Обозрѣніе Кормчей книги *Розенкампфа*. Москва 1829 года, примѣчаніе 1—3.

но очистить. И дѣйствительно въ наше время для возстановленія текста Лѣтописи Несторовой сдѣлано уже довольно. Много геніальныхъ умовъ занимались изученіемъ творенія Печерскаго монаха, много обширной учености употреблено для разъясненія выраженій и фразъ, лѣтосчисленія и произшествій, означенныхъ въ его *Времянникѣ*. Все это показываетъ, сколь важна и драгоцѣнна для насъ Лѣтопись Преподобнаго Нестора; но всего этого еще недостаточно; умныя и дѣльныя объясненія, замѣчанія и догадки разбросаны въ великомъ множествѣ сочиненій, кои всѣ весьма трудно обозрѣть. Впрочемъ, не смотря на обиліе толкованій, и доселѣ еще не все исчерпано, не все объяснено и разрѣшено; а главное: во многихъ мѣстахъ текста Лѣтописи не возстановлено правильное чтеніе; отъ чего нѣтъ возможности достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ. Сверхъ того, можетъ быть отыщутся еще неизвѣстные списки, скрывающіеся подъ спудомъ. Поэтому и теперь еще можно повторить мысль Шлецера, что будущему времени предоставно собрать всѣ возможные списки Несторовой Лѣтописи и сдѣлать изъ нихъ *одну сводную*, а ученой *критикѣ* отыскать истинный текстъ оной, дабы избавить читателя отъ обмановъ. Подобныхъ списковъ находится въ нашемъ отечествѣ довольное число; но лучшіе, по словамъ Карамзина, суть два древнѣйшіе: Лаврентіевскій и Троицкій; ихъ называютъ Греческимъ словомъ *харатейными*, т. е. писанными на пергаменѣ. Не смотря на 50 найденныхъ въ Россіи разныхъ списковъ, содержащихъ въ себѣ собственно Временникъ Несторовъ, сочинитель онаго во многихъ названъ въ началѣ только черноризцемъ Ѳеодосіева Печерскаго монастыря, а въ одномъ (Волынскомъ, принадлежавшемъ Хлѣбникову) въ заглавіи поставлено имя Нестора. Почему нѣкоторые и сомнѣвались. Но что Несторъ, занявъ начало отъ Византійцевъ, переведенныхъ въ Болгаріи, былъ дѣйствительно сочинителемъ первой Русской Лѣтописи, то мы, кромѣ общаго мнѣнія, укорененнаго вѣками, имѣемъ доказательство отъ начала XIII вѣка. Смотр. рукописные Патерики, гдѣ Поликарпъ, монахъ Печерскаго монастыря, извѣстный отъ 1215 до 1226 г., заключаетъ житіе Св. Агапита сими словами: *„якоже блаженыи Нестеръ въ Лѣтописци написа“* ([1]). Во время Поликарпа, жившаго послѣ Преп. Нестора спустя сто лѣтъ въ одномъ и томъ же монастырѣ, преданіе о Несторѣ должно быть еще очень свѣжимъ и вѣроятно, что Поликарпъ пользовался его подлинною Лѣтописью.

Хотя и много было изданій Несторовой Лѣтописи по различнымъ спискамъ, но какъ издатели не имѣли понятія о критикѣ исторической, то всѣ эти изданія были безуспѣшны; лучшее до сихъ поръ критическое изданіе Нестора есть *Шлецера*, на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ: Nestor, Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache, verglichen, übersetzt und erklärt von August Ludvig *Schlözer*. 5 Theile, in 8-vo, Göttingen 1802—1809. По порученію Министерства Народн. Просвѣщенія очень

[1]) О Несторѣ Лѣтописцѣ упоминаетъ Поликарпъ и въ житіи Преп. Никиты затворника. Карамз. Т. II. прим. 138.—Алексѣя М. Кубарева: Изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ. См. въ нашей Лѣтоп. 1661-й годъ.

хорошій переводъ сдѣлалъ Языковъ: Несторъ, Русскія Лѣтописи на Древле-Славенскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя Августомъ *Шлецеромъ*, перевелъ *Д. Языковъ*. Спб. 3 части in 8-vo. 1809—1819. Съ появленіемъ этого свода начался у насъ новый періодъ критики исторической. До 1846 г. въ Археографическую Коммиссію поступило 168 списковъ Лѣтописи, изъ коихъ Временникъ Нестора оказался въ 53; самый древнѣйшій (Лаврентіевскій) сличенъ и изданъ въ первомъ томѣ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Спб. 1846 года. Главнымъ редакторомъ былъ академикъ Я. Бередниковъ, который, не смотря на свое тщаніе, пропустилъ еще много ошибокъ въ чтеніи рукописей. Впрочемъ, выключая нѣсколькихъ начальныхъ листовъ неоконченнаго, но хорошаго изданія *Тимковскаго*, редакція Бередникова доселѣ есть самое лучшее изданіе, за распространеніе коего ученые весьма благодарны Министерству Народнаго Просвѣщенія. При второмъ изданіи замѣченные недостатки будутъ исправлены. Не такъ давно Несторова Лѣтопись была издана *Ф. Миклошичемъ* въ Вѣнѣ: Chronica Nestoris, textum Rossico-Slovenicum. Edidit Fr. Miklosich. Vindobona, 1860, in 8-vo, съ Латинскимъ введеніемъ и замѣчаніями. Текстъ ея явился въ иныхъ мѣстахъ исправленъ, а во многихъ испорченъ мнимыми поправками.

Павелъ Строевъ, котораго почитали знатокомъ Русскихъ древностей, не вѣритъ, чтобы Лѣтопись Несторова существовала. Въ своемъ небольшомъ хронологическомъ указаніи матеріаловъ Россійской исторіи говоритъ онъ: „§ 5. Много писано (въ новѣйшее время) о Несторѣ, монахѣ Кіево-печерскомъ, Лѣтописателѣ; но критика не довольствуется гипотезами. Да и гдѣ *Лѣтопись Несторова*? Уже ли въ Сборникахъ позднѣйшихъ вѣковъ, въ коихъ она, *будто бы* образуетъ начало (до 1110 или 1116 г.)? Подобное мнѣніе, доселѣ всеобщее, указываетъ только на отсутствіе критики въ нашей Исторіи. Не болѣе можно сказать о Василіи, Сильвестрѣ и другихъ, *будто бы продолжателяхъ*, Нестора. Но монаху Нестору конечно принадлежатъ: житіе Св. Ѳеодосія и сказаніе о князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Первое вошло въ Патерикъ, второе встрѣчается въ Сборникахъ. Позднѣйшія поправки слишкомъ явны" [1]). Вотъ съ 1834 по 1866 годъ *вся критика*, какою ограничился г. Строевъ; поэтому нашлось крайне малое число охотниковъ, которые были увлечены такимъ голословнымъ сужденіемъ. Стало быть *кажущійся* авторитетъ въ наукѣ не имѣетъ силы, и безъ убѣдительныхъ доказательствъ никому на слово не повѣрятъ. Прекрасно сказалъ М. П. Погодинъ: „Подозрѣнія ихъ (скептиковъ) не значатъ ровно ничего; ибо состоятъ изъ однихъ вопросительныхъ знаковъ, безъ всякихъ ученыхъ доказательствъ" [2]). Подъ эгидою Каченовскаго съ его мнѣніями, или лучше сказать сомнѣніями, касательно Несторовой Лѣтописи образовалась было школа противниковъ, изъ коихъ знатнѣйшіе: Сенковскій, прославившійся только своимъ глумленіемъ, также Перемышлевскій и Сергій

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. февр. 1834. [2]) Нест. стр. 116

Строевъ, подъ именемъ Скромненка [1]). Многія возраженія были довольно замысловаты, но поборники Несторовой Лѣтописи, какъ то *П. Бутковъ* (Оборона Лѣтописи. Спб. 1840 г.) особенно же *М. П. Погодинъ* (Несторъ, Историческо-критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ Лѣтописей. М. 1839) *А. М. Кубаревъ* (Несторъ, первый писатель Россійской Исторіи, церковной и гражданской. Въ журналѣ: Русскій историческій сборникъ. Изд. Общ. Истор. и Др.кн. 4. М. 1842) *В. М. Перевощиковъ* (О Русскихъ Лѣтописяхъ и Лѣтописателяхъ по 1240 г. 1836 г.) и многіе другіе своими сочиненіями заставили скептиковъ умолкнуть.— Въ недавнее время Н. И. Костомаровъ въ своемъ сочиненіи „Лекціи по Русской Исторіи. Спб. 1862," пытался было отнять вѣковую принадлежность у Преп. Нестора, какъ составителя первоначальной Русской Лѣтописи, и приписалъ этотъ трудъ игумену Сильвестру; но не смотря на все свое остроуміе и даровитость, не могъ представить ни одного убѣдительнаго доказательства, и только вновь выказалъ свою наклонность къ парадоксамъ.

Въ XII столѣтіи Кіевъ и южная Россія подвергались безпрестаннымъ бѣдствіямъ. Бездождіе и великія засухи часто истребляли посѣвы.— Въ 1124 г. сильный пожаръ, продолжавшійся съ 23 іюня два дня, обратилъ въ пепелъ большую часть столицы, особенно нагорную ея сторону, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую улицу*; были также два землетрясенія и солнечное затмѣніе; явленія эти приводили суевѣрныхъ жителей въ ужасъ.—Между тѣмъ продолжался безпрерывный рядъ кровавыхъ дракъ между удѣльными князьями, и рядъ бѣдствій столицы; несчастная мать градовъ Русскихъ безпрестанно переходила изъ рукъ въ руки, бѣднѣла и унижалась. Въ 1139 г. Всеволодъ II Ольговичъ опустошилъ Копыревъ Конецъ; въ 1145 г. великій пожаръ истребилъ половину Кіево-Подола.—Примѣромъ междоусобій и превратности счастія можетъ служить трагическая участь Игоря II Ольговича, Великаго Князя Кіевскаго. Произшествіе это въ отношеніи Исторіи Кіева подаетъ намъ поводъ въ *Описаніи* обратить вниманіе на слѣдующія мѣста: Турова божница, Надово озеро, Шелвовъ боркъ, Глѣбовъ дворъ, Бабинъ торжокъ, Новгородская божница, Мостъ и многія другія.

Изяславъ также не могъ спокойно сидѣть на тронѣ. Будучи побѣжденъ Георгіемъ Владиміровичемъ, спасся бѣгствомъ, а противникъ его занялъ Кіевъ (27 авг. 1149 г.), но и Георгій принужденъ былъ опять оставить древлепрестольный городъ, который въ теченіи трехъ лѣтъ семь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; наконецъ Изяславъ удержался на Великокняжескомъ престолѣ, расположился во дворцѣ Ярославовомъ, дѣлалъ торжества въ Кіевѣ, назначилъ рыстаніе, на зло Георгію, который тщетно осаждалъ въ 1151 г. столицу, и долженъ былъ со стыдомъ возвратиться и ждать другаго случая. При этихъ произшествіяхъ, по указанію Лѣтописей, примѣчательны слѣдующія мѣ-

[1]) 1834 г. Библіотека для чтенія. Т. I.—Ученыя Записки Московск. Университета.—Сынъ Отечества № 49, 50 и проч.

ста: Львовскія или Жидовскія врата, Жидовская улица, Огороды, Лядьскія врата, Витичевъ бродъ, Долобское озеро, Черторыя, Зарубъ, Золоча, Лыбедь, Дорожичи.

При сихъ обстоятельствахъ должно замѣтить еще слѣдующее: 1. Въ Лаврентьевской Лѣтописи, при указаніи на оба берега рѣки Днѣпра (правый и лѣвый) встрѣчаются мѣстоименія *сей* и *оный*, которыя въ этой рукописи *смѣшиваются*; слѣдующіе примѣры объяснятъ это: Подъ 1096 г. „Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь *по сей сторонѣ Днѣпра* и придоста къ Зарубу, перебродистася (чрезъ Днѣпръ; тутъ былъ бродъ) ... а Половци стояху *на оной сторонѣ* (у) Трубежа," (рѣки въ Полтавск. губерніи). Естественно, что Преп. Несторъ, какъ житель Кіева и писавшій это извѣстіе, указывалъ на правый берегъ Днѣпра мѣстоименіемъ *сей*. Такъ стоитъ въ Лаврентьевскомъ (с. 98), Кенигсбергскомъ (с. 143) и въ Ипатіевскомъ спискахъ. Также подъ 1150 г. въ Ипатіевскомъ спискѣ (с. 51) сказано: „Въ то же время приде Гюрги (со стороны Чернигова) надъ берегъ противу Кыеву. Кыяне же мнози поѣхаша въ насадѣхъ (лодкахъ) къ Гюргеви, а друзіи почаша въ насадѣхъ дружину его перевозити *на сю сторону въ Подолье*". (въ Кіево-Подолъ).— Тамъ же, подъ 1151 г. „а Изяславъ идяше *по сей сторонѣ Днѣпра, по горѣ*, а лодье его по Днѣпру же.... Изяславлимъ сторожемъ стоящимъ *по сей сторонѣ* со Шварномъ и не дадущимъ вбрести въ Днѣпръ." Ясно, что продолжатель Лѣтописи Нестора жилъ въ Кіевѣ и долженъ былъ сказать: что Изяславъ шелъ по *сей*, то есть, по правой сторонѣ Днѣпра, *горою*, (это слово еще болѣе опредѣляетъ) и не допускалъ войскъ Георгія Суздальскаго, шедшаго со стороны Чернигова, вбрести въ Днѣпръ и проч. Но эти же самыя слова въ Лаврентьевскомъ спискѣ (стр. 143) и Кенигсберскомъ (с. 217) *передѣланы* такъ: „а Изяславъ идяше *по оной сторонѣ Днѣпра, по горѣ*.... Изяславлимъ сторожемъ стоящимъ на *оной сторонѣ*, и проч. Очевидно, что *передѣлыватель* Ипатіевскаго списка, составленнаго въ Кіевѣ, или другими словами: *компиляторъ* Лаврентіевскаго списка былъ житель Великороссіи, слѣдовательно правый берегъ Днѣпра называлъ *онымъ*. Составитель этотъ, сохранивъ неприкосновенно Временникъ Преп. Нестора, сокращалъ извѣстія продолжателей его о западной Россіи, какъ менѣе для него любопытныя; но съ вышеупомянутыми мѣстоименіями *сей* и *оный*, въ собственномъ своемъ спискѣ впалъ въ противорѣчіе, т. е. во Временникѣ Нестора оставилъ мѣстоименіе *сей* для праваго берега Днѣпра, на пр. „Кій есть перевозникъ былъ. У Кіева бо бяше перевозъ тогда съ *оноя* (лѣвой) стороны Днѣпра.—Подъ 968 г. и оступиша (Печенѣзи) градъ.... и не бѣ льзѣ изъ града вылѣзти, ни вѣсти послати (Воеводѣ Претичу, стоявшему на лѣвой сторонѣ Днѣпра).... Собравшеся людье *оноя* (лѣвой) стороны Днѣпра въ лодьяхъ, объ *ону страну* стояху. — Подъ 1026 г. Ярославъ прія *сю* сторону (правый берегъ Днѣпра), а Мьстиславъ *ону*. — Подъ 1096 г. Святополкъ и Володимеръ идоста по *сей* сторонѣ Днѣпра" [1]). Но съ 1150 года до конца Лаврентьевскаго списка на *правый* берегъ

[1]) Лаврен. 4, 28, 64, 98. Кенигсб. 9, 57, 103, 143.

Днѣпра указывается уже мѣстоименіемъ *оный*, какъ это видно изъ приведеннаго выше примѣра подъ 1151 годомъ. Также подъ 1169 г. „Множьство Половець.... придоша къ Переяславлю (на лѣвой сторонѣ Днѣпра) и сташа у Песочна, а друзіи придоша *по оной* (правой) сторонѣ Днѣпра къ Кыеву.... А Глѣбови князю воротившюся отъ Переяславля и хотящу ему на *ону* (правую) сторону Днѣпра [1]). И такъ въ продолженіи всего Ипатіевскаго списка мѣстоимѣніе *сей* употреблено для означенія *праваго* берега Днѣпра, а въ Лаврентьевскомъ этого не соблюдено. Изъ соображеній сихъ должно заключить, что Ипатіевскій списокъ, хотя и моложе Лаврентьевскаго, но есть копія съ первоначальнаго оригинала, составленнаго въ Кіевѣ, потому во первыхъ, что югозападныя событія описаны въ немъ подробнѣе и во вторыхъ, что мѣстоименіе *сей* употреблено для означенія *праваго* берега Днѣпра. Лаврентіевскій же списокъ, выключая Несторова Временника, есть *передѣлка* списка Ипатіевскаго, т. е. его оригинала, и что къ этой передѣлкѣ прибавлены нѣкоторыя произшествія восточной Руси. И такъ, едвали справедливо Карамзинъ назвалъ этого компилятора Лѣтописцемъ. При этомъ замѣтимъ слѣдующее: хотя Исторіографъ нигдѣ не выразился объ употребленіи — въ упомянутомъ выше смыслѣ въ Лѣтописяхъ – указательныхъ мѣстоименій *сей* и *оный*; но вотъ доказательство, что обстоятельство это не скрылось отъ его вниманія, иначе не сталъ бы онъ дѣлать замѣчанія, что въ Ипатіевскомъ спискѣ однажды слово *сей* невѣрно было употреблено: Подъ 1152 г. въ Лѣтописи идетъ рѣчь, что Георгій Владиміровичъ Кн. Суздальскій, въ соединеніи съ Половцами, 12 дней осаждалъ Черниговъ. В. Кн. Кіевскій Изяславъ II Мстиславичъ съ войскомъ поспѣшилъ къ Изяславу Давидовичу Кн. Черниговскому на помощь. Въ Ипатіевской Лѣтописи сказано: „Стоявшимъ же имъ (войскамъ Георгія) 12 дней подъ городомъ (Черниговомъ) и въ то же время Вячеславъ и Изяславъ (Кн. Кіевскій) стояшета *на сей сторонѣ* Днѣпра у Лжичъ (въ Хлѣбниковскомъ и Ермолаевскомъ спискахъ *Олжичъ*). При этомъ случаѣ Н. М. Карамзинъ замѣчаетъ: „Слова *на сей сторонѣ Днѣпра* свидѣтельствуютъ, что сіи подробности внесены въ Лѣтопись не жителемъ Кіевскимъ, а Черниговскимъ, какъ вѣроятно“ [2]). Подробнѣе см. въ статьяхъ *Зарубъ*, § 56 и *Золоча*, § 60.

2. Малозначущее, по видимому, замѣчаніе о мѣстоименіяхъ *сей* и *оный*, приводятъ насъ къ слѣдующему результату: Лаврентіевскій пергаменный списокъ содержитъ всего 173 листа; изъ нихъ первые 40 листовъ писаны въ сплошную строку во всю страницу, а далѣе до конца рукописи въ два столбца. Притомъ же первые 40 листовъ писаны особеннымъ почеркомъ, самымъ древнимъ уставомъ, а вся прочая рукопись имѣетъ почеркъ полууставный, мельче перваго и очевидно другой руки. Изъ этого обстоятельства знатоки нашихъ древностей: В. Перевощиковъ, А. Востоковъ, М. Погодинъ, Ивановъ и другіе основательно заключили, что Лаврентьевская рукопись состоитъ изъ двухъ разныхъ частей, изъ коихъ первые 40 листовъ составляютъ ея первую

[1]) Лавр. 153, Кенигсб. 218, 245. [2]) Т. II. Примѣч. 351.

и притомъ *древнѣйшую* часть, писанную *неизвѣстнымъ* для насъ писцомъ; а остальные 133 листа, составляютъ этого манускрипта вторую часть, которая гораздо моложе первой. Сія-то вторая часть писана монахомъ Лаврентіемъ въ 1377 году, что доказывается и почеркомъ его руки въ послѣсловіи. Изъ этого послѣсловія—пишетъ В. М. Перевощиковъ—должно заключить первое, что Лаврентій имѣлъ передъ собою нѣсколько лѣтописей и притомъ древнихъ, и второе, что онъ самъ, во время переписыванія лѣтописи, былъ еще молодъ. Къ этому можно еще прибавить слова М. П. Погодина, что къ первой древнѣйшей тетради (т. е. къ первымъ 40 листамъ) Лаврентій только приписывалъ послѣдующіе.

3. Въ древнихъ Лѣтописяхъ нашихъ всегда, особенно же въ XII и XIII вѣкахъ области Кіевская, Черниговская, Волынская, однимъ словомъ *Юго-западная Россія* называлась преимущественно *Русью*. Напр. подъ 1078 г. *Всеволодъ же сѣде Кыевѣ.... переима власть Русьскую всю.*—Подъ 1089 г. *При благороднѣмъ Князи Всеволодѣ державному Русьскыя земля.*—Подъ 1152 г. *Поиде Гюрги съ Ростовци и съ Суждальци и съ Рязанци въ Русь... Гюргеви же идущю* (изъ Суздаля) *въ Русь, пришедъ ста у Глухова* [1]) Или Подъ 1139 г. *И людіе Черниговци възпиша къ Всеволоду* (Кн. Переяславскому): *той бо* (Кн. Кіевскій, Ярополкъ, сынъ Владиміра Мономаха) *съблюдасть землю Русьскую.*—Подъ 1148 г. *И рече Изяславъ* (В. Кн. Кіевскій) *Новгородцемъ:* „*Азъ есмь пришелъ сѣмо, оставя Рускую землю*".—Подъ 1152 г. *Изяславъ же* (В. Кн. Кіевскій) *съ Королемъ* (Венгерскимъ Гейзою) *съѣхавшася по мѣсту, и тако пребывше въ величѣ любви и у велицѣ весельи, и разъѣхашася: Король у свою землю, въ Угры, а Изяславъ у Рускую землю.* — Подъ 1178 г. *Прислаша Новгородци мужѣ свои ко Мьстиславу къ Ростиславичю, зовуче и Новугороду Великому. Онъ же не хотяше ити изъ Рускои земли...... Не могу никакоже Рускои землѣ забыти.*— Подъ 1195 г. *Нынѣ сѣлъ еси* (говоритъ Всеволодъ, кн. Суздальскій къ Рюрику кн. Кіевскому) *въ Кыевѣ; а мнѣ еси части не учинилъ въ Руской землѣ... а то Кыевъ и Руская область* [2]).

Изяславъ III Давидовичъ (1157 г.) желая владѣть спокойно, уступилъ многія области и остался повелителемъ одной Кіевской. Но никакія уступки не могли предупредить раздоровъ и войнъ, а между тѣмъ онъ ослабилъ симъ власть Великихъ Князей, и достоинство это сдѣлалось пустымъ наименованіемъ; ибо вся западная Россія имѣла уже Государей независимыхъ, а княжество Суздальское безпрестанно возрастало. Счастливое положеніе и торговля еще поддерживали знаменитый Кіевъ, но не долго. Изяславъ, изгнанный изъ Кіева Галицкимъ Княземъ Ярославомъ Владимірковичемъ, не могъ равнодушно перенести потери престола; усиленный множествомъ Половцевъ, онъ перешелъ Днѣпръ возлѣ Вышгорода и по Оболони достигъ Подола, огражденнаго высокимъ тыномъ отъ горы Скавики до Почаины. Половцы во многихъ мѣстахъ разрубили ограду, ворвались въ улицы и истреб-

[1] Лавр. ст. 87, 89, 145, 146, 147, 158 [2]) Ипатіевск. стр. 15, 40, 69, 120, 144 и мн. др.

ляли все огнемъ и мечемъ (1161 г.). Кіевляне съ Берендѣями искали спасенія за стѣнами на *Горѣ*, возлѣ Златыхъ Вратъ (на Старомъ Кіевѣ).

Во время Мстислава Изяславича Кіевъ испыталъ первое ужасное разореніе и притомъ отъ своихъ соотечественниковъ. Причиною этому полагаютъ коварство бояръ, поссорившихъ Мстислава съ союзниками; но главною причиною было властолюбіе Андреево, который уже давно смотрѣлъ съ негодованіемъ на первенство Кіева. Онъ отправилъ многочисленную рать, которая подъ начальствомъ князей, со всѣхъ сторонъ тихо шла къ Кіеву, а неосторожный Мстиславъ ничего не вѣдалъ. Два дня оборонялись кіевляне мужественно, въ третій союзники взяли Кіевъ приступомъ (1169 г. марта 8), чего не бывало дотолѣ. „Побѣдители—говоритъ Исторіографъ—къ стыду своему забыли, что они Русскіе; въ теченіи трехъ дней грабили не только жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храмъ Софійскій и Десятинный; похитили иконы драгоцѣнныя, ризы, книги и самые колокола.“ Обитель Печерская также пострадала. Мстиславъ ушелъ на Волынь, а Андрей отдалъ Кіевъ брату своему, Глѣбу; но этотъ городъ навсегда утратилъ право называться столицею отечества. Глѣбъ и его преемники уже зависѣли отъ Боголюбскаго.

Съ этихъ поръ поруганная столица Днѣпровская безпрестанно была предметомъ нападеній, грабежей и даже разбоевъ, производимыхъ князьями. Такъ въ 1170 г. изгнанный Мстиславъ нападалъ на Кіевъ; а въ 1171 г. Владиміръ Мстиславичъ Дорогобужскій овладѣлъ было городомъ; въ 1174 г. Святославъ Черниговскій ограбилъ дворецъ княжескій; въ 1176 г. Романъ Смоленскій захватилъ незавидный престолъ Кіевскій, но вскорѣ былъ вытѣсненъ Святославомъ, а этотъ въ 1180 г. Рюрикомъ, который также принужденъ былъ уйти. Отъ неустройствъ и раздоровъ между князьями въ это время не было въ Кіевѣ 10 лѣтъ (1183 г.) Митрополита, домъ коего и часть храма Софійскаго были истреблены пожаромъ. Бѣдствующая *мать градовъ Русскихъ* не успѣвала лечить глубокихъ ранъ своихъ, наносимыхъ ей междоусобіями князей. Но самый чувствительный ударъ потерпѣла она отъ безразсуднаго и жестокаго Рюрика I Ростиславича. Желая возвратить себѣ престолъ Кіевскій, справедливо отнятый у него Романомъ, княземъ Галицкимъ, онъ, не жалѣя ни казны своей, ни отечества, нанялъ Половцевъ и съ союзниками осадилъ столицу (1204 г.), которую 1-го января и взялъ приступомъ. Половцы и Русскіе опустошали домы, всѣ монастыри и церкви; не оставили ни одного сосуда, ни одной иконы съ окладомъ, похитили драгоцѣнныя одежды Св. Владиміра, Ярослава и другихъ князей, которые на память себѣ вѣшали оныя въ храмахъ [1]).

[1]) Вѣроятно нѣкоторые читатели, не посвятившіе себя спеціально изученію *Древностей Русскихъ*, захотятъ имѣть какое-нибудь понятіе о древнихъ княжескихъ одеждахъ, о коихъ упоминается при расхищеніи храмовъ Кіевскихъ полчищами Андрея въ 1169 г. и Рюрика въ 1204 г. Чтобы нѣкоторымъ образомъ удовлетворить это любопытство, мы совѣтуемъ обратиться къ журналу, издаваемому г. В. Прохоровымъ, подъ названіемъ *Христіанскія Древ-*

Половцы умерщвляли старцевъ и недужныхъ, молодыхъ и здоровыхъ оковывали цѣпями и толпами гнали въ плѣнъ. Знатные люди, юныя жены, священники, монахини, словомъ, все было жертвою ихъ неистовства. Однакожъ купцы чужестранные защищались въ каменныхъ церквахъ столь мужественно, что Половцы принуждены были довольствоваться только ихъ товарами. Городъ пылалъ; во всѣхъ мѣстахъ раздавались стоны раненныхъ и умирающихъ. Днѣпровская столица никогда еще не испытывала столь ужасной участи. Андрей Боголюбскій, ограбивъ и разоривъ столицу, оставилъ по крайней мѣрѣ жителей свободными. Всѣ добрые соотечественники, самые отдаленные, говоритъ Лѣтописецъ, оплакивали несчастіе Кіева. Мало по малу онъ опять сталъ населяться жителями, кои спаслись отъ меча враговъ или рабства; но городъ этотъ дважды разоренный, потерялъ навсегда свое прежнее величіе и богатство.

Спустя тридцать лѣтъ послѣ варварскихъ подвиговъ Рюрика I Ростиславича, поруганный и разоренный Кіевъ сдѣлался предметомъ новыхъ нападеній. Изяславъ Мстиславичъ Галицкій, при помощи Михаила Черниговскаго и нанятыхъ Половцевъ, напалъ на Кіевъ и отдалъ его на разграбленіе (1234 г.) Бѣдные граждане откупились деньгами отъ свирѣпости варваровъ. Владиміръ и жена его были схвачены и отведены въ плѣнъ. Изяславъ, взявъ себѣ древнюю столицу, обложилъ данію всѣхъ иностранцевъ, въ ней пребывавшихъ [1]). Вѣроятно съ этого времени князья Галицкіе начали называть себя и Кіевскими.

Наконецъ судьбы Всевышняго подвергли Россію тяжкому испытанію; съ 1237 до 1239 года она обагрялась кровію сыновъ своихъ, развалины Москвы, Рязани, Владиміра, Козельска, Чернигова и многихъ другихъ городовъ дымились; а жители, отведенные Татарами въ плѣнъ, стенали въ оковахъ и завидовали мертвымъ; между тѣмъ князья южной Россіи были до того ослѣплены самолюбіемъ и ожесточены раздорами, что не замѣчали общей опасности и равнодушно смотрѣли на бѣдствія братьевъ своихъ. Едва Ярославъ II Всеволодовичъ удалился изъ Кіева, чтобы возсѣсть на престолѣ брата своего, Георгія, Великаго Князя Владимірскаго, павшаго въ сраженіи съ Монголами на берегу рѣки Сити, какъ Михаилъ Черниговскій уже успѣлъ занять древнюю столицу (1238 г.), оставивъ въ Галичѣ сына Ростислава. Князю этому удалось только два года господствовать въ Кіевѣ; потому что Батый уже давно слышалъ о знаменитомъ семъ градѣ, о его богатыхъ мона-

ности и Археологія, въ которомъ находятся снимки съ древнѣйшихъ Русскихъ иконъ съ изображеніями Св. Князей Бориса и Глѣба; также въ Сказаніи о Святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ, изданномъ И И Срезневскимъ, и проч. Во многихъ древнихъ рукописяхъ Славянскихъ находятся рисунки, на пр. въ *Святославовомъ Сборникѣ* 1073 года изображенъ этотъ Великій Князь со своимъ семействомъ; рисунокъ этотъ изданъ въ Древностяхъ Росс. Государства. Отд. 3. Нѣкоторые Софійскіе фрески на хорахъ также могутъ дать понятіе о старинныхъ одеждахъ.

[1]) Гизель пишетъ несправедливо, что Изяславъ былъ выгнанъ изъ Кіева Ярославомъ, а этотъ Владиміромъ Рюриковичемъ (Синопсисъ. Кіевъ. Изд. 2. 1823. стр. 86). Также ошибка въ Описаніи Кіевопечерскаго монаст. (Кіевъ. Изд. 2 1831. стр. 21), что и Ярославъ Новгородскій грабилъ съ Половцами Кіевъ.

стыряхъ, обширной промышленности и готовился нанести ему послѣдній ударъ. Онъ послалъ внука Чингисъ-Хана, именемъ Мангу осмотрѣть Кіевъ. Ханскій внукъ отправилъ пословъ къ жителямъ столицы, думая, что слухъ о побѣдахъ на Калкѣ, Сити и разореніе знатнѣйшихъ городовъ уже устрашили Кіевлянъ и заставятъ ихъ безмолвно принять подданство. Но Кіевляне отвергли предложеніе Мангу, умертвили его пословъ и клялись пролить кровь свою за отечество. Такъ дѣйствовалъ народъ, а князь Михаилъ Всеволодовичъ думалъ иначе: предвидя местъ Татаръ, онъ бѣжалъ въ Венгрію. Но и въ самой опасности сыскался охотникъ на Кіевскій престолъ: это былъ Ростиславъ Мстиславичъ, внукъ Давида Смоленскаго. Даніилъ I Галицкій, свѣдавъ объ этомъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава, какъ плѣнника. Впрочемъ Даніилъ, видя страшное ополченіе Монголовъ, и имѣя съ собою малочисленную дружину, тоже рѣшился искать спасенія у короля Венгерскаго, препоручивъ защиту и судьбу Кіева болярину Димитрію. И такъ, Кіевляне, въ минуты опасности, не имѣли утѣшенія видѣть среди себя ни одного князя, который раздѣлялъ бы труды ихъ и грозную участь.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

ОТЪ РАЗОРЕНІЯ КІЕВА БАТЫЕМЪ, ДО ВОЗВРАЩЕНІЯ СЕГО ГОРОДА ПОДЪ РОССІЙСКУЮ ДЕРЖАВУ, ОТЪ 1240 ДО 1667 ГОДА.

Подъ 1240 годомъ отмѣчено въ Лаврентьевскомъ спискѣ такъ: *Того же лѣта взяша Кыевъ Татарове и Святую Софью разграбиша и манастыри вси, и иконы, и кресты честныя, и вся узорочья церковная; а люди отъ мала и до велика вся убиша мечемъ. Си же злоба приключися до Рождества Господня на Николинъ день* (стр. 201). Вотъ все, что намъ передаетъ посторонній Лѣтописецъ объ этомъ ужасномъ разрушеніи. Въ Кіевѣ не осталось уже болѣе никого, кто бы могъ подать вѣсть о своемъ несчастіи. Видя общую гибель, Лѣтописецъ изъ глубины сердца взываетъ: *но не предай же насъ до конца, имени Твоего ради Святаго и не остави милости Твоея отъ насъ!* Тяжки и прискорбны были дни тогда для нашего отечества! Случайный очевидецъ, Доминиканскій монахъ Іакинфъ Одрованжъ [1]) описывая Папѣ разореніе древней нашей столицы, говоритъ, что свирѣпые крики враговъ, ревъ воловъ и верблюдовъ, скрыпъ огромнѣйшаго обоза и ржаніе коней наводили страхъ на жителей. Одинъ Та-

[1]) En même tems a Kiovie du Russie étoit un autre bon religieux, nommé *Hyacinthe*, qui deploroit tant ces ravages, que le Pape Gregoire IX, en etant adverti, envoia exhorter les Polonois a faire une puissante croisade contre ces infideles, и проч. Бержеронъ. Traité des Tartares. p 27. Карамз. Т. IV. прим. 9.

таринъ, взятый въ плѣнъ, объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами Монгольскими; о числѣ Татарскаго войска сказывалъ единственно только то, что ему нѣтъ смѣты; но Кіевомъ начальствовалъ герой, котораго опасность не могла устрашить. Врата Лядскія, къ коимъ примыкали дебри, представляли врагамъ удобное мѣсто для приступа; не смотря на отраженія со стороны Кіевлянъ, день и ночь дѣйствовали здѣсь стѣнобитныя орудія и успѣли обрушить ограду; началась ужасная борьба, но жестокое сопротивленіе жителей уступило силѣ, и къ вечеру Татары овладѣли городскою оградою. Дружина храбраго боярина Димитрія принуждена была отступить къ Десятинной церкви, которую она ночью укрѣпила высокимъ заборомъ. Здѣсь воины и граждане, искавшіе спасенія съ своимъ драгоцѣннѣйшимъ имуществомъ, ожидали дня и всѣхъ ужасовъ кроваваго боя. Это была уже послѣдняя защита города; но никто не думалъ о переговорахъ: воины и граждане рѣшились великодушно умереть за вѣру и отечество. Димитрій, исходя кровію отъ ранъ, еще вымышлялъ способы дорогою цѣною уступить совершенную побѣду врагамъ и своимъ примѣромъ воодушевлялъ соотечественниковъ. Наконецъ наступило 6-е декабря (1240 г.); Монголы, отдохнувъ на развалинахъ городской стѣны, возобновили сраженіе и взяли приступомъ Кіевскій Кремль; устлавъ путь своими трупами, достигли до Десятиннаго храма Богоматери. Здѣсь схватили Димитрія и привели къ Батыю. Страшный предводитель Монголовъ, удивляясь необыкновенной храбрости боярина Русскаго, даровалъ ему жизнь. Татарамъ никто уже болѣе не сопротивлялся; нѣсколько дней яростно истребляли они все огнемъ и мечемъ. Таковую же участь имѣла и Печерская обитель; множество народа Кіевскаго надѣялось защититься въ стѣнахъ этого монастыря, и мужественно оборонялось, но все было тщетно. Монголы, сокрушивъ таранами стѣны монастыря, умертвили большую часть людей, иныхъ въ плѣнъ взяли; осквернили святилище Богородицы, похитили всѣ сокровища, сняли златокованный крестъ съ главнаго купола, а самую церковь опустошили, истребили до основанія кельи и ограду монастырскую. Въ Кіевскомъ Синопсисѣ (стр. 87) сказано, что первобытное строеніе Лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Великолѣпные храмы Десятинный, Софійскій, Михайловскій повреждены; варвары искали сокровищъ не только въ кладовыхъ, но и въ стѣнахъ церквей; самые гробы князей не были пощажены; остался только надгробный памятникъ Ярославовъ. Нѣсколько монаховъ Печерской обители, спасшихся отъ меча Татаръ, жили въ лѣсахъ, ископавъ себѣ уединенныя пещеры. Изъ привязанности къ святому мѣсту тайно, по унылому и протяжному звону колокола, раздававшемуся иногда по ночамъ, собирались отшельники на службу Божію въ одинъ малый придѣлъ церковный, который уцѣлѣлъ среди всеобщаго разрушенія. Весь городъ превратился въ одну огромную кучу развалинъ и древній Кіевъ исчезъ; знаменитая праматерь градовъ Русскихъ даже въ XIV и XV вѣкѣ представляла бѣдную деревню.

Михаилъ, князь Кіевскій, долго бѣгавъ отъ Татаръ изъ одной земли въ другую, ограбленный Нѣмцами близъ Среды (Серадіи, Неймаркъ въ Силезіи), возвратился въ Кіевъ и жилъ на островѣ, противъ развалинъ древней столицы (1245 г.), которую Батый отдалъ Ярославу II Всеволодовичу, князю Суздальскому, а Михаилъ удалился въ Черниговъ и вскорѣ былъ звѣрски убитъ въ Татарскомъ станѣ. Современный путешественникъ Плано-Карпини (1246 г.) говоритъ, что разоренный до основанія Кіевъ около десяти лѣтъ былъ почти безъ жителей, и только по временамъ осмѣливались люди навѣдываться въ опустошенное мѣсто [1]. Кіевляне разошлись по другимъ княженіямъ, особенно въ Галичъ, а о бывшемъ тогда митрополитѣ, Грекѣ Іосифѣ I, ничего неизвѣстно, спасся ли онъ, или погибъ въ общемъ бѣдствіи. Между тѣмъ Литовцы и Татары безпрестанно грабили область Кіевскую. Среди пожарищъ, около 1249 г. стали появляться бѣдныя хижины, и робкіе жители, для защиты отъ всегдашнихъ набѣговъ Татаръ, срубили на Старомъ Кіевѣ деревянный острогъ, а на Подолѣ огородились палисадникомъ. Чиновники Батыевы управляли городомъ. Митрополиты Кириллъ III (1250 г.) и потомъ Максимъ, не найдя ни въ Кіевѣ, ни въ Черниговѣ пристанища, принуждены (1299 г.) были оставить Кіевъ и удалиться во Владиміръ на Клязмѣ; также Кіевскій вельможа, Родіонъ Несторовичъ, предокъ Квашиныхъ, вызванный Іоанномъ Калитою, перешелъ къ нему и увелъ съ собою 1700 дѣтей боярскихъ. — Самые князья Галицкіе, носившіе титулъ Кіевскихъ, не заботились болѣе объ этомъ городѣ.

Около 80 лѣтъ, спустя послѣ разоренія Батыева, бѣднымъ Кіевомъ овладѣлъ князь Литовскій Гедиминъ и изгналъ Татаръ, 1320 г. На мѣсто господствовавшаго тамъ Русскаго князя Станислава, оставилъ намѣстника, племянника своего Миндова Гольшанскаго и ввелъ въ 1321 г. Латинскаго епископа Гейнриха. Такъ повѣствуетъ Стрыйковскій; но по Новгородской Лѣтописи попа Іоанна [2]) еще и въ 1331 г. господствовалъ надъ Кіевомъ Русскій князь, по имени Ѳеодоръ съ Ханскими Баскаками; а Грекороссійскіе митрополиты жили въ Волыніи.

По смерти Ольгерда, князя Литовскаго, управлялъ Кіевскимъ Удѣльнымъ княжествомъ сынъ его Владиміръ 1381 г. Правитель этотъ, бывши Греческаго исповѣданія, далъ право возобновленному Доминиканскому монастырю, собирать *поколодную* (помѣрную) пошлину съ хлѣба, продаваемаго на рынкѣ, подарилъ деревню на *Сыречь*, (Сырцѣ) и потомственную безоброчную пашню, подъ названіемъ *Хлопачв*. Такъ, опираясь на Польскія свидѣтельства, сообщаетъ преосв. Евгеній [3]). Владиміръ соображался съ дѣйствіями Вел. Кн. Литовскаго Ягеллы, или Ягайлы, весьма ревностнаго распространителя Латинской вѣры въ Вильнѣ и во всей Литвѣ. Но въ 1395 г. Витовтъ, изгнавъ изъ Кіева Владиміра, отдалъ

[1]) П. — Карпини, въ переводѣ Языкова, стр. 9, 155. Карамз. Т. IV. стр. 41 [2]) Нарушевичъ, Исторія Народа Польскаго, 1786 г. Т. VII. стр. 43. — Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. 1841. Т. III. стр. 76. [3]) Опис. Софіи. стр. 99.

эту столицу брату его, Скиргайлу, вскорости отравленному ядомъ. Потомъ Витовтъ отдалъ Кіевъ Іоанну Борисовичу, князю Ольшанскому, какъ своему намѣстнику [1]). Съ этого времени начинаются гоненія Латинскаго духовенства на Кіевлянъ и другихъ Православныхъ за вѣру. Къ притѣсненіямъ отъ Папистовъ присоединилась и война честолюбиваго Витовта съ Ханомъ Тимуръ-Кутлукомъ, 1399 г.; невинные Кіевляне должны были заплатить Хану 3,000 руб. серебромъ Литовскимъ, а съ монастыря Печерскаго взялъ онъ особо 30 рублей. Вмѣсто Ольшанскаго, павшаго на войнѣ, правилъ столицею Олелько, князь Слуцкій.

Около 1415 г. Вел. Кн. Литовскій Александръ Витольдъ, недовольный митрополитомъ Фотіемъ, жившимъ постоянно въ Москвѣ, велѣлъ избрать въ Кіевскіе митрополиты Григорія Самблака или Цамблака. Чтобы придать честолюбивымъ дѣйствіямъ своимъ видъ справедливости, Витовтъ, въ окружной грамотѣ къ Православному духовенству и народу, выражается такъ: „Митрополья Кіевская не строится, но скудѣетъ. Колико было „митрополитовъ за нашю память! Но церкви они не строили, какъ было „издавна, поемлючи церковные доходы, иконы честныя, златомъ окован- „ныя, иное многое цѣнное и всю честь церковную Кіевской митропольи „на иныя мѣста носили, здѣ только грабя и пусто чиня“ и проч. [2]) Такимъ образомъ Витовтъ отдалилъ Православныхъ Южной Россіи отъ духовнаго сообщества со своими единовѣрцами Московскаго Княжества. Самблакъ былъ первый изъ Кіевскихъ митрополитовъ, который основалъ въ Вильнѣ свою каѳедру при церкви Богоматери. Вскорости послѣ этого произшествія Татарскій Ханъ Эдигей, будучи врагомъ Витовта, разорилъ многія Литовскія области, и хотя тщетно осаждалъ укрѣпленный Кіевскій замокъ, но ограбилъ и сжегъ всѣ церкви въ этомъ городѣ и Печерскую обитель, 1416 г. Взялъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ жителей, и съ этого времени, по сказанію Польскаго историка Длугоша [3]) Кіевъ опустѣлъ совершенно.

Въ началѣ XV вѣка въ Кіевѣ учреждена была постоянная Латинская епископія; выстроены Латинская и Армянская церкви, 1433 г. [4]), а въ 1455 г. Казимиръ IV-й далъ повелѣніе не только Православныхъ церквей новыхъ не строить, но и старыхъ не починять. Однако не смотря на это, Православный Кн. Симеонъ Александровичъ (Олельковичъ), намѣстникъ Кіевскій, воздвигъ въ 1470 г. Великую Печерскую церковь, до тѣхъ поръ лежавшую въ развалинахъ. Въ надгробной надписи возстановителя Печерской церкви, Симеона Олельковича, Кн. Слуцкаго, сказано, что храмъ сей со временъ Батыя 233 года оставался въ щебнѣ. Вотъ слова Кальнофойскаго изъ этой надписи:

Lat dwiescie trzydziesci trzy tylko rumy były,
Od Battiia gdyż cerkwie sliczności zbyły и проч. (стр. 29).

Монахъ этотъ полагалъ нашествіе Батыево въ 1237 г. По всей

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. II стр. 352. [2]) Акт. Зап. Рос. Т. II. [3]) Hist. Poloniae. кн. XI, стр 375 и 400. [4]) См. Маріи Св. храмъ Латинск. § 88.

вѣроятности обитель Печерская, претерпѣвшая столько разореній, была тогда очень бѣдна; но изъ духовнаго завѣщанія князя Андрея Владиміровича, писаннаго въ ней 16 Іюня 1446 г. явствуетъ: 1, что и въ то время Кіевская Лавра была во всѣхъ Русскихъ земляхъ столь же славна и посѣщаема богомольцами, какъ и нынѣ, и 2, что Русскій языкъ въ Кіевѣ и на Волынѣ былъ почти одинъ съ Восточно-Русскимъ, и что книжное нарѣчіе, такъ ложно называемое Бѣлорусскимъ, образовалось гораздо позже, подъ вліяніемъ Поляковъ, послѣ несчастнаго соединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею. Княжество Кіевское, по кончинѣ Симеона Олельковича, превращено 1471 г. въ Воеводство, зависимое отъ Литовцевъ, князья коихъ посылали въ Кіевъ своихъ воеводъ, мало заботясь объ устройствѣ этого города; гоненія Польскихъ дворянъ и духовенства за вѣру возрастали. Между тѣмъ Малороссіяне, искавшіе убѣжища отъ тирановъ своихъ, находили оное въ Кіевѣ, городъ наполнялся жителями; начали строить нужнѣйшія укрѣпленія для защиты отъ частыхъ набѣговъ Татаръ. Такимъ образомъ болѣе всего увеличился Кіево-Подолъ. Другіе Украинцы, гонимые въ Польшѣ и Литвѣ за вѣру Православную, и разоряемые Татарскими набѣгами, спасались на острова Днѣпровскіе и положили начало Запорожской Сѣчи.

Впрочемъ незначительныя укрѣпленія древней столицы не могли спасти ее отъ новаго разоренія. Менгли-Гирей, Ханъ Крымскій, въ угодность Великому Князю Іоанну III, чтобы вредить Казиміру, Королю Польскому, пришелъ осенью 1482 г. съ многочисленными конными толпами въ Малороссію, неожиданно подступилъ къ Кіеву, захватилъ въ плѣнъ съ женою и дѣтьми самаго воеводу Ивана Ходкевича, безъ сраженія взялъ городъ и отходя сжегъ его, также Печерскую обитель, посады и ближнія селенія. Тогда же была сожжена и Кіевская крѣпость, или за́мокъ на Киселевкѣ, что видно изъ грамотъ 1495 г. іюля 27 и 1498 г. октяб. 2. [1]). Хотя въ 1511 г. Кіевъ испыталъ новое нашествіе Татаръ и разореніе, но спустя нѣкоторое время Польскіе Королевскіе ревизоры, описывая города юго-западной Россіи, упоминаютъ въ 1543 г. о слѣдующихъ церквахъ въ Кіевѣ: Николая Пустынскаго, Пречистенской, Воскресенской, Рождественской, Николы Набережняго, Спаса и Аѳанасія. (Замѣтимъ здѣсь, что, кромѣ этого указанія, о церкви Св. Аѳанасія нигдѣ болѣе не упоминается.) О жителяхъ же сообщаютъ, что всѣ они Православные [2]).

Нѣсколько грамотъ Великаго Князя Литовскаго Александра Казиміровича, указывая на права и обязанности Кіевскихъ гражданъ, раскрываютъ намъ бытъ и нравы тогдашнихъ временъ. Мы приведемъ нѣсколько словъ изъ этихъ любопытныхъ документовъ. Такъ въ грамотѣ отъ 26 мая 1494 г. сказано: „Били намъ чоломъ мѣщане Кіевскіе, все поспольство (общество) и вказали передъ нами листъ отца нашего Казимера, Короля Польского и В. К. Литовского, што ихъ пожаловалъ, какъ

[1]) Акт. Зап. Росс. Т. I. [2]) Zrżodła do dzijow Polskich. Wilno 1844.

были за В. К. *Витовта*. И мы дали сесь нашъ листъ, какъ *службы имъ служити и поплаты давати:* 1) Пословъ Лядскихъ, Московскихъ и пр. не надобѣ имъ поднимати; только Литовскихъ и Ордынскихъ. 2) Скарбу нашего и воеводского не надобѣ имъ стеречи; лазни (бани) не маютъ топити, дровъ возити; коней, овецъ, свиней по дворамъ не згоняти. Маютъ то вѣдати *Клеплинцы* и *Выбойники*. 3) Сѣна за рѣкою не маютъ косити и на городъ (въ крѣпость, *зáмокъ*) имъ не возити. 4) Плотовъ на низъ не згоняти и на берегъ не волочити. 5) Ставовъ не сыпати. 6) Мыта имъ не платити по всей земли Кіевской. (Въ 1497 и 1506 г. это право распространено на все Великое Княжество Литовское). А коли прійдетъ съ Черкасъ водою рыба, тогды *осьмникъ* на березѣ маетъ свое десятое взяти. 7) Въ облаву (на охоту съ воеводою) не ходити. 8) Отъ *капи* съ корчмы давати по полтрети копы грошей, а писчого грошъ. 9) Съ того дому, въ которомъ сами войтове живутъ, *капи* не давати, и съ коморъ торговыхъ (лавокъ) въ тыхъ же домѣхъ, тожъ не давати. 10) Мясники маютъ давати (въ крѣпость) по яловици. 11) Съ посудины меду по полугрошку, а за *посатку* два гроши. 12) Свадебную куницу (?) давать имъ шерстью, любо пять грошей. 13) Мѣщанамъ съ послы у Орду не ходити. 14) У кого што украдутъ, а выймутъ лицемъ въ татя...., то тать заплати, и его казнити подлѣ права (наказать по законамъ); пакъ ли не будетъ чымъ заплатити, ино и лице у дворъ не брати; отдати истцу, у кого вкрадено. 16) Холопу и робѣ не вѣрити (не принимать ихъ во свидѣтели); а ни суда съ невольнымъ не надобѣ 17) Вина и гривны по старому (?). 18) Который мѣщанинъ восхочетъ пойти до иного города: ино вольно ему свое продати, любо взяти и пойти у Великое Князство Литовское, а не за границу. 19) Отца за сынню (сыновнюю) вину не казнити и пр., только виноватаго (наказать) по его дѣламъ, какъ права скажутъ. 20) Мѣщанамъ вольно на *Болоньи* и на Днѣпровскихъ островахъ сѣно косити (т. е. въ свою пользу). 21) Которого мѣщанина зберетъ Богъ зъ сего свѣта, а останется жона, любо дѣти, братья и проч.: ино тое имѣніе на ближняго спадетъ; а восхотѣлъ бы хто землю пашную, любо бортную записати къ церкви: то нехай будетъ зъ нашимъ произволеньемъ. (И такъ тогда не имѣли права свободно дарить церквамъ землю). 22) Коли у великую воду дерево поплыветъ, и хто переиметъ, въ томъ имъ ся правовати. 23) А города имъ не рубити, (т. е. Кіевскіе граждане освобождались отъ постройки крѣпости, собственно деревяннаго высокаго частокола, составлявшаго крѣпость на горѣ Киселевкѣ). 24) А мостъ городской (на Днѣпрѣ?) мостити. 25) Такожъ, коли въ ночи съ огнемъ, на мѣстѣ (въ городѣ) въ домѣхъ сиживали, ино за то на нихъ вины (штрафъ) воевода бирывалъ. Ино мы то имъ отложили; нехай о томъ войтъ вѣдаетъ, какъ маетъ то въ грозѣ мѣти (принимая на свой страхъ). А естьли бы не хотѣлъ войтъ того смотрѣти, а тою недбалостью (нерадѣніемъ), которая бы ся отъ огню мѣсту шкода стала: тогда мы маемъ сами за то виною нашею (штрафомъ) карати. (Замѣчательное узаконеніе! Въ этомъ столѣтіи и долго еще потомъ въ городѣ почти всѣ строенія были деревян-

ныя, крытыя дранью, тростникомъ или соломою. Повсемѣстное употребленіе свѣчей едва ли было извѣстно; жилища по вечерамъ и ночью освѣщались лучиною, какъ свидѣтельствуетъ въ 1648 г. Бопланъ, даже дымовыя трубы были дѣлаемы изъ плетеня, обмазаннаго глиною; къ тому же извѣстная Славянская безпечность въ обращеніи съ огнемъ была, по всей вѣроятности, и тогда не менѣе теперешней; все это подавало поводъ къ частымъ и опустошительнымъ пожарамъ; въ слѣдствіе чего высшею властію строго было запрещено сидѣть въ избахъ по вечерамъ съ огнемъ. Запрещеніе это составляло, по тогдашнему времени, самое вѣрное предохранительное средство отъ пожаровъ; разумѣется, что о пожарныхъ командахъ въ XV вѣкѣ и рѣчи не могло быть; съ ослушниковъ брали въ казну штрафъ. Можно себѣ представить впрочемъ то удовольствіе жителей, съ какимъ они проводили долгіе, зимніе вечера въ темнотѣ! Вел. Кн. Александръ измѣнилъ это узаконеніе такимъ образомъ, что употребленіе огня по вечерамъ въ домахъ жителей передалъ на усмотрѣніе войта, но вмѣстѣ съ тѣмъ возложилъ на него, въ случаѣ несчастія, и отвѣтственность). 26) Въ торговлю вольно имъ ѣздити; а коли вѣсть зайдетъ о поганьствѣ (Татарскомъ набѣгѣ), тогды маютъ службу нашу заступовати. 27) Нятцевъ (военноплѣнныхъ) имъ не стеречи. 28) *Капи* съ нихъ брать пензми Литовскими. 29) А сторóжа имъ въ полѣ стеречи. 30) Хто мѣщанку съ домомъ пойметъ, тотъ маетъ службу туюжъ служити, которая и первѣй съ того дому йшла. 31) Хто купитъ домъ, тотъ маетъ службу туюжъ заступовати, што и первѣй было. 32) Въ боръ вольно имъ ѣздити по дрова. 33) На войну ясачнымъ людемъ (военноплѣннымъ) не ходити. 34) Коли воевода отъ зáмку за двѣ мили ѣдетъ, подводъ ему не давати,“ и проч.—Изъ другой грамоты Вел. Кн. Александра 1497 г. іюня 4-го, видно, что Кіевляне подвергались безпрестанной опасности и разореніямъ отъ набѣговъ Татарскихъ. Въ документѣ этомъ говорится: „Били намъ чоломъ войтъ мѣста Кіевского и бурмистры и радцы и вси мѣщане о томъ: ижъ зъ Божого допущеня *мѣсту ихъ отъ поганьства Татаръ впадъ великій кождого году*, и не маютъ чимъ поживитися и въспомочи. И били намъ чоломъ, абыхмо имъ отпустили мыто наше по всей отчинѣ нашой. Ино мы, для таковото ихъ впаду, отпустили есмо мыто наше вѣчно, въ вѣки вѣкомъ, по всему нашому панству, Великому Князьству Литовскому и Рускому и Жомоитскому, сухимъ путемъ и водою,“ и проч. Эга самая привилегія подтверждена августа 10 дня, 1577 г. и Королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

Къ этому времени относится одно *странное* мѣсто о городѣ Кіевѣ изъ книги: Descriptio Sarmatiarum доктора Медицины и Краковскаго каноника, Матѳея *Мѣховскаго* (умер. 1523 г.). Вотъ оно: „Въ 18 миляхъ отъ города *Кайнова* (Канева) находится *Хіовіа*, древняя Русская столица; что она была великолѣпный и подлинно царственный городъ, показываютъ то самыя развалины и памятники, видимыя въ кучѣ обломковъ. И теперь еще на около лежащихъ горахъ видны слѣды церквей и запустѣвшихъ монастырей; сверхъ того многія пещеры, въ которыхъ

находятся древнѣйшія гробницы, *а въ нихъ тѣла еще неизтлѣвшія.* Я слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, что дѣвицы рѣдко сохраняютъ тамъ цѣломудріе долѣе *семи* лѣтъ. Причины тому, сказывали мнѣ, различныя; но я ни одной изъ нихъ не нашелъ удовлетворительною. Купцамъ хотя и позволяютъ имѣть съ ними постыдныя связи, но увозить съ собою не можно; ибо, если кто увезши пойманъ будетъ, тотъ лишается имѣнія и жизни, если не будетъ спасенъ милосердіемъ Государя. Есть также законъ, по которому *имѣніе чужестранныхъ купцовъ, если который изъ нихъ тамъ умретъ, достается царю или его намѣстнику* (droit d'aubaine?), что наблюдается также и въ разсужденіи Татаръ и Турокъ, умирающихъ въ Хіовіи. Подлѣ Хіовіи есть гора, чрезъ которую купцамъ должно проѣзжать съ трудомъ; ежели повозка, перебираясь черезъ нее, изломается какимъ нибудь случаемъ, то вещи, на ней находящіяся, берутся въ казну. Все это разсказывалъ мнѣ докторъ Альбертъ *Гастольдъ*, Виленскій Палатинъ и намѣстникъ Львовскій. [1]) Приведенное мѣсто изъ Мѣховскаго, вообще какъ польскаго писателя, служитъ доказательствомъ особенной ихъ наклонности къ преувеличиваніямъ, хвастовству и баснямъ всякаго рода, лишь бы только отличиться странностію и необыкновенностію; за что знаменитый критикъ Русскихъ Лѣтописей, Шлецеръ, назвалъ польскихъ историковъ безсовѣстными лгунами. Къ счастію дошла до нашихъ временъ уставная грамота Вел. Кн. Литовскаго, Александра Казимировича отъ 14 мая 1499 г., опредѣляющая подати съ жителей Кіева въ пользу казны. Съ помощію этой грамоты можно разъяснить приведенную выше болтовню Мѣховскаго. Простота тогдашнихъ временъ ясно отражается въ этомъ актѣ, который для насъ тѣмъ важнѣе, что мы изъ него видимъ устройство городскаго общества, и его важнѣйшія обязанности. Воевода кн. Димитрій Путятичъ донесъ В. Князю Александру, что граждане Кіева уклоняются отъ взноса нѣкоторыхъ податей въ пользу казны, которыя *изстари* были установлены. Вслѣдствіе чего Великій Князь предписываетъ: „1). Коли которыи купцы, а любо Козаки приходятъ до Кіева, а въ которого мѣщанина станутъ на подворьи, тотъ мѣщанинъ маетъ ихъ обѣстити воеводѣ (извѣстить объ этомъ воеводу),.... подлугъ дав-

[1]) Ab oppido Cainow 18 milliaribus est Chiovia, vetus Russiae metropolis, quam magnificam et plane regiam fuisse, ipsae civitatis ruinae monumentaque, quae in ruderibus visuntur, declarant. Apparent adhuc in vicinis montibus ecclesiarum monasteriorumque desolatorum vestigia; praeterea cavernae multae, in quibus vetustissima sepulcra, corporaque in his nondum absumpta, visuntur. Ab hominibus fide dignis accepi, puellas ibi ultra septimum annum raro castitatem servare: rationes varias avdivi, quarum nulla mihi satisfacit, quibus mercatoribus abuti quidem sed abducere minime licet. Nam si quis abducta puella deprehensus fuerit, et vita et bonis, nisi principis clementia servatus fuerit, privatur. Lex etiam ibidem est, qua externorum mercatorum, si qui forte ibi decesserint, bona aut regi cedunt aut ejus praefecto: id quod apud Tataros et Turcas in Chioviensibus apud se mortuis observatur. Ad Chioviam monticulus quidem est, per quem mercatoribus via aliquanto difficiliore transeundum est: in cujus ascensu si forte currus aliqua pars frangatur, res quae in curru portabantur, fisco vindicantur. Haec omnia D. Albertus Gastold, Palatinus Vilnensis, regis in Lituania vice-gerens, mihi retulit.

Misler. Collectio Scriptorum Polonicorum. Tom. 1. (pag 218.) Varsaviae 1761. in fol. Несторъ Августа Шлецера Т. II. стр. 742.

него обычая; а естьли бы.....не хотѣлъ, на томъ....12 копъ грошей вины (штрафа). 2) Коли осьмникъ воеводинъ застанетъ которого мѣщанина, або купца, а любо Козака Христіанина зъ *бѣлыми головами*, непочестныи рѣчи дѣлаючи: ино намѣстнику митрополичому съ того врочная вина (т. е. намѣстникъ митрополита получаетъ указанный штрафъ), а воеводѣ съ того вины копа грошей;....а коли застанетъ осьмъникъ въ таковыхъ рѣчахъ гостя Турчина, або Татарина, а любо Ормянина: тогды воеводѣ вины 12 копъ грошей.“ Въ статьѣ этой запрещается непозволенная связь Кіевлянокъ особенно съ нехристіянами и тѣмъ свидѣтельствуется о чистотѣ тогдашнихъ нравовъ, на что въ наше время не обращаютъ никакого вниманія: между тѣмъ въ польской головѣ Альберта Гастольда, по поводу этой статьи, возникла басня о цѣломудріи дѣвицъ Кіевскихъ, представленныхъ въ превратномъ смыслѣ. Впрочемъ въ разсматриваемомъ здѣсь узаконеніи ничего не говорится исключительно о дѣвицахъ. Въ старину Biała głowa, *Бѣлая голова*, или *Бѣлоголовая* означало вообще простую женщину, потому что онѣ имѣли обыкновеніе покрывать головы бѣлыми платками; оттого *Бѣлоголовскій швець*, *кравець*, значило: башмашникъ, портниха. (Bandke, Słownik). Кальнофойской (1638 г.) пишетъ: Ukazało się to nad Mariną i Euphimią białemi głowami—Biała głova Agapia imieniem—Tatiana—и проч. [1]). Далѣе законодатель говорить: „3) Осмъникъ воеводинъ маетъ на городъ взяти отъ (привозной) бочки рыбъ по 6 грошей, а отъ вялыхъ рыбъ и свѣжихъ десятое,.... отъ каждого осетра по хребтинѣ, а любо отъ десяти осетровъ десятого. 4) Перекупники (когда) на ряду сѣдятъ и хлѣбы продаютъ и иныи ярины.....: даютъ каждую суботу по деньзѣ... 5) Татьбу на берегу рѣцѣ. . какъ бы отъ берега палицею докинути... маетъ судити осмъникъ воеводинъ. 6) Коли зъ жонкою (кто) побьется“... и проч. Обстоятельство о повозкахъ иногородныхъ купцовъ объясняется такъ: „7) *Тежъ повѣдалъ намъ* (т. е. Великому Князю Александру) *панъ Юрей Пацевичъ*, (бывшій прежде при Казимирѣ воеводою Кіевскимъ) *штожъ которыи купцы, коли ѣдутъ съ Кіева и возы свои съ товаромъ тяжко накладываютъ, для мыта, ижъ бы возовъ меньшей было*, (для того, чтобы какъ можно меньше платить таможенную пошлину, которая собиралась по числу возовъ). *И въ которого купца возъ поломится съ товаромъ на одну сторону по Золотыи Ворота* (т. е. если купецъ выѣзжаетъ изъ Кіева на западъ чрезъ Золотыя Ворота), *а на другую сторону по Почаину рѣку*) (т. е. купецъ, выѣжая изъ Кіева къ востоку, слѣдовательно по Боричеву взвозу, а если съ Подола, то мимо его, долженъ переѣзжать черезъ Почаину рѣчку). *Ино тотъ возъ съ товаромъ биривали* (отбирали) *на воеводу Кіевского*, (дабы тѣмъ отвадить купцовъ отъ уменьшенія пошлины и отъ охоты дѣлать возы огромными). *И мы и тое врядили по старому, какъ и передъ тымъ бывало*.“ Изъ словъ документа видно, что законодатель хотѣлъ предупредить злоупотребленія купцовъ чужестранныхъ, а между тѣмъ польскій историкъ Мѣховскій

[1]) Тератургима. стр. 260, 264, 274 и проч.

представляетъ Литовско-Русское правительство какъ бы грабителемъ!— Далѣе: „8) Такожъ, што лучники Кіевскіи даивали воеводѣ луки къ Великодню и Божьему Нароженью... 9) Тежъ ковали и чоботари маютъ воеводѣ давати топоры и чоботы, подлугъ давнего обычая; и вы бы и въ ты доходы не вступалися, конечно. Писанъ у Вильни", и проч. [1]) Въ этой же грамотѣ вначалѣ говорится: *Ино, какъ есмо дали вамъ право Нѣмецкое, и вы дей тыи вси вряды* (обряды, порядки, обыкновенія) *и пошлины городскіи* (собираемыя съ города) *за себѣ забрали*. Ясно, что право Магдебургское даровано было В. Кн. Александромъ Казиміровичемъ до 1499 г., что подтверждается однимъ офиціальнымъ реестромъ грамотъ и привилегій, данныхъ въ пользу гражданъ Кіевскихъ, о чемъ будетъ ниже упомянуто; а не Сигизмундомъ I въ 1516 г., какъ нѣкоторые пишутъ, на пр. Берлинскій [2]) Журавскій [3]).—Но данныя доселѣ Вел. Кн. Александромъ въ пользу гражданъ Кіевскихъ права и облегченія въ отношеніи повинностей, кажется далеко не достигали своей цѣли; судьба Кіевлянъ не улучшалась, они вскорости возобновили жалобы, изображенныя въ грамотѣ отъ 3 декабря 1503 г., данной на имя воеводы кн. Димитрія Путятича: „Жаловали намъ войтъ мѣста Кіевского и вси мѣщане — пишетъ Вел. Кн. Литовскій — штожъ дей имъ тяжкость великая ся дѣетъ: 1) ижъ пословъ и гонцовъ нашихъ и Московскихъ и Волоскихъ и Турецкихъ и Перекопьскихъ и Заволскихъ и иныхъ Ордыньскихъ стацеею (продовольствіемъ и квартирою) поднимаютъ, и подводы подъ нихъ даютъ, и коней и скарбовъ пословыхъ стерегутъ, и въ Орду зъ нашими послы ходятъ, и кони свои подъ нихъ даютъ до Орды и за ся до насъ, и подъ воеводиныхъ гонцовъ подводы даютъ; и тежъ дей 2) отъ Тивуновъ Кіевскихъ великіи имъ кривды и втиски и драпежства (несправедливости, притѣсненія и грабительства) дѣются... Ино мы, впамятавши ихъ вѣрную службу... тыи вси вышеписанные пошлины имъ откладаемъ и съ тивунскихъ рукъ... выймуемъ вѣчно... 3) Такожъ жаловали намъ, штожъ деи которыи люди тамъ въ мѣстѣ нашомъ Кіевскомъ мѣшкаютъ (живутъ), бискупьи, и митрополичьи, и воеводины, и архимандричьи, и князскіи, и панскіи, и землянскіи, и Милославчане (?), и иные прихожіе люди, и тежъ ремесники: золотари и кравцы и кушнеры, и ковали и шевцы и винники, и хлѣбницы, и перекупники, и рыболове и иные люди, которые... въ мѣстѣ нашемъ Кіевскомъ... торгомъ ся обыходятъ: тыи дей вси службъ мѣстскихъ съ ними послопу (съобща) не служатъ, и поплатковъ не платятъ и *кликовщины* (?), городовоѣ не даютъ, и въ полѣ сторожи не стерегутъ и мосту городового не мостятъ, и ставка́ подъ городомъ не сыплютъ (?), и острогу (крѣпость) не острожатъ... Ино самъ можешь розумѣти, княже воевода, штожъ имъ однимъ тые службы служачи и поплатки мѣстскіи платячи, тяжкость великая есть. Про тожъ тыхъ всихъ вышеписаныхъ, которые ся торгомъ обыходятъ, чіи-колвекъ будутъ, за ся есмо къ нимъ привернули... и ты бы тымъ всимъ людемъ

[1]) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи Т. 1. Спб 1846, № 170. [2]) Опис. Кіева. стр 24.
[3]) Статис. Опис. Кіев. губ. изд. Фундуклея, Т. I. с. 304 и 320.

приказалъ всякіи службы служити и поплатки мѣстскіи платити; нехай бы въ томъ имъ тяжкости не было; а естли бы которые люди не хотѣли въ томъ имъ помогати, и мы дозволили имъ таковыхъ *грабити*. 4) Тежъ естли бы которые послы и гонцы, або иные хто, хотѣли имъ къ чемъ кривды чинити, и ты бы ихъ... отъ кривдъ боронилъ, и не далъ бы еси никому... шкоды (вреда) дѣлати; абы для таковоѣ великоѣ налоги, *мѣсто наше не розышлося*. Писанъ у Вильни" и проч. [1])

Въ началѣ XVI столѣтія участь Кіева, столь долгое время на развалинахъ своихъ сѣтовавшаго, начала нѣсколько улучшаться: воеводы Православнаго исповѣданія стали возобновлять Лавру и другія разоренныя церкви, также строили и нужныя укрѣпленія. По повелѣнію Казимира собираемо было до 20,000 народа изъ Поднѣпровскихъ и другихъ областей Западнорусскихъ для населенія сего города. Великій Князь Литовскій Александръ Казимировичъ уволилъ жителей отъ воинскихъ тягостей, освободилъ отъ пошлинъ и пожаловалъ (раньше 1499 г.) Кіевоподольскимъ гражданамъ право вольныхъ Имперскихъ городовъ по уложенію Оттоническому, или Магдебургскому; о чемъ уже упомянуто. Сигизмундъ I, Король Польскій, государствованіе свое ознаменовалъ для Кіева тоже нѣкоторыми учрежденіями; такъ грамотою отъ 28 ноября 1506 г., данною на имя воеводы кн. Ивана Глинскаго, таможенные сборы въ Кіевѣ предоставлены были на два года откупщику, жителю Луцка, Шамаку-Даниловичу за 700 копъ грошей въ годъ. Въ 1506 г. декаб. 8, Король сей подтвердилъ прежнее право, освобождающее торгующихъ Кіевлянъ отъ платежа *мыта* по всему государству, также отъ подводъ посламъ, гонцамъ и наряда въ Орду. Въ этомъ же документѣ повторяется куріозная исторія о вечернемъ огнѣ въ жильяхъ: „Такожъ жаловали намъ (Кіевляне), штожъ дей имъ *новина* (?) уведена: коли въ котораго мѣщанина слуги воеводы Кіевского застанутъ въ дому огонь въ ночи, тогды воевода беретъ на нихъ вины (штрафы) по 12 копъ грошей. Ино мы (Король) обмовивши съ паны радами нашими, тую *новину* (!) имъ отложили..... але въ корчомныхъ домѣхъ, лѣтѣ, коли вжо ночи малыи буваютъ, ненадобѣ никому съ огнемъ пити; але купцы и ремесники всякіе маютъ добровольно огонь у своихъ домѣхъ завжды держати, коли хотячи." Въ слѣдующемъ 1507 г. и потомъ въ 1529 г. подтверждены права и обязанности жителей Кіевской области. Изъ грамоты отъ 21 октября 1508 г., данной на воеводство князю Юрію Александровичу Гольшанскому, оказывается, что Кіевскіе воеводы получали тогда жалованья въ годъ по триста копъ грошей, какъ сказано *для успоможенья*, т. е. по 2,700 руб. серебромъ, что составляло по тогдашнему времени огромное содержаніе, потому что одинъ воевода употреблялъ почти половину всѣхъ городскихъ податей, поступавшихъ въ казну, которыя простирались только до семи тысячъ рублей съ небольшимъ въ годъ. Слѣдовательно воеводства составляли тогда очень *выгодныя* мѣста.

[1]) Акт. Зап. Росс.

Всѣ эти грамоты, узаконенія и такъ называемыя привилегіи, въ числѣ коихъ должно считать и Магдебургское право, мало по малу разъединяли Кіевлянъ отъ родныхъ братьевъ своихъ Русскихъ и въ Кіевскомъ гражданствѣ появился новый порядокъ, чуждый для Руси и устранявшій все то изъ прежнихъ узаконеній и обычаевъ, что было несходно съ этимъ Нѣмецкимъ Правомъ. Также и обители Кіевскія стали получать грамоты и привилегіи отъ Королей Польскихъ. — На Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 г. наконецъ удалось панамъ и магнатамъ утвердить конституціею, начавшееся еще съ Ягайла (1386 г.) соединеніе Литвы съ Польшею. Кіевскій воевода и кастелянъ (комендантъ) получили мѣсто и голосъ въ новоучрежденномъ Государственномъ Совѣтѣ. Въ законахъ Польскихъ, для сего изданныхъ, сказано, что Княжество Кіевское *возвращено* (restituitur!) коронѣ Польской. Жители Кіева обоихъ вѣроисповѣданій пользуются всѣми своими привилегіями и допускаются ко всѣмъ чинамъ и должностямъ (урядамъ, urzędy); въ слѣдствіе сего упраздненъ Statutum Regni de genere ducali (Областное, Удѣльное право). Для судопроизводства предоставленъ Статутъ Литовскій. Объ этихъ правахъ для Кіевлянъ ходатайствовали наиболѣе Константинъ II, кн. Острожскій и Александръ Черторыйскій [1]). Кіевъ обязанъ былъ платить 800 копъ грошей годовой подати; но какъ копа, опредѣленная Статутомъ, содержала въ себѣ 60 грошей, или 15 злотыхъ, а одинъ злотый равнялся 60 Русскимъ копѣйкамъ, то Кіевляне платили тогда по двѣнадцати тысячъ Польскихъ злотыхъ, или по семи тысячъ двѣсти рублей въ годъ. Въ 1576 г. ноября 17 Стефанъ Баторій, грамотою, на имя воеводы кн. Константина Острожскаго, далъ Кіевскимъ гражданамъ слѣдующія замѣчательныя права: 1) Имъ позволено вокругъ Кіева, на пространствѣ пяти миль (около 35 верстъ), для собственной надобности, рубить дрова и строевой лѣсъ во *всѣхъ* дачахъ безъ различія, казенныхъ и помѣщичьихъ. („Не боронити того въѣзду до пущъ нашихъ, и князьскихъ, и панскихъ, и земянскихъ и духовныхъ"). Распоряженіе, по понятіямъ нашего времени, несправедливое и вѣроятно подававшее поводъ къ злоупотребленіямъ и насиліямъ. Въ грамотѣ обычай этотъ названъ *стародавнимъ*; въ случаѣ же дракъ и грабежей, воевода обязанъ былъ защищать Кіевлянъ, производившихъ порубку лѣса въ чужихъ дачахъ. 2) Пріѣзжіе купцы зависѣли отъ магистратскаго суда и воевода не долженъ былъ вмѣшиваться въ ихъ расправу. Сверхъ того этимъ пріѣзжимъ запрещено было продавать свой товаръ въ раздробь и по мелочамъ, чтобы не причинять конкурренціи въ ущербъ Кіевлянамъ и 3) Граждане Кіевскіе, несущіе военную службу, получали по пяти копъ грошей, или 45 руб. (жалованья въ годъ?); а тѣмъ изъ нихъ, которые избирались въ магистратскія должности, даровано было право личнаго шляхетства, на основаніи, какъ сказано, *земскаго статута* [2]). Послѣднюю привилегію М. Ѳ. Берлинскій ошибочно приписалъ Сигизмунду II и отнесъ къ 1570 г.; но ссылки нѣтъ [3]).

[1]) Островскій, Нѣсецкій, Бѣльскій. См. Geschichte der Ukraine von Engel; стр. 69. [2]) Акты Западной Россіи. [3]) Описаніе Кіева стр. 24.

Въ одномъ старинномъ описаніи грамотъ, данныхъ Польскими Королями Кіевскимъ гражданамъ, нѣсколько разъ упоминается о Магдебургскомъ правѣ и притомъ такъ: Первая привилегія, полученная Кіевлянами, на пользованіе Магдебургскимъ правомъ, дана была Великимъ Княземъ Литовскимъ Александромъ, (это самое можно было заключить изъ словъ приведенной выше грамоты Александра отъ 14 мая 1499 г. [1]); „но въ томъ привилею—говорится въ реестрѣ—написано было глухо, что имъ, мѣщаномъ, ходить противъ непріятелей съ Кіевскими воеводами. И воеводы ихъ, мѣщанъ, учали было за собою волочить и не для дѣла". Александрову привилегію подтвердили Сигизмундъ I (1506—1548 г.) и Сигизмундъ Августъ (1548—1573 г.); но грамоты эти для потомства потеряны. [2]) Потомъ подтвердилъ въ Варшавѣ 7 іюля 1576 г. Стефанъ Баторій; а 10 мая 1588 г. въ Краковѣ и 22 февраля 1605 г. въ Варшавѣ и Сигизмундъ III; при чемъ сказано, что этотъ Король далъ: „письмо латинское, на харатѣи, въ которой подтвержалась привилѣя продковъ его Александра, Жикгимонта первого, Жигимонта Августа и Стефана Обатураксъ, на даное мѣщаномъ Кіевскимъ право Майдебурское и на вольности ихъ". Тоже самое подтвердилъ Владиславъ IV, а 27 марта 1650 г. въ Варшавѣ и Янъ Казимиръ

Чтобы увеличить населеніе Кіева, подвергавшагося частымъ набѣгамъ и разореніямъ отъ Татаръ, также, чтобы возбудить и развить торговлю и ремесла въ этомъ пограничномъ тогда городѣ, кромѣ судопроизводства по уложенію Магдебургскому, Польскіе Короли давали еще нѣсколько разнородныхъ привилегій въ пользу обывателей Кіева. Такъ, по случаю жалобы Кіевскаго воеводы, Ѳомы Замойскаго, на мѣщанъ, отказывавшихся участвовать съ нимъ въ походахъ и представившихъ уважительное оправданіе, Сигизмундъ III (не позже 1632 г.) уволилъ ихъ вовся отъ воинскихъ тягостей, исключая, если непріятель явится въ *Уѣздѣ* Кіевскомъ, или когда будетъ объявлено посполитое рушенье (всеобщсе вооруженіе). Тоже самое подтвердилъ и сынъ его Владиславъ IV, не позже 1648 г., потому что подлинные акты потеряны. Изъ одной привилегіи отъ 22 февр. 1605 г., данной въ Варшавѣ Сигизмундомъ III въ пользу Кіевскихъ гражданъ видно, что около этого времени молнія сожгла городскую деревянную крѣпость, называвшуюся тогда *За́мкомъ*. Жители, по причинѣ опасности отъ Татарскихъ нападеній, рѣшились, безъ всякой обязанности съ ихъ стороны, своими средствами вновь выстроить крѣпость (*острогъ*) изъ дубоваго частокола; однакожь просили Короля не вмѣнять этотъ патріотическій поступокъ ихъ въ повинность, которая сдѣлалась бы для нихъ очень тягостною, *для того, же то дѣло войсковое и всѣмъ Уѣздомъ дѣлатись должно.* Король изъявилъ на это полное свое согласіе. [3])— Въ упомятутомъ выше описаніи говорится также о замѣчательномъ актѣ Сигизмунда III въ отношеніи пребыванія и торговли Евреевъ въ Кіевѣ, а именно: „Жиды въ этомъ городѣ ни подъ какимъ предлогомъ

[1]) См. здѣсь стр. 33. [2]) Источ. Малорос. Истор. Т. I. стр. 34. [3]) Тамъ же. стр. 36.

не должны селиться; и у кого бы то ни было не должны покупать мѣста, дворовъ, домовъ, а потому какъ шляхта, такъ равно духовенство и мѣщане не могутъ уступать имъ какой либо недвижимой собственности. Жиды могутъ пріѣзжать въ Кіевъ только во время ярмарки и притомъ на одну недѣлю: По прибытіи въ Кіевъ не могутъ они останавливаться, по своему выбору, въ частныхъ домахъ, но обязаны явиться въ гостиный дворъ и жить въ немъ. Товары свои должны продавать исключительно Кіевскимъ купцамъ, а не постороннимъ. По истеченіи указаннаго времени они должны непремѣнно удалиться изъ города. Еслибы какой либо Жидъ, въ противность этому постановленію, купилъ для жительства въ Кіевѣ дворъ: то воевода обязанъ у такого ослушника конфисковать дворъ и все его имѣніе съ тѣмъ условіемъ, чтобы одна половина отобраннаго имущества поступила въ пользу воеводы, а другая въ пользу городской ратуши". Грамота эта дана въ Варшавѣ, на сеймѣ, 18 февр. 1619 г. — Ясно, что подобную мѣру могло диктовать только нерасположеніе къ Евреямъ; но этотъ слабый Король, слѣпо слѣдовавшій внушеніямъ Езуитовъ, не имѣлъ въ виду сохраненіе Православнаго Кіева отъ напора Евреевъ. Впрочемъ мѣра эта недолго поддерживалась. Мы далеки отъ всякаго фанатизма и охотно уважаемъ *человѣческія* права Евреевъ; но скажемъ откровенно, что подобное въ этомъ родѣ распоряженіе было бы не безполезно и въ наше время, потому что интересы Евресвъ, въ слѣдствіе ихъ религіи, характера и отдѣльной народности, всегда были и будутъ *несогласны* съ интересами Христіанъ.

Для умноженія городскаго народонаселенія Владиславъ IV въ 1645 г. мар. 27 далъ Кіевскимъ мѣщанамъ слѣдующую привилегію: „Жадаючи въ наилѣпшомъ порядку видѣти мѣсто наше Кіевъ, даемъ ему сесь нашъ привилей таковый, дабы люди, которые-кольвекъ зъ розныхъ мѣстъ, мѣстечекъ и селъ до тогожъ мѣста нашого Кіева пріѣдутъ и тамъ на житье осядутъ, подъ право мѣстское поддавалися, такъ давно, яко и недавно зашлые, и которые бы впередъ прійти туды мѣли: по якому пріятію мѣстскому, таковыи вси за мѣщанъ власныхъ Кіевскихъ, а не за якихъ-кольвекъ подданныхъ чиновъ почитаны будутъ. Про то таковыхъ всихъ мѣщанъ нашихъ Кіевскихъ подъ юрисдикцію и право мѣстское подлеглыхъ, симъ нынѣшнимъ листомъ нашимъ беремо подъ оборону и протекцію нашу королевскую, даючи имъ всякую безпечность и безшкодность такъ въ потребахъ своихъ гандлюючи, яко тежъ въ справахъ мѣстскихъ гдѣ-кольвекъ ѣздячи, дабы ихъ никто турбовати (безпокоить) не смѣлъ," и проч. (Акт. Зап. Рос.)

Янъ Казимиръ грамотою отъ 3-мая 1649 г. подтвердилъ Кіевскимъ мѣщанамъ и ремесленникамъ всѣ льготы, въ пользу мастеровыхъ людей даннныя прежними Королями, а грамотою отъ Ноября 1650 г. освободилъ ихъ отъ податей, вносимыхъ въ казну отъ *лана* (извѣстной величины пахатнаго поля) и отъ сохи, какъ людей, не занимающихся земледѣліемъ. — Выше мы видѣли, что въ 1508 г. Кіевскій воевода кн. Юрій Гольшанскій получалъ годовой окладъ по 300 копъ

грошей (2,700 руб. сереб.); но послѣдующіе Короли уменьшили это жалованье до двухъ тысячъ злотыхъ или до 1,200 рубл., а Владиславъ IV (1632 — 1648 г.) назначилъ по три тысячи злотыхъ, т. е. по 1,800 руб., съ тѣмъ однакожь, чтобы воевода не присвоивалъ себѣ никакихъ городскихъ доходовъ отъ питейныхъ домовъ и тому подобное. Янъ Казимиръ (1648 — 1668 г.) опредѣлилъ выдавать изъ городскихъ доходовъ войтамъ за урядъ, по 500 злотыхъ (300 руб. сер.) и сверхъ того они пользовались доходами отъ городскихъ маетностей (имѣній), издавна назначенныхъ въ пользу войтовъ. Бурмистры (Бургомистры, Bürgermeister) и райцы (совѣтники, Räthe) получали въ годъ жалованья тоже изъ доходовъ ратуши по 300 злотыхъ или по 180 рублей. Въ универсалѣ сказано, что магистратскіе чиновники должны быть обезпечены жалованьемъ на томъ основаніи, что служебныя обязанности отвлекаютъ ихъ отъ всякихъ промысловъ. [1]) До 1649 г. магистратъ имѣлъ 47 королевскихъ привилегій, коими утверждались гражданамъ различныя отличія, земли, право суда, свобода отъ воинскихъ повинностей, право винной продажи. Кіевляне съ 1619 г. вносили въ годъ подати около пятнадцати тысячъ польскихъ злотыхъ, или девяти тысячъ рублей. — Почти всѣ эти права и вольности содержатся въ *жалованной грамотѣ* Государя Царя Алексѣя Михайловича, данной жителямъ города въ 1654 г., Іюля 16; права эти суть: „1) Кіевляне, купецкіе люди, отъ пошлинъ, какъ ѣздятъ торговать сухимъ и водянымъ путемъ, уволены. И мы, Великій Государь, ихъ пожаловали, позволили имъ въ нашихъ, Царскаго Величества, Черкаскихъ городѣхъ торговати безпошлинно жъ. 2) Складъ всякихъ купецкихъ и пріѣзжихъ товаровъ данъ къ Кіеву, а пошлину съ товаровъ съ пріѣзжихъ гостей, а не съ мѣщанъ Кіевскихъ, указали Мы, Великій Государь, имати на Насъ, Великаго Государя. 3) Съ питья, съ пива, и съ меду, и съ вина, и съ горѣлки съ полковъ съѣстныхъ товаровъ и съ лавокъ и съ торга со всего и съ воскобойны и пивоварни, съ перевоза, что на Днѣпрѣ, и съ двора гостинаго, съ вѣсу; съ тѣхъ со всѣхъ доходовъ Кіевскіе мѣщане давали по вся годы воеводѣ Кіевскому по три тысячи золотыхъ польскихъ (около 1,800 руб. сер.), и Мы, Великій Государь, за тѣ доходы, за которые напередъ сего давали воеводѣ по три тысячи золотыхъ, указали Кіевскимъ мѣщанамъ давати въ Нашу, Царскаго Величества, казну ежегодъ безпереводно, а тѣмъ вышеименованнымъ доходамъ по прежнему быти на городъ Кіевъ на ратушу. 4) Кіевскіе-жъ мѣщане отъ службы ратныя увольнены, да они же отъ вины, тако жъ и отъ заповѣди, что воеводы Кіевскіе на городѣ имывали (т. е. штрафы), за то, чтобъ лѣтомъ огня въ домѣхъ въ ночи не держали, увольнены жъ. 5) И въ обозъ имъ, Кіевскимъ мѣщанамъ, не ходить, а въ городѣ себя оберегать, а съ огнемъ сидѣти въ вечеру и въ ночь съ береженьемъ. 6) Кто Кіевлянъ заочно кого оболжетъ и тотъ оболганный самъ оправдается, и наказанію или свободѣ оправданіе самъ собою учинитъ, Мы, Великій Государь, про та-

[1]) Источн. Малоросс. Истор. Т. I. стр. 34.

кихъ винныхъ указали сыскивать по томужъ войту и бурмистрамъ, и сыскавъ подлинно, тѣхъ винныхъ людей и объ нихъ сыски отсылать къ Нашимъ, Царскаго Величества, боярамъ и воеводамъ, которые по Нашему, Царскаго Величества, указу въ Кіевѣ будутъ." Въ заключеніе сказано: „И Нашей отчины, города Кіева, подданнымъ подъ Нашею высокою рукою быти по сей жалованной грамотѣ и по своимъ прежнимъ правамъ и привилеямъ, свободно, безо всякія неволи, во всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ написано, и Намъ служити и всякаго добра хотѣти и быти во всей нашей волѣ и въ послушаньѣ," и проч.[1]) Обстоятельное разсмотрѣніе Магдебургскаго права, коимъ руководствовались жители нѣкоторыхъ городовъ Малороссіи, могло бы показать подлинный гражданскій бытъ тогдашняго Кіева; но это отвлекло бы насъ отъ предположенной цѣли, потому что предметъ этотъ принадлежитъ къ Исторіи Нѣмецкаго Права, а не къ Исторіи одного какого либо города. Однакожъ, для большей ясности, скажемъ нѣсколько словъ о его происхожденіи и составѣ, а въ послѣдствіи, по причинѣ его важности, займемся имъ подробнѣе.

Магдебургское Право.—Если справедливо мнѣніе, что для каждаго яда природа производитъ и противоядіе, то и Магдебургское право противъ насилій и своевольствъ воеводъ и другихъ коронныхъ чиновниковъ, также противъ необузданности феодальнаго дворянства и шляхты составляло, въ свое время, для городскихъ жителей антидотъ. Зародышъ этого права возникъ при учрежденіи Ганзы, т. е. союза нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ Прибальтійскихъ городовъ для взаимной помощи и защиты. На Лабѣ лежалъ Славянскій городъ *Дѣвинъ*, который, онѣмечившись, сталъ называться въ переводѣ Магдебургомъ. Тамошній архіепископъ, которому еще при Мечиславѣ I принадлежала Познанская епископія, далъ своимъ подданнымъ нѣсколько охранительныхъ привилегій. Наибольшимъ значеніемъ пользовались привилегіи, данныя Магдебургу 1188 г. архіепископомъ Вихманомъ. Изъ привилегій этихъ, умноженныхъ статьями *Саксонскаго Зерцала*, а также мѣстными судейскими рѣшеніями, образовалось въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка то Магдебургское право, которое въ послѣдствіи столь прославилось, что съ рѣшеніями его суда сообразовались суды въ Пруссіи, Богеміи, Польшѣ и даже Швеціи. Право это содержало постановленія, относящіяся до судоустройства и судопроизводства дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Оно предоставляло гражданамъ собственный судъ и управленіе по городу, производимое выбранными изъ среды горожанъ, лицами, на кои возлагались обязанности бургомистровъ, райцовъ, лавниковъ, подъ предсѣдательствомъ войта, утверждаемаго соизволеніемъ Государя. Управленіе это называлось Магистратомъ или Ратушею (Rathhaus) и руководствовалось собраніемъ законовъ, составныя части коего, въ началѣ XII-го вѣка, были слѣдующія: 1) Нѣсколько текстовъ Св. Писанія, которые были

[1]) Собраніе Государствен. Грамотъ и Договоровъ. Т. III. Москва, 1822 г.; Лѣтоп. Величк. I, 192; Ист. Мал. Росс. Б-Каменск. I; Маркевича III, 104; Источн. Малорос. Истор. I, 75.

тогда тѣмъ самымъ, что теперь у насъ Петровское Зерцало въ судейской комнатѣ. 2) Артикулы Магдебургскаго права подъ названіемъ Speculum Saxonicum (Sachsen-Spiegel). 3) Установленное Императоромъ Карломъ V извлеченіе изъ Римскаго Права для руководства по уголовнымъ преступленіямъ (на Польскомъ языкѣ). 4) Уставъ о судебныхъ пошлинахъ, по Магдебургскому праву, тоже на Польскомъ языкѣ. 5) Статьи о судебныхъ приговорахъ подъ заглавіемъ: Abrogatio et moderatio, Abusuum et Sumptuum, на Латинскомъ языкѣ. 6) Краткое извлеченіе изъ законовъ о разныхъ гражданскихъ предметахъ, подъ заглавіемъ Enchiridion aliquot locorum communium Juris Magdeburgensis, и 7) Статьи о наслѣдствѣ, приданомъ, куплѣ, Продажѣ, завѣщаніяхъ, опекѣ, на Польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Tytuły Prawa Magdeburskeigo do porządku i do artikułow, pierwey po Polsku wydanych. Четыре послѣдніе отдѣла по Магдебургскому праву. Текстъ этого Права былъ написанъ частію на Латинскомъ, а частію на Нѣмецкомъ и Польскомъ языкахъ [1]; но въ 1760 г. переведенъ на Польскій. Учрежденіе это ставило горожанъ въ независимость отъ судовъ дворянскихъ, для нихъ посторонних, устраняло и избавляло ихъ отъ насилій бароновъ Нѣмецкихъ, отъ нахальства магнатовъ и шляхты Польской, и особенно отъ произвола воеводъ. Притомъ же самостоятельность эта способствовала къ размноженію и процвѣтанію городовъ, къ развитію торговли и промысловъ. Право это, представляя характеристику своего времени, возникло изъ потребностей городскихъ жителей, (разумѣется Нѣмцевъ), развилось съ жизнію ихъ, охотно принималось гражданами и дѣйствительно составляло тогда привилегію (преимущество). Польскіе историки не кончили еще споръ, когда впервые введено Магдебургское право въ Польшу и именно въ Краковъ; думаютъ что въ 1257 году. Короли предоставляли этимъ Правомъ пользоваться тѣмъ городамъ, въ коихъ находилось Нѣмецкое населеніе, или за особенные заслуги гражданъ. Вильна получила его въ 1387 г., а раньше 1499 г. Вел. Кн. Литовскій Александръ даровалъ его и Кіевскимъ гражданамъ. Исключительно для этихъ гражданъ, какъ подлежащихъ вѣдѣнію Магистрата, оно имѣло законную силу; въ дѣлахъ же съ дворянами граждане судились Литовскимъ Статутомъ. Этимъ статутомъ должны были руководствоваться и тѣ горожане, которые жили на городской землѣ, принадлежащей за́мку, епископу, церквамъ, монастырямъ и кляшторамъ [2].

Гоненія на Православныхъ.—Но это множество грамотъ и привилегій, даруемыхъ Польскими Королями Кіевлянамъ, не доставляло рѣшительно никакого благоденствія городу; ибо, по причинѣ различія вѣроисповѣданія и языка, Кіевъ для Польскихъ властелиновъ всегда былъ чуждымъ, и нужды Русскихъ не трогали ихъ, а перемѣны, вводимыя Поляками, вели за собою только обезсиленіе въ Кіевѣ старобытной Русской жизни и униженіе Православныхъ; особенно фанатизмъ Уніатовъ

[1]) Porządek Sądów i Spaw Mieyskich Prawa Magdeburskiego. W Krakowie. 1618. [2]) Вильно. Крашевскаго. Т. I. стр. 80.

и Папистовъ употреблялъ всѣ средства къ обращенію Православныхъ въ Унію; а въ противномъ случаѣ ихъ преслѣдовали. Религіозныя гоненія, коимъ стали подвергаться коренные обитатели Русскихъ югозападныхъ областей, возникли при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Въ началѣ XV-го вѣка Греческая монархія, потрясаемая Турками, была въ предсмертной агоніи. Императоры Цареградскіе искали защиты у Папъ. Эти, такъ называемые Намѣстники Христовы, воображающіе, что они заступаютъ Божественное Лице Спасителя на землѣ, никогда впрочемъ не думали о томъ, что Царство Его не отъ міра сего; напротивъ того всегда старались пользоваться обстоятельствами для увеличенія мірской силы и славы. Такъ Папа Евгеній IV, видя удобный случай, предложилъ Императору Іоанну Палеологу и Патріарху Митрофану II *соединеніе* Церквей. Слабая сторона соглашалась; а для приданія этому соединенію благовидной формы, придумали *Флорентійскій Соборъ*. Но однихъ и притомъ слабыхъ Грековъ было мало для честолюбія Римскихъ Первосвященниковъ; они обратили свое вниманіе и на Православную Русь восточную. Папистамъ хотѣлось и ее опутать въ своихъ сѣтяхъ и подчинить престолу Римскаго Папы. Но Римъ жестоко обманулся въ *Московіи*. Безъ вѣдома Великаго Князя Василія Васильевича (1423—1462.) и Русскихъ Епископовъ избранный въ Цареградѣ интригою на каѳедру Всероссійскаго Митрополита, и подготовленный къ принятію Уніи, Грекъ Исидоръ, возвратясь въ 1440 г. отъ Флорентійскаго Собора въ Москву, не имѣлъ въ пользу Папъ рѣшительно никакого успѣха. Коль скоро его отступничество было открыто, то зараза, немедленно пресѣчена, Исидоръ соборнѣ низложенъ и спасся бѣгствомъ черезъ Литву въ Римъ. Въ восточной Россіи всѣ замыслы Уніятовъ тѣмъ и кончились; но въ западной части Россійской Іерархіи, содѣйствіемъ Польскихъ Королей и Литовскихъ Князей, зараза Исидорова производила смятеніе и пагубу Православнымъ. Для достиженія цѣли все было употребляемо: внушенія, тайныя принужденія и открытое гоненіе. Духовенство Латинское изобрѣтало къ тому различныя средства и ухищренія; съ теченіемъ времени гроза принимала все большіе размѣры. Казимиръ IV, руководствуясь ксендзами, далъ строжайшее приказаніе, чтобы Православные не дерзали ни новыхъ церквей строитъ, ни старыхъ починять. Патріархи Константинопольскіе были безсильны; въ это время Турки громили Греческую Имперію; предстательству Русскихъ Царей Поляки не внимали; нѣкоторые даже изъ пастырей, какъ Михаилъ Рагоза митрополитъ Кіевскій, Ипатій (въ свѣтскихъ Адамъ) Поцѣй или Потѣй епископъ Владимірскій и Берестейскій, Кириллъ Терлецкій епископъ Луцкій, Григорій архіепископъ Полоцкій и Вытебскій, Леонтій Пельчицкій епископъ Пинскій и Туровскій, Діонисій Збируйскій епископъ Хелмскій и нѣсколько другихъ, прельстясь мірскими выгодами, переходили (1590 — 1599 г.) на сторону Уніятовъ и соблазняли Православныхъ. Наказная грамота, данная 2 декабря 1597 г. Сигизмундомъ III на имя дворянина Яна Кошица о введеніи отпадшаго митрополита Кіевскаго Михаила Рагозы

въ управленіе Печерскимъ монастыремъ, служитъ печальнымъ доказательствомъ, что Короли Польскіе не гнушались публично возглашать ложь и насиліе, для достиженія своихъ цѣлей. Вотъ какъ пишетъ Сигизмундъ: „За отлученьемъ отъ церкви Божой и за зложеньемъ зъ стану архимандритского Никифора Тура отъ зверхности его старшаго духовнаго (т. е. властію высшаго духовнаго начальства) для того, ижъ онъ добра церковныя державчи, посвященья на станъ духовный отъ отца митрополиты (Уніята!), яко старшого своего, не мѣлъ и о то не старался, а маетности церковныя нищилъ и пустошилъ (безсовѣстная ложь!) и много иншихъ выступовъ неслушныхъ противъ зверхности своей духовной чинилъ: теды тотъ монастырь Печерскій, въ воеводствѣ Кіевскомъ лежачій, довольного шафунку (распоряженія) нашего спалый (подпавшій) со всѣми добрами, до него належачими дали есмо велебному въ Бозѣ Михаилу Рагозѣ," и проч. Кромѣ этого несчастнаго акта, Сигизмундъ послалъ въ Кіевъ еще двѣ грамоты, тоже отъ 2 декабря 1597 г., одну для Православнаго духовенства, а другую для магистрата, со строгимъ подтвержденімъ: быть во всемъ послушными отступнику Рагозѣ; а въ слѣдующемъ 1598 г. апрѣля 10-го предписывалъ должнику, кн. Александру Полубенскому 1300 копъ Литовскихъ грошей (11,700 руб. сереб.) вручить митрополиту Рагозѣ, между тѣмъ, какъ означенныя деньги составляли собственность Печерской Лавры. Такъ насильственно дѣйствовали Поляки; но этого еще мало. Уніяты захватили почти всѣ монастыри въ свои руки, а въ 1604 г. королевскимъ указомъ отдана Латинскому Кіевскому бискупу часть Кіево-Подола за каналомъ, къ горѣ *Щековицѣ*, подъ коей находился и дворецъ бискупскій; а бискупъ, въ слѣдъ за тѣмъ, отнялъ у магистрата и все пространство съ дворами до *Іорданскаго озера*, присовокупивъ къ нему и все урочище *Кожемякъ*. Земли сіи носили тогда названіе *Бискупщины*. Урядники его заняли за́мокъ на *Кудрявцѣ*, принадлежавшій Православнымъ митрополитамъ, и вступили въ управленіе всѣми митрополичьими угодьями. Теперь можно себѣ представить, каково было положеніе Православныхъ Кіевлянъ подъ гнетомъ Папистовъ, который продолжался двѣсти двадцать лѣтъ! То есть: отъ 1440 г. — Флорентійскаго Собора до 1660 г. — освобожденія Кіевлянъ отъ ига Польскаго. Но это неестественное положеніе государственнаго устройства, коего части должны были находиться въ безпрерывномъ бореніи между собою, и составляло существенную причину упадка и разрушенія Польши. — Среди такихъ смятеній Цареградскій Патріахъ Іеремія, на возвратномъ пути изъ Москвы (1588 г.) заѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ благословилъ онъ основаніе на Подолѣ церкви Богоявленія и при ней школы для обученія дѣтей. Школа эта обращена была въ послѣдствіи въ Академію, древнѣйшую и знаменитѣйшую въ Россіи.

Хотя Кіевъ мало по малу населялся, особенно Кіево-Подолъ, но и эта часть города въ половинѣ XVII столѣтія представляла еще только безпорядочное, бѣдное селеніе. Жившій въ это время монахъ Печерскаго монастыря, Аѳанасій Кальнофойскій, называетъ Подолъ *жа-*

лостнымъ и едва ли достойнымъ древняго имени. — Мы имѣемъ любопытное описаніе Кіева сихъ временъ, сочиненное Бопланомъ, Французскимъ инженеромъ, жившимъ въ Украинѣ семнадцать лѣтъ (1632—1648 г.), въ службѣ Польскихъ Королей Сигизмунда III и Владислава IV. Вотъ оно: „Кіевъ, называвшійся прежде Кизовіею, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Европейскихъ: это доказываютъ и слѣды прежнихъ окоповъ его, и развалины церквей, и древнія гробницы Государей. Изъ старинныхъ храмовъ донынѣ уцѣлѣли только два, — въ воспоминаніе временъ прошедшихъ, — Софійскій и Михайловскій; отъ прочихъ же остались однѣ развалины, изъ коихъ замѣчательны полуразрушенныя стѣны храма Св. Василія, вышиною отъ 5 до 6 футовъ, покрытыя Греческими надписями. Надписи эти вырѣзаны болѣе, нежели за 1400 лѣтъ (?!) предъ симъ на алебастрѣ, но время почти совершенно ихъ сгладило. Въ развалинахъ открываютъ гробницы многихъ Русскихъ Князей.

„Храмы Софійскій и Михайловскій построены по древнему образцу. Видъ перваго прекрасенъ, съ которой стороны на него ни посмотришь; стѣны его украшены мозаическими изображеніями и картинами, составленными изъ разноцвѣтныхъ, блестящихъ, подобно стеклу, камешковъ, столь искусно подобранныхъ, что сіи картины трудно отличить отъ живописныхъ, или отъ обоевъ; сводъ выведенъ изъ глиняныхъ горшковъ, наполненныхъ и оштукатуренныхъ гипсомъ. Въ этомъ храмѣ находятся памятники многимъ государямъ; при немъ живетъ архимандритъ. Храмъ Св. Михаила называется также Златоверхо-Михайловскимъ, потому что покрытъ вызолоченною жестью; здѣсь показываютъ мощи великомученицы Варвары, принесенныя, какъ говорятъ, во время войнъ Никомидійскихъ.

„Древній Кіевъ построенъ на горѣ, которая съ одной стороны возвышается надъ Борисѳеномъ, текущимъ при подошвѣ ея. Между горою и Днѣпромъ лежитъ Новый Кіевъ (*Подолъ*), — городъ малолюдный. заключающій въ себѣ отъ пяти до шести тысячъ жителей. Онъ имѣетъ въ длину, по теченію Борисѳена, четыре тысячи, а въ ширину между рѣкою и горою, три тысячи шаговъ; обнесенъ деревянными стѣнами съ башнями и окопанъ ничтожнымъ рвомъ въ 25 футовъ шириною; видомъ похожъ на треугольникъ. За́мокъ Новаго Кіева лежитъ на вершинѣ горы (какой ?) и повелѣваетъ *нижнимъ городомъ*; но Старый Кіевъ повелѣваетъ и самымъ за́мкомъ. — Католики имѣютъ въ этомъ городѣ четыре храма: Каѳедральный, Доминиканскій на рынкѣ, Бернардинскій подъ горою и съ недавняго времени Езуитскій. Отцы Езуиты поселились между Днѣпромъ и Бернардинами. Жители Грекороссійскаго вѣроисповѣданія владѣютъ десятью храмами. Одинъ изъ нихъ съ университетомъ или академіею, извѣстный подъ именемъ Братской церкви, лежитъ близъ ратуши, другой построенъ подъ за́мкомъ, если не ошибаюсь, во имя Св. Николая, остальные разсѣяны по всему городу; названій ихъ не помню.

„Всѣ улицы Кіевскія, исключая трехъ, довольно красивыхъ, суть

ничто иное, какъ неправильные кривые переулки, образующіе родъ лабиринта. Городъ раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна называется епископскимъ городомъ (*Бискупщиною*); въ ней находится каѳедральный храмъ; а другая, заключающая въ себѣ Латинскія и Греческія церкви, — мѣщанскимъ. Жители производятъ довольно значительный для Украины торгъ хлѣбомъ, мѣхами воскомъ, медомъ, саломъ, соленою рыбою и проч. Имѣютъ епископа, воеводу, кастеляна, старосту и войта; четыре суда: епископскій, воеводскій или старостинскій, войтскій и ратманскій. Домы выстроены по Московскому образцу, рядомъ, довольно низко и обыкновенно въ одинъ ярусъ, (покрыты соломою, тростникомъ, лубкомъ, изрѣдка тесомъ и ограждены плетенемъ). Вмѣсто свѣчь Кіевляне жгутъ лучину, которая такъ дешева, что за одинъ *дубль* (монета въ два денарія) можно купить ее болѣе, нежели сколько нужно для освѣщенія длинныхъ зимныхъ ночей. Приготовленіе пищи, свадебные и другіе обряды покажутся для всѣхъ столь же смѣшными, какъ и продажа печныхъ трубъ на рынкѣ (вѣроятно плетеныхъ изъ прутьевъ, кои послѣ вымазываютъ глиною; такія и теперь въ употребленіи по деревнямъ въ Малороссіи). Но здѣсь получили начало свое мужественные витязи Козаки Запорожскіе, закаленные въ битвахъ.

„На полмили ниже Кіева лежитъ селеніе *Печеры* съ большимъ монастыремъ, въ коемъ обыкновенно живетъ Митрополитъ или Патріархъ; близъ монастыря подъ горою находятся пещеры, родъ подкоповъ, въ которыхъ покоятся мощи. Противъ этого монастыря находится другой, женскій; монахини, числомъ до ста, занимаются вышиваніемъ и, посѣщающимъ обитель ихъ, продаютъ искусную работу. Онѣ пользуются свободою выходить изъ монастыря, когда имъ угодно; прогуливаются въ городѣ, носятъ платье черное и, подобно латинскимъ монахамъ, ходятъ по парно. Мнѣ помнится, что я видѣлъ нѣкоторыхъ монахинь столь прелестныхъ, что и въ Польшѣ встрѣчалъ не много подобныхъ красавицъ.

„Между Кіевомъ и Печерами на горѣ, омываемой Днѣпромъ, лежитъ монастырь Николаевскій. Монахи употребляютъ въ пищу только рыбу; впрочемъ имѣютъ право выходить изъ обители и посѣщать знакомыхъ“. [1])

Область Украинскихъ Козаковъ простиралась отъ пороговъ Днѣпровскихъ до Сожи, отъ Ворсклы до Днѣпра, и подъ именемъ Брацлавскаго, Кіевскаго и Черниговскаго воеводствъ съ 1569 г. принадлежала Польшѣ. Воинственные сыны Украины, со времени введенія Уніи, были въ великомъ волненіи. Короли и Паны Польскіе старались, на перекоръ своимъ торжественнымъ грамотамъ и договорамъ, присвоивать земли въ Малороссіи, угнетать низшія сословія, вводить Жидовъ, Езу-

[1]) См. Description d' Ucraine и проч. Par le Sieur de Beauplan. A Rouen. 1660 anno. Edit. 2-de, — Описаніе Украины, или областей Королевства Польскаго, лежащихъ между предѣлами Московіи и Трансильваніи. Сочиненіе Гильöма ле Вассіера де Боплана, перевелъ съ Французскаго Ѳ. Устряловъ. Спб. 1832, in 8.—Есть этой книги еще Польскій переводъ: Ciekawe opisanie Ukrainy polskiey i rzeki Dnierpru и проч. издалъ Нѣмцевичъ въ III томѣ его книги Zbior Pamiętnikow o dawniey Polszcze. Warszawa 1822.

итовъ. Польско-Латинскіе монахи, подобно наводненію рѣки, наполняли Малороссію, а Уніяты различными средствами принуждали Православное духовенство признать Папу главою.

Гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. — Въ самую мрачную, ненастную погоду бываетъ однакожъ, что на короткое время пробивается отрадный солнечный лучь: такъ и въ эти прискорбные дни, когда Кіевская митрополія сиротствовала, Софійская каѳедра и почти всѣ монастыри съ ихъ имуществами были въ рукахъ Уніятовъ и Латынянъ, когда Русскій людъ подвергался поруганіямъ и преслѣдованіямъ, на исторической сценѣ появилось одно лице, заслужившее, по своимъ патріотическимъ дѣйствіямъ, благодарность отъ современниковъ и уваженіе отъ потомства. Это былъ гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. Объ немъ писалъ Самуилъ Величко въ своей Лѣтописи, а изъ новѣйшихъ основательнѣе всѣхъ М. А. Максимовичъ. Мы упомянемъ о Сагайдачномъ только то, что касается Исторіи нашего Кіева. — Такъ какъ Поляки тогда только показывали терпимость къ Малороссіянамъ, когда имѣли нужду въ ихъ помощи, и какъ послѣ Наливайка, сожженнаго въ Варшавѣ въ 1591 г. вскорости у Польши зачиналось большое дѣло выставлять самозванцевъ на Русскій престолъ, то и неудивительно, что Козачеству въ 1601 г. даровано было отъ Сигизмунда III прощеніе и возвращеніе разныхъ правъ и вольностей. Пользуясь этимъ Запорожцы избрали гетманомъ Сагайдачнаго. Славный мужъ сей служилъ вѣрою и правдою Рѣчи Посполитой; въ безпрестанныхъ войнахъ съ Турками и Татарами употреблялъ для нея свои воинскія дарованія и проливалъ кровь свою для этой лицемѣрной мачихи, имѣя цѣлію сколько возможно облегчить печальную судьбу своихъ единоземцевъ; потому что козацкое ополченіе гетмана Наливайка и его погибель показали, что въ ту пору для Украины еще рано было вести открытую борьбу съ Польшею. Въ то время была еще и надежда, что козацкою заслугою Польской коронѣ можно облегчить злополучную участь народа Украинскаго и его Церкви. Подвигъ, предстоявшій Сагайдачному, состоялъ въ томъ, чтобы возстановить свою Православную митрополію. „Ибо съ той поры — пишетъ М. А. Максимовичъ — какъ надъ Южною Русью отяготѣла Унія и осиротила ея Православную Церковь, Южнорусскому Козачеству выпалъ жребій: явиться представителемъ и защитникомъ обиженнаго народа своего и отстоять свою праотеческую вѣру отъ гоненія и насилія западнаго. И дѣйствительно достопамятный гетманъ сей былъ хранительнымъ щитомъ Украины, и сдѣлалъ для нея все, что только можно было сдѣлать тогда подданному Польскаго Короля, не поднимая оружія на Поляковъ — какъ это въ послѣдствіи пришлось сдѣлать Богдану Хмельницкому, когда пропала вся надежда и истощилось все терпѣніе долготерпѣливаго народа“ [1])

Въ 1620 г. Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ возвращался въ Грецію изъ Москвы. Козаки съ гетманомъ Сагайдачнымъ, встрѣтивъ Ѳео-

[1]) 3-я кн. Кіевлянина 1850. стр. 158.

Фана близь Прилукъ, проводили его въ Кіевъ и помѣстили на Подолѣ въ Братствѣ Богоявленскомъ. Пребываніе Православнаго первосвященника въ древнепрестольномъ градѣ подало поводъ Южнорусскому народу желать возстановленія своей осиротѣвшей митрополіи; но Ѳеофанъ, не имѣя согласія ни отъ Сигизмунда, ни отъ патріарха Цареградскаго, коему издревле подчинена была Кіевская митрополія, уклонялся исполнить желаніе Малороссіянъ. Нечаянныя обстоятельства помогли Православнымъ. Поляки потерпѣли въ этомъ году страшное пораженіе отъ Турковъ. Желая выставить всѣ силы свои противъ Порты, Польша увидѣла всю важность козацкой помощи для себя и, по обыкновенію въ такомъ случаѣ, изъявила всѣ ласки Малороссійскому гетману. Сагайдачный, пользуясь этимъ случаемъ, по пріѣздѣ изъ Варшавы въ Кіевъ, преклонилъ патріарха исполнить то, чего такъ давно желалъ Православный народъ Украины. Въ Богоявленской церкви, въ четвертокъ 6 октября, патріархъ Ѳеофанъ съ Неофитомъ, митрополитомъ Софійскимъ и съ Авраамiемъ, епископомъ Стагонскимъ, посвятилъ на епископство Перемышльское *Исаію Копинскаго*, бывшаго дотолѣ игуменомъ Межигорскимъ. А въ слѣдующее воскресенье, 9 октября, въ Великой церкви Печерской, совершилось посвященіе въ Кіевскіе митрополиты *Іова Борецкаго*, игумена Михайловскаго, извѣстнаго ученостію и любимаго въ народѣ за его добродѣтельную жизнь; а въ началѣ декабря посвященъ въ архіепископы Полоцкіе *Мелетій Смотрицкій*. Такъ возстановлена была въ 1620 году Православная Кіевская митрополія, послѣ 25-ти лѣтняго сиротства. Въ январѣ 1621 г. патріархъ Ѳеофанъ простился съ Кіевомъ.

Хотинскимъ походомъ гетманъ Сагайдачный довершилъ военное поприще свое. Измученный трудами и страдающій отъ ранъ, онъ въ ноябрѣ 1621 г. возвратился въ Кіевъ безъ всякихъ тріумфовъ; его полумертваго встрѣтила и приняла въ своемъ домѣ только плачущая жена его Анастасія, урожденная Повченская. Послѣдніе пять мѣсяцевъ жизни своей Сагайдачный посвятилъ преимущественно заботамъ объ успокоеніи и внутреннемъ благѣ Украины и письменно ходатайствовалъ объ этомъ предъ Сигизмундомъ, что однакожь осталось безъ послѣдствій. Гетманъ обратилъ особенное свое попеченіе на Богоявленское Кіевское братство, въ которое записался со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и пожертвовалъ нѣсколько тысячъ на обновленіе монастыря и содержаніе Братской школы. Опредѣливъ вклады и другимъ обителямъ, церквамъ и школамъ, и назначивъ опекунами женѣ, и роднымъ своимъ митрополита Іова и будущаго своего преемника въ гетманы, Олифера Голуба, этотъ славный гетманъ окончилъ жизнь свою въ 1622 г., и погребенъ на погостьѣ Братскаго монастыря. Отъ монумента, поставленнаго на могилѣ Сагайдачнаго, не осталось для потомства ни малѣйшихъ слѣдовъ. Теперь никто не знаетъ даже и мѣста, гдѣ погребенъ прахъ достопамятнаго гетмана; уцѣлѣлъ только большой серебряный, украшенный каменьями, крестъ, пожертвованный имъ въ Братскую церковь, да спаслись отъ забвенія стихи, говоренные студентами при по-

гребеніи надъ тѣломъ его; они напечатаны подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Вѣршѣ на жалостный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска Его К. М. Запорозкого. Зложоныи презъ инока Кассіана Саковича, ректора школъ Кіевскихъ въ Брацтвѣ. Року 1622 in 4°." Между этими вѣршами сохранилась и надгробная надпись, бывшая на монументѣ Сагайдачнаго. Вотъ она:

„Тутъ зложилъ Запорожскій Гетманъ свои кости,
Петръ Конашевичъ, ранный въ войнѣ: для вольности
Отчизны, кгды на нь Турцы моцно натирали,
И пострѣловъ смертельныхъ килька 'му задали:
Который зраненый, живота доконалъ.
Вѣры Богу и кролю и войску доховалъ.
И умеръ бороначи мира ойчистого,
За што узычъ 'му, Творче неба вѣчистого,
Якъ ревнителю вѣры благочестивой,
Въ которой былъ выхованъ зъ молодости своей:
Року тысяча шесть сотъ двадесятъ второго,
Погребенъ въ монастыри Брацтва Кіевского.
На который тысячій килька офѣровалъ,
Аже бы тамъ науки фундовано, жадалъ."

Въ одномъ старинномъ помяникѣ Золотоверхаго монастыря (въ 4-ку) находится слѣдующая замѣтка: „Року 1622, априля 10 дня, благочестивый мужъ, панъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, Войска Его К. М. Запорозкого, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъи звитязствахъ, на ложи своемъ простеръ нози свои, приложися къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни, въ Кіевѣ. Погребенъ при церкви школы Словенское, въ мѣстѣ на Подолѣ честно, въ дому Братства церковного." — Со смертію этого гетмана прекратилась и временная сдержанность Езуитовъ. Не стало болѣе сильнаго защитника, и гоненія на Православныхъ начались съ новою силою. Малороссіяне, особенно обитавшіе на правой сторонѣ Днѣпра, гонимые папистами, убѣгали въ Запорожскую Сѣчь или въ Русскія владѣнія, населяя пять полковъ: Ахтырскій, Харьковскій, Сумскій, Изюмскій и Острогожскій; оставшіеся же въ польскихъ областяхъ терпѣли или бунтовались. Поляки, въ гнѣвѣ своемъ, часто разоряли и самый Кіевъ. Такъ попущеніемъ воеводъ 1621 г. были разграблены и опустошены монастыри, церкви и новозаведенное Братское училище. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ набожные люди искали утѣшенія въ молитвѣ. Благочестивый Петръ Могила, бывшій тогда архимандритомъ Печерскимъ, сочинилъ цѣлый рядъ церковныхъ пѣсней. „Онѣ замѣчательны — говоритъ почтенный издатель ихъ — особенно потому, что изображаютъ дивное явленіе Промысла Божія надъ Св. Лаврою Кіевопечерскою въ бѣдственное время для церкви и народа въ Малороссіи,— произшествіе, немногимъ извѣстное. Изъ самыхъ пѣсней можно видѣть, какъ велика была тогда опасность для этой обители, хранившей въ

себѣ во всѣ времена и хранящей неприкосновеннымъ Православіе." [1]) Поводомъ къ этому религіозному настроенію было въ 1630 году внезапное нападеніе польскихъ войскъ на беззащитную Лавру Печерскую. Кальнофойскій описалъ это обстоятельство въ своей Тератургимѣ; мы передаемъ это описаніе въ переводѣ:

Нападеніе Поляковъ на Печерскую обитель. — „Наступилъ Петровъ постъ и намъ суждено было многое перенести отъ военныхъ смутъ, угрожавшихъ конечнымъ истребленіемъ святой нашей Лаврѣ; но Провидѣніе чудеснымъ образомъ спасло насъ отъ погибели. Это было вотъ какъ: Послѣ разныхъ сраженій вблизи Переяслава съ толпами неспокойныхъ Запорожскихъ *молодцовъ*, нѣкоторыя польскія войска, конныя и пѣшія, между коими находились и Нѣмцы, были предназначены въ помощь другимъ, сражавшимся съ Козаками на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Одно отдѣленіе этого резерва, состоящее около тысячи человѣкъ, вечеромъ, въ четвергъ, 27-го мая, остановилось подъ Кіевомъ и расположилось близъ Златыхъ Вратъ таборомъ на ночлегъ. На другой день, поутру, Поляки узнали, что нѣсколько сотъ Днѣпровскихъ Козаковъ находится вбизи Кіева подъ командою полковника Шульги. [2]) Вдругъ распространился въ польскомъ войскѣ ложный слухъ, что Козаки, возгордившіеся новымъ пролитіемъ *шляхетской* крови на берегахъ Днѣпра, будьтобы торжествуютъ свои побѣды въ Печерской обители. Молва эта раздражила Поляковъ; они рѣшились напасть на Лаврскій монастырь и находящееся вблизи онаго Печерское Мѣстечко, надѣясь захватить тамъ враговъ своихъ. Отправивъ нѣсколько человѣкъ къ военному начальству Кіева съ просьбою снабдить ихъ пушками, пулями, порохомъ (?!) и другими снарядами, сами они пошли на приступъ. Одна часть изъ нихъ отправилась къ Лаврѣ прямо черезъ Кловъ, другая пошла по обыкновенной отъ (*Стараго*) Кіева дорогѣ (нынѣшней *Институтской*), а третья приступала со стороны Лыбеди. Нападеніе на Православную обитель предприняли Поляки въ той увѣренности, что въ слѣдъ за ними привезутъ пушки, на которыя они, кажется, полагали всю свою надежду, и что даже самая погода имъ благопріятствовала, потому что небольшой сѣверный вѣтеръ могъ также вредить ихъ мнимому непріятелю. Окруживъ Печерское Мѣстечко, это храброе войско выслало конныхъ *гарцовниковъ* для вызова къ бою; но какъ никакого непріятеля не было, то онъ и не показывался. Справедливость этого обстоятельства объяснилась въ послѣдствіи засвидѣтельствованіемъ нѣкоторыхъ польскихъ пановъ и жолнѣровъ, которые до этого времени, чтобы не попастъ въ руки Козаковъ, благополучно скрывались подъ кровлею Великой Печерской Церкви. Дѣйствительно Козаки-*молодцы* (junaki) въ это время стояли лагеремъ на одномъ островѣ близъ Кіева; что и было причиною, что Ляхи могли безнаказанно приблизиться къ стѣнамъ святой обители.

[1]) Кіевск Епарх. Вѣдом. 1861 г. стр. 491. [2]) Въ Исторіи Малороссіи Маркевича упоминается о полковникѣ Шульгѣ, но уже въ сентябрѣ 1674 г., во время войны Дорошенка съ Самуйловичемъ. Т. II. стр. 226.

Но вдругъ произошелъ странный случай: Бурный вѣтеръ съ ужасною силою внезапно заперъ *ворота*, называемыя *Кіевскими* [1]). Хотя и прежде случалось—какъ пишетъ Кальнофойскій—что ворота эти сами запирались отъ вѣтра; но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Поляки могли думать, что скрывающіеся въ Печерскомъ монастырѣ Козаки запираютъ ворота для большей безопасности. Въ тоже самое время какой то скитающійся пьяница, увидѣвъ вокругъ Лаврскаго Мѣстечка подступающихъ польскихъ и нѣмецкихъ солдатъ, побѣжалъ на Днѣпровскій островъ и далъ знать объ этомъ полковнику Шульгѣ. Козаки, предводительствуемые Шульгою, тотчасъ отправились на встрѣчу Ляхамъ, овладѣли обѣими воротами, (находившимися — какъ должно полагать—въ оградѣ близъ Пещеръ, со стороны Днѣпра), и захватили стоявшую тутъ пушку, которая была набита соломою (заряжена, naładowana?!), вырыли около забора шанцы и начали стрѣлять изъ пушки въ Нѣмцевъ, которымъ однакожъ не причинили большаго вреда, потому что густыя деревья Грецкихъ орѣховъ и нѣсколько строеній достаточно защищали противниковъ. И такъ подъ стѣнами святой обители началось сраженіе. Поляки думали, что имъ стоитъ только пустить въ дѣло свою конницу, чтобы разбить Малороссійскихъ Козаковъ и желая доставить рейтарамъ своимъ свободное мѣсто, принялись рубить и разрушать монастырскій тынъ. Увлеченные воодушевленіемъ, они воображали, что усилія ихъ увѣнчаетъ совершенная побѣда; но внезапный дождь уничтожилъ всѣ расчеты храбрости. Вначалѣ утра ясное, улыбающееся небо стало помрачаться; грозная, чрезвычайно темная туча закрыла весь горизонтъ, и изъ нея полился необыкновенный дождь, охладившій весь военный жаръ и заставившій Поляковъ искать спасенія въ разбросанныхъ хижинахъ Печерскаго Мѣстечка. Въ отмщеніе за свою неудачу, они намѣревались сжечь Мѣстечко, но сильно намоченное дерево и солома не загорались. Со злобою въ сердцѣ воины удалились съ поля битвы, положивъ твердое намѣреніе возобновить вражеское свое предпріятіе на другой день. Узнавъ объ этомъ намѣреніи, отецъ архимандритъ отправилъ въ станъ враговъ Генрика Кашевскаго и Н. Шашевскаго, тѣхъ самыхъ пановъ, которые на Великой Церкви Печерской прятались отъ поисковъ Козацкихъ. Уцѣлѣвшіе эти рыцари предстали предъ пана Бутлера и пана Жолтовскаго, предводительствовавшихъ разбойническимъ нападеніемъ на мирную, беззащитную обитель иноковъ. Кашевскій съ товарищемъ говорили о человѣколюбіи и состраданіи Петра Могилы; изобразили при этомъ весьма печальное положеніе Печерскаго монастыря между двумя воюющими сторонами, подвергающагося безпрестанно притѣсненіямъ, поборамъ и оскорбленіямъ всякаго рода. Смягченные этимъ представле-

[1]) Воротъ, называемыхъ *Кіевскими*, или башень съ воротами было тогда двое: одни недалеко отъ Десятинной церкви на Старомъ Кіевѣ, а другія на Печерскѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь въ земляномъ валу находятся крѣпостныя ворота, ближайшія къ Спасской церкви, о чемъ упомянуто у Кальнофойскаго и въ *Росписи Киеву* 1682 г. О. Аѳанасій въ своемъ разсказѣ разумѣлъ эти послѣднія ворота, т. е. на Печерскѣ.

ніемъ, стратиги польскіе вспомнили также о своей храброй ретирадѣ съ поля сраженія и, взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, положили: освободить отца архимандрита отъ всякаго подозрѣнія въ сочувствіи къ Козакамъ и оставить Печерскую Лавру въ покоѣ. Иноки со своимъ знаменитымъ настоятелемъ, исполненные глубокою благодарностію къ Провидѣнію за столь чудесное спасеніе древней обители Печерской отъ очевидной опасности, положили ежегодно совершать процессію вокругъ монастыря и города.“ [1])

Описанное Кальнофойскимъ произшествіе это показываетъ намъ всю опасность, какой подвергалась не только Печерская обитель, но и весь Кіевъ съ его монастырями и церквами; и опасность эта, подобно Дамоклову мечу, безпрестанно угрожала во все продолженіе Козацкихъ войнъ съ Поляками. Положеніе чрезвычайно трудное и тягостное!

Митрополитъ Петръ Могила. — Говоря объ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ о великихъ заслугахъ Петра Могилы въ пользу Православія. Заслуги эти по преимуществу суть слѣдующія: Ему удалось отнять изъ рукъ Уніятовъ Ярославовъ Софійскій храмъ и возвратить его Православнымъ, возстановить изъ развалинъ нѣкоторые древніе Кіевскіе храмы, преобразовать Братскую академію, издать нѣсколько исправленныхъ богослужебныхъ книгъ и наконецъ исходатайствовать отъ польскаго правительства позволеніе означенныя предначертанія свои привести въ дѣйствіе. Эта послѣдняя Могилина заслуга, если мы не ошибаемся, есть самая важная, потому что она была самая труднѣйшая. Справедливость этого мнѣнія весьма убѣдительно развита въ одной небольшой статьѣ неизвѣстнаго автора такимъ образомъ:

„Прежде чѣмъ приступить къ обновленію древнѣйшихъ Кіевскихъ храмовъ, надо было исхлопотать право на владѣніе одними изъ нихъ, находившимися въ рукахъ Уніятовъ, и на возобновленіе другихъ, лежавшихъ подъ грудами развалинъ. Много конечно трудовъ и заботъ понесъ Могила при самомъ возобновленіи храмовъ, много имѣнія своего и родительскаго истратилъ онъ на это дѣло; но едва ли не большихъ хлопотъ, усилій и огорченій стоило ему выхлопотать самое право на владѣніе и возобновленіе. Хотя его труды и издержки по обновленію были велики, но несравненно важнѣе въ то время было получить самое право на это дѣло. Только въ связи съ важностію этого права можно понять всю важность совершеннаго Могилою обновленія древнѣйшихъ Кіевскихъ храмовъ. На нашъ взглядъ это, повидимому, обыкновенное дѣло набожности имѣетъ весьма важное историческое и даже современное политическое значеніе, и не для одного только Кіева, но для всего югозападнаго Русскаго края. Чтобы понять важность и значеніе этого дѣла, припомнимъ нѣкоторыя историческія его обстоятельства.

„Въ 1632 г. умеръ Польскій Король Сигизмундъ III, извѣстный въ

[1]) Тератургима, стр 318 и др.

исторіи съ именемъ жалкаго орудія Езуитовъ. Болѣе тритцати лѣтъ онъ обагрялъ кровію нашъ край, подвластный тогда Польшѣ, наполнялъ стонами и воплями исповѣдниковъ Православной вѣры. Не въ одномъ Кіевѣ, но на всемъ протяженіи югозападнаго Русскаго края Православная вѣра была поругана, святыни ея попраны, храмы Божіи или лежали въ развалинахъ и запустѣніи, или находились въ рукахъ Уніятовъ, Поляковъ и Жидовъ, въ видѣ костеловъ, синагогъ, казармъ, конюшень, питейныхъ домовъ и проч. Шелъ вопросъ о томъ, быть или не быть Православію и народности Русской въ областяхъ Польско-Русскихъ. Вопросъ поставленъ былъ слишкомъ прямо, а въ рукахъ польскаго правительства и заправлявшихъ его политикою Езуитовъ были всѣ средства къ рѣшенію его въ свою пользу. Православію и народности Русской грозила рѣшительная гибель. Все зависѣло отъ выбора новаго короля, отъ его взгляда и настроенія. По существовавшему въ Польшѣ порядку въ выборѣ короля участвовали представители всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій, всѣхъ общинъ и корпорацій какъ религіозныхъ, такъ и гражданскихъ. При этомъ они просили у новаго короля подтвержденія своихъ правъ и привилегій, при этомъ утратившія свои права корпораціи и частныя лица могли надѣяться на ихъ возвращеніе. Въ эту-то критическую минуту представителемъ и защитникомъ интересовъ Православія явился на Варшавскомъ сеймѣ Петръ Могила, тогда еще архимандритъ Печерскій. Онъ велъ ожесточенную борьбу съ папистами, употреблялъ въ дѣло всѣ силы своего ума, образованія и аристократическаго вліянія, одолѣлъ нунція, примаса, польскихъ магнатовъ, уніятскія власти и самыхъ злѣйшихъ враговъ Православія Езуитовъ и съ торжествующимъ видомъ возвратился въ Кіевъ въ санѣ митрополита. Что подвигло его на такую чрезвычайную борьбу, которая не давала ему покоя до конца жизни? Что побудило его при этомъ къ такому неблаговидному поступку, какъ смѣщеніе съ митрополичьей каѳедры Исаіи Копинскаго, того самаго, который послалъ его вмѣсто себя на сеймъ въ Варшаву? Чтобы ни говорили польскіе писатели о честолюбіи Могилы, о его жаждѣ дѣятельности, мы не видимъ здѣсь ничего другаго, кромѣ святаго и непреклоннаго желанія спасти погибавшее Православіе.“ [1])

Въ приведенномъ выше отрывкѣ авторъ выставляетъ Могилу какъ бы единственнымъ дѣятелемъ на пользу Православія, не упоминая о другихъ; но изъ исторіи видно, что онъ едва ли бы достигъ столь блестящихъ результатовъ, еслибы его не поддерживали усердно и единодушно всѣ Литовскіе и Западнорусскіе дворяне, чины и шляхта Православнаго исповѣданія, и еслибы самъ Владиславъ былъ менѣе великодушенъ и справедливъ. Поэтому никакъ нельзя отрицать, что счастливыя обстоятельства много благопріятствовали Печерскому архимандриту; а извѣстно, что обстоятельства играютъ важную роль въ жизни человѣческой.

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1864 г. стр. 275.

Что касается *неблаговиднаго* Могилина поступка въ отношеніи къ Исаіѣ Копинскому, то намъ остается только повторить мнѣніе ученаго и безпристрастнаго изыскателя, преосв. Евгенія, что „*какъ бы то ни было*, но Петръ Могила, за исходатайствованіе многихъ выгодъ и преимуществъ Православной Кіевской іерархіи, былъ достоинъ своего званія," [1]) именно потому, что дѣяніями своими вполнѣ оправдалъ надежды Православныхъ. Онъ исправилъ порядокъ богослуженія, издалъ требникъ, катихизисъ, улучшилъ бытъ Братской школы и преобразовалъ ее въ академію. Особенную ревность выказалъ онъ при возобновленіи древнихъ Кіевскихъ храмовъ, погребенныхъ въ своихъ развалинахъ. Его руководствовала однакожь при этомъ не любовь къ древностямъ; въ его время любви этой еще не знали, она явилась гораздо позже, когда историческія науки получили обширное свое развитіе. Чувство набожности также не могло быть исключительнымъ побужденіемъ; потому что, при своемъ огромномъ богатствѣ и при обильной помощи отъ Царей Русскихъ, онъ могъ легко построить нѣсколько новыхъ церквей. Не смотря на это, кучи развалинъ были для него драгоцѣннѣе новыхъ построекъ; потому что съ этими развалинами сопряжена глубокая мысль, которую разгадалъ Могила. Мысль эта состояла въ томъ, что существованіе древнѣйшихъ храмовъ Кіевскихъ доказывало существованіе въ древности и Православія въ Русскихъ областяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обличало явную и наглую ложь Езуитовъ, утверждавшихъ, что еще со временъ Владиміра святаго введено было въ Россію латинство. Теперь понятно, для чего Могила обратилъ свое вниманіе преимущественно на возобновленіе драгоцѣнныхъ, по воспоминаніямъ, развалинъ. Храмы эти составляли наглядныя доказательства исконнаго Православія на Руси. „Эти священные памятники древности, — пишетъ вышеприведенный авторъ, — спасенные Могилою отъ совершеннаго уничтоженія, привлекали къ себѣ вниманіе и любовь Православнаго народа и служили для него всегдашнею школою, какъ нельзя яснѣе учившею, что Православіе и латинство или унія не одно и тоже, что между ними нѣтъ и не должно быть ничего общаго, что эти памятники—плодъ и достояніе Православія, что кто посягаетъ на нихъ, кто хочетъ положить на нихъ другую печать, или относится къ нимъ неуважительно, тотъ врагъ, съ которымъ короткая расправа, какъ показалъ примѣръ Выдубицкаго игумена (уніята Антонія), брошеннаго Козаками въ Днѣпръ. Въ древнѣйшихъ храмахъ Кіевскихъ хранилось все, что такъ дорого было народу: нетлѣнные остатки Русскихъ Святыхъ, гробницы благовѣрныхъ Князей Кіевскихъ, ихъ вклады и приношенія. Такіе остатки древности затрогивали всѣ стороны народнаго чувства и самолюбія, и въ сохраненіи, возстановленіи и расширеніи ихъ мы видимъ мудрость и великую заслугу Могилы, какъ для того, такъ и для всего послѣдующаго времени, въ которое край нашъ находился подъ гнетомъ уніи и латинства."

[1]) Опис. Кіевск. Софіи стр. 171.

При всемъ чувствѣ уваженія къ важнымъ заслугамъ знаменитаго іерарха, мы должны однакожъ замѣтить, что всѣ старанія и дѣла Петра Могилы едва ли бы имѣли рѣшителное вліяніе на массу народа въ пользу Православія, если бы этотъ вопросъ не былъ вскорости рѣшенъ мечемъ Хмельницкаго съ помощію Царя Алексѣя Михайловича; потому что въ борьбѣ Малороссовъ съ фанатизмомъ латинянъ, — какъ исторія свидѣтельствуетъ, — однихъ нравственныхъ силъ было совершенно недостаточно. Историческія и религіозныя истины въ глазахъ Поляковъ, особенно Езуитовъ, не имѣли никакой цѣны. Страсти заглушили разсудокъ и только матеріальная сила могла порѣшить это дѣло.

Гетманъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій. — Народъ съ древнѣйшихъ временъ проникнутый Русскимъ духомъ, пламенно любящій родину и Вѣру, часто съ орудіемъ въ рукахъ защищалъ права свои, но всегда возобновлялъ союзъ съ Рѣчью Посполитою, а она не замедляла забывать свои обѣщанія, уничтожать собственные договоры, и продолжать снова тиранить Козаковъ, объявляя ихъ *бунтливыми* и осуждая въ рабство. Поляки обманомъ захватывали многихъ гетмановъ и другихъ начальниковъ Козацкихъ, отвозили ихъ въ Варшаву, гдѣ предавали ужаснымъ казнямъ; отняли у Козаковъ всѣ права, какія даровалъ имъ Стефанъ Баторій; земли перешли въ руки польскихъ помѣщиковъ, а деньги въ руки жидовъ; въ судахъ владычествовала явная несправедливость; города лежали въ развалинахъ; болѣе всего страдала Православная Церковь. Наконецъ въ 1638 г. Сеймъ постановилъ конституціею: *Козаковъ Украинскихъ сравнять съ польскими мужиками*, и назначилъ для управленія ими коммиссаровъ съ неограниченнымъ правомъ живота и смерти. Трудно вообразить, до какой степени жестокости и звѣрства доводилъ Поляковъ религіозный фанатизмъ. Возобновились времена Нероновъ, Калигуловъ, Домиціановъ, свирѣпствовавшихъ въ первые вѣки Христіанства. Всѣ роды смерти, самые мучительные были испытываемы и употребляемы для наказанія тѣхъ, кои отвращались отъ уніи; жизнь человѣка Русскаго рѣшительно ничего не значила. Историческіе акты, свидѣтельство современныхъ польскихъ писателей и страшная память въ народѣ объ этихъ варварствахъ, доказываютъ справедливость тогдашняго общаго мнѣнія, что „кичливый Ляхъ цѣнилъ презрѣннаго жида и смердящаго пса гораздо выше всякаго Православнаго Русскаго.“ Бѣдствія Малоросіи достигли крайняго предѣла; но въ это время возсталъ герой Хмельницкій и произвелъ счастливую эпоху въ исторіи своего народа.

Гетманъ Зиновій-Богданъ Михайловичъ Хмельницкій, предводительствуя Запорожскими Козаками, съ 1648 г. до смерти своей велъ кровопролитныя и жестокія войны съ Польшею за притѣсненія Православныхъ въ вѣрѣ и имѣніяхъ, и это обстоятельство въ послѣдствіи освободило Кіевъ отъ ига польскаго; но прежде сего Кіевъ долженъ былъ многое перенести: Хмельницкій одержалъ сперва надъ Поляками при *Желтыхъ Водахъ*, потомъ подъ *Корсунемъ*, знаменитыя побѣды, а при *Константиновѣ* разбилъ и все остальное ихъ войско, въ Кіевѣ же ра-

зорилъ всѣ Латинскіе кляшторы и костелы. Малороссійскіе лѣтописцы сообщаютъ, что Хмельницкій, по прибытіи въ Кіевъ въ 1649 г. для принесенія торжественной благодарности Богу за одержанныя имъ побѣды, встрѣченъ былъ жителями сего города какъ избавитель всей Украины. Тамошнее духовенство, въ привѣтствіяхъ своихъ, именовало его *истиннымъ Богданомъ*, то есть *Богомъ даннымъ* [1]). Устрашенные Поляки начали 1649 г. въ Переяславлѣ договариваться о мирѣ; но какъ эти условія не утверждены Королемъ Яномъ Казимиромъ, то возгорѣлась опять война и самъ Король подъ *Зборовымъ* едва не попался Хмельницкому въ плѣнъ. Послѣ этихъ успѣховъ козацкаго оружія возобновленъ и заключенъ договоръ въ августѣ, 1649 г., съ Польшею на весьма выгодныхъ условіяхъ для Православныхъ. Но все это сдѣлано только на бумагѣ и ничего не исполнено; посему съ 1651 г. началась война, которая однакожь была неудачна для Козаковъ. Въ это время, при приближеніи кн. Януша (Ивана) Радзивила, гетмана Литовскаго, предводительствовавшаго Поляками, митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, архимандритъ Печерскій Іосифъ Тризна, Адамъ Кисель воевода Кіевскій, члены магистрата съ гарнизономъ оставили Кіевъ. Граждане просили пощады представляя, что они никогда не имѣли съ Козаками связей, напротивъ помогали многимъ дворянамъ и доставляли имъ убѣжище. Но Кіевъ былъ занятъ польскими войсками, жители обезоружены, и городъ 16 и 17-го августа большею частію выжженъ и разоренъ. Это варварство произошло, какъ свидѣтельствуютъ Лѣтописи Украинскія, изъ мщенія и страха; ибо Хмельницкій приближался къ Кіеву съ Козаками; а польскіе историки увѣряютъ, что это сдѣлалось случайно. Въ первый день сгорѣло шестьдесятъ домовъ; на другой однихъ шляхетскихъ болѣе двухъ сотъ; нѣсколько церквей, въ томъ числѣ св. Василія, построенная Владиміромъ I; св. Власія, гдѣ во время язычества находилось капище Волоса, бога скотовъ; соборная Пресвятыя Богородицы, каменная; ратуша, лавки, пивоварни, хлѣбни, важня, домъ гостиный и многія другія зданія сдѣлались жертвою огня. Но соборъ Латинскій и костелъ Доминиканскій остались невредимы, хотя пламя касалось и оныхъ, потому что Поляками было потушено. Гетманъ Запорожскій принужденъ былъ заключить невыгодный договоръ съ Польшею; между тѣмъ видя съ соболѣзнованіемъ угнетеніе своего народа, возобновилъ непріятельскія дѣйствія и выгналъ всѣхъ польскихъ помѣщиковъ изъ Украины; а Поляки, соединясь съ Крымскимъ Ханомъ и Султаномъ, хотѣли уже занять всю Малороссію. Въ этихъ смутныхъ обстоятельствахъ герой обратился къ царю Русскому. Хмельницкій не могъ ожидать отъ Татаръ и Турокъ постояннаго покровительства. Украина, по географическому своему положенію, лежащая между тремя сильными державами, при аристократическомъ правленіи, не могла остаться самостоятельною; а потому Гетманъ, по одинаковости языка и религіи, предпочелъ присоединиться къ державѣ Царя Русскаго, Алек-

[1]) Б.-Камен. Ист. Малор. Т. I. стр. 227.

сѣя Михайловича, и въ 1654 г. января 17-го дня въ Кіевѣ, (который уже былъ занятъ Русскими) совершена была, въ присутствіи наказнаго Кіевскаго полковника, Антонія Адамо́вича, присяга въ Печерскомъ монастырѣ. — Какой-то современный уніятъ пишетъ: „Я самъ своими несчастными очами видѣлъ, какъ Москвитяне въѣзжали въ Кіевъ. Отъ Царя были съ возможнымъ великолѣпіемъ слѣдующія лица: старшій изъ нихъ былъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ, ближній бояринъ Царскаго Величества, намѣстникъ Тверской, другой—окольничій и намѣстникъ Муромскій Иванъ Васильевичъ Алферьевъ, третій—думный дьякъ Ларіонъ Лопухинъ, четвертый—стольникъ Царскій, (здѣсь показаніе невѣрно; стольниковъ было всего девять), и съ ними была тысяча Московскихъ всадниковъ (только двѣсти стрѣльцовъ) и два полка Козаковъ. Передъ хоругвями ихъ ведены были девять турецкихъ лошадей, великолѣпно одѣтыхъ попонами, потомъ несены были хоругви, очень красивыя: одна красная, а другая пурпуровая; на одной изображенъ левъ, на другой единорогъ, на третьей рыба морская съ дѣвичьею головою въ коронѣ. Затѣмъ ведены были восемь турецкихъ лошадей, покрытыхъ до самой земли попонами, вышитыми серебромъ. За этими конями шли самые послы пѣшкомъ въ Золотые Ворота, гдѣ встрѣтилъ ихъ отецъ митрополитъ и все духовенство. Отъ слезъ они не видѣли свѣта Божія, а его милость, отецъ митрополитъ обмиралъ отъ печали. Съ посланными находился архимандритъ изъ столицы, который самъ читалъ присягу, когда мѣщане присягали. Протопопъ, монахи и діаконы были въ великолѣпныхъ облаченіяхъ, а самъ Гетманъ не присутствовалъ. Воевода Московскій идетъ къ Кіеву со стотысячнымъ войскомъ...... Царь обѣщаетъ всѣмъ оставить права и имущество, кто поддастся добровольно и окрестится (?), и еще дать большія права и проч. Изъ Чернобыля, 22 января 1654 года“. [1])—Первымъ воеводою Кіевскимъ изъ Русскихъ былъ князь Куракинъ, который поправилъ и распространилъ укрѣпленія около Стараго Кіева. Жители платили 600 рублей серебромъ въ годъ подати [2]).

Польскіе писатели смотрятъ на славнаго Богдана Хмельницкаго, какъ на мятежника. Не нужно забывать, что Поляки искони и доселѣ смотрятъ на все Русское враждебно и всякая ложь для нихъ хороша, лишь бы затмить истину. Поэтому доказывать неосновательность ихъ мнѣнія не стоитъ. Русскіе соединились съ Поляками на правѣ равенства, Поляки отнимали это право, Русскіе защищали его; возникла долгая, кровавая борьба и Провидѣніе наказало клятвопреступниковъ, безсовѣстно нарушавшихъ свои торжественные договоры и обѣщанія. Послѣдствія этой борьбы огромны и долговѣчны, и какъ бы ни смо-

[1]) См. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. кн. 3, 1861 г. [2]) Энгель, стр. 166—176. Пасторій, стр 205. Ист. Мал. Росс. Б.-Каменск. Изд 3. Т. I. стр. 271. Опис. Кіевск. Софіи Болховитинова, стр. 182.—Въ Чтен. Общест. Истор. и Древн. Россійск. въ 1858 г. началъ О. М. Бодянскій издавать акты и другіе источники, относящіеся къ Исторіи Малой Россіи гораздо въ большемъ числѣ и полнѣе, нежели сколько помѣстили Б.-Каменскій и Маркевичъ при своихъ сочиненіяхъ. Акты эти издаются подъ названіемъ: „Источники Малороссійской Исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. Вышло два тома.

трѣли на заслуги Хмельницкаго, они неувядаемы.—Никакой здравомыслящій человѣкъ не будетъ отрицать слѣдующихъ историческихъ событій: 1) что Польша своимъ фанатизмомъ и гоненіями оттолкнула отъ себя Малороссіянъ, 2) что съ потерею Малороссіи былъ сопряженъ упадокъ Польши, а внутреннія неустройства ея окончили разложеніе оной, и 3) что съ присоединеніемъ Южной Россіи подъ скипетръ царя Алексѣя Михайловича Великая Русь получила первенство между всѣми Славянскими племенами. И такъ Хмельницкій бросилъ свой мечь на эти историческіе вѣсы и далъ перевѣсъ Восточной Россіи надъ Польшею. Этотъ геніальный человѣкъ имѣлъ рѣдкое счастіе однимъ поступкомъ принесть двоякую пользу: освободить Южную Русь отъ фанатизма папистовъ и усилить Великую Русь нѣсколькими милліонами новыхъ подданныхъ. Заслуги очевидно немаловажнѣе тѣхъ, какія оказали Суворовъ, Кутузовъ и Барклай де Толли. Если этимъ героямъ Русскимъ, по справедливости, воздвигнуты изваянныя изображенія на память родовъ, то казалось бы, что и Хмельницкій имѣетъ право на такое же вниманіе потомства. Но объ немъ забываютъ, вѣроятно, потому что насъ отдѣляютъ слишкомъ двѣсти лѣтъ отъ него; а давнопрошедшее меркнетъ и блѣднѣетъ въ воображеніи людей.

Малая Россія, а съ нею и Кіевъ недолго наслаждались трудами Хмельницкаго; ибо со смертію сего знаменитаго Гетмана (1657 г.), вновь начались военныя бури и новыя бѣдствія, коихъ причиною былъ измѣнникъ Гетманъ Виговскій. Поляки опять (1660 г.) заняли Кіевъ, однако вскорости были изгнаны изъ него Русскими войсками; въ 1661 и 1663 г. осаждали, и все тщетно; въ это время защищалъ городъ князь Борятинскій; впрочемъ безпрестанные набѣги и опасности продолжались до 1666 г. Объ этихъ опасностяхъ для Кіева свидѣтельствуетъ неоднократно одинъ современный Малороссіянинъ такъ: „Тогожъ лѣта (1658 г.) Виговскаго братъ Данило зъ полками Козацкими сталъ подъ Кіевомъ на Щекавици, хотячи Кіева доставати; але бояринъ Шереметевъ тое его войско разогнавъ.—Тогожъ року (1679 г.) на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ мосты на байдакахъ уроблены широкіи, же у три лавы (*ряда*) могли ити возы; а тое роблено коштомъ царскимъ за для переходу войскъ, которыя войска стояли до Рождества Пресвятои Богородици; але по отходѣ войскъ зподъ Кіева, Татаре, подпавши, учинили немалую шкоду; бо Козаковъ и Москвы (*Русскихъ*) не мало порубали и живо побрали, которые при конехъ зоставали за Лыбедью, также и коней много барзо заняли.—Тогожъ року (1687) Татаре барзо великія шкоды коло Кіева починили, коло самого города, подъ за́мкомъ (*близъ Златыхъ Вратъ*), людей побрали, постынали и усе лѣто не давали отпочинку, же зъ города за Лыбедь трудно было выйти, не дбаючи на тое, що наши войска на Крымъ пойшли.“ [1]) Наконецъ, послѣ безполезныхъ покушеній возвратить себѣ Кіевъ, утомленные войною непріятели начали вести мирные переговоры съ Россіею.

[1]) Лѣтоп. Самовидца о войнахъ Хмельницкаго. См. Чтенія въ Общест. Истор. и Древн. Россійск. М. 1846 г.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТЪ ВОЗВРАЩЕНІЯ ГОРОДА КІЕВА ПОДЪ РОССІЙСКУЮ ДЕРЖАВУ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ, ОТЪ 1667 ДО 1865 ГОДА.

Начавшіеся съ 1666 года мирные переговоры между Россіею и Польшею кончились перемиріемъ на 13 лѣтъ надъ рѣкою Городнею, въ деревнѣ Андрусовой 20-го января 1667 г. Этимъ договоромъ возвращены Польшею Россіи навсегда Смоленскъ со всѣми на лѣвой сторонѣ Сѣверскими и Черниговскими городами; Днѣпръ признанъ границею между Россіею и Польшею. *Кіевъ уступленъ Россіи только на два года*, и около этого города владѣть землею не больше, какъ на милю; будущую же судьбу его долженъ рѣшить вѣчный миръ, имѣющій быть чрезъ два года послѣ сего заключеннымъ. *Однако же еще съ 1667 г., или со времени Андрусовскаго договора, Кіевъ уже не отданъ, а остался навсегда за Россіею.* Ибо бывшимъ мирнымъ договоромъ 17 марта 1670 г. съ Польскимъ Королемъ Михаиломъ Вишневецкимъ положено спорные пункты (къ коимъ и Кіевъ принадлежалъ) рѣшить будущимъ договоромъ, назначеннымъ въ 1674 г. Между тѣмъ наслѣдникъ Алексѣя Михайловича, Царь Θеодоръ III Алексѣевичъ, для продолженія мира съ Польшею, возобновилъ переговоры съ Королемъ Іоанномъ Собіесскимъ и 3 августа 1678 г., между прочимъ, положено: „Андрусовскій миръ продолжить до 1693 г.: въ продолженіи сего времени обѣимъ сторонамъ стараться о заключеніи вѣчнаго мира, а въ вознагражденіе за Кіевъ и Смоленскъ Царь Θеодоръ Алексѣевичъ обѣщался Королю дать 200,000 руб. и уступить города Невель, Себежъ и Велижъ.“ Но по послѣднему договору 14 апрѣля 1686 г. Царей Іоанна V и Петра Алексѣевичей съ Польшею, Кіевъ возвращенъ навсегда Россіи. Польское правительство отреклось отъ всѣхъ притязаній на сей городъ. Въ это время Собіескій воевалъ съ Турками, но увидѣлъ, что безъ помощи Русскихъ онъ не можетъ противустоять врагамъ своимъ, посему отправлены были Гржимальтовскій и Огинскій въ Москву съ предложеніемъ мира и вѣчнаго возвращенія для Россіи всей Украины, Кіева и Смоленска. 6-го мая вѣчный миръ подписанъ бояриномъ Шереметевымъ въ Яворѣ, съ условіемъ, чтобы за уступки Польша получила полтора милліона Польскихъ золотыхъ, т. е. около девяти сотъ тысячъ рубл. Собіескій, бывшій во Львовѣ, зарыдалъ, когда долженъ былъ клясться и подписать этотъ договоръ [1]). И такъ наконецъ Провидѣніе возвратило Русскимъ ихъ древнее и священное достояніе; но для Малороссіи эти времена были самыми несчастными; она была постояннымъ теа-

[1]) Engel. Geschichte der Ukraine, стр. 282.—Ewers: Geschichte der Russen, стр. 414.

тромъ кровопролитныхъ войнъ между Козаками, Татарами, Поляками и Русскими. Стало быть Кіевъ, начиная съ 864 г. до 1240 г. существовалъ 376 лѣтъ какъ самостоятельный Русскій городъ, бывшій столицею Руси 287 лѣтъ; потомъ до 1320 г. находился онъ 80 лѣтъ подъ игомъ Татарскимъ, а по освобожденіи отъ него до 1569 г. пробылъ 249 лѣтъ сперва Княжескимъ, потомъ Воеводскимъ городомъ Западно-Русскаго Великаго Княжества Литовскаго; послѣ того онъ до 1667 г., въ продолженіи 98 лѣтъ принадлежалъ Польшѣ. Такъ прошло 803 года его исторической жизни до присоединенія его вновь подъ державу Русскую.

Состояніе города.—Между тѣмъ и при Русскихъ воеводахъ до начала XIX столѣтія, въ продолженіи почти 150 лѣтъ, Кіевъ былъ бѣднымъ городомъ; тѣсныя, грязныя, выстланныя фашинникомъ улицы оставались по прежнему; низкіе, въ безпорядкѣ выстроенные дома, бѣдныя крамницы (лавки) не измѣняли жалкаго вида; общеполезныхъ предпріятій и заведеній о домоустройствѣ, фабрикъ и заводовъ не было. Старый Кіевъ оставался въ своихъ древнихъ земляныхъ валахъ, которые были воеводами исправлены и возвышены. Подолъ по прежнему огражденъ былъ деревянными стѣнами съ башнями и окопанъ рвомъ. Главнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ въ это время былъ нашъ древнѣйшій *Кремль*, или первоначальный Кыевъ, то есть Андреевское Отдѣленіе Стараго Кіева (а не За́мокъ на горѣ Киселевкѣ, какъ ошибочно означено въ Обозрѣніи Кіева, стр. IX; ибо съ прекращеніемъ въ Кіевѣ владычества Поляковъ и деревянный за́мокъ, устроеный на горахъ Уздыхальницѣ и Киселевкѣ, составлявшихъ тогда еще одну гору, по ненадежности своей, оставленъ и вскорости прекратилъ существованіе). Въ упоминаемой крѣпости, называвшейся тогда *Верхнимъ Малымъ Городомъ*, сосредоточивалось главное военное и гражданское управленіе Кіевомъ. Софійское Отдѣленіе составляло *Верхній Большой Городъ*, а оба вмѣстѣ одну крѣпость, о положеніи которой и о числѣ гарнизона даютъ свѣдѣніе слѣдующія донесенія Кіевскаго воеводы Кн. Юрія Трубецкаго за 1673, и 1674 годы: „Киевъ Большой и Малый Городъ съ выводами кругомъ 2,466 саженъ съ полусаженью (въ мартѣ 1673 г.), а ратныхъ конныхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и рейтаръ, да пѣхотного строю, драгуновъ, и солдатъ, и стрѣльцовъ, и пушкарей было 6,869 человѣкъ. И въ приходъ воинскихъ людей къ осадному времени въ Верхнемъ, въ Большомъ и въ Маломъ Городѣхъ имѣется тѣхъ людей по стѣнамъ и по башнямъ на двое доли только по три человѣка, а на третью долю только по два человѣка на сажень, для помочи на городовую стѣну, куда почаетъ непріятельскаго приходу, пѣхотныхъ людей для вылазки изъ города конныхъ посылать некого.—Въ 1674 году въ Киевѣ Верхнемъ, въ Большомъ и Маломъ Городѣхъ сдѣланы вновь земляные выводы и всякие крѣпости многіе, (въ апрѣлѣ и въ августѣ говорится уже о 2,548 саженяхъ), а рейтары, и драгуны, и солдаты, и стрѣльцы многіе работали.... но людей мало.... не только отпоръ, но и Города уберечь некѣмъ.... Киевскаго полку старыхъ рейтаръ 68 человѣкъ, драгунъ

50 ч., солдатъ 242 ч., стрѣльцовъ 3,929 ч., пушкарей 38 ч. всего 4,327 ч. Да изъ того числа драгуны, и солдаты, и стрѣльцы посылаются стременою (?) в остръ (въ острогъ, за́мокъ ?) по 200 чел., въ Киевъ, въ Нижній Городъ (на Подолъ) по 100 чел., въ Печерское Мѣстечко по 50 ч., въ Городокъ, что на Печерской горѣ, по 50 человѣкъ [1]).“

Въ 1669 г. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ учредить почты въ Малороссіи посредствомъ добровольнаго найма и выдавая половину *урядной* цѣны изъ Великороссійскихъ доходовъ, а съ 1674 г. начали принимать письма въ Кіевѣ, Нѣжинѣ и Батуринѣ.

Роспись Кіеву 1682 г.—Въ 1847 г. отысканная офиціальная *Роспись Киеву во 190 году* даетъ намъ возможность предложить въ сокращеніи современное *Описаніе Кіева въ 1682 году*: „Старый Кіевъ на высокихъ горахъ обнесенъ кругомъ землянымъ валомъ съ бастіонами, раздѣляется на двѣ неравныя половины, на меньшій городъ и на бо́льшій: Меньшій Городъ (*т. е. древнѣйшая часть Стараго Кіева, или до новѣйшихъ временъ бывшее Андреевское Отдѣленіе Стараго Города*), составляетъ собою главнѣйшую Кіевскую крѣпость, въ окружности на 126 саженъ [2]) и имѣетъ слѣдующія ворота: 1) Кіевскія, ведущія на Подолъ съ желѣзною решеткою, 2) Николаевскія, (*или Десятинныя*), 3) Трехсвятительскія, 4) Михайловскія и 5) Софійскія (*или Батыевы*) съ деревянною башнею; двое послѣднихъ воротъ съ подъемными мостами. Вокругъ этой крѣпости, съ наружной стороны къ валамъ примкнуты слѣдующіе бастіоны (выводы): 1) Кіевскій предъ воротами того же имени, 2) Воздвиженскій, 3) Трехсвятительскій, 4) Воеводскій, 5) Михайловскій, 6) Софійскій, 7) Наугольный къ Кожемякамъ, 8) Петровскій, 9) Предтечевскій и 10) Рождественскій (противъ Десятинной церкви). Въ этомъ Меньшемъ Городѣ находятся двѣ каменныя церкви, одна Рождества Пресвятыя Богородицы Десятинная, съ деревянною трапезою, а другая на Житномъ дворѣ, ветхая во имя Трехъ Святителей; возлѣ нее 9 анбаровъ (*магазейновъ*) съ хлѣбными запасами, Приказная изба (*Домъ Главнаго Управленія*); близъ нее 6 погребовъ съ денежною казною, порохомъ (зеліемъ) и огнестрѣльными снарядами; 5 анбаровъ (*Арсеналъ*) съ пушками, 9 домовъ для помѣщенія воеводъ, окольничихъ, бояръ, дьяковъ, полковниковъ, двухъ священниковъ и войта, 1 кузница, 1 ручная мельница и 4 колодца 8—10 саженъ глубиною.

„Большой Земляной Городъ въ Старомъ Кіевѣ (*то есть бывшія до*

[1]) Синбирскій Сборникъ. М. 1844 Отписка № 77. [2]) Хотя верста, сажень и аршинъ въ XVII в. были *неодинаковы* съ нынѣшними, однако различіе это было *невелико*. Сажень считалась въ три аршина, но содержала около 39 вершковъ, а верста заключала болѣе 600 такихъ саженъ (См. Оленина о камнѣ Тмутороканскомъ); по этому показанныя здѣсь 126 саженъ составляютъ очевидную ошибку въ оригиналѣ. По превосходнымъ планамъ: а) Глаголева, при сочиненіи его: Статистическія матеріялы Россіи, и б) Топографическаго Депо при Главномъ Штабѣ, приходится на этомъ мѣстѣ около 540 саженъ. Прочіе размѣры, показанные въ этой *Росписи*, довольно согласны съ упоминаемыми здѣсь планами. Въ этой *Росписи* также говорится, что Выдубицкій монастырь находится отъ Печерскаго *съ полверсты*, а между тѣмъ въ дѣйствительности *двѣ* версты.

1832 г. Софійское, Михайловское и Печерское Отдѣленія Стараго Города), содержитъ въ окружности 2,039 саженъ 2½ аршина, а съ башнями, бастіонами и поперечными валами 2127 саж., и имѣетъ слѣдующія ворота: 1) Михайловскія, 2) Крещатицкія, 3) Архангельскія, 4) Печерскія, 5) Золотыя; эти двое воротъ съ желѣзными рѣшетками, подъемными мостами и калитками, 6) Всесвятскія и 7) Львовскія съ желѣзною рѣшеткою. Здѣсь находятся бастіоны: 1) Крещатицкій, 2) Печерскій, 3) Троицкій, 4) Новый, 5) Поперечный, 6) Золотоворотскій, 7) Георгіевскій, 8) Сергіевскій, 9) Всесвятскій, 10) Львовскій, 11) Кирилловскій и 12) Николавскій, близъ Петровскаго.

„Въ томъ же бо́льшемъ городѣ Софійскій монастырь, ограда деревянная. Церковь каменная во имя св. Софіи, съ шестью престолами: 1) Рождества Пресвятыя Богородицы, 2) Архистратига Михаила, 3) Св. Апостолъ Петра и Павла, 4) Благовѣщенія; а во второмъ ярусѣ: 5) Св. Николая и 6) Св. Апостола Андрея Первозваннаго; трапеза деревянная, съ церковію св. Ѳеодора Стратилата.—Златоверхо-Михайловскій монастырь, въ немъ церковь каменная во имя Архистратига Михаила и три придѣла: Входъ въ Іерусалимъ, Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы, и Св. Великомученицы Варвары.—Дворы въ сей части суть: Подворье Печерскаго монастыря, данное оному въ 1675 г. *для осаднаго времени*, 19 домовъ для генералъ маіора, стольниковъ и полковниковъ; 1 пороховой заводъ, 1 кружечной, и 1 почтовый дворъ съ 41 лошадью, мельница вѣтряная, 338 домовъ, въ коихъ живутъ офицеры, подъячіе, рейтары, стрѣльцы Московскіе и солдаты; изъ числа сихъ домовъ 122 покрыты драницами, лубками и тростникомъ. Въ обоихъ Отдѣленіяхъ Стараго Кіева, т. е. въ меньшемъ и въ большемъ въ 1682 г. находилось 134 пушки, 57,855 разныхъ ядеръ, 53,871 граната, 15 бомбъ, 8,743 пуда пороху, 4,071 пудъ свинцу и проч.

„Нижній Городъ (*Кіево-Подолъ*), гдѣ живетъ Войтъ съ мѣщанами, огражденъ заборомъ. Отъ Киселевской горы до Крещатицкой башни 1,530½ саженъ; ворота здѣсь: 1) Кожемяцкія, противъ горы Скавики, 2) Іорданскія (*Близъ Юрковицы*), и 3) Воскресенскія (*гдѣ?*). Церквей двѣнадцать; онѣ всѣ деревянныя и суть слѣдующія; 1) Богоявленская, со школою, гдѣ по Латынѣ учатъ, 2) Воскресенская, 3) Борисоглѣбская съ трапезною церковью Іоанна Предтечи, 4) Св. Пророка Иліи, 5) Св. Николая Набережная, 6) Св. Николая Добраго, 7) Св. Василія Великаго, 8) Рождества Христова, 9 и 10) Святыхъ Флора и Лавра, сіи двѣ церкви въ дѣвичьемъ монастырѣ, 11 и 12) двѣ церкви во имя Преображенія Господня. Въ Нижнемъ городѣ считается 635 домовъ мѣщанскихъ и козацкихъ. На Днѣпрѣ употребляютъ три парома перевозныхъ. Въ 1681 г. черезъ Днѣпръ, Черторыю и побочные заливы былъ наведенъ мостъ на 96 байдакахъ и 39 плотахъ, длиною 552, шириною 4 сажени.

„Кіево-Печерскій монастырь съ Мѣстечкомъ (*Печерскъ*) лежитъ на высокихъ горахъ. Отъ, такъ называемыхъ, Печерскихъ воротъ въ Старомъ Кіевѣ (*на Крещатикѣ, далѣе по старой Ивановской дорогѣ, или по нынѣшней Институтской улицѣ*), чрезъ поля (*мимо бывшихъ до 1854 г. Присут-*

ственныхъ Мѣстъ, а теперь крѣпостными Никольскими воротами), до каменнаго столба, что противъ Пустынно-Николаевскаго монастыря 180 саженъ (*опять ошибка въ оригиналѣ; по плану Топографическаго Депо 880 саженъ*). Каменный сей столбъ стоитъ среди поля, на немъ образъ Святителя Христова Николая Чудотворца. (*Вотъ происхожденіе названія церкви Св. Николая Слупа*). Предъ Печерскимъ монастыремъ находится Мѣстечко и Посадъ (*теперь здѣсь, близъ арсенала, домъ коменданта и проч.*), а на Посадѣ живутъ Печерскаго монастыря и иныхъ монастырей подданные, „которые отъ воинскихъ людей, изъ деревень и изъ селъ избѣжавъ, поселились". А на Посадѣ церковь каменная во имя Преображенія Господня, (*теперь въ крѣпости*). Около Печерскаго монастыря учиненъ валъ (*крѣпость*), во 187 (1679 г.) по приказу гетмана Ивана Самойловича, и проч. Вокругъ Печерскаго Мѣстечка слѣдующія ворота: 1) Кіевская башня, отъ упомянутаго выше столба въ 440 саженяхъ, (*была около теперешнихъ крѣпостныхъ воротъ землянаго вала, ближайшихъ къ церкви Преображенія Господня).* 2) Васильковскія, отъ Кіевской башни 123 саж. 3) Пятницкія противъ Звѣринца и Неводницкаго перевоза 360 саженъ; отъ Печерскаго до Выдубицкаго монастыря, чрезъ буеракъ и гору съ полверсты. (?) Въ Выдубицкомъ монастырѣ церковь каменная во имя Чуда Св. Архистратига Михаила. Отъ Пятницкой башни и воротъ идетъ валъ до угла надъ Днѣпромъ, и содержитъ 200 саженъ; отъ сего мѣста вдоль берега Днѣпра буераками и горами до Кіевской башни около 300 саженъ, неогорожено. Всего около Печерскаго монастыря и Мѣстечка валами, буераками и горами 1313 саженъ. Въ Печерскомъ монастырѣ церковь каменная, большая Успенія Пресвятыя Богородицы. Противъ сего монастыря находится Вознесенскій дѣвичій монастырь, въ немъ деревянная церковь Вознесенія Господня. На торговой площади въ Печерскомъ Мѣстечкѣ находятся четыре деревянныя церкви: 1) Преподобнаго Ѳеодосія, 2) Воскресенія Господня, 3) Св. мученицы Параскевіи и 4) Рождества Господня [1]) въ *виноградномъ огородѣ.* Двѣ пещеры, къ рѣкѣ Днѣпру въ горахъ, гдѣ опочиваютъ Преподобные Отцы Печерскіе. Надъ первою, ближнею отъ монастыря, пещерою церковь деревянная Воздвиженія Честнаго Креста Господня; сія пещера называется Антоніевою. Надъ другою пещерою церковь построена вновь каменная, во имя Преподобнаго отца Ѳеодосія". Доселѣ *Роспись Кіеву* [2]).

Состояніе города. — Отъ начала этого періода времени дошло до насъ нѣкоторое число актовъ и универсаловъ Малороссійскихъ гетмановъ, въ коихъ описываются постоянныя жалобы Кіевлянъ на притѣсненія и даже грабежи, происходящіе при обременительныхъ постояхъ

[1]) Здѣсь ошибка составителя *Росписи Кіеву.* Должно быть: Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы; потому что такъ называютъ эту церковь: 1) Кальнофойскій подъ № 65 Na gorze cerkiew Narodzenia naswiętszey Bogarodzice Panny. 2) Гизель, Templum beatae Mariae Deiparae, super monte vitifero, т. е. на виноградной горѣ. 3) И до нашихъ временъ дошло это же названіе. Образованные Печерскіе монахи XVII вѣка могли ближе и лучше знать свою обитель, нежели неграмотный составитель *Росписи.* [2]) См. подлинный актъ этотъ здѣсь въ Приложеніяхъ.

воинскихъ и поставкѣ подводъ; такъ гетманъ Богданъ Хмельницкій, въ универсалѣ своемъ, отъ 8 іюня 1652 г., пишетъ: „Видячи мы великое опустошеніе мѣста Кіева, которое обыватели тамошніе отъ войска Лядского понесли... беремо подъ оборону нашу... сурово приказуючи, абы ся жаденъ не важилъ съ товариства нашого... становискъ, ночлеговъ и попасовъ въ ономъ отправовати... А ежели бы который кольвекъ своевольникъ, легце поважаючи сей универсалъ нашъ, а вымыслы якіи непотребныи вымышляючи, кривды чинити въ мѣстѣ мѣлъ: таковаго... полковникови Кіевскому... позволяемъ шибенницею (*висѣлицею*) карати,“ и проч. Но Козаки вѣроятно не весьма боялись висѣлицы, или Кіевскіе полковники равнодушно смотрѣли на притѣсненія мѣщанъ, потому что на жалобы ихъ Хмельницкій отъ 26 ноября 1655 г., подтверждая прежнее свое приказаніе, говоритъ: „Не поеднокроть отъ маестрату Кіевского доходить до насъ скарга (*жалоба*), же мѣщане тамошніи такъ отъ посланцевъ нашихъ, яко и отъ иншихъ разныхъ наѣздовъ всякіи пренагабанья и докуки поносятъ (*нападки и досажденія переносятъ*),... мы оный маестратъ... и всѣхъ мѣщанъ... отъ вшелякихъ непотребныхъ датковъ и даваня подводъ увольняемъ, сурово напоминаючи, абы ся жаденъ зъ Козаковъ... отъ помѣненыхъ мѣщанъ а ни подводъ, а ни чоботъ и панчохъ и иншихъ вымысловъ вытягати не важилъ,“ и проч. Спустя нѣкоторое время, т. е. отъ 23 октября 1657 г. и отъ 26 іюля 1658 г. тоже самое дважды подтверждалъ и гетманъ Выговскій, впрочемъ съ условіемъ: „что еслибы хто, въ пильной справѣ нашей войсковой, альбо отъ Его Царского Величества мѣлъ ѣхати: теды и тому большъ надъ десять подводъ не маютъ оные мѣщане давати,“ и проч. Но военныя бури продолжались; ослѣпленные честолюбцы не щадили Малороссіи, интригами и измѣнами возжигали смуты и междоусобія. Въ такое бѣдственное время и Кіевляне не могли имѣть ни спокойствія, ни пощады. Гетманы продолжали давать свои охранныя грамоты, которыя не приносили впрочемъ существенной пользы городу. Такъ Брюховецкій отъ 5 іюля 1663 г. писалъ: „Взяли есмо подъ оборону войска Запорозскаго пановъ мѣщанъ Кіевскихъ, яко бѣдныхъ и предъ тую войну спустошоныхъ,... и сурово приказуемъ, абысте жаденъ зъ войска нашого... мѣщаномъ Кіевскимъ въ самомъ мѣстѣ, яко и по ихъ хуторахъ и фольваркахъ и наименьшое кривды и шарпанины (*хищенія*) не важился чинити, также попасовискъ и ночлеговъ не отправовали и вымысловъ жадныхъ не чинили,... а еслибы хто мимо сей универсалъ нашъ, мѣлъ тамъ кривды... вымышляти... обѣцуемъ таковыхъ сурово горломъ карати (*осуждать на смерть*)“ и проч. Но жалобы не прекращались и тотъ же Брюховецкій отъ 24 іюня 1665 г. въ своемъ универсалѣ пишетъ; „Частокротъ до насъ скарги... доходятъ, ижъ высыльчіе (*курьеры*) наши войсковыи, черезъ Кіевъ ѣдучіе, неналежнѣ себѣ у мѣщанъ Кіевскихъ вымысльныхъ и непотребныхъ датковъ, яко то: чоботъ, шапокъ, поясовъ и иныхъ рѣчей домогаются и на нихъ вытягаютъ. Про то мы, постерегаючи того, жебы такое безчиніе не дѣялося, симъ повторнымъ унѣверсаломъ нашимъ приказуемъ, абы жаденъ Козакъ...

и высыльчіе наши.. кривдъ ниякихъ не робили; однакъ панове мѣщане Кіевскіе хлѣба и соли не повинны збороняти и тое, що именно въ листѣ нашомъ написано будетъ, дати повинны," и проч., [1]) Не имѣя надежной защиты отъ своихъ Малороссійскихъ властей, Кіевляне, при избраніи на гетманство Демьяна Многогрѣшнаго, въ 1669 г. обратились съ просьбою къ Царю Алексѣю Михайловичу, и выпросили слѣдующія привилегіи: „*Статья* 1. Емлютъ де съ нихъ подводы тяжкіе... и Великій Государь... подъ Грековъ и подъ посланниковъ подводъ съ мѣщанъ Кіевскихъ имати не указалъ. *Статья* 2. Тако же бываютъ къ Кіеву послы и гонцы польскіе и иныхъ странъ, и съ нихъ емлютъ кормъ и питье имъ и лошадямъ ихъ, и иныя многія тягости бываютъ. И Векій Государь указалъ... съ нихъ мѣщанъ впредъ подводъ подъ посланныхъ не имать, а кормъ и питье имъ (посланнымъ) давати изъ казны Великаго Государя, а они мѣщане должны на годъ давати въ тѣ расходы въ казну по шести сотъ рублевъ деньгами. *Статья* 3. Сѣнные покосы отняты у нихъ; и чтобъ имъ, сверхъ окладу, никакихъ тягостей не было, и Великій Государь указалъ быти по положенію прежнихъ статей,.. озеръ и ловль отъимати не велѣлъ, а лѣсъ на городовое строеніе и сѣнокосы ратнымъ своимъ людямъ имати указалъ для того, что тѣ ратные люди въ оборонѣ для Кіева; а сѣннымъ покосамъ быти по разсмотрѣнію. *Статья* 5. Великій Государь на дворѣ у мѣщанъ становить скота не указалъ для того, что чинится имъ отъ того смута и ссора большая; а буде кому (ратному) держать скотъ для своихъ нуждъ, и ему держать при себѣ въ Городѣ (т. е. *въ крѣпости*, на Старомъ Кіевѣ), а не у нихъ на мѣстѣ. *Статья* 7. Лѣкари и всякіе ремесленные (промышленные) люди на Великаго Государя и на его ратныхъ людей дѣлаютъ всякое издѣліе; но отъ тѣхъ тягостей изъ Кіева тѣ ремесленные люди разбрелись. Въ чемъ (ратные люди) и уговариваются за работу дать, но того не даютъ и отнимаютъ насиліемъ. И Великій Государь указалъ давать за всякое ремество наемъ по уговору, а безъ найму дѣлать ничего не указалъ. *Статья* 9. Да имъ же (мѣщанамъ), для ихъ разоренья, дать льготы на пять лѣтъ, чтобъ имъ отъ скудости не разбрестися. И Великій Государь пожаловалъ, для многихъ ихъ служебъ, льготу имъ дати велѣлъ до своего указу." [2]) Не смотря на эту охранную привилегію опять встрѣчаемъ мы отъ 10 іюля 1672 г. универсалъ Самойловича, въ которомъ слышны тѣ же вопли Кіевлянъ: „Дошло намъ вѣдати — пишетъ гетманъ — ижъ обыватели Кіевскіе для незносныхъ тяжаровъ (*тягостей*), вытяганьемъ мѣскихъ экзакцій (*поставкою подводъ и кормовъ*) въ немалое знищенье и до остатнего убозства приходятъ; которому... здырству (*грабежу*) запобѣгаючи... сурово приказуемъ... абы мимоѣзжіе, наѣзжіе и тежъ купами идучіе войсковыи люде, такъ комонно, яко и пѣшо, а особливо отъ боку нашого въ якихъ кольвекъ справахъ высланные, такъ тежъ и иншіе отъ пановъ полковниковъ... жадного утеменьженья (*притѣсненія*)... обы-

[1]) Акты Запад. Росс. [2]) Источн. Малор. Истор. Т. I. стр. 241.

вателямъ Кіевскимъ вытяганьемъ збытныхъ (*излишнихъ*) кормовъ, напоевъ, особливо неналежачихъ собѣ поклоновъ (*подарковъ*), такъ тежъ вымоганьемъ чоботъ, шапокъ, панчохъ, поясовъ, сафьяновъ и инших датковъ не важилися чинити, опрочъ того, що именно будетъ въ листу нашомъ написано," и проч. Печальный рядъ жалобъ Кіевлянъ на военныя притѣсненія, сколько намъ извѣстно, оканчивается универсаломъ Мазепы отъ 19 іюля 1689 г., въ которомъ онъ выражается такъ: „Суплѣковали до насъ панъ войтъ Кіевскій... зо всѣми мѣщанами,... жалостнѣ ускаржаючися, же многіи особы... черезъ ихъ городъ переѣзжаючи, не поглядаючи на жалованныи, монаршіи Ихъ Царского Пресвѣтлого Величества грамоты,... въ подводу собѣ кони зъ возами, зъ хомутами у нихъ берутъ; и бываютъ таковыи, же згола (*совсѣмъ*) ихъ назадъ не вертаютъ; а иншіи далекимъ поѣздомъ вымордовавши (*измучивши*), ледво живые назадъ вернувши, возы и хомуты забираютъ," и проч. Изъ этихъ выписокъ ясно видно, что при тогдашнемъ всеобщемъ неустройствѣ въ Малороссіи, весьма долгое время самоуправство и насилія чиновниковъ были самою обыкновенною вещію и, разумѣется, не могли способствовать благосостоянію городовъ. — Здѣсь кстати помѣстить важное и притомъ очень вѣроятное извѣстіе, которое сообщаетъ г. Журавскій; вотъ оно: „Смуты, долго еще продолжавшіяся и послѣ возвращенія Кіева Россіи, почти вовсе разорили этотъ городъ, особливо Подолъ, который отъ частыхъ опустошеній, около 1670 г., обратился въ бѣдное, почти безлюдное селеніе, съ опустошенными общественными и частными строеніями. *Около этого времени, по распоряженію* (какому?) *Гетмана* (какого?) *стали селиться на Подолѣ Козаки, преданные Россіи, для удержанія Подольскихъ жителей, оказавшихъ въ то время наклонность къ Польшѣ*". [1]) Жаль только, что ссылки нѣтъ. Вѣроятно по этой причинѣ, поселившіеся въ Кіевѣ Козаки, оказывали явное неуваженіе къ правамъ магистрата, особенно въ отношеніи виннаго откупа, о чемъ будетъ ниже упомянуто.

Теперь обратимъ вниманіе на внутреннее положеніе Кіева и отчасти на его управленіе. Въ универсалѣ Богдана Хмельницкаго отъ 2-го іюня 1653 г. сказано: „Мѣщане Кіевскіе отъ давнихъ часовъ маютъ кгрунты и сѣножати, и оныя правами держатъ, такъ на Оболоню, яко и индѣй... И абы жаденъ такъ зъ козаковъ, яко и зъ посполства Преорского (*поселившихся на Преваркѣ, правильнѣе на Пріоркѣ*) силомицнѣ (*насильно*) оные себѣ привлащаючи, косити ихъ не кусилися (*не покушались бы*)," и проч. Но знаменитый Хмельницкій долженъ былъ не только защищать гражданъ Кіева отъ разныхъ насилій и притѣсненій, но даже и духовенству тамошнему напоминать правила противъ любостяжанія; такъ онъ пишетъ въ универсалѣ своемъ отъ 4 августа 1654 г. „Позволили есмо Капитулѣ Кіевской (*духовной Консисторіи*) каноны сытити (*варить медъ въ церковные праздники*); теды и теперь того не одмѣняемъ: однакъ помѣненные священники меду не по десяти, альбо по

[1]) Статис. Опис. Кіевск.губ. изд Фундукл. Т I. стр. 320.

пятнацати кадей сытити, але ведлугъ давного звычаю, по кадей двѣ сытити маютъ, а не большей; зъ которыхъ каноновъ воскъ на хвалу Божую ити маетъ." Но спустя восемь мѣсяцевъ, т. е. 6 апрѣля 1655 г. опять принужденъ былъ повторять тоже самое и притомъ съ угрозою: „Священницы маютъ по двѣ кади меду сытиты и то въ бровару мѣстскомъ ратушномъ. А ежели бы который священникъ мѣлъ гдѣ индѣй канонъ сытить и большъ нежъ двѣ кади: теды отъ того наданья певнѣ отпадутъ" [1]).

Изъ упомянутой выше челобитной мѣщанъ Кіевскихъ къ Царю Алексѣю Михайловичу въ 1669 г. явствуютъ слѣдующія мѣры правительства: „*Статья* 4. Ихъ же бы мѣщанъ воеводѣ не судить, а судиться имъ по своимъ правамъ въ ратушѣ. Общій приговоръ кому не полюбится, и тому ѣхать къ Москвѣ. *Статья* 6. Кіевскимъ мясникамъ и рыбникамъ торговать въ Нижнемъ Городѣ (*на Подолѣ*), на старинномъ мѣстѣ; а Русскимъ (*ратнымъ*) бы людемъ торговать въ Верхнемъ Городѣ (*на Старомъ Кіевѣ, въ крѣпости*), а не съ ними вмѣстѣ, и *статья* 8) Перевозамъ (*через Днѣпръ*) быти по раздѣлу на двое, при съѣзжей избѣ и при ратушѣ" [2]).

Такъ какъ вторженія папистовъ и уніятовъ въ мѣста, подвѣдомственныя магистрату, чрезвычайно ослабляли власть его и были причиною безчисленныхъ неурядицъ, которыя даже по изгнаніи ксендзовъ и уніятовъ продолжали оказывать вредное дѣйствіе на гражданскія учрежденія: то многіе гетманы универсалами своими старались по возможности отвратить эти неудобства. Такъ Мазепа, желая возвысить власть Кіевскаго магистрата, пишетъ отъ 11 Сентября 1687 г. слѣдующее: „Войтъ зъ бурмистрами... прекладали намъ, же мѣютъ они... великую трудность, што при монастыряхъ, въ дворахъ монастырскихъ, мѣшкаючіе люди не хотятъ къ сторо́жѣ въ *баштахъ* и на оборону при валахъ мѣскихъ становитися и иныхъ послугъ, городови належныхъ, отправовати, вымовляючися, же будто они до того не належатъ. Зачимъ мы... выражаемъ, же якъ той городъ есть пограничный... и требуетъ всегдашней осторожности и обороны: такъ завше въ ономъ у брамахъ сторо́жи пильной и у валовъ достатокъ люду для належитой и всѣмъ общепотребной обороны мѣти надобно", и проч. — Другимъ же универсаломъ, отъ 17 Іюля 1699 г., этотъ гетманъ запрещаетъ Кіевскому полковнику и войсковой старшинѣ вмѣшиваться въ права городскаго магистрата, говоря: „же вы втручаетеся въ права мѣскія ратуша Кіевского, пріймуючи справы заграничныхъ людей, до суду своего тамъ пріѣзжаючихъ и велите оныхъ *грабити* и до вязенья брати"; потому что таковые поступки подаютъ поводъ Полякамъ къ равномѣрному возмездію надъ невинными Малорусскими купцами.

О распоряженіяхъ гетмановъ въ отношеніи производства торговли Кіевлянъ можно сказать слѣдующее: Юрій Хмельницкій, универсаломъ отъ 5 Іюля 1660 г., подтвердилъ грамоту отца своего, данную Кіев-

[1]) Акт. Запад. Росс. [2]) Источ. Малор. Истор. Т. I. стр. 241.

скимъ торговымъ людямъ о свободномъ проѣздѣ во всѣ Великорусскіе города, съ правомъ производить въ нихъ, по Царской привилегіи, безпошлинную торговлю, или какъ въ актѣ сказано: „безмытное по всѣхъ городахъ... гандлями вшелякими отправованье". Гетманъ Многогрѣшный, отъ 7 февраля 1670 г., пишетъ: „Поглядаючи на неспокойные часы и на нихъ (Кіевскихъ мѣщанъ) недостатки и убожство... дозволяемъ имъ... гандлѣ розныи мѣти, ходячи байдаками и шугалеями Днѣпромъ, Десною, Припетью и Березинемъ рѣками, горѣ и внизъ, зъ розными пашнями и товарами", съ освобожденіемъ отъ взноса *индукты* и проч. Также и Самойловичъ, отъ 18 января 1673 г., дозволилъ Кіевлянамъ, *на вспартье оскудости ихъ* и для домашняго продовольствія, также для Царскихъ ратныхъ людей, покупать хлѣбные запасы въ городахъ и селеніяхъ, лежащихъ по рѣкѣ Деснѣ. Тоже самое повторилъ онъ и въ другомъ универсалѣ отъ 1 іюня 1674 г. — Что касается до взыманія пошлины съ привозимыхъ Кіевскими жителями изъ-за границы и вывозимыхъ туда товаровъ: то Мазепа, универсаломъ отъ 10 ноября 1699 г. постановилъ слѣдующее: „Прекладаючи, ижъ великая мѣщаномъ, гандель купецкій отправуючимъ, отъ прошлого экзактора нашого п. Фотія Петровича и его факторовъ, черезъ чиненье ревизіи товаровъ ихъ, дѣялася кривда... выражаемъ тое, жебы тылько въ Кіевскихъ жителей отъ воза по 25-ти золотыхъ, а не по большъ, не ревидуючи ихъ товаровъ, брано", и проч.

Намъ остается наконецъ упомянуть о нѣкоторыхъ куріозныхъ и притомъ недостаточныхъ мѣрахъ, которыя иногда выражались въ гетманскихъ повелѣніяхъ для обузданія Кіевскихъ осѣдлыхъ Козаковъ, дерзко нарушавшихъ права магистрата въ отношеніи виннаго откупа. Борьба эта, по видимому, упорно продолжалась до самаго прекращенія Козачества въ Малороссіи. Желая отвратить подобныя злоупотребленія Самойловичъ, отъ 24 сентября 1684 г., пишетъ: „Жалостнѣ скаржилися передъ нами панове майстратове Кіевскіи на васъ (Кіевскихъ полковыхъ старшинъ и Козаковъ), же вы просторные собѣ пивныи и медовыи заведши въ Кіевѣ шинки, при тыхъ немаль въ каждомъ дому и горѣлку держите продажнюю, и тымъ великую ратушнымъ шинкамъ чините перешкоду; для которого вашого розширенья розныи люде, одни зъ околичныхъ селъ, а другіи тамъ же въ Кіевѣ змежи жителей тяглыхъ, до ратушного реестру належныхъ, въ Козацьство ся пописали... Теды мы..., примѣняючися до обыклости войсковыхъ вольностей, позволили есмо вамъ... шинки мѣти медовыи и пивныи, але горѣлкою шинковати не тылько не позволяли, лечъ и заказали, подъ стратою добръ и вольностей вашихъ. А новыхъ и у войску небывалыхъ людей и овшемъ не велѣли въ реестръ козацкій вписовати .. Сурово теды приказуемъ: абысте вы шинковъ горѣльчаныхъ държати поперестали;. . а если горѣльчаными шинками ратушу перешкожати станете и новымъ пописомъ козаковъ порядки мѣскіе мѣшати: теды вскорѣ учинимъ вамъ такъ, же не тылько пивныхъ и медовыхъ шинковъ не будете мѣти, але и обезчещены и караны будете." Но запрещеніе это, какъ видно,

осталось мертвою буквою; Козаки продолжали непозволенное *шинкованье горѣлкою.* Мазепа вступился за права Кіевскаго магистрата и написалъ, отъ 16 іюня 1688 г. грозный универсалъ; въ которомъ онъ говоря, что городъ, за винный откупъ, *повиненъ, по монаршому указу, великую рату* (акцизъ) *каждого году на Верхній Городъ Кіевскій до казны отдавати*, заключаетъ повелѣніе свое такимъ образомъ: „Сурово упоминаемъ, же бысте такіи свои шинкарскіи непригожіи орудованья на сторону отставили и оттого повстягнулися, постерегаючи чти рыцерского свого чину, которому зъ того шинкарства дѣется нагана (*поруганіе*). А еслибы хто не тылько зъ товариства, але хочай бы и самъ сотникъ смѣлъ горѣльчаными шинками мѣщаномъ въ томъ перешкожати: теды не тылько на шкурѣ своей строгое понесетъ каранье и худобы позбудетъ, але и для горшей неславы, зъ реестру Козацького будетъ вымазанъ." Но видно, что у Козацкихъ сотниковъ *шкура* оказалась гораздо нечувствительнѣе *чести рыцерского свого чину* и *товариство* продолжало по прежнему *шинковать.* Мѣра гетманскаго терпѣнія исполнилась, и Мазепа, отъ 13 января 1691 г., предписалъ слѣдующее: «Еслибы кто зъ васъ (Козаковъ) указу нашого — далѣй упорнымъ будучи — не слухалъ,... такого повелѣваемъ майстратовымъ, постерегши, забирати и *грабити*(!).» Ясное доказательство безсилія или безтактности тогдашняго гетмана, который предоставляетъ магистрату продолжать борьбу съ Козаками собственными своими средствами. Здѣсь также ярко выказывается бывшее въ то время настроеніе умовъ и обычное своеволіе необузданной черни, которая въ отвѣтъ на это повелѣніе, начала въ Кіевѣ производить открытое сопротивленіе магистратскимъ чинамъ и служителямъ, что явствуетъ изъ слѣдующаго и послѣдняго по этому дѣлу универсала отъ 6 іюня 1694 г. «Теперь знову панъ войтъ зъ майстратомъ скаргу свою заносили, же,... посылаючи людей своихъ трусити (*обыскивать*) въ дворахъ вашихъ горѣлокъ, теды вы передъ ними ворота запираете и отпорно имъ зъ погрозками ставитеся. И на сихъ свѣжихъ часѣхъ райцею съ приданными ему людьми горѣлку — въ байдаку и на иншихъ мѣстцахъ вытрушенную и до ратуши несенную, — отбилисте и тыхъ посланныхъ подъ страхомъ бытья розогналисте." Вотъ въ въ какомъ положеніи мы видимъ борьбу эту; болѣе официальныхъ актовъ, по этому обстоятельству, для насъ неизвѣстно.

Въ 1686 году, по ходатайству гетмана Самойловича, Константинопольскій патріархъ, отъ котораго зависѣла дотолѣ митрополія Кіевская, согласился на ея подчиненіе Московскому патріаршему престолу, и чрезъ то возстановилось церковное единство Православной Руси, прерванное со временъ Витовта въ 1415 г. Въ это время и Кіевская Академія была уже въ славѣ; многіе изъ ея питомцевъ были знамениты въ Россіи и Польшѣ. Хотя во время войнъ Хмельницкаго Кіево-Братская Академія вновь разорена Поляками, но заведеніе это, при стараніи высшаго духовенства, какъ фениксъ, опять (1673 г.) возникло изъ пепла съ новою силою; ученики стали умножаться; но какъ на содержаніе всѣхъ ихъ не доставало уже монастыр-

скихъ доходовъ, то заведенъ былъ доброхотный сборъ подаяній. На сіи однакожъ сборы содержались только ученики, жившіе въ Бурсѣ и при Братскомъ монастырѣ; прочіе же бѣдные, коихъ было гораздо большее число, жили по приходскимъ церковнымъ школамъ, и за исправленіе въ тѣхъ церквахъ Божіей службы получали отъ прихожанъ пособія пищею и дровами, и сами чрезъ то навыкали церковному уставу и порядку службъ. А въ тѣхъ приходахъ, гдѣ лучше было имъ содержаніе, ученики и студенты заводили и пѣвческіе партесные хоры. Сверхъ того малыя дѣти ежедневно подъ окнами у гражданъ испрашивали пищу въ обѣденное время пѣніемъ стиховъ: *Миръ Христовъ да водворяется въ сердцахъ вашихъ, за молитвами отецъ нашихъ*, и проч. Такое испрашиваніе называлось *миркованьемъ*. Студенты же по вечерамъ испрашивали такимъ же образомъ съ пѣніемъ при воротахъ разныхъ кантовъ, что называлось *спѣваньемъ*. Иногда по вечерамъ, для ночующихъ на Житной площади торгашей, пѣли они канты, сочиненные въ честь святыхъ и иконъ чудотворныхъ, Богоматери Ахтырской, Каплуновской и проч. Во время праздника Рождества Христова отборные студенты и ученики ходили по домамъ со Звѣздами, съ Вертепомъ или Райкомъ, представлявшимъ куклами Рождество или Воскресеніе Христово; но послѣ сіи представленія предоставили цеховымъ мастерамъ, а вмѣсто того представляли діалоги, драмы и говаривали поздравительныя рѣчи. Въ лѣтнія вакаціи, составивъ изъ себя артели, уходили они по разнымъ губерніямъ и Слободскимъ полкамъ для сбору подаяній, пѣвали по церквамъ приходскимъ службы, а по домамъ разные канты, также говорили рѣчи, представляли діалоги, комедіи, трагедіи и проч. Эти хожденія назывались *епетиціями*; а многіе и оставались въ сихъ путешествіяхъ, нанимаясь въ домашніе учители и другія должности. Ибо они записывались въ училище и выходили по произволенію; и будучи изъ разныхъ состояній и народовъ, имѣли полную свободу возвращаться въ отечество, или куда угодно, даже за границу. Нѣкоторые же, по оставленіи училища, цѣлую почти жизнь свою странствовали въ Польшѣ, Венгріи и на Востокѣ. Одни только Бурсаки обязаны были пребывать до окончанія курса наукъ. Лучшіе студенты и ученики, по выбору и назначенію Академіи Префекта, имѣли пропитаніе отъ шляхетныхъ достаточнѣйшихъ дѣтей, жившихъ по квартирамъ, нанимаясь у нихъ въ инспекторы надъ ученіемъ и поведеніемъ; такой наемъ назывался *кондиціею*. Эти инспекторы отъѣзжали съ учениками своими въ домы ихъ, а иногда, съ дозволенія начальства, оставались у нихъ на годъ и болѣе, съ обязательствомъ представить ихъ успѣшнѣйшими. Въ донесеніи Св. Синоду 1773 г. отъ митрополита Гавріила Кременецкаго сказано еще, что Ректоръ Кіевскій съ нѣкоторою братіею ѣздилъ и въ Москву для испрошенія милостыни на свое училище. (Акты южн. и западн. Россіи, издан. Археографическою Коммиссіею показываютъ, что Западно-Русское духовенство, особенно же Кіевское, безпрестанно обращалось за милостынею и пособіемъ къ Царямъ Русскимъ, и обильно получало желаемое). Таково было содержаніе по

нуждѣ Кіево-Братскаго училища, не имѣвшаго еще никакой постоянно опредѣленной помощи отъ правительства.—Но самая сія нужда и бѣдность избавляли учителей, инспекторовъ и учениковъ отъ разсѣянности и убѣждали ихъ лучшими успѣхами и прилежаніемъ заслужить себѣ пропитаніе [1]). Кіевская Академія, до исхода прошлаго столѣтія, была главнѣйшимъ разсадникомъ просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ. Она воспитала великое число мужей, явившихся въ послѣдствіи знаменитыми учеными, сладкорѣчивыми витіями, побѣдоносными защитниками вѣры перомъ и саблею и вообще совершителями великихъ подвиговъ на пользу Церкви и Отечества. Эти мужи прославили собою во всѣхъ предѣлахъ Россіи и свою дорогую alma mater; потому что связь такого воспитательнаго заведенія съ его избранными воспитанниками основана на безкорыстной любви и постоянной благодарности. Сколько примѣровъ видимъ мы, что старики, покрытые сѣдинами и пережившіе многія коловратности, воспоминая лѣта своей молодости, съ дѣтскимъ почтеніемъ относятся къ мѣсту своего воспитанія, гдѣ ихъ душевныя силы впервые получили развитіе и направленіе свое, гдѣ начали они пріобрѣтать духовное богатство, которое одно не измѣняетъ намъ во всѣхъ превратностяхъ жизни. Но довольно. Подробнѣе объ Академіи упомянемъ въ *Описаніи* Кіева.

Типографія.— Здѣсь не безполезно сказать нѣсколько словъ о заведеніи въ Кіевѣ первой Типографіи и о первыхъ печатныхъ книгахъ, относящихся къ Исторіи этого города. Елисей Плетенецкій, архимандритъ Печерской обители, по смерти шляхтича Ѳеодора Юрьевича Болобана изъ Стрятина, купилъ его типографію и перенесъ ее въ свой монастырь. Первая извѣстная книга, въ малую четверть листа, была издана въ 1616 г. *Часословъ съ Богомъ святымъ, имѣяй нощную и дневную службу* [2]). — Вторая книга была: *Визерунекъ цнотъ* (образецъ добродѣтелей) *Превелебнаго въ Бозѣ его милости Г. отца Елисея Плетенецкаго* и проч. въ 1618 г. in 4-to, всего 12 страницъ. Книга эта, въ которой ясно описана исторія учрежденія типографіи въ Печерскомъ монастырѣ, рѣшительно опровергаетъ бывшее, ни чѣмъ недоказанное мнѣніе, будто бы Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій подарилъ Лаврѣ литыя буквы и снаряды въ 1531 г., когда еще въ самомъ Острогѣ не было типографіи. Впрочемъ въ Кіевѣ были и временныя типографіи: такъ въ 1626 г. Тимоѳей Александро́вичъ въ собственной типографіи напечаталъ *Часословъ*; а въ дворѣ Іова Борецкаго, митрополита Кіевскаго, *въ градѣ Кіевѣ*, мастеръ Спиридонъ Соболь напечаталъ въ 1628 г. *Лимонаръ, сирѣчь цвѣтникъ Софронія*, Патріарха Іерусалимскаго; въ 1629 г. *Октоихъ*, а въ 1630 году на Подолѣ, при домѣ Богдана Стеткевича, *Апостолъ Тетръ, сирѣчь Дѣянія и Посланія Св. Апостолъ*, и проч.

[1]) Опис. Кіевск. Софіи, преосв. Евгенія, стр. 240 и Прибавл. стр. 208 и друг. [2]) Опровергая это указаніе преосв. Евгенія, священникъ П. Троцкій пишетъ, что въ архивѣ Лаврскаго монастыря онъ видѣлъ рукописный каталогъ богослужебныхъ книгъ, составленный въ 1744 г. Въ этомъ каталогѣ показаны нѣкоторыя книги Лаврской печати 1608 и 1609 г. См. Кіевск. Епархіальн. Вѣдом. 1865 г. № 9. стр. 352.

М. А. Максимовичъ замѣчаетъ слѣдующее: „Митрополитъ Евгеній (въ Опис. Лавры, 1831 г. стр. 71), говорилъ, что книга *Лимонарь* напечатана Соболемъ „въ Михайловскомъ Золотоверхомъ монастырѣ у Іова Борецкаго.“ Это ошибка, которая повторена и въ Кіевлянинѣ (кн. I, стр. 26. 55). Въ Лимонарѣ сказано, что онъ напечатанъ въ дворѣ Іова Борецкаго, митрополита К. въ градѣ Кіевѣ.“ Іовъ дѣйствительно жилъ тогда въ Михайловскомъ монастырѣ, но монастырь не считался дворомъ Іова. На Подолѣ, который въ томъ вѣкѣ былъ *Градомъ Кіевомъ*, у Борецкаго были два двора. Одинъ изъ нихъ купленъ у Андрея Черкашенина въ 1616 г. когда Борецкій былъ *священникомъ Іоанномъ*, (такъ онъ поименованъ въ купчей 8 Окт. 1616 г.) Другой дворъ подаренъ былъ ему уже какъ *игумену Михайловскаго монастыря* Іову въ 1620 г. отъ Кіевлянки Анны Козѣевны. Конечно, въ одномъ изъ тѣхъ дворовъ Іова Борецкаго производилъ книгопечатаніе Спиридонъ Соболь, а также и Тимофей Александро́вичъ. Впрочемъ, въ первой половинѣ 17-го вѣка, подъ Старокіевскою горою, находился еще какой-то „деревянный типографскій дворъ“ какъ показано въ Прибавленіяхъ къ Описанію Софійскаго собора, стр. 31“ [1]). Но важнѣе для насъ первое появленіе Патерика Печерскаго, которое было издано на Польскомъ языкѣ Епископомъ Сильвестромъ Коссовымъ. Книга эта теперь очень рѣдка; заглавіе ея есть слѣдующее: Πατερικον, abo żywoty ss. Oycow Pieczarskych, obszyrnie Słowieńskim ięzykiem przez Swiętego Nestora, zakonnika y Latopisca Ruskiego przedtym napisany, и проч. W Kiowie, w drukarni S. Lawry Pieczarskiey, roku 1635; въ малую 4-ку 12,181,34=227 страницъ готическими буквами. Этотъ Польскій переводъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не схожъ съ текстомъ, изданнымъ послѣ на Славянскомъ языкѣ: въ первомъ кое-что прибавлено, другое опущено, но вообще сокращено; есть и разнорѣчія.—Между тѣмъ Печерскій монахъ, Аѳанасій Кальнофойскій, издалъ на Польскомъ языкѣ любопытное Описаніе своей обители и чудесъ, бывшихъ въ оной и въ обѣихъ Пещерахъ. Вотъ заглавіе книги: Τερατουργημα, lub cuda, ktore były tak w samym swiętocudotwornym monastyru Pieczarskim Kiowskim, jako y w obudwu swiętych Pieczarach, и проч. Z drukarni Kiowo-Pieczarskiey, roku P. 1638, in 4-to, 322 страницы. Тутъ же Parergon cudow swiętych obraza przeczystey Bogarodzice w monastyru Kupiatickim и пр. 54 стр. [2]) Къ сожалѣнію въ томъ экземплярѣ, которымъ я пользовался изъ библіотеки графа Румянцева въ Москвѣ, не находится ни одного плана. Копіи этихъ плановъ приложены въ Евгеніевомъ Описаніи Кіево-Печерской Лавры; они изображаютъ: а) Строеніе Лавры съ частію города, и планы б) Дальнихъ и в) Ближнихъ Пещеръ.—Наконецъ, спустя 26 лѣтъ послѣ перваго на Польскомъ языкѣ изданія Патерика, т. е. въ 1661 г. напечатанъ въ Печерской

[1]) Кіевлянинъ, кн. III. М. 1850 г. стр. 127. [2]) Въ третьей части нашего сочиненія, т. е. въ *Приложеніяхъ*, предложено содержаніе какъ Патерика м. Сильвестра Коссова, такъ равно и Тератургимы Аѳанасія Кальнофойскаго, съ нѣкоторыми извлеченіями изъ этихъ старинныхъ и теперь рѣдкихъ книгъ; дабы тѣмъ дать читателямъ нашимъ по возможности надлежащее понятіе объ этихъ сочиненіяхъ.

типографіи, въ листъ полный Славянскій Патерикъ, при архимандритѣ Иннокентіи Гизелѣ, съ политипажами и съ прибавленіемъ житій: Нестора Лѣтописца, Симона Епископа и монаха Поликарпа, сочиненія коихъ вошли въ составъ Патерика. Жизнеописанія сихъ мужей *собраны послѣди бывшими отцами.* Въ 1838 г. вышло 17-е, а въ 1863 г. 22-е изданіе этой книги, которая хотя весьма распространена, однако лишь съ недавняго времени мы имѣемъ о Патерикѣ основательное свѣдѣніе, сообщенное А. М. Кубаревымъ [1]. Патерикъ Печерскій представляетъ важный источникъ для нашей Церковной и Гражданской Исторіи. Въ составъ этой замѣчательной книги вошли сочиненія трехъ авторовъ: Св. Нестора, Симона и Поликарпа. Первый жилъ въ концѣ XI-го, а послѣдніе оба въ началѣ XIII-го вѣка: а) Преподобный *Несторъ*, повѣствуя въ своей Лѣтописи о началѣ Печерскаго монастыря, упоминаетъ, въ видѣ эпизодовъ, о житіи Святыхъ Даміана, Іереміи, Матѳея и Исаакія; также описалъ обрѣтеніе мощей Св. Ѳеодосія. Кромѣ того составилъ онъ особое жизнеописаніе Св. Ѳеодосія, въ которомъ мимоходомъ говоритъ и о Св. Стефанѣ, Никонѣ, Варлаамѣ, Ефремѣ и Исаіи. б) Св. *Симонъ* епископъ Владимірскій, въ посланіи къ Поликарпу, сообщаетъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, бывшихъ при созданіи Печерской Церкви и, въ видѣ примѣровъ, для назиданія Поликарпа, приводитъ житія Святыхъ: Евстратія, Никона, Кукши, Пимина, Аѳанасія, Николы Святоши, Еразма, Ареѳы, Тита [2]; наконецъ в) Св. *Поликарпъ*, черноризецъ Печерскій, въ посланіи къ Акиндину, описываетъ житія многихъ Печерскихъ Угодниковъ, какъ то: Никиты, Лаврентія, Алимпія, Агапита, Григорія, Моисея Угрина, Іоанна многострадальнаго, Прохора, Марка, Ѳеофила, Ѳеодора и Василія, Пимина, Спиридона и Никодима.— Изъ всѣхъ выше упомянутыхъ статей и посланій названныхъ трехъ авторовъ составилось собраніе, заключающее въ себѣ повѣствованіе объ основаніи Печерскаго монастыря и жизнеописанія первыхъ подвижниковъ сей знаменитой обители. Сборникъ этотъ названъ *Печерскимъ Патерикомъ* и, основываясь на словахъ Св Поликарпа [3], можно его самаго почитать и первымъ компиляторомъ Патерика, потому что онъ къ собственнымъ сочиненіямъ вѣроятно присоединилъ и сочиненіе Св. Симона. Слѣдовательно мысль о составленіи Патерика проявилась еще въ XIII вѣкѣ.

Съ теченіемъ времени сборникъ этотъ подвергался различнымъ передѣлкамъ (редакціямъ). Первая, древнѣйшая, дошедшая до насъ редакція есть Арсенія, епископа Тверскаго, въ 1406 г., не имѣющая об-

[1]) Изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ.— См. Источники въ Приложеніяхъ. [2]) Позднѣйшіе рецензенты къ посланію Симона прибавили и житіе Преп. Нифонта, епископа Новгородскаго, заимствованное изъ Кіевской и Новгородской Лѣтописей. [3]) Въ началѣ житія Марка Пещерника онъ пишетъ: „Древнихъ убо Святыхъ подражающе мы грѣшніи писанію... инѣхъ убо самѣхъ видѣвше, инѣхъ же слышавше... житіа же, чюдеса и дѣянія, еже есть *Патерикъ*, въ томъ сложьше, сказаше“.

щаго заглавія [1]). Вторая редакція неизвѣстная; третья сдѣлана въ 1462 г. повелѣніемъ Кассіана, Уставника Печерскаго, на которой, большею частію, основались издатели печатнаго Патерика въ 1661 г. Еще открылась четвертая редакція Печерскаго архимандрита Іосифа Тризны съ 1647 по 1656 г. [2]); она переполнена вставками изъ Русскихъ Лѣтописей и очевидно оставлена издателями безъ вниманія. Главныя передѣлки Кассіановской редакціи и издателей состояли въ слѣдующемъ: Сочиненія Преп. Нестора, имѣвшія цѣлію: 1) разсказать въ Лѣтописи исторію основанія Печерскаго монастыря, и 2) Жизнеописаніе Пр. Ѳеодосія; 3) Сочиненіе Св. Симона, составляющее одно Посланіе, и имѣющее цѣлію доказать превосходство Печерскаго монастыря, дабы убѣдить монаха Поликарпа не оставлять этой обители, и наконецъ 4) Посланіе упомянутаго Поликарпа къ Акиндину, написанное съ подобною же цѣлію,—эти четыре разныя сочиненія еще съ давнихъ временъ, особенно же при Кассіанѣ, составители Патерика раздѣлили, или вѣрнѣе сказать, разложили на особыя житія, придѣлали къ нимъ вступленія и послѣсловія; что же относилось изъ обращеній на пр. Симона къ Поликарпу, или Поликарпа къ Акиндину, то редакторы, собравъ вмѣстѣ и отнеся къ концу, обратили ко всѣмъ вообще Христіанамъ, а иное, что не входило въ планъ ихъ, выбросили; особенно передѣлали житіе Преп. Антонія, о чемъ подробнѣе скажемъ въ статьѣ о Печерскомъ монастырѣ, § 106. Ко всему этому прибавили житія трехъ означенныхъ авторовъ и другія статьи позднѣйшаго происхожденія, какъ то: о Мироточивыхъ Главахъ и о Чудѣ, бывшемъ 1463 г. при архим. Николаѣ, въ пещерахъ въ день Св. Пасхи. Въ такомъ видѣ изданъ Патерикъ въ 1661 г. Будущему времени предоставлено изданіе Патерика по древнимъ спискамъ; посредствомъ чего легко обнаружатся всѣ передѣлки первыхъ издателей и происходившія отъ того недоразумѣнія [3]).—Еще можно замѣтить, что въ 1674 г. вышло первое изданіе *Кіевскаго Синопсиса*, соч. Иннокентія Гизеля. Книга эта пользовалась долгое время въ школахъ, какъ учебникъ Русской Исторіи, незаслуженнымъ уваженіемъ. Кромѣ Синопсиса Гизелева были и другія сочиненія, написанныя современниками въ такомъ же направленіи, но не столь извѣстныя; напр. *Хроника зъ Лѣтописцовъ стародав-*

[1]) Этотъ единственный харатейный Арсеніевскій списокъ Печерскаго Патерика принадлежалъ Ржевскому городскому головѣ Е. В. Берсеневу, а въ 1865 г, какъ слышно, поступилъ въ собственность Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ, гдѣ сія драгоцѣнная рукопись будетъ доступнѣе для изслѣдователей отечественныхъ древностей и менѣе подвержена случайностямъ, нежели въ частныхъ рукахъ. Въ 1836 г. рукописью этою пользовался А. М. Кубаревъ; она служила ему главнымъ руководствомъ при сочиненіи полезнаго *Изслѣдованія* его о Патерикѣ Печерскомъ. Въ тоже время онъ списалъ ее для себя. Чуждый мелочныхъ разсчетовъ самолюбія, г. Кубаревъ сообщилъ и намъ свою вѣрную копію съ Арсеніевскаго списка. Упоминая при этомъ съ благодарностію о такомъ радушіи его, присовокупляемъ здѣсь, что и мы списали для себя эту копію съ должнымъ вниманіемъ и съ подобающимъ уваженіемъ къ древности; недостающее дополнили изъ Успенскаго списка XII-го вѣка и изъ Кассіановскаго 1462 г. съ показаніемъ разнословій. Къ сожалѣнію любителей отечественной Исторіи древній, сводный Патерикъ и доселѣ еще не изданъ. [2]) Списокъ этотъ 1656 г. находится въ библіотекѣ Троицко-Сергіева монастыря. [3]) Повѣсть о Мощахъ Св. Іуліяніи, см. § 106; Ближнія Пещеры, № 88.

нихъ, зъ Святого Нестора Печерского и иншихъ, также зъ хроникъ польскихъ (?!) *о Русіи, отколь Русь почалася, и о первыхъ Князехъ Русскихъ, и по нихъ дальшихъ наступуючихъ Князехъ и о ихъ дѣлахъ. Въ трехъ книгахъ. Собранная працою іеромонаха Θеодосія Софоновича, игумена монастыря Золотоверхого-Михайловского въ Кіевѣ, отъ* Р. Х. 1672 *року*. Хроника эта, какъ и списокъ Волынской Лѣтописи, оканчивается 1283 годомъ; она осталась неизданною [1]). Современные Акты XVII-го вѣка свидѣтельствуютъ о состояніи Типографіи Печерской Лавры слѣдующее: Кіевскій воевода кн. Юрій Трубецкой въ *отпискѣ* своей (донесеніи) къ Царю Алексѣю Михайловичу отъ 1674 г. между прочимъ пишетъ, что для вновь сооруженной церкви Св. Георгія богослужебныхъ книгъ *мало, потому что въ Кіевѣ многихъ церковныхъ книгъ купить мы не добыли.* Стало быть Лаврская типографія тогда еще не могла удовлетворять всѣмъ потребностямъ церковнымъ. Этого мало: изъ актовъ видно, что около времени Петра Могилы даже Печерская обитель для собственныхъ нуждъ выпрашивала у Русскихъ Царей, въ видѣ *милостыни*, богослужебныя книги изъ Москвы. Такъ трудно было тогда Кіевской Лаврѣ существовать подъ ярмомъ польскимъ; ей недоставало даже необходимаго. Что же можно сказать о другихъ обителяхъ? — Благодаря изданію въ наше время многихъ старинныхъ документовъ, мы видимъ, что въ XVII столѣтіи не только Православныя обители Кіева, но и весьма многія, разсѣянныя по Западной Россіи, находились въ незавидномъ положеніи, и что они, по большей части, пользовались благотвореніями и милостынею Русскихъ Царей, особенно со временъ возшествія на престолъ Дома Романовыхъ; что страдая подъ игомъ польскаго фанатизма, благочестивые иноки обращали къ Москвѣ свои взоры, возлагали на нее свои надежды и ожидали отъ нея спасенія, и что эта родная Москва была для Кіевскихъ обителей *кормилицею* въ истинномъ значеніи этого слова Трогательно читать, какъ Кіевскіе монахи мольбами своими о помощи, о подаяніи милостыни безпрестанно утруждали Русскихъ вѣнценосцевъ и постоянно получали благодѣянія. *Повели, благочестивый Царю! благодатію своею дати Минеи дванадесяти мѣсяцей и Евангеліе напрестольное и Уставъ церковный. Въ сіи бо книги обітель святая наша оскудна есть!* Такъ просилъ отъ 3 апрѣля 1640 г. Исаія, игуменъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, а такихъ прошеній въ архивахъ Иностранномъ и Оружейной Палатѣ находится

[1]) Обстоятельное описаніе Славено-Россійскихъ рукописей библіотеки графа Толстаго. стр. 84. М. Евгеній Болховитиновъ, по этому поводу, пишетъ слѣдующее: „Изъ хроники Θеодосія Софоновича, кажется, заимствовалъ и какъ бы сократилъ только Иннокентій Гизель свой *Синопсисъ*. Сіе очевидно изъ одинакихъ его съ нимъ мнѣній, порядка и даже выраженій, переведенныхъ только съ Малороссійскаго на Славенскій языкъ. Но къ первымъ главамъ *Синопсиса* Гизель прибавилъ нѣкоторыя и свои лишнія главы, напр. *О разныхъ идолахъ Славенскихъ* и проч.; а въ иныхъ главахъ присовокупилъ свои изъясненія и замѣчанія, и выставилъ вездѣ ссылки на Нестора и польскихъ историковъ Стрыковскаго, Длугоша, Бѣльскаго, Кромера, Мѣховскаго и Гванина; Волынскія же сказанія всѣ весьма сократилъ; а съ 14-го столѣтія, передъ коимъ остановился Θеодосій, Гизель продолжалъ уже сокращенно свою исторію и довелъ до временъ Царя Θеодора Алексѣевича“. См. Словарь Писателей духовнаго чина. 1827 г Т. 2. стр. 290.

огромное число. Насъ не могутъ упрекнуть въ преувеличеніи, если мы скажемъ, что на деньги и подарки Русскихъ Царей Іовъ Борецкій, Петръ Могила и всѣ прочіе игумены поправляли и отстроивали монастыри Лаврскій, Софійскій, Выдубицкій, Никольскій, Братскій, и все это было еще до времени возвращенія Малороссіи подъ Россійскую державу, а съ 1667 г. судьба Православныхъ обителей въ Кіевѣ была уже обезпечена; Ляхи не могли безнаказанно отнимать монастырскихъ имуществъ и причинять имъ насилій. За получаемыя благодѣянія Кіевъ платилъ Москвѣ своимъ образованіемъ и высылалъ въ Московскія школы опытныхъ и ученыхъ учителей, разсадниковъ просвѣщенія и проповѣдниковъ [1]).

Въ 1701 г. Одинъ Московскій старецъ, по имени Леонтій, совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ, для поклоненія Гробу Господню; заходилъ два раза и въ Кіевъ, и въ путевыхъ запискахъ своихъ помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ о *преславномъ Градѣ Кіевѣ*. Замѣтки эти, изображая довольно удачно характеръ того времени, очень любопытны и дополняютъ собою историческій очеркъ нашего города. Мы предлагаемъ ихъ въ извлеченіи [2]):

„Генваря, въ 17 день, пріидохомъ въ Малороссійскій городъ Глуховъ.. Генваря, въ 22 день, пріидохомъ въ Батуринъ градъ... на рѣкѣ на Семи, на лѣвой сторонѣ, на горѣ, красовитъ городъ земляной... И городъ не добрѣ крѣпокъ, да еще столица гетманская. Только онъ (гетманъ) крѣпокъ стрѣльцами Московскими; на караулѣ все они стоятъ; тутъ цѣлой полкъ стрѣльцовъ живутъ; и гетманъ—онъ вѣдь стрѣльцами-то и крѣпокъ, а то бы его хохлы давно уходили, да стрѣльцовъ боятся. Да онъ ихъ жалуетъ...

„Генваря, въ 27 день, пошли изъ Нѣжина къ преславному граду Кіеву, рано на первомъ часу дни. И того дня была намъ нужда великая: земля вся растворилася, такъ тяжко было лошадямъ и самымъ нужно было идти; и того дни едва съ великою нуждою доѣхали до корчмы часа въ два ночи. Пріѣхали въ корчму, — только женка одна и та к....; и мы тутъ съ нуждою великою ночевали, всю ночь стереглися; стало къ полю (?), а пьяные таскаются во всю ночь. Утре рано встали и пошли въ путь свой; и той день такожде съ нуждою шли и пришли въ село; тутъ едва выпросилися ночевать; хижина тутъ Къ

[1]) Акты, относящ. къ Истор. Южной и Западной Россіи.

[2]) Записки старца Леонтія имѣютъ слѣдующее заглавіе: „Описаніе пути ко святому граду Іерусалиму, отъ Москвы до Кіева, отъ Кіева до Воложской земли, отъ Воложской земли до Дуная, великія рѣки, — и сей ходъ все по сухой земли; а отъ Дуная до Царяграда и отъ Царяграда до святаго Іерусалима — то все хожденіе моремъ; токмо полтора дня землею.“ Къ этой заголовкѣ прибавлена другая: „Лѣта 7209, мѣсяца декабря, въ седьмой-надесять день хожденіе во Іерусалимъ старца Леонтія“. Отсюда видно, какъ поводъ къ путешествію, такъ и тѣ мѣста, извѣстія о которыхъ можно искать въ запискахъ Леонтія. Извѣстны два списка этого *Описанія*; одинъ списокъ № 261, въ 4-ю д. л. на 1482 л писанъ скорописью 18-го в.; другой № 191, въ 4-ю д. л. новый. Послѣдній и есть тотъ, который былъ приготовленъ покойнымъ И. Сахаровымъ для изданія и подписанъ цензоромъ. Оба списка находятся въ богатой библіотекѣ Графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Отрывки изъ путевыхъ записокъ старца Леонтія (1700 г.) г. Лазаревскій помѣстилъ въ № 4—8 Черниговскаго Листка, 1862 г.

намъ же нощію пріѣхалъ изъ Кіева протопопъ Глуховской; ѣздилъ въ Кіевъ къ дѣтямъ; дѣти его въ Кіевѣ въ школѣ, учатся науки... Утре рано востахомъ и пошли въ Кіевъ; и пошли въ село Бровары за 17 верстъ отъ Кіева; и отъ того села увидѣли преславный градъ Кіевъ; стоитъ на горахъ высокихъ; и возрадовались, и тогда слѣзли съ коней и поклонилися святому граду Кіеву и хвалу Богу воздахомъ... И тако пошли къ Кіеву, а ходъ все боромъ, все пески... и того же дни пришли къ Днѣпру подъ Кіевъ. А Днѣпръ только разшелся и того дни мы не могли переѣхать за погодою. Тутъ же къ намъ приѣхали Греки, наши товарищи; они изъ Нѣжина прежде насъ тремя деньми поѣхали, да за Днѣпромъ стояли, нельзя было ѣхать, — Днѣпръ не прошелъ въ тѣ поры; такъ мы съ ними ночевали. И утре рано тутъ же къ намъ пришелъ Московскій стольникъ — шолъ съ соболиною казною къ Цесарю; а въ тѣ поры погода на рѣкѣ зѣло велика, отнюдь переѣхать нельзя было; и стольникъ сталъ кричать на перевощиковъ, и они, миленькіе, едва съ нуждою судно на нашу сторону перегнали. И когда мы стали на паромѣ, тогда паромъ и отъ берега не могли отслонить и стольникъ велѣлъ Греческіе возы долой съ парома скатить, а наши не велѣлъ—спаси его Богъ. И тако мы стали на паромъ на первомъ часу и перевезлися на ту сторону въ часъ ночи; зѣло уже было нужно и перевощики, миленькіе, устали больно. И егда мы пристали ко брегу града Кіева, тогда пришли караульщики, сотники и стрѣльцы и стали насъ вопрошати: откуду и что за люди? — и мы сказали, что Московскіе жители и ѣдемъ во Іерусалимъ. — Есть ли де у васъ Государевъ указъ? — и мы сказали, что есть. — Покажите де, — безъ того во градъ нашъ не велѣно пускать. И мы показали указъ и сотенной прочелъ указъ, отвелъ насъ къ стольнику и стольникъ такожде указъ прочелъ, послалъ къ бурмистромъ, чтобы намъ дворъ отвели и стали на дворѣ близъ ратуши...

„Градъ Кіевъ стоитъ на Днѣпрѣ, на правой сторонѣ, на высокихъ горахъ зѣло прекрасно; въ Московскомъ и Россійскомъ Государствѣ таковаго града врядъ сыскать. Верхній Градъ—валъ земляной, вельми крѣпокъ и высокъ; а по градской странѣ все караулы стоятъ крѣпкіе; по сту саженъ караулъ отъ караула; и въ день и въ ночь все полковники ходятъ, тихонько досматриваютъ — такъ ли крѣпокъ караулъ; а ночью уснуть не даютъ: все караулъ отъ караула кричатъ и окликаютъ — а кто идетъ? — зѣло опасно блюдутъ сей градъ, да и надо бы блюсти: прямой замокъ Московскому Государству. Въ Кіевѣ монастырей и около Кіева зѣло много и пустынки есть — райскія мѣста! есть гдѣ погулять, — вездѣ сады и винограды: и по дикимъ лѣсамъ — все сады. Церквей каменныхъ зѣло много; строеніе узорочное; тщательные люди. И много у нихъ чудотворныхъ иконъ; сердечная вѣра у нихъ къ Богу велика; кабы къ такому усердію и простотѣ — правая вѣра, —[1]) все бы люди святые были! И къ нищимъ податливы; да шин-

[1]) Леонтій принадлежалъ къ расколу старообрядства, какъ видно и изъ другихъ мѣстъ его списокъ.

ки ихъ вельми разорили въ конецъ, да к...ы, изъ того у нихъ скаредно сильно и доброй человѣкъ худымъ будетъ. Церковь Софіи Премудрость Божія зѣло хороша и образцовата; да въ ней строенія нѣту ничего, пусто; иконъ нѣтъ, а старое было стѣнное письмо, а митрополитъ все замазалъ известю [1]). А у митрополита (*Варлаама Ясинскаго* 1690—1707 г.) поютъ пѣніе органистое, еще пуще органовъ; старехонекъ миленькой, а охочъ до органнова пѣнія.—Въ Верхнемъ Городѣ церковь хороша—Михайла Златоверхова; въ той церквѣ мощи Св. великомученицы Варвары; а меня грѣшнаго Богъ сподобилъ ея мощи лобзати. Въ Верхнемъ Городѣ живетъ воевода и полковники и стрѣлецкіе полки; а въ Нижнемъ Городѣ— все мѣщане, хохлы, все торговые люди; тутъ у нихъ и ратуша и ряды и всякіе торги. А стрѣльцамъ въ Нижнемъ Городѣ не даютъ хохлы въ лавкахъ сидѣть; только на себя всякіе товары въ разность продаютъ. Утре — все стрѣльцы съ горъ сходятъ на Подолъ, торговать; а въ вечеръ, передъ вечернями, такъ они на горѣ, въ Верхнемъ Городѣ, торгъ между себя (ведутъ) и ряды у нихъ свои; товарно (?) сильно сидятъ и кружало у нихъ свое.

„По-Московски, мясной рядъ у стрѣльцовъ великъ, за городомъ, въ Верхнемъ Городѣ, снаряду зѣло много и хлѣбнаго припасу. Около Кіева лугами привольно и всячинами, и овощемъ, и рыбы много, и все недорого. Черезъ Днѣпръ четыре моста живыхъ; съ острова на островъ мосты велики зѣло; а Днѣпръ подъ Кіевомъ; а мостовщины берутъ съ воза по два алтына, а съ порожней—по шести денегъ, а съ пѣшаго по копѣйкѣ. А тѣ мосты дѣлаютъ все миленькіе стрѣльцы; а сборная казна мостовая гдѣ идетъ — Богъ знаетъ! А они, миленькіе, зиму и осень по вся годы съ лѣсу не сходятъ, все на мостъ лѣсъ рубятъ, да брусья готовятъ; а лѣтомъ на полковниковъ сѣно косятъ, да кони ихъ пасутъ. Хомутомъ миленькіе убиты; а кони богатые — тѣ и на караулъ не ходятъ, все по ярмонкамъ ѣздятъ. Мелочь-та вся задавлена въ Кіевѣ градѣ... [2]) изрядно сильно бываетъ на Подолѣ; а жилье въ Кіевѣ въ Верхнемъ Городѣ; а въ Нижнемъ — все въ городѣ, а за городомъ нѣтъ ничего; только по мѣстамъ бани торговыя. Въ Кіевѣ школьниковъ очень много, да и воруютъ много,— попущено имъ отъ митрополита [?]. Когда имъ кто понадокучитъ, тогда пришедши ночью, да укакошатъ хозяина, а съ двора корову или овцу сволокутъ; нѣтъ на нихъ суда! Скаредно сильно очень попущено воровать, пуще Московскихъ солдатъ. А вечеръ пришолъ — то пошли по избамъ,—псалмы пѣть, да хлѣба просить; даютъ имъ всячиною, хлѣбомъ и деньгами. А гдѣ Св. Апостолъ Андрей крестъ поставилъ, и тотъ холмъ въ городовой стѣнѣ красовитъ зѣло; на томъ мѣстѣ стоитъ церковь деревянная, ветхая, во имя Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

„Февраля во 2 день, въ праздникъ Срѣтенія, пошли въ Печерской монастырь и пришли въ соборную церковь, и помолилися чудотворно-

[1]) Это сдѣлали Уніяты еще до 1634 г. [2]) Это мѣсто неможно разобрать въ оригиналѣ.

му образу и пошли въ Антоньеву пещеру; и тутъ видѣли Преподобныхъ Отецъ въ нетлѣнныхъ плотехъ — что живые лежатъ! и толь множество ихъ — что звѣздъ небесныхъ; всѣ яко живы лежатъ. Дивное чудо! Тако Богъ прославилъ своихъ Угодниковъ, боящихся Его! Видѣхомъ и младенцовъ нетлѣнныхъ, лежащихъ тутъ же. Видѣхомъ храбраго воина Илью Муромца въ нетлѣнiи, подъ покровомъ златымъ; ростомъ — яко нынѣшнiе крупные люди; рука у него лѣвая пробита копiемъ, — язва вся знать; а правая его рука изображена крестнымъ знаменiемъ.......

„Тутъ же видѣли дванадесять церковныхъ мастеровъ; подъ единымъ покровомъ тѣ мастеры; ихъ же сама Пресвятая Богородица послала изъ Царьграда въ Кiевъ. И тако сподобились мощи Святыхъ всѣ лобзати...... И ходихомъ по пещерѣ и удивлялися! и пили воду съ Маркова креста, что на себѣ нашивалъ Преподобный желѣзный, (?!) великой крестъ; желобоватъ онъ сдѣланъ. Тутъ же видѣнъ крестъ Антонiевъ, дровяный, великой, съ возглавiемъ, тречастной; на ево гробницѣ стоитъ. Тутъ же стоятъ столбики древянные, а къ нимъ придѣланы цѣпи желѣзныя; тутъ на ночь въ тѣ цѣпи бѣсноватыхъ куютъ. — Изъ Антоньевой пещеры пошли въ Ѳеодосьеву пещеру и тамо такожде мы сподобилися Святыхъ лобзати, поклонилися и возрадохомся радостью неизреченною. И возвратилися въ монастырь и тутъ сподобихомся мы чудотворному образу Пресвятыя Богородицы лобзати и мощи Св. Iулiяны, княжны; рука у нея десная вся перстнями унизана; чудо — что у живой рука та! Въ Печерскомъ монастырѣ церковь зѣло пречудна строеньемъ, Короля Жигимонта, [1]) на томъ же мѣстѣ, на старомъ основанiи; а въ церквѣ стѣнное письмо, — всѣ Князья Русскiе написаны. Да тутъ же видѣхомъ, въ той же церкви, у праваго столпа (?) — изваянъ изъ камени Князь Константинъ Острожскiй; лежитъ на боку, въ латахъ, какъ будто живой. Нынѣ кругъ монастыря ограду дѣлаютъ каменную, великую; да дѣлаютъ же палату друкарную, гдѣ книги печатаютъ. Около монастыря зѣло Слобода велика и садовъ множество; торгъ у нихъ около монастыря...“

Далѣе старецъ Леонтiй описываетъ поѣздку свою въ Хвастовъ къ славному полковнику Палею и въ Немировъ. О возвращенiи своемъ въ Кiевъ пишетъ такъ: „Мы прiѣхали (на обратномъ пути изъ Немирова) въ Хвастовъ, и стали за городомъ, на полѣ; а Палея въ тѣ поры дома не было, въ Кiевѣ былъ; и Палеева жена прислала къ намъ въ таборы яловицу и калачей, и конемъ овса. И тутъ мы стояли весь день, а Палеева жена брала купцовъ къ себѣ обѣдать и зѣло угостила... И обѣдавши, купцы выѣхали въ поле и стали коней сѣдлать и запрягать. Потомъ выѣхалъ къ намъ полковникъ наказной съ казаками, да и поѣхали съ нами насъ провожать до Кiева. И ѣхали мы отъ Хвастова до Кiева

[1]) Это ошибка старца Леонтiя. Польскiе Короли, проникнутые фанатизмомъ, никогда не строили Православныхъ храмовъ, напротивъ старались ихъ уничтожать.

два дни; потомъ приѣхали мы въ Кіевъ въ день недѣльный; и у Вратъ Златыхъ насъ остановили на караулѣ; потомъ пятидесятникъ пошелъ объ насъ докладывать, и генералъ велѣлъ насъ пустить въ городъ. И когда мы приѣхали въ городъ и въ тѣ поры полковники стояли у обѣдни, а генералъ — Нѣмчинъ некрещоной ..“ и проч. Доселѣ старецъ Леонтій. Неизвѣстно, о какомъ иностранцѣ говоритъ онъ здѣсь; Шотландецъ Патрикъ Гордонъ оставилъ Кіевъ въ концѣ августа 1685 г., а скончался около 1699.

Тщеславіе внушило гетману Ивану Мазепѣ украсить Кіевъ зданіями для Братскихъ школъ и нѣкоторыхъ монастырей. Козацкіе полковники, подражая гетману, также строили церкви, колокольни, трапезы, ограды, золотили куполы, иконостасы, на каждой вещи оставляли свои гербы, надписи, а по заведеніямъ портреты; и все это не приносило городу существенной пользы. Со временъ Петра I воеводы переименованы въ генералъ-губернаторы. По устроеніи Печерской крѣпости опредѣлены въ Кіевъ комендантъ и инженерный генералъ. Набожность или тщеславіе, добродушіе или политика Князей, Государей и Гетмановъ наполнили архивы магистрата и монастырей грамотами и привилегіями, но для просвѣщенія жителей и улучшенія города было очень мало сдѣлано. Сверхъ того Кіевляне претерпѣли въ короткое время нѣсколько разъ бѣдствія, а именно, съ марта 1710 г. до января 1711 г. продолжавшаяся въ Кіевѣ моровая язва опустошила городъ, а въ скорости налетѣвшая саранча и оставшіеся за Порогами, приверженные къ Мазепѣ, Козаки разоряли Кіевскую Украину. Съ 1713 г. Турки, опять открывшіе войну противъ Россіи, добѣгали почти до Кіева, что продолжалось до 1716 г., посему гетманъ Скоропадскій съ войскомъ своимъ безпрестанно долженъ былъ охранять Кіевъ. Яковъ Марковичъ пишетъ: *что 1713 г, войска Козацкіи стояли подъ Кіевомъ и робили валъ почавши отъ Московського города* (Новый Слободы?) *по-узъ Лыбедь до Подолу* [1]). Въ 1718 г. погорѣла вся Печерская Лавра и весь Подолъ съ церквами. Послѣ столь многихъ несчастныхъ приключеній, древняя столица не могла скоро оправиться. Не смотря на подтвержденіе Петромъ I въ 1710 г. и Елисаветою Петровною 24 окт. 1743 г. прежнихъ привилегій, данныхъ Польскими Королями, городъ сей улучшался весьма медленно. Въ 1737 г. достроена ратуша; въ 1739 г. на Подолѣ было уже 2,140 обывательскихъ домовъ, главныя улицы его вымощены и проведены канавы, построены лазареты, цейхгаузы, пороховые погреба, деревянные дома инженерный и дѣловой артиллерійскій, и т п. — Во время Турецкой войны, окончившейся въ 1740 г. Кіевъ испыталъ много тягостей, особенно по обширному укрѣпленію Подола, возложенному на счетъ мѣщанства. Однако въ это время сдѣланы нѣкоторыя казенныя постройки и предприняты первыя мѣры къ устройству города [2]).

[1]) Дневныя Записки Москва, 1859 г. in 8-vo. [2]) Журавскій, Опис. Кіев. губер изд. Фундуклея, Т. I, стр. 322.

Главнѣйшія права и привилегіи Кіевлянъ этого времени состояли въ слѣдующемъ: За мѣщанами утверждены недвижимыя имѣнія ихъ и всякаго рода сборы и доходы съ оныхъ, разрѣшена вольная торговля и владѣніе угодьями, сѣножатями, выгонами, рыболовлями; допущенъ невозбранный въѣздъ въ строевые и дровяные лѣса Кіевскіе; позволено исключительно гражданамъ однимъ торговать на Подолѣ (*Нижнемъ Кіевѣ*) разными товарами, съѣстными припасами, виномъ, пивомъ, медомъ и содержать торговыя бани; также дано право имѣть воскобойню, пивоварню, гостиный дворъ и свои вѣсы; сборъ со всего этого, равно и съ Днѣпровскаго перевоза долженъ былъ поступать въ ратушу. За эти преимущества Кіевляне давали подводы подъ проѣзжающихъ чрезъ Кіевъ военныхъ особъ и обязаны были вносить ежегодно въ казну по 600 рублей, а при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, по грамотѣ отъ 16 іюля 1654 г. граждане платили 3,000 злотыхъ [1]).

Петръ Великій.—Начиная отъ временъ разоренія Татарскаго до начала XVIII-го вѣка, и такъ почти въ продолженіи пяти столѣтій дряхлый Кіевъ былъ политическими обстоятельствами и несчастіями какъ бы отчужденъ отъ семьи великорусскихъ городовъ и не видалъ уже болѣе въ стѣнахъ своихъ вѣнценосцевъ Православныхъ. Но въ XVIII-мъ столѣтіи судьба его перемѣнилась, царственные гости стали посѣщать свое прародительское достояніе. Событія эти для Кіевлянъ столь важны, что мы рѣшаемся напомнить объ нихъ:

Іюля 5-го дня, 1706 года, на пути изъ Гродна, прибылъ въ Днѣпровскую столицу Петръ I. Пушечная пальба возвѣстила прибытіе Государя, который немедленно отправился въ Софійскій соборъ. Здѣсь Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ витіеватую рѣчь и успѣлъ обратить на себя вниманіе проницательнаго Монарха, который потомъ осматривалъ всѣ рѣдкости Софійскаго храма, посѣтилъ митрополита Варлаама и въ тотъ же день былъ въ Пещерахъ Ближнихъ и Дальнихъ. Во время пребыванія въ Кіевѣ, кипучій геній Петра не терялъ ни одной минуты: во всѣ концы Польши и Россіи написалъ множество писемъ и распоряженій. Мазепа также явился въ Кіевъ со своими полками, по приказанію Государя, который, осматривая тамошнюю крѣпость и найдя расположеніе ея неудовлетворительнымъ для современной тактики, приказалъ построить новую около Печерскаго монастыря; самъ былъ для нее инженеромъ и опредѣлилъ размѣръ, а въ день Успенія Богородицы, при духовномъ обрядѣ, торжественно своими руками заложилъ эту новую крѣпость, для сооруженія которой опредѣлилъ Малороссійское войско и нѣсколько солдатъ подъ смотрѣніемъ Мазепы, придавъ ему въ помощь полковника Гейсена и повелѣвъ гетману до окончанія постройки не отлучаться. По преданію, Петръ Великій останавливался на Подолѣ, близъ церкви Св. Николая Притиска, въ каменномъ домѣ, въ

[1]) Упоминаемая грамота Императрицы Елисаветы помѣщена въ Ист. Малороссіи Маркевича Т. IV, стр. 407, и у Б.-Каменск. изд. 1. Т. IV, стр. 281.—См. здѣсь стр. 40.

которомъ теперь помѣщается уѣздное училище. Проживъ въ Кіевѣ полтора мѣсяца, Государь выѣхалъ 20 августа въ Петербургъ; однако вскорѣ былъ вторично въ Кіевѣ 24-го декабря и, осмотрѣвъ тамъ все нужное, той же ночи выѣхалъ въ Дубно. Дѣятельность этого величайшаго Монарха изумительна; онъ не зналъ покоя! — Въ 1709 г., послѣ побѣды надъ Шведами, Петръ I посѣщалъ Кіевъ и 10 іюля въ Софійскомъ соборѣ былъ привѣтствованъ Өеофаномъ Прокоповичемъ [1]).

Въ слѣдующемъ 1710 г., съ марта мѣсяца, въ Кіевѣ открылось моровое повѣтріе, продолжавшееся до января 1711 г. Одинъ неизвѣстный Малороссійскій лѣтописецъ описываетъ это несчастное событіе слѣдующимъ образомъ: „Тогда пустъ городъ Кіевъ остался, яко выгнано всѣхъ обывателей изъ Кіева. И странствовали отъ града во градъ, единъ другаго чуждаючися: отецъ дѣтей, дѣти отца; и многихъ трупы поядали звѣріе, птицы, пси и свиніи. Церкви Божественныя опустошѣли, такожъ и монастыри, и не было ни жертвы, ни приношенія. И тако было время, что ни купити, ни продати; ибо городы были позапираны, домы позабиваны, жители изгнаны и всѣ, кто что имѣлъ, оставлялъ и бѣгалъ по пустыняхъ и поляхъ; видѣли другъ друга смерть ходячи; ибо и сидячіи вмирали нечаянно и живыи чуждалися мертвыхъ своихъ“ [2]).

Императрица Елисавета Петровна. — Спустя тридцать четыре года, послѣ великаго отца, посѣтила Кіевъ его великодушная дщерь, оказавшая столько милостей для сего города и для всей Малороссіи. Императрица Елисавета Петровна 24 окт. 1743 г. подтвердила всѣ прежнія привилегіи Кіева и даровала ему новыя. Руководимая набожностію, Государыня Елисавета Петровна, съ своимъ Наслѣдникомъ Великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ и Невѣстою его, Великою Княжною Екатериною Алексѣевною, отправилась 1744 г. въ сопровожденіи многочисленной свиты, состоящей изъ 230 человѣкъ, для поклоненія Кіевской Святынѣ. Отъ границы Малороссіи, въ концѣ августа, Императрицу сопровождало козацкое войско; за 60 верстъ отъ Кіева представились ей нѣсколько избранныхъ лицъ духовенства и гражданства Кіевскаго; встрѣча же въ самомъ Кіевѣ (въ началѣ сентября) была чрезвычайно торжественная; въ ней, безъ всякаго возбужденія со стороны властей, принимало участіе все народонаселеніе города, одушевленное одною мыслію видѣть свою царственную благодѣтельницу. И знаменитая Академія имѣла представителей въ лицѣ питомцевъ своихъ, которые, по понятіямъ тогдашняго времени, могли являться прочимъ смертнымъ въ видѣ Греческихъ боговъ, разныхъ героевъ и даже миөологическихъ животныхъ. Преосвященный Георгій Конискій, по всей вѣроятности очевидецъ торжества Кіевлянъ и академическаго Парнаса, пишетъ, что отъ Академіи, съ помощію выписанныхъ машинъ и собственнаго изобрѣтенія, произведены разныя *удивительныя явленія* для

[1]) Дѣянія Петра Великаго, Голикова Т. II, стр. 335. [2]) Исторія Малороссіи Маркевича, Т. II, стр 538

встрѣчи Государыни. Между прочимъ выѣхалъ за городъ сѣдовласый старикъ, въ богатой древней одеждѣ, украшенный короною и жезломъ. Кажущійся старикъ этотъ былъ молодой студентъ. Въ колесницу его, на подобіе *божескаго фаетона*, были запряжены два *піитическіе*, крылатые кони, извѣстные подъ именемъ *Пегасовъ*. Роль коней приняли на себя тоже студенты, разумѣется дюжіе. Старикъ этотъ представлялъ собою баснословнаго Кія, основателя и обладателя древняго Кіева. Онъ встрѣтилъ Императрицу на берегу Днѣпра, когда она проѣхала уже мостъ, привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, какъ въ свое достояніе, и поручалъ его и весь народъ Русскій въ милостивое ея покровительство [1]).—Елисавета Петровна остановилась въ архимандричьихъ покояхъ Печерской обители, провела въ Кіевѣ нѣсколько недѣль, съ примѣрнымъ благочестіемъ посѣщая пѣшкомъ храмы и всѣ святыни древней столицы. Собственноручно благоволила заложить основаніе церкви въ память Св. Апостола Андрея. Тогда же Великій Князь Петръ Алексѣевичъ осматривалъ и Кіевскую Академію. При этомъ случаѣ Варлаамъ Лящевскій, профессоръ философіи, поднесъ Наслѣднику переводъ книги: *Зерцало должности Государской* [2]). Присемъ Ея Величество благоволила раздать нарочитыя суммы бѣднымъ, также всѣмъ церковнымъ служителямъ и монашеству, а въ храмы и на гробницы Угодниковъ подарены многія дорогія вещи и утвари [3]). Тогда же было опредѣлено развести садъ, (нынѣ Государевъ или Царскій) и выстроить при немъ дворецъ. Императрица прибыла въ Кіевъ августа 25, а отъѣхала сентября 12 числа [4]), и долго Кіевляне не могли забыть этого благодѣтельнаго посѣщенія.

Въ Архивѣ Кіевской Академіи сохранилось описаніе одного обыкновеннаго естественнаго явленія, бывшаго въ 1758 г., но произведшаго на многихъ членовъ Академіи страшное впечатлѣніе: Во время погребенія тѣла, умершаго ректора Манасіи Максимовича въ Братской Богоявленской церкви, бывшаго 5 іюля упомянутаго года, когда архидіаконъ надъ тѣломъ, уже перенесеннымъ въ склепъ, провозгласилъ: „во блаженномъ успеніи вычный покой"—страшный ударъ грома потрясъ все зданіе и висѣвшее въ церкви серебряное паникадило, подъ которымъ за минуту передъ симъ стоялъ гробъ, растопилось и упало на полъ. Многіе были оглушены этимъ ударомъ и остались съ разбитыми членами параличемъ, а одинъ студентъ *Саевскій* убитъ [5]).

Моровое повѣтріе. — Въ 1770 и въ слѣдующемъ году великое число жителей Кіева было жертвою моровой язвы.—Коллежскій Совѣтникъ, Докторъ Медицины, Іоаннъ Лерхе, очевидный свидѣтель бѣдствія Кіевлянъ, оставилъ намъ въ дневникѣ своемъ любопытное описаніе города

[1]) Истор. Руссовъ, Кониского, стр 244. [2]) Словарь писателей духовнаго чина, преосвященнаго Евгенія. Т. I, стр 63. [3]) Государыня пожаловала Лаврскому архимандриту, Тимоѳею Щербацкому, три тысячи рублей, на братію десять тысячъ р., въ Голосѣевскую пустынь 600, въ Китаевскую тысячу руб — Архимандритъ съ братіею поднесли высокимъ путешественникамъ: Государынѣ 54 книги, Наслѣднику 24 и Великой Княжнѣ тоже 24 книги Лаврскаго изданія. [4]) Южнорусскія Лѣтописи, Т. I. стр. 99 [5]) Кіевъ Аскоченскаго. Т. II стр. 221.

того времени и его бывшаго несчастія. Мы предлагаемъ это описаніе въ переводѣ, безъ всякихъ сокращеній:

„Октября 13 дня (1770 г.) проѣхалъ я чрезъ Васильковъ, составляющій порядочную крѣпость. Отселѣ до Кіева 37 верстъ. Половина дороги шла лѣсомъ и глубокимъ пескомъ Въ первый разъ увидѣлъ я высокія сосны и сыпучій песокъ. Въ Молдавіи и во всю дорогу черезъ Польшу я не встрѣчалъ ничего подобнаго. Отъ Хотина до Кіева 436 верстъ, прогоновъ заплатилъ 13 рублей и 63 копѣйки.

„Знаменитый городъ Кіевъ выстроенъ на берегу рѣки Днѣпра съ Польской (*правой*) стороны, на высокихъ песчаныхъ горахъ; положеніе его неудобно потому, что онъ состоитъ изъ трехъ городовъ. Новый и Старый городъ представляютъ собою важныя крѣпости. Третій, Подолъ, въ трехъ верстахъ отъ Новаго, находится внизу, на берегу Днѣпра, имѣетъ 1½ версты длины и ½ ширины. Изъ одного города до другаго должно ѣхать чрезъ высокія горы и глубокія долины, что сопряжено съ великими неудобствами, особенно въ дождливую погоду, или во время заморозовъ. Новая Печерская крѣпость заложена Петромъ I въ 1709 (?) г., она невелика; цѣлую половину ея занимаетъ собою великій и прекрасный Печерскій монастырь, а вблизи онаго, нѣсколько ниже, два меньшіе, именно Антоніевскій и Ѳеодосіевскій; здѣсь-то находятся пещеры или подземные ходы, въ которыхъ столь много Святыхъ опочиваютъ. Другая половина крѣпости застроена великими деревянными домами для Губернатора, Генералитета и Коменданта. Въ ней находится также и нѣсколько церквей, Канцелярія (*Губернская?*) и Провіантскій магазеинъ. Внѣ крѣпости покрытая дорога окружена палисадами, подъ гласисомъ проведены мины; потомъ находится обширная площадь, простирающаяся до Старой и Новой Слободы; обѣ принадлежатъ Печерской обители. Слободы эти устроены безпорядочно и состоятъ изъ малыхъ домовъ. Николаевскій монастырь лежитъ въ старомъ предмѣстіи, вдоль высокаго берега, и половина улицы до самаго поля принадлежитъ оному, ибо живущіе на этомъ мѣстѣ платятъ поземельную дань сей обители Что же находится противъ улицы, до долины, принадлежитъ Печерской Лаврѣ. Почти всѣ переулки имѣютъ направленіе въ глубокую долину (*Кловскую?*). Здѣсь живутъ прислужники монастырскіе, артиллеристы и солдаты въ разбросанныхъ домахъ. По причинѣ высокаго берега очень трудно носить воду изъ Днѣпра, и желающіе должны очень далеко внизъ подъ крѣпость посылать за нею. Впрочемъ есть нѣсколько колодязей. Городъ имѣетъ три заставы: Печерскую, Васильковскую и Водяную (*Неводницкую?*). Внизу, возлѣ самаго Днѣпра, проведенъ валъ и ровъ, продолженный вокругъ предмѣстія до Старой Крѣпости, которая лежитъ гораздо выше Печерской, на неровной горѣ, а внутри имѣетъ три (*четыре*) отдѣленія съ валами и рвами. Одинъ маіоръ опредѣленъ здѣшнимъ комендантомъ, подъ начальствомъ коего находятся также два гарнизонные баталіона и 60 человѣкъ губернской конницы; прочее населеніе состоитъ изъ бѣдныхъ жителей. Въ Старой Крѣпости находятся два достопримѣчательные монастыри, Софійскій и

Михайловскій. Въ первомъ живетъ Митрополитъ въ великолѣпномъ дворцѣ съ хорошею мебелью. Соборная церковь имѣетъ на хорахъ 15 (?) алтарей, кои всѣ прекрасно устроены. Михайловскій весьма любопытенъ по причинѣ гроба Св. Варвары, поставленнаго подъ балдахиномъ, на коемъ виситъ много подаренныхъ, изъ серебра сдѣланныхъ, сердецъ, рукъ и ногъ. Къ сторонѣ Подола, на горѣ, стоитъ прекрасная церковь, посвященная Св. Андрею; она выстроена по желанію Государыни Елисаветы Петровны. Въ концѣ Печерскаго Предмѣстія находится, по причинѣ глубокаго буерака или долины, узкая дорога (*Крещатицкая*); но ее нельзя миновать, потому что она собою соединяетъ всѣ три города. Коль скоро поднимешься на ней, то увидишь площадь, съ полверсты величиною, и на ней великій и красивый Императорскій дворецъ, на каменномъ фундаментѣ, выстроенный по повелѣнію Императрицы Елисаветы; позади этого дворца разведенъ превосходный садъ, въ верхней части коего находятся аллеи; потомъ должно по многимъ ступенямъ спуститься внизъ до двухъ оранжерей и виноградника. Здѣсь великое множество плодовитыхъ деревьевъ. Къ концу сада опять поднимаешься на гору, съ которой видѣнъ весь Подолъ. Садъ этотъ есть почти единственное мѣсто для гулянья. Мимо его идетъ крутая дорога (*Крещатицкая*) на Подолъ, лежащій подъ Старою Крѣпостію. Противъ дворца, на лѣвой сторонѣ, въ большомъ каменномъ зданіи Печерскаго Архимандрита Зосимы, была помѣщена военная госпиталь. Тамъ же есть и славная роща. Урочище это называли *Кловомъ*. Недалеко отъ сего мѣста лежитъ крутая дорога (*прежде Ивановская, а теперь Институтская улица*) въ Старую Крѣпость. Подолъ есть обширный городъ и лучшая часть Кіева; онъ населенъ почти купцами, у которыхъ можно найти всякіе товары. Между этими купцами есть и богатые люди. Они имѣютъ свой Магистратъ на правахъ Магдебургскихъ. Ихъ главный президентъ Войтъ, что у насъ Vogt; пользуются различными правами; за торговлю пивомъ и виномъ взносятъ въ казну 500 (?) рублей и солдатамъ даютъ квартиры у себя. Здѣсь три раза въ годъ бываютъ ярмарки, продолжающіяся по 14 дней; въ это время пріѣзжаетъ купечество изъ отдаленныхъ странъ. Считаютъ до 20,000 жителей. Церквей около 20, монастырей четыре; два изъ нихъ замѣчательны, именно Братскій, въ которомъ находится такъ называемый университетъ. Студенты сего заведенія посѣщаютъ коллегіи (уроки), не платя ничего. Тамъ преподаютъ Латинскій, Нѣмецкій и Французскій языки, Богословіе, Философію, Риторику, Географію и проч. Изъ этихъ студентовъ, также и изъ Черниговской Семинаріи, получаетъ съ 1754 г. Медицинская Канцелярія довольное число каждый годъ для обученія Врачебному искусству и Хирургіи и для опредѣленія при госпиталяхъ. Пятнадцать человѣкъ изъ сихъ studiosis послалъ Правительствующій Сенатъ въ 1760 и 1761 г. на казенномъ иждивеніи въ Лейденъ и Страсбургъ для усовершенствованія въ Медицинѣ. Другой монастырь Флоровской дѣвичій, въ которомъ много знатныхъ Русскихъ дамъ. Городъ Подолъ окруженъ по лѣвую руку высокою и длинною горою, возлѣ которой стоитъ мно-

го небольшихъ домовъ; съ правой стороны широкая рѣка Днѣпръ, затопляющая весною нижнія части многихъ домовъ. Двѣ улицы вымощены пластынникомъ, прочія весьма безпорядочны и столь тѣсны, что въ повозкѣ ѣздить не можно. Аптекарь Бунге, добрый человѣкъ, довольно зажиточенъ. Каменныхъ домовъ очень мало. Магистратъ не даетъ пришельцамъ права на гражданство, дабы имѣть собственные домы. Для нашего Евангелическаго прихода нанятъ домъ, въ которомъ устроена церковь и опредѣленъ къ ней Пасторъ Граль (Grahl), родомъ Саксонецъ и изрядный проповѣдникъ; прихожанъ болѣе ста человѣкъ. Но здѣсь прерываю я описаніе этого города, о которомъ въ послѣдствіи намѣренъ кое-что упомянуть, потому что я долженъ былъ въ Кіевѣ провести девять мѣсяцевъ.

„Разсказы о моровой язвѣ въ Кіевѣ были очень различны; но самое вѣроятное есть то, что одинъ купецъ, прибывшій изъ Польши въ концѣ августа, въ домъ свой, находившійся на Подолѣ, вскорѣ заболѣлъ и умеръ; его родные были первыми жертвами моровой язвы ([1]). Многіе въ сосѣдствѣ заражались и скоро умирали. Никто изъ бывшихъ тамъ медиковъ и хирурговъ не видалъ еще этого бича человѣчества. Они должны были свидѣтельствовать больнихъ и умершихъ, и въ рапортахъ доносили, что болѣзнь эта есть не что иное, какъ гнилая горячка съ пятнами и нарывами. Я читалъ ихъ свидѣтельства. Между тѣмъ моровая язва на Подолѣ увеличивалась. Никакихъ предохранительныхъ мѣръ еще не предпринимали, народъ имѣлъ свободное сообщеніе; многіе ходили и на Печерское Предмѣстіе. Но когда зло сдѣлалось уже значительнымъ, то губернаторъ послалъ изъ госпиталя доктора Митрофанова съ нѣсколькими хирургами и командою, состоящею изъ 50 солдатъ на Подолъ, и въ половинѣ сентября оцѣпилъ городъ. Тогда всѣ открыли глаза, но уже было поздно; ибо чрезъ сообщеніе въ городѣ, бывшее до сихъ поръ на рынкѣ и въ церквахъ, *Miasma* столь укоренилась, что не было никакого спасенія. Народъ уходилъ изъ города черезъ горы, или черезъ рѣку въ близъ лежащія деревни и заражалъ живущихъ тамъ. На Подолѣ съ каждымъ днемъ становилось хуже; между тѣмъ жители видя, что домы оцѣпляютъ, а умершихъ отъ язвы вывозятъ, стали утаивать больныхъ; мертвыхъ же тайно погребали на дворѣ и въ садахъ, или ночью отъ 10 до 20 труповъ выбрасывали на улицу предъ чужими дворами, дабы тѣмъ скрыть заразу въ собственномъ домѣ. Мало по малу больные были открываемы, а оставшихся здоровыхъ отсылали на одинъ островъ Днѣпра въ карантинъ; но и здѣсь многіе заболѣвали. Зараженныхъ отправляли въ особый лазаретъ, гдѣ всѣ почти умирали, частію отъ того, что они не въ первый день болѣзни стали лѣчиться, или, по причинѣ великой тѣсноты, часто лежали вмѣстѣ, отъ чего испаренія еще болѣе усиливали

[1]) Г. Аскоченскій пишетъ, что морозое повѣтріе въ Кіевѣ открылось 3-го сентября. См. Кіевъ и Академія. Т. II. стр 138.

ядъ болѣзни. Увѣряютъ, что на Подолѣ до 15 ноября уже умерло около 6,000 человѣкъ, но Митрофановъ означилъ гораздо меньшее число. Большая часть умершихъ была изъ простаго народа. Войтъ и магистратскіе чиновники жили на дачахъ; другіе подражали ихъ примѣру, особенно студенты, коихъ было тысяча, и кои разошлись по домамъ и заражали жителей окружныхъ городовъ и селъ; такъ какъ оцѣпленіе было недостаточно, то они всегда могли уходить чрезъ горы, или чрезъ Днѣпръ. Потомъ собрался народъ предъ Магистратомъ и сталъ мятежничать; ему не нравились мѣры предосторожности, особенно, что посылаютъ здоровыхъ на островъ; также хотѣлъ свободнаго сообщенія, но послѣ успокоился, а карантинъ отвели внѣ города, въ Кирилловскомъ монастырѣ, на что духовенство не прежде согласилось, пока не получило указа отъ Святѣйшаго Синода. На Днѣпрѣ сталъ идти ледъ: это заставило перевезти людей изъ острова; около 300 человѣкъ, будто бы выдержавшихъ карантинъ, отпустили по домамъ, другихъ развели по пустымъ жильямъ, которыя остались отъ умершихъ; однако противъ этого протестовали, дабы зло еще болѣе не распространялось, и потому послѣднихъ отправили въ Кирилловскій монастырь. Не смотря на это, многіе бѣдные люди поселились въ домахъ, коихъ хозяева вымерли отъ моровой язвы; но за новое хозяйство они дорого поплатились. Заболѣвшія дѣти и беременныя женщины очень рѣдко выздоравливали, обыкновенно они были жертвою смерти. Когда отъ 5 до 15 ноября былъ порядочный морозъ, то многіе думали, что моровая язва уменьшится, но это не помогло, потому что люди, находящіеся въ теплыхъ комнатахъ вмѣстѣ съ больными, также легко заражались, какъ и во время теплой погоды. Большая часть зараженныхъ страдала *Bubonibus* и *Petechiis*, но меньшая *Carbunculis*; многіе умерли въ продолженіи 24 часовъ и безъ этихъ признаковъ.

„Во второй половинѣ ноября число больныхъ уменьшилось, а къ концу декабря въ иной день ни одного не было; отъ 5 января 1771 года въ Старомъ Городѣ и Печерскѣ не слышно было ничего о новыхъ зачумленныхъ. Въ лазаретахъ, для сего устроенныхъ, оставалось еще порядочное количество больныхъ, изъ коихъ многіе умерли, но мало по малу около 800 человѣкъ выздоровѣло; умирали же болѣе женщины, нежели мущины. На Подолѣ, гдѣ открылась моровая язва, она не прежде февраля стала примѣтно уменьшаться. Начиная отъ Рождества Христова, въ продолженіи шести недѣль, былъ великій морозъ, который служилъ однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ уничтоженія этого страшнаго яда; ибо съ этихъ поръ онъ не дѣйствовалъ столь губительно; сверхъ того очень строго наблюдаемо было, чтобы жители свои вещи и платье развѣшивали, окуривали и мыли. Однакожъ, не всѣ это дѣлали; нѣкоторые даже воровали изъ зараженныхъ домовъ вещи и закапывали, какъ это по веснѣ открылось. Не смотря на то, что я безпрестанно находился въ занятіяхъ, старался противиться моровой язвѣ и уничтожать ее, и почти каждый день осматривалъ зараженныхъ, я никогда не прикасался къ нимъ, не изслѣдывалъ ихъ пульса, напро-

тивъ часто окуривался, провѣтривалъ дома свое платье и постель; два раза въ день жегъ нефть, которую я употреблялъ и въ лазаретахъ, и такимъ образомъ остался неприкосновеннымъ. Въ Софійскомъ монастырѣ умерло болѣе 50 монаховъ, а изъ пѣвчихъ и прислужниковъ болѣе 70. Напротивъ того Михайловскій монастырь остался невредимъ, потому что эта обитель заперлась, и съ городомъ не имѣла никакого сообщенія. Эта самая предосторожность спасла сей монастырь и за 60 лѣтъ тому назадъ.

„Когда моровая язва стала ослабѣвать, врачи въ совѣтѣ своемъ подняли вопросъ: Какія мѣры должно употребить, дабы моровое повѣтріе по веснѣ не возобновилось? Они составили, по обыкновенію, протоколъ, предложили нѣсколько мѣръ и, для приведенія ихъ въ дѣйствіе, передали протоколъ губернатору, (*тогда былъ Иванъ Θедоровичъ Глѣбовъ*). Мѣры эти большею частію состояли въ слѣдующемъ: Свѣжія могилы вездѣ, особенно на дворахъ и въ садахъ, покрывать высокимъ слоемъ земли, домы, въ коихъ хозяева вымерли, сжечь; прочіе же очищать, окуривать, печи разбивать, двери и окны открывать, чтобы такимъ образомъ при холодѣ провѣтривать. На улицахъ и дворахъ, особенно на рынкѣ зажигали костры дровъ съ дегтемъ для окуриванія проходящихъ. Не смотря на эти предосторожности, многіе обыватели, особенно солдаты, крали вещи изъ зачумленныхъ домовъ и тѣмъ распространяли язву. Это было поводомъ, что на Старомъ Кіевѣ и въ Печерскомъ Предмѣстіи въ половинѣ марта обнаружилась язва между гарнизонными солдатами; но приняли рѣшительныя мѣры и нѣсколько бѣдныхъ хатъ и лачугъ преданы были огню со всѣмъ хламомъ. Ниже Печерской крѣпости, въ *Звѣринцѣ*, деревнѣ, принадлежащей Лаврскому монастырю, и лежащей между горами, въ глубокой долинѣ, чума причинила великое опустошеніе; но при всемъ томъ многіе выздоровѣли безъ всякой помощи. Козакамъ было приказано окружить Звѣринецъ, дабы изъ него никто не могъ въ городъ пробраться; въ этомъ состояло все пособіе. Такъ было поступлено со многими вокругъ лежащими деревнями. Но были и несообразности: такъ во время сильнаго свирѣпствованія чумы въ городѣ, губернаторъ свободно отпускалъ немалое число людей изъ Кіева въ Москву и другія мѣста. Онъ поручилъ хирургу изъ полеваго госпиталя Рендлеру осматривать путешественниковъ и снабжать ихъ свидѣтельствами о ихъ здоровьи, не смотря на то, что они отправлялись изъ зачумленныхъ домовъ, гдѣ уже пало нѣсколько жертвъ, и не подвергались карантину. Такимъ же точно образомъ осматривали и въ Васильковѣ пріѣзжавшихъ изъ арміи и изъ Польши и привозившихъ съ собою всякаго рода вещи. Путешественниковъ задерживали дня три, много десять, и болѣе ничего не предпринимали. Наконецъ въ февралѣ казармы и карантины совсѣмъ опустѣли.

„Императрица свѣдавъ, что кромѣ Кіева и въ другихъ мѣстахъ оказалось моровое повѣтріе, приказала Гвардейскаго Измайловскаго полка маіору Шипову съ нѣсколькими офицерами и нижними чинами отправиться въ Малороссію, чтобы оцѣпить всѣ опасныя мѣста и никого не

пропускать далѣе безъ строжайшаго освидѣтельствованія. Въ Глуховѣ Шиповъ взялъ съ собою хирурга Роста и остановился первоначально для наблюденія въ мѣстечкѣ Боркахъ, за 60 верстъ отъ Кіева, 15-го ноября пріѣзжалъ въ Бровары для свиданія съ губернаторомъ и для принятія съ нимъ общихъ мѣръ. Потомъ были осматриваемы Борки, Козелецъ и многія другія мѣста; также приведенъ, при посредствѣ Козаковъ и рекрутъ, кордонъ въ надлежащій порядокъ; всѣ зараженныя мѣста и деревни были оцѣплены, и домы сожжены. Въ февралѣ мѣсяцѣ изъ Петербурга прислано было къ Шипову еще семь медиковъ, которыхъ распредѣлялъ онъ по своему усмотрѣнію; но занятій было очень мало, потому что въ продолженіи сильныхъ морозовъ чума болѣе не показывалась. Февраля 19-го старательный маіоръ прислалъ къ намъ двухъ офицеровъ и хирурга Роста узнать о числѣ больныхъ и зараженныхъ въ Кіевѣ. Мы могли сообщить успокоительныя извѣстія, что въ Старомъ Кіевѣ зараза съ 6-го января, а на Подолѣ съ 5-го февраля болѣе не появляется. Офицеры эти съ медикомъ отправились и въ Васильковъ, гдѣ осматривали путешественниковъ и заставляли ихъ выдерживать полный карантинъ, особенно тѣхъ, кои пріѣзжали изъ зачумленныхъ и опасныхъ мѣстъ. Въ это время маіоръ Шиповъ осматривалъ окружныя деревни, бывалъ иногда въ Васильковѣ, наблюдилъ за точнымъ исполненіемъ правилъ и къ числу лицъ Васильковскаго кордона прибавилъ еще офицера и медика. Когда опасность по видимому миновалась, онъ пріѣхалъ 11-го марта въ Кіевъ и оцѣпилъ этотъ городъ еще тѣснѣе, особенно со стороны Днѣпра. Хотя онъ и позволялъ уѣзжать изъ Кіева, но условія были столь стѣснительны, что охотниковъ нашлось очень мало; кромѣ шубы и платья, ничего болѣе не позволялось взять съ собою. У тѣхъ же, кои пріѣзжали изъ Польши, было почти все сожигаемо, особенно матерія, сукно и холстъ. Сверхъ того обязаны были проѣзжающіе подвергаться многократнымъ осмотрамъ и выдерживать въ разныхъ мѣстахъ, какъ-то, въ Кузиномъ хуторѣ, Козельцѣ, Боркахъ и Серпуховѣ строгій карантинъ. Впрочемъ Шиповъ дѣлалъ по своему усмотрѣнію нѣкоторыя исключенія; но никому не позволялось провозить съ собою Польскіе и Турецкіе товары. Каждый путешественникъ долженъ былъ предъявить опись вещамъ своимъ. Эту опись подписывалъ Шиповъ, послѣ чего губернаторъ выдавалъ паспортъ. Если на какой либо заставѣ открывались вещи, не упомянутыя въ спискѣ, то ихъ просто отбирали и сожигали. Такая предосторожность была необходима, чтобы спасти Москву отъ бѣдствія; но къ сожалѣнію было уже поздо! Еще въ декабрѣ прошлаго года появилась тамъ моровая язва въ сухопутномъ госпиталѣ и вскорѣ потомъ на большой суконной фабрикѣ. Московскіе медики, какъ и Кіевскіе, были разногласны и объявили болѣзнь эту за эпидемическую гнилую горячку съ пятнами и нарывами *per metastasin*, и что подобную болѣзнь они и прежде часто встрѣчали. Въ слѣдствіе этого былъ опубликованъ печатный указъ — я читалъ его въ Кіевѣ — что повальная болѣзнь въ Москвѣ не есть чума, и что неблагоразумно пугать народъ

попусту. Этими мѣрами, къ сожалѣнію, упущено время, зараза свободно распространялась и усиливалась. Страшное бѣдствіе угрожало стольному граду Русскихъ Царей; но кто могъ это предвидѣть? Мы поговоримъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, потому что въ числѣ медиковъ и я былъ назначенъ въ Москву для принятія мѣръ противъ мороваго повѣтрія.

„Маіоръ Шиповъ предпринималъ всѣ мѣры предосторожности, истребляя все то, что могло по веснѣ при теплой погодѣ принести новую опасность. Многіе Кіевляне отдавали свои пожитки подъ сохраненіе въ церкви и монастыри. Шиповъ велѣлъ эти вещи отбирать и жечь Священники не хотѣли выдать, представляя, что имѣніе отдано умершими еще до мороваго повѣтрія, что вещи теперь принадлежатъ имъ, и что платье можно вывѣтривать и окуривать; но все тщетно. Шиповъ сжегъ не только вещи, но и многіе дома на Подолѣ. Чтобы пресѣчь переѣздъ черезъ рѣку, велѣлъ онъ лодки жителей заперетъ на цѣпяхъ и запечатать; изъ этого числа исключены только монастырскія. Такія мѣры нужно было бы предпринять губернатору въ началѣ опасности, а не позволять тысячами убѣгать изъ города; теперь же это было излишнимъ; ибо на другой сторонѣ рѣки проведенъ былъ кордонъ. При этомъ я не могу умолчать о той суевѣрной глупости, какую допустилъ губернаторъ въ началѣ моровой язвы. Одинъ военноплѣнный Турецкій офицеръ объявилъ ему, что онъ можетъ избавить Кіевъ отъ эпидеміи, если ему возвратятъ свободу. Этотъ Турокъ написалъ нѣсколько записокъ на своемъ языкѣ слѣдующаго содержанія: *Великій Мугамедъ! На сей разъ помилуй ты Христіанъ и спаси ихъ отъ моровой язвы, ради избавленія нашего изъ плѣна!*“ и проч Записки эти были привязаны къ шестамъ и выставлены на колокольняхъ въ Кіевоподолѣ; но все напрасно; язва болѣе и болѣе свирѣпствовала; священники низвергли шесты съ записками и проклинали сіе предпріятіе, а всѣ прочіе толковали это въ дурную сторону. Мугамедъ и свою Турцію не можетъ избавить отъ чумы, которая тамъ каждый годъ такъ хозяйничаетъ; но между тѣмъ упомянутому Турку удалось уйти, неизвѣстно впрочемъ какимъ образомъ.

„Во время эпидеміи три главныя части города не имѣли никакого сообщенія; только изъ незараженныхъ домовъ могли люди выходить по билетамъ для купли съѣстныхъ припасовъ. Наконецъ 30 марта въ Старой Крѣпости (*на Старомъ Кіевѣ*) и на Подолѣ позволено было свободное сообщеніе. Число умершихъ отъ моровой язвы въ Кіевѣ, по показанію дневныхъ рапортовъ, простирается почти до четырехъ тысячь человѣкъ, хотя нѣкоторые число это увеличиваютъ.

„Приэтомъ почитаю нужнымъ упомянуть о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя легко происходятъ, если многія, одно другому неподчиненныя, лица отличаются только самоуправствомъ, не обращая вниманія на общую цѣль и неподчиняясь разумной дисциплинѣ. Безтолковыя распоряженія различныхъ начальниковъ были главною помѣ-

хою для медиковъ, при исполненіи ими своихъ обязанностей, и сильно вредили мѣрамъ, предпринимаемымъ для общей пользы. Кромѣ губернатора были тогда въ Кіевѣ, комендантъ, генералъ-маіоръ Елчаниновъ, командовавшій шестью гарнизонными баталіонами; генералъ-лейтенантъ Сиверсъ, на обязанности котораго лежало отправленіе рекрутъ въ первую армію, и генералъ-маіоръ Марковъ, завѣдывавшій обмундированіемъ войскъ, и сверхъ того ему подчиненъ былъ госпиталь. Эти господа не очень уважали распоряженія генералъ-губернатора Өедора Матвѣевича Воейкова, который впрочемъ и не умѣлъ пріобрѣсть себѣ авторитета. Комендантъ смотрѣлъ слабо за поведеніемъ солдатъ; а какъ они были по домамъ жителей вездѣ въ предмѣстіяхъ разсѣяны, (потому что для войскъ казармы еще не выстроены), то легко находили случаи красть изъ сосѣднихъ зачумленныхъ домовъ вещи и платье, которыя они и жены ихъ продавали и тѣмъ распространяли язву. Такими вещами для продажи особенно тѣ запасались, кои были командированы на Подолъ. Полиція дѣйствовала гораздо успѣшнѣе, ибо жители были послушны, поэтому и нелегко заражались. По распоряженіямъ Сиверса рекруты болѣе всѣхъ пострадали: сначала ихъ развели по окрестнымъ деревнямъ; въ трехъ мѣстахъ находились доктора для лѣченія больныхъ. Вдругъ, не смотря на великую стужу, Сиверсъ далъ приказаніе, чтобы 600 человѣкъ рекрутъ собрались въ городъ. Многіе отморозили себѣ ноги; число заболѣвшихъ изъ нихъ до того увеличилось, что не доставало мѣста въ госпиталѣ; въ февралѣ и въ началѣ марта умерло изъ нихъ 147 человѣкъ! — Въ мартѣ вездѣ казалось благополучно; лазареты и карантины освободились отъ больныхъ, но 17 марта появленіе чумы снова ужаснуло жителей. Причиною этой тревоги былъ помощникъ коменданта, маіоръ Раевскій. Не смотря на строгія внушенія начальства, онъ нерадиво смотрѣлъ за очищеніемъ и вывѣтриваніемъ зачумленныхъ мѣстъ. Въ тоже время было дознано, что этотъ маіоръ тайно собралъ изъ зараженныхъ домовъ изрядное количество ящиковъ и сундуковъ съ имѣніемъ и хранилъ ихъ въ какомъ-то погребѣ. Узнавши объ этомъ Елчаниновъ и Шиповъ въ гнѣвѣ грозили предать его военному суду; но дѣло кончилось только строгимъ выговоромъ, а найденные сундуки и ящики съ имѣніемъ, по приказанію Шипова, были сожжены въ присутствіи одного офицера. По причинѣ этой тревоги Старый Кіевъ былъ, въ продолженіи трехъ недѣль, опять оцѣпленъ; а между гарнизонными солдатами въ Новой Слободѣ *(на Печерскѣ)* вновь появилась чума. Въ продолженіи лѣта было въ лазаретѣ 150 человѣкъ зачумленныхъ, изъ коихъ умерло 103.

„Теперь я намѣренъ возобновить разсказъ свой о Кіевѣ. Евангелическо-Лютеранское богослуженіе началось не раньше половины января (1771 г.). Пасторъ М. Граль одаренъ способностію говорить хорошія проповѣди, но жалованье его не превосходитъ 200 руб.; впрочемъ онъ въ тоже время обучаетъ небольшое число учениковъ. Общество поручило генералу Ливену и аптекарю Бунге заботы о благосостояніи Лютеранской церкви; первый былъ попечителемъ, а второй ста-

ростою. — Частная аптека Бунге устроена хорошо, и какъ она единственная въ Кіевѣ, то приноситъ славный доходъ; потому что казенная аптека при госпиталѣ предназначена исключительно для военныхъ. Медицинская Коллегія устроила здѣсь большой складъ аптекарскихъ матеріаловъ для первой арміи. Этимъ складомъ или магазиномъ завѣдываетъ провизоръ Ведель. — За нѣсколько лѣтъ передъ симъ поселилось здѣсь болѣе 200 человѣкъ Нѣмецкихъ колонистовъ, изъ коихъ большая часть была дурнаго поведенія. Для обзаведенія правительство снабдило ихъ извѣстнымъ количествомъ денегъ, которыя они вскорѣ промотали; когда же болѣе кутить было не на что, то разбѣжались. Одна часть отправилась въ Новую Сербію, на которую не замедлили Татары сдѣлать разбойничій набѣгъ, причемъ многихъ колонистовъ захватили въ плѣнъ.—Въ продолженіи всей осени, до самаго Рождества Христова, погода была сухая, ясная и пріятная; на поляхъ держалась еще зелень. Въ январѣ наступили большіе морозы, продолжавшіеся и въ февралѣ Въ этомъ послѣднемъ мѣсяцѣ 22-го числа былъ сильный морозъ, доходившій по Делилеву термометру до 196 градусовъ; но какъ этотъ термометръ былъ наполненъ спиртомъ, то надобно вычесть покрайней мѣрѣ 8 градусовъ. (*Слѣдовательно по Реомюреву термометру стужа доходила до 25 град.*) Но вскорѣ потомъ, именно отъ 25-го числа морозы ослабѣли и зима кончилась. Января 8 числа Днѣпръ замерзъ, а 1-го апрѣля вскрылся. Рѣка эта по веснѣ причиняетъ большое наводненіе, особенно на Украинской (?) сторонѣ, продолжающееся до начала іюля; въ это время наводятъ черезъ Днѣпръ мостъ на плотахъ. Января 2-го дня получили мы извѣстіе о взятіи города Браилова; по этой причинѣ былъ (*гдѣ?*) благодарственный молебенъ и воспѣто „Тебе, Бога, хвалимъ“.

„Декабря 15-го числа, прошлаго 1770 года посѣщалъ я пещеры и въ нихъ гробы Русскихъ Святыхъ, находившіеся возлѣ Ѳеодосіевскаго монастыря, такъ названныя по Ѳеодосію, первому (?) Святому. Вблизи Антоніевскій монастырь, наименованный по Св. Антонію, гдѣ также находятся гробы, которые я послѣ весною видѣлъ. Обѣ пещеры выкопаны на горѣ высокаго берега; глубокая, усаженная деревьями, долина раздѣляетъ ихъ. Отъ нижнихъ воротъ великаго Печерскаго монастыря до обѣихъ пещеръ устроена крытая дорога. Игуменъ далъ намъ въ провожатые одного монаха, который снабдилъ каждаго изъ насъ въ преддверіи зажженною зеленою восковою свѣчею. Потомъ отправились мы въ подземный ходъ, вышиною въ сажень, сводъ коего дугообразенъ, а полъ вымощенъ кирпичемъ. Ходы эти устроены не изъ камня, но выкопаны въ твердой землѣ красноватобѣлаго цвѣта; стѣны столь же крѣпки, какъ бы изъ кирпича, впрочемъ, можно ихъ скоблить, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ, берутъ съ собою и, смѣшавъ съ водою, принимаютъ противъ всѣхъ болѣзней. Многія такія углубленія замазаны известью. Мы шли около 70 или 80 саженъ, то на право, то на лѣво. Съ обѣихъ сторонъ въ углубленіяхъ стѣнъ почиваютъ тѣла Святыхъ въ гробахъ, но они покрыты и кромѣ небольшой части рукъ ничего

не видно; набожные путешественники обыкновенно лобызають эти мощи, кои имѣютъ цвѣтъ темножелтый, и сухи; кости и кожа нетлѣнны. Въ пещерахъ нѣтъ душниковъ, но между тѣмъ воздухъ совершенно чистый, гробы стоятъ открыто; на стѣнѣ изображено большими буквами на бумагѣ имя каждаго Святаго; тѣла ихъ обрѣтаются въ этихъ пещерахъ до 700 лѣтъ; они почти всѣ изъ Печерскаго монастыря; но есть нѣсколько тѣлесъ князей и монаховъ, принесенныхъ изъ другихъ мѣстъ. Нѣкоторые изъ этихъ отшельниковъ жили въ удивительно малыхъ келліяхъ, гдѣ и скончались; келліи эти задѣланы, оставлено только малое четвероугольное отверстіе, въ которое богомольцы кладутъ небольшую монету. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показываютъ главы на блюдахъ, покрытые стеклянымъ покровомъ. Главы эти по временамъ источаютъ благовонное миро, которое я дѣйствительно примѣтилъ по жидкости на стеклѣ. Въ этой пещерѣ находится 47 Святыхъ. Мощи начальника и *основателя* оной, *архимандрита* (?) Ѳеодосія, давно уже перенесены въ великую Соборную церковь и положены возлѣ алтаря (?) въ серебряной ракѣ, также и Св. Антонія (?). — Теперь, по святости мѣста, не позволяютъ никого болѣе погребать въ пещерахъ, гдѣ даже и три церкви находятся, въ которыхъ, по извѣстнымъ праздникамъ, совершается богослуженіе. Объ этихъ Святыхъ есть печатное описаніе въ листъ съ изображеніями, называемое Патерикъ; недавно вышло новое изданіе онаго, коего одинъ экземпляръ и мнѣ подарили. Другія, или Антоніевы пещеры посѣщалъ я въ іюнѣ. Онѣ также устроены какъ и первыя, но простираются еще глубже въ гору и содержатъ болѣе Святыхъ Мощей; имѣютъ два входа; при одномъ изъ нихъ находится богато украшенная церковь, сооруженная какимъ то богатымъ купцомъ (?). Оба упомянутые небольшіе монастыри съ ихъ игуменами или начальниками зависятъ отъ Кіевской Лавры. Идя въ пещеры, взялъ я съ собою Фаренгейтовъ термометръ, наполненный спиртомъ. Въ пещерѣ температура оказалась + 41 градусъ (4 *гр. тепла по Реомюру*), а до того при входѣ + 70 гр. (+ 17 *гр. Реом.*). Лавра эта есть безспорно самый знатный монастырь въ Россіи. Она владѣетъ важными и богатыми помѣстьями. Теперешній архимандритъ Зосима происходитъ изъ дворянской фамиліи. Братія сама избираетъ архимандрита, который утверждается Императрицею. Въ монастырѣ находится болѣе 200 монаховъ, также типографія и между служителями много художниковъ, какъ то живописцевъ, рѣзщиковъ, столяровъ и проч. Я нигдѣ не видалъ столь прекрасной, великолѣпной и богатой церкви, какъ великая Лаврская. Архимандритъ, очень обходительный человѣкъ, приглашалъ нѣсколько разъ къ себѣ генералитетъ, духовенство и другихъ почетныхъ людей на завтракъ, весьма вкусный, но всѣ кушанья были постныя. — Со стороны Днѣпра, по причинѣ горъ, Кіевъ представляетъ прекрасную картину; множество церквей, вѣнчающихъ возвышенности, дѣлаютъ ландшафтъ этотъ очаровательнымъ. Почти при каждомъ домѣ находится садъ съ вишнями, сливами и орѣховыми деревьями. Апрѣля 18-го начали деревья цвѣсти; но спустя три дня выпалъ снѣгъ, который очень много повредилъ.

„Здѣсь случаются часто громовыя грозы; особенно чрезвычайно сильная и ужасная была во второмъ часу дня 22 го іюня, безъ дождя и почти при ясномъ небѣ. Четыре раза раздавались страшные раскаты грома; при второмъ ударѣ молнія устремилась на губернаторскій домъ, (*находившійся тогда въ Печерской крѣпости*). Въ это время начальникъ губерніи сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ. Молнія ударила въ трубу, разбила ее и повредила печку, расколола нѣсколько стропилъ на кровлѣ, потомъ чрезъ слуховое окошко пролетѣла въ столовую комнату, зажгла обои на стѣнѣ и разметала посуду на столѣ. Этотъ лучъ молніи, въ видѣ огненнаго шара, величиною въ кулакъ, лопнулъ по срединѣ залы съ великимъ трескомъ на части. Одна искра направилась въ сосѣднюю комнату, разорвала въ углу обои, вылетѣла на дворъ, раздробила на малѣйшія части ружье у часоваго, который стоялъ подъ окномъ близъ дверей подвала, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда; равно и особы, сидѣвшія за обѣденнымъ столомъ, отдѣлались при этомъ случаѣ однимъ только страхомъ. Загорѣвшіяся обои были вскорости залиты водою —Не задолго до сего произсшествія молнія зажгла на одномъ монастырскомъ хуторѣ близъ Лыбеди сарай съ сѣномъ, который и сгорѣлъ. Если случится проливной дождь, то вода, подобно рѣчкѣ, течетъ по улицамъ, потому что онѣ, по причинѣ горъ, круты, но скоро высыхаютъ. Лѣтомъ, когда не бываетъ дождя, пыль отъ ѣзды до того увеличивается, что при маломъ вѣтрѣ нѣтъ возможности глазъ открыть.—Въ долинахъ возлѣ Стараго Кіева растетъ много кустарниковъ дикихъ розъ, (Шиповникъ, по Малороссійски *Шипшина*), орѣшнику, терну и проч. Большихъ лѣсовъ вблизи не находится; строевой лѣсъ и дрова для отопленія большею частію доставляются въ Кіевъ по Днѣпру въ плотахъ; тяжелыя балки весьма трудно возить на горы; березовыя дрова рѣдки; все сосновые, еловые или ольховые. Въ заключеніе замѣчу еще, что Кіевскія горы состоятъ, большею частію изъ желтоватой глины, содержащей по мѣстамъ, особенно возлѣ Стараго Города, песокъ, столь бѣлый, какъ снѣгъ и столь мелкій, какъ мука; онъ не имѣетъ никакихъ кристаллическихъ крупинокъ, но болѣе похожъ на пыль.—Въ окружности растетъ много шелковичныхъ деревьевъ; заведены двѣ шелковыя фабрики, изъ коихъ одна находится въ Старомъ Кіевѣ и принадлежитъ какому-то Русскому купцу. — 1771 года, іюля 5 дня, по полудни въ 5 часовъ оставилъ я Кіевъ. Днѣпръ переѣхалъ на паромѣ, потому что мостъ былъ еще не наведенъ; вблизи капитанъ, смотрѣвшій за кордономъ, не задерживая, подписалъ паспортъ и пропустилъ меня. Тогда спѣшилъ я день и ночь въ Москву [1]).

Судьба древлепрестольнаго Кіева въ концѣ XVIII столѣтія стала замѣтно улучшаться. Со времени открытія въ этомъ городѣ съ 1782 г. намѣстническаго управленія и разрѣшенія указомъ селиться въ немъ

[1]) См Johann Jakob Lerche, Lebens-und Reise-Geschichte, von ihm selbst beschrieben. Herausgegeben von Dr. Ant. Fr. Büsching. Halle, 1791, стр 439—455.

выходцамъ изъ Великой и Малой Россіи, народонаселеніе значительно увеличилось. Съ этихъ поръ хозяйственная часть города поступила въ завѣдываніе Казенной Палаты, полицейская и административная возложены на Кіевскаго губернатора, военная — на коменданта Печерской крѣпости, а судопроизводство и внутреннее управленіе предоставлено городскому магистрату, на основаніи Магдебургскаго Права, которому подчинены были только граждане Кіевоподола, между тѣмъ какъ Верхній Городъ (Старый Кіевъ) всегда находился подъ непосредственнымъ управленіемъ воеводъ и губернаторовъ. Впрочемъ со времени возвращенія Кіева подъ Россійскую державу до 1782 г., и такъ въ продолженіи слишкомъ ста лѣтъ, вопросъ о Магдебургскомъ Правѣ подвергался безпрестаннымъ колебаніямъ и долженъ былъ сообразоваться съ общими перемѣнами въ устройствѣ управленія цѣлаго края. По этой причинѣ городъ зависѣлъ большею частію отъ главнаго Малороссійскаго Управленія, а Кіевскіе губернаторы имѣли только мѣстный надзоръ за гражданами, не входя во внутреннія дѣла магистрата ([1]).

Въ славное царствованіе Императрицы Екатерины II положено было основаніе настоящему устройству города, въ которомъ много произошло перемѣнъ, имѣвшихъ благодѣтельныя послѣдствія.

Въ лѣтописи Печерской обители занесены слѣдуюшія современныя обстоятельства: 1780 г., мая 14 дня, Императоръ Австрійскій Іосифъ II, путешествуя въ Россію, подъ именемъ графа Фалькенштеина, прибылъ въ Кіевъ и 16-го числа былъ въ Печерской Лаврѣ съ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ и прочимъ генералитетомъ. — Государь Императоръ Павелъ I, бывши еще Наслѣдникомъ престола, съ высочайшею своею супругою, послѣ Государынею Императрицею Маріею Θеодоровною, проѣзжавшій въ 1781 г. въ чужіе края, прибывши въ Кіевъ 11 октября, три раза посѣщалъ Лавру и Пещеры ея съ лобызаніемъ мощей святыхъ, и благоволилъ кушать въ архимандричьихъ келліяхъ, а при отъѣздѣ 15 октября пожаловалъ въ Великую Церковь превосходной живописи на кипарисѣ икону Спасителя, посѣщающаго на одрѣ умирающаго Іосифа, въ серебряной, позлащенной рамѣ, украшенной алмазами, брилліянтами, рубинами, изумрудами и яхонтами. [2]).

Но какъ для Кіевлянъ пріятно всякое воспоминаніе о торжественныхъ произшествіяхъ, совершившихся въ ихъ родномъ городѣ, и характеризующихъ тогдашнее время, то мы воспользуемся дневникомъ бургомистра Димитрія Александровича, который о посѣщеніи Кіева Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ пишетъ такъ: „Ордеромъ графа П. А. Румянцова-Задунайскаго оповѣщено было о намѣреніи Великаго Князя посѣтить Кіевъ и предписано: дабы наблюсти все подобающее,

[1]) Журавскій. Статис. Опис. Кіевс. губер. Т. I. стр. 323. [2]) Описан. К. Лавры, стр. 92 и 335.

какъ отъ лица магистрата, такъ и отъ всѣхъ гражданъ въ разсужденіи приготовленія себе въ одѣяніи и сбруи на лошадяхъ и пѣшо со своими знаками и притомъ воздвиженія торжественныхъ при въѣздѣ въ городъ и выѣздѣ изъ онаго воротъ и иныхъ до украшенія города служащихъ объектовъ.“ — „Получивъ въ такой силѣ ордеръ — пишетъ Александро́вичъ—тогожъ времени (въ іюлѣ) съѣхались къ преосвященному (Гавріилу Кременецкому) всѣ господа генералы, здѣсь находящіеся при командахъ, а именно: генералъ-поручикъ и кавалеръ Кіевскій оберъ-комендантъ *Кохіусъ*, артиллеріи генералъ-маіоръ *Бѣгичевъ* и инженерный генералъ-маіоръ *Тучковъ*, генералъ-маіоръ *Мезенцовъ*, находящійся при коммиссаріатѣ, такожъ войтъ, коллежскій совѣтникъ *Пивоваровъ* и гг. правящіе: бургомистръ и городской голова *Давидовскій*, райца *Рыбальскій*, и обще у преосвященнаго учиня о пріуготовленіяхъ консиліумъ, и сколько и на якихъ мѣстахъ быть тріумфальнымъ воротамъ, поѣхали отъ архіерея осмотрѣть и назначить тѣ мѣста.“ — Въ слѣдствіе сего положено было первымъ воротамъ быть у *Неводницкой пристани*, близъ самаго моста, вторымъ на выѣздѣ изъ пристани, на горѣ у *рогатки*, третьимъ при въѣздѣ на Подолъ у *Крещатицкой рогатки*, а четвертымъ на выѣздѣ изъ Кіева къ Василькову у *рогатки Каменнаго Затона*. Составивъ планы, генералъ Тучковъ отправилъ ихъ на утвержденіе къ графу Румянцову и немедленно за симъ начались необходимыя работы. Между тѣмъ въ магистратѣ, въ присутствіи всѣхъ членовъ, разсуждаемо было о наилучшемъ украшеніи города и расположеніяхъ къ пріему Августѣйшихъ Гостей и опредѣлено: „1) Передъ магистратомъ иллюминацію великолѣпно устроить, а вежу (башню) иллюминовать разныхъ цвѣтовъ фонарями. 2) Внутрь и внѣ магистрата, очистивъ и обѣливъ, пристойными мебелями и украшеніями въ портретахъ, люстрахъ, хрустальныхъ паникадилахъ палату пріоздобить. 3) *Реестровой корогвѣ* дать приказъ о стройности какъ единокалибернаго платья, такъ сбруи и лошадей, для чего на смотрѣ ихъ, которые бы въ семъ неисправны оказались, исключить изъ параду. 4) Двѣнадцати цехамъ пересмотръ учинить, и которые платьемъ, ружжемъ (оружіемъ) и собою не сообразовали пригожеству, чтобъ исключены были. 5) Во всемъ городѣ при воротахъ всякаго двора отъ хозяевъ по два столба для фонарей выкрашенныхъ поставить. 6) Всякое въ городѣ ветхое и безобразное строеніе иное сломать, а другое обновить. 7) Всѣ мостовыя вычистить, иныя починить, а другія вновь сдѣлать; въ томъ числѣ и торговыя площади отъ навозу очистивъ, пескомъ бѣлымъ усыпать и соснами утыкать. 8) Всякаго сорту безъ потребы праздношатающихся людей, волочугъ и пьяницъ изъ города выслать или наказаніемъ унимать. 9) Дать приказъ черезъ городничаго всѣмъ хозяевамъ, чтобы собакъ и свиней изъ домовъ не выпущали, а въ противномъ случаѣ оный скотъ убивать“.

Октября, 11-го дня, 1781 г. изволили прибыть Ихъ Высочества Павелъ Петровичъ съ Супругою Маріею Ѳеодоровною. „Графъ встрѣтилъ и препровождалъ узъ (*подлѣ*) кареты Ихъ Высочествъ ѣдучи, и какъ

только пріѣхалъ къ первой по ту сторону моста верстѣ, то тутъ данъ первый сигналъ ракетою и на крѣпости выпалено изъ 51 пушки, доколѣ мостъ переѣхали; переѣхавши же мостъ, изволили остановиться немного передъ воротами въ каретѣ; а на сихъ воротахъ играла музыка. Тутъ подошли къ каретѣ войтъ съ членами и принесли подданническое свое поздравленіе съ счастливымъ прибытіемъ въ Кіевъ, а бургомистръ и городскій глава *Давидовскій* поднесъ хлѣбъ ржаный ситный и соли на немъ *ступка*, за что Ихъ Высочества поблагодаря, изволили проѣхать ворота и тамъ высѣдши изъ дорожной кареты своей, изволили сѣсть въ парадную графскую и слѣдовать за передовыми конвойными, таковымъ порядкомъ: въ самомъ передѣ магистратская реестровая конница, подъ предводительствомъ райцы *Копыстенскаго* въ 130 человѣкъ въ единокалиберныхъ и единоформатнихъ тонкаго зеленаго сукна съ золотымъ балетомъ черкескахъ, а кафтанахъ красныхъ шелковыхъ, шапки малиновыя, бархатныя съ кистями сребреными, съ околицами сѣрыми, Крымскими, сабли на голо въ рукахъ держа, по четыре человѣка въ рядъ ѣхали шеренгами съ знаменемъ и прапоромъ, съ трубами и литаврами; за реестровыми три эскадрона легкоконнаго Кіевскаго, Сѣверскаго и Ахтырскаго гусарскаго полковъ, ѣхали подъ командою подполковника полку Кіевскаго легкоконнаго барона Л. Л. Бенниксена, и карета, въ которой изволили сидѣть Ихъ Высочества, а графъ все узъ кареты съ боку верхомъ ѣхалъ. За сею другія кареты парадныя графскія ѣхали, въ которыхъ сидѣла свита Ихъ Высочествъ, какъ то: генералъ-аншефъ Салтыковъ, статсъ-дамы, фрейлины, каммергеры и проч. И какъ подъѣхали со взвозу къ верстѣ второй (?) отъ крѣпости, тутъ другой сигналъ ракетою данъ къ пушечной пальбѣ, и за симъ выпалено на крѣпости изо ста одной пушки и начался колокольный звонъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева при всѣхъ церквахъ и монастыряхъ. Взъѣхавши же Ихъ Высочества на гору къ другимъ тріумфальнымъ воротамъ, встрѣчены были оберъ-комендантомъ Кохіусомъ съ штабомъ баталіоннымъ. На сихъ воротахъ сверху играла музыка. Тутъ не останавливаясь проѣхали ворота. Отъ тріумфальныхъ воротъ до крѣпости поставлены были въ двѣ шеренги 12 цеховъ въ ружьѣ (подъ ружьемъ) съ знаменами до тысячи человѣкъ; между которыми въ серединѣ изволили ѣхать Ихъ Высочества, а цеховые сдѣлали на караулъ, по примѣру карабинеровъ, ружьемъ; и въѣхавши въ крѣпость, отправились прямо въ Лавру, гдѣ у Троицкихъ воротъ, за тѣ ворота вышедши, ожидалъ освященный соборъ, во всемъ богатѣйшемъ облаченіи священномъ, состоящій изъ двухъ митрополитовъ: Кіевскаго Гавріила, Греческаго Серафима, едного архіепископа Греческаго Никодима и едного епископа Кирилла, 12 архимандритовъ: Печерскаго Зосимы, Никольскаго Епифанія, Михайловскаго Тарасія, Братскаго Кассіана, Кирилловскаго Кирилла, Глуховскаго Мельхиседека, Гамалеевскаго Батуринскаго Владиміра, Густынскаго Елисея, Мгарскаго... *Волошина* (?) и двухъ въ Лаврѣ живущихъ: Сербина Витковича и Варсонофія и многихъ игуменовъ и іеромонаховъ, протопоповъ и іеродіаконовъ. И какъ

Bayerische Staatsbibliothek MÜNCHEN

только изволили Ихъ Высочества изъ кареты выйти, митрополитъ Кіевскій подошелъ съ крестомъ святымъ, къ которому изволили приложиться и проговоря краткое привѣтствіе, впереди шествовалъ къ церкви сей соборъ".

Послѣ поклоненія мощамъ въ Лаврской церкви Ихъ Высочества отправились во дворецъ, гдѣ графъ Румянцевъ представлялъ имъ всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, а вечеромъ того же дня представлялись Великой Княгинѣ всѣ знатныя дамы города. „Сего же вечера иллюменовано было во всѣхъ троихъ частяхъ Кіева, а во дворцѣ весь садъ разныхъ цвѣтовъ фонарями и плошками, особливо передъ дворцомъ на площади холщевою троечастною картиною, изображающею на одной Плутона и Прозерпину, на другой Нептуна съ купидонами въ прорѣзныхъ, клѣтчатыхъ фигурахъ (?). Печерская колокольня фигурою пирамиды иллюминована была".—На другой день (12 окт.) Павелъ Петровичъ осматривалъ Печерскую крѣпость, былъ въ обѣихъ Пещерахъ, также и въ Лаврской ризницѣ. Отсюда съ Супругою отправился въ Михайловскій и Софійскій монастыри. Потомъ поѣхали Крещатицкимъ взвозомъ на Подолъ, гдѣ у тріумфальныхъ воротъ встрѣчены были войтомъ и знатнѣйшими гражданами съ хлѣбомъ и солью. За симъ Ихъ Высочества посѣтили Флоровскій монастырь, гдѣ обласкали нѣкоторыхъ монахинь изъ лучшихъ фамилій; потомъ отправились къ себѣ во дворецъ. Того же дня Высочайшіе Гости изволили ужинать въ магистратѣ, предъ коимъ была устроена иллюминація: щитъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ прозрачныхъ картинъ, имѣлъ 14 сажень длины, вышиною по серединѣ 6, по бокамъ 3 сажени. „Въ верху красками изображено было въ променахъ (лучахъ) Ея Императорскаго Величества подъ короною вензелевое имя, по сторонамъ Ихъ Высочествъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны; по серединѣ, пониже Ихъ Высочествъ Александра Павловича и Константина Павловича; внизу во храмѣ жертвенникъ, а на немъ 13 сердецъ пылающихъ, знаменующіе по числу чиновъ, въ магистратѣ присутствующихъ. По обѣимъ сторонамъ въ храмѣ по шести человѣкъ ремесленниковъ, стоящихъ по два между тумбами, а подъ ногами всякаго изъ нихъ ремесла его знаки. Въ храмѣ выше жертвенника на тумбахъ, съ одной стороны направо книга Высочайшей грамоты, жалованной городу Кіеву съ завѣсистою печатью и съ кистями, съ лѣвой стороны магистратскій гербъ. За сею иллюминаціею снизу до верха на полкахъ до тысячи плошекъ горѣло; вежа иллюминована была разныхъ цвѣтовъ фонарями."

Октября 13-го осчастливленъ былъ Высочайшимъ посѣщеніемъ и Братскій монастырь съ Академіею. Ихъ Высочества изволили прибыть сюда въ 11 часовъ утра. Ректоръ Кассіанъ съ префектомъ и учителями встрѣтили ихъ у воротъ монастыря и провожали въ большую церковь. „Студенты отъ вратъ къ церкви стояли въ два ряда. Пѣвчіе въ бѣломъ платьѣ съ лаврами на головахъ, а въ рукахъ держа пальмы, пѣли кантъ. Отъ воротъ до церкви путь устланъ былъ сукнами. Въ церкви

Достойно, ектенья и многолѣтіе. Ихъ Высочества здѣсь изволили прикладываться къ чудотворной иконѣ Божіей Матери. О. архимандритъ Кассіанъ говорилъ рѣчь. Послѣ сего, въ предшествіи архимандрита съ духовенствомъ Ихъ Высочества изволили пойти изъ церкви середними дверми, при пѣніи студентами канта, на верхнія школы до церкви студентской, называемой конгрегація; сошли внизъ другимъ ходомъ въ келліи префекта. Тутъ академисты говорили рѣчи на языкахъ Русскомъ, Польскомъ, Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ, Греческомъ и Еврейскомъ. По сказаніи сихъ рѣчей о. архимандритъ поднесъ Ихъ Высочествамъ рукописныя оды въ тетрадяхъ, обложенныхъ парчею, а обоимъ фельдмаршаламъ графамъ Понятовскому (племяннику короля Польскаго) и Румянцеву и генералитету, тутъ бывшему, зеленою тафтою, и за симъ изволили отбыть изъ монастыря въ провожаніи архимандрита съ соборомъ и съ пѣвчими."— 14 октября, въ день рожденія Государыни Маріи Ѳеодоровны Ихъ Высочества изволили слушать обѣдню въ Софійскомъ монастырѣ, гдѣ проповѣдь говорилъ Михайловскій архимандритъ Тарасій, а по окончаніи литургіи и молебствія привѣтствовалъ Ея Высочество митрополитъ поздравительною рѣчью. Вечеромъ была иллюминація во всѣхъ частяхъ города, а передъ дворцомъ сожженъ фейерверкъ. На другой день (15 октября) Высочайшіе Гости, поклонившись Святынѣ Лаврской, изволили выѣхать чрезъ Васильковскую заставу, сопровождаемые митрополитомъ съ духовенствомъ и множествомъ народа [1]).

Русскіе Вѣнценосцы давно уже замѣтили и желали исправить ту несообразность, которая проистекала изъ соединенія двухъ несовмѣстныхъ обязанностей духовенства, посвященнаго религіознымъ цѣлямъ и обремененнаго притомъ правомъ владѣнія помѣстьями и крестьянами. Но вопросъ о монастырскихъ и церковныхъ имуществахъ со временъ Петра Великаго, въ теченіи долгаго времени былъ весьма разнообразно и непослѣдовательно разрѣшаемъ. Наконецъ Императрица Екатерина II привела въ порядокъ это запутанное дѣло. Она сперва въ Великорусскихъ губерніяхъ, указомъ отъ 24 февр. 1764 г., а потомъ, спустя 22 года, то есть отъ 10 апрѣля 1786 г., и въ Малороссіи повелѣла въ монастырскія управленія ввести духовные штаты. Преобразованіе это было очень важно, потому что содѣйствовало къ соразмѣрному равновѣсію и отношенію всѣхъ частей государственнаго управленія. Въ Именномъ указѣ, данномъ Св. Синоду и содержащемъ это достопамятное постановленіе, сказано: „Предъуспѣвъ съ помощію Божіею распорядить епархіи и монастыри въ большей части Имперіи нашей на такомъ основаніи, которое съ первоначальными правилами благочестивой церкви Христіанской сходствуетъ...... и освобождая духовныя власти и чины отъ несвойственныхъ имъ, по управленію деревнями, заботъ хозяйственныхъ, а всего болѣе неприличныхъ духовному сану хожденія въ су-

[1]) Кіевъ съ его Академіею. В. Аскоченскаго. Т. II. стр. 308 и др.

дахъ по тяжбамъ и ссорамъ, и стараясь отъ сея части заимствовать всевозможную для общества пользу, повелѣваемъ: 1) Митрополиту Кіевскому, на содержаніе его и дома его, производить ту самую сумму, которая по штатамъ, утвержденнымъ отъ Насъ вь 1764 г. положена на Архіерейскій Московскій домъ,.... 2) Кіевопечерской Лаврѣ имѣть свое содержаніе противъ назначеннаго въ штатахъ на Троицкую Сергіевскую Лавру; Архимандритомъ Кіевопечерской Лавры быть Митрополиту Кіевскому..... впрочемъ число монашествующихъ такъ распорядить, чтобы половина оныхъ была изъ ученыхъ и къ высшимъ духовнымъ степенямъ приготовляемымъ, другая же для служенія по архіерейскому дому и монастырю, а для уединенія престарѣлыхъ назначить, по разсмотрѣнію Митрополита, одну изъ приписныхъ пустынь, вблизости Кіева находящихся. 3) Катедральный Кіевософійскій монастырь переименовать Кіевскимъ Софійскимъ Соборомъ, опредѣливъ къ нему Протопопа и прочихъ Священно и Церковнослужителей, съ окладомъ наравнѣ съ Московскимъ Архангельскимъ соборомъ. Сверхъ того въ семъ монастырѣ помѣщено быть долженствуетъ и Главное Народное Училище Кіевскаго Намѣстничества.... 4) Ставропигіальный К. Межигорскій монастырь перевести въ Таврическую область,.... строеніе же обратится для помѣщенія отставныхъ офицеровъ, призрѣнія по ихъ дряхлости и неимуществу требующихъ; чего ради, по выводѣ монаховъ и отдать все то въ вѣдомство Приказа Общественнаго Призрѣнія. 5) Изъ монастырей Кіевской епархіи быть въ 1-мъ классѣ: К. Пустынно-Николаевскому и К Золотоверхо-Михайловскому, во 2-мъ Греческому Екатерининскому; въ 3-мъ К. Выдубицкому, который имѣетъ служить больницею для прочихъ Кіевскихъ монастырей. Изъ женскихъ монастырей опредѣлить въ 1-й классъ К. Флоровскій Вознесенскій, во 2 й, К. Богословскій. 6) Кіевской Академіи, со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями быть при Архіерейскомъ домѣ и К. Печерской Лаврѣ; а Братскій монастырь, служащій нынѣ для помѣщенія помянутой Академіи, обратить на главную госпиталь, по его положенію..... 13) На содержаніе К. Академіи.... отпускать ежегодно по 8,400 руб.... 14) Объ отводѣ къ Архіерейскимъ домамъ и монастырямъ загородныхъ домовъ, рыбныхъ ловель и земли для выгона и для огородовъ.... предписано отъ Насъ Сенату Нашему".. и. проч.

Съ этимъ вмѣстѣ послѣдовалъ 1786 г. апрѣля 10 го Именный Указъ, данный Сенату: о принятіи состоящихъ въ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородсѣверскомъ намѣстничествахъ за Архіерейскими домами, Кіево-Печерскою Лаврою и прочими монастырями крестьянъ въ вѣдомство директоровъ Домоводства; о присоединеніи ихъ къ поселянамъ, содержащимъ войска въ Малороссійскихъ губерніяхъ и объ отпускѣ опредѣленной суммы на содержаніе Архіерейскихъ домовъ и монастырей изъ собираемыхъ съ тѣхъ имѣній оброковъ [1]).

[1]) Полн. Собр. Закон. Россійской Имперіи Т. XXII.

Екатерина Великая.—Въ 1787 г. Императрица Екатерина, на пути своемъ въ Крымъ, провела въ стѣнахъ Кіева 84 дня, т. е. съ 29 января по 22 апрѣля. Свѣдѣнія о пребываніи Государыни въ нашей древней столицѣ заимствуемъ мы изъ книги, подъ названіемъ: Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II [2]). Судя по складу описанія и по нѣкоторымъ выраженіямъ (стр. 156), сочинителемъ этой книги былъ какой-то иностранецъ, принятый въ число придворныхъ служителей. Онъ не отличается наблюдательностію, но описаніе тогдашняго Кіева (стр. 64—87) для насъ любопытно. Для полноты помѣщаемъ въ прямыхъ скобкахъ извѣстія изъ дневника, веденнаго предводителемъ дворянства Андреемъ Полетикою. Дневникъ этотъ помѣщенъ въ журналѣ Сынъ Отечества за 1843 г., мартъ, стр. 1—32.

„Января, 29 дня, 1787 г. Кіевскій митрополитъ (Самуилъ Миславскій) отправилъ архимандрита и нѣсколько другихъ духовныхъ лицъ со Святымъ Образомъ, съ хлѣбомъ и солью въ Козелецъ навстрѣчу Государынѣ. Архимандритъ получилъ 300 рублей, монастырь (*какой?*) 150, и женскій Богоявленскій тоже 150 руб.—Въ 10-ть часовъ выѣхали въ Семиполки, 25 верстъ, потомъ въ Бровари, 25 верстъ; здѣсь былъ обѣдъ. Отсюда осталось еще 18 верстъ до Кіева, въ который прибыли въ 5-ть часовъ по полудни.

„За нѣсколько верстъ до Кіева была приготовлена парадная двумѣстная карета, въ которую Государыня пересѣла. Впереди поѣхали восемь человѣкъ верховыхъ придворныхъ служителей, а при нихъ шталмейстеръ Ребиндеръ, унтеръ-шталмейстеръ и камеръ-пажи. Вскорости генералъ Энгельгардъ со многими офицерами и съ полкомъ Лейбъкирасировъ встрѣтили Государыню громкимъ *ура* и помчались въ слѣдъ за ея экипажемъ; за двѣ версты до города также встѣтили два артиллерійскіе и одинъ инженерный генералъ со многими офицерами. У рѣки Днѣпра стоялъ вице-адмиралъ Пущинъ со своею командою. По льду широкой рѣки положенъ былъ мостъ изъ брусьевъ, для перилъ коего служили зеленыя сосновыя вѣтви; весь этотъ мостъ уставленъ былъ матросами съ офицерами, въ зеленой одеждѣ съ красными воротниками и бѣлыми эполетами. Трубы и литавры оглашали воздухъ; съ Печерской крѣпости раздались выстрѣлы (71) изъ пушекъ, а изъ другой (*какой?*) выстрѣлили 85 разъ. При первыхъ тріумфальныхъ воротахъ (близъ Неводницкой пристани) находился Войтъ со всѣмъ магистратомъ, уѣздный судья и купечество; они поднесли Государынѣ хлѣбъ и вино (?!). Потомъ войтъ съ гражданами [*товарищами золотой корогвы*, коихъ было болѣе двухъ сотъ человѣкъ], поѣхали верхомъ впереди экипажа Государыни. На огромной площади предъ Печерскою крѣпостію были другія тріумфальныя ворота. Здѣсь встрѣтили Императрицу губернаторъ, всѣ высшіе чиновники присутственныхъ мѣстъ, дворянство

[2]) Aus dem Englischem übersetzt. Koblenz, 1799. т. е: Путешествіе Россійской Императрицы Екатерины II въ Тавриду. Переводъ съ Англійскаго. Кобленцъ, 1799, in 8°, 212 стран.

и землевладѣльцы, [и женщины съ дѣвицами мѣщанскаго и купеческаго состоянія, одѣтыя въ Малороссійскіе кафтаны. У женщинъ на головахъ были кораблики, а у дѣвицъ цвѣты. У каждой изъ нихъ по корзинѣ съ цвѣтами, коими устилали путь Императрицы. Женщинъ и дѣвицъ было до трехъ сотъ]. Съ крѣпости опять раздался 101 выстрѣлъ; комендантъ Кохіусъ представилъ ключи отъ крѣпости. Начиная отъ этихъ тріумфальныхъ воротъ до Святыхъ Вратъ Печерской Лавры, по обѣимъ сторонамъ дороги, разставленъ былъ Днѣпровскій пѣхотный полкъ подъ командою князя Дашкова, который находился при Вратахъ Печерскаго монастыря, называемаго также Святою Лаврою. Здѣсь Ея Величество, при громѣ барабановъ и при наклоненіи знаменъ, изволила выйти изъ кареты и отправилась въ главный храмъ Успенія Богоматери. Митрополитъ былъ въ это время болѣнъ. При колокольномъ звонѣ Государыню встрѣтилъ Викторъ, епископъ Переяславскій и Бориспольскій, [а Полетика называетъ его Слуцкимъ], съ архимандритомъ и прочимъ духовенствомъ; съ пѣніемъ духовныхъ гимновъ сопровождали Царицу въ храмъ. [Въ церкви Императрица поклонилась святымъ мощамъ, на правой сторонѣ стоящимъ, водима будучи подъ руку графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ. Еще до прибытія Ея Величества собрались здѣсь всѣ здѣшнія знатныя дамы, которыя, за холодомъ стояли въ шубахъ; но при входѣ Государыни, шедшей чрезъ весь монастырь пѣшкомъ, онѣ въ поспѣшности сбросили шубы долой и удостоились довольно хорошо видѣть Царицу, потомъ разъѣхались по домамъ]. Поклонившись Печерской Святынѣ, Государыня отправилась во дворецъ, [въ сопровожденіи артиллерійскихъ, лейбъ-кирасирскихъ и другихъ командъ], гдѣ ее встрѣтили обѣ штатсдамы, графини Браницкая и Скавронская, Генералъ-фельдмаршалъ, графъ Румянцовъ, Генералъ-аншефъ Миллеръ, нѣсколько каммергеровъ, каммерюнкеровъ и многіе знатные Польскіе дворяне.

Предъ дворцомъ Кіевское дворянство воздвигло третьи тріумфальныя ворота. По дорогѣ отъ Лавры до дворца, по обѣимъ сторонамъ, стояли пѣшіе Кіевскіе мѣщане [и купцы съ ружьями и знаками ихъ обществъ], раздѣленные на цехи. Въ этотъ проѣздъ Государыни раздавались барабаны и загремѣли 33 пушечныхъ выстрѣла отъ Старокіевской крѣпости. [По прибытіи во дворецъ, собрались въ залу весь генералитетъ и штабъ-офицеры; побывъ тутъ, они часа черезъ три, когда Государыня во внутреннихъ покояхъ сѣла играть въ карты, всѣ разъѣхались]. До поздней ночи была иллюминація изъ разноцвѣтныхъ фонарей. [Января 30. Сего числа, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ 11 часу собрались во дворецъ весь генералитетъ и штабъ и оберъ-офицеры. Въ началѣ перваго часа они допущены были къ рукѣ Императрицы: первоначально архіерей Слуцкій Викторъ съ Печерскими монахами, принесшими пять хлѣбовъ и двѣ иконы, который говорилъ короткую рѣчь; потомъ артиллерійскіе офицеры, за ними флотскіе; Кіевскій губернаторъ, Малороссійскій почтъ-директоръ съ чинами Почтамта и все Кіевское дворянство; а по окончаніи всѣхъ графъ Безбородко. Императрица

жаловала каждому руку съ веселымъ видомъ и была благосклонна. Въ комнатѣ, гдѣ была означенная аудіенція, по правую сторону стояли придворные, генералы и министры, а по лѣвую двѣ статсдамы, графини Браницкая и Скавронская. По окончаніи аудіенціи приготовленъ былъ столъ на 80 кувертовъ и приглашены были на оный знатнѣйшее духовенство и многія особы до 5-го класса включительно. За столомъ Императрица изволила сидѣть посерединѣ; съ правой стороны сидѣлъ архіерей Викторъ, а по лѣвой Австрійскій посланникъ графъ Кобенцель, а за нимъ статсдамы и прочіе дворяне, министры и придворные. Послѣ обѣденнаго стола Императрица отошла въ свои комнаты, а приглашенные разъѣхались по домамъ.

„Января 31-го. Въ 12 часу Императрица изволила быть въ Софійскомъ монастырѣ, въ церкви, находящейся во внутреннихъ митрополичьихъ комнатахъ, къ обѣднѣ и для посѣщенія больнаго митрополита Самуила, къ которому передъ тѣмъ послала для пользованія придворнаго доктора Веинкарта. Шествіе было въ сопровожденіи полковъ и при пушечной пальбѣ. По возвращеніи былъ столъ во внутреннихъ покояхъ, въ пятомъ часу по полудни. По данной повѣсткѣ собрались въ залу придворныя и знатныя лица на балъ. Въ началѣ 7-го часа изволила выйти Государыня и допустить къ рукѣ всѣхъ женщинъ, въ числѣ коихъ были три Армянки въ платьяхъ ихъ покроя. По окончаніи аудіенціи Государыня сѣла за столикъ играть въ карты, съ нею сѣли графы Кобенцель, Сегюръ и генералъ Мамоновъ. Государыня была одѣта въ зеленое Русское платье, а волосы причесаны низко и бриллiянтовыя на лѣвой сторонѣ приколоты тросявки.—Заиграла музыка и балъ открылъ Нарышкинъ полонезомъ; потомъ танцовали менуеты, контрадансы и одинъ разъ козачка. Въ 9 часовъ ровно Государыня встала изъ-за стола, пошла въ свой кабинетъ; музыка перестала играть и всѣ разъѣхались по домамъ.

„Февраля 1-го ничего достопамятнаго не случилось. Императрица занималась дѣлами о выдачѣ столовыхъ денегъ и касательно производства.

„Февраля, 2 числа, въ началѣ 12 часа, безъ пушечной пальбы и встрѣчи, Государыня изволила пріѣхать въ Печерскій монастырь и была у обѣдни въ Больничной церкви. Служилъ Грузинскій митрополитъ-царевичъ и пѣли придворные пѣвчіе.

„Февраля, 3 числа, былъ весьма мрачный день и очень нехорошая погода, такъ что снѣгъ почти совсѣмъ пропалъ и дорога испортилась. Вельможи сдѣлались нездоровы. Вечеромъ пріѣхалъ свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ].

„Теперь обращаюсь я къ Кіеву: когда вы къ нему приближаетесь, то городъ этотъ представляетъ собою ландшафтъ рѣдкой красоты; особенную прелесть производятъ находящіяся на высокихъ горахъ церкви, съ зелеными, или даже вызолоченными куполами. Но очарованіе изчезнетъ, когда вы очутитесь внутри этого жалкаго города. Кіевъ состоитъ

собственно изъ трехъ городовъ. Печерское съ новою крѣпостiю и Старый Городъ лежатъ на горахъ, а Подолъ находится на 40 саженъ ниже, у подошвы этихъ горъ, на берегу Днѣпра. Все, что доставляется водою, строительное дерево, дрова, товары—все это нужно тащить съ Подола въ верхнiе города, гдѣ не достаетъ даже воды для питья. Хотя Подолъ прижался къ горѣ, однакожъ Днѣпръ каждую весну отнимаетъ у него отъ 20 до 50 хижинъ, которыя вновь строятъ. По причинѣ бездонной грязи на Подолѣ вымощены улицы сплоченными брусьями. Но если, во время сухой погоды, загорится какой нибудь домъ, то эти мостовыя тѣмъ легче распространяютъ пожаръ, и въ самое короткое время пламя пожираетъ цѣлыя улицы. На Печерскѣ я видѣлъ однажды, какъ экипажъ, запряженный парою лошадей, долженъ былъ оставаться въ грязи, а въ другой разъ шесть лошадей не могли вытащить экипажа изъ ужаснаго омута. На Печерскѣ только и есть одинъ каменный домъ и притомъ очень хорошаго вида. Домъ этотъ выстроили монахи, но теперь принадлежитъ казнѣ. (Кловскiй дворецъ). За Кiевомъ до Крыма я видѣлъ много домовъ, собственно жилищъ, которыя состоятъ изъ глубокихъ ямъ, покрытыхъ деревомъ и соломою. Почти на всѣхъ восточныхъ языкахъ Кiевъ означаетъ мѣсто для наслажденiй (?!). Вѣроятно народъ въ древности, послѣ военныхъ дѣйствiй, искалъ здѣсь своего спокойствiя. И такъ городъ этотъ существуетъ уже 1357 лѣтъ. (Значитъ, что этотъ путешественникъ заглядывалъ и въ Исторiю Стрыйковскаго, или ему въ Кiевѣ объ этомъ сообщили.)

„Аптекарь на Подолѣ (вѣроятно Бунге) [1], который много лѣтъ уже занимается метеорологическими наблюденiями, сообщилъ намъ, что холодъ на горѣ, гдѣ стоитъ дворецъ, всегда двумя градусами болѣе, нежели на Подолѣ.

„Дворецъ въ Кiевѣ выстроенъ изъ дерева и находится въ довольномъ разстоянiи отъ всѣхъ трехъ городовъ. Близъ дворца разведенъ большой садъ, красотѣ коего способствуетъ самое мѣстоположенiе; но присмотръ за этимъ садомъ не совсѣмъ хорошъ. Въ одной комнатѣ дворца устроена для Императрицы ванна, которая стоила 500 рублей. Всѣ придворные представляли себѣ мѣстоположенiе Кiева гораздо прiятнѣе, нежели какъ его нашли. Тогда же говорили о намѣренiи Госу-

[1]) Объ этомъ Кiевскомъ аптекарѣ Бунге, родомъ кажется изъ Лифляндiи, первое извѣстiе сообщилъ Лерхе въ 1770 г., потомъ авторъ предлежащей статьи, въ 1787 г. и наконецъ около 1797 г. Ф. Вигель говоритъ о Бунге такъ: „Иногда, хотя весьма рѣдко, собирались у моего учителя, г. Мута, по вечерамъ прiятели его, единоземцы: губернскiй архитекторъ Гельмерсенъ, пасторъ Граль, аптекарь Бунге, плацъ-маiоръ Брокгаузенъ и капельмейстеръ Диль Но гораздо чаще онъ ихъ самъ по очереди посѣщалъ и водилъ меня съ собою въ сiи общества, степенныя, спокойно веселыя. Начиналось политикой, причемъ подавали всѣмъ по трубкѣ, потомъ садились играть въ ламушъ или въ лото, а все оканчивалось стаканомъ пива, нѣсколькими ломтями буттерброта и прощальнымъ дружескимъ рукожатiемъ.“ [Воспоминанiя, Ч. I стр. 260]. И такъ, въ продолженiи 27 лѣтъ встрѣчается имя Бунге, потомство котораго и донынѣ живетъ въ Кiевѣ и правнуки коего были профессорами въ Московскомъ, Дерптскомъ и Кiевскомъ Университетахъ.

дарыни выстроить другой дворецъ, гораздо лучшій существовавшаго; начали было измѣрять мѣсто для будущихъ каменныхъ палатъ, но дѣло какъ-то не подвигалось впередъ. Потомъ возникло желаніе, чтобы мѣсто вокругъ дворца застроить домами, тутъ же воздвигнуть каменную церковь Св. Владиміра; для этой цѣли Императрица назначила 180,000 рублей единовременно и по 20,000 руб., ежегодно, на время постройки и даже 12,000 въ видѣ ссуды тѣмъ частнымъ лицамъ, которыя изъявятъ желаніе выстроить дома въ этомъ мѣстѣ. Но должно думать, что начавшаяся вскорѣ потомъ война съ Турками помѣшала привести этотъ планъ въ исполненіе. Графъ Разумовскій имѣетъ на Печерскѣ большой деревянный дворецъ, который, какъ говорятъ, стоилъ ему болѣе 30,000 рублей [1]).

„Въ Печерской крѣпости находится большой и весьма богатый соборный храмъ, который привлекаетъ къ себѣ лѣтомъ великое число поклонниковъ. Ниже находятся знаменитыя пещеры, гдѣ нетлѣнные Святые почиваютъ. Государыня приказала на всѣ мощи изготовить новыя одежды. Вообще пожертвовала она въ Кіевѣ въ пользу церквей и монастырей 40,000 рублей, а для главной церкви (Печерской) заказана въ Петербургѣ серебряная люстра (паникадило) необыкновенной величины.—Въ Россіи образовъ не продаютъ, но ихъ вымѣниваютъ на рубли; въ одной церкви на Старомъ Городѣ можно получить освященныя кольца Св. Варвары. Со времени прибытія Двора въ Кіевъ, придворными пріобрѣтено болѣе семи тысячъ [??] этихъ колецъ, которыя были разосланы въ Петербургъ и другія мѣста Россіи.

„Зимою простыя женщины въ Кіевѣ носятъ сапоги, а лѣтомъ ходятъ босые. При малѣйшемъ дождѣ или оттепели дѣлается непроходимая грязь, зато пыль лѣтомъ нестерпима. Въ Кіевѣ, по прибытіи Императрицы, три дня продолжались празднества; все это время были лавки заперты и мы не имѣли возможности достать, что намъ было нужно. Заранѣе туда пріѣхали Сапѣги, Любомірскіе, Потоцкіе, Браницкіе и другія знатныя польскія фамиліи для изъявленія Государынѣ своей преданности. Тамъ былъ и племянникъ короля польскаго. Для увеличенія свиты прибылъ и Потемкинъ съ принцемъ Нассау.

„Въ Кіевѣ обыкновенные жизненные припасы чрезвычайно дешевы. Прежде стоилъ фунтъ говядины половину или много одинъ соль (Sol [2]); не смотря на прошлогодній неурожай и всеобщую оттого дороговизну, фунтъ говядины стоилъ только два соль. Здѣсь рыба, дичина и проч. очень дешевы; но рыба далеко не такъ вкусна, какъ въ Петербургѣ. Волошскія вина тоже дешевы; но привозные товары изъ чужихъ, да-

[1]) Объ этомъ дворцѣ написалъ Вигель слѣдующее: „Всякую недѣлю былъ балъ у военнаго губернатора, графа Салтыкова (1797): онъ жилъ тогда въ построенномъ давно, но дотолѣ никѣмъ необитаемомъ обширномъ деревянномъ домѣ графа Разумовскаго, который, такъ сказать, висѣлъ надъ стремниной *(но гдѣ именно?)* и изъ коего были чудесные виды за Днѣпръ“. — Воспоминан. стр. 302. [2]) Sol, Sou, Sous мелкая Французская монета, Италіанское Soldo, Латинск. Solidus. Одинъ Sol содержитъ $4\frac{4}{5}$ Нѣмецкихъ Пфенниговъ, или $1\frac{2}{3}$ Русскихъ копѣекъ.

лекихъ странъ вдвое дороже; жители однакожъ умѣли пользоваться присутствіемъ Двора и продавали все необыкновенно дорого. За наемъ квартиры на шесть недѣль требовали столько же, иногда даже больше, сколько стоилъ самый домъ; въ такой же пропорціи брали и извощики.

„Каждое воскресенье, въ 11-ть часовъ Императрица отправлялась въ церковь; при подобномъ случаѣ, во всякомъ другомъ мѣстѣ, собирается множество народа, а здѣсь никогда не являлось болѣе 5 или 6-ти Кіевлянъ. Нѣтъ возможности представить себѣ той лѣности, какою отличается здѣшній простой народъ. (Совершенное незнаніе нравовъ Русскаго народа и явная клевета! Не лѣность, но вѣроятно услужливая Полиція держала простолюдина вдали отъ Царицы). Для нихъ гораздо пріятнѣе сидѣть дома и наслаждаться сномъ или предаваться пьянству. Здоровый парень не будетъ до тѣхъ поръ работать, пока у него есть что нибудь пропить, хотя бы за его работу ему давали очень хорошую плату. И только крайняя нужда и голодъ заставляютъ его искать работы хоть за полцѣны.

[„Февраля, 4 числа, Государыня была у обѣдни въ большой Печерской церкви и былъ молебенъ, по окончаніи котораго производилась пушечная пальба; въ 5 часовъ по полудни былъ балъ и сожженъ фейерверкъ въ 15,000 рубл.; въ 10 часовъ кончился балъ, позади дворца была великолѣпная иллюминація.] Февраля, 4 дня, былъ при Дворѣ балъ, приэтомъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Надобно отдать Русскимъ справедливость, что они большіе мастера дѣлать фейерверки; пороху, разумѣется, они не жалѣютъ, который въ Россіи и не дорогъ. Говорили однакожъ, что этотъ фейерверкъ обошелся въ 10,000 рублей. Въ оба слѣдующіе дни былъ маскарадъ въ квартирѣ графа Румянцова. [Февраля 5 числа въ домѣ графа Петра Александровича Румянцова былъ маскарадъ, состоявшій изъ придворныхъ и другихъ 120 особъ обоего пола, по билетамъ, начиная съ бригадирскаго чина. Императрица пріѣхала въ осьмомъ часу вечера, встрѣченная генералитетомъ въ черныхъ, розовыхъ и орѣховыхъ епанчахъ безъ масокъ, на парадномъ крыльцѣ и провожаема всѣми въ залъ. Пройдя по многимъ комнатамъ, сѣла на свое мѣсто, надъ коимъ висѣлъ портретъ ея, и начала играть въ карты, а на другихъ столахъ играли другіе господа. Съѣзжавшіяся дамы, въ маскарадныхъ платьяхъ, являлись къ Государынѣ, и по отданіи поклона, отходили въ другіе покои. Государыня была одѣта въ женскомъ кирасирскомъ мундирѣ. Городъ весь иллюминованъ.

„Февраля 6 числа былъ на Подолѣ въ магистратѣ, на иждивеніи графа Румянцова, маскарадъ и было знатное угощеніе, гдѣ были многіе придворные вельможи; но Государыня не изволила быть.

„Февраля 7 числа Императрица была у обѣдни во Флоровскомъ монастырѣ; оттуда возвратясь, не выѣзжала изъ дворца и не было тамъ балу; а на Подолѣ въ магистратѣ, на иждивеніи графа Румянцова, былъ вольный маскарадъ, гдѣ были Безбородко и другіе вельможи.

„Февраля 8,9,10,11 и 12 чиселъ ничего не произошло. Государыня говѣла, для чего устроена церковь въ покояхъ. Сенаторы не ревизовали еще здѣшнихъ судовъ.

„Февраля, 13 числа, Государыня изволила пріобщаться въ Печерской большой церкви Святымъ Тайнамъ, равно какъ за нею дамы и придворные кавалеры, кромѣ свѣтлѣйшаго князя. Литургію совершалъ преосвященный Слуцкій; тутъ же присутствовалъ и придворный духовникъ, который не говѣлъ.

„Февраля, 14 числа, изволила быть Государыня въ Михайловскомъ монастырѣ. Вечеромъ во дворцѣ былъ куртикъ, куда въ седьмомъ часу собрались дамы и придворные кавалеры, да немного здѣшнихъ женщинъ и мужчинъ, равно какъ и польскихъ. Государыня изволила выйти въ восемъ часовъ и сѣла играть въ карты съ свѣтлѣйшимъ княземъ, Мамоновымъ и графомъ Кобенцелемъ. Къ дверямъ у входа сѣли женщины придворныя съ кавалерами на четыре стола, а прочіе стояли или сидѣли, оставаясь зрителями, музыки не было; въ десять часовъ разъѣхались. На дняхъ пожаловала Императрица Флоровской игуменьи 1000 руб., да сестрамъ 1000 руб., на соборную церковь 1200 руб. да митрополиту Самуилу 1000 рублей.

„Февраля, 15 числа, въ одиннадцатомъ часу Императрица молилась въ большой Печерской церкви и совершила поклоненіе Угодникамъ въ Ближнихъ и Дальнихъ Пещерахъ. По возвращеніи во дворецъ, приказала церковь, устроенную въ комнатахъ, вынесть, потому что намѣрена ѣздить въ обывательскія церкви. Сегодня сенаторы Стрекаловъ и графъ Шуваловъ начали ревизовать дѣла въ Правленіи Кіевскаго Намѣстничества и въ Казенной Палатѣ.

„Февраля, 16 числа, сенаторы ревизовали Гражданскую и Уголовную Палаты и Совѣстный судъ, а 17-го числа осматривали на Подолѣ состоящія присутственныя мѣста Верхній и Нижній Судъ, равно какъ и колодниковъ].

„18-го февраля Государыня ужинала у польскаго графа Браницкаго, вокругъ жилища коего была иллюминація; 19-го былъ балъ у графа Потоцкаго, который пріѣхалъ въ Кіевъ съ супругою и со свитою въ 200 человѣкъ. Богатые Поляки полагаютъ все свое величіе въ азіатской роскоши. Когда графиня Потоцкая изволила прохаживаться по комнатамъ, то одна молодая дворянка должна была носить за нею шлепъ ея платья. Въ Польшѣ только тотъ великъ и даже графъ, кто богатъ; бѣдные дворяне охотно поступаютъ къ нимъ въ услуженіе. [Полетика въ своемъ журналѣ пишетъ, что 19 февраля ничего достопамятнаго не случилось]. 20-го числа Русскій оберъ-шталмейстеръ давалъ балъ и ужинъ. [Вся улица была освѣщена плошками, а передъ домомъ играла духовая музыка. Государыня пробыла тутъ до двѣнадцати часовъ ночи. Слѣдующій день 21 числа была въ церкви Св. Апостола Андрея первозваннаго; а 22-го февраля Государыня посѣтила на короткое время

Австрійскаго посланника графа Кобенцеля. Февраля 27-го. Всю недѣлю были сильные морозы, а Государыня говорила, что она въ здѣшнемъ воздухѣ, противъ Петербургскаго, никакой перемѣны не примѣтила. 28-го числа была у обѣдни въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ. Тутъ были и его свѣтлость князь Потемкинъ и графъ Безбородко. Обѣдню служилъ епископъ Переяславскій и Бориспольскій, Слуцкій архимандритъ Викторъ съ прочимъ духовенствомъ. По окончаніи обѣдни допущено было духовенство тамошняго монастыря къ рукѣ. Потомъ во дворцѣ былъ обѣденный столъ, а вечеромъ куртикъ.

„Марта 2-го комендантъ Кохіусъ угощалъ придворныхъ; а 3-го Кіевскій губернаторъ; 6-го марта была худая погода. 7-го числа Государыня слушала обѣдню въ Печерскомъ больничномъ монастырѣ, а обѣдала у князя Потемкина, которой жилъ въ монастырѣ Печерскомъ]. 8-го марта была Государыня на балѣ у гр. Кобенцеля и изволила подарить его людямъ тысячу червонцевъ. (*Правда ли??*) [11-го числа марта Императрица изволила слушать обѣдню на Старомъ Кіевѣ въ Софійскомъ соборѣ, которую совершалъ протопопъ Леванда съ другими священниками. По окончаніи литургіи Государыня изволила сама возложить на Леванду золотой крестъ на красной лентѣ, такой же, какой имѣетъ и духовникъ ея. Леванда произнесъ рѣчь. — 12-го числа Государыня пожаловала архимандритамъ Михайловскому Тарасію и Николаевскому Епифанію по тысячѣ рублей, да на монаховъ каждаго монастыря по стольку же]. 11 и 12 марта прибыли въ Кіевъ еще многіе знатные Поляки, искатели счастія. Видно, что они весьма нуждались въ покровительствѣ Русской Государыни; однако ихъ держали въ приличномъ разстояніи. Король тоже находился вблизи и посылалъ нѣкоторыхъ господъ изъ своей свиты поздравить Государыню съ пріѣздомъ въ Малороссію; ему отвѣчали тою же учтивостію. [13-го марта у обѣдни изволила быть въ Печерскомъ монастырѣ]. 14-го числа представлялись ко Двору одиннадцать человѣкъ Киргизскихъ Татаръ; одинъ изъ нихъ говорилъ рѣчъ съ большимъ достоинствомъ. Русской Дворъ можетъ гордиться, что подъ защиту его прибѣгаетъ даже множество азіатцевъ. [У обѣдни изволила быть въ Печерскомъ монастырѣ]. Въ Кіевъ явились также принцы де-Линь и Нассау, а въ слѣдъ за ними Испанскій графъ Миранда: это былъ большой пройдоха, но его скоро удалили. [Вечеромъ при Дворѣ былъ куртикъ].

[„Марта 17-го Государыня въ второмъ часу пополудни осматривала суда, стоявшія возлѣ Выдубицкаго монастыря, приготовленныя для путешествія Ея Величества по Днѣпру. 20-го числа день Вербной субботы. Студенты носили съ церемоніею вербу въ Братскій монастырь. 21-го Царица слушала обѣдню въ Печерской церкви, гдѣ лаврскій намѣстникъ посвященъ въ санъ архимандрита. — 25 дня, четвергъ, Государыня была у обѣдни въ большой Печерской церкви; литургію совершалъ архіерей Викторъ и было умовеніе ногъ. 26 марта, пятница. Въ Лаврѣ, у плащаницы Императрица была въ бѣломъ платьѣ, а придворныя дамы въ бѣлыхъ салопахъ. 27-е число, въ субботу вечеромъ,

по данному изъ трехъ пушекъ сигналу, придворные съѣхались во дворецъ и послѣ полуночи отправились за Государынею въ Лавру, гдѣ она отслушала заутренню и обѣдню. 28-е число день Св. Пасхи. У вечерни Императрица была въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ митрополитъ Самуилъ и протоіерей Леванда говорили краткія рѣчи. — 29 марта дозволено сдѣланными коштомъ графа Румянцова разными гульбищами передъ дворцомъ пользоваться безденежно.—30 марта Императрица была у обѣдни въ Богословскомъ монастырѣ, что на Подолѣ.—4-го апрѣля Государыня была у обѣдни въ Печерской церкви; вечеромъ былъ во дворцѣ куртикъ].

„Апрѣля 11-го числа магистратъ на Подолѣ имѣлъ честь принимать Императрицу. Во время обѣда пили за здоровье Государыни и стрѣляли изъ пушекъ. Весь этотъ день былъ для гражданъ Кіевскихъ необыкновеннымъ торжествомъ. [Полетика описываетъ этотъ день гораздо подробнѣе: 11 апрѣля получена поутру въ Софійской соборной церкви въ большую сумму чаша отъ кн. Потемкина. Императрица изволила на Подолѣ, въ большой церкви Братскаго монастыря слушать обѣдню, куда отъ дворца провожали мѣщане молодые, особливо на такой случай назначенные, въ богатомъ уборѣ и на хорошихъ лошадяхъ, а пѣшіе со всѣми цехами и знаками стояли отъ Подольскихъ тріумфальныхъ воротъ до монастыря по обѣ стороны. Студенты же въ четыре ряда, по обѣ стороны отъ монастырской братьи до самой церкви, съ знаками стоя пѣли, во время проѣзда Государыни, концертъ. На службѣ, совершенной преосвященнымъ Слуцкимъ Викторомъ съ духовникомъ и тремя архимандритами и двумя іеромонахами, посвященъ архимандритомъ въ Нѣжинъ отецъ Ѳеофанъ, бывшій въ Печерской Лаврѣ типографщикомъ; послѣ службы говорилъ онъ, по постриженіи, краткую, благодарственную рѣчь, а за нимъ всѣ учители на разныхъ языкахъ также говорили рѣчи Императрицѣ. По окончаніи допущены были къ рукѣ служащіе и говорившіе рѣчи; а послѣ, выйдя изъ церкви, ѣхала со всѣми кавалерами и придворными къ магистрату, гдѣ общество купцовъ и мѣщанъ города Кіева имѣло счастіе угощать обѣденнымъ столомъ, Государынѣ пріуготовленнымъ, на 65 кувертовъ. У графа Румянцова на сей случай взятъ серебряный съ позолотою цѣлый сервизъ съ разными приборами, къ тому принадлежащими. Во время стола палили изъ шести пушекъ, нарочно туда привезенныхъ; а по окончаніи всего, отъѣхала во дворецъ съ бывшими тамъ при столѣ кавалерами. Для всѣхъ хорошо одѣтыхъ какъ мущинъ такъ и женщинъ, открытъ былъ вольный балъ въ магистратѣ при духовой музыкѣ, съ разными танцами, который продолжался до десятаго часа.—18-го апрѣля, воскресенье. Императрица слушала обѣдню въ большой церкви Печерскаго монастыря. Духовникъ Ея Величества представилъ сегодня, сдѣланныя по Именному повелѣнію, на всѣхъ Печерскихъ Святыхъ Угодниковъ покрывала и убранства. Вечеромъ во дворцѣ былъ балъ.—20-го числа Ея Величество осматривала Печерскую крѣпость]. Между тѣмъ постройка галеръ приходила къ концу. Увѣряютъ, что эта постройка

обошлась казнѣ до двухъ сотъ тысячъ рублей. На этихъ галерахъ Государыня со свитою намѣревалась водою продолжать свое путешествіе въ Крымъ. — 21-го числа апрѣля, по случаю дня рожденія Императрицы, былъ для Кіевлянъ опять большой праздникъ. [Передъ обѣднею розданы графомъ Безбородко жалованныя перстни и табакерки]. Празднество началось торжественнымъ богослуженіемъ [въ Софійской церкви, гдѣ говорили рѣчи митрополитъ Самуилъ и протоіерей Леванда,] потомъ началась стрѣльба изъ пушекъ, находившихся на галерахъ, стоявшихъ противъ дворца и изъ крѣпостныхъ орудій. Государыня возвратилась во дворецъ. — Для простонародья приготовлено было передъ дворцемъ на площади угощеніе: на веревкахъ, поддерживаемыхъ столбами, развѣшаны были, въ видѣ гирляндъ, сельди, жареная рыба, на столахъ расположена жареная говядина, бѣлый хлѣбъ, и множество лакомствъ. Между столбами стояли чаны съ разными напитками, какъ то съ виномъ, медомъ и пивомъ. Во многихъ мѣстахъ возвышались качели и гремѣла музыка. [Во дворцѣ жалуемы были чины и ордена. Роздано подарковъ разныхъ цѣнъ въ 52 тысячи рублей. Вечеромъ былъ во дворцѣ балъ, а передъ онымъ великолѣпный фейерверкъ, сдѣланный графомъ Румянцевымъ въ 35 тысячъ рублей. Народъ кричалъ *ура*! Сего же дня въ магистратѣ вольный балъ съ обѣденнымъ столомъ, послѣ коего танцовали по духовой музыкѣ графа Румянцова].

„Наконецъ наступило 22-е апрѣля, день, въ который Императрица со своею свитою намѣревалась оставить *непріятный* [?] городъ Кіевъ и начать столь же *непріятное* путешествіе по Днѣпру. Оставляя Кіевъ, Государыня отправилась прежде на поклоненіе въ Печерскую Лавру, потомъ въ Софійскій и Михайловскій монастыри; оттуда поѣхала она къ пристани, противъ которой на Днѣпровскихъ волнахъ покоились красивыя галеры, выстроенныя для ея путешествія. [Прибывъ въ Софійскій соборъ, Государыня выслушала молебенъ. Преосвященный читалъ молитву о путешествующихъ. Отсюда Императрица, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ, и въ сопровожденіи конницы Кіевскихъ мѣщанъ, изволила отправиться на Подолъ къ галерамъ, которыя стояли возлѣ берега рѣки Днѣпра, противъ Братскаго монастыря, гдѣ встрѣтили ее пѣшіе мѣщане съ знаками ихъ]. Карету Государыни сопровождала свита, состоящая изъ генераловъ и эскадрона Лейбъ-кирасировъ. По всему городу раздался колокольный звонъ, звукъ трубъ и барабановъ, пушечная пальба гремѣла изъ крѣпостей и съ галеръ. Государыня сначала переѣхала на галеру *Десну*, гдѣ былъ устроенъ обѣдъ. Въ это время магистратскіе музыканты имѣли честь вблизи разыгривать сонаты. После обѣда Царица отправилась на свою галеру *Днѣпръ*; на которой поднятъ былъ вицеадмиральскій флагъ. Прочія лица размѣстились по другимъ галерамъ въ назначенныхъ мѣстахъ. Въ свитѣ Императрицы были штатсдамы, графини Браницкая и Скавронская, придворныя дамы Протасова и Чернышева; изъ мущинъ: Потемкинъ, Чернышевъ, Нарышкинъ, Шуваловъ, Безбородко, Ангальтъ, Пущинъ, Стрекаловъ, Барятинской и множество другихъ. [Пообѣдавъ на

галерахъ, Государыня изволила выйти на крыльце; поблагодаривъ всѣхъ на берегу стоящихъ господъ за угощеніе и попеченіе, возвратилась въ свои комнаты]. Въ три часа по полудни, по сигналу съ Императорской галеры, великолѣпная флотилія отправилась въ путешествіе и, при громѣ пушекъ съ крѣпости, скрылась отъ глазъ Кіевлянъ, стоявшихъ на берегу величественнаго Днѣпра.“ [Кіевляне на своихъ *дубахъ* (лодкахъ) провожали Императрицу десять верстъ съ музыкою и радостными восклицаяніми.“]

Къ этому описанію, почерпнутому изъ двухъ авторовъ, мы присовокупимъ слѣдующее замѣчаніе, что посланникъ Французскій, графъ Сегюръ и Австрієцъ Принцъ де Линь, въ письмахъ своихъ къ знакомымъ, также многое сообщили о путешествіи Екатерины II въ Полуденную Россію; но эти господа не могли посвящать своего времени для описанія Кіева; все ихъ вниманіе было обращено на изученіе характера вліятельныхъ лицъ при Дворѣ Русскомъ, надѣясь тѣмъ удобнѣе достигнуть личныхъ своихъ интересовъ. Вотъ почему предпочли мы простой разсказъ о Кіевѣ вышеприведеннаго неизвѣстнаго намъ автора, и дополнили его журналомъ Полетики, сухимъ и написаннымъ въ офиціальномъ тонѣ.

Посѣщеніе Монархини имѣло на Кіевъ благодѣтельное вліяніе и въ томъ отношеніи, что окончились безчисленныя и разорительныя тяжбы за имѣнія и привилегіи; начали возникать фабрики и промышленность; Кіевляне сдѣлались предпріимчивѣе въ торговлѣ, слѣдовательно и зажиточнѣе; число жителей годъ отъ году стало примѣтно умножаться. О проэктированномъ въ то время планѣ Кіева, г. Журавскій, пользовавшійся архивомъ Губернскаго Правленія, сообщаетъ слѣдующее: „Въ 1787 г. Императрица Екатерина II, во время присутствія своего въ Кіевѣ, утвердила первый правильный планъ этого города, составленный Генераломъ-Артиллеріи Миллеромъ и графомъ Шуваловымъ. По этому плану предполагалось весь городъ сосредоточить на высотахъ, начиная отъ Печерской крѣпости къ Старому Кіеву; туда должны были переселиться постепенно Подольскіе жители, а Подолъ уничтожался вовсе, какъ городская часть; мѣсто его предназначалось для однихъ загородныхъ дворовъ. Главною частью предполагалась Кіево-Печерская; Печерскія укрѣпленія должно было соединить ретраншаментами со Старо-Кіевскими въ одно цѣлое. Этотъ планъ представлялъ много удобствъ въ военномъ отношеніи, также для здоровья жителей и безопасности отъ разливовъ Днѣпра, но онъ не согласовался съ выгодами мѣщанъ и съ потребностями торговли; почему въ послѣдствіи въ 1797 г. уничтоженіе Подола отмѣнено указомъ 13 октября; подтверждено только стараться объ увеличеніи въ немъ числа каменныхъ зданій. Въ этомъ же году образовалась Кіевская Губернія въ настоящемъ ея составѣ и Кіевъ назначенъ губернскимъ въ ней городомъ“ [1]).

[1]) Статис. Опис. Кіев. губ. изд. Фундуклея. Т. I. стр. 324.

Вслѣдъ за воспоминаніемъ о пребываніи въ Кіевѣ Екатерины Великой мы должны упомянуть о происхожденіи производства въ этомъ городѣ такъ называемаго *Кіевскаго варенья*, извѣстнаго во всей Россіи. Дѣйствительно въ окрестныхъ садахъ нашей Днѣпровской столицы растутъ превосходные фрукты, которые составляютъ главный матеріалъ для варенья и конфектъ. Плоды эти пользуются славою въ теченіи уже нѣсколькихъ столѣтій. Повѣствуютъ, что на свадебное торжество Великаго Князя Литовскаго Ягелла съ Ядвигою, Королевою Польскою, въ 1386 г. были, будто бы, поставляемы изъ Кіева плоды и варенья. По крайней мѣрѣ актами можно доказать, что по требованію Царя Алексѣя Михайловича въ 1674 г. были неоднократно изъ древлепрестольнаго града посылаемы въ Москву орѣхи Грецкіе и Волошскіе, вишни въ меду и соты [1]). Впрочемъ все это дѣла давно минувшихъ дней; теперешняя же слава Кіевскаго варенья тѣсно связана съ путешествіемъ Императрицы въ Полуденную Россію въ 1787 году, и притомъ слѣдующимъ образомъ: Кромѣ свиты, сопровождавшей Государыню и состоявшей изъ важныхъ лицъ, была при ней, разумѣется, и прислуга. Въ числѣ метрдотелей, кухмистровъ, кафешенковъ, каммерлакеевъ былъ и кандитеръ Швейцарецъ, по фамиліи Бальи: Во время пребыванія Императрицы въ Кіевѣ, этотъ сочинитель сладостей, расхаживая, при весенней распутицѣ, по коварной мостовой Кіево-Подола, имѣлъ неудовольствіе сломать себѣ ногу. Не смотря на отъѣздъ Государыни, онъ принужденъ былъ остаться въ Кіевѣ для излѣченія. Но какъ г. Бальи представлялъ одно изъ придворныхъ лицъ, то Кіевскіе граждане, особенно же г. Войтъ, принимали въ немъ живое участіе; а чтобы доставить ему развлеченіе и покой: то глава гражданъ Богоспасаемаго града помѣстилъ его въ своемъ загородномъ домѣ на Преваркѣ, гдѣ и донынѣ находятся самые лучшіе сады и живутъ огородники, снабжающіе Кіевъ зеленью. Швейцарецъ выздоравливалъ медленно и для препровожденія времени бросилъ взоръ свой на нашу южнорусскую природу, которая явилась ему въ видѣ вкусной земляники, клубники, чудныхъ вишень, орѣховъ, великолѣпныхъ сливъ, грушъ, яблокъ, нѣжныхъ абрикосовъ. Бальи уступилъ своему влеченію и сталъ приготовлять изъ этихъ плодовъ варенье и сухіе конфекты. Императрица возвратилась уже въ Петербургъ, когда выздоравливающій Швейцарецъ отправилъ въ столицу нѣсколько банокъ и ящиковъ своего приготовленія. Тогда придворныя лица имѣли случай удостовѣриться, что Кіевское варенье нисколько не уступаетъ заграничному и притомъ очень дорогому. Съ этихъ поръ наше Русское варенье совершенно завладѣло десертнымъ столомъ въ Зимнемъ Дворцѣ, и слава его пронеслась отъ сѣверной Пальмиры до предѣловъ Киргизъ-Кайсакскихъ. Бальи велѣно было изготовить для Дворца извѣстное количество варенья; по этому случаю онъ провелъ еще годъ въ Кіевѣ. Но какъ ему нужна была помощь, то смѣтливые патриціи допускали къ изученію этого искусства, въ видѣ помощницъ, только избранныхъ Кіевлянокъ, то есть своихъ родственницъ. Такимъ

[1]) Синбирск. Сборн. Отписка 58 и 190.

образомъ почетныя Кіевскія семейства, какъ то: Киселевскіе, Лакерды, Балабухи, Крамалеи, Барскіе, Бѣлоусовы, Рябчиковы и немногія другія, бывшія между собою въ родствѣ, первоначально завладѣли искусствомъ приготовленія нѣжныхъ плодовъ. Но какъ въ свѣтѣ нѣтъ худа безъ добра, то съ тѣхъ поръ слава Кіевскаго варенья и сухихъ конфектъ, произшедшая отъ перелома ноги у Швейцарскаго кандитера, съ честію поддерживается даже до дней нашихъ.—Всю эту исторію о Бальи разсказывалъ мнѣ почтенный мой знакомецъ, Кіевлянинъ В. Г. Чайковскій, который слышалъ объ этомъ отъ отца своего.

Присемъ упомянемъ еще и о другихъ иностранцахъ, посѣщавшихъ Кіевъ, около этого времени. Когда во Франціи разразилась неистовая революція, то гордое и большею частію невѣжественное дворянство искало спасенія своего въ бѣгствѣ, прикрывая это громкимъ словомъ эмиграція, (*переселеніе!*). Но этимъ эмигрантамъ не легко было отыскивать пропитаніе между расчетливыми Нѣмцами, и Французы рынулись въ Россію, по мнѣнію ихъ, просвѣщать варваровъ. Вигель въ своихъ *Воспоминаніяхъ* пишетъ, что въ числѣ Французскихъ выходцевъ въ 1798 г. были въ Кіевѣ принцъ Конде со своимъ внукомъ, герцогомъ Людвигомъ Ангіенскимъ, (который въ 1804 г., по повелѣнію Наполеона, былъ схваченъ въ Баденскомъ городкѣ Эттенгеймѣ и разстрѣлянъ во рву Винценской крѣпости въ Парижѣ). Принцъ и герцогъ со своимъ штабомъ провели въ Кіевѣ три дня Показывая отвращеніе отъ Французовъ и извиняясь незнаніемъ Французскаго языка, скупой Розенбергъ (Генералъ-Губернаторъ) предоставилъ отцу автора, бывшему тогда Кіевскимъ Комендантомъ, заниматься ими и ихъ угощать [1]).

Избѣгая пристрастія многихъ нашихъ единоземцевъ, привыкшихъ удивляться только иностранцамъ, необходимо здѣсь упомянуть объ отечественномъ талантѣ, процвѣтавшемъ около этого времени въ Кіевѣ. Мы разумѣемъ славнаго пѣвца и композитора Веделева. Благодаря В. Аскоченскому, сохранившему отъ забвенія дорогое имя соотечественника и собравшему объ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, [2]) можемъ мы сообщить вкратцѣ слѣдующее:

Артемій Лукьяновичъ Веделевъ родился въ Кіевѣ и принадлежалъ къ мѣщанскому сословію. Годъ его рожденія неизвѣстенъ, но судя по воспоминаніямъ старожиловъ, Веделевъ родился въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. По тогдашнему обыкновенію онъ былъ отданъ въ Кіевскую Академію, куда, какъ извѣстно, открытъ былъ доступъ всякому безъ различія званія и состоянія. Проходя науки, Веделевъ поступилъ въ пѣвческій хоръ, издавна называвшійся *Братскимъ* и доселѣ почитающійся самымъ лучшимъ изъ всѣхъ хоровъ въ Кіевѣ. Достигнувъ философскаго класса, Веделевъ принялъ въ управленіе академическую капелль, и скоро обратилъ на себя вниманіе не однихъ

[1]) Стр. 318. [2]) Опубликованныя въ Кіевск. губерн. Вѣдом. и Русскомъ Инвалидѣ 1853 г., потомъ въ соч. Кіевъ съ древн. его училищемъ, Академіею, 1856 г. Ч. 2. стр. 373.

Кіевлянъ. Тогдашній Московскій генералъ-губернаторъ Еропкинъ просилъ митрополита Самуила Миславскаго прислать ему знатока въ церковномъ пѣніи. Выборъ палъ на Веделева; съ тремя мальчиками изъ Братскаго хора онъ отправился въ Москву, гдѣ и поступилъ въ управленіе капеллой Еропкина, состоя между тѣмъ на службѣ въ Сенатской канцеляріи. Въ 1790 г. Веделевъ воротился въ Кіевъ съ чиномъ губернскаго секретаря, и прямо явился въ любезную свою Академію съ камертономъ регента. Квартировавшій въ ту пору на Подолѣ Корпусный генералъ А. Я. Леванидовъ полюбилъ его и уговорилъ перейти къ себѣ, исходатайствовавъ ему чинъ поручика. Веделевъ тотчасъ же занялся составленіемъ пѣвческаго хора изъ солдатскихъ дѣтей и вольныхъ людей. Въ короткое время пѣвческая Леванидова, стараніями Веделева, стала одной изъ лучшихъ въ Кіевѣ. Это была самая цвѣтущая пора его необыкновеннаго таланта, и къ этому-то времени относятся всѣ почти концерты его и самое пѣніе, такъ долго остававшееся въ памяти Кіевскихъ старожиловъ. Г. Аскоченскій имѣетъ у себя партитуру всѣхъ концертовъ Веделева, писанную въ 1796 г. его собственной рукой. Нельзя не обратить при первомъ взглядѣ особеннаго вниманія на разныя музыкальныя украшенія, которыми онъ убиралъ преимущественно партицію тенора, и выполненіе которыхъ врядъ ли кому-либо и было доступно, кромѣ его самаго. Труднѣйшія рулады, быстрые переходы изъ полутона въ полутонъ, смѣлость и нарочитая витіеватость оборотовъ показываютъ, что голосъ Веделева былъ обработанъ въ высшей степени и не боялся никакихъ трудностей. Это были не тѣ скачки и фіоритюры, которыми щеголяли въ свое время концерты Алейникова, Пичугина или Дегтярева, походившіе болѣе на Италіанскія оперетки.

Артемій Лукьяновичъ былъ красивъ собою и хорошо сложенъ, нравомъ онъ былъ тихъ, кротокъ и всему предпочиталъ уединеніе; молитва не сходила съ устъ его. Онъ превосходно игралъ на скрыпкѣ и былъ первымъ солистомъ въ оркестрѣ академическомъ. Управляя хоромъ, онъ никогда не сердился; въ дни великаго поста иногда выходилъ пѣть одинъ: *Да исправится молитва моя*, импровизируя музыку удивительнымъ образомъ. Въ 1792 г., когда Леванидовъ былъ переведенъ куда-то генералъ-губернаторомъ, Веделевъ, лишившись въ немъ покровителя, и соскучившись безъ любимаго своего занятія, поступилъ въ Кіевопечерскую Лавру въ число послушниковъ. Здѣсь онъ обратилъ всю энергію горячей души своей къ иноческимъ подвигамъ, усердно исправляя должность чтеца и клирошанина. Въ 1806 г. Артемій Лукьяновичъ Веделевъ кончилъ жизнь свою въ домѣ ума лишенныхъ; прахъ его покоится въ бывшемъ Кирилловскимъ монастырѣ; къ сожалѣнію, могила Веделева остается неизвѣстною. Исчисленіе и оцѣнку славныхъ его композицій предоставляемъ спеціалистамъ. — О другихъ знаменитыхъ Кіевлянахъ этого времени будетъ упомянуто впослѣдствіи на своемъ мѣстѣ.

Отъ конца прошлаго столѣтія сохранилось нѣсколько любопытныхъ

статистическихъ данныхъ, изъ коихъ мы видимъ, что 1797 г. въ каждой изъ тогдашнихъ трехъ городскихъ частей было, кромѣ Лавры, слѣдующее число публичныхъ зданій и частныхъ домовъ:

Церквей большихъ и малыхъ:	На Подолѣ.	На Старомъ Кіевѣ.	На Печерскѣ.	И того.
„ каменныхъ	15	8	3	26
„ деревянныхъ	11	6	3	20
Церковныхъ строеній каменныхъ .	16	13	3	32
Публичныхъ строеній каменныхъ .	12	—	3	15
Частныхъ домовъ каменныхъ. . . .	12	—	—	12
„ „ деревянныхъ . .	2,068	506	1,098	2,672

Тогда селенія Плоское, Преварку и Кореневку не причисляли еще къ городу. Въ томъ же 1797 г. Казенною Палатою показано: мужескаго пола купцовъ Христіанъ 347, Евреевъ 3; мѣщанъ Христіанъ 4,463, Евреевъ 563, всего 5,376 душъ, что составитъ съ женскимъ поломъ до 11,000. Къ этому числу надобно прибавить дворянъ, чиновниковъ и духовныхъ съ ихъ семействами. По другому источнику число постоянныхъ жителей въ началѣ 1798 г. простиралось до 19,000 душъ; по 1800-й годъ число жителей увеличилось до 30,000. Умноженію народонаселенія въ Кіевѣ и распространенію самаго города значительно способствовало перенесеніе изъ г. Дубно въ 1797 г. Крещенской ярмарки, называемой *Контрактами*, на которую стали съѣзжаться нѣсколько тысячъ разнаго званія людей, преимущественно помѣщиковъ и дворянъ и производить обороты и сдѣлки на огромныя суммы. Здѣсь кстати привести мнѣніе Ф. Вигеля, какъ очевидца этого событія. Онъ пишетъ: „Вскорѣ потомъ изъ Дубно, мѣстечка Волынской губерніи, переведены въ него (*Кіевъ*) контракты, родъ дворянской биржи, на которую они (*Поляки*), въ извѣстное время года, съѣзжались для разнаго рода сдѣлокъ, покупки и продажи имѣній, отдачи капиталовъ въ займы и прочаго. Тутъ представляется вопросъ: Для чего это? Не съ намѣреніемъ ли сблизить Поляковъ съ Русскими? — И такъ я въ малолѣтствѣ своемъ сдѣлался свидѣтелемъ великой метаморфозы. Древняя столица Великихъ Князей Русскихъ, даже при польскомъ правительствѣ сохранившая себя невредимо (?) отъ польскаго вліянія, вдругъ ополячилась. Въ продолженіи 1797 г. число Русскихъ чиновниковъ и Малороссійскихъ дворянъ начало примѣтно въ ней уменьшаться, а число пановъ въ той же пропорціи увеличилось. Но таковы были слѣдствія направленія, даннаго умамъ въ предшедствовавшее царствованіе (Ека-

терины II), что они не только не чуждались общества Русскихъ, но сами искали его, были ласковы до униженія, чтобы не сказать до подлости, и даже какъ умѣли, стали говорить по-Русски" (глава V). Въ другомъ мѣстѣ Ф. Вигель, о поведеніи Поляковъ въ Кіевѣ въ 1800 г., пишетъ слѣдующее: „Поляки, чуя близкое могущество свое въ Петербургѣ, съ каждымъ днемъ становились болѣе наглы и надмѣнны; главный пріютъ ихъ былъ у Фенша. Ихъ дерзость обнаружилась еще болѣе, когда начались передъ Новымъ Годомъ контракты и ярмарка. Изъ всѣхъ юго-западныхъ губерній стекались ихъ земляки и, сильные числомъ, они позволяли себѣ въ обществѣ разныя неблагопристойности, а въ городѣ даже безчинства и неистовства, вламывались ночью насильно въ хижины убогихъ вдовъ, матерей сиротъ красавицъ; но сосѣдями и работниками всегда съ побоями и стыдомъ были прогоняемы. На балахъ, которые два раза въ недѣлю давались за деньги въ контрактовомъ домѣ, то есть биржевой залѣ, многіе изъ нихъ вздумали являться въ народномъ костюмѣ и даже танцовать мазурку въ шапкахъ, напивались пьяны, дѣлали обиды и думали, что настало опять время ихъ грубой вольности. Молодые армейскіе офицеры, которые съ воцареніемъ Александра также чувствовали себя болѣе свободными, начали вступаться за себя, за дамъ и за знакомыхъ. Отъ того заводились ужасныя ссоры, оканчивавшіяся обыкновенно толчками и пинками, съ коими выпроваживали Поляковъ. Къ счастію, до поединковъ никогда не доходило. Феншъ, разумѣется, держалъ ихъ сторону и офицеровъ сажалъ подъ караулъ. Но ихъ было множество, и разгнѣванные Поляки объявивъ, что перестанутъ ѣздить на контрактовые балы, если тѣхъ не прогонятъ, сдержали слово; не могли однако же удержать женъ и дочерей своихъ, которыя ни за что бы не отказались отъ удовольствія танцовать съ ловкими Москаликами. И такъ поле сраженія и тутъ осталось за Русскими." (Глава XVIII). Доселѣ Вигель. — Не смотря на эти возраженія человѣка наблюдательнаго и образованнаго; не смотря даже на временныя непріятности, возникавшія въ городскомъ обществѣ, Кіевъ началъ украшаться зданіями и во многихъ отношеніяхъ стали появляться улучшенія. Но среди различныхъ надеждъ, ожиданій и прожектовъ общества, лучшая часть Кіева испытала горькую участь: великій пожаръ превратилъ ее въ развалины. Это бѣдственное обстоятельство дѣлаетъ почти эпоху въ Исторіи сего города и заслуживаетъ хотя краткаго описанія.

Пожаръ Кіевскій. — Іюля 9 числа, 1811 г., восходящее солнце предвѣщало тихій лѣтній день; многія тысячи Кіевлянъ въ довольствѣ и спокойствіи, при пробужденіи своемъ, любуясь пріятною погодою, не предвидѣли, что слѣдующую ночь проведутъ безъ крова и почти безъ пропитанія. Въ десять, или одиннадцать часовъ утра раздался первый роковой набатъ съ колокольни при Воскресенской церкви. Любопытные устремились къ тому мѣсту, гдѣ впервые вспыхнулъ пожаръ; это было, какъ мнѣ сказывали, на пространствѣ между *Житнимъ Торгомъ* и упомянутою церковію. Но изумленіе объяло жителей, когда они почти въ

одно время услышали со всѣхъ колоколенъ несчастное извѣстіе, и тогда же увидѣли страшный огонь въ четырехъ, или пяти, противоположныхъ концахъ города! — Куда бѣжать? Кому помогать? — Всякій обратился къ своему жилищу. Это обстоятельство было поводомъ, что многіе послѣ утверждали, будто бы, при началѣ пожара, Полиціи удалось схватить нѣсколько Жидовъ, Поляковъ и даже Французовъ, поджигавшихъ домы Кіевлянъ посредствомъ зажженнаго трута, скоропалительныхъ свѣчей и другихъ удобно возгарающихся веществъ. Я не знаю, справедливо ли это мнѣніе, или нѣтъ. Но и естественные случаи были причиною чрезвычайно скораго распространенія пожара Кіевскаго. Тогда было лѣто жаркое и сухое; слѣдовательно деревянныя кровли домовъ легко возгарались отъ падающихъ искръ; усилившійся пламень нарушилъ равновѣсіе атмосферы и произвелъ бурю, которая разносила искры, головни на величайшее пространство и распространяла пожаръ съ такою скоростію, что въ продолженіи трехъ часовъ Кіевоподолъ представился огненнымъ моремъ; кто не успѣлъ заблаговременно спастись, бѣгая по тѣснымъ улицамъ, не могъ уже сыскать выхода и сдѣлался жертвою свирѣпой стихіи; многіе погибли въ погребахъ или церквахъ; такъ нѣсколько монахинь, надѣясь найти убѣжище въ большой церкви Флоровскаго монастыря, задохлись отъ дыма. Обгорѣвшія и оставшіяся безъ крышъ церкви густо дымились, потому что были завалены разною домашнею рухлядью, снесенною жителями туда для сохраненія отъ пламени. Старокіевскій валъ, отъ Андреевской церкви до угла Михайловскаго монастыря надъ Крещатикомъ, былъ усѣянъ нѣсколькими тысячами жителей Стараго Города и Печерска, которые отсюда могли удобно смотрѣть на несчастіе своихъ собратій, потому что помощь человѣческая была тогда безсильна. Пламенныя волны, переходящія отъ одной части нижняго города до другой, сильный вѣтеръ, разносящій во всѣ стороны горящія доски, густой дымъ, паденіе домовъ на пространствѣ трехъ квадратныхъ верстъ и отдаленный крикъ спасающихся — все это представляло зрѣлище необыкновенное и ужасное. Изъ всѣхъ церквей и публичныхъ зданій, которые существовали на Подолѣ, не было почти ни одного, которое не пострадало бы отъ этого страшнаго пожара. Церкви Спаская, стоявшая на нынѣшней Спаской улицѣ, Вознесенская близъ Флоровскаго монастыря и Свято-Духовская, находившаяся на берегу Днѣпра, были совершенно истреблены огнемъ; отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Нѣкоторые Кіевляне разсказывали, что обширный дворъ Братскаго монастыря, соборная церковь и даже колокольня, загроможденные пожитками воспитанниковъ и сосѣднихъ обывателей, представляли собою наибольшую пищу для губительнаго пламени. — Дворъ нашъ, находившійся тогда на улицѣ, называемой *Черная грязь*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь гостинница Флоровскаго монастыря, былъ наполненъ множествомъ солдатъ и чернью въ лохмотьяхъ. Эти Вандалы казались весьма озабоченными. Мнѣ тогда минуло шесть лѣтъ, слѣдовательно я не могъ быть наблюдателемъ; однако замѣтилъ, что эти люди отбивали замки у нашихъ чулановъ, выносили въ банкахъ ва-

ренье и тутъ же ѣли, вынимая руками, а посуду въ дракѣ разбивали; тоже было съ напитками; словомъ, въ нѣсколько минутъ кладовыя и погребъ совершенно опустѣли. Потомъ принялись за вещи. Услужливость ихъ простиралась до того, что у насъ ничего не осталось бы, еслибы отецъ мой не успѣлъ спасти нѣкоторыхъ вещей. Съ трудомъ могли мы пробираться въ кривыхъ и узкихъ улицахъ, загроможденныхъ мебелью, людьми, экипажами. Со всѣхъ сторонъ огонь и дымъ, шумъ и крикъ приводили меня къ ужасъ. Наконецъ мы достигли до Днѣпровскаго берега и на Оболони остановились. Тутъ необъятное множество вещей было въ величайшемъ безпорядкѣ разбросано на пескѣ; люди суетились, нѣкоторые были даже полуодѣты; общая горесть царствовала въ этомъ станѣ разоренія; иные горько плакали, смотря на гибель города и буйство пламени, котораго видъ во время ночи казался еще ужаснѣе. Почти три дня горѣло; окрестныя мѣста Кіева съ восточной стороны (Козслецъ на 70, даже Нѣжинъ на 150 верстъ) были покрыты густымъ дымомъ. Іюля 10 дня Кіево-Подолъ представлялъ уже смрадныя, горящія, или дымящіяся развалины. Улицъ нельзя было распознать; а тлѣющія бревна и вещи въ ямахъ и погребахъ, засыпанныхъ землею и золою, дѣлали опасною всякую попытку ходить по пожарищу. Прекрасные монастыри Греческій или Петропавловскій, Флоровскій и Братскій съ Академіею и классами, одиннадцать каменныхъ и пять деревянныхъ церквей съ колокольнями, Лаврское подворье и другія церковныя зданія были жертвою пламени. Библіотека Братской Академіи въ этомъ пожарѣ утратила также много книгъ. Монахи Братскаго монастыря и учители были нѣкоторое время помѣщены на Старомъ Кіевѣ въ Софійскомъ архіерейскомъ домѣ, а въ нѣкоторыхъ несгорѣвшихъ покояхъ оставался только ректоръ. Флоровскія монахини размѣщены были въ Николаевскомъ монастырѣ, монахи коего переведены въ Лавру. — Вскорѣ правительство опредѣлило 200,000 рублей на отстройку Братскаго и Флоровскаго монастырей. Почти весь Подолъ выгорѣлъ, то есть самая лучшая часть его, а небольшая сѣверная *за канавою* — Царе-Константиновская, Введенская и Волошская улицы — уцѣлѣла. Нѣсколько времени жители принуждены были оставаться на обширной Оболони и имѣть пріютъ въ шалашахъ; между ними жилъ и протоіерей Леванда, знаменитый проповѣдникъ Кіевскій, потерпѣвшій равную участь со своими соотечественниками. Когда опасность миновалась, Кіевляне стали навѣдываться къ своимъ пепелищамъ и обстроиваться; въ это время, по причинѣ великаго требованія, строевой лѣсъ чрезвычайно вздорожалъ. Хотя отъ правительства и многихъ частныхъ лицъ въ Россіи было значительное вспомоществованіе, но отъ пристрастія непосредственныхъ раздавателей оно доставалось для большей части пострадавшихъ очень скудно. Весьма многіе изъ жителей едва могли находить пропитаніе. Отецъ мой продавалъ послѣднія вещи за безцѣнокъ, чтобы сколько нибудь обстроиться; онъ, съ горемъ пополамъ, покрылъ свой погребъ и провелъ съ семействомъ зиму въ

этомъ сыромъ подземельѣ; не умѣлъ перенести своего несчастія и умеръ отъ печали [1]).

Улучшеніе города. Послѣ губительнаго пожара въ 1811 г. Подолъ представлялъ обширное и печальное пожарище, покрытое пепломъ и грудами кирпичей; изрѣдка торчали каменныя стѣны и печныя трубы, неуспѣвшія обрушиться. Жестокій Батый не могъ бы сдѣлать большаго опустошенія. Старый Кіевъ, окруженный древними валами, кромѣ святыхъ обителей и двухъ-трехъ церквей, заключалъ въ себѣ нестройное сборище хижинъ и лачугъ; самый Печерскъ былъ похожъ на уѣздный городъ. Кратко, Кіевъ представлялъ видъ жалкій; къ тому же вскорости открылась отечественная война 1812 г., требовавшая многихъ жертвъ. При такихъ обстоятельствахъ городъ не могъ скоро изгладить безчисленныхъ потерь своихъ и поправлялся сначала чрезвычайно медленно; однако съ 1815 по 1830 г. сталъ улучшаться. Придерживаясь порядка прошедшихъ годовъ, намъ остается упомянуть о важнѣйшихъ событіяхъ и перемѣнахъ:

Въ 1812 г. утвержденъ планъ для Кіево-Подола. Въ этомъ же году распланировано опустошенное мѣсто и разставлены вѣхи, для означенія кварталовъ и улицъ. Работу эту производилъ Кіевскій градской архитекторъ, онъ же и землемѣръ, Меленскій, (умеръ въ 1834 г.). Въ этомъ же году открыта на Кловѣ *Кіевская Вышняя Гимназія*, уставъ которой утвержденъ 13 октября 1811 г.

Въ 1813 г. Великая Княгиня Екатерина Павловна, въ проѣздъ свой черезъ Кіевъ, посѣтивъ Лавру 25 марта, пожаловала для образа Успенія Божіей Матери большой аметистъ въ золотой оправѣ, осыпанный бриллiянтами, который въ 1823 г. и прикрѣпленъ въ вѣнецъ Бого-Отца на той иконѣ.

Въ 1816 г., сентября 7-го числа, въ 6-ть часовъ по полудни, въ Кіевъ прибылъ Государь Императоръ Александръ I. При звонѣ колоколовъ и при многочисленномъ стеченіи народа прежде всего онъ посѣтилъ Печерскую Лавру, гдѣ у Святыхъ Вратъ встрѣченъ былъ митрополитомъ

[1]) Г. Аскоченскій, въ своемъ Кіевѣ, на стр. 463, выставилъ цыфру 8 (*восемь*), и чтобы показать, что это не опечатка, прибавилъ: *въ день Казанскія Божія Матери;* но показаніе это ошибочно, потому что 1) число 9 (*девять*) поставлено въ Описаніи К. Софійск. собора преосв. Евгенія, стр. 290, а за нимъ и въ Исторіи К. Академіи преосв Макарія, стр. 122. 2) Въ журналѣ *Улей*, выходившемъ въ 1811 г., Ч. 2. на стр. 146 помѣщены стихи со слѣдующею надписью: *На пожаръ въ Кіевѣ* 9-го (девятаго) *іюля* 1811 *года, начавшійся съ перваго часа полдня и продолжавшійся до ночи.* 3) Намъ случалось видѣть нѣсколько отмѣтокъ, сдѣланныхъ Кіевлянами въ *Святцахъ* противъ 9-го числа іюля: *Въ сей день Кіевоподолъ погорѣлъ.* Слѣдовательно 9-го числа, въ день Священномученика Пагкратія. Въ упомянутыхъ стихахъ, помѣщенныхъ въ журн. *Улей*, сказано, что пожаръ начался отъ *Крещатика*, и что тогда сгорѣло и *Городское училище.* Далѣе г. Аскоченскій пишетъ, что *чрезъ три часа на всемъ Подолѣ тлѣли только уголья отъ сгорѣвшихъ зданій.* Невѣроятно, чтобы тысяча домовъ могла такъ скоро сгорѣть. Впрочемъ замѣчательно свидѣтельство старожиловъ, что одинъ только Греческій Екатерининскій монастырь уцѣлѣлъ, обязанный своимъ спасеніемъ желѣзнымъ дверямъ и ставнямъ и благоразумной осторожности, не позволявшей принимать въ церковь вещей, таскаемыхъ изъ горѣвшихъ домовъ.

Серапіономъ Александровскимъ съ братіею, сопровожденъ въ церковь; а приложась ко иконѣ и мощамъ, отбылъ въ квартиру, назначенную въ домѣ Оболенскаго, близъ дворца.—8-го числа, въ 11-ть часовъ утра, Его Величество былъ въ Софійскомъ соборѣ. Встрѣченный у колокольни со всѣмъ бѣлымъ духовенствомъ, изволилъ онъ слушать литургію; по окончаніи которой, взойдя въ алтарь, разсматривалъ мозаику, гробъ Ярослава и архіерейскую ризницу; потомъ пошелъ въ покои митрополичьи и милостиво разговаривалъ съ митрополитомъ, сидя на одномъ диванѣ съ нимъ. Того же 8-го числа Государь, въ сопровожденіи Князя Волконскаго, посѣтилъ лаврскаго схимника Вассіана и пробылъ у него отъ 8 до 12-ти часовъ вечера.—Сентября 9-го Александръ I опять посѣтилъ Печерскую обитель, осматривалъ все замѣчательное и ризницу; въ обѣихъ пещерахъ прикладывался къ мощамъ святымъ, и при выходѣ пожаловалъ на обѣ пещеры по сту червонцевъ; обозрѣвалъ обрушивающуюся на дальнихъ пещерахъ гору, повелѣлъ для укрѣпленія ея сдѣлать смѣту, и того же дня, въ два часа по полудни, принялъ отъ митрополита съ братіею просфоры и нѣсколько книгъ лаврской печати.—10-го числа слушалъ обѣдню, которую служилъ митрополитъ, съ обрядомъ и пѣніемъ монахами, по-чину лаврскому, а послѣ былъ на покояхъ настоятельскихъ и пригласилъ владыку къ обѣденному столу. Того же дня, вечеромъ, велѣлъ къ себѣ явиться намѣстнику лаврскому, іеромонаху Антонію Смирницкому, и собственными руками возложилъ на него бриллiантовый крестъ, а таковой же точно другой повелѣлъ намѣстнику возложить на схимника Вассіана.—11-го числа, по утру, присланы митрополиту бриллiантовыя знаки Св. Апостола Андрея, а вечеромъ поздо прислана въ Лавру бриллiантовая, высокой работы и цѣны, панагія. Того же дня, въ 5 часу по полудни, Государь изволилъ удостоить своимъ посѣщеніемъ Братскій монастырь и Академію; сначала былъ въ большой церкви, потомъ въ академическомъ залѣ, во всѣхъ нижнихъ классахъ, въ церкви, что въ трапезѣ и въ библіотекѣ; намѣревался быть и въ Бурсѣ, но сильный дождь помѣшалъ.—Сентября 12-го Императоръ слушалъ литургію въ пещерѣ, близъ гроба Преп. Антонія, которую отправлялъ намѣстникъ съ протодіакономъ и придворными пѣвчими. Послѣ обѣдни Государь удостоилъ посѣщеніемъ начальника пещеръ, Филарета, и тутъ сказалъ, что столь красиваго и пріятнаго мѣстоположенія, какъ Кіевское, еще нигдѣ не видалъ, и что въ маѣ будущаго года намѣревается посѣтить Кіевъ и провести въ немъ цѣлый мѣсяцъ. Изъ пещеры Государь зашелъ въ великую лаврскую церковь и, приложась къ Святынѣ въ оной, принялъ икону Св. Антонія и Θеодосія. Вышедши за Святыя Врата, сѣлъ въ коляску и отправился по дорогѣ къ Бѣлой Церкви. [1])

Императоръ Александръ I, во время пребыванія своего въ Кіевѣ,

[1]) См. Письмо іеромонаха Антонія Смирницкаго, бывшаго потомъ архіепископомъ Воронежскимъ, въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. Россійск. 1861 г.

удостоилъ посѣщеніемъ балъ, который давало дворянство въ зданіи, носившемъ надпись Dworźańska Kommissia [1]); на этомъ мѣстѣ находится теперь Контора Государственнаго Банка. Предъ окнами Дворянской Коммиссіи на Ивановской (теперь Институтской) улицѣ былъ поставленъ большой щитъ съ тремя прозрачными картинами; а на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ латинскій костелъ, была иллюминація въ видѣ тріумфальныхъ воротъ, которыя, въ этомъ отдаленіи, казалось состояли изъ мерцающихъ звѣздъ. Мы хорошо помнимъ, что погода была тогда теплая, пріятная и ночь самая прелестная. Передъ домомъ, гдѣ давали балъ, стеченіе народа было невелико.

Въ 1819 г., отъ 17 по 19-е число мая пребывалъ въ Кіевѣ Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Въ 1827 г. Высочайшимъ указомъ, отъ 2 декабря, воспрещено Евреямъ имѣть постоянное жительство въ Кіевѣ. Но запрещеніе это въ послѣдствіи смягчено.

Въ 1828 г., сентября 17-го числа, посѣтила Кіевъ Императрица Александра Θеодоровна съ Великою Княжною Маріею Николаевною.

Въ 1829 г., іюня 23 числа, въ половинѣ девятаго часа по полудни, древній Кіевъ увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ Императора Николая I. По обыкновенію предковъ, прежде всего Государь посѣтилъ Печерскую обитель, гдѣ встрѣченъ былъ у Святыхъ Вратъ въ полномъ облаченіи митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, викаріемъ его, архіереемъ Кирилломъ Куницкимъ съ лаврскою братіею, вмѣстѣ съ военными и гражданскими чиновниками, при великомъ стеченіи народа. Поклонясь Печерской Святынѣ, Государь остановился въ домѣ Генералъ-Губернатора на Кловѣ, въ Липкахъ, предъ окнами коего устроена была иллюминація съ транспарантнымъ вензелемъ Его Величества. На другой день, 24 числа, въ 9 часовъ утра, представлялись Императору генералы и полковые командиры, также гражданскіе чиновники, дворянство и Кіевскій войтъ съ гражданами и купечествомъ, которые, при этомъ случаѣ, поднесли хлѣбъ-соль. Въ 10 часовъ Государь слушалъ въ Софійскомъ соборѣ литургію, совершенную митрополитомъ Евгеніемъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи Его Величество прикладывался къ мощамъ, тамъ почивающимъ, осматривалъ древнюю мозаику и гробъ Великаго Князя Ярослава, строителя этого собора; тутъ же представлялось ему главное духовенство. По выѣздѣ изъ Софійскаго собора Императоръ, въ сопровожденіи митрополита, опять посѣтилъ Печерскую Лавру и былъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ для поклоненія Печерскимъ угодникамъ. Въ тотъ же день, въ 4 часа по полудни, прибылъ въ Кіевъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

[1]) Со словъ И. И. Рушковскаго, который былъ тогда секретаремъ Дворянскаго Депутатскаго Собранія, Г. Аскоченскій пишетъ: На этомъ балѣ одна изъ дамъ, кажется, графиня Браницкая, просила у Государя позволенія взять одно перо изъ султана его шляпы. Когда получено было на это Высочайшее согласіе, то минуты черезъ двѣ не осталось у шляпы ни одного пера. Т. II. прим. 467.

Въ 6 часовъ вечера Императоръ съ Великимъ Княземъ осматривалъ Лейбъ-гвардіи 2-й сводный баталіонъ, слѣдовавшій изъ С. Петербурга въ Тульчинъ и 18 баталіоновъ пѣхоты резервныхъ войскъ, съ артиллеріею.

На слѣдующее утро, въ день рожденія Государя Императора, 25-го іюня, получено было съ фельдъегеромъ изъ дѣйствующей арміи отъ Главнокомандующаго, графа Дибича донесеніе о взятіи крѣпости Силистріи, которая 18 іюня сдалась безусловно; приэтомъ, въ числѣ прочихъ трофеевъ, досталось въ руки побѣдителей 250 непріятельскихъ пушекъ, болѣе 80 знаменъ, флотилія, множество припасовъ и весь гарнизонъ, изъ десяти тысячъ человѣкъ состоящій. Вскорости вѣсть эта разнеслась по городу и огромное число народа ожидало выходъ Государя, чтобы привѣтствовать его громогласнымъ *ура*! Послѣ развода, бывшаго на дворцовой площади и состоявшаго изъ резервныхъ баталіоновъ 5-го пѣхотнаго корпуса, Государь слушалъ въ 10 часовъ утра обѣдню въ церкви Св. Апостола Андрея первозваннаго; потомъ съ паперти этой прекрасной церкви осматривалъ стелющійся внизу обширный Кіевоподолъ. Оттуда Государь отправился въ Михайловскій монастырь для поклоненія мощамъ Св. великомученицы Варвары, гдѣ встрѣченъ былъ викаріемъ Кирилломъ съ братіею. Въ часъ по полудни, по Высочайшему назначенію, въ присутствіи Государя Императора, Великаго Князя и генералитета митрополитъ Евгеній, съ викарнымъ архіереемъ и всѣмъ городскимъ духовенствомъ, совершилъ благодарственный молебенъ; при пѣніи многолѣтія Императору и всей Императорской фамиліи произведена была пушечная пальба на валахъ близъ Софійскаго собора и съ бастіоновъ Печерской крѣпости. Въ слѣдствіе сего торжества Императоръ Николай, на имя Кіевскаго Военнаго Губернатора Желтухина, оставилъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ: „Сего мѣсяца, 25 числа получено Мною въ Кіевѣ извѣстіе о покореніи крѣпости Силистріи. Желая сохранить городу Кіеву памятникъ сего важнаго событія, назначаю оному одинъ изъ ключей покоренной крѣпости и три знамя, изъ числа взятыхъ при семъ случаѣ храбрыми нашими войсками, повелѣвая хранить сіи трофеи побѣды въ соборномъ храмѣ Св. Софіи, въ коемъ Мною принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе за сей новый и блистательный успѣхъ, оружію Россійскому дарованный.“

Въ этотъ же день Магометане имѣли случай быть свидѣтелями великодушія Русскаго Монарха. Его Величество, осматривая крѣпостныя работы, производимыя плѣнными Турками, далъ повелѣніе: избрать изъ числа ихъ 200 человѣкъ старшихъ и имѣющихъ семейства и отправить въ отечество ихъ. За тѣмъ, послѣ обѣденнаго стола, въ четыре часа по полудни, Государь изволилъ предпринять путь изъ Кіева по тракту къ городу Козельцу, а на слѣдующій день Великій Князь Михаилъ Павловичъ выѣхалъ по дорогѣ къ Бѣлой церкви.—О посѣщеніи Кіева Высочайшими особами см. Описаніе Кіевопечерск. Лавры преосв. Евгенія стр. 92 и др. Кромѣ того статью о ключѣ покоренной крѣ-

пости Силистріи и о трехъ знаменахъ, хранящихся въ Софійскомъ храмѣ, помѣстилъ въ Кіевс. губерн. вѣдом. 1853 г. П. Киселевскій. Статья эта перепечатана того же года въ Русскомъ Инвалидѣ. Находясь въ то время въ Кіевѣ, я былъ также очевидцемъ этого событія, замѣчательнаго для исторіи древлепрестольнаго града.

Новѣйшее состояніе Кіева отъ 1830 по 1865-й годъ.—Слѣдя за всѣми перемѣнами этого города въ продолженіи 197 лѣтъ, протекшихъ отъ возвращенія его подъ Россійскую державу, нельзя не замѣтить, что временемъ наибольшаго преобразованія его было царствованіе Государя Императора Николая I. Главнѣйшія перемѣны и произшествія, за послѣднее время, суть слѣдующія:

Въ 1830 г. началось распространеніе Кіевской крѣпости. Проэктъ колосальнаго укрѣпленія обнялъ собою весь Печерскъ; частные дома, по уплатѣ казною стоимости, предназначены къ сломкѣ, и сверхъ того домовладѣльцамъ для новыхъ построекъ отведены мѣста близъ протока Лыбеди. Съ этого времени возникла новая часть города — Лыбедская. Говоря объ этомъ укрѣпленіи, нельзя не упомянуть о слѣдующемъ обстоятельствѣ: Еще съ 1816 г., или со времени посѣщенія Кіева Императоромъ Александромъ I, между жителями распространился слухъ, что правительство наше намѣревается выстроить на Печерскѣ огромную крѣпость. Слухъ этотъ по временамъ совсѣмъ затихалъ, но онъ немогъ самъ собою возникнуть, и очевидно доказываетъ, что правительство съ 1812 г. уже признало Кіевъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, въ случаѣ враждебнаго вторженія въ наши предѣлы съ западной границы. Предположеніе это начало однакожъ сбываться только въ 1830 году, въ которомъ назначенъ генералъ-губернаторомъ генералъ-лейтенантъ Княжнинъ.

Въ 1831 г. продолжалась постройка крѣпости; открытъ при гимназіи Благородный Пансіонъ.—Того же года, въ первый разъ появившаяся во многихъ мѣстахъ Россіи страшная болѣзнь Холера, проникла въ Кіевъ и произвела великое опустошеніе.

Въ 1832 г. произведены нѣкоторыя передѣлки въ Государевомъ Саду; но особенныхъ улучшеній—какъ объ этомъ писали—не замѣтно было; напротивъ того всѣ лѣстницы, облегчавшія ходы въ этомъ саду, согнили или истреблены и вся мѣстность въ 1864 г, выключая скороспѣлаго château de fleurs, находилась въ запустѣніи.—Въ томъ же 1832 г. переведена окончательно изъ Могилева главная квартира первой арміи. Съ прибытіемъ главнаго штаба, генералитета, интендантства, аудиторіата и прочихъ Коммиссій, Кіевъ получилъ новую жизнь, которую наиболѣе разнообразятъ квартированіе полковъ, собраніе войскъ на смотры, неоднократное посѣщеніе Монарха и всей Царской фамиліи.

Въ 1833 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ графъ Василій Васильевичъ Левашевъ. По распоряженію его распланировано въ дворцовой части урочище *Кловъ* или *Липки*; отмежеванныя мѣста назначены подъ постройку частныхъ домовъ, и вскорѣ явились деревянныя, и при-

томъ незавидныя строенія. По этому обстоятельству истреблена старинная липовая роща, бывшая великолѣпнымъ украшеніемъ Кіева.

1834-й годъ замѣчателенъ для исторіи древлепрестольнаго града важными и благодѣтельными событіями: января 7 утверждено положеніе объ устройствѣ Кіева, имѣвшее цѣлію украшеніе города правильными и прочными зданіями, исправнымъ состояніемъ домовъ, заборовъ, мостовъ, публичныхъ зданій, садовъ и проч. Въ это же время отмѣнены парады, или такъ называемыя *церемоніи*, происходившія при освященіи воды каждаго 1-го августа.—Февраля, 15-го дня, преобразована Гимназія по новому уставу 1828 года, и заведенъ второй Благородный пансіонъ на Подолѣ; а іюля 15 дня „въ память Великаго Просвѣтителя Россіи" открытъ Университетъ Св. Владиміра, первоначально для двухъ факультетовъ: философскаго и юридическаго. Въ этомъ же году образовалось акціонерное общество для приготовленія въ Кіевѣ искусственныхъ минеральныхъ водъ.

Въ 1835 г. Именнымъ указомъ прекращено дѣйствіе Магдебургскаго Права въ Кіевѣ и повелѣно руководствоваться Правами Великорусскихъ городовъ (Городовое Положеніе). Указомъ отъ 8-го марта уволены отъ платежа податей на три года поселившіеся купцы и выстроившіе домы; торговля получила новое развитіе и привлекла даже нѣсколько иностранцевъ.

Въ 1837 г. планированіе распространилось и на древніе валы Стараго Кіева, гдѣ проведены новыя улицы; отчего эта часть города начала совершенно измѣняться. Лыбедская часть между тѣмъ все болѣе населялась; возведены огромныя казармы и госпиталь; марта 17 дня учрежденъ при Университетѣ Св. Владиміра Музей Древностей, а въ 31 день іюля совершена торжественная закладка университетскаго зданія между Старымъ Городомъ и урочищемъ *Паньковщиною*, или за *старымъ Нѣмецкимъ кладбищемъ*—какъ выражались старожилы.—Въ этомъ же году, 23 февраля, скончался митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, незабвенный по своимъ сочиненіямъ, касательно отечественной Исторіи. Тѣло его погребено въ Софійскомъ храмѣ, въ сѣверозападномъ придѣлѣ Срѣтенія Господня, (что близъ сѣвернаго входа на хоры), за правымъ клиросомъ. Въ маѣ назначенъ Кіевскимъ митрополитомъ Филаретъ Раичъ-Амфитеатровъ, бывшій дотого Ярославскимъ архіепископомъ.

Въ 1838 г. послѣдовало открытіе Института Благородныхъ Дѣвицъ, помѣщавшагося первоначально въ домѣ Фельдмаршала Сакена.

Въ 1839 г. начата обдѣлка Александровской горы. Въ маѣ мѣсяцѣ сего года необыкновенный дождь произвелъ въ Кіевѣ страшное опустошеніе; очевидцы разсказываютъ, что въ продолженіи цѣлаго дня, 25-го мая, былъ проливной дождь съ громомъ и молніею; 26-го же дождь шелъ еще сильнѣе, и въ два часа наполнилъ водою всѣ улицы и канавы, находящіяся по обѣимъ сторонамъ. Съ Печерскихъ и Старокіевскихъ горъ текла вода съ чрезвычайною стремительностію въ улицу Крещатицкую и поднялась тамъ отъ бывшаго дома театральнаго

(ниже латинскаго костела, гдѣ теперь домъ Гудимы-Левковича) до почтовой Конторы на $3^1/_2$ аршина, наполнила 18 частныхъ домовъ съ обѣихъ сторонъ улицы и нанесла великое количество земли во дворы. Начальство немедленно предприняло нужныя мѣры для проведенія воды по направленію отъ Государева Сада до Лыбеди; и едва это привели въ дѣйствіе, какъ вода сильно устремилась, повалила заборы, понесла съ собою балки и все, что находилось на дворахъ. Накопленіе столь великой массы воды произошло съ удивительною скоростію, и двѣ женщины, находившіяся въ нижнемъ этажѣ и не успѣвшія удалиться оттуда, сдѣлались жертвою этой стихіи. Вообще всѣ хозяева затопленныхъ домовъ потерпѣли значительный убытокъ; много вещей и запасу испорчено, или унесено, многіе домы повреждены На почтовой станціи, (бывшей въ концѣ Крещатицкой улицы) 4 лошади потонули; много почтовыхъ повозокъ, саней, збруи и сѣна снесено водою. Въ прочихъ домахъ спасены всѣ люди. Въ Печерской части, ниже Военнаго Госпиталя, подмыто и опрокинуто 12 деревянныхъ домовъ, при чемъ однакожь никто не погибъ На Подолѣ обрушилась часть Андреевской горы, раздробила одинъ домъ, находившійся у подошвы этой горы и умертвила одну, жившую въ этомъ домѣ, мѣщанку. Въ Плоской части было затоплено 107 домовъ до значительной высоты. Почти во всѣхъ улицахъ города повреждены мостовыя, тротуары и заборы; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода съ разныхъ мѣстъ скоплялась, образовались глубокія ямы. Крещатицкій съѣздъ съ Печерска на Подолъ оказался столь поврежденнымъ, что съ великимъ трудомъ можно было по немъ ѣздить. Мосты черезъ каналы снесены, или значительно разрушены. Лыбедская гать, на Васильковской почтовой дорогѣ, въ двухъ мѣстахъ прорвана; многія находящіяся тамъ мельницы были частію разорены и снесены, частію весьма повреждены. Кирпичный заводъ, принадлежащій Приказу Общественнаго Призрѣнія, потерпѣлъ значительное повреждeніе. Даже старожилы Кіевскіе не запомнятъ такого дождя и подобнаго наводненія [1]).

Въ 1840 г. Высочайше повелѣно Кіевскую губернію, какъ издревле Русскую по происхожденію, правамъ и навыкамъ, подчинить вполнѣ силѣ и дѣйствію общихъ Русскихъ гражданскихъ законовъ.—Устроенъ булеваръ вдоль канала, отдѣляющаго Подольскую отъ Плоской части.

Въ 1842 г. окончена и освящена Десятинная церковь.—На Днѣпрѣ появились два парохода.

Въ 1843 г. сдѣлано открытіе древнихъ Фресковъ въ Софійскомъ соборѣ.

Въ 1844 г., весною, вода въ Днѣпрѣ возвысилась до четырехъ аршинъ и, выступивъ изъ береговъ, затопила въ Плоской части города 215 домовъ.

Въ 1845 г. разливъ Днѣпра былъ необыкновенно силенъ; вода под-

[1]) St. Petersburgische Zeitung. 1839, № 128.

нялась выше обыкновеннаго уровня на десять аршинъ, затопила всѣ прибережныя строенія, лавки, магазины Подола и два квартала Плоской части; на этомъ пространствѣ 77 домовъ совершенно разломало и разнесло водою, а 451 домъ значительно повредило. Съ этой поры тамошніе владѣльцы домовъ, подвергавшихся наводненіямъ, стали переноситься на другія два мѣста: одно — съ сѣверной стороны Стараго Кіева, около Житомирской дороги, другое—за Плоскою частію, на возвышенности, между Кирилловскими богоугодными заведеніями и Куреневскимъ предмѣстьемъ. На обѣихъ этихъ мѣстностяхъ образовались новые кварталы съ правильными улицами и въ настоящее время они быстро наполняются новыми и перенесенными съ Подола частными домами, принадлежащими большею частію небогатымъ мѣщанамъ [1]) Въ этомъ же году произошло окончательное открытіе Софійскихъ Фресковъ по всему Собору.

Въ 1847 г., во время всеобщей эпидеміи въ Южной Россіи, изъ 1680 заболѣвшихъ холерою въ Кіевѣ по 17 ноября, день ея прекращенія, умерло 990, а выздоровѣло 690 человѣкъ; и такъ изъ 30 заболѣвшихъ сдѣлалось 17-ть жертвою холеры. [2])

Въ 1848 г въ продолженіи 4 и 5 іюля, лили сильные дожди, сопровождавшіеся необыкновено порывистымъ вѣтромъ; со многихъ домовъ снесены были крыши, множество деревьевъ вырвано было съ корнями, повалены заборы, и наконецъ Крещатицкая улица, лежащая въ удоліи между Печерскою и Старокіевскою возвышенностями, дотого наполнилась водою, что между домами прервалось всякое сообщеніе; вода стояла въ полроста человѣческаго [3]).—Въ этомъ году началось возобновленіе Софійскихъ Фресковъ; а 30 августа заложенъ на Днѣпрѣ постоянный Цѣпной Мостъ.

Въ 1849 г. непрерывно продолжалась постройка громадныхъ укрѣпленій на Печерскѣ —На оконечности Александровской горы, противъ воротъ гостинницы Михайловскаго монастыря, надъ Крещатицкимъ спускомъ, поставленъ гранитный пьедесталъ, въ родѣ памятника; въ углубленіи его, на толстомъ желѣзномъ листѣ, накладными мѣдными буквами означено: „*Обдѣлка горы окончена 1849.*“ Буквы эти въ 1864 г. почти всѣ уже вырваны, остались только тусклые слѣды ихъ, и листъ погнутъ.—Въ это же время укрѣплена часть откосовъ Андреевской горы; но всѣ эти укрѣпленія, по свойству грунта Кіевскихъ горъ, неблагонадежны; они требуютъ постояннаго вниманія и усилій.—Въ Шулявщинѣ начата постройка огромнаго и красиваго зданія для помѣщенія Кадетскаго Корпуса.—Этотъ годъ также не прошелъ безъ сильной бури: Іюня 6 дня, около 6-ти часовъ вечера по полудни она разразилась надъ городомъ внезапно и промчалась въ нѣсколько минутъ отъ югозапада къ сѣверовостоку. При увеличивающемся сильномъ вѣтрѣ образовалось море пыли, заслонившее не только облака, но и самые близ-

[1]) Журавскій. Т. I стр 329. [2]) Кіев. губер Вѣдом. [3]) Кіев губ Вѣд.

кіе предметы. Эта страшная картина продолжалась до 25 минутъ. Но мало по малу вѣтеръ началъ утихать, загремѣлъ оглушительный громъ, полился сильный дождь и сквозь черныя облака засверкала ослѣпительная молнія. Послѣ дождя термометръ упалъ съ 25 градусовъ на 10. Слѣдствіемъ бури были значительныя поврежденія многихъ общественныхъ и частныхъ зданій, какъ то: съ церкви Трехъ Святителей сорванъ куполъ, у Присутственныхъ мѣстъ, (бывшихъ тогда еще на Дворцовой площади, близъ Государева Сада), разрушена каменная ограда, въ Университетѣ сорвана часть кровли, занесены многія суда на Днѣпрѣ; на частныхъ домахъ сорвало множество желѣзныхъ и деревянныхъ крышъ, обрушило весьма много заборовъ и воротъ, вырвало съ корнями и поломало много деревъ, особено въ Шулявской рощѣ. Накапунѣ этого дня воздухъ былъ чрезвычайно теплый и даже удушливый [1]).

Въ 1852 г. посѣтилъ Кіевъ Государь Императоръ Александръ II, бывши еще Наслѣдникомъ престола.—Открыта была первая Выставка сельскихъ произведеній въ Контрактовомъ домѣ.—Начато устроеніе *Спуска* отъ Военнаго собора къ Цѣпному Мосту.

Въ 1853 г. назначенъ генералъ губернаторомъ генералъ-лейтенантъ князь Иларіонъ Иларіоновичъ Васильчиковъ.—Освященъ Цѣпной Мостъ, оконченный въ этомъ году и открытъ памятникъ Великому Князю Владиміру, поставленный на уступѣ горы, ниже Михайловскаго монастыря, надъ Крещатицкимъ Спускомъ.—Позолочены главы на соборной церкви въ Братскомъ монастырѣ.—Изъ естественныхъ явленій замѣтимъ слѣдующее: февраля 14 дня, въ 3 часа по полудни была сильная буря, которая сорвала съ крючьевъ нѣсколько воротъ, повалила индѣ заборы и разбила ставнями множество стеколъ въ окнахъ, а на церкви Св. Архангела Михаила, что на Кожемякахъ, сорвала вѣтромъ крестъ. Въ Плоской части по 10-е марта затопило Днѣпромъ 50 домовъ; вода въ Днѣпрѣ возвысилась на 2 аршина 6 вершковъ. 12-го марта, въ 3 часа по полудни, пронеслась съ молніею громовая туча; раскаты ударовъ были довольно сильны. Это была самая ранняя гроза.—Съ 1831 г. въ третій разъ появилась холера въ Кіевѣ; заболѣло 1437 человѣкъ, выздоровѣло изъ нихъ 624, умерло 813.

Въ 1855 г. устроена набережная дорога отъ Неводницкой пристани къ Выдубицкому монастырю. Съ іюня по ноябрь свирѣпствовала въ четвертый разъ холера въ Кіевѣ.

Въ 1856 г. уничтожена была уже бóльшая часть древнихъ валовъ на Старомъ Кіевѣ, особенно внутреннія, и на нѣкоторыхъ разчищенныхъ мѣстахъ появились зданія. Окончена постройка новаго каменнаго Театра недалеко отъ Златыхъ Вратъ. Устроено посредствомъ электрическаго телеграфа сообщеніе съ Петербургомъ и Одессою.

[1]) Кіев. губ. Вѣд.

Въ 1857 г. іюня 16 открыта въ первый разъ лѣтняя ярмарка съ 15 іюня по 1-е іюля. Окончена и 4 августа освящена новая Лютеранская кирка. Переведена Первая Гимназія изъ помѣщенія, находящагося на Кловѣ, въ другое, которое временно было занято Владимірскимъ Кадетскимъ Корпусомъ, переведеннымъ 18-го августа въ новое зданіе, выстроенное въ Шулявщинѣ. Въ сентябрѣ учреждена была въ Кловскомъ дворцѣ вторая выставка сельскихъ произведеній.—Того же года, 21 сентября, древній Кіевъ осчастливленъ былъ посѣщеніемъ Императора Александра Николаевича и супруги Его, Императрицы Маріи Александровны. По этому случаю при въѣздѣ въ городъ, на Житомирскомъ шоссе выстроены деревянныя тріумфальныя ворота [1]). Въ присутствіи Его Величества открыты были 22 числа благотворительныя заведенія Княгини Васильчиковой.—Окончено постройкою зданіе Присутственныхъ мѣстъ на Старомъ Городѣ и освящено 1 ноября.—Скончался 21 декабря митрополитъ Филаретъ Раичъ-Амфитеатровъ. Тѣло его погребено въ церкви Ближнихъ пещеръ,

Въ 1858 г. назначенъ Кіевскимъ митрополитомъ Исидоръ, бывшій дотого экзархомъ Грузіи.—На счетъ Приказа Общественнаго Призрѣнія учрежденъ сиротскій домъ на 30 мальчиковъ и на 30 дѣвочекъ. Въ этомъ году зданіе Кловскаго дворца сильно пострадало отъ пожара.—Не смотря на повелѣніе, послѣдовавшее 30 лѣтъ тому назадъ, чтобы Жиды не имѣли постояннаго жительства въ Кіевѣ, этотъ изворотливый народъ, подъ разными предлогами, вновь съумѣлъ найти средства проникать въ нашъ древлепрестольный градъ. По уничтоженіи особыхъ постоялыхъ дворовъ, опредѣленныхъ для Евреевъ, позволено имъ останавливаться, для временнаго прожитія, въ частныхъ домахъ въ Плоской, Лыбедской и Подольской частяхъ и даже торговать на рынкахъ жизненными припасами. Это было, между прочимъ, поводомъ, что Жиды опять наводнили собою Кіевъ.

1859 г. въ сентябрѣ учреждено Фундуклеевское училище для приходящихъ дѣвицъ.—Вмѣсто упраздненной, въ прошломъ году, ветхой деревянной церкви Св. Троицы на Старомъ Кіевѣ, освящена новая, тоже деревянная, Троицкая церковь, находящаяся на Новомъ Строеніи.

Въ 1860 г. окончены обдѣлкою набережная на Подолѣ и спускъ отъ Военнаго собора на Печерскѣ къ цѣпному Николаевскому мосту. Освященіе этого спуска, начатаго въ 1852 году, происходило 20-го ноября.—Въ маѣ мѣсяцѣ, исполняя распоряженіе Кіевскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, побѣлить внутренность церкви бывшаго Кирилловскаго монастыря, работники нечаянно открыли замѣчательные Фрески на стѣнахъ этой древней церкви.—Съ 1-го іюля преосв. Исидоръ, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ С. Петербургскимъ митрополитомъ, а на его мѣсто поступилъ преосв. Арсеній Москвинъ, бывшій до того времени Варшавскимъ архіепископомъ.—Декабря, 1-го числа, открыта народная приходская школа въ предмѣстіи Куреневкѣ съ 15 учениками.

[1]) Кіев. Епарх. Вѣдом. 1865 г. № 18, стр. 697.

Въ 1861 г., января 21 числа, при церкви Св. Царя Константина на Подолѣ заведена школа для первоначальнаго обученія 30 учениковъ.— Апрѣля, 15 дня, совершено освященіе церкви при братской больницѣ Печерской Лавры. — Учреждено для публики, посредствомъ почтовыхъ экипажей, постоянное сообщеніе Кіева съ Петербургомъ. — Въ нововыстроенномъ зданіи въ оградѣ Софійскаго собора, октября 15 дня, послѣдовало открытіе училища для дѣвицъ духовнаго званія.

Въ 1862 г., кромѣ учрежденнаго сообщенія съ Петербургомъ, Почтовое вѣдомство начало съ 1-го января по два раза въ недѣлю отправлять почтовые экипажи между Кіевомъ и Москвою. — Въ этомъ году обновленъ на Крещатикѣ памятникъ, посвященный имени Св. Князя Владиміра и 15-го іюля совершенъ былъ торжественный крестный ходъ для освященія воды на Крещатицкомъ источникѣ. Въ тотъ же день заложенъ на шоссейномъ бульварѣ, противъ университетскаго сада, храмъ Св Владиміра; а 17-го іюля освящена выстроенная въ Вышгородѣ церковь во имя Святыхъ Князей, мучениковъ Бориса и Глѣба. — Того же года окончено шоссе по Глубочицѣ отъ новаго зданія Кадетскаго корпуса до Житнаго Торга и устроена на Кожемякахъ больница для Евреевъ на 20 кроватей; а въ Контрактовомъ Домѣ, на Подолѣ, открыта была Выставка сельскихъ и фабричныхъ произведеній. — Декабря, 6-го дня, назначенъ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Анненковъ 2-ой.

1863 г. — Расширеніе древней нашей столицы, постепенно продолжающееся съ 1830 г., потребовало постройки церквей въ мѣстахъ новаго заселенія, а измѣненіе плана самаго города сдѣлало излишними нѣкоторыя церкви въ прежнихъ мѣстностяхъ. Въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ открылась необходимость устроить новую церковь за бывшей Житомирской заставой, вмѣсто существующей нынѣ, ветхой и упраздняемой Вознесенской церкви на Кудрявцѣ. Закладка этого новаго храма, каменнаго, совершена 9-го мая. — Въ церкви Спаса на Берестовѣ удалось сдѣлать важное открытіе, и именно: по снятіи двухъ масляныхъ слоевъ позднѣйшей живописи, оказались древнѣйшія фресковыя изображенія. Они отличаются свѣтлымъ цвѣтомъ красокъ и особенною мягкостію тѣней. — Въ этомъ году произведены многія перестройки въ зданіи духовной Академіи, въ слѣдствіе которыхъ сдѣлается это помѣщеніе болѣе удобнымъ; а 22 сентября въ Училищѣ Дѣвицъ Духовнаго Званія, которое переведено съ августа въ зданіе Кловскаго Дворца, освящена во имя Св. Женъ Мироносицъ церковь, устроенная въ пространномъ залѣ и могущая для *Липокъ*, на нѣкоторое время, замѣнить приходскую, находящуюся отъ этой мѣстности въ отдаленіи. — Въ воскресенье, 3 ноября, освящена церковь вновь отстроеннаго, близъ старой Житомирской дороги, Тюремнаго За́мка; а 8-го числа того же мѣсяца происходило освященіе главнаго престола въ теплой церкви Братскаго монастыря, во имя Сошествія Св. Духа, которая изъ темной и мрачной теперь стала свѣтлою и благолѣпною. — По причинѣ смутъ и кра-

моль польскихъ въ этомъ году замѣтно было чрезвычайное уменьшеніе числа богомольцевъ. Къ праздникамъ Вознесенія и Троицы стекалось сюда въ иные годы до ста тысячъ человѣкъ; а лѣтомъ сего 1863 года едва насчитывали ихъ до десяти тысячъ [1]).

Въ 1864 г., февраля 16 дня, освящена вновь сооруженная церковь при генералъ-губернаторскомъ домѣ, во имя Святителя Христова Николая.—Іюля 15 числа, при Софійскомъ соборѣ, открыто Братство во имя Св. Князя Владиміра. Поводомъ къ возобновленію этого стариннаго обычая служили печальныя произшествія, возбужденныя польскимъ мятежемъ. При этомъ случаѣ мы считаемъ не лишнимъ бросить бѣглый взглядъ на происхожденіе церковныхъ братствъ въ югозападномъ Русскомъ краѣ. Паписты въ XVI вѣкѣ, не смотря на всѣ свои попытки, убѣдились, что имъ не легко пріобрѣтать прозелитовъ между Православными. Для достиженія своей цѣли они придумали Унію, какъ незамѣтное, по наружности, средство, оставляя Православныхъ при ихъ обрядахъ, навязать имъ главенство Папъ. Настало время тяжкой борьбы, многіе уступали силѣ; однако паписты находили измѣнниковъ Православію большею частію въ средѣ дворянства, или такъ называемаго рыцарства и шляхетства и даже духовенства; напротивъ того народъ *посполитый* молчалъ, терпѣлъ, но не сдавался и до позднѣйшихъ временъ удержалъ въ чистотѣ вѣру отцевъ своихъ. Нѣкоторые знатные люди, ратовавшіе за Православіе, вскорѣ увидѣли, что трудно бороться одинокимъ лицамъ; поэтому составляли общества для взаимной нравственной и матеріальной помощи. Вотъ происхожденіе церковныхъ братствъ. Не мѣсто здѣсь входить во всѣ подробности занятій и обязанностей, которыя принимали на себя *Братчики*, то есть члены сихъ благодѣтельныхъ обществъ; это можно видѣть изъ уставовъ многихъ старинныхъ братствъ, на примѣръ Львовскаго 1586 и 1590 г., Кіевскаго 1616 и 1620 г., Луцкаго 1617 и 1623 [См. Памятники, изданные времен. Коммиссіею. Кіевъ]. Довольно сказать, что въ бѣдственныя времена, когда все лучшее колебалось и отпадало, братства эти, вызванныя религіозными преслѣдованіями, были стражами и хранителями Православія. Съ возвращеніемъ югозападныхъ областей Россіи подъ власть Православныхъ Государей, правительство приняло на себя защиту народной вѣры; тогда главная задача братствъ исполнилась и они современемъ почти совсѣмъ прекратились. Но опасность для Православія не миновалась, враги его не дремали; не дерзая дѣйствовать открытою силою, они употребляли всѣ ухищренія ослабить Русскую вѣру и народность. И дѣйствительно польская пропаганда, по важнымъ политическимъ обстоятельствамъ, достигала того, что коренные Русскіе жители въ здѣшнемъ краѣ долго не могли пользоваться всѣми правами господствующаго народа. Враждебная латино-польская національность, глубоко вкоренившаяся въ здѣшнихъ областяхъ, сильно тяготѣла надъ Рус-

[1]) Кіев. Епар. Вѣд. 1863 г.

скимъ народонаселеніемъ. Отъ временъ Екатерины Великой до нашихъ дней испытаны были всѣ средства примиренія и обобщенія интересовъ Русскаго и польскаго населенія. Правительство желало побѣдить Поляковъ великодушіемъ; но враги нашей вѣры и народности никогда не признавали этого великодушія; напротивъ всегда платили неблагодарностію и измѣною. События 1794, 1812, 1831, 1845 и 1863 годовъ ясно показали, что только матеріяльная сила въ состояніи была обуздывать внутренняго врага нашего и дѣлать его для насъ безвреднымъ, но притомъ онъ постоянно сохранялъ всю живучесть ничѣмъ непримиримой злобы къ намъ. „Мы дошли—говоритъ одно почтенное лице—до грустнаго, глубокаго убѣжденія, что намъ данъ пакостникъ плоти, который можетъ быть обезсиливаемъ только благодатными силами нашей святой Православной вѣры.“ [1])

Въ октябрѣ сего 1864 года окончилось обновленіе духовной Академіи и того же мѣсяца въ обширномъ фундаментѣ церкви Св. Апостола Андрея первозваннаго освященъ устроенный храмъ во имя Св. Сергія, Радонежскаго чудотворца.

Въ заключеніе скажемъ, что погода этого лѣта была большею частію дождливая, пасмурная и холодная; но отъ этого обстоятельства не уменьшалось обыкновенное число путешественниковъ и богомольцевъ въ Кіевѣ.

Этимъ 1864 годомъ оканчиваемъ мы нашу Лѣтопись Кіева. Бросимъ общій взоръ на нынѣшнее положеніе его, которое въ новѣйшее время во многомъ перемѣнилось. Перемѣна эта высказывается тѣмъ ощутительнѣе, что мы не были постоянными свидѣтелями всѣхъ превращеній города, и что намъ удалось опять увидѣть родину по истеченіи тридцати пяти лѣтъ. Намъ часто говорили, что теперь Кіева узнать не можно. Ничего не бывало! Нѣкоторыя части города вновь заселены, другія перестроены, но общій характеръ этого города остался прежній. Тѣже очаровательныя горы, тѣже святыя, златоглавыя обители, тѣже благолѣпныя церкви, тотъ же благорастворенный, мягкій климатъ Южной Россіи, тѣже толпы усердныхъ богомольцевъ, тотъ же простодушный Малорусскій типъ главнаго народонаселенія и тѣже неугомонные Жиды, что были за 35 лѣтъ тому назадъ! Кратко, тотъ самый *вѣчный* Кіевъ, наша Roma aeterna!—Не станемъ упоминать о чувствахъ, съ какими мы вступили на родную почву; чувства эти не ложатся на бумагу. Старикъ Вигель, въ своихъ запискахъ, справедливо написалъ слѣдующее: „Кіевъ! При имени его бьется еще и понынѣ охладѣвшее мое сердце, воспоминанія о немъ еще и понынѣ способны изъ потухающихъ глазъ моихъ извлекать слезы. Въ теченіи всей жизни моей ничего прекраснѣе мнѣ не казалось, какъ первые предметы, которые въ немъ поражали младенческіе мои взоры.“—Въ сло-

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1864 г. стр. 592.

вахъ этихъ выражены и наши собственныя чувства. Но что касается до перестройки, то не совсѣмъ согласны съ мнѣніемъ тѣхъ, кои находятъ все это превосходнымъ. Кіевоподолъ дѣйствительно поправился и отстроился, особенно часть такъ называемая *за канавою*, гдѣ успѣли уже провести прямыя улицы. Но все еще Подолъ тонетъ въ своей бездонной грязи и горе пѣшеходу ходить по немощенымъ подольскимъ улицамъ въ дождливую погоду. Застроенъ вновь Крещатикъ, который весьма слабо напоминаетъ собою Кузнецкій Мостъ въ Москвѣ и составляетъ пародію на Невскій Проспектъ, если его нѣкоторые, въ своемъ увлеченіи, сравниваютъ съ этимъ перломъ Сѣверной Пальмиры. Старый Кіевъ—праматерь градовъ Русскихъ, колыбель могучаго Государства нашего—теперь вновь отстроенъ; посреди его, на площади, возвышается пространное зданіе присутственныхъ мѣстъ, проведены прямыя улицы и выстроены отчасти порядочные домы, но старые его валы срыты. Они были насыпаны по остаткамъ древнѣйшихъ укрѣпленій временъ Владимира Святаго, Ярослава, и ясно обозначали предѣлы первобытнаго *Града* и его Акрополиса. По этимъ остаткамъ можно было прослѣдить древнюю жизнь города, и потеря ихъ для изыскателей теперь ничѣмъ незамѣнима. Начиная отъ *Шулявщины* до *Сырца* было бы достаточно мѣста для расположенія новыхъ частей города, которыя находились бы притомъ вдали отъ возведенныхъ крѣпостныхъ зданій; между тѣмъ древніе окопы Стараго Кіева были бы сохранены для потомства.—Гдѣ теперь Боричевъ взвозъ? Онъ засыпанъ. Гдѣ Лядскія Врата, предъ коими Татары начали свой разрушительный приступъ? Гдѣ Батыевы, Кіевскія? Гдѣ мѣсто древнѣйшаго моста, ведшаго въ Кіевскій Кремль? Гдѣ мѣсто древняго спуска на Подолъ? Все это разрыто и изглажено! Потомство будетъ отыскивать историческія мѣста только по планамъ и преданіямъ. Для чего Златыя Врата не охраняются отъ непогодъ и преданы поруганію черни? Какое равнодушіе къ остаткамъ святой древности! Къ остаткамъ, которыхъ въ нашемъ отечествѣ такъ мало! Но и между новыми предметами что мы встрѣчаемъ? Что за идея подрыть и ослабить основаніе великолѣпной, единственной въ Россіи церкви Св. Апостола Андрея, на которую знатокъ и незнатокъ смотрятъ съ изумленіемъ и восхищеніемъ. Если она съ высоты своей рушится, что тогда? Для чего истреблена столѣтняя липовая роща на Кловѣ, служившая украшеніемъ этихъ мѣстъ? Развѣ для того, чтобы уступить мѣсто десятку незавидныхъ деревянныхъ домовъ, которые теперь величаютъ пышнымъ названіемъ *аристократической* части. Но къ чему безполезные вопросы и вопли?—Среди подобныхъ размышленій взоръ путника останавливается съ наслажденіемъ только на святыхъ обителяхъ Кіевскихъ, особенно на величественной Лаврѣ, составляющей истинную красу и вѣнецъ этого вѣчнаго труженика, многострадальнаго града.

Такъ протекло тысячелѣтіе. Герои, устрашавшіе гордую Византію, Законодате и, искусные Воеводы, могучіе Тіуны и шумный народъ

на торговыхъ площадяхъ—все изчезло! Отдаленные вѣка все покрыли таинственною завѣсою, сквозь которую только любознательное око съ трудомъ проникаетъ. Исторія, въ которой войны, къ стыду человѣчества, составляютъ любопытнѣйшую часть, самая Исторія не все описываетъ. Прошедшіе вѣка представили удивительный рядъ явленій, игру счастія и бѣдствій, примѣры великодушія и коварства. Милліоны лицъ выступали на сцену и дѣйствовали въ области Кіевской, но они преданы забвенію; между тѣмъ только нѣкоторыя имена убійцъ съ проклятіемъ и имена великодушныхъ людей съ удивленіемъ и благодарностію передаются изъ одного вѣка въ другой. Не цѣлая масса народа была причиною важныхъ обстоятельствъ политическихъ: они совершались по мановенію одного человѣка. Кіевъ озарился Религіею Христіанскою по убѣжденію Владиміра Святаго; Ярославъ I-й расширилъ и украсилъ сей городъ. Впрочемъ несчастіе, постигшее его, какъ и все Государство, произошло отъ собственной вины. Никогда не были бы страшны для Россіи Татары, еслибы не было несчастной системы Удѣловъ, гибельнаго образа престолонаслѣдія и отъ того кровопролитныхъ междоусобій. Князья теряли уваженіе, народъ сражался не за родину, самая любовь къ ней охладѣвала при безпрестанныхъ браняхъ и бѣдствіяхъ. Распри Удѣльныхъ Князей погубили Отечество! Батый только воспользовался случаемъ, наложилъ всеразрушающую руку на Кіевъ и стеръ его съ лица земли. Градъ сей населился вновь, ожилъ и нынѣ тихо цвѣтетъ, но къ несчастію, человѣчество идетъ къ лучшему состоянію обыкновенно путемъ тяжкаго испытанія. Предкамъ нашимъ дорого стоитъ возвратъ древней столицы и нынѣшнее оной благоденствіе! Кіевъ, болѣе двадцати разъ бывшій добычею пламени и столько же разъ осажденный, взятый приступомъ и разоренный, есть для насъ мѣсто классическое. Сколь много великихъ событій являлось въ стѣнахъ его, сколь много крови и слезъ пролито на землю эту! Теперь Кіевъ, какъ сѣдовласый старикъ, въ семьѣ Русскихъ городовъ, величественно возвышаетъ чело свое, увѣнчанное лаврами безсмертія и просіявшее лучами святости.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОПИСАНІЕ КІЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОПИСАНІЕ КІЕВА,

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ОБЩЕЕ ОПИСАНІЕ.

И рече Олегъ: Се буди мати градомъ рускимъ.

§ I. МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ГОРОДА.

РАЗСТОЯНІЕ, КЛИМАТЪ, ЕСТЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ, БОЛѢЗНИ.

1) Знаменитый въ свѣтѣ и древнѣйшій въ Россіи городъ, Кіевъ, находится въ Малороссіи, въ западной части ея, въ теперешней Кіевской губерніи, на правомъ берегу рѣки Днѣпра, почти на половинѣ теченія оной; подъ 50° 26′ и 10″ сѣверной широты и 48° 16′ и 33″ восточной долготы отъ перваго меридіана на островѣ Ферро. (Собственно Кіево-Печерская Лавра, по опредѣленію Г. Шуберта для Тригонометрической съемки въ 1842 г.). Кіевъ восточнѣе Петербурга на 0 ч. 0 м. 31 с. времени, или 0 гр. и почти 8 минутъ долготы. Должайшій день здѣсь бываетъ 16 часовъ 11 минутъ и 30 секундъ.

2) *Разстояніе* Кіева отъ нѣкоторыхъ главныхъ городовъ слѣдующее: отъ Архангельска 2092 версты, Астрахани 1764, Бродъ 438, Варшавы 819, Вильны 783, Воронежа 737, Екатеринослава 492, Житомира 148, Казани 1650, Каменецъ-Подольска 424, Кишенева 509, Курска 481, Москвы 871, Нижняго-Новгорода 1262, Новгорода 1125, Одессы 598, Орла 522, Полтавы 359, Пскова 1028, Радзивилова 437, Ревеля 1432, Риги 1119, С. Петербурга 1233, Саратова 1362, Симбирска 1608, Симферополя 816, Смоленска 605, Тамбова 1019, Твери 1028, Тулы 703, Харькова 499, Чернигова 153, Ярославля 1123.

3) *Климатъ* этого города, какъ и всей Малороссіи, по географической широтѣ своей, почитается умѣреннымъ, здоровымъ и благорастворенымъ; изобиліе плодовъ земныхъ и нѣкоторыхъ нѣжныхъ растеній служатъ тому доказательствомъ. Но старожилы увѣряютъ, что здѣшній климатъ, особен-

но съ 1812 г., значительно измѣнился и дѣлается годъ отъ году непостояннѣе. По словамъ ихъ, лѣтніе мѣсяцы бывали умѣренно жаркіе съ частыми дождями, а зимы не такъ холодны и продолжительны, какъ нынѣ. Въ продолженіи 26 лѣтъ (1824—1850 г.) наибольшее тепло термометръ Реомюра показывалъ 32 гр. въ тѣни, а холода 30. гр. Средняя температура лѣта +10 гр. а зимы — 8 гр. И такъ вообще средняя температура 5 гр. тепла. По тѣмъ же наблюденіямъ барометрическое состояніе воздуха было вообще довольно постоянное. Ртуть въ барометрѣ не поднималась выше 30 дюймовъ 47 линій, и не опускалась ниже 28 дюймовъ. Самая большая разность высоты барометра въ продолженіи цѣлаго 1844 года равнялась почти двумъ дюймамъ, собственно $1^{94}/_{100}$. Въ Кіевѣ большею частію дуютъ вѣтры западные; холодныхъ вѣтровъ нѣсколько больше, чѣмъ теплыхъ. Дожди выпадаютъ чаще около равноденствій; непрерывныхъ, на нѣсколько недѣль почти не бываетъ; но случаются лѣтомъ проливные съ грозою и бурею, на пр. 25 и 26 мая 1839 г. Самыя снѣжныя зимы были въ 1789, 1799, 1805, 1820, 1845 г. Но чаще случается недостатокъ въ снѣгѣ; въ иные зимы почти не бываетъ санной ѣзды; большіе холода градусовъ въ 15 или 20 долго не держатся; но и лѣто не отличается чрезмѣрнымъ зноемъ. Среднее число дней покрытія Днѣпра льдомъ за 46 лѣтъ простирается до ста дней; самое продолжительное замерзаніе рѣки было въ 1805 г. 153 дня; самое короткое въ 1822 г.—29 дней [1]).

4) *Естественныя произведенія.* Руководствуясь превосходнымъ Статистическимъ Описаніемъ Кіевской Губерніи, изданнымъ И. Фундуклеемъ, сообразно нашей цѣли, сообщаемъ слѣдующее: А) *Тѣла ископаемыя*: Кіевскія возвышенности состоятъ преимущественно изъ глины разнаго цвѣта и качества. По мѣстамъ находится песокъ различной величины, свойства и цвѣта; особенно славится чрезвычайно мелкій и бѣлый (чистый кварцъ), встрѣчающійся сравнительно въ небольшомъ количествѣ въ горахъ Стараго Кіева и Печерска. Кирпичная глина хорошаго качества находится въ крутомъ обрывѣ горъ, вдоль Плоской улицы, также за Печерской частію, на Звѣринцѣ и близъ устья Лыбеди. Но Межигорская глина еще лучше Кіевской: изъ нея приготовляется кирпичъ бѣложелтоватаго цвѣта, упорный противъ вліянія влажности. Горшечная и Фаянсовая глина въ изобиліи находится при устьѣ р. Лыбеди и въ Межигорьѣ; въ этихъ мѣстахъ попадается и чистая фарфоровая глина. Дикій камень близъ Кіева не встрѣчается; желѣзная руда является при источникахъ, просачивающихся изъ горъ, напр. у Крещатика, и по теченію своему оставляющихъ желтобурые слѣды. Б) *Растенія*: изъ огородныхъ хорошо растутъ и вызрѣваютъ дыни, арбузы, баклажины, кукуруза, цвѣтная капуста, лукъ пырей, силери, макъ. Картофель хорошо родится на поляхъ безъ удобренія. Изъ плодовыхъ деревьевъ замѣчательны яблоки, на которыя однакожъ часто

[1]) Журавскій. Стат. Опис. Кіевск. губер. Т. I. стр. 59 и другія.

бываетъ неурожай, успѣшнѣе растутъ груши, вишни, черешни и сливы весьма различныхъ сортовъ. Абрикосовыя (*Морели* по-здѣшнему) и персиковыя (Брусквины) деревья даютъ на вольномъ воздухѣ зрѣлые плоды, хотя и не отличнаго качества. Изъ ягодныхъ растенiй водворены разныя улучшенныя породы, извѣстныя здѣсь, для отличiя отъ обыкновенныхъ, подъ общимъ именемъ *Шпанскихъ*: малиновые кусты, черная смородина, крупная клубника, крыжовникъ дающiй большiя зеленыя ягоды. Плоды этихъ растенiй употребляются въ огромномъ количествѣ на приготовленiе извѣстнаго во всей Россiи Кiевскаго варенья. Пересаженныя изъ мѣстъ болѣе южныхъ въ Кiевѣ растутъ на открытомъ воздухѣ съ успѣхомъ табакъ, бѣлая сахарная свекловица, шелковичныя деревья, волошскiе (грецкiе) орѣхи, пирамидальные тополи, бѣлыя акацiи и даже виноградъ, но онъ не вызрѣваетъ и выходитъ всегда кислый. Многiе изъ фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ растутъ около Кiева по лѣсамъ въ дикомъ состоянiи, особенно груша, вишня, черешня, малина, черная смородина и т. п.; плоды ихъ мелкiе, однако могутъ быть употребляемы. Изъ лѣсныхъ породъ въ изобилiи произрастаютъ грабъ, липа, кленъ, чернокленъ, ясень, вязъ, береза, рябина, черемуха. По низменнымъ мѣстамъ попадаются ольха, ива и верба; по влажнымъ и песчанымъ растетъ во множествѣ красная лоза, называемая *шелюгою*. Камышъ, тростникъ втрѣчаются во множествѣ по озерамъ и болотамъ. Изъ травъ много есть лѣкарственныхъ и красильныхъ; словомъ растительность Кiева роскошна и великолѣпна. В) *Животныя* не представляютъ родовъ и видовъ, исключительно принадлежащихъ Кiевской губернiи: всѣ они находятся и въ смежныхъ съ нею мѣстахъ. Нѣкоторые изъ Кiевскихъ жителей утверждаютъ, что рыба водится въ Днѣпрѣ въ недостаточномъ количествѣ, но по Днѣпровскимъ заливамъ попадается множество различныхъ родовъ дикихъ птицъ, и охота за ними производится успѣшно.

5) *Болѣзни*. Изъ многолѣтнихъ наблюденiй оказывается, что въ Кiевѣ самую здоровую мѣстность представляютъ части Дворцовая, Лыбедская, и югозападная сторона Старо-Кiевской, словомъ, тѣ мѣста, которыя удалены отъ рѣки. Въ низменныхъ частяхъ на Подолѣ и Плоскомъ, подверженныхъ весеннему затопленiю, появляются часто лихорадки и даже тифъ. Въ этихъ мѣстахъ холера свирѣпствовала съ особенною силою. Въ недавнее время правительство обратило вниманiе медицинскаго факультета на изслѣдованiе, въ числѣ многихъ другихъ болѣзней, преобладающей въ Кiевѣ легочной чехотки и на изысканiе спасительныхъ средствъ противъ нея.

§ 2. въ политическомъ отношенiи.

До начала XVIII столѣтiя Кiевъ былъ управляемъ Воеводами, Окольничими и Стольниками. Петръ I-й учредилъ въ 1708 г. Кiевскую *Губернiю*, къ которой причислена была вся восточная Малороссiя и значительное пространство средней Россiи, всего 36 городовъ, а съ припи-

сными 56; но эта обширная губернія въ 1775 году была упразднена, и въ 1782 г. открыто *Намѣстничество*, къ которому причислено 11-ть, а потомъ 8 Малороссійскихъ уѣздовъ (повѣтовъ) по лѣвую сторону Днѣпра. Съ 1797 г. Намѣстничество переименовано опять въ Губернію, которая теперь состоитъ изъ 12 уѣздовъ, лежащихъ по правую сторону Днѣпра. Уѣзды сіи суть слѣдующіе: 1) Кіевъ, 2) Бердичевъ, разстояніемъ отъ Кіева 194 версты, 3) Васильковъ 37, 4) Звенигородка 190, 5) Каневъ 215, 6) Липовецъ 195, 7) Радомысль 96, 8) Сквира 118, 9) Тараща 121, 10) Умань 262, 11) Черкасы 295, и 12) Чигиринъ 251 верста.

§ 3. ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ГОРОДА.

Полицейское управленіе и Пожарная Команда.

Природа раздѣлила Кіевъ на три части: на *Старый Городъ* или *Старый Кіевъ*, *Печерскъ* и *Подолъ*. По полицейскому управленію Кіевъ раздѣляется (1837 г.) на шесть частей, какъ то; 1) Печерская, 2) Дворцовая, 3) Лыбедская, 4) Старокіевская, 5) Подольская, и 6) Плоская. Кварталы отдѣльныхъ частей съ 1860 г. суть: Куреневскій, отъ села Куреневки, и Звѣринецкій, отъ меньшей крѣпости на Печерскѣ.—*Первую Часть* занимаетъ расположенный на возвышенности Печерскъ съ предмѣстіемъ Звѣринцемъ и крѣпостію, до Государева Дворца и Клова. *Вторая*, Дворцовая, составляющая продолженіе Печерскихъ Горъ, заключаетъ въ въ себѣ Государевъ Дворецъ, Кловъ и Крещатикъ; эта часть, кромѣ Государева и Кловскаго Дворцовъ, начала застроиваться съ 1790 г., по плану Кіева, утвержденному Императрицею Екатериною 1787 г. *Третья*, Лыбедская, между Лыбедью и Старымъ Кіевомъ, образовалась съ 1834 г., когда жителямъ Печерска повелѣно переносить свои домы на это мѣсто; сюда перенесена также и деревянная Владимірская церковь. Къ *четвертой* причисляется, основанный на горѣ, Старый Кіевъ и Подольское между горами удоліе горшечниковъ и кожевниковъ, или по нарѣчію Малороссіянъ: *Гончари* и *Кожемяки* до горы Скавики. *Пятая* часть занимаетъ низменный Кіево-Подолъ, до канала, проведеннаго отъ Глубочицы до Днѣпра; прочее пространство или Плоское съ Кирилловскимъ монастыремъ составляетъ *шестую* Часть. Каждая изъ этихъ частей раздѣлена на два квартала; къ 6-й причисляются еще два особенные квартала, какъ то: села Преварка, Куреневка и Сырецъ; предмѣстія эти причислены къ городу въ 1834 году. Полицейское управленіе города ввѣрено *старшему полиціймейстеру*, а производство полицейскихъ дѣлъ сосредоточено въ *Градской Полиціи*, которая помѣщается въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на Старомъ Городѣ. Дѣлами завѣдываетъ *младшій* полиціймейстеръ.

Пожарная Команда устроена при Полиціи. Главная каланча каменная, возвышается надъ зданіемъ Старокіевской Части, находящейся въ связи съ Присутственными мѣстами. Вторая каланча на Старокіевскомъ валу, надъ Крещатицкою улицею, близъ Почтоваго Отдѣленія, третья

тоже на валу, близъ церкви Трехъ Святителей, четвертая при Дворцовой, пятая при Печерской и шестая при Подольской Частяхъ. Кромѣ главной, всѣ эти каланчи деревянныя, изъ предосторожности подпертыя огромными, длинными балками. — Пожарные сигнали днемъ даются черными шарами и накрестъ сложенными досками, а ночью, вмѣсто шаровъ — бѣлыми фонарями, а вмѣсто досокъ — зелеными фонарями. Сигналы эти расположены такимъ образомъ.

1.	Печерская ч.	O
2.	Лыбедская ч.	O-O
3.	Дворцовая ч.	O-O-O
4.	Старо-кіев. ч.	O-O-O-O
5.	Подольская, ч.	O-X-O-O
6.	Плоская ч.	O-O-X-O
7.	Куреневск. кв.	O-X
8.	Звѣринецк. кв.	X-O

§ 4. СТАТИСТИКА ГОРОДА КІЕВА.

А) ПРОСТРАНСТВО, Б) ЗДАНІЯ, В) ЖИТЕЛИ, Г) КВАРТИРУЮЩІЯ ВОЙСКА, Д) БОГОМОЛЬЦЫ, Е) ТОРГОВЛЯ, Ж) ЯРМАРКИ, З) ГОСТИННИЦЫ.

Жалобы ученыхъ на неудовлетворительность статистическихъ свѣдѣній о Россіи показываютъ, что наука эта не успѣла еще получить у насъ надлежащаго развитія по той причинѣ, что число достаточно подготовленныхъ людей очень ограниченно, между тѣмъ числа данныхъ безпрерывно измѣняются. По той же причинѣ и Статистика Кіева далека еще отъ требуемой точности и заключаетъ многія несогласныя показанія. Въ такомъ смыслѣ мы предлагаемъ вкратцѣ тѣ свѣдѣнія, какія удалось намъ извлечь изъ разныхъ источниковъ; они могутъ дать лишь приблизительное понятіе о предметѣ.

1) *Пространство.* Самая большая длина города отъ сѣверозапада на юговостокъ, по теченію Днѣпра, считая отъ предмѣстья Преварки до устья Лыбеди, простирается до 14, а ширина отъ 2 до 4 верстъ; въ окружности съ окрестными частями около 40 верстъ. Пространство нагорной и низменной земли подъ поселеніемъ Кіева, не считая принадлежащихъ ему луговъ, лѣсовъ и пр. содержитъ 43 квадр. версты, или 4,479 десятинъ и 400 квад. саж. Принявъ число жителей въ 70,000, на каждаго человѣка приходится среднимъ числомъ по 153 квад. саж. По новому плану Кіева, Высочайше утвержденному 17 января 1833 г., собственно подъ поселеніе города, назначено 4,578 десятынъ, 1665 квад. саженъ [1]).

[1]) Журавскій. Т. I. стр. 300.

2) *Улицы*, *Площади* и пр. Всѣхъ Улицъ въ Кіевѣ 85, изъ коихъ вымощено камнемъ до 40; Переулковъ 50. Площадей 11; изъ нихъ торговыхъ 7, конная 1, а прочія служатъ для ученія войскъ. Только 4 площади вымощены. Немощеныя улицы, особенно въ Подольской и Плоской частяхъ, расположенныхъ на иловатомъ грунтѣ, послѣ разлитія Днѣпра и сильныхъ дождей, стекающихъ потоками со Старокіевскихъ горъ, Киселевки и Щекавицы, часто и долго бываютъ непроходимо грязныя. Улицы ночью освѣщаются фонарями. Мостовъ, не говоря о Днѣпровскомъ, чрезъ рѣчки и овраги, устроено 43, изъ числа которыхъ въ Печерской части 2, Лыбедской 6, Старокіевской 3, Подольской 8, Плоской 2, въ Кореневкѣ 6, на Звѣринцѣ 2; изъ нихъ нѣсколько каменныхъ.

3) *Число зданій*: Монастырей 7, Церквей 62, изъ числа этихъ церквей: каменныхъ 24, деревянныхъ 12, кромѣ того 32 церкви въ 7 монастыряхъ, да 8 церквей домовыхъ при разныхъ заведеніяхъ; иновѣрческихъ 7, церковныхъ домовъ 32, казенныхъ и общественныхъ зданій болѣе ста. Кіевскій Статистическій Комитетъ сообщилъ, что въ 1864 г. частныхъ домовъ въ Кіевѣ находилось 7,354, а по другимъ свѣдѣніямъ только 5,853. Изъ коихъ каменныхъ около 500, деревянныхъ болѣе пяти тысячъ.

4). *Число жителей*. Статистическій Комитетъ въ 1864 г. показываетъ число постоянныхъ жителей въ 47,479 чел., а г. Журавскій. (1845 г.) въ 50,137 душъ, изъ коихъ 24,648 мужескаго пола, и 25,489 женскаго. Число временныхъ жителей, по Комитету, простирается до 20,945 человѣкъ, а всего 68,424 человѣка, изъ коихъ мущинъ 38,465, а женщинъ 29,959. Православныхъ 58,439, раскольниковъ 442, римско-латинянъ 5,425, лютеранъ 1,063, евреевъ 3,013, магометанъ 22. И такъ Православный элементъ въ Кіевѣ содержится къ иновѣрческому населенію, какъ 8 къ 1 [1]). Изъ общаго числа жителей считается: а) Духовенства, бѣлаго 306 человѣкъ муж. пола, и 349 жен. п; чернаго 991 м. п. и 434 ж. п. римско-латинскаго 8 м. п., лютеранскаго 1 м. п. 2 ж, п. б) Ученыхъ, въ свѣтскомъ званіи, до двухъ сотъ человѣкъ; учащихся обоего пола въ Кіевскихъ учебныхъ заведеніяхъ, свѣтскихъ и духовныхъ, простирается свыше четырехъ тысячъ. в) Дворянъ потомственныхъ 2,686 м. п., 1847 ж. п.; Личныхъ 2,807, м. п. 1,912 ж. п. г) Почетныхъ гражданъ 186 м. п. 213 ж. п. д) Купцовъ 697 м. п. и 628 ж. п. е) Мѣщанъ и цеховыхъ 13,986 м. п. и 14,409 ж. п. ж) Разныхъ званій обоего пола, (въ 1845 г. по г. Журавскому) было: Разночинцевъ 3,232, бывшихъ Крестьянъ 6,630, отставныхъ Солдатъ, ихъ женъ, дочерей и вдовъ 4,518, Безсрочно-отпускныхъ Солдатъ 334. Козаковъ 378, Иностранцевъ 866, Призрѣваемыхъ въ заведеніяхъ Приказа 483.

5) *Число временныхъ жителей* увеличивается лицами, прибывающими въ Кіевъ по дѣламъ служебнымъ, коммерческимъ, тяжебнымъ, такъ же для излѣченія болѣзней, для свиданія съ дѣтьми и тому подобное; но Кіевское населеніе увеличиваютъ преимущественно:

[1]) Спб. Вѣдом. 1864 г. № 302.

а) *Квартирующія войска.* Обстоятельство это побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ о *Постойной повинности* обывателей. По свѣдѣніямъ, которыя собраны Комитетомъ и напечатаны въ газетѣ *Кіевлянинъ* (за апрѣль 1865 г.) въ Кіевѣ помѣщаются и расквартированы болѣе 30 разныхъ воинскихъ учрежденій и заведеній, 16 генераловъ, 195 штабъ-офицеровъ, 572 оберъ-офицера и 11,277 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ одни получаютъ квартиры въ натурѣ, а другимъ отпускаются квартирныя деньги изъ земскихъ сборовъ, въ количествѣ 25,359 р. $63^3/_4$ к. Сверхъ того, изъ земскихъ сборовъ платится, за нанимаемыя зданія для помѣщенія разныхъ воинскихъ учрежденій и заведеній, 24,940 р. 80 к., такъ что весь расходъ земства на эту статью составляетъ 50,300 р. $44^3/_4$ к. Независимо отъ этого расхода 8,034 чел. размѣщены въ обывательскихъ домахъ. Наконецъ, Кіевскіе домовладѣльцы, вслѣдствіе географическаго положенія Кіева и разныхъ военныхъ соображеній и потребностей, подвергаются еще особому, такъ-называемому дополнительному постою, для безпрерывно проходящихъ черезъ городъ войскъ. Такъ, съ 1-го января по 1-е ноября прошлаго 1864 г., въ теченіи только 10 мѣсяцевъ, прошло черезъ Кіевъ и было расквартировано по домамъ, иногда не для однихъ ночлеговъ и дневокъ, но и на болѣе продолжительное время, 702 штабъ и оберъ-офицера, 32,779 нижнихъ чиновъ и 7,454 лошади. Свѣдѣнія о числѣ обывательскихъ домовъ Кіева, обязанныхъ квартирною повинностью, показываютъ, что домовъ, въ коихъ по положенію могутъ быть помѣщаемы штабъ и оберъ-офицеры, имѣется 541, и всѣ они, исключая только 3-хъ, заняты сими чинами, и что домовъ, которые могутъ быть отводимы только для нижнихъ чиновъ, имѣется 3,581, а расквартировано въ нихъ нижнихъ чиновъ — 8,034 человѣка, въ числѣ коихъ 1,529 женатыхъ. Этотъ огромный постой есть притомъ безпрерывный, изъ года въ годъ переходящій и продолжающійся, ибо, распространяясь на всѣ жилища, обязанныя квартирною повинностію, естественно устраняетъ и рѣшительно исключаетъ всякую возможность установить и соблюдать между домами очередь, посредствомъ перевода постоя чрезъ извѣстное время въ дома, которые оставались бы между тѣмъ, въ ожиданіи своей очереди, свободными и давали бы такимъ образомъ первымъ изъ нихъ хотя кратковременную, но необходимую льготу, какъ это дѣлается въ другихъ городахъ, несущихъ постой умѣренный и даже ничтожный въ сравненіи съ Кіевомъ. Тяжесть эта, не смотря на необычайную степень ея, усиливается еще и тѣмъ, что кіевскіе обыватели, кромѣ сказаннаго постоя, несутъ еще и другой также непомѣрный постой, для переходящихъ чрезъ Кіевъ войскъ. И все это размѣщаемо было въ тѣхъ же самыхъ домахъ и даже иногда въ занимаемыхъ самимъ домовладѣльцемъ и его семействомъ покояхъ, крайне для него необходимыхъ, но на этотъ случай поневолѣ уступаемыхъ, нерѣдко уже вслѣдствіе вмѣшательства полиціи. Тутъ въ домахъ людей бѣднѣйшихъ происходятъ иногда сцены весьма грустныя: стоны, вопли, плачь, ропотъ и т. д. Таковы послѣдствія огромнаго, всегда су-

ществующаго и притомъ крайне отяготительнаго въ Кіевѣ постоя; что также имѣетъ огромное вліяніе и на дороговизну квартиръ въ этомъ городѣ.

б) Кромѣ квартирующихъ и переходящихъ войскъ, населеніе Кіева увеличивается еще *Богомольцами*, прибывающими обыкновенно вначалѣ лѣта на поклоненіе Святынѣ древлепрестольнаго града. Число поклонниковъ довольно значительно, но и доселѣ не приведено въ точную извѣстность. Главный источникъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи составляютъ отчеты Конторы Страннопріимной Гостинницы Кіевопечерской Лавры, еженедѣльно представляемые намѣстнику ея и затѣмъ, въ общихъ выводахъ, поступающіе въ Св. Синодъ. Число богомольцевъ, имѣвшихъ пріютъ въ Лаврской Гостинницѣ, по означеннымъ отчетамъ за 1864 г., было слѣдующее: къ 1 января 1864 г. оставалось въ Лаврѣ 378 богомольцевъ. *Прибыло*: въ январѣ 608 чел., февралѣ 880 ч., мартѣ 2,610 ч., апрѣлѣ 12,211 ч., маѣ 32,221 ч., іюнѣ 12,715 ч., іюлѣ 8,602 ч., августѣ 4,825 ч, сентябрѣ 4,492, октябрѣ 2,022 ч., ноябрѣ 897 ч., декабрѣ 885 ч. И того прибыло за годъ 79,157 ч. *Убыло*: въ январѣ 657 ч., февралѣ 821 ч., мартѣ 2,289 ч., апрѣлѣ 10,852 ч., маѣ 28,099 ч., іюнѣ 14,017 ч., іюлѣ 4,682 ч., августѣ 5,028 ч., сентябрѣ 3,558 ч., октябрѣ 2,106 ч., ноябрѣ 1,223 ч., декабрѣ 1,054 ч. И того убыло 79,182 ч. Затѣмъ къ 1 января 1865 г. осталось въ гостинницѣ странниковъ 344 чел.

Здѣсь нужно замѣтить, что мѣсячныя показанія въ этой таблицѣ, (появившейся въ Кіевлянинѣ, въ Московскихъ и Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и въ Вѣстникѣ Западной Россіи), должны быть крайне невѣрны. Если сложить числа, означающія прибыль, то сумма будетъ 82,978 человѣкъ; прибавивъ къ сему оставшееся число 378 богомольцевъ, выйдетъ 83,346 челов., а не 79,157. Далѣе, если сложить убыль, то сумма будетъ 74,386, а не 79,182; поэтому и остатокъ къ 1 января 1865 г. не 344 челов., а долженъ выйти 8,960, явная несообразность. Не имѣя подъ руками вѣрныхъ данныхъ, мы не можемъ исправить этой неточности.

Положимъ, что число богомольцевъ въ 1864 г., по отчетамъ Лаврской Гостинницы, простиралось до 79,157 человѣкъ; но здѣсь не приняты въ счетъ прибывающіе изъ Кіевской, Волынской, и Черниговской губерній, коимъ Гостинница Лаврская, для избѣжанія тѣсноты, вынуждена отказывать въ пріютѣ. Число же этихъ поклонниковъ, по причинѣ близкаго разстоянія, чрезвычайно велико. Кромѣ того странники останавливаются въ Гостинницахъ Михайловскаго, Софійскаго, Флоровскаго монастырей, также при многихъ приходскихъ церквахъ, особенно при Воскресенской и Ѳеодосіевской, близъ Лавры, и при церкви Николая Добраго на Подолѣ, гдѣ, въ крайнемъ случаѣ, можетъ помѣститься до осми сотъ человѣкъ. Многіе странники нанимаютъ квартиры въ частныхъ домахъ и заведеніяхъ; но, къ сожалѣнію, кромѣ Лавры, нигдѣ не ведется счетъ ежегодному движенію богомольцевъ. Къ этому можно прибавить, что изъ многихъ тысячъ судорабочихъ съ пароходовъ, байдаковъ, плотовъ и проч., также изъ

великаго числа войскъ, не смотря на труды и занятія свои, весьма многіе находятъ время посѣщать храмы Божіи. Принимая все это въ соображеніе, мы кажется, не очень удалимся отъ истины, если положимъ, что въ иной годъ въ Кіевѣ число богомольцевъ можетъ доходить до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ. Продолжительныя наблюденія показываютъ: 1) что наибольшее число поклонниковъ бываетъ изъ губерній Воронежской, Курской и Орловской; 2) что двѣ трети ихъ принадлежатъ къ женскому полу; 3) что самое большее стеченіе происходитъ къ праздникамъ Пасхи, Троицы, къ Успеньеву дню и въ продолженіи всего мая; 4) что при хорошихъ урожаяхъ число поклонниковъ простирается до 80,000 человѣкъ и болѣе; при худыхъ урожаяхъ и во время смутъ польскихъ въ 1863 г. число богомольцевъ уменьшается на половину и даже менѣе; 5) что странники, приходящіе изъ Кіевской и сосѣднихъ губерній, предпочтительно говѣютъ не во время постовъ, а среди лѣта, и что обычай этотъ, кажется имѣетъ свое начало съ того времени, когда Унія стала распространяться въ Южно-Русскомъ краѣ. Жители деревень, не желая идти на исповѣдь къ уніяту и принимать отъ него Св. Тайны, охотнѣе платили окупъ и шли въ отдаленные Православные монастыри отговѣться; 6) что манифестъ 19 февраля 1861 г. увеличилъ число поклонниковъ въ средѣ дворовыхъ людей и крестьянъ, которымъ прежде нѣкоторые господа, въ особенности Поляки, не дозволяли отправляться на богомолье; и наконецъ 7) что приходящіе поклонники изъ ближнихъ мѣстъ, ограничиваютъ свое пребываніе въ Кіевѣ, большею частію, 2 и 3-мя днями. Обычай Русскихъ людей ходить на поклоненіе къ Святымъ мѣстамъ Кіевскимъ произвелъ въ нѣкоторой части жителей этого города особую вѣтвь промышленности. Для этой цѣли изготовляется огромное количество образовъ живописныхъ и рѣзныхъ изъ кипариса, разной величины и достоинства. Также множество кипарисныхъ и металлическихъ крестовъ, финифтяныхъ иконъ, формъ для просфоръ, разноцвѣтныхъ стекляныхъ бусъ и тому подобное. Приготовленіе съѣстныхъ припасовъ, при этомъ случаѣ, занимаетъ не послѣднюю роль. Понятно, что отъ числительности странниковъ, посѣщающихъ Кіевъ, зависитъ для многихъ жителей безбѣдное существованіе. — Пестрыя толпы поклонниковъ изъ простонародья представляютъ много особенностей въ отношеніи одежды. Тутъ можно встрѣтить не только представителей почти всѣхъ областей нашего отечества, но и жителей сопредѣльныхъ Православныхъ странъ Болгаріи и Дунайскихъ княжествъ. Особенно бросаются въ глаза костюмы женщинъ и ихъ головные уборы: четвероугольныя, рогатыя кички Орловокъ и Рязанокъ, кораблики Калужанокъ, намитки Малороссіянокъ, пользующихся случаемъ выказать свои цвѣтныя запаски и желтые или красные чоботы съ подковами. Русскихъ купчихъ можно видѣть въ штофныхъ и бархатныхъ душегрѣйкахъ, въ шелковыхъ на головѣ платкахъ, яркихъ цвѣтовъ, или въ парчевыхъ уборахъ и т. п.

в) *Промышленники* и *рабочіе*, также увеличиваютъ собою массу народонаселенія. Г. Журавскій за 1845 г. показываетъ (I. с. 355): куп.

цовъ 1,020, мѣщанъ 4,495, иностранцевъ 949, отставныхъ нижнихъ чиновъ 472, крестьянъ 4,061, и евреевъ до 39,000, всего 50,0000. Огородники, хлѣбники, плотники, каменьщики всѣ почти изъ Великорусскихъ губерній. „Такимъ образомъ — заключаетъ вышепоказанный авторъ — по всѣмъ означеннымъ надобностямъ перебываетъ въ Кіевѣ, въ продолженіи года, болѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ; временно проживаетъ въ немъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежегодно до 45,000, а постоянно живетъ въ городѣ до 64,000 человѣкъ. Эти числа показываютъ, какъ много сосредоточено нынѣ въ Кіевѣ интересовъ разнаго рода, привлекающихъ на этотъ пунктъ множество народа, способствующаго съ своей стороны благосостоянію и приращенію постояннаго населенія, какъ потребители припасовъ, наемщики квартиръ и рабочіе разныхъ мастерствъ.“

6). *Число раждающихся и умирающихъ.* Среднее число раждающихся въ Кіевѣ 2,102, что составляетъ по одному на 30 душъ обоего пола, а умирающихъ 2,000 человѣкъ, т. е. по одному умершему на 32 души населенія. Послѣднее число почти равно первому потому, что въ Кіевѣ умираетъ много непринадлежащихъ къ здѣшнему постоянному населенію, но проживающихъ временно, или на проѣздѣ.

7) *Торговля, Промышленность и Заводы.* Статья эта чрезвычайно обширна и не принадлежитъ къ Историческому Описанію Кіева. Скажемъ вкратцѣ, что произведеній хлѣбопашества продается въ годъ на 135 тысячъ руб. сер., огородничества до 78, скотоводства до 300, птицеводства до 24 и разныхъ другихъ припасовъ до 135, винъ и водки приблизительно на 130 тысячъ рублей. Торговля разными товарами производится въ лавкахъ, коихъ около 650, магазинахъ (до 30), балаганахъ. Вообще торговые обороты, производимые покупкою и продажею здѣшнимъ купечествомъ, весьма обширны и простираются на нѣсколько милліоновъ рублей. Временныхъ столовъ или рундуковъ считается до 250.—Заводовъ въ Кіевѣ 59, фабрикъ 14 (въ 1846 г.) Число мастеровъ и рабочихъ 820 челов.; они производятъ издѣлій на 738,000. р.

8) *Ярмарки* въ Кіевѣ бываютъ слѣдующія: 1) Крещенская, съ 15 января по 1 февраля, 2) Сборная, въ Старомъ Кіевѣ, на первой недѣлѣ Великаго Поста, 3) Никольская, 9 мая, въ Лыбедской части, 4) Троицкая, въ день Св. Троицы близъ Кирилловскаго заведенія, 5) Лѣтняя, съ 15 іюня по 1 іюля, на Подолѣ, 6) Петропавловская, 29 іюня въ Куреневкѣ и 7) Успенская, 15 августа, въ Лыбедской части. Крещенская ярмарка (Контракты) весьма замѣчательна, но теперь упадаетъ. Объ ней будетъ подробнѣе упомянуто въ послѣдствіи. Лѣтняя ярмарка отъ 15 іюня по 1-е іюля, учрежденная въ 1857 г. доселѣ была постоянно неудачна. Прочія ярмарки предназначены для простаго народа и незначительны.

9) *Гостинницы и Трактиры*: Всѣхъ заведеній этого рода въ 1845 г. было 64, а въ 1863 г. 83; и приносили городу дохода въ годъ 4,980 руб. (Кіев. губ. Вѣд.) Главнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія: въ *Дворцовой Части*: 1) Англійская гостинница на углу Крещатицкой и Лютеранской улицы. При ней въ саду лѣтомъ гулянье, музыка и фейерверки. За

наемъ номера въ сутки отъ 1 до 5 и болѣе рублей. Обѣдъ по картѣ, за порціи отъ 25 до 40 коп. 2) Гостинница Гастрономовъ на углу Крещатицкой и Институтской улицъ, гораздо умѣреннѣе въ цѣнахъ отъ предъидущей. 3) Château des Fleurs въ нижней части Государева Сада. Собственно для гулянья, здѣсь по временамъ даютъ концерты, спектакли и фейерверки. 4) Въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ съ платою за номеръ до 2 руб. въ сутки. — Въ *Старокіевской Части*: 1) Европа, гостинница, въ домѣ помѣщика Гудимы-Левковича, на углу Крещатицкой и Костельной улицъ; одно изъ лучшихъ заведеній подобнаго рода. Цѣна за номера и обѣды почти таже, что и въ Англійской. 2) Русская и 3) Петербургская находятся противъ Театра. 4) Россія, на Крещатицкой площади. 5) Франкфуртская, по Крещатицкой улицѣ, вблизи Европейской. Въ этихъ гостинницахъ цѣны нѣсколько умѣреннѣе — Въ *Подольской Части*: 1) Коммерческая, въ домѣ купца Войтенкова, на Крещатицкой набережной, 2) Московская, купца Воронова, противъ Духовной Академіи. За наемъ комнаты въ этихъ гостинницахъ въ сутки требуютъ отъ 50 коп. до 1 р. 50 к.—Въ *Печерской части*: Зеленая, въ домѣ Лаврскаго монастыря. Прочія гостинницы, равно какъ и постоялые дворы, трактиры и другія заведенія не представляютъ ничего особеннаго и сходствуютъ съ заведеніями въ другихъ губернскихъ городахъ. При Софійскомъ, Михайловскомъ и Флоровскомъ монастыряхъ отдаются комнаты для пріѣзжающихъ богомольцевъ съ платою по 30 и по 50 коп. въ день. Но эти *меблированныя комнаты* далеко не въ цвѣтущемъ состояніи.

10) *Типографій* и *Литографій* считается въ Кіевѣ пять. Кромѣ знаменитой въ отечествѣ нашемъ Печерской типографіи, которая теперь доведена до высшей степени благоустройства, находится казенныхъ двѣ, изъ коихъ одна при Университетѣ, а другая при Губернскомъ Управленіи. Частныхъ также двѣ; изъ нихъ лучшая А. Минятова и Комп. Почти при всѣхъ этихъ типографіяхъ заведены и Литографіи; но въ этомъ отношеніи остается еще многаго желать; особенно неудовлетворительны частныя литографіи.

11) *Доходы и долгъ города.* Изъ росписи городскихъ приходовъ и расходовъ на 1865 г. видно, что доходъ города Кіева едва достигаетъ до 116,683 руб. 16 коп. Городъ имѣетъ долгу 160 тысячъ рублей [1]. Изъ росписи на 1866 г. явствуетъ, что какъ доходы города, такъ и расходы онаго простираются равно до 225,639 р. 34 коп. [2].

§ 5. ГЕРБЪ Г. КІЕВА.

Преп. Несторъ подъ 988 г. пишетъ: *яко приде Володимеръ Кыеву, Перуна повелѣ привязати коневи къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на ручай; 12 мужи пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чюющу, но на поруганье бѣсу.* (Лавр. стр. 50). Слова эти какъ и множество сви-

[1]) № 284 Спб. Вѣдом. 1864 г. [2]) Кіев. Губер. Вѣд. 1866 г. № 40 и 41.

дѣтельствъ изъ писаній Отцевъ Церкви, служатъ доказательствомъ, что Христiане искони почитали язычество внушеніемъ дьявола, и что побѣда Христіанской вѣры надъ идолопоклонствомъ въ то же время почиталась побѣдою и надъ нечистою силою. И какъ, въ слѣдствіе ученія Церкви, пораженіе дьявола приписывается архистратигу Михаилу: то мы находимъ весьма вѣроятнымъ мнѣніе новѣйшихъ писателей, что изображеніе архангела Михаила принято еще въ древнемъ Кіевѣ знаменіемъ той побѣды Христіанства надъ язычествомъ, которая совершилась въ Кіевѣ. Обстоятельство это подтверждается подобнымъ изображеніемъ на найденныхъ древнѣйшихъ гривнахъ Русскихъ. Нынѣшній гербъ, со временъ Екатерины II оффиціально признанный за Кіевомъ, представляетъ въ голубомъ полѣ архангела Михаила въ видѣ Римскаго воина, съ открытою головою, въ серебряной одеждѣ, держащаго въ правой рукѣ пламенный мечь, а въ лѣвой щитъ. Встрѣчается иногда изображеніе сего архангела со шлемомъ на головѣ и притомъ поражающаго копьемъ змія подъ ногами своими. Но употребленіе шлема, какъ нѣкоторые справедливо замѣчаютъ, въ древности не было въ обыкновеніи. — Въ Краткомъ историческомъ Извѣстіи о Кіевѣ, напечатанномъ въ Лаврской типографіи 1795 г., на стр. 4, говорится, что Кіевскій Магистратъ на Подолѣ имѣлъ въ прежнія времена печать съ *изображеніемъ древней стрѣльбы оружія, на подобіе лука съ тетивою, называемаго куша*, но съ полученіемъ нынѣшняго герба означенная печать болѣе не употреблялась.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЧАСТНОЕ ОПИСАНІЕ

ДРЕВНОСТЕЙ И ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ

ГОРОДА КІЕВА,

РАСПОЛОЖЕННОЕ ПО АЗБУЧНОМУ ПОРЯДКУ.

§ 6. АЗАГОРІУМЪ.

Это древнее, неразгаданное, слово, находящееся на произвольной картѣ Египетскаго Географа, Птолемея, жившаго около 131 г. по Р. Хр.; Берлинскій (Оп. Кіев. стр. 5) думаетъ, что *Азагоріумъ*, который у тогдашнихъ жителей, можетъ быть, назывался *Загорьемъ*, былъ не что иное, какъ *Кіевъ*. Впрочемъ, на Ландкартѣ Птолемея былъ еще означенъ городъ *Амадокъ*, стоявшій на поворотѣ Днѣпра, по лѣвую его сторону, вѣроятно, при впаденіи Десны въ Днѣпръ. Но все это—только предположенія.

§ 7. АКАДЕМІЯ.

а) братскій монастырь и школа. б) кіево-могилянская коллегія. в) кіево-могило-заборовская академія. г) состояніе науки и воспитанія. д) преобразованіе кіевской духовной академіи. е) храмы и зданія. ж) экономическое состояніе академіи и монастыря. з) особые обряды церковные.

Послѣ долговременнаго сна въ XVI столѣтіи, послѣдовало въ Европѣ всеобщее пробужденіе народовъ; стряхивая съ себя оковы средневѣковаго невѣжества, они стали жаждать просвѣщенія; стремленіе это перешло и на Польшу со всѣми ей подвластными областями Но въ это же самое время пробудилось и властолюбіе Римскихъ первосвященниковъ, которые съ новымъ жаромъ стали употреблять всѣ усилія подчинить и Православныхъ своему духовному вліянію. Латинское духовенство охотно содѣйствовало этой цѣли; особенно Езуиты, управляя въ это время польскою политикою, устроивали въ Великомъ Княжествѣ

Литовскомъ училища и распространяли во множествѣ полемическія сочиненія, съ намѣреніемъ подорвать ученіе Восточной Церкви. При такихъ обстоятельствахъ Русскій народъ, находившійся подъ властію Польши, увидѣлъ неизбѣжную опасность лишиться со временемъ своего драгоцѣннѣйшаго достоянія — Православія. Опасность эта побудила Русскихъ учреждать у себя братства, для совокупнаго поддержанія, и заводить училища, для образованія ученыхъ, могущихъ словомъ и дѣломъ противоборствовать showcase козням врагов своихъ. Такимъ образомъ возникло нѣсколько Православныхъ школъ. Первая изъ нихъ основана въ Острогѣ славнымъ Княземъ Константиномъ Острожскимъ около 1580 г., вторая около 1586 г. Львовскимъ епископомъ Гедеономъ Болобаномъ, третья въ 1588 г. заведена въ Вильнѣ, по благословенію Константинопольскаго Патріарха Іеремiи II; четвертая, въ Кіевѣ, по благословенію того же самаго Патріарха. Святитель сей, бывши въ Москвѣ за милостынею и поставившій перваго Патріарха въ Россіи, на возвратномъ пути, въ 1589 г. чрезъ Кіевъ далъ благословеніе на заведеніе православнаго училища при существовавшемъ уже Братствѣ. — Въ послѣдствіи во многихъ мѣстахъ были заводимы подобныя училища, но съ теченіемъ времени непримиримымъ врагамъ нашимъ удалось истребить всѣ эти Православныя заведенія, осталась одна только Кіевская школа, наиболѣе извѣстная подъ именемъ *Академiи.* Участь ея была тѣсно сопряжена съ общею участію Кіева и всей Малороссіи, страдавшей подъ игомъ латинопольскаго фанатизма; преимущественно въ теченіи XVII вѣка судьба юной Академіи ознаменована всѣми бѣдствіями, какими только могли отягчать ее сильные враги Православія, которые видѣли въ ней нерушимый оплотъ противъ ухищреній своихъ. Но не смотря на свою крайнюю бѣдность, на всѣ невзгоды и преслѣдованія отъ папистовъ, не смотря даже на неоднократныя разоренія, Кіевская Академія каждый разъ возставала изъ пепла своего съ новою жизнію, укрѣплялась новою силою и до позднѣйшаго времени устояла, увѣнчанная славою и честію первенствующаго образовательнаго заведенія на святой Руси.

а) *Братскій Монастырь и школа.* Для потомства остался неизвѣстнымъ годъ основанія Братства въ Кіевѣ и при немъ заведенія школы; но можно съ вѣроятностію принять, что все это произошло въ то время, когда въ Княжествѣ Литовскомъ распространились слухи о возникающей Уніи, слѣдовательно около 1590 г. Впрочемъ несомнѣннымъ доказательствомъ существованія Кіевской школы служитъ Купчая Крѣпость, совершенная въ 1594 г. земяниномъ (*землевладѣльцемъ*) Андреемъ Обуховымъ, съ женою его Наталіею, въ томъ, что они продали *Братскому монастырю* дворовое свое мѣсто *Сверщовское* на Подолѣ, съ сѣножатью, находившеюся на Оболони [1]). Не имѣя современныхъ свидѣтельствъ о положеніи этой первоначальной школы, мы можемъ однакожъ

[1]) Памятники Кіев. Т. II. стр. 292.

заключить, что оно было самое бѣдственное, потому что въ это время Кіевъ и вся Малороссія подвергались страшнымъ преслѣдованіямъ изступленнаго фанатизма Поляковъ. Наконецъ въ исходѣ 1614 г. пожаръ истребилъ Братскую Богоявленскую церковь и заведенное при ней училище; самое мѣсто, гдѣ эти зданія находились, для насъ осталось неизвѣстнымъ [1]). Но несчастное обстоятельство это не окончило существованія юной школы; напротивъ ревность по Православію возстановила ее. Въ 14 день октября 1615 г. Анна Гулевычевна, супруга Мозырскаго Маршалка, въ присутствіи почетныхъ свидѣтелей, совершила въ Кіевскомъ Земскомъ Судѣ Дарственную Запись, посредствомъ которой эта благотворительная жена пожертвовала для Братскихъ школъ свой домъ со всѣми пристройками, находившійся на мѣстѣ нынѣшняго Братскаго монастыря; причемъ изъявила желаніе завести общество монаховъ для обученія дѣтей, подчинивъ ихъ начальству Исаіи Копинскаго, (бывшаго въ послѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ), и обществу дворянъ; сверхъ того учредила при этой школѣ Гостепріимный Домъ для Православныхъ странниковъ. Вотъ нѣсколько словъ самой благотворительницы: „Я Галшка (Анна) Гулевичовна, (*урожденная Гулевичъ*) малжонка (*жена*) его милости пана Стефана Лозки, маршалка Мозырского.... будучи на тѣлѣ и умыслѣ добре здоровая, явно и добровольно сознаваю тымъ моимъ Записомъ: ижъ я..... въ Православной вѣрѣ статечне (*постоянно*) живучи...... на размноженіе хвалы Бога..... изъ любви братій моихъ народу Россійского, для збавеня (*спасенія*) души своей, здавныхъ часовъ умысливши Церкви Божой добро учинити..... того жъ нынѣ скуткомъ выконываючи (*въ исполненіе приводя*) даромъ вѣчнымъ и неотозваннымъ даю, дарую, записую и фундую добра мои власные, дѣдичные, права и вольности шляхетское будучее: Дворъ мой власный,... въ мѣстѣ Кіевѣ лежачій,... зо всякими належностями, такъ широко и довго, якъ здавна въ собѣ ся маетъ... на монастырь ставропигіонъ и на школу дѣтемъ такъ шляхетскимъ, яко и местскимъ..... и на гостинницу странниковъ духовныхъ вѣры церкви Восходное будучимъ и проч. [2]). Примѣру жены благочестивой послѣдовали и другіе Православные: составилось вновь братство, которое соорудило Страннопріимницу съ домовою церковію во имя ангела благотворительницы — Св. Анны; потомъ члены братства заложили большую двупрестольную церковь въ имя Св. Богоявленія и Благовѣщенія Пресв. Богородицы тамъ, гдѣ нынѣ главный храмъ Братскаго монастыря. Заведенная вновь школа называлась тогда Братствомъ, а не монастыремъ, и въ ней юношество было обучаемо только Латинской словесности. какъ пишетъ Сильвестръ Коссовъ въ своей Апологіи. Но враги Православія не оставались въ бездѣйствіи: недалеко отъ этого училища Езуиты основали и свое, хотя жителей римскаго исповѣданія почти не было въ Кіевѣ. Объ успѣхахъ ихъ мы ничего не знаемъ; но во вся-

[1]) См. нашу Лѣтопись подъ 1614—1621 г. стр. 47—49. [2]) Памятники Кіевск. Т. II, стр. 1. Сравни статью М. А. Максимовича о Кіевск. Братствѣ. Кіев. Епарх. Вѣдом. 1865 г. № 21, 23 и 24.

комъ случаѣ, по свидѣтельству Петра Могилы, Езуиты вредили, какъ могли.

Іерусалимскій Патріархъ Ѳеофанъ, прибывъ въ Кіевъ въ 1620 г. имѣлъ пребываніе въ новоустроенной Гостинницѣ. Данныя братству и школѣ три подтвердительныя грамоты свидѣтельствуютъ о его любви къ братству. Въ одной изъ грамотъ, отъ 26 мая, подтвердилъ онъ это заведеніе, раздѣливъ на *старшее* и *младшее братство* и ввелъ обученіе греческому и польскому языкамъ, а монастырь, наименовавъ ставропигіею, уволилъ отъ зависимости епархіальнаго митрополита. Приэтомъ мы считаемъ не безполезнымъ замѣтить, что причина учрежденія въ то время *ставропигій* объясняется зависимостію Малороссіи отъ иновѣрной Польши, распространеніемъ Уніи и броженіемъ умовъ. Такъ какъ многіе тогда изъ высшаго духовенства дѣлались отступниками, чѣмъ увлекали за собою и другихъ: то для удержанія прочихъ въ Православіи, общества принуждены были ходатайствовать объ учрежденіи ставропигій, т. е. объ исключеніи важныхъ монастырей отъ опасной зависимости епархіальнаго начальства и о подчиненіи непосредственно патріаршему престолу. Съ перемѣною обстоятельствъ прекращены и ставропигіи. — Послѣ этого отступленія мы возвращаемся къ нашей Исторіи. Совѣтами и убѣжденіями своими патріархъ Ѳеофанъ содѣйствовалъ къ умноженію числа братій, заботившихся о Кіевской школѣ. Братія эти, въ присутствіи Патріарха, составили списокъ, долго хранившійся при академіи; наконецъ святитель Ѳеофанъ, въ знакъ благословенія, вручилъ братству крестъ, который и донынѣ хранится въ иконостасѣ надъ царскими дверями соборной Братской церкви.

Въ это время однакожъ политическія бури, нестроенія, междоусобныя войны и преслѣдованія не переставали потрясать Малороссію и Кіевъ. Злобные Поляки, объявивъ весь народъ Русскій виновнымъ въ измѣнѣ, производили страшные грабежи и разоренія; особенно пострадалъ тогда Кіевъ. И братское училище, вмѣстѣ съ своею гостинницею и церковію вновь потерпѣло совершенное разореніе.

Но Кіевской школѣ суждено было и въ третій разъ возстать изъ своего пепла. Гетману Петру Конашевичу Сагайдачному обязанъ братскій монастырь со школою (1622 г.) своимъ возстановленіемъ. О заслугахъ этого славнаго гетмана Малороссіи въ пользу Православія и соотечественниковъ своихъ, мы отсылаемъ читателя къ нашей Лѣтописи Кіева. Здѣсь скажемъ только, что Сагайдачный, пожертвовавъ нѣсколько тысячъ на обновленіе Богоявленскаго монастыря и содержаніе Братской школы, обратилъ особенное попеченіе о Кіевскомъ братствѣ, въ которое записался членомъ. Примѣру его подражая, вписались въ число членовъ и многіе чины Малороссійскихъ и Запорожскихъ войскъ, знатные паны и православное духовенство воеводства Кіевскаго и другихъ [1]).

[1]) Сементовскій, въ своемъ сочиненіи «Кіевъ и его Святыня», повѣствуя на стр. 209 объ Академіи, написалъ: «Въ 1622 г *выступилъ* на военно-политическое поприще славный гетманъ Малороссіи, Петръ Конашевичъ-Сагайдачный.» Мы можемъ смѣло завѣрить, что въ 1622 г Сагайдачный *не выступилъ*, а напротивъ *оставилъ* военно-политическое поприще, по той обыкновенной причинѣ, что въ этомъ 1622 году онъ умеръ. См. у насъ выше, стр. 49.

Великое число покровителей впрочемъ не могло защитить Братскую школу отъ притѣсненій и обидъ, причиняемыхъ ей по временамъ Езуитами и Уніятами. Въ 1629 г. удалось Православнымъ выхлопотать для Кіевскаго училища подтвердительную грамоту отъ Короля Сигизмунда III. Съ этого времени существованіе Братской школы признано покрайней мѣрѣ официіально, хотя Братство это еще не названо монастыремъ; мало по малу оно стало поправляться въ матеріальномъ отношеніи. Такъ въ 1621 г. куплено было у инокини Парасковьи Кучинской мѣсто въ *Сокольникахъ*, въ 1624 г. другое мѣсто на Подолѣ, противъ Успенской церкви и третье въ 1628 г. у Козака Петра Данкова за восемь копъ Литовскихъ.—О внутреннемъ устройствѣ Кіевскаго училища тѣхъ временъ мы можемъ судить только по дошедшимъ до насъ стариннымъ Уставамъ братствъ Львовскаго, Луцкаго; гдѣ между прочимъ говорится, слѣдующее: 1) Въ школѣ преподается *много* наукъ. 2) Ученикамъ воспрещается брать съ собою въ школу какіе либо инструменты. 3) Спудеи (ученики) обязаны по Воскресеньямъ и Праздникамъ прилежно ходить въ церковь; для контроля въ этомъ случаѣ, назначался лучшій ученикъ. 4) Ученики раздѣлялись на три отдѣленія: одни учились литерамъ и складамъ, другіе выучивали заданное на память, а третьи должны были *выкладывать*, *разсуждать*, *и разумѣть*. 5) Утромъ, послѣ молитвы, каждый долженъ прочитывать свой вчерашній урокъ; за тѣмъ учиться Псалтыри, Грамматикѣ; ученикамъ предлагались извлеченія изъ Св. Евангелія, Посланій Апостольскихъ, Пророковъ, Св. Отецъ, Философіи, Поэтовъ, Историковъ. 6) Суббота употреблялась на повтореніе пройденнаго. 7) Нѣсколько учениковъ по очереди должны были смотрѣть за чистотою въ классахъ. 8) Порядокъ наукъ былъ слѣдующій: научивши скадывать литеры, приступали къ церковному чтенію и пѣнію, потомъ объясняли Грамматику, Риторику и Діалектику на Славянскомъ языкѣ и оканчивали Философіею. Разумѣется, что обученіе Закону Божію продолжалось во все учебное время. Изъ первыхъ наставниковъ въ этой школѣ извѣстнѣйшіе суть слѣдующіе: 1) Мелетій Смотрицкій, прославившійся своею Славянскою Грамматикою. Впослѣдствіи отступникъ отъ Православія. 2) Іовъ Борецкій, образованнѣйшій мужъ своего времени, скончался въ санѣ митрополита Кіевскаго. 3) Исаія Копинскій, бывшій потомъ митрополитомъ. 4) Кассіанъ Саковичъ, бывшій ректоромъ въ 1622 г. и 5) Тарасій Земка Игуменъ Братскаго монастыря и Богословъ.

б) *Кіево-Могилянская Коллегія.*—Человѣкъ молодыхъ лѣтъ, знатнаго происхожденія и, по тогдашнему времени, превосходно образованный, проведя нѣкоторое время въ военной службѣ у Поляковъ, на 28-мъ году своей жизни оставилъ свѣтъ въ 1625 г., и принялъ иноческій санъ въ обители Кіевопечерской. Это былъ славный Петръ Могила, оказавшійся неутомимымъ ревнителемъ по Св. вѣрѣ Православной и великимъ благотворителемъ на пользу просвѣщенія въ Малороссіи, хотя въ характерѣ его и нельзя отрицать нѣкоторой доли честолюбія, что выказалось особенно въ поступкѣ его съ Исаіею Копинскимъ. Получивъ въ 1626 г.

санъ архимандрита Печерскаго монастыря, Могила вознамѣрился завести въ Лаврѣ особое училище: но, уступивъ просьбамъ митрополита Исаіи Копинскаго, гетмана Ивана Петрижицкаго и старшинъ Запорожскаго войска, присоединилъ, въ 1631 г. свое новое заведеніе, бывшее въ Лаврскомъ Больничномъ Троицкомъ монастырѣ, къ Братскому и принялъ званіе *старшаго брата и защитника* этого училища. Сильверстъ Коссовъ, въ своемъ польскомъ Патерикѣ, изданномъ еще при жизни Петра Могилы, свидѣтельствуя о благочестивыхъ подвигахъ сего іерарха, говоритъ, что и Русскій Атенеумъ, или существовавшія уже школы Кіевскія, онъ усовершенствовалъ и выхлопоталъ въ пользу ихъ привилегію отъ короля Владислава IV. За все это Коссовъ молитъ Бога, подать Могилѣ долгоденствіе. (стр. 181). И подлинно, никто столько не оказалъ благодѣянія Братскимъ школамъ, какъ этотъ славный и великодушный Меценатъ. Преосв. Евгеній, по этому поводу, написалъ слѣдующія, достопримѣчательныя слова: „*Кіевская Академія, воспитавшая для всей Россіи знаменитыхъ просвѣщеніемъ и добродѣтелями пастырей*, *государственныхъ чиновниковъ и во всѣхъ состояніяхъ отличныхъ гражданъ*, *есть безсмертнымъ его памятникомъ* [1]). Петръ Могила выстроилъ для аудиторій каменное зданіе въ Братскомъ монастырѣ, гдѣ была Трапеза (съ церковію Св. Князей Бориса и Глѣба, а во второмъ этажѣ долго помѣщалась академическая библіотека), и нѣсколько деревянныхъ для помѣщенія учащихъ и учащихся; для бѣдныхъ учениковъ завелъ особую Бурсу и снабдилъ ихъ своимъ содержаніемъ; далъ въ пользу Братскихъ школъ нѣсколько Лаврскихъ вотчинъ; учредилъ порядокъ классовъ до Философіи и Богословія и ввелъ, по примѣру иностранныхъ школъ, диспуты. Завелъ библіотеку и типографію; послѣдняя, однакожъ, скоро соединена была съ Лаврскою; и на все это испросилъ у Короля Владислава IV подтвердительную грамоту, въ которой Братская школа названа *Коллегіею*, а не Академіею. Наконецъ при смерти Петръ Могила въ завѣщаніи, называя взлелѣянное имъ заведеніе *своимъ единственнымъ залогомъ* (Collegium unicum pignus meum), отказалъ своей Коллегіи еще нѣсколько вотчинъ, вещей, дворъ на Подолѣ и 60 тысячъ злотыхъ. За сіи-то благодѣянія Академія долго именовала себя *Кіево-Могилянскою*. „Пятнадцать лѣтъ, при жизни Петра Могилы—говоритъ преосв. Макарій въ своей Исторіи Кіевской Академіи – были однимъ прекраснымъ днемъ для устроенной имъ Коллегіи. Кромѣ особенныхъ попеченій самаго основателя, объ ней заботились въ это время и другіе Православные. Но покровители и наставники Езуитскаго училища, находившагося на Подолѣ, не могли равнодушно смотрѣть на постепенное возвышеніе Коллегіи Православной, и вздумали повредить ей самымъ грубымъ, недостойнымъ образомъ. Они старались убѣдить чернь Кіевскую, Козаковъ и даже нѣкоторыхъ необразованныхъ духовныхъ, что въ Православной Коллегіи наставники всѣ неправославные;

[1]) Опис. Кіев. Софіи, стр 172.

что, получивъ образованіе окончательное въ Академіяхъ Римскихъ, Польскихъ, Литовскихъ и Цезарскихъ, одни изъ нихъ заражены Аріанствомъ, другіе ересью Кальвина, третьи Лютера, и что отъ-того-то они преподаютъ науки юношеству не на Греческомъ языкѣ, какъ слѣдовало бы Православнымъ, а на языкѣ Латинскомъ. Народъ взволновался; невѣжество, подстрекаемое коварствомъ и злобою, рѣшилось вторгнуться въ святилище наукъ съ огнемъ и мечемъ." (стр. 40). Но благоразумная часть жителей предотвратила разореніе Кіевской Коллегіи. Подробное описаніе этихъ волненій и бѣдствій, угрожавшихъ Братскимъ школамъ, оставилъ намъ Сильверстъ Коссовъ, одинъ изъ тогдашнихъ наставниковъ училища, въ сочиненной имъ на этотъ случай Апологіи Кіевскихъ и Винницкихъ школъ. (Апологія эта напечатана въ типографіи Печерской Лавры въ 1635 г.)

По смерти Петра Могилы (1647 г.) Академія начала приходить въ упадокъ. Съ 1648 г. началась жестокая борьба Малороссіянъ съ притѣснителями своими — Поляками, и Кіевское дворянство отказалось помогать Коллегіи. Къ довершенію горя: мѣстечко Новоселки со всѣми приселками, купленное братствомъ на деньги Петра Могилы, было опустошено Поляками. Ученики высшихъ классовъ, увлеченные чувствомъ патріотизма и громкими побѣдами Хмельницкаго, бросили свои школы и поспѣшили на поле брани подъ знамена славнаго вождя, такъ что на время въ тѣхъ классахъ почти прекратилось ученіе. [1]) Но Поляки восторжествовали, овладѣли въ 1651 г. Кіевомъ, сожгли этотъ городъ, а вмѣстѣ съ нимъ подверглись и Братскія школы разоренію. Въ этихъ печальнихъ обстоятельствахъ Кіевскому митрополиту Сильвестру Коссову удалось согласить трехъ Православныхъ епископовъ: Антонія Перемышльскаго, Діонисія Хелмскаго и Іосифа Витебскаго давать ежегодное денежное вспомоществованіе, всего 800 польскихъ злотыхъ; Гетманъ Богданъ Хмельницкій также думалъ съ своей стороны пособить отцамъ Коллегіатамъ въ такой нуждѣ и въ универсалѣ своемъ отъ 11 іюня 1651 г. выразился такъ: „Понеже всемогущій Богъ.... сподобилъ мене.... гонителей Православной церкви, матки нашей, Ляховъ зъ Украины въ Польщу далеко прогнати, стараніе маю пильное около благолѣпія церквей Божіихъ..... А якъ многимъ церквамъ, для поправы и выживеня (*содержанія*) попридавалъ есми маетности Лядцскіе.... такъ и монастыреви Братцкому Кіевскому Доминиканскіе маетности, а особливо село, названное Мостища надъ рѣкою Ирпинемъ". и проч. Кромѣ этого онъ подарилъ и три дворовыя мѣста. Въ 1656 г. января 9 пишетъ Хмельницкій: „Видячи монастырь Братскій при недостатку и потребуючій поратунку, (*помощи*)", и пр. надѣлилъ его еще нѣкоторыми угодьями (Акт. Зап. Росс.) Но митрополитъ Сильвестръ вскорѣ умеръ, а вслѣдъ за тѣмъ прекратилось и денежное пособіе отъ епископовъ. Нѣсколько попытокъ духовенства и честолюбиваго гетмана Виговскаго возстано-

[1]) Макарій, стр. 44.

вить Братскія школы, по причинѣ политическихъ неустройствъ, были тщетны. Трактатомъ съ Поляками 1658 г., заключеннымъ въ Гадячѣ, Виговскій исходатайствовалъ было Братскимъ школамъ титло и права *Академіи*, равныя Краковской, но лишившись вскорости гетманскаго достоинства, долженъ былъ оставить свои честолюбивые замыслы. Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1660 г. хотя и подтвердилъ всѣ права академіи, но не снабдилъ ее никакимъ содержаніемъ [1]). Въ этомъ же 1660 г. Полякамъ удалось опять занять весь Кіевскій край и самый городъ. Опустошеніе древлепрестольнаго града, начатое Поляками въ 1651 г., въ этомъ 1660 г. довершено; Братскія школы погребены подъ пепломъ своимъ и лежали въ развалинахъ почти 10 лѣтъ, т. е. до 1661 года; потомъ до 1673 г. исподоволь возобновляемыя, находились въ самомъ жалкомъ положеніи [2]).

Іоанникій Галятовскій, славный богословъ своего времени и сильный противникъ папистовъ, сдѣлавшись съ 1659 г. игуменомъ Братскаго монастыря и номинальнымъ ректоромъ Кіевскихъ школъ, потому что все это было еще погребено подъ развалинами, началъ стараться о возобновленіи Церкви и своей дорогой alma mater, коея онъ былъ воспитанникомъ. По его стараніямъ Кіевскій полковникъ Василій Дворецкій, универсаломъ отъ 3 мая 1659 г. на вотчины Братскаго монастыря замѣнилъ прежнія грамоты, сгорѣвшія во время всеобщаго пожара. Въ томъ же году Галятовскій обратился съ просьбою къ Царю Алексѣю Михайловичу, который и прислалъ ему свою Высочайшую грамоту на одно пустое мѣсто въ Кіевѣ, называвшееся Рыльскимъ, на костелъ Доминиканскій въ Кіевѣ и на четыре села [3]). Все это подтвердилъ 6 марта 1661 г. универсаломъ и Юрій Хмельницкій. Неизвѣстно впрочемъ, насколько успѣлъ о. Іоанникій возстановить разрушенныя церковъ и училище. Преосв. Макарій Булгаковъ пишетъ: „Въ это время (1662.) внесена была въ *обновленную* (?) большую церковь монастыря вновь явившаяся чудотворная икона Богоматери, съ тѣхъ поръ постоянно здѣсь находящаяся и извѣстная подъ именемъ Братской.“ (стр. 46). Мы должны присемъ замѣтить слѣдующее: 1) Поляки, разоривши Вышгородъ, бросили икону Божіей Матери въ Днѣпръ; Кіевляне замѣтя плывущую икону, съ подобающею честію взяли ее и поставили въ Братской церкви. Но время этого обстоятельства еще не опредѣлено окончательно. Оно могло случиться въ 1651 или въ 1662 г. О разореніи Вышгорода въ 1651 г. сохранился документъ, (см. статью о Вышгородѣ, § 34). Впрочемъ въ Аль-

[1]) Опис. Кіевск. Софіи. Прибавл. стр. 214. [2]) Преосв. Макарій Булгаковъ въ своей исторіи К. Академіи (стр. 45) пишетъ: „что въ 1658 г. страшное пламя превратило въ пепелъ всѣ монастырскія и училищныя зданія Кіевской Коллегіи.“ Но ссылки нѣтъ. Это мѣсто скопировалъ у пр. Макарія Сементовскій, разумѣется безъ всякой ссылки. Напротивъ изъ Исторіи видно, что Виговскій съ Козаками и Татарами въ октябрѣ 1658 г. осаждалъ Кіевъ, защищаемый Шереметевымъ. Битва продолжалась съ разсвѣта дня до наступленія ночи; но потерявъ много людей, 48 знаменъ и болѣе 20 пушекъ, Виговскій долженъ былъ снять осаду. (Б. Каменск. гл. XXII. и другія). [3]) Памятники. Кіевъ Т. II. стр. 213.

бомѣ Академическомъ сохраняется рисунокъ упоминаемой иконы, сдѣланный въ 1706 г. *Иларіономъ Мигурою*, съ надписью: „Истинное изображеніе образа Пресвятыя Богородицы, иже прежде въ Вышгородѣ, въ церкви Св. Романа и Давида бѣ намѣстная. Въ лѣто же 1662-е, егда Татаре чрезъ Вышгородъ за Днѣпръ ити хотѣша," и проч. [1]). 2) Варлаамъ Ясинскій, въ своемъ окружномъ посланіи отъ 19 мая 1671 г. называетъ Братскій монастырь *скорбнымъ* и изображаетъ его положеніе крайне бѣдственнымъ. Но слова эти еще не даютъ повода вовсе отрицать его существованіе. Между тѣмъ Берлинскій утвердительно пишетъ, что даже въ 1673 г. не было еще ни церкви, ни школъ. [2]) Недостатокъ актовъ и положительныхъ свидѣтельствъ, относящихся къ означенному обстоятельству, производятъ въ этомъ періодѣ Исторіи Кіевской академіи неясности и противорѣчія.

И такъ unicum pignus Петра Могилы превратился въ развалины, всѣ его труды и попеченія погибли, всѣ великія сокровища, употребленныя этимъ Молдавскимъ воеводичемъ на академію, обращены въ прахъ и пепелъ. Какъ все земное ненадежно! Какъ самыя солидныя намѣренія людей случайность превращаетъ въ воздушные замки! И стоитъ ли насаждать и строить для того, чтобы все это было разрушено? Да, стоитъ! — отвѣтимъ мы. — Самыя тяжкія бѣдствія не въ состояніи были истребить доброй памяти о Могилѣ. Его имя съ благоговѣніемъ сохранялось въ благодарныхъ сердцахъ наставниковъ и воспитанниковъ насажденной имъ коллегіи. Она въ развалинахъ и въ рубищахъ продолжала именоваться *Могилянскою*. Такъ добрыя дѣла переживаютъ всѣ превратности міра. Но возвратимся къ нашей Исторіи.

Должно полагать, что Іоанникій Галятовскій не имѣлъ значительныхъ успѣховъ при возсозданіи Братскаго монастыря и его коллегіи. Оставалось еще много дѣла и для его преемника Варлаама Ясинскаго. Съ марта 1669 г. новый ректоръ сначала обратился съ просьбою къ Іосифу Тукальскому, Кіевскому митрополиту, который въ тотъ же годъ пожертвовалъ на училище мѣстечко Стайки, только что полученное имъ отъ Гетмана Дорошенка на собственное содержаніе. Въ 1670 г. Ясинскій испросилъ у Короля Михаила Вишневецкаго двѣ грамоты: одну отъ 25 апрѣля на возобновленіе монастыря со школами, и на подтвержденіе владѣніемъ мѣстечкомъ Новеселками, а другую отъ 10 октября на возстановленіе училища. Въ этой грамотѣ оно названо *Коллегіею*, а не *Академіею*. Но въ то время, когда происходило возобновленіе и классы были еще не открыты, Братскій монастырь испыталъ новое бѣдствіе, которое самъ Ясинскій, въ своемъ окружномъ посланіи, отъ 19 мая 1671 г., описываетъ такъ: „Всѣмъ въ обецъ и каждому зъособна..... жалобне наше челобитье отдаемъ, удаляючися (*обращаясь*) до милосердного политованя (*состраданія*) милостей вашихъ въ тяжкомъ и незносномъ утрапленю (*бѣдствіи*) и упадку монастыря нашого

[1]) Аскоченскаго Кіевъ и его Академія, Т. I, прим. 308. [2]) Опис. Кіева стр. 98.

Братского Кіевского Богоявленского, труждающагося около науки Православной въ цвѣченю молоди (*воспитанію юношества*) Россійской на подпору Церкви Святой и на помноженѣ хвалы Божой: ижъ на сихъ часехъ, мѣсяца мая, дня третяго, панъ Пиво, Полковникъ Лядскій зъ полкомъ своимъ до остатней насъ привелъ згубы, напавши здрадецко (*измѣннически*) на фундацію обители нашей, на маетность нашу едину только у насъ бывшую,..... мѣстечко Новоселки, набытое намъ для задержаня монастыря и наукъ за 60 тысячей злотыхъ, легованыхъ отъ фундатора нашого, святой памяти преосвященного митрополита Кіевского Петра Могилы. Зъ которой маетности монастыреви нашому все было выживленѣ (*содержаніе*). Оную маетностку нашу перше цѣлкомъ всю зрабовалъ (*разорилъ*) и зо всего згола, що мѣли, вызулъ, забравши такъ зъ церкви всѣ блаватные аппараты (*шелковыя облаченія*) и всѣ сребные сосуды, келихи, кресты, лямпы, кадильницы, таблички (*привѣски*) и звоновъ десять, якъ тежъ зъ замочку (*строеніе*), щокольвекъ въ немъ было наше монастырское, и зо всего мѣстечка, що было въ убогихъ людей, всѣ рухомые доживости (*пожитки*) и до иншихъ господарскихъ (*хозяйственныхъ*) потребъ належачіе рѣчи и быделко (*скотину*) згола все, волы и кони и иншое що, ажъ до шерстины. На остатокъ и самыхъ людей невинныхъ высѣклъ (*умертвилъ*) иле (*сколько*) ихъ тамъ быти могло до полтораста, не перебачаючи (*не щадя*) и малымъ дѣткамъ. А домъ Божій, церковь коштуючую не мало, зо всѣмъ и все мѣстечко и замочокъ зъ будинками (*строеніемъ*) и оградою спалилъ и въ попелъ обернулъ, и цѣлкомъ все мечемъ и огнемъ знеслъ. Зачимъ до такого насъ недостатку припровадилъ, ижъ згола, безъ живности и потребъ...... монастыря и наукъ задержати не можемъ"... и пр. [1]) Вотъ какъ Поляки хозяйничали въ Малороссіи! Но мало было пользы отъ этихъ посланій. Варлаамъ Ясинскій, огорченный неудачами, отказался отъ своего мѣста, на которомъ понесъ столько безпокойствъ, и опредѣлился въ Лавру. Между тѣмъ Братскій монастырь, хотя медленно, однако поправлялся. При ректорѣ Сильвестрѣ Головчичѣ, съ 1673 г., школы открыты по прежнему порядку, ученики стали умножаться; но доходы монастырскіе были ограниченны; много бѣдныхъ учениковъ оставалось безъ вспомоществованія; они питались подаяніемъ. О способахъ ихъ къ пропитанію мы предложили уже нѣчто въ нашей Лѣтописи [2]). При послѣдующихъ ректорахъ нѣкоторыя духовныя и свѣтскія лица, какъ то Меѳодій епископъ Мстиславскій, Василій Дворецкій, полковникъ Кіевскій и другіе, также и Малороссійскіе гетманы: Самойловичъ и Мазепа, явились благодѣтелями Братства и его училища, надѣляли его имѣніями и возводили зданія. Въ подтвердительномъ универсалѣ гетмана Ивана Мазепы, отъ 15 іюня 1693 г., исчислены слѣдующія угодія: мѣстечки Карпиловка и Мостище, приселки Косачовка и Лутава, грунты Проскуринскій, Сорокушинскій, Щигельскій, Ходѣевскій и Бубли-

[1]) Памятн. врем. Ком. Кіевъ. Т. II. стр. 257. [2]) См. подъ 1673 годомъ, стр. 69—71; сравни также 1701 г. стр. 78.

ковскій; 17 дворовыхъ мѣстъ въ Кіевѣ, какъ то: Кучинское, Виговское, Голубовское, Вороничевское Креницковское, Солениковское, Свершковское, Митковское, Созоновское, Муховецское, Бибиковское, Аксаковское, Хмелевское, Пекулитское, Калениковское, Гавритинское и Дворецкое; сверхъ того мѣста: Соколій рогъ у Крещатой долины, и за Провальемъ Ирининскимъ, село Борщовка, нѣсколько озеръ, нивъ и сѣножатей [1]). Такъ, что существованіе Братскихъ школъ было уже нѣсколько обезпечено. Основываясь на показаніи въ *Росписи Киеву 1682* г. Богоявленская церковь до 1693 г. была деревянная; но въ этомъ же году Мазепа положилъ основаніе въ Братскомъ монастырѣ нынѣшней каменной соборной церкви во имя Богоявленія Господня съ придѣломъ Св. Іоанна Крестителя, а съ сѣверной стороны отъ церкви началъ возводить каменныя школы. При этомъ случаѣ мы можемъ замѣтить, что тщеславіе этого гетмана простиралось до того, что во всѣхъ, воздвигаемыхъ имъ зданіяхъ, онъ велѣлъ помѣщать свой гербъ на дверяхъ, окнахъ, карнизахъ, алтаряхъ, иконостасахъ, колоколахъ, словомъ, гдѣ только было можно, а по трапезамъ, ризницамъ, заламъ свои портреты [2]). Бантышъ-Каменскій въ своей Исторіи пишетъ, что отецъ его, обучавшійся въ К. академіи съ 1745 по 54 г., видѣлъ въ этомъ городѣ на однихъ Царскихъ вратахъ, внизу, небольшой портретъ Мазепы [3]). Первый жалованный окладъ положенъ былъ грамотою Царей Петра и Іоанна Алексѣевичей отъ 11 января 1694 г., состоявшій въ 50 рубляхъ и 50 четвертяхъ хлѣба на каждый годъ, которые повелѣно было отпускать изъ Кіевской казны и магазиновъ. Другою грамотою того же года и числа (11 янв. 1694) утверждены за Братскимъ монастыремъ всѣ его имѣнія, пріобрѣтенныя имъ отъ самого начала существованія Братства и школъ, (кромѣ отшедшихъ за польскую границу). Наконецъ Царь Петръ Алексѣевичъ, какъ истинный цѣнитель просвѣщенія, грамотою отъ 26 сент. 1701 г., по примѣру иностранныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, возвелъ Кіево-Братскія школы на степень *Академіи*, и даровалъ ей право собственной юрисдикціи. Грамота сія ограждала наставниковъ и воспитанниковъ отъ всѣхъ стороннихъ обидъ и гражданской расправы, предоставляя власть надъ ними своему духовному начальству. Съ той поры имя *Академіи* сдѣлалось постояннымъ, покрайней мѣрѣ главнѣйшимъ ея именемъ, хотя и послѣ того иногда называли ее по прежнему то Школами, то Коллегіею. Въ упоминаемой нами грамотѣ отъ 26 сент. 1701 г. великій монархъ, между прочимъ, написалъ слѣдующее: „билъ челомъ Намъ, Великому Государю Нашему Царскому Величеству, богомолецъ Нашъ преосвященный Стефанъ митрополитъ Рязанскій,.... что въ письмѣ къ нему.... Варлаама, митрополита Киевского написано, что Киевской войтъ съ мещаны чинитъ великую Брацкихъ Школъ учителямъ обиду,..... привлекая себѣ власть и волю, емлетъ студентовъ въ ратушу, не извѣщая власти духовной, ректору и преѳекту

[1]) Памятн. Вр. Ком. Кіевъ. Т. II. стр. 300, 315. [2]) Берлинск. стр. 98. [3]) Изд. 3. Т. III. прим. 284.

надлежащимъ, якоже изначала того училища, но еще изъ своей ратуши отдаютъ въ Верхней Городъ (на Старый Кіевъ) къ генералу въ Киевѣ. И Намъ бы Великому Государю..... пожаловать ихъ велѣть: дать имъ въ тотъ Брацкой монастырь, игумену и ректору зъ братіею Нашу Царского Величества жалованную, подтвержающую грамоту, чтобы тѣхъ училищъ надъ студентами впредь мещаня и генералъ Нашъ, будущей въ Киевѣ, не имѣли въ томъ надъ ними воли и власти. А кто изъ студентовъ явитця виновенъ, чтобъ искать управы въ належащемъ судѣ школъ Брацкихъ Киевскихъ у ректора и преѳекта, якоже и прежде было изначала. А учители и студенты били челомъ: что Окадемія ихъ, Киево-Могилянская, отъ прежняго своего основанія, будущая равными привиліями, какъ обыкновенно инымъ Окадемиямъ, во всѣхъ государствахъ иноземческихъ, право свободности имѣти подтвержено,..... просятъ..... освобожденій отъ бесчинства и дерзости мещанъ Киевскихъ; а какая де случитця вина, судъ бы былъ во Академіи...... И Мы пресвѣтлѣйшій і державнѣйшій Великій Государь Царь і Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великия и Малыя і Бѣлыя Россіи Самодержецъ..... велѣли Кіевского Брацкого монастыря ігумену и ректору зъ братіею..... чрезъ своихъ Православныхъ преѳектовъ и проѳессоровъ і учителевъ, дѣтямъ Россійскаго народа всякихъ чиновъ и ізъ иныхъ странъ приходящимъ, благочестивой Грекороссійской вѣры ревнителемъ: не токмо Поэтики и Реторики, но Ѳилосоѳіи и Богословіи ученія, раченія, и вѣдѣнія, Словенороссійскимъ, і Еллиногреческимъ и Латынскимъ языкомъ преподавать со усерднымъ тщаніемъ и радѣніемъ, отнюдь не отлучаяся ни въ чемъ святыя Восточныя Церкви исповѣданія" и проч. (Памятн. врем. Ком. Кіевъ. Т. II. стр. 325).

в). *Кіево-Могило-Заборовская Академія.* И такъ Кіево-Братское училище пріобрѣло въ 1701 году новое имя *Академіи*, приэтомъ не получило однакожъ никакихъ особенныхъ правъ. Покрайней мѣрѣ внѣшнее состояніе нашей академіи много улучшилось. Бѣдствія войны не касались ея болѣе; Езуиты и Уніяты не дерзали уже болѣе притѣснять и преслѣдовать ее. Важныя Православныя лица продолжали дѣлать въ пользу ея пожертвованія; для всѣхъ Кіевскихъ митрополитовъ академія сдѣлалась предметомъ постоянныхъ попеченій и Монархи Всероссійскіе стали обращать на нее благосклонное вниманіе свое. Впрочемъ недостаточный способъ содержанія бѣдныхъ учениковъ остался въ прежнемъ видѣ, и сборъ подаяній, начавшійся съ 1686 г., продолжался почти цѣлое столѣтіе, потому что лишь въ 1786 г. Высочайше повелѣно отпускать по 8,400 руб. на годъ, и съ тѣхъ поръ прекратилось испрашиваніе подаяній. Въ 1702 г. іюля 29 гетманъ Мазепа универсаломъ далъ позволеніе снова населять село Плисецкое, а въ 15 день іюля 1707 г. подтвердилъ право на владѣніе мѣстечкомъ Стайки. Въ 1714 г. іюня 2 гетманъ Иванъ Скоропадскій, по собственному побужденію, далъ Братскому училищу село Ядловку, по той причинѣ, что онъ: „взираючи на обитель Кіево-Могилянскую, Братскую, всему отечеству нашему благопотребную, гдѣ Малороссійскіе сынове належитое

въ наукахъ имѣютъ наставленіе до цвѣченія (*воспитанія*) всякихъ добрыхъ дѣлъ..... и оттуду на подпору Церкви Православной и отчизны,...... того ради особливе тое святое мѣстце требуетъ искусныхъ мужей и учителей„ и проч. А въ 1720 г., ноября 1, далъ отцамъ Братскаго монастыря универсалъ на владѣніе селомъ Мотовиловкою.

Слѣдовавшее за симъ время памятно для Кіевской академіи благодѣяніями бывшаго ея воспитанника, митрополита Рафаила Заборовскаго. Въ лицѣ его какъ бы воскресъ незабвенный Петръ Могила, по безкорыстной любви къ ней, по пламенной ревности о ея содержаніи и успѣхахъ. Все свое имущество и доходы употреблялъ онъ на пользу академіи, и перестроилъ всѣ обветшавшія ея зданія; множество бѣдныхъ учениковъ воспитывалось на его содержаніи. Ректорамъ академіи, для отличія и поощренія, онъ исходатайствовалъ въ 1732 г. у св. синода званіе архимандритовъ. Въ 1735 г. надъ каменнымъ для классовъ корпусомъ, построеннымъ Иваномъ Мазепою въ 1693 г., преосв. Рафаилъ, по плану архитектора, Нѣмца Готлиба Шейдена, надстроилъ верхній этажъ съ пространною колонадою Тосканскаго ордена, и небольшою академическою или конгрегаціонною церковію во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Церковъ сія освящена самимъ преосв. Рафаиломъ 1 ноября 1740 г. Въ этомъ верхнемъ этажѣ донынѣ помѣщаются академическіе классы и зала. Зданіе это сооружено на сборныя отъ вкладчиковъ деньги; къ которымъ пожертвовалъ митрополитъ Рафаилъ и собственныхъ 1640 рублей. Тосканская колонада этого зданія въ 1863 г. обращена въ галерею. По ходатайству преосв. Рафаила Императрица Елисавета Петровна, Высочайшею грамотою отъ 11 декабря 1742 г. утвердила за академіею всѣ ея права и привилегіи, данныя Петромъ Великимъ; и въ добавокъ, на содержаніе ректора, наставниковъ и учениковъ, опредѣлила ежегодное жалованье, вмѣсто прежнихъ 50 рублей и 50 четвертей хлѣба, по 200 рублей изъ Малороссійскаго войсковаго казначейства. Облагодѣтельствованная Заборовскимъ академія, еще при жизни его приняла на себя названіе *Кіево-Могило-Заборовской*, и удерживала это имя за собою до послѣдняго ея въ 1817 г. преобразованія.

Преосв. Арсеній Могилянскій, по примѣру предмѣстниковъ своихъ, прилагалъ попеченіе объ академіи, въ которой онъ самъ воспитывался. Онъ умножилъ библіотеку ея великимъ числомъ книгъ, и пожертвовалъ 6,000 рублей на построеніе особой на берегу Днѣпра деревянной Бурсы, сгорѣвшей 1 августа 1775 г. На семъ мѣстѣ нынѣ въ каменномъ зданіи помѣщаются духовныя приходскія и уѣздныя Подольскія училища [1]). Кромѣ того Митрополитъ Арсеній употребилъ еще три

[1]) По причинѣ разнорѣчивыхъ показаній относительно времени основанія *каменной Бурсы*, мы приводимъ свидѣтельство г. Аскоченскаго: «Лука Бѣлоусовичъ подарилъ академіи свой дворъ, находившійся на самомъ берегу Днѣпра, близъ церкви Николая Набережнаго; академія, прикупивъ къ тому еще три двора у полковника Іоакима Кононовича, заложила въ 1760 г. каменную Бурсу, оконченную и освященную въ 1765 г.—Первоначальная Бурса была близъ

тысячи рублей для перекрытія прежнихъ зданій академіи. Въ 1766 г. Императрица Екатерина Алексѣевна повелѣла Государственной Коллегіи экономіи выдавать на академію изъ экономической суммы по 500 рублей въ годъ, вмѣсто прежнихъ 200 р.

Митрополитъ Гавріилъ Кременецкій, тоже воспитанникъ академіи, оказалъ ей многія благодѣянія. Когда въ 1775 г. сгорѣла Бурса, то онъ, на мѣстѣ ея выстроилъ, на собственный счетъ, новую, каменную въ одинъ этажъ, (верхній этажъ возведенъ въ 1816 г.); а въ Братскомъ монастырѣ для ректора каменныя келліи. Приближаясь къ смерти, онъ завѣщалъ на содержаніе бѣдныхъ учениковъ 73 тысячи рублей серебромъ [1]) положить въ Московскій Опекунскій Совѣтъ. Сверхъ того въ пожертвованіяхъ участвовали многія постороннія лица. Но при Гавріилѣ Кременецкомъ въ 1780 г. февр. 29, академія понесла чувствительную потерю; она лишилась, во время сильнаго пожара, важнѣйшаго своего сокровища — многочисленной библіотеки, состоявшей изъ рѣдкихъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ и грамотъ, которыя были собраны и хранимы въ теченіи 150-ти лѣтъ.

При неусыпномъ попеченіи о Кіевской академіи митрополита Самуила Миславскаго, тоже ея питомца, совершились важныя преобразованія какъ въ отношеніи ученомъ, такъ и въ отношеніи хозяйственномъ. О первомъ мы упомянемъ послѣ. Въ хозяйственномъ отношеніи замѣтимъ слѣдующее: Высочайшимъ указомъ отъ 10 апрѣля 1786 г. повелѣно и въ Малороссійскихъ губерніяхъ ввести въ монастырскія управленія духовные штаты, (о чемъ уже мы говорили въ нашей Лѣтописи). По силѣ означеннаго указа Братскій монастырь при академіи на время былъ упраздненъ, общія ихъ деревни и всѣ прочія недвижимыя имѣнія навсегда отошли отъ нихъ въ казенное вѣдомство. Тогда на академію, вмѣсто отобранныхъ вотчинъ и прежняго жалованья, состоявшаго изъ 500 рублей, положено Императрицею ужс 8,400 руб. въ годъ, изъ коихъ начали получать небольшой, но опредѣленный окладъ всѣ наставники. Въ слѣдующій 1787 г. распоряженія эти объ академіи были нѣсколько измѣнены; Государыня (отъ 15 марта) повелѣла: остаться академіи по прежнему навсегда въ Братскомъ монастырѣ; изъ отпускаемой по штату суммы на академію, посылать, по усмотрѣнію митрополита, студентовъ въ разные иностранные университеты для дальнѣйшаго усовершенствованія, чтобы потомъ имѣть искусныхъ учителей, и проч. Въ 1797 г., по состоявшимся новымъ духовнымъ штатамъ, положено на академію, вмѣсто прежняго жалованья, ежегодныхъ окладовъ 12,000 рублей. Въ теченіи первыхъ 17-ти лѣтъ текущаго столѣтія много было и частныхъ благотворителей, жертвовавшихъ деньги

Братской Богоявленской церкви, съ южной стороны, между улицами, идущею мимо монастыря и *Духовскою*, которая шла отъ Свято-Духовской церкви, стоявшей на самомъ берегу Днѣпра, тамъ, гдѣ недавно былъ домъ дворянина Холодовскаго (Кіевъ съ его академіею. Т. II. стр 226, прим. 279. [2]) Такъ показалъ преосв. Евгеній, (стр. 238;) а преосв. Макарій (стр. 117.), показываетъ только 58,425 руб.

въ пользу академіи, такъ что съ 1731 г., или отъ временъ митрополита Рафаила Заборовскаго по 1817 г. составилось всего около 289,241 рубль на ассигнаціи, или на серебро 82,354 руб. 50 коп. капитала, а по другому свидѣтельству капиталъ этотъ образовался болѣе 180,000 руб. сер. [1]), проценты коего назначено употреблять на нужды Братскаго училища. Но во время страшнаго пожара въ 1811 г. іюля 9 дня, коимъ истребленъ почти весь Кіево-Подолъ, и академія сильно пострадала. Огонь разрушилъ почти всѣ зданія; жаръ былъ столь сильный, что металлъ колоколовъ плавился на колокольняхъ. Сементовскій пишетъ, что пожаръ въ 1811 г. истребилъ и библіотеку, (Кіевъ, стр. 210); но это еще сомнительно. Берлинскій, жившій въ это время и бывшій воспитанникъ академіи, пишетъ такъ: „Въ 1811 г. весь монастырь пожаромъ опустошенъ, *кромѣ академической библіотеки*, находящейся въ верхнемъ этажѣ одного каменнаго строенія. [2]) Берлинскій могъ лучше знать это обстоятельство. Тоже самое подтверждаетъ и преосв. Макарій. (стр. 223). Но къ стихамъ, написаннымъ на пожаръ Кіевскій, и помѣщеннымъ въ журналѣ *Улей* 1811 г. въ примѣчаніи сказано: что академическая библіотека въ пожаръ 1780 г. потеряла до восьми тысячъ книгъ, а *нынѣ она догорѣла*. Въ слѣдующемъ (1812 г.) опредѣлено было 162,602 р. на возобновленіе Братскаго монастыря и академіи; что мало по малу и приводилось въ исполненіе. Наконецъ въ 1817 году, по указу св. синода отъ 14 августа, Кіевская академія, впредь до новаго о ней распоряженія, обращена въ Кіевскую Семинарію.

г). *Состояніе науки и воспитанія въ академіи.* Доселѣ мы смотрѣли на академію со стороны матеріальной, на ея внѣшнюю, историческую жизнь, большею частію подвергавшуюся бѣдствіямъ и нищетѣ, и только подъ конецъ этого періода обезпеченной въ матеріальномъ отношеніи. Бросимъ взглядъ на ея внутреннюю жизнь, на состояніе въ ней науки и воспитанія, словомъ на самую лучшую, восхитительную сторону этого благословеннаго разсадника просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Сфера современной науки увеличилась; Могилянская коллегія или академія не могла бы удовлетворить возникавшимъ требованіямъ; но послѣ возрожденія своего Кіевская академія не уступала лучшимъ школамъ Европы и приносила плоды, которые для смертныхъ никогда не увядаютъ.

Предметы обученія въ коллегіи были слѣдующіе: языки Славянскій, Греческій и Латинскій, Православный Катихизисъ, Ариѳметика, Поэзія, Риторика, Философія и Богословіе. Польскій языкъ былъ самый обыкновенный.—Классовъ всего было восемь: 1) *Фара* или *Аналогія*, гдѣ обучали только читать и писать, впрочемъ на всѣхъ трехъ языкакъ, 2) *Инфима*, 3) *Грамматика*, 4) *Синтаксисъ*; въ этихъ трехъ классахъ учили постепенно грамматикамъ трехъ означенныхъ языковъ, занимались лег-

[1]) Кіевск. Епар. Вѣд. 1864 г. стр. 658. [2]) Описаніе Кіева, стр. 100.

кими переводами, преподавали Катихизисъ, Ариѳметику, нотное пѣніе и отчасти музыку. 5) *Поэзія*, 6) *Риторика*, 7) *Философія*, гдѣ обучали нѣсколько Геометріи, и 8) *Богословіе*. Первые шесть классовъ составляли младшее братство, учениковъ, (Sodales minoris congregationis), воспитанники высшихъ двухъ классовъ составляли братство старшее, студентовъ (Sodales maioris congregationis).

Начальственныхъ лицъ въ коллегіи было постоянно три: ректоръ, префектъ и суперъ-интендентъ. Ректоръ, вмѣстѣ и Игуменъ Братскаго монастыря и профессоръ Богословія, главное лице въ коллегіи, распоряжался доходами, имѣлъ надзоръ за наставниками и воспитанниками и потому давалъ судъ и расправу. Префектъ совмѣщалъ въ себѣ нынѣшняго Инспектора и Эконома. Онъ преподавалъ обыкновенно Философію. Суперъ-интендентъ былъ Инспекторомъ за воспитанниками, жившими въ бурсѣ и на квартирахъ. Онъ имѣлъ у себя помощниковъ изъ студентовъ *Сеніоровъ*, а въ классахъ *Цензоровъ*, и проч. По причинѣ множества учениковъ въ низшихъ классахъ назначались изъ нихъ лучшіе для выслушанія уроковъ у товарищей, и назывались *auditores*, которые отмѣчали въ своихъ *нотатахъ* или *эрратахъ*, scit, nescit, prorsus nescit. и т. п. Учитель повѣрялъ. Тутъ же чинима была расправа съ лѣнивыми учениками, особенно по субботамъ—Sabbativa. Въ старину это было въ обыкновеніи. Благодаря трудамъ Кіевской Временной Коммиссіи за ея изданія, можемъ мы сказать, что въ уставѣ Луцкаго братства 1624, находится въ 14-омъ артикулѣ слѣдующее постановленіе: „По обѣдѣ въ суботу маетъ даскалъ (*учитель*) съ дѣтьми намовлятися (*бесѣдовать*) часъ немалый, больше нежъ во дни иншіе, учачи ихъ страху Божему и обычаемъ встыдливымъ младенческимъ, якъ маютъ быти въ церкви противъ Бога, дома противъ родичомъ своимъ..... Наштo имъ и *памятного* (Субиткове, Sabbativa) маетъ не боронити *по чаши школьной испити*. Писано бо есть: любяй сына, прилежнѣе наказуетъ; а не любяй, щадитъ жезла," и проч [1]. Кромѣ уроковъ ученики имѣли письменныя упражненія, изъ коихъ *Экзерциціи* составляемы были въ классахъ, а *Оккупаціи* на дому. Въ классахъ философскомъ и богословскомъ не было ни нотатъ, ни испытаній, но введены были *диспуты*, каждую субботу въ классѣ, и ежегодные публично. Во всей Европѣ въ наукахъ тогда преобладалъ схоластицизмъ. Лучшимъ руководствомъ по Богословію почиталось сочиненіе Ѳомы Аквината, въ Философіи господствовалъ Аристотель. По Риторикѣ методы Цицерона и Квинтиліана. Впрочемъ всѣ науки въ академіи были читаны по запискамъ наставниковъ. Латинскій языкъ находился здѣсь въ самомъ цвѣтущемъ состояніи съ первыхъ годовъ училища, потому что онъ почитался тогда необходимою потребностію образованнаго человѣка. Греческимъ языкомъ, по свидѣтельству Патріарха Паисія, занимались плохо, или какъ онъ въ своей грамотѣ отъ 23 іюля 1649 г. выразился: „видѣвше

[1]) Т. I. стр. 108.

(учителей, утверждающихъ юношей) ученіемъ Славянскаго языка, яко свойственнаго; Латинскаго, яко между Латинами живущимъ имъ благопотребнаго, *отчасти и нашего Греческаго языка...* [1]). Съ теченіемъ времени учебники начали усовершенствоваться, особенно Ѳеофанъ Прокоповичъ, преподававшій свои уроки по части Богословія съ 1711 по 1716 г., предложилъ ихъ въ нѣкоторой системѣ и, какъ пишетъ преосв. Евгеній Болховитиновъ, съ такою славою, какой предмѣстники его въ семъ званіи еще не имѣли [2]). Послѣ Ѳеофана лучшими преподавателями были Сильвестръ Кулябка съ 1741-го по 1745 г., и Георгій Конисскій съ 1751-го по 1754 г. Выключая самаго чистаго, цвѣтистаго Латинскаго языка, всѣ системы этихъ преподавателей, по словамъ преосв. Макарія Булгакова, отличаются разнообразнымъ порядкомъ, неоконченностію и растянутостію (стр. 139). М. Ѳ. Берлинскій, въ своемъ Описаніи Кіева, пишетъ: „что почти до 1785 г. въ академіи обучали Еллинскому, Славянскому и Латинскому языкамъ, Баумейстеровой Философіи и Догматамъ Вѣры (прибавимъ: большею частію отдѣльными трактатами, приэтомъ восклицаетъ:) Тѣсный путь къ Геликону! Ученѣйшіе монахи исправно разумѣли по Латыни и говорили проповѣди Украинско-Польскимъ нарѣчіемъ, а Русскаго почти не знали“ [3]).

Мы упомянули уже, что вмѣсто экзаменовъ, въ концѣ каждаго года и курса введены были диспуты. Описаніе этого стариннаго обыкновенія и мнѣніе объ немъ заимствуемъ изъ Исторіи Кіевской Академіи воспитанника ея Преосвящ. Макарія Булгакова. Онъ пишетъ: „Въ такомъ случаѣ, для большей торжественности, еще наканунѣ дня, назначеннаго для диспутовъ, или, по крайней мѣрѣ, съ самаго утра прибивали на воротахъ Братскаго монастыря огромный разрисованный листъ, на которомъ написана была *конклюзія* предметовъ диспута. И жители Кіева, съ особеннымъ уваженіемъ смотрѣвшіе на эти состязанія своихъ родныхъ ученыхъ, толпами спѣшили внимать имъ, или правильнѣе — смотрѣть на нихъ: потому что диспуты производились на языкѣ Латинскомъ, вовсе непонятномъ для народа. Въ чемъ состояли диспуты, это всякому болѣе или менѣе извѣстно. Много говорили о нихъ; теперь уже перестали говорить; много смѣялись надъ ними, хотя и не всегда справедливо. Диспуты дѣйствительно смѣшны, когда предметъ ихъ бываетъ пустой и ничтожный, и еще когда диспутующіе выходятъ изъ границъ приличія и вкуса, и уподобляются ратующимъ пѣтухамъ. Но диспуты о предметахъ важныхъ, происходящіе съ пристойною разсудительностію и отчетливостію; диспуты совершающіеся съ предварительнымъ, намѣреннымъ размышленіемъ о какой-либо важной для науки или жизни истинѣ, во всякомъ случаѣ можно предпочесть положительнымъ разсужденіямъ о той же самой истинѣ какого-нибудь одного ученаго, который, уже потому что одинъ, не можетъ предусмотрѣть всѣхъ возможныхъ недоразумѣній, могущихъ встрѣтится читателю при

[1]) Памят. Т. II. стр. 190. [2]) Словарь Писателей, Т. II. стр. 297. [3]) стр. 23.

чтеніи его сочиненія. Нечего уже говорить о томъ, какъ полезны были диспуты, или самыя приготовленія къ диспутамъ для образованія разсудка и уясненія понятій самихъ студентовъ, которые должны были осмотрѣть и обсудить избранный предметъ съ величайшею подробностію и отчетливостію. До временъ митрополита Самуила Миславскаго, т. е. до 1783 г. публичные диспуты являются во всемъ своемъ блескѣ и великолѣпіи. Предъ началомъ ихъ всѣ воспитанники пѣли обыкновенно: *Царю Небесный* и какой либо приличный торжественный кантъ, а потомъ произносимы были посѣтителямъ нѣсколько привѣтствій на разныхъ языкахъ. Въ промежуткахъ слышались концерты и канты уже съ инструментальною музыкою, ученики Риторики и Поэзіи говорили разныя діалоги и стихи. По окончаніи, опять громкое пѣніе вмѣстѣ съ музыкою и нѣсколько рѣчей, между тѣмъ какъ митрополиту и знатнѣйшимъ посѣтителямъ подносимы были въ это время въ богатомъ переплетѣ рукописныя или печатныя книги, заключавшія въ себѣ сокращеніе всѣхъ богословскихъ лекцій на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ. Въ диспутахъ принимали участіе не только извѣстные студенты, но и наставники и посѣтители, въ числѣ которыхъ находились иногда и ученые иновѣрцы; отчего диспуты нерѣдко бывали очень сильны и жарки, и продолжались по нѣскольку часовъ. Преосвященный Гавріилъ Кременецкій (1770—1783 г.) хотѣлъ придать имъ еще болѣе торжественности, и въ день, назначенный для диспутовъ самъ совершалъ въ большой Братской церкви Божественную Литургію, и оттуда сопровождаемый академическимъ начальствомъ и посѣтителями, шелъ въ академическую залу. Самые диспуты, что бы сдѣлать ихъ понятными и простому народу, незнакомому съ Латынью, а между тѣмъ, любившему въ большомъ количествѣ сюда стекаться, иногда приказывалъ онъ производить по Русски. Но это были уже послѣдніе дни славы и торжества публичныхъ диспутовъ въ Кіевской академіи. Преемникъ Гавріила, Самуилъ Миславскій (1783—1799 г.) велѣлъ навсегда прекратить ихъ: и они остались до времени только въ классахъ между студентами, откуда не хотѣли еще изгнать ихъ, какъ бы изъ жалости и привычки" [1]).

Воспитанникъ Кіевской академіи, митрополитъ Самуилъ Миславскій, видѣвшій въ Москвѣ и другихъ епархіяхъ разныя училища, замѣтилъ, что послѣднія болѣе уже процвѣтали, нежели Кіевское, ограничивавшееся тѣснымъ кругомъ словесныхъ наукъ и схоластическою системою. Онъ преобразовалъ это заведеніе и прибавилъ классы Математики, Исторіи, Географіи, Рисованія, Русскаго и Французскаго языковъ. Не смотря однако на всѣ старанія начальства и покровителей, Кіевская академія съ половины прошлаго столѣтія начала мало по малу упадать. Причины этого упадка были слѣдующія: 1) Въ послѣднее время, исключая славныхъ мужей Самуила Миславскаго, Тарасія Вербицкаго, Иринея Фальковскаго, прочіе профессоры и учители ничѣмъ не

[1]) стр. 59 и 131.

засвидѣтельствовали предъ потомками своихъ особенныхъ способностей и не могли возжечь въ своихъ слушателяхъ той любви къ наукамъ, какую воспламеняли знаменитые ихъ предшественники Прокоповичъ, Яворскій, Конискій и др. 2) Заведеніе академій, семинарій въ Москвѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Петербургѣ, Новгородѣ и пр., которыя своимъ новымъ устройствомъ стали превосходить Кіевскую академію. Особенно съ появленіемъ Московскаго Университета, Медико-Хирургическихъ Академій, Кіевская лишалась многихъ питомцевъ и притомъ даровитѣйшихъ. Высшіе классы начали постоянно бѣднѣть учениками. 3) Способъ преподаванія наукъ въ Кіевской академіи устарѣлъ и несоотвѣтствовалъ болѣе требованію времени и 4) не смотря на всѣ благотворенія самый способъ содержанія бѣдныхъ учениковъ продолжалъ быть крайне неудовлетворительнымъ. Объ этомъ пишетъ одно духовное лице такъ: „Преданія нашихъ дѣдовъ и отцевъ *о древней Кіевской Академіи* переполнены самыми плачевными разсказами о скорбномъ пилигримствованіи изъ школы домой и обратно, отсюда оригинальное выраженіе: pichotare debemus, о злополучной жизни въ *старой Бурсѣ* и при церковныхъ Подольскихъ школахъ, о скандальныхъ нерѣдко продѣлкахъ и удивительной изобрѣтательности голодныхъ бурсаковъ, о царствовавшей тогда ферулѣ, о колодѣ съ цѣпью, на которую сажали бурсаковъ, о галушкахъ неимовѣрной величины. Всѣ эти и множество другихъ преданій связаны съ самыми злыми сарказмами надъ Латинскимъ ученіемъ, на прим. *стоитъ Латина, привязана до тына, кричитъ* и проч. [1]).

Какъ бы то ни было, но Кіевская академія оказала отечеству важныя услуги, представивъ ему безконечный рядъ питомцевъ своихъ на служеніе. Слова Смоленскаго епископа Гедеона ясно показываютъ, какъ смотрѣли тогда, въ этомъ отношеніи, на нашу академію: „Изобиловала всегда учеными людьми академія Кіевская, и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея, аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала, и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила.“ [2])

Въ продолженіи XVIII вѣка нѣтъ почти ни одной архипастырской каѳедры, которую не занимали бы, большею частію, воспитанники ея; въ классахъ ея получили образованіе многія лица, которыя въ послѣдствіи прославились какъ ученые профессоры университетовъ, искусные врачи, государственные чиновники, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ священнослужителей, чиновниковъ при открытіи новыхъ присутственныхъ мѣстъ, и мирныхъ гражданъ, которые всѣ, заимствовавъ свѣтъ просвѣщенія въ академіи, разносили его съ собою во всѣ концы обширной земли Русской. Изъ великаго числа знаменитыхъ мужей, духовныхъ и свѣтскихъ, получившихъ воспитаніе свое въ этой академіи, вспомянемъ хоть нѣкоторыхъ: Захарій Копыстенскій, архи-

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1864 г. стр. 478. [2]) Изъ письма къ Рафаилу Заборовскому, 1739 г. іюля 17.

мандритъ Печерскій, славный въ свое время въ Малороссіи ученостію и сочиненіемъ *Палинодіи* на защиту Православія. Скончался 1626 г. — Тарасій Земка, одинъ изъ первыхъ наставниковъ въ своей академіи, потомъ монахъ Печерскій и проповѣдникъ, скончался 1632 г. — Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, архимандритъ Черниговскій и проповѣдникъ. — Гетманъ Богданъ Михайловичъ Хмельницкій, вѣчно достойный славы освободитель Малороссійскаго народа отъ ига Поляковъ. ск. 1657 г. — Якимъ Самко, наказный гетманъ, убитъ по приказанію Брюховецкаго, 8 сент. 1663 г. — Павелъ Тетеря, полковникъ Переяславскій, казненъ Поляками въ 1667 г., въ пользу которыхъ онъ сдѣлался измѣнникомъ.—Ѳеодосій Софоновичъ, игуменъ Михайловскій, ученый составитель *Хроники*, передѣланной потомъ Гизелемъ, подъ именемъ Синопсиса; сконч. 1672 г. — Антоній Радивиловскій, игуменъ Пустынно-Николаевскій. Проповѣдникъ. — Епифаній Славинецкій, іеромонахъ Печерскій, составитель Славяно-Греко-Латинскаго лексикона; ск. 1676 г. — Арсеній Сатановскій, іеромонахъ Печерскій, Переводчикъ. — Иннокентій Гизель, архимандритъ Печерскій, составилъ Кіевскій *Синопсисъ*, какъ первое руководство по Русской Исторіи; сконч. 1683 г.—Иванъ Самуйловичъ, гетманъ Малороссійскій, скончался около 1687 г. — Іоанникій Галятовскій, архимандритъ Черниговск. Елецкаго монаст. Состязательный богословъ и плодовитый писатель, ск. 1688 г.—Іоакимъ Савеловъ, девятый Патріархъ Всероссійскій, ск. 1690 г. — Лазарь Барановичъ, архіеписк. Черниговскій, состязательный богословъ, ск. 1693 г. — Варлаамъ Ясинскій, митроп. Кіевскій, писатель; ск. 1707 г.—Св. Димитрій Туптало, митроп. Ростовскій, краснорѣчивый писатель Житій Святыхъ, ск. 1709 г. — Гавріилъ Домецкій, архиманд. Новгород. Юрьева монаст. Богословскій писатель, ск. 1711.—Іоаннъ Максимовичъ, митроп. Тобольскій. Стихотворецъ, ск. 1712 г. — Аѳанасій Милославскій, архим. Печерскій. соч. *Іероглифическую Иѳику* ск, 1714 г.—Антоній, іеромонахъ и префектъ Черниговск. семинаріи.—Стефанъ Яворскій, митроп. Рязанскій, соч. *Камень Вѣры*; ск. 1722 г. [1]). — Гавріилъ Бужинскій, еписк. Рязанскій, проповѣдникъ

[1]) Къ числу воспитанниковъ Академіи этого времени принадлежитъ также ***Иларіонъ Мигура***. Объ немъ г. Аскоченскій пишетъ слѣдующее: Мигура уроженецъ Кіевскій, знаменитый художникъ своего времени. Въ одной своей картинѣ, посвященной Стефану Яворскому, въ память пребыванія въ Кіевѣ Петра I, онъ самъ называетъ себя olim in rhetoricis, philosophicis et theologicis per septennium Almae Kiiovianae discipulus. По окончаніи воспитанія Мигура, еще въ школѣ обратившій на себя вниманіе искусствомъ рисованія, приглашенъ былъ Иларіемъ, намѣстникомъ Софійскаго монастыря для производства нѣкоторыхъ работъ въ Храмѣ Ярослава. Проходя сіе послушаніе, или какъ онъ выражается obsequia, Мигура принялъ монашество, сохранивъ впрочемъ прежнее имя свое Іоанна и 1704 г. возведенъ былъ въ званіе архидіакона; черезъ два года послѣ сего, въ честь и память своего благодѣтеля Иларія, Мигура принялъ имя Иларіона. Въ 1710 г. онъ назначенъ былъ игуменомъ Батуринскаго Крупицко-Николаевскаго монастыря; но что потомъ съ нимъ сталось и гдѣ онъ скончался—не извѣстно. Изъ уцѣлѣвшихъ рисунковъ Мигуры открывается дивный художественный талантъ, подобнаго которому не было тогда во всей Россіи. — Къ сожалѣнію картинъ Мигуры уцѣлѣло немного. Г. Аскоченскому удалось собрать ихъ, и то въ самыхъ плохихъ *оттискахъ*, всего 13. Всѣхъ ихъ подарилъ авторъ Кіевской Академіи, и онѣ вошли въ составъ академическаго Альбома. (См.

и переводчикъ, ск. 1731 г.—Св. Иннокентій Кульчинскій, первый епископъ Иркутскій, ск. 1731 г. — Θеофанъ Прокоповичъ, Кіевлянинъ, архіеписк. Новгородскій, славный ученый, проповѣдникъ, богословъ, поэтъ и плодовитѣйшій писатель, ск. 1736 г.—Иннокентій Неруновичъ, Кіевлянинъ, епископъ Иркутскій, ск. 1741 г. — Θеофилактъ Лопатинскій, архіеписк. Тверскій. Славный богословъ, пострадавшій отъ гоненій Бирона, ск. 1741 г. — Василій Григоровичъ-Барскій, Кіевлянинъ, Монахъ Антіохійскій, знаменитый нашъ путешественникъ, ск. 1747 г.—Рафаилъ Заборовскій, митроп. Кіевскій, ревностнѣйшій благотворитель Братской академіи, ск. 1747 г. — Симонъ Тодорскій, архіепис. Псковской, славный толкователь Св. Писанія, ск. 1754 г.—Манасія Максимовичъ, архимандритъ Братскаго монастыря. Стихотворецъ и богословъ, ск. 1758 г. — Сильвестръ Кулябка архіеписк. С. Петербургскій, славный богословъ и проповѣдникъ, ск. 1761 г. — Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Ст. Сов. и академикъ, рѣдкій геніальный ученый и поэтъ, ск. 1765 г. — Макарій Петровичъ, архимандритъ Тверскаго Желтыкова монастыря, отличный проповѣдникъ, ск. 1766 г. — Тимофей Щербацкій, митроп. Кіевскій, ск. 1767 г. — Дамаскинъ Аскаронскій, Кіевлянинъ, епископъ Костромскій, ск. 1769 — Кириллъ Лящевскій, епископъ Черниговскій, проповѣдникъ, ск. 1770 г. — Арсеній Могилянскій, митроп. Кіевскій, превосходный проповѣдникъ и благотворитель академіи, ск. 1770 г. — Θедоръ Александровичъ Эминъ, Титулярн. Сов. и Кабинетный переводчикъ, замѣчателенъ своими похожденіями и необыкновенными способностями. Сочинилъ „*Путь ко спасенію*", и др.; сконч. 1770 г. —Амвросій Зертисъ-Каменскій, архіепископъ Московскій, убитъ 1771 г. —Іаковъ Блонницкій, іеромонахъ Лубенскаго Мгарскаго монастыря, исправлялъ Славянскую Библію и составилъ словари, ск. около 1772 г. — Варлаамъ Лящевскій, архимандритъ Московск. Донскаго монаст., великій знатокъ Греческаго языка, ск. 1774 г. — Владиміръ Трофимовичъ Золотницкій, полковникъ, занимался Литературою. — Григорій Васильевичъ Козицкій, Ст. Сов. Стасъ-Секретарь, литераторъ, ск. 1775 г. — Максимъ Созонтовичъ Березовскій, прославился музыкальными композиціями, ск. 1777 г. — Иванъ Хмельницкій, докторъ Философіи и членъ Коммиссіи о сочиненіи новаго Уложенія.—Арсеній Мацѣевичъ, митроп. Ростовскій, проповѣдникъ и обличитель раскольниковъ, ск. въ Ревельской крѣпости около 1780 г. — Иванъ Голеневскій (Голень) Кіевлянинъ, изъ мѣщанъ, сочинитель и чудный пѣвецъ, ск. около 1780 г. — Киріакъ Кондратовичъ, Колл. Ассесоръ, очень плодовитый писатель, ск. 1780 г. — Гавріилъ Кременецкій, митрополитъ Кіевскій, благодѣтель академіи, ск. 1783 г. — Тарасій Вербицкій, архимандритъ Златоверхо-Михайловскаго монаст. и профессоръ Богословія, ск. въ 1790 г. — Давидъ

Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею. Ч. I. стр. 304). Изъ употребленнаго здѣсь слова *оттискъ*, мы можемъ заключить, что Иларіонъ Мигура былъ рисовальщикъ и граверъ.— Въ спискѣ Софійскихъ Намѣстниковъ, составленномъ въ1770 г. игуменомъ Іаковомъ, о намѣстникѣ *Иларіѣ* ничего не упоминается. (См. Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1864 г. стр. 417).

Нащинскій, архимандритъ. Богословъ и писатель, ск. 1793 г. — Григорій Савичъ Сковорода, любилъ поэзію, оригинальный человѣкъ и славный народный философъ, ск. 1794 г. — Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій, краснорѣчивый проповѣдникъ, историкъ и ревностный защитникъ Православія, ск. 1795 г. — Василій Григорьевичъ Рубанъ, Колл. Сов. директоръ Екатеринославскихъ училищъ, литераторъ и историкъ, ск. 1795 г. — Парѳентій Сопковскій, Епископъ Смоленскій, писатель, ск. 1795 г. — Самуилъ Миславскій, митрополитъ Кіевскій; издалъ богословіе Ѳеофана Прокоповича, ск. 1796 г. — Князь Александръ Андреевичъ Безбородко, славный дипломатъ Русскій; ск. 1799 г. — Іоаннъ Островскій, Кіевлянинъ, изъ мѣщанъ, епископъ Пермскій; скончь. 1801 г. — Анастасій Братановскій, архіепископъ Астраханскій, ск. 1806 г. — Артемій Лукьяновичъ Веделевъ, Кіевлянинъ, славный пѣвецъ и композиторъ ск. 1806 г. — Сильвестръ Лебединскій, архіепископъ Астраханскій, писатель, ск. 1808 г. — Василій Кондратьевичъ Аршеневскій, Кіевлянинъ, Надв. Сов. профес. Чистой Математики при Московск. Университетѣ, ск. 1808 г. — Павелъ Аѳанасьевичъ Сохацкій, Надв. Совѣт. профессоръ Философіи при Московскимъ Университетѣ, литераторъ, ск. 1809 г. — Ѳома Ивановичъ Барсукъ-Моисеевъ, Надв. Сов. Первый Русскій докторъ и профессоръ Медицины въ Московск. Университетѣ; писатель, ск. 1811 г. — Ѳеофанъ Шіяновъ, Кіевлянинъ, епископъ Полтавскій, ск. 1812 г. — Михаилъ Ивановичъ Панкевичъ, Колл. Сов. профессоръ Математики при Московскомъ университетѣ, ск. 1812 г. — Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, ск. 1812 г. — Несторъ Максимовичъ Амбодикъ, Ст. Сов. докт. Медицины, профессоръ въ С. Петербургѣ; ск. 1812 г. — Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, Дѣйст. Ст. Сов. Сочинилъ Исторію Уніи и издалъ много учебниковъ, ск. 1814 г. — Іоаннъ Васильевичъ Леванда, Кіевлянинъ, сынъ мѣщанина, сапожника Скакочки, первый протоіерей Софійскаго Собора, знаменитый проповѣдникъ, ск. 1814 г, [1]). — Димитрій Прокофьевичъ Трощинскій, Министръ юстиціи. — Иванъ Самуиловичъ Андреевскій, докторъ и профессоръ Медицины. — Михаилъ Степановичъ Бранкевичъ, магистръ Математики. — Яковъ Андреевичъ Галинковскій, Колл. Асс. и магистръ Математики, ск. 1816. — Іоакинѳъ Логановскій, Кіевлянинъ, изъ дворянъ, архимандритъ Знаменскаго монаст. въ Курскѣ, ск. 1817 г. — Ѳеоктистъ Мочульскій, архіепископъ Курскій, оставилъ много сочиненій, ск. 1818 г. — Гавріилъ Бануleско, митроп. Кіевскій, ск. 1821 г. — Ириней Фальковскій, епископъ Чигиринскій, славный богословъ, математикъ и астрономъ, скон, 1823 г. — Кириллъ Куницкій, Епископъ Чигиринскій и викарій, ск. 1839 г. — Максимъ Ѳедоровичъ Берлинскій, Ст. Сов. старшій учитель при Кіевской

[1]) Неизвѣстно, почему г. Аскоченскій пишетъ, что у Леванды была фамилія *Сикачка*, вмѣсто Скакочка. См. его Кіевъ, Т. 2. стр. 282 и прим. 310

Высшей Гимназіи, соч. *Описаніе Кіева*; скончался 1847 г. [1]) — Въ 1742 г. находилось въ К. академіи 1234 слушателя; въ 1744 г. 1160 человѣкъ, въ 1798 г. 950, въ 1799 г. было 1086 учениковъ [2]).

д) *Преобразованіе Кіевской Духовной Академіи.* Съ 28 сентября 1819 г. начался новый періодъ для Исторіи Кіевской Академіи, нынѣ преобразованной въ слѣдствіе требованій современной науки. Устройство ея можно видѣть изъ проекта устава духовныхъ академій, Высочайше утвержденнаго 30 августа 1814 г. и напечатаннаго въ 1823 г. Теперь она пользуется новымъ, лучшимъ порядкомъ и достаточными средствами какъ для содержанія, такъ и для поощренія ея наставниковъ и воспитанниковъ. Всѣ студенты находятся на полномъ казенномъ содержаніи и помѣщаются въ двухъ корпусахъ: въ нижнемъ этажѣ такъ называемаго стараго корпуса, построенномъ еще гетманомъ Мазепою и въ верхнемъ, третьемъ этажѣ, новаго корпуса, выстроеннаго въ 1822 г., а въ 1863 и 1864 г. вновь перестроеннаго. Въ этомъ послѣднемъ корпусѣ помѣщается и большая часть наставниковъ академіи; а прочіе, живущіе въ квартирахъ, получаютъ для того опредѣленныя квартирныя деньги.

Пріемъ воспитанниковъ въ академію происходитъ обыкновенно въ сентябрѣ, по окончаніи вступительныхъ экзаменовъ. Семинаристы, отлично выдержавшіе этотъ вступительный экзаменъ, принимаются на казенное содержаніе, хотя бы и не были отъ своего начальства предназначаемы въ академію. Здѣсь воспитываются кромѣ Русскихъ и иностранцы изъ Черногоріи, Сербіи, Молдавіи, Валахіи и Болгаріи [3]).

Въ 1823 г. декабря 18, открыта академическая конференція, которая собирается при испытаніяхъ и для совѣщаній по дѣламъ. 1824 г. марта 21, учрежденъ при академіи духовный цензурный комитетъ, состоящій изъ трехъ дѣйствительныхъ ея членовъ. Съ 23 мая 1836 г. для академіи назначенъ новый штатъ; по которому ректоръ и каждый профессоръ получаетъ жалованья въ годъ до 700 руб. сер., каждый баккалавръ около 350 р. Число студентовъ по штату опредѣлено 120; на содержаніе каждаго по 85 руб. 72 к. с., а всего на академію полагается въ годъ 91,800 руб. ассигнаціями или 26,229 руб. сербромъ; а по показанію Похилевича 58,096 руб. 97 коп., да процентовъ отъ академическихъ суммъ 2,363 р. 44 к. [4]). Съ 1837 г. при академіи издается еженедѣльный журналъ *Воскресное чтеніе*. Въ 1842 г. Братскій монастырь причисленъ къ 1 классу и управляется ректоромъ

[1]) Краткій перечень этотъ въ настоящемъ изданіи передѣланъ и умноженъ мною. Между тѣмъ этотъ перечень изъ перваго изданія моего сочиненія, на стр. 41-й, Сементовскій цѣликомъ помѣстилъ въ своемъ Кіевѣ, на стр. 211-й безъ всякаго указанія, какъ будьто бы онъ самъ его составилъ. Естественно, что ему легче было переписать изъ моей книги, чѣмъ самому составлять. Можетъ быть и на новую мою передѣлку онъ обратитъ вниманіе при второмъ изданіи своего сочиненія. [2]) Аскоченскій, Т. II стр. 113, 406. [3]) Сементовскій пишетъ: „Въ настоящее время академія считаетъ *болѣе тысячи* своихъ воспитанниковъ". (стр. 211). Правда ли? По штату положено только 120-ть. [4]) Кіевск. Губ. Вѣдом. 1865 г. стр. 76.

академіи. Съ 1860 г. академія ежемѣсячно издаетъ свои *Труды*. — Въ 1826 г., по завѣщанію, въ пользу академіи, славнаго покровителя наукъ, Графа Николая Петровича Румянцова, положено въ Государственный Банкъ до тысячи рублей сер.; къ этой суммѣ преосв. Евгеній Болховитиновъ, по любви своей къ отечественнымъ древностямъ, присовокупилъ, въ 1834 и 36 г. до двухъ тысячъ рублей серебромъ съ тѣмъ, чтобы проценты изъ этого капитала поступали въ награду тому изъ воспитанниковъ академіи, кто напишетъ удовлетворительное сочиненіе о какой либо Кіевскій древности. — Первымъ ректоромъ преобразованной академіи былъ архимандритъ и профессоръ богословскихъ наукъ Моисей Платоновъ-Богдановъ (такъ называетъ его преосв. Евгеній, а по Макарію и г. Аскоченскому Антиповъ?). Библіотека академическая помѣщалась прежде въ верхнемъ этажѣ надъ теплою церковію Сошествія Св. Духа, потомъ перенесена была въ новый корпусъ. Когда же этотъ корпусъ стали перестроивать, то библіотеку перенесли въ галлерею стараго корпуса, передѣланную изъ бывшей до того времени колоннады. Послѣ пожара, бывшаго 29 февраля 1780 г., составилась настоящая библіотека, въ которой нынѣ числится, по показанію Похилевича, до 26,000 томовъ, при 14,000 названій книгъ. Теперешнее помѣщеніе библіотеки въ два этажа и очень удобное.

И такъ въ 1817 г. окончились старинные порядки и обычаи въ Кіевской академіи, наступило новое устройство и новыя обыкновенія. Попытаемся провести небольшое сравненіе былаго съ настоящимъ: Любители старины говорятъ, что прежде жители всей Малороссіи и особенно Кіевляне принимали въ судьбѣ академіи живѣйшее участіе, что дѣла любезнаго ихъ училища были какъ бы ихъ собственныя; его нужды и бѣдствія были нуждами всей общественности, слухи о немъ тревожили все гражданство и могли вызвать сильное волненіе въ народѣ. Всѣ лучшіе граждане Кіева воспитывались сами и дѣтей воспитывали въ немъ. Торжественныя событія въ академіи были праздниками для всего Кіева. Прежніе академисты пользовались полною свободою жизни, могли собою располагать по произволу, что вся обстановка ихъ имѣла какое-то поэтическое настроеніе, и какъ доступъ въ академію былъ открытъ для дѣтей всѣхъ состояній, то заведеніе это разливало просвѣщеніе во всѣхъ слояхъ общества; теперь же академія представляетъ замкнутое заведеніе, доступное для немногихъ, поэтому посторонніе, особенно свѣтскіе люди, къ судьбѣ ея остаются равнодушны. Правда, теперь студенты не терпятъ нужды, не подвергаются превратностямъ обстоятельствъ, за то проводятъ годы своего ученія тихо, незамѣтно, безцвѣтно, какъ бы въ глуши; кратко сказать, вмѣсто бывшей восхитительной поэзіи, настала однообразная и скучная проза. Недавно еще говорило одно почтенное лице, что „теперь, вообще, духовное образованіе и свѣтское—какъ будто два враждебные стана, церковь и общество—будто двѣ разнородныя сферы, сходящіяся только по праздникамъ въ стѣнахъ одного храма, духовенство и общество—будто двѣ отдѣльныя касты, между которыми только недовѣр-

чивость,“ и проч. и проч. По нашему мнѣнію во всемъ этомъ много преувеличенія. Ясно, какъ день, что Кіевская академія, въ продолженіи болѣе двухъ вѣковъ, распространяя просвѣщеніе, принесла своему краю и всему отечеству Русскому неисчислимую пользу; особенно въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII столѣтія она съ честію разрѣшила свою задачу; но обстоятельства перемѣнились; прежде она была одна, а теперь нѣсколько академій и университетовъ въ Россіи. Естественно, гдѣ много конкуррентовъ, тамъ первоначальная слава должна уменьшиться. Далѣе: если Малороссія прежде заботилась о судьбѣ академіи своей, то это потому, что она ее и содержала, или правильнѣе сказать давала милостыню; что сотни студентовъ, расхаживая по окружнымъ областямъ, имѣли довольно случаевъ сообщать извѣстія о бѣдномъ состояніи своего училища. Теперь содержаніе академіи обезпечено правительствомъ и студентамъ нѣтъ болѣе надобности, ради куска хлѣба, говорить діалоги и представлять трагедіи; что прежняя прославляемая свобода жизни студентовъ есть невольный результатъ недостатковъ и бѣдности ихъ. Справедливо замѣчаетъ преосв. Макарій что: „бѣдность въ содержаніи весьма много препятствовала занятіямъ и успѣхамъ воспитанниковъ. Сколько драгоцѣннаго времени тратили они каждый день на собираніе подаяній, и каждый годъ на дальнія путешествія для своихъ сборовъ!“ (стр. 109). Правда, что судьба человѣка борющагося съ неблагопріятными обстоятельствами и переносящаго различныя страданія, представляетъ болѣе разнообразія, нежели судьба людей обезпеченныхъ удобствами; что трудности и невзгоды житейскія часто вырабатываютъ сильные характеры и развиваютъ необыкновенныя способности. Все это интересно смотрѣть со стороны или читать въ описаніи; но едвали кто захочетъ добровольно заступить мѣсто страдальца и подвергнуть себя тяжкому испытанію, коего послѣдствія совершенно еще невѣрны. Если Кіевляне сотнями стекались въ залы своей академіи, собственно смотрѣть, а не слушать диспуты ученыхъ ратоборцевъ, что дѣйствительно производило въ Кіевѣ великій эфектъ, за неимѣніемъ другаго, то въ этомъ случаѣ горожане удовлетворяли своему любопытству также, какъ нынѣ нѣсколько тысячъ Англичанъ бѣгутъ посмотрѣть на конскія скачки, ежегодно совершающіяся близъ Лондона. Во всякомъ случаѣ нынѣшнее положеніе духовной академіи, въ сравненіи съ прежнимъ, гораздо лучше какъ для нея самой, такъ гораздо полезнѣе и для отечества. Она не производитъ столько эфекта и шуму, зато надежнѣе и основательнѣе достигаетъ своей цѣли. Изъ собственнаго опыта мы знаемъ, что лѣтъ сорокъ тому назадъ ученые священники въ приходскихъ церквахъ Кіева были очень немногочисленны, теперь напротивъ всѣ мѣста заняты лицами высшаго образованія, съ распространеніемъ котораго духовенство, какъ и слѣдуетъ, поставило себя въ обществѣ гораздо выше. Дѣтямъ свѣтскихъ родителей нѣтъ надобности посѣщать академію и изучать преимущественно Богословіе. Теперь въ Кіевѣ находится университетъ и множество другихъ учебныхъ заведеній, чего прежде не было.

е) *Храмы и другія Зданія Братскаго монастыря.* 1) *Соборная церковь Богоявленія Господня*, съ придѣломъ Рождества Іоанна Крестителя. Основаніе этой церкви, какъ мы выше замѣтили, положилъ Иванъ Мазепа въ 1693 г. Она каменная, построена на мѣстѣ бывшей деревянной, имѣетъ пять куполовъ. Зданіе это, въ сравненіи съ другими церквами на Подолѣ, довольно обширно, оно высотою 9 саж. и возведено во вкусѣ Нѣмецко-Польской архитектуры тогдашняго времени; въ 1811 г. сильно пострадало отъ пожара, и по недостатку потребныхъ суммъ, весьма медленно исправлялось. Теперь приведено въ совершенный порядокъ и благолѣпіе. Въ 1853 г. главы на этой церкви позолочены, на что израсходовано, говорятъ, около семи тысячъ рубл. сер. Позолота сія придаетъ особенную красоту монастырю. Въ 1862 г. обновленъ красивый иконостасъ; бѣлыя стѣны храма украшены иконами съ изображеніями Русскихъ Святыхъ, въ богатыхъ, вызолоченныхъ рамахъ. Въ 1864 г. октяб. 13-го, оказался пожаръ въ церкви, и именно въ югозападной башнѣ, гдѣ пламя достигло до купола и быстро распространяясь подъ кровлею, проникло до средняго большаго купола. Но нѣсколько смѣлыхъ кровельщиковъ взлѣзли по водосточнымъ трубамъ на крышу, прорубили ее и залили пожаръ, который произошелъ отъ небрежности; огарки не были хорошо загашены [1]). Въ этой церкви хранится въ иконостасѣ, надъ царскими вратами, крестъ, въ золотомъ сіяніи. Этотъ драгоцѣный крестъ, коимъ патріархъ Ѳеофанъ въ 1620 г. благословилъ Богоявленское братство и утвердилъ въ немъ ставропигію, очевидно Греческой работы, изъ кипариснаго дерева, украшенъ со всѣхъ сторонъ 32-мя рѣзными изображеніями важнѣйшихъ праздниковъ нашей церкви. На шестигранной серебряной ручкѣ его вычеканена слѣдующая надпись Славянскими буквами: *Съ крестъ дрѣвено сътвори Богомъ въждельному киру Ѳеофану митрополиту покоинаго* (?) *въ святаа гора и украси е съ златомъ богорачительнаа царица влашкой земли госпожа Нѣга въ память себѣ и родителемъ ея, З лѣта* 7108. И такъ крестъ этотъ подаренъ былъ Ѳеофану отъ Волошской царицы Нѣги въ 1600 г. [2]). Въ этомъ же храмѣ, въ кіотѣ, съ правой стороны, у столпа находится, подъ серебряною, вызолоченною ризою, образъ *Братскія Богоматери*, которой прежде былъ мѣстнымъ въ Вышгородской церкви. (См. § 34). Каждую субботу, предъ этою иконою соборомъ отправляется акафистъ. — Въ ризницѣ хранится серебряный, вызолоченный крестъ Сагайдачнаго. На немъ вырѣзана надпись: „Року 1622 далъ сей крестъ рабъ Божій Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, гетманъ войска его к. м. Запорозского до церкви светаго Богоявленія Господня въ домъ Братскій на отпущеніе грѣховъ своихъ.“ Въ двухъ мѣстахъ Сементовскій написалъ такъ: „Сагайдачный пожертвовалъ *все свое состояніе* на устройство Братскаго монастыря,“—а въ другомъ мѣстѣ къ этимъ словамъ прибавилъ: *и самъ при-*

[1]) К. Епар. Вѣд. 1864 г., стр. 263. [2]) Подробное описаніе сего креста см. въ 47 номерѣ Воскреснаго Чтенія, годъ 4, т е. 1840—41.

нялъ въ немъ иночество." [1]). Эту же самую басню повторилъ и Похилевичъ [2]). Впрочемъ все это не удивительно; но къ сожалѣнію и достопочтенный авторъ „Исторіи К. Академіи," преосв. Макарій, при всей осмотрительности и художественной отдѣлкѣ своего сочиненія, увлекся авторитетомъ Бантышъ-Каменскаго и повторилъ мысль его: „огорченный коварными поступками польскихъ военачальниковъ, оставляетъ онъ (Сагайдачный) земное величіе и славу, мѣняетъ гетманскую булаву *на скромный посохъ черноризца*, *жертвуетъ...... своимъ имуществомъ*," и пр. Однако прибавилъ отъ себя: *Сомнительно*, *былъ ли онъ дѣйствительно постриженъ въ монашество*? (стр. 21). На это мы противупоставимъ одно примѣчаніе извѣстнаго знатока Исторіи Южно-Русскаго края, М. А. Максимовича. Примѣчаніе это находится въ 3 книгѣ его Кіевлянина (Москва 1850 г.) въ статьѣ: Сказаніе о гетманѣ П. Сагайдачномъ; на стр. 171; вотъ оно: „Не разумѣя, что значило записаться въ Православное Братство, Энгель въ своей Исторіи (Geschichte der Ukraine, стр. 119) сказалъ, будто Сагайдачный постригся въ монахи; и эта ошибка, чрезъ Исторію Бантышъ-Каменскаго, распространилась и у насъ. Но Сагайдачный въ монахи не постригался!" [3]).— Что касается до пожертвованія на Братскій монастырь *всего имущества*: то и это несправедливо потому, что 1) въ книгѣ, подъ названіемъ Вѣршѣ на жалостный погребъ Петра Конашевича Сагайдачнаго и пр., зложоныи презъ Касіана Саковича Ректора, Кіевъ, 1622, сказано: „Маетность свою роздалъ, едну на шпиталѣ, другую зась на церквы, школы, монастырѣ. И такъ все спорядивши, живота доконалъ, при церкви Брацкой чесно въ Кіевѣ похованъ; въ которое ся Брацтво зо всѣмъ войскомъ вписалъ, *и на него ялмужну значную отказалъ*," и проч. и въ надгробной надписи: *На который* (монастырь) *тысячій килька офѣровалъ*, а не все имущество. 2) Свидѣтельство Величка: *особливо Брацтво Кіевское значно килько тысячною удовольнивши ялмужною* [4]). 3) Послѣ него осталась вдова Анастасія, для прожитія которой также нужно было имущество. Въ Лѣтописи Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго [5]) сказано: „Помянутый Петръ Сагайдачный, гетманъ, ктиторъ Кіево-Братскаго монастыря, умеръ же тамъ въ Братствѣ и погребенъ 1622;" а въ другой Малороссійской лѣтописи означено: „1622 г. Гетманъ Сагайдачный умеръ. Тѣло его погребено въ Кіевскомъ Братскомъ монастырѣ, въ проводную недѣлю" [6]). Мѣсто могилы этого гетмана осталось для насъ неизвѣстнымъ. Внѣ церкви, за алтаремъ покоится тѣло воспитанника Кіевской академіи и славнаго путешественника Василія Грегоровича-Барскаго, монаха Антіохійскаго, посѣтившаго пѣшкомъ замѣчательныя

[1]) Кіевъ, его Святыня; стр. 209 и 212. [2]) К. Губ. Вѣд. 1865 г. стр. 76. [3]) Вѣроятно, что о существованіи третьей Книги Кіевлянина 1850 г. зналъ В. И. Аскоченскій, однако въ 1856 г. въ своей Исторіи Кіевской Академіи и онъ повторилъ сказку Энгеля о монашествѣ Сагайдачнаго. См. его Кіевъ, Т. I. стр. 91. Какъ трудно искореняются старые авторитеты! [4]) Величко. Т. I. Прибав. стр. 50. [5]) Изд. Общ. Истор. и Древн. М. 1846. стр. 4. [6]) Дневныя записки Малор. подскарбія Якова Марковича. М. 1853 г.

мѣста въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, и описавшаго свое путешествіе. Теперь на могилѣ его лежитъ каменная плита съ полуистертою надписью. Противъ этой могилы вдѣлана въ стѣну церкви чугунная доска съ надписью, сочиненною Рубаномъ. Вотъ она:

„Того Василія сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень
И лучъ премудрости снизшедъ къ его уму,
Святыя посѣтить мѣста влилъ мысль ему.
Онъ вдохновеніямъ Божественнымъ внимая,
Чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя во край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла много претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что ни зрѣлъ.
За Свято имутъ что и Римляне и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей, монастырей и градовъ красоту,
Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту,
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
И чрезъ перо свое отечество увѣрилъ
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,
И по безчисленныхъ, окончивъ жизнь, трудахъ,
Оставилъ бренные составы здѣсь тѣлесны,
А умъ его пришелъ въ селенія небесны.
Читатель ты его слезами прахъ почти,
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти. [1])

2) Другая церковь въ Братскомъ монастырѣ посвящена *Сошествію Св. Духа*, съ придѣломъ во имя Св. Михаила, перваго митрополита Кіевскаго. Церковь эта теплая, воздвигнута въ 1812 г. на мѣстѣ бывшей во имя Св. Князей Бориса и Глѣба, возведенной при Петрѣ Могилѣ, вмѣсто старинной, деревянной церкви, во имя Зачатія Св. Анны. Эта первоначальная церковь носила названіе *конгрегаціонной*, т. е. соборной, потому что въ ней 9 декабря, въ день ангела Анны Гулевичевны, происходили выборы чиновъ академическихъ. Теперь въ церкви Сошествія Св. Духа въ 31-й день декабря, въ память кончины Петра Могилы, совершается ежегодно великая панихида по немъ и по другимъ благотворителямъ Братской академіи. Церковь эта недавно перестроена; она была прежде въ два этажа, изъ коихъ въ верхнемъ помѣщалась академическая библіотека. По перенесеніи сей библіотеки въ новой большой корпусъ, своды перваго этажа въ этомъ зданіи въ 1863 г. вынуты, оттого церковь стала выше, свѣтлѣе и благолѣпнѣе. Въ ней поставленъ одинъ изъ красивѣйшихъ въ Кіевѣ иконостасовъ, и того же года, ноября 8 дня, она освящена.

3) *Конгрегаціонная* нынѣшняя церковь, во имя *Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы*, устроена на восточномъ краю обширной залы, во второмъ этажѣ, такъ называемаго теперь, стараго академическаго зданія,

[1]) Подробнѣе о Василіѣ Барскомъ см. Словарь преосв. Евгенія, Т. I. стр. 67.

находящагося съ сѣверной стороны соборной церкви. Нижній этажъ этого корпуса выстроенъ, какъ мы уже выше упомянули, окого 1693 г. гетманомъ Мазепою, а верхній этажъ, съ колонадою и Благовѣщенскою церковію, построенъ въ 1735 г. митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, который 1 ноября 1740 г. и освятилъ эту церковь. Послѣ пожара въ 1811 г. зданіе это возобновлено въ 1824 г., а въ 1863 и 64 г. Тосканская колонада этого зданія обращена въ галерею; между колонами возведены стѣны и открылось, въ два этажа, удобное помѣщеніе для библіотеки, которая до того времени находилась въ новомъ корпусѣ и значительно стѣсняла помѣщеніе въ ней студентовъ. Обширная конгрегаціонная и притомъ великолѣпная зала украшена портретами Государей, благотворителей академіи, преосвященныхъ Кіевскихъ и другихъ знаменитыхъ іерарховъ, какъ то: Петра Могилы, Святителя Димитрія Ростовскаго, Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича, Рафаила Заборовскаго и многихъ другихъ мужей, бывшихъ питомцами нашей академіи и составляющихъ славу Россіи. Зала эта въ 1836 г. перестроена; но въ 1863 и 64 производились вновь передѣлки.

4) *Колокольня* Братскаго монастыря въ три этажа; въ ней помѣщены съ 1828 г. боевые часы. Она заложена, по свидѣтельству преосв. Макарія, (ст. 123) 24 января 1756 г. при митроп. Тимоѳеѣ Щербацкомъ [1], на мѣстѣ прежде бывшей деревянной, обветшавшей. Г. Аскоченскій пишетъ: „что въ мастеры былъ договоренъ Кіевскій мѣщанинъ Стефанъ *Ковнѣръ*, который строилъ колокольню и на Дальнихъ Пещерахъ Лавры. Планы и фасадъ составлены въ Академіи,“ (стр. 181); но колокольня эта оставалась, по обстоятельствамъ, не достроенною до 1796 г., когда уже вполнѣ была окончена подрядчикомъ Кіевскимъ купцомъ Ѳедоромъ Рябчиковымъ. Въ 1811 г. обгорѣла и потомъ исправлена; а въ 1816 г. она опять пострадала отъ пожара, который начался отъ жилья, бывшаго внизу въ этой колокольнѣ, гдѣ приготовлялись восковыя свѣчи. (Мы помнимъ хорошо, что этотъ пожаръ, былъ ночью, въ весеннее время.) Потомъ исправлена. Въ 1854 г. позолоченъ куполъ этой колокольни; въ нижнемъ ея этажѣ устроены лавки, въ коихъ продаются иконы, крестики, просфоры и разныя мелочи для богомольцевъ.

5) *Новый академическій корпусъ*, каменное зданіе въ три этажа, находится по правой (южной) сторонѣ отъ соборной церкви. На фронтонѣ его изображена въ сіяніи развернутая Библія. Зданіе это воздвигнуто въ 1822 г. Объ устройствѣ его и новой передѣлкѣ въ 1863 и 64 г. было уже упомянуто выше въ статьѣ д). — За этимъ новымъ, большимъ корпусомъ находятся въ монастырѣ другія зданія, тоже каменныя, расположенныя вокругъ четырехсторонняго, довольно пространнаго двора, которой усаженъ деревьями и имѣетъ съ недавнаго времени колодезь.

ж). *Экономическое состояніе академіи и монастыря.* Благодаря свѣдѣніямъ, которыя сообщилъ Похилевичъ, мы можемъ сказать, что соб-

[1]) У Сементовскаго, отъ поспѣшности произошла ошибка; стоитъ при *Михаилѣ* Щербатскомъ. (стр. 212.) Такого митрополита вовсе не было.

ственность монастыря составляютъ теперь слѣдующія угодія: 1) Мельница въ деревнѣ Сподарцѣ, о пяти жерновахъ, съ ветхимъ домомъ, двумя дворами, огородомъ и лѣсомъ; гдѣ всей земли 54 десятины 1499 саж. Приноситъ доходу 1500 рублей. 2) Хуторъ близъ села Лѣсникъ, на мѣстѣ бывшаго Гнилецкаго монастыря, съ дворомъ, избою, огородомъ, пасѣкою. Здѣсь 27 десятинъ, изъ коихъ 23 лѣса; дохода до 200 руб. 3) Сѣнокосъ на Оболони, 36 десятинъ, дохода 450 руб. 4) Озеро при деревнѣ Козинѣ, пространствомъ въ 66 десятинъ. Изъ него получается ежегодно рыбы на 170 р. 5) Загородный домъ съ садомъ въ С. Братской Борщаговкѣ. 6) Отъ лавокъ и магазиновъ, выходящихъ на площадь, доходъ 1600 руб. 7) Неподвижнаго капитала въ кред. учрежденіяхъ монастыря принадлежитъ до 11,000 руб. слѣд. процентовъ съ него 440 руб.

Духовная академія на содержаніе свое и воспитанниковъ, также на жалованье въ ней служащимъ получаетъ изъ свѣчныхъ доходовъ Кіевской и ближайшихъ епархій и изъ капиталовъ духовно-учебнаго вѣдомства: а) суммы, ассигнуемой духовно-учебнымъ управленіемъ 58,096 руб. 97 коп. б) отъ академическихъ суммъ, процентовъ 2,363 р. 44 коп. [1]) И такъ всего 64,820 руб. 41 коп. въ годъ.

3) *Особые обряды церковные.* Лѣтъ за 50-ть до сего въ Вербную субботу всѣ ученики съ профессорами и ректоромъ собирались въ церкви Св. Георгія на Старомъ Городѣ, передъ вечернею, и съ пѣніемъ стиха *Днесь благодать Святаго Духа насъ собра*, держа въ рукѣ вербу, проходили Софійскій соборъ, спускались по Андреевскому взвозу на Подолъ и достигали Конгрегаціонной церкви, гдѣ слушали вечерню, которая оканчивалась концертомъ и проповѣдію. Теперь этотъ ходъ совершается изъ Петропавловской, семинарской церкви, чрезъ Александровскую площадь. — Другой церковный обрядъ извѣстенъ подъ именемъ *Пассій* (Passio страданіе). Въ первыя четыре пятницы Великаго Поста на повечеріяхъ поютъ положенную стихиру, священникъ читаетъ страстное евангеліе, послѣ коего продолжается пѣніе. Повечеріе оканчивается проповѣдію. Такъ какъ академія имѣетъ возможность постоянно восполнять хоръ своихъ пѣвчихъ хорошими голосами, то пѣніе академической капеллы, подъ управленіемъ опытныхъ регентовъ, всегда привлекаетъ большое число молящихся.

Списокъ Ректоровъ Братской Академіи см. въ Приложеніяхъ.

§ 8. АНДРЕЕВСКІЙ ВЗВОЗЪ.

Взвозъ или въѣздъ этотъ есть одинъ изъ новѣйшихъ и притомъ самый неудобный, по причинѣ крутизны. Максиму Ѳ. Берлинскому вздумалось назвать этотъ взвозъ *древнѣйшимъ* (стр. 91); но онъ не представилъ ни малѣйшихъ доказательствъ. Не уже ли голословное

[1]) Кіев. губер. Вѣдом. 1865 г. стр. 76.

заявленіе кого бы то ни было, можетъ служить порукою, что было за восемьсотъ лѣтъ? — Занимаясь однакожъ разрѣшеніемъ вопроса о Копыревѣ Концѣ, намъ удалось открыть и самую причину, по которой Берлинскій назвалъ Андреевскій взвозъ древнѣйшимъ. Причина эта состоитъ въ томъ, что онъ не выразумѣлъ словъ Кальнофойскаго. Руководствуясь авторитетомъ Берлинскаго, и новѣйшіе писатели стали тоже самое повторять. Подробнѣе объ этомъ смотри статьи: Киселевка, § 67 и Копыревъ Конецъ, § 75.

Близъ теперешней церкви Св. Апостола Андрея въ 1212 г. Мстиславъ Романовичъ, Князь Смоленскій, выстроилъ церковь Воздвиженія Св. Креста; посему этотъ взвозъ назывался *Крестовоздвиженскимъ*. Въ половинѣ 17-го столѣтія (1646 г.) вблизи его находился выстроенный Поляками За́мокъ на горѣ Уздыхальницѣ, которая тогда соединяла въ себѣ обѣ нынѣшнія горы: Уздыхальницу и Киселевку. Но въ послѣдствіи этотъ взвозъ, или дорога между горами Уздыхальницею и Киселевкою, ведущая со Стараго Кіева на Подолъ, получила названіе *Андреевскаго взвоза*, потому что возлѣ нее построена въ 1744 г. церковь Св. Апостола Андрея. Въ 1832 г. антикваріемъ Лохвицкимъ были на Андреевскомъ взвозѣ произведены поиски, но объ нихъ обстоятельно будетъ упомянуто, говоря о Крестовоздвиженской церкви.

§ 9. АНДРЕЯ, СВ. АПОСТОЛА ПЕРВОЗВАННАГО, ЦЕРКОВЬ.

Крестовоздвиженская церковь. — По всѣмъ соображеніямъ былъ въ древности на этомъ мѣстѣ *Теремный* Княжій Дворецъ. — Чтя преданіе Несторово, что Св Апостолъ Андрей (40 г.) на горѣ Кіевской водрузилъ крестъ, какъ знаменіе будущаго обращенія Кіевлянъ къ Христіанству, Мстиславъ Романовичъ выстроилъ въ 1212 г., вблизи этого мѣста Крестовоздвиженскую церковь; но она была въ 1240 г. разорена, а въ послѣдствіи времени забыли и мѣсто ея.

Андреевская церковь.—Старецъ Леонтій, бывшій въ Кіевѣ въ 1701 г., замѣчаетъ въ своемъ *Описаніи* слѣдующее: „А гдѣ Св. Апостолъ Андрей крестъ поставилъ, и тотъ холмъ въ городовой стѣнѣ красовитъ зѣло. На томъ мѣстѣ стоитъ церковь деревянная, ветхая, во имя Св. Апостола Андрея Первозваннаго“ [1]). Изъ этихъ словъ явствуетъ, что до сооруженія нынѣшней церкви стояла на томъ же мѣстѣ *деревянная*, и въ 1701 г. была уже *ветхая*. Императрица Елисавета Петровна, въ бытность свою въ Кіевѣ, въ память Св. Апостола Андрея, благоволила своеручно, въ августѣ, 1744 г. положить первый камень въ основаніе церкви, выстроенной по чертежамъ архитектора графа Растрелли, славнаго по постройкамъ въ Петербургѣ Смольнаго монастыря, Собора Св. Николая Морскаго, Зимняго, Царскосельскаго, Аничковскаго Дворцовъ, Пажескаго корпуса; въ Москвѣ, между Пят-

[1]) См. нашу Лѣтопись 1701 г. стр. 78.

ницкою и Ордынкою, церкви Преображенія Господня (Св. Климента), на Покровкѣ, близъ Воскресенской церкви въ Барашахъ, бывшаго додома кн. Трубецкаго, нынѣ четвертой гимназіи, и другихъ великолѣпныхъ зданій, во вкусѣ Рококо (Rococo) вѣка Людовика XV, короля Французскаго. Въ Кіевскомъ губернскомъ управленіи хранится слѣдующій подлинный указъ Императрицы Елисаветы: „Указъ Нашему Генералу и Киевскому Генералу Губернатору Леонтьеву: на строеніе въ Киеве церкви Св. Апостола Андрея Первозваннаго и нашего Дому повелѣваемъ вамъ отпустить Брегадиру Власьеву істаможенныхъ и кабацкихъ и другихъ зборовъ Киевской губерніи до двадцати тысячь рублевъ. Елисаветъ.—8 июня 1749 г. в троицкомъ походе в-селе большихъ мытищахъ". — Хотя ничего не щадила Государыня для прочнаго сооруженія благолѣпнаго храма, но работы шли медленно, по причинѣ глубокаго фундамента. Заготовленія къ постройкѣ начаты только осенью и зимою 1747 г. Въ это время въ Кіевѣ была учреждена особая коммиссія, зависѣвшая непосредственно отъ Сената. Предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ бригадиръ Власьевъ, архитекторомъ и распорядителемъ построекъ — Московскій придворный архитекторъ Иванъ Мичуринъ [1]). Изъ Петербурга прислано множество „Италіанскихъ мастеровъ кирпичнаго и черепичнаго дѣла". Г. Ефимъ Крыжановскій сообщаетъ, что были по Малороссіи и въ Брянскъ разосланы Высочайшіе манифесты, дабы никто изъ владѣльцевъ не препятствовалъ коммиссіи рубить лѣсъ, брать работниковъ и тому подобное за условную плату. Дѣйствія коммиссіи открылись весною слѣдующаго 1748 г. Построены огромные сараи, кирпичные и черепичные заводы, на которыхъ выдѣлывалось въ годъ не мѣнѣе двухъ милліоновъ кирпича и черепицы. Всѣ распоряженія этой коммиссіи выходили въ формѣ Высочайшихъ манифестовъ, отъ лица Императрицы: „Божіею милостію Мы Елисаветъ первая..... Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ" и разсылались по Малороссіи чрезъ гражданскія и духовныя присутственныя мѣста съ послушными найкрѣпчайшими указами: „чтобы агентамъ коммиссіи и работникамъ вездѣ чинено было надлежащее вспоможеніе безъ всякаго продолженія" [2]). Похилевичъ, описывая Вышгородъ, сообщаетъ слѣдующее: „Старожилы говорятъ, что при постройкѣ этой церкви много перевезено изъ Вышгорода камня; чему способствовала удобность сплава по Днѣпру строительныхъ матеріаловъ" [3]). Но исполнитель чертежей Растреллевыхъ, Мичуринъ, какъ замѣчаютъ нѣкоторые, при самомъ началѣ постройки сдѣлалъ великую ошибку, именно — онъ не пресѣкъ и даже не отвелъ водяныхъ ключей, находившихъ-

[1]) Другіе пишутъ: *Мичюринъ* и даже *Мисюринъ*; но это невѣрно; въ книгѣ: „Москва. Подробное Историческое и Археологическое Описаніе города; текстъ И. М. Снегирева, изданіе А. Мартынова. Москва 1865 г. in 4-to", при первомъ томѣ помѣщенъ Планъ Москвы, сочиненный подъ смотрѣніемъ архитектора Ивана Мичурина, отпечатанный съ мѣдной доски, выгравированной въ 1739 г. и сохранявшейся въ архивѣ Военно-Топографическаго Депо. [2]) Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1861 г. стр. 15. [3]) О насел. мѣст. Кіевск. губерн.

ся въ этой горѣ, подобные коимъ имѣются и по всему протяженію горъ. Думали отклонить эту опасность для зданія, необыкновеннымъ углубленіемъ фундамента; что и было причиною замедленія работъ, и великолѣпное зданіе довершено было предъ самою кончиною царственной его основательницы. Съ нею прекратились надолго и заботы объ этомъ храмѣ.

Андреевская церковь прекрасной, легкой архитектуры; ея внѣшнее великолѣпіе вполнѣ соотвѣтствуетъ внутренней пышности и изяществу; но какъ она возвышается на сѣверномъ углу Старо-Кіевскаго крѣпостнаго бастіона и, слѣдовательно, одною только южною стороною примыкаетъ къ земляному валу: то для прочности имѣетъ фундаментъ почти вполовину столько же глубокій, сколько высока самая церковь. Съ западной стороны въ этомъ фундаментѣ устроены жилыя мѣста для казармъ, впрочемъ, по причинѣ сырости, неудобныя для обитанія. Церковь эта имѣетъ въ высоту 20 саженъ $2\frac{1}{4}$ аршина, а съ фундаментомъ 27 саженъ. Храмъ этотъ Коринѳскаго Ордена. Гладкія колоны и дорожчатые пилястры на внѣшней сторонѣ зданія имѣютъ капители, литыя изъ чугуна, теперь уже совсѣмъ почернѣвшія; но первоначально они были покрыты червоннымъ золотомъ, что увеличивало великолѣпіе. Еще въ 1820 г. мы видѣли на капителяхъ остатки позолоты.— Церковь Св. Апостола Андрея стоитъ на горѣ, которая возвышается на сорокъ одну саженъ и два аршина надъ обыкновеннымъ уровнемъ Днѣпра. Издали она кажется какъ бы висящею надъ Кіево-Подоломъ и представляетъ видъ прелестный; мѣстность ея привлекаетъ къ себѣ каждаго путешественника, образованнаго и простолюдина, и въ каждомъ вызываетъ своего рода чувствованія. Къ храму ведетъ широкая, чугунная лѣстница въ 53 ступени, раздѣленныя тремя площадками. Вокругъ храма, на сводахъ фундамента устроена терраса или паперть, окруженная чугунною решеткою; отсюда представляется видъ необъятный и восхитительный. У ногъ зрителя видѣнъ весь Кіево-Подолъ, какъ на планѣ, далѣе сверкающій Днѣпръ съ его рукавами и съ Черторыею, а еще далѣе впадающая Десна. За ними стелятся во всѣ стороны широкіе, зеленѣющіе луга и рощи, между коими замѣтны селенія съ верхами церквей и колоколенъ; на заднемъ планѣ видѣнъ лѣсъ, оканчивающійся на горизонтѣ темносинею, неявственною полосою. Къ сѣверу ближайшій предметъ гора Киселевка, отдѣленная теперь дорогою или спускомъ на Подолъ; но она лѣтъ 200 назадъ составляла одну гору съ подножіемъ Андреевской Церкви, и здѣсь былъ устроенъ Литовцами За́мокъ. За Киселевкой возникаетъ гора Щековица съ одинокою церковію, окруженною зеленью деревъ. Здѣсь была нѣкогда Олегова Могила. За этимъ теперь Подольскимъ кладбищемъ вдали виднѣется Кирилловскій монастырь, а потомъ синѣющійся боръ; и ландшафтъ заключается едва явственнымъ возвышеніемъ нѣкогда славнаго Вышгорода. Эта широкая, великолѣпная картина очаровываетъ зрителя и возбуждаетъ въ немъ воспоминанія о давно минувшихъ вѣкахъ исторической жизни нашего отечества. Но возвратимся къ описанію Андреев-

ской церкви: Высокій, вызолоченный иконостасъ въ три этажа, со многими рѣзными фигурами, также во вкусѣ Рококо; образа иконостаса, писанные на холстѣ, на манеръ Италіанской живописи, рѣзной балдахинъ надъ престоломъ, стекляное паникадило, упомянутыя капители, рѣзная каѳедра съ балдахиномъ, поддерживаемая ангелами, лѣпные орнаменты на стѣнахъ, сводахъ и въ куполѣ храма — все это было прислано изъ Петербурга еще при жизни Государыни Елисаветы Петровны. Люди, которые выдаютъ себя за знатоковъ живописи, особенно хвалятъ запрестольный образъ Тайной Вечери, писанный на деревѣ и теперь отъ сырости много пострадавшій. Одни увѣряютъ, что это есть произведеніе кисти Леонардо да Винчи, а по мнѣнію другихъ, передаваемому Еф. Крыжановскимъ, есть произведеніе какого-то неизвѣстнаго Арнольда де Винчи. Ясно, что эти знатоки не знакомы съ произведеніями первоклассныхъ живописцевъ. Картина эта есть хорошая академическая работа и только. Ни одинъ изъ Кіевскихъ архитекторовъ не въ состояніи былъ возвыситься до пониманія вкуса и генія знаменитаго Растрелли. Поэтому въ городѣ нѣтъ никакого подражанія этому храму. Справедливо замѣтилъ недавно графъ Остенъ-Сакенъ, что „церковь Св. Андрея Первозваннаго восхитительно — живописна; соразмѣрность, согласіе, легкость поразительны. Лучше нельзя было воздвигнуть достойнаго памятника геніальному Растрелли, какъ построеніемъ вблизи тяжелой Десятинной церкви [1]“.

Пользуясь консисторскими извѣстіями Еф. Крыжановскій сообщаетъ слѣдующее: „Въ кратковременное царствованіе Петра III и въ началѣ царствованія Екатерины II, Андреевская церковь была забыта. Она не была еще освящена, не имѣла ни ризницы, ни сосудовъ, ни причта, ни содержанія, ни колоколовъ, не устроена была и колокольня. Оставаясь безъ надзора и поддержанія въ продолженіи 6-ти лѣтъ, она получила значительныя поврежденія. Водяной ключъ продолжалъ струиться у самой восточной стѣны фундамента, и оказывалъ уже свое дѣйствіе: фундаментъ постепенно разрушался, кирпичи выпадали изъ него. Кромѣ того черепичная кровля, не плотно сложенная и вывѣтриваемая, пропускала на своды снѣгъ и дождь; птицы разбивали окна и вили внутри зданія гнѣзда. Въ 1767 г. Кіевскій губернаторъ Воейковъ поручилъ распорядителю дворцовыхъ работъ — которыя также шли теперь вяло — архитектору Карину осмотрѣть поврежденія храма и исчислить сумму на починку ихъ. Каринъ представилъ смѣту на эту починку въ 2,115 рублей. Воейковъ отправился въ Москву, гдѣ была тогда Императрица, въ надеждѣ получить означенную сумму; но получилъ только глухой приказъ: распорядиться объ освященіи храма. Въ такомъ жалкомъ видѣ храмъ и освященъ (19 августа 1767 г.) Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ, который тогда же далъ сюда нѣсколько старыхъ облаченій и сосудовъ, и приказалъ слу-

[1]) Сѣверн. Почта 1864 г. № 95-ый.

жить въ немъ монахамъ своей каѳедры. Въ Кіевѣ не знали, что дѣлать съ этимъ храмомъ, для котораго, и по освященіи, не назначенъ ни причтъ, ни содержаніе, а въ Петербургѣ, выключивъ его изъ дворцоваго вѣдомства, не стали больше думать о немъ. Въ слѣдующемъ году Каринъ, по порученію Воейкова, снова представилъ смѣту на починку Андреевской церкви и на устройство ризницы—въ 6459 рублей; такъ быстро увеличивались поврежденія! На этотъ разъ, по представленію Воейкова, при ходатайствѣ св. синода, Императрица поручила коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ найти источники, какъ для починки зданія, такъ для дальнѣйшаго содержанія его, и назначить штатъ. Коммиссія, назначивъ штатъ, рѣшила поручить содержаніе церкви и причта Кіевскому магистрату, такъ какъ нельзя сдѣлать этой церкви приходскою, по ограниченному населенію мѣстности, и нѣтъ нужды дѣлать ее соборною. Магистратъ въ свою очередь недоумѣвалъ, почему онъ долженъ содержать на свой счетъ эту церковь и исправлять ея поврежденія, и переписка между коммиссіею о церковныхъ имѣніяхъ, сенатомъ, малороссійскою коллегіею и Кіевскимъ магистратомъ потянулась на 18 лѣтъ. Причту магистратъ выдавалъ жалованье туго, и священникамъ часто приходилось обращаться съ жалобами къ губернатору и митрополиту „о неимѣніи ни откуда пропитанія". Но исправлять зданіе и строить ризницу магистратъ рѣшительно отказался. А между тѣмъ въ 1773 году окончательно изорвались облаченія, подаренныя митрополитомъ Арсеніемъ. Настоятель церкви, протоіерей Яковъ Мултянскій, отправился тогда самъ въ Петербургъ; но, проживъ здѣсь около года, ничего не успѣлъ, потому что, какъ говорилъ онъ по возвращеніи въ Кіевъ, члены коммиссіи никогда не собирались. Оставивъ здѣсь своего діакона „для хожденія по дѣламъ", онъ уѣхалъ изъ Петербурга, по дорогѣ выпросилъ пару облаченій и служилъ въ нихъ. Чрезъ нѣсколько времени возвратился и діаконъ съ обѣщаніями коммиссіи назначить сумму на исправленіе и содержаніе храма и на ризницу. Что касается послѣдней, то коммиссія тогда же рѣшила устроить ее изъ вещей, оставшихся отъ упраздненныхъ въ Великороссіи монастырей. Но изъ доношеній по этому поводу епархіальныхъ начальствъ узнали, что между этими вещами во всѣхъ епархіяхъ нѣтъ ни одной годной (!). Потребовали отвсюду эти вещи въ Петербургъ и увидѣли, что дѣйствительно ни одна изъ нихъ негодна уже къ употребленію въ церковномъ служеніи. Между тѣмъ въ 1778 году изорвалась и пара облаченій, выпрошенныхъ Мултянскимъ; ключь причинилъ еще бо́льшія поврежденія. Митрополитъ Гавріилъ снова обратился къ св. синоду; тогда сенатъ, милороссійская коллегія, коллегія экономіи и Кіевскій магистратъ начали дѣлать другъ другу запросы и представленія; магистратъ же писалъ, что не имѣетъ средствъ починить и содержать церковь. Между прочимъ епархіальное начальство формально увѣдомлено было, что Императрица жертвуетъ отъ себя этой церкви полную новую ризницу; но здѣсь напрасно ждали этой жертвы, она осталась только обѣщаніемъ. Въ 1786 году митрополитъ Самуилъ

Миславскій доносилъ св. синоду, что въ церкви Андреевской крайняя скудость и нищета во всемъ, — что кромѣ ризъ, данныхъ митрополитомъ Арсеніемъ и выпрошенныхъ Мултянскимъ, давно уже изорванныхъ, другихъ нѣтъ, что нѣтъ при ней ни одного колокола, — въ алтарѣ образовалась трещина и течь, и штукатурка падаетъ на престолъ, — что все вообще обѣднѣло и валится. Не полагаясь болѣе на обѣщанія, онъ обратился къ Малороссійскому намѣстнику Румянцеву. Не задолго предъ симъ Кіевскій магистратъ обращенъ въ Думу, ставшую въ болѣе тѣсную зависимость отъ губернатора. Поэтому рѣшительное предписаніе Румянцева и участіе Кіевскаго губернатора Ширкова сдѣлало въ одинъ годъ болѣе, нежели 18-ти-лѣтняя переписка сената, коллегій и т. п. Въ 1787 году всѣ ветхости и поврежденія въ зданіи исправлены, ключь отведенъ [1]). Это стоило думѣ 6,763 рубля. Въ это же время послѣдовало преобразованіе Малороссійскихъ духовныхъ штатовъ, и между прочимъ уничтожено нѣсколько монастырей; въ самомъ Кіевѣ уничтожено 5-ть монастырей. Тогда митрополитъ Самуилъ, не ожидая чужихъ заботъ объ Андреевской церкви, снабдилъ ее полною ризницею и всѣмъ нужнымъ изъ вещей этихъ монастырей, преимущественно Кирилловскаго. Впрочемъ и тогда не все сдѣлано для этой церкви: восемь комнатъ въ двухъ-этажномъ фундаментѣ, которыя предназначались для жилья причетниковъ, остались въ запустѣніи, и нельзя было жить въ нихъ. Колокольня не построена, колоколовъ по прежнему не куплено, и церковь, долго титуловавшаяся на письмѣ *Государевою*, въ городѣ слыла просто *беззвонною*. По крайней мѣрѣ, съ этого времени не являлись уже доношенія, что въ *Государевой* церкви птицы вьютъ гнѣзда, все валится, и нѣтъ ни одной пары облаченій, ни сосудовъ. Дума городская назначала отъ себя ктиторей, которые исправно вели приходъ и расходъ такъ, что церковь съ этого времени, особенно съ 1809 г. когда обращена въ собственность церквей продажа церковныхъ свѣчъ, составлявшая до того времени собственность священническихъ женъ, располагала уже и собственными небольшими средствами, и при послѣдующихъ починкахъ — первой незначительной [2]), хотя и длившейся семь

[1]) Такимъ образомъ, со времени заложенія храма до окончательнаго исправленія его, прошло около 43 лѣтъ. Въ продолженіи этого времени народъ, постоянно видя вытекавшую изъ фундамента воду, естественно спрашивалъ: откуда берется тамъ вода? Къ своеобразному рѣшенію этого вопроса привело вскорѣ уже образовавшееся въ народѣ мнѣніе, что престолъ церкви утвержденъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ Св. Андрей водрузилъ крестъ. Вода течетъ изъ того мѣста, гдѣ водруженъ былъ крестъ, изъ-подъ престола, слѣдовательно тамъ есть источникъ, колодезь. Такъ думалъ и вѣровалъ народъ и, при естественной вѣрѣ въ чудодѣйственную силу креста, дополнялъ это вѣрованіе новымъ предположеніемъ, что и колодезь образовался на этой горѣ въ то время, когда Св. Андрей водрузилъ крестъ. Усилія задержать теченіе ключей изъ церковнаго фундамента, остававшіяся на долгое время безуспѣшными, привели къ новому вѣрованію о необыкновенномъ стремленіи воды изъ подпрестольнаго колодезя, достаточномъ къ тому даже, чтобъ затопить весь міръ. Вотъ происхожденіе повѣрья, до сихъ поръ сохраняемаго въ простомъ народѣ по всей почти Россіи. (Примѣч. Е. Крыжановскаго).

[2]) При этомъ случаѣ г. Крыжановскій замѣчаетъ: „въ это время (1825—1832 г.) Андреевская церковь, *вмѣсто прежней черепицы*, покрыта желѣзомъ, крыши покрашены ярью, а куполъ

лѣтъ (1825—1832) и послѣдней въ 1844 г., (когда устроена лѣстница и галлерея, исправленъ фундаментъ, куполы обиты бѣлою жестію, стѣны наружныя вновь оштукатурены), она прибавляла и свою лепту къ суммѣ, отпускавшейся на эти починки изъ казны (до 22-хъ тысячъ р.); а въ 1858 году въ покояхъ фундамента, на счетъ церкви устроенъ малый зимній храмъ, во имя Св. Захарія и Елисаветы, при входѣ въ который снаружи тогда же повѣшенъ и маленькій колоколъ — невиданное и неслыханное прежде въ ней явленіе“.

Въ 1864 г. устроена и 25 октября освящена церковь во имя Преп. Сергія Радонежскаго въ фундаментѣ Андреевской церкви, въ среднемъ отдѣленіи галлерей, подъ престоломъ верхняго храма.

Въ 1841 году, когда духовенству западныхъ губерній положено отъ казны жалованье, причтъ Андреевской церкви, сравненъ по содержанію съ причтами прочихъ Кіевскихъ церквей и получаетъ жалованье отъ казны. Но вмѣстѣ съ симъ, на содержаніе собственно зданія церкви не назначено никакой суммы. А въ починкѣ и теперь существуетъ настоятельная нужда: насыпь съ 3-хъ сторонъ фундамента постоянно осыпается и лишаетъ фундаментъ надлежащей защиты. Съ застройкою домами мѣстности, окружающей церковь, тамъ и здѣсь пресѣченные ключи пролагаютъ себѣ пути все ближе и ближе къ фундаменту, и грозятъ ему временами 1761 и 1786 г.—Теперь этотъ великолѣпный храмъ находится въ такомъ положеніи, что ему угрожаетъ разрушеніе. Одинъ новѣйшій писатель изображаетъ это обстоятельство такъ:

„Если бы такое чудное зданіе, нигдѣ еще не повторявшееся, по своей смѣлости и красотѣ, существовало за границею (не говоря уже о святости и значеніи самаго мѣста), не было ли бы оно постояннымъ предметомъ заботъ церковныхъ и государственныхъ? Да и какъ не озаботиться, чтобы неоцѣненное сіе сокровище сохранилось нерушимо и не прикоснулась къ нему рука времени, чтобы не подѣйствовали на него бури и непогоды, съ которыми борется оно на окраинѣ утесовъ?... Не изумляются ли и здѣсь, въ родномъ нашемъ Кіевѣ, всѣ приходящіе, и русскіе и иностранцы, смѣлому произведенію геніальнаго художника?

„Дѣйствительно изумляются..... и только! а чудному зданію угрожаетъ опасность; но объ этомъ только молча пожимаютъ плечами! Казалось, за границею, озолотили бы такое сокровище, какъ и было оно нѣкогда позолочено внутри и снаружи, по всѣмъ своимъ легкимъ карнизамъ и капителямъ Коринѳскихъ колоннъ; но все это давно уже стерло время, а люди, помогая времени, безпечно подкапывали основаніе храма, роясь въ окрестной землѣ. Какая странная и вмѣстѣ горькая участь сего драгоцѣннаго святилища, забытаго и преданнаго запустѣнію почти отъ самаго своего начала! Какой тяжкій укоръ нашему

украшенъ звѣздами изъ бѣлой жести.“—Все это такъ, выключая словъ: *вмѣсто прежней черепицы*. Достовѣрно знаемъ, что въ 1816 г. кровля на этой церкви была уже покрыта *желѣзомъ*, а не черепицею. Когда желѣзными листами замѣнили черепицу — не знаемъ; но во всякомъ случаѣ раньше 1816 г.

равнодушію и къ святости мѣста и къ генію зодчаго! А когда наконецъ поколеблется оно на своихъ основаніяхъ и мы лишимся милліоннаго зданія, то едва ли будемъ въ силахъ возстановить падшее, сколь бы ни было прискорбно для насъ зрѣлище такихъ развалинъ, когда теперь еще немногихъ стоило бы усилій предупредить это бѣдствіе........

„Храму Первозваннаго опять угрожаетъ прежняя опасность отъ осѣдающей кругомъ его горы. Весьма неосторожно было дозволено, въ 1846 году, построить большой домъ подъ самой его террасой, и когда начали срывать валъ, чтобы очистить мѣсто, засыпали землею тайные родники; отъ сего образовались большія трещены въ горѣ, по временамъ умножающіяся при обвалѣ весенныхъ снѣговъ. Не говорю уже о неблаговидной наружности самаго дома, который заслонилъ съ южной стороны величественное зданіе Растрелли. Оно было выдано такимъ образомъ на произволъ сосѣдей, какъ и самый холмъ его, гдѣ каждый могъ добывать глину и песокъ и свозить на него всякую нечистоту, а дождевыя струи, разливаясь изъ согнившихъ трубъ, подмываютъ фундаментъ паперти и буравятъ около нея землю.

„Началось опять, на многіе годы, составленіе проэктовъ и смѣтъ, для укрѣпленія горы и устройства водопріемниковъ подъ чугунной папертью, которая грозитъ разрушеніемъ; но еще много пройдетъ времени, пока утвердятся эти смѣты, безпрестанно измѣняемыя, и пока пріищутся необходимыя для сего деньги, а время не терпитъ, и гора ежедневно обваливается, хотя и начали теперь, по случаю устройства городскаго сада на Андреевской горѣ (*Уздыхальницѣ*), возводить уступами террасы съ сѣверовосточной стороны храма, чтобы укрѣпить его основный холмъ; но нельзя довершить успѣшно эти работы, если не будутъ отведены дождевыя струи, подмывающія паперть.....

„Давно ли завѣтная гора сія, которой одно имя должно быть священно для каждаго Русскаго, была предметомъ общаго нареканія и позора, отъ той нравственной нечистоты, которой она была обречена сверху и до низу, въ продолженіи столькихъ лѣтъ; и какихъ усилій стоило очистить ее отъ этой язвы? Еще и доселѣ, отъ времени до времени, возобновляется позоръ сей, отъ крайняго неуваженія къ священной мѣстности, отовсюду здѣсь окруженной церквами и обителями, въ числѣ коихъ единственный въ Кіевѣ женскій монастырь и семинарія. Теперь же идетъ прѣніе и о другой нечистотѣ вещественной, объ очищеніи церкви отъ того смрада, который къ ней подымается изъ развалившагося сарая сосѣдней усадьбы, по нерадѣнію допускающихъ такое неблагочиніе близъ церкви, на главной улицѣ, хотя это поражаетъ каждаго усерднаго богомольца“ [1]).

Говоря о славной церкви Св. Апостола Андрея, нельзя не упомянуть о Христіанскомъ подвигѣ милосердія одного простаго Русскаго человѣка, извѣстнаго подъ именемъ *Ивана Босаго*. Очевидцы сообщаютъ

[1]) Вѣстникъ Юго-Западной и Запад. Россіи. май. 1864 г.

объ немъ слѣдующее: Около 1844 г. въ двухъ-этажномъ домѣ, составляющемъ часть фундамента Андреевской церкви, жилъ нѣкто Иванъ Босый, уроженецъ города Зарайска, названный такъ потому, что ни въ какое время года не носилъ обуви, и въ самые лютые морозы его видѣли босымъ на улицахъ Кіевскихъ. Жизнь свою онъ посвящалъ непрестанной молитвѣ и сбору подаяній, употребляя ихъ на содержаніе въ Андреевскомъ домѣ странниковъ, число которыхъ иногда достигало до двухъ сотъ человѣкъ. Узнавъ отъ бывавшихъ въ Кіевѣ поклонниковъ объ этихъ подвигахъ благочестія Ивана Босаго, Русь часто слала ему издалека разныя приношенія и много помогалъ ему также бывшій Кіевскій губернаторъ И. И. Фундуклей, оставившій по себѣ въ Кіевѣ память учрежденіемъ женской гимназіи. Этимъ только можетъ быть объяснено, какъ могъ Босый, безъ всякихъ собственныхъ средствъ, содержать множество поклонниковъ, смѣнявшихся одни другими. Когда онъ умеръ, то оказалось, что Босый носилъ многовѣсныя желѣзныя вериги, съ которыми его и похоронили на горѣ Щекавицѣ, съ большимъ торжествомъ. За гробомъ его шли тысячи народа и слышенъ былъ плачь многихъ безпомощныхъ, лишившихся въ немъ своей подпоры.

Въ заключеніе остается намъ опровергнуть одно странное извѣстіе, возникнувшее въ недавнее время: Въ 5 номерѣ Русскихъ Вѣдомостей за 1864 г. помѣщена статья, подъ заглавіемъ: *Изъ Кіева. 27 декабря 1863 г.*, сочиненная г. П. П. Должиковымъ. Въ ней, между прочимъ, сказано: „Въ огромномъ подвалѣ, (?) находящемся въ фундаментѣ Андреевской церкви, нѣкоторое время содержался, взятый въ плѣнъ генераломъ Ферзеномъ, извѣстный польскій конфедераціонный вождь Тадеушъ Косцюшко.“ — Этимъ извѣстіемъ не замедлилъ воспользоваться и Л. Похилевичъ, и въ № 22, Кіевск. губернск. Вѣдом. за 1865 г. помѣстилъ его въ слѣдующемъ видѣ: „въ одной изъ залъ дома (въ фундаментѣ Андреевской церкви), именно той, въ которой нѣкоторое время содержался предводитель польскихъ конфедератовъ, Костюшко, взятый въ планъ Ферзеномъ, устроенъ въ 1858 г., на счетъ пожертвованій, теплый храмъ Св. Захарія и Елисаветы.“ (стр. 143).

Но составитель этого извѣстія выпустилъ изъ виду слѣдующія обстоятельства: 1) Мацеіовичи — мѣсто, гдѣ взятъ былъ въ плѣнъ Костюшко, отстоятъ отъ Варшавы въ 55 верстахъ. По этому для того, чтобы везти Котюшку въ Кіевъ, а потомъ въ Петербургъ, сдѣланъ излишній, но вѣроятно нужный крюкъ въ 500 верстъ. 2) Обратить церковное зданіе въ тюрьму, безъ всякой надобности, было бы неприлично, тѣмъ болѣе, что казематы въ Кіевской крѣпости и тогда уже существовали. 3) Съ другой стороны содержать столь знатное лице въ сыромъ подвальномъ зданіи было бы противно правиламъ образованности. Русскіе генералы всегда умѣли быть вѣжливыми даже и къ непріятелю. Котюшко содержался въ главной квартирѣ генерала, графа Ферзена съ подобающимъ уваженіемъ. 4) Въ реляціи генерала Ферзена объ этомъ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Видя, что все по-

гибло, и потерявъ подъ собою три лошади, Костюшко вскричалъ: Finis Poloniae! Бросился на лошадь и поскакалъ къ лѣсу, въ сопровожденіи 10 улановъ. Корнетъ Харьковскаго Гусарскаго полка, Ѳедоръ Лысенко, съ двумя казаками и двумя гусарами, наблюдавшей за движеніями польскаго главнокомандующаго, заскакалъ съ боку, врубился въ конвой его, убилъ пять человѣкъ, остальные бѣжали. Костюшко выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но пуля пролетѣла мимо, а Лысенко, опасаясь потерять свою добычу, нанесъ Костюшкѣ двѣ раны по головѣ саблею и, лишившагося чувствъ, привезъ къ Ферзену. Это было 28 сент. (10 окт.) 1794 г. — Обезсиленный отъ ранъ, Костюшко едва чрезъ три дня пришелъ въ чувство, и пожелалъ видѣть своего плѣнителя. Ему представили Лысенка — исполинскаго росту. Осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, и какъ бы утѣшаясь, что взятъ въ плѣнъ богатыремъ, Костюшко пожалъ ему руку... Оправившись отъ ранъ, Костюшко привезенъ былъ въ Санктпетербургъ.“ [1]). И такъ ни слова о Кіевѣ. 5) Извѣстный польскій писатель Юл. Нѣмцевичъ, сопровождавшій Костюшко, пишетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: Cependant nous découvrions les cinq coupoles doréés de la basilique de *Kiow*; mais on se garda bien de nous laisser traverser cette ancienne capitale de la Russie. Les ordres étaient de ne s'arrêter avec nous dans aucune grande ville, et de nous mener le plus incognito possible. Nous perdîmes au moins trois heures avant de pouvoir traverser le Dnieper ou Borysthène; on nous conduisit ensuite de l'autre côté de ce fleuve, dans la maison d'un pope ou curé de village. Titow resta à Kiow et y passa toute la journée. Jl y a sous la basilique de Kiow des catacombes ou souterrains, nommés en russe *Pieczary*“, etc. [1]). И такъ Костюшко и его польскіе спутники вовсе не были въ самомъ Кіевѣ: ихъ провезли мимо этого города и остановились для отдыха въ какой-то близълежащей деревнѣ.—Намъ непонятно, для какой цѣли иные корреспонденты такъ легко *изобрѣтаютъ* новые историческіе факты?

§ 10. АНДРЕЕВСКІЙ (ЯНИЧЬ) ЖЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Подъ 1086 г.: «*Всеволодъ* (Ярославичъ) *заложи церковь св. Андрея, створи у церкви тоя манастырь, въ немъ же постриже́ся дщи его дѣвою. именемъ Янька. Сія же Янка, совокупивши черноризци многи, прибываше съ ними по манастырьскому чину.*“ [2]) Въ обители сей погребены тѣла

[1]) Военно-энциклопедическій лексиконъ 1843 г. ч. 7, стр. 409; Ч. 8. 1844 г. [1]) Notes sur ma captivité a Saint-Petersbourg en 1794, 1795 et 1796. Ouvrage inédit de Julien Ursin Niemcewicz. Paris 1843. стр. 59. [2]) Лаврентіевск., стр. 88. (Подъ словомъ Лаврентіевская Лѣтопись разумѣется въ этомъ сочиненіи Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, издан. Археографическ. Коммис. Т. I. 1846.—Т. II. Ипатіевская, 1843.—Т. III. Новгородская, 1841 г.)—Ростовск. стр. 74. Воскресенск. Т. I. стр. 217. Въ Степенной Книгѣ тоже, другими словами, (стр. 288). Татищевъ прибавляетъ: «Анна, собравши дѣвицъ нѣсколько, обучала ихъ писанію, такожъ ремесламъ, пѣнію и швенію.“ Истор. Росс. Т. II. стр. 138.

въ 1111 г. Анны, второй супруги Всеволода: *Того же лѣта преставися княгыни Всеволожая, мѣсяца октября, въ 7 день и положена бысть у святаго Андрея въ манастыри* [1]). Въ 1113 г. ИнокиниАнны или Янки, дочери Всеволода, для которой сей монастырь былъ основанъ. Въ Ипатіевск. спискѣ, подъ 1112 г. *Томъ же лѣтѣ преставися Янка, дщи Всеволожа, сестра Володимера, мѣсяца ноября, въ 3 день, положена бысть у церкви святаго Андрея, юже бѣ создалъ отець ея; ту бо ся бѣ и постригла у церкви тоя дѣвою сущи.* — Подъ 1127 г. *Бяшеть бо въ ты дни Григорей, игуменъ св. Андрѣя.* (Лавр. 130). Въ 1131 г.: «*Томъ же лѣтѣ священа бысть церкви святаго Андрея Янъчина манастыря*» (Ипатіевск. стр. 12). — Въ 1139 г. погребено тѣло Ярополка II въ голубцѣ Андреевскаго монастыря. *Того же лѣта престивися князь Ярополкъ мѣсяца февраля въ 18 день и положенъ бысть въ Янцинѣ манастыри у святаго Андрея*; но въ 1145 г. вдовствующая супруга его, Елена, перенесла тѣло Ярополково въ самую церковь и положила рядомъ съ тѣломъ Янки, сестры Мономаховой. *Въ то же лѣто перенесе благовѣрная княгыни Олена Яска (Елена) князя своего Ярополка, изъ гробницѣ въ церковь святаго Андрея; и положи его у Янъкы.* (Ипатіев. стр. 15, 21; Лаврен. 136). — Въ 1170 г. тѣло Дорогобужскаго Князя, Владиміра, сына Андрея Боголюбскаго. *Преставися благородный князь Володимеръ Андрѣевичь, и положиша й у святаго Андрѣя въ Кыевѣ, въ Янъчинѣ манастыри.* (Лавр. 154. Ипатіев. 100). Подъ 1231 г. упоминается игуменъ Семенъ, *(Андрѣевьскый)*, бывшій при посвященіи въ Софійской церкви Кирилла во епископа Ростовскаго (Лаврен. стр. 194). Батый въ 1240 г. опустошилъ Андреевскую обителъ, и съ этихъ поръ Исторія потеряла ее изъ виду; даже и мѣсто ея для насъ съ точностію неизвѣстно. Но, безъ всякаго сомнѣнія, должно полагать, что она находилась въ *древнѣйшей* части Стараго Кіева, то есть, въ нынѣшнемъ Андреевскомъ Отдѣленіи онаго, между Десятинною церковью и Княжескимъ Дворцемъ, вблизи церкви Св. Ѳеодора Тирона, къ западу отъ нынѣшней Трехсвятительской. Положеніе сей послѣдней предугадываемъ мы по недостаточному рисунку монаха Кальнофойскаго. (Сравн. § 32).

§ 11. АПТЕКИ.

Въ Кіевѣ, на Подолѣ, возлѣ церкви Покрова, находится большое казенное заведеніе сего рода, въ 1830 г. бывшее подъ надзоромъ Циммермана. Заведеніе это снабжаетъ аптеки полковъ, расположенныхъ въ Южной Россіи. По свидѣтельству Доктора Лерхе въ 1770 г., этотъ Запасный Магазинъ Аптекарскихъ Вещей устроенъ Главнымъ Управленіемъ Медицинской Части въ Россіи, или бывшею Медицинскою Коллегіею для первой арміи. Тогда завѣдывалъ этимъ Магазиномъ провизоръ Ведель, а единственная въ городѣ частная аптека принадлежа-

[1]) Ипатіев. стр. 3 — Карамз. Т. II. пр. 156.

ла Бунге и приносила хорошій доходъ. Съ тѣхъ поръ число аптекъ увеличилось. На Печерскѣ, въ Дворцовой части, противъ Государева Сада находится казенная аптека Приказа Общественнаго Призрѣнія. Изъ частныхъ аптекъ двѣ находятся на Печерскѣ и двѣ на Подолѣ. Всѣ онѣ принадлежатъ Нѣмцамъ.

§. 12. Арсеналъ.

Это заведеніе есть одно изъ самыхъ огромнѣйшихъ въ Россіи. Каменное колосальное зданіе онаго, въ два этажа, украшено рустиками и отличается величественною простотою. Планъ его изображаетъ почти равносторонній квадратъ, коего каждая сторона около 100 саженъ длиною. Арсеналъ этотъ, находящійся въ крѣпости, противъ Западныхъ или Святыхъ Вратъ Печерскаго монастыря, заложенъ въ 1784 г. на мѣстѣ существовавшаго до 1712 г. Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, штатъ коего переведенъ въ Кіево-Подолъ; а въ зданіяхъ, оставшихся отъ монастыря, (судя по плану Кіева 1745 г. при изданіи Фундуклея) помѣщался нѣкоторое время военный Цейгъ-Гаузъ; построенная же въ 1705 г. каменная церковь бывшею игуменьею, матерью тогдашняго гетмана Мазепы, еще оставалась до 1798 г. — Говорятъ, что Архитекторомъ при построеніи Арсенала былъ Инженерный Генералъ Карлъ де Шардонъ; но современникъ его, Филиппъ Вигель, отрицаетъ всякое знаніе и способности у этого человѣка. Онъ пишетъ объ немъ слѣдующее: „Не знаю какъ и когда нѣкто г. Шардонъ, или де-Шардонъ, какъ онъ требовалъ, чтобы къ нему надписывали, вступилъ въ нашу службу инженеромъ: онъ давно уже въ ней находился и еще не зналъ по Русски, когда въ генеральскомъ чинѣ назначили его инженернымъ командиромъ въ Кіевъ.... Эмигранты, появлявшіеся въ Кіевѣ, ни мужа, ни жену де-Шардонъ не хотѣли признать за соотечественниковъ своихъ (*т. е. за Французовъ*), утверждая, что они Белгійскіе уроженцы и тайкомъ увѣряли, будто когда-то видѣли ихъ въ Антверпенѣ или въ Монсѣ увеселяющими публику пляскою на канатѣ..... Должно думать, что онъ прежде былъ работникомъ у какого нибудь оптика, и теперь вѣчно занимался дѣланіемъ барометровъ и термометровъ, и за деньги снабжалъ ими весь Кіевъ..... Существованіе его (Шардона) въ Россіи было, впрочемъ, не блестящее: они съ женой были очень бѣдны. Его переводили изъ одной старой крѣпости въ другую; строеніемъ же новыхъ, въ царствованіе Екатерины, занимались *Сухтелены*, *де-Витты*, *де-Воланы*, столько же благородные, сколь и ученые и искусные люди, коими насъ одарила Голландія," и проч. [1]). При Императорѣ Павлѣ Петровичѣ Шардонъ былъ отставленъ.

[1]) Воспоминанія, стр. 256, 267 — 268.

§. 13. АРТИЛЛЕРІЙСКІЙ ДВОРЪ.

Къ сему фортификаціонному дѣловому двору съ жильемъ принадлежатъ еще Артиллерійскія конюшни съ караульнею и находятся въ Печерской части, за Новою Слободою, близъ Военныхъ Госпиталей, и расположены внѣ города; они заведены около 1804 г.

§. 14. АСКОЛЬДОВА МОГИЛА.

а) угорьское урочище, б) ольминъ дворъ, в) церковь св. николая, г) дворецъ и врата угорьскія, д) новая церковь св. николая, е) кладбище.

Подъ 832 г.: «*И приплу* (Олегъ) *подъ Угорьское и присла ко Аскольду и Дирови, глаголя...... И несоша й* (тѣло Аскольдово) *на гору и погребоша й на горѣ, еже* (мѣсто) *ся нынѣ зоветь Угорьское, кде нынѣ Олъминъ дворъ. На той могилѣ постави Олма церковь святаго Николу.*» —.... Подъ 898 г.: „*Идоша Угри мимо Кіевъ горою, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, пришедъше къ Днѣпру, сташа вежами*“ (Лаврен. 10). — Шлецеръ (Несторъ Т. II. стр. 236) пишетъ: „Олегъ, плывши внизъ по Днѣпру, долженъ былъ пристать у того мѣста, на которомъ теперь стоитъ Подолъ, ибо сія часть города, по теченію рѣки, выше Стараго Города (Кіева) и Печерскаго. Названіе въ Кіевѣ урочища *Угорьскаго* уже изчезло: но это слово есть имя нарицательное, происходящее отъ слова *гора*; У есть предлогъ и значитъ у горы или возлѣ горы; слѣдовательно оно было бы тоже, что и Подолъ (лежащій при горѣ). А какъ урочище *Плоское* лежитъ еще выше Кіево-Подола, то оно и должно быть древнее Угорьское“(!!) — Остроумно, но несправедливо. Таковое объясненіе, странное въ глазахъ Кіевлянъ, извинительно Шлецеру, потому что онъ никогда не бывалъ въ Кіевѣ и даже, какъ онъ говоритъ (стр. 233) никогда не видалъ плана этого города; зналъ нашу древнюю столицу только по недостаточнымъ рукописнымъ извѣстіямъ, присланнымъ въ 1765 г. изъ Кіевской Губернской Канцеляріи въ отвѣтъ на заданные вопросы С-Петербургскою Академіею Наукъ. Не много ниже (стр. 392) онъ самъ противорѣчитъ себѣ: „Впрочемъ, должно думать, что Венгры разставили свои вежи не подъ самымъ Кіевомъ; Олегъ вѣрно не потерпѣлъ бы сего; къ тому же здѣсь (то есть, на Подолѣ, или Плоскомъ) нѣтъ довольно мѣста для цѣлаго войска, какъ именно замѣчаетъ Болтинъ (стр. 195), который зналъ мѣстоположеніе Кіева.“

Аскольдова могила есть древнѣйшее и до сихъ поръ сохранившееся между жителями Кіева названіе одного урочища, которое есть не что иное, какъ часть высокаго и стремнистаго праваго берега рѣки Днѣпра и уступъ Печерской горы, противъ того мѣста, гдѣ протокъ Черторыя соединяется съ Днѣпромъ. Урочище сіе находится, по теченію рѣки, выше Кіево-Печерской Лавры, отстоя отъ оной къ сѣверу на 550 саженъ; оно лежитъ почти подъ самимъ Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ, и по теченію же Днѣпра, ниже Подола, отстоя отъ Брат-

скаго монастыря къ югу на 1815 саженъ. Мы, Кіевляне, по непрерывному преданію, Аскольдову могилу называемъ и Угорьскимъ урочищемъ, которое находится, по теченію Днѣпра, также ниже и Стараго Кіева, отстоя отъ Софійскаго собора на юговостокъ на 1530 саженъ. Гизель, безстыдно обманутый Длугошемъ, а особенно Стрыйковскимъ, хотя и часто въ своемъ Синопсисѣ (первое изданіе 1674) говоритъ небылицу, но для мѣстоположенія Кіева важный писатель, ибо жилъ въ этомъ городѣ. Онъ говоритъ тоже [1]). Гора, составляющая правый берегъ Днѣпра и простирающаяся отъ Кіево-Печерской Лавры до Крещатицкаго оврага, отдѣляющаго послѣднюю отъ Старокіевскаго возвышенія, есть самая большая и, по измѣренію, имѣетъ отъ рѣчной поверхности отвѣсно до 50 саженъ. Это возвышеніе въ своемъ направленіи, отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, по теченію рѣки, простирается болѣе трехъ верстъ и составляетъ довольно крутой къ Днѣпру утесъ. Во всю длину онаго находится *Уступъ* или *Отсѣдъ* горы, что произошло вѣроятно еще съ давняго времени, частію отъ дѣйствія на выступъ берега рѣчнаго стремленія, частію отъ множества находящихся у подошвы его ключей; въ слѣдствіе чего часть горы понизилась на нѣсколько саженъ. Этотъ горный уступъ, состоящій изъ пологихъ холмовъ, заросшихъ кустарниками и прерывающійся индѣ оврагами и рытвинами, имѣетъ на себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ водопоемныя равнины, занятыя огородами и кое-гдѣ застроенныя хижинами. Такое мѣсто находится особенно близъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, нѣсколько ниже онаго и которое изстари называется *Аскольдовою Могилою* и *Угорьскимъ урочищемъ*. Объ этомъ урочищѣ, подъ названіемъ: *О могилѣ Оскольдовой въ Кіевѣ*, Берлинскій помѣстилъ небольшую статью въ журналѣ „*Улей*“, издававшійся

[1]) Кромѣ сего см. Патерикъ Печерскій, издан 1863 г. листъ 55 обор. Патериконъ, сочиненіе Коссова, Кіевъ 1635 г. Тератургима, соч. Кальнофойскаго, Кіевъ 1638 г. Церковь св Николая, бывшая въ 1110 г. на Аскольдовой могилѣ, не есть древнѣйшая, какъ нѣкоторые за это выдаютъ оную (Берлинскій. Опис. Кіева 46). Несторъ пишетъ только, что она въ его время стояла на Аскольдовой могилѣ, которая называлась также и Угорьскимъ урочищемъ или Ольминымъ дворомъ; а когда построена, неизвѣстно (Сравн. § 118. Пустынно-Николаевск. монаст.). Не *Ольгинъ*, какъ стоитъ въ Синопсисѣ (стр. 25), но *Ольминъ* дворъ. *Ольма* или *Альма* былъ, вѣроятно, знатный человѣкъ въ древнемъ Кіевѣ. Такъ думалъ Карамзинъ (Т. I. примѣч. 295), но М. А. Максимовичъ (кн. 1. Кіевлянинъ, примѣч. I. стр. 52, а за нимъ и Журавскій въ Обозрѣніи Кіева. стр 8), думаютъ, что хотя позднѣйшіе Лѣтописцы и приписали построеніе церкви Св. Николая Ольмѣ, однако вѣроятнѣе кажется мнѣніе Кіевскаго Синопсиса (гл. 19), что церковь сія была построена Ольгою. «Для Княгини Ольги, какъ для новой Христіанки, весьма естественно было построеніемъ церкви почтить память и могилу перваго Русскаго Князя-Христіанина, пострадавшаго отъ ближника ея Олега. Существованіе именно *женскаго* монастыря при Никольской церкви, также говоритъ въ пользу сего мнѣнія. — Правда, что въ позднѣйшихъ спискахъ Русской лѣтописи построеніе сей церкви приписано *Олмѣ*; но, это имя придумано уже позднѣйшими лѣтописцами и произведено ими отъ *Олмина двора*, который во время Нестора находился на Аскольдовой могилѣ или Угорскомъ. Кажется, что и самое названіе *Олминъ дворъ* едвали не ошибочно распространилось въ Лѣтописяхъ, и что въ первоначальныхъ спискахъ Несторовой Лѣтописи едвали не было написано *Олжинъ дворъ*, подобно тому, какъ Вышгородъ, принадлежавшій Ольгѣ, называется въ Лѣтописяхъ градъ Олжинъ, Ольженъ, Вользинъ.» Доселѣ г. Максимовичъ. — Въ XI вѣкѣ здѣсь существовалъ уже женскій монастырь, измѣненный въ слѣдующемъ столѣтіи въ мужескій.

В. Анастасевичемъ въ 1811 мъ году [1]). Въ этой статьѣ Берлинскій старается доказать слѣдующее: „Нѣтъ сомнѣнія, что со времени перехода Угровъ, мѣсто сіе начало называться Угорскимъ. Но что дѣйствительно въ семъ, а не въ другомъ мѣстѣ была переправа чрезъ рѣку Угровъ: то сіе можно заключить изъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Ибо выше Кіева, по причинѣ впаденія рѣки Десны въ Днѣпръ и Днѣпровскаго рукава *Черторыи*, была бы для нихъ затруднительнѣе двойная черезъ рѣки переправа. А ниже сего урочища, при Выдубичахъ, или при Берестовѣ тоже не могла она быть; ибо оныя мѣста были также Нестору извѣстны; и онъ въ своемъ повѣствованіи объ нихъ не умолчалъ бы, или не назвалъ бы одного и того же урочища двумя именами. Изъ сего утвердительно можно заключить, что нагорный берегъ Днѣпра, по теченію его, выше крѣпости, у Николаевскаго монастыря, есть то самое Урочище, гдѣ послѣ переправы своей черезъ Днѣпръ Угры остановились вежами... Слѣдовательно мѣсто сіе не отъ *Узгорія*, какъ нѣкоторые думаютъ, но отъ кочеванія тамъ Угровъ названо Угорскимъ урочищемъ". — Эту же самую мысль повторилъ покойный Берлинскій и въ своемъ *Описаніи Кіева* такимъ образомъ: „Слѣдъ бывшаго взвоза (замѣтьте: на Аскольдовой могилѣ!) по которому Оскольда на гору взнесли, и которымъ Угры восходили, еще примѣтенъ въ отлогости удолія къ Днѣпру" (стр. 137).—Но съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго изыскателя о Кіевскихъ древностяхъ никакъ нельзя согласиться: потому что Кіевскія горы, отъ атмосфернаго вліянія, безпрестанно измѣняютъ свой видъ. О горахъ Кіевскихъ см. § 69; гдѣ этотъ предметъ разсмотрѣнъ подробнѣе. Притомъ же въ упоминаемой выше статьѣ, *о могилѣ Оскольдовой*, М. Ѳ. Берлинскій, вслѣдъ за своими предположеніями самъ опровергаетъ себя, говоря слѣдующее: „У сего мѣста, которое теперь совсѣмъ отъ рѣки *неприступно* (такъ! Гдѣ же слѣды взвоза?) находился въѣздъ отъ Днѣпра на гору, который еще въ 17-мъ вѣкѣ существовалъ, подъ названіемъ *Спасскаго*. И на этомъ мѣстѣ сдѣланная въ 1809 г. новая дорога, по неудобству ея, теперь опять упраздняется".—Слѣдовательно Угры проходили этимъ, такъ называемымъ теперь, *Спасскимъ взвозомъ*, а не чрезъ неприступную Аскольдову могилу. Но Спасскій взвозъ находится, по теченію Днѣпра, на 280 саженъ ниже церкви Св. Николая, стоящей на Аскольдовой могилѣ. Берлинскій пишетъ далѣе: „По свидѣтельству Іоакимову построена была церковь на Оскольдовой могилѣ еще прежде княженія Святослава I, которую, по сказанію Іоакима, сей Государь разрушилъ [2]). Но какъ отрывокъ Іоакимовой лѣтописи столько подверженъ сомнѣнію, что нельзя на немъ утвердиться [3]); то вѣроятнѣе слѣдовать повѣствованію древнѣйшаго нашего историка, Преп. Нестора. Сей удостовѣряетъ, что по убіеніи Оскольда, тѣло его взнесли на гору, *и погребоша, еже мѣсто нынѣ зовется Угор-*

[1]) Т. I. май. № 5. стр. 354 — 364. [2]) Татищева Истор. Т. I. стр. 35 — 38. Т. II. стр. 366. [3]) О его сомнительномъ достоинствѣ см. у насъ § 121. Софійскій Соборъ; въ началѣ.

скоѳ, идѣже нынѣ Ольминъ дворъ; *на той могылѣ поставилъ Ольма церковь Святаго Николу*. Въ Кенигсбергскомъ и Лаврентіевскомъ спискахъ, ошибкою переписчика, слово *Ольма* пропущено; но оно находится въ прочихъ, какъ то: Воскресенскомъ (стр. 76), Никоновскомъ (Т. I. стр. 76) Архангельскомъ (стр. 7).—Сходство именъ *Ольма* и *Ольга* заставило нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей приписать построеніе сей церкви В. Княгинѣ Ольгѣ [1], и даже заключить, что сія церковь Христіанская была *первая* въ Кіевѣ". Въ книгѣ: „Краткое Историческое Описаніе Кіево-Печерскія Лавры", 1795 г., въ статьѣ: „Достопамятнѣйшія Древности въ Кіевѣ," напечатано: „Оскольдова Могила, состоящая пониже Николаевскаго монастыря, на горѣ, надъ Днѣпровскимъ берегомъ, гдѣ потомъ блаженная В. К. Ольга, принявъ крещеніе, *перьвую церковь* чудотворца Николая построила, въ память погребенія на той горѣ Оскольда, о которомъ многіе повѣствователи думаютъ, что онъ крестился въ Греціи. На семъ мѣстѣ и нынѣ имѣется *деревянная* церковь въ то же имянованіе" [2]). О принятіи Аскольдомъ Христіанства, Берлинскій разсуждаетъ такъ: „О крещеніи Оскольдовомъ весьма пространно пишутъ разные писатели, какъ то: Безъименный продолжатель Порфирогенета, Кедринъ, Леонъ Грамматикъ и патріархъ Фотій, современникъ оному происшествію; но пристрастіе сихъ Греческихъ Историковъ вездѣ примѣтно. Они всегда обнаруживали свое тщеславіе, какъ ревнители распространенія Христіанской вѣры, утверждая, что даже въ древнѣйшія времена и въ невѣдомые народы проникало ихъ просвѣщеніе. Эти разсказы имѣли успѣхъ и нашли послѣдователей, что видно изъ Баронія, Лѣтописи Никона, Церковной Исторіи Аббата Флери и изъ предисловія Патерика Печерскаго. — Сколь ни важны нѣкоторые изъ упомянутыхъ защитниковъ Оскольдова крещенія, но оное навсегда останется сомнительнымъ потому, что Преп. Несторъ, ближайшій тому современникъ, и притомъ старавшійся ничего не упускать касательно вѣры и ея успѣховъ, ни слова не сказалъ объ этомъ крещеніи". Доселѣ Берлинскій. Мнѣніе его о тщеславіи Грековъ имѣетъ свою долю правды, но окружная грамота патріарха Фотія 866 г. служитъ лучшимъ опроверженіемъ его сомнѣнія относительно Аскольдова крещенія [3]). Притомъ же мы многое принимаемъ за достовѣрное, чего не находится и въ Несторовой Лѣтописи.—Въ житіи Преп. Ѳеодосія Несторъ упоминаетъ о женскомъ монастырѣ Св. Николая, въ которомъ постриглась мать Ѳеодосіева. Кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ (на стр. 28-й, своего Paterikon'a) прибавляетъ къ этому извѣстію, что сей монастырь находился въ виноградномъ саду нынѣшняго Пустынно-Николаевскаго монастыря: „y tak (мать св. Ѳеодосія) wziąwszy habit, mieszkała w monasterze Panieńskim w wielkiey pobożnosci. A na ten czas monaster Panieński był tam, gdzie dzis Winograd przy monasteru Pustynnym Sw. Nikoły, iako

[1]) Кіевскій Синопсисъ, стр. 27. Истор. Щербатова, Т. I. стр. 199. [2]) стр. 144. [3]) См. нашу Лѣтопись, стр. 9.

fundamenty teraz znać". Но какъ Преп. Несторъ не указалъ, гдѣ именно находился упоминаемый имъ женскій монастырь Св. Николая, то объясненіе Коссова сомнительно, и теперь нельзя рѣшить, что Ольмина церковь Св. Николая и женскій монастырь того же имени составляли одно и тоже. Несторъ, повѣствуя объ Ольминой церкви, не упоминаетъ, чтобы тамъ находился женскій монастырь, равно и въ житіи Св. Ѳеодосія, говоря о послѣднемъ, не сообщаетъ, чтобы этотъ монастырь былъ основанъ Ольмою; а между тѣмъ какъ церковь, такъ и монастырь существовали въ его время.

Въ Ипатіевской Лѣтописи упоминается объ *Угорьскихъ Вратахъ* и просто объ *Угорьскомъ*, и именно подъ 1146 г.: *И пояша* (на княженіе) *Игоря* (II) *въ Кіевъ, иде съ ними* (Кіевлянами) *подъ Угорьскій*; (для чего?) Подъ 1151 г. находится въ Ипатіевской Лѣтописи, для Топографіи Кіева весьма важный текстъ; потому что онъ объясняетъ многія мѣстности этого древняго города. Въ нашемъ Описаніи Кіева мы будемъ часто имѣть случай ссылаться на это мѣсто въ Лѣтописи; но чтобы не повторять его, выпишемъ изъ Ипатіевскаго списка весь этотъ текстъ, (который въ Лаврентьевскомъ пропущенъ,) и потомъ, при случаѣ, будемъ только указывать на это мѣсто. И такъ: *Въ лѣто* 6659 (1151 г.) *Изяславъ* (В. К. Кіевскій) *и Ростиславъ* (братъ его) *пойдоша къ Треполю.... Утрій же день.... пойдоша отъ Треполя Кыеву, черезъ Борокъ. Якоже идуща Вячеславъ*, (дядя Изяслава), *Изяславъ, не ходяща въ городъ, стаста товары передъ Золотыми Вороты у Язины, а Изяславъ Давыдовичъ ста межи Золотыми Вороты и межи Жидовьскыми, противу Бориславлю двору, а Ростиславъ съ сыномъ своимъ, Романомъ, ста передъ Жидовьскыми Вороты, и многое множьство съ ними, а Городеньскый Борисъ у Лядьскыхъ Воротъ. Кыяне же всими своими силами, и на конѣхъ и пѣши, и тако сташа, а промежи князи сѣмо сташа отъ Вячеслава, отъ Изяслава по праву*, (т. е. отъ Златыхъ Вратъ къ Жидовскимъ), *оли до Изяслава и до Ростислава*; *а отъ Ростислава оли и до Олговы могылы* (Щекавицы); *а полѣву Вячьслава и Изяслава, оли до Лядьскыхъ Воротъ. И тако сташа около всего города многое множьство... Вячьславъ же, Изяславъ и Ростиславъ повелѣша Володимеру поити съ Берендѣи, и съ вежами, и съ стады ихъ поити ко Олговѣ* (пропущено *могылѣ*), *и сташа мѣжи дьбрьми отъ Олговы* (могылы), *оли и въ огородъ святаго Іоана, а сѣмо оли до Щковицѣ*; *а Коуеве и Торчи и Печенѣзи туда сташа отъ Золотыхъ воротъ по тѣмъ огородомъ, до Лядьскыхъ воротъ, а оттолѣ оли и до Клова и до Берестоваго, и до Угорьскыхъ воротъ и до Днѣпра.. Утріи же день исполцився приде Дюргіи къ Кыеву, и ту сташа полкы по оной сторони Лыбеди, и начаша бытися о Лыбедь... И стрѣляющимъ же ся имъ до вечера о Лыбедь, а иніи перепхаша и на Болоньи бьяхутся противу Вячьславлю полку и Изяславлю, а друзіи противу Лядьскымъ воротомъ, на песцѣхъ, бьяхутся. Изяславъ же то видѣвъ... повелѣ нарядити дружину изъ полковъ..... и положи свѣтъ одиною всимъ потъкнути на нь; и тако створиша и поткота на нь вси, и Черніи Клобуци, отвсюда, и тако вбодоша ѣ въ Лыбедь вездѣ, иніи же и брода грѣшиша, и тако избиша ѣ,*

а другыи изоимаша ть, иніи же съ конь сбѣгоша и многы избиша... Гюрги, оборотя полкы своя, пойде прочь... къ Бѣлугороду... Вячьславъ же рече: „Сыну! се есть начало Божіи помочи, сдѣ пріѣхавше не вспѣли ништо, но толико сорома добыли и проч. (стр. 60).

Разсмотримъ этотъ важный текстъ внимательнѣе: Отъ Днѣпра, гдѣ теперь цѣпной мостъ, до Угорьскихъ Воротъ, или Аскольдовой могилы, содержится 340 саженъ. Отъ Угорьскихъ Воротъ до Берестоваго 400 саж. отъ Берестоваго до Клова, (монастыря Стефанича), 920 саженъ; отъ Клова-до Лядскихъ Воротъ 800 саженъ. И того на означенномъ пространствѣ 2460 саженъ, или почти пять верстъ. На этихъ мѣстахъ, для защиты Кіева, были расположены Коуевы, Торки и Печенѣги. Далѣе отъ Лядскихъ Вратъ до Золотыхъ, по огородамъ и садамъ, вдоль городскаго вала, 300 саженъ; здѣсь была поставлена часть войска, состоявшая тоже изъ Печенѣговъ и Торковъ, и къ ней присоединились Кіевляне, подъ началомъ Бориса Городенскаго. Предъ Златыми Вратами, у Язины (?) стояли Изяславъ съ Вячеславомъ, а предъ Жидовскими Воротами находился князь Ростиславъ съ сыномъ Романомъ. Отъ Золотыхъ Воротъ до Жидовскихъ 450 саженъ, а отъ сихъ послѣднихъ до Олеговой могилы на горѣ Щекавицѣ 700 саж., всего 1450 саж., или 2 версты 450 саж. На всемъ этомъ пространствѣ находились конные и пѣшіе Кіевляне. Вдоль горы Щекавицы, на пространствѣ 500 саж. поставлены были со стадами своими, Берендѣи. Посему вся защищаемая линія простиралась на 4,410 саженъ, или около девяти верстъ. Положимъ, что войска разставлены были въ одну шеренгу, и притомъ на каждую сажень по три человѣка: то число всѣхъ войскъ, какими тогда располагалъ Кіевскій Князь, состояло изъ 13,230 человѣкъ. Но какъ въ текстѣ говорится, что воины нападавшаго на Кіевъ Георгія, бились съ Изяславовыми и на Оболони: то число войска можно принять до 15-ти тысячъ.

Имѣя полный текстъ этого мѣста Лѣтописи передъ глазами и выведя изъ него необходимыя соображенія, мы обращаемся къ нашему предмету: и такъ подъ 1151 г, во время нападенія Георгія Суздальскаго на Кіевъ, Изяславъ II, защищая городъ, кромѣ Русскихъ войскъ, разставилъ Торковъ такъ: „*а Коуеве и Торчи и Печенѣзи туда сташа отъ Золотыхъ Воротъ по тѣмъ огородомъ до Лядьскыхъ Воротъ, а оттолѣ оли и до Клова и до Берестоваго и до Угорьскихъ Воротъ и до Днѣпра;*“ далѣе подъ тѣмъ же 1151 г.: „*Изяславъ же* (побѣдивши Георгія Долгорукаго) *съ Вячеславомъ сѣде въ Кыевѣ; Вячеславъ же на Велицемъ дворѣ, а Изяславъ подъ Угорьскимъ*. Наконецъ, подъ 1161 г. Изяславъ III Давидовичъ съ помощію Половцевъ изгналъ Ростислава изъ Кіева: „*Половци вътѣздяху въ городъ, просѣкаюче столпіе... и побѣгоша Берендичѣ къ Угорьскому, а друзіи къ Золотымъ Воротомъ*“ [1]) Изъ приведен-

[1]) Ипатіевск. стр. 22, 60, 66 и 90.

ныхъ мѣстъ видно: 1) что слова *„а Изяславъ сѣде,“* т. е, жилъ *подъ Угорьскимъ*, предполагаютъ на семъ урочищѣ Княжескій дворецъ; 2) особенно изъ перваго текста подъ 1151 г. явствуетъ, что древняя, и нынѣ подъ тѣмъ же именемъ извѣстная, *Аскольдова могила*, кромѣ Несторова показанія подъ 882 и 898 г., даже и до конца XII столѣтія была именуема также и *Угорьскимъ* и, наконецъ, 3) изъ предыдущаго видно, что *на* Угорьскомъ находились *Врата* городскія, подобно *Златымъ*, *Жидовскимъ*, *Лядьскимъ* и пр., а *подъ* Угорьскимъ Княжій дворецъ; но гдѣ именно они существовали, сего теперь рѣшительно опредѣлить не возможно, особенно, если они были деревянные; покрайней мѣрѣ мы знаемъ, что все это было на Аскольдовой могилѣ, которая, отстоя отъ Кіево-Подола почти на двѣ версты, и отдѣляясь отъ онаго горами, по крутизнѣ своей, не представляетъ никакихъ удобствъ къ населенію, кромѣ нѣкотораго числа хижинъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Красницы*, которая теперь не существуетъ. Въ Лѣтописяхъ, кромѣ дворца княжескаго, ни о какомъ населеніи не говорится; поэтому странно, что нашъ Исторіографъ Н. М. Карамзинъ (Т. II. стр. 266) назвалъ *Угорьское Нижнею частію города*. Онъ не былъ въ Кіевѣ, и не зналъ хорошо этого города.—Славный Московскій митрополитъ Платонъ, бывшій въ Кіевѣ въ 1804 г., объ Аскольдовой могилѣ пишетъ слѣдующее: „Внизу монастыря (Пустынно-Николаевскаго), по наклонности набережной Днѣпровой крутизны, есть малая, *каменная* [1]) церковь, уже къ ветхости склонна, однако строенія не стариннаго. Объ ней сказываютъ, что тутъ была *Оскольдова могила*, на которой, еще при жизни Св. Ольги, построена церковь во имя Св. Николая.“ (стр. 46). — При этой церкви съ давняго времени было кладбище, въ 1840 г. упраздненное.—Воронежскій градской глава Самуилъ Никитичъ Мещеряковъ, въ память своей жены Александры, умершей въ Кіевѣ въ 1808 г. и погребенной на Аскольдовой могилѣ, въ слѣдующемъ году, на мѣсто обветшавшей церкви, выстроилъ новую, тоже во имя Св. Николая; объ этомъ обстоятельствѣ Берлинскій сообщаетъ слѣдующее: „Въ 1810 г. стараніемъ первокласнаго Николаевскаго монастыря архимандрита Кипріана и иждивеніемъ доброхотныхъ дателей, особенно же внесеніемъ знатной суммы Воронежскаго купца Мещерякова, на кладьбищномъ ономъ мѣстѣ, вмѣсто обветшавшей *деревянной*, сооружена церковь каменная о двухъ ярусахъ и престолахъ; а въ нижнемъ ярусѣ, или подземномъ, устроены мѣста для погребенія тѣлъ нарочитыхъ благодѣтелей сей обители, (усыпальница). Освященіе же сей новопостроенной церкви совершено въ томъ же году 1-го сентября митроп. Серапіономъ“ [2]). — Монахи Пустынно-Николаевскаго монастыря совершали въ ней богослуженіе, обыкновенно по субботамъ, какъ днямъ поминальнымъ; потому что Аскольдова могила изстари почиталась принадлежностію Пустынскаго монастыря. Церковь Аскольдова невелика, однокупольная, круглая, съ

[1]) Эго ошибка преосв. Платона. см. ниже

[2]) См. статью: О могилѣ Оскольдовой

ротондою вокругъ нея, похожая на древніе, Греческіе храмы. Такая архитектура церквей была въ началѣ этого столѣтія въ употребленіи. При Императорѣ Николаѣ восторжествовалъ вкусъ Профессора Архитектуры Тона. — Сементовскій (стр. 132) пишетъ: „Въ 971 г. Аскольдовая церковь разорена Святославомъ I, и потомъ устроена, какъ можно полагать, уже при В. К. Владимірѣ, который въ 999 г. перенесъ изъ той церкви въ созданную имъ Десятинную прахъ В. К. Ольги". Но справедливо ли это? У Нестора о семъ ни слова. Замѣтимъ еще слѣдующее: настоящая церковь была расписываема священными изображеніями два раза: въ 1816 и 1856 г. Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія нѣкоторыя экономическія соображенія въ инженерныхъ работахъ, производимыхъ на этой горѣ, по устройству Николаевскаго спуска, грозили срытіемъ этой мѣстности и слѣдовательно уничтоженіемъ Аскольдовой могилы и церкви, устроенной на ней. Такъ мало дорожили древнимъ, историческимъ мѣстомъ! Но въ Бозѣ почившій Государь Николай Павловичъ не допустилъ этого; и Николаевскій монастырь поставилъ внутри Аскольдовой церкви, на сѣверной стѣнѣ, у окна, на бронзовой доскѣ, слѣдующую надпись, содержащую отвѣтъ Императора Николая 10 сентября 1847 г. на представленіе инженеровъ, что церковь получила трещину и должно ее сломать. „*Ничуть паденіемъ не грозитъ* — сказалъ Государь; — *немного нужно поправки и церковь должна существовать.*" — Въ этой церкви замѣчательна своимъ шитьемъ плащаница. Здѣсь погребено тѣло князя Димитрія Кантакузена восьмидесяти-лѣтняго старца, скончавшагося въ 1820 г. Въ 1861 г. при архимандритѣ Ѳеоктистѣ, иждивеніемъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, вокругъ этой церкви обведена каменная ограда съ каменными воротами въ древнемъ вкусѣ и возведенъ каменный домъ для священнослужителей.

§ 15. БАБИНЪ ТОРЖОКЪ.

Лобное мѣсто. — Къ публичнымъ мѣстамъ принадлежало еще *Лобное* или *Торговое мѣсто*. Лѣтопись упоминаетъ объ немъ въ XI столѣтіи; но само собою разумѣется, что оно было, и притомъ весьма значительно, при Владимірѣ I, и гораздо раньше. Можно съ нѣкоторою достовѣрностію предположить, что торговая площадь была возлѣ Десятинной церкви, предъ которою стояли двѣ статуи и четыре бронзовые коня, вывезенные Св. Владиміромъ изъ Корсуня (Лавр. с. 50). Въ 1069 г. В. К. Изяславъ I, боясь вторичнаго мятежа, перевелъ сюда торгъ съ Кіево-Подола. *Изяславъ възгна торгъ на гору.* (Лавр. с. 75). Въ 1147 г. Кіевская чернь, приведенная происками и злыми внушеніями въ неистовство, подняла преступныя свои руки на инока, бывшаго Великаго Князя Игоря II Ольговича и лишила его жизни. При описаніи этого несчастнаго происшествія, наши Лѣтописи, составляя собою ничѣмъ незамѣнимый документъ, упоминаютъ о многихъ мѣстностяхъ нашей

древней столицы — обстоятельство очень важное для Исторіи Кіева. Такъ какъ Ипатіевскій списокъ изложенъ подробнѣе прочихъ, то мы рѣшились въ этомъ параграфѣ привести весь его текстъ, касающійся сего произшествія — выключая нравоучительныхъ разсужденій — и дополнить его въ скобкахъ словами Лаврентіевскаго списка и нѣкоторыми собственными объясненіями. Такимъ образомъ сводный и объясненный текстъ помѣщаемъ мы для того, чтобы въ слѣдующихъ статьяхъ не повторять одного и того же нѣсколько разъ. Въ случаѣ надобности мы будемъ ссылаться на настоящій параграфъ.

И такъ подъ 1147 г. Ипатіевская Лѣтопись сообщаетъ: „*Изяславъ посла Кыеву, къ брату своему Володимиру...... и рече: „созовите Кыяны на дворъ къ Св. Софьи, ать мой посолъ молвить рѣчь мою...... Се Володимиръ Давыдовичь и Изяславъ и Всеволодичь Святославъ..... надо мною лесть учинили, хотѣли мя любо яти, любо убити про Игоря, но Богъ мя заступилъ.....; нынѣ же, братье Кыяне,..... пойдите по мнѣ къ Чернигову*“..... *Кыяне же рекоша*: «*ради,..... идемъ по тобѣ и съ дѣтьми, якоже хощеши.*» *И рече единъ человѣкъ*: «*по князи своемъ, ради, идемъ; но первое о семъ промыслимы:.... Се Игорь ворогъ нашего князя и нашъ не въ порубѣ, но въ святемъ Ѳедорѣ; а убивше того къ Чернигову пойдемъ!*».....

Тоже слышавше народъ, оттолѣ пойдоша на Игоря въ святый Ѳедоръ...... И Володимиръ всѣдъ на конь погна, и народъ идяху (*идяхуть людье*) *по мосту* (*убити Игоря*); *онъ же, не мога ихъ минути, уворотн коня направо, мимо Глѣбовъ дворъ.* (Братъ Кіевскаго князя Изяслава, Владиміръ, желая спасти Игоря, отправился отъ Софійскаго собора въ Ѳеодоровскій (Вотчь) монастырь; но предвидя, что огромная толпа народа задержитъ его на мосту предъ Городскими воротами (Софійскими или Батыевыми), ведущими въ Кіевскій Кремль, (нынѣшнее Андреевское Отдѣленіе), повернулъ близъ Св. Софіи коня направо, (значитъ, на то мѣсто, гдѣ стояла до 1858 г. Троицкая церковь) и, по направленію къ Михайловскому монастырю, проѣхалъ другими (Михайловскими въ 1682 г.) воротами въ нашъ древній Кремль, но опоздалъ). *и вскорѣша* (*ускориша*) *Кыяне передъ Володимиромъ,* (*и яша Игоря въ церкви стояща, по обычаю, на обѣдни у Св. Ѳеодора*) *и тако изъ свитки извлекоша... емше поведоша изъ манастыря, и срѣте й Володимиръ въ вратѣхъ манастырскихъ, и рече Игорь возря на нь:* „*Охъ, брате, камо мя ведуть?*“ *Искочи Володимиръ съ коня и покры й корзномъ* (одеждою), *река Кыяномъ:* „*Братье моя! не мозите сего сътворити зла*“... *и доведе й Володимиръ до воротъ матере своея, и ту начаша Игоря убивати, и удариша Володимира бьюче Игоря. Михаль же видѣ то, искочи съ коня, хотя помочи Володимиру. Володимиръ же вмча й во дворъ матере своея, Игоря хороня, и затвори ворота,* (*а Игоря пусти на Кожюховы сѣни*). *Бьюче же Михаля, отторгоша хрестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота. И выломиша ворота* (*и вшедше въ дворъ, узрѣша Игоря на сѣнехъ, и разбиша сѣни о немъ и сомчаша й съ сѣній и ту убиша й конець всходъ* (подлѣ лѣстницы). *И затѣмъ утече Михаль; а Игоря поверзше на нозѣ, ужемъ волокоша й съ Мьстиславля двора черезъ Бабинъ Торжекъ* (*до свя-*

тое Богородици (Десятинной церкви) *на княжь дворъ. И тако скончаша Игоря князя, сына Ольгова... мѣсяца сентября въ 19, въ день пятокъ. (И ту обрѣтоша мужа стояща съ колы), и возложиша й на кола, и везоша й на Подолье, на Торговище, и повергоша поруганью... И повѣдаша Володимиру, яко поверженъ есть на Торговищи; и посла (Лазаря и Рагуйла своего тысячскаго и приѣхавше видѣста Игоря лежаща)... И повелѣ тысяцкой (Лазарь) взяти Игоря (и понести й въ церковь святаго Михаила, въ Новгородьскую божницю, и ту положиша й въ гробъ, ѣхаста на Гору, и лежа нощь ту).. Суботѣ же свитающи, посла митрополитъ игумена Онанью святаго Ѳедора; и пріѣха игуменъ, и видѣ й нагаго и облече й, и отпѣ надъ нимъ обычныя пѣсни, везе й на Конець града* (См. Копыревъ Конецъ § 75) *въ манастырь святому Семеону, бѣ бо манастырь отца его и дѣда его Святослава, тамо й положиша.*" (Ипатіев. стр. 32, Лавр. стр. 137).

Послѣ этой, для разъясненія обстоятельствъ необходимой вставки, мы обращаемся къ словамъ Лѣтописи, которыя относятся къ мѣстности Бабина Торжка: *Володимиръ вомча Игоря во дворъ матере своея, затвори ворота, а Игоря пусти на Кожюховы (?) сѣни... А Игоря поверзъше за нозѣ, ужемъ волокоша й сквозѣ Бабинъ Торжекъ до Св. Богородици,* (Лавр. 138). Ипитіевск. Лѣт. нѣсколько иначе и подробнѣе: *Игорь вниде въ дворъ Мьстиславль ... и волокоша й* (Игоря) *съ Мьстиславля двора черезъ Бабинъ Торжекъ на княжь дворъ*; но нѣтъ словъ *до Св. Богородици*, т. е. Десятинной церкви (стр. 34) И такъ, древнее Лобное Мѣсто или Бабинъ Торжокъ (толкучій рынокъ?) находилось между Мстиславовымъ и княжескимъ Ярославовымъ (въ послѣдствіи Воротислава и Чудина) дворами и Десятинною церковію. (Сравн. Глѣбовъ дворъ, § 38).

§ 16. бани.

Отъ глубокой древности Русскіе были великіе охотники до бань. Преп. Несторъ пишетъ: „*И рече* (Св. Апостолъ Андрей, возвратившійся изъ Россіи въ Римъ), *видѣхъ* (у Словенъ) *бани древены, и пережьгуть (каменіе) румяно, и розволокуться нази, и облѣются квасомъ усніянымъ* (?) *и возмуть на ся прутье младое, бьються сами тольма, едва слѣзуть ли живы, и облѣются водою студеною, и тако оживуть и то творять по вся дни.* Вспомнимъ также сказаніе о той Кіевской банѣ, которая, по желанію В. Княгини Ольги, была приготовлена для пословъ Древлянскихъ; *Повелѣ Ольга мовь створити рькуще сице: измывшеся приидите ко мнѣ. Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти.*" (Лаврен. стр. 4, 24). Какъ бы то ни было, но извѣстія эти для насъ очень полезны; мы знакомимся съ обычаями древнихъ Славянъ. Очевидно, что писавшій легенду о путешествіи въ Россію Св. Апостола Андрея, имѣлъ намѣреніе выставить обычай Русскихъ ходить въ баню въ смѣшномъ видѣ. Дѣйствительно для Грека могло это казаться страннымъ, но по причинѣ нашего сыраго и холоднаго климата баня со-

ставляетъ, по мнѣнію медиковъ, одно изъ лучшихъ средствъ противъ простудныхъ болѣзней, что впрочемъ Русскій народъ, и безъ докторскихъ совѣтовъ, изъ опыта знаетъ и употребляетъ съ незапамятныхъ временъ.

Теперь наибольшее число торговыхъ бань находится въ Кіево-Подолѣ; двѣ въ Плоской части, четыре въ Подольской. Бывшая въ Крещатицкомъ урочищѣ, со времени устроенія шоссе, уничтожена. Извѣстнѣе прочихъ возлѣ Борисоглѣбской церкви баня Бубнова, и противъ нея бывшая Терехова, теперь Бугаевой; первая заведена около 1820 г., а другая въ 1829 г. На Печерскѣ, въ урочищѣ Каменномъ Затонѣ находились двѣ бани. Замѣтимъ однакожъ здѣсь, что устройство Кіевскихъ публичныхъ бань крайне неудовлетворительно. Изъ Малороссійскихъ дѣлъ Коллежскаго архива 1690 г. № 46 видно, что тамъ, гдѣ были костелы Езуитскій, Бернардинскій, Армянскій и польскій, Мнишкомъ построенный (близъ выше упомянутой Борисоглѣбской церкви), находились и въ концѣ 17-го вѣка городскія бани [1]). — По словамъ старца Леонтія въ 1701 г.: „За городомъ нѣтъ ничего; только по мѣстамъ бани торговыя.“ Но гдѣ именно — неизвѣстно.

§ 17. БАТЫЕВЫ ВОРОТА.

Или, по офиціальной *Росписи Киеву* въ 1682 г. *Софійскія*, собственно, *древнѣйшія* врата. Они находились въ валу, древнія, можетъ быть, въ каменной (Ярославовой) стѣнѣ, ведущей отъ Десятинной церкви (находящейся на Старомъ Кіевѣ, въ нынѣшнемъ Андреевскомъ Отдѣленіи) до Софійскаго Собора. Они были, вѣроятно, въ видѣ башни; широкая форма кирпичей, множество матеріяла и необыкновенный способъ постройки, подобно Золотымъ Воротамъ, видѣнныя въ двухъ остававшихся стѣнахъ до 1798 г. свидѣтельствовали о глубокой древности ихъ. Со временъ разоренія города Татарами извѣстны они въ народѣ подъ названіемъ *Батыевыхъ*, но нѣкоторые именуютъ ихъ и Миниховыми; потому что этотъ графъ съ 1732 по 1737 г. исправилъ укрѣпленія Стараго Кіева. Предъ этими вратами къ Софійскому Отдѣленію находился въ древности чрезъ оврагъ мостъ (Сравни. § 92) На генеральномъ планѣ Кіева 1745 г. ворота эти несправедливо названы *Кіевскими*. Теперь нѣтъ и слѣдовъ Батыевыхъ воротъ, существовавшихъ до 1856 г. они остались только на вѣрномъ и подробномъ планѣ г. Глаголева, изданномъ при его Статистическихъ Матеріалахъ. Въ дюймѣ 62 сажени— Потомство будетъ ему за это благодарно. Этотъ важный планъ, съ нужными дополненіями, приложенъ и при нашемъ сочиненіи.

§ 18 БОГОСЛОВСКІЙ,

(Николаевско-Іорданскій) дѣвичій монастырь. Самая отдаленнѣйшая сѣверозападная часть Кіево-Подола есть *Плоское*. Здѣсь, у подошвы

[1]) Истор. Малоросс. Бантышъ-Каменск. Изд. 2 Т. II. стр. 207.

горы, находилась деревянная церковь Святителя Николая. Съ 1616 г. въ зависимости отъ мужескаго Кирилловскаго, заведенъ былъ при церкви Св. Николая дѣвичій монастырь, названный *Іорданскимъ*, въ слѣдствіе чудеснаго повѣствованія, что нѣкто, бывши въ Палестинѣ, потерялъ свой серебряный ковшъ въ рѣкѣ Іорданѣ, а пріѣхавши въ Кіевъ, нашелъ его въ колодцѣ, находящемся вблизи выше сказанной Николаевской церкви.—Іовъ Борецкій, бывши Игуменомъ Золотоверхо-Михайловскаго монастыря, выстроилъ въ немъ церковь Св. Іоанна Богослова въ 1621 г. и при ней завелъ женскій (Богословскій) монастырь, въ коемъ престарѣлая его супруга была первою игуменьею; но этотъ Богословскій монастырь, по указу Петра I, переведенъ въ 1712 г. на *Плоское* и соединенъ съ Николаевско-Іорданскимъ, имѣя другую деревянную церковь Св. Іоанна Богослова. Такъ показалъ М. Ѳ. Берлинскій (стр. 111), а за нимъ и прочіе его послѣдователи, какъ то Журавскій (стр. 6), Сементовскій (стр. 231) и Похилевичъ (Кіев. Г. Вѣд. 1865. стр. 245). Но здѣсь встрѣчается слѣдующее противорѣчіе: Генералъ Гордонъ, въ своемъ Дневникѣ, подъ 1684 г., отмѣтилъ: „Den 8=ten Mai war ein Festtag in dem Jordanischen Kloster, wohin auch der Bojarin kam; т. е. 8-го мая, (слѣдовательно въ день Св. Іоанна Богослова) былъ праздникъ въ Іорданскомъ монастырѣ, куда ѣздилъ и бояринъ (Алексѣй Петровичъ Салтыковъ).“ Свидѣтельство современника весьма важно. Стало быть еще до 1712 г. Іорданскій монастырь на Плоскомъ назывался и Богословскимъ; припомнимъ, что одно озеро на Оболони, ближайшее къ этому монастырю, называлось тоже Іорданскимъ. — Похилевичъ въ этой статьѣ прибавляетъ слѣдующее: „Въ давнее время въ этомъ мѣстѣ былъ *съѣздъ* съ горы отъ *Лукіановки*, слѣды котораго и теперь еще примѣтны.“ Объ этомъ съѣздѣ мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ давнихъ; а на *слѣды* полагаться нельзя, потому, что Кіевскія горы, отъ атмосфернаго вліянія, часто измѣняютъ свой видъ. Далѣе: „Изъ разсмотрѣнія мѣстности и по остаткамъ щебня видно (?), что первоначально, еще до разоренія Кіева, Николаевскій женскій монастырь, *упоминаемый въ Лѣтописяхъ*, (какихъ ?), существовалъ на уступѣ горы, или на самой горѣ.“ Слѣдовательно щебень опредѣлялъ мѣсто неудовлетворительно, иначе не сказалъ бы авторъ: *на уступѣ, или на самой горѣ*. Замѣтимъ здѣсь, что ни въ какой *Лѣтописи* о Николаевскомъ женскомъ монастырѣ не упоминается. Это новѣйшая выдумка. Преп. Несторъ, въ жизнеописаніи Св. Ѳеодосія, говоритъ такъ: *Блаженый Ѳеодосии..... въшедъ, съповѣда великому Антонию*, (о намѣреніи своей матери постричься), *иже* Антоній *услышавъ, прослави Бога.... и възвѣстивъ о ней Княгыни, пусти ю въ манастырь женьскыи, именуемъ святаго Николы, и ту постриженѣ ей быти и въ мьнишьскую одежю облеченѣ ей быти*. Но Преп. Несторъ не указываетъ мѣста, гдѣ именно былъ этотъ женскій монастырь. Еще менѣе могъ это сдѣлать г. Похилевичъ. Думаютъ, но не болѣе, что этотъ женскій монастырь былъ на Аскольдовой могилѣ, и притомъ съ бóльшею вѣроятностію, ибо и въ Несторово время тамъ стояла уже церковь Св. Николая. (См. § 14).

Николаевско-Богословскій Іорданскій монастырь на *Плоскомъ,* по состоявшимся въ 1786 г. Духовнымъ Штатамъ, упраздненъ, и остался заштатнымъ, пока существовали въ немъ монахини. По консисторскимъ свѣдѣніямъ, коими пользовался Похилевичъ, при закрытіи этого монастыря въ немъ находилось до ста монахинь и послушницъ, которыя жили въ 80 деревянныхъ домикахъ, разбросанныхъ по горѣ. Домики эти составляли собственность монахинь. Главная церковь въ монастырѣ была во имя Св. Николая, деревянная о трехъ куполахъ, однопрестольная, на каменномъ фундаментѣ; въ 1808 г. церковь эта внутри была богато украшена. Около этого времени она обращена въ приходскую; въ 1821 г. сгорѣла. Нынѣшняя приходская церковь Св. великомученика Димитрія деревянная, выстроена въ половинѣ прошлаго столѣтія, и во время существованія монастыря считалась трапезною.

§ 19. БОЛЬНИЦА.

Эта городская деревянная больница съ небольшимъ садомъ, до тридцатыхъ годовъ находилась внѣ города, между Новою Слободою, Паньковщиною и Лыбедью. Она заведена около 1805 г. градскимъ обществомъ, и нѣсколько человѣкъ больныхъ и увѣчныхъ имѣли въ ней пристанище. Вблизи этой больницы, въ 31 день іюля, 1837 г. заложено великолѣпное Университетское зданіе.

§ 20 БОРИСОГЛѢБСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

ЦЕРКОВЬ СОШЕСТВІЯ СВ. ДУХА.

Она находится на Подолѣ; главный престолъ ея во имя Рождества Св. Іоанна Предтечи. До 1602 г. на этомъ мѣстѣ находился польскій кляшторъ. Основываясь на свидѣтельствѣ Боплана [1]), это былъ монастырь Езуитскій, вѣроятно разрушенный Козаками около 1648 г., во время войнъ Гетмана Богдана Хмельницкаго съ Поляками.—На обширномъ фундаментѣ этого кляштора выстроена потомъ деревянная Борисоглѣбская церковь. Въ Вѣдомости Протопопіи Кіево-Подольской, отъ 2 апрѣля 1784 г. показано, что она „на мѣстѣ польскаго костела построена въ 1602 г. (?) коштомъ Кіевскаго мѣщанина Онисима Ходкѣвича, при державѣ польскаго короля Сигизмунда III, при воеводѣ Кіевскомъ князѣ Василіѣ, Константиновѣ сынѣ Острозскомъ“. — Въ 1682 г. возлѣ сказанной церкви былъ деревянный, теплый *придѣлъ* во имя Св. Іоанна Предтечи, который существовалъ до 1799 г. когда онъ по ветхости разобранъ. Вмѣсто этого придѣла еще въ 1691 г. вблизи выстроена каменная церковь во имя Рождества Св. Іоанна Крестителя, иждивеніемъ Кіевскаго полковника Григорія Карпóвича [2]). Митрополитъ Ев-

[1]) См. нашу Лѣтопись, стр. 75. [2]) Кіев. Еп. Вѣдом. 1862 г. стр 303.

геній показываетъ [1]), что церковь Святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба сгорѣла въ 1790 г., а М. Ѳ. Берлинскій относитъ это обстоятельство къ 1699 г. [2]). Послѣ сего пожара утварь бывшей церкви присоединена къ храму Св. Іоанна Крестителя, въ которой устроенъ и престолъ Святыхъ Мучениковъ. На основаніи церковныхъ записей Иванъ Максимовичъ [3]) сообщаетъ, что въ память разобранной въ 1799 г. деревянной Борисоглѣбской церкви, пристроенъ, съ сѣверной стороны, къ Предтечевской въ 1802 г. гражданиномъ Климентомъ Тернавскимъ теплый каменный придѣлъ. Не смотря на это обстоятельство, церковь сія между жителями именуется не по главному, а по боковому престолу. Въ 1811 г. храмъ этотъ, во время общаго пожара, весь выгорѣлъ, но послѣ возобновленъ. Вблизи Борисоглѣбской церкви, по древнему преданію, происходило, при Св. Владимірѣ, крещеніе Кіевлянъ въ Почаинѣ [4]).

Церковь Сошествія Св. Духа. Близъ упомянутой выше Борисоглѣбской церкви, на берегу Днѣпра, подлѣ тогдашней Сѣнной Площади, находилась до 1811 г. еще другая, во имя Сошествія Св. Духа. Въ Вѣдомости 1784 г. сказано, что она имѣла ограду деревянную. Прежняя *древняя* (?) когда и чьимъ иждивеніемъ сооружена—неизвѣстно. По сгорѣніи оной въ 1721 г. выстроена на сумму Кіевской мѣщанки, вдовы Домникіи Григорьевой. Но изъ дѣлъ Консисторскаго архива оказывается, что въ 1748 г. церковь Сошествія Св. Духа оказалась до того тѣсною, что могла вмѣщать въ себѣ лишь малое число людей; въ слѣдствіе чего она въ этомъ году расширена пристройками и вокругъ оной устроено *Опасанье*, т. е. крытая галлерея. Въ 1811 г, церковь Св. Духа истреблена пожаромъ и съ тѣхъ поръ не возстановлялась болѣе

§ 21. БРЯЧИСЛАВЛЯ И КОСНЯЧКА ДВОРЫ.

Погребъ.—Подъ 1067 г., при Изяславѣ I: «*Людье Кыевстіи прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищѣ* (въ Кіево-Подолѣ), *начаша людье корити на Воеводу на Коснячька; и идоша съ вѣча на Гору* (на Старый Кіевъ; они шли не нынѣшнимъ взвозомъ Андреевскимъ; ибо онъ прорытъ въ позднѣйшее время; но дорога съ Подола на Старый Кіевъ или Городъ *(Гору)* была прежде чрезъ теперешніе Кожемяки и Гончари по натуральному оврагу, который нынѣ на Старомъ Кіевѣ засыпаютъ [5]). или же по Боричеву взвозу), *и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля* (разумѣется ли подъ симъ именемъ отецъ Полоцкаго Князя Всеслава?—Послѣдній тогда сидѣлъ въ темницѣ Кіевской), *и рекоша.... и раздѣлишась на двое* (на право и на лѣво); *половина ихъ иде къ погребу* (т. е., къ городской тюрьмѣ, по направленію

[1]) Опис. Кіев.Софіи, стр. 179. [2]) Опис. Кіева, стр. 107. [3]) Паломникъ Кіевск., стр. 126. [4]) Синопсисъ, стр. 50. Сравни § 112. Почаина. [5]) См. Копыревъ Конецъ § 75 и Киселевка § 67.

къ Софійскому Собору), *а половина ихъ иде по мосту* (бывшему предъ древнѣйшими, нынѣ Батыевыми, воротами (см. § 17), ведущими къ Десятинной церкви или въ Андреевское Отдѣленіе Стараго Города), *си же придоша на княжь дворъ... людье же высѣкоша изъ поруба Всеслава въ 15 день сентября, и поставиша й средѣ двора княжа* [1]). Мѣста сихъ дворовъ и городской тюрьмы *Погреба* или *Поруба*, подобно тому, какъ и двора Гордятина и Ниѳова, не возможно опредѣлить съ точностію; но по смыслу приведеннаго текста изъ Лѣтописи, дворы Брячислава и Коснячка и городской *Порубъ* были въ Софійскомъ Отдѣленіи Стараго Кіева. Подобное обстоятельство представляетъ и слѣдующій текстъ подъ 1161 г. *И приде вѣсть къ Ростиславу* (Вел. Кн.) *въ Кыевъ, оже ему ятъ сынъ Новгородѣ* (Святославъ Ростиславичъ, тамъ княжившій), *и повелѣ изоимати Новгородци* (пребывавшіе по дѣламъ своимъ въ Кіевѣ) *и уметати ѣ у Переспѣченьскый погребъ, и въ одну ночь умре ихъ 14 мужи; и повѣдаша Ростиславу, оже задъхлися въ погребѣ, и печаленъ бысть ихъ дѣля, и повелѣ выпустити я изъ погреба и розвести я по городомъ* (Ипатіев. стр. 88).

§ 22. ВАРЯЖСКІЯ ПЕЩЕРЫ.

Въ концѣ прошлаго вѣка у нѣкоторыхъ писателей возникло особеннаго рода воззрѣніе на Кіевскія Древности. На Исторію этого города смотрѣли они съ непонятною важностію, не удостоивали ее надлежащаго вниманія и выражались такъ: „говорятъ, что въ Кіевѣ красовались великолѣпныя зданія; но гдѣ они? Не было ни *одного* зданія, которое отличалось бы архитектурною красотою, или огромностію. Это были *Готическія(?)* постройки; то есть кирпичныя массы, украшенныя самою грубою мозаикою по правиламъ *Китайской*(?) перспективы. Не мудрено, если тогдашніе Кіевляне удивлялись не столько искусству, сколько дороговизнѣ и рѣдкости украшеній. Съ изумленіемъ смотрѣли на великую церковь Спаса на Берестовѣ, выстроенную Княземъ Владиміромъ, которой куполъ теперь едва видѣнъ изъ-за-крѣпостныхъ валовъ [2]). Но и это все древнее съ теченіемъ времени разрушено и уничтожено и, кромѣ древняго имени, въ Кіевѣ теперь все новое“ [3]).—Такое мнѣніе кажется для насъ очень страннымъ; однакожъ оно имѣло своихъ приверженцовъ и особенно нравилось иностранцамъ, смотрѣвшимъ на Россію всегда съ высокомѣріемъ. Мнѣніе это обличаетъ поверхностное знаніе исторіи своего отечества. Не уже ли тысячелѣтнее существованіе Кіева, бывшаго столь долгое время столицею Россіи, съ теченіемъ вѣковъ какъ будто безъ-слѣдно изчезло?—Нѣтъ, Кіевъ, самъ по себѣ, есть древность, и притомъ древность самая важная и драгоцѣнная для всей Руси. Каждая мѣстность его ознаменована длиннымъ

[1]) Лаврен. 73. Карам. Т. II. прим. 119. [2]) Konstantinopel und Petersburg. Журналъ 1806 г. стр. 329. [3]) Опис. Кіева Берлинск. стр. 29.

рядомъ произшествій. Не только поверхность, но и самыя нѣдра горъ Кіевскихъ представляютъ древности, и надобно замѣтить, древности доисторическія. Обратимъ вниманіе наше на Пещеры Варяжскія.

Чтобы составить опредѣленное понятіе объ этихъ пещерахъ, прежде всего мы должны сдѣлать себѣ вопросъ: *Кто были Варяги*, или *Варяго-Руссы?*

Разрѣшеніе этого обширнаго и многотруднаго вопроса требуетъ особой, спеціальной подготовки и отвлекло бы насъ отъ предположенной цѣли. Посему гораздо удобнѣе воспользоваться уже готовыми результатами изслѣдованій, которыя были подъяты мужами славными ученостію и проницательностію; мнѣнія ихъ по этому предмету предложимъ мы со всевозможною краткостію. И такъ:

1) По мнѣнію, обнаруженному въ 16 вѣкѣ составителями Степенной Книги, Варяго-Руссы происходятъ изъ Пруссіи, гдѣ правое устье рѣки Нѣмана называется *Русь*, а окрестность—*Порусье.*

2) Ломоносовъ думалъ, что Варяги суть Прусскіе Венеты, древніе единоплеменники Словенъ.

3) Мнѣніе Татищева и Болтина: Варяги суть Финляндцы, *Финны* за Ладожскимъ озеромъ, то есть Русскимъ моремъ. Въ Финляндіи есть гора, называемая *Русскою* и жители имѣютъ *русые* волосы [1]).

4) Эверсъ думалъ, что Варяги суть *Хазары*, коихъ одно племя, называвшееся *Руссами*, обитало въ Тмутораканѣ (Фанагоріи) при Кубанѣ и при Черномъ Морѣ. Руссы, т. е. Хазары служили у Императора въ Цареградѣ и назывались Варягами. Къ Словенамъ отправились чрезъ Азовское море.

5) Крузе полагалъ, что Варяги происходятъ изъ *Ютландіи*; тамъ былъ Рюрикъ и тоже около 862 года.

6) Вельтманъ пишетъ: Варяги были Руссы, то есть *Турки*, обитавшіе по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря; ибо Руссы въ 860 г. дѣлали нападеніе на Константинополь.

7) Фатеръ и Булгаринъ утверждали, что Варяги были Роксолане, покоренные Готами. Они обитали прежде въ Южной Россіи, потомъ перешли къ устью Нѣмана, гдѣ коренные жители Литовцы или Прусы назвали ихъ Гудами.

8) Мнѣніе Баера, Миллера, Шлецера, Карамзина, Погодина, Устрялова состоитъ въ томъ, что Варяги были Шведы, по Чухонски Ruotzi, жили въ *Рослагенѣ*, провинціи Упландъ. Эти писатели называютъ ихъ Норманнами.

9) Морошкинъ, Макаровъ, Максимовичъ, Чертковъ, особенно Савельевъ, а за нимъ Бутковъ пишутъ, что на островѣ Рюгенѣ, какъ

[1]) Т. I. стр. 390.

главнѣйшемъ мѣстѣ жительства, обитали Словены, коихъ древнѣйшіе Германскіе Лѣтописцы, Ліутпрандъ, Дитмаръ и многіе другіе, называютъ *Русью* и *Норманами*, а Словене Новгородскіе называли Словенъ-Рюгенскихъ, по мѣсту жительства сихъ послѣднихъ, *Варягами*, обитающими въ Европѣ, между Нѣмцами, Франками, Фрягами, Варягами.

10) Новѣйшее мнѣніе г. Костомарова состоитъ въ томъ, что подъ именемъ Варяговъ должно разумѣть Литовцевъ.

Если ко всему этому прибѣгнемъ еще къ филологической пыткѣ, которую столь справедливо осмѣивалъ славный Шлецеръ, то изъ слова *Варяги* можно добиться слѣдующихъ словъ: *Вряги*, *Фряги*, *Френги*, *Френки*, *Франки*, словомъ западные Европейцы. — И такъ мы видимъ, что вся эта ученая комбинація *велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ*, что мнѣнія объ этомъ предметѣ даже компетентныхъ лицъ представляютъ великое разногласіе и хаосъ; посему всѣ эти глубокомысленныя разысканія, всѣ усилія туманной учености и доселѣ не привели къ удовлетворительному результату, такъ, что мы не знаемъ положительно, кто были Варяги.

Послѣ столь неудачныхъ попытокъ намъ остается бросить взоръ на самыя Варяжскія Пещеры: Онѣ находятся возлѣ теперешнихъ *Дальнихъ Пещеръ*, къ коимъ онѣ примыкаютъ. Хотя объ нихъ Лѣтописецъ не упоминаетъ, но они должны быть весьма древни и, вѣроятно, составляли жилища первобытныхъ обитателей странъ Кіевскихъ. Онѣ совершенно одинаковаго качества съ Лаврскими и суть продолженіе оныхъ; во многихъ мѣстахъ завалились. Черноризецъ Поликарпъ, въ житіи Ѳеодора и Василія, упоминаетъ объ нихъ такъ: *Феодоръ... бысть мнихъ, повелѣніемъ игумена бысть жителемъ в-печерѣ, еже зоветься Варяжьская.... и днемъ много минувшимъ нача копати, и обрѣте скровище, злата и сребра множьство и съсуды многоцѣньны.... и пристроивъ Печерникъ возы же и ларцѣ, въ немъ же скровище сберетъ да изыдетъ.... и разумѣя лесть дияволя.... укрѣпися на врагы.... обрѣтеное же скровище, ископаеъ яму глубоку и тамо вложь, засыпа*. Мстиславъ, сынъ Святополка II Изяславича (1093—1113 г.) узнавъ объ этомъ, требовалъ отъ Ѳеодора сокровища: „*Обрѣтохъ и нынѣ есть скровено въ печерѣ*—отвѣтствовалъ Св. отшельникъ — *Въ житіи св. отца нашего Антонія повѣдаеться Варяжьскыи поклажа есть, понеже съсуды Латиньскии суть*; *сего ради Варяжьская печера зоветься и донынѣ. Злата же и сребра бещисла много.... И нынѣ Господь взя память отъ мене сребролюбия и не вѣмь, гдѣ скрыхъ*" [1]).— Въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1148 г. говорится, что *Изяславъ* (Кн. Кіевскій) *да дары Ростиславу* (Кн. Смоленскому), *что отъ Руские землѣ, а Ростиславъ да дары Изяславу, что отъ верхнихъ земель и отъ Варягъ* (стр. 39). Все это указываетъ, что Русскіе называли Варягами народъ Латинскаго вѣроисповѣданія, жившій на берегахъ Балтійскаго моря. Позднѣйшее свидѣтельство митрополита Сильвестра Коссова и Аѳанасія Кальнофойскаго состоитъ въ томъ, что

[1]) Арсеніевская рукопись 1406 г.

Варяги производили разбои по Днѣпру и въ упоминаемыхъ пещерахъ имѣли свой притонъ. Послѣдній пишетъ: Berestowo jest gora.... na tey mieli łogowisko swoie Waragowie, Dnieprowi rozboinicy, ktory zegluiących o zdrowia zaraz, y o maiętnosci utratę przyprawowali: ci łupy swoie sobie wiadomemi scieżkami w jaskini tey, ktorą na gorze wyryli (ta y dziś ziaie) y samych siebie chowali. Po tych zniesieniu niedaleko Sw. Hylarion dla uwarowania się ludzkich molestatiy, wyrył sobie małą pieczarkę Kiiowską etc. (стр. 4). Какимъ образомъ Кіевскіе ученые 17-го вѣка пришли къ подобному мнѣнію, мы не беремся рѣшить [1]. — Похилевичъ сообщаетъ, что въ недавнее время между нѣкоторыми изъ старшей братіи Печерскаго монастыря возродилась мысль очистить Варяжскія пещеры, поддержать ихъ по мѣстамъ каменными контрафорсами и обратить ихъ по прежнему въ мѣсто погребенія для старшихъ и благочестивѣйшихъ тружениковъ обители и богомольцовъ [2].

§ 23. ВАСИЛІЯ СВ. ЦЕРКОВЬ. (ТРЕХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ).

а) ЖИЛИЩЕ КЫЯ НА БОРИЧЕВѢ, б) ПЕРУНОВЪ ХРАМЪ, в) ВАСИЛІЯ СВ. ЦЕРКОВЬ, г) ЧОРТОВО БЕРЕМИЩЕ, д) ТРЕХСВЯТИТЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ. — РОДЪ ЕЯ ПОСТРОЙКИ, — ПОИСКИ, е) ЦЕРКОВЬ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО КОЗАЦКАЯ.

а) *Жилище Кыя* или *Кія на Боричевѣ*. „*Сѣдяше Кыи на горѣ, кдѣ нынѣ оувозъ Боричевъ* (Лаврен.);" слѣдовательно, по словамъ Лѣтописца, древнее Боричево было мѣстомъ, гдѣ жилъ первый (баснословный) основатель города Кіева; по мнѣнію, тоже неосновательному, Стрыйковскаго, въ 430 г. по Р. Христовѣ. „*И послаша Древляне лучьшие мужи, числомъ 20 въ лодьи ко Ользѣ, присташа подъ Боричевымъ* (Лаврен.)." И такъ, въ древности Боричевъ взвозъ составлялъ главную дорогу въ Кіевъ отъ прежняго устья Почаины, которое было вмѣстѣ и Днѣпровскою пристанью.

б) *Перуновъ храмъ*. Въ послѣдствіи на этомъ мѣстѣ былъ храмъ верховнаго божества, Перуна; но время основанія онаго намъ неизвѣстно. Въ 980 г.: „*И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ...... и сквернися кровьми земля Руски, и холм-отъ.... На томъ холмѣ ныне церкви стоить Св. Василья* (Лавр.)." Но Владиміръ, поставивъ новый кумиръ Перуна (на мѣстѣ прежняго?), хотѣлъ почтить его даже принесеніемъ въ жертву человѣка, какъ объ этомъ, подъ 983 г., Преп. Несторъ въ своей Лѣтописи упоминаетъ.

в) *Василія Св. церковь*. По принятіи Христіанства Владиміръ, возвратясь изъ Корсуня, въ 988 г, низвергши Перуна: *повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири. И постави цер-*

[1] Сравни § 115. Преображенія Господня церковь на Берестовѣ. [2] Кіев. Губ. Вѣд. 1865 г. 30 января.

ковь Св. Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ (Лавр.).“ Имя Василія получилъ Владиміръ I при крещеніи [1]).

г) *Чортово Беремище.* Гизель, въ своемъ Синопсисѣ (стр. 54), передалъ преданіе, сохранившееся между Кіевлянами: „Идола егда влекоша вѣрніи съ горы утопити въ Днѣпръ, біюще его нещадно.... и оттуда дорогу ту съ горы нижае монастыря Золотоверхо-Михайловскаго нарекоша древле *Чортово Беремище*, си есть, тяжко чорту.“ — Названіе это принадлежитъ древнему Боричеву взвозу и горѣ, на которой стояла церковь Св. Василія. Это преданіе и до сихъ поръ сохранилось у простаго народа [2]).

Церковь Св. Василія, стоявшая близъ *Двора Теремнаго*, была первоначально деревянная (слово *рубити* подаетъ къ этому поводъ думать), и первая изъ тѣхъ, которыя создалъ Владиміръ I. Въ XII в. была она каменная, но не извѣстно, кому должно приписать построеніе оной; ибо 1184 г. соорудилъ одну Святославъ II Всеволодовичь, по Ипатіев. Лѣт.: „*Священа бысть церкы Св. Василья, яже стоитъ въ Кыевѣ на Велицѣмъ Дворѣ* (стр. 128);“ а въ 1198 г. другую Рюрикъ I Ростиславичь: „*созда В. Кн. Рюрикъ церк. Св. Василья въ Кыевѣ на Новомъ Дворѣ* (по той же Лѣтоп., стр. 152). Въ 1231 г. говорится въ Лѣтописи, что при Васильевской церкви былъ *монастырь.* См. Лавр. стр. 194. Церковь эта, въ 1240 г., подверглась общему разоренію отъ Татаръ. Еще въ 1646 г. Бопланъ видѣлъ ея остатки: уцѣлѣли только двѣ полуразрушенныя стѣны, вышиною отъ 5 до 6 футовъ, покрытыя Греческими надписями. Болѣе четырехъ сотъ лѣтъ церковь эта лежала въ развалинахъ, потомъ была исправлена (вѣроятно Петромъ Могилою 1632—1647) и приписана къ Братскому монастырю, отъ котораго тамъ опредѣленъ былъ Строитель съ братіею для служенія. Польскій Король Владиславъ IV, грамотами 1638 г. мая 12-го и 1640 г. іюня 7-го, подтвердилъ эту приписку. Въ послѣдней, писанной на польскомъ языкѣ, говорится: „Обращая вниманіе на челобитье Игнатія Оксеновича, игумена Кіевскаго Богоявленскаго монастыря, въ отношеніи къ двумъ церквамъ въ Кіевѣ, именно: одной *Святыхъ Трехъ-Святителей*, стоящей противъ нашего Кіевскаго За́мка, возлѣ Св. Михаила Золотоверхаго, а другой, также на горней фундаціи, *Воздвиженія Честнаго Креста.* Эти церкви немалое время оставались опустѣлыми, а потомъ перешли въ руки свѣтскихъ поповъ и, обратясь въ собственность частныхъ лицъ, разорены въ конецъ. Почему мы...... обѣ помянутыя церкви, со всѣми дворами, куничными (*оброчными*) людьми, строеніями..... жалуемъ Богоявленскому игумену и братіи его.... и проч. Дана въ Варшавѣ [3]). Казимиръ 1650, фев. 20, Михаилъ Корибутъ 1670, окт. 10, также утвердили во владѣніе Братскому монастырю мѣста церкви Крестовоздви-

[1]) Въ Воскресенскомъ спискѣ выдумано обстоятельство, что первая, Владиміромъ I построенная, церковь въ Кіевѣ, была освящена 26 ноября, во имя Св. Георгія; а въ Степенной Книгѣ во имя небывалаго Мученика Турова (!). [2]) Берлинскій. Опис. Кіева, стр. 66, 132 и 190. [3]) Памятн. Врем. Комм. Кіевъ. Т. II стр. 144.

женской и Трехсвятительской [1]); но по истребленіи пожаромъ, 17-го августа 1651 г. во время занятія польскими войсками города, она опять запустѣла и приписана потомъ къ Михайловскому монастырю. Въ оффиціальной *Росписи Киеву* 1682 г. она названа *Трехсвятительскою*, ветхою церковію; вокругъ нее былъ Житный Дворъ, 9-ть амбаровъ съ хлѣбными запасами и дворъ воеводы (Срав. Лѣтопись). Въ такомъ положеніи находилась эта церковь до 1690 г., и въ старинныхъ Смѣтныхъ и Городовыхъ книгахъ описана слѣдующимъ образомъ: „Церковь каменная Трехъ Святителей, въ длину во основаніи со олтаремъ 7 саженъ, внутри отъ западныхъ дверей до олтаря полчетыре сажени, олтарь въ длину 3 саж. съ аршиномъ, поперегъ тое церкви и олтаря 4 саж. съ аршиномъ; на той церкви главъ и сводовъ нѣтъ, обвалились и во многихъ мѣстахъ стѣны разсѣлись.“—Впрочемъ, Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, и Московскій Патріархъ, Адріанъ, между прочими правами и привилегіями, отдали, Грамотою отъ 28 сентября, 1691 г., Кіевскому Митрополиту, Варлааму Ясинскому, и *запустѣвшую* древнюю церковь Св. Василія подъ вѣдомство Кіевской Митрополіи.

д) *Трехъ Святителей* церковь. Около 1690 г., въ обвалившейся церкви Св. Василія подѣланы были хлѣбные амбары; но въ 1693 г. приступлено къ возобновленію ея [2]); она посвящена вновь во имя *Трехъ Святителей*. Въ половинѣ прошлаго столѣтія при ней находился мужескій монастырь, что видно изъ вѣдомости о монастыряхъ Кіевской Епархіи 1756 г. и изъ плана Кіева 1745 г. [3]). Въ 1783 г., а по другимъ 1787 г. причисленъ къ ней бѣдный приходъ. Зданіе этой каменной церкви, донынѣ оставшееся, очевидно весьма древнее, особенно узкое окно сѣверной стѣны въ притворѣ алтаря; въ свѣту съ откосами вышиною 3 арш. 9 верш., а шириною 1 арш. 1 верш. Она была складена изъ тонкихъ четвероугольныхъ кирпичей, на толстой известковой съ толченымъ кирпичемъ подмазкѣ. Длиною, кромѣ новой, уже пристроенной, паперти, 25, шириною 16 арш. и 10 верш. со стѣнами; вышиною 14 арш. 7 вершковъ; а верхъ ея стѣнъ съ карнизомъ и по стѣнамъ пилястры, также окны, сдѣланы уже новыя. Теперь въ церкви иконостасъ рѣзной, украшенный колонами, пьедесталы и капители коихъ мѣстами позолочены. Намѣстныя иконы имѣютъ серебряные, вызолоченные вѣнцы. На лѣвой рукѣ пономарня и въ ней-то оставшееся отъ разрушенія упомянутое узкое, древнее окошко. По правую сторону престолъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. За правымъ клиросомъ образъ Владимірской Божіей Матери въ рѣзномъ кіотѣ съ позолотою. За лѣвымъ клиросомъ, въ такомъ же кіотѣ, образъ Св. Николая Чудотворца.

[1]) Опис. К. Софіи, стр. 210; Прибавл. стр. 211. [2]) Малорос. Дѣла Коллеж. Архива. Истор. Малор. Б.-Каменск. Изд. 2. Т. III. стр. 239.—М. А. Максимовичъ, описывая эту церковь, (см. 1 кн. Кіевлянина 1840 г. стр. 16) ошибочно показалъ: 1) что она сгорѣла около 1660 г.; но по Украинскимъ Лѣтописямъ она сгорѣла 17-го августа 1651 г.—2) что эта церковь возобновлена въ 1695 г.; но возобновленіе было произведено въ 1693 г. См. выше.
[3]) Опис. К. Софіи. Прибавл. стр. 245, и Обозрѣніе Кіева Журавскаго, стр. 24.

Къ этой древней Трехъ-Святительской церкви пристроенъ, неизвѣстно когда, низкій, теплый придѣлъ во имя Нерукотвореннаго Образа. Иконостасъ столярной работы съ рѣзьбою, позолоченный. На немъ, по карнизу, изображена слѣдующая надпись: „Знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего, Господи, во свѣтѣ лица пойдемъ и о имени Твоемъ возрадуемся въ вѣкъ".

Во всѣхъ трехъ придѣлахъ напрестольные кресты, чаши, звѣзды, дискосы, лжицы серебряные, въ коихъ, и въ ризахъ на образахъ, по описи, значится 18 фунтовъ 45 золотниковъ. Число церковныхъ вещей слѣдующее: плащаницъ 2, евангелій 7, воздуховъ 14, ризъ священническихъ 32, епитрахилей, стихарей 16, поручней 9 и столько же поясовъ.

Приходъ этотъ малъ и небогатъ, что доказывается незначительною, показанною выше, церковною принадлежностію, не смотря на древнее оной основаніе. Въ 1826 г. Анненковъ возобновилъ эту церковь. Подробнѣе описываетъ ее *Самойловъ*: Кіевъ въ началѣ своего существованія. М. 1834.—Много сдѣлано было поисковъ возлѣ этой церкви Г-жею Турчаниновою и другими любителями Древностей. Такъ, въ 1812 г., при срытіи крѣпостныхъ булеваровъ, открыта была очень глубокая круглая яма (Берлин. стр. 67 и 190). Въ 1837 г., въ оградѣ сей церкви дѣлалъ поиски г. Анненковъ; но находка состояла въ одномъ старомъ кирпичѣ и нѣсколькихъ кускахъ стекла. Въ 1838 г., въ 20 шагахъ къ сѣверозападу отъ церкви, открыта глубокая пещера съ отдѣльными ходами въ разныя направленія, которыя, впрочемъ оканчивались завалами. Она выкопана въ твердомъ глинистомъ песчаникѣ и имѣетъ совершенное сходство съ Лаврскими. По освидѣтельствованіи сей пещеры, входъ въ нее вновь засыпанъ (Журн. Мин. Н. Пр. Апр. 1838).

е) *Церковь Св. Василія Великаго, Козацкая*. Въ Универсалѣ, данномъ Василіемъ Дворецкимъ, Полковникомъ Кіевскимъ отъ 3 мая 1659 г. Кіево-Братскому монастырю на земли и угодія, между прочимъ сказано: „*отъ Сирца рѣчки просто чрезъ боръ, отъ грунту Церкви Василевское меское Кіевское, чрезъ тогожъ Сагайдачнаго уфундованное* [1]) т. е. *отъ грунту* или земли, принадлежащей Церкви Св. Василія Великаго, *меское*, городской, а городомъ тогда назывался Кіево-Подолъ, *уфундованное*, основанной Сагайдачнымъ. Ясно, что гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный былъ основателемъ церкви Св. Василія Великаго на Подолѣ. Сагайдачный скончался въ 1622 г.; посему упоминаемая церковь выстроена была въ промежуткѣ времени 1601 — 1622 г. — Въ *Росписи Киеву* 1682 г. говорится, что на Подолѣ, въ числѣ другихъ церквей, находится и церковь Св. Василія Великаго, но не сказано, гдѣ именно. Позднѣйшее указаніе на эту церковь представляетъ намъ „Вѣдомость Протопопіи Кіево-Подольской, о числѣ состоящихъ въ оной городовыхъ церквей, и при нихъ священно и церковнослужителей и ихъ

[1]) Памятники Кіевск. Т. II. стр. 219.

женъ и дѣтей обоего пола, учиненная по требованію г. городничаго Кіевскаго Круглова, апрѣля 2 дня 1784 года.“ Въ этой Вѣдомости, подъ числомъ 13 сказано: „Церковь во имя *Святителя Христова Великаго Василія* съ оградою деревянною. Древняя; когда и чьимъ коштомъ состроена была и сгорѣвшая въ 1718 году — неизвѣстно; а 1727 г. состроена вновь общимъ доброхотовъ подаяніемъ. При ней священникъ 1, причетниковъ 2.“ — Упоминаемая Вѣдомость помѣщена въ Кіевск. Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1862 г. (стр. 300 — 309). Редакція въ этомъ мѣстѣ присовокупила слѣдующее пояснительное примѣчаніе: Изъ другихъ дѣлъ, (находящихся въ Архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи), видно, что церковь Св. Василія оставалась неконченною и неосвященною до 1746 г., по крайнему недостатку средствъ, хотя въ приходѣ ея было около 250 дворовъ, и притомъ на половину богатыхъ (Кожемяки). Главною причиною такой скудости ея было недовольство прихожанъ, жившихъ на Кожемякахъ, которые давно добивались, но не получали позволенія имѣть для себя особую церковь, такъ какъ Васильевская находилась отъ нихъ на значительномъ разстояніи (въ оградѣ Флоровскаго монастыря); они дали слово ничѣмъ не пособлять этой церкви, и сдержали его, пока имъ не позволили построить особую церковь (Кресто-Воздвиженскую). По отдѣленіи Кожемякъ въ 1748 г. за Васильевскимъ приходомъ остались одни бѣдные Козаки, жившіе близъ Житнаго Торга, отчего церковь эта слыла въ городѣ *Козацкою*. На прихожанъ уже нечего было расчитывать, такъ какъ всѣ они были народъ чернорабочій и бѣдный. Только просительная книга, выданная причту въ 1749 г., дала возможность, кое-какъ докончить церковь и освятить ее [1]). Въ 1811 г. Церковь Св. Василія сгорѣла и не возстановлялась болѣе. Мѣстность ея отошла къ Флоровскому монастырю, съ сѣверной стороны его; на мѣстѣ престола стоитъ до сихъ поръ кирпичная пирамида съ крестомъ.

§. 24 ВВЕДЕНІЯ ВО ХРАМЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ ЦЕРКОВЬ.

а) волосово капище, б) церковь св. власія, и в) введенская.

а) *Волосово капище.* Кіево-Подолъ, особенно Оболонь, издревле были выгоднымъ мѣстомъ для пастьбища, на которое Кіевляне выгоняли скотъ свой. Возлѣ дороги, ведущей изъ Стараго Кіева черезъ Кожемяки на этотъ лугъ, во время идолопоклонства жители выстроили капище, находившееся вблизи теперешней деревянной церкви Введенія Богородицы, и посвятили его богу Волосу, покровителю хозяйства и домашняго скота. Берлинскій говоритъ, что это обстоятельство *доказывается* документомъ 1696 г., находящимся въ архивѣ Городской Думы. Въ

[1]) Дѣла въ Архивѣ Кіевск. Духовн. Консисторіи 1746 г. № 13; 1749 г. № 300; 1784 г. № 161.

документѣ семъ есть выписка, коея слогъ показываетъ, что она заимствована изъ какой либо древней рукописи [1]).

б) *Власія Св. церковь.* Въ означенномъ документѣ сказано, что на мѣстѣ капища Волоса, по принятіи Христіанства, выстроена была церковь Св. Власія, которая при нападеніи на Кіевъ Януша Радзивила, въ 1651 г. истреблена пожаромъ. Сходство именъ и, сверхъ того, до сихъ поръ сохранившееся обыкновеніе простолюдиновъ прибѣгать къ помощи Св. Власія во время скотскихъ болѣзней, подтверждаютъ это обстоятельство. Можно также еще замѣтить, что теперешняя Введенская улица въ среднія времена называлась Быдлогонною, отъ слова bydło, рогатый скотъ. Близость Оболони, вѣроятно, была причиною, что божница Волосова была устроена въ такомъ отдаленномъ разстояніи отъ города. Впрочемъ, Несторъ объ этомъ ничего не говоритъ; къ сожалѣнію же Берлинскій, при своемъ Описаніи, не приложилъ списка самаго документа, на которомъ онъ основывается. Слѣдовательно, это обстоятельство еще остается *доказать*.

в) *Введенія Пресвятыя Богородицы*, нынѣшняя деревянная церковь, находится въ сѣверномъ углу Кіево-Подола, возлѣ бывшей *Введенской* улицы, которая теперь уничтожена и, въ слѣдствіе новаго плана, иначе расположена. Основываясь на показаніи Вѣдомости отъ 2-го апрѣля 1784 г. Введенская церковь сооружена въ 1718 г. иждивеніемъ жителя Баришовки, Павла Демьяновича Лѣсницкаго, бывшаго впослѣдствіи цехмистромъ (старостою) *рыбальскаго* цеха въ Кіевѣ; причемъ принималъ участіе и тогдашній священникъ той церкви Онуфрій Хенцѣнскій. Въ пожаръ 1811 г., отдѣленная отъ Подола каналомъ, она уцѣлѣла. Находясь однакожъ близъ Оболони и Днѣпра, въ самой низменной мѣстности Кіево-Подола, подверженной ежегоднымъ разлитіямъ Днѣпра и оттого опустошеніямъ, положеніе ея неудобно. Въ 1844 г. разливъ воды покрывалъ поверхность земли вокругъ Введенской церкви на полтора аршина. По этой причинѣ приходъ сей церкви состоитъ изъ недостаточныхъ жителей Кіева, преимущественно рыболововъ (см. § 120. Рыбалки), которые съ 1844 г. постоянно переселяются на Лукьяновку и другія возвышенныя части города. — Не смотря на неудобность этой мѣстности, здѣсь тѣснится теперь множество Жидовъ, потому что при Генералъ-Губернаторѣ Васильчиковѣ разрѣшено имъ жить въ Плоской части города Кіева.

Изъ дѣла въ архивѣ Консисторіи 1833 г. № 19, видно, что ветхость нынѣшней Введенской церкви побудила прихожанъ составить планъ на построеніе новой каменной церкви съ придѣломъ Св. Власія, котораго часть мощей хранится въ алтарѣ этого храма. Избѣгая губительныхъ разливовъ Днѣпра, прихожане, для своей проэктируемой церкви, избрали другое мѣсто, гораздо ближе къ центру Кіево-Подола и возвышеннѣе, но за то въ концѣ прихода. Нынѣшнее же мѣсто, на которомъ,

[1]) Опис. Кіева. стр. 110 и 192.

какъ увѣряютъ любители Древностей, во время язычества стояло Капище Волосово, оставляется.

Недалеко отъ Введенской церкви находится *Рыбный Рынокъ*. Изъ этого обстоятельства догадливый Кіевскій антикварій, Л. Похилевичъ, выводитъ заключеніе, что на этомъ мѣстѣ въ древности была *Постнича бесѣда* [1]). Въ Лаврен. Лѣтописи говорится объ этомъ подъ 945 г., слѣдовательно еще до введенія въ Кіевѣ Христіанства. Желательно бы знать, откуда Похилевичъ почерпнулъ свой новый историческій фактъ, что у древнихъ Кіевскихъ язычниковъ рыба составляла *Постную* пищу. Притомъ же въ лучшихъ спискахъ Несторовой Лѣтописи (Лаврент. Ипатіевск.) стоитъ *Конець Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ*, а не *Постничи*. Мы должны замѣтить, что вблизи рыбнаго рынка находились въ началѣ этого столѣтія и *Рѣзници*, т. е. Мясной рядъ. Что же можно вывести изъ этого обстоятельства для древности?

§. 25. ВИТИЧЕВЪ БРОДЪ И ХОЛМЪ.

а) Святополчь городъ, б) Неводницкая пристань, в) Перевозъ Кіевскій, г) Мостъ черезъ Днѣпръ.

Подъ 1095 г.: „*Половци же не идоша за Рось* (рѣку); *Гюргевци же выбѣгоша, и идоша Кыеву. Святополкъ же повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ холму, въ свое имя нарекъ Святополчь городъ, и повелѣ Епископу Марину съ Юргевци сѣсти ту и Засаковцемъ* (жителямъ Сакова) *и прочимъ отъ инѣхъ градъ, а Гюргевъ зажгоша Половци тощь* (пустой). (Лаврен. 97. Никонов. II. стр. 11.).“ Впрочемъ, Юрьевцы скоро (въ 1103 году) возвратились на прежнее свое мѣсто [2]). Подъ 1149 г.: „*Изяславъ же ста, пришедъ, у Витичева.... ту перебредоста Днѣпръ*. (Ипат. 43). Подъ 1151 г.: „*пришедшимъ имъ* (Изяславу II, Кн. Кіевскому съ войскомъ) *ко Витечеву, сташа противу собѣ, почаша битися въ лодьяхъ о бродъ. Изяславу же и ту не дадящю имъ вбрести, Олговичемъ сдумавшимъ съ Половци, оставивше Гюргя.. съ товары противу Витечеву, сами ѣхаша къ Зарубу*. (Лавр. 143).“ Изъ описанія въ Лѣтописяхъ видно, что Витичевъ былъ ниже Кіева, на правомъ берегу Днѣпра, и что чрезъ эту рѣку при Витичевѣ и Зарубѣ былъ *бродъ* (сравн. §. 56). Карамзинъ пишетъ: „Константинъ Багрянородный называетъ Витичевъ Βιτετζεβη. Ученый Баеръ, худо зная нашу древнюю географію, обратилъ (Коммент. Академ. X. 408) сіе имя въ Витебскъ; но городъ Витичевъ стоялъ на берегу Днѣпра, ниже Кіева и Триполя. Тамъ, вѣроятно, находился и *Святополчь*, о коемъ упоминается въ Лѣтописяхъ при нашествіи Татаръ въ 1224 г., [3]).

[1]) Кіевс. губ. Вѣдом. 1865 г. № 35. [2]) Сравни. Теремные Княжіе Дворцы. § 125. [3]) Большой Чертежъ, стр 145. Истор. Г. Россійск. Т. I. прим. 513. Тоже самое Исторіографъ повторяетъ въ Т. II. прим. 171 и 336. Этому мнѣнію слѣдовалъ и Михаилъ Максимовичъ. 2 кн. Кіевлян. стр. 110.

б) Между тѣмъ Берлинскій думаетъ, что Витичевъ находился возлѣ самаго Кіева, внизъ по Днѣпру, не болѣе одной версты отъ Лаврскаго Собора, гдѣ теперь *Неводницкая* пристань, у которой съ 1706 г., учрежденъ мостъ и былъ главный черезъ Днѣпръ перевозъ. Возлѣ Неводницкой пристани *вытекаетъ* небольшой ручей, по которому, *можетъ быть* (!), названъ Витичевъ. Но и Берлинскій сомнѣвается въ истинѣ собственнаго мнѣнія; ибо онъ тутъ же говоритъ: *Если* сія (Неводницкая) пристань называлась Витичевымъ, *то* на нагорномъ возвышеніи онаго былъ Святополчь городъ (стр. 33 и 185)." И такъ мнѣніе Берлинскаго должно уступитъ указаніямъ изъ *Книги Большому Чертежу*, которая составлена въ 1627 году. Гораздо вѣроятнѣе мѣсто древняго Витичева брода отнести къ нынѣшнему *Вытачеву*, селенію Кіевской губерніи, ниже Кіева и Триполя на Днѣпрѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Кіева. Думаютъ, что вблизи, на лугахъ лѣваго берега Днѣпра, было здѣсь и озеро *Долобское*, *или Дулѣбское*.

в) *Перевозъ Кіевскій*: 1) *Ини же рекоша, яко Кыи есть перевозникъ былъ; у Кыева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра.* (Лавр. 5)" Должно полагать, что сей древнѣйшій перевозъ былъ возлѣ устья Почаины въ Днѣпръ противъ *Боричева взвоза*. 2) Противъ Выдубицкаго монастыря, подъ 1097 г.: „*И перевезеся* (Василько) *на Выдобычь* (Лавр. 110)." 3) Подъ 1146 г.: *До Вышегорода и до Днѣпра, до устья Десны и до перевоза Кыевъского* (Ипатіевск. 24)." Но гдѣ же? 4) Противъ Аскольдовой могилы. Въ 1638 г. пишетъ Кальнофойскій: „мимо Великой Спаской церкви (что нынѣ въ Печерской крѣпости) лежитъ дорожка къ монастырю Св. Николая Пустыннаго; по той же сторонѣ немного далѣе дорожка къ перевозу на Днѣпрѣ [1]) 5) У *Неводницкой* пристани. О Неводницкомъ перевозѣ упоминается въ официальной *Росписи Киеву* составленной въ 1682 г. Тамъ говорится, что мость через Днѣпръ, Черторыю и побочные заливы былъ наведенъ на 96 байдакахъ и 39 плотахъ, длиною 552 саж., шир. 4 саж. Оставленъ въ 1838 г. 6) У *Спасскаго* взвоза (см. §, 77). исправленъ въ 1809 г., но вскорѣ оставленъ; въ 1848 г. опять возобновленъ. Изъ предъидущаго видно, что не было *постояннаго* мѣста для перевоза въ Кіевѣ, коего жители, какъ въ древности, такъ и теперь, переѣзжали рѣку во всѣхъ направленіяхъ, и въ разныя времена перемѣняли мѣсто перевоза.

г) *Мостъ черезъ Днѣпръ*. Подъ 1115 г.: „*Въ томъ же лѣтѣ Вологимеръ* (Мономахъ) *устрои мостъ черезъ Днѣпръ* (*у Вышьгорода*, въ Кенигсб. 177. Лавр. 127)." О другомъ не говорится. Для сообщенія города съ Полтавскою и Черниговскою губерніями, которое такъ затруднительно бываетъ въ весеннее время, началось, съ 1848 г., приготовленіе къ постройкѣ новаго постояннаго моста черезъ Днѣпръ, о чемъ см. въ статьѣ *Мостъ древній и новый* § 92.

[1]) Описан. К. Лавры. стр. 312. Оригиналъ см. у насъ въ Приложеніяхъ: Teraturgima, Paragr. 2. № 45 и 46. [2]) См нашу Лѣтопись, стр. 62.

§ 26 ВЛАДИМІРА СВ. ЦЕРКОВЬ.

Она находится теперь въ Лыбедской части, на *Новомъ Строеніи*. Приходская, деревяннная сія церковь первоначально была выстроена по указу св. синода 5 іюня 1766 г. на Печерскѣ, который тогда называли *форштатомъ*, вблизи Печерской (старой) крѣпости, противъ западныхъ воротъ оной, на бывшемъ, такъ называемомъ *Старомъ Базарѣ*. Часть Печерска отъ Провалья, (гдѣ теперь Николаевскія крѣпостныя Ворота) до Звѣринца и Новой Слободы называлась до 1835 г., по имени этой церкви, *Владимірскою Частію*; но по причинѣ расширенія крѣпости до нынѣшнихъ размѣровъ, одновременно со многими частными домами, перенесена въ 1833-мъ году и эта Владимірская церковь къ Панковщинѣ, на новое мѣсто, названное *Лыбедскою Частію*, находящееся между потокомъ Лыбедью, Златыми Вратами и Новою Слободою. Лыбедская часть правильно отстроена; лучшимъ же ея украшеніемъ есть Университетъ Св. Владиміра. Въ этой-то новой части города, на Васильковской улицѣ, опять возведена Владимірская деревянная церковъ, и при ней такая же колокольня, и съ 1835 года совершается въ ней богослуженіе. При этой церкви съ 1837 г. устроенъ придѣлъ во имя Святителя Митрофана Воронежскаго. Близъ церкви отведено мѣсто въ 600 квадратныхъ саженъ для постройки церковнаго дома. По штату при ней положены священникъ, діаконъ, дьячекъ и пономарь. Приходъ состоитъ изъ 2500 человѣкъ обоего пола; не считая иновѣрцовъ.

Въ Кіевѣ нельзя жаловаться на недостатокъ церквей; но въ слѣдствіе перенесенія нѣкоторыхъ частей города на новыя мѣстности, бывшія церкви остались безъ приходовъ, а новыя мѣстности оказались удаленными отъ церквей. Въ подобныхъ обстоятельствахъ возродилась мысль у митрополита Филарета Амфитеатрова выстроить храмъ вблизи Университета и посвятить его имени Св. Владиміра, какъ перваго просвѣтителя земли Русской Христіанскою Вѣрою. По приглашенію преосв. Филарета въ 1852 г. архитекторъ Штромъ, который выстроилъ въ Кіевѣ зданіе Кадетскаго Корпуса, а въ Парижѣ Православную церковь Св. Креста, начертилъ для Владимірскаго храма проэктъ, который составлялъ результатъ изученія этимъ художникомъ зданій лучшей эпохи Византійской архитектуры, во время путешествія его по Востоку и доставилъ ему званіе академика. Зданіе предполагалось на планѣ въ видѣ креста, а на фасадѣ увѣнчивалось 13-тью куполами, и въ общихъ чертахъ имѣло сходство съ Цареградскимъ храмомъ Ѳеотоконъ, построеннымъ въ 996 г. по Р. Х. — Недостатокъ денегъ, потребныхъ для сооруженія этого зданія, былъ причиною, что преосв. Исидоръ передалъ проэктъ храма епархіальному архитектору Спарро, и поручилъ ему уменьшить размѣры храма. Спарро, обрѣзавъ въ планѣ концы креста, а съ ними шесть куполовъ, обратилъ такимъ образомъ планъ церкви изъ креста въ продолговатый четвероугольникъ. Потомъ, не измѣняя

фигуры зданія, уменьшилъ его размѣры на половину. Измѣненный такимъ образомъ проэктъ былъ Высочайше утвержденъ 5 ноября 1859 г.

Іюля 15 дня 1862 г., на шоссейной улицѣ, противъ Ботаническаго университетскаго сада заложенъ соборъ во имя Равноапостольнаго Князя Владиміра. При начатіи работъ, хорошее качество грунта, оказавшееся подъ фундаментомъ, дало возможность значительно сократить издержки по фундаменту и даже нѣсколько уменьшить толщину стѣнъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ не несутъ никакой тяжести. Всѣ эти сокращенія дали возможность, почти не увеличивая издержекъ, увеличить размѣры храма. Архитекторъ Беретти составилъ новый проэктъ, по которому, не измѣняя Высочайше утвержденнаго фасада, увеличилъ только его размѣры, почти вдвое болѣе, а діаметръ главнаго купола предположенъ въ 13 аршинъ. Ширина самаго храма, по лицевому фасаду, обращенному къ Бульварной улицѣ 13¼ саж., длина собора, по боковому фасаду, обращенному къ зданію 2-й гимназіи, 22½ сажени, высота отъ подошвы до креста главнаго купола 23 сажени. Храмъ будетъ имѣть пять престоловъ, три внизу и два на хорахъ; его предполагается устроить теплымъ, для чего подъ входными и алтарными частями устроены подвалы для помѣщенія четырехъ духовыхъ печей, чѣмъ отстранится недостатокъ просторнаго теплаго храма въ Кіевѣ. Такимъ образомъ проэктъ новаго храма преимущественно принадлежитъ Беретти, хотя въ основаніи его и легла уже обрѣзанная идея Штрома [1]).

§ 27. ВОЛОСКАЯ УЛИЦА.

Или Волошская (отъ слова Волохи или Влахи?). Она находилась въ той части Кіево-Подола, которая въ 1650 г. называлась Епископскою или *Бискупщиною*, и которая уцѣлѣла отъ бывшаго въ 1811 г. пожара. Улица эта продолжалась отъ Царе-Константиновской до Введенской улицы. Не вела ли она въ древности, къ капищу Волоса, отъ коего и получила свое названіе? Только въ такомъ случаѣ названіе ея было бы *Волосова*. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что эго была одна изъ самыхъ кривыхъ, узкихъ и грязныхъ улицъ въ городѣ. Предпринятымъ планированіемъ она теперь совершенно уничтожена, и осталась только на старинныхъ планахъ.

§ 28. ВОРОТИСЛАВЛЬ И ЧЮДИНЪ ДВОРЪ.

а) Ярославовъ Княжій дворъ. Подъ 945 г.: „*А дворъ княжь бяше въ городѣ, идѣже есть нынѣ* (т. е., въ 1110 году) *Воротиславль и Чюдинъ* (Лавр. 27).“ Чудинъ былъ знатный воевода, присутствовавшій, въ

[1]) Изъ статьи г. Палибина въ Кіевск. Телеграфѣ 1864 г. № 24. ср. Кіев. Епар. Вѣд. 1864 г стр. 180.

1054 г., въ совѣтѣ Князей и бояръ объ отмѣнѣ смертной казни, а въ 1072 г. управлявшій Вышгородомъ. Воротиславъ намъ неизвѣстенъ. Впрочемъ, сей дворъ въ Лѣтописяхъ по преимуществу называется *Ярославовымъ*; такъ въ Ипатіевск. Лѣтоп. подъ 1146 г. сказано: *съзва* (Игорь II Ольговичь) *Кыяны вся на Гору* (Старый Кіевъ), *на Ярославль дворъ*. Сей второй части въ §. 125 (Теремный княжій дворъ) разыскано, гдѣ находился первоначальный княжій Теремъ; а посему упомянутый выше Воротиславль и Чюдинъ дворъ находился на Старомъ Городѣ, въ нынѣшнемъ Андреевскомъ Отдѣленіи, между Трехсвятительскою и Десятинною церквами; ибо это самое приличное мѣсто для княжескаго дворца, бывшаго почти посрединѣ *древнѣйшаго* Кіева, или собственно Кіевскаго Акрополиса.

§ 29. Воскресенія Господня церковь.

Каменная, приходская церковь, находящаяся въ Печерской крѣпости, къ юговостоку отъ Арсенала и во сту саженяхъ отъ приходской же Ѳеодосіевской церкви. Была ли какая нибудь церковь въ древности на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Воскресенская, по недостатку историческихъ свидѣтельствъ, мы ничего не знаемъ. Священникъ Павелъ Троцкій полагаетъ, что на этомъ мѣстѣ Великій Князь Изяславъ Ярославичъ основалъ въ 1059 г. (?) *богатѣйшій* Дмитріевъ монастырь. На сколько это мнѣніе справедливо, мы увидимъ ниже, въ § 48.

Первое положительное извѣстіе о Воскресенской церкви сообщаетъ Печерскій монахъ, Аѳанасій Кальнофойскій въ своей Тератургимѣ 1638 г. на планѣ, или собственно на произвольномъ своемъ рисункѣ, представляющемъ расположеніе пещеръ Св. Антонія съ окрестностями; подъ номерами 76 и 78-мъ; онъ пишетъ: Szcieszka od Pratwy (зданіе, гдѣ бѣлье моютъ), do forty y wrot, ktoremi na ulicę wychodzimy, y w lewo idziem do *Miasteczka*, w tym: Cerkiew S. Theodozego Pieczarskiego... Na tym że Miasteczku cerkiew Zmartwychwstania Zbawiciela naszego Jezusa Chrystusa, także w lewo. Судя по начертанію эти обѣ церкви находились на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ и теперь существуютъ. Обѣ церкви, Воскресенская и Ѳеодосіевская находились въ XVII вѣкѣ подъ вѣдомствомъ Лавры, какъ церкви приходскія для Лаврскихъ крестьянъ, населявшихъ въ то время *Печерское Мѣстечко*, въ которомъ производилась довольно значительная торговля не только внутренняя, но и заграничная. Тутъ торговали купцы Московскіе, также Поляки, Греки и Волохи. Вблизи церквей были лавки и склады товаровъ, которые доставляли значительныя выгоды, не столько впрочемъ этимъ церквамъ, сколько самой Лаврѣ; что видно изъ жалованной грамоты отъ 9 мая 1680 г. Царя Ѳеодора Алексѣевича Печерскому игумену Иннокентію Гизелю, въ которой, между прочимъ сказано: „Печерскимъ Мѣстечкомъ владѣть, и по прежнимъ Великихъ Государей, Князей Россійскихъ грамотамъ, и по привиліямъ Королей Польскихъ, купцомъ чужеземскимъ,

Грекомъ и Волохомъ, съ разными товары и Коломыйцамъ (*жителямъ города Коломыи въ Галиціи*) съ солью, приѣзжая въ томъ мѣстечкѣ Печерскомъ торговать, и товары складывать, и перевозомъ на рѣкѣ Днѣпрѣ быть по прежнимъ ихъ правамъ" и проч. [1]).

До конца 17-го столѣтія обѣ церкви, Воскресенская и Өеодосіевская были весьма вѣроятно деревянныя, чего однакожъ нельзя сказать утвердительно; потому что единственный современный свидѣтель о. Аөанасій Кальнофойскій ничего не сказалъ объ этомъ. Но съ 1698 г. Козацкими полковниками выстроены обѣ церкви каменныя, и именно Воскресенская, по свидѣтельству о. Павла Троцкаго, сооружена Константиномъ Мокіевскимъ, который въ 1696 г. выстроилъ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы у Дальнихъ пещеръ. При этомъ замѣчаетъ о. Павелъ, что Воскресенская церковь почему-то *перенесена* на *гору* (?), на теперешнее мѣсто [2]); но ссылки приэтомъ онъ не помѣстилъ —Дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя о. Павломъ, суть слѣдующія: Вновь отстроеныя каменныя церкви также продолжали быть приходскими, подлежа вѣдѣнію Лавры. До начала 18-го вѣка онѣ все еще были обставлены жилищами Лаврскихъ крестьянъ, которыхъ до 1706 г., вблизи Лавры, въ Өеодосіевскомъ приходѣ было до 200 крестьянскихъ дворовъ, а въ Воскресенскомъ до 100. Но при устроеніи Печерской крѣпости, крестьянскіе дворы были снесены въ болѣе отдаленныя мѣста и образовали *Новую Слободу* на Печерскѣ, а церкви болѣе и болѣе пустѣли, оставаясь впрочемъ въ вѣдомствѣ Лавры. Въ 1786 г., при введеніи духовныхъ штатовъ, съ отчисленіемъ Лаврскихъ крестьянъ въ казенное вѣдомство, отобраны отъ Лавры и церкви Воскресенская и Өеодосіевская и перешли въ вѣдомство епархіальныхъ архіереевъ, на общихъ правахъ всѣхъ прочихъ приходскихъ церквей въ городѣ. Въ 1845 г. по штату положено въ приходскихъ Кіевскихъ церквахъ по одному священнику. Число прихожанъ между тѣмъ постоянно уменьшалось; потому что они переселялись; еще въ 1830 г. считалось болѣе 3,000 д., а теперь въ 1864 г. едва достигаетъ цифры 200.

Въ 1863 г. окончена пристройка каменной колокольни, вмѣсто бывшей деревянной, съ теплою церковію Рождества Пресв. Богородицы на хорахъ. Внутри церкви отгороженъ придѣлъ во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла. Церковь обведена каменною стѣною съ помѣщеніями для причта и богомольцевъ. — О послѣднемъ обстоятельствѣ одинъ неизвѣстный авторъ статьи *о Кіевскомъ Паломничествѣ*, пишетъ: Въ чести также у странниковъ помѣщенія при Воскресенской и Өеодосіевской церквахъ, какъ находящихся у самой Лавры и ея Пещеръ, устроенныя въ каменныхъ оградахъ, съ приспособленіемъ для житья въ зимнее время, и имѣющія въ сосѣдствѣ нѣсколько мелкихъ иконныхъ лавочекъ и стоекъ, безъ которыхъ поклонникъ не обойдется. — При церквахъ богомольцы пользуются только даровымъ помѣщеніемъ и въ замѣнъ этого

[1]) Опис. Кіев. Лавры, стр. 214. [2]) Кіев. Епарх. Вѣд 1864 г стр. 171.

обязаны непремѣнно говѣть при той же церкви, при коей избрали себѣ пристанище. Въ ней преимущественно заказываютъ они молебны, панихиды, подаютъ на проскомидію, освящаютъ покупаемые образа. Это доставляетъ церкви доходъ, соотвѣтствующій вниманію, оказываемому ею прихожимъ людямъ [1]). Но какъ наши простолюдины принадлежатъ къ числу самыхъ неприхотливыхъ въ свѣтѣ созданій, то между ними довольно есть и такихъ богомольцевъ, которые, пришедши въ Кіевъ, помѣщаются, гдѣ случится. Ихъ можно видѣть порою ночующихъ на церковныхъ папертяхъ и на погостахъ. Тамъ, съ наступленіемъ ночи, сложивъ свои котомки, наполненныя сухарями, нѣсколькими луковицами и солью, они располагаются на каменныхъ помостахъ, а чаще на зеленой травѣ, въ сосѣдствѣ надгробныхъ плитъ, подъ сѣнію душистыхъ липъ и каштановъ. Упоятельная прохлада свѣтлой лѣтней ночи даритъ имъ забвеніе дневныхъ, скитальческихъ трудовъ, и нерѣдко заря застаетъ ихъ, колѣнопреклоненныхъ предъ затворенными еще дверями храма Божія, снова готовыхъ съ утромъ въ путь далекій.

Послѣ этого небольшаго отступленія мы возвращаемся къ описанію Воскресенской церкви на Печерскѣ. Изъ предметовъ, достойныхъ вниманія въ этой церкви можно указать развѣ на одинъ только напрестольный крестъ давней чеканки съ частицами мощей нѣкоторыхъ угодниковъ Печерскихъ. Между книгами есть два напрестольныя Евангелія въ малый листъ, старинной печати, безъ заглавнаго листа, Апостолъ Львовской печати 1633 г. Другія книги Львовской и Кіевской печати, какъ то Служебникъ 1606 г. и другой 1639 г.; Тріодь постная 1558 г. Осьмогласникъ 1635 г.

Наконецъ присовокупимъ здѣсь справедливое замѣчаніе Л. Похилевича, что Воскресенская, Θеодосіевская и Спасская церкви, находящіяся при самой оградѣ Лавры и за нѣсколько верстъ отъ своихъ прихожанъ, рано или поздно должны быть по прежнему причислены къ Печерской обители, съ которою соединяетъ ихъ исторія; между тѣмъ, какъ мѣстныя обстоятельства дѣлаютъ невозможнымъ сообщеніе ихъ со своими малочисленными прихожанами. Съ другой стороны настоитъ необходимость построенія, въ замѣнъ ихъ, новыхъ церквей для жителей дворцовой части и другихъ [2]).

§ 30. ВОСКРЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ ЦЕРКОВЬ.

Каменная, приходская церковь, находящаяся почти на серединѣ въ Кіево-Подолѣ, противъ временнаго, отъ 1811 до 1835 г. городскаго Магистрата. Объ этой церкви упоминаютъ польскіе королевскіе ревизоры въ 1543 г. [3]). На этомъ мѣстѣ она существовала и въ 1596 г. При всей скромности своего наружнаго вида, она не лишена значенія для

[1]) Вѣстн. Югозапад. Европы 1864 г. [2]) Кіев. губ. Вѣдом. 1864 г. № 31. [3]) Źrzódła do dziejow Polskich. Wilno. 1844

Кіева и для просвѣщенія Россіи. При ней до 1618 г. настоятелемъ былъ священникъ Іоаннъ Борецкій, прежде занимавшій должность наставника при Львовскомъ училищѣ. Любя просвѣщеніе, онъ основалъ при Воскресенской церкви школу и былъ въ ней учителемъ; онъ отличался добродѣтельною жизнію и въ особенности милостынею въ такой степени, что современники уподобляли его Св. Іоанну Милостивому. Спустя нѣкоторое время, по обоюдному согласію съ своею супругою, онъ оставилъ священническое мѣсто, постригся самъ, принявъ названіе Іова, и ее постригъ въ монашество и вскорѣ былъ поставленъ игуменомъ Золотоверхаго Михайловскаго монастыря, а супруга его была игуменьею Богословскаго дѣвичьяго, имъ же основаннаго монастыря, недалеко отъ Михайловской соборной церкви. (См. § 90). По стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, при содѣйствіи славнаго гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго, въ 1620 г. Іовъ Борецкій воскресилъ собою Православную Кіевскую іерархію, будучи поставленъ въ санъ митрополита на Кіевскую каѳедру, сиротствовавшую 24 года послѣ отступника Михаила Рагозы, и до конца своей жизни, т. е. до 1631 г., въ теченіи десяти лѣтъ былъ охранителемъ Православія въ самое тяжкое для него время. Папистъ Розвидовскій, бывшій съ 1634 по 1664 г. проповѣдникомъ при Доминиканскомъ костелѣ, упоминаетъ о Воскресенской церкви въ томъ отношеніи, что по улицѣ, ведущей къ этой церкви, было нѣсколько дворовыхъ мѣстъ, платящихъ подать въ Латинскій конвентъ [1]). О времени построенія существующей нынѣ Воскресенской церкви показанія весьма различны. Вѣдомость Протопопіи Кіево-Подольской отъ 2 апрѣля 1784 г., какъ офиціальный актъ, сообщаетъ слѣдующее: „Церковь Воскресенія Христова съ тремя придѣлами, съ оградою деревянною. Прежняя деревянная когда и чьимъ коштомъ выстроена была—неизвѣстно. При оной же была и другая деревянная церковь во имя Великомученика Евстафія Плакиды. Эта церковь сооружена въ 1500 г. иждивеніемъ шляхтича Евстафія Дашкевича. Впослѣдствіи она обветшала, и вмѣсто двухъ церквей, возведена въ 1670 г. одна каменная съ тремя престолами, какъ то: 1) Воскресенія Господня, 2) по правой сторонѣ Архангела Михаила, и 3) по лѣвой—Мученика Евстафія Плакиды. Постройка сія совершена иждивеніемъ Кіевскаго мѣщанина Михаила Грека. Обновлена въ 1732 г. на сумму, пожертвованную полковымъ асауломъ Павломъ Ивановичемъ Гудимою; и приэтомъ обновленіи придѣлъ Архангела Михаила переименованъ во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла". Доселѣ Вѣдомость. — М. Ѳ. Берлинскій, неизвѣстно, на какомъ основаніи, а за нимъ Л. Похилевичъ пишутъ, что нынѣшняя каменная церковь построена въ 1698 г. прихожаниномъ бывшей Кіево-Подольской Спасской церкви, Кіевскимъ жителемъ Михаиломъ Николаевичемъ Рудзинскимъ [2]). По-

[1]) Опис. Кіев. Соф. Приб. стр. 31. [2]) Опис. Кіева стр. 109 — Кіев. Губерн Вѣдом. 1865 г. № 35.

слѣдній присовокупляетъ, что теплый придѣлъ, во имя Евстафія Плакиды, пристроенъ бывшимъ старостою Симеономъ Бахаровымъ лѣтъ 20 тому назадъ, а каменная колокольня сооружена въ 1809 г.—Изъ приведенныхъ выше историческихъ указаній Сементовскій дѣлаетъ слѣдующую бездоказательную комбинацію: „Церковь Воскресенія Христова на сѣверъ отъ Братскаго монастыря, существовала на этомъ мѣстѣ въ 1596 г. Построена иждивеніемъ Малороссійскаго *гетмана* Евстафія Дашковича. Вѣроятно онъ устроилъ и *придѣлъ* въ этой церкви во имя Св. Мученика Евстафія. Князья Рожинскіе, родственники Дашковича, по его смерти приносили значительныя жертвы въ эту церковь и дали ей село *Воскресенскую Слободку*, находящуюся на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Подола" [1]. Но нѣтъ ни одной ссылки! На чемъ же все это основано? Чѣмъ онъ докажетъ, что основателемъ этой церкви былъ именно гетманъ Евстафій Дашкевичъ, о которомъ мы имѣемъ вообще недостаточныя свѣдѣнія, а не просто шляхтичъ, какъ сказано въ Вѣдомости. О какомъ авторъ говоритъ придѣлѣ, когда въ Вѣдомости показана особая церковь Св. Евстафія? Гдѣ дарственная запись князей Рожинскихъ на Воскресенскую слободку?

Въ пожаръ 1811 г. Воскресенская церковь сильно пострадала, но послѣ возобновлена. Изъ старой утвари этой церкви замѣчательна шерстяная плащаница 17-го вѣка. Къ церкви принадлежитъ деревянный домъ съ пространнымъ дворомъ и сѣнокосъ на Оболони, пространствомъ въ четыры десятины; но приходъ очень не великъ, около 280 душъ. — Каменное старое зданіе напротивъ церкви составляетъ собственность города. Въ немъ помѣщался временно магистратъ, потомъ съ 1835 г. арестантскія казармы, а нынѣ оно перестроено для складовъ товара и магазиновъ, отдача коихъ въ наемъ производится въ пользу города. Недалеко отъ Воскресенской церкви въ 1615 г. находилось обширное подворье, принадлежавшее Межигорскому монастырю. На этомъ подворьи была небольшая деревянная церковь во имя Св. Пантелеимона.

§ 31. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ.

Въ южной части Печерска, близъ урочища *Каменнаго Затона*. Изрядной величины деревянный, на каменномъ фундаментѣ, домъ сей основанъ въ концѣ прошедшаго столѣтія; теперь сломанъ. Первоначально былъ онъ устроенъ для принятія бѣдныхъ сиротъ и незаконнорожденныхъ дѣтей.

§ 32. ВОТЧЬ, МУЖЕСКІЙ МОНАСТЫРЬ СВ. ѲЕОДОРА.

Подъ 1128 г.: *Въ то же лѣто заложи церковь Мьстиславъ князь* (сынъ Владиміра Мономаха) *камену Святаго Ѳеодора.* (Лаврен. 131. Никонов. Т. II. 62). Потомки сего князя завели при этой церкви монастырь и

[1] Кіевъ, его Святыня, стр. 227.

назвали его Вотчь или Отчій. *Отними*, *Отчими*, *Вотчими* или *Отеческими* монастырями назывались тѣ, кои основаны были родителями или предками упоминаемыхъ князей. Въ томъ же смыслѣ употребляется и теперь Русское слово *Вотчина*, т. е. отцовское или дѣдовское имѣніе. (Ср. Кирил. монаст. § 66). Въ церкви этой погребены тѣла: въ 1133 г. создателя сего храма, Мстислава Владиміровича, Великаго Князя Кіевскаго; 1132 г. *Преставися благовѣрный князь Мьстиславъ*, *Володимерь сынъ*, *оставивъ княжсніе брату своему Ярополку*;... *преставися Мьстиславъ априля* въ 15 *празной недѣлѣ* (т. е. въ недѣлю Св. Пасхи) *въ пятокъ*, *положенъ бысть у церкви Святаго Ѳеодора*, *юже бѣ самъ създалъ*.—Въ 1154 г. Изяслава II Мстиславича (Лавр. 146); въ 1167 г. тѣло Великаго Князя Ростислава Мстиславича; 1169 г. князя Луцкаго, Ярополка Изяславича; въ 1173 г. Великаго Князя Мстислава III Мстиславича и Князя Луцкаго Владиміра Мстиславича; въ 1187 г. погребено тѣло Мстислава Давидовича, Князя Вышгородскаго; въ 1195 г. Князя Луцкаго, Изяслава Ярославича, а въ 1198 г. Князя Муромскаго, Глѣба Юрьевича [1]). Въ Лаврент. Лѣтописи, подъ 1231 г. упоминается Корнилій, Игуменъ Ѳеодоровскаго монастыря такъ: *Въ лѣто* 6739 *бысть Благовѣщенье святыя Богородица по Пасцѣ*, *во вторникъ праздные* (пасхальной праздничной,) *недѣли. Того же лѣта посла Князь Василко Костянтиновичъ къ Володимеру Рюриковичю и пресвященому митрополиту въ Кыевъ отца своего духовнаго Кирила на епископьство. И поставленъ бысть Кирилъ епископомъ мѣсяца априля въ 6 день. Священъ же бысть пресвященымъ митрополитомъ Кириломъ и съ окрестными епископы... и игумени мнози*, *и архимандритъ святыя Богородица манастыря Печерьскаго Анкюдинъ*, *игуменъ Михайло Выдобытьскый*, *и игуменъ Петръ Спасьскый*, *Семенъ Андрѣевьскый*, *Корнилъ Ѳеодоровьскый*, *Аѳанасій Васильевскый*, *Семенъ Въскресеньскый*, *Климентъ Куриловскый*. (стр. 194). — Мѣстоположеніе Вотча монастыря также трудно опредѣлить, какъ и Янчина (ср. § 10), Впрочемъ, замѣчаніе Берлинскаго (стр. 70 и 166) кажется вѣроятнымъ, „что люди, по склонности своей, имѣютъ обыкновеніе погребать прахъ любимыхъ особъ въ ближайшемъ къ себѣ мѣстѣ; почему сей и, показанный выше, Янчинъ монастыри, составлявшіе погребальные Пантеоны и готовыя убѣжища уединяющихся Княжескихъ особъ, должны быть въ близости дворцовъ ихъ. Теперь въ частныхъ домахъ, посреди *Древнѣйшаго* Кіева, то есть, въ нынѣшнемъ Андреевскомъ Отдѣленіи Стараго Города, открываются иногда погребные провалы и фундаменты къ югу отъ десятинной церкви, и едва ли не представляютъ мѣстъ этого Вотча монастыря“.—Подъ 1259 г. Даніилъ, Князь Галицкій: „*украси же* (въ церкви Св. Іоанна Златоустаго въ Холмѣ) *иконы*, *еже принесе изъ Кыева*, *каменьемъ драгимъ и бисеромъ златымъ*, *Спаса и пречистое Богородицѣ*, *иже ему сестра Ѳеодора вда изъ манастыря Ѳеодора* .. *и колоколы принесе изъ Кыева* (Ипат. 196)“. Изъ сего явствуетъ, что не Татары совершенно разорили Кіевъ; по-

[1]) Ипатіевск. стр 12, 74, 95, 98, 106, 135, 147. Зерцало Россійскихъ Государей, стр. 30, 41, 53, 61.

тому что тамошніе монастыри существовали и послѣ сего бѣдствія; но что самые Русскіе мало по малу обирали церкви и обители, а развалины истреблялись отъ времени, или употребляемы были обывателями какъ строевые матеріялы. Подобную судьбу испыталъ и Римъ, разрушенный не столько варварами, сколько собственными жителями [1]). Отъ Ѳеодоровскаго *Вотча* монастыря сохранилась до нашихъ временъ въ Кіевѣ священная реликвія: это образъ Пресвятыя Богоматери, предъ которымъ въ 1147 г., въ часъ несчастной кончины своей, молился князь-схимникъ Игорь Ольговичъ. Образъ этотъ находится теперь въ Великой Печерской церкви, въ придѣлѣ Св. Стефана, на жертвенникѣ. Объ немъ скажемъ болѣе въ § 106.—Мѣсто Вотча монастыря, и въ немъ церкви Св. Ѳеодора, было еще извѣстно и въ 1638 г. Кальнофойскій, изъясняя свой планъ, или вѣрнѣе сказать, свой фантастическій рисунокъ, находящійся при его книгѣ Teraturhima, пишетъ: „№ 50. *Церковь Св. Ѳеодора Тирона* (на Старомъ Кіевѣ), *коей только стѣны остались*. Въ оригиналѣ: Cerkiew Sw. Theodora Tyrona, tylko sciani stoią [2]). Покойный митрополитъ Евгеній, какъ любитель и великій знатокъ Древностей Русскихъ, припечаталъ этотъ планъ, или собственно три плана, въ уменьшенныхъ копіяхъ, съ объясненіями въ Русскомъ переводѣ, при своемъ Описаніи Кіевской Лавры (изд. 2. 1831), но, къ сожалѣнію Кальнофойскій не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о снятіи плановъ; произвольно рисовалъ изображенія церквей, означалъ номерами и объяснялъ ихъ [3]). По группировкѣ изображеній можно догадываться, что церковь Св. Ѳеодора была въ Андреевскомъ Отдѣленіи, но со временемъ и развалины ея изчезли. Прежде думали, что Вотчь монастырь находился на мѣстѣ упраздненной деревянной Покровской церкви на Перевѣсищѣ, т. е., въ сѣверной части Печерскаго Отдѣленія, потому что въ началѣ XVIII в. были открыты здѣсь великіе погреба и основанія зданій. Въ краткой запискѣ о Михайловскомъ монастырѣ, составленной въ 1785 г. для Императрицы Екатерины II, говорится, что въ архіерейскомъ саду сего монастыря, къ сѣверовостоку отъ соборной церкви, находится основаніе неизвѣстной церкви, думаютъ Св. Ѳеодора. (Михайл. мон. § 90). Однако, въ 1838 г., Комитетъ изысканія Древностей открылъ въ Андреевскомъ Отдѣленіи, въ саду Королева, остатки фундамента какой-то церкви; одинаковая форма кирпичей и строевыхъ матеріаловъ съ другими древними зданіями доказываютъ и ея древность, что и подало поводъ нѣкоторымъ признать эти остатки за бывшую церковь Св. Ѳеодора Вотчь. Кромѣ сего, выкопано нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ вещей. Образокъ, золотые перстни и другія вещи, тамъ найденныя, хранятся въ Музеѣ Древностей, существующемъ при Университетѣ Св. Владиміра. Членъ Комитета, профессоръ Ставровскій, нашелъ упомянутые выше остатки фундамента древняго зданія такимъ образомъ:

[1]) Ср. § 33. Выдубицкій монастырь. б) Стѣна набережная. Также §§ 47 и 121 и проч.
[2]) Стр. 24 —Сравни нашу Лѣтопись подъ 1638 г. стр. 72. [3]) См. Киселевка, § 67, и Копыревъ Конецъ, § 75.

1) Въ глубинѣ земли, на 3 арш. подземный каналъ въ 1 квадратн. футъ изъ кирпича и красныхъ плитъ, подобно въ Десятинной церкви. 2) Двѣ небольшія параллельныя стѣны въ направленіи отъ запада къ востоку. Сѣверная изъ сихъ стѣнъ состояла изъ древняго строительнаго матеріала, а южная изъ матеріала болѣе новаго. 3) Сіи двѣ параллельныя стѣны соединяются третьею полукруглою стѣною: слѣдовательно, это алтарное мѣсто (А). 4) У южной стѣны гробница со слѣдами истлѣвшаго деревяннаго гроба съ прахомъ и костями. 5) Нѣсколько слѣдовъ отъ фундаментовъ другихъ зданій. (Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. 1839 г. кн. 3.), Берлинскій (стр. 167) ссылается даже на планъ Сильвестра Коссова при его книгѣ „Patericon“; но это его ошибка. Коссовъ, при своей книгѣ Патериконъ, не помѣщалъ никакого плана. См. объ этомъ § 75. Копыревъ Конецъ.

Востокъ

§ 33. выдубицкій монастырь.

а) церковь св. михаила, б) стѣна набережная, в) унія, г) возвращеніе, д) церковь св. георгія, е) трапеза, ж) церковь св. благовѣщенія, з) колокольня, и) ризница, і) настоятельскія и другія келліи, к) экономія монастыря, л) весѣдка, м) годовой праздникъ, н) красота мѣстоположенія.

а) Церковь Св. Михаила.—Уединенный Выдубицкій монастырь находится ниже Печерска, отъ соборной Лаврской церкви въ 2-хъ верстахъ, надъ Днѣпромъ, между горами, покрытыми лѣсомъ, въ прелестномъ удоліи. Гизель, воспользовавшись *Хроникою* Өеодосія Софоновича, сообщаетъ намъ преданіе, по которому сей Всеволожій монастырь получилъ названіе *Выдубицкаго*. Онъ пишетъ: „Воверженный же оный болванъ (истуканъ Перуновъ) въ Днѣпръ поплынулъ внизъ; а невѣрныи людіе, идуще брегомъ, плакаху и звaху, глаголюще:“ „Выдыбай, нашъ Господару Боже, выдыбай!..“ Идолъ же той выдыбалъ или выплылъ тамо на брегъ, идѣже нынѣ монастырь Выдубицкій. И нарекоша мѣсто оно *Выдыбичи*, потомъ *Выдубичи*. Но и тамо егда невѣрніи людіе хотяху взяти того идола, вѣрніи же притекше, камень къ нему привязаху и утопиша идола. Того ради повѣдаютъ, яко первый при Владимірѣ митрополитъ Михаилъ, посадивши иноковъ на горѣ (т. е. на Старомъ Кіевѣ), недалече отъ того *Чортова Беремища*, на свое имя и церковь Св. архистратига Михаила созда, сея ради вины, зане яко Св. архистратигъ Михаилъ чорта отъ небесъ низверже, тако и здѣ онъ же помоглъ отъ горы чорта, въ болванѣ бывшаго, низвращи. Въ *Выдубичахъ* же церковь Чудеси тогожъ Святаго архистратига Михаила создана того ради, зане яко въ Хонѣхъ Св. архистратигъ Михаилъ чудо сотвори, погрузивши въ рѣкѣ невѣрныхъ, тако и ту выдыбалаго или выплывшаго въ болванѣ чорта помоглъ въ водахъ погрузити“ [1]). Здѣсь легко замѣтить,

[1]) Синопсисъ Кіевскій, стр. 54.

что объ основаніи митрополитомъ Михаиломъ церкви Михайловской на Старомъ Кіевѣ Гизель говоритъ опредѣленно; напротивъ того о церкви Св. Михаила въ Выдубицкомъ употребилъ онъ только выраженіе *создана*; а кѣмъ?—объ этомъ онъ ничего не сказалъ. Между тѣмъ Михаилъ Максимовичъ, во второй книгѣ своего Кіевлянина, навязываетъ почтенному Гизелю ту мысль, что и Выдубицкая церковь основана митрополитомъ Михаиломъ. Вотъ слова его: „Первымъ началомъ Выдубицкаго монастыря полагается небольшая церковь архистратига Михаила, *поставленная нашимъ первымъ святымъ митрополитомъ*... Преданіе о такомъ началѣ монастыря и названіи мѣста, многіе принимаютъ за баснословіе. Но мы не считаемъ себя въ правѣ отрицать это преданіе потому только, что оно записано не въ древней лѣтописи, а въ Кіевскомъ Синопсисѣ“ [1]). Этому мнѣнію послѣдовалъ г. Журавскій, и въ примѣчаніи 75 прямо сослался на вышеприведенную статью г. Максимовича [2]). Изъ нея почти дословно заимствовалъ и Сементовскій съ новыми прибавленіями; но по своему обыкновенію, безъ всякой ссылки. Онъ пишетъ: „Первымъ началомъ ВыдОбицкаго (почему не ВыдУбицкаго?) монастыря полагается *небольшая деревянная* (?) церковь во имя Св. архистратига Михаила, *поставленная Кіевскимъ первымъ митрополитомъ Михаиломъ*“ [3]). Въ слѣдъ за ними пошелъ и Л. Похилевичъ, написавши: „*По словамъ Гизеля*“ (?), монастырь (Выдубицкій) *основанъ* еще *первымъ Кіевскимъ митрополитомъ, Св. Михаиломъ*“, и проч. [4]). Этотъ рядъ мнѣній представляетъ ясное доказательство, что одинъ авторитетъ можетъ дать какое угодно направленіе для другихъ писателей, которые или не имѣютъ времени, или не имѣютъ охоты сами заняться изслѣдованіемъ своего предмета. Отступленіе въ этомъ случаѣ сдѣлалъ Иванъ Максимовичъ, написавъ: „Теченіе рѣки принесло его (истуканъ Перуновъ) къ тому мѣсту, на которомъ стоитъ Выдубицкій монастырь, и гдѣ язычники *хотѣли построить капище, но Владиміръ* (!) *воздвигнулъ здѣсь церковь* [5]). М. Ѳ Берлинскій былъ въ этомъ случаѣ умѣреннѣе всѣхъ прочихъ, сказавъ: *Скоро потомъ* на мѣстѣ семъ, вторично низверженнаго идольскаго капища, *построена была церковь архангела Михаила* [6]).

Какъ бы то ни было, но Преп. Несторъ ничего не упоминаетъ объ этомъ произшествіи. Впрочемъ мы должны обратить наше вниманіе на два обстоятельства. Первое: Подъ 1072 г. въ Лѣтописи сказано: *Пренесоша святая страстотерпця Бориса и Глѣба. Совокупившеся* (въ Вышгородѣ) *Ярославичи Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ; митрополитъ же тогда бѣ Георгі, епископъ Петръ Переяславьскый, Михаилъ Юрьевьскый, Ѳеодосій же игуменъ Печерьскый, Софроній Святаго Михаила игуменъ* и проч. [7]); а второе: Въ житіи Преп. Ѳеодосія, которое написано тѣмъ

[1]) 2 кн. Кіевлян. 1841 г. стр. 9. [2]) Обозрѣніе Кіева въ отнош. къ древностямъ, стр. 79 и 107. [3]) Кіевъ, его Святыня, стр. 192. [4]) Кіев. Губ. Вѣдом. 1865 г. стр. 85. [5]) Паломникъ Кіевскій, 1845 г. стр. 51. [6]) Опис. Кіева, стр. 51 [7]) Лаврент. стр. 78.

же Св. Несторомъ, упоминается, что Софроній, игуменъ *монастыря Святаго Михаила*, проѣзжая ночью въ свою обитель мимо Печерской, видѣлъ надъ сею послѣднею свѣтъ.

Такъ какъ нѣтъ прямаго указанія здѣсь ни на Выдубицкій, ни на Златоверхій монастырь: то этотъ вопросъ не можно рѣшить окончательно. Мы разсмотрѣли его обстоятельнѣе въ статьѣ о Золотоверхо-Михайловскомъ монастырѣ § 90.

О началѣ существованія Выдубицкаго монастыря Лѣтопись упоминаетъ только подъ 1070 г. *Въ се же лѣто заложена бысть церкы Святаго Михаила въ манастырѣ Всеволожи* [1]), когда этотъ князь былъ еще удѣльнымъ въ Переяславлѣ. Спустя осьмнадцать лѣтъ послѣ заложенія, т. е. въ 1088 г. *Священа бысть церкы святаго Михаила, манастыря Всеволожа митрополитомъ Иваномъ, а игуменьство тогда держащю того манастыря Лазареви* [2]). Въ тѣ времена набожность и благочестіе выказывались построеніемъ церквей, основаніемъ монастырей; Князь Всеволодъ отличался также своею набожностію, за что былъ любимъ отцемъ своимъ Ярославомъ Мудрымъ. Все это даетъ намъ поводъ думать, что воздвигнутая Всеволодомъ Выдубицкая церковь Св. Михаила едва ли уступала въ благолѣпіи прочимъ церквамъ Кіевскихъ монастырей, и была вѣроятно, по тогдашнему обыкновенію украшена внутри мусіею и фресками. Стоило бы только подвергнуть разысканіямъ стѣны этого древняго храма. Вблизи Выдубицкаго монастыря, на одной какой либо нагорной возвышенности, красовался и Всеволожій *Красный* (прекрасный, красивый, великолѣпный) *дворъ* или дворецъ загородный. Легко можно согласиться съ о. Павломъ, который пишетъ, что „сюда, вѣроятно, благочестивый князь уединялся въ старости своей, въ минуты печали отъ напастей сыновцевъ своихъ, хотящихъ себѣ власти. Тутъ, въ близъ лежавшемъ, созданномъ имъ храмѣ, вѣроятно, онъ неоднократно изливалъ свои чувства предъ Богомъ. По любви своей къ святой обители, онъ надѣлилъ ее близълежавшими Звѣринскими, Лыбедскими Осокорскими и другими землями и перевозами на рѣкахъ. Записей князя на эти владѣнія не сохранилось въ монастырѣ, но онъ пользовался ими до позднѣйшаго времени, по силѣ привилегій Королей Польскихъ и Государей Русскихъ, подтверждавшихъ его старинныя права“ [3]).

О дальнѣйшей судьбѣ сего монастыря Лѣтопись сообщаетъ намъ отрывочныя свѣдѣнія. Достовѣрно то, что онъ раздѣлялъ общую участь древлепрестольнаго Кіева. Въ первыя времена своего существованія

[1]) Лаврент. стр. 75. [2]) Лаврент. стр. 89. О. Павелъ Троцкій, въ статьѣ своей *Кіево-Выдубицкій Свято-Михайловскій монастырь и его владѣнія, до занятія его Уніятами*, въ этомъ мѣстѣ написалъ: „что церковь была окончена *съ придѣломъ* во имя святаго Благовѣщенія и посвящена въ честь Святаго архистратига Михаила митрополитомъ всея Россіи Іоанномъ II, съ епископомъ Бѣлогородскимъ Лукою, епископомъ Черниговскимъ Исаіемъ и другими“. См. Вѣстникъ Западной Россіи. Январь 1865 г. Т. 2. стр. 151.—Но это позднѣйшія выдумки. Придѣлъ устроенъ Петромъ Могилою не раньше 1640 г., а не Великимъ Княземъ Всеволодомъ въ 1088; объ этомъ мы ничего не знаемъ. [3]) Кіево-Выдубицк. монаст. стр. 152.

обитель сія пользовалась особенною славою, и новѣйшіе писатели утверждаютъ, что нѣкоторые изъ ея настоятелей были возводимы на епископскія каѳедры. Такъ игуменъ Сильвестръ, извѣстный переписчикъ Несторовой Лѣтописи, въ 1119 г. былъ поставленъ въ Епископы Переяславскіе. *Въ то же лѣто преставися епископъ блаженый Переяславскый Лазарь, мѣсяца семтября въ 16 день, и поставиша въ него мѣсто Селивестра, мѣсяца генваря въ 1-й день* [1]). Другой игуменъ, Андріянъ, въ 1190 г., поставленъ въ епископы Бѣлгородскіе. *Того же лѣта преставися епископъ Бѣлгородьскый Максимъ. Рюрикъ же* (Великій Князь Кіевскій), *въ него мѣсто, постави епископомъ отца своего духовнаго, игумена святаго Михаила, Андрѣяна, Выдобычискаго* [2]). Мы привели здѣсь древнѣйшій текстъ Лѣтописи. Посему невольно раждается вопросъ, во первыхъ: на какомъ основаніи думаютъ новѣйшіе писатели, что упоминаемый въ этомъ текстѣ Сильвестръ есть именно переписчикъ или положимъ продолжатель Несторовой Лѣтописи, однимъ словомъ: тотъ самый, который въ этой же Лѣтописи говоритъ о себѣ подъ 1116-мъ годомъ? И второе: точно ли Сильвестръ былъ игуменомъ Выдубицкаго Михайловскаго монастыря, а не Златоверхо-Михайловскаго, основаннаго на Старомъ Городѣ? — По недостатку ясныхъ свидѣтельствъ, на этотъ вопросъ никто не можетъ дать положительнаго отвѣта, слѣдовательно приведенное мнѣніе новѣйшихъ писателей совершенно произвольно. Напротивъ того объ игуменѣ Андріянѣ текстъ ясенъ и тутъ нѣтъ мѣста для сомнѣнія. Подъ 1096 г. упоминается о первомъ непріятельскомъ нападеніи дикихъ Половцевъ: *Того же лѣта, въ 20 день іулія, въ пятокъ, приде второе* (во второй разъ) *Бонякъ, безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, къ Кыеву внезапу, и мало въ градъ не вѣѣхавше Половци, зажгоша Болонье... Тогда же зажгоша Дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный Князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемѣмъ Выдобичи: то все оканьніи Половци запалиша огнемъ* [3]). Едва ли мы погрѣшимъ противъ исторической истины, если изъ словъ Лѣтописи заключимъ, что не только Всеволожій Дворецъ, но и всѣ княжескіе дворцы были деревянные; это было причиною легкаго истребленія оныхъ, и что ни одинъ изъ нихъ не дошелъ до нашихъ временъ, между тѣмъ какъ нѣсколько каменныхъ церквей Кіевскихъ и доселѣ уцѣлѣли; между ними и Выдубицкій Михайловскій монастырь, хотя не льзя думать, чтобы Половцы пощадили его, какъ не пощадили они въ то же время и Печерской обители.

По обычной набожности Русскихъ въ 1097 г. ноября 4. Василько, князь Теребовльскій, посѣтилъ эту обитель и ужиналъ въ ней, не предвидя коварства Святополка, князя Кіевскаго. *И приде Василко въ 4 ноямбря, и перевезеся на Выдобычь*, (слѣдовательно и тогда былъ перевозъ чрезъ Днѣпръ близъ Выдубицкаго монастыря, противъ Неводницкой Пристани, потому что она представляла довольно удобное мѣсто для въѣзда на Печерскъ; какого качества другія Печерскія горы не

[1]) Лаврент. стр. 128 [2]) Ипатіев. стр. 138. [3]) Лаврен. стр. 99.

имѣютъ). *И иде поклонитися святому Михаилу въ манастырь, и ужина ту, а товары* (военный обозъ) *своя постави на Рудици (?)... И посла Святополкъ по Василка, глаголя: «Да аще не хощешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя и посѣдимъ вси съ Давидомъ». Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давидъ* [1]). Послѣ этого горестнаго обстоятельства упоминается въ Лѣтописи и о другомъ подобномъ. Въ 1146 г. въ Выдубицкомъ монастырѣ нѣкоторое время держали въ заключеніи несчастнаго Игоря II Ольговича: *И емше Игоря въ болотѣ, приведоша къ нему* (Изяславу II Мстиславичу); *и посла й въ манастырь на Выдобычь, а оттудѣ Переяславлю* [2]). Далѣе упоминается въ Ипатіевской Лѣтописи объ этомъ монастырѣ мимоходомъ подъ 1149 г. *Въ то время стояше Изяславъ противу святому Михаилу у Выдобыча, въ островѣ*; и подъ 1169 г. *Володимеръ Мстиславичь пойде съ Треполя Вышегороду..... Ярополкъ же съ Берендичи настигоша Володимера на Желяни у Добраго Дуба... и тако ѣхаша Берендичи по нихъ до Всеволожа* (Выдубицкаго) *манастыря* [3]).

б) *Стѣна набережная.*—Какъ по историческимъ замѣткамъ, такъ равно и по современнымъ наблюденіямъ извѣстно, что Днѣпръ, по причинѣ песчанаго, удободвижимаго грунта, часто измѣняетъ русло свое, что особенно примѣтно возлѣ Выдубицкаго монастыря и на Оболони. Лѣтъ сорокъ тому назадъ мы хорошо помнимъ, какъ извѣстная бесѣдка въ этомъ монастырѣ висѣла, такъ сказать, надъ самою глубиною Днѣпра; теперь капризная рѣка удалилась отъ Выдубицкой обители почти на 300 саженъ; о чемъ подробнѣе см. § 49. Днѣпръ. И такъ волны Днѣпра по временамъ подмывали возвышенный берегъ, на которомъ сооружена В. К. Всеволодомъ Михайловская церковь въ Выдубичахъ. Берегъ мало по малу обваливался, отчего и восточная часть церкви могла обрушиться. Желая сохранить священный памятникъ своихъ предковъ и усердствуя къ обители, Рюрикъ Ростиславичъ возъимѣлъ намѣреніе поддержать ее. Въ это время (въ 1199 г,) въ Россіи былъ славный архитекторъ и инженеръ, тысяцкій Петръ Милонѣгъ, который въ Новгородѣ соорудилъ церковь во имя Вознесенія Господня. По приглашенію Великаго Князя Новгородскій зодчій прибылъ въ Кіевъ и съ 10-го іюля, при игуменѣ Моисеѣ, занялся возведеніемъ каменной стѣны, для укрѣпленія восточнаго берега, на которомъ основана Михайловская церковь; 24-го сентября, того же года окончена упоминаемая постройка. Составитель этого мѣста въ Кіевской или Ипатіевской Лѣтописи, очевидно льстя Рюрику, говоритъ объ этой стѣнѣ, какъ объ одномъ изъ семи чудесъ свѣта. „Въ лѣто 6707-е (1199 г.)—пишетъ Лѣтописецъ—вдохнувъ Богъ мысль благу во благопріятное сердце Великому Князю

[1]) Лаврент. стр. 99 и 110. [2]) Лаврент. стр. 136. [3]) Ипатіевск. стр. 41 и 96 Въ этомъ мѣстѣ Л. Похилевичъ прибавилъ отъ себя, что *въ 1181 г. обветшавшій монастырь возобновленъ Великимъ Княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ*, и сослался на первый томъ Полнаго Собран. Русскихъ Лѣтописей; но ни въ 1-мъ, ни во 2-мъ томѣ сего обстоятельства въ Лѣтописяхъ не означено.

Рюрикови, сыну Ростиславлю.. .. Того бо лѣта, мѣсяца Іуля, во 10 день, заложи стѣну камену подъ церковью святаго Михаила у Днѣпра, иже на Выдобычи. О ней же мнози не дерьзьнуша помыслити отъ древнихъ, али на дѣло ятися: 100 бо и 11 лѣтъ имать, отнелѣ же создана бысть церкви. И въ толико лѣтъ мнози же самодержци преидоша, держащѣи столъ княженія Кыевьскаго, отъ того же боголюбиваго Всеволода, иже созда церковь ту, родовъ четыре, и ни единъ же вослѣдова любви его къ мѣсту тому. Сей же богомудрый князь Рюрикъ первый бысть..... Всеволодъ бо роди Володимера, Володимеръ же роди Мьстислава, Мьстиславъ же роди Ростислава, Ростиславъ же роди Рюрика и братью его. Братья же его быша добра и боголюбива,..... но не благоволи Богъ о дѣлѣ стѣны тоя..... То бо бѣ его мудролюбія начинанія..... по Іосифу же цѣломудріе, и Моисѣеву добродѣтель, Давидову же кротость и Костянтине правовѣрье....... поданіе ко требующимъ безъ скудости, хотѣніе же къ манастыремъ и ко всѣмъ церквамъ, и любовь несытну о зданьихъ. Тако же христолюбивая его княгыни, тезоименьна сущи Аннѣ, родительници Матери Бога нашего...... И Великій Князь Рюрикъ потщався крѣпко паче...... изобрѣте подобна дѣлу и ходожника, во своихъ си приятелехъ, именемъ Милонѣгъ, Петръ же по крещенію...... и приставника створи богоизволену дѣлу и мастера не проста преже написаныя стѣны....... во соблюденіе честнаго храма сверши стѣну ту мѣсяца сентября въ 24 день..... Въ тъ же день приѣха въ манастырь Великій Князь Рюрикъ, кюръ Василій, со христолюбивою княгынею, и со сыномъ Ростиславомъ и Володимеромъ, и съ дочерью своею Передъславою, и со снохою Ростиславлею, и постави кутью у Св. Михаила, и молитву принесе о приятьи труда потщанія своего....... и створи пиръ немалъ и тряпезу со приготовленіемъ, и накорми игумены и со калугеры всими, и всякаго чина церковьнаго, и подари вся, яже отъ первыхъ, даже и до послѣднихъ, нетокмо ту сущая, но и прилучившаяся тогда...... Игуменъ же Моисій и вся братья, яже о Христѣ, велегласно похвалиша Бога и святаго Михаила и великаго князя сдоровье, яко едиными усты глаголюще: „Дивна днесь видѣста очи наши; мнози бо преже насъ бывшеи желаше видити, яже мы видихомъ и не видѣша, и слышати не сподобишася, яже Богъ намъ дарова твоимъ княженіемъ..... Отселѣ бо не на брезѣ ставше, но на стѣнѣ твоего созданія, пою ти пѣснь побѣдную"..... и проч. [1]) Небольшое извлеченіе наше изъ *многоглаголанія* въ этомъ мѣстѣ Кіевской Лѣтописи достаточно показываетъ, что описатель сего событія, желая восхвалить Рюрика, слишкомъ превознесъ созданіе стѣны; но изъ сихъ *широковѣщательныхъ* похвалъ не слѣдуетъ заключать, что всѣ современники раздѣляли мнѣніе Лѣтописца. Да и самое время показало, что возведенная стѣна далеко не была столь прочно сооружена, какъ это хотѣлъ представить панегиристъ. Въ наше время отъ сей стѣны и слѣдовъ не осталось. Михаилъ Максимовичъ приэтомъ

[1]) Ипатіев стр. 152.

пишетъ: „Вѣроятно стѣна эта разрушена еще Татарами, которые не жалѣли труда и рукъ, сокрушая и ниспровергая огромнѣйшія твердыни, безъ помощи огня и пороха" [1]). Мы должны сказать, что это совершенно невѣроятно. Во первыхъ, Татарамъ нужно было золото, сокровища и вообще всякая цѣнность, которую можно было съ собою взять, а не стѣны каменныя. Если болѣе всѣхъ зданій пострадала Десятинная церковь: то это произошло по той причинѣ, что она была жителями въ Кіевскомъ Кремлѣ обращена въ крѣпость. А непріятель истребляетъ всякую крѣпость, чтобы отнять возможность сопротивленія. Разрушеніе же прочихъ зданій, которыя не могли быть обращены въ отдѣльныя крѣпости, не имѣло бы никакой стратегической цѣли. Во вторыхъ, Татары недолго оставались въ Кіевѣ, они направились въ Галицію; слѣдовательно некогда имъ было заниматься разрушеніемъ зданій; разрушеніемъ, которое ни къ чему не вело и только бы ихъ зедерживало. Въ третьихъ: изъ Лѣтописей видно, что послѣ Татаръ существовали монастыри Ѳеодоровскій (Вотчь), Софійскій, Михайловскій, Выдубицкій. — Главныя причины, почему многое въ Кіевѣ отъ древнихъ временъ не дошло до насъ, состоятъ въ томъ, что послѣ Батыева нашествія, Татары, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, производили свои набѣги, грабежи и пожары, что причиняло малолюдство и бѣдность жителей въ этомъ городѣ. Равнодушіе Литовскаго правительства и фанатизмъ Польскаго также не могли улучшить бытъ древлепрестольнаго нашего града; напротивъ были причиною беззащитности зданій и развалинъ, оставленныхъ на произволъ стихій и жителей. Слѣдовательно было бы странно приписывать всякое истребленіе въ Кіевѣ исключительно полчищамъ Батыевымъ. Не двѣ, или три недѣли Батыева погрома, но четыреста лѣтъ работали надъ постояннымъ разрушеніемъ священныхъ развалинъ Кіева. Его грабили, разоряли чужіе и свои; примѣръ смот. выше стр. 223, въ § 38. Вотчъ монастырь Св. Ѳеодора подъ 1259 г. и § 108. Пирогощая церковь. — И надобно еще удивляться, какъ всепожирающее время и всеразрушающая рука человѣческая не успѣли въ древнемъ Кіевѣ истребить всего!

Слова Лѣтописца, сказанныя между прочимъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ Ипатіевской Лѣтописи: *Видяще поновленіе честнаго храма Господня*, подали поводъ о. Павлу Троцкому выдумать слѣдующую фразу: „Великій Князь, кромѣ того украсилъ главную церковь стѣннымъ писаніемъ и надѣлилъ ее нѣкоторыми утварями". Спору нѣтъ, что все это *могло* быть; но гдѣ же объ этомъ въ Лѣтописи сказано? — Подробнымъ повѣствованіемъ о вышеупомянутой стѣнѣ прекращается Кіевская Лѣтопись.—Подъ 1231 г. въ Лаврентьевскомъ спискѣ упоминается о Михаилѣ, игуменѣ Выдубицкаго монастыря. *Игуменъ Михайло Выдобытьскый* присутствовалъ въ Софійскомъ соборѣ при посвященіи Кирилла *на епископство Ростову и Ярославу и Углечю полю* (стр. 194).—О. Павелъ Троцкій отъискалъ въ старинныхъ синодикахъ Выдубицкой обители,

[1]) 2 кн. Кіевлянина, 1841 г. стр. 11.

что между прочими ея *фундаторами* и ктиторами древнѣйшихъ временъ, она молитвенно воспоминаетъ: княгиню Анастасію, жену Всеволода Ярославича, создателя Михайловскаго храма, Князя Владиміра Мономаха, сына Всеволода и Анастасіи, Князя Мстислава, сына Мономахова, Князя Ростислава Мстиславича, Князя Рюрика Ростиславича и супругу его княгиню Анну, Князей Ростислава и Владиміра Рюриковичей и княженъ Предиславу и Всеславу, дочерей Рюрика. Такимъ образомъ Выдубицкому монастырю Русскіе княжескіе роды постоянно оказывали покровительство, что продолжалось до сороковыхъ годовъ 13-го столѣтія; но въ 1240 г. гроза Монгольская, нашедшая на Кіевъ, коснулась и Выдубицкой обители. Церковь монастырская, какъ и большая часть Кіевскихъ церквей, спаслась отъ разрушенія и была только разграблена; не потому однакожъ, какъ о. Павелъ думаетъ, что она была беззащитна и уединенна. Церкви: Св. Софіи, Михаила Золотоверхаго, Святыхъ Андрея, Θеодора, Симеона были среди Кіева, но Татары не разрушали ихъ. Въ Выдубицкой церкви и послѣ этого страшнаго погрома почти непрерывно продолжалось богослуженіе, и Русскіе богомольцы навѣщали ее. Такъ въ 1250 г. сюда приходилъ на поклоненіе Князь Даніилъ Романовичъ Галицкій, предъ своимъ путешествіемъ въ Орду для поклона Татарскому Хану. *Въ лѣто* 6758-е *приславшу Могучѣеви посолъ свой къ Данилови* (рече) *«дай Галичъ»*. *Бысть* (Данило) *въ печали велицѣ, зане не утвердилъ бѣ земли своея городы* (городами, крѣпостями) *и поѣха ко Батыеви... прииде Кыеву, обдержащу Кыевъ Ярославу бояриномъ своимъ Ейковичемъ, Дмитромъ. И пришедъ въ домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичь, и созва калугеры и мнискій чинъ и рекъ игумену и всей братьи, да створятъ молитву о немъ—и створиша. И изиде изъ манастыря въ лодьи* (потому что тамъ былъ перевозъ черезъ Днѣпръ). [1]) Это—послѣднее воспоминаніе южнорусскихъ Лѣтописей о Выдубицкомъ монастырѣ. Потомъ на долгое время исторія теряетъ древнія Выдубичи изъ виду. Безъ сомнѣнія монастырь этотъ продолжалъ существовать, но въ теченіи 254-хъ лѣтъ намъ ничего объ немъ неизвѣстно. Изъ позднѣйшихъ бумагъ его видно, что Выдубицкій монастырь, подобно прочимъ монастырямъ Кіевскимъ, былъ подверженъ Татарскимъ набѣгамъ и разореніямъ; во время которыхъ вѣроятно погибли всѣ его прежніе историческіе акты и замѣтки. „Згинули въ тотъ часъ, коли Кіевъ и монастырь тотъ былъ отъ непріятеля Крижа светаго покилько кротъ збуренъ“ [2]). Наконецъ о существованіи сего монастыря узнаемъ мы изъ слѣдующаго акта отъ 5 іюня 1504 года:

Въ началѣ 16-го столѣтія Кіевскій митрополитъ Іосифъ Солтанъ проживалъ попеременно въ Вильнѣ, Новогрудкѣ, или въ Минскѣ. Бывшій въ то время игуменъ Выдубицкаго монастыря Іоакимъ съ братіею обратился къ митрополиту съ просьбою о пожалованіи въ пользу Выдубицкой обители земли Гнилецкой. Просьба имѣла успѣхъ и игуменъ

[1]) Ипатіевск. стр 184. [2]) Привилегія Сигизмунда I, 1541 г. марта 5; см. стр. 236.

получилъ слѣдующую грамоту: „Милостию Божю и Пречистой его Матери мы Іосифъ архиепископъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Руси. Билъ намъ чоломъ тотъ богомолецъ нашъ честній Ігуменъ светого архистратига Михаила монастыра Выдубицкого въ Киевѣ, отецъ Іякимей, и просилъ насъ тоей землици на имя Гнилецъ, гдѣжъ издавна былъ монастыръ, штожъ держалъ небожчикъ Микула Панькевичъ, слуга нашъ Софейскій тую землицу съ поданья продковъ нашихъ и насъ самихъ, ку своей руцѣ мѣлъ съ нашей воли (*по собственному нашему желанію*). А потомъ, какъ тотъ Микула съ того свѣта преставился и по себѣ отродича ни одного не имѣлъ дѣтей, и билъ намъ чоломъ тотъ ігуменъ Якимей, абыхмо мы тую землицу ему дали; ино передъ тимъ писали до насъ панъ Андрей Немировичъ воевода Кіевскій и тежъ архимандритъ Печерскій Пречистое Богоматери, отецъ Антоній, также просячи насъ за тимъ Ігуменомъ Іякимомъ тотъ монастырь Гнилецъ абыхмо ему дали. И тежъ повѣдилъ намъ намѣстникъ нашъ Менскій панъ Василій Шишка, которій же передъ тимъ былъ тамъ въ Кіевѣ отъ насъ врядникомъ: штожъ дей съ тое земли монастыра Гнилецкого никоторое службы и подачокъ (*подати*) намъ нетъ, а и шкоды тежъ никотороей намъ нетъ двору нашому церковному митропольему; и мы вбачивши тое и поразумѣвши, ижъ намъ никоторое послуги съ тое земли нетъ, и тежъ на прозбу и жаданье пана воеводи его милости, и тежъ на прозбу отца Антонія, архимандрита Печерского, и на повѣданьи намѣстника нашого Менского Василія Шишки, и на прозбу и чоломъ битье Ігумена Іякима, тотъ монастиръ Гнилецъ со всимъ съ тимъ, какъ ся передъ тимъ издавна мѣлъ, дали есмо тому Ігумену Іякиму и монастиру святого архангела Михаила Видубицкого до нашое воли (*до нашего усмотрѣнія*) маетъ онъ тую землицу Гнилецъ держати со всимъ такъ, какъ ся въ собѣ издавна маетъ. И на то дали есмо тому Ігумену Іякиму сей нашъ листъ зъ нашею печатью. Писанъ въ Менску іюн. 5 ден. Индик. 5, въ лет. 1504“ [1]). Спустя нѣкоторое время митрополитъ Іосифъ далъ и другую, подобную же, подтвердительную грамоту на Гнилецкую землю; но грамота сія не сохранилась въ актахъ монастыря.

Есть поводъ думать, что состояніе Выдубицкаго монастыря въ это время было довольно обезпечено, и обитель сія имѣла видъ благоустроенной. Упоминаемый выше игуменъ Іоакимъ оставилъ послѣ себя *заручный листъ*, въ которомъ изображено: „Я Якимей, игуменъ светого Михаила Выдубицкого, доискался есми старины, ижъ мужи Свиноѣдскіи (*угодіе монастырское*) маютъ выробити избу Трапезу у монастырь светого Михаила Выдубицкого совсимъ и на все, и тое дерево припровадити подъ монастыръ и на берегъ выволочити. А чрезъ тое не маютъ они у монастыръ никоторое хоромины робити, а ни провадити, а ни

[1]) Въ третьей книгѣ актовъ монастырскихъ № 13; эта грамота помѣщена и во 2 кн. Кіевлянина, 1841 г. стр. 28.

покрывати" и проч. [1]).—Въ 1505 г. іюня 5, Сигизмундъ I пожаловалъ Выдубицкой обители грамоту на владѣніе Звѣринецкими землями. Въ этой грамотѣ упоминается о привилегіяхъ, данныхъ Владиславомъ III (1434—1444 г.) и Казимиромъ IV (1444—1492), которыя существовали еще въ то время, но впослѣдствіи утратились [2]). Земли Звѣринецкія, Лыбедскія и Неводничьи, съ перевозами на Лыбеди и Днѣпрѣ въ пользу Выдубицкаго монастыря первоначально были пожертвованы основателемъ сей обители, Великимъ Княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ; принадлежность сія постоянно была подтверждаема послѣдующими Великими Князьями. Подлинный актъ сей до насъ не дошелъ: но такъ, покрайней мѣрѣ, объ этомъ говорится во многихъ позднѣйшихъ актахъ этой загородней обители; о чемъ впослѣдствіи будетъ упомянуто обстоятельнѣе. — Неизвѣстно, изъ какого источника заимствовалъ преосвящ. Евгеній извѣстіе, что игуменъ Выдубицкаго монастыря Іоакимъ въ 1532-г. былъ переведенъ игуменомъ, слѣдовательно и архимандритомъ въ Печерскій монастырь [3]); но годъ показанія здѣсь, кажется, ошибоченъ.

Въ 1538 г. апрѣля 26, Король Сигизмундъ I пожаловалъ Выдубицкому монастырю подтвердительную грамоту, слѣдующаго содержанія: „Билъ намъ чоломъ игуменъ светаго архангела Михаила Выдубицкого Ефремъ и поведилъ передъ нами, што дей Великіи Князи Рускіи къ тому монастыру светаго архангела Михаила Выдобицкому зъ вѣковъ придали имѣніе *Осокорское*, землю за рекою Днепромъ, прямо церкви монастыра того з островомъ Миколаевымъ и з иншими островами при ней лежачими. И продки наши Государѣ Королѣ польскіи своими листами наданье оно къ монастыру тому подтвердили. И покладалъ передъ нами листъ граничный (*въ коемъ означены границы*), подъ печатью и рукою небожчика пана Андрея Немировича, воеводы Кіевского; а въ томъ листѣ воеводиномъ границу того именья Осокорского тако описано: „почenvши отъ Днепра, гараздо понижей Лыбеди Днепромъ въ Моровое Днеприще, Днеприщемъ на Линки въ быстрый Перевалъ, съ того Перевалу въ Вубчое, потомъ въ другое Вубчое, съ того Вубчого вь Короповъ, з Коропова въ Чорныя Лозы, з Чорныхъ Лозъ на Сосны и Осокори Великіе, въ которыхъ и рубежѣ, отъ Осокоровъ въ Зачеща, з Зачещъ въ речку Панковскую, речкою въ Тельбинъ, Тельбиномъ въ Коростышевъ, Коростышевомъ въ Глубокій Колтобъ, съ Колтоба въ Доманское жерло, жерломъ въ Днепръ, знову Днепромъ въ Наводницу просто." И билъ намъ чоломъ тотъ игуменъ монастыра светого Михаила Выдубицкого Ефремъ, абысмо ему на то дали нашъ листъ на то именья Осокорское....... Хотячи про то мы, абы завжды въ томъ монастыру хвала Божія бывала, и за насъ Государа Бога прошоно, на его чоломъ битье, з ласки нашои то вчинили, и оное имение Осокор-

[1]) Первая кн. актовъ Выдубицк. стр. 126. Троцкій стр. 170. [2]) 2 Кн. Кіевлянина, 1841 г. стр. 23. [3]) Опис. К. Лавры, стр. 141.

ское то къ тому монастыру светого архангела Михаила Выдубицкого надано; и то за рекою Днепромъ, прямо церкви монастыра того лежачую зъ водами, и зъ реками и сенокосами, зъ островами, зъ островомъ Миколаевымъ, зъ озерами Колтобами, зъ бобровыми гонами, зъ луками осетровыми на Днепрѣ, зъ дубровами и лугами и зо всѣмъ, щожъ колвекъ въ томъ имению есть, какъ въ листѣ пана воеводы писано и ограничено, къ той церкви Божой подтвержаемъ симъ нашимъ листомъ. Маетъ тотъ теперешній игуменъ Ефремъ, и по немъ будучіе игумены, къ тому монастыру держати и того имения Осокорского, ведле наданья давного, какъ есть въ границахъ, зо всѣми пожитки вживати; и на то дали есми тому игумену Ефрему и монастыру тому Выдубицкому сей нашъ листъ з нашою печатью" [1]).

О. Павелъ Троцкій, пользовавшійся актовыми книгами сего монастыря, замѣчаетъ, что „въ этихъ *грунтахъ*, съ богатыми сѣнокосами, было много озеръ: Тысячое, Грузное, Плоское, двое Подбурныхъ, Синятинъ, двое Гачищъ, Клешня, Речище Осокорское. Къ сему угодію принадлежалъ островъ Осокорскій противъ устья Лыбеди, называемый Миколаевымъ, съ криницею Вирищею, съ озерами Чепавахою, Татаркою великою и малою, Порубежемъ, Поповымъ озеромъ, Калитою, Кривымъ, Запесочимъ противъ Жуковки, Стабнымъ и проч. Всѣми этими землями и угодьями Выдубицкій монастырь спокойно владѣлъ до конца 16-го вѣка, получая значительные доходы за отдачу ихъ въ аренду." Должно присемъ замѣтить, что, не считая другихъ владѣній Выдубицкой обители, одно это *Осокорское* имѣніе, смотря на подробную карту, содержало въ себѣ около 20-ти квадратныхъ верстъ и доставляло монастырю немаловажныя выгоды. Слѣдовательно монастыри тогда могли имѣть безбѣдное существованіе. Говоря о грамотѣ на Осокорскія земли, о. Павелъ, въ своей статьѣ, на стр. 163-й, ошибочно показалъ *Сигизмундъ-Августъ*. Этотъ король сталъ царствовать не раньше 1544 г.

Урочище, которое теперь носитъ названіе *Неводницкой Пристани*, изстари называлось *Неводичами*, отчего долина и озеро въ ней и выходящій оттуда потокъ, и возлѣ него идущая дорога — называются *Неводницкими*. Земли, лежащія на Звѣринцѣ и Лыбеди, и принадлежавшія Выдубицкому монастырю были въ сосѣдствѣ съ владѣніями Печерскаго монастыря. По недостатку опредѣленныхъ границъ часто выходили недоразумѣнія и споры между этими монастырями, вызывавшіе жалобы и процессы съ той и съ другой стороны. Въ слѣдствіе одной изъ такихъ жалобъ король Сигизмундъ I, (а не Сигизмундъ-Августъ, какъ показано въ статьѣ о. Павла на стр. 155), въ 1541 г. марта 3, писалъ къ Печерскому архимандриту Софронію о томъ, чтобы онъ не присвоивалъ угодьевъ, принадлежащихъ Выдубицкому монастырю, не обижалъ тамошней братіи и велѣлъ бы Печерскимъ подданнымъ отдавать слѣдуемыя имъ дани. Въ заключеніе говоритъ: „Про то, будетъ ли такъ,

[1]) Первая кн. Актовъ Выдубицк. № 1. Осокорск. владѣніе.

какъ онъ намъ жаловалъ, приказуемъ тобѣ, подъ зарукою нашою, подъ сту рублей грошей, ижъ бы еси оныхъ земелъ монастырскихъ подъ себе не забиралъ, и въ тое озеро Затонъ ничимъ ся не вступалъ, и тую дань людемъ своимъ монастыра Печерьского, живучимъ въ маетностяхъ того монастыра, на тотъ монастыръ светого архангела Михаила казалъ сполна выдавати; и слугъ и людей того монастыра не збивалъ, и жадныхъ отповѣдей и похвалокъ на нихъ не чинилъ, и во всемъ бы еси супокойнѣ къ нему ся заховалъ, и надъ то жадныхъ кривдъ и утисковъ тому монастыру не дѣлалъ конечно: абы то инакъ не было. Писанъ у Вильни." [1]) Нѣсколько раньше Кіевскій митрополитъ Макарій съ своей стороны требовалъ отъ архимандрита Печерской Лавры Софронія, чтобы онъ приказалъ своимъ людямъ платить слѣдуемую медовую дань Выдубицкому монастырю, выражаясь такъ: „И тако твою милость, богомольца нашого, благословляемъ, абы ты медовую дань людямъ своимъ казалъ выдавати и за прошлыи годы пополнити. Притомъ слышимъ, что твоя милость въ затоны монастырскіи Михайловскіи кажетъ ся вступати, старцевъ, людей и слугъ монастырскихъ кажетъ побивати. А такъ твою милость, богомольца нашого, напоминаемъ чрезъ сей нашъ листъ: штобы еси въ затоны монастырскіи Михайловскіи не казалъ ничимъ ся вступати, старцовъ и слугъ и людей не казалъ збивати, и во всемъ бы твоя милость тому монастыру нашому далъ впокой, подъ зарукою (*штрафомъ*) на Государа короля его милости 500 копъ грошей и подъ нашимъ неблагословеніемъ" [2]). Того же 1541 г., отъ 5 марта, Выдубицкій монастырь получилъ отъ Сигизмунда I подтвердительную грамоту на владѣніе имѣніемъ *Багриново.* Въ грамотѣ этой, между прочимъ сказано. „Билъ намъ чоломъ игуменъ светаго архангела Михаила Выдубицкого и поведилъ передъ нами, што Великіи Князи Рускіи на тотъ монастырь Св. архангела Михаила зъ вѣковъ надали селищо, на имя Багриновъ, въ повѣти Кіевскомъ, въ мили доброй от замку нашого Кіевского, надъ рекою Днепромъ и потокомъ Любкою, то какъ продки наши Государи короли польскіе селище то Багриново къ монастыру тому, ку той церкви Божой светого архангела Михаила Выдубицкого подтвердили. И были на то листы привилей и твердости старіи продковъ нашихъ Князей Рускихъ и королей польскихъ, которіи...... згинули въ тотъ часъ, коли Кіевъ и монастыръ тотъ отъ непріятеля Крижа светого (*Татаръ*) по килька кротъ збуренъ....... Хотячи прето мы, абы въ томъ монастыри завжди хвала Божа бывала и за насъ, Государа, Бога прошоно: на его челобитье то вчинили, и оное селищо Багриново, со всимъ, якъ ся здавна в собе со всими пожитки маетъ, ку той церкви Божой потвержаемъ симъ нашимъ листомъ на вечность....." [3]).

Въ актовыхъ книгахъ Выдубицкаго монастыря находится еще дру-

[1]) Акт. Запад. Росс. Т. II. [2]) Третья кн. актовъ Выдуб. стр. 436. [3]) Третья книга актовъ Выдубиц. № 4.

гая грамота короля Сигизмунда I того же года и числа (1541 г. марта 5) слѣдующаго содержанія: „Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ: билъ намъ чоломъ игуменъ монастыра Св. арх. Михаила, Ефремъ, и повѣдилъ предъ нами, ижъ староста Черкасскій и Каневскій, небожчикъ панъ Остафій Дашковичъ, на тотъ монастыръ...... придалъ выслугу отца своего, небожчика Ивана Дашковича, селищо, на имя *Игнатовцы*, подле речки Стугны; а Зеновывая Еголдаевна Яцковая Ельцевичевая придала къ томужъ монастыру Выдубицкому селищо на Стугнѣ, на имя Игнатово. На што они и листы свои подавали. И тіи вси листы игуменъ передъ нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абысмо ему на то дали нашъ листъ. И мы вси вышеописанныи листы надания, што къ тому монастыру надано, подтвердили на тую церковь нашимъ листомъ"..... и проч. [1]) — Кромѣ того, Сигизмундъ I, защищая права собственности монастыря Выдубицкаго, закрѣпилъ за нимъ островъ *Котошню*, который до того времени былъ оспориваемъ сосѣдями. Король въ этой грамотѣ сослался на то, что „врадникъ Мозырскій Скуминъ Львовичъ присудилъ на тотъ монастыръ сказанный островъ, на что ему и листъ свой судовой далъ". Сверхъ того въ этой же грамотѣ Король пишетъ: „Жаловался намъ игуменъ....... Ефремъ, што дей некоторіи люди наши Мозырскіи зъ давнихъ часовъ дань дають на тотъ монастыръ...... Ино де они той дани на тотъ монастыръ теперъ исполна выдавати не хочутъ и еще кривды и втиски великіе тому монастыру дѣлають въ забратіи земли и лѣсовъ..... Про то ты бы (Мозырскій державца Николай Нарбутовичъ) и теперь тимъ людемъ приказалъ, жебы они оную дань, которую повинны будутъ давати на тотъ монастыръ, предъ ся сполна, водлугъ давняго обычая, якъ предъ тимъ, давали. А до которыхъ людей нашихъ Мозырскихъ будетъ тому игумену дѣло: ты бы ему на тихъ людей нашихъ право далъ и справедливость вчинилъ..... такъ якъ бы ему того жаль не было и намъ онъ о томъ больши того не жаловалъ." — Но жалобы на обиды отъ сосѣдей не прекращались, что видно изъ грамоты Кіевскаго митрополита Макарія отъ 21 марта 1541 г. писанной къ боярынѣ Коташевичевой о неприсвоеніи угодьевъ Выдубицкаго монастыря „Повѣдилъ намъ.... настоятель.... Ефремій (пишетъ митрополитъ), штожъ которую землю придали на монастыръ светаго Михаила со всимъ небожчикъ панъ Остафей Дашковичъ и Голенчинная, и ты дей тыхъ земель двѣ криницы рыбныи зволочила; церкви Божьей и намъ гвалтъ учинила..... Писанъ въ Новѣгородку".... — Не смотря однакожъ на споры, жалобы и процессы съ различными сосѣдями, Выдубицкій монастырь въ 1561 г. изъ Мозырскихъ мѣстностей имѣлъ до десяти доходныхъ статей, на примѣръ: изъ села Оводовичъ ежегодно меду камней три; изъ селъ Зогалецъ, Олексичъ и Матвы—три камня меду и пять копъ серебра; изъ села Копотковичъ за аренду островов Лушаго и Печерскаго шло ведро меду добраго, прѣснаго, то есть безменовъ двѣнадцать и проч.

[1]) Третья кн. актовъ, стр. 461.

Въ 1564 г. апрѣля 26 данъ былъ листъ Софійскаго намѣстника Ѳеодора Тиши игумену Выдубицкаго монастыря Ѳеофилу, подтверждающій право владѣнія Гнилецкою землею, которую было отнялъ у игумена Діонисія намѣстникъ Іосифъ Прокоповичъ. Для большей достовѣрности, того же 1564 г. іюля 2 дня, послѣдовала грамота Кіевскаго митрополита Сильвестра Бѣлкевича такого содержанія: „Милостю Божю и Пречистое Его Матери мы, Сильвестръ архіепископъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій и вся Руси, чинимъ явно симъ нашимъ листомъ нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, штожъ которую землю Гнилецъ придали предкове наши митрополити ихъ милости къ манастыру светого архангела Михаила Выдубицкого въ Киеве. И держана была тая земля немалый часъ къ тому святому манастыру: но пакъ безъ воли и ведомости нашое отнялъ былъ тую землю отъ того монастыра нашого Выдубицкого намѣстникъ нашъ Софейскій Еско Прокоповичъ. А такъ теперешного часу билъ намъ чоломъ Ігуменъ светого Михаила монастыра Выдубицкого инокъ Ѳеофилъ со всею еже о Христе братіею того честного монастыра, абыхмо тую землю Гнилецъ за ся привернули къ тому светому монастыру. Мы зъ ласки нашое тое вчинили, тую землю Гнилецъ со всимъ на все, какъ ся тая земля зъ давнихъ часовъ со всими пожитки въ собѣ маетъ придаемъ къ тому светому монастыру Выдубицкому вѣчными часи, водлугъ листовъ предковъ нашихъ. И маетъ тая земля держана быти въ монастыру святого Михаила Выдубицкого. И на то даемъ Ігуменомъ Выдубицкимъ сесь нашъ листъ зъ нашею печатью. Писанъ въ Нове городку. Лет. Божог. нарож. 1564. мѣсяца іюля 2 дня. (М. П.) Волею Божію Селивестръ Архиепископъ Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси. — Мартинъ Писаръ“ [1]).

Въ 1568 г. іюля 5 грамотою короля Сигизмунда II Августа, данною на имя игумена Григорія Шваба, послѣдовало точное обозначеніе границъ земель Звѣринецкихъ и Лыбедскихъ, бывшихъ причиною постоянныхъ споровъ съ Лаврою. Весьма любопытныя границы эти тогда опредѣлялись такъ: „*Билъ намъ чоломъ Ігуменъ монастыра светого архангела Михаила Выдубицкого, Григорій Шваба, и поведилъ передъ нами, што дей Великіи Князи Рускіи къ тому монастыру Выдубицкому зъ вѣковъ придали землю, прозываемую Звѣринецъ, надъ рѣкою Днѣпромъ лежачую, которую панъ воевода Киевскій Константинъ княжа Острозское, за листомъ нашимъ, якоже тая земля отъ Князей Рускихъ надана, ограничилъ... и таковою границею описалъ*: „*Почавши отъ рѣки Днѣпра у верхъ озера Затона* (теперь у Неводницкой Пристани образовался широкій песчаной берегъ, шириною до 300 саженъ). *А зъ того озера въ долину глубокую* (Неводницкую), *ровчакомъ и поточкомъ Неводницкимъ* (такъ и доселѣ) *простуючи до колодязей у верхъ граничныхъ*; *въ якихъ колодязяхъ были и знаки граничные положены два сошника и жорна, отъ вербъ границ-*

[1]) 2 Кн. Кіевлянина, 1841 г. стр. 40.

ныхъ и колодязей тою же долиною Неводницкою, ровчакомъ и поточкомъ на озеро, которое въ долинѣ межи лѣсомъ стоить, (озеро существуетъ и нынѣ среди селенія Звѣринецъ, а лѣсъ уже давно истребленъ). *А съ того озера на борокъ* (который не существуетъ болѣе). *Отъ борочка на Перепеличъ долину* (гдѣ? Это названіе давно забыто), *и чрезъ гостинецъ* (дорогу, трактъ) *Трипольскій* (слѣдовательно дорога мимо Звѣринца, ведущая къ устью Лыбеди). *Тою дорогою простуючи въ Лыбедь. А тамъ въ Лыбеди млинъ Выдубицкій власный (вмѣстный) пополамъ съ Печерскими; а они тотъ млинъ зъ Выдубицкими за чотыри дворища на Звѣринцѣ вымѣнили. Оттоль Лыбедью на низъ на-задки (на садки), до млина другого Выдубицкого звѣчистого на Лыбеди же. Тою Лыбедью знова въ Днѣпръ... Писанъ въ Гроднѣ*" [1]).

Въ половинѣ 16-го вѣка митрополиты Кіевскіе иногда заступались за права Выдубицкаго монастыря, коему нѣкоторыя свѣтскія и духовныя власти причиняли обиды. Такъ одинъ изъ митрополитовъ около 1571 г. просилъ Мозырскаго Земскаго судью Фурса, чтобы онъ приказалъ жителямъ села Козинрискаго доставить Выдубицкому монастырю медовую дань за три года, которую они должны были внести за арендуемую ими землю Хохлинскую [2]). Но съ другой стороны митрополиты начали присвоивать себѣ владѣнія этого монастыря; такъ въ 1577 г. Илія Куча, а въ 1580 Онисифоръ Дѣвочка большую часть Багриновскихъ владѣній отобрали отъ Выдубицкой обители и отдали въ аренду свѣтскимъ лицамъ въ свою пользу.

За владѣнія, находившіяся въ Мозырскомъ округѣ бывала потребность игуменамъ Выдубицкаго монастыря утруждать жалобами королей польскихъ. Такъ въ 1586 г. іюля 25 послѣдовала судная грамота Короля Стефана Баторія въ пользу Выдубицкой обители, на имя игумена оной Ѳеодора, о возвращеніи во владѣніе ея острова *Котошни*, присвоеннаго Мозырскими боярами, со всѣми къ нему угодьями [3]).

Около этого времени идея объ Уніи, т. е. о соединеніи Православныхъ съ Латинянами, подъ главенствомъ папы, начала болѣе и болѣе развиваться. Броженіе умовъ производило безпорядки особенно во внутреннемъ управленіи монастырей. Обстоятельствомъ этимъ пользовались ловкіе люди, отчего монастыри, лишаясь своихъ владѣній, постепенно приходили въ упадокъ, что видно уже изъ *Квита*, представленнаго Кіевскому суду вознымъ Григоріемъ Чижевичемъ, который въ 1587 г. вводилъ во владѣніе Выдубицкимъ монастыремъ нѣкоего Захарія Философовича [4]).

При митрополитѣ Михаилѣ Рагозѣ Гнилецкая земля опять присоединена была къ имѣніямъ намѣстничества Софійскаго и въ 1590 г. августа 10, грамотою сего митрополита дано обывателю Кіевскому и

[1]) Акт. Запад. Росс. Т. III; Третья кн. актовъ Выдубицк. № 44. О. П. Троцкій, имѣя даже предъ глазами актовыя книги описываемаго монастыря, въ статьѣ своей ошибочно показалъ эту грамоту подъ 1562-мъ г. іюня 5. См. его Кіево-Выдубицк. монаст. стр. 155.
[2]) П. Троцкій. стр. 167. [3]) Акт. Запад. Росс. Т. III. [4]) 2 кн. Кіевлян. 1841 г. стр. 24.

земянину (землевладѣльцу) Софійскому Ефиму Олешевичу Гнилецкую землю „на службѣ конной боярской державти" и пользоваться ею, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими землями церковными. Любопытную грамоту эту см. у насъ въ Приложеніяхъ.

Весьма рачительный о благосостояніи своего монастыря игуменъ Каллистъ, подъ именемъ *Реестра Пожитковъ*, оставилъ намъ въ 1593 и 1594 г. приблизительное описаніе доходовъ, присовокупивъ слѣдующее примѣчаніе: „Се я Калистъ, Ігуменъ на тотъ часъ Выдубицкій, вывѣдавшися о всемъ томъ, списалъ есми на реестръ сесь для вѣдомости о томъ и потомнимъ людемъ по мнѣ тамъ будучимъ, и далъ есми сесь реестръ списаній власною рукою моею до ризници его м. митрополіей Новгородскои. Року 1594, мѣсяца марта 13 дня". Въ этомъ реестрѣ означено: „1) З села нагорнаго (Звѣринца), близъ самого монастыря шло къ нему (монастырю) куницы (*подати*) грошевой зъ огородовъ з садками с каждого по грошей 19; зо всѣхъ чинитъ полторы копы и шесть грошей. З пасеки близъ монастыра в рокъ давали и з дерева того садового, што въ логовинѣ пасечной, по полукопы грошей. Зъ поль (*полей*) монастырскихъ шла десятина, якъ ся въ которомъ року бываетъ жита добрыхъ урожаевъ по полъ третядцать копъ, а яринъ копъ по тридцать. А в року 1593 жита десятинного было всего только 5 копъ, а яринъ розныхъ копъ с полъ третядцать, ижъ великій неврожай былъ того року. 2) Отъ атамана Спасского за Гнилецкую пасѣку по копѣ грошей. Озеро Заспа съ криницами его околичными давало аренды въ рокъ по осми копъ грошей и полфунта перцу; озеро Святище по сотцу рыбъ боковыхъ. Съ берега рѣчки Корнчи сѣна тамъ бывалъ закосъ стоговъ пять, або шесть. 3) Зъ Подтрипольскихъ владѣній бывало приходить по сту бочекъ жита молоченого, а пшеницы 80-ть комягою и по 200 осетровъ вялыхъ. 4) З Свиноѣдскихъ владѣній приходило въ рокъ грошми копи двѣ и грошей 15 и 10 ведерецъ малыхъ меду и десятина съ поля. 5) Въ селѣ Воскриничахъ, Мозырского староства, дань медовая, Выдубицкая есть, але не хочуть давати, запираються. Въ селѣ Теребовѣ—тожъ. Въ еслѣ Перетрутовичѣ у людей пана Бартоша Брюханского также по ведру въ въ рокъ, и не дають; поведають, же дей панъ нашъ, панъ Бартошъ, давать не кажеть" и проч. [1]).

в) *Унія.* — Изъ всѣхъ монастырей Кіевскихъ Выдубицкій особенно подвергался вліянію Митрополитовъ: они способствовали его благосостоянію, но по принятіи Уніи, они же отбирали у него угодія. Вообще говоря отступничество Рагозы произвело великія смуты въ землѣ Западно-Русской. И въ то время какъ Православныя церкви и ихъ достояніе насильственно забираемы были подъ Унію, многими церковными землями завладѣвали и обыватели свѣтскіе. Одна современная замѣтка, сохранившаяся въ актовыхъ книгахъ Выдубицкой обители,

[1]) Первая актов. книг. стр. 62 и 63.

сообщаетъ, что „митрополиты Кіевскіе всѣ добра монастыра Выдубицкого подъ власть свою были подгорнули, и якъ бы то свои власніи кгрунта, часто кротъ уже и несპоминаючи о томъ, же то добра монастыра суть Выдубицкого, кому хотѣли—роздавали, инши зась арендовали, а сему монастыреви, яко опустѣлому, иногда по частицѣ тилько зъ добръ Выдубицкихъ на препитаніе зоставляли, а иногда и ничого не оставили".

Однакоже Православные монахи сопротивлялись мѣрамъ своихъ лжепастырей: такъ въ 1596 г. Никонъ, старецъ монастыря Выдубицкаго, въ числѣ многихъ другихъ Православныхъ духовныхъ лицъ, подписался на *декретъ* Синода въ Брестъ-Литовскѣ противъ Кіевскаго митрополита Михаила Рагозы [1]). Впрочемъ должно думать, что оппозиція эта была недолговременна, и съ началомъ 17 столѣтія Уніяты завладѣли Выдубицкимъ монастыремъ.—Замѣчательно въ 1604 г. посланіе Печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго къ Православнымъ обывателямъ селъ Свaромля, Тетерева, Воропоня и Пирогова. Въ этомъ посланіи архимандритъ убѣждаетъ воздавать обыкновенныя медовыя дани, не смотря на то, что монастырь находится уже въ рукахъ отступниковъ: „Ино, дѣтки, писалъ онъ, коли предки ваши и вы сами на церковь Божію, на монастырь светого архистратига Михаила Выдубицкій въ каждый годъ меду пресного для свечь на одправованье хвалы Божое мѣли есте што давати: тогди я вамъ зъ зверхности моеи розказую (*властію моею повелѣваю*) и именемъ Божіимъ васъ упоминаю, абы есте Богови Божое отдавали не покладаючи того на душахъ предковъ своихъ и на вашихъ самихъ; хочете ли, абы тежъ и вамъ Господь Богъ Вседержитель, на семъ светѣ грѣхи одпустивши, всѣмъ добрымъ въ пришлому вѣку душевнымъ спасеніемъ оддати и нагородити рачилъ" [2]). Подъ видомъ Христіанскаго незлобія и терпимости Плетенецкій въ этомъ посланіи какъ будьто высказывалъ собственное сочувствіе къ Уніятамъ; которое, въ виду истины, ни въ какое время, не можетъ быть умѣстнымъ. Но вскорости послѣ того, какъ Елисей Плетенецкій увѣщевалъ чужихъ людей не отказывать Выдубицкому монастырю въ ежегодныхъ, ими произвольно на себя принятыхъ, податяхъ: собственные его *подданные* производили грабительства въ Выдубицкихъ угодьяхъ на Звѣринцѣ, такъ сказать, подъ самою Лаврою. До нашихъ временъ сохранилась *Угода* или Komprоmis (уговоръ, условія на съѣздѣ посредниковъ); изъ котораго явствуетъ слѣдующее: Въ 1612 году Антоній Грековичъ, уніятскій игуменъ Выдубицкаго монастыря, отлучился на Волынь, и тамъ пробылъ довольно долго на *послугахъ* митрополита своего Ипатія Потѣя, или Поцѣя. Въ его отсутствіе 10-го августа Печерскіе служители *обтрусили* (отрясли) груши, деренъ и другія овощи въ Звѣринецкихъ садахъ, а 12-го августа въ ночь,

[1]) Справа Братства Виленскаго 1605 г. въ Чтен. Общества Исторіи и Древност. Россійск. 1859 г. книга 3. [2]) Третья кн. актовъ стр. 332.

собрались Марко Шпакъ, Мишка Терещенко, Гришка Возовый, Ѳедоръ Труханенко со многими другими Печерскими *подданными* и, вооружась дрекольями, учинили *инвазію* (нападеніе) и на самый Выдубицкій монастырь: выломали ворота, *сторожа Хилка окрутне* (страшно) *кіями сбили.... церковныя рѣчи* (вещи) *розжаковали* (разграбили), а вдобавокъ и *овоцъ въ монастыру потрясши, незвычайне* (неучтиво) *побрали*. Въ слѣдствіе жалобъ на этотъ разбой, 1-го мая 1613 г. въ *Неводичахъ* (Неводницкое удоліе) *сталася певная угода и приятельское померкованье* между Плетенецкимъ и Грековичемъ: Для совершенія этой *угоды*, въ назначенный часъ съѣхались туда прошеные отъ обѣихъ сторонъ *приятели* (посредники): Михайло Мышка Холоневскій подвоеводій Кіевскій, Теодоръ Елецъ хорунжій Кіевскій и Ѳеодоръ Сущанскій-Проскура Кіевскій земскій писарь; прибылъ туда и самъ Антоній Грековичъ, а отъ Плетенецкаго присланъ былъ Печерскій экономъ отецъ Ѳеодосій. По разсмотрѣніи дѣла, прошеные приятели написали и подписали *Листъ Компромисъ оной приятельской уваги*, въ удовлетвореніе Выдубицкаго игумена, позывавшаго въ судѣ архимандрита Печерскаго. Въ концѣ *листа-компромиса* написано: *дѣялося на месцу Рожницъ* (?) *тамъ, где делится долина Зверинская Неводичи, зъ озерка поточкомъ* (ручьемъ) *зъ ровчакомъ въ Затонъ идучимъ*, року Божого Нарож. *1613 г. мая 1 дня*" [1]). Мы объясняемъ себѣ эту *инвазію* Печерскихъ прислужниковъ на Выдубицкое озлобленіемъ Православныхъ противъ Уніятовъ, успѣвшихъ обратить на себя всеобщее неудовольствіе коварствомъ и насиліями всякаго рода. Озлобленіе это ознаменовало себя вскорости гораздо въ высшей степени: въ 1623 г. ожесточенные Запорожцы напали на монастырь и утопили въ Днѣпрѣ уніятскаго игумена Антонія Грековича [2]). Къ тому же и самые Поляки презирали Уніятовъ и при всякомъ случаѣ пользовались имѣніемъ, которое принадлежало отступникамъ. Такъ, въ самомъ началѣ 17-го вѣка княгиня Анна Корецкая, урожденная Ходкевичева (супруга Еѳима Богушевича князя Корецкаго, воеводича Волынскаго), владѣвшая тогда мѣстечкомъ Лѣсниками, присвоила себѣ всю Гнилещину. За это въ 1602 г. вступился Выдубицкій игуменъ и Кіево-Софійскій намѣстникъ Ипатія Поцѣя Якубъ Крушинскій и началъ тяжбу съ княгинею Корецкою. Тяжбу эту продолжали и послѣдующіе игумены Выдубицкіе, а потомъ и самъ митрополитъ Вельяминъ Рутскій. Но княгиня Корецкая, не смотря на всѣ декреты и выѣзды Кіевскаго Суда и на строгіе декреты трибунальскіе, въ продолженіи 25-ти лѣтъ, до самой смерти своей, не допускала Уніятовъ пользоваться Гнилецкими добрами, среди коихъ, во муракѣ неизвѣстности, скрывалась уединенная пещера Св. Ѳеодосія. Какъ трудно было тогда справляться Кіевскому Суду съ княгинею Корецкою, можно видѣть изъ слѣдующей *Выписи съ книгъ кгродскихъ Воеводства Киевского лѣта Божого нарожденья 1623, мѣсяца іюля 21 дня.*

[1]) Изъ актовыхъ кн. Выдубицк. монаст. — 2 кн. Кіевлян. стр. 111. [2]) Опис. К. Софіи, стр. 160.

„На урядѣ Его Королевской Милости кгродскомъ Кіевскомъ, передо мною Яномъ Липлянскимъ, намѣсникомъ Кіевскимъ, ставши очевисто шляхетніе Андріянъ Ляховскій, а Бартошъ Шумовскій, возніе енералове воеводства Кіевского, чинили оповеданье и жалостне протестовалися на велможную ее м. княжну Анну Ходкевичовну Яхимовую Корецкую о то (*о томъ*), ижъ княжна ее милость Корецкая, зневажаючи (*неуважая*) право посполитое (*всеобщее, обыкновенное*) и вини въ немъ описаніе, о безпеченствѣ (*о безопасности*) судовымъ особливе обварованое (*сохраненное*), кгдисьми были урядовые везваны на справу судовую отъ шляхетнаго пана Александра Брохоцкого, на тотъ часъ понаместника митрополіе Кіевское, а то на одобраніе кгрунтовъ селища Гнилецкаго, Куликова и Калного Лугу, декретами суду головного трибуналского его милости отцу Іосифови Веніяминови Руцкому, архиепископови митрополитови Кіевскому, Галицкому и всее Руси, и капитули его милости присужоныхъ. Где, кгди насъ на напомененіе кгрунти, зъ шляхтою при насъ будучою, очекиваючи (*ожидая*) ихъ м. пановъ судовыхъ кгродскихъ Кіевскихъ на поданье тыхъ кгрунтовъ, декретомъ суду головного трибуналскаго депутованыхъ. И чекалисьмо (*ожидали*) тамъ одъ ранку, ажъ до нешпорное годины (*до вечера*); где насъ тамъ его м. панъ Лукашъ Витовскій подчашій и судья, его м. панъ Павелъ Реховскій писаръ, урядникове судовіе кгродскіе Кіевскіе, на поданье тыхъ кгрунтовъ зъѣхавши застали; нижли одъ княжни ее м. никого не было до поданья тыхъ кгрунтовъ. И такъ ихъ м. отъѣхали, ничого не справивши; а мы, которые есмо съ понаместникомъ чекали нешпорнои годины, теды выѣхавши зъ мѣста (*селенія*) Лесникъ, килка десять коней зъ оружемъ, войнѣ належачимъ, тамъ же на насъ нападши обычаемъ неприятелскимъ, окрикомъ, гукомъ, кинувшися на насъ и на шляхту при насъ будучую, такъ же и на подданыхъ митропольихъ, которыхъ зъ нами было килка десять, хотѣли бить, забіять, ижъ ледво есмо утекли до болота, а зъ болота до лѣсовъ; и такъ есмо ледво живы зостали одъ страху. А хотячи о тое зкгвалченье (*насиліе*) безпеченства судового (*судейскаго обезпеченія*) и свой ексцессъ (*и жалобу на безчинство*), що все болотами ледво одътопали, изъ месца судового зогнаны, правне чинити (*отыскивать правосудія*): просили, абы тая ихъ протестація до книгъ урядовыхъ кгродскихъ Кіевскихъ была принята и записана. Котороежъ то оповѣданье менованыхъ возныхъ до книгъ есть записано, съ которыхъ и сесь выписъ, подъ печатью моею, есть выданъ. Писанъ у Киеве [1]).

Во время избранія Петра Могилы въ Православные Кіевскіе митрополиты въ 1632 г. Выдубицкій монастырь все еще былъ въ зависимости отъ уніятскаго митрополита Велямина-Рутскаго, что продолжалось до смерти его, послѣдовавшей въ 1637 г. Такъ было положено и утверждено сеймомъ и Королемъ Владиславомъ IV 1-го ноября 1632 г. [2]);

[1]) 2 кн. Кіевлянина 1841 г. стр. 34. [2]) Опис. К. Софіи, стр. 170.

но по смерти Рутскаго, въ силу упомянутаго выше постановленія, Выдубицкая обитель была очищена отъ Уніятовъ, и Могила назначилъ ее для пребыванія коадьютора Кіевской митрополіи.—Преосв. Евгеній, повѣствуя о Варлаамѣ Ясинскомъ, говоритъ, что «Выдубицкій монастырь, по привилегіямъ Польскихъ Королей 1620 и 1648 г. уступленъ былъ Кіевскому митрополиту (*разумѣется уніятскому*): но послѣ сдѣлался независимымъ» [1]); но какъ этотъ уважаемый писатель не представилъ при своемъ сочиненіи упоминаемыхъ имъ привилегій: то мы ничего не можемъ сказать объ нихъ болѣе.

г.) *Возвращеніе.*—И такъ Свято-Михайловскій Выдубицкій монастырь съ 1637 г. очищенъ Уніятами и возвращенъ Православнымъ Митрополитамъ. Уніяты, вынужденные силою обстоятельствъ оставить свою добычу, рѣшились, покрайней мѣрѣ, опустошить и ограбить эту обитель. Петръ Могила милостынею Царскою и собственнымъ иждивеніемъ старался обновить Выдубицкую Михайловскую церковь и самый монастырь приписалъ къ Софійскому. Всеволожая обитель, считающая Петра Могилу въ числѣ своихъ благотворителей, и доселѣ хранитъ нѣсколько полученныхъ отъ него вещей священныхъ, какъ то большой, ручной серебряный крестъ съ подножіемъ, напрестольное евангеліе Львовской печати 1636 г., и служебникъ 1629 г.; но объ этомъ обстоятельнѣе упомянемъ ниже.

О состояніи Выдубицкаго монастыря въ это время можно судить по слѣдующему *Квиту* (Роспискѣ): „Федоръ Сущанскій Проскура писаръ земскій и поборца (*сборщикъ*) Воеводства Кіевского вѣдомо чиню тымъ моимъ квитомъ, ижъ мнѣ отдалъ двое подымное [2]) на сеймѣ валномъ Варшавскомъ, въ року теразнѣйшомъ 1638 ухваленое (*предписанное*), ясне велебній его милость отецъ Петръ Могила Воеводичъ земель Молдавскихъ, архиепископъ митрополита Кіевскій, Галицкій и всея Руси, зъ маетности до монастыра светого Михайла Выдубицкого належачихъ, ведлугъ юраменту чрезъ подданные выконанаго: въ селѣ Осокоркахъ не зостало жадного подданного, тилко самъ атаманъ; а при самомъ монастырѣ дымовъ десять; въ селѣ Свиноѣдахъ съ дымовъ пяти; зъ кожного дыму по золотому; сумми золотыхъ 16. Зъ чого я его милость квитуючи, даю тотъ мой квитъ за подписомъ руки моей и притисненемъ печати. Писанъ въ Кіевѣ, дня 9 августа, року 1638. [3]).

Многократно обращался Петръ Могила къ милосердію Царей Русскихъ, прося у нихъ пособія на устроеніе храмовъ Кіевскихъ, разоренныхъ фанатизмомъ Поляковъ и Уніятовъ. Изъ огромнаго числа просительныхъ грамотъ мы укажемъ на одну отъ 29 октября 1639 г. — Въ Москву, къ Царю Михаилу Өеодоровичу, были посланы Лаврскій намѣстникъ Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ, игуменъ Пустынно-Николаевскаго монастыря Митрофанъ, Начальникъ Братскихъ школъ Леонтій Бранковичъ, Игуменъ Выдубицкаго монастыря Сильвестръ Ясинскій.

[1]) Опис. К. Соф. стр. 209. [2]) т. е. двѣ подати подымныя. [3]) 2 кн. Кіевлян. стр. 21.

Въ этой грамотѣ, между прочимъ, изложено, что Софійская обитель *вся убо сія святыхъ иконъ и священныхъ одеждъ украшенія, нѣкоторыя же части храма стѣнъ и верховъ воздвиженія требуютъ*; *Великіяжъ Лавры Печерскія Церковь новый покровъ* (кровлю) *и стѣнъ живописнымъ мастерствомъ украшенія* требуетъ. Въ Выдубицкомъ монастырѣ, въ церкви Св. Михаила *полъ весь* и *верхъ весь каменный разрушенъ и каменной ограды для монастыря* не имѣется. Замѣтимъ, что полъ и своды церковные устояли въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій; но потомъ, въ теченіи тридцати съ небольшимъ лѣтъ, Уніятами были разрушены. Вотъ какъ хозяйничали отступники! — Къ своему прошенію митрополитъ Петръ Могила присовокупилъ и часть мощей Св. Великаго Князя Владиміра, обрѣтенныхъ имъ въ Десятинной церкви [1]).

Сохранился и другой любопытный *квитъ* отъ 1647 г., изъ котораго явствуетъ, что обитель Выдубицкая начала залечивать язвы свои, нанесенныя ей папистами. „Александръ Ленкевичъ Ипогорскій, подвоеводій и поборца Воеводства Кіевского, вѣдомо чиню тымъ моимъ квитомъ, ижъ мнѣ велебній его милость отецъ Ігнатій Оксеновичъ-Старушичъ, Ігуменъ Выдубицкій, отдалъ подымное двое на сеймѣ шестонеделнимъ Варшавскимъ близко прешлихъ ухваленыхъ *(постановленныхъ, предписанныхъ)*; а на сеймику Житомѣрскомъ принятіе зъ добръ до монастіра Видубицкого належачихъ: зъ села Видубычъ зъ димовъ четыредесятъ двохъ, зъ села Осокорковъ зъ димовъ семнайцять, зъ села Свиноѣдовъ зъ димовъ тринайцять. Зъ кождого диму по золотому едному, всего суммою золотыхъ седмъ десятъ два за рокъ теразнѣйшій 1647. Зъ чого его милость квѣтую. Въ Киевѣ дня 18, мѣсяца февраія, року 1647 [2]).

Современникъ славнаго іерарха Петра Могилы знаменитый Богданъ Хмельницкій, набожный охранитель выгодъ и угодій, принадлежащихъ Храмамъ Божіимъ, универсаломъ своимъ отъ 25 мая 1654 г. долженъ былъ обуздывать неповиновеніе и своевольство жителей селеній Климовщины, Кальнаго Луга и Гнилещины, которые, подлежа вѣдомству Выдубицкаго монастыря, *никого ся не обавляючи* (не уважая), *въ озерѣ Глушцу частымъ ловленіемъ рыбъ въ нѣвечъ оборочаютъ, и великіи шкоды, а церкви Божой гвалтъ чинятъ* [3]). — Въ томъ же 1654 г. Царь Алексѣй Михайловичъ, наравнѣ съ прочими Кіевскими обителями, пожаловалъ подтвердительную грамоту и Выдубицкому монастырю на всѣ права и угодія, *которыми за князей Русскихъ и за королей польскихъ сей монастырь держалъ* [4]). И слабый Юрій Хмельницкій, подражая великому отцу своему, въ универсалѣ, отъ 3 мая 1669 г., писалъ: „Небожчикъ панъ родичъ нашъ, славной памети хотѣлъ мѣти, абы святой обители Выдубицкой, для щоденного помноженія хвалы Божой и молитствія, въ Калиновщизнѣ, Калнимъ Лугу, Гнилещизнѣ и въ озери Глушцу,

[1]) Акты Южной и Запад. Россіи Т. III, № 18. [2]) 2 кн. Кіевлян. стр. 21. [3]) Акт. Западн. Росс. Т. V. [4]) Въ собраніи акт. Археограф. Коммис.

яко здавна належачимъ святой Кіевской обители Выдубицкой, жадныхъ перешкодъ, врибъ и своеволне не было ловлено". — Подтверждая тоже самое, гетманъ Петръ Дорошенко, универсаломъ своимъ отъ 19 декабря 1670 г., сверхъ того надѣлилъ Всеволожскую обитель селомъ Лѣсниками выражаясь такъ: „Респектуючи тежъ на знищенье (обращая внимание *на бѣдность* ?) тогожъ светаго местца монастыра Выдубицкого, конферуемъ *(предназначаемъ)* тамошнимъ отцомъ: Ігумену и всее братіи село, або некгдись бывшое мѣстечко Лесники, зо всѣми приналежностями; позволяючи имъ отцомъ и людей тамъ збирати и осажовати, и всякіе оттоль отбирати повинности и пожитки. Зачимъ срого приказуемъ, абы жаденъ зъ старшини и чернѣ войсковое имъ, отцомъ законникомъ Видубицкимъ, такъ во владѣнью Лесникъ, яко и въ отбиранью зъ нихъ всякихъ пожитковъ, найменшои не чинилъ перешкоды. Людямъ засъ(*же*), въ Лесникахъ будучимъ и быти хотячимъ, пригрожаемъ, абы всякое отцу Ігуменови Видубицкому и всей его братіи отдавали послушенство. Данъ въ Чигирине. Декабр. 19. 1670. М. П. Петро Дорошенко, гетманъ рукою власною" [1]).

Подлежа, по дѣламъ церкви, главному вѣдѣнію митрополита, Выдубицкій монастырь, по возвращеніи отъ Уніятовъ, былъ доселѣ независимъ отъ Кіевскихъ іерарховъ въ отношеніи своего внутренняго экономическаго управленія: однако обстоятельства начали измѣняться и на первый случай Царскою грамотою 1688 г. позволено митрополиту Гедеону имѣть въ этомъ монастырѣ свои кельи для пріѣзду и отдохновенія; но не управлять ни монастыремъ, ни имѣніемъ онаго. А въ 1691 г. отъ 22 сентября, грамотою Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, данной Варлааму Ясинскому, Выдубицкій монастырь возвращенъ подъ вѣдомство Кіевскаго митрополита [2]). Въ силу завѣщанія митрополита Гедеона-Святополка Князя Четвертенскаго отъ 21 марта 1690 г., въ числѣ другихъ монастырей и Выдубицкій, по смерти сего іерарха, получилъ двѣсти *золотыхъ* на *цѣлорочные* (годовые) сорокоусты (60 рублей серебромъ).

Къ исторіи обновленія Михайловской церкви принадлежитъ слѣдующее извѣстіе, написанное на книгѣ *Благовѣстникъ*, находящейся въ тамошней библіотекѣ: „Постави́ся крестъ на церкви Святаго Архистратига Божія въ монастыру Выдубицкомъ Епископомъ (Сильвестромъ Бѣлкевичемъ ?) року 1555, при игуменѣ того монастыра Клементію Старушичу. Нынѣ же паки обновися отъ ветхости недостойнымъ рабомъ Божіимъ Іеродіакономъ Самуиломъ Евдокимовичемъ, стараніемъ и коштомъ его, року 1693, мѣсяца септеврія 3" [3]).

[1]) 2 кн. Кіевлянина. стр. 44 и 46. и Акт. Зап. Росс. Т. V. [2]) Опис. К. Софіи, стр. 209.
[3]) По видимому это маловажное извѣстіе, отысканное въ одной старой книгѣ М. А. Максимовичемъ, невольно возбуждаетъ въ насъ слѣдующую мысль: Не говоря уже о безсмертномъ трудѣ Н. М. Карамзина, не говоря о славномъ іерархѣ Евгеніи, заслужившемъ постоянную благодарность за свою Исторію Кіевской Іерархіи, не говоря о Кіевской Коммиссіи, издавшей древніе акты: потомство съ признательностію вспомянетъ М. Ѳ. Берлинскаго, Преосв. Макарія Булга-

Намъ остается упомянуть еще о слѣдующихъ универсалахъ Малороссійсскихъ гетмановъ, въ пользу Выдубицкаго монастыря. Универсалы эти находятся въ собраніи актовъ Археографической Коммиссіи: 1708 г. сентября 10, Иванъ Мазепа назначилъ Выдубицкому монастырю во владѣніе село, *прозываемое* Таращичи и хуторъ Прутище въ уѣздѣ Корсунскомъ. 1709 г. февраля 7, Иванъ Скоропадскій игумену сего монастыря Варлааму далъ универсалъ на владѣніе млиномъ *(водяною мельницею)* Юрковскимъ о двухъ колахъ на греблѣ Козельской. Того же года игумену Варлааму Страховскому дано повелѣніе не пропускать людей чрезъ днѣпръ въ Польшу. Доказательство, что и тогда еще Днѣпровскій перевозъ зависѣлъ отъ этого монастыря.— Въ заключеніе сего періода времени мы присовокупляемъ куріозную повѣсть о пропажѣ монастырскихъ денегъ; повѣсть эта заимствована изъ прекрасной статьи Еѳ. Крыжановскаго „О Кіевской Духовной Консисторіи“ [1]): Въ 1713 г. братія Кіево-Выдубицкаго монастыря подумавъ, гдѣ бы безопаснѣе спрятать запасную монастырскую казну, рѣшили: секретно закопать ее въ церкви подъ правымъ клиросомъ. Они вложили сумму въ два сосуда, наложивъ сверху копѣекъ, замкнули ихъ, зарыли въ землю, привалили камнемъ, вложили полъ и все прибрали такъ, какъ и прежде было. Каждый день глядѣли на это мѣсто и все находили, какъ слѣдуетъ. Прошло десять лѣтъ, монастырю понадобились деньги, рѣшили достать закопанные сосуды. Но что же? Замки цѣлы и заперты, сосуды не порушены, на своихъ мѣстахъ, камень и полъ не тронуты, а денегъ нѣтъ, даже копѣекъ не осталось! А денегъ было 440 червонцевъ, 26 ефимковъ, да чеховъ 20 рублей. — Какъ узнать, кто взялъ ихъ? Предъ Судомъ Консисторскимъ была поставлена вся братія монастырская; она сплошь божилась и клялась, что не знаетъ, кто бы могъ взять деньги. Но какъ обвинителя не было, то никого нельзя было и уличить. Такъ и рѣшилъ Судъ, что неизвѣстно, куда дѣвалась эта сумма, на томъ основаніи, что „братія Богомъ живымъ себе заклинаютъ, же не знаютъ, кто взялъ“ [2]).

Прежде нежели станемъ говорить о новой соборной церкви, скажемъ нѣсколько словъ о древней, построенной В. Кн. Всеволодомъ во имя Св. Архангела Михаила. Должно думать, что во время сего князя Днѣпръ протекалъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сей церкви и гора была ширѣ къ рѣкѣ. Нельзя же предполагать, чтобы предки наши были столь не-

кова, М. А. Максимовича, В. И. Аскоченскаго, И. П. Максимовича, С. П. Крыжановскаго, Еѳ. Крыжановскаго, отца Павла Троцкаго, Л. Похилевича, отца Петра Лебединцева, Ѳ. Г. Лебединцева, также достойныхъ редакторовъ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и другихъ тружениковъ и безкорыстныхъ любителей и цѣнителей церковной и отечественной Старины нашей. Безъ всякихъ расчетовъ на матеріальныя выгоды, которыхъ не искали и не имѣли, старались они собирать и сохранять отъ забвенія всякое, даже мелкое извѣстіе, всякую черту прошедшаго, столь важную для характеристики событій, восполняющую собою пропуски и недомолвки скоротекущаго времени, дѣлатели эти обогатили новыми свѣдѣніями Исторію Кіева и вдохнули въ нее новую жизнь. [1]) Кіев. Епарх. Вѣдом. 1862 г. стр. 513. [2]) Архивъ св. Синода 1724 г. N 74. Донесеніе Св. Синоду отъ архіеписк. Варлаама Ванатовича.

осторожны, что выстроили церковь у самаго крутаго берега рѣки. Но чрезъ нѣкоторое время своенравный Днѣпръ, все болѣе подмывая берегъ, сталъ приближаться къ этой церкви и угрожать ей опасностію. Такъ слѣдуетъ заключить изъ того обстоятельства, что спустя сто одиннадцать лѣтъ (въ 1199 г.) В. Кн. Рюрикъ, чтобы предупредить разрушеніе церкви, нашелъ необходимымъ воздвигнуть каменную стѣну со стороны Днѣпра. Но стѣна не устояла и не могла предотвратить поврежденія церкви. Объ этомъ поврежденіи сохранилось въ монастырѣ преданіе, къ сожалѣнію нигдѣ не отмѣченное, или покрайней мѣрѣ доселѣ никакой записки объ этомъ не отыскано. Преданіе говоритъ, что произошелъ великій обвалъ береговой земли, отъ котораго повредился фундаментъ Михайловской церкви и алтарная часть ея обрушилась въ Днѣпръ. Очевидными свидѣтелями сего разрушенія остаются и понынѣ выдавшіеся надъ обрывомъ большіе дикіе камни, изъ которыхъ сложенъ церковный фундаментъ. Изъ приведенныхъ выше актовъ мы видѣли, что въ 1639 г. церковные своды и весь полъ были разрушены. Это подаетъ поводъ думать, что печальное обстоятельство сіе, произшедшее отъ естественныхъ причинъ, случилось въ то время, когда Выдубицкимъ монастыремъ владѣли Уніяты, которые своимъ небреженіемъ вѣроятно еще болѣе усиливали опустошеніе. Понятно, что не надѣясь на спокойное и безопасное обладаніе, для нихъ всего важнѣе было пользоваться монастырскими угодіями. И такъ теперешняя церковь Св. Михаила есть только бо́льшая оставшаяся часть первоначальной, и притомъ исправленная и совершенно измѣненная. Благодаря И. И. Фундуклею, издавшему, въ числѣ многихъ чертежей, планъ и фасадъ этой церкви, мы можемъ сказать, что длина ея 9 саженъ, ширина 7, высота стѣнъ церковныхъ до кровли 7 саженъ; высота купола 5 саж., а высота всего зданія, отъ подошвы стѣнъ до креста 16 саж. и 1 арш. По лѣвую руку отъ входа, въ сѣверозападномъ углу находится просторная лѣстница, ведущая въ куполъ, или собственно во второй этажъ, потому что массивный сводъ, устроенный вѣроятно незабвеннымъ Петромъ Могилою, отдѣляетъ нижній этажъ отъ купола. Лѣстница своимъ положеніемъ нарушаетъ правильную фигуру плана и служитъ для сообщенія нижняго этажа съ верхнимъ; она очевидно принадлежитъ также времени Могилы. Въ этомъ храмѣ стѣны нижняго этажа древни, выключая восточной стороны; но все это заштукатурено и закрашено и примѣтно только для глазъ знатока. Внутреннее расположеніе церкви, и на внѣшней сторонѣ пилястры, карнизы, а сверху куполъ — все это новое, не раньше 17-го вѣка; такъ, что по оставшемуся очень трудно судить о первоначальной Всеволожей церкви.

д) *Церковь Св. Великомученика Георгія.*—Кромѣ древней Михайловской церкви, есть другая, каменная среди монастыря, соборная, во имя Св. Великомученика Георгія. Она построена въ концѣ 17-го вѣка. Въ это время Дворянство и Козачество Малороссійское набожныя чувства свои выражало построеніемъ церквей; одушевляясь этой мыслію гетманы, полковники и прочіе чиновники воздвигали храмы. Подра-

жая примѣру другихъ, Михаилъ Миклашевскій, храбрый полковникъ Стародубскій, началъ своимъ иждивеніемъ постройку вышеупомянутой церкви въ 1696 г., а окончилъ въ 1701-мъ. Планъ этой церкви имѣетъ видъ креста; размѣры ея гораздо болѣе древней Михайловской; архитектура Нѣмецко-Польская. Какъ особенность замѣтимъ надъ входными тремя дверями сдѣланы окна въ видѣ напрестольныхъ крестовъ. И въ Черниговѣ есть одна церковь, совершенно ей подобная. Выдубицкая церковь Св. Георгія, со времени своего основанія стала ветшать, но недавно исправлена. О построеніи Георгіевской церкви, въ Выдубицкомъ помяникѣ, на особомъ листѣ, написано слѣдующее извѣстіе: „Новая церковь *Святаго Великомученика Георгія* [1]) основана бѣ въ Выдубицкомъ монастыру року отъ Рождества Христова 1696, юня 11, а совершися каменнымъ зданіемъ 1701, іюля 15, коштомъ Михаила Миклашевскаго, Полковника Стародубовскаго. А въ самомъ основаніи бяше, благословляя мѣсто, самъ великій Архіерей и премудрый митрополитъ Православный Кіевскій Варлаамъ Ясинскій; ибо самъ святительскими си руками, начиная основаніе и землю копаше, и мощи четырехъ святыхъ: Михаила Епископа Синадскаго, Іоанна Златоустаго, Великомученика Георгія и Великомученицы Варвары, самъ во основаніи, во олтарную стѣну положи, и каменемъ привали, и вапномъ замаза. Тогожъ 1701 року, октоврія 9 и освящена есть тымъ же всесвященнѣйшимъ Архипастыремъ. Бяше же способствуя во освященіи Архимандритъ Печерскій Іоасафъ Кроковскій. И самъ той же Михаилъ христолюбивый ктиторъ со женою своею Анною бѣ при посвященіи, воздая благодареніе Богу за освященное дѣло. Сотвори же и учрежденіе въ той день, и всей братіи милостыню даде. А егда освящаху святый престолъ, вложиша въ онь мощи: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Великомученика Георгія, Великомученицы Варвары и святаго преподобнаго мученика Никона Сухаго Печерскаго; ихъ же молитвами и заступленми святаго Архистратига Михаила да помянетъ Господь Богъ ктитора, Архіерея и Ігумена, на тотъ часъ бывшаго, Іеромонаха Варлаама во царствіи си; аминь“ [2]).

Предъ мѣстною иконою Св. Георгія находится ковчегъ, устроенный въ видѣ гробницы, съ частицами мощей Великомученицы Варвары, Іоанна Дамаскина и другихъ святыхъ, и съ частію крови Великомученика Георгія.

е) Трапеза. — Въ разстояніи 20-ти саженъ къ сѣверу отъ соборной церкви находится каменная Трапеза съ церковію Св. Преображенія Господня. Зданіе это возведено одновременно съ главною церковію тѣмъ же полковникомъ Миклашевскимъ.—Въ этой Трапезной Спасской церкви замѣчателенъ иконостасъ, вырѣзанный въ видѣ родословнаго дерева, среди вѣтвей котораго изображены ветхозавѣтные Праотцы Іисуса

[1]) Въ подлинникѣ поставлено: „Новая церковь святаго архистратига Михаила“; но это очевидная описка. (Прим. М. Максимовича). [2]) 2 кн. Кіевлянина, стр. 16, 18.

Христа по плоти, въ положеніи возлежащихъ; а посреди ихъ, надъ царскими вратами, Пресвятая Дѣва съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Снаружи, надъ дверью Трапезы и теперь еще можно видѣть лѣпной гербъ Миклашевскаго; а въ залѣ настоятельскаго дома хранится большой старинный портретъ сего Козацкаго полковника, „извѣстнаго въ исторіи своими храбрыми подвигами и нелюбовью къ нему гетмана Мазепы“ [1]). Прежде этотъ портретъ висѣлъ внутри церкви.—Въ покояхъ настоятельскихъ хранится еще портретъ архимандрита сего монастыря Михаила Козачинскаго, скончавшагося послѣ 1745 г. На этомъ портретѣ, подъ гербомъ Козачинскаго, изображающемъ, въ голубомъ полѣ, разгнутую, неписанную книгу, поперекъ которой лежитъ обнаженная шпага, начертаны слѣдующіе стихи:

„Книга сія отверста, внутрь неначертанна,
Знать, что самъ Богъ напишетъ мужа преизбранна.
Шабля бо обнаженна тое знаменуетъ,
Что тотъ мужъ сему свѣту ни въ чемъ не голдуетъ.
Было то, что въ Кіевѣ чрезъ седьмь лѣтъ учитель
Филъ-Богословіи префектъ и строитель.
Із Кіево-Братскаго въ Гадячъ монастыру
Игуменомъ поставленъ по другихъ примиру.
Въ Сербіи, Кроаціи, Цесаріи бывый.
Петербургъ и Москву сей мужъ посѣтивый,
Здеся, въ своемъ образѣ, стоитъ начертанный,
Михаилъ Козачинскій, такъ зъ дѣда названный [2]).

ж) *Церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.*—Мы сказали выше, что въ оставшейся отъ древности церкви Михайловской, прочный сводъ отдѣляетъ нижній ея этажъ отъ верхняго, или собственно отъ купола. Въ этомъ верхнемъ этажѣ, вѣроятно со временъ Петра Могилы устроена церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, слѣдовательно четвертая въ Выдубицкомъ монастырѣ. Она возобновлена въ 1766 г. по грамотѣ митрополита Арсенія Могилянскаго, и названа въ ней *старинною* церковію. Вѣроятно въ это время перенесенъ въ нее иконостасъ изъ церкви *Преподобнаго Даніила*, которая находилась во второмъ этажѣ Выдубицкой колокольни, гдѣ теперь хранится монастырскій архивъ. Въ Благовѣщенской церкви помѣщаются ризница и библіотека монастырская.

з) *Колокольня.*—Каменное зданіе это находится къ западу отъ соборной церкви въ 25 саженяхъ. Колокольня выстроена въ три этажа тяжелой польской архитектуры. Въ нижнемъ этажѣ главныя врата, по бокамъ коихъ помѣщены жилыя комнаты; во второмъ обширное помѣщеніе для архива и склада монастырскихъ вещей, въ третьемъ этажѣ повѣшены колокола. Колокольня эта построена въ началѣ 18-го вѣка.

и) *Ризница*—не отличается избыткомъ, но достаточно снабжена свя-

[1]) Статья о Выдубичахъ М. М. [2]) Аскоченскій Т. II. прим. 75.

щенною одеждою и сосудами; впрочемъ въ ней нѣтъ никакихъ древностей. Отъ Петра Могилы хранятся въ ней слѣдующіе предметы: 1) Большой серебряный крестъ, наподобіе обыкновенныхъ напрестольныхъ, но съ подножіемъ, на которомъ вычеканена слѣдующая надпись: „Въ лѣто 1642, мая 27 дня, сей крестъ сооруженъ бысть повеленіемъ Преосвященнаго Кіевскаго Петра Могилы, и данный въ монастырь святаго Архистратига Михаила Выдубицкаго Кіевскаго во славу...... (далѣе трудно читать). Работа самая обыкновенная и должна быть Кіевскихъ мастеровъ. 2) Евангеліе Львовской печати 1636 г., въ малый листъ, съ надписью: „Сіе Евангеліе оковано повеленіемъ Преосвященнаго Кіевскаго Петра Могилы". и 3) Служебникъ, напечатанный въ 1629 г. На немъ находится слѣдующая собственноручная надпись: „Сей служебникъ, въ славу и честь Господа Бога въ Тройцѣ Святѣй славимаго, и во оставленіе грѣховъ и въ память себѣ и родителемъ своимъ, далъ есть въ храмъ святаго Архистратига Михаила Чудесе въ монастырь Выдубицкій Кіевскій Преосвященный Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи, Архимандритъ Печерскій, строитель же, ктиторъ и основатель того же святаго монастыря Выдубицкаго, по конечномъ запустѣніи и раздрушеніи его отъ отступникъ реченныхъ Унитовъ. Да никто же убо отъ сего святаго храма и монастыря дерзнетъ отъяти, отдалити или себѣ присвоити его, подъ вѣчною и николиже ни отъ кого же разрѣшимою клятвою и анаѳемою святыхъ и богоносныхъ отецъ и того же Архіерея проклятствомъ, въ лѣто 1636, мѣсяца ноеврія 23 дня, Петръ Могила Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій рукою власною".

Исторія Выдубицкаго монастыря оканчивается тремя замѣчательными событіями. 1786-ой годъ памятенъ для Малороссійскихъ епархій преобразованіемъ духовныхъ штатовъ. Въ слѣдствіе Высочайшаго указа сего года отъ 10 апрѣля Выдубицкій монастырь положенъ въ третьемъ классѣ и опредѣлено ему быть больницею для прочихъ монастырей Кіевскихъ [1]. Другое событіе состоитъ въ томъ, что при митрополитѣ Іероѳеѣ Малицкомъ, Высочайшимъ указомъ отъ 18 декабря 1797 г. положено, чтобъ Выдубицкими настоятелями были архимандриты. И наконецъ третье: съ 1842 г. монастырь этотъ причисленъ ко второму классу, съ такимъ же точно штатомъ и содержаніемъ отъ казны, какое назначено и въ Слуцкомъ монастырѣ. Въ слѣдствіе сихъ преобразованій Выдубицкій монастырь принадлежитъ теперь къ числу второклассныхъ и управляется архимандритами, но больничное его назначеніе, по неудобству, давно уже прекратилось; за то погостъ его сдѣлался мѣстомъ погребенія зажиточныхъ Кіевлянъ.

і) *Настоятельскія* и *другія келліи.*—Двухэтажныя покои для настоятеля примыкаютъ къ колокольнѣ, съ южной стороны ея. Объ нихъ было уже нѣчто упомянуто. Въ недавнее время, очень удобный для жилья

[1]) См. нашу Лѣтопись. стр. 100.

корпусъ съ мезониномъ, выстроенъ посерединѣ монастыря, между церквами Михайловскою и Георгіевскою.

к) *Экономія монастыря.*—Послѣ отобранія населенныхъ имѣній Выдубицкому монастырю оставлены слѣдующія угодія: 1) Дача *Корчеватое*, въ 2-хъ верстахъ съ небольшимъ, отъ монастыря, надъ Днѣпромъ, ниже по теченію, при устьѣ Лыбеди. Здѣсь 26 десятинъ земли съ мелкимъ кустарникомъ и кирпичный заводъ о трехъ печахъ, отдаваемый большею частію въ арендное содержаніе рублей за 300. Есть также и хозяйственныя заведенія для сѣнокосовъ и огородничества. 2) Хуторъ *Кругликъ* въ 17-ти верстахъ отъ Кіева при рѣчкѣ Ветѣ, гдѣ находится прудъ съ мельницею, житница и 4 дома со службами для служителей. Земли подъ хуторомъ 40 десятинъ, значительная часть коей подъ мелкимъ лѣсомъ и прудами. 3) Прочія средства содержанія монастыря суть: небольшой доходъ церковный и кружечный, всего до 800 рублей въ годъ, и проценты съ неподвижнаго капитала въ 20-ть тысячъ руб. Теперь въ монастырѣ находится на лицо, кромѣ архимандрита, 16 монаховъ, 28 послушниковъ; а до 40 душъ обоего пола служителей при хозяйственныхъ заведеніяхъ [1]). Въ 1855 г. Отъ Неводницкой Пристани устроена къ монастырю новая дорога, но она осенью и весною неудобна.

л) *Бесѣдка.*—Строеніе это не представляетъ собою ничего замѣчательнаго, притомъ же оно находится въ отдаленномъ сѣверномъ углу монастыря и въ тѣни древесныхъ вѣтвей скрывается отъ взора посѣтителя. Тяжесть и безвкусіе этой постройки выкупается развѣ только необыкновенною прочностію. Не смотря на все это, бесѣдка привлекаетъ къ себѣ посѣтителей, и рѣдкій изъ Кіевлянъ не знаетъ ее. Еще за нашей памяти она висѣла высоко надъ глубокимъ Днѣпромъ: страшно было смотрѣть, какъ темныя волны его крутились подъ ногами; но прекрасный видъ съ этой бесѣдки вознаграждалъ минутный страхъ. Днѣпръ, его заливы, пески, луга и темный боръ Заднѣпровскій представляютъ отсюда привлекательную картину, оживленную судами и лодками, плавающими на водахъ широкой рѣки. Противъ близъ лежащей Неводницкой Пристани былъ издревле перевозъ черезъ рѣку, напоминавшій собою давно минувшія событія старины. Теперь Днѣпръ удалился, открывъ послѣ себя сыпучій песокъ, но природа осталась вѣчно прекрасною.

м) *Годовой праздникъ.* — Выдубицкій монастырь находится въ одномъ изъ привлекательнѣйшихъ мѣстъ Кіева, какъ бы самою природою назначенныхъ для уединенія. Онъ окруженъ съ трехъ сторонъ высокими холмами, покрытыми лѣсомъ, индѣ садами, а съ восточной стороны у ногъ зрителя рисуется Днѣпръ съ его великолѣпными берегами. Въ 23-й день апрѣля здѣсь бываетъ годовой праздникъ; въ это время природа, пробуждаясь отъ зимняго сна, одѣвается свѣжею зеленью и яв-

[1]) Кіевск. губерн. Вѣдом. 1865 г. стр. 85.

ляется съ новою прелестію. Кіевляне собираются сюда толпами праздновать двойное торжество церкви и природы; на паперти тихой обители волнуется разнообразное и шумное общество; съ хладнокровіемъ бросая взглядъ на гробовыя доски, лежащія вокругъ соборной церкви, и не замѣчая тлѣнности и скоропреходимости всего въ мірѣ. Но къ этому празднику должно совершить путешествіе водою, сѣсть въ лодку у Кіево-Подола и пуститься по струямъ Днѣпра; виды праваго, высокаго берега, на которомъ расположено Печерское, довершаютъ очарованіе зрителя. Впрочемъ, къ прискорбію людей набожныхъ, невѣжественная толпа, особенно въ новѣйшее время, обнаруживала на этихъ годовыхъ праздникахъ недостатокъ приличія, какое слѣдовало бы оказывать мѣсту, посвященному тихой обители и могиламъ усопшихъ. Справедливо замѣчаютъ, что „гулянье Выдубицкое въ Егорьевъ день только смущаетъ собою мирное уединеніе монастыря, особливо въ часъ вечерней молитвы; тогда и южный холмъ, покрытый разнобоярщиною народа и оглашаемый звуками Нѣмецкихъ шарманокъ, невольно напоминаетъ собою Лысую Гору".

н) *Красота мѣстоположенія* Выдубицкаго монастыря.—Мы не можемъ и не въ правѣ пройти молчаніемъ мѣстъ нашей родины, которыя отличаются своею красотою и своимъ очаровательнымъ положеніемъ. Но чтобы не подозрѣвали насъ въ пристрастіи къ своему родному: то мы имѣемъ свидѣтельства постороннихъ лицъ, коихъ безпристрастіе и высокія дарованія болѣе нашего способны описать красоты роднаго нашего города.

„Когда приближаетесь къ Кіеву съ лѣвой стороны Днѣпра—пишетъ М. А. Максимовичъ — и предъ вами во всей красѣ своей предстанетъ святая Печерская Лавра,—верстахъ въ двухъ отъ нея, внизъ по теченію Днѣпра, вы увидите небольшой монастырь, полусокрытый въ глубинѣ горнаго удолья. Этотъ монастырь называется Выдубицкимъ. Имъ оканчивается величественная панорама, которая образуется длиннымъ рядомъ живописныхъ возвышеній и удолій, служащихъ подножіемъ первопрестольному городу Россіи.

„Между окрестностями Кіевскими, Выдубицкій монастырь составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ, по древности своей, по красотѣ своего положенія и по тѣмъ прекраснымъ видамъ, которые отсюда представляются.

„Дорога сюда изъ Кіева идетъ съ нагорной стороны, мимо Звѣринецкихъ укрѣпленій, заложенныхъ въ 1810 г. Не спускаясь еще въ самый монастырь, можно, поворотя направо, пройти на возвышеніе, которое поднялось надъ монастыремъ съ полуденной его стороны, и которое, по своей ровной вершинѣ, особенно благопріятно для прогулки. Длинный ровный хребетъ сего возвышенія, круто спускаясь съ обоихъ боковъ своихъ, оканчивается еще большею крутизною надъ Днѣпромъ. Дерева и кустарники, растущіе на семъ мѣстѣ, заслонили собою Кіевъ и все, что простирается отсюда на сѣверъ. За то, какой-то особенный просторъ душѣ даетъ это мѣсто, когда отдыхая на немъ

заглядишься на гряду возвышеній, идущихъ на полдень, и на широкое подъ ними раздолье, по которому течетъ многоразливный Днѣпръ, далеко уносящій за собою ваши мысли. Особенно хорошо здѣсь весною, когда Днѣпровскія волны разольются какъ синее море, и полуденный вѣтеръ отъ нихъ навѣваетъ такую животворную свѣжесть, что и давно отжившая старина какъ будто молодѣетъ въ нашей памяти.

„Другой холмъ, находящійся съ лѣвой или сѣверной стороны монастыря, принадлежитъ къ ряду Звѣринецкихъ возвышеній, идущихъ отсюда къ Кіеву, вверхъ по Днѣпру.

„Упомянутые два холма надъ Выдубицкимъ монастыремъ, расходясь другъ отъ друга, оставляютъ между собою глубокое удолье, спускающееся къ Днѣпру двумя уступами. На верхнемъ уступѣ находится монастырскій садъ. Нижній успупъ составляетъ собою четвероугольную долину, которая съ восточной стороны оканчивается надъ Днѣпромъ крутымъ обрывомъ, и на которой расположенъ монастырь. Обставленный такимъ образомъ съ трехъ сторонъ горами, и открытый только къ востоку, сей монастырь представляетъ собою такой мирный и затишный пріютъ жизни, что кажется и самимъ костямъ труженика здѣсь покойнѣе лежать, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ; потому и кладбище, находящееся въ этой обители, имѣетъ привлекательность необыкновенную“ [1]).

§ 34. вышгородъ.

а) хоревица, б) удѣлъ ольги, в) церковь святаго василія, потомъ г) св. бориса и глѣба, д) удѣльный городъ, е) новѣйшіе поиски.

а) Хоревица.—Сѣдяше Кыи на горѣ, гдѣ же нынѣ оувозъ Боричевъ, а Щекъ седяше на горѣ, гдѣ нынѣ зоветься Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица. (Лаврент. 5.) И такъ въ Вышгородѣ поселило преданіе впервые Хорива, брата Кіева. Слѣдовательно Вышгородъ современенъ Кіеву. Въ послѣдующее время Русскіе Князья на этомъ мѣстѣ, по причинѣ его рѣдкой красоты, выстроили дворецъ, а потомъ основанъ былъ и городъ.

б) *Удѣлъ Ольги.*—Въ 903 г. Олегъ отдалъ Вышгородъ, какъ удѣлъ (?), Великой княгинѣ Ольгѣ. Мысль эта выражена знаменитымъ Карамзинымъ; за нимъ, безъ дальняго разсужденія, повторяютъ тоже самое всѣ пишущіе о Вышгородѣ; но въ Лѣтописи Нестора объ этомъ нѣтъ ни слова. Подъ 903 г. говорится: *Въ лѣто 6411 Игореви възраставшю, и хожаше по Олзѣ,* (т. е. подчинялся Олегу) *и слушаше его, и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Олгу.* О Вышгородѣ ничего не сказано. Первое указаніе въ Лѣтописи на Вышгородъ находится подъ 946 г. *Бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ.* (*Ольжинъ*). И на этихъ простыхъ

[1]) 2 кн. Кіевлянина, 1841 г. стр. 5.

словахъ Преп. Нестора новѣйшіе писатели построили свои воздушные замки: на пр. Берлинскій говоритъ: что „Вышгородъ былъ *любимымъ* мѣстомъ княгини св. Ольги“ [1]). Похилевичъ пишетъ, что „Олегъ вѣщій отдалъ Вышгородъ въ вѣно Св. Ольгѣ, какъ невѣстѣ или супругѣ В. Кн. Игоря. Съ *того времени* Вышгородъ бѣ градъ Вользинъ, т. е. будто бы съ 903 г. и что Св. Ольга *полюбила* это мѣсто за природную его красоту. *Мѣсто*, гдѣ находился построенный Ольгою *зáмокъ* и дворецъ въ Вышгородѣ, по *соображеніямъ* (!) въ 100 саженяхъ на юговостокъ отъ нынѣшней церкви“ [2]). Объ этихъ подробностяхъ ничего не говоритъ Преп. Несторъ, а новѣйшіе писатели такъ много знаютъ! Въ крошечномъ сказаніи о Вышгородѣ и его древней Святынѣ, (Кіевъ, 1863 г.) составитель, М. Сикачинскій, между множествомъ историческихъ промаховъ, пишетъ на пр. такъ: „Св. Ольга, супруга Кіевскаго Князя Игоря, получивъ отъ Олега Вышгородъ въ вѣно (приданое), устроила дворъ свой и *назвала* (!) его своимъ градомъ, который и былъ самымъ *любимымъ* ея мѣстомъ. Она *старалась* Вышгородъ сдѣлать, если не первенствующимъ, то равнымъ Кіеву..... *Отдавъ* сыну своему Святославу Кіевскій престолъ, она *проводила* со внуками своими послѣдніе дни жизни своей въ Вышгородѣ и въ *немъ* скончалась.“ (!) Точно распространенная хрія на заданную тему съ вымыслами всякаго рода. Или на пр.: „По *сказанію* (?) Нестора, Вышгородъ основанъ въ *пятомъ* вѣкѣ Хоревомъ.“ Составитель взвалилъ на честнаго Лѣтописца небылицу, выставивъ столѣтіе, а между тѣмъ не знаетъ, что за 60 лѣтъ передъ симъ славный Шлецеръ уже доказалъ всю нелѣпость подобной хронологіи. — Далѣе изъ Лѣтописи мы узнаемъ, что Древляне и другія подвластныя племена долженствовали въ Вышгородъ посылать дань свою. „*И возложи* (Ольга въ 946 г.) *дань тяжку* (на жителей города Коростеня); *двѣ части дани идоша Кыеву, а третья Вышегороду къ Ользѣ. Бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ* (Лавр. 25.). Въ своемъ новѣйшемъ описаніи Кіева Сементовскій выражаетъ слѣдующее: „*Предполагается*, что В. К. Ольга умерла въ Вышгородѣ.“ Мало ли что предположить можно? Такъ онъ предполагаетъ, что и фрески на хорахъ Софійскаго собора представляютъ ловы нашихъ Великихъ Князей. Впрочемъ у него предположенія играютъ важную роль.—Вышгородъ былъ извѣстенъ и Константину Багрянородному, которой назнаніе это исковеркалъ по своему, наименовавъ его *Вусеградомъ*.—До принятія Христіанской вѣры Владиміръ I содержалъ (980 г.) здѣсь 300 изъ своихъ наложницъ. „*наложницъ же у него триста въ Вышегородѣ*.“ (Лавр. 34.)

в) *Церковь Св. Василія*—вѣроятно въ 988 г. Владиміромъ сооруженная. Хотя Несторъ собственно объ этомъ не говоритъ, однако тексты Лѣтописи подъ 1015 г.: „*И положиша тѣло его* (Борисово) *принесше отай Вышегороду у церкве Св. Василья........ Глѣбу же убьену бывшю и повер-*

[1]) Опис. Кіева стр. 118. [2]) Кіевск. губ. Вѣдом. 1863 г. № 23, и тоже самое см. его Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Кіевской губерніи стр. 2.

жену на брезљ межи двљма колодама, посемъ же веземше, везоша й, и положиша й у брата своего у Бориса; у церкве Св. Василья." (Лавр. 58 и 59.) даютъ намъ достаточное основаніе заключить, что Вышгородская церковь Св. Василія выстроена Владиміромъ I; потому что коварное убіеніе Бориса и Глѣба послѣдовало въ тотъ же годъ кончины отца ихъ. Тѣже самыя обстоятельства упоминаются незабвеннымъ Несторомъ и въ драгоцѣнномъ его житіи Бориса и Глѣба, изданномъ по древнимъ спискамъ [1]). Какъ то: „*И тако блаженыи Борисъ прљдасть душю въ руцљ Божии мљсяца июля въ 24 день*, (слѣдовательно 1015 г. при Святополкѣ I); *честъное же его тљло възеемше несоша въ градъ, наричаемыи Вышгородъ, еже есть отъ Кыева града столнаго* 15 *стадии, и тоу положиша тљло блаженаго Бориса оу* (т. е. подлѣ) *церкви святаго Василия.*» (стр. 10.) Берлинскій пишетъ: «По истребленіи сей церкви пожаромъ, мощи святыхъ перенесены были во вновь созданную Великимъ Княземъ Ярославомъ I.» (стр. 119) но ссылки нѣтъ. Подобное пишетъ и авторъ Обозрѣнія Кіева въ отношеніи къ древностямъ: «Но когда ознаменовалась святость ихъ (Бориса и Глѣба) мощей, то братъ ихъ Ярославъ I, около 1020 г. построилъ надъ ними во имя ихъ деревянную церковь, вмѣсто сгорѣвшей, Васильевской.» (стр. 6.) Ссылки тоже нѣтъ.

г) *Церковь Св. Бориса и Глљба.*—Въ упомянутомъ житіи Бориса и Глѣба говорится, что по вступленіи на престолъ Ярослава I въ 1019 г. и по повелѣнію его *обрљтоша тљло святаго Глљба и веземше....... въ кораблецъ ти тако отплыша; бывши же сторонну вљтру приплыша въ нарочитый градъ и ту положиша тљло Св. Глљба окрљсть Св. Бориса, оу церкви Св. Василья*, (стр. 12), которая тогда уже обветшала и, по неосторожности *пономаря*, сгорѣла. *Возгорљся церкве..... оубо той худљ сущи обетшанљ древомъ.* В. К. Ярославъ приказалъ выстроить зданіе, часовню, (*клљтку, клљть*) *и ископавше*, т. е. выкопавши гробы святыхъ, *изнесоша ковцега отъ ядръ земленыхъ...... внесоша рацљ въ прљже реченую клљтку*; а потомъ, около 1020 г., выстроена на прежнемъ мѣстѣ вторая церковь, тоже деревянная о пяти верхахъ; но уже во имя Св. мучениковъ Бориса и Глѣба. *Повелљ* (В. Кн. Ярославъ) *древодљлямъ, да приготовять древо на сограженіе церкви. Бљ бо уже время зимно. Они же повелљное имъ отъ Христолюбца приготоваша древо и наставшю лљту, возградиша церковь во имя святою блаженую страстотерпцю Бориса и Глљба, о клљтцљ, въ ней же стояста рацљ святою. Христолюбивый же Князь украси церковь* 5 *верхъ и всякыми красотами, иконами, и иными письмены. Повелљ же и на иконљ святою написати* (стр. 16.) Однако и эта церковь при В. К. Изяславѣ I обветшала. Въ XI вѣкѣ Вышгородъ соперничествовалъ со столицею. Въ 1072 г. Изяславъ I Ярославичъ, на мѣсто прежней, выстроилъ новую церковь (Берлинскій прибавилъ: «ве-

[1]) См. Сильвестровскій списокъ 14-го вѣка, въ Патріаршей Библіотекѣ, за № 31. Изданъ О. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ М. за 1858 г. Особенно великолѣпное изданіе Из. Ив. Срезневскаго, цѣлая рукопись въ Fac-simile. С. П. Б. 1860 г. in 4-to. См. нашу Лѣтопись, стр. 16.

ликолѣпнѣйшую»!) во имя Св. Бориса и Глѣба, мощи коихъ были 2 мая въ этотъ новый храмъ торжественно перенесены. Въ сіе время Вышгородомъ управлялъ бояринъ Чудинъ. *Пренесоша святая страстотерпця Бориса и Глѣба. Совокупившеся Ярославичи: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ; митрополитъ же тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславьскый, Михаилъ Юрьевьскый, Θеодосій же игуменъ Печерьскый, Софроній святаго Михаила игуменъ, Германъ игуменъ святаго Спаса, Никола игуменъ Переяславьскый, и вси игумени, и створше праздникъ, праздноваша свѣтло, переложиша я́ въ новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоить и нынѣ* (т. е. во время Св. Нестора)..... *И бѣ тогда держа Вышгородъ Чюдинъ.* (Лавр. 78.) Въ житіи Св. Бориса и Глѣба подробнѣе: *Видѣ* (Изяславъ) *церковь святою ветху сущю, и призва старѣишину древодѣлямъ, повелѣ ему церковь възградити во имя святою, назнаменавъ же и мѣсто близъ ветхія церкви перваго мѣста.* По окончаніи постройки *въземше рацѣ, несоша въ новую церковь, ти ту поставиша на десной странѣ въ лѣто* 6580, т. е. 1072 г. (стр. 19). Слово *древодѣлямъ* даетъ поводъ думать, что и эта — уже третья — церковь была деревянная; но въ спискѣ Макарьевскихъ большихъ Четій-Миней стоитъ: *Изяславъ...... созда камену церковь во имя святую страстотерпцу Бориса и Глѣба, исписа ю всю и украси ю пречуднѣ. И совокупившеся вся братіа Изяславъ, Святославъ..,. мѣсяца маія въ 2 день..... принесоша въ новую церковь, юже Изяславъ създа, яже и до нынѣ стоить въ Вышгородѣ. И оттолѣ утверди таковый праздникъ мѣсяца маія въ 2 день.* (стр. XXV). Упомянемъ при этомъ нѣкоторыя любопытныя обстоятельства: Митрополитъ Георгій, по открытіи ракъ, увидѣвъ тѣла святыхъ невредимыми, велегласно молилъ Бога простить бывшее его сомнѣніе, которое онъ имѣлъ касательно ихъ святости. Потомъ взявъ руку Бориса, облобызалъ ее съ благоговѣніемъ, приложилъ къ очамъ, къ сердцу и благословлялъ ею Князя Изяслава, потомъ Святослава, на головѣ котораго остался одинъ ноготь отъ перста святаго *на благословеніе ему*, наконецъ Всеволода и всѣхъ людей. Все это совершилось въ ветхой церкви. Потомъ мощи святыхъ были перенесены въ новую и поставлены въ ракахъ на десной странѣ храма. (Въ лѣтописи тоже, но съ нѣкоторымъ различіемъ, а именно, что раки Святыхъ были открыты въ новой церкви; о благословеніи же рукою Бориса совсѣмъ не говорится.) И такъ Берлинскій ошибочно пишетъ, что «съ того же времени Вышгородъ сдѣлался городомъ удѣльнаго княженія.» Онъ же говоритъ: «Наконецъ въ 1075 г. Черниговскій князь Святославъ Ярославичъ основалъ уже каменную церковь. (стр. 119). Эта самая ошибка повторена и Похилевичемъ [1]); но это заимствовано изъ Минеи-Четьи, о чемъ ниже. Святославъ, бывши Черниговскимъ княземъ уже въ 1073 г. изгналъ Изяслава, и сдѣлался Кіевскимъ; а о каменной церкви Лѣтописецъ упоминаетъ только подъ 1115 годомъ.

Вышгородомъ (какъ Удѣломъ?) въ 1078 г. управляетъ Ярополкъ:

[1]) Кіев. г. Вѣд. 1863 г. № 23 и Сказанія, стр. 2.

Сыну Изяславлю (князя Кіевскаго) *Ярополку сидящю Вышегородѣ*. Въ 1114 г. скончался въ Вышгородѣ Великій Князь Святополкъ-Михаилъ. Въ 1115 г. Великій Князь Владиміръ II Мономахъ выстроилъ и торжественно, при собраніи многихъ князей и высшаго духовенства, освятилъ 1 мая новую *каменную* церковь и въ оную 2-го числа того же мѣсяца перенесъ гробы Св. Бориса и Глѣба. Того же времени велѣлъ провести мостъ на Днѣпрѣ противъ Вышгорода. *Совокупишася братья Русціи Князи, Володимеръ, зовемый Монамахъ, сынъ Всеволожь и Давидъ Святославличь и Олегъ, братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има камяну* (Ипатіев. 6.) Знатокъ Русскихъ Древностей А. М. Кубаревъ, въ своемъ сочиненіи: «Несторъ, первый писатель Россійской Исторіи [1]), указываетъ еще на одно тоже древнее житіе Бориса и Глѣба, неизвѣстнаго автора, сохранившееся до насъ въ двухъ рукописяхъ: харатейной, изъ библіотеки Синодальной, и бумажной изъ библіотеки И. Царскаго. Житіе это сходно съ помѣщеннымъ въ Воскресенской лѣтописи [2]); оно послужило основаніемъ находящемуся и въ Четьи-Минеи, въ которой приводимыя нами обстоятельства 1115 г. распространены такъ: «По смерти же князя Михаила-Святополка наста въ Кіевѣ князь Владиміръ Всеволодовичъ, прозываемый Мономахъ; той восхотѣ пренести мощи святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и возвѣсти о томъ по всей земли Россійской, (такъ!) и собрашася къ нему..... Давидъ и Олгъ Святославичи Черниговскіи съ сынами своими и съ вельможами и боляры...... и митрополитъ Кіевскій Никифоръ съ епископы..... и игумены..... и со всѣмъ освященнымъ соборомъ..... Въ первый убо день мѣсяца маіа освятиша церковь (спустя цѣлый вѣкъ послѣ кончины святыхъ мучениковъ)..... во 2-ый же день маіа..... митрополитъ съ епископы и всѣми пресвитеры и діаконы..... свѣщи возжегше, покадиша раки Святыхъ и положиша когождо на свои сани; быша же раки каменныя, и везоша князи съ вельможи..... Не могоша же не токмо мощей святыхъ возити, но ниже сами поступити отъ множества налегающаго народа, и повелѣ князь Владиміръ Мономахъ метати сребреники въ народъ и тако едва возмогоша привезти раку со святымъ Борисомъ. Поставивше же посредѣ церкве, идоша по Св. Глѣба и таковымъ же образомъ привезоша и при Св. Борисѣ положиша. Бысть же распря между князи: Владиміръ бо Мономахъ благоволяше, да будутъ мощи святыхъ средѣ церкве и хотяше теремъ сребряный надъ ними построити; а Давидъ и Олгъ хотяху поставити на деснѣй странѣ въ камарѣ, идѣже отецъ ихъ Святославъ Ярославичъ назнаменова. И рѣче митрополитъ съ епископы: верзите жребія въ лучшее извѣщеніе, да идѣже изволятъ святіи мученики, тамо ихъ положимъ. И угодно бысть слово сіе всѣмъ и положиша жребія своя въ олтарѣ на божественнѣй трапезѣ и выняся жребій Давидовъ и Олговъ и поставиша Св. мученикъ въ камарѣ на то устроенной, на деснѣй странѣ.

[1]) стр. 57. См. Русскій Историч. Сборникъ Кн. 4. М. 1842 г. [2]) Карамз. Т. II. пр 126

Владиміръ же Мономахъ окова раки Святыхъ сребряными дсками и иконы Святыхъ изобрази на дскахъ и позлати. Постави же при ракахъ и свѣтильники сребряны позлащены со свѣщами и всю камару позлащеніемъ украси неизреченно.» Такъ что художеству и богатству ея удивлялись Греки, пріѣзжавшіе для поклоненія мученикамъ.

д) Удѣльный городъ.—Въ княженіе Владиміра II Мономаха въ Вышгородѣ удѣльно княжилъ Мстиславъ Владиміровичъ отъ 1117 по 1125 г. По смерти сего князя одинъ изъ сыновей его удѣльно княжилъ при В Кн. Ярополкѣ II, и именно Всеволодъ, но времени не означено. Въ 1146 г. городомъ правилъ вельможа Тудоръ, а потомъ княжилъ Вячеславъ Владиміровичъ. — Въ Вышгородской церкви въ 1146 г. погребено тѣло В. Кн. Всеволода II Ольговича. — Въ 1174 г. честолюбивый Андрей Боголюбскій осаждалъ Вышгородъ, въ которомъ храбро защищался Князь Мстиславъ [1]). Давидъ Ростиславичъ княжилъ отъ 1180 по 1190 г., гдѣ и умеръ, оставивъ сына Ростислава или Іоанна; а въ 1218 г. упоминается о Вышгородскомъ князѣ Ростиславѣ Рюриковичѣ. Въ Этотъ періодъ времени Вышгородъ укрѣпленъ, насыпаны окружающіе его валы и могилы, а подъ стѣнами его произошло много междоусобныхъ битвъ и княжескихъ дракъ. Во время нашествія Батыя (1240 г.) Борисоглѣбская церковь разорена, а мощи Святыхъ неизвѣстно гдѣ сокрыты. Между жителями сохранилось преданіе, что мощи находятся подъ церковію, или вблизи ея; однако многократныя поиски были и доселѣ тщетны. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей, говоря о Вышгородѣ, упоминаютъ еще слѣдующее: Въ Вышгородѣ были также монастыри: мужескій Спасскій, въ урочищѣ нынѣ извѣстномъ подъ именемъ *Спащина*, перенесенный въ послѣдствіи (?) въ Межигорье, а другой женскій, по *соображеніямъ Николаевскій* (!), гдѣ нынѣ сельское кладбище. Изъ сего послѣдняго монастыря Андрей Боголюбскій перенесъ въ г. Владиміръ Образъ Пресвятой Богородицы, и проч." [2]). Но эти извѣстія о монастыряхъ можно почитать вымышленными, потому что ихъ нельзя подкрѣпить никакими *достовѣрными* историческими доказательствами. Отъ чего произошло слово *Спащина*, этого мы не знаемъ; но нигдѣ не говорится, что Межигорскій Спасскій монастырь былъ переносимъ. Объ немъ см. въ своемъ мѣстѣ. Тоже самое должно заключить и о женскомъ Николаевскомъ Монастырѣ. Единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ въ этомъ случаѣ суть Лѣтописи Лаврентьевская и Ипатіевская. Тамъ сказано подъ 1155 г. такъ: *Того же лѣта иде Андрей отъ отца своего (изъ Вышгорода* Ипат.*) Суждалю (безъ отнѣ волѣ* Ипат.) *и принесе ида икону святую Богородицю (и взя изъ Вышегорода икону святоѣ Богородици* Ипат.), *юже принесоша въ единомъ корабли съ Пирогощею изъ Царяграда. И вкова въ ню болѣ тріидесятъ гривенъ злата, кромѣ сребра и каменья драгаго и женчюга и украсивъ ю постави ѝ въ цер-*

[1]) Лавр. 85, 127 и 156. Ипатіевск. 22, 110. [2]) Похилевичъ. Кіев. Губ. Вѣд. 1863 г. № 23 и его Сказанія, стр. 2.—Также Сказаніе Сикачинскаго, стр. 13-ая.

кви своей Володимери. (Лавр. 148 Ипат. 78.) Вотъ и все; а о женскомъ монастырѣ въ Вышгородѣ ни слова. Извѣстіе объ этомъ монастырѣ взято новѣйшими писателями изъ одной Лѣтописи позднѣйшаго происхожденія. Списокъ этой Лѣтописи хранится въ Синодальной библіотекѣ за № 349; тамъ на листѣ 224 говорится, что икона Св. Богородицы въ Вышегородѣ была въ *женскомъ* монастырѣ, и что Кн. Андрей *безъ отча повелѣнія*, взявши эту икону, удалился во Владиміръ на Клязмѣ. Все это мѣсто выписано нашимъ неутомимымъ Исторіографомъ и помѣщено во второмъ томѣ его Исторіи, въ примѣчаніи 383. Но мы не имѣемъ права основывать наше показаніе о существованіи женскаго монастыря на позднѣйшей компиляціи, когда современные Лѣтописцы объ этомъ умалчиваютъ.—Такъ какъ сказаніе объ иконѣ Божіей Матери, бывшей нѣкогда въ Вышгородѣ и теперь находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ подъ именемъ *Владимірской*, тѣсно связано съ извѣстіемъ и о другой иконѣ, извѣстной по Лѣтописямъ подъ именемъ *Пирогощей*, то, для избѣжанія повтореній, упомянутую выше выписку, сдѣланную Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ, мы предложимъ и разсмотримъ ее въ статьѣ: Пирогощая церковь Божіей Матери, § 108. Причемъ представимъ и обращикъ, какъ нѣкоторые новѣйшіе *сочинители* понимаютъ наши Русскія Лѣтописи.—Послѣ опустошенія Кіева Татарами въ 1240 г. разоренъ и Вышгородъ съ его церквами и дворцами и объ немъ перестали упоминать Лѣтописцы. Только груды щебня, оставшіяся отъ каменныхъ построекъ и на каждомъ шагу попадающіяся, да высокіе земляные валы и курганы свидѣтельствуютъ о прежнемъ состояніи Вышгорода. Въ 1523 г. этотъ древній городъ представлялъ бѣдное и безлюдное селеніе, которое грамотою Сигизмунда I приписано къ Межигорскому монастырю и за нимъ числилось до самаго отобранія у монастырей недвижимыхъ имѣній (1786 г.). Въ исходѣ XVI в. Вышгородъ укрѣпленъ былъ зáмкомъ, о которомъ напоминаетъ нынѣ только названіе мѣста *Замковище* или *Замчище.* Приэтомъ Похилевичъ повторяетъ примѣчаніе преос. Евгенія: „что митрополитъ Варлаамъ Ясинскій въ просьбѣ своей къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ писалъ отъ 28 марта 1691 г., что Кіевскій Николаевскій (Латинскій) костелъ весь построенъ изъ камня древней Вышгородской церкви, разоренной Поляками" [1]). Вотъ кто докончилъ начатое Татарами разрушеніе. Впрочемъ кромѣ Поляковъ, всегда враждебныхъ Православію, и самые Православные пользовались развалинами древнихъ церквей, какъ строительными матеріалами; они, растаскивая остатки храмовъ на свои потребы, тѣмъ довершали совершенное разрушеніе. Такъ истреблена почти вся Десятинная церковь. Татарамъ некогда и не для чего было этимъ заниматься. На сооруженіе церкви Св. Андрея Первозваннаго много также перевезено матеріала изъ Вышгорода. Не одинъ Кіевъ имѣлъ подобную судьбу. Не варвары разрушили окончательно древній Римъ, но собственные его жители для своихъ построекъ.

[1]) Опис. Кіевск. Софіи. Прибавл. стр. 30.

Сикачинскій сообщаетъ интересное извѣстіе, что изъ подписи, сдѣланной на рукописной Псалтири, хранящейся въ Богуславскомъ Николаевскомъ монастырѣ, видно, что въ 1614 г. была въ Вышгородѣ церковь и при оной протопопъ Прокофій; но когда эта церковь построена и кѣмъ—неизвѣстно. Въ 1651 г. Поляки, подъ предводительствомъ Януша Радзивилла съ союзными Татарами, овладѣвши Кіевомъ, грабили, разоряли оный и сожгли большую часть его; потомъ переправлялись близъ Вышгорода черезъ Днѣпръ. Но какъ не было для моста готоваго лѣса, то союзники, недолго размышляя разобрали существовавшую въ то время деревянную Вышгородскую церковь, употребили лѣсъ и самыя иконы на мостъ. Событіе это видно еще изъ челобитной къ Царю Алексѣю Михайловичу отъ Вышгородскаго священника Василія Прокофьева, (вѣроятно сына упомянутаго выше Прокофія) въ апрѣлѣ 1652 г., въ которой онъ пишетъ, что „въ прошломъ во 159 (1651) году внезапу пришло Лядцкое войско и церковь Божію сожгли, меня до конца разорили, а отца моего и брата Священниковъ Ивана Нѣмца разстрѣляли. И я, Государь, слышачи твою неизрѣченную милость, вышелъ на твое Государево имя на вѣчное житье. А мать моя и съ женишкою моею и съ дѣтишками живутъ въ Путивлѣ городѣ и помираютъ голодною смертію, всѣхъ 12 душъ,..... а я нынѣ скитаюся здѣсь по Москвѣ,“ и пр. [1]) Разрушеніе Вышгородской церкви однакожъ другіе относятъ къ 1662 г., когда Татарская Орда вмѣстѣ съ Поляками, преданными малодушному Юрію Хмельницкому, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, также переправлялись близъ Вышгорода черезъ Днѣпръ. На мѣсто разоренной Татарскою Ордою деревянной церкви, построилъ новую, тоже деревянную, во имя Св. Бориса и Глѣба, бывшій Кіевскимъ Полковникомъ (1693 — 1696 г.) Константинъ Мокіевскій [2]). Но неизвѣстно въ какомъ году. Церковь эта, какъ видно изъ подписи, сдѣланной на древнемъ рукописномъ напрестольномъ Евангеліи, хранящемся въ тамошней Борисоглѣбской церкви, уже существовала въ 1699 г. Въ 1684 г. іюля 24, Гордонъ означилъ въ своемъ дневникѣ такъ: „Сегодня празднована была память Святыхъ Бориса и Глѣба.“ Это подаетъ поводъ думать, что упоминаемая церковь, выстроенная Мокіевскимъ, существовала гораздо раньше 1693 г.—Вышгородъ около 1680 г. поступилъ въ вѣдомство Межигорскаго монастыря. Въ воеводской описи 1683 г. о Вышгородѣ и другихъ селахъ говорится такъ: „Мѣсто, гдѣ былъ городъ *пусто*, и старый валъ весь развалился.... На старомъ церковномъ мѣстѣ, гдѣ была каменная церковь Св. страстотерпцевъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, нынѣ деревянная; а служба въ той церкви бываетъ въ годъ только на праздникъ изъ Межигорскаго монастыря, а жители Межигорскаго монастыря живутъ дворами *девять человѣкъ*. Тоже повторяется и въ описи 1688 г.; въ Вышгородѣ все еще

[1]) Акт. Южн. и Западн. Россіи. [2]) Маркевича Исторія Малор. Т. II, стр. 338. Этотъ же Мокіевскій выстроилъ каменную церковь Воскресенія Христова на Печерскѣ, въ старой крѣпости, см. § 29, стр. 129 и цер. Рождества Пр. Богородицы у Дальнихъ Пещеръ.

не было ни одного жильца. А въ селѣ Новыхъ Петровичахъ жителей 45 человѣкъ. Въ томъ же селѣ Петровичахъ живутъ пришлые люди Волошане, (Цыгане, вѣроятно) куренями, съ женами и дѣтьми 18 человѣкъ. Старое селище Петровичи *впустѣ*, *жителей никого нѣтъ*. Но къ нему луговъ по Днѣпру, Лютежу и Ирпени въ длину 8, въ ширину 5 и 6 верстъ и покосовъ тутъ многое число," и проч. Опись эта приведена въ граматахъ царскихъ, данныхъ Межигорью 1683, и 1688 годовъ, которыя показаны въ актахъ Межигорск. мон. № 201. [1]) Къ числу Вышгородскихъ церковныхъ рѣдкостей принадлежатъ священническія ризы и епитрахиль, коимъ знатоки придаютъ болѣе 500 лѣтъ. (Такъ ли?) — Въ 1741 г. мѣстный священникъ Василій Лукьяновичъ, на мѣстѣ обветшавшей церкви, построенной Мокіевскимъ, на развалинахъ древняго каменнаго храма, соорудилъ новую деревянную о трехъ куполахъ, во имя Св. Бориса и Глѣба. Въ 1860 г, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ церковь эта, по ветхости, разобрана; каменный фундаментъ древняго храма весь открытъ, изслѣдованъ и освидѣтельствованъ. Найдено, что этотъ фундаментъ состоялъ изъ дикаго камня; длина его была 60 аршинъ, а ширина 33. Фундаментъ алтарной стороны съ двумя придѣлами составляли три полукружія, изъ коихъ боковыя гораздо меньшія. Словомъ древняя постройка Вышгородской церкви во всемъ сходна была съ такими же, какія и до нашего времени сохранились въ Кіевѣ, на пр. Кирилловская и Ирининская церкви. При освидѣтельствованіи оказалось, что означенный фундаментъ въ нѣкоторыхъ боковыхъ частяхъ, особенно съ западной стороны уже былъ разобранъ. Къ сожалѣнію археологовъ, при этомъ случаѣ никакихъ древностей не отыскано. На мѣстѣ древней церкви 29 мая 1861 г. заложена новая каменная, но при скудныхъ средствахъ (8,333 руб. с.) строители рѣшились завершить ее деревяннымъ куполомъ. Іюня 17 дня 1862 г. при стеченіи народа освящена она митрополитомъ Арсеніемъ. Длина новой церкви съ каменною же колокольнею $48\frac{1}{2}$ аршинъ, а ширина $16\frac{1}{2}$, слѣдовательно она гораздо менѣе древней. По разобраніи ветхой деревянной церкви богослуженіе было отправляемо во храмѣ, временно устроенномъ въ особо стоявшей деревянной колокольнѣ, которая потомъ упразднена.—Со временъ Татарскаго погрома до нашихъ дней сохранился старинный образъ Спасителя въ этой церкви, а другой образъ Божіей Матери, брошенный Татарами въ Днѣпръ, хранится теперь въ Кіево-Братскомъ монастырѣ.

е) *Новѣйшіе поиски*. — Охотники до Древностей производили неоднократно въ этой церкви и возлѣ нея поиски: такъ въ 1814 г. раскопаны были земляные высокіе курганы; въ 1816 г. г-жа Турчанинова открыла все основаніе бывшей церкви, однакожъ древностей не нашла. А. Анненковъ хотѣлъ еще разъ попытаться, но намъ неизвѣстны результаты его поисковъ. Говорятъ впрочемъ, что въ разныхъ мѣстахъ Вышгорода находятъ иногда древніе шиферные гробы, крестики, иконы,

[1]) См. Кіевск. Епарх. Вѣдом. № 23-й, 1863 г.

серги, гривны, старинныя монеты и тому подобныя вещи.—Въ заключеніе замѣтимъ, что Вышгородъ расположенъ на высокой горѣ, болѣе сорока саженъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ Днѣпра, по правой сторонѣ этой рѣки, въ 14-ти верстахъ отъ города Кіева, вверхъ по теченію той же рѣки, отчего произошло и названіе *Вышгородъ.* Такъ какъ всѣ опубликованныя до нынѣ показанія о разстояніи Вышгорода отъ Кіева содержатъ неточности и даже невѣрности, то мы объяснимся объ этомъ подробнѣе. Изъ Кіева въ Вышгородъ существуютъ двѣ дороги: первая отъ церкви Св. Троицы, т. е. бывшаго Кирилловскаго монастыря до Вышгородской церкви длиною ровно 14-ть верстъ; а если считать отъ Флоровскаго монастыря на Подолѣ, по той же дорогѣ, то разстояніе составитъ 18-ть верстъ. Другая дорога изъ Кіева въ Вышгородъ нѣсколько ближе; начинаясь на Оболони, отъ которой ясно видѣнъ Вышгородъ, она проходитъ чрезъ ручей Почаину, потомъ лугами до самой Вышгородской горы и составляетъ почти 13-ть верстъ, но никакъ 7, или 8, какъ показано въ Землеописаніи Россійск. Имп. Зябловскаго (Т VI. ст. 21), а за нимъ ошибка эта повторена въ Исторіи Карамзина (изд. 6. Т. 1. ст. 165), въ Кіевск. Синопсисѣ, издан. Митроп. Евгеніемъ Болховитиновымъ (1823. Приб. ст. 49), въ Кіев. г. Вѣдом. 1847 г. №1. ст. 3., за 1863 г. № 23 и въ другихъ книгахъ. Первая дорога идетъ мимо Кирилловскаго монастыря чрезъ предмѣстія Куреневку и Преварку, на 2-й верстѣ отъ Преварки начинается лѣсъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ Преварки же, въ лѣсу находится дворъ лѣсной стражи возлѣ ручья, называемаго *Водица.* Скажемъ мимоходомъ, что въ универсалѣ Кіевск. Полковника Вас. Дворецкаго отъ 3 мая 1659 г. объ этой *Водицѣ* упоминается такъ:.. *по рѣчку Водицу, которая идетъ отъ Мощана, грунту воеводского Вышгородскаго*, т. е. текущая отъ Вышгородскаго воеводскаго грунта, называемаго Мощаны.—Отъ упомянутаго выше двора лѣсной стражи дорога расходится на лѣво и на право; первая, лѣвая идетъ на Межигорскую фаянсовую фабрику, на села Валки, Петровцы, Козаровичи, Ясногородку, мѣстечко Чернобиль и проч.; а вторая, правая ведетъ въ Вышгородъ. Отъ *Водицы* до Вышгорода шесть верстъ. Упоминаемая дорога доступна во всякое время года даже для большихъ и тяжелыхъ экипажей. Луговая же дорога, какъ было сказано, немного короче; пѣшеходы и проѣзжіе въ легкихъ экипажахъ охотно ею пользуются; но по причинѣ разлитія Днѣпра, множества озеръ и болотъ, возможна только съ іюня мѣсяца; впрочемъ, по множеству рытвинъ и водомоинъ, не каждое лѣто удобна и безопасна. Показанныя здѣсь разстоянія заимствованы по *Военно-Топографической картѣ Европейской Россіи*, гравируемой съ 1846 г., три версты въ дюймѣ, при Военно-Топографическомъ Депо Генеральнаго Штаба. Надобно замѣтить, что карты, издаваемые Русскимъ Генеральнымъ Штабомъ, въ отношеніи вѣрности и отчетливости, не уступаютъ никакимъ картамъ, издаваемымъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

Съ Вышгородской высоты, особенно находясь близъ церкви, представляется взору великолѣпная картина. Съ востока широкій Днѣпръ, коего воды, раздѣляясь на многіе рукава, извивающіеся по луговой

сторонѣ, образують разнообразные острова, озера, заливы, окаймленные зеленью кустовъ и сребристыми песками. За Днѣпромъ вдали видны луга съ разбросанными селами, индѣ изъ-за деревьевъ выказываются главы церквей, въ сторонѣ межъ кустовъ мелькаетъ рѣка Десна. Съ южной стороны видѣнъ изчезающій за горизонтомъ Днѣпръ, амфитеатръ Кіевскихъ горъ, Печерская Лавра, ея колосальная колокольня, цѣпной Николаевскій мостъ чрезъ Днѣпръ, Печерскъ, Старый Кіевъ и стелющійся подъ горами Старокіевскими Подолъ со своими храмами и зданіями. Нѣсколько выше гора Скавика, древняя могила Олегова, а въ сторонѣ обсерваторія Университета Св. Владиміра, Кирилловскія богоугодныя заведенія и Преварскія дачи. Съ западной стороны поля, а за ними дремучій лѣсъ, съ сѣверной же необозримое поле. Съ восточной и южной сторонъ все пространство, видимое на небосклонѣ, въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, при весеннемъ наводненіи покрывается водою и представляетъ видъ морскаго прибережья. Нынѣ Вышгородъ извѣстенъ тѣмъ же пріятнымъ мѣстоположеніемъ, которое столько нравилось бывшимъ князьямъ Кіевскимъ и кирпичными заводами, на которыхъ выдѣлывается въ годъ до пяти милліоновъ превосходнаго кирпича, сбываемаго въ Кіевѣ, а также признаками присутствія въ здѣшнихъ окрестностяхъ каменнаго угля, обнаженнаго въ надрѣчныхъ обрывахъ. Жителей обоего пола считается съ лѣсными стражами 864, да сверхъ того лѣтомъ проживаетъ въ кирпичныхъ заводахъ до 500 душъ. Жители занимаются преимущественно обработкою сѣнокосовъ, огородничествомъ, а отчасти хлѣбопашествомъ, которому неблагопріятствуетъ нѣсколько песчанность и возвышенность полей.

Близъ Вышгорода есть могила, называемая *Вороновою*. Въ 1844 г. профессоръ Ставровскій разрывая ее, открылъ въ ней толстыя деревья, положенныя въ видѣ параллелограма, на вкопанныхъ въ землю сваяхъ; межъ ними обнаружилась продолговатая масса уголья, возлѣ которой найдено нѣсколько череповъ человѣческихъ. [1]) Кромѣ этой могилы есть еще другія, съ именами *Крещатаго*, *Варавина*, *Малая* и проч. *Кириллова* могила лежитъ между Щековицею и Лыбедью. Имя Хорева, другаго баснословнаго брата Кіева, теперь напоминается въ Кіевѣ только одною улицею *Хоревою*, идущею мимо церкви Св. Николая Притиска.

§ 35. ГЕОРГІЯ СВ. МОНАСТЫРЬ.

СТОЛОВАНЬЕ.

Подъ 1037 г. *Заложи Ярославъ* (І Владиміровичъ)... *Святаго Георгія манастырь*. (Лаврентьевск. стр. 65). Въ харатейномъ спискѣ *Пролога*, XIV в., принадлежавшемъ г. Погодину, а теперь С. Петербургск. Публичной Библіотекѣ, объ этой церкви находятся нѣкоторыя подробности: „Въ той

[1]) Кіевск. Губ. Вѣдом. 1847 г. № 1.

же день священие церкви святаго Георгиа въ Киевѣ предъ враты святыя Софiя. Блаженый и приснопамятный всея Рускыя земля князь Ярославъ, нареченый в-святѣмь крещеньи Георьгии, сынъ Владимѣрь крестившаго землю Рускую, братъ же святою мученику Бориса и Глѣба, се восхотѣ създати церковь в-свое имя святаго Георгия, да еже въсхотѣ и створи; и яко начаша здати ю, и не бѣ многа дѣлатель у нея; и се видѣвъ князь призва тиоуна: почто не много оу церкве стражающихъ. Тиоунъ же рече: понеже дѣло властелское, боятся людье трудъ подъимше наима лишени будутъ. И рече князь: да аще тако есть, то азъ сице створю. И повелѣ куны возити на телѣгахъ в-комары Златыхъ вратъ, и возвѣстиша на торгу людемъ да возмутъ кождо по ногатѣ на день. И бысть множьство дѣлающихъ. И тако вскорѣ конча церковь, и святи ю Лариономъ митрополитомъ, мѣсяца Ноября въ 26 день, и створи въ ней настолование новоставимымъ епископомъ, и заповѣда по всей Руси творити праздникъ Св. Георгия мѣсяца Ноября 26 день". И такъ не въ 1045 г., какъ показываютъ нѣкоторые, но, основываясь на Несторой Лѣтописи, покрайней мѣрѣ въ 1051 г., въ годъ поставленія Иларіона въ митрополиты, освящена эта церковь. Слова Пролога: *предъ враты Св. Софіи* подтверждаютъ мнѣніе, что теперешняя церковь Св. Георгія стоитъ на основаніи Ярославовой, или покрайней мѣрѣ вблизи этого мѣста, и что Софійскія монастырскія ворота, во время сего князя, стояли къ Золотымъ воротамъ, противъ западныхъ дверей Софійской церкви.—Во многихъ старинныхъ мѣсяцесловахъ, подъ 26 числомъ ноября, отмѣчено: „И освященіе храма святаго Великомученика Георгія, иже въ Кіевѣ, предъ враты святыя Софіи, въ лѣто 1045 г.

Столованіе въ Греческой церкви называлось ἐνθρονισμός, а въ Римской Inthronismus. Извѣстно, что митрополитъ или архіепископъ съ другими архіереями посвящаютъ новое, избранное лице въ санъ архіерея. Послѣ сего посвященія, по истеченіи двухъ, или трехъ дней, въ древности было совершаемо *Столованіе*. Обрядъ этотъ состоялъ въ томъ, что во время литургіи, по прочтеніи Евангелія, митрополитъ возводилъ новаго архіерея на каѳедру, а клиръ и народъ возглашали новому пастырю многолѣтіе [1]). Ярославъ построилъ мужескій монастырь Св. Георгія *во имя себѣ отъ Святаго крещенія данное* (Синопсисъ 62). Тоже самое думаетъ и Татищевъ (Т. II. 71). Примѣровъ сего въ Исторіи Кіева находится довольно: такъ Св. Владиміръ (Василій) построилъ во имя Св. Василія церковь; Изяславъ (Димитрій)—монастырь Св. Димитрія; Всеволодъ I. (Андрей) Ярославичь монастырь Андреевскій; Владиміръ II (Ѳеодоръ) Всеволодовичь монастырь Св. Ѳеодора, и проч.

Несчастный Князь Псковскій, Судиславъ, сынъ Владиміра Святаго,

[1]) Опис. Кіев. Софіи стр. 15. Преосв. Евгеній приводитъ къ сему слѣдующія цитаты: Binghami Origines Ecclesiasticae Lib. II. cap. XI § 16 —Caroli Du Fresne Du Cange Glossarium Latinitatis medii aevi, sub voce *Thronus* et *Inthronisatio*.

томившійся въ темницѣ двадцать четыре года, получилъ свободу въ 1059 г.; охладѣвъ къ свѣту, принялъ санъ монашескій и окончилъ жизнь свою, 1063 г., въ обители Св. Георгія. Въ Лаврентіевск. подъ 1050 г. *Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрыя своего* (*Судислава*, прибавлено въ Хлѣбниковс. спискѣ) *изъ поруба, сидѣ бо лѣтъ 20 и 4. Заводивше кресту, и бысть чернцемъ.* Далѣе подъ 1063 г. *Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша й въ церкви святаго Георгія* (стр. 70). Почти до окончанія 17-го вѣка мы никакихъ подробностей не знаемъ объ этомъ монастырѣ. Естественно думать, что онъ раздѣлялъ общую участь съ прочими храмами въ Кіевѣ: въ 1169 г. былъ разграбленъ полчищами Андрея Суздальскаго; 1204 г. опустошенъ Русскими и *дикими* Половцами подъ предводительствомъ мстительнаго и безразсуднаго Рюрика I Ростиславича, наконецъ въ 1240 г. разгромленъ полчищами свирѣпаго Батыя. Потомъ въ продолженіи четырехъ сотъ тридцати четырехъ лѣтъ развалины Георгіевской церкви уничтожались временемъ и людьми. Наконецъ въ 1674 г. Кіевскій воевода князь Юрій Петровичъ Трубецкой, въ *Отпискѣ* своей (Донесеніи) къ Царю Алексѣю Михайловичу писалъ слѣдующее: „Въ лѣтописныхъ, Государь, книгахъ написано· „Въ лѣто 6545 (1037 г.) въ Киевѣ, въ Верхнемъ Большомъ Городѣ, у Златыхъ Воротъ, близъ Софейскаго монастыря, создана каменная церковь во имя Святаго Великомученика Георгія“. И была церковь 202 года, и въ лѣто 6748 (1240 г.), въ Киевское разореніе отъ Батыя царя, та церковь разорена. И отъ того времени на томъ мѣстѣ церкви Божіей не было; и мѣсто церковное отъ незнающихъ простыхъ людей и отъ скоту было насорено неистово. И мы, холопи твои, хочемъ то мѣсто очистить и огородить [1]). Въ прошломъ (1673 году) многіе ратные люди, которые на твоей службѣ въ Киевѣ съ нами, били челомъ, чтобы на томъ мѣстѣ устроить церковь во имя Великомученика и Побѣдоносца и славнаго Чюдотворца Георгія, да придѣлъ Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего стараго Россійскаго кормителя Сергія, Радонежскаго чюдотворца. А они дадутъ, на то строеніе, вкладу деньгами и лѣсу, и всякую помочь чинить станутъ, кому что возможно. И мы, на *прежнемъ Георгіевскомъ, церковномъ, старомъ мѣстѣ* велѣли церковь Божію, во имя Великомученика Георгія и придѣлъ во имя Сергія, Радонежскаго Чудотворца, строить [2]). И по

[1]) г. Журавскій (Обозрѣніе Кіева, стр. 103) замѣчаетъ, что въ Отпискѣ *о развалинахъ или фундаментѣ древней церкви не упоминается.* Однако были же какіе нибудь данныя, по коимъ кн. Трубецкой принялъ это мѣсто за то самое, на которомъ стояла древняя церковь Св. Георгія. Иначе къ чему же очищать и огораживать? Кальнофойскій говоритъ объ остаткахъ церквей Св. Θеодора (Вотчъ), Св. Симеона въ Копыревѣ Концѣ. Изъ всѣхъ этихъ показаній мы въ правѣ заключить, что до конца 17-го вѣка существовали еще многіе остатки древнихъ Кіевскихъ храмовъ, и что они истреблены не раньше, какъ въ первой половинѣ 18-го вѣка вѣроятно Мюнихомъ при устройствѣ Старокіевской крѣпости. И неудивительно: такія громадныя перестройки всегда передѣлываютъ городъ; потому что для инженера важенъ стратегическій пунктъ, а не древность мѣста. Постройка теперешней крѣпости служитъ сему очевиднымъ доказательствомъ, и только по волѣ Императора Николая I осталась Николаевская церковь на Аскольдовой могилѣ. [2]) Сементовскій (стр. 106) написалъ: *Кн. Трубецкой ходатайствовалъ у*

благословенію Лазаря Барановича, архіепископа Черниговскаго и Новгородскаго и всего Сѣвера [1]) къ созданію обла́жена и въ 9 день августа свершена. Освящена первая церковь ноября въ 26 день, а другая декабря въ 16-й день нынѣшняго 7182 (1674) г. И построены въ тѣхъ церквахъ царскіе двери и мѣстные иконы.... и Великомученика Георгія и Преп. Сергія и Св. Алексѣя, человѣка Божія, и надъ царскими дверми въ верхнихъ тяблахъ деисусы, и праздники, и праотцы, и кіоты новымъ строеніемъ Кіевскаго мастерства. И кіоты, и столпцы рѣзные позолочены и красками разными разцвѣчены. А книгъ мало. Потому что въ Киеве многихъ церковныхъ книгъ мы не добыли. И у той церкви велѣно служить Елецкому попу Артемью, потому что онъ въ Киевъ в́зятъ на вѣчное житье" и проч. [2]).—Должно полагать, что выстроенная кн. Трубецкимъ и Русскими ратниками церковь въ 1674 г. была деревянная и спустя семьдесять лѣтъ пришла въ ветхость. Въ 1744 г. Императрица Елисавета Петровна, въ бытность свою въ Кіевѣ, пожаловала значительную сумму денегъ на возсозданіе нынѣшней каменной приходской церкви, во имя того же Святаго [3]). Вокругъ церкви была устроена деревянная ограда, сперва въ 1755 г. а потомъ въ 1820 г.; теперь же нѣтъ никакой ограды. Въ 1808 г. на пожертвованную сумму митрополитомъ Серапіономъ исправлены поврежденія храма и устроенъ желѣзный куполъ. Приходъ этой церкви очень не великъ; древнихъ и замѣчательныхъ вещей она не имѣетъ. Въ ней погребено тѣло Константина Александровича Ипсилантія, Господаря Молдавскаго, который, во время войны Русскихъ съ Турками, для избѣжанія преслѣдованій Турецкаго Правительства, нашелъ въ 1798 г. покровительство въ Россіи, жилъ и умеръ 27 іюня 1816 г. въ Кіевѣ. Въ притворѣ, надъ прахомъ сего господаря, поставленъ памятникъ, въ коемъ вдѣланъ

Царя Алексѣя Михайловича о возобновленіи Георгіевскаго монастыря, но не достигъ просимаго и отъ себя построилъ. Здѣсь каждое слово невѣрно. Изъ Отписки ясно видно: 1) что кн. Т. не ходатайствовалъ, а просто *доносилъ*, 2) не о монастырѣ, а о *церкви*, 3) совсѣмъ не желалъ достигать просимаго, но сами Русскіе ратники *вызвались построить отъ себя*, а не на счетъ казны, 4) что князь не отъ себя построилъ церковь, но только *участвовалъ* въ постройкѣ Какая надобность представлять историческіе факты въ другомъ видѣ? [1]) Потому что по смерти Сильвестра Коссова въ 1657 г. до Гедеона Князя Четвертинскаго (1685—1690 г.) митрополиты не жили въ Кіевѣ. И Царь Алексѣй Михайловичъ поручилъ Лазарю Барановичу быть *Блюстителемъ* Кіевской митрополіи. [2]) Синбирскій сборникъ. Москва 1844. Отписка № 133. [3]) Сементовскій, на стр. 106, опять разсказываетъ удивительныя вещи. Онъ пишетъ: *Церковь та, какъ весьма непространная, потребовала для построенія и украшенія нѣсколько мѣсяцевъ (!) и въ томъ же 1744 году (!!) была освящена митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ. Главный алтарь церкви былъ (?) во имя Св. В. М. Георгія, а сѣверный придѣлъ во имя Захаріи и Елисаветы.* Замѣтимъ, что Государыня Елисавета Петровна прибыла въ Кіевъ августа 25-го, а оставила этотъ городъ въ сентябрѣ, 12-го числа. (См. нашу Лѣтопись, стр. 83). И такъ, для постройки каменнаго зданія остались половина сентября, октябрь, ноябрь, декабрь и такъ далѣе. Правда, церковь непространна, величина ея одинакова съ церковію Трехъ Святителей; т. е. длина 11-ть, ширина 6, а высота 9 саженъ. Теперь спросимъ архитекторовъ: Удобно ли, и полезно ли такой величины каменную церковь выстроить, украсить и даже приготовить къ освященію въ теченіи трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, и притомъ зимою? Между тѣмъ торопиться не было никакой надобности.

искусный барельефный портретъ его изъ бѣлаго мрамора; а подъ низомъ слѣдующая стихотворная надпись:

„Въ гробницѣ сей, родныхъ слезами орошенной.
Лежитъ владѣтель Ипсилантій незабвенный,
Что знаменитаго былъ Александра сынъ,
Высокій господарь, державный Константинъ.
Честь, слава Греціи, отчизнѣ лучъ спасенья,
Отъ ига тяжкаго—надежда свобожденья;
Съ кѣмъ милость и любовь, законъ и правота,
И мудрость совершенствъ другихъ всѣхъ красота,
Молдавскою страной и Влахской управляли;
Кому бы доблести безсмертье даровали,
Коль жизни смертнаго назначенный предѣлъ
Равнялся бы числу его великихъ дѣлъ.

§ 36. гимназія.

а) народное училище, б) вышняя гимназія, в) первая гимназія, г) вторая гимназія.

а) *Народное Училище.* — Императрица Екатерина II повелѣла учреждать по городамъ Народныя Училища. Одно такое было 1809 г. ноября 9-го заведено и въ Кіевѣ; оно было на Подолѣ, кажется недалеко отъ теперешней Александровской улицы; но пожаръ въ 1811 г. прекратилъ его существованіе, потому что въ Кіевѣ открыта была вскорѣ Гимназія. О состояніи этого Народнаго Училища мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакого свѣдѣнія; но сколько припоминаемъ, учениковъ было не очень много. Кіевляне тогда еще охотно отдавали дѣтей своихъ въ Академію.

б) *Вышняя Гимназія.* Дворянство Кіевской Губерніи пожертвовало въ 1805 г. особый, свыше 450,000 рублей асс. простирающійся, капиталъ на содержаніе тамошней Гимназіи и нѣкоторыхъ Уѣздныхъ Училищъ. Правительство, согласно сему желанію, признало полезнымъ распространить курсъ ученія въ Кіевской Гимназіи и возвысить оную предъ другими сего рода заведеніями; въ 13 день октября 1811 г., дарованы ей Уставъ и Штатъ съ особыми правами и преимуществами [1]). Кіевск. Гимназія открыта въ 1812 г. января 30.; въ Уставѣ и своей печати имѣла она названіе „*Кіевской Вышней Гимназіи*;" она состояла изъ одного пріуготовительнаго и четырехъ высшихъ классовъ; въ каждомъ изъ нихъ прилежные ученики находились по одному году. Въ ней преподаваемы были языки: Русскій, Польскій, Нѣмецкій, Французскій, Латинскій и Греческій. Изъ предметовъ, въ силу Устава, преподаваемыхъ исключительно на Русскомъ языкѣ, были слѣдующіе: Законъ Божій, Философія и Наука о Торговлѣ, Словесность, Исторія и Политическая Экономія, Географія, Высшая и Низшая Математика, Физика, Химія, Технологія, Римское и Русское Права, Естественная Исторія и

[1]) См. Докладъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія 8 нояб. 1833 г.

Сельское Хозяйство, Архитектура, Фортификація; изъ искусствъ были введены Рисованіе, Музыка, Фехтованіе и Танцованіе. Ученики четвертаго или послѣдняго класса, по окончаніи полнаго курса, подвергались экзамену, продолжавшемуся обыкновенно около двухъ недѣль (потому что цѣлое утро посвящалось экзамену изъ одного только предмета), и достойные получали званіе Дѣйствительнаго Студента. Въ § 15 Устава сказано: „Получающій утвержденіе въ Студентскомъ званіи пользуется *всѣми правами* Студентамъ Университетскимъ предоставленными."—Но это учебное заведеніе было энциклопедическое, которое могло дать скорѣе блестящее, нежели основательное, воспитаніе, тѣмъ болѣе, что на языки, даже на древніе, которые всегда почитались основаніемъ учености, ближайшее тогда начальство не обращало особеннаго вниманія. Почему Правительство, не желая выводить заведеній сего рода изъ предназначеннаго для ихъ круга дѣйствія, какъ училищъ предуготовительныхъ для Университетовъ, сообразно Уставу Гимназій отъ 1828 г., и особенно по случаю заведенія въ Кіевѣ Университета Св. Владиміра, опредѣлило *Вышней* Кіевской Гимназіи быть на общихъ правахъ, данныхъ въ Государствѣ всѣмъ Гимназіямъ.

в) *Первая Гимназія.*—Въ слѣдствіе сего и Кіевская Гимназія съ 15-го февраля, 1834 г. сначала руководствовалась Общимъ Уставомъ 1828 г. который впослѣдствіи былъ измѣненъ. Она названа *Губернскою Первою*, потому что, по многочисленности учениковъ, основана и другая, подобная ей. Въ 1831 г. учрежденъ былъ при этой Гимназіи *Благородный Пансіонъ* на 60 воспитанниковъ. Возрастающее число пансіонеровъ побудило открыть еще другой такой же Пансіонъ. Число воспитанниковъ между тѣмъ безпрестанно возрастало.—Бывшая *Вышняя*, а потомъ *Первая* Гимназія по августъ 1857 г. помѣщалась на *Кловѣ*, въ каменномъ Дворцѣ о двухъ этажахъ Французской 17-го вѣка архитектуры весьма пріятнаго вида. При Дворцѣ семъ находилась прекрасная липовая съ прямыми аллеями роща. Дворецъ выстроенъ въ 1744 г. и роща заведена Печерскою Лаврою еще до 1786 г. (см. Кловъ, § 72). Съ 1835 г. на мѣстѣ истребленной рощи, стоятъ теперь деревянные домы; улицы проведены прямыя.—Отъ 1811 до 1834 г. въ бывшей Вышней Гимназіи число учениковъ, разумѣется было не каждый годъ одинаково; но сколько мы припомнимъ, едва ли превышало число 200. Въ этомъ заведеніи обучались большею частію дѣти Кіевскихъ жителей. Система обученія была очень неудовлетворительна, учителя не были знакомы съ педагогическими пріемами. Выучиваніе наизусть уроковъ было главнымъ и единственнымъ дѣломъ. Со времени преобразованія Гимназіи число учениковъ чрезвычайно увеличивалось.—Въ Кловскомъ же Дворцѣ помѣщалось и Кіевское Повѣтовое или Уѣздное Училище, состоявшее изъ трехъ классовъ. Въ первомъ классѣ отличался своею полезною дѣятельностію почтенный мужъ Василій Трофимовичъ Козачинскій, который въ продолженіи сорокалѣтней службы своей вѣроятно былъ учителемъ цѣлой половины Кіева.

Съ 1857 г. Первая Кіевская Гимназія переведена въ великолѣпное

зданіе, коего главный корпусъ состоитъ изъ четырехъ этажей, а боковые изъ трехъ. Оно находится близъ Университета, на углу Владимірской улицы и Университетскаго бульвара; первоначально предназначалось для Кіевскаго Кадетскаго Корпуса. Въ зданіи этой Гимназіи устроена домовая церковь во имя Св. Николая, и Латинская каплица. Въ 1860 г. первая Гимназія окончательно преобразована въ открытое заведеніе, а въ слѣдствіе этого число вольноприходящихъ учениковъ значительно увеличилось.

в) *Вторая Гимназія*—открыта по той причинѣ, что приливъ учениковъ въ Первую былъ очень великъ. Первоначально въ 1834 г. она была помѣщена на Подолѣ, въ домѣ, купленномъ у Блотницкаго, близъ церкви Св. Николая Притиска; потомъ временно находилась близъ бывшаго деревяннаго Театра на Крещатикѣ, а теперь помѣщается въ прекрасномъ зданіи на шоссейномъ Университетскомъ бульварѣ, почти въ сосѣдствѣ Первой Гимназіи. Для жителей Кіева было бы, кажется, удобнѣе, еслибы одна изъ этихъ Гимназій помѣщалась на Подолѣ.

§. 37. ГЛУБОЧИЦА.

Урочище это находится съ западной стороны Кіево-Подола; это—глубокое удоліе между Кудрявскимъ возвышеніемъ и Скавицкою горою; начинается отъ Подольской площади, называемой *Житнымъ Торгомъ*, тамъ, гдѣ гора Скавика своею юго-восточною стороною находится въ ближайшемъ разстояніи отъ горы Киселевки, и гдѣ въ древности былъ Копыревъ Конецъ. Почти по прямому направленію къ западу, касаясь мѣста Горшечниковъ и Кожевниковъ (Гончаровъ и Кожемякъ), Глубочица простирается далѣе отъ Подола на двѣ версты и составляетъ Глубочицкій выѣздъ, по которому съ древнихъ временъ отъ Подола проходила дорога на Бѣлогородку въ Галицію и Польшу.—Мѣсто сіе покрыто жилищами съ кривыми улицами, изъ коихъ главная, начинающаяся отъ сѣверовосточнаго Кудрявскаго утеса до самаго выѣзда за городъ, была очень грязна, по причинѣ Глубочицкаго ручья, который вытекаетъ изъ озера, находящагося въ двухъ верстахъ отъ Кіево-Подола; но теперь вдоль ручья отъ Житнаго Торга до Кадетскаго корпуса (Военной Гимназіи) проведено очень удобное, возвышенное шоссе, которое важно для города въ торговомъ отношеніи, но его сильно портитъ упорный ручей. Этотъ Глубочицкій ручей протекаетъ все урочище, и потомъ соединясь, возлѣ горы Киселевки, близъ Воздвиженской церкви, съ ручьемъ *Кіянкою*, прямымъ каналомъ проведенъ поперегъ Подола къ Днѣпру. Замѣтимъ, что Кіевляне предпочитаютъ *Глубочицкую воду* въ источникѣ, равно какъ и *Буславскую*, всякой другой, находящейся въ этомъ городѣ. Въ Лѣтописяхъ мы не встрѣчаемъ слова *Глубочица*, и это подаетъ намъ поводъ думать, что сіе названіе произошло въ недавнія времена. Глубочицкая вода протекала прежде къ Днѣпру чрезъ Кіевоподолъ путемъ, какой сама себѣ избрала; но послѣ пожара въ 1811 г., прорѣзанъ отъ Глубочицы до Днѣпра каналъ по прямому направленію, который дѣлитъ Кіевоподолъ на двѣ почти рав-

ныя половины. Ровъ этотъ часто заносило пескомъ, иломъ и размывало. Наконецъ, въ 1839 г., послѣ сильнаго наводненія отъ дождя 25 и 26 мая, каналъ этотъ былъ совершенно поврежденъ. На мѣстѣ его прорѣзанъ новый, вымощенъ по дну камнемъ, а берега уложены дерномъ и обнесены перилами; по сторонамъ разсажены, въ два ряда, деревья, и каналъ, или какъ говорятъ Кіевляне, *Канава* сдѣлалась для Подолянъ на нѣкоторое время, булеваромъ, служившимъ для вечернихъ прогулокъ; но этотъ булеваръ теперь не поддерживаютъ.

§ 38 ГЛѢБОВЪ, МСТИСЛАВОВЪ И БОРИСЛАВОВЪ ДВОРЫ.

Подъ 1147 годомъ: *Идяхуть людье по мосту убити Игоря; онъ же* (Владиміръ) *не могъ ихъ минути, уворити коня на право мимо Глѣбовъ дворъ.... Игорь въста и вниде въ дворъ Мстиславль.* (Лаврен.; подробнѣе см. въ статьѣ Бабинъ торжокъ § 15.) По соображеніи обстоятельствъ съ мѣстоположеніемъ *Глѣбовъ* дворъ былъ возлѣ вала, на мѣстѣ бывшей до 1858 г. деревянной Троицкой церкви, или близъ оной, къ югу отъ Ѳеодоровскаго монастыря, на Старомъ Кіевѣ. Но о дворѣ *Мстиславовомъ* можно только сказать, что онъ былъ въ Андреевскомъ Отдѣленіи Стараго Города, недалеко отъ Княжескаго дворца. (Срав. § 15).—О *Бориславлѣ* дворѣ подъ 1151 г.: *Изяславъ Давидовичь ста межи Золотыми вороты и межи Жидовьскыми, противу Бориславлю двору* (Ипат. 60 см. Аскольдова могила § 14). Слѣдовательно, дворъ этотъ былъ въ Софійскомъ Отдѣленіи Стараго Города, въ западной сторонѣ онаго, близъ крѣпостнаго вала.

§ 39 ГОЛОСѢЕВСКАЯ ПУСТЫНЬ.

Голосѣевская пустынь лежитъ отъ Печерской Лавры на югъ, отстоя отъ оной, по ближайшей дорогѣ, почти на восемь верстъ, отъ Китаевской пустыни на западъ въ пяти верстахъ, отъ Днѣпра удалена, по прямому направленію, на четыре версты. Она расположена на ровномъ, лѣсистомъ удоліи, ограничиваясь къ сѣверу нѣсколькими оврагами, съ юга течетъ Китаевскій ручей, а за нимъ поднимаются лѣсистыя возвышенности. Вообще мѣстоположеніе Голосѣевской пустыни уединенно и живописно. Пустынь эта издавна принадлежала Лаврѣ, а благоустройству ея положилъ начало Петръ Могила. До того времени она была только хозяйственнымъ хуторомъ Лавры, но прекрасное мѣстоположеніе этой пустыни обратило на себя вниманіе сего архимандрита Печерскаго. Съ самаго вступленія своего въ начальство надъ сею обителію съ 1631 г. устроилъ онъ тамъ церковь во имя одного изъ родственной ему Молдавіи, Св. Великомученика Іоанна Сочавскаго, коего часть мощей положилъ въ семъ храмѣ. Построилъ для себя домъ, завелъ садъ и учредилъ монастырь. Преемники его еще болѣе украсили это мѣсто для отдохновенія и успокоенія своего. Слѣды этихъ украшеній, по свидѣтельству преосв. Евгенія [1]), видны и до нынѣ, особливо

[1]) Опс. К. Лавры, стр. 309

въ обширномъ саду. Пустынь сія съ монахами, жившими въ ней, постоянно завѣсила отъ Лавры; но при введеніи въ Малороссійскія епархіи въ 1786 г. духовныхъ штатовъ, была предоставлена въ непосредственное управленіе, на ставропигіальномъ положеніи, со штатомъ третьеклассснаго монастыря, уволенному съ пенсіею Кіевопечерскому Архимандриту, Зосимѣ Валькевичу до кончины его, которая послѣдовала 13 марта 1793 г. По свидѣтельству нѣкоторыхъ, Валькевичъ, живя въ этой пустынѣ, разводилъ садъ и рощу; въ послѣдней онъ, разсадкою деревьевъ, изобразилъ планъ Великой Лаврской церкви. Спустя семь лѣтъ [1]), по смерти Валькевича, монастырь Голосѣевскій, со штатомъ монаховъ, упразднень; а земли съ хозяйственными на нихъ заведеніями вновь приписаны къ угодіямъ Печерской Лавры. По уединенному положенію Голосѣевской пустыни, Кіевскіе митрополиты преимущественно избирали ее для лѣтняго своего пребыванія; въ особенности любилъ ее преосв. Филаретъ Раичъ-Амфитеатровъ, который также участвовалъ въ приношеніяхъ при постройкѣ въ 1846 г. въ этой пустынѣ каменной церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, съ двумя придѣлами; изъ коихъ одинъ во имя Великомученика Іоанна Сочавскаго, коего и мощи тамъ находятся, а другой во имя Трехъ Святителей. Вообще митрополитъ Филаретъ старался обстроить пустынь каменными келліями, обвелъ ее каменною оградою и учредилъ скитъ. Кромѣ главной церкви, въ Голосѣевской пустыни находится еще другая, во имя Преподобнаго Печерскаго Іоанна многострадальнаго, при настоятельскихъ келліяхъ, и третья, небольшая деревянная церковь во имя живоначальнаго источника Пресвятыя Богородицы. Похилевичъ [2]) свидѣтельствуетъ, что окрестности Голосѣевской, равно какъ и Китаевской пустынь, сдѣлались въ послѣдніе годы, любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ многихъ жителей Кіева, располагающихся въ хижинахъ, устроенныхъ близъ пустыни.

§. 40. ГОНЧАРИ И КОЖЕМЯКИ.

Такъ на Малорусскомъ нарѣчіи называется мѣсто, занимаемое Горшечниками и Кожевниками. Оно находится къ юго-западу отъ Кіевоподола, между Кудрявскимъ возвышеніемъ и горою Киселевкою, отъ ручья Глубочицы до сѣверной стороны Стараго Города, и расположено въ глубокомъ удоліи, въ которомъ протекаетъ ручей *Кіянка*, возлѣ горы Скавики соединяющійся съ ручьемъ *Глубочицею*. Удоліе это служило до 18-го вѣка естественною дорогою со Стараго Кіева (который въ древности назывался *Горою*) на Подолъ. Дорога эта начиналась вблизи бывшихъ Батыевыхъ воротъ, предъ коими былъ въ 12-мъ вѣкѣ *мостъ*; проходила удоліемъ Гончаровъ и Кожемякъ и оканчивалась Копыревымъ Концемъ, лежавшимъ между горами Киселевкою и Скавикою,

[1]) А не *три* года, какъ ошибочно показалъ Похилевичъ. Кіев. губ Вѣдом. 1865. стр. 41. стр. 41. [2]) Тамъ же.

близъ теперешняго Житнаго Торга; но съ устроеніемъ въ началѣ 18-го вѣка дороги по Андреевскому взвозу, какъ кратчайшему, древняя Кожемяцкая дорога оставлена, а въ новѣйшее время близъ Стараго Города засыпана, застроена и загорожена. Гончари и Кожемяки застроены деревянными домами, неправильно расположенными; улицы кривы и грязны. Урочище это причисляется къ Старокіевской части; здѣсь находится, подъ горою Киселевкою, съ западной ея стороны, на главной улицѣ, каменная церковь Воздвиженія Святаго Креста, а въ нижнемъ этажѣ придѣлъ во имя Св. архистратига Михаила, о которой упомянуто на своемъ мѣстѣ. Въ 1604 г., когда сильно распространялась Унія въ Малороссіи, Уніатскій Митрополитъ, Ипатій Поцѣй, въ угожденіе Папѣ Клименту исходатайствовалъ указъ у Короля Польскаго, Сигизмунда III отдать часть Кіево-Подола, Кудрявскій Замокъ и все урочище Кожевниковъ, подъ вѣдомство духовенства Латинскаго, отъ котораго избавила Кіевлянъ мощная рука Богдана Хмельницкаго въ 1654 г.—Гетманъ Мазепа, универсаломъ отъ 19 іюля 1689 г., запрещая, кому бы то ни было брать подводы у Кіевскихъ обывателей [1]), подтверждаетъ права жителей Кожемякъ такимъ образомъ: „Полковничіе высланые для приватной роботизны, за мѣстомъ (*за городомъ*, *на форштатѣ*, *въ предмѣстіи*) мѣшкаючихъ жителей, прозываемыхъ Кожемякъ, отъ тяглости и сполнаго (*общаго*) порядку мѣского цале отнимаютъ, которыхъ жалованною Монаршою грамотою имъ въ одностайность (*сравнивая съ прочими жителями*) утвержено; въ чомъ просили собѣ нашей реиментарской помочи и обороны. Теды мы реиментаръ, давши такъ слушной (*основательной*, *разумной*) ихъ пановъ войта и мѣщанъ Кіевскихъ прозьбѣ въ себе мѣстце, а вѣдаючи запевне, же въ грамотѣ Монаршей жалованной...... выражено есть...... чтобъ и Кожемяцкіе жители всегда отъ мѣщанъ не отдѣлены були, але въкупѣ зъ мѣстомъ, подъ порядкомъ ратушнымъ всякую тяглость и повинности отбували, выдаемъ сей нашъ универсалъ....... жебы якъ самъ панъ полковникъ Кіевскій, такъ и его высланые, и сотникъ тамошній не смѣли ни на якую особливую и приватную свою роботизну въ свое всегдашнее послушенство отъ мѣста (*города*) отрывати“ и проч. [2])

§. 41. ГОРДЯТИНЪ И НИФОВЪ ДВОРЪ.

Подъ 945 г.: *Градъ же бѣ Кыевъ* (т. е. крѣпость), *идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Нифовъ* (въ Кенигсб. *Никифоровъ*), *а дворъ Княжь бяше в-городѣ* (Лаврен. 27) Невозможно съ точностію показать мѣста, гдѣ былъ этотъ дворъ, но во всякомъ случаѣ въ нынѣшнемъ Андреевскомъ Отдѣленіи Стараго Кіева, между Трехсвятительскою и Андреевскою церквами. Подробнѣе въ § 125. Теремные дворцы.

[1]) См. нашу Лѣтоп. стр. 66. [2]) Акт. Запад. Росс. Т. V.

§. 42. госпитали.

На Печерскѣ, съ югозападной стороны онаго, возлѣ *Новой Слободы* и *Ямокъ*, основаны въ половинѣ XVIII столѣтія. Это видно изъ путешествія полковаго врача, Іоанна Лерхе, бывшаго въ Кіевѣ въ 1770 и 1771 годахъ. Описывая въ своемъ дневникѣ довольно подробно городъ Кіевъ и бывшую въ то время моровую язву, Лерхе говоритъ, что Госпитали были въ Печерской части; притомъ же изъ многихъ другихъ обстоятельствъ, имъ упоминаемыхъ можно заключить, что они были на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь находятся. Заведеніе это, занимающее значительное пространство, было выстроено изъ дерева и, кромѣ нѣкоторыхъ пристроекъ, состояло изъ девяти большихъ корпусовъ, въ которыхъ до тысячи больныхъ могли находить мѣсто. Въ одномъ изъ среднихъ корпусовъ была весьма хорошо устроенная церковь во имя Св. Пантелеимона. Аптеки, жилища для врачей и кухня находились въ другихъ зданіяхъ. Съ 1835 до 1845 г. на мѣсто деревяннаго выстроенъ Госпиталь каменный изъ трехъ огромныхъ корпусовъ на 1800 человѣкъ больныхъ. При госпиталѣ состоятъ: главный докторъ съ двумя помощниками, 17 ординаторовъ, 24 фельдшера, 160 фельдшерскихъ учениковъ, аптекарь, съ помощникомъ и 4 учениками, 6 чиновниковъ, 13 писарей, 12 сестеръ милосердія и 324 человѣка прислуги изъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ заведеніи устроена церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы. Священникъ получаетъ жалованья около 400 рублей.

§. 43. гостиный дворъ.

рынки или базары.

Это посреди Кіевоподола каменное, въ одинъ этажъ зданіе, съ коридорами, довольно сносной архитектуры, въ видѣ продолговатаго четыреугольника, внутри коего находится пространный дворъ. Южная и сѣверная стороны Гостиннаго Двора содержатъ по 50 саженъ, а западная и восточная по 30. Снаружи и внутри строенія находятся лавки, коихъ числомъ 52 и 6 въѣздныхъ воротъ. Большая часть лавокъ принадлежитъ купцамъ, другія же Городской Думѣ. Гостиный Дворъ заложенъ еще до пожара въ 1809 г., но улучшенъ и поновленъ въ 1828 г. Вокругъ этого зданія находится обширная площадь, украшенная Братскимъ монастыремъ, Успенскою церковію, Сампсоновскимъ фонтаномъ, Контрактовымъ и другими лучшими купеческими домами.

Говоря о Гостиномъ Дворѣ, упомянемъ кстати и о Кіевскихъ *Базарахъ* или *Рынкахъ*, гдѣ продаютъ съѣстное и проч.

1) *На Старомъ Городѣ.* — Древнѣйшій рынокъ, или какъ его Лѣтописцы называли *Бабинъ Торжокъ* былъ возлѣ Десятинной церкви, о чемъ упомянуто въ § 15-мъ. Въ 18-мъ столѣтіи и въ началѣ нынѣш-

няго Торгъ былъ возлѣ Софійскаго монастыря, гдѣ теперь выстроенъ домъ для церковно-служителей сего Собора. Въ сороковыхъ годахъ переведенъ на площадь, изстари называемую *Козьимъ болотомъ*, гдѣ улицу *Крещатицкую* пересѣкаютъ улицы *Институтская*, въ старину *Ивановская*, съ Печерска, и *Житомирская* отъ Стараго Кіева. На этомъ *Крещатицкомъ базарѣ* собирается каждый день, вечеромъ, *Толкучій Рынокъ*.

2) *На Подолѣ.* — Въ этой части Кіева Исторія указываетъ на древнее существованіе *Торговаго* мѣста, или рынка, у *Туровой Божницы*, но безъ всякой отчетливости. Съ 15-го вѣка до нашихъ дней на Подолѣ находятся постоянно два базара, изъ коихъ одинъ для мелочной торговли и по утрамъ для *Толкучаго* рынка, собирается близъ Гостинаго Двора и Сампсоновскаго фонтана; а другой, болѣе для продажи мучныхъ товаровъ на *Житномъ Торгу*, у подошвы горъ Кисилевки и Скавики, раздѣленныхъ Глубочицкимъ каналомъ. Въ 17-мъ вѣкѣ Житный Торгъ былъ на мѣстѣ между монастырями Петропавловскимъ и Флоровскимъ.

3) *На Печерскѣ.* — Теперешній Печерскій рынокъ, до сороковыхъ годовъ, назывался *Новымъ Базаромъ*, потому что старый деревянный гостиный дворъ и возлѣ него базаръ находились близъ деревянной церкви Св. Владиміра, на Печерской эспланадѣ, недалеко отъ западныхъ (старыхъ) крѣпостныхъ воротъ. Старый, Печерскій, деревянный гостиный дворъ сгорѣлъ въ 1817 г; (мы помнимъ, это было вечеромъ); послѣ этого пожара лавки были выстроены при оградѣ нынѣшняго Военнаго Собора, бывшаго Пустынно-Николаевскаго монастыря, а базаръ переведенъ на теперешнее мѣсто Печерскаго рынка и названъ *Новымъ*; но названіе это со временемъ забыто. На этомъ мѣстѣ съ 1800 г. стоялъ деревянный Латинскій костелъ, который тоже сгорѣлъ въ 1817 г., а съ 1837 г., въ ряду домовъ, сооружена небольшая каменная церковь Св. Ольги.

4) *Лыбедская* часть, или *Новое Строеніе.*—Здѣсь заведены два базара: одинъ на пространствѣ между Львовскими или Житомирскими воротами и Шулявщиною, или Кадетскимъ Корпусомъ, а другой рынокъ находится у перенесенной съ Печерска Владимірской церкви, недалеко отъ Васильковскаго выѣзда. Оба эти рынка незначительны.

§ 44. государевъ садъ и дворецъ.

заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ.

Садъ этотъ къ югу имѣетъ границею Печерскъ, или собственно урочище *Провалье*, къ западу Александровскую улицу, къ сѣверу Старый Городъ и Крещатикъ, а къ востоку стремнистый и высокій уступъ горы, которая сопровождаетъ берегъ Днѣпра. Государевъ деревянный Дворецъ на каменномъ нижнемъ ярусѣ и съ каменными флигелями, пространнымъ позади садомъ, оранжереями и виноградникомъ, заведенъ

около 1753 г., по повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны (см. Указъ въ § 9. Андрея П. ц.). Но этотъ прекрасный дворецъ сгорѣлъ въ 1819 г., и нижній этажъ главнаго корпуса оставался въ разрушеніи до 1834 г.; въ этомъ же году, въ маѣ мѣсяцѣ, учреждено Заведеніе Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ. Съ этого времени Дворцовое зданіе вновь отстроено со вкусомъ и удобностями. Государевъ садъ имѣетъ самое прелестное мѣстоположеніе, между тѣмъ и искусство умѣло придать ему еще больше красоты. Не желая хвалить мѣстъ своей родины, привожу здѣсь слова Берлинскаго: „При семъ случаѣ нельзя не сказать нѣсколько словъ въ похвалу Кіевскихъ мѣстоположеній. Часть сего Дворцоваго сада, находящаяся на краю высокой горы, крутизною обращенной къ Днѣпру, есть наилучшее мѣсто для обозрѣнія разнообразныхъ картинъ природы, разбросанныхъ возлѣ Кіева. Въ лѣво видѣнъ весь многолюдный Кіевоподолъ, стелющійся отъ горы до окраивающей его блестящей воды. Видно издали теченіе излучистаго Днѣпра, впадающія въ него: Десну, рукавъ Черторыю, Почаину и другіе протоки, кои извиваясь по луговой сторонѣ, образуютъ разныхъ видовъ острова, озерки, заливы, пестрѣющіе зеленью кустовъ и бѣлизною песковъ. Сколь пріятны для любующихся глазъ сіи картины, столь могутъ быть и наставительны для наблюдательнаго духа. Примѣчая безпрерывное измѣненіе сихъ видовъ, отъ непостояннаго теченія водъ и вспомнивъ минувшія событія древняго Кіевскаго Княженія, кажется видишь во времени судьбу жившихъ и живущихъ“. Госпожа Л. Ярцова, въ своемъ сочиненіи, рисуетъ объ этомъ садѣ слѣдующую картину: „Расположенный амфитеатромъ со стороны города, онъ идетъ выше и выше до крутаго утеса, которымъ и оканчивается, спускаясь почти отвѣсно внизъ около 40 саженъ къ той необозримой долинѣ, по которой извивается широкій Днѣпръ. Замѣтьте, какъ свѣтъ и тѣнь съ каждымъ часомъ дня рисуютъ новыя картины на безподобномъ ландшафтѣ великолѣпнаго Царскаго сада, съ его пышной зеленью южнаго климата, съ его цвѣтущими кустарниками, отдѣльными группами развѣсистыхъ грецкихъ орѣховъ и кудрявыхъ липъ, или съ темною зеленью величавыхъ тополей, стоящихъ прямо, какъ огромныя свѣчи предъ трономъ Всевышняго! Внизу же ихъ мягкій, бархатный лугъ, расцвѣченный богатыми куртинами красивыхъ луковицъ, посаженныхъ щедрою рукою и взлелѣенныхъ благословеннымъ климатомъ, почти безъ помощи человѣческой. Полюбуйтесь свѣтомъ и тѣнью на высокихъ холмахъ и глубокихъ ущельяхъ, гдѣ на тоненькихъ тычинкахъ спѣетъ сочный виноградъ, шелковица, вишни и проч. Смотрите, какъ вьются вверхъ и внизъ по горамъ широкія и узенькія дорожки, усѣянныя пескомъ между пышной зеленью... Когда вы взойдете выше, на самое ребро утеса, вамъ представится необыкновенное зрѣлище. Если станете лицемъ прямо на сѣверъ, то съ правой руки и съ лѣвой увидите вы вдругъ двѣ совершенно разнообразныя картины. Слѣва къ западу весь городъ, расположенный по горамъ и долинамъ, съ прелестными домиками, осѣненными тополями и другаго рода зеленью,

окруженные цвѣтниками... Посмотримъ другую картину на право: тутъ уже совсѣмъ иное! Вверху одинъ блистательный, небесный сводъ съ его необъятнымъ горизонтомъ, а внизу, глубоко внизу, подъ ногами вашими, чудное живое зеркало, его отражающее—это вѣчно текущій Днѣпръ. Глубокія, прозрачныя воды его рисуютъ вамъ небо, какъ бы напоминая, что на землѣ мы должны стремиться къ небесному. А эта чуть видимая даль, это неясное начертаніе изгибовъ рѣки, которая съ той высоты, гдѣ вы стоите, кажется вамъ небольшою, таинственною.. Можно сказать, что лѣвая или западная сторона съ этого утеса представляетъ вамъ картину здѣшней жизни съ ея красотами и суетою; а правая—восточная, напоминаетъ о будущемъ святомъ и нетлѣнномъ мірѣ!" А въ другомъ мѣстѣ: „Много соловьевъ водится въ этомъ саду и въ другихъ: оттого майскіе вечера въ Кіевѣ бываютъ очаровательны. Какъ пріятно, какъ восхитительно поютъ они по вечерамъ и по утрамъ въ тѣни цвѣтущихъ, благовонныхъ акцій! Въ этомъ саду, гдѣ обманываетъ ихъ дикость нѣкоторыхъ мѣстъ, и куда летятъ они будьто въ дальній лѣсъ, ихъ водится множество, а между тѣмъ въ городѣ пѣніе ихъ слышно во всѣхъ домахъ, какъ бы они нарочно посажены были въ клѣтки. Прибавьте къ этому благоуханіе цвѣтовъ, теплый, благорастворенный воздухъ и темно-голубое небо, покрытое множествомъ блистающихъ звѣздъ, что на сѣверѣ можетъ быть только въ жестокій морозъ: все это неимовѣрно хорошо" [1]).—Императрица Екатерина II, въ бытность свою въ Кіевѣ отъ 29 января по 22 апрѣля 1787 г., останавливалась въ Государевомъ Дворцѣ и, любуясь очаровательною красотою Кіева, изъяснилась въ письмѣ своемъ къ Доктору Циммерману такъ: „Подлинно Кіевъ имѣетъ романическіе виды».—Измайловъ, Глаголевъ, Бантышъ-Каменскій, Блазіусъ и многіе другіе путешественники тоже восхищались красотою природы Кіевской.

Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ въ Государевомъ или Царскомъ Саду. — Въ 1834 г. образовалось акціонерное общество для приготовленія въ Кіевѣ искусственныхъ минеральныхъ водъ. Капиталъ, послужившій фондомъ для этого общества, состоялъ изъ 30,000 руб. ассигнаціями или 8,572 руб. 44 коп. сереб. Цѣна акцій 250 р. ассигн. или 71 р. 43 к. сереб. Городъ отдалъ этому заведенію зданіе бывшаго Дворца Государева, т. е. нижній каменный этажъ, уцѣлѣвшій отъ пожара въ 1819 г. и принадлежащіе къ нему каменные флигели. Въ главномъ зданіи устроенъ курзаалъ. Въ отдѣльныхъ помѣщено десять номеровъ ваннъ, также мѣста для приготовленія, храненія и продажи искусственной минеральной воды. Во флигеляхъ находятся комнаты для найма пріѣзжающими пользоваться водами и устроена гостинница.

И такъ заведеніе это существуетъ съ 1835 г. и въ теченіи 28 лѣтъ (по 1864 г.) пособіемъ его пользовались 3,347 больныхъ. Постоянно возрастающее число паціентовъ и постоянное возвышеніе бутылочной про-

[1]) Прогулка съ дѣтьми по Кіеву; стр 66 и 138.—Опис. Кіева Берлинскаго, стр. 57.

даже минеральныхъ водъ показываютъ возрастающее общественное и врачебное довѣріе къ заведенію.

Въ 1863 г. сезонъ начался съ 10 мая и продолжался по 1 сентября. Въ теченіи этого времени пользовались водами 213 лицъ обоего пола. Принято ваннъ вообще 349.

Основнаго капитала: во владѣніи акціонеровъ 352 акціи по 71 р. 43 к. на сумму 25,143 р. 36 к. *Приходъ* отъ 1862 г. наличными 13,933 р. 97 ¼. Отъ продажи водъ 14,840 р. 28 к. Отъ пользовавшихся ваннами 2,900 р. 50 к. Отъ найма флигилей и проч. 2,424 р. 86 к. Итого 34,101 р. 61¼ к.

Расходъ служащимъ и работн. 3,671 руб. 92 к.; а всего вообще 22,589 р. 59¼ к. Чистой прибыли получено въ 1862 г. 7,369 р. 94 к. а въ 1864 г. было 5,387 р. 17 к. Предположено выдать дивидента по 21% на рубль, или по 15 р. на акцію [1]).

§. 45. ДВОРЯНСКАЯ КОММИССІЯ.

Два деревянные корпуса, значительной величины, на каменномъ фундаментѣ, соединеные галлереею, находились на Печерскѣ, на сѣверной сторонѣ Кловскаго урочища, по старой Ивановской, теперь Институтской улицѣ, которая въ древности служила сообщеніемъ Стараго Кіева съ Печерскою обителю и Берестовомъ. Въ домѣ этомъ, который имѣлъ огромными золотыми буквами надпись Dworzanska Kommissia, подъ предводительствомъ губернскаго маршала, дворянство имѣло свои собранія, особенно во время выборовъ; здѣсь также находилось Присутственное мѣсто. Въ 1816 г. въ семъ домѣ Кіевское дворянство давало балъ въ честь Императора Александра I, въ бытность его въ Кіевѣ. — Теперь на этомъ мѣстѣ выстроенъ великолѣпный каменный домъ, въ которомъ помѣщается *Контора Государственнаго Банка*. Главное зданіе въ два этажа; восемь колоннъ коринѳскаго ордена составляютъ легкій и красивый портикъ. По сторонамъ главнаго зданія находится по одному меньшему корпусу. Нѣтъ надобности въ историческомъ сочиненіи говорить о текущихъ операціяхъ Конторы Государственнаго Банка.

§. 46. ДЕМЕСТИКОВЪ ДВОРЪ.

Подъ 945 годомъ: *И бѣ внѣ града дворъ другыи, идѣже есть дворъ Демьстиковъ* (*Деместниковъ*), *за Святою Богородицею* (Лавр. 27). — Въ §. 125-мъ *Теремный княжій дворъ*, разыскано, гдѣ находился первоначальный Княжій Теремъ; близъ него былъ и дворъ Деместиковъ, или придворныхъ пѣвчихъ, въ сосѣдствѣ съ Десятинною церковью, къ сѣверовостоку отъ ней. — Демественное церковное пѣніе заимствовано

[1]) Сѣверная Почта. 1864. г. № 116.

Русскими отъ Грековъ. Въ 1051 г., по сказанію Степенной Книги (Т. I. стр. 224) и Никоновской Лѣтописи (Т. I. стр. 142), пріѣхали въ Кіевъ три Греческіе пѣвца съ семействами и научили Русскихъ Демественному пѣнію.

§. 47. ДЕСЯТИННАЯ ЦЕРКОВЬ.

а) ДВОРЪ МУЧЕНИКА ВАРЯГА, б) ДЕСЯТИННАЯ ЦЕРКОВЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ, в) РОДЪ ЕЯ ПОСТРОЙКИ. г) ЦЕРКОВЬ СВ. НИКОЛАЯ, д) ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ, е) НАДПИСИ, ж) НОВЫЕ ПОИСКИ И ПОСТРОЙКА.

Десятинная церковь знаменита въ Исторіи нашего отечества! На семъ мѣстѣ былъ:

а) *Дворъ мученика Варяга.* — Несторъ подъ 983 г. пишетъ. *И иде* (Владиміръ I) *Кыеву, и творяше потребу кумиромъ съ людьми своими; и рѣша старьци и боляре: „Мьчемъ жребьи на отрока и на дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ." — И бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идѣже есть церкви святая Богородица, юже содѣла Володимеръ* (Лаврент. стр. 35.).

б) *Десятинная церковь Успенія Пресв. Богородицы:—Посемь же въ лѣто* 6497 (989 г.) *Володимеръ живяше въ законѣ Хрестьяньстѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица, пославъ приведе я мастеры отъ Грекъ, и начешю же здати и яко скончa зижа, украси ю иконами, и поручи ю Анастасу Корсунянину; и попы Корсуньскыя пристави служити в ней, и вда ту все, еже бѣ взялъ в-Корсуни, иконы и сосуды и кресты* (Лаврент.). И такъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ пострадали первые мученики за Христіанство, на сѣверозападной сторонѣ *Древнѣйшаго Кіева*, или въ нынѣшнемъ Андреевскомъ Отдѣленіи, заложилъ Владиміръ, 989 г., каменную церковь въ честь Успенія Богородицы, (?) извѣстную въ нашихъ Лѣтописяхъ болѣе подъ именемъ *Десятинной*, приведенной къ окончанію подъ надзоромъ Цареградскихъ архитекторовъ въ 996-мъ году.

Князь Владиміръ опредѣлилъ десятую часть доходовъ изъ своихъ удѣльныхъ имуществъ (apanage) на содержаніе этой церкви, отъ чего она получила и названіе *Десятинной. Въ лѣто* 6504 (996 года) *Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ въ ню, и помолися Богу.... и рекъ сице: «Даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть.»—И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: „Аще кто сего посудить, да будеть проклятъ." — И вдасть десятину Анастасу Корсунянину* (Лаврент.) [1]).

[1]) Десятая часть съ хозяйственныхъ доходовъ и добычь отдавалась Царямъ и Духовенству, какъ въ древнихъ, такъ и въ среднихъ временахъ. Подать сія есть весьма древнее учрежденіе гражданскихъ обществъ. Доказательствомъ этого служатъ слѣдующія мѣста: Бытія XIV, 20. XVIII, 12. 1 Царств. VIII, 15. Матѳ. XXIII, 23. Луки XI, 42. XVIII, 12. Кормч. Книг. глав. I. прав. 4.—Восточные Императоры, для обезпеченія духовенства, законами уставляли для него подать. Юстиніаново Уложеніе I, 2. Eusebii Historia Ecclesiae, Lib X. cap. 6. Особенно десятая часть или десятинные доходы были введены въ VIII вѣкѣ, при Карлѣ Мар-

Несторъ наименовалъ Десятинный храмъ только *церковію Пресвятыя Богородицы*; но подъ 996 г., описывая построеніе Владиміромъ Преображенской Спаской въ Василевѣ церкви и осмидневное празднованіе освященія ея, говоритъ: *Праздновавъ Князь днии 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородица, и ту пакы сътваряше праздникъ великъ.* Митроп. Евгеній по этому думалъ, что Десятинная церковь, была во имя *Успенія* Богородицы. — Въ 1007 г. изъ Греціи привезены образа въ эту церковь. *Въ лѣто* 6515 *пренесени святии (иконы) въ святую Богородицю* (Лаврен. 88, 92).

в) *Родъ постройки Десятинной церкви.*—Лѣтопись сообщаетъ намъ объ этомъ очень мало, прочее мы узнаемъ и догадываемся изъ наблюденій и открытій временъ позднѣйшихъ. Церковь эта сооружена Греческими зодчими. По слѣдамъ ея стѣнъ замѣтно, что она была четвероугольная, длина средины около 24, а ширина 16 саженъ. Восточная или алтарная часть фундамента, подобно Лаврской, или Михайловской, церкви, имѣла три выступа или округлости, изъ коихъ средняя округлость болѣе боковыхъ. Высота ея и самый фасадъ для насъ неизвѣстны. Десятинная церковь, какъ Софійская и Трехсвятительская, складена изъ тонкихъ четыреугольныхъ кирпичей квадратной формы, на толстой известковой подмазкѣ, смѣшанной съ толченымъ же кирпичемъ. Открытіе сего древняго фундамента сдѣлалъ Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ въ 1824 г, на своемъ иждивеніи и сообщилъ его въ Описаніи Кіевск. Софіи. Оно послѣ обнародовано еще въ Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія 1836 г, нояб. кн. По остаткамъ, при этомъ случаѣ найденнымъ, и по извѣстію Протоіерея Леванды, можно догадываться о фасадѣ этой церкви, что она имѣла архитравъ, украшенный Греческою надписью и большими круглыми муравлеными розетами, наподобіе лѣпной работы. Въ 1824 и 1826 г. открыто, что карнизы состояли изъ гранита и по мѣстамъ изъ бѣлаго мрамора; стѣны украшены пилястрами. Внутренность была еще великолѣпнѣе: полъ мозаическій изъ тесаныхъ плитъ; особенно въ алтарѣ состоялъ изъ разноцвѣтныхъ мра-

телѣ, Карлѣ Великомъ, въ Польшѣ при Мечиславѣ. — Этому примѣру слѣдовали и Русскіе Князья. Такъ, въ Ипатіевск. Лѣт., подъ 1172 г., «*И пріѣхаша* (Половцы) *къ Полоному, къ Св. Богородицѣ, къ граду Десятиньному.*» — Берлинскій (стр. 64): «Десятой части всего Государственнаго дохода.» — Не много ли!? Впрочемъ мысль эта выражена впервые въ Ипатіевской Лѣтописи, подъ 1172 г. Описывая побѣду В. Кн. Кіевскаго, Глѣба Юрьевича надъ Половцами, и освобожденіе жителей города Полоннаго, приписаннаго *къ граду Десятиньному* Святой Богородицы, Лѣтописецъ говоритъ: «Въ тоже лѣто чюдо створи Богъ и святая Богородица въ Кыевѣ, юже бѣ создалъ Володимеръ, иже крестилъ землю *и далъ бѣ десятину церкви той по всей Руськой земли.* (стр. 103). Кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ повторилъ ее и даже сожалѣетъ, что подобнаго обстоятельства не было и въ его время. A. dźiesięcinna dla tego ta Cerkiew była nazwana, iż wszystka Ruska ziemia dziesięcinę na te cerkiew dla ochędostwa y wychowania duchownych dawała. By takich architektow cerkwie nasze Czytelniku Prawosławny dotąd miały, podobno, by ochędożnością wszystkich Monarchów dostatki przewyszały. Niedziwuyźe się tedy, gdy opadłe y mniey ochędożne cerkwie baczysz. Bo takich dziesięcinnikow nie stało. (Patericon. стр. 16). Журавскій, Т. I. стр. 339 и многіе другіе тоже самое повторили за Берлинскимъ.

моровъ и другихъ камней, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ плитъ муравленыхъ, на подобіе кафеля. Въ Лѣтописи упоминается о верхнихъ хорахъ (*палатехъ*), какіе находятся и теперь въ Софійской, Лаврской и Михайловской церквахъ. Стѣны были покрыты по штукатуркѣ живописью альфреско; краски и теперь еще удивляютъ своею живостью; но очеркъ, судя по главѣ и рукѣ Ангела, поднесеннаго Государю Императору Николаю I, весьма несовершенъ. Приличныя мѣста были украшены колонами изъ бѣлаго мрамора, съ такими же базами, капителями и карнизами; цоколь состоялъ изъ полированнаго краснаго гранита. Стѣны алтаря были испещрены мусіею, обыкновеннымъ украшеніемъ тогдашнихъ временъ. Подобное сему и теперь можно видѣть въ алтарѣ Софійской церкви. Эта мусія, или мозаика, составленная изъ четыреугольныхъ разноцвѣтныхъ стекляныхъ камушковъ, изображаетъ по золотому полю лица и одежду Святыхъ по рисунку весьма ошибочному, но съ удивительною свѣжестію красокъ; работа болѣе трудная, нежели изящная, однакожъ интересна для любителей древности и знатоковъ искусства (Сравн. §. 121. Софійск. Соборъ. Мусія.). Владиміръ украсилъ сей храмъ иконами, сосудами и крестами, привезенными изъ Корсуня. Князья на память себѣ вѣшали въ немъ богатыя одежды и давали дорогія вещи, расхищенныя полчищемъ Андреевымъ въ 1169, и Рюриковымъ въ 1204 году. Во время осады Днѣпровской столицы Болеславомъ Храбрымъ (1018 г.), по срединѣ сего храма, какъ описываетъ современникъ, Дитмаръ, [1]) стояли мраморные гробы (sarcophagi) Владиміра I и супруги его, Анны, Царевны Греческой. Вотъ слова его: „Его (Владиміра) похоронили въ большомъ городѣ Куева (Cuieua, т. е. въ Кіевѣ), въ церкви Святаго мученика и Папы Климента, [2]) подлѣ супруги его Елены (Анны). Оба ихъ надгробія стоятъ открыто посрединѣ храма. Для соглашенія сего разнорѣчія, знаменитый нашъ Исторіографъ думалъ, что въ Десятинной церкви могъ быть придѣлъ, Св. Клименту посвященный. Ибо тамъ находились и мощи сего Папы, какъ сказано въ житіи В. Кн. Владиміра, въ Чет. Минеяхъ [3]). Въ этой же церкви, по сказанію Степенной Книги (Т. I., стр. 39), Владиміръ положилъ тѣло блаженной Ольги, которое, во время Несторово, было еще нетлѣнно. *Се бо вси человѣци прославляють, видяще лежащая в-тѣлѣ на многа лѣта* (Лаврен.). Противъ Десятинной церкви, на торговой площади (*Бабинѣ Торжкѣ*. Ипатіев. подъ 1147 г.), стояли двѣ статуи и четыре бронзовые коня, взятые Владиміромъ изъ Корсуня: *Взя же, идя, мѣдянѣ двѣ капищи и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за Св. Богородицею, якоже невѣдуще мнять я́ мрамаряны суще* (Лаврен. стр. 50). Въ Слѣдованной Псалтири, изданной въ Кіевѣ 1756 г., означено, что сія церковь освящена въ первый разъ 12 мая, 996 г.; это весьма вѣроятная догадка; въ 1017 г. она была повреждена сильнымъ пожаромъ,

[1]) Dithmarus restitutus. T. I. pag. 418. [2]) О мощахъ Св. Климента см. 3 кн. Кіевлянина М. 1850, Михаила Максимовича, стр. 139. [3]) Истор. Гос. Росс. Т. I. прим. 488.

истребившимъ великую часть Кіева; Ярославъ I возобновилъ, а митроп. Ѳеопемптъ освятилъ ее во второй разъ, по свидѣтельству Нестора, въ 1039 г. Въ ней 1044 г. погребены кости Олега и Ярополка, окрещенные, по воли Ярослава I. Въ 1078 г. погребено тѣло В. К. Изяслава Ярославича, а въ 1093 г. Ростислава Мстиславича [1]). Подъ 1093, 1150, 1151, 1171, 1172 г., и въ другихъ мѣстахъ, эта церковь названа въ Лѣтописяхъ *Десятинною* [2]).

Во время разоренія города Кіева Батыемъ, въ 1240 году, Десятинная церковь служила храброму боярину, Димитрію, и горсти отчаянныхъ Кіевлянъ, послѣднимъ оплотомъ. *Гражане создаша пакы другыи градв около святое Богородицѣ* (Ипат. 178), въ которомъ они еще цѣлый день защищались и наконецъ пали съ мечемъ въ рукахъ. Въ Ипатіевской Лѣтописи говорится, что хоры ея отъ укрывавшагося народа обрушились [3]). Лютый врагъ разорилъ эту церковь, и болѣе 4-хъ столѣтій представляла она взорамъ однѣ развалины и кучу камней, которыхъ большая часть разнесена жителями на свои потребности. Въ такомъ-то видѣ знаменитая Десятинная церковь оставалась до временъ Петра Могилы, или до 1636 года.

г) *Церковь Св. Николая.*—Кіевскій Митрополитъ Самуилъ Миславсій, сочинитель Краткаго Историческаго Описанія Кіево-Печерскія Лавры, изданнаго во второй разъ въ 1795 г., на стр. 80 пишетъ: „Митрополитъ Петръ Могила, имѣя обыкновеніе посѣщать святые храмы каждую субботу, въ нѣкое время пошелъ въ церковь, *Святителя Николая* оставшуюся по разореніи Батыевомъ отъ великія, называемыя Десятинныя церкви, гдѣ, отправивъ обычную свою молитву и, по выходѣ изъ оной, обозрѣвая окружности ея, увидѣлъ нечаянно, въ недальномъ разстояніи отъ новой церкви, небольшую въ землѣ яму и, любопытствуя, приказалъ глубше оное мѣсто разрыть: по исполненіи сего найдены два мраморные гробы, въ которыхъ, *по свидѣтельству положенныхъ на нихъ надписей* (?), лежали кости Св. Князя Владиміра и супруги его, Греческія Царевны, Анны. По открытіи гроба Св. Владиміра, помянутый Митрополитъ взялъ, въ воспоминаніе будущимъ родамъ, Великаго онаго Князя (только) *главу*, которую сперва положилъ въ церкви Преображенія Господня, имъ же Св. Владиміромъ, по свидѣтельству Лѣтописцевъ сооруженной, состоящей нынѣ внутрь крѣпости Печерской, близъ сѣверныхъ вратъ Лаврскихъ; потомъ тогожъ года, для безопаснѣйшаго его храненія, положилъ въ Великой Кіевопечерской церкви, гдѣ и понынѣ сіе дражайшее сокровище хранится“. Впрочемъ сочинитель прежняго Описанія Лавры не былъ строгъ въ выборѣ истины; это мы заключаемъ изъ слѣдующаго обстоятельства: Коссовъ, Кальнофойскій и Гизель были современниками Петра Могилы, но ни одинъ изъ нихъ не говоритъ *о церкви Св. Николая, будьто бы оставшейся по*

[1]) Лаврент. стр. 66, 67, 86 и 96. [2]) Лаврен. стр. 96. Ипатіев. стр. 51, 65, 100 и 103.
[3]) См. тоже Никоновск. Т. III. стр. 6. Синопсисъ, стр. 124.

разореніи Батыевомъ отъ Великія Десятинныя церкви, слѣдовательно, и бывшей еще до Петра Могилы. Напротивъ того, Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, въ предисловіи своего Патерика Печерскаго (Paterikon, abo Żywoty SS. Oycow Pieczarskich et cet, w Kijowie, roku 1635), говоритъ, что отъ древней Десятинной церкви, находящейся недалеко отъ бывшихъ Градскихъ вратъ *Кіевскихъ* до временъ Петра Могилы, въ 1635 г. оставались собственно только развалины, *и стоитъ часть одной стѣны, едва выдавшейся на поверхность* и что малая Десятинная церковь основана уже въ 1635 г., Петромъ Могилою, которой на семъ мѣстѣ раскопалъ и очистилъ развалины. Była ta cerkiew wedle Bramy *teraznieyszey Kiowskiey*, na gorze stojącey, ale oney, dla spustoszenia częstego Kiowa, mianowicie od Batyja Tatarzyna, ledwo szmat muru wyniosłego stoi, (стр. 16) а на другомъ мѣстѣ: „Ten cerkiew Naiswiętszey Panny Dziesięcinną przy Bramie Kiowskiey będąca, teraz z ziemnych ciemnosci wykopać kazał, y swiatłosci dniowey wygrzebioną podać. (стр. 181). Сіи слова Коссова и новѣйшія разысканія даютъ намъ право думать, что отъ первоначальной Десятинной церкви остался только югозападный ея уголъ, или одинъ придѣлъ, и что Могила, очистивъ сей придѣлъ отъ развалинъ, и пристроивъ къ нему алтарную сторону, учредилъ въ немъ небольшую церковь. Впрочемъ, ему не удалось окончательно ее устроить; вотъ слова его завѣщанія: „Na dokonczenie Cerkwi, nazwaney Dziesięcinney, ktorą restawrować poczołem, aby do końca restawrowana była, z szkatuły mojey gotowych Złotych tysiąc naznaczam y zapisuię, т. е. на окончаніе церкви, называемой Десятинною, которую я началъ возобновлять, дабы доконца возстановлена была, назначаю и отписываю изъ ларца моего наличными тысячу злотыхъ". — Иванъ Максимовичъ, въ своемъ Паломникѣ Кіевскомъ (стр. 37) разсказывая о обрѣтеніи Могилою главы Св. Владиміра въ развалинахъ Десятинной церкви, ссылается на Тератургиму Кальнофойскаго, стр. 4. Но о. Аѳанасій пишетъ слѣдующее: „Въ 1635 г. мы выкопали изъ развалинъ Десятинной церкви драгоцѣнное сокровище — святыя мощи". Вотъ слова его: „Po zesciu Ihora rząd Monarchiey spadł na syna jego wielkiego onego y Swiętego Włodzimirza (tego Roku Pańskiego 1635 Swięte Reliquiae w cerkwi Dziesięcinney prawie jako margaritę z popiolu, z rumow wygrzeblismy), ktory pierwszy Państwa Roxolańskie y siebie pierwszego w duchowney obmywszy Krztu swiętego Kąpieli, oswięcił» и проч. — Przedmowa въ Тератургимѣ. Страницъ не означено, но по счету 4-ая. И Такъ о. Аѳанасій сказалъ только: *мы выкопали*, wygrzeblismy. Кто же именно выкопалъ? Былъ ли при этомъ Петръ Могила? Все ли честное тѣло Св. Владиміра или только одну главу его? На все это нѣтъ прямаго отвѣта. Преос. Евгеній, какъ строгій почитатель истины, справедливо замѣчаетъ: „Неизвѣстно, откуду взято *все сіе* сказаніе о обрѣтеніи Петромъ Могилою и объ оставшейся Николаевской церкви на мѣстѣ Десятинной," и проч. [1]). Вотъ каковы бываютъ ссылки.

[1]) Описаніе Кіев. Лавры Евгенія стр. 113 и 200.

д) *Церковь Рождества Богородицы.*—Воздвигнутая знаменитымъ Могилою изъ развалинъ *малая* Десятинная церковь, вѣроятно, была освящена въ честь Рождества Богородицы, потому что до 1828 г. храмовой праздникъ совершался 8-го сентября. Въ послѣдствіи времени церковь эта пришла въ упадокъ; но въ 1758 г. возобновила ее монахиня Флоровскаго монастыря, Княгиня Нектарія Долгорукова, супруга извѣстнаго несчастливца, казненнаго въ царствованіе Анны Іоанновны. При возобновленіи церкви найдены были двѣ мраморныя надгробныя доски, опять зарытыя въ землю. Эти извѣстія, сообщенныя Левандою, находятся въ Исторіи Карамзина [1]). Въ семъ видѣ приходская Десятинная церковь оставалась до 1828 г.; она состояла изъ двухъ низкихъ этажей; нижній каменный былъ посвященъ празднику Рождества Богородицы и Святителю Николаю, отъ стоявшаго въ ней образа большаго размѣра сего Святителя; почему она была и въ городскихъ актахъ большею частію извѣстна подъ именемъ *Десятинной Николаевской церкви* [2]), а верхній, весьма малый, деревянный этажъ, надстроенный во время Петра Великаго, заключалъ въ себѣ храмъ во имя Св. Апостоловъ, Петра и Павла. Къ этой церкви пристроена была еще небольшая деревянная колокольня, едва возвышавшаяся надъ церковною кровлею. Кромѣ колокольни, все зданіе имѣло въ длину 6 саженъ, 2 аршина и 3 вершка, а въ ширину 3 сажени и 12 вершковъ со стѣнами, въ высоту до кровли 5 саженъ, а съ кровлею 8 саженъ. Все мѣсто вокругъ этой церкви покрыто кирпичнымъ щебнемъ и плитами лещаднаго камня (Argil. fundamentalis rubra). Вотъ каковъ былъ печальный, сожалѣнія достойный, остатокъ знаменитой Десятинной церкви, коея одно названіе напоминаетъ столь много важныхъ событій, совершившихся въ нашемъ отечествѣ! Остатокъ сей, по непрерывному преданію, показывалъ до нашихъ временъ то мѣсто, на которомъ стояла первобытная Десятинная церковь, столь важная для любителей отечественныхъ Древностей и посредствомъ которой можно, съ вѣроятностію, опредѣлить мѣстоположеніе и другихъ зданій, упоминаемыхъ въ Лѣтописи.

е) *Надпись.*—Въ этой малой церкви не было примѣтно никакихъ болѣе древностей, выключая нѣкоторыхъ Греческихъ литеръ, снаружи, на стѣнѣ, возлѣ южнаго окна высѣченныхъ выпукло на гранитѣ, темносѣраго цвѣта, вставленномъ въ трехъ мѣстахъ, въ слѣдующемъ видѣ: камень надъ окномъ съ двумя буквами Н: О; ниже сего камня другой съ тремя буквами G A Θ; потомъ слѣдуетъ окно, на другой сторонѣ коего, по той же горизонтальной линіи, находятся слѣдующія шесть съ одною четвертью литеръ: Ѡ′ М Є Ͻ′ С О Г. Каждая литера вышиною пять вершковъ, знакъ препинанія, двоеточіе послѣ Н и ударенія надъ Ѡ и Ͻ, и остатокъ одной буквы Р здѣсь также показаны. Объ

[1]) Т. I. примѣч. 488. [2]) Труды Общ. Истор. и Древностей Россійск. ч. V., кн. I., стр. 109.

этихъ буквахъ Бороздинъ и Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ пишутъ, что „на южной сторонѣ нынѣшней (то есть, бывшей до 1828 г.) Могилиной церкви вставлены въ трехъ полосахъ пять отломковъ гранитной плиты темносѣраго цвѣта съ Греческими буквами. Онѣ суть только самый малый остатокъ какой-то надписи и потому значенія оныхъ, за потерею прочихъ частей, отгадать едва ли возможно. Неизвѣстно также, на какой части церкви находилась надпись сія, и когда обломки ея вмазаны въ стѣну.“ [1]). Изображеніе ея, впрочемъ, невѣрное, можно видѣть въ Истор. Госуд. Россійск. Т. VIII., стр. 143 примѣчаній; въ Описаніи города Кіева Берлинскаго, тоже невѣрно снятое Решетинскимъ, стр. 150. Довольно приблизительно снято Художникомъ Ивановымъ, сопровождавшимъ Бороздина въ путешествіи по Россіи въ 1810 г. Мы предлагаемъ точное изображеніе этихъ Литеръ на бывшемъ до 1828 г. остаткѣ древней Десятинной церкви, на южной стѣнѣ, и потомъ вдѣланныхъ въ стѣну надъ окнами нынѣшней церкви. Изображеніе это съ возможною тщательностію снято нами съ натуры 26 іюня 1864 г. Бывшіе доселѣ снимки Берлинскаго и другихъ, неисключая даже Художника Иванова, отличаются отступленіемъ отъ оригинала и невѣрностію [2]).

ж) *Новые поиски и постройка.* —Малая Могилина Десятинная церковь отъ времени приходила въ ветхость. Незначительный ея приходъ и крайняя скудость доходовъ не могли ее поддерживать. Этотъ знаменитый остатокъ готовъ былъ превратиться въ развалины; но слѣдующій случай произвелъ его теперешнее возобновленіе. Курскій и Орловскій помѣщикъ, отставной гвардіи Поручикъ, Александръ Семеновичь Анненковъ, былъ, по надобностямъ своимъ, въ 1820 г., въ Кіевѣ. Уважая отечественныя Древности, онъ имѣлъ усердіе видѣть всѣ Кіевскія свя-

[1]) Замѣтки Бороздина въ рукописи. — Опис. Кіев. Софіи. стр. 8. [2]) Сементовскій: упоминая о надписи на стѣнѣ Десятинной церкви, пишетъ въ своей *Галереѣ* слѣдующее, „Карамзинъ полагаетъ, что буквы эти принадлежатъ *глагольской* азбукѣ“. (Галерея 1857, стр. 48). Тоже самое онъ повторяетъ и въ своемъ новомъ сочиненіи: *Кіевъ, его Святыня* и пр. 1864 г. на стр. 44: „Карамзинъ полагаетъ, по уцѣлѣвшимъ буквамъ, что надпись была изображена *глагольскими* буквами“. Замѣтьте однакожъ, что ссылки нѣтъ, — и быть ее не могло именно потому, что нашъ славный Карамзинъ нигдѣ не говоритъ, что упоминаемыя буквы принадлежатъ глагольской азбукѣ. Исторіографъ видѣлъ ясно, что это буквы Греческія, какія и теперь находятся въ Мозаическихъ надписяхъ Софійскаго Собора, въ Остромировомъ Евангеліи, и проч. Справясь съ Исторіею Государства Россійскаго, мы читаемъ: *Но мы имѣемъ церковныя Кирилловскія рукописи въ 1056 году; надпись Десятинной церкви принадлежитъ еще ко временамъ Св. Владиміра.* (Издан. 6. Т. I. стр. 111). Далѣе въ примѣч. 267: *По крайней мѣрѣ въ X вѣкѣ существовала Кирилловская грамота: сіи буквы видимъ уже въ надписи Кіевской церкви, достроенной въ 996 году.* (Стр. 116. Изд. 6-е). Въ томъ же примѣчаніи, страницею выше: *Кирилловскія письмена имѣютъ образъ Греческихъ девятаго вѣка* (см. *Монфоконову Греческ. Палеографію*). Мы можемъ только удивляться тому неуваженію къ памяти Исторіографа, чтобы взваливать на него собственное свое незнаніе, и не постигаемъ той смѣлости, говорить предъ публикою такія вещи. Ясно, что С. даже не видалъ глагольской азбуки. Въ богатомъ собраніи Христіанскихъ древностей П. И. Севастьянова, находящемся теперь при Московскомъ Публичномъ Музеѣ, авторъ Кіева и его Святыни могъ бы видѣть цѣлые, харатейные фоліанты, писанные древней Глаголицей, чтобъ имѣть объ ней какое нибудь понятіе.

щенныя и церковныя достопамятности; въ томъ числѣ и сію Десятинную церковь. Ветхость и скудость оной привели Анненкова въ чувство сожалѣнія, и великодушный чтитель священной Древности рѣшился, изъ собственныхъ способовъ возобновить Русскую первопрестольную Десятинную церковь. Но разныя обстоятельства отвлекли Анненкова на долгое время отъ исполненія своего намѣренія. Между тѣмъ, митрополитъ Евгеній, любитель и знатокъ Русскихъ Древностей, часто обозрѣвая мѣста и слѣды сего памятника, рѣшился съ 17-го октября, 1824 г. открыть весь фундаментъ, и на свое иждивеніе поручилъ сіе дѣло священнику Десятинной церкви Михаилу Кочоровскому и жившему въ Кіевѣ чиновнику 5-го класса Кодрату Андреевичу Лохвицкому, которые охотно приняли на себя это порученіе. Наняты поденные работники и въ два мѣсяца открытъ по фундаменту слѣдующій планъ:

1) Вся длина церкви, отъ горняго мѣста до западной стѣны паперти 24 сажени, а ширина отъ сѣвера къ югу 16-ть.

2) Восточная часть имѣетъ три округлости: одну среднюю, горняго мѣста алтаря продолговатую, а по сторонамъ двѣ малыя. Въ первой фундаментъ цѣлъ, а въ двухъ боковыхъ давно кѣмъ-то вынутъ и засыпанъ щебнемъ, такъ какъ и средняя часть сѣверной стѣны церкви, означенная на планѣ пунктиромъ. Но слѣды фундамента ихъ очевидны по рвамъ.

3) При сѣверной внѣшней стѣнѣ, внутри церкви, подъ буквою А, находится глубокая яма, или рытая любопытствовавшими, или образовавшаяся отъ обрушившагося погреба. Известковый щебень и каменный мусоръ въ ней доказываютъ больше послѣднее.

4) Отъ горняго мѣста алтарнаго къ западу на 10-ти саженяхъ простирается середина церкви, въ коей къ востоку, по обыкновенію Греческой церкви, долженствовалъ быть иконостасъ; въ сѣверной округлости жертвенникъ (буква а), а въ лѣвой діаконикъ или ризничная палата (буква б).

5) Отъ жертвенника и діаконика простираются къ западу по два фундамента, вѣроятно устроенные для погребовъ или могильныхъ склеповъ (буквы в в в в).

6) Между этими фундаментами, въ щебнѣ, посерединѣ церкви, найдено множество большихъ кусковъ архитектурныхъ поясовъ и карнизовъ изъ бѣлаго мрамора, обломки рисунковъ архитектурныхъ и лицевыхъ, живописи al-fresco, доказывающей, что ею украшена была вся середина церкви.

7) Въ алтарѣ найдено мѣсто престола (буква Г), устланное тесанными плитами, а около его большими звѣздообразными кругами въ цвѣтныхъ четвероугольникахъ прекраснѣйшій полъ мозаическій изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, яшмъ и стеколъ (буквы д д). Въ щебнѣ, надъ этимъ поломъ, множество осыпавшейся мелкой мозаики золоти-

стой и разныхъ цвѣтныхъ стеколъ, коими украшенъ былъ, вѣроятно, весь алтарь, какъ и въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Въ боковыхъ же притворахъ: жертвенника и діаконика найдены полы изъ плитъ муравленыхъ, наподобіе кафаля [1]). Но всѣ эти полы до весны 1825 г. были опять закрыты щебнемъ, потому что любопытствовавшій народъ началъ было растаскивать ихъ по частямъ.

8) Вся западная часть древней Десятинной церкви имѣетъ клѣтчатые фундаменты, неизвѣстно какіе притворы означающіе. Всего вѣроятнѣе, что эти фундаменты служили основою колонадамъ или аркамъ, на коихъ были полати или хоры, подобные тѣмъ, какіе находятся и донынѣ въ Софійскомъ соборѣ. О полатяхъ этой Владиміровой церкви упоминается въ нѣкоторыхъ Русскихъ Лѣтописяхъ, а за ними и въ Синопсисѣ (буква е). Дѣйствительно на среднихъ стѣнахъ, между клѣтчатыми фундаментами (подъ буквою Б) нашлись базы и обломки толстыхъ колонъ изъ бѣлаго мрамора, капителей ихъ и карнизовъ [2]).

9) На мѣстѣ, означенномъ буквою В, найдена изломанная на три части фигурная гробовая крышка, изъ бѣлаго мрамора, подъ коей въ щебнѣ открытъ остовъ, по замѣчанію врачей, женскій. При немъ нашелся только перстень и крестикъ.

10) На лѣвой, внутренней сторонѣ церкви, оказались три мѣста гробовыя, окладенныя гладко тесаннымъ камнемъ (буква Д). Въ восточной сторонѣ оныхъ видно основаніе ниши, вѣроятно служившее киво-

[1]) С. Крыжановскій, въ статьѣ своей о Кіевской мозаикѣ; 1856 г., называетъ такой кафель *ценинными плитами*. См. § 121. Софійскій Соборъ. [2]) Ипатіевск. Лѣтоп. Подъ 1240 г. „Въ лѣто 6748-е приде Батыи Кыеву въ силѣ тяжьцѣ, многомъ множьствомъ силы своеи, и окружи градъ, и остолпи (и оступи) сила Татарьская, и бысть градъ во обдержаніи велицѣ. И бѣ Батыи у города, и отроци его обсѣдяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревѣнія вельблудъ его, и рьжанія отъ гласа стадъ конь его; и бѣ исполнена земля Руская ратныхъ. Яша же въ нихъ Татарина, именемъ Товрулъ, и тъ исповѣда имъ всю силу ихъ: се бяху братье его сильныи воеводы: Урдюй, Байдаръ, Бирюй, Канданъ, Бечакъ и Меньгу и Кююкъ, (иже вратися, увѣдавъ смерть Канову, и бысть Каномъ. не отъ роду же его, но бѣ воевода его перьвыи), се Бѣдяй Богадуръ и Бурунъдай Багатырь, иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую; инѣхъ безъ числа воеводъ, ихъ же не исписахомъ здѣ. Постави же Баты порокы городу, подлѣ вратъ Лядьскыхъ, ту бо бѣаху пришли дебри; порокомъ же беспрестанни бьющимъ день и нощь, выбиша стѣны, и возіидоша горожаны на избыть (на избитые *Хлѣбн.*) стѣны, и ту бѣаше видѣти ломъ копеины и щитъ скепаніе, стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣженымъ, и Дмитрови ранену бывшу, взіидоша Татаре на стѣны, и сѣдоша того дне и нощи. Гражане же создаша пакы другыи градъ около Святое Богородицѣ. Наутрѣя же придоша на нѣ, и бысть брань межи ими велика; людемъ же узбѣгшимъ на церковь и на комары церковныя, и съ товары своими, отъ тягости повалишася съ ними стѣны церковныя, и пріятъ бысть градъ сице воими. Дмитрѣя же изведоша, язвена и не убиша его мужьства ради его. Батыю же вземшю градъ Кыевъ“ и проч (стр. 177). Въ Никоновской тоже, но распространено и украшено. Врата Лядьскыя названы Лѣтъцкая. См. Т. III, стр. 8 — Гизель, въ Синопсисѣ своемъ, воспользовавшись текстомъ Софоновича, заимствованнымъ изъ Кіевской (Ипатіевской) Лѣтописи, почти тоже самое повѣствуетъ: „Пріиде же проклятый Батый съ силою многою подъ Кіевъ и обступи его и нача пороки (машины) ставити и бити въ стѣны градскія. Людіе же изъ града крѣпко бранишася, а потомъ окрестъ Десятинныя церкве Пресв. Богородицы окопашася, и на полаты церковныя много людей возбѣгоша, яко отъ тяжести ихъ полаты обвалишася и многихъ побиша: а Татаре всея Россіи стольный и по всей подсолнечной славный царственный градъ Кіевъ взяша“ и проч (стр. 86).

томъ для иконъ и для неугасимой лампады. Первый отъ нея гробъ открытъ до дна и оказался засыпанъ щебнемъ, подъ которымъ ничего не найдено.

11) Фундаментъ поперечный, который отдѣляетъ притворы отъ настоящей церкви, (означенъ буквою Е); внутри этого фундамента открытъ каналъ изъ кирпича, весьма гладко складенный, вѣроятно для сухости пола.

12) Отъ западнаго входа въ церковь найденъ фундаментъ угла, вѣроятно колокольни или паперти, коей прочія части остались безъ разысканій, (буква ж).

По распоряженію м. Евгенія весь снимаемый щебень складыванъ былъ бережно вблизи того же фундамента, чтобы послѣ чрезъ просѣиваніе увѣриться, не отыщутся ли какія либо вещи. Между тѣмъ народъ, многочисленными толпами стекавшійся къ этой раскопкѣ, хваталъ мозаику, обломки мрамора, яшмы и разные мелкіе камни. Серебряники оправляли эту мозаику и камешки въ золотые и серебряные крестики, продавали народу, жаждавшему имѣть ихъ какъ Святыню и разсылали по Россіи. Это побудило испросить у гражданскаго начальства на зиму караулъ и оградить церковь тыномъ. Преосв. Евгеній началъ только это открытіе, но за отсутствіемъ въ Петербургъ, не могъ окончить. Послѣ него продолжали и другія лица; но безъ надлежащей ученой подготовки, не имѣли значительныхъ успѣховъ [1]).

Увѣдомясь объ этихъ открытіяхъ Анненковъ, снова озаботился исполненіемъ своего обѣта, и бывшій тогда городовой Архитекторъ, Меленскій, проектировалъ планъ, фасадъ и профиль трехъ-престольной церкви съ колокольнею; чертежи сіи, по Высочайшему повелѣнію, были препровождены въ Академію Художествъ для разсмотрѣнія. Въ 1826 г. поручено было Академическому Архитектору, Ефимову, освидѣтельствовать остатки древняго фундамента, мѣстоположеніе Десятинной церкви и сдѣлать свои замѣчанія, что имъ на мѣстѣ исполнено. Снятые планъ съ фундамента и рисунки съ гробницъ и другихъ найденныхъ при томъ вещей препровождены въ Академію Художествъ. Но Ефимовъ на своемъ чертежѣ древней церкви показалъ то, чего не было въ дѣйствительности; и это для того, чтобы древній фундаментъ пріурочить къ своему прожекту новой церкви, который однако же не имѣлъ успѣха [2]).

При раскапываніи земли и мусора нашли: много обломковъ древняго альфреско, изъ коихъ замѣчателенъ одинъ съ изображеніемъ главы и руки Ангела, множество золотистой и другихъ цвѣтовъ мозаики; нѣсколько кусковъ мрамора и шифера; древнія Греческія и Польскія серебряныя и мѣдныя монеты; камень съ высѣченными на ономъ Греческими литерами ТО, совершенно подобными тѣмъ, кои вставлены

[1]) См. Статью Преосв. Евгенія: Планъ первобытной Кіевск. Десятинной церкви. Въ журналѣ Отечественныя Записки; изд. П. Свиньинъ. Москва 1825 г. мартъ № 59. стр. 380 и др.
[2]) Краткое историч. Описаніе Десятинной Церкви. Спб. 1829.

были въ южной стѣнѣ существовавшей малой церкви и составляли часть извѣстной неразгаданной надписи. Также найдено въ щебнѣ нѣсколько крестовъ, перстней, колецъ, частей иконныхъ окладовъ, лампадныхъ и кадильныхъ обломковъ и шестисторонныхъ серебряныхъ слитковъ, высокой пробы въ 38 золотниковъ, признанныхъ знатоками за древніе Кіевскіе рубли; цѣпочку изъ червоннаго золота; деревянный крестикъ въ золотой оправѣ; также вырыто много костей усопшихъ; и наконецъ, на пространствѣ занимаемомъ древнею Владиміровою церковію, вырыто нѣсколько гробовыхъ камней и самыхъ гробницъ, какъ то: 1) Близъ сѣверной стѣны Могилиной церкви, извнѣ оной, найдена изломанная на три части, бѣлаго мрамора фигурная гробовая крышка, подъ коей въ щебнѣ открытъ остовъ; о чемъ уже выше упомянуто. 2) Къ востоку отъ алтаря малой церкви открыта каменная гробница, состоящая изъ плоскихъ плитъ краснаго шифера, связанныхъ желѣзными прутьями. Въ ней нашли всѣ сохранившіяся кости, *кромѣ главы и правой руки* (не это ли мощи Св. Кн. Владиміра I?), также остатки истлѣвшей парчевой одежды, золотую пуговицу и башмаки мужскіе. 3) Близъ описанной гробницы найдена гробовая, краснаго же шифера, доска. 4) Два колокола вырытые въ 1838 г. Одинъ изъ нихъ Коринѳской мѣди, уцѣлѣвшій, выключая дужки, къ коей привѣшивается языкъ. Высота этого колокола 9 вершковъ, высота ушей 3, нижній поперечникъ 10, верхній 7, толщина стѣнъ $^5/_8$ вершк., вѣсу 2 пуда 10 фунт. Другой колоколъ найденъ разбитымъ; уцѣлѣли только нижняя часть и уши. Почти тѣхъ же размѣровъ; надписей на нихъ и изображеній никакихъ. Наконецъ, 5) Къ сѣверу отъ малой Могилиной, и внѣ пространства, занимаемаго древнею Владиміровою церковью, вырыта другая гробница, тоже изъ плоскихъ плитъ краснаго шифера, она украшена высѣченными изображеніями, подобными тѣмъ, кои находятся на надгробномъ памятникѣ Великаго Князя, Ярослава I-го, въ Софійскомъ соборѣ. Въ гробницѣ этой найдены всѣ сохранившіяся кости, на оныхъ истлѣвшая женская одежда, парчевое покрывало и башмаки. Безъ сомнѣнія, гробъ сей принадлежитъ какой либо Княгинѣ, для насъ неизвѣстной. Изъ найденныхъ вещей нѣкоторыя представлены Государю Императору и Императрицѣ; другія въ Университеты Московскій и Кіевскій, и въ Ризницу Кіево-Софійскаго Собора. Мы возвратимся къ этимъ Древностямъ въ § 93-мъ, говоря о Музеѣ.

Чертежи архитектора Меленскаго, равно какъ и художника Ефимова, были Академіею Художествъ не одобрены; незавидные рисунки архитектора Стасова имѣли лучшую участь: и его планъ, фасадъ и профиль для новой Десятинной церкви и иконостаса оной были Высочайше утверждены. Для надзора за строеніемъ храма учрежденъ Комитетъ, коего членами назначены: митрополитъ Евгеній, военный и гражданскій губернаторы и храмостроитель Анненковъ. По чертежамъ Стасова предполагалось двѣ стѣны древняго храма, изъ коихъ на одной сохранилась и достопамятная надпись, оставить безъ сломки. Но архитекторами найдено, что пристройка новаго зданія къ древнимъ стѣнамъ бу-

детъ неудобна, по причинѣ неравной осадки и проч.; въ слѣдствіе чего *древнія стѣны сломаны* (!). Однако жъ древній фундаментъ стѣнъ южной и западной оставленъ нерушимо, а для двухъ стѣнъ, восточной и сѣверной, вырыты новые рвы и положены прочные гранитные фундаменты. Гробъ, о которомъ должно думать, что въ немъ находятся остатки В. Кн. Владиміра, поставленъ подъ спудомъ, при южной стѣнѣ фундамента, въ придѣлѣ, имени его посвященномъ, и для лучшаго сохраненія сего гроба храмостроитель сдѣлалъ надъ нимъ глухую каменную арку.

Августа во 2 день, 1828 г., послѣдовало торжественное заложеніе сего храма. На восточной сторонѣ средняго алтаря, во рву, митрополитъ съ Анненковымъ положили квадратный краснаго гранита камень, съ изображеніемъ креста и надписью, свидѣтельствующею, что оная церковь, на развалинахъ древней Десятинной, основана во имя Рождества Богородицы съ придѣлами Св. Кн. Владиміра и Святителя Николая, и проч. Погода была прекрасная и стеченіе народа чрезмѣрное.

Нынѣшняя Десятинная церковь есть совершенно квадратная, пространствомъ въ длину 13 саж., 1 арш., и столько же въ ширину; она почти въ половину менѣе древней Владиміровой. Въ 1835 г. стѣны сей церкви были уже возведены, а въ 1838 г. каменнымъ строеніемъ окончены, пять ея куполовъ покрыты желѣзомъ и окрашены масляною, зеленаго цвѣта, краскою; стѣны внутри и снаружи оштукатурены; образа писаны въ домѣ Анненкова, а рѣзной иконостасъ изготовленъ въ городѣ Болховѣ. Въ семъ же году близъ Десятинной церкви, какъ уже упомянуто, вырытъ изъ земли древній мѣдный, поврежденный огнемъ, колоколъ, который хранится при ней же.

И такъ знаменитый памятникъ Русскаго Православія, оставленный Св. Владиміромъ въ завѣтъ грядущему потомству, возобновленъ и украшенъ окончательно Христіанскимъ усердіемъ одного изъ почтенныхъ сыновъ Великой Руси. Этотъ отечественный памятникъ минувшихъ вѣковъ, бывшій такъ долго въ печальныхъ развалинахъ и совершенномъ запустѣніи, снова возникъ изъ шестивѣковаго праха. Наружность сего храма украшена изсѣченными арабесками и разными фигурами, также изображеніями Святыхъ въ исполинскомъ видѣ надъ тремя Готическими входами и посрединѣ алтарной стѣны; главы Святыхъ окружены, въ видѣ радуги, золочеными Греческими надписями изъ Св. Писанія. Всѣ куполы испещрены колонами, карнизами и Византійскими окнами, въ простѣнкахъ коихъ изображены Святые во весь ростъ. Фасадъ сей церкви довольно узорчатый; но стѣны въ Готическомъ вкусѣ, а пять куполовъ наподобіе Русскихъ церквей 17-го столѣтія; куполы луковицей, или съ чрезвычайнымъ расширеніемъ. Странное смѣшеніе вкусовъ различныхъ народовъ. Притомъ же общій видъ этого зданія тяжелъ и много теряетъ отъ сосѣдства съ граціознымъ твореніемъ Растрелли. Десятинную церковь приличнѣе было бы выстроить въ родѣ Архитектуры Византійской; коей остатки еще существуютъ въ Кіевѣ, въ Керчи; особенно оригиналомъ могла бы служить церковь Св. Софіи

въ Константинополѣ. Да и первоначальная Десятинная церковь выстроена Византійцами. Какъ бы то ни было, но нынѣшній храмъ Десятинный напоминаетъ самую глубокую старину, не потому только, что съ именемъ ея соединяется имя Владиміра, но и по самымъ очевиднымъ, осязательнымъ свидѣтельствамъ того времени, какъ то: при первомъ взглядѣ представляются вдѣланныя въ южную стѣну камни съ извѣстною древнею Греческою надписью, уцѣлѣвшею среди развалинъ и тщательно вновь вставленнную. Далѣе, во внутренности храма положенъ прекрасный помостъ, весь составленный изъ оставшихся еще отъ Владимірова храма камней: шифера, разноцвѣтнаго мрамора, красной яшмы и гранита. Предъ престоломъ и на горнемъ мѣстѣ настланы остатки мозаическаго пола, бывшаго въ алтарѣ и на срединѣ древней Десятинной церкви, въ томъ самомъ видѣ, какъ они найдены въ развалинахъ подъ грудами камней и мусора. Тутъ же, въ особыхъ шкафахъ, хранятся небольшіе колокола, крестики, куски фресковъ, гривны и прочія мелкія вещи, найденныя при разрытіи фундамента. Надъ гробомъ Св. Владиміра воздвигнуто надгробіе изъ сѣраго мрамора съ бронзовыми, позлащенными и серебряными украшеніями и историческою надписью. На немъ горизонтально положена икона почивающаго Св. Владиміра во весь ростъ. Вверху сего надгробія Всевидящее Око въ сіяніи; подъ нимъ 988-й годъ (крещенія Русскихъ), а еще ниже Зодіакъ, и на немъ знаки тѣхъ мѣсяцевъ, въ которые Св. Владиміръ принялъ крещеніе и окончилъ земную жизнь свою. Въ срединѣ щита, звѣзда, въ которой на порфирѣ, подъ Великокняжескою Короною, вензелевое имя Св. Владиміра, а по сторонамъ Великокняжескіе клейноды, военная арматура, священные знаки Равноапостольнаго, и прочія принадлежности виновника первобытнаго духовнаго и гражданскаго нашего просвѣщенія. Образа иконостаса написаны художническою кистію; самый иконостасъ, горнее мѣсто, жертвенникъ главнаго алтаря отличаются изящными формами, искусною рѣзбою и прочнымъ позлащеніемъ. Въ 1841 г. Государь Императоръ пожаловалъ въ эту церковь богатую ризницу, какъ-то: облаченіе для священниковъ и діакона, одежды и покровы на престолъ, жертвенникъ и аналои. Ризы и покровы имѣютъ бордюры Владимірскую ленту, а по мѣстамъ унизаны вышитыми крестами и звѣздами того же Ордена. Анненковъ, также удостоенный знаковъ Владимірскаго Ордена, снабдилъ воздвигнутый имъ храмъ отличными утварями, ризницею, книгами и колоколами.

Главный престолъ сего храма посвященъ празднику Рождества Пресвятыя Богородицы, придѣлъ съ лѣвой стороны: Святителю Николаю, а правый придѣлъ Св. Равноапостольному Князю Владиміру.

Наконецъ, въ 16-й день іюля, 1842 г., возобновленная Десятинная церковь, чрезъ 846 лѣтъ послѣ первоначальнаго ея построенія, была торжественно освящена Кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ, обще съ Волынскимъ архіепископомъ Никаноромъ, епископомъ Іосифомъ и многимъ духовенствомъ, въ присутствіи Кіевскаго военнаго генералъ-губернатора Бибикова, гражданскаго губернатора Фундуклея, пред-

водителя дворянства, графа Тышкевича, военнаго генералитета и многихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Погода была самая благопріятная, стеченіе народа многочисленное.

Утѣшительно и отрадно было думать, что и за восемь съ половиною вѣковъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, также толпился въ праздничныхъ нарядахъ народъ; также радовался новому созданію великолѣпнаго храма и славилъ въ немъ Бога; но еще утѣшительнѣе сравнить тогдашнее и настоящее положеніе Кіева. Правда, сильна и грозна была рука Великаго Владиміра, крѣпка и воинственна была древняя наша Русь; но Печенѣги и Половцы были за горою, и заповѣдные луга Княжескіе не разъ покрывались ихъ ставками. Теперь же мы не опасаемся уже услышать въ Кіевѣ, за городскимъ валомъ, кликъ воиновъ и ржаніе вражескихъ коней. Русь возрасла и укрѣпилась, раскинула свои предѣлы отъ восхода солнца до запада; и древній Кіевъ, какъ почтенный и святый старецъ, спокойно отдыхаетъ въ семьѣ могучихъ сыновъ своихъ, городовъ Русскихъ.

Въ заключеніе должно однако же замѣтить, что нынѣшняя Десятинная церковь сооружена Анненковымъ на перекоръ насущныхъ потребностей. Во первыхъ она имѣетъ крайне ограниченное число прихожанъ; слѣдов. не доставляетъ городу той выгоды, какую эта обширная церковь могла бы принесть въ многолюдномъ мѣстѣ онаго. Во вторыхъ издержки на постройку сего храма не принесли никакой пользы и для искусства, потому что подобныя церкви въ Россіи довольно обыкновенны; и такъ огромный капиталъ употребленъ безъ расчета. Гораздо полезнѣе было бы для науки сберечь и даже покрыть прочнымъ, мѣднымъ навѣсомъ древніе священные остатки Владиміровой церкви, приэтомъ устроить часовню съ древнимъ образомъ Св. Николая, который до того времени хранился въ этой церкви и присовокупить теплое помѣщеніе для сторожа. Даже можно было завести помѣщеніе для выкопанныхъ Древностей; хотя впрочемъ хранить ихъ гораздо сообразнѣе въ особомъ Музеумѣ вмѣстѣ съ другими Кіевскими рѣдкостями; теперь же никакая цѣль вполнѣ не достигнута.

О Десятинной церкви, кромѣ Описанія Кіева Берлинскаго, и Описанія Софіи Болховитинова, упоминается еще въ слѣдующихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Журналахъ:

1) Кіевскіе древніе памятники. *Писарева.* Труды Общест. Истор. и Древност. Москва. Ч. II. 1817.

2) Планъ первобытной Кіевской Десятинной церкви съ объясненіями онаго. Тамъ же приложены и чертежи. Помѣщенъ въ Журналѣ: Отечественныя Записки. Москва 1825. март. 380—404 стр.

3) О древностяхъ, найденныхъ въ Кіевѣ. *Болховитинова.* Труды Общ. Истор. и Древн. Россійск. Москва. Ч. III. 1827.

4) О Десятинной церкви въ Кіевѣ. *Берлинскаго.*—И другая статья:

5) О найденныхъ въ Десятинной церкви серебряныхъ слиткахъ. *Болховитинова.*—Обѣ помѣщены въ Труд. Общ. Ист. и Древн. Россійск. Москва. Ч. V. 1828.

6) Когда началась постройка новой церкви, то была издана особая брошюра, подъ названіемъ: Краткое историческ. описаніе первопрестол. Соборной Десятин. церкви въ Кіевѣ Спб., въ Т. К. Крайя. 1829. въ 8. 32 стр. При семъ приложены чертежи: 1) Планъ первобытн. церкви, 2) Изображеніе двухъ вырытыхъ гробницъ и 3) Планъ и фасадъ нынѣшней церкви. Изданіе, кажется, Ефимова.

7) О Древностяхъ Кіевскихъ, особенно о Десятинной церкви, обширная статья въ Журналѣ Минист. Народ. Просвѣщ. 1836 г, нояб. стр. 261—280; и въ томъ же журналѣ 1838 года. Кромѣ того и въ книгѣ:

8) Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ, соч. Журавскаго, изданіе Фундуклея. Кіевъ, въ 4-ю д. л. 1847.

Улица, проходящая мимо Десятинной церкви, называется теперь *Университетскою*; другіе именуютъ ее *Владимірскою*.

§. 48 ДМИТРІЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Дмитріевскій монастырь, съ церк. Св. Апостола Петра. — Подъ 1051 г. *Изяславъ* (I Ярославичь) *постави манастырь св. Димитрія и выведе Варлама* (изъ монаст. Печерскаго) *на игуменьство къ св. Димитрію* (Лавр. 69). Тоже и въ житіи Св. Ѳеодосія: *Таче по сихъ божественыи Варламъ, игуменъ сы братии въ пещерѣ, изведенъ бысть княжемь повелѣниемь въ манастырь святаго мученика Димитрия, и ту игуменъмь поставленъ.* Далѣе, въ другомъ мѣстѣ: по смерти Варлаама *Христолюбивый Князь* (Изяславъ).... *избравъ... Исаию, игумена постави въ манастыри своемъ, у святаго мученика Димитріа.* Этотъ монастырь основалъ Изяславъ I, названный при крещеніи Димитріемъ; а сынъ его, Ярополкъ выстроилъ въ этомъ монастырѣ церковь Св. Апост. Петра, какъ изъ слѣдующаго текста видно: *Ярополка* (Изяславича, убіеннаго подъ Звѣнигородомъ въ 1086 г.) *веземше отроци, несоша Володимерю, а оттуду Кыеву. Изиде противу ему благовѣрный Кн. Всеволодъ...... проводиша й до св. Дмитрея, спрятавше тѣло его съ честью, положиша й въ рацѣ мраморяне въ церкви св. Апостола Петра, юже бѣ самъ началъ здати.* (Лавр. 88) Подъ 1128 г. въ Лаврентьевской же Лѣтописи сказано: *Въ се же лѣто преяша церковь Св. Дмитрія Печеряне и нарекоша ю Петра, съ грѣхомъ великимъ и неправдою* (стр. 131). Не смотря на неопредѣленность и темноту, это мѣсто П. Лавровскій рѣшился толковать такъ: Печерскіе иноки подчинили себѣ церковь Св. Димитрія и переименовали ее въ церковь Св. Петра [1]). Собственно и г. Лавровскій повторилъ тоже самое, что сказалъ Карамзинъ: „Мстиславъ въ 1128 г. основалъ каменную церковь Св. Ѳеодора, а *Печеряне*, несправедливо завладѣвъ церковію Св. Димитрія, назвали оную именемъ Св. Петра" [2]). Но едва ли можно съ этимъ

[1]) Чтенія въ Общест. Истор. и Древ. Росс. М. 1858 кн. IV.— [2]) Карамз. Т. II. прим. 256.

согласиться. По какой причинѣ ясно означенный въ Лѣтописяхъ монастырь Св. Димитрія переименовывать въ церковь Св. Петра, выстроенную спустя 36 лѣтъ (въ 1086 г.) по основаніи упомянутаго выше монастыря? Стало быть монастырь былъ упраздненъ? Развѣ могли монахи свободно распоряжаться Княжескими монастырями? Точно ли говорится здѣсь о Кіевскомъ монастырѣ Св. Димитрія? Кто можетъ поручиться, что въ этомъ мѣстѣ текстъ Лѣтописи не испорченъ еще древними переписчиками; иначе не заключалъ бы онъ въ себѣ явнаго противорѣчія. — Кажется лучше сознаться въ незнаніи, нежели объяснять текстъ самовольно. Кіевскій Митроп. Сильвестръ Коссовъ въ своемъ польскомъ Патерикѣ (стр. 56) въ примѣчаніяхъ къ житію Преп. Өеодосія, говоритъ, что монастырь Св. Димитрія былъ *недалеко отъ Печерскаго* и въ его время (1635 г.) видно было только мѣсто его. Teraz tego monasteru tylko plac iest niedaleko monasteru Pieczarśkiego. Берлинскій думаетъ однакожъ о мѣстоположеніи этого монастыря иначе. Онъ пишитъ: „Положеніе Дмитріевскаго бывшаго въ древности монастыря долгое время было неизвѣстно. Оный сооруженъ въ 1051 г. В. Кн. Изяславомъ Ярославичемъ (въ крещеніи Димитріемъ). Внутри того монастыря была еще другая церковь Св. Ап. Петра, въ которой 1086 г. погребенъ Кн. Ярополкъ...... (Петропавловская цер. на Берестовѣ существовала еще до основанія сего монастыря), и коего мѣсто должно быть близъ Стараго Кіева, гдѣ обыкновенно князья строили монастыри. Причина, заставляющая вѣрить о его на семъ мѣстѣ существованіи, есть слѣдующая: во время построенія каменной ограды около Михайловскаго монастыря 1758 г. открыто къ юговостоку отъ него, на возвышенномъ мѣстѣ, каменное основаніе, (изъ коего и кирпичи употребляемы были на строеніе той ограды), болѣе нежели одной церкви. По пространству, занимаемому сими остатками зданія и по упомянутому этому значительному мѣсту, вѣроятно заключить можно о существованіи тутъ онаго монастыря.

Дмитріевскій взвозъ или *Лукома*. — „Упоминаемое же въ двухъ мѣстахъ подъ 1654 г. справы 21 въ письменныхъ дѣлахъ бывшемъ до пожара 1811 г. магистратскомъ архивѣ: о *взвозѣ Дмитріевскомъ* мимо Хрещатика, о *Дмитріевской Лукоми* или оврагѣ, находящемся къ сторонѣ Михайловской горы возлѣ Хрещатика, подтверждаютъ еще болѣе, что оный монастырь находился на вышепоказанномъ возвышеніи. Впрочемъ при уравненіи въ 1802 г. поверхности находящагося надъ Хрещатикомъ у дороги холма, (гдѣ теперь (1820 г.) конная), открытое въ землѣ нѣкоторое каменное основаніе, по малости своей, не можетъ значить слѣдовъ онаго монастыря“ [1]). Какъ бы въ подкрѣпленіе словъ Берлинскаго Анненковъ въ 1837 г. дѣйствительно вырылъ, на востокъ отъ Михайловской соборной церкви, внутри ограды, вблизи теперешней монастырской гостинницы, разрушенное основаніе какой-

[1]) Опис. Кіева стр. 87 и 161.

то довольно обширной каменной церкви. По показанію краткой записки о Михайловскомъ монастырѣ, составленной въ 1785 г. для Екатерины Великой, въ архіерейскомъ саду того же монастыря, на сѣверо-востокъ отъ соборной церкви, находится еще другое, разрушенное, основаніе большой каменной церкви. Въ упомянутой запискѣ основаніе это приписывается остаткамъ монастыря Св. Ѳеодора или Вотчъ. Но не смотря на все это слова Митроп. Сильвестра Коссова противорѣчатъ мнѣнію Берлинскаго. Согласно Коссову думали: Епископъ Ириней Фальковскій [1]), Митроп. Евгеній Болховитиновъ [2]) и Михаилъ Максимовичъ [3]). Къ сему должно присовокупить еще слѣдующее обстоятельство: При Іосифѣ I Тризнѣ (который былъ съ 1647 по 1656 г. Печерскимъ Архимандритомъ и современникомъ Кіевскаго Митроп. Сильвестра Коссова) переписанъ и отчасти передѣланъ Патерикъ Печерскій. Манускриптъ сей находится теперь въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой Лавры [4]) Въ сей рукописи находятся слѣдующія замѣчательныя выраженія: „Житіе преподобныхъ отецъ: *Варлаама*, игумена Печерскаго, *посемъ святаго Димитрія* мученика, бывшаго игумена монастыря Изяславля, *иже на Кловѣ*, и Ефрема...... Житіе иже во св. отца нашего *Ісаія* чюдотворца, игумена бывшаго монастыря *св. Димитрія, иже на Кловѣ*, и проч. И такъ нѣкоторые Кіевскіе ученые въ половинѣ XVII в. полагали, что древній Изяславовъ монастырь св. Димитрія находился на Кловѣ, слѣдовательно вблизи Стефанеча и Германеча?—Мнѣніе это ведется и до сихъ поръ между Кіевскими старожилами; они говорятъ, что Дмитріевскій монастырь находился неподалеку отъ древняго Кловскаго, именно на крутомъ бугрѣ Печерской горы, гдѣ теперь стоитъ Нѣмецкая Кирха. Михаилъ Максимовичъ, желая согласить эти разнорѣчія, пишетъ: Не тамъ ли полагалъ и Коссовъ? У него и *плацъ* Дмитріевскаго монастыря и *Кловъ* одинаково означены: *nie daleko* monastera «Pieczarskiego».—Но почтенный отецъ Павелъ Троцкій недавно опять выступилъ съ новымъ мнѣніемъ, толкуя слова Митрополита Сильвестра Коссова niedaleko monastyra Pieczarskiego, что монастырь Св. Димитрія былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ приходская церковь Воскресенія Господня въ старой Печерской крѣпости. Въ подкрѣпленіе этой мысли онъ ставитъ на видъ: 1-е, Св. Ѳеодосій однажды, на храмовой праздникъ Димитріева монастыря, ходилъ сюда со многими братіями. 2-е. Въ житіи Св. Лаврентія затворника говорится, что сей преподобный, находясь въ монастырѣ Св. Димитрія, отослалъ бѣсновавшагося человѣка въ Печерскую обитель. *Изъ этихъ свидѣтельствъ видно* — пишетъ О. Павелъ — *что между монастырями Печерскимъ и Св. Димитрія было весьма близкое разстояніе* [5]). — Мы должны напротивъ возразить, что тутъ рѣшительно *ничего не видно*. Эти слова ничего не доказываютъ. Здѣсь не

[1]) Кіевск. Мѣсяцесловъ 1799 г. [2]) Опис. Кіев. Лавры. [3]) 1. Кн. Кіевлян. стр. 27,55 и 58. [4]) См. № 4. Чтенія въ Обществѣ Истор. и Древн. Россійск. М. 1846. [5]) Историческое Свѣдѣніе о Воскресенск. и Ѳеодосіевск. Печерскихъ церквахъ. Кіев. Епар. Вѣд. 1864 г. стр. 168.

говорится, гдѣ именно былъ монастырь Св. Димитрія: на Печерскѣ, или на Кловѣ, или даже на Старомъ Кіевѣ. Св. Ѳеодосій ходилъ во всѣ эти мѣста и посѣщалъ В. К. Изяслава во дворцѣ его, бывшемъ на Старомъ Городѣ, а не на Печерскѣ. 3-е. П. Троцкій, ссылаясь еще на то, что *Печеряне переяша церковь Св. Димитрія и нарекоша ю Петра съ грѣхомъ* и пр. продолжаетъ доказывать: „Если Печеряне присвоили ее себѣ, то вѣроятно она была смежною съ пещернымъ монастыремъ," и прибавляетъ къ этому, что въ Воскресенской церкви издавна существуетъ придѣлъ во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла [1]). — Мы выше видѣли, что приведенное мѣсто изъ Лѣтописи не можетъ служить доказательствомъ *смежности* или *близости* двухъ упоминаемыхъ монастырей, и изъ наименованія придѣла не должно дѣлать натяжки. Самыя слова О. Павла *если Печеряне..... то вѣроятно.....* показываютъ всю шаткость этого мнѣнія, потому что оно основано на предположеніи, а не на ясномъ, историческомъ фактѣ. И такъ: какъ бы то ни было, но кажется, что изъ всѣхъ разнорѣчивыхъ показаній, разысканія Берлинскаго, въ этомъ случаѣ, оправданныя открытіемъ Анненкова, имѣютъ перевѣсъ предъ всѣми другими мнѣніями; тѣмъ болѣе, что выставленныя предположенія не подкрѣплены никакими старинными документами, ни развалинами.

§ 49. ДНѢПРЪ.

а) БОРИСѲЕНЪ, б) ДНѢПРЪ, в) СТАРИКЪ, г) ЧЕРТОРЫЯ, д) ПРОБИТЕЦЪ.

а) *Борисѳенъ.*—Днѣпръ, у Грековъ извѣстный подъ именемъ Борисѳена, то есть, текущаго отъ сѣвера.— Днѣпръ выходитъ въ Смоленской губерніи изъ *Плосской Возвышенности*, около города Духовщины, и протекаетъ губерніи Могилевскую, Черниговскую, Минскую, Кіевскую, Полтавскую, Екатеринославскую, и между Херсонскою и Таврическою изливается въ Черное Море великимъ заливомъ, именуемымъ *Лиманомъ*. Всего теченія Днѣпра 1500 верстъ. Рѣка эта начинаетъ быть судоходною отъ Смоленска, но песчаныя отмѣли выше и ниже Кіева до Кременчуга и пороги ниже устья Самары, простирающіеся на 60 верстъ, затрудняютъ по ней плаваніе; впрочемъ, знатная часть пороговъ разчищена. Ниже пороговъ Днѣпръ усѣянъ множествомъ острововъ, а индѣ песчаными отмѣлями. Самый Лиманъ представляетъ затрудненія для судоходства; изливаясь, при слабомъ теченіи, различными рукавами въ Черное Море, отъ наноснаго песку имѣетъ столь мелкія устья, что купеческія суда должны грузиться внѣ оныхъ въ глубокой пристани. Отъ такихъ причинъ судоходство по Днѣпру не соотвѣтствуетъ изобилію губерній, омываемыхъ имъ. Изъ рѣкъ, впадающихъ съ правой стороны въ Днѣпръ,

[1]) Тамъ же стр. 170.

достойны примѣчанія: Березина, Припеть и Ингулецъ, а съ лѣвой Сожь, Десна, Сула, Псіолъ, Ворскла, Самара, Сура, и Конскія Воды. [1])

б) *Днѣпръ.*—Отъ самой древности до нашихъ временъ Днѣпръ протекаетъ мимо Кіева многими рукавами, изъ коихъ главнѣйшій назывался Днѣпромъ, и хотя онъ былъ ближе всѣхъ другихъ къ городу, но между имъ и Кіево-Подоломъ, какъ мы увидимъ, протекала Почаина.

в) *Старикъ.* — Другой рукавъ его, теперь называемый *Старикомъ*, образующій въ четырехъ верстахъ выше Подола довольно обширный островъ, длиною въ шесть верстъ, а шириною въ 2½ версты, по самому названію своему показываетъ древнее теченіе Днѣпра.

г) *Черторыя.* — Третій рукавъ есть быстротекущая и глубокая Черторыя, начинается близъ устья Десны, она чрезъ протокъ *Пробитецъ* отдѣляется влѣво отъ Днѣпра, протекаетъ луговую сторону въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Кіева и соединяется съ Днѣпромъ противъ Аскольдовой могилы. Отсюда можно заключить, что Олегъ, въ 898 г., приплылъ къ горамъ Кіевскимъ этимъ протокомъ. Черторыя и Днѣпръ образуютъ островъ, извѣстный, будьто бы, подъ названіемъ *Трухановъ*; длина его 4½, а ширина 3½ версты. На этомъ островѣ замѣтны слѣды древняго озера, можетъ быть *Долобскаго*, такъ думалъ Берлинскій, а за нимъ и Журавскій [2]); но этого изъ текста Лѣтописей нельзя доказать положительно [3]). Названіе Черторыи очень древнее. Къ ней относятся слѣдующія мѣста изъ Лѣтописей: Подъ 1147 годомъ: *Изяславъ же* (II, В. Кн. Кіевскій), *совокупя воѣ, перебродися черезъ Днѣпръ и ста надъ Черторыею*, въ намѣреніи, соединясь съ Князьями Черниговскими, идти противъ Георгія. Подъ 1150 г.: *и Георгій* (Кн. Суздальскій, воевавшій съ Изяславомъ II) *иде тогожъ числа съ Олеговичи и со Давыдовычема и со Всеволодомъ и ста у Черторыи.* (Лавр. 137.—Кенигсб. 214). Подъ 1180 г. *Половци же потопоша мнози въ Черторыи* (Ипат. 125). По сосѣдству Черторыи съ Лысою горою, можно догадываться о происхожденіи ея названія. Могло дать поводъ къ тому и быстрое стремленіе самаго протока, коего одно мѣсто называется *Мордосовъ.*

д) *Пробитецъ.*—Сюда принадлежитъ и Пробитецъ, соединяющій Черторыю съ Днѣпромъ. Пробитецъ увеличился около 1777 года; каналомъ этимъ въ упалую воду проходятъ барки изъ Днѣпра въ Черторыю; потому что подлѣ Кіева находятся многія отмели. Въ сороковыхъ годахъ вздумали было запрудить упоминаемый *Пробитецъ* для того, чтобы вода изъ главнаго русла не проходила въ Черторыю, полагая тѣмъ улучшить фарватеръ въ Днѣпрѣ. Работы продолжались двадцать лѣтъ, и стоили, по запруженію протока Черторыи болѣе четырехъ сотъ тысячъ рублей. Г. Сементовскій сообщаетъ, что для этого употреблено фашинной

[1]) Землеописаніе Россійск. Имперіи Зябловскаго. [2]) Стат. Опис. Кіевск. губ. Т. I. стр. 316.
[3]) Сравни Акты 1508 г. іюля 4 и 1510 г. авгу 17 въ § 50. Долобское озеро.

кладки 11,154 куб. саж., погружено 100 саж. тюфяковъ въ Черторыю и подъ основаніе плотинъ и береговой отдѣлки 212. На тюфяки нагружено 1212 куб. саж. метловаго покрывала и для покрытія плотинъ 4222 квад. саж. [1]). Впрочемъ едва ли эта плотина совершенно окончена, не смотря на долговременное и недешевое производство работъ. Быстрота теченія воды въ Черторыи, какъ утверждаютъ нѣкоторые Кіевляне, служитъ тому причиною; но эти же господа замѣчаютъ, что въ Черторыи ловится рыба изобильнѣе, нежели въ Днѣпрѣ.

Изъ сравненія плановъ Кіева прошедшаго и нынѣшняго столѣтія, т. е. такихъ плановъ, при составленіи коихъ можно предполагать извѣстную степень топографической вѣрности, видно, что Днѣпръ безпрестанно измѣнялъ русло и видъ своего теченія. Сравнимъ планы: а) 1745 г. въ Обозрѣніи Кіева, издан. Фундуклея. б) Берлинскаго, 1819 г. при его Описаніи, и в) превосходный планъ Военно-Топографическаго Депо, издан. въ 1846 г.; нѣсколько исправленный при изданіи Фундуклея: Статистическ. Опис. Кіевск. губерн. 1852 г. — Непостоянство теченія воды въ Днѣпрѣ можно прослѣдить и по нашимъ Лѣтописямъ: Въ 1070 г. церковь Св. Михаила въ Выдубицкомъ монастырѣ выстроена была, по всей вѣроятности, не въ близкомъ разстояніи отъ Днѣпра; но въ 1199 г., по желанію Кіевскаго Князя Рюрика, Петръ Милонѣгъ, Новгородскій архитекторъ-инженеръ, долженъ былъ возвести стѣну, для защиты упоминаемой церкви отъ подмываній Днѣпра. Но стѣна эта не устояла, она со временемъ истреблена рѣкою и восточная часть церкви обрушилась въ Днѣпръ. Подъ 1149 г. *Изяславъ* (Князь Кіевскій) *стояше противу святому Михаилу у Выдубича, въ островѣ* [2]); но подобныя острова на Днѣпрѣ часто возникаютъ и изчезаютъ. Въ 1562 г. предъ *Неводницкою Пристанью* было изрядное озеро, называвшееся *Затонъ*, и отдѣлялось песчаною косою отъ Днѣпра [3]). — Количество воды въ Днѣпрѣ также весьма измѣнчиво. Октября, 6 дня, 1708 г. Мазепа, въ письмѣ своемъ къ графу Головкину, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „Во время нынѣшней настоящей суши на многихъ мѣстахъ такъ Днѣпръ повысыхалъ, что въ бродъ коньми чрезъ оный переѣзжаютъ, а межъ Переяславлемъ и Терехтемировымъ два броды такъ мелкіе вновь на Днѣпрѣ явилися, что черезъ оные люди возами ѣздятъ“ и проч. [4]). Вѣроятно многіе Кіевскіе старожилы еще помнятъ, что въ первой четверти нынѣшняго столѣтія Днѣпръ протекалъ у самаго Выдубицкаго монастыря, но около 1846 г. образовался предъ этимъ монастыремъ островъ, который отдѣлялся отъ берега рукавомъ во сто саженъ шириною; а теперь (1864 г.) этотъ рукавъ изсякъ и Выдубицкая обитель очутилась отъ Днѣпра въ разстояніи почти на 300 саженъ. Впрочемъ вѣроятно это отступленіе Днѣпра не будетъ продолжительно.

[1]) Кіевъ и его Святыня. стр. 7. [2]) Ипатіевс. стр. 41. [3]) См. акты въ § 33. Выдубицкій монастырь, стр. 238. [4]) Источн. Малороссійск. Истор. Ч. 2. стр. 166.

§ 50. Долобское озеро.

Объ немъ можно сказать только, что оно, вмѣстѣ со многими другими озерами, находится на лѣвой сторонѣ Днѣпра, близъ Витичева, но не Кіева. (Сравн. §. 25 и § 56). Лѣтописи повѣствуютъ въ этомъ мѣстѣ неопредѣленно, не указывая разстояній; слѣдовательно, не можно показать, какое озеро именно называлось *Долобскимъ*, какъ это сдѣлалъ Берлинскій (стр. 184). Толковать произвольно Лѣтописей не должно. Упоминается подъ 1101 г. *Совокупишась братья вся, Святополкъ, Володимеръ, Давидъ, Олегъ, Ярославъ съ братьею на Золотцѣ и озерѣ Долобскомъ...... и сотворишa миръ съ Половцы* (Кенигсб. 161). Потомъ подъ 1103 г. *Богъ вложи въ сердце княземъ Рускимъ мысль благу, Святополку и Володимеру* (*ити на Половцы въ землю ихъ.* Кениг. 163) *и сонястася думати на Долобьскѣ* (Лавр. 118). Подъ 1151 г., *Георгіеви же* (Князю Суздальскому, желавшему отнять Кіевскій престолъ у Изяслава II Мстиславича) *хотящю поступити внизъ къ Витичевьскому броду. Несмѣющимъ же имъ пустити лодей мимо Кыевъ, но пустиша й въ озеро Долобьское* (въ Троицкомъ было написано *Долѣбское*, а другою рукою поправлено *Дулѣбское.* Карамз. Т. II. прим. 198 и 336.), *а оттуда волочиша берегомъ въ Золотьчю*, и пр. (Лавр. стр. 143. Ипатіевск. 1151 г. (стр. 59.) 1180 г. (стр. 124).

Грамотою Кіевскаго Воеводы, Юрія Монтовтовича, 1508 г., іюля 4, и другою Сигизмунда I, 1510., августа 17, подтверждено Пустынному монастырю право на владѣніе симъ озеромъ. Въ грамотѣ Юрія Монтовтовича сказано: „Придали (старцамъ) на тотъ монастырь и церковъ Св. Николы озеро, на имя *Долобескъ*, и съ устьемъ, въ островѣ *Тухановѣ*. А въ подтвердительной грамотѣ Сигизмунда I названіе острова Туханова измѣнено въ *Тухоновъ* и *Тухуновъ*; посему слово это едва ли можно пріурочить къ слову *Трухановъ.* См. § 49. Днѣпръ, г) Черторыя. Нѣкоторые думаютъ что озеро *Долобское* или *Дулѣбское* было на лугахъ лѣваго берега Днѣпра, близъ древняго *Витичева* т. е. нынѣшняго селенія *Вытачева*, въ 60 верстахъ отъ Кіева, внизъ, по теченію Днѣпра. См. § 25. Витичевъ.

§ 51. Дорожичи или Дорогожичи.

Подъ 980 г. *Стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ* (въ Кёниг. *Дорожичемъ*) *и Капичемъ и* (*идеже*) *есть ровъ и до сего дне* (Лаврен.) Объ этомъ урочищѣ и болотахъ, находящихся близъ Кіева съ западной стороны, упоминается нѣсколько разъ въ Лѣтописяхъ. Подъ 1146 г., когда несчастный Игорь II Ольговичь, В. Кн. Кіевскій, проигралъ сраженіе противъ Изяслава Мстиславича: *Вънъхаша Берендици съ саблями и почаша я́* (Игоревыхъ воиновъ) *сѣчи, и ту побѣже Игорь и Святославъ въ слудовы* (болота) *Дорогожьчьскія.... и вбѣже Игорь въ болото Дорогожичьское и угрязе подъ нимъ конь* (Ипат. 24).

Въ 1150 г., во время междоусобной войны Георгія Князя Суздальскаго и Изяслава II Мстиславича: *Изяславу же, прибѣгшю къ Кыеву, повелѣ дружинѣ своей сбиратися у Дорогожича* (*Дорожича* Кенигс. Троиц.), *а самъ, дождавъ ночи, выде изъ Кыева. Володимерко же ста у Кыева у теремца*, (Лавр. 141, Никонов. II. 118,) или по Ипатіевской Лѣтописи: *И повелѣ Изяславъ дружинѣ своей събиратися у Дорожичь, а самъ дождa ночи, поѣха изъ Кіева. Въ утріи же день приде Володимеръ Галичьской къ Олговѣ могылѣ* (въ Лавр. и Кенигсб. *къ Теремцу*), *тако же и Дюрги прїѣха къ нему*, (стр. 51).

Описаніе сихъ обстоятельствъ ясно показываетъ, что мѣсто, назначенное нынѣ подъ учебное и лагерное поле, было и въ древности предъ Кіевомъ, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, мѣстомъ для веденія осадъ, облежаній и побоищъ, и называлось тогда *Дорожичемъ*, или *Дорогожичемъ*; Здѣсь, въ 1150 г. удобнѣе было бѣжать Изяславу II изъ Кіева, отъ преслѣдованія Георгія и Володимерка, съ двухъ противныхъ сторонъ. Кромѣ сего, подъ 1161 г., *Перебредше Днѣпръ, у боженки, и пойде* (Изяславъ III), *полки къ Кыеву, и пришедши ста на Болоньи въ лозахъ, противу Дорогожичю, иде къ Подолью, а Ростиславъ стояше подлѣ столпье*; *загорожено бо бяше тогда* (Подоліе) *столпіемъ отъ Горы, оли и до Днѣпра.* И 1171 г.: *Сняшася братья Вышгородѣ* (Мстиславъ Андреевичь съ прочими Князьями, для покоренія Кіева), *и пришедше сташа на Дорогожичи, подъ Св. Куриломъ.* (Ипатіев. стр. 51, 89 и 100). Тексты сіи подтверждаютъ наше мнѣніе, не во всемъ согласное съ мнѣніемъ Берлинскаго, потому что онъ Дорожичи полагалъ въ *верховьяхъ* ручья Лыбеди, котораго истокъ, близъ Шулявщины (Кадетскаго Корпуса), удаляется отъ Стараго Города, направляясь къ западу, къ Петропавловской Борщаговкѣ, (стр. 54 и 181). Но Берлинскій не могъ еще пользоваться важнымъ источникомъ — Ипатіевскою Лѣтописью. Съ мнѣніемъ его нельзя согласиться по той причинѣ, что было бы очень далеко отъ Кіева (семь верстъ) для тѣхъ войскъ, цѣль которыхъ была брать этотъ городъ приступомъ. Принявъ во вниманіе приведенныя обстоятельства изъ Лѣтописей, особенно, что Дорожичи были видны со Скавики: подъ 1146 г. *Прїиде Изяславъ ко валови, идѣже есть Надово озеро... и ту ста полкы* (въ Ипатіевск. *пришедъ ста на Желяни*) *Игорь же поиде противу ему... и бывшимъ имъ у Олговы могилы... побѣгоста.* (Лаврент. стр. 136). *И видѣвъ Игорь... поидоша противу Изяславу, и нельзѣ бы имъ доѣхати Надовомъ озеромъ... и ту побѣже Игорь.* (Ипатіев. стр. 24), должно заключить, что эта мѣстность была ближе къ Кіеву, и именно на той высокой равнинѣ, которая простирается отъ Лукьяновки, т. е. отъ верховьевъ ручья Глубочицы до ручья Сырца и до Кирилловскаго монастыря. Въ древности Дорожичи для Кіева составляли весьма важную мѣстность, не рѣдко даже роковую; по этой причинѣ мы возвратимся къ нимъ еще разъ, говоря въ § 66-мъ о Кирилловскомъ монастырѣ.

§ 52. ЕВАНГЕЛИЧЕСКАЯ ИЛИ ЛЮТЕРАНСКАЯ КИРХА.

Первымъ повѣствователемъ о Лютеранской церковной общинѣ въ Кіевѣ былъ для насъ Докторъ Иванъ Лерхе; но этотъ почтенный Медикъ, составляя свой дневникъ, упоминалъ о Кіевскихъ Лютеранахъ только мимоходомъ; поэтому историческія свѣдѣнія наши о томъ, какъ составилась Лютеранская община въ Кіевѣ, по недостатку источниковъ, были доселѣ тоже недостаточны. Въ недавнее время, пользуясь архивомъ Лютеранской церкви профессоръ Кіевскаго Университета Александръ Карловичъ Делленъ написалъ небольшую брошюру подъ заглавіемъ Kurze Nachrichten über die Evangelisch-Lutherische Gemeinde in Kiew. Dorpat, 1857. — Священникъ отецъ Павелъ Троцкій перевелъ эту брошюру, дополнилъ ее нѣкоторыми свѣдѣніями и помѣстилъ въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1866-й годъ (№ 1 и 2).

Благодаря любознательности и неусыпнымъ трудамъ Отца Павла, почтеннаго Сочлена нашего по Московскому Археологическому Обществу, мы имѣемъ теперь возможность, пользуясь прежними и новыми свѣдѣніями, предложить обстоятельное повѣствованіе о происхожденіи въ Кіевѣ Лютеранской церковной общины и о построеніи прежней и теперешней Лютеранской церкви въ этомъ городѣ.

Еще въ древнія времена Кіевскими Князьями всѣ вѣроисповѣданія были терпимы; особенно въ Кіевѣ увеличилось число иностранцевъ во время польскаго владычества надъ симъ городомъ. Русскіе Цари, хотя и ограничивали права иновѣрцовъ въ городахъ, но терпѣли ихъ; въ новѣйшее же время они пользуются совершенною свободою вѣроисповѣданія.

По свидѣтельству г. Деллена Кіевская Евангелико-Лютеранская община получила свое начало въ прошломъ столѣтіи, около 1765 года, съ прибытіемъ въ Кіевъ перваго пастора Христофора Лебрехта Граля, уроженца Саксонскаго [1]). Получивши на родинѣ прекрасное воспитаніе, достигши здѣсь степени доктора философіи и учителя свободныхъ наукъ, Граль въ молодыхъ лѣтахъ прибылъ въ Кіевъ по слѣдующему случаю. Въ то время, въ Кіевѣ, въ числѣ самаго незначительнаго числа проживавшихъ тутъ Лютеранъ, жилъ и аптекарь Георгъ Бунге. Постоянныя его занятія по своей должности мѣшали ему лично заняться воспитаніемъ своего немалочисленнаго семейства, посему онъ рѣшился принять къ себѣ домашняго учителя; чрезъ нѣсколько времени для этой должности онъ и вызвалъ къ себѣ изъ Саксоніи вышеупомянутаго молодаго доктора Христофора Граля. Прибылъ ли Граль изъ за границы съ званіемъ пастора, или же здѣсь уже въ Кіевѣ Лютеранское общество уполномочило его правомъ—быть для него проповѣдникомъ и духовнымъ руководителемъ, изъ уваженія къ его учености и религіозному

[1]) Лерхе собственное имя пастора Граля означаетъ постоянно буквою М, а не X.

настроенію, — это неизвѣстно; извѣстно только то, что чрезъ два года, послѣ своего пріѣзда въ Кіевъ, Граль уже исправлялъ малочисленной Кіевской Лютеранской общинѣ, состоявшей тогда только изъ 20 человѣкъ, должность проповѣдника и пастора, — отправлялъ богослуженія по старинному Саксонскому требнику, совершалъ крещенія и другія частныя требы.

Для записи совершаемыхъ имъ требъ онъ завелъ съ 1767 года метрическую книгу [1]). Въ этой книгѣ между прочимъ значится, что первое крещеніе было совершено Гралемъ надъ сыномъ тогдашняго полковника Оттона Генриха Ливена — Карломъ Христофоромъ Ливеномъ, который въ послѣдствіи былъ у насъ въ Россіи министромъ народнаго просвѣщенія. Изъ этой же книги видно, что самъ Граль въ 1770 году женился на своей воспитанницѣ, дочери аптекаря Бунге, — Аннѣ Доротеѣ. Съ теченіемъ времени Кіевская Лютеранская община увеличивалась все болѣе частью временными членами, а частью постоянными. Полковой врачъ Лерхе, бывшій въ Кіевѣ въ 1770 году, уже въ то время находилъ въ немъ больше 100 человѣкъ Лютеранской общины, — какъ онъ самъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ [2]). Къ концу 18-го вѣка чрезъ Кіевъ часто проходили войска, въ рядахъ которыхъ было немало и Лютеранъ; около того же времени чрезъ Кіевъ не мало проходило Прускихъ колонистовъ (особенно изъ Эльбинга и Данцига), изъ которыхъ нѣсколько семействъ ремесленниковъ Лютеранъ навсегда поселились въ Кіевѣ. Эти то лица еще больше увеличили приходъ Граля въ Кіевѣ. Впрочемъ пастырская дѣятельность Граля теперь неограничивалась однимъ Кіевомъ, а простиралась и дальше; напр. извѣстно, что Граль бывалъ для исполненія религіозныхъ требъ и въ Переяславлѣ, гдѣ жилъ тогда между другими Лютеранами и отецъ бывшаго фельдмаршала князя Витгенштеина. Какова была организація Кіевскаго Лютеранскаго прихода при Гралѣ, — былъ ли при немъ церковный совѣтъ, получала ли теперь Кіевская Лютеранская община какія нибудь распоряженія изъ тогдашнихъ правительственныхъ коллегій, и сносилась ли она сама съ какими нибудь правительственными мѣстами, — объ этомъ не сохранилось никакихъ памятниковъ въ церковномъ Лютеранскомъ архивѣ. Только изъ замѣтки вышеупомянутаго полковаго доктора Лерхе можно заключить, что уже въ 1770 году пасторъ Граль былъ офиціально признанъ въ своей должности, и что въ то время были: и попечитель кирхи и церковный староста. Лерхе такъ говоритъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ: „Въ 1770 году къ Кіевской кирхѣ былъ опредѣленъ пасторомъ Граль (Grahl), родомъ Саксонецъ; генералъ фонъ Ливенъ въ то время былъ ея попечителемъ, аптекарь Бунге — церковнымъ старостою; доходы пастора простирались до 200 руб. [3])“. Въ 1787 году, Импера-

[1]) Эта книга, равно какъ и требникъ, по которому Граль отправлялъ свои богослуженія, хранятся и теперь въ архивѣ Кіевской Лютеранской кирхи. [2]) Johann Jacob Lerche. Lebens- und Reise-Geschichte. Halle 1791. на стр. 442-ой. [3]) См. нашу Лѣтопись стр. 86 и 91.

трица Екатерина Великая, во время своего пребыванія въ Кіевѣ, назначила Кіевскому пастору Гралю и отъ казны ежегодное жалованье 300 р. ас., которое и до сихъ поръ получаютъ его преемники изъ Государственнаго Казначейства. При пасторѣ Гралѣ Кіевская Лютеранская община долго не имѣла нарочито устроеннаго храма для своихъ богослуженій. По словамъ Лерхе, община эта около 1770 года нанимала частный домъ и устроила въ немъ кирху. Очень вѣроятно, что въ это время кирха помѣщалась въ домѣ аптекаря Бунге, какъ основателя церковной общины и вмѣстѣ церковнаго старосты; на это находимъ довольно ясное указаніе въ самой метрической книгѣ Граля. Въ ней, въ рубрикѣ о причащеніи, подъ 1770 годомъ, между прочимъ записано такъ: „эта коммунія совершена въ домѣ г. аптекаря, такъ какъ по причинѣ чумы около полугода не совершалось почти никакого богослуженія.“ При общественныхъ богослуженіяхъ обыкновенно собирались отъ посѣтителей добровольныя жертвы, что каждый разъ съ точностію записывалъ Граль въ своей книгѣ; часть изъ этого бѣднаго сбора употреблялась на расходы, необходимые для богослуженія, — а часть сберегалась, и мало по малу къ 1794 году образовала капиталъ въ 285 р., который предназначался для постройки особой кирхи. Одинъ изъ членовъ фамиліи Бунге, которая тогда составляла основу Кіевскаго Лютеранскаго прихода, принявши въ свое распоряженіе собранные на постройку кирхи деньги, въ числѣ которыхъ были и приношенія, присланныя изъ Москвы, успѣлъ наконецъ въ 1795 году устроить въ Кіевѣ первую Лютеранскую кирху. Она была построена на Подолѣ, какъ многолюднѣйшей части города и, кажется, вблизи Воскресенской церкви, хотя объ этомъ нигдѣ не говорится ясно. При бѣдности средствъ общины, эта первая ея кирха, безъ сомнѣнія, была бѣдна: строеніе было малое, деревянное съ самыми скромными украшеніями, въ ней не было никакого органа. Эта кирха, какъ и всѣ послѣдующія, называлась Екатерининскою, [1]) только, разумѣется не въ память Великомученицы Екатерины, а въ честь Императрицы Екатерины II, при которой получено разрѣшеніе на постройку первой кирхи въ Кіевѣ, и назначенъ окладъ ея пасторамъ. – Пасторъ Граль не долго однакоже отправлялъ общественное богослуженіе въ новоустроенномъ храмѣ, онъ умеръ 30 марта 1799 года, на 57 году своей жизни, и былъ погребенъ своимъ зятемъ, Подольскимъ пасторомъ Іоанномъ Христофоромъ Реснеромъ [2]). Реснеръ послѣ того оставался въ Кіевѣ и отправлялъ тутъ всѣ требы для Кіевской общины до назначенія ей новаго пастора на мѣсто умершаго. Преемникомъ Граля былъ назначенъ въ ноябрѣ 1799 года Вильгельмъ Фердинандъ Бауершмидтъ, уроженецъ

[1]) Объ этомъ упоминается въ томъ мѣстѣ метрической книги, гдѣ пасторъ Реснеръ писалъ о погребеніи пастора Бауершмита подъ 1810 годомъ. [2]) Реснеръ жилъ въ Махновкѣ и написалъ тутъ сочиненіе на Нѣмецкомъ языкѣ о духовномъ препровожденіи времени. Одинъ экземпляръ этой книги хранится въ архивѣ Кіевской Лютеранской кирхи. — Филиппъ Вигель, въ своихъ *Воспоминаніяхъ* говоритъ, между другими Кіевскими знакомыми 1797 года, и о пасторѣ Гралѣ. См. Ч I. стр. 260; у насъ стр. 104.

Гановерскій. По окончаніи воспитанія въ своемъ отечествѣ, Бауершмидтъ прибылъ въ Лифляндію, и здѣсь жилъ нѣкоторое время въ домѣ графа Сиверса, въ качествѣ домашняго учителя, потомъ онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и отсюда уже назначенъ пасторомъ въ Кіевъ. Во время Бауершмидта въ Кіевъ прибыло еще нѣсколько семействъ ремесленниковъ Лютеранъ; но онѣ селились большею частію не на Подолѣ, гдѣ была кирха, а на Печерскѣ, гдѣ ихъ промыслы находили больше приложенія Отсюда вышли нѣкоторыя затрудненія, неблагопріятствовавшія Кіевской Лютеранской общинѣ: отдаленность и трудность сообщенія Печерска съ Подоломъ, особенно весною и осенью въ дождливую погоду, были причиною того, что Печерскіе Лютеране рѣдко посѣщали свою кирху. По этому обстоятельству генералъ Бухгольцъ однажды предлагалъ было общинѣ перенесть кирху на свой счетъ изъ Подола на Печерскъ; но это не было принято Подольскими прихожанами, которые, по своей давности, имѣли больше голоса, чѣмъ Печерскіе, недавніе пришельцы. Впрочемъ, при Бауершмидтѣ и Подольскіе прихожане не часто присутствовали при богослуженіяхъ; потому что ихъ пасторъ страдалъ чехоткою и рѣдко совершалъ службы. При Бауершмидтѣ Кіевская церковная Лютеранская община была совершенно организована: въ ней теперь былъ и попечитель кирхи и церковный старшина, и два церковные старосты, изъ которыхъ составлялся церковный совѣтъ. Попечителемъ кирхи при Бауершмидтѣ былъ сначала Кіевскій военный губернаторъ Феншъ, а потомъ комендантъ Кіевской крѣпости генералъ-маіоръ Массе, который, хотя былъ и латинскаго исповѣданія, но будучи женатъ на Лютеранкѣ, съ особенною ревностію поддерживалъ интересы Лютеранства въ Кіевѣ. Въ должности церковнаго старшины теперь былъ одинъ изъ сыновей покойника аптекаря Бунге (умершаго 19 августа 1792 г. См. стр. 104), основателя Кіевской Лютеранской общины. Въ должность церковныхъ старостъ теперь избирались почетнѣйшіе изъ сословія ремесленниковъ и притомъ на неопредѣленное время. Какая церковная суммма собиралась при Бауершмидтѣ, и на что она расходывалась, объ этомъ въ архивѣ не сохранилось никакихъ отчетовъ. Вообще Бауершмидтъ, кажется, мало заботился о церковной отчетности, онъ даже не продолжалъ церковныхъ записей въ метрической книгѣ, заведенной Гралемъ. Послѣ него осталась небольшая тетрадь, подъ заглавіемъ „Kirchen-Tabellen", въ которой онъ дѣлалъ только кое-какія замѣтки о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ своего времени. 26 марта 1811 года умеръ наконецъ и Бауершмидтъ на 11 году своего служенія и на 44 своей жизни. Его похоронилъ тотъ же пасторъ Реснеръ, который погребъ и его предшественника. Какъ по смерти Граля Реснеръ занималъ его мѣсто въ Кіевѣ до назначенія другаго пастора, такъ и теперь, по смерти Бауершмидта, онъ совершалъ нѣкоторое время церковныя требы въ Кіевской общинѣ, почти до пріѣзда новаго Кіевскаго пастора, именно до 19 апрѣля 1811 года. Какъ человѣкъ очень аккуратный, Реснеръ велъ въ Гралевой метрической книгѣ точныя замѣтки о совершенныхъ имъ требахъ; а въ одномъ мѣстѣ ея сдѣлалъ

письменное замѣчаніе, чтобы преемникъ Бауершмидта внесъ въ метрическую книгу и замѣтки покойника пастора, найденныя имъ въ особой тетрадкѣ, для чего нарочно имъ оставленъ былъ въ Гралевой книгѣ значительный пробѣлъ. Новый пасторъ не являлся въ Кіевъ, а между тѣмъ, во время страшнаго пожара 1811 года, испепелившаго большую часть Подола, сгорѣла до основанія и Лютеранская Екатерининская кирха. Къ утѣшенію общины, наконецъ явился и давно жданный ею пасторъ Юстъ Фридрихъ Эйсманъ. Прибывши въ Кіевъ въ мартѣ 1812 года, онъ съ 14-го апрѣля началъ совершать общественное богослуженіе въ домѣ генералъ-маіора Бѣгичева, [1]) который для этой цѣли уступилъ въ немъ даромъ нѣсколько комнатъ Такимъ пожертвованіемъ Лютеранская община была обязана сколько доброхотству жертвователя, столько же и ходатайству и заботливости своего новаго образованнаго и дѣятельнаго пастора [2]).

Около $7\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ Кіевская Лютеранская община собиралась для своего богослуженія въ домъ генерала Бѣгичева; наконецъ она стала помышлять и объ устройствѣ особаго удобнѣйшаго мѣста для своихъ молитвенныхъ собраній, не смотря на то, что въ церковной кассѣ тогда было всего около 400 р. Долго община не могла согласиться между собою на счетъ мѣста предполагаемой постройки; одни изъ ея членовъ подавали голосъ за Подолъ, а другіе за Печерскъ: но такъ какъ послѣдняя половина была многочисленнѣе, то и голосъ ея былъ уваженъ. Опасаясь несчастныхъ случаевъ пожара, община желала для своихъ построекъ получить уединенное обширное мѣсто въ 5,500 квадратныхъ саженъ, — то самое живописное возвышенное мѣсто, центръ котораго занимаетъ теперешняя кирха. По ходатайству Коменданта Александра Осиповича Массе, Гражданскаго Губернатора Александра Львовича Десанти и другихъ вліятельныхъ лицъ, мѣсто это для Лютеранской общины городъ уступилъ *даромъ* [3]), и вскорѣ былъ полученъ планъ для временныхъ церковныхъ построекъ и для каменной кирхи. Такъ какъ для постройки каменной кирхи теперь оказывалось въ церковной кассѣ слишкомъ мало средствъ, и при томъ, теперь нельзя было расчитывать на подмогу со стороны отдаленныхъ единовѣрцевъ Русскаго царства, по причинѣ тогдашнихъ военныхъ дѣйствій въ Россіи, то общество порѣшило выстроить теперь по крайней мѣрѣ временную кирху деревянную на каменномъ фундаментѣ и такую же квартиру для пастора, отложивши постройку каменной кирхи до бу-

[1]) Теперь на этомъ мѣстѣ находится Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ. [2]) Онъ родился въ герцогствѣ Саксенъ-Кобургскомъ, въ городѣ Родахъ, и воспитывался сначала въ Кобургской академической гимназіи, а потомъ въ Іенскомъ университетѣ. Въ 1791 году онъ получилъ должность проповѣдника, которую проходилъ въ разныхъ мѣстахъ, и наконецъ, съ званіемъ сеньора восточной Галиціи, былъ назначенъ въ Кіевъ. [3]) Объ этомъ я въ дѣтствѣ своемъ *неоднократно* слышалъ. Это самое подтверждаетъ и Похилевичъ, который впрочемъ въ своемъ описаніи Лютеранской кирхи (Кіевск. губерн. Вѣдом. 1865 года, стр 313), выписалъ изъ моего *Описанія Кіева* свидѣтельство Лерхе въ переводѣ *слово въ слово*, но сослался на Нѣмецкій текстъ (!).

дущаго времени. Наконецъ, 25 іюня 1812 года, торжественно были положены первые камни въ основаніе предполагавшихся строеній. Тогдашніе церковные старосты Эммануилъ Бергеръ, Гейнрихъ Цитенъ и Юстъ Карле съ особеннымъ усердіемъ и умѣньемъ заботились о ходѣ постройки; но оказалось чрезъ нѣсколько времени, что имъ недоставало еще много средствъ для ея окончанія: зданіе кирхи едва было возведено до половины, — а между тѣмъ въ церковной кассѣ денегъ уже не было. Къ тому же, тогда еще грозила опасность Кіеву отъ враговъ, которые были теперь въ самомъ сердцѣ Россіи. При такихъ обстоятельствахъ, знатнѣйшіе члены общины, особенно комендантъ Кіевской крѣпости генералъ-маіоръ Массе, бывшій тогда церковнымъ попечителемъ, совѣтовалъ обществу отложить постройку до слѣдующей весны; но строители, церковные старосты, рѣшились во что бы то ни стало продолжать работу. Не боясь и опасностей войны, они заняли было 10,000 р. ас. подъ залогъ собственныхъ домовъ, и въ продолженіи 5 мѣсяцевъ совершенно окончили постройку. Новоотстроенную кирху пасторъ Эйсманъ торжественно освятилъ 1-го декабря 1812 года. Вблизи кирхи тогда же была выстроена квартира для пастора такого же самаго фасада, и величины, какъ и кирха. Значительный долгъ, въ который вошла община, по случаю постройки сказанныхъ строеній, былъ погашенъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, частью приношеніями членовъ своей общины, а частью пожертвованіями членовъ другихъ общинъ. Новоустроенной кирхѣ, для ея благолѣпія, теперь недоставало главнымъ образомъ органа, — а между тѣмъ и денегъ въ церковной кассѣ не было. Въ такихъ обстоятельствахъ пасторъ Эйсманъ принялъ на себя лично трудъ позаботиться о пріобрѣтеніи органа: онъ разновременно приглашалъ къ пожертвованіямъ то своихъ, то чужихъ прихожанъ, и наконецъ въ 1819 году успѣлъ таки пріобрѣсть органъ, который стоилъ до 6000 руб., какъ значится въ счетѣ Эйсмана. Такимъ образомъ Нѣмецкая церковь была приведена въ благоустроенный видъ. Мы хорошо помнимъ эту бывшую деревянную кирху: она имѣла направленіе отъ юга къ сѣверу, длина ея была сажень восемь, а ширина четыре, внутри оштукатурена и побѣлена; входныя двери были съ южной стороны, и возлѣ нихъ, влѣво стоялъ органъ, который, впрочемъ, рѣдко употреблялся за неимѣніемъ постояннаго органиста. Два ряда скамей занимали пространство церкви, на одной (восточной) стѣнѣ коея висѣло изображеніе Св. Апостола Павла, а на противоположной портретъ Мартина Лютера. Алтарное мѣсто устроено было въ видѣ полукруга; дуги по обѣ стороны въ углахъ зданія образовали мѣсто для Пастора (Sacristey) и для кладовой. Посрединѣ полукружія находился престолъ, а надъ нимъ образъ Снятія Спасителя со Креста—произведеніе Кіевской кисти, по мѣстамъ съ позолоченными лучами. Образъ этотъ былъ въ золотой рамѣ рококо. Надъ этимъ образомъ, въ видѣ ложи, помѣщалась пасторская каѳедра (Kanzel), съ которой онъ говорилъ проповѣди. Но какъ не всегда можно было имѣть органиста, то Пасторъ Эйсманъ вмѣстѣ съ тѣмъ исправлялъ должность Кистера или

Кантора, и для предсѣдящихъ прихожанъ обыкновенно самъ начиналъ общественное пѣніе. Вообще, пасторъ Эйсманъ отличался особеннымъ усердіемъ и аккуратностію по своей должности. По замѣткѣ пастора Реснера, онъ вписалъ въ книгу Граля статьи изъ замѣтокъ Бауершмидта и самымъ аккуратнымъ образомъ записывалъ тутъ статьи совершенныхъ имъ требъ. Кромѣ того, онъ завелъ еще особую церковную книгу, въ которой съ 1812 года записывалъ протоколы засѣданій церковнаго совѣта и корреспонденціи своей общины; здѣсь также онъ велъ собственноручно церковную хронику. При прежнихъ пасторахъ обыкновенные годичные доходы церковные всѣ почти употреблялись на покрытіе обыкновенныхъ годичныхъ расходовъ; но пасторъ Эйсманъ велъ такъ дѣла, что при немъ изъ обыкновенныхъ годичныхъ доходовъ всегда оставались излишки, которые отдавались въ ростъ. Немаловажнымъ источникомъ дохода кирхи при немъ былъ, между прочимъ, и устроенный Лютеранскою общиною погребальный катафалкъ, который нанимали, на случай погребенія, не рѣдко и Римско-Латыняне и Православные. Къ тому же при Эйсманѣ находились и щедрые жертвователи, которые своими вкладами значительно увеличивали бѣдный капиталъ кирхи. Такъ, въ 1823 году, бывшій въ то время церковнымъ старшиною, камергеръ графъ Остенъ Сакенъ пожертвовалъ въ пользу кирхи 1000 р. ас.,—въ 1831 году коллежскій ассесоръ Петръ Роде пожертвовалъ 8000 р. ас. изъ коихъ половину на усиленіе кассы церковной, а половину на постройку дома для церковной школы. Въ 1843 г. тоже на постройку дома для училища пожертвовала 600 р. с. какая-то акушерка Бергъ, и пр. Этими и другими болѣе или менѣе значительными пожертвованіями и процентами на нихъ очень увеличился основный церковный фондъ. Однако же пасторъ Эйсманъ и къ концу своей жизни находилъ его еще далеко недостаточнымъ для постройки новой каменной кирхи. При Эйсманѣ Лютеранская община потерпѣла значительный ущербъ только отъ того, что у нея городъ отобралъ большую часть земли, какъ свою собственность; потому что земля эта, въ продолженіи 20 лѣтъ, ничѣмъ незастраивалась, а между тѣмъ увеличивавшееся населеніе Кіева требовало мѣстъ для постройки новыхъ домовъ. По этому кирха, прежде стоявшая на Кловѣ уединенно отъ города, мало по малу очутилась въ срединѣ города, въ ряду болѣе и болѣе тѣсныхъ строеній частныхъ лицъ. Между кирхою и квартирою пастора, стоявшихъ другъ противъ друга, теперь была прорѣзана и та широкая улица, которая нынѣ носитъ названіе Лютеранской. При такихъ обстоятельствахъ скончался пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ своей общины пасторъ Эйсманъ въ 1846 году, 10 іюля, послѣ 30 лѣтняго служенія своему обществу, на 55 году своей жизни; только послѣдніе три года жизни своей онъ провелъ на покоѣ. Мѣсто пастора Эйсмана 31-го января 1843 года, занялъ Іоаннъ Готфридъ Абель. Родившись въ Лифляндіи, Абель получилъ воспитаніе въ Дерптѣ, и съ 1828 года, до перехода въ Кіевъ, былъ дивизіоннымъ пасторомъ, и жилъ сначала въ Новгородѣ, а потомъ въ Олонецкѣ. Съ прибытіемъ

въ Кіевъ новаго пастора, Кіевская Лютеранская община постановила для себя непремѣнною задачею построить новую пространную каменную кирху, тѣмъ болѣе, что тогдашняя кирха, съ постепеннымъ увеличеніемъ ея прихожанъ, оказывалась все болѣе и болѣе тѣсною, но за неимѣніемъ достаточныхъ къ этому средствъ дѣло о постройкѣ новой кирхи тянулось въ разныхъ предположеніяхъ и сборахъ до 1852 года; наконецъ ему суждено было и осуществиться. Бывшій тогда церковнымъ старостою, генералъ-лейтенантъ Оттонъ Фрейманъ съ энергіею принялся за это предпріятіе; архитекторъ академикъ Штромъ подарилъ обществу составленные для предполагаемой постройки чертежи, а жена генерала Фреймана изъ подарковъ, предложенцыхъ, частью членами общины, а частью лицами и другихъ вѣроисповѣданій, устроила лоттерею, которая оказалась очень удачной; г-жѣ Фрейманъ вмѣстѣ съ г-жею Траутфеттеръ удалось въ одномъ Кіевѣ роздать лотерейныхъ билетовъ до 1840. Между тѣмъ церковный совѣтъ, состоявшій тогда изъ церковныхъ старостъ (теперь они избирались только на три года) надворныхъ совѣтниковъ гг. Краузе и Фелькнера, архитектора Ганфа, купца Шеделя и ремесленниковъ Кордеса и Клюге, — обратился съ просьбою о вспомоществованіи къ отдаленнымъ собратіямъ своимъ Остзейцамъ. На этотъ призывъ отозвались многія знатныя лица съ полнымъ сочувствіемъ; раздавать лоттерейные билеты въ пользу Кіевской кирхи тогда приняли на себя трудъ—вицепрезидентъ генеральной консисторіи, докторъ Ульманъ, жившій въ Ригѣ; генералъ-суперъ интендентъ Лифляндскій, жившій тогда въ Вольмарѣ, докторъ Ф. Вальтеръ,— главный пасторъ Митавскій Неандеръ,—Ревельскій пасторъ Гранъ, — полковникъ Зейдлицъ и генералъ Гофманъ, жившіе въ Петербургѣ, и другія лица въ разныхъ мѣстахъ; такъ что весь сборъ лоттерейный въ общемъ итогѣ доходилъ до 5,200 р. сер. При розыгрышѣ многія вещи, подходившія для украшенія кирхи, были опять подарены въ ея пользу, а другія куплены по очень сходной цѣнѣ. Такъ посчастливилось пріобрѣсть для новой кирхи, между прочимъ, великолѣпный образъ, представляющій явленіе Спасителя Апостолу Ѳомѣ—историческаго живописца Бера. Ему гдѣ то предлагали за этотъ образъ до 850 р. сер., а онъ уступилъ его Кіевской общинѣ, по ходатайству одного изъ ея членовъ, всего только за 500 р. сер. Между тѣмъ какъ собирались средства для предполагаемой постройки, въ 1855 г. былъ полученъ и Высочайше утвержденный планъ ея на имя церковнаго совѣта, котораго предсѣдателемъ тогда былъ церковный старшина, замѣнившій мѣсто генерала Фреймана, бывшій директоръ Кіевскаго кадетскаго корпуса полковникъ и впослѣдствіи генералъ Вольскій. 19-го іюля 1855 г. торжественно былъ положенъ первый основный камень теперешней кирхи, вблизи прежней деревянной, съ лѣвой, восточной ея стороны. Члены церковнаго совѣта, съ особеннымъ усердіемъ и бережливостію слѣдившіе за церковными работами, остались, по просьбѣ общины, и на слѣдующее трехлѣтіе. Продолжая слѣдить за работами съ прежнимъ усердіемъ и умѣньемъ въ изысканіи средствъ для постройки,

они нерѣдко приходили въ самое затруднительное положенiе при совершенномъ истощенiи строительной кассы; но тутъ являлся къ ихъ услугамъ какой нибудь неожиданный случай, ободрялъ ихъ и давалъ новыя средства къ продолженiю работъ. Кромѣ пожертвованiй вещами и особыхъ денежныхъ пожертвованiй, которыхъ теперь набралось въ строительной кассѣ до 8,800 р. сер., — еще общаго сбора съ общины на постройку кирхи было до 5,600 съ лишнимъ руб. сер [1]). Такимъ образомъ, въ продолженiи самаго короткаго времени, всей строительной суммы набралось до 19,600 р. сер. Но такъ какъ и этихъ денегъ было недостаточно для окончанiя постройки, то еще былъ сдѣланъ заемъ въ 4,000 р. сер. въ церковной училищной кассѣ и около 1,500 р. сер. въ разныхъ мѣстахъ; такъ что всего долга было сдѣлано почти на 5,500 р. сер. Вся постройка новой кирхи обошлась общинѣ, по точному счету, въ 24,832 р. сер. Такимъ образомъ Кiевская Лютеранская община увидѣла наконецъ предъ собою давно желанную ею каменную, очень просторную и благолѣпную кирху, Готической архитектуры. При всей своей наружной и внутренней простотѣ, теперешняя кирха отличается изяществомъ стиля, особенною свѣтлостiю и тѣмъ важнымъ удобствомъ, что въ ней слова проповѣдника очень звучно и отчетливо могутъ разноситься въ самые отдаленные ея уголки.

Окончивши такъ успѣшно свое давнишнее предпрiятiе, Кiевская Лютеранская община рѣшилась ознаменовать освященiе своей новоустроенной кирхи особеннымъ церковнымъ торжествомъ. Ко дню освященiя ея она пригласила въ Кiевъ генералъ-суперъ-интендента С.-Петербургскаго округа, вице-президента Лютеранской консисторiи, доктора Флитнера. Онъ прибылъ сюда 25-го iюля, (1857 г.) и назначилъ днемъ освященiя кирхи 4-е августа. Въ этотъ день, около 10-ти часовъ утра, община, собравшаяся предварительно въ домѣ пастора, двинулась съ пѣнiемъ священнаго гимна къ старой кирхѣ; общинѣ предшествовалъ генералъ-суперъ-интендентъ и пасторъ Абель. Въ старой кирхѣ община пропѣла другую пѣснь, и пасторъ Абель произнесъ благодарственную и вмѣстѣ прощальную рѣчь; Потомъ община запѣла: „Благослови, Боже, нашъ выходъ...“, а генералъ-суперъ-интендентъ въ это время взошелъ въ алтарь, взялъ тамъ церковные сосуды и открылъ шествiе въ сопровожденiи общины въ новую кирху. Порядокъ процессiи былъ слѣдующiй: генералъ-суперъ-интендентъ съ чашею и дискосомъ шелъ впереди, за нимъ шелъ пасторъ Абель съ крестомъ, потомъ церковный староста г. Гартманъ съ богато-украшенною Библiею, пожертвованною г-жею Глезеръ, далѣе архитекторъ Шлейферъ съ серебряннымъ блюдомъ, на которомъ лежали ключи отъ новой кирхи; затѣмъ слѣдовали другiе знатнѣйшiе члены общины съ другими церковными принадлежностями, и наконецъ вся община въ приличномъ

[1]) Л. Похилевичъ въ своемъ сочиненiи: „Монастыри и церкви г. Кiева“ говоритъ, что на постройку этой кирхи большею частью жертвовали инженерные офицеры, строившiе Кiевскую крѣпость. Кiев. губ. Вѣд. 1865 г. стр 313.

порядкѣ. Пришедши къ главной двери новой кирхи, генералъ суперъ-интендентъ взялъ изъ рукъ церковнаго старшины ключъ, украшенный бантомъ лентъ и отворилъ дверь кирхи. Кирха уже была прекрасно освѣщена щедростію г-жи Марръ. При входѣ сюда процессіи, съ хоръ кирхи раздалось прекрасное пѣніе священнаго гимна, съ аккомпаниментомъ гармонихорда. Затѣмъ суперъ-интендентъ внесъ въ алтарь священные сосуды, и освятилъ, какъ алтарь, такъ и каѳедру, при чемъ сказалъ задушевное слово благодаренія всѣмъ тѣмъ близкимъ и дальнимъ жертвователямъ и благотворителямъ, которые содѣйствовали устроенію новой кирхи. Потомъ хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ съ аккомпаниментомъ оркестра пропѣлъ великое аллилуіа изъ „Мессіи" Гайдена. Затѣмъ, было совершено обыкновенное недѣльное богослуженіе. Во время богослуженія все, что слѣдовало, выполнялъ хоръ избранныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ съ аккомпаниментомъ гармонихорда. По окончаніи проповѣди, которую произносилъ съ каѳедры пасторъ Абель, хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ съ аккомпаниментомъ оркестра пропѣлъ изъ ораторіи Гайдена: „Міроздание" „Небеса повѣдаютъ славу Божію." Въ заключеніе всего хоръ пропѣлъ гимнъ: „Буди съ нами, Господи..." Замѣчательно, что въ числѣ присутствовавшихъ при освященіи кирхи была и дочь перваго пастора Кіевскаго Граля, 72-хъ-лѣтняя вдова, маіорша Анна Елисавета Циммербергъ. Церковное торжество освященія кирхи было заключено праздничнымъ обѣдомъ, который былъ данъ общиною для избранныхъ въ домѣ дворянскаго клуба. Вскорости, послѣ освященія новой кирхи полученъ и превосходной отдѣлки органъ, пожертвованный Кіевскимъ первой гильдіи купцемъ г. Кельномъ, изготовленный въ Кельнѣ при Рейнѣ и стоющій болѣе трехъ тысячъ рублей.

Чрезъ два года, послѣ освященія новой каменной кирхи, скончался ея пасторъ Абель; а на его мѣсто 5-го февраля 1859 года назначенъ консисторіею помощникъ пастора С.-Петербургской Петропавловской кирхи — теперешній пасторъ Кіевской Лютеранской общины — Александръ Фромгольдъ Эрнестовичъ Свенсонъ, тоже воспитанникъ Дерптскаго университета. Въ заключеніе прибавимъ еще слѣдующія извѣстія: по Статистическимъ свѣдѣніямъ, въ Кіевѣ находится въ настоящее время 192 души мужескаго пола и 136-ть женскаго. S. Petersburger Sonntagsblatt 1864 г. въ номерѣ 45-мъ сообщаетъ, что близъ Нѣмецкой кирхи, (къ сѣверу отъ нея), въ упомянутомъ 1864 г. окончена постройка помѣстительнаго каменнаго дома для Лютеранскаго училища, изрядной архитектуры. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается жилье для кистера. На это строеніе употреблено до десяти тысячъ рублей серебромъ. Объ этомъ фактѣ Л. Похилевичъ замѣчаетъ слѣдующее: „Въ 1864 г. Нѣмцы основали при церкви училище, съ преподаваніемъ на Нѣмецкомъ языкѣ и съ предложеніемъ своихъ услугъ Кіевлянамъ, желающимъ воспитывать своихъ дѣтей не на отечественномъ нарѣчіи и не въ общихъ школахъ. Преподаватели выписаны изъ-за границы" [1]).

[1]) Кіев. губ. Вѣд. 1865 г. стр. 313.

§ ЕКАТЕРИНЫ СВ. ЦЕРКОВЬ.

см. § 105. ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ МОНАТЫРЬ.

§ 53. ЖЕЛАНЬ.

Урочище, упоминаемое въ Лѣтописяхъ подъ 1093, 1136 1146, 1162 и 1169 годами. Сравнивая слова Лѣтописей съ мѣстоположеніемъ, мы должны предположить, что оно находилось между Лыбедью и Кирилловскимъ монастыремъ. Въ 1093 г. Святополкъ, защищая Кіево-Подолъ отъ разоренія, производимаго Половцами, между Кіевомъ и Вышгородомъ, не могъ имѣть удобнѣе этого мѣста; *А друзіи* (другая часть Половцевъ) *поидоша Кыеву, пустиша на воропъ* (разореніе) *межи Кыевъ и Вышегородъ. Святополкъ же выиде на Желаню, и поидоша противу собѣ обои.* (Лаврент. стр. 64). Подъ 1136 г. *Олговичи съ Половци переидоша Днѣпръ, декабря въ 29, и почаша воевати отъ Трьполя около Красна и Васильева* (Василькова) *и до Бѣлагорода* (Бѣлогородки), *оли же до Кыева и по Желанѣ* (слѣдовательно въ верховьяхъ ручья Сырца), *и до Вышьгорода и до Деревъ и черезъ Лыбедь стрѣляхуся.* (Ипат. 14), А въ 1146 г. Игорь II, съ братомъ Святославомъ, *Бывшимъ имъ у Олговы* (Олеговой) *могилы,* т. е., на Скавикѣ, могли отъ сего только мѣста (а не за 12 верстъ), видѣть войско Изяслава II, стоящее на Оболони, или собственно на Желани, возлѣ Кирилловскаго монастыря. *И пришедъ ста на Желяни.* (Лавр. 136). По Ипатіевск. Лѣтоп. подъ 1162 г., при нападеніи Половцевъ на область Кіевскую *Торци же постигоша возы ихъ* (союзниковъ Изяслава III) *на Желяни*; и подъ 1169 г. *Ярополкъ же* (одинъ изъ Удѣльныхъ Князей, вышедшій изъ Кіева) *съ Берендичи настигоша Володимера* (Мстиславича Вышгородскаго) *на Желяни у Добраго дуба...... и тако ѣхаша...... до Всеволожа* (Выдубицкаго) *манастыря, и ту воротися Ярополкъ въ городъ* (стр. 90, 96). Слѣдовательно, нельзя согласиться съ Карамзинымъ (Т. II, прим. 167) въ томъ, что древнее *Желань* есть нынѣшняя деревня *Жиляне*, собственно *Жуляны*, находящаяся въ 8-ми верстахъ къ югу отъ Кіева, тѣмъ болѣе, что деревня сія произошла недавно отъ переселенія крестьянъ (пожильцевъ) Софійскаго монастыря, коему это мѣсто подарено. Сіе явствуетъ изъ крѣпостныхъ записей; см. Опис. Кіевск. Софіи, стр. 206, и въ Приложеніи: Грамоты, данныя Петромъ I, 1700 года, Варлааму Ясинскому, № 29-й; 1708 г. Іоасафу Кроковскому, № 36, и 1710 г., ему же, № 37-й. Тоже Берлинскаго стр. 117, и 178.

§ 54. ЖИДОВСКАЯ УЛИЦА.

а) ЖИДОВСКІЯ ВРАТА, б) ЖИДОВСКІЯ КЛАДОВИЩА.

Жиды были въ Кіевѣ съ незапамятныхъ временъ, и особенно имѣли случай селиться въ нашей древней столицѣ, когда она была подъ властію Козаръ или Хазаръ, исповѣдывавшихъ нѣкогда Іудейство.

Преп. Несторъ пишетъ: *По сихъ же лѣтѣхъ..... наидоша я҆* (Полянъ Кіевскихъ) *Козарѣ, сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ. И рѣша Козари: „платите намъ дань.“ Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь.* (Лаврен. стр. 7). Въ житіи Св. Кирилла Философа, „учителя Словенску языку,“ жившаго въ 9-мъ вѣкѣ, въ одномъ мѣстѣ говорится: *Абие же* (Св. Кириллъ) *пути ся ятъ* (въ Козары) *и Херсона* (въ Крыму) *дошедъ, научися ту Жидовстѣй бесѣдѣ и книгамъ* [1]). Но въ древнемъ Херсонѣ, развалины коего находятся у самаго Севастополя, были люди, кои разумѣли и по-Русски, были и Русскіе, что видно изъ текста житія сего: *И Самарянинъ же нѣкто живяше ту и приходи къ нему* (къ Св. Кириллу), *стязашеся съ нимъ, и принесъ книги, показа ему..... И обрѣте* (Св. Кириллъ) *Евангеліе и Псалтирь Рускими письмены писано, и человѣка обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою* и проч. Слѣдовательно, по всей вѣроятности, Крымъ былъ то мѣсто, откуда Жиды, отъ временъ доисторическихъ для Руси, наводняли собою нашъ древній Кіевъ. Почти во всѣ времена мы видимъ ихъ въ нашей первопрестольной столицѣ. Въ Лѣтописи подъ 986 г. упоминается, что Жиды являются къ В. Кн. Владиміру I, желая обратить его въ свою вѣру. *Се слышавше Жидове Козарьстіи, придоша, рекуще* и проч. (Лаврен. стр. 36). Въ древнѣйшемъ житіи Преп. Θеодосія говорится о Жидахъ такъ: *Се бо и сиць обычаи имяше блаженыи, якоже многишьды въ нощи въстая и отаи въсѣхъ исхожаше къ Жидомъ. И тѣхъ, еже о Христѣ, прѣпирая, коря и досажая тѣмъ* и проч. [2]). Далѣе мы читаемъ въ Ипатіевской Лѣтописи подъ 1113 г. Слѣдующее: *Преставися благовѣрный Князь Михаилъ, зовемый Святополкъ..... Кыяне же разграбиша дворъ Путятинъ Тысячьского, идоша на Жиды и разграбиша я҆..... Се же слышавъ Володимеръ, поиде въ Кыевъ.* (стр. 4). Въ Лаврентьевскомъ спискѣ о разграбленіи Жидовъ не упомянуто. Но въ Русской Правдѣ находится слѣдующее важное постановленіе, служащее объясненіемъ причины, по которой народъ въ Кіевѣ разграбилъ Жидовъ. *О мѣсяцьнѣмъ рѣзѣ. А мѣсяцьный рѣзъ, оже ся мало днии: то имати ему* (т. е. За малое время взимаются проценты по-мѣсячно). *Зайдуть ли ся куны до того же года* (Если должникъ продержитъ взятый капиталъ цѣлый годъ): *то дадятъ ему куны въ треть*: (то платитъ ростъ по третямъ въ годъ, потому что онъ менѣе мѣсячнаго роста); *а мѣсяцьны рѣзъ отгрѣнути* (а по-мѣсячно процентовъ болѣе не брать) и т. д. *А се устави Володимиръ Всеволодичь, по Святополче* (т. е. смерти 1113 г.) *съзва дружину свою на Берестовомъ..... и устави люди до третьяго рѣза, оже емлеть въ рѣзъ куны* (т. е. уставилъ, чтобы тѣмъ людямъ, кои отдаютъ деньги (куны) на проценты, брать ростъ съ денегъ не болѣе трехъ разъ). *Аже кто възмѣть два рѣза, то то взяти ему исто.* (Кто возметъ за свой капиталъ проценты за двѣ трети, тотъ можетъ въ третій разъ, за одинъ годъ, получить и *истое*, истинныя свои деньги, капиталъ). *Пакы ли възметь три рѣзы: то иста*

[1]) По списку Большихъ Макарьевск. Четій-Миней. [2]) Арсеніевская Рукопись 1406 г.

ему не взяти. (Но заимодавецъ, взявъ три раза съ одного должника третные росты, лишается на будущее своего капитала [1]). Изъ приведенныхъ выше текстовъ Лѣтописи и Русской Правды явствуетъ, что Кіевляне, страдая въ своихъ интересахъ отъ ненасытнаго корыстолюбія Жидовъ, при первомъ случаѣ излили всю злобу свою на это тягостное племя и разграбили ихъ. Здѣсь необходимо обратить вниманіе на особенныя нравственныя качества Жидовъ, которыя опредѣляли ихъ положеніе среди

[1]) Русскія Достопамятности, издаваемыя Общест. Исторіи и Древностей Россійскихъ. Часть I. издалъ Константинъ Өедоровичъ Калайдовичъ. Москва, 1815 г. стр. 40. — При этомъ случаѣ мы должны сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: Нѣкоторые новѣйшіе писатели думаютъ, что Русская Правда была написана и дана Великимъ Княземъ Ярославомъ I Владиміровичемъ, въ видѣ привилегіи, *исключительно* для Новгородцевъ, и что сила изображенныхъ въ ней законовъ не имѣла никакой обязательности для Кіева и его областей, которыя *тогда*, замѣтимъ мимоходомъ, преимущественно почитались *Русскою Землею*. См. нашу Лѣтопись, стр. 23. Мнѣніе сіе основываютъ эти господа на томъ только обстоятельствѣ, что *Русской Правды не находится ни въ какой Кіевской Лѣтописи и ни въ какомъ Кіевскомъ древнемъ письменномъ памятникѣ*. Кромѣ фразъ и многословія, болѣе существенныхъ доказательствъ съ ихъ стороны мы не знаемъ.

Насколько, впрочемъ, это мнѣніе справедливо, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ соображеній: а) Мы знаемъ, что ни одной древней рукописи книгъ Евангельскихъ, писанныхъ въ Кіевѣ, не дошло до насъ, или по крайней мѣрѣ доселѣ нигдѣ не отыскано; между тѣмъ мы имѣемъ Остромирово Евангеліе, писанное въ 1056 г. въ Новѣгородѣ, Мстиславово Евангеліе, писанное раньше 1125 г., тоже въ Новѣгородѣ. И такъ, по Логикѣ этихъ ученыхъ, мы должны сдѣлать слѣдующее заключеніе: Такъ какъ Кіевскихъ памятниковъ этого рода нѣтъ, то въ Кіевѣ и Евангеліе было неизвѣстно и Вѣра Христіанская не имѣла тамъ никакого вліянія, но она началась въ Новгородѣ и оттуда мало по малу распространялась. Если этому никто не повѣритъ, то также нельзя повѣрить и тому странному мнѣнію, что *Русская* Правда не была закономъ для *Русской* земли, т. е. для Кіева и его областей, а только для Новагорода. Одно слово *Русская* обличаетъ всю неосновательность такого мнѣнія. Присемъ надобно принять во вниманіе, что Кіевъ былъ нѣсколько разъ совершенно разоряемъ, чего Новгородъ не испытывалъ. Стало быть въ Кіевѣ ничто не могло уцѣлѣть. Но разореніе, какое бы оно ни было, не можетъ еще составить доказательства, что ни *Вѣры*, ни *Правды* не было въ Кіевѣ. — б) что Русская Правда имѣла силу закона и для Кіева, по преимуществу тогда Русскаго города, то текстъ самой Правды служитъ очевиднымъ доказательствомъ: *По Ярославѣ же паки съвъкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ*, (все это лица, жившія въ югозападной части Россіи, и ни одного Новгородца), *и отложиша убиение за голову. Но кунами ся выкупати. А ино все, яко же Ярославъ судилъ, тако же и сынове его уставиша.* Не уже ли все это для одного только Новагорода? Далѣе: *А се уставилъ Володимиръ Всеволодичь по Святополче, съзвавъ дружину свою на Берестовомъ.* А Берестово находится въ Кіевѣ. Народъ разграбилъ Жидовъ въ Кіевѣ, слѣдовательно и законъ уставленъ для Кіева и *всей Русской Земли.* — в) Знатоки древнихъ историческихъ памятниковъ Сѣверной Европы, какъ то Шлецеръ, Струбе де Піермонтъ, свидѣтельствуютъ, а изслѣдованія Голдаста, Линденброка, Юма и другихъ показываютъ, что Русская Правда чрезвычайно сходна во многомъ съ древними письменными законами Англіи, Даніи, Швеціи, словомъ всѣхъ народовъ Германскихъ; и по справедливости наши историки относятъ Русскую Правду ко временамъ отдаленнѣйшимъ и притомъ для всей Руси. Принимая все доселѣ сказанное во вниманіе, можно ли утверждать, что Русская Правда имѣла силу закона только для Новгородцевъ?! — г) Въ заключеніе приведемъ слова *истинныхъ* знатоковъ нашихъ Древностей, какъ то: К. Ө. Калайдовича, славнаго автора книги *Іоаннъ, Екзархъ Болгарскій.* Онъ пишетъ: „Ярославъ далъ законы Новгородцамъ, которые безъ сомнѣнія не были сочинены въ то время, но задолго до него существовали въ Кіевѣ, съ чемъ согласится всякій, кто приметъ въ уваженіе нижеслѣдующія доказательства." и т. д. (Русск. Достоприм). Н. М. Карамзина, который о Русской Правдѣ написалъ: „Законы эти конечно были государственными или *общими*, хотя древніе списки ихъ сохранились единственно въ Новѣгородѣ." Объ этомъ говоритъ онъ неоднократно въ своей Исторіи Государства. Россійск. См. издан. 6-е Т. II. стр. 46; прим. 65,66 и друг.

другихъ народовъ, между коими они жили. Эгоистическое ученіе Талмуда связывало всѣ части Жидовскаго племени, разсѣяннаго по всѣмъ странамъ, сохраняло ихъ національность и отчуждало не только отъ религіи, но и отъ нравовъ, обычаевъ и интересовъ другихъ народовъ; поэтому Жиды вездѣ составляли отдѣльныя общества. По глубоковкоренившимся привычкамъ они всегда чуждались тѣхъ промысловъ и занятій, въ которыхъ умѣренная прибыль пріобрѣтается постояннымъ и тяжелымъ трудомъ. Умственныя ихъ силы были съ давнихъ временъ въ значительной степени развиты и направлены къ ариѳметическому расчету, къ соображенію интересовъ и къ извлеченію изъ нихъ собственной выгоды. Такъ дѣйствовали Жиды въ плѣну Вавилонскомъ и въ польской Рѣчи Посполитой, кратко, во всѣхъ странахъ послѣ разсѣянія, таковы они и нынѣ. Занимаясь употребленіемъ въ ростъ капиталовъ, Жиды пріобрѣли глубокія практическія познанія въ финансахъ. Въ средніе вѣки часто завѣдывали государственными доходами, въ видѣ откупа; что было для нихъ источникомъ обогащенія. Слѣдствіемъ участія Жидовъ въ подобныхъ оборотахъ было угнѣтеніе народа и разореніе страны. Ссудами капиталовъ, обезпеченныхъ залогами и законами, за непомѣрные проценты, они поглощали большую часть произведеній народнаго труда и уничтожали тѣмъ всякую производительность. Таково было вліяніе Жидовъ на общества, среди которыхъ они жили, и потому неудивительно, что они часто подвергались ихъ ненависти и гоненіямъ [1]). Примѣръ этой ненависти мы видимъ изъ приведеннаго выше текста Ипатіевской Лѣтописи подъ 1113 г. Татищевъ, въ своей Исторіи, пишетъ, что Владиміръ Мономахъ, при вступленіи на престолъ Кіевскій, въ 1113 г., выслалъ всѣхъ Жидовъ изъ Кіева, что съ того времени не было ихъ въ столицѣ, и народъ обыкновенно убивалъ тѣхъ, которые дерзали пріѣзжать въ Россію; но объ этомъ обстоятельствѣ Лѣтописи наши рѣшительно ничего не говорятъ, слѣдовательно это выдумка Татищева [2]). Въ Лѣтописяхъ напротивъ того, вскорости послѣ разграбленія Жидовъ, сказано, что они *погорѣли*; слѣдовательно ихъ не выгнали. Вотъ этотъ текстъ, подъ 1124 г. *Бысть пожаръ великъ Кыевѣ, яко погорѣвшю ему мало не всему, по два дни, по Подолью и по Горѣ, яко церквій единыхъ изгорѣ близъ 6-ти сотъ* (??). *Се же бысть мѣсяца іюня въ 23 день и въ 24, на Рожество Іоана Предтечи.* Лаврен. стр. 128. Въ Ипатіев. подробнѣе: *У се же лѣто бысть бездожьіе. Тогды жъ погорѣ Подолье все, на канунѣ святаго Рожества Ивана Крестителя и Предътеча; въ утрій же день погорѣ Гора и монастыреве вси, что ихъ на Горѣ въ градѣ* (Ярославовой крѣпости) *и Жидове* (стр. 10). Въ Ростовской (стр. 97), Воскресенской (Т. I. стр. 263) тоже, но эти позднѣйшія компиляціи Лѣтописей любятъ увеличивать и украшать. Нынѣшнія *Львовскія* или Житомирскія врата (см. § 84), находящіяся въ Со-

[1]) Журавскій. Т. I стр. 249. [2]) Г. Журавскій, увлекшись его авторитетомъ, повторилъ тоже самое, прибавивъ, что съѣздъ Владиміра Мономаха былъ въ *Выдубицкомъ* монастырѣ. См. тамъ же.

фійскомъ Отдѣленіи Стараго Города, въ древности назывались *Жидовскими* [1]), стало быть и улица возлѣ оныхъ носила названіе *Жидовской*. Это мнѣніе еще болѣе доказывается выше приведеннымъ здѣсь текстомъ Лѣтописи: *погорѣ Гора*, т. е. Старый Кіевъ, и *Жидове*, жившіе на Старомъ Кіевѣ, *погорѣша*. И такъ Жиды были во всѣ времена въ Кіевѣ; особенно размножились они по всему здѣшнему краю со времени присоединенія его сначала къ Великому Княжеству Литовскому, а въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ нимъ, къ Польшѣ, въ которой они уже давно водворены были. Польскіе короли, особенно Казимиръ IV, сынъ Ягелловъ (1444-1492 г.) весьма благопріятствовалъ переселенію Жидовъ изъ Нѣмецкихъ земель, надѣясь ихъ финансовыми способностями возвысить доходы и оживить торговлю. Съ этою цѣлію короли предоставили имъ тѣже права и особенность управленія, какими пользовались Жиды въ Германіи, и сверхъ того, въ разное время, давали имъ новыя льготы и постановленія. Большая часть этихъ постановленій была благопріятна для Жидовъ, и составляла ихъ, такъ называемыя привилегіи; которыя впрочемъ, въ тогдашнее время, едва достаточны были для огражденія личности и имущества Евреевъ отъ всеобщей ненависти къ нимъ Христіанъ. Благопріятная для Жидовъ эпоха окончилась при королѣ Александрѣ, который, не утверждая вышеозначенныхъ привилегій, сдѣлалъ имъ только сводъ съ цѣлію, чтобы Жиды не присвоивали себѣ правъ болѣе, нежели сколько было уже имъ предоставлено. Съ этихъ поръ и эти права были въ разное время, особенно въ XVI столѣтіи, ограничиваемы. На примѣръ въ 1557 и 1565 г. запрещено Жидамъ производить торговлю въ городахъ безъ особаго условія съ мѣщанами, а въ селеніяхъ вовсе запрещено производить какой бы то ни было торгъ. Постановлено имъ носить, въ отличіе отъ Христіанъ, желтыя шапки. Заклады по ссудамъ давать не на имя частныхъ лицъ, а на цѣлыя общества. Запрещено покупать и продавать лошадей, держать въ услуженіи Христіанъ, брать на откупъ статьи государственныхъ доходовъ, какъ то: таможни, соль, дорожные сборы и т. д., держать въ арендѣ коронныя имѣнія, закупать товаръ и припасы прежде Христіанъ на дорогахъ и за заставами городовъ и мѣстечекъ. Ограничена мѣра процентовъ по ссудамъ, не болѣе 20% въ годъ. Сверхъ особыхъ сборовъ съ Евреевъ, они обложены еще казенными податями и общественными сборами въ городахъ, гдѣ имѣли пребываніе, и т. п. Грамотою въ 1619 г. февраля 18, Сигизмундъ III строжайше запретилъ Жидамъ селиться въ Кіевѣ. Весьма вѣроятно, что онъ и жившихъ въ этомъ городѣ удалилъ [2]).

Однакожъ, не смотря на эти ограниченія, Жиды нисколько не утратили своего вліянія на дѣла и интересы, которые крѣпко основали они на запрещеніи польскому дворянству заниматься промыслами; на нерасположеніи его къ торговлѣ и сельскому хозяйству; на нерасчетли-

[1]) См. § 14. Аскольдова могила: А Ростиславъ съ сыномъ своимъ, Романомъ, ста передъ Жидовьскыми Вороты. Стран. 195 и 196. [2]) См. подробнѣе нашу Лѣтопись, стр. 38.

вости и всегдашней нуждѣ въ деньгахъ во всѣхъ классахъ. Завѣдывая почти всѣми статьями доходовъ помѣстныхъ владѣльцевъ и ссужая ихъ деньгами, Жиды сдѣлались для нихъ необходимыми. Они по прежнему владѣли въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ городахъ, мѣстами, домами и разными заводами, какъ это видно изъ записокъ Петра Розвидовскаго, отъ 1634 до 1664 г. бывшаго проповѣдникомъ при Кіевскомъ Доминиканскомъ монастырѣ [1]). Притомъ же, чтобы обезпечить пребываніе свое въ Польшѣ, Жиды брали въ заемъ обществами значительные капиталы, простиравшіеся до нѣсколькихъ милліоновъ злотыхъ [2]). Этими оборотами и продѣлками въ 16 и 17-мъ столѣтіяхъ Жиды достигли великаго значенія и вѣса въ Польшѣ. Доказательствомъ тому служатъ уцѣлѣвшія арендныя условія между Жидами и польскими магнатами [3]). Польское дворянство, присвоивши себѣ столько правъ, принадлежавшихъ прежде королямъ, ввело въ свои владѣнія монополіи, уставы и учрежденія о Жидахъ; точно также поступало и латинское духовенство въ обширныхъ своихъ помѣстьяхъ. Скажемъ болѣе: латино-польскіе паны, фанатизированные Езуитами, до того дошли, что по провинціямъ отдавали Христіанскія Православныя церкви въ аренду Жидамъ; и духовенство должно было идти прежде къ арендатору Жиду за ключами отъ церкви, чтобы въ оной священнодѣйствовать [4]). Такое вліяніе Жидовъ и повсемѣстное участіе ихъ въ общественныхъ и частныхъ интересахъ не могли быть благодѣтельны для народа, и если присоединить къ тому оскорбленія, нанесенныя имъ Православію во времена Уніи, когда большая часть Украинскихъ церквей была у нихъ на откупѣ, то легко понять народную ненависть Малороссіянъ къ Жидамъ. Въ такомъ случаѣ могъ ли противустоять одинъ Православный Кіевъ, когда вся Польша была въ рукахъ Жидовъ. Почтенный Филиппъ Вигель, размышляя объ этомъ, справедливо сказалъ: „Бѣдная Польша! Въ ней терялся духъ народности. Изгнанные отовсюду Жиды стекались въ нее и обратили ее въ помойную яму Европы, стали между господами и ихъ вассалами; первымъ облегчили средства къ полученію и умноженію доходовъ и тѣмъ умножили склонность къ расточительности; послѣднихъ изнурили до невозможности поборами; развращали и разоряли тѣхъ и другихъ. Бравши все на откупъ, они вездѣ истребили вкусъ къ домашнему и сельскому хозяйству. Высшіе классы предались оттого праздности, а бѣдный простой народъ доведенъ ими до безнадежности, до безчувственности, почти до состоянія скотовъ....... Я не хочу входить въ разсмотрѣніе чудовищнаго образованія Польши, королевства и республики въ одно время, и многихъ другихъ разрушительныхъ причинъ; но скажу только: могло ли ожидать славной будущности го-

[1]) Опис. К. Софіи. Прибавленіе, стр. 30. [2]) Обозрѣніе пребыванія Еврейскаго народа въ Европѣ. Волынск. губ. Вѣд. 1845 г. [3]) Акты, издан. Кіевскою Коммиссіей 1845 г. Т. I. стр. 85. Въ одной записи князь Сангушко называетъ арендатора Жида Аврама Шмойловича *славнымъ паномъ*. [4]) Судьбы Евреевъ. Т. Грановскаго; статья въ журналѣ „Библіотека для Чтенія,“ ноябрь, 1835.—Опытъ о Жидахъ Петра Бера (Beer). 1825. —Объ Уніи Бантышъ-Каменскаго.

сударство, коимъ управляли женщины, Езуиты и Жиды, то есть страсть, обманъ и корыстъ" [1]). Хотя ключи отъ святыхъ храмовъ Кіевскихъ никогда не были въ рукахъ жидовскихъ, и самые Жиды въ 1660 г. грамотою царя Алексѣя Михайловича даже изгнаны изъ Кіева, однако эта Моисеева нація опять нашла возможность проникнуть въ этотъ городъ, селилась въ немъ, быстро расплодилась и, по врожденной спекуляціи, захватила многія вѣтви промышленности въ свои руки; особенно винная откупная продажа платила ей дань. Между тѣмъ Жиды выстроили въ Кіевѣ три свои школы или *синагоги*, изъ коихъ одна построена въ 1815 г. въ два этажа, верхній деревянный, нижній каменный, въ Кіевоподолѣ, возлѣ Флоровскаго монастыря, къ юговостоку, на мѣстѣ, называемомъ *Черная Грязь*; на Печерскѣ же двѣ другія, деревянныя синагоги, *лѣтняя*, огромное зданіе, сгорѣвшее въ 1829 г. и *зимняя*, едва по близости въ то время уцѣлѣвшая. Русское правительство, особенно въ текущемъ столѣтіи, принимало разныя мѣры улучшить моральное состояніе Жидовъ и по возможности сравнять ихъ съ кореннымъ населеніемъ. Вопервыхъ оно хотѣло образовать Жидовъ и въ 1840 г. приступило къ устройству еврейскихъ училищъ. Въ 1844 г. уничтожены *кагалы*, бывшіе средствомъ величайшихъ злоупотребленій, особенно для бѣдныхъ Евреевъ. Правительство болѣе восмидесяти лѣтъ поощряло Жидовъ къ земледѣлію, награждая разными льготами и проч., но всѣ мѣры, коими оно хотѣло облагодѣтельствовать этотъ народъ, оказались безуспѣшны! Впрочемъ, къ великой радости Кіевлянъ Высочайшимъ указомъ отъ 2 декабря 1827 г. повелѣно было сдѣлать распоряженіе о высылкѣ изъ Кіева всѣхъ Жидовъ: владѣющихъ недвижимою собственностію — въ продолженіи двухъ лѣтъ, прочихъ — черезъ годъ. Позволено только купцамъ первыхъ двухъ гильдій пріѣзжать на контракты и ярмарки и всѣмъ Жидамъ имѣть временное прибываніе въ Кіевѣ, не болѣе шести мѣсяцовъ, по подрядамъ, откупамъ и другимъ дѣламъ. И такъ древняя, Русская, Православная столица очистилась было отъ Жидовъ; но къ сожалѣнію очистка эта не была постоянною. Въ Кіевлянинѣ, на 1865 г., издаваемомъ подъ редакціею г. Шульгина, напечатано: „Лѣтъ пять тому назадъ (т. е. около 1858 г.) дозволено было Евреямъ, купцамъ 1-ой гильдіи, селиться въ Кіевѣ; черезъ годъ или два послѣ этого дозволенія, въ Кіевѣ очутилось до 8,000 Евреевъ, между которыми едва насчитается два десятка купцовъ 1-ой гильдіи. Какимъ образомъ совершилось такое диво, о томъ надо спросить полицейскія власти..... Въ декабрѣ прошлаго (1863 г.) полиція объявила всѣмъ, проживавшимъ въ Кіевѣ Евреямъ, что они должны въ теченіи 7-ми дней выбраться изъ города со своими пожитками. Наблюденіе за исполненіемъ этой мѣры, подъ строгою отвѣтственностію, *возложено* было на *домовладѣльцевъ*! И такъ полиція умыла руки и весело потирала ихъ. Разумѣется изгнаніе это кончилось ничѣмъ. Прош-

[1]) Воспоминанія, стр. 307 и 308.

ло три мѣсяца: въ мартѣ 1864 г. снова началось изгнаніе и снова кончилось также какъ и декабрьское. Скажите, что же это такое?" — Въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1862 г. (стр. 188), находится объ этомъ предметѣ нѣсколько мыслей, достойныхъ уваженія; и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не привести ихъ здѣсь: „Посмотрите, говоритъ авторъ, на наши уѣздные города и мѣстечки. Вы видите, въ каждомъ изъ нихъ, Христіанскіе храмы стоятъ среди еврейскаго населенія. Вы назовете это неумѣстнымъ и спросите, почему они не среди Христіанскихъ домовъ? Да, они были среди Христіанскаго населенія, которое тогда было торговымъ и занимало центры городовъ; но ихъ вытѣснили изъ центра къ окраинамъ новые населенцы—Жиды, и Христіанскій храмъ остался памятникомъ того, какое населеніе было здѣсь нѣкогда господствующимъ. Обѣднѣло Христіанское населеніе, обнищали храмы, доведены были до грубости и нищеты священно-служители Православной церкви."

„Въ литературѣ нашей съ нѣкотораго времени часто встрѣчается выраженіе: „загнанное племя Израильское." Пожили бы эти литераторы въ нашихъ городахъ и мѣстечкахъ, и увидѣли бы, *кто кого здѣсь загналъ*? Какъ въ рукахъ этого загнаннаго племени вся торговля, промышленность, все благосостояніе края. Торгуютъ евреи, торгуемъ мы; они празднуютъ и наша торговля прекращается. Евреи опредѣляютъ цѣну всему, возвышаютъ ее и понижаютъ, одесятствуютъ поля и нивы, мельницы, фабрики, заводы и корчемницы."

„Захвативши въ свои руки торговлю и промышленность 11-ти уѣздныхъ городовъ и 102 мѣстечекъ нашей губерніи, еврейское населеніе направляется теперь въ Кіевъ, который обходился безъ этихъ промышленниковъ уже 30 лѣтъ и не скучалъ за ними, напротивъ благодарилъ Бога, видя съ того времени улучшеніе города и благопроцвѣтаніе Христіанской торговли, а съ тѣмъ вмѣстѣ лучшее благолѣпіе храмовъ и обителей. Привлеченіе Великорусскихъ промышленниковъ и торговцевъ въ города западнаго края, не смотря на значительныя, предоставленныя имъ льготы, вотъ уже болѣе 20 лѣтъ идетъ довольно медленно. Но едва дозволено жить въ Кіевѣ евреямъ купцамъ первыхъ двухъ гильдій съ необходимымъ числомъ прикащиковъ, какъ въ городъ нашъ ввалилось до восьми тысячъ евреевъ. Для жительства имъ назначены Лыбедская и Плоская части г. Кіева, а Подольская вдоволь наполнена ими. Явились даже извощики евреи для разъѣздовъ по городу, хотя они, вѣрно, не принадлежатъ ни къ 1-й, ни къ 2-й гильдіи. Мало того, что евреи промышленники, проживая въ Кіевѣ временно, торгуютъ всѣмъ въ ущербъ городскому Христіанскому населенію, несущему всѣ городскія повинности; цѣлая толпа ремесленниковъ — евреевъ скрывается въ дворахъ, шныряя за работою изъ двора въ дворъ. Кто какъ не евреи, подъ личиною обращенныхъ въ Христіанскую вѣру, торгуютъ наконецъ и самою нравственностію Христіанъ, устроивши на одномъ Подолѣ девять пристанищъ, и притомъ на чертѣ сообщенія двухъ самыхъ населенныхъ частей города, — на улицѣ, по которой

дѣти должны проходить въ учебныя заведенія? Послѣдствія всего этого для Кіевлянъ уже замѣтны и въ нравственномъ отношеніи и въ матеріальномъ. Мы можемъ гадать, что ежели увеличеніе числа евреевъ въ Кіевѣ продолжится только 25 лѣтъ въ той же прогрессіи, въ какой оно возрастало въ послѣдніе пять лѣтъ, то видъ города нашего совершенно измѣнится. Мы можемъ надѣяться быть свидѣтелями того, какъ и наши соборные храмы очутятся среди еврейскихъ площадей, безъ средствъ къ поддержкѣ, какъ Христіане отодвинутся къ оконечностямъ города, многіе выселятся въ деревни и половина церквей останется безъ приходовъ, или съ приходами, не имѣющими средствъ содержать свой причтъ. Торговля Христіанъ упадетъ вовсе, и въ матеріальномъ отношеніи Христіанское населеніе здѣсь будетъ убито не менѣе, какъ насколько того желалъ езуитъ-составитель проэкта [1]), и насколько осуществились его желанія въ уѣздахъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній. Протекторы евреевъ говорятъ, что евреи продаютъ все дешевле, и потому торговля ихъ необходима для большинства жителей Кіева. Въ отвѣтъ мы укажемъ на самое дѣло. Первоначально евреямъ дозволено торговать въ Кіевѣ съѣстными припасами, именно съ цѣлію понизить цѣны на рынкахъ. Но мы желали бы, чтобы кто нибудь опредѣлилъ, на сколько достигнута эта цѣль. Спросите кого угодно изъ Кіевскихъ жителей, и всякій вамъ скажетъ, что, съ увеличеніемъ евреевъ, цѣны на жизненные припасы еще болѣе возвысились въ Кіевѣ.“

„Теперь въ литературѣ проповѣдуется равенство національностей. И мы говоримъ не противъ національности, а только за національность, самую многочисленную въ нашемъ краѣ, и во имя этого равенства не желаемъ, чтобы еврейская національность продолжала свое матеріальное преобладаніе надъ національностью Христіанскою. Мы не желаемъ чтобы еврейское племя было исключительно торговымъ, а желаемъ, чтобы оно дало участіе въ уѣздной торговлѣ и Христіанскому населенію. Мы не желаемъ, чтобы евреи завладѣли торговлею въ Кіевѣ подобно тому, какъ они успѣли въ этомъ на всемъ югозападѣ Россіи. Мы не желаемъ, чтобы еврейское племя, всячески вторгаясь въ Кіевъ, продолжало въ тоже время своимъ вліяніемъ удалять отъ рынковъ Христіанское населеніе въ 11 городахъ и 102 мѣстечкахъ Кіевской губерніи. Наконецъ мы желали бы, чтобы въ настоящее время, когда, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, у насъ возникаетъ новое свободное состояніе, это состояніе было самымъ правительствомъ поощрено въ торговлѣ и промышленности.“

Жидовскія Кладовища.—Въ грамотѣ, данной въ августѣ 1522 г. королемъ Сигизмундомъ I игумену Макарію и братіи монастыря Золотоверхо-Михайловскаго, на земли и угодья, лежащія на Кудрявцѣ, упоминаются слѣдующія старинныя Кіевскія урочища: подтверждается пра-

[1]) Здѣсь говорится объ извѣстномъ проэктѣ, около 1717 г. ксендза-езуита объ уничтоженіи Грекороссійскаго исповѣданія въ Русскихъ областяхъ, тогда подвластныхъ Польшѣ.

во владѣнія на поля и нивы „подъ Городомъ, за воротами Львовскими, за Пробитымъ Валомъ. Почавши отъ самого валу Пробитого, Кудравцемъ, долиною у верхъ до Кладовища, а за *Кладовища Жидовскіи* до Вершины Кудравца [1]). Ясно, что въ 16-мъ вѣкѣ кладбище Жидовское было близъ Кудрявца, къ западу отъ него.

§ 55 заводы.

Въ Кіевѣ находятся слѣдующіе заводы и фабрики; *Заводы*: кирпичныхъ 11, кафельныхъ 2, горшечныхъ 4, салотопенныхъ 2, чугунный и мѣдиплавильный 1, восковыхъ свѣчей 4, стеариновыхъ 1, сальныхъ 4, мыльныхъ 3, купороснаго масла 1, кожевенныхъ 19, замшевыхъ издѣлій 3, водочный 1, пивоварныхъ 2, медоварный 1. *Фабрики*: красильныхъ 2, табачныхъ 3, инструментальныхъ 1, шляпная 1, заведеній для приготовленія варенья 6. Всего 72; на нихъ работаетъ 738 человѣкъ, производятъ въ годъ на 717,600 рублей издѣлій [2]).

§. 56. зарубъ.

Во время войны В. Кн. Святополка съ Половцами, предводимыми Тугорканомъ и Бонякомъ, подъ 1096 г. *Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь* (на Половцевъ) *по* сеи *сторонѣ Днѣпра* (т. е., по правой; ибо Несторъ, который это писалъ, жилъ въ Кіевѣ), *и придоста къ Зарубу*, (*и ту*, Кенигсб. 143) *перебродистась.* (Лаврент. 98). Изъ этого текста Лѣтописи видно, что Зарубъ (городъ, или только урочище?) былъ на правой сторонѣ Днѣпра и ниже Кіева. Въ этомъ согласны многіе писатели. Но какъ далеко отъ Кіева? Это пусть разрѣшатъ слѣдующія выписки изъ Лѣтописи: Подъ 1151 г. *Гюрги же совокупився* (на Изяслава II Мстиславича, В. Кн. Кіевскаго) *со Олговичи..... и съ Половци, придоша къ Кыеву..... Изяславу же блюдущю и не дадущю вбрести въ Днѣпръ* (ибо на этомъ мѣстѣ былъ удобный бродъ чрезъ Днѣпръ. См. § 25 Витичевъ бродъ) *Гюргеви, хотящю поступити внизъ* (т. е., ниже Кіева, по теченію Днѣпра) *къ Витичевьскому броду....... Полци же Гюргевы идяхуть по лугу* (т. е., по лѣвой сторонѣ Днѣпра), *а Изяславъ идяще по* онои *сторонѣ Днѣпра, по Горѣ* (по правой. См. §. 60. *Золоча*), *а лодьѣ его по Днѣпру же..... Изяславу же и ту не дадущю имъ вбрести, Олговичемъ же сдумавшимъ съ Половци* (которые были союзниками Георгія Суздальскаго), *оставивше Гюргя князя съ Давыдовичемъ съ Володимеромъ и съ товары* (съ обозомъ) *противу Витичеву, а сами ѣхаша къ Зарубу. Изяславлимъ сторожемъ стоящимъ на* онои *сторонѣ* [3]) *со Шварномъ* (Воеводою Изяслава) *и не дадущимъ* (*имъ*) *вбрести въ Днѣпръ, Половци же вѣдше на*

[1]) Кіев. епарх. Вѣдом. 1861 г. стр. 396 и 427. [2]) Журавскій. Статист. Опис. Кіевск. губ. Т. I, стр. 373. [3]) Сравн. нашу Лѣтоп. стр. 21.

конѣ въ броняхъ за щиты съ копьи, *якожe битъся* (т. е., готовые биться), *и вьбредоша въ Днѣпръ.... Святославома же перебредшома Днѣпръ съ Половци, въздаша вѣсть къ Гюргеви..... Гюргеви же..... пришедшю вборзѣ къ Зарубу*, *и перебредшома черезъ Днѣпръ.... Изяславъ слыша Гюрги въ Переяславли*, *поиде....... и перебродися* (Днѣпръ) *у Заруба*, *и сташа у Мажева селца товары* [1]). Изъ этихъ текстовъ ясно видно, что Зарубъ былъ на правой сторонѣ Днѣпра, ниже Кіева и ниже Витичева, и что на этомъ мѣстѣ можно было Днѣпръ *перебрести*, о чемъ въ Лѣтописяхъ нѣсколько разъ упоминается. Возлѣ Кіева это невозможно, потому что Днѣпръ даже и въ іюлѣ мѣсяцѣ около одной версты шириною, и по мѣстамъ весьма быстръ. Между тѣмъ Берлинскій (стр. 52 и 182) пишетъ, что Зарубъ находился при устьѣ рѣчки Лыбеди; но гдѣ же это въ Лѣтописи сказано? На одномъ соображеніи въ семъ случаѣ не можно основываться. Карамзинъ же, ссылаясь на Большой Чертежъ (стр. 145), пишетъ: „Гдѣ былъ городокъ *Зарубъ*, тамъ нынѣ селеніе *Зарубанцы* (Т. II, прим. 174 и 336). Сравн. Книга Большему Чертежу. Изд. 2. Д. Языкова. Спб. 1838 г. Тамъ города, находившіеся на правомъ берегу Днѣпра, ниже Кіева, описаны въ 1627 г. такъ: „Кіевъ, Триполь, Витичевъ, въ 4 верстахъ Стайки, далѣе Иржищевъ, рѣчка Легинь, въ 21 верстѣ Ходоровъ, далѣе Терехтемировъ, почти противъ устья рѣки Трубежа, *Гора Зарубина*, въ 20 верстахъ Каневъ и проч. (Сравн. §. 25). Г. Срезневскій полагаетъ, что Зарубъ со своимъ древнимъ монастыремъ былъ на берегу Днѣпра противъ устья Трубежа. (№ 104 Спб. Вѣд. 1865.) Покрайней мѣрѣ изъ этихъ разысканій видно, что Зарубъ не принадлежитъ къ Описанію города Кіева. Ипатіевская Лѣтопись тоже подтверждаетъ наше мнѣніе; въ ней говорится о *Зарубѣ* подъ 1146, 1147, 1151, 1168 годами (стр. 23, 29, 64, 69) и въ другихъ мѣстахъ; особенно важно указаніе подъ 1147 г. *постави Изяславъ* (II Мстиславичъ) *Митрополитомъ Клима Смолятича*, *выведъ изъ Заруба*. Противъ сего текста въ Ермолаевскомъ спискѣ прибавлено: *гдѣ теперь монастырь Терехтемѣрскій*. И такъ въ 60 верстахъ ниже Кіева; это мы заключаемъ изъ того, что подъ 1151 г. дружина Вячеслава, Изяслава и Ростислава, находясь близъ Заруба, говоритъ этимъ князьямъ: *Поѣдьте у свой Кыевъ*, *вы будете до вечера въ Кыевѣ*; а въ Никоновскомъ спискѣ составитель, не зная *Заруба*, поставилъ: *изъ молчальныя его кельи*. Подъ 1168 г. В. Кн. Ростиславъ Мстиславичъ *снимася на* (Великихъ) *Лукахъ съ сыномъ и съ Новгородци..... и оттуду възвратися Смоленьску. Видѣвши же Рогнѣдъ*, *сестра его*, *вельми изнемогающа брата...... И пойдоста съ нимъ изъ Смоленьска.... а и бы въ селѣ Рогнѣдинѣ въ Зарубѣ*. Слѣдовательно, былъ и другой Зарубъ въ Смоленской губерніи, который Карамзинъ (Т. II, прим. 411) напрасно переиначилъ въ Зарубино.

[1]) Лаврент. ст. 142 и 144. Кенигсб. стр. 217 и 221. Замѣтимъ здѣсь, какъ въ Лаврентьевской Лѣтоп. смѣшиваются мѣстоименія *сей* и *оный*. См. нашу Лѣтопись, стр. 21.

§. 57. звѣринецъ.

а) неводницкая пристань, б) затонъ, в) проклятое озеро.

Между горами, въ долинѣ и на возвышеніяхъ расположено небольшое селеніе, называемое Звѣринецъ, едва ли изъ 50 домовъ состоящее; оно находится не болѣе одной версты къ югу отъ Печерска, и немного ближе къ сѣверо-западу отъ Выдубицкаго монастыря, коему въ древности и принадлежало. Принимая въ соображеніе названіе сего села, его мѣстоположеніе и близость бывшаго *Краснаго* княжескаго Дворца, можно полагать, что здѣсь содержалась княжеская охота (Срав. §. 78). До 1786 г. селеніе это принадлежало Кіево-Печерской Лаврѣ. Въ Звѣринцѣ основана деревянная церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи. Въ началѣ 18-го столѣтія, недалеко отъ Звѣринецкаго озера была построена деревянная церковь; но она обветшала, и Печерская Лавра, до учрежденія въ 1786 г. духовныхъ штатовъ, владѣвшая Звѣринцемъ, вмѣсто обветшавшей, построила въ 1763 г. новую церковь [1]). Въ 1864 г. ветхая Звѣринецкая церковь разобрана, и на томъ же мѣстѣ въ 1866 г. окончена новая, тоже деревянная. Кромѣ жалованья причтъ имѣетъ отъ пахатной и сѣнокосной земли дохода въ годъ до 90 руб. и два дома для квартиръ. Приходъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей слободы: Собственно Звѣринца, Деміевки, Саперной слободы и Мышеловки, и заключаетъ 1901 душу обоего пола. Выше сего селенія къ юго-востоку, на возвышеніи, основана Звѣринецкая крѣпость въ 1810 г. [2]).

а) *Неводницкая Пристань.*—Отъ верхней части Звѣринца до Днѣпра, между Печерскою и Выдубицкою горами, простирается отъ югозапада къ сѣверовостоку одно изъ прелестнѣйшихъ удолій Кіева, называемое *Неводницкимъ.* Вся эта долина съ Выдубицкимъ холмомъ назывались изстари Неводичами, отчего какъ самая долина, такъ и озеро, нахо-

[1]) При этомъ случаѣ Л. Похилевичъ пишетъ слѣдующее: *О которой* (церкви) *упоминается въ Описаніи (!) Кіева 1682 г.*, *съ объясненіемъ, что она находится „въ виноградномъ Лаврскомъ огородѣ*". (Кіев. Губерн. Вѣд. 1865 г. № 31, стр. 213). Все, сказанное здѣсь ошибочно, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Описанія Кіева въ 1682 г. во вся не существуетъ; а есть офиціальная, краткая *Роспись Киеву* 1682 г., напечатанная въ первый разъ при нашемъ сочиненіи *Лѣтопись и Описаніе города Кіева. Москва* 1858 г. стр. 257—266. 2) О Звѣринцѣ во всей этой *Росписи Киеву* говорится: *В Пятницкие ворота ѣздятъ на Звѣринецъ и на Неводницкой Перевозъ* и только; а о церкви Рождества Іоанна Предтечи рѣшительно ни слова. 3) О виноградномъ Лаврскомъ огородѣ говорится такимъ образомъ: „*На Торгу* (т. е. въ бывшемъ Мѣстечкѣ, теперь въ Старой Крѣпости) *Церковь деревянная Пр. Ѳеодосія, Церк. дерев. Воскресенія Господня, Церк. дерев. Св. Параскевеи, и Церк. дерев. на виноградномъ огородѣ Рождества Господня;* но выраженіе Рождества *Господня* есть ошибка составителя *Росписи Киеву*; что мы доказали въ § 106 Печерскій монастырь, говоря о церкви Рождества *Пресвятыя Богородицы* у Дальнихъ Пещеръ; но и составителемъ Росписи она не названа Рождества *Іоанна Предтечи,* а *Господня.* И такъ составитель Росписи и Л. Похилевичъ сдѣлали оба невѣрныя показанія;—одинъ отъ поспѣшности, а другой отъ того, что не выразумѣлъ текста.

[2]) См. § 28. Крѣпости.

дящееся въ верхней части сей долины, и выходящій изъ сего озера ручей, и возлѣ него идущая дорога — все это называлось *Неводницкими*. Неводницкій ручей или потокъ служилъ границею между Лаврскими и Выдубицкими владѣніями. — Особенно любопытно описаніе Неводницкой долины, озера и ручья въ грамотѣ короля Сигизмунда II Августа отъ 5 іюля 1568 г. для обозначенія границъ Звѣринецкихъ и Лыбедскихъ земель, составлявшихъ владѣнія Выдубицкаго монастыря; о чемъ въ § 33, и говорено уже было [1]). Съ тѣхъ поръ мѣстность эта едва ли значительно измѣнилась, выключая, что вмѣсто упоминаемаго лѣса, бывшаго вокругъ озера, теперь находится селеніе Звѣринецъ.

б) *Затонъ*.— Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Неводницкая долина, вблизи Днѣпра, оканчивается, въ 16-мъ вѣкѣ было довольно большое озеро, простиравшееся вдоль Днѣпра, начиная отъ устья Неводницкаго ручья, который вливался въ это озеро, и до Выдубицкаго монастыря; оно называлось *Затонъ* и доставляло монастырю большое количество рыбы. Въ послѣдствіи, кажется, къ концу 17-го вѣка, это озеро поглощено Днѣпромъ, почему и ручей сталъ впадать непосредственно въ Днѣпръ. Въ этомъ мѣстѣ еще въ 17-мъ вѣкѣ былъ *Неводницкій Перевозъ. Въ Росписи Кіеву* 1682 г. говорится: „*В Пятницкие ворота ѣздятъ на Звѣринецъ и на Неводницкой Перевозъ*, *что на рекѣ Днепрѣ*. Вѣроятно въ сіе же время возникло и названіе *Неводницкой Пристани*; а съ 1702 г. лѣтомъ стали наводить чрезъ рѣку мостъ на плотахъ. Въ сороковыхъ годахъ мимо Неводницкой пристани и Выдубицкаго монастыря Днѣпръ проходилъ уже въ видѣ рукава и образовалъ песчаной островъ; но въ 1860 г. и рукавъ изсякъ, а Днѣпръ удалился саженъ на 300 отъ бывшей Неводницкой пристани; и гдѣ было нѣкогда глубокое озеро *Затонъ*, теперь тутъ песчаный берегъ. Отъ сего озера *Затонъ*, должно отличать урочище Каменный Затонъ; (См. §. 65).

в) *Проклятое озеро*. — Во 2-й кн. своего Кіевлянина (стр. 113) Михаилъ Максимовичъ пишетъ: „Что касается до озерка (*верхняго*) въ Неводницкой долинѣ (*на Звѣринцѣ*), изъ коего вытекаетъ потокъ, то оно прозвано потомъ было, неизвѣстно по какому случаю, *проклятымъ озеромъ*. Подъ этимъ именемъ упоминается оно въ первый разъ въ дѣлахъ 1694 года.“ Какихъ же?

§. 58. ЗЛАТОУСТОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Деревянная приходская церковь Св. Іоанна Златоустаго находится въ Софійскомъ Отдѣленіи Стараго Кіева, почти противъ зданія Старо-Кіевской полицейской части, къ сѣверо-востоку отъ Софійскаго монастыря; церковь эта передѣлана въ 1631 г. изъ бывшей на Подолѣ Притиско-Николаевской, отъ которой досталась ей и часть утвари.

[1]) См. стран. 23 и 238.

§. 59. Златыя врата.

Въ лѣто 6545 (1037 г.) *заложи Ярославъ городъ великій Кыевъ* (стѣну, или крѣпость вокругъ Кіева), *у него же града суть Златыя Врата..... посемъ церковь на Золотыхъ Воротѣхъ Святое Богородицѣ Благовѣщенье.* (Лаврен. 65). Иные думаютъ, что врата сіи воздвигнуты Ярославомъ въ подражаніе устроеннымъ въ Константинополѣ Өеодосіемъ Великимъ въ память побѣды его надъ Максимомъ; они назывались тамъ Золотыми, и на нихъ Олегъ, въ знакъ мира, купленнаго у него Греками, повѣсилъ свой побѣдный щитъ; другіе же ссылаются на какое-то преданіе, говоря, что врата Кіевскія были обиты вызолоченными мѣдными листами, а церковь Благовѣщенская имѣла золотой куполъ. Это было поводомъ, что ихъ назвали Златыми. Врата эти имѣли каморы, и снаружи на нихъ находилась икона Благовѣщенія Божіей Матери, поставленная съ тѣмъ намѣреніемъ, какъ сказано въ Ипатіевскомъ спискѣ Несторовой Лѣтописи, и въ Кіевскомъ Синопсисѣ, на стр. 62: „*Сіи же премудрый князь Ярославъ того дѣля створи Благовѣщеніе на вратѣхъ, да ть всегда радость граду тому Св. Благовѣщеніемъ Господнимъ и молитвою Святыя Богородицы и Архангела Гаврила, радости благовѣстника* (Лавр. 65. — Тоже и Прологъ подъ 26 ноября). Образомъ симъ свидѣтельствовался Вячеславъ въ 1151 г., предъ посломъ Георгія Долгорукаго. *И рече Вячьславъ, озряся на святую Богородицю, яже есть надъ Золотыми Вороты: „А той ны пречистѣй Госпожи судити съ Сыномъ своимъ и Богомъ нашимъ въ сій вѣкъ и въ будущій.“* [1]) Эти врата въ 1240 г. были разрушены Татарами, и остались отъ нихъ однѣ развалины, которыя видны были въ крѣпостномъ валу въ половинѣ XVII вѣка, какъ то доказываетъ видъ, снятый съ нихъ въ 1651 г., послѣ найденный въ бумагахъ короля польскаго, Станислава Августа Понятовскаго, и напечатанный въ № 1-мъ „Сѣвернаго Архива“ 1822 года. Изъ рисунка этого явствуетъ, что на Златыхъ Вратахъ въ то время были еще остатки Благовѣщенскаго храма, т. е., входныя двери, окна и высокія стѣны. Въ 1682 г. онѣ были укрѣплены желѣзною рѣшеткою, подъемнымъ мостомъ, калитками и внѣшнимъ бастіономъ. Сравн. въ Приложеніи современную *Роспись Киеву*. Полагали обыкновенно, что въ царствованіе Анны Іоанновны, по распоряженію Миниха, при возобновленіи укрѣпленій Стараго Кіева (1732 — 1737) высокимъ бастіономъ, онѣ были совершенно засыпаны землею и скрывались въ крѣпостномъ валу [2]). Въ послѣдствіи времени мѣсто ихъ забыли, а названіе усвоилось другому входу, вблизи древнихъ вратъ, находящемуся на юго-западной сторонѣ Стараго Города. Но изъ недавно отысканнаго донесенія

[1]) Сравн. Ипат. Лѣтоп. подъ 1146, 1151, 1161 и 1172 г., стр. 24, 60, 61, 90 и 101. См. Львовскія врата. §. 84. [2]) Тамъ думалъ Берлинскій. Опис. Кіева стр. 80 и 156, а за нимъ и Михаилъ Максимовичъ: вотъ слова его: „*Сбереженный Минихомъ* остатокъ Золотыхъ Вратъ раскрытъ отъ земли въ 1832 г.“ 1 Кн. Кіевлян. 1840 г. стр. 46.

Кіевскаго генералъ-губернатора, Леонтьева, въ 1745 г., видно, что стѣны Златыхъ Вратъ, по прочной кладкѣ кирпичей и добротѣ цемента, уцѣлѣли со сводами еще до 1745 г. Леонтьевъ писалъ тогда, что столпы деревянные, поставленные внутри Золотыхъ Вратъ съ перекладинами и досками погнили и пошатались, а своды и стѣны воротъ грозятъ паденіемъ. Почему Указомъ Правительствующаго Сената было предписано: „Золотыя Ворота, для сохраненія и вида древности, засыпать землею, какъ внутри, такъ и по сторонамъ, и оставить въ валу, а вмѣсто ихъ устроить другія каменныя ворота". Зарытыя по этому случаю въ концѣ 1750 г., а не при Графѣ Минихѣ, Златыя Врата оставались въ землѣ до нашихъ временъ [1]), а возлѣ нихъ (вправо) сдѣланы были тогда же обыкновенныя каменныя ворота, которыя также назывались *Золотыми* и существовали до 1799 г. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія отъ этихъ новыхъ воротъ оставались только небольшія груды камней. Наконецъ, любитель Древностей, Кодратъ Андреевичъ Лохвицкій, получивъ отъ Кіевскаго военнаго губернатора позволеніе заниматься отысканіемъ Древностей въ Кіевѣ, обратился къ этому памятнику, и уже въ 1832 г. открылъ остатки двухъ стѣнъ, составлявшихъ древнія Златыя Врата. Сентября 9-го дня, того же 1832 г., Государь Императоръ, Николай I, изволилъ осмотрѣть и назвать ихъ „*памятникомъ, достойнымъ сохраненія*". При этомъ случаѣ открыто нѣсколько вещей, принадлежащихъ къ древнему вооруженію всадника, 6 кратъ листоваго золота и два древніе желѣзные отъ образа вѣнца. Въ 1833 г. Златыя Врата открыты совершенно и возложена надпись мѣдными вызолоченными словами на каменной доскѣ. Въ 1836 и 37 г. сдѣланы нѣкоторыя укрѣпленія для предохраненія Златыхъ Вратъ отъ поврежденій дѣйствіемъ непогодъ, т. е., вершины развалинъ залиты известью и покрыты дерномъ или камнями, стѣны подперты контрафорсами изъ бутоваго камня съ желѣзными связями. Златыя Врата находятся на западной сторонѣ Стараго Кіева, за Софійскимъ Соборомъ на лѣвой сторонѣ отъ бывшаго выѣзда въ валу, если ѣхать изъ Кіева, саженъ около сорока отъ прежней дороги. Теперь (въ 1864 г.) прежняя дорога уничтожена; валы раскопаны и снесены; и потому мѣсто Золотыхъ Вратъ въ древнихъ валахъ можетъ быть означено только на планѣ. Древнее это зданіе составляетъ два обломка стѣнъ справа и слѣва; верхняя часть сводовъ разломана, стѣны каменныя съ пилястрами, на которыхъ были основаны арки и своды воротъ, лѣвая сторона (выходя изъ Стараго Города) по фасаду вдоль имѣетъ 30 аршинъ, правая сторона до половины, или еще менѣе, противъ лѣвой, совсѣмъ истреблена; между стѣнами воротъ ширина 10¼, вышина стѣнъ 14 аршинъ, толщина около двухъ аршинъ; кладка въ оныхъ кирпичей древней формы длиною 8, шириною 7, толщиною 1 вершокъ; другой родъ кирпичей менѣе оныхъ и на видъ красный; между ими Греческій цементъ, толщиною 3 вершка, цвѣта блѣднобланжеваго, составленный изъ раковистой извести съ толченымъ камнемъ и притомъ чрезвычайно

[1]) Обозрѣніе Кіева Журавскаго, изд. Фундуклея, стр. 47.

окрѣпшій; чрезъ пять рядовъ кирпичей положены тесаные камни сѣровики, толщиною въ 12 и болѣе вершковъ; потомъ опять ряды тонкихъ кирпичей съ толстою подмазкою и такъ далѣе; по обѣимъ сторонамъ въ стѣнахъ видны большія пустыя мѣста, въ коихъ были деревянныя перекладины или балки; нижнія отъ полу 5 аршинъ; отъ нихъ вторыя выше 7 аршинъ. Изъ сего можно заключить, что здѣсь было надъ проѣздомъ въ ворота, подъ поломъ церкви, какое нибудь жилище сторожа, или кладовыя. На обѣихъ сторонахъ стѣнъ фальшивыя двери, а на лѣвой также фальшивыя два окошка, изъ коихъ одно круглое, въ срединѣ коего кирпичъ пробитъ насквозь до камней, и вся западная часть обѣихъ сторонъ стѣнъ засыпана камнями и залита известкою. Кладка строенію сему производима была въ деревянномъ заборѣ; ибо на известкѣ (сзади) остались видны слѣды, какъ бревна одно подлѣ другаго въ заборѣ лежали. Златыя Врата послѣ разрушенія были поправляемы. Первыя стѣны ихъ въ проѣздѣ оказываются закладенными другими изъ кирпичей, добротою такихъ же, какъ выше сказано, но большею частію ломаныхъ и съ сѣрыми крупными камнями, только не на цементѣ, а на простой известкѣ; при очищеніи земли, вторыя стѣны отъ первыхъ отвалились, но еще съ обѣихъ сторонъ по мѣстамъ держатся. Къ лѣвой сторонѣ стѣны съ поля прикладена на десять аршинъ изъ сѣрыхъ камней и обломковъ кирпичей, залитыхъ известкою, пристройка. Поправка эта древняя и, должно полагать, происходила въ то время, когда Кіевъ состоялъ (съ 1320 г.) подъ владѣніемъ Литовскаго В. Кн. Гедимина, который посылалъ для правленія княжествомъ намѣстниковъ Христіанскаго исповѣданія, что могло благопріятствовать къ поправленію Кіева; до сего же времени Татарскіе баскаки не давали правителямъ города и думать о возстановленіи древней столицы. Съ обѣихъ сторонъ Златыхъ Вратъ примыкалъ до 1857 г. Миниховскій валъ и, думали, что подъ нимъ хранятся остатки Ярославовой стѣны; по крайней мѣрѣ, сквозь обвалившуюся насыпь проглядывали известь и камни. Но при снесеніи валовъ никакой стѣны не оказалось. На ромбоидальной доскѣ, прибитой къ большой развалинѣ, находится слѣдующая надпись: „*По соизволенію Государя Императора Николая I отрыты изъ вала въ 1832 году. Сооружены при Великомъ Князѣ Ярославѣ I, около 1037 года по Р. Х.*".

Отъ существовавшей Благовѣщенской церкви на Златыхъ Вратахъ до нашихъ временъ дошелъ достойный предметъ, хранившійся въ деревянной церкви Св. Тройцы на Старомъ Кіевѣ, до 1858 г., образъ Божія Матери, думають: Казанскія; но это мнѣніе ошибочно. На верху сей иконы написано золотыми буквами: *Образъ пресвятыя Богородицы отъ Златыхъ Вратъ принесенъ.* А внизу оной надпись: *Лѣта отъ Адама 7207, а отъ Рождества Христова 1699 года, октября 20 дня, принесенъ отъ Златыхъ Вратъ образъ Явленія Казанскія Богородицы* [1]).

[1]) Берлинскій (стр. 79 и 155), ссылаясь на какой-то рукописный Синопсисъ, пишетъ, что Бонякъ, ограбивъ 1096 г. Лавру, *выломалъ также Златыя Врата и какъ трофей отвезъ въ*

Способъ сохраненія Древностей, предписанный въ 1746 г. Прав. Сенатомъ, съ перваго взгляда кажется необыкновеннымъ: однако засыпанныя землею Ярославовы Врата, покрайней мѣрѣ, сохранились до нашихъ временъ и мы имѣемъ возможность видѣть дѣло Ярослава I-го. Но въ теперешнемъ своемъ положеніи этотъ драгоцѣнный остатокъ древняго величія и славы Кіева едвали будетъ долговѣченъ, потому что беззащитно подвергается вліянію непогодъ и разрушенію, а невѣжество и грубость простолюдина оскверняютъ его. И съ какимъ стѣсненнымъ чувствомъ долженъ смотрѣть на все это почитатель старины! Если деревянный домикъ Петра I-го заслуживалъ того, что надъ нимъ сдѣлали каменный чехолъ съ желѣзною кровлею: то Древность Ярослава I-го имѣетъ не менѣе цѣны для Русскаго человѣка. Необходимо слѣдуетъ эту единственную реликвію защитить отъ непогодъ и невѣжества, оградивъ ее стѣнами, покрыть мѣдною кровлею и устроить при ней часовню съ тѣмъ же образомъ, который и прежде былъ при ней: въ противномъ случаѣ Златыя Врата скоро погибнутъ.

§ 60. золоча.

Подъ 1101 г.: *Совокупишась вся братья, Святополкъ, Володимеръ и Давыдъ и Олегъ, Ярославъ, братъ его, на Золотьчи* (Лаврент. 117), то есть, эти Русскіе Князья имѣли возлѣ Золочи съѣздъ. Сравн. Статью Зарубъ § 56. Особенно мѣстоположеніе бывшей рѣчки Золочи объясняется слѣдующимъ извѣстіемъ. Подъ 1151 г.: *И пойде Гюрги* (Суздальскій) *къ Кыеву* (Лаврент. *совокупився со Олговичи и съ Давыдовичемъ съ Володимеромъ и съ Половци, придоша къ Кыеву и сташа шатры противу Кыеву по лугови*). *Изяславу же блюдущу (и не дадущю) въбрести въ Днѣпръ, и тако начаша ся бити по Днѣпру у насадѣхъ* (*лодьяхъ*), *отъ Кыева оли и до устья Десны. И оттолѣ Гюрги сгадавъ съ Володимеромъ* и проч. *и хотящимъ внизъ* (ниже Кіева) *пойти къ Витичевъскому броду, не смѣющимъ же имъ пустити лодіи мимо Кыевъ, но пустиша ѣ во озеро Дулѣбьское (Долобьское) и оттолѣ волочища ѣ берегомъ въ Золотчу, но Золотчи же внидоша во Днѣпръ лодьѣ ихъ. Половци (Полци) же Гюргевы идяху по лугу, Вячьславъ же и Изяславъ... идоша по сей странѣ Днѣпра, по горѣ*, (такъ въ Ипатіевской; а составитель Лаврентьевскаго (или Кенигсбергскаго) списка, сокра-

землю Половецкую! Эту басню повторилъ и Сементовскій (стр. 109). Вотъ еще нѣсколько басень Польскихъ историковъ: Длугошъ говоритъ, что Болеславъ, въѣзжая въ Кіевъ 1018 г., въ знакъ побѣды, ударилъ саблею въ Златыя Врата, которыя тогда еще не существовали; ибо объ нихъ упоминается только подъ 1037 годомъ; а на этомъ мѣстѣ было тогда (1018 г.) еще *поле внѣ града.* Что эта сабля, данная будто бы Болеславу Ангеломъ (Богухвалъ, стр. 25 и Кадлубко, Historia Poloniae, Lib. II, pag. 645), названа *щербцемъ*; по причинѣ щербины, сдѣлавшейся отъ того на его лезвеѣ. (Мартинъ Галлъ, стр. 62). Щербецъ сей хранился въ Арсеналѣ Краковскомъ. Короли Польскіе препоясывали его при коронаціи и всегда ходили съ нимъ на войну, и что онъ при послѣднихъ мятежахъ изъ Кракова унесенъ неизвѣстно куда!— Spiewy Historyczne J. U. Niemcewicza. Edit 3. Warszawa, 1819, стр. 42. См. еще. Златыя Врата Ярославовы. Соч. Н. Самойлова, М. 1834.

тившiй Ипатiевскiй, жилъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, потому что говоритъ объ ней: *сiя сторона* (а правый берегъ *по горѣ* называетъ *оною стороною*); *а лодьѣ его по Днѣпру же. Пришедше же и сташа на Витичевѣ, у Мирославскаго села, противу собѣ.* (Ипатiевск. 59. Лаврент. 142). Изъ этого своднаго текста видно, что Золоча впадала въ Днѣпръ съ лѣвой стороны ниже Кiева; однако *не противъ Неводницкой Пристани*, какъ думалъ Берлинскiй (стр. 33 и 184), чего въ слѣдствiе §. 25 о *Витичевѣ* и §. 56 о *Зарубѣ*, допустить не можно. Но устье Золочи было гораздо ниже упомянутой пристани, и нѣсколько выше Витичева. Карамзинъ пишетъ, что на рѣкѣ Золотчѣ находится мѣстечко Вишенки. Т. II, прим. 336; но ссылки нѣтъ.

§ 61. ИВАНОВСКАЯ ДОРОГА (ИНСТИТУТСКАЯ).

Она соединяла въ древности Старый Кiевъ съ Печерскимъ монастыремъ. Начиналась у Софiйскаго монастыря, проходила ворота Лядьскiя или Польскiя, потомъ нынѣшнее Печерское Отдѣленiе Стараго Кiева, Крещатицкую долину, извѣстную подъ именемъ *Козья Болота*, гдѣ теперь *рынокъ*; далѣе поднималась на возвышенность, гдѣ теперь институтъ, потомъ вдоль Клова, или древняго Стефанеча, продолжалась мимо Тугоркановой могилы и дворца Берестовскаго и оканчивалась у монастыря Печерскаго. Теперь часть Ивановской дороги называется *Институтскою улицею*, и на ней находится Институтъ для Благородныхъ Дѣвицъ, Контора Государственнаго Банка и Домъ, составляющiй квартиру Кiевскаго генералъ губернатора.

§ 62. ИЛIИ СВ. ПРОРОКА ЦЕРКОВЬ.

Договоръ Русскаго Великаго Князя Игоря I Рюриковича съ Византiйскимъ Царемъ Романомъ Лакапиномъ, заключенный въ 945 г., дошелъ и до насъ въ безцѣнной Лѣтописи Преп. Нестора. Договоръ этотъ былъ написанъ въ Константинополѣ и въ немъ два раза упоминается о церкви Св. Илiи, и именно въ концѣ договора: *Мы же свѣщаньемъ все написахомъ на двою харатью; и едина харатья есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана*, (замѣтимъ мимоходомъ, что именно этотъ списокъ долженъ бы быть въ рукахъ Руссвихъ, но онъ не дошелъ до насъ), *а на другой* (харатьи, спискѣ) *сли ваши и гостье ваши.* По принятому обычаю этотъ списокъ договора долженъ былъ храниться въ Константинополѣ; но Византiйскiе лѣтописцы не упоминаютъ ни объ Олеговомъ, ни объ этомъ; а между тѣмъ они сохранились у насъ. Здѣсь надобно допустить, что грамота Славянская и Вѣра Христова были у насъ извѣстны уже во времена Аскольда, и что предки наши списывали копiи для себя съ любопытныхъ и важныхъ государственныхъ документовъ и хранили ихъ вѣроятно по церквамъ. Трудно предполагать, что мы получили ихъ отъ Болгаръ; положимъ, они сообщили намъ

свой переводъ Священныхъ Книгъ, но наши договоры съ Греками едва ли могли ихъ интересовать. Далѣе текстъ договора: *А отходяче со словъ Царства нашего*, (стало быть изъ Константинополя), *да допровадятъ къ Великому Князю Рускому Игореви и къ людемъ его*; *и ти*, *приимающе харатью*, *на роту идуть хранити истину*, *яко мы свѣщахомъ*, *напсахомъ харатию сию*, *на ней же суть имяна наша написана. Мы же елико насъ хрестилися есмы*, (ясно, что здѣсь говорится о Руси, а не о Грекахъ), *кляхомъся церковью святаго Ильи въ соборнѣй церкви.* — Глаголъ *кляхомъся* употребленъ въ прошедшемъ времени. Соборная Церковь Св. Иліи была и въ Константинополѣ. Не уже ли крещеная Русь клялась *предъ* отшествіемъ своимъ изъ Цареграда? Или послы Игоревы клялись въ Византіи въ то же время, когда послы Романовы клялись въ Кіевѣ, и притомъ тамъ и у насъ въ церкви Св. Иліи?—Должно признаться, что это мѣсто для насъ неясно, и мы нигдѣ не нашли удовлетворительнаго объясненія.—Продолженіе текста: *и предлежащемъ честнымъ крестомъ и харатьею сею*, *хранити все*, *еже есть написано на ней*, *не преступити отъ него же ничто же; а иже преступить се*, и проч. Изложивъ вышеупомянутый трактатъ, Лѣтописецъ продолжаетъ: *Послании же сли Игоремъ придоша къ Игореви со слы Греческыми*, *повѣдаша вся рѣчи Царя Романа*..... *Заутра призва Игорь слы*, *и приде на холмъ*, *кдѣ стояше Перунъ*, *покладоша оружье свое*, *и щиты и золото*, *и ходи Игорь ротѣ и люди его*, *елико поганыхъ Руси*; *а Хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви Святаго Ильи*, *яже есть надъ ручаемъ Конець Пасынъчѣ* (а не *постничи*) *бесѣды и Козарѣ* (а не *въ Козарѣхъ*), *се бо бѣ сборная церкви*; *мнози бо бѣша Варязи Хрестеяни* (Лаврент. стр. 22.) Изъ этого текста ясно видно, что здѣсь говорится *о Кіевской* церкви Св. Пророка Иліи. Церковь эта была древнѣйшая, а можетъ быть и первая въ Кіевѣ; стояла, по словамъ Лѣтописца, надъ ручаемъ, котораго на Старомъ Городѣ, по высотѣ мѣста, никогда быть не могло; притомъ же господствующіе идолопоклонники, можетъ быть, и не терпѣли въ срединѣ *Города* Христіанской церкви. Ниже мы увидимъ, изъ словъ Преп. Нестора, что Почаина называлась *ручаемъ*; а изъ другихъ источниковъ,— что ручай Почаина протекала мимо Подола до Крещатика. Очень вѣроятно, что древняя церковь Св. Иліи была на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ каменная Св. Пророка Иліи, или близъ оной. Мнѣніе это мы основываемъ на томъ древнемъ обыкновеніи Православныхъ Христіанъ, что они изъ уваженія къ святому мѣсту, всегда предпочитали воздвигнуть вновь церковь тамъ, гдѣ прежде старая стояла.

Не *постничи бесѣды въ Козарѣхъ*, какъ стоитъ въ Описаніи Кіева Берлинскаго (стр. 108 и 139); онъ имѣлъ испорченный Барковымъ Кенигсбергскій списокъ. Въ лучшихъ изданіяхъ Лаврентьевскаго, Ипатіевскаго и Кенигсбергскаго списковъ, какъ то, въ изданіи Тимковскаго и Археографической Коммиссіи, и у весьма тщательнаго и осторожнаго Карамзина стоитъ *Конець Пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ*. Берлинскій въ этой же статьѣ сдѣлалъ еще двѣ ошибки: на стр. 107, вмѣсто Игоря I, стоитъ *Олега;* но при немъ Русскіе не клялись въ церкви Св. Иліи;

тоже самое повторяя на стр. 138, поставилъ онъ *Святослава*, все же вмѣсто Игоря.—Карамзинъ пишетъ: „Думаю, что *бесѣдою пасынковъ* и *Козарами* назывались двѣ улицы или части древняго Кіева, и что эта церковь находилась между ними" [1]). Думать можно, что угодно; но нашъ славный Историографъ во первыхъ не зналъ мѣстности Кіева [2]), во вторыхъ упустилъ изъ виду повѣствованіе Пр. Нестора, о послахъ Древлянскихъ, которое немного ниже помѣщено въ Лѣтописи. Описывая это прибытіе пословъ, Несторъ говоритъ: *На Подольи не сѣдяху* (не жили) *людье, но на Горѣ*, т. е. на Старомъ Кіевѣ. Слѣдовательно и при Игорѣ не было на Подолѣ никакого многолюднаго населенія съ улицами; однако церковь Св. Иліи была и, можетъ быть, нѣсколько разбросанныхъ хижинъ, потому что Подолъ представлялъ тогда сплошное болото и лѣсъ. *Бѣ бо тогда вода текущи вьздолѣ Горы Кыевскыя.* — Сочинитель „Изслѣдованія о древней Кіевской церкви Св. Иліи", напечатаннаго въ Кіевѣ 1830 г., Кіевской духовной Академіи студентъ, Евфимъ Остромысленскій [3]), сдѣлалъ также промахъ, думая наперекоръ Лѣтописи, „что древняя церковь Св. Иліи стояла на *подгоркѣ*, т. е. на уступѣ горы, ниже Васильевской (Трех-Святительской), церкви или Михайловскаго монастыря, подобно тому, какъ выстроена на уступѣ горы церковь въ томъ мѣстѣ, которое, по преданію, принимается за Аскольдову могилу." [4]) Но Остромысленскій не замѣтилъ, что въ Лѣтописи сказано: *яже есть надъ ручаемъ*; а на этихъ горныхъ уступахъ нѣтъ никакихъ ручьевъ.

Нѣсколько разъ пытались уже объяснить Несторово выраженіе *Конець пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ*; но такъ какъ отъ древности не дошло до насъ надлежащаго ключа къ правильному пониманію этой фразы: то всѣ старанія оканчиваются одними предположеніями. Мы знаемъ, что древнее слово *Конець* означало какую либо особую часть города, или проще сказать слободу. Въ Кіевѣ былъ Копыревъ Конець, въ Новгородѣ Концовъ или слободъ такихъ много было, на примѣръ: Людинъ Конець, Неревскій, Плотинскій, Горничскій Загородскій, Петровскій и проч.—Слово *Бесѣда* можно объяснить сѣдалищемъ, проповѣдію, обществомъ, сходкою, сборомъ, соборомъ свѣтскимъ и церковнымъ. Церковь Св. Иліи была на Подолѣ—это явствуетъ изъ самаго текста Лѣтописи, въ *Концѣ*, т. е. въ слободѣ, поселеніи, и притомъ въ такомъ поселеніи, въ которомъ была *бесѣда*, сходка, сборъ, соборъ; да и Лѣтописецъ говоритъ объ ней: *се бо бѣ сборная церкви.*—Далѣе: Чтобы имѣть какое либо опредѣленное понятіе о выраженіи *Конець Пасынъчѣ бесѣды*, то мы позволяемъ себѣ эту фразу такъ объяснить: Тогдашніе Христіане, собираясь въ своей *соборной* церкви Св. Иліи, вдали отъ города, пожалуй, почти украдкою, и перенося даже оскорбленія отъ идолопоклонниковъ, можетъ быть, назвали сами себя *пасынками*, кото-

[1]) Т. I. прим. 359. [2]) Ссылаюсь на его собственныя слова: *мы, не ѣздивъ въ Кіевъ, знали* и проч. См. Т. II. прим. 160. [3]) См. Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія, Ноябрь 1836. [4]) Стр. 271.

рые обыкновенно подвергаются гоненiямъ, въ отличiе отъ родныхъ дѣтей, собиравшихся предъ кумирами Перуна, Тура, Велеса, и пользовавшихся всѣми преимуществами гражданской жизни.—Гораздо легче объяснить слово *Козарѣ*. По всей вѣроятности оно осталось отъ древняго народа Козаръ, коему Кiевляне въ 9-мъ вѣкѣ платили дань. Естественно принять, что Козары тогда и селились въ Кiевѣ; но при Аскольдѣ, Олегѣ и Игорѣ они, утративъ свое значенiе, вѣроятно были вытѣснены изъ города, и пользовались правомъ жить только на болотѣ Подольскомъ, возлѣ Христiанъ Варяго-Руссовъ-Пасынковъ. Или, по мнѣнiю Михаила Максимовича, Слобода Козары была тамъ, гдѣ ручей Почаина вливался въ Днѣпръ. Это была Кiевская пристань близъ Боричева взвоза. Козары, какъ емлющiе дань, селились здѣсь для того, чтобы собирать съ проѣзжающихъ подать [1]). Если согласиться съ этимъ мнѣнiемъ, то слобода Козарская очутится отъ церкви Св. Илiи отстоящею на 500 саженъ; что не согласно со словами Лѣтописца.

Не обращая вниманiя на хорошiя изданiя Лаврентiевской Лѣтописи, Л. Похилевичъ руководствуется Лѣтописью, изданною подъ редакцiею Баркова, которая относительно *Конця Пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ* подала ему поводъ къ слѣдующимъ соображенiямъ: Признаваясь, что „опредѣленiе мѣста древней Ильинской церкви, сдѣланное Лѣтописцемъ, *надъ ручаемъ*, *Конецъ постничи бесѣды въ Козарѣхъ* нынѣ несовсѣмъ понятно," онъ полагаетъ однакожъ, что „Козарами могла назваться въ то время *Подольская часть Кiева*, *населенная*, *какъ нынѣ (!) торговымъ людомъ*, какимъ въ то время былъ Козарскiй народъ" [2]). Но вотъ бѣда: весь Подолъ былъ тогда лѣсъ и болото, какъ мы изъ текста Лѣтописи видимъ. Гдѣ же была *торговая часть*, когда и Бабинъ Торжокъ былъ на *Горѣ*? Не смотря на это Похилевичъ продолжаетъ: *Постнича бесѣда* означаетъ *рыбную площадь*. Объ одной *постной бесѣдѣ* авторъ предложилъ уже, говоря о церкви Введенiя во храмъ Пресв. Богородицы [3]). Стало быть на Подолѣ были двѣ постныя бесѣды и ни одной скоромной? Какъ воздержны были тогдашнiе язычники!—Въ заключенiе должны мы сказать, что весьма неясное для насъ выраженiе Преп. Нестора *Конецъ Пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ*, можетъ быть испорченное уже древними переписчиками, представляетъ нашимъ писателямъ обширное поле къ историческимъ фантазiямъ.

Вѣдомость Кiевоподольской Протопопiи, отъ 2 апрѣля 1784 г., объ нынѣшней приходской церкви Св. Пророка Илiи сообщаетъ слѣдующее: „Въ 1692 г. сооружена каменная сiя церковь иждивенiемъ Кiевскаго мѣщанина Петра Гудимы во имя Св. Пророка Илiи съ (теплымъ) придѣломъ, съ лѣвой стороны, во имя Усѣкновенiя главы Св. Iоанна Предтечи. Вблизи находится небольшая каменная колокольня. Въ 1718 г. церковь эта была опустошена пожаромъ, но въ 1755 г. возобновлена

[1]) 1 Кн. Кiевлянин. 1840. стр. 20 и 54. [2]) Кiев. губ. Вѣд. 1865 г. № 33, стр 229.
[3]) См. у насъ § 24. стр. 214.

полковымъ асауломъ Павломъ Ивановымъ Гудимою" [1]).—Въ 1811 г. пожаръ вновь ее опустошилъ, но доброхотные жертвователи вскорѣ ее возобновили; въ 1818 г. устроенъ новый иконостасъ, а потомъ построены церковные дома и перелиты колокола. — Прихожанъ обоего пола только 103 человѣка, но церковь эта владѣетъ вблизи каменными домами, лавками и магазинами, которые приносятъ ей въ годъ до четырехъ тысячъ рублей серб. дохода, считая и проценты съ капитала въ пять тысячъ рублей.

§. 63. ИРИНЫ СВ. МОНАСТЫРЬ.

Подъ 1037 г. *Заложи Ярославъ городъ великыи Кыевъ, у него же града суть Златая Врата; заложи же и церковь Святыя Софья, митрополью, и посемъ церковь на Золотыхъ Воротѣхъ святое Богородицѣ Благовѣщенье, посемъ Святаго Георгія манастырь и Святыя Ирины.* (Лаврент. 65). Хотя время построенія монастыря Св. Ирины Несторъ полагаетъ подъ 1037 г., но нельзя думать, чтобы оный былъ оконченъ въ продолженіи одного означеннаго года; ибо подъ тѣмъ же 1037 г. у Нестора находится повѣствованіе о построеніи не только Св. Ирины, но и Златыхъ Вратъ, Софійскаго Собора, Георгіевскаго монастыря и другихъ зданій, на построеніе коихъ требовались многіе годы. Посему весьма вѣроятно, что Несторъ подъ симъ 1037 г., составляющимъ главную эпоху благочестивыхъ дѣлъ Ярослава I, хотѣлъ только сблизить повѣствованіе о важныхъ построеніяхъ этого Великаго Князя. Нѣтъ сомнѣнія, что церковь Св. Ирины была построена въ той части города Кіева, которая называется нынѣ Старымъ Городомъ. Это отчасти видно изъ самаго текста, потому что Несторъ упоминаетъ о построеніи Златыхъ Вратъ, Софіи вмѣстѣ съ построеніемъ и монастырей Св. Георгія и Св. Ирины. Сверхъ того лѣтописи и свидѣтельства историческія сообщаютъ намъ, что Печерскъ, составлявшій до 1837 г. главную часть нынѣшняго Кіева, былъ не населенъ и, кромѣ показанныхъ въ Лѣтописи зданій на Берестовѣ, представлялъ пустыню. На примѣръ, Несторъ, описывая положеніе Печерскаго монастыря, говоритъ: *бѣ бо ту лѣсъ великъ.* (Лавр. 67). Это же доказываетъ и самое названіе *Пустынно-Николаевскаго* монастыря на Печерскѣ, гораздо позднѣйшаго времени. Нельзя тоже доказать, чтобы церковь Св. Ирины построена была въ Кіево-Подолѣ; ибо эта часть города, какъ видно изъ Лѣтописи, стала быть важною послѣ временъ Ярославовыхъ. Подъ 1147 г. Лѣтописецъ упоминаетъ о Новгородской божницѣ, построенной, можетъ быть, въ Кіево-Подолѣ купцами Новгородскими; но божницы устроялись только по недостатку церквей. Посему можно рѣшительно утверждать, что монастырь Св. Ирины былъ основанъ на Старомъ Кіевѣ. *А Дирова могила за Святою Оринею* (Лавр. 10). Это указаніе Преп. Нестора, очень ясное въ свое время, для насъ совершенно неразумительно. Мѣсто погребенія товарища Аскольдова, которое представляется здѣсь за Св. Ири-

[1]) Онъ же, въ 1732 г. обновилъ и церковь Воскресенія Христова на Подолѣ. См. стр. 221.

ною, также неизвѣство для насъ, какъ и мѣсто самой сей церкви. А потому, при настоящемъ изысканіи мы, по необходимости, должны ограничиться одними собственными соображеніями и догадками. Нѣкоторые думаютъ, что Несторъ говоритъ здѣсь не о той церкви Св. Ирины, которая была построена Ярославомъ, а о другой, находившейся недалеко отъ Аскольдовой могилы (Берлинскій 79 и 159). Но вѣроятнѣе (хотя мы и не знаемъ причины, по которой Аскольдъ погребенъ на Угорскомъ урочищѣ, а Диръ въ Старомъ Кіевѣ), что Лѣтописецъ здѣсь разумѣлъ Ярославову церковь; ибо если бы въ его время было двѣ церкви Св. Ирины, то онъ непремѣнно сказалъ бы, за которою именно находилась Дирова могила. И Карамзинъ почитаетъ вѣроятнымъ то предположеніе, что могила Дирова находилась за Ярославовою церковію Св. Ирины (Т. I, прим. 295). Гизель пишетъ: „Созда же Ярославъ и церковь великомученика Георгія, во имя себѣ отъ Св. крещенія данное, по правой сторонѣ, и церковь и монастырь Святыя Ирины недалече отъ Св. Софіи“. (Синопсисъ 62). Не смотря на то, что Гизель жилъ уже въ половинѣ XVII вѣка, свидѣтельство его заслуживаетъ полную довѣренность; ибо онъ основывался или на преданіи, или, что вѣроятнѣе, видѣлъ собственными глазами развалины сей церкви. Монахъ Кальнофойскій, современникъ Гизеля, въ своемъ объясненіи на рисунокъ, несправедливо называемый планомъ Кіева, тоже упоминаетъ, что въ Старомъ Кіевѣ *многія церкви* (кромѣ имъ показанныхъ) *лежатъ подъ холмами въ развалинахъ и кажется на вѣкъ погребены*. Въ оригиналѣ: Cerkiew S. Simeona nad samym Kiowem, a drugie mogiłami leżą, podobno na wieki przywalone. (стр. 24, Опис. Кіевск. Лавры, стр. 312). Существованіе монастыря при древней церкви Св. Ирины въ Кіевѣ доказывается словами Ипатіевской Лѣтописи: *а Всеволодичь Святославъ* (союзникъ Игоря II), *вбѣже въ Кыевъ къ Святѣй Орини въ манастырь, и ту его яша* (подъ 1146 г. стр. 24). Весьма вѣроятно, что это былъ женскій монастырь; сіе доказывается тѣмъ:

1) что Ярославъ, ревностно старавшійся о распространеніи Христіанской вѣры, безъ сомнѣнія, заботился о построеніи монастырей, не только мужескихъ, но и женскихъ; въ противномъ случаѣ онъ не имѣлъ бы надобности въ своемъ Уставѣ *о Судахъ Церковныхъ* дѣлать постановленія о монашествующихъ женскаго пола [1]). Если Ярославъ построилъ мужескій монастырь Св. Георгія, то монастырь Св. Ирины, построенный по имени жены Ярославовой, былъ женскій. Иначе, для чего бы строить такъ близко два монастыря мужескіе. О соглашеніи именъ Ингигерды, Ирины и Анны, подъ коими извѣстна супруга Ярославова, см. Карамзина (Т. II, прим. 34), т. е., Великая Княгиня Ингигерда называлась Христіанскимъ именемъ Ириною, предъ кончиною постриглась и была названа въ монашествѣ Анною.

[1]) См. сей уставъ въ Опис. Кіевск. Софіи. Приблвленіе, стр. 13 и у Карамзина. И. Г. Р. Изд. 6. Т. II. стр. 70, прим. 108. Впрочемъ Исторіографъ почитаетъ его подложнымъ.

2) Если обратимъ вниманіе на мѣстоположеніе монастыря Св. Ирины, какъ это сдѣлалъ Берлинскій въ своемъ Описаніи Кіева (стр. 78 и 159), то еще болѣе увѣримся въ томъ, что онъ былъ женскій. Было изстари въ обыкновеніи, что женскіе монастыри строились всегда въ сосѣдствѣ мужескихъ; состояли подъ духовною властію оныхъ и монахи совершали у нихъ священнослуженіе. Такъ въ Кіевѣ же Флоровскій Вознесенскій дѣвичій монастырь до 1712 г. находился близъ Кіево-печерской Лавры, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Арсеналъ; Богословскій женскій монастырь, переведенный въ 1712 г. на Плоское, былъ въ сосѣдствѣ съ Золотоверхо-Михайловскимъ мужескимъ, а Іорданскій Николаевскій женскій монастырь, бывшій на Плоскомъ, состоялъ въ вѣдомствѣ игумена Кирилловскаго монастыря, какъ сіе видѣть можно изъ письменныхъ дѣлъ монастырскихъ; да и въ старину Янчинъ (Св. Андрея) женскій и Вотчь (Св. Ѳеодора) мужескій монастыри находились вмѣстѣ. И такъ, зная, что монастырь Св. Георгія былъ мужескій, можемъ заключить, что близкій къ оному монастырь Св. Ирины былъ женскій.

Хотя Кіевъ, еще до нашествія Татаръ на Южную Россію, неоднократно былъ опустошаемъ не только внѣшними непріятелями, но даже Русскими Князьями, воевавшими между собою, однако изъ Исторіи не видно, чтобы сіи недостойные сыны Россіи разрушали самыя зданія храмовъ Божіихъ. Они простирали свои святотатственныя руки на однѣ украшенія церквей. Такъ въ 1169 г. Мстиславъ Андреевичь, а въ 1204 г. Рюрикъ Ростиславичь жгли и грабили Кіевъ и храмы сего города. Разрушеніе церкви Св. Ирины также не можно относить и къ 1240 г., когда злѣйшіе враги, Татары, опустошая Россію, разорили и Кіевъ; однако Татары не имѣли ни надобности, ни времени разрушать каменныя зданія, потому что имъ нужны были только сокровища. Они опустошили и повредили зданія, а по разореніи Кіева некому было возстановлять и поправлять; время, непогоды и бѣдные жители довершали общую руину. Съ 1240 г. участь церкви Св. Ирины не перемѣнялась: она осталась опустошенною и приходила въ развалины. Въ послѣдствіи времени была (въ 1678, 1732 или 1737 годахъ?) покрыта высокимъ землянымъ валомъ, а потому и мѣсто ея забыли. Берлинскій думалъ, что „во время строенія въ 1731 г. (напротивъ, по свидѣтельству митроп. Евгенія, въ 1746 г.) около Софійскаго монаст. ограды каменной найдено пространное основаніе бывшаго каменнаго зданія и, по сравненіи съ Лѣтописью, должно заключить о существованіи на томъ мѣстѣ Ирининскаго женскаго монастыря“ [1]). Должно замѣтить, что мнѣніе это о мѣстѣ Ирининскаго женскаго монастыря покойный Берлинскій заимствовалъ изъ Кіевскаго Мѣсяцеслова на 1799 г., сочиненнаго весьма ученымъ мужемъ Иринеемъ Фальковскимъ [2]). Это же мнѣніе раздѣлялъ и митрополитъ Евгеній Болховитиновъ.

[1]) Описан. Кіева, стр. 78 и 158. [2]) Мы назвали преосв. Иринея весьма ученымъ. И дѣйствительно этотъ мужъ былъ славный Богословъ своего времени. См. его Theophanis Theologiae cursus.

Наконецъ, въ 1833 г. Кодратъ Андреевичъ Лохвицкій, при денежномъ пособіи Фельдмаршала Сакена и другихъ, началъ разрывать мѣсто въ излучинѣ древняго крѣпостнаго вала, неподалеку отъ ограды Софійскаго Собора, съ южной стороны, на которомъ, по его предположенію, должны находиться подъ земляною насыпью остатки церкви Св. Ирины, современной, по древности построенія, Златымъ Вратамъ и соборной церкви Св. Софіи. И дѣйствительно онъ открылъ большую часть церковныхъ стѣнъ, коихъ кладка, кирпичъ и цементъ сходствуютъ съ матеріалами и строеніемъ Златыхъ Вратъ и Десятинной церкви. Тамъ они засыпаны были землею вала, по всей вѣроятности, не прежде, какъ въ 1679 г. при Кіевскомъ воеводѣ кн. Черкасскомъ; ибо въ развалинахъ надъ алтарнымъ мѣстомъ найдено много небольшихъ мѣдныхъ копѣекъ, битыхъ во Псковѣ въ 1659 г. Очищенное отъ земли основаніе церкви представилось въ видѣ продолговатаго параллелограма, коего одна долгая сторона обращена къ востоку, а противуположная къ западу. Къ восточной сторонѣ пристроена алтарная часть съ двумя палатками. Продолговатыя стороны содержатъ каждая по 11 саженъ и 1 аршинъ. Западная стѣна кажется глухая. Южная и сѣверная стороны этого параллелограма каждая содержитъ по 7 саженъ. Входныя двери помѣщены въ южной стѣнѣ. Средній куполъ поддерживался четырмя четвероугольными подпорками. Восточная сторона церковнаго параллелограма, посерединѣ, къ алтарю на 5 саженъ открыта. Ширина всей алтарной части, т. е. средней съ двумя боковыми палатками содержитъ 8 саж.; глубина 4 сажен. 2 аршина; алтарная часть оканчивается полукруглыми дугами, изъ коихъ средняя въ поперечникѣ имѣетъ 4 сажени, а каждая изъ боковыхъ по 4 аршина. Вообще длина зданія, отъ запада къ востоку, имѣетъ 11 саженъ 2 аршина, а ширина, отъ сѣвера къ югу,

Lipsiae 1792—93. Толкованія на Посланіе къ Римляномъ Кіевъ 1806, къ Галатомъ. Кіевъ 1807.— Математикъ, судя по многимъ рукописнымъ сочиненіямъ, послѣ него оставшимся.—Астрономъ, что доказывается Кіевскимъ Мѣсяцесловомъ на 1799 г., богатымъ свѣдѣніями разнаго рода; и Историкъ. Всѣ эти качества рѣдко встрѣчаются въ одномъ человѣкѣ.—Преосв. Ириней многолѣтнимъ трудомъ (съ 1804 по 1823 г.) собралъ весьма богатый запасъ матеріаловъ для обстоятельной Исторіи Кіевской Іерархіи. Матеріаламъ этимъ (въ рукописи) далъ онъ слѣдующее заглавіе: „Полнѣйшее Историческое Извѣстіе о древней и новой Кіевской Іерархіи, съ пріобщеніемъ обстоятельной росписи всѣхъ Митрополитовъ Кіевскихъ". Рукопись эта означена за № 163. См. *Хроника жизни преосв. Иринея Фальковскаго.* Хроника эта требовала бы лучшаго порядка и изложенія; она помѣщена въ Кіевск. Епар. Вѣдомост. 1861 г. стр. 173 и др.—По кончинѣ преосв. Иринея, коадьютора митрополіи Кіевской, митрополитъ Евгеній всѣ рукописныя книги покойнаго взялъ въ библіотеку Софійскаго Собора, слѣдовательно Михайловскій монастырь остался безъ рукописей своего пастыря. Составитель Хроники объ Иринеѣ, сообщая о вышеупомянутомъ его Собраніи Матеріаловъ, говоритъ: *Эта рукопись не подала ли мысль преосв. Евгенію составить то Описаніе К. Собора и К. Іерархіи, которое напечатано 1825 года?* (стр. 315). Сообразимъ теперь слѣдующія обстоятельства: преосв. Евгеній занялъ Кіевскую каѳедру въ апрѣлѣ 1822 г., а Описаніе Кіевской Софіи и Іерархіи подписано цензурою уже 5 іюня 1824 г. Ясно, что *такое* сочиненіе, безъ многолѣтней подготовки, въ два года и одинъ мѣсяцъ, при прочихъ Іерархическихъ, замѣтимъ обширныхъ, занятіяхъ, сочинить невозможно. Стало быть оно происхожденіемъ своимъ *много* обязано Иринею Фальковскому. Вѣроятно по этой причинѣ Евгеній Болховитиновъ, при изданіи въ свѣтъ этой книги, не подписалъ своего имени.

11 саженъ и 1 аршинъ. Должно замѣтить, что здѣсь мѣра показана вездѣ со стѣнами. Открытую часть составляютъ: мѣсто алтаря и въ немъ подпрестольный камень, цѣльный, малиноваго цвѣта, (вѣроятно красный шиферъ, обломки коего безпрестанно на Старомъ Городѣ попадаются), съ четырмя на немъ мѣстами для ножекъ каменныхъ и съ пятымъ посереди устроеннымъ углубленіемъ для мощей. Тамъ, гдѣ обыкновенно находится горное мѣсто, ближе къ восточной, алтарной, полукруглой стѣнѣ, положено двѣнадцать камней, въ честь 12-ти Апостоловъ; а между ними и престольнымъ камнемъ найдено четыре камня съ подливомъ древней известки, въ честь четырехъ Евангелистовъ. Въ этомъ алтарѣ отрыты два креста древней Греческой работы и обломки двѣнадцати-конечнаго креста, желѣзный вѣнецъ съ образа, половина каменной печати для печатанія просфоръ съ надписями: съ одной стороны IX̃, надъ главою Спасителя, лежащаго на рукахъ Богоматери; съ другой стороны подлѣ Спасителя надпись вертикальная сверху внизъ АГІѠСЪ. Тутъ же найдены, близъ престольнаго камня мѣдныя копѣйки Царя Алексѣя Михайловича, битыя въ 1659 г. По обѣимъ сторонамъ алтаря каменныя палатки или усыпальницы, южная съ одною, а сѣверная съ двумя гробницами, не имѣющими надписей, и содержавшими въ себѣ кости, перемѣшанныя землею. Сверхъ того все продолженіе южной стѣны, съ небольшою частію продолженія западной, и большая половина середины церкви. Наконецъ усмотрѣно церковное подземелье. Въ палаткахъ и въ серединѣ церкви полъ найденъ частію мозаическій, поливный, горшечной работы, составленный изъ четыреугольныхъ плитокъ, и голосники горшечные. Стѣны по штукатуркѣ расписаны были живописью альфреско. Во внутренномъ пространствѣ церкви найдено пять листовъ свинцу и нѣсколько мѣдныхъ обломковъ отъ паникадилъ и колокола. Можно себѣ представить, какому долговременному и многократному разрушенію все это подвергалось. Ни одной цѣлой вещи, только скудные остатки!

Открытіе это описано К. Каневскимъ и обнародовано въ Журналѣ Минист. Народн. Просв. 1836 г. ноябрь и декабрь. Тамъ же приложенъ планъ и фасадъ этой церкви, и въ другой разъ въ 1838 г. См. и у насъ. Въ 1846 г. г. Профессоромъ Ставровскимъ была раскрыта остальная часть развалинъ и составленъ новый планъ ихъ. Этимъ развалинамъ, по большенству мнѣній, даютъ названіе церкви Св. Ирины. Между тѣмъ Сементовскій, въ своемъ Кіевѣ (стр. 107), рѣшительно не признаетъ этихъ развалинъ за церковь Св. Ирины. Онъ ссылается на указаніе Гизеля и на мнѣнія Фальковскаго, Берлинскаго и Болховитинова, и утверждаетъ, что этимъ развалинамъ дано названіе Ирининскихъ *неосновательно*, и что они большею частію еще неизслѣдованы и находятся въ землѣ, въ особенности западная ихъ часть.

Мы уже говорили о *мнѣніяхъ* Фальковскаго, Берлинскаго и Болховитинова. Но мнѣніе, не есть еще доказательство; а потому, въ данномъ случаѣ, не имѣетъ никакого авторитета. Свидѣтельство очевидца— это другое дѣло. Гизель могъ видѣть развалины церквей Св. Георгія

и Св. Ирины собственными глазами. Г. Сементовскій написалъ слѣдующее: „Въ Синопсисѣ сказано, что Георгіевская церковь находилась *по правой сторонѣ* Софіи, а Ирининская *по лѣвой*". Раскрываемъ Синопсисъ (стр. 62), и читаемъ: „Созда же и церковь святаго Великомученика Георгія отъ камене, во имя себѣ отъ святаго крещенія данное, *по правой странѣ* святыя Софіи, и церковь и монастырь святыя Ирины *недалече* отъ святыя Софіи." — Гдѣ же Гизель въ Синопсисѣ сказалъ, что церковь Св. Ирины стояла *по лѣвую* сторону церкви Св. Софіи? Способны ли увѣренія *такого рода* увѣрить кого нибудь?

Въ заключеніе присовокупимъ, что нѣкоторые старожилы, во время посѣщенія нашей родины въ іюлѣ 1864 г., сообщали намъ, что нынѣшній, на Владимірской улицѣ, такъ называемый остатокъ церкви Св. Ирины, есть ничто иное, какъ памятникъ, сооруженный изъ старинныхъ камней какого-то древняго зданія и названъ только остаткомъ церкви Св. Ирины; что подрядчикомъ при этой Христіанской постройкѣ былъ какой-то Жидъ. Другіе, напротивъ, увѣряютъ, что этотъ памятникъ есть дѣйствительно остатокъ какого-то древняго строенія; но что развалины самой церкви скрываются подъ фундаментомъ одного частнаго дома.

§ 64. КАЗАРМЫ.

а) ЦЕРКОВЬ СВ. МИХАИЛА, б) ЦЕРКОВЬ СВ. АЛЕКСАНДРА.

Для войскъ находятся казармы на восточной сторонѣ Кіево-Печерска; они начинаются недалеко отъ Неводницкаго взвоза (собственно тамъ, гдѣ начинается дорога, идущая между Печерскою крѣпостію и Звѣринцемъ до пристани Неводницкой); потомъ мимо *Каменнаго Затона* простираются на полверсты, имѣя направленіе къ городскому острогу. Сіи каменныя казармы заложены въ 1834, а окончены въ 1839 г.; строеніе состоитъ изъ двухъ чрезвычайно длинныхъ корпусовъ въ два этажа и трехъ огромныхъ круглыхъ башень. Гигантское сіе зданіе отличается превосходною военною архитектурою. На строеніе употребляемъ былъ матеріалъ самой лучшей доброты. До сего времени Кіевъ не имѣлъ казармъ; войска, приходящіе сюда, помѣщаемы были въ домахъ жителей; что однакожъ и до сихъ поръ продолжается и составляетъ трудную повинность для домовладѣльцевъ Кіева, (см. § 4. стр. 143); потому что эти казармы предназначены для другихъ воинскихъ необходимыхъ потребностей. Въ одной изъ такихъ казармъ помѣщается Военное училище съ церковію Св. Архистратига Михаила.

Сюда относится и *Прозоровская церковь*. Она посвящена именамъ Святыхъ Князей Владиміра и Александра Невскаго и находится въ Прозоровской башнѣ. Первоначально была построена въ Инвалидномъ Домѣ Кн. Прозоровскаго, по завѣщанію его въ 1816 г. Но какъ Инвалидный Домъ вошелъ въ линію крѣпости, то въ 1842 г. церковь перенесена въ башню, названную Прозоровскою и построенную съ

1833—39 г. Содержаніе причта и самой церкви назначено изъ процентовъ оставленнаго кн. Прозоровскимъ капитала, состоящаго въ вѣдѣніи комитета о раненныхъ. Въ этой церкви примѣчателенъ иконостасъ своею изящною отдѣлкой, какъ и весь внутренній видъ церкви. Въ подвалѣ церковномъ покоятся останки кн. Прозоровскаго и его супруги [1].

§. 65. КАМЕННЫЙ ЗАТОНЪ.

Въ 1786 г., при преобразованіи Малороссійскихъ епархій въ штатное положеніе, изъ угодій поземельныхъ оставлены Кіево-Печерской Лаврѣ: мельница на рѣчкѣ Лыбеди, лѣсъ отъ Китаевской Пустыни до села Пирогова съ пасѣкою, земля при бывшей Голосѣевской Пустынѣ и Самборкахъ, рыбныя ловли съ сѣнокосами на Днѣпрѣ, при урочищахъ Жуковкѣ, Телбинѣ и особый сѣнокосъ въ Темномъ Лугу; подворья въ Кіевѣ на Подолѣ Подольское, на Печерскомъ Конюшенное, Судовое, *Каменнаго Затона* (Ср. § 57. Звѣринецъ) Пещерное съ плодовитымъ садомъ, Гостинничное подъ Лаврою, а за городомъ Лыбедское при мельницѣ и кирпичныхъ заводахъ, Голосѣевское и Самборское, Жуковское, Телбинское. Кромѣ сего въ 1817 г. пожалованы Лаврѣ еще восемь рыбныхъ озеръ въ Остерскомъ уѣздѣ на Днѣпрѣ [2]).

§ 66. КИРИЛЛОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

а) церковь св. кирилла, б) церк. св. бориса и глѣба, в) церк. св. троицы, или сошествія св. духа, г) древніе фрески, д) домы богоугодныхъ заведеній, е) домъ съумасшедшихъ, ж) кирилловская пещера.

а) *Церковь или монастырь Св. Кирилла.*—О первоначальномъ основаніи сего монастыря Лѣтописи представляютъ намъ извѣстія, по видимому, противорѣчащія; но, въ слѣдствіе разысканій, основаніе онаго можно съ достовѣрностію приписать В. Кн. Кіевскому, Всеволоду II Ольговичу (1138—1146). Большую часть свѣдѣній предлагаетъ Ипатіевская Лѣтопись. Въ первый разъ упоминается подъ 1171 г. *Сняшася братья Вышегородѣ и пришедше сташа на Дорогожичи подъ Святымъ Курилом……. и оступиша весь градъ Кыевъ* (стр. 100). Мстиславъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, съ одиннадцатью другими князьями, овладѣлъ Кіевомъ, по мнѣнію Карамзина (Т. II, пр. 424) въ 1169, а не въ 1171 г. Какъ бы то ни было, но изъ приведенныхъ словъ видно: 1) что церковь Св. Кирилла находилась въ Кіевскомъ урочищѣ *Дорожичахъ* или *Дорогожичахъ* (срав. §. 51), и 2) что она существовала уже въ 1171, или даже въ 1169 г. Потомъ подъ 1179 г. говорится: *Въ то же лѣто приведе Святославъ за Всеволода, за середнего сына, жену изъ Ляховъ Ка-*

[1]) Кіев. губерн. Вѣдом. 1865 г. № 41. [2]) Опис. К. Лавры, стр. 82.

зимѣрну во Филипиво говѣнье.... (т. е., В. Кн. Кіевскій Святославъ женилъ сына своего, Всеволода Чермнаго, на Маріи, дочери Казимира, короля польскаго). *И того же лѣта преставися Княгини Всеволожая, пріемше на ся черничьскую скиму, и положена бысть въ Кыевѣ у св. Кюрила, юже бѣ сама создала* (стр. 121). О преставленіи Маріи тоже самое повторяется и въ Густинской Лѣтописи (см. Ипатiев., стр 317). И такъ сія Марія, жена Всеволода, вскорѣ послѣ брака заложила церковь Св. Кирилла, или возобновила уже бывшую; потомъ занемогла и, по набожному тогда обыкновенію, передъ кончиною своею постриглась въ монахини, а по смерти тѣло ея погребено въ упомянутой церкви Св. Кирилла. Такое скопленіе событій въ очень короткое время нашему Исторіографу показалось страннымъ (Т. III. прим. 90); но главное противорѣчіе состоитъ въ слѣдующемъ: Въ 1171 г., или даже въ 1169 г., говорится о церкви Св. Кирилла, какъ уже о существовавшей; но спустя восемь или десять лѣтъ, подъ 1179 г., упоминается въ *другой разъ* и притомъ о *созданіи* ц. Св. Кирилла. И такъ, выстроила ли Марія, супруга Всеволодова, новую церковь Св. Кирилла, или возобновила бывшую до нея? Послѣднее кажется вѣроятнѣе, особенно изъ послѣдующихъ текстовъ. Такъ подъ 1194 г.: *Святослвъ же пришедъ въ Кыевъ и ѣха къ Вышегороду, въ пятницю, поклонитися святымъ мученикомъ* (Борису и Глѣбу), *и влѣзъ во церковь со слезами облобыза святую раку, и посемъ....... приѣха Кыеву; въ суботу же ѣха ко святымъ мученикомъ* (Борису и Глѣбу?) *къ церкви, ту сущей у Св. Кюрила...... и преставися мѣсяца іюля, и положиша й во Святомъ Кюрилѣ, во отнѣ ему манастырѣ* (Ипатiевск. стр. 143). Въ текстѣ этомъ говорится уже о *монастырѣ* Св. Кирилла, и что онъ былъ *отній*, *отчій*, *вотчій*, т. е., основанный отцемъ Святослава, Всеволодомъ. Выше, было упомянуто, что отними, отчими или отеческими монастырями назывались тѣ, кои выстроены были родителями, или предками упоминаемыхъ Князей. (Сравн. §. 32 монаст. Св. Ѳеодора или Вотчь). Сказанное въ Ипатiевск. подъ 1194 г. подтверждается другими, хотя и позднѣйшими, компиляціями Лѣтописей, составители коихъ, однако, пользовались древними списками. Такъ подъ 1195 г.: *Того же лѣта преставися Кн. Кыевскый Святославъ и положенъ бысть въ манастыри (въ церкви) Св. Кирила, юже бѣ создалъ отець его* (Лаврент. 173, Кенигсб. 287), и въ Никоновск.: *Того же лѣта* (выставленъ 1193 г.?) *преставися В. К. Кіевскій Святославъ....... и положенъ бысть въ монастырѣ, въ церкви Св. Кирилла, юже бѣ создалъ отецъ его Всеволодъ* (Т. II, стр. 260). Слѣдовательно, не Марія Казимировна, Святославова невѣстка или сноха, но отецъ Святославовъ, Всеволодъ II Ольговичъ, Черниговскій, княжившій въ Кіевѣ отъ 1138 до 1146 г., былъ первоначальнымъ основателемъ церкви или монастыря Св. Кирилла, о которомъ лишь въ первый разъ подъ 1171 г. упоминается; и самое основаніе его должно отнести къ началу XII вѣка, а не къ послѣдней половинѣ онаго. Марія же въ 1179 г. только возобновила церковь, основанную дѣдомъ мужа ея, но которая въ теченіи полвѣка могла обветшать, или приказала учинить какую либо передѣлку.

Въ примѣчаніи 50-мъ, втораго тома своей Исторіи, Н. М. Карамзинъ пишетъ, что *Несторъ начинаетъ годъ съ марта, а не съ сентября*, и доказалъ это нѣсколькими примѣрами. Сообразивъ повѣствованіе о княгинѣ Маріи, онъ, въ 90-мъ примѣчаніи, третьяго тома, замѣчаетъ слѣдующее: *И такъ сія княгиня въ одинъ годъ и вышла замужъ, и приняла схиму и построила каменную церковь*? — На основаніи этихъ словъ неизвѣстный авторъ небольшой статьи, подъ названіемъ: *Кіево-Кирилловскій (упраздненный) монастырь*, [1]) рѣшительно опровергаетъ всякую возможность постройки Маріею какого либо храма. Онъ пишетъ: „Этого *ни въ какомъ* случаѣ нельзя принять. Марія приведена изъ Польши въ Кіевъ и обвѣнчана съ Всеволодомъ въ 1179 г. „во Филипово говѣнье", т. е. въ послѣдній день предъ Филипповымъ постомъ, и умерла, по свидѣтельству той же Лѣтописи, въ томъ же году — „того же лѣта." Годъ начинался тогда съ марта, значитъ Марія жила въ Кіевѣ не болѣе трехъ съ половиною мѣсяцевъ (половину ноября, декабрь, январь и февраль). Въ это короткое и притомъ *зимнее* время нельзя построить большой (?!) *каменной* церкви. Но это опровергаетъ и таже самая Лѣтопись, именно тѣмъ, что упоминаетъ о Кирилловскомъ монастырѣ, какъ уже существующемъ подъ 1171 г." и проч. Такое опроверженіе никого не можетъ вполнѣ убѣдить. Было же какое нибудь основаніе, по которому Лѣтописецъ написалъ *юже* (церковь) *бѣ сама* (Марія) *создала*. Не надобно забывать, что насъ отдѣляетъ почти восемьсотъ лѣтъ отъ этого событія, и чтобы опровергнуть показаніе Лѣтописца и доказать его ошибку, то нужно ему противупоставить современное событіе или показаніе, а не говорить голословно, *ты ошибся* и только! Великій знатокъ Карамзинъ не дерзнулъ отвергать, а только сомнѣвался. Не отвергая показанія Лѣтописца, мы должны принять, что это мѣсто въ Лѣтописи еще въ древности испорчено переписчиками, что въ немъ что-то недоговорено, и представляетъ, повидимому, противорѣчіе. Мнѣніе г. Журавскаго кажется намъ правдоподобнымъ, что княгиня Марія Казимировна была устроительницею только придѣла церковнаго [2]). Хотя Гизель пишетъ, что: „въ лѣто отъ созданія міра 6686, отъ Р. Х. 1172 (вѣроятно, опечатка, читай 1179) преставися благовѣрная Княгиня Марія, жена Князя Всеволода Святославича, а дщи короля польскаго Казиміра, совершена инокиня сущи, и погребена бысть въ церкви монастыря Св. Живоначальныя Троицы, идѣже и придѣлъ Св. Кирилла въ Кіевѣ *каменной, юже церковь и монастырь, нынѣ зовомый Кирильскій, сама построила*" (Синопсисъ, стр. 81); однако предшествовавшія указанія Лѣтописей опровергаютъ сіе мнѣніе о времени основанія Кирилловскаго монастыря, принятое и новѣйшими. Авторитету Гизеля послѣдовали м. Евгеній и особенно безусловно Л. Похилевичъ [3]). Между тѣмъ Берлинскій, наперекоръ Лѣтописямъ, имѣя даже предъ глазами

[1]) Кіевск епарх. Вѣдом. 1863 г. стр. 669. [2]) Обозрѣніе Кіева, стр. 78. [3]) Кіевск. губерн. Вѣдом. 1865 г. стр. 272.

Синопсисъ, написалъ слѣдующую грубую ошибку: „Основаніе сего монастыря приписывается *супругѣ* (!) польскаго короля Казимира, Маріи, *дочери* (!) Всеволода I *Ярославича*" !! [1]). Стало быть Марія жила цѣлымъ столѣтіемъ раньше Лѣтописнаго показанія и притомъ, по его мнѣнію, она была природная Русская, замужемъ за полякомъ. Все наоборотъ! — Съ 1803 г. началъ Берлинскій составлять свое *Описаніе Кіева*. Приэтомъ смотрѣлъ онъ высокомѣрно на Русскую Исторію, особенно на Кіевскія Древности [2]). Въ 1820 г. отослалъ онъ свою рукопись въ Петербургъ для напечатанія. И такъ, въ теченіи 17-ти лѣтъ не удосужился онъ всѣ части своего очень небольшаго сочиненія (7 печатн. листовъ) осмотрѣть хорошенько. — Какъ бы то ни было, это же самое нелѣпое показаніе, не долго думая, буквально скопировалъ въ своемъ Паломникѣ и Иванъ Максимовичъ [3]). Къ сожалѣнію, авторитетомъ Берлинскаго увлекся и почтенный авторъ краткой, но превосходной Исторіи Кіевской Академіи, въ 1848 г. епископъ Тамбовскій, преосв. Макарій Булгаковъ, и въ своемъ сочиненіи „Очеркъ Исторіи Русской Церкви въ періодъ до-Татарскій, [4]) дословно повторилъ ошибку Берлинскаго. — Въ своемъ новѣйшемъ Описаніи Кіева г. Сементовскій основаніе Кирилловскаго монастыря приписываетъ отшельникамъ такимъ образомъ: „Пещерножительство посвятившихъ жизнь свою Богу, во второй половинѣ XI и въ началѣ XII вѣка, распространилось въ значительной степени. Не только собственно нѣдра высотъ Печерскихъ заключали келліи спасавшихся отшельниковъ, но и прочія Кіевскія высоты, даже отстоящія на довольно далекое разстояніе отъ высотъ Печерскихъ, были избраны древними иноками для святаго уединенія и въ подземной глубинѣ ихъ изрыты пещеры. Высоты, лежавшія внизъ по Днѣпру, начиная отъ Выдубицкой обители, гдѣ Китаевская пустынь и далѣе село Пироговъ и нынѣ еще хранятъ остатки древнихъ иноческихъ пещеръ. Съ другой стороны Кіевской мѣстности, вверхъ по Днѣпру, въ высотахъ Старокіевскихъ и за горою Щекавицею, въ высотахъ смежныхъ съ Кирилловскою обителью и въ самомъ холмѣ, на коемъ находится эта обитель, открыты остатки такихъ же пещеръ." [5]) — Все это хорошо; но авторъ рѣшительно не можетъ доказать своихъ предположеній исторически. Ни Лѣтописи, ни самыя пещеры Кирилловскія, не указываютъ на пещерную жизнь возлѣ Кирилловскаго монастыря. Послѣ такого вступленія авторъ продолжаетъ: „Въ концѣ XI-го или въ началѣ XII вѣка въ нѣдрахъ холма, получившаго названіе *Кирилловскаго*, изрылъ пещерную келлію инокъ *Кириллъ*. Вѣроятно, что святою своею жизнію онъ привлекъ къ себѣ и къ тому мѣсту благочестивое вниманіе Кіевлянъ, что послужило къ постройкѣ на томъ мѣстѣ церкви во имя Св. Кирилла." — Мы должны замѣтить, что это совершенно новый фактъ въ Исторіи Кіева и очевидно собственнаго изобрѣтенія автора,

[1]) Опис. Кіева, стр. 116. [2]) См у насъ § 22. Варяжскія Пещеры. [3]) Паломникъ, 1845 г. стр. 129. [4]) Спб. 1847 г. стр. 172. [5]) Кіевъ и его Святыня, стр 232.

потому что и до сихъ поръ никто еще ничего подобнаго не слыхалъ и не читалъ. Автору остается только *доказать* истину своего *повѣствованія*, чтобы ему повѣрили.

Обратимъ теперь вниманіе наше на мѣстность, на живописной и возвышенной окраинѣ которой воздвигнутъ Кирилловскій монастырь. Мѣстность эта играла важную роль въ древней Исторіи Кіева. Общее названіе ея было *Дорожичи* или *Дорогожичи*, но тутъ были: *Валы*, *Надово озеро*, *Капичъ*, *Шелвовъ боркъ*, *Слудвы* (болота) *Дорогожичскія*, *Шелвово сельце подъ боркомъ*, *Сухая Лыбедь*, *Язина* и проч. Мѣстность эта для любопытнаго Кіевлянина достойна особеннаго вниманія и изученія; какъ это и сдѣлалъ авторъ упоминаемой статьи: На ней близъ того мѣста, гдѣ начинаетъ образоваться Глубочицкое удолье и получаетъ начало свое Глубочицкій ручей, а не близъ Золотыхъ Воротъ Ярославовыхъ, какъ авторъ думаетъ, расходились важнѣйшія *дороги* изъ Кіева, какъ то, дорога въ удѣльный городъ Бѣлгородъ, оттуда на Волынь, въ Польшу и Галицію; другая дорога шла въ Вышгородъ, въ Полоцкое княжество и въ Литву. Третья — мимо Жидовскихъ, потомъ Златыхъ Вратъ на Василевъ, нынѣшній Васильковъ, до пограничнаго города Юрьева съ кочевьемъ Половцевъ, Печенѣговъ и другихъ кочующихъ народовъ. Но особенно мѣстность эта важна была для Кіева въ военномъ отношеніи. Съ востока Кіевъ былъ неприступенъ по своимъ горамъ, съ юга его окружали глубокіе овраги и лѣса, съ сѣвера тоже овраги и непроходимыя болота, и только съ запада, съ Лядскими, Золотыми и Жидовскими Воротами защищала его одна стѣна, стоявшая предъ открытою, широкою и волнистою равниною, которая, по этой причинѣ, и была сборнымъ пунктомъ для войскъ враждебныхъ князей, такъ часто нападавшихъ на Кіевъ. Сѣверные князья со своими полчищами переправлялись чрезъ Днѣпръ близъ Вышгорода и достигали этой мѣстности, проходя по Вышгородской дорогѣ, а зимою чрезъ Оболонь; враги съ восточной части Россіи со своими войсками спускались обыкновенно до Витичева и Заруба; тамъ переходили Днѣпръ въ бродъ, и потомъ, достигши Васильковской дороги, останавливались у Дорогожичъ. Враждебные Князья южные приходили сюда по дорогѣ Бѣлогородской; по Васильковской являлись нанятые Печенѣги, Половцы, Торки, Берендѣи, Черные Клобуки. Грозныя полчища подступали подъ стѣны древлепрестольнаго града; изъ Кіева выступала великокняжеская дружина и начиналась страшная сѣча, возбужденная страстями князей. Справедливо думаютъ, что можетъ быть въ цѣлой Россіи нѣтъ мѣста столь упитаннаго кровію и костями, сколько пожрала ихъ, въ продолженіи болѣе двухъ вѣковъ, эта мѣстность. Располагаясь здѣсь станомъ, князья въ ожиданіи союзниковъ и рѣшительнаго приступа, окапывались, какъ это сдѣлалъ Владиміръ I въ 980 г. и естественно рыли землянки и пещеры, для укрытія во время непогоды. Можетъ быть еще отъ тѣхъ временъ осталось множество пещеръ, существующихъ и доселѣ около бывшаго Кирилловскаго монастыря [1]). Многихъ князей рѣ-

[1]) Эти частыя и иногда опустошительныя нападенія враговъ на Кіевъ со стороны мѣстности

шилась судьба на этой мѣстности; такъ въ 980 г. Владиміръ I подступалъ на этомъ мѣстѣ къ Кіеву и тогда же погибъ братъ его Ярополкъ; въ 1146 г. Игорь II Ольговичъ потерялъ здѣсь сраженіе и былъ схваченъ въ болотѣ Дорогожическомъ; въ 1151 г. Юрій Долгорукій осаждалъ Кіевъ, но былъ побѣжденъ; здѣсь также рѣшился въ 1139 г. жребій Всеволода Ольговича, когда онъ пришелъ съ дружиною и князьями Черниговскими добывать себѣ великокняжескій престолъ. *Пойде Всеволодъ Олговичъ изъ Вышгорода къ Кыеву, изрядивъ полкы и пришедъ ста у города въ Копыревѣ Конци..... а Вячьславъ противу не изиде.* [1]) Такимъ образомъ древніе Кіевляне всегда съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣли на это роковое мѣсто Дорожичи, откуда они такъ часто встрѣчали враждебныя полчища, гдѣ иногда рѣшалась ихъ собственная судьба.

Мы не беремся рѣшать, изъ какихъ побужденій Всеволодъ II Ольговичъ основалъ Кирилловскій монастырь на этой многознаменательной мѣстности. Въ благодарность ли Провидѣнію, что оно ему на этомъ мѣстѣ доставило великокняжескій престолъ, какъ безъименный авторъ думаетъ, или по какому либо другому соображенію. Лѣтописцы не только о побужденіяхъ сего князя, но и объ этой постройкѣ ничего не сказали, и мы объ ней узнаемъ изъ послѣдующихъ разсказовъ.

б) *Церковь Св. Бориса и Глѣба.*—Всеволодъ II Ольговичъ соорудилъ монастырь на оконечности Дорогожича во имя Св. Кирилла; новѣйшіе писатели увѣряютъ, что во имя Александрійскаго, но Лѣтописцы молчатъ объ этомъ. Гораздо вѣроятнѣе, что В. Кн. Всеволодъ имѣлъ Христіанское имя Кирилла. Изъ Лѣтописей явствуетъ, что кромѣ главнаго престола, давшаго названіе монастырю, въ церкви былъ тогда придѣлъ во имя святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба. Неизвѣстный авторъ упоминаемой статья о Кирилловскомъ монастырѣ, въ началѣ привелъ слова Лѣтописи *юже бѣ сама создала*, и тутъ же замѣчаетъ: „На основаніи этого, по видимому прямаго и опредѣленнаго свидѣтельства Лѣтописи, позднѣйшія записки Кирилловскаго монастыря, Синопсисъ и нѣкоторые изыскатели Кіевскихъ Древностей (м. Евгеній, Фундуклей [2]) и друг.) признаютъ Марію основательницею этого монастыря. Но этого свидѣтельства ни въ какомъ случаѣ нельзя принять.“ Однакожъ авторъ не захотѣлъ откровенно сказать, что противорѣчіе Синопсису и проч. въ первый разъ выражено въ *Лѣтописи и Описаніи Кіева*, вышедшей въ 1858 г. (см. стр. 128), а дѣлаетъ видъ, что это его собственная догадка. Но приводя, въ статьѣ своей, нѣсколько ниже, текстъ той же

Дорогожича, можетъ быть, были причиною, что въ воображеніи простаго народа возродилась легенда о поселеніи страшнаго крылатаго змія въ одной изъ пещеръ Кирилловскихъ. Змій требовалъ жертвъ человѣческихъ. Испуганные жители обратились съ мольбой къ *Кириллу Кожемякѣ*,— это самый популярный герой въ мѣстныхъ сказкахъ о зміяхъ. — Застали, что Кириллъ мялъ въ своихъ рукахъ 12 сырыхъ воловьихъ кожъ; услышавъ о зміѣ, онъ воспламенился геройскимъ духомъ и тутже разорвалъ 12 кожъ какъ паутину; потомъ напалъ въ пещерѣ на змія и умертвилъ его. На память побѣды своей, построилъ тамъ монастырь, названный по его имени Кирилловскимъ. [1]) Ипатіевск. стр. 15. [2]) Замѣтимъ г. автору, что Обозрѣніе Кіева въ отношеніи Древностей сочинено г-мъ Журавскимъ.

Лѣтописи (подъ 1194 г.) и видя, что тамъ говорится о *Новомъ дворѣ*, сообщаетъ, что при монастырѣ этомъ былъ и княжескій дворецъ. Спору нѣтъ, что это *могло быть*; но въ Лѣтописи объ этомъ ничего не сказано, а Лѣтописей дополнять не слѣдуетъ. Однако авторъ продолжаетъ, что этотъ княжій дворецъ назывался *Новымъ Дворомъ*. — Прежде всего мы приведемъ весь этотъ важный текстъ, который притомъ нѣсколько обстоятельнѣе говоритъ о Кирилловской обители, а потомъ разсмотримъ, понялъ ли почтенный авторъ это мѣсто Лѣтописи согласно всему ходу древней Исторіи Кіева, или онъ также увлекся кажущимся смысломъ, какъ увлеклись другіе словами: *юже бѣ сама создала*. И такъ вотъ текстъ Лѣтописи: „Въ лѣто 6702 (1194 г.) Святославъ (III, сынъ Всеволода Ольговича, Великій Князь Кіевскій) позва братью свою въ Роговъ, Ярослава, Игоря, Всеволода, и поча съ ними думати, хотя на Рязаньскыи князи...... Всеволодъ же ихъ волѣ не створи. И возвратися Святославъ изъ Карачева съ Юрьева дни, и ѣхаша лѣтѣ на санѣхъ, бѣ бо нѣчто извергълося ему на нозѣ, (т. е. сдѣлалась опухоль или рана на ногѣ) и пойде въ насадѣхъ (лодкахъ) по Деснѣ. Святославъ же пришедъ въ Кыевъ и ѣха къ Вышегороду, въ пятницю, поклонитися святымъ Мученикомъ, и влѣзъ во церковь со слезами облобыза святую раку, и посемъ же приде ко отни гробници (усыпальницѣ), и хотя внити по обычаю; попови же отшедшю съ ключемъ. Святославъ же не дождавъ и ѣха, не любоваше во умѣ своемъ, яко не поклонися отню гробу. И приѣха Кыеву; въ суботу же ѣха ко святымъ Мученикомъ, къ церкви ту сущей у святаго Кюрила, яко послѣднюю свою службу принося. Въ недѣлю же празднику бывшю, и не може ѣхати съ Новаго Двора; но ту и празнова празникъ святую Мученику. Заутра же въ понедѣльникъ приде ему вѣсть отъ сватовъ, иже идяхуть поимати внукы Святославлѣ Глѣбовны Өеимьи за царевича. Святославъ же посла противу имъ мужи Кыевьскыя. Сего же болми охудѣвающи силѣ и отемняющи языкъ и возбнувъ, и рече ко княгынѣ своей: „Коли будеть— рече—святыхъ Маковей?“ Она же (отвѣчала): „Въ понедѣлникъ.“—Князь же рече: „О, не дождочю ти я того.“ Бяшеть бо отець его Всеволодъ во день святыхъ Маккавей пошелъ къ Богови. Княгыни же усмотрѣвши, ако ино видѣніе видѣ нѣкако князь ея, нача прашати. Онъ же не повѣдавъ ей, и рече: „Азъ вѣрую во единого Бога.“ И веля ся постричи въ черньци, и посла по свата по Рюрика. И преставися мѣсяца іуля, и положиша и́ во святѣмъ Кюрилѣ, во отнѣ ему манастырѣ.“ [1])

Намъ остается теперь сдѣлать нѣкоторыя поясненія. Во первыхъ: Въ этомъ текстѣ сказано: „Ко святымъ Мученикомъ, къ церкви ту сущей у святаго Кюрила.“ Слова *ко святымъ Мученикомъ* должно разумѣть *Бориса и Глѣба*. Лѣтописецъ и Вышгородскую называетъ просто *церковь Св. Мучениковъ*. Слѣдовательно въ монастырѣ Св. Кирилла была еще и другая церковь, или покрайней мѣрѣ, придѣлъ, посвященный

[1]) Ипатіевск. стр. 143.

памяти сихъ Русскихъ Святыхъ. Во вторыхъ: Говоря о кончинѣ князя Святослава, въ текстѣ сказано: *положиша й во святѣмъ Кюриль, во отнѣ ему манастырѣ;* т. е. въ монастырѣ отца его, или другими словами: въ томъ монастырѣ, который сооруженъ отцемъ его. И только. Но авторъ статьи слову *отній*, *отчій*, *вотчій* даетъ другой смыслъ. Онъ пишетъ: „Въ которомъ они (т. е. строители) и ихъ дѣти, по смерти своей *сложили бы кости свои*." Но мы видимъ изъ текста, что строитель Кирилловскаго монастыря, Всеволодъ, сложилъ свои кости въ Вышгородской церкви, или собственно въ усыпальницѣ, а не въ построенной имъ обители. Изяславъ Ярославичъ выстроилъ монастырь Св. Димитрія, а погребенъ въ Десятинной церкви и проч. Въ третьихъ: Разыщемъ, гдѣ былъ *Новый Дворъ.* Едва ли кто будетъ сомнѣваться въ томъ, что главная резиденція Князей Кіевскихъ была на Старомъ Городѣ, и притомъ въ его древнѣйшей части, т. е. въ бывшемъ Андреевскомъ Отдѣленіи, въ нашемъ древнѣйшемъ Кіевскомъ Кремлѣ, центрѣ правительства Кіевскаго Княженія [1]. Но кромѣ этой главной резиденціи, вокругъ Кіева было нѣсколько и загородныхъ дворцовъ, на примѣръ: Красный возлѣ Выдубицкаго монастыря, Угорьскій возлѣ Николаевскаго монастыря, Рай за Днѣпромъ и проч. Почему же не могло быть загороднаго дворца и въ Кирилловскомъ монастырѣ, какъ желаетъ этого авторъ статьи. — Кирилловская обитель была уже во всякомъ случаѣ внѣ города; она отстояла отъ Кіево-Подола, или собственно отъ ограды Кіево-подольской покрайней мѣрѣ на двѣ версты, а Подолъ, по причинѣ озеръ и болотъ, оканчивался на Оболони и былъ огражденъ высокимъ частоколомъ отъ Днѣпра до горы Скавики. Подъ 1161 г. сказано: *Загорожено бяше Подоліе столпіемъ отъ горы оли и до Днѣпра.* Намъ нѣтъ никакой надобности отрицать существованіе загороднаго дворца княжескаго, или покрайней мѣрѣ нѣсколькихъ покоевъ, назначенныхъ на случай пріѣзда князя въ Кирилловскую обитель; мы можемъ только возразить, что объ этомъ въ Лѣтописи ничего опредѣленно и ясно не выражено; далеко не такъ, какъ сказано на пр. о Красномъ Дворцѣ Всеволода I. Но здѣсь главный вопросъ состоитъ въ томъ: Гдѣ былъ такъ называемый Новый Дворъ? Въ приведенномъ нами текстѣ нѣтъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ; слѣдовательно мы должны заняться рѣшеніемъ побочнаго обстоятельства: Гдѣ праздновалъ Святославъ день Св. Бориса и Глѣба? На этотъ вопросъ Лѣтопись ясно отвѣчаетъ: *Въ недѣлю же празднику бывшю, и не може ѣхати съ Новаго Двора, но ту* (стало быть въ Новомъ Дворѣ) *и празнова празникъ святую Мученику.* Въ этомъ мѣстѣ слѣдующія два слова: *и не може ѣхати* пусть послужатъ намъ Аріадниною нитью въ нашемъ историческомъ лабиринтѣ. Разсмотримъ внимательнѣе текстъ: *Святославъ же пришедъ въ Кыевъ и ѣха къ Вышегороду въ пятницю...... И приѣха Кыеву.* Стало быть Святославъ, въ одинъ день, въ пятницу, успѣлъ побывать въ Вышгородѣ,

[1]) Срав. § 69. Кіевъ.

поклониться мощамъ Святыхъ Мучениковъ и возвратиться въ Кіевъ, потому что *въ суботу же ѣха ко святымъ Мученикомъ, къ церкви ту сущей у Св. Кюрила.* На слѣдующій день, въ воскресенье, наступилъ день памяти и празднованія нашихъ Русскихъ Святыхъ Бориса и Глѣба: *Въ недѣлю же празднику бывшю и*, (по причинѣ увеличившейся болѣзни) *не може* (Святославъ) *ѣхати съ Новаго Двора.* Какъ! Для чего же князю еще ѣхать куда-то, если онъ уже былъ въ Кирилловскомъ монастырѣ, какъ увѣряетъ почтенный авторъ статьи, чтобы отпраздновать день Св. Мучениковъ въ придѣлѣ ихъ имени посвященномъ? Гдѣ же былъ этотъ *Новый Дворъ*, если нужно было князю выѣхать изъ него, чтобы побывать въ Кирилловскомъ монастырѣ?

Извѣстно, что на Старомъ Городѣ Святый Равноапостольный Князь Владиміръ выстроилъ церковь Св. Василія. Потомки его неоднократно возобновляли эту церковь и вблизи ея имѣли дворцы свои. Въ 17-мъ вѣкѣ она посвящена имени Трехъ Святителей и доселѣ существуетъ. Въ Ипатіевской Лѣтописи, подъ 1199 г. сказано: *Того же лѣта созда Великій, боголюбивый Князь Рюрикъ* (Ростиславичъ, сватъ Святослава III Всеволодовича) *церковь святаго Василья, во имя свое, въ Кіевѣ, на Новомъ Дворѣ* [1]). А церковь Св. Василія — повторяемъ — находится на Старомъ Кіевѣ. Теперь, кажется, ясно, гдѣ былъ Новый Дворъ [2]). Между тѣмъ авторъ статьи приведенное нами мѣсто Лѣтописи о Святославѣ понимаетъ такимъ образомъ: *Разболѣвшись, князь началъ приготовляться къ смерти, поѣхалъ сначала поклониться гробу отца своего въ Вышгородъ* (Выше мы видѣли, что это было въ пятницу), *а потомъ противъ праздника Бориса и Глѣба, поѣхалъ въ Кирилловскій монастырь.* (Это было въ субботу). *Здѣсь онъ слушалъ всенощную* (Гдѣ же это сказано въ Лѣтописи?) *и на другой день, вмѣстѣ съ братіею и народомъ праздновалъ память Св. мучениковъ* То ли говоритъ Лѣтопись? Въ текстѣ сказано *и не може ѣхати* съ Новаго Двора на праздникъ; а у автора наоборотъ, Святославъ не могъ съ праздника уѣхать! Довольно!

Драгоцѣнная Лаврентіевская Лѣтопись въ послѣдній разъ воспоминаетъ о Кирилловской обители подъ 1231 г. Тамъ говорится о Климентѣ, игуменѣ сего монастыря *(Климентъ Куриловскій)*, присутствовавшемъ въ Софійскомъ Соборѣ при посвященіи Кирилла во епископа Ростову, Ярославлю и Углечю Полю [3]). Потомъ, въ 1240 г. нашла на Кіевъ черная туча Татаръ и страшный Батый перерѣзалъ жизненную артерію древлепрестольнаго града, остался бездыханный трупъ. Можетъ быть и послѣ нашествія Татарскаго въ Кирилловской церкви теплились скромныя лампады предъ образами и возсылались тихія молитвы спасшихся отшельниковъ, какъ это было въ монастыряхъ Св. Θеодора и Выдубицкомъ, потому что Кирилловская церковь дошла и до нашихъ временъ. Татарамъ некогда было разрушать зданія. Можетъ быть! — Но Лѣтописи молчатъ, и мы ничего достовѣрнаго объ этомъ не знаемъ.

[1]) Ипатіевск. стр. 15?. [2]) Сравн. § 125. Теремный Княжій Дворъ. [3]) Текстъ см. § 32 Вотчь монаст. стр. 223.

в) *Церковь Сошествія Св. Духа*, а по другимъ *Св. Троицы.*—Послѣ гробоваго молчанія въ продолженіи почти четырехъ столѣтій мы встрѣчаемъ въ 16-мъ вѣкѣ первое извѣстіе о Кирилловской церкви; о монастырѣ уже не говорилось болѣе. Однако, прежде нежели мы станемъ продолжать печальную, въ то время, Исторію Кирилловской обители, намъ необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и предложить пару словъ объ историческихъ актахъ.

Составляя, такъ сказать, аксіомы для Исторіи, противъ которыхъ спорить невозможно, польза и необходимость актовъ, какъ и лѣтописей, неоспорима и очевидна. Еще Шлецеръ, въ своемъ ученомъ предисловіи, къ испорченному Барковымъ изданію Кенигсбергской Лѣтописи, распространялся о пользѣ изданія историческихъ документовъ и актовъ. Приводя въ примѣръ Португалію и другія страны, онъ справедливо утверждалъ, что обнародованіе государственныхъ и другихъ офиціальныхъ актовъ, по преимуществу принадлежитъ правительству и только ему возможно. Но благая мысль Шлецера долгое время оставалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Славный Румянцовъ началъ было издавать Государственныя Грамоты и Договоры; но частному лицу, какъ бы оно высоко ни было поставлено, такое предпріятіе не подъ силу. И только при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, Графѣ Сергіѣ Семеновичѣ Уваровѣ, ожиданія и желанія любителей отечественной Исторіи начали переходить изъ предположеній въ бытіе. Кому первому принадлежитъ благодѣтельная мысль объ учрежденіи въ 1835 г. Археографической Коммиссіи,— намъ неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ ученый Министръ, живымъ участіемъ къ трудамъ Коммиссіи, оставилъ послѣ себя незыблемый памятникъ своего просвѣщеннаго патріотизма. Всѣ старинныя Русскія книгохранилища, по волѣ Государя Императора, высылали въ Коммиссію хартіи свои. Съ тѣхъ поръ издано много Лѣтописей и Актовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ разлился новый свѣтъ на Русскую Исторію. Изъ огромнаго числа собранныхъ документовъ, кои намъ дозволено было видѣть въ Коммиссіи въ 1866 г. осталось уже очень немного и притомъ принадлежащихъ къ началу 18-го вѣка, все же прочее, особенно древнее, сдѣлалось уже достояніемъ публики.

Акты и старинныя рукописи, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, были высылаемы преимущественно изъ Казенныхъ Палатъ губернскихъ городовъ, также изъ нѣкоторыхъ древнихъ монастырей. Извѣстно, что въ Малороссіи монастыри до 1786 г. владѣли недвижимыми имуществами, какъ то домами, мельницами, перевозами, землями и помѣстьями. Это право на владѣніе съ одной стороны было обильнымъ источникомъ доходовъ, но съ другой стороны неисчерпаемымъ источникомъ безконечныхъ споровъ, жалобъ и процессовъ съ сосѣдями за границы угодій. Для отысканія утраченныхъ, и поддержанія пріобрѣтенныхъ правъ на владѣніе землею, нужны были грамоты и документы. Дорожа ими, монастырскія начальства хранили оригиналы актовъ, списывали съ нихъ копіи и составляли такимъ образомъ цѣлыя актовыя книги, и притомъ

въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Такъ игуменъ Межигорскаго монастыря Ѳеодосій Васковскій составилъ въ концѣ 17-го вѣка цѣлую книгу актовъ въ копіяхъ, другая книга такихъ же копій сего монастыря составлена въ половинѣ 18-го вѣка. Изъ статьи о. Павла Троцкаго видно, что онъ пользовался актовыми книгами Выдубицкаго монастыря, состоявшими исключительно изъ копій. Въ библіотекѣ Софійскаго Собора, за № 372, хранится отобранная митрополитомъ Евгеніемъ „Опись краткая имѣній монастыря Золото-Верхо-Михайловскаго, Кіевскаго, земель, лѣсовъ, плацовъ и проч. Собранная 1701—1736 г. Рукопись въ листъ, писана уставомъ съ киноварью; а въ 1864 г., въ бытность нашу въ Кіевѣ, мы видѣли въ этомъ монастырѣ другую подобную актовую книгу, въ листъ, скорописью конца 17-го вѣка. Составитель статьи „Кіево-Кирилловскій (упраздненный) монастырь,“ часто ссылается на актовыя книги Кіевскихъ монастырей, находящіяся въ библіотекѣ Кіевской духовной Академіи, и именно на Акты Кирилловскаго монастыря. И такъ, не смотря на то, что монастыри, въ силу Высочайшаго указа отъ 10 апрѣля 1786 г. о духовныхъ штатахъ для Малороссійскихъ епархій [1]), должны были съ помѣстьями, выдать въ мѣстныя Казенныя Палаты и всѣ свои подлинныя грамоты, данныя на владѣніе имѣніями, они сохранили огромное количество актовъ въ копіяхъ, какъ съ подлинныхъ грамотъ, такъ равно и съ утраченныхъ. И, не смотря на богатое сокровище документовъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею, эти монастырскія копіи актовъ, или актовыя книги сохраняютъ въ себѣ далеко еще не вполнѣ разработанный матеріалъ, ожидающій въ будущемъ достойнаго труженика Исторіи Кіева. Хотя справедливо замѣтилъ покойный Берлинскій, что съ обнародованіемъ Высочайшаго указа отъ 10 апрѣля 1786 г. прекратилось множество нескончаемыхъ споровъ и тяжебъ [2]); хотя къ этому можно еще присовокупить, что актовыя книги теперь въ матеріальномъ отношеніи для монастырей безполезны: однакоже, сдѣлавшись достояніемъ Исторіи, эти сборники сохраняютъ въ себѣ драгоцѣнный матеріалъ и богатую жатву для грядущаго потомства.

Руководствуясь актовыми книгами, упоминаемый почтенный авторъ статьи представилъ нѣсколько такихъ фактовъ изъ прошедшаго быта Кирилловскаго монастыря, которые тщетно будемъ искать и въ богатыхъ собраніяхъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею. Это подаетъ намъ возможность дополнить настоящее Описаніе нѣкоторыми фактами, о коихъ не упоминалось въ первомъ изданіи нашего сочиненія.

И такъ, продолжая наше Описаніе, скажемъ, что въ половинѣ 16-го столѣтія упоминается о церкви Св. Кирилла, находящейся во владѣніи частнаго лица на правахъ патронатства. Король Сигизмундъ II Августъ, въ 1555 г отдалъ Богдану Ивановичу Шавулѣ „церковъ зало·

[1]) См. нашу Лѣтопись, стр. 99. [2]) Опис. Кіева, стр. 23. Вотъ слова его: „Въ сіе врем. *разныя* состоянія достигли конца своихъ безконечныхъ тяжебъ, и сѣмя ихъ истреблено поступленіемъ духовныхъ имѣній въ государственную экономію.“ Срав. нашу Лѣтопись, стр. 111.

женя Св. Кирила на Болоньи“ съ правомъ „тую церковъ на себе до живота своего держати, и всѣхъ пожитковъ, которіе къ той церкви *здавна* прислухають, вживати по тому, *якъ и предки его тую церковъ на себе держали* и пожитки свои мѣли; а держати онъ тую церковъ Св. Кирила маетъ ся во всемъ добре и равне у справахъ духовныхъ заховати и справовати“ [1]). Изъ словъ, *якъ и предки его тую церковъ на себе держали*, явствуетъ, что она возстановлена гораздо раньше показаннаго 1555-го года, вѣроятно предками Шавулы, въ то время, когда, въ слѣдъ за изгнаніемъ Литовцами Татаръ (въ началѣ 14-го вѣка), являлись благочестивые ревнители старины и воздвигали изъ развалинъ главнѣйшіе памятники ея: Печерскій монастырь, Михайловскій, Николаевскій, Церковь Св. Софіи и проч. Но спустя десять лѣтъ, тотъ же Сигизмундъ II Августъ распорядился съ этою церковію иначе; грамотою отъ 23 іюля 1565 г., данною на имя Кіевскаго воеводы князя Острожскаго, повелѣно угодья, принадлежавшія причту *упраздненной* (такъ!) церкви Св. Кирилла, причислить къ церкви Св. Николая, которая находилась тогда въ Кіевскомъ за́мкѣ, на горѣ Вздыхальницѣ, или Уздыхальницѣ [2]). Изъ этого мы можемъ заключить, что замковое духовенство пользовалось Кирилловскими угодіями, а о самой церкви Св. Кирилла оно не заботилось.

Авторъ часто упоминаемой нами статьи думаетъ, что „полнымъ возстановленіемъ своимъ монастырь Кирилловскій обязанъ князю Константину Константиновичу Острожскому, сильному защитнику Православія въ началѣ Уніи. Въ эти первыя, бѣдственныя отъ Уніи времена, когда приходы, вполнѣ зависѣвшіе отъ пановъ-помѣщиковъ, и церкви были беззащитны отъ насилія Езуитовъ и Уніятовъ — монастыри, какъ цѣлыя общины, владѣющія и матеріальными средствами, были лучшимъ убѣжищемъ Православія, откуда оно, какъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ, могло лучше вести борьбу съ противниками своими и вліять на остальное Православное населеніе. Съ другой стороны, когда враги начали утверждать, что Русская Церковь издавна исповѣдывала Римское ученіе и находилась въ подчиненіи папѣ, и только въ послѣдніе—будьто — годы отпала отъ него, возстановленіе древнихъ монастырей, какъ живыхъ свидѣтелей первоначальнаго Православія Руси, было сильнымъ обличеніемъ новосозданнаго Езуитскаго вымысла о Русской Церкви. Этой мысли обязанъ своимъ возстановленіемъ и монастырь Кирилловскій. Константинъ Острожскій избралъ для этого дѣла Василія Красовскаго, игумена Острожскаго монастыря Св. Креста, и въ 1605 г. отдалъ ему Кирилловскую церковь и всѣ земли, когда либо принадлежавшія ей. Первоначально, на лицо оказалась только одна мельница на рѣчкѣ Сырцѣ, которою уже владѣлъ какой-то крестьянинъ. Потомъ, въ продолженіи девяти лѣтъ своего управленія, Красовскій, по грамотамъ Сигизмунда III-го, возвратилъ всѣ земли, лежавшія между Сыр-

[1]) Акти Кириллов монас. № 2. [2]) Журн Мин. Нар. Просв 1844 г. декабрь.

цомъ и Юрковицею, озера на Оболонѣ, лѣса вверхъ отъ монастыря; получилъ также и церковь Св. Николая Іорданскаго, [1]) такъ какъ она входила въ черту владѣній Кирилловскихъ; настроилъ около нее подъ горою домиковъ и населилъ ихъ вольными людьми, которые за это обработывали ему разныя повинности." Къ сожалѣнію вся эта повѣсть о возстановленіи монастыря Красовскимъ, при содѣйствіи князя Острожскаго у автора не подкрѣплена ни выписками изъ актовъ, ни ссылками на нихъ, и мы должны вѣрить автору на слово. Берлинскій написалъ: „Со временъ неистовства Батыева до 1609 г. все было въ запустѣніи. Названіе Кирилловскаго произошло отъ нѣкоего, наиболѣе споспѣшествовавшаго къ возстановленію сего монастыря, по имени Кирила" [2]). Но такое голословное показаніе неудовлетворительно. Между тѣмъ это сказаніе внесено и въ Исторію Малой-Россіи Бантышъ Каменскаго и въ Кіевскій Паломникъ Ивана Максимовича [3]). Г. Журавскій, пользовавшійся какими-то актами, въ своемъ „Обозрѣніи" пишетъ, что Красовскій встрѣтилъ отъ враговъ Православія различныя помѣхи своему дѣлу, возникавшія изъ за права владѣнія бывшими Кирилловскими имуществами. Слуги польскихъ пановъ нападали на имѣнія и отнимали ихъ, врывались въ самый монастырь, что происходило въ 1605 г. Особенно же въ 1608 г. слуга подвоеводы Кіевскаго Вацлава Вильгорскаго, по имени Войтехъ Соколовскій съ товарищами, произвелъ разбойническое нападеніе на владѣнія сего монастыря и на каменную церковь Св. Кирилла. Къ этимъ нападеніямъ, производимымъ папистами, присоединились также враждебныя дѣйствія со стороны Армянъ, которые имѣли свою церковь по другую сторону Сырца (вѣроятно на мѣстѣ нынѣшней Православной церкви), нападали на земли и строенія по этой рѣчкѣ. По сему обстоятельству Василій Красовскій въ 1613 г. приносилъ жалобу на притѣсненія отъ Армянскаго ксендза Якуба и его прихожанъ. Изъ подробностей, описанныхъ въ *актѣ* 1609 г. (въ какомъ же?) видно, что церковь Кирилловскаго монастыря была древняго построенія; что въ алтарной стѣнѣ у жертвенника былъ *склепикъ*, гдѣ хранился небольшой ларецъ съ дорогими старинными вещами церковными; что въ церковной стѣнѣ съ лѣвой стороны были двѣ каменныя гробницы (можетъ быть Святослава Всеволодовича и его невѣстки, Маріи Казимировны); что помостъ былъ выстланъ камнемъ и т. д. [4]). Все это чрезвычайно любопытно; но къ великому сожалѣнію нашему, и здѣсь тоже скажемъ, что г. Журавскій не приложилъ современныхъ актовъ, не сдѣлалъ никакихъ выписокъ изъ нихъ, не указалъ даже, гдѣ эти акты находятся. Слѣдовательно и здѣсь мы должны положиться на показаніе автора „Обозрѣнія."

Сочинитель статьи о Кирилловскомъ монастырѣ, ссылаясь на актъ сей обители, подъ № 3, объ этихъ самыхъ обстоятельствахъ пишетъ

[1]) Въ послѣдствіи монастырь. Теперь отъ него осталась церковь Св. Димитрія; см. § 18. Богословскій монастырь. [2]) Опис. Кіева, стр. 116. [3]) Издан. 2. стр. 129. [4]) Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ Древностямъ, стр. 78 и 107.

слѣдующее: Красовскій отстоялъ все. Въ самомъ же монастырѣ онъ успѣлъ только привести въ порядокъ большой храмъ. Онъ „оправилъ тую церковь, какъ говорится въ актахъ, своимъ накладомъ, и на церковь подалъ нѣкоторыи достатки“. Главный престолъ онъ перемѣнилъ въ честь пресвятой Троицы; престолъ въ честь прежняго ангела храма, Св. Кирилла устроилъ въ правомъ придѣлѣ; въ лѣвомъ же придѣлѣ, противъ гробницъ Святослава и Маріи, устроилъ вновь престолъ въ честь архангела Михаила, покровителя Кіева. Во время этихъ перестроекъ, онъ нашелъ нѣсколько дорогихъ старинныхъ вещей, собралъ въ особый ларецъ, и положилъ, для всегдашняго храненія ихъ, *въ склепикѣ*, сдѣланномъ въ олтарной стѣнѣ подлѣ жертвенника. Зданіе внутри живо еще напоминало первыхъ строителей его: по стѣнамъ сохранились еще древніе фрески, полъ устланъ былъ каменными плитами, у лѣвой стѣны видны были гробницы Святослава и Маріи. При Красовскомъ же собралось уже довольно и братіи, онъ построилъ для нихъ бѣдныя деревянныя кельи [1].

По смерти Красовскаго, въ 1614 году, братія избрала игуменомъ монастыря *Кипріана Жеребила-Лобунскаго* „за поданемъ и благословеніемъ его милости отца Елисея Плетенецкаго, архимандрита печерскаго, з ласки его королевской милости упривилеванного“ [2]. Кипріанъ умеръ въ 1626 году, и Сигизмундъ III-й, по просьбѣ братіи и „причиною нѣкоторыхъ пановъ радъ“, отдалъ игуменство въ Кирилловскомъ монастырѣ *Софронію Жеребилѣ-Лобунскому* — „въ побожности живота и въ науце намъ добре залецоному“ [3]. Въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ своего управленія [4]) Софроній успѣлъ доставить монастырю много выгодъ матеріальныхъ. Онъ пріобрѣлъ на Подолѣ, то покупкою, то отъ подарковъ, нѣсколько дворовыхъ мѣстъ съ домами, садами. Между прочимъ тогда же подарила Кирилловскому монастырю одинъ изъ своихъ домовъ, близъ церкви Добраго Николая, извѣстная въ Исторіи Кіевской Академіи, Анна Гулевичева [5]. Находящійся доселѣ въ Кирилловской церкви иконостасъ сдѣланъ также при Софроніѣ. Въ его время, отъ 16 февраля 1626 г., Сигизмундъ III далъ грамоту въ пользу Кирилловскаго монастыря, въ которой сказано: „.....ижъ дали намъ справу нѣкоторые панове рады наши, ижъ манастырь святого Кирила, недалеко Кіева лежачій, отъ давнихъ часовъ, по збуренью Татарскомъ, впустѣ безъ отправованья хвалы Божоѣ лежалъ: который манастырь побожный законникъ Василій Красовскій працею и коштомъ своимъ направилъ и общину для одправованья хвалы Божоѣ зложивши, зъ того свѣта зшолъ. А по его смерти, хотячи мы въ таковомъ порядку тотъ манастырь заховать, дали есмо были его побожному Кипріяну Жербилови-Лобуньскому, до его живота, который теперъ свѣже съ того свѣта зшолъ. Теды

[1]) Кіев. Епар. Вѣдом. 1863. стр. 675. [2]) Акты Кир. Мон. № 4. Печерскіе архимандриты, значитъ, управляли кіевскимъ Православнымъ духовенствомъ, когда въ Кіевѣ не было Православнаго митрополита. [3]) Акты № 3. Акты Запад. Россіи Т. IV. № 158. [4]) По актамъ онъ встрѣчается еще въ 1647 году. [5]) Акты Кирил. мон. №№ 23. 28. 29. и 30.

мы, постерегаючи того, абы въ томъ манастыру хвала Божа не уставала, за прозбою братьи чернцовъ того манастыра и причиною нѣкоторыхъ пановъ радъ нашихъ, дали есмо и тымъ листомъ нашимъ даемъ тотъ манастыръ побожному законникови отцу Софроніеви Жербилу-Лобуньскому, въ побожности живота и въ науцѣ письма святого намъ добре залецоному. Который то манастыръ прежречоный отецъ Софроній Жербило-Лобуньскій, со всѣмъ на все, якъ ся здавна въ собѣ маетъ, то есть зъ кгрунтами Кирильскими и зъ церквою Святого Николы Ерданского и со всими до тыхъ церквей кгрунтами, приналежностями и пожитками, здавна, ведлугъ наданя и фундушовъ тому манастыру належачими, держать и уживать до живота своего маетъ" и проч. [1]). Послѣ Софронія, монастырь поднялся въ общественномъ мнѣніи особенно личностями своихъ игуменовъ, замѣчательными въ исторіи края, и слѣдовавшими одинъ послѣ другаго, именно: *Иннокентія Гизеля* (1650—1652), воспитывавшагося въ западныхъ университетахъ на иждивеніи Петра Могилы,—составителя перваго учебника Русской Исторіи (Синопсиса); *Лазаря Барановича* (1652—1657), бывшаго вмѣстѣ съ этимъ и ректоромъ Кіевской Академіи, и взятаго изъ этого же монастыря на епископію Черниговскую,—извѣстнаго писателя, особенно какъ дѣятеля въ присоединеніи Малороссіи къ Московскому Царству; также *Мелетія Дзика*, взятаго сюда на игуменство изъ ректоровъ Кіевской Академіи, и славившагося даромъ проповѣдничества, учителя въ проповѣдничествѣ и духовнаго отца Св. Димитрія Ростовскаго. Въ матеріальномъ отношеніи Кирилловскій монастырь особенно поднялся при игуменѣ своемъ *Иннокентіѣ Монастырскомъ* (1681—1697). Монастырскій съ молодыхъ лѣтъ находился при Гедеонѣ-Святополкѣ князѣ Четвертенскомъ, съ 1685 по 1690 г., митрополитѣ Кіевскомъ, который сдѣлалъ его однимъ изъ самыхъ близкихъ къ себѣ лицъ, и употреблялъ на важнѣйшія порученія къ гетманамъ и къ Московскому Двору. Въ 1690 году онъ былъ маршалкомъ собора, избравшаго на Кіевскую митрополію Варлаама Ясинскаго, который также употреблялъ его на важнѣйшія посылки къ гетману и къ Царямъ. При своихъ способностяхъ и связяхъ, Монастырскій успѣлъ поставить Кирилловскій монастырь, при жизни своей, выше другихъ Кіевскихъ (кромѣ Лавры), и вполнѣ обезпечилъ его матеріальныя средства. Въ 1684 году онъ купилъ, за 1000 злотыхъ „доброе монеты" (по тогдашнему сумма весьма значительная) на Подолѣ большой домъ съ садомъ и обширнымъ дворомъ, „близъ пляцу некгдись Салтановского, на которомъ теперъ (говорится въ актѣ о покупкѣ) мешкаетъ панъ Сава Туптало, сотникъ Козацкій Киевскій" (отецъ Св. Димитрія Ростовскаго). Митрополитъ Гедеонъ, грамотою въ 1687 г. мая 21-го, подчинилъ Кирилловскому монастырю монастырь Ржищевскій, со всѣми его имѣніями, находившимися по ту и другую сторону р. Днѣпра — „уважаючи скудость въ приходахъ мо-

[1]) Акт. Запад. Росс. Т IV. № 225.

настыря Кирилского, не мнѣй маючи взглядъ на давнія заслуги отца игумена Кирилского Кіевского, въ церкви Божой зъ молодыхъ лѣтъ при боку нашомъ до сего часу вѣрнѣ заслугуючагося" [1]). Иннокентій Монастырскій, посланный въ 1692 году, митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ къ гетману Мазепѣ, съ предложеніемъ учредить въ Батуринѣ, гетманской столицѣ, протопопію, которая была бы второю послѣ Кіевской, а также архимандрію, на которую посвятить предполагалось игумена Батуринскаго монастыря Димитрія (впослѣдствіи святителя Ростовскаго), воспользовался этою посылкою, льстившею гетману, и исхлопоталъ у него грамоту, по которой возвращались и утверждались за Кирилловскимъ монастыремъ всѣ земли, принадлежавшія когда либо монастырю Ржищевскому [2]).

Иннокентію Монастырскому въ 1697 г. наслѣдовалъ, и только пять мѣсяцевъ управлялъ Кирилловскимъ монастыремъ человѣкъ, имя котораго осталось наиболѣе священнымъ для сей обители, и имѣло большое вліяніе на внутреннюю жизнь оной. Это былъ *Дмитрій Савичъ* (какъ писался онъ тогда), или же Дмитрій Туптало, святитель Ростовскій [3]). Принужденный оставить на риторическомъ классѣ Кіевскую Академію, разоренную во время войны за Малороссію, и восемь лѣтъ потомъ остававшуюся въ развалинахъ, Даніилъ Туптало въ 1668 году, 17 лѣтнимъ юношею пришелъ въ Кирилловскій монастырь, привлеченный туда игуменомъ этого монастыря, бывшимъ ректоромъ его въ Академіи, Мелетіемъ Дзикомъ, любившимъ его всю жизнь свою какъ сына, и еще въ школѣ цѣнившимъ его необыкновенныя дарованія и его любовь къ чтенію слова Божія, въ особенности житій святыхъ отцевъ. Мелетій, не смотря на молодость Даніила, тогда же постригъ его въ монашество, назвавъ его Димитріемъ, а въ слѣдующемъ году исходатайствовалъ ему посвященіе въ іеродіакона. Восемь лѣтъ прожилъ здѣсь Димитрій. Во время этого пребыванія его въ Кирилловскомъ монастырѣ, отецъ Димитрія, сотникъ Савва Туптало, со всѣмъ своимъ родомъ посвятилъ себя на служеніе тому монастырю. Самъ онъ былъ до самой смерти своей (1703 г.) ктиторомъ монастыря, въ которомъ и погребенъ [4]). Родные же его, женскаго колѣна, основали при Іорданской церкви Св. Николая, принадлежавшей Кирилловскому монастырю, *женскій Іорданскій монастырь,* въ которомъ трое изъ нихъ послѣдовательно были игуменьями [5]), Монастырь этотъ оставался всегда въ подчиненіи Ки-

[1]) Акт. Запад. Росс. Т. V. [2]) Акты. Западной Россіи Т. V. № 239. [3]) Января 17-го 1697 г. умеръ Иннокентій, а 10 іюня Димитрій уже выбылъ изъ Кирилловскаго монастыря на архимандрію Елецкую. [4]) Савва Туптало погребенъ въ Кирилловской церкви, въ притворѣ, у лѣвой стѣны. Тутъ же погребена и жена его, мать Св. Димитрія, умершая въ 1693 г —Святитель въ 1705 г. прислалъ изъ Ростова икону Божіей Матери, бывшую фамильною въ родѣ Тупталовъ, и просилъ поставить надъ гробомъ своихъ родителей. Къ сожалѣнію старинная живопись на этой иконѣ въ недавніе годы услужливыми почитателями поновлена Тутъ же виситъ и копія съ портрета Саввы Туптало, сдѣланная въ 1760 г., что видно изъ надписи; а другая, кажется старѣе, находится при входѣ въ церковь Всѣхъ Святыхъ на Скавикѣ. [5]) Въ первый разъ мы встрѣчаемъ свидѣтельство о существованіи здѣсь Іорданскаго монастыря въ 1689 году, въ завѣ-

рилловскому и, за пользованіе угодьями его, обязанъ былъ въ пользу его разными повинностями, какъ то: работами монахинь на поляхъ, огородахъ Кирилловскихъ, шитьемъ церковнаго и др. платья и т. под. Эта патріархальная повинность оставалась за нимъ до половины 17 в. По кончинѣ Св. Димитрія Ростовскаго построенъ былъ въ честь Святителя особый деревянный храмъ, близъ главнаго; онъ существовалъ здѣсь до 1830 года. Въ 1770 г., во время моровой язвы, въ монастырѣ Кирилловскомъ былъ отведенъ временный карантинъ [1]).

Дальнѣйшая судьба Кирилловскаго монастыря, до времени упраздненія онаго въ 1787 г., не представляетъ никакихъ перемѣнъ, ни особенныхъ личностей изъ игуменовъ онаго. Замѣтимъ здѣсь развѣ то, что въ 1748 г. построена въ трапезѣ церковь во имя Св. Василія Великаго и, съ того же времени начата постройка каменной ограды вокругъ всего монастыря, которая существуетъ и до сихъ поръ, и каменной красиваго вида колокольни, которая повреждена пожаромъ въ 1849 г. Въ среднемъ этажѣ этой колокольни находится на каменной доскѣ, надъ дверью, надпись, изъ коей явствуетъ, что существовавшая здѣсь небольшая церковь, во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы, устроена была въ 1760 г. иждивеніемъ Кирилловскаго игумена Θеофана Желтовскаго. — Монастыри, въ продолженіи всего 18 вѣка, до самаго отобранія у нихъ земель, вели только безпрестанную, однообразную, скучную и разорительную борьбу за нихъ. Статьи Литовскаго Статута опредѣляли границы и права поземельныхъ владѣній посредствомъ полюбовныхъ сдѣлокъ и свидѣтельства старожиловъ. Но этихъ свидѣтельствъ, за добрую чарку водки, можно было создать сколько угодно, и дѣло часто рѣшалось посредствомъ наѣздовъ и разбоевъ, которые такъ обычны были въ Польшѣ между владѣльцами. Главнѣйшими соперниками монастырей въ этомъ дѣлѣ было мѣщанство и козачество. Первое поспѣшило заявить свои претензіи на земли, лежавшія около городовъ. Козачество же, покончивъ свою роль послѣ Полтавской побѣды, и принявшись исключительно за хозяйственныя занятія, высматривало, гдѣ слабѣе владѣлецъ, чтобы сдѣлать полезное употребленіе своей праздной воинственности и пріобрѣсть хозяйственныя выгоды. Поземельные суды состояли изъ чиновъ мѣщанства и козачества, и жаловаться въ нихъ человѣку сторонней корпораціи, значило бросать дѣло въ бездонный ящикъ и рисковать штрафами въ пользу противника за проторы и убытки. Въ архивѣ

щаніи митр. Гедеона, который отписываетъ ему 100 злотыхъ (Прибавл. къ Опис. Соф. Соб., стр. 117). Между тѣмъ, первыя извѣстныя намъ игуменьи монастыря находятся въ родствѣ съ Св Димитріемъ,—они, по смерти своей завѣщеваютъ ему образъ Божіей Матери, тотъ самый, который святитель повѣсилъ надъ гробомъ своего отца. Въ 1710 году умерла здѣсь игуменья монастыря *Параскевія Тупталовна*, которая завѣщала Кирилловскому монастырю „дворъ свой *отечній* близъ притисскаго Николы“, (значитъ она была родною сестрою святителя). Трапезная церковь этого монастыря была въ честь Великом. Димитрія—ангела Св. Димитрія Ростовскаго.

[1]) См. нашу Лѣтоп. стр. 87.

консисторскомъ находятся цѣлыя кучи монастырскихъ жалобъ, по дѣламъ владѣній, и консисторскихъ промеморій въ магистраты, суды и т. п. объ удовлетвореніи ихъ; но не находится ни одного вполнѣ законченнаго дѣла и удовлетворенной жалобы. Итакъ, въ нападеніяхъ, битвахъ и жалобахъ тянулся цѣлый вѣкъ. Чтобы понять всю мелочность и всю тягость этой борьбы и тѣхъ размѣровъ насилія, до которыхъ она повсюду доходила, представимъ случай изъ борьбы монастыря Кирилловскаго.

Въ 1748 г., въ село Ячники пріѣхала и поселилась здѣсь одна вдова съ двумя сыновьями — Козаками. Гдѣ и какъ добыть себѣ мѣсто подъ домъ? Сыновья вдовы не долго думали, заняли пустопорожнее монастырское мѣсто, и нарубили въ монастырскомъ лугу лозы для огорожи его. Правитель деревни хотѣлъ отнять эту лозу, но на помощь товарищамъ, собралось 15 Козаковъ съ дубинами и топорами, и правитель долженъ былъ уступить силѣ; Козаки при этомъ арестовали у него пару воловъ, которыхъ возвратили только послѣ приказа сотника. Въ то же время одинъ Козакъ, подпоивъ мѣстнаго дьячка, уговорилъ его дать ему росписку въ томъ, что онъ продалъ ему усадьбу, несправедливо будьто отнятую монастыремъ. Козакъ началъ строить на этой усадьбѣ домъ, но правитель деревни, съ монастырскими крестьянами, жившими здѣсь вмѣстѣ съ Козаками, разбросалъ постройку. Козаки рѣшились мстить за посрамленіе козачьей чести; они объявили собственностью монастырскій сѣнокосъ, за годъ предъ тѣмъ отданный, на одно только лѣто, Козакамъ въ видѣ платы за ихъ услуги монастырю по уборкѣ монастырскаго хлѣба, сѣна и проч., скосили сѣно и располагали уже раздѣлить его между собою. Но правитель монастырскій, собравъ крестьянскія подводы, забралъ это сѣно. Теперь дѣло не могло остаться безъ приключеній. „При самомъ захожденіи солнечномъ—доносилъ потомъ монастырь митрополиту Тимоѳею Щербацкому, — сотникъ Терехтемировскій, Савва Гриневичъ, наѣхалъ на дворецъ монастырскій съ немалою командою Козаковъ вооруженныхъ, болѣе триста человѣкъ конныхъ, и когда экономъ (бывшій на ту пору здѣсь вмѣстѣ съ намѣстникомъ монастыря) війшолъ противъ его, то онъ сотникъ пойшолъ въ келью къ намѣстнику, а его эконома козаки, схвативши, нещадно били и связавши въ сукъ, до санокъ сотничихъ привязали, а другіе его сотника команды вкругъ село обступили, дабы и духа зъ села не выпустить, но всѣхъ перевязать. Между тѣмъ и намѣстникъ зъ келій війшолъ, то и его якъ ухватили зъ ганку (крыльца) за груди, за волосы, за бороду, подъ боки нещадно били, и покамисть его до эконома привели, въ силу живъ остался, а приведши до его, якъ неживого, на эконома скинули. Между тѣмъ людей, якъ дворцевыхъ, такъ и обывательскихъ, гдѣ котораго захватили, побили, покровавили, повязали. А сотникъ съ своею командою по селу квартирами сталъ по двадцять человѣка на хату (монастырскую), сказуя: „якъ постою мѣсяцъ, то будуть знать мужики, якъ козакивъ шановати“

(уважать)... Дѣло, по жалобѣ монастыря, пошло въ козацкій Переяславскій судъ; конца ему не оказалось [1]).

Съ Кіевскимъ магистратомъ тяжба о земляхъ, прилегавшихъ къ Подолу, не прекращалась съ 1698 г. до самаго уничтоженія монастыря. На границѣ этихъ земель (ручей Юрковица) происходили весьма частые схватки магистратскихъ слугъ и монастырскихъ крестьянъ, причемъ одинъ изъ послѣднихъ въ магистратѣ засѣченъ до смерти, а наѣзжавшіе на эту тревогу чины монастырскіе (намѣстникъ, экономъ и т. д.) зачастую получали зашейники и высиживали по нѣскольку дней въ магистратской тюрьмѣ. Въ 1787 г. монастырь Кирилловскій упраздненъ и получилъ другое назначеніе.

г) *Древніе Фрески.*—Открытіе фресковъ въ Кирилловской обители сопровождалось куріозною случайностію. Въ церкви, во имя Св. Троицы, по распоряженію Приказа Общественнаго Призрѣнія, въ вѣдомствѣ котораго находится эта древняя церковь, нашли въ 1860 г. нужнымъ покрыть ее новою обѣлкою, съ условіемъ перетереть старую. Архитекторъ Беретти осмотрѣлъ, написалъ смѣту и приступили къ работѣ. Стали стирать и скоблить прежніе слои, и чтоже?—оказались фрески! Но работникамъ до этого дѣла нѣтъ, они продолжали тереть немилосердно. Бывшій въ то время мѣстный священникъ, Петръ Орловскій, увидя фрески, изумился; онъ не зналъ, радоваться ли нечаянному открытію, или оплакивать истребленіе онаго въ самомъ началѣ; но ободрясь, сталъ протестовать и остановилъ рабочихъ. Разгнѣванный зодчій, что его смѣта не достигаетъ цѣли, велѣлъ работу продолжать. Начали опять тереть и скресть стѣны и вновь открыли и разцарапали много фресковъ. Но сонмъ духовныхъ вооружился противъ новѣйшаго вандализма, ходатайствовалъ у генералъ-губернатора о спасеніи погибавшей драгоцѣнности, и работы опять пріостановлены. Въ такомъ видѣ созерцали мы въ іюлѣ 1864 г. эти нечаянныя открытія носящія на себѣ глубокія язвы желѣзныхъ скребковъ. Судя по очищеннымъ мѣстамъ и по отпадшей индѣ побѣлкѣ, должно думать, что рѣшительно вся церковь украшена фресками, даже въ куполѣ. И такъ, наперекоръ нѣкоторымъ смѣлымъ увѣреніямъ, и древній куполъ уцѣлѣлъ до нашего времени. Въ главномъ алтарѣ находится настоящее подражаніе мозаическимъ изображеніямъ, которыя сдѣланы Византійскими мастерами въ алтарѣ Кіево-Софійскаго Собора; т. е. средняя картина представляетъ Святую Трапезу, нижняя — Святителей, а верхняя картина была тогда еще не открыта. На стѣнахъ двухъ побочныхъ алтарей также видны фрески, изображающіе Святителей и другихъ Святыхъ. Типъ и характеръ одинаковъ съ Софійскими, словомъ Византійскій; но работа кажется новѣе и, если мы не ошибаемся, гораздо ниже фресковъ Софійскихъ и Берестовскихъ въ художественномъ отношеніи. Впрочемъ, можетъ быть, такъ кажется потому, что еще ни одной фигуры не откры-

[1]) Архивъ Кіев. духов. консисторіи, 1748 г. № 217.

то вполнѣ и не приведено въ надлежащій тонъ, напротивъ того все весьма расцарапано. Теперь остается вопросъ: Будутъ ли возстановлены фрески, или ихъ вовсе соскребутъ со стѣнъ и замажутъ известью? Кажется, что есть надежда къ возобновленію; хотя вопросъ этотъ и доселѣ еще не рѣшенъ окончательно. Единственная остановка за деньгами. Но кругъ цѣнителей и почитателей Древностей у насъ очень невеликъ. Какъ бы то ни было, просвѣщенное Кіевское духовенство не унываетъ и не охладѣваетъ. Отъ всего сердца желаемъ ему полнаго успѣха!

д) *Богоугодныя заведенія.* — Высочайшимъ указомъ отъ 10 апрѣля 1786 г., коимъ введены духовные штаты, опредѣлено въ зданіяхъ Кирилловскаго монастыря учредить инвалидный домъ для жительства престарѣлыхъ и увѣчныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. Въ послѣдствіи назначено здѣсь помѣстить богоугодныя заведенія и домъ умалишенныхъ.

е) *Домъ съумасшедшихъ.*—Каменный домъ со многими удобствами, съ садомъ, съ жильемъ для надзирателя и прислужниковъ, основанъ въ началѣ сего столѣтія, вблизи Кирилловскаго монастыря, къ юго-западу отъ него.

О прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи Кирилловскихъ Богоугодныхъ заведеній одинъ почтенный Кіевскій врачъ составилъ небольшое описаніе, изъ котораго мы извлекаемъ слѣдующее: „Кирилловское Заведеніе. Подъ этимъ названіемъ болѣе всего разумѣютъ домъ съумасшедшихъ; это было нѣкогда пугаломъ народа и мѣстомъ забавы и любопытства для высшихъ классовъ, да, забавы и любопытства! Туда ѣздили надивиться, глазѣть на съумасшедшихъ и смѣяться, потѣшаться надъ ихъ прыжками и глупою болтовнею и потомъ — консультировать тамошнихъ ворожеекъ и пророковъ о будущемъ. Для того, чтобы представить этотъ домъ умалишенныхъ во всемъ своемъ ужасномъ положеніи, нужно посѣтителя туда ввести зимою, когда дворъ заведенія не представляетъ больнымъ мѣста для прогулки и т. д. и когда нельзя открывать оконъ въ домѣ. Вообразите себѣ два одноэтажныхъ корпуса, съ корридоромъ посерединѣ, который въ женскомъ отдѣленіи былъ меньше, нежели въ сажень шириною. Этотъ узкій и темный корридоръ лежалъ между двойнымъ рядомъ не комнатъ, а келлій или конурокъ, въ которыхъ, кромѣ постели и обитателя, никто и ничто не могло быть помѣщаемо. Эти келліи имѣли каждая по одному маленькому, на-глухо заколоченному окну, предъ которымъ находилась желѣзная рѣшетка. Кромѣ этого, въ каждомъ отдѣленіи были по двѣ комнаты въ два окна для обѣда и помѣщенія четырехъ больныхъ вмѣстѣ. Безпокойные больные лежали на полу, въ двери ихъ кельи было окошечко, а предъ нею желѣзный болтъ и огромный замокъ. Къ нимъ, по возможности, не входили, а глядѣли на нихъ въ окошечко. Вонь по всему заведенію была страшная и не совсѣмъ уничтожалась даже тогда, когда пріѣзжало начальство. Жизнь въ этихъ конуркахъ, въ этой вони, была ужасная. Больные, одѣтые въ какой-то арестантскій

костюмъ, или въ рубищѣ, нагіе, сидѣли, кто въ корридорѣ, кто въ конурѣ, съ растрепанными, распущенными волосами, со свирѣпыми взглядами. Занятій, развлеченій не полагалось никакихъ. Развѣ какого-нибудь идіота обращали въ водоноса или въ двигательную силу метлы. Ѣли же пищу деревянными ложками и руками: ножей и вилокъ не давали, изъ страха. Бѣлье на больныхъ было всегда грязно. Бѣшеные, когда случались въ заведеніи, жили вмѣстѣ съ меланхоликами, барабанили, неистовствовали, кричали день и ночь тамъ, гдѣ несчастная жена вѣчно плакала въ тихой меланхоліи надъ умершимъ мужемъ, подпорою и утѣшеніемъ ея жизни, тамъ, гдѣ больному, встревоженному мозгу такъ нуженъ былъ покой и сонъ. На домъ съумасшедшихъ постоянно требовалось множество вина и водки, но, конечно, для пользы смотрителей, показывалось только въ отчетахъ. При домѣ умалишенныхъ полагался надзиратель и надзирательница, получавшіе оба весьма плохое содержаніе и поэтому промышлявшіе другими путями. Температуру комнатъ, во время сильнаго холода, нельзя было поднять выше 4° Р., не смотря ни на какое отопленіе! Особаго врача для дома умалишенныхъ не полагалось.

„Улучшеніе, скажу больше, перерожденіе этого ужаснаго дома есть болѣе всего заслуга попечительницы Кіевскаго дома умалишенныхъ ея сіятельства княгини Е. А. Васильчиковой. Попечительница, при вступленіи въ должность, вникнула во всѣ части внутренняго устройства и, при путешествіи за границу, сама изучала тамъ подобнаго рода заведенія. Результатомъ этого было то, что въ *«одно прекрасное утро»* генералъ-губернаторъ, покойный князъ И. И. Васильчиковъ, предписалъ Кіевскому Приказу Общественнаго Призрѣнія изыскать средства для перестройки и преобразованія дома умалишенныхъ и Приказъ нашелъ возможнымъ ассигновать въ пользу лишенныхъ ума обитателей югозападнаго края, кажется, не болѣе 12,000 руб. сер. И раньше нежели черезъ годъ были окончены всѣ постройки, всѣ преобразованія. Домъ умалишенныхъ находится теперь въ слѣдующемъ положеніи: 1) Помѣщеніе для безпокойныхъ, бѣшеныхъ больныхъ совершенно отдѣлено отъ прочихъ. Ихъ крики, неистовство слышны развѣ издали. 2) Существуетъ особое отдѣленіе для неопрятныхъ больныхъ съ особою, близъ лежащею комнатою для ваннъ; чрезъ это вонь изчезла изъ главнаго корпуса. 3) Во всѣхъ комнатахъ сдѣланы фортки и удобоотворяемыя окна, перестроены печи, и проч., такъ что всѣ покои могутъ быть и согрѣваемы и провѣтриваемы какъ слѣдуетъ. 4) Маленькія комнаты обращены исключительно въ спальни, а для дневнаго пребыванія пристроены къ каждому корпусу по три большія, свѣтлыя, чистыя залы. Здѣсь вы встрѣчаете несчастныхъ больныхъ уже не нагими, не одѣтыми въ арестантское платье, а одѣтыми въ свое собственное, если оно имѣется. Обѣдаютъ больные вмѣстѣ (кромѣ бѣшеныхъ и неопрятныхъ), причемъ ѣдятъ, какъ европейцы, ножами и вилками. Въ залахъ есть эстампы, музыкальные инструменты (шарманка), диваны; больные могутъ получать книги для чтенія. Есть развлеченія, есть и занятія,

легкія и приносящія нѣкоторые доходы. Есть сады, гдѣ нѣкоторые работаютъ и всѣ могутъ гулять. 5) Улучшено все содержаніе больныхъ, умножено число слугъ, увеличено ихъ вознагражденіе. Прежніе надзиратели и надзирательницы замѣнены множествомъ сестеръ милосердія, которыя завѣдываютъ хозяйствомъ и ухаживаютъ за больными, и которыя находились въ непосредственномъ вѣдѣніи попечительницы. 6) При домѣ умалишенныхъ состоитъ особый врачъ, г. Коршунъ, который теперь сдѣлался спеціалистомъ по этимъ болѣзнямъ.

Этою статьею врачъ желалъ отдать дань благодарности за несчастныхъ, оставившей Кіевъ бывшей попечительницѣ и поручить дальнѣйшее попеченіе лучшему попечителю—просвѣщенной публикѣ и общественному милосердію въ Кіевѣ. Пора намъ считать за богоугодное, благочестивое дѣло не одно сооруженіе церквей и увеличеніе ихъ благолѣпія, но сооруженіе госпиталей, призрѣніе и утѣшеніе больныхъ“ [1]).

ж) *Кирилловская пещера.* — Она находится въ лѣсу, на правой, или Кіевской сторонѣ оврага, лежащаго по сю сторону бывшаго Кирилловскаго монастыря, что нынѣ городскія богоугодныя заведенія. Кирилловская пещера, или собственно одна изъ самыхъ извѣстныхъ, находящихся вблизи, должна быть, по видимому, древняя. Не она ли была поводомъ къ вымыслу народной басни о кожевникѣ Кириллѣ, истребившемъ страшнаго змѣя (шайку разбойниковъ?), скрывавшагося въ пещерѣ, близъ Кирилловской обители, о чемъ выше, на стр. 343 говорено было.

§ 67. КИСЕЛЕВКА.

а) киселевка, б) здыхальница, в) кіевскій замокъ, г) замковая гора, д) результатъ, е) клинецъ

Старокіевскія горы надъ Кіевоподоломъ, начиная отъ того мѣста, гдѣ стоитъ граціозная церковь Св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ направленіи къ сѣверозападу, (къ Скавикѣ), пускаютъ отъ себя еще одну вѣтвь возвышенностей; которая однако ниже Старокіевскихъ, сажень на десять. Эти низшія возвышенности дѣлятся теперь на двѣ горы, извѣстныя подъ именемъ *Киселевки* и *Уздыхальницы.* — Лѣтъ двѣсти тому назадъ на одной изъ этихъ возвышенностей, или на обѣихъ вмѣстѣ, стоялъ такъ называемый *Кіевскій За́мокъ.* — Максимъ Ѳедоровичъ Берлинскій, Преосвящен. Евгеній Болховитиновъ, Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, каждый, со своей точки зрѣнія на этотъ предметъ, выразили мнѣнія о *мѣстѣ* бывшаго *За́мка* въ Кіевѣ. Мнѣнія эти различны, но они и доселѣ служили авторитетомъ для нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей. Чтобы основательно разсмотрѣть эти мнѣнія и подвергнуть ихъ справедливой оцѣнкѣ, намъ необходимо, руководствуясь стариннымъ логическимъ правиломъ, во первыхъ опредѣлить спорный

[1]) Статья эта первоначально помѣщена была въ Кіевскомъ Телеграфѣ за 1864 г. и перепечатана въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ того же 1864 г. въ № 145-мъ.

предметъ, а потомъ сличить между собою высказанныя мнѣнія. И такъ, мы должны прежде всего обстоятельно описатъ спорную мѣстность, потомъ дать, по возможности, ясное понятіе о за́мкѣ и его составныхъ частяхъ, далѣе выслушать старинныя свидѣтельства, сколько ихъ найдется, какъ о самой мѣстности, такъ и о за́мкѣ, присемъ сравнить вышеупоминаемыя три мнѣнія съ предыдущими фактами, и изъ всего этого наконецъ вывести необходимый результатъ. Разсмотримъ сначала мѣстность:

а) *Киселевка.*— Гора эта лежитъ между Кіевоподоломъ и Кожемяками въ 85 саженяхъ къ юговостоку отъ начала возвышенности Скавицкой или Щековицы. Сѣверозападная сторона Киселевки, надъ церковію Воздвиженія Св. Креста на Кожемякахъ, оканчивается крутою стремниной, высотою сажень въ 30; съ восточной стороны, надъ Флоровскимъ монастыремъ она, при той же высотѣ, гораздо отложе. По измѣренію, на превосходномъ планѣ, изданномъ при Военно-Топографическомъ Депо въ 1846 г., въ окружности, при подошвѣ своей, Киселевка имѣетъ 560 саж., а окружность на не совсѣмъ ровной поверхности ея, содержитъ до 280 саж. Эта поверхность, не считая небольшихъ вѣтвей или откосовъ, длиною до 80, а шириною, по мѣстамъ, до 40 саж., или до 3200 квадрат. саж.; слѣдоват. пространство очень не обширное. О горѣ Киселевкѣ Лѣтописи молчатъ, и самое названіе оной должно отнести ко временамъ позднѣйшимъ. Изъ Малороссійской Исторіи Бантышъ-Каменскаго, Маркевича и другихъ намъ извѣстно, что отъ 1641 до 1650 года Адамъ Свянтольдичъ Кисель Брусиловскій былъ отъ польскаго правительства послѣднимъ (de facto) комендантомъ, а потомъ отъ 1650 до 1653 г. (въ которомъ онъ умеръ) и Кіевскимъ воеводою или палатиномъ. Какъ человѣкъ Православный, онъ былъ къ Кіевлянамъ гораздо ближе другихъ своихъ предшественниковъ, исповѣдывавшихъ Римскую вѣру, чуждую и непріязненную для мѣстныхъ жителей. По смерти этого Адама Киселя Русскіе вскорости уничтожили и самый За́мокъ Кіевскій, а Кіевляне, воспоминая бывшаго Православнаго коменданта, усвоили его имя горѣ Киселевкѣ.

б) *Здыхальница.*—Уздыхальница, Вздыхальница. (Пишутъ различно).— Розвидовскій, жившій въ Кіевѣ при Доминиканскомъ костелѣ съ 1634 по 1664 г., въ запискахъ своихъ тоже упоминаетъ объ этой горѣ, но пишетъ Здыхальница. Обстоятельнѣе скажемъ ниже. Эта крутая гора, находящаяся съ сѣверозападной стороны Стараго Города, какъ мы выше сказали, есть отрасль Старокіевскихъ возвышенностей, нѣсколько ниже оныхъ. Надъ Здыхальницею еще раньше 1701 г. была деревянная, а съ 1750 г. стоитъ прекрасная каменная церковь Св. Апостола Андрея. Вокругъ сей горы обходитъ дорога со Стараго Города на Подолъ. Высота этой возвышенности одинакова съ горою Киселевкою. Такъ какъ Здыхальницу нѣтъ возможности отдѣлить отъ Киселевки, то нельзя означить опредѣленной мѣры окружности при подошвѣ ея, потому что она сливается, особенно съ западной стороны своей, съ Киселевкою. Верхняя поверхность горы этой, ограниченная отъ запада дорогою со

Стараго Города на Подолъ, а съ востока крутою своею стороною, содержитъ въ длину около 80 саженъ; ширина различна, отъ 5 до 20 саженъ, такъ что поверхность горы представляетъ не болѣе 600 квадратныхъ саженъ.

в) *Кіевскій Зáмокъ.* — Польское правительство имѣло обыкновеніе разсылать по областямъ своимъ ревизоровъ, или по-польски ревидентовъ, для повѣрки внутренняго управленія Палатинами (Воеводами), Кастелянами (Комендантами), Магистратами и проч. ввѣренныхъ имъ частей. Результаты этихъ ревизій, въ видѣ отчетовъ, донесеній или описаній, подаваемыхъ высшему правительству, назывались просто *Ревизіями.* Подобныя ревизіи вѣроятно были предпринимаемы часто, но до нашихъ временъ дошла только одна такая *ревизія* Кіевскаго Зáмка, которая была совершена между 1543 и 1548 г. Этотъ любопытный актъ сохранился въ двухъ старинныхъ спискахъ; въ одномъ на бывшемъ нѣкогда приказномъ Литовско Малороссійскомъ нарѣчіи, которое долгое время несправедливо называли Бѣлорусскимъ; а въ другомъ спискѣ на польскомъ языкѣ. Списокъ на послѣднемъ помѣщенъ во второмъ томѣ сборника, подъ названіемъ Zrzódła do dziejow Polskich. Wilno 1844 г. Тамъ же помѣщена и другая записка о поправленіи Зáмка, составленная около 1520 г. Кромѣ этого главнаго источника, мы имѣемъ нѣсколько грамотъ королей польскихъ касательно Кіевскаго Зáмка, о коихъ будетъ упомянуто на своемъ мѣстѣ; даже два рисунка Кіева, снятые въ 1651 г. и приложенные къ сборнику, подъ названіемъ: „Памятники Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ Кіевъ. Изд. 2. 1848 г.“ Жаль только, что Кіевская Коммиссія не объяснила, откуда она заимствовала эти старинные рисунки. — Все это служитъ намъ пособіемъ, при составленіи, по возможности, обстоятельнаго описанія предлежащаго предмета. И такъ, на основаніи приведенныхъ источниковъ, Кіевскій Зáмокъ былъ огороженъ высокимъ частоколомъ или острогомъ, изъ котораго составлялись *городни*, многія длиною въ 4 сажени; такихъ городней было 133; на нихъ употреблялся большею частію сосновый лѣсъ, но въ иныхъ мѣстахъ были городни и изъ дубоваго лѣса, о чемъ говорится въ 1605 г. — Въ этомъ острогѣ составлявшемъ ограду Зáмка, по мѣстамъ были расположены шестистороннія, деревянныя, рубленыя башни, коихъ числомъ бы о пятнадцать, съ бойницами, въ три этажа; сверхъ того была еще одна низшая, четырехъ-сторонняя башня. Воротъ въ замкѣ находилось только двое и они были устроены въ башняхъ. Одни ворота назывались *Воеводскими*, и направлены были на полночь, слѣдовательно вели на Подолъ, лежащій отъ Здыхальницы и Киселевки на сѣверовостокъ; а другія ворота назывались *Драбскими*, (солдатскими); они обращены были на полдень, и такъ на Старый Кіевъ, находящійся къ югу отъ описываемыхъ возвышенностей. Передъ послѣдними воротами былъ устроенъ подъемный мостъ со сводомъ на двухъ цѣпяхъ. Орудія были слѣдующія: бронзовыхъ пушекъ шестьнадцать, литыхъ въ 16-мъ вѣкѣ, длиною до 13 пядень, т. е. 3¼ аршина, слѣдовательно это были сильныя осадныя орудія. Желѣзныхъ пу-

шекъ, называемыхъ тогда серпентинами, одиннадцать, длиною были они въ 8 съ половиною пядень, т. е. въ два аршина съ небольшимъ. Гаковницъ 82. (По словарю Бандтке, тоже огнестрѣльное орудіе, родъ небольшой пушки), и 8 огнестрѣльныхъ *Кіевъ*, т. е. длинныхъ, стальныхъ ружьевъ безъ замка. Кромѣ того За́мокъ былъ снабженъ каменьями и колодами, которыхъ доставленіе лежало на обязанностя приписанныхъ къ За́мку мѣщанъ Кіевскихъ. Разумѣется, что крѣпость должна имѣть своего комендагта, для которого должно быть помѣщеніе въ крѣпости; также должны быть казармы для артиллеристовъ, драбантовъ; арсеналъ для запасныхъ ядеръ и холоднаго оружія, конюшни для лошедей, и проч. Наконецъ въ *ревизіи* 1543 г. говорится, что въ Кіевскомъ За́мкѣ были три Православныя церкви и одинъ латинскій костелъ. Одна церковь была во имя Св. Николая, что видно изъ грамоты короля Сигизмунда II Августа отъ 23 іюля 1565 г., въ которой повелѣно угодія, принадлежавшія церкви Св. Кирилла, причислить къ за́мковой церкви Св. Николая [1]). Другая церковь была во имя Спаса, или Преображенія Господня. Такъ называетъ ее г. Журавскій въ своемъ Обозрѣніи (стр. 108). Третья церковь Православная была во имя Покрова Пресв. Богородицы. Такъ показываетъ г. Сементовскій въ своемъ Кіевѣ (стр. 222). Но на чемъ основаны показанія о наименованіяхъ церквей Спаской и Покровской, это извѣстно только авторамъ, потому что ссылки никакой нѣтъ. Весьма вѣроятно предположить, что при церквахъ и костелѣ были священно и церковно служители, которые имѣли для себя жилища тоже въ Кіевскомъ За́мкѣ. Такъ какъ въ За́мкѣ была сосредоточена военная и гражданская власть въ лицѣ палатина, то онъ имѣлъ тамъ же свою канцелярію и архивъ. Михаилъ Максимовичъ приводитъ свидѣтельство Александра Гванини, воеводы Витебскаго, который пишетъ, что въ его время, т. е. въ началѣ 17-го вѣка „Кіевскій За́мокъ былъ вдвое больше Краковскаго, имѣлъ 7 большихъ и *много* меньшихъ башень, деревянныхъ, окруженъ частоколомъ и окопанъ валомъ.“ Но тутъ же замѣчаетъ, что Гванини, подъ именемъ За́мка, можетъ быть, разумѣлъ весь Старый Городъ [2]).

Теперь необходимо намъ обозрѣть то пространство, какое, въ слѣдствіе достовѣрнаго показанія, сообразно съ величиною города, долженъ былъ занимать Кіевскій За́мокъ. Начнемъ съ четырехъ храмовъ: положимъ величина ихъ была расчитана, каждаго на 50 человѣкъ. По правиламъ Гражданской Архитектуры [3]), на нихъ полагается 5 квадр. сажен , на входныя части церкви и на алтарь столько же 5, и того на одну церковь 10 квад. саж.; на 4 церкви 40 квад. саж.; подъ домы для священниковъ и служителей потребно столько же, т. е. 40 квадр. саж. На жилище Кіевскаго воеводы со службами 100 кв. с.; на жилище коменданта столько же, 100 кв. с.; на каждую шестистороннюю башню

[1]) См. § 66. Кирилловскій монастырь, стр. 349. [2]) 1 кн. Кіевлянина 1840 г. стр. 42.
[3]) См Учебное Руководство къ Архитектурѣ. Соч. Свіязева. Ч. I. стр. 134.

8 к. с., а на 15-ть 120; на четыреугольную 9 к. с., и того 129 кв. саж; на подъемный мостъ 11 кв. саж; на каждую мѣдную пушку 2 к. с., а на 16 пушекъ 32 кв. саж.; на каждую желѣзную пушку столько же, а на 11 пушекъ 22 кв. с. Между пушками расположены гаковницы, на каждую по одной сажени, а на 82 гаковницы 82 квадр. саж.; на 8 кіевъ. 8 квад. саж.; слѣдовательно на мѣста подъ пушки, гаковницы и проч. 154 кв. с. Артиллерійской прислуги у каждой пушки бываетъ не менѣе пяти человѣкъ, а на 27 пушекъ 135 челов.; на каждую гаковницу, полагая по 3 челов., на 82 гаковн. 246 чел.; на 1 кій 2 челов., а на 8 кіевъ 16 челов. Положимъ кромѣ коменданта, начальствовали этими людьми одинъ капитанъ и два офицера. И такъ артиллеристовъ всѣхъ должно быть 397. Подъ казармы для нихъ, полагая на каждаго солдата по одной квад. с. съ необходимыми проходами, будетъ 397 кв. с.; да каждый офицеръ займетъ 9 кв. саж., а на три офицера 27 к. с.; слѣдов. въ казармахъ всего 424 кв. саж. Къ этому нужно прибавить такое же число полевыхъ солдатъ для холоднаго оружія, и на нихъ также 424 кв. с., будетъ 848 кв. саж. На арсеналъ для запаснаго оружія 200 кв. с.; на мѣсто подъ запасные камни и брусья 200 к. с. и того 400 кв. саж. На канцелярію, архивъ, на канцелярскихъ служителей и прислугу 100 кв. саж. Остается положить пространство для жилья прислуги при начальникахъ, также для конюшень и для городской тюрьмы въ 150 кв. саж. На рисункѣ, изображающемъ видъ Кіева съ его За́мковою горою, кромѣ немалаго числа зданій, представленъ еще и садъ; но чтобы не увеличивать излишнимъ требованіемъ земли, мы не полагаемъ для него особаго пространства; во всякомъ случаѣ однако же намъ нужно наконецъ опредѣлить пространство для улицъ между жильями и строеніями всякаго рода и для сборной площади, и безъ всякаго преувеличенія мы должны назначить столько же квадратныхъ саженъ для улицъ, сколько занимаютъ самыя зданія, слѣдовательно 2,072 кв. саж.

Наконецъ остается сложить всѣ эти вычисленія, и такъ: Пространство подъ 4 церкви 40 кв. саж. — подъ 4 церковн. дома 40 к. с. — Жилище палатина 100 к. с.,—Кастеляна 100,—16 Башенъ и мостъ 140, — Мѣста для пушекъ и пр. 154, – Казармы 848, — Арсеналы 400, — Канцелярія 100,—Конюшни и тюрьма 150, Улицы и площадь 2072, и того 4,144 квадр. саженъ. Этому скучному вычисленію мы подвергли себя для того, чтобы избѣжать голословныхъ показаній. Знатоки могутъ сами все это провѣрить.

Исторія молчитъ о первоначальномъ основаніи Кіевскаго За́мка; и неизвѣстность эта представляетъ обширное поле новѣйшимъ писателямъ къ разнаго рода безплоднымъ предположеніямъ. Михаилъ Максимовичъ пишетъ, что „построеніе сего замка, *вѣроятно* принадлежитъ воинственному князю Витовту" [1]). Эти слова повторилъ и г. Журавскій [2]), и прямо сослался на г. Максимовича. Но этому мнѣнію можно противопо-

[1]) 1 кн. Кіевлянина 1840 г. стр. 42. [2]) Обозрѣніе Кіева, стр. 3.

ставить другое: Построеніе сего замка *вѣроятно* принадлежитъ князю Гедимину; а если не ему, такъ Ольгерду; потому что эти Литовскіе князья были воинственны не менѣе Витовта. Это второе мнѣніе будетъ имѣтъ такую же степень вѣроятности, какъ и первое. Н. М. Сементовскій, заимствуя свое мнѣніе изъ перваго тома Статистическаго Описанія Кіевской губерніи, составленнаго г. Журавскимъ, о происхожденіи Малороссійскихъ городовъ отъ устройства за́мковъ, (стр. 301 и др.) думаетъ, что „Кіевскій *градской За́мокъ вѣроятно* былъ построенъ со времени дарованія Кіеву Магдебургскаго Права" [1]); но мы видѣли выше, что Право это дано было Кіеву В. Княземъ Литовскимъ Александромъ Казимировичемъ около 1499 г. [2]), а За́мокъ въ Кіевѣ уже давно до того времени находился на горахъ Кіевскихъ. Сколько намъ извѣстно, первое, *достовѣрное* свидѣтельство о существованіи въ Кіевѣ За́мка представляетъ Густинская Лѣтопись: „Въ лѣто 6924 (1416 г.) Едика, гетманъ Тамерляновъ, царя Татарского, поплѣни Рускую землю, и Кіевъ, и Печерскій монастырь сожже и со землею соровна; яко оттолѣ Кіевъ погуби красоту свою, и даже доселѣ уже не може быти таковъ. Но единаче За́мку тогда не може взяти въ Кіевѣ Едика". [3]). И такъ, Татарскій ханъ Эдигей, хотя и тщетно осаждалъ Кіевскій За́мокъ, но ограбилъ и сжегъ всѣ церкви въ этомъ городѣ. [4]). Спустя 66-ть лѣтъ, въ 1482 г. Менгли-Гирей, Ханъ Крымскій, неожиданно подступилъ къ Кіеву, захватилъ въ плѣнъ самаго воеводу Ивана Ходкевича; безъ сраженія взялъ За́мокъ, сжегъ его и весь городъ [5]). Кромѣ Кромера (Кн. 28), находится объ этомъ въ Никоновской Лѣтописи, и другихъ: „Приде къ нему (Ходкевичу) вѣсть за 4 дни, что идетъ...... Онъ же осади осаду..... Изъ монастыря Печерскаго изыде Игуменъ (Ѳеодосій IV) со старци во градъ, и казну и сосуды въ градъ же снесе. Пріиде царь (Менгли Гирей) на Семенъ день (1-го сентября) въ 1-й часъ дни (при восхожденіи солнца) и приступи ко граду и не мало не побився зажже, и погорѣша людіе вси и казны, и мало изъ града выбѣгоша; и тѣхъ поимаша, а посадъ пожгоша и ближнія села..... и прочь пойде" [6]). Кромѣ того о сожженіи замка Менгли Гиреемъ видно изъ двухъ дошедшихъ до насъ актовъ, какъ то изъ грамоты 1495 г. іюля 27-го В. Кн. Александра Путивильскому Воеводѣ князю Богдану Глинскому; гдѣ сказано: *И какъ дей Киевъ Татарове выжгли* (т. е. 1 сентября 1482 г.), *ино дей тотъ привилей тогдыжъ въ Киевѣ згорѣлъ*. И изъ другой грамоты отъ 2 октября 1498 г. отъ того же В. Кн. Александра тому же Глинскому, въ которой, между прочимъ, говорится: *Ино коли поганьство Татарове За́мокъ нашъ Киевъ сожгли* и проч. [7]). Въ жалованной грамотѣ Сигизмунда I, 1508 г. октября 21, данной князю Юрію Гольшанскому на Кіевское воеводство, сказано: „Вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ, што дали есмо воеводство Киевское и За́мокъ нашъ

[1]) Кіевъ и его Святыня. стр. 221. [2]) См. нашу Лѣтопись, стр. 42. [3]) Ипатіевск стр. 353. [4]) См. нашу Лѣтопись, стр. 29. [5]) Тамъ же, стр. 30. [6]) Никоновск. стр. 118. Карамзинъ. Изд. 6. Т. VI. стр. 172. прим. 268. [7]) Акт. Запад. Росс. Ср. нашу Лѣтоп. стр. 30.

Киевъ отъ насъ въ держанье князю Юрию Александровичу, и къ тому прирекли есмо ему давати въ каждый годъ 300 копъ грошей для успоможенья [1]). Писанъ у во Белмаковичахъ" и проч. [2])—Стало быть Кіевскій За́мокъ, послѣ сожженія Менгли-Гиреемъ, уже въ 1508 г. находился въ исправности. Въ 1511 г. Кіевъ испыталъ новое нашествіе Татаръ и разореніе; но королевскіе ревизоры въ 1543 г. находятъ замокъ опять въ надлежащемъ состояніи. Князь Константинъ Острожскій, въ грамотѣ своей отъ 4 декабря 1581 г., тоже упоминаетъ о За́мкѣ [3]). Наконецъ мы встрѣчаемъ отъ 22 февраля 1605 г. весьма любопытную грамоту короля Сигизмунда III о Кіевскомъ За́мкѣ Вотъ она въ переводѣ: „Сигизмундъ третій, Божіею милостію король польскій, великій князь литовскій, рускій, прускій, мазовецкій, жмудскій, лифляндскій и шведскій, готскій, вандальскій наслѣдственный король. — Объявляемъ всѣмъ вообще и каждому особо, кому то надлежитъ знать: Неоднократно приносима была намъ жалоба отъ имени мѣщанъ Кіевскихъ, что за́мокъ Кіевскій сгорѣлъ отъ громоваго удара и совершенно разрушенъ. И они, находясь постоянно въ большой опасности со стороны пограничныхъ непріятелей, просили, дабы мы приказали оный исправить и укрѣпить На каковую просьбу ихъ дали мы указъ *(листъ)* мѣстному воеводѣ, приказывая за́мокъ тотъ, какъ можно скорѣе, застроить и исправить такъ, чтобы сей пограничный городъ былъ усиленъ и достаточно укрѣпленъ, и чтобы жители тѣхъ странъ, при всякой опасности могли имѣть въ За́мкѣ безопасное убѣжище отъ непріятелей. Но какъ по сіе время никакихъ починокъ и построекъ того за́мка не сдѣлано; а мѣщане Кіевскіе не желаютъ оставаться долѣе въ неукрѣпленномъ мѣстѣ; — ибо и теперь непріятель Татаринъ, вновь вторгшись, неподалеку отъ нихъ сдѣлалъ отступленіе, — и сами, не съ какой либо повинности, которой при постройкѣ и исправленіи замка не обязаны нести, но съ доброй воли, безъ всякаго понужденія и приказанія, единственно для собственной защиты, рѣшились на сей разъ За́мокъ дубовымъ палисадомъ укрѣпить и оный застроить, и только просили насъ объ обезпеченіи, чтобы впредь повинность сія, ни на нихъ, ни на пото́мковъ ихъ не была налагаема, и чтобы до построекъ или другихъ за́мковыхъ работъ они не были принуждаемы. То мы, господарь, будучи имъ благодарны за такое предпріятіе и похваляя оное, сею грамотою нашею завѣряемъ, что все то, что сдѣлаютъ они теперь по доброй волѣ, на будущее время ни имъ, ни потомкамъ ихъ не будетъ во вредъ, и повинность такая никогда на нихъ не будетъ возлагаема; но ихъ, какъ людей вольныхъ, Правомъ Магдебургскимъ пользующихся, при древнихъ ихъ вольностяхъ и правахъ, предками нашими предоставленныхъ и нами подтвержденныхъ, безъ изъятія и ненарушимо на вѣчныя времена оставляемъ; и воеводы Кіевскіе, или ихъ намѣстники сохранять ихъ должны будутъ. А для большей вѣрности, настоящую грамоту,

[1]) Почти половину всѣхъ городскихъ доходовъ. Ср. выше, стр. 36. [2]) Акт. Зап, Росс. Т. II. [3]) См. § 132. Успенская церковь.

рукою нашею подписанную, мы печатью коронною запечатать приказали. Дана въ Варшавѣ 22 дня февраля, въ лѣто Господне 1605-е, правленія королевствъ нашихъ: польскаго 17-е, шведскаго 11-е Сигизмундъ король. (М. П.) Ас. Михаловскій [1]). — На эту грамоту есть ссылка въ одномъ Кіевскомъ реестрѣ привилегіямъ, даннымъ польскими королями въ пользу Кіевскихъ мѣщанъ. См. Источники Малороссійск. Исторіи, собранные Димитріемъ Бантышъ-Каменскимъ, изданы О. Бодянскимъ. М. 1858. Ч. I. стр. 36. — Болѣе офиціальныхъ извѣстій о Кіевскомъ За́мкѣ намъ неизвѣстно.

г) *За́мковая Гора.*—Мы представили достовѣрныя свидѣтельства о За́мкѣ, сколько ихъ знаемъ. Теперь должны разыскать мѣстность самаго За́мка, или За́мковой Горы. Другими словами: Мы должны разрѣшить доселѣ спорный вопросъ: *Какъ смотрѣли Кіевляне въ 17-мъ вѣкѣ на* **НЫНѢШНІЯ ДВѢ ГОРЫ,** *именно на Киселевку и Уздыхальницу?*

Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ обстоятельно въ § 75. Копыревъ Конецъ, б) *Обзоръ мѣстности.*—Здѣсь скажемъ самонужнѣйшее [2]).

а) Въ записи кн. Острожскаго, данной 4 декабря 1581 г., есть слѣдующее выраженіе: *дали... землю на горѣ Щековицы неподалеку замку Кіевского* [3]). Здѣсь видно только, что Щековица названа ближайшею горою къ отрасли горъ Старокіевскихъ.

б) Бопланъ (1632—1648 г.) пишетъ: „Замокъ новаго Кіева (т. е. Подола) лежитъ на вершинѣ горы (какой же?) и повелѣваетъ Нижнимъ Городомъ (Подоломъ); но Старый Кіевъ повелѣваетъ и самимъ За́мкомъ" [4]). И такъ Бопланъ не называетъ эту Замковую гору по имени и не дѣлаетъ ей точнѣйшаго опредѣленія. Впрочемъ онъ упоминаетъ только объ *одной* горѣ, а не о двухъ.

в) Печерскій монахъ Аѳанасій Кальнофойскій (1638 г.) свидѣтельствуетъ слѣдующее: „Отъ нихъ (т. е., отъ церквей на Старомъ Городѣ) *воротами* мимо За́мка, на высокой горѣ воздвигнутаго, внизъ съѣздъ до жалостнаго Кіевоподола, который въ нынѣшнемъ состояніи едва ли достоинъ имени Кіева" [5]). Изъ приведенныхъ словъ отца Аѳанасія видно: что 1) на Старомъ Городѣ, при съѣздѣ на Подолъ, находились *ворота*; 2) съѣздъ на Подолъ проходилъ мимо Кіевскаго За́мка; но не показано главнѣйшаго для насъ обстоятельства, что идя по упомянутому съѣзду со Стараго Кіева на Подолъ, на какой сторонѣ находился За́мокъ, на правой, или на лѣвой? 3) За́мокъ былъ воздвигнутъ на высокой горѣ. На какой же?—Неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что Бопланъ и Кальнофойскій говорили *тогда* только объ *одной* горѣ, не

[1]) Оригиналъ см. въ Приложеніяхъ. Изъ: Обозр. Кіева г. Журавскаго, стр. 96. Ср. Лѣтоп. нашу. стр. 38. [2]) Мнѣніе наше о вышепредложенномъ вопросѣ въ настоящемъ *второмъ* изданіи изложено гораздо обстоятельнѣе, нежели какъ оно было выражено въ *первомъ* изданіи нашего *Описанія Кіева*, стр. 134 и 145. Къ такимъ результатамъ привело насъ тщательное изученіе этого спорнаго вопроса. [3]) См. § 132 Успенія церк. на Подолѣ. [4]) См. выше стр. 45. [5]) Опис. Кіев. Лавры стр. 313. См. у насъ выше, стр. 72.

различая двухъ горъ, какъ это дѣлаютъ наши современники, и какъ это *теперь* дѣйствительно находится.

г) До нашихъ временъ сохранились два старинные рисунка Кіева, сдѣланные въ 1651 г., о которыхъ мы уже выше сообщали [1]). Но объ этихъ рисункахъ должно тоже самое сказать, что мы неоднократно говорили о такъ называемыхъ планахъ отца Аѳанасія Кальнофойскаго. Эти рисунки не представляютъ ни малѣйшаго подобія Кіевскихъ горъ, потому что рисовавшій ихъ не имѣлъ рѣшительно никакого понятія объ элементарныхъ правилахъ Геометріи. Измѣреніе угловъ данныхъ предметовъ и перспектива были ему совершенно чужды; поэтому вышелъ произвольный, фантастическій рисунокъ. Кажется, что на бо́льшемъ рисункѣ представленъ Кіевскій За́мокъ; но кто можетъ, безъ натяжки, утверждать это? Такой рисунокъ ни къ чему не годится, и любопытенъ только по своей старинѣ.

д) Свидѣтельство Розвидовскаго (съ 1634—1664 г.) разсмотримъ мы ниже въ § 75. Копыревъ Конецъ. Оно очень важно и полезно для насъ; здѣсь приведемъ только слѣдующее его выраженіе: *Доминикане поселились подъ За́мокъ.* Ясно: За́мокъ былъ на горѣ, а подъ тою же горою поселились Доминикане и выстроили кляшторъ Св. Николая, что нынѣ Петропавловскій Соборъ. *Грунтъ подъ горою Здыхальницею отъ Замка съ сей стороны* [2]). Вникнемъ въ смыслъ этихъ словъ: Розвидовскій сказалъ: *съ сей стороны*, потому что самъ онъ находился въ Николаевскомъ кляшторѣ. Смотря съ этого мѣста на За́мковую Гору и указывая на Флоровскій монастырь, всякій скажетъ, что этотъ грунтъ находится *съ сей стороны За́мка.* Но эту За́мковую Гору Розвидовскій называетъ *Здыхальницею*, а мы называемъ *Киселевкою.* Что же это значитъ? — Стало быть въ его время еще не знали названія *Киселевка.* Къ тому же онъ говоритъ всегда объ одной горѣ; слѣдовательно *въ его время не было двухъ горъ*, т. е. эта Здыхальница не была раскопана для проведенія нынѣшней Андреевской дороги, отчего вышло двѣ горы, вмѣсто одной.

е) Допустимъ однако же, въ угоду новѣйшимъ писателямъ, что и во время Боплана, Кальнофойскаго и Розвидовскаго, однимъ словомъ, въ 17-мъ вѣкѣ, были двѣ горы: Здыхальница и Киселевка, а не одна Здыхальница. — Мы выше видѣли, что мѣсто, потребное для помѣщенія описаннаго За́мка, должно содержать въ себѣ до 4144 квадратныхъ саженъ. Но Киселевка содержитъ 3200 кв. саж., а Здыхальница только 600 кв. саж. Значитъ, ни тамъ, ни здѣсь не могъ помѣщаться За́мокъ. Обѣ горы вмѣстѣ теперь содержатъ 3800 кв. саж., недостаетъ еще почти 350-ти. Но представьте, что между ними нѣтъ глубокой дороги, какъ это и дѣйствительно было въ 17-мъ вѣкѣ; тогда Кіевскій За́мокъ могъ удобно помѣститься на *Здыхалницѣ*, т. е. на двухъ теперешнихъ горахъ. — Это явствуетъ изъ словъ вышеприведенной *Ревизіи.* Тамъ

[1]) См. в) Кіевскій За́мокъ, стр. 361. [2]) Опис. К. Софіи Прибав. стр. 30.

сказано, что въ За́мкѣ было двое воротъ; одни *Драбскія* вели на Старый Городъ, а другія *Воеводскія*, которыя вели на Подолъ. Не ясно ли, что на теперешней Андреевской дорогѣ стояли двѣ башни съ воротами; слѣдовательно эта Андреевская дорога была, такъ сказать, загорожена За́мкомъ, перерѣзана замковою оградою и бо́льшая часть этой дороги или Андреевскаго съѣзда находилась въ За́мкѣ, который былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ ея, слѣдовательно находился на обѣихъ теперешнихъ горахъ, тогда составлявшихъ только одну, нераскопанную, неразъединенную гору.

На основаніи этихъ разысканій, мы должны вывести слѣдующее заключеніе: нынѣшній Андреевскій взвозъ, въѣздъ, съѣздъ, или (какъ угодно) дорога, ведущая со Стараго Города на Подолъ не есть произведеніе самой природы, но дѣло рукъ человѣческихъ. Ни одинъ Кіевлянинъ не станетъ въ этомъ сомнѣваться, стоитъ только взглянуть на мѣстность, чтобы убѣдиться, что Уздыхальница и Киселевка суть вѣтви горъ Старокіевскихъ и въ древности составляли одно извилистое возвышеніе, а теперь, по причинѣ углубленной дороги, составляютъ двѣ горы. Разсматривая внимательно мѣстоположеніе Кіева, мы должны придти къ убѣжденію, что *древняя дорога со Стараго Кіева на Подолъ* проходила не нынѣшнимъ Андреевскимъ взвозомъ, крутымъ и неудобнымъ, но *начинаясь близъ* недавно уничтоженныхъ *Батыевыхъ* или Софійскихъ (1682 г) *воротъ, она постепенно спускалась на Гончари и Кожемяки.* Въ этомъ мѣстѣ теперь ее не поддерживаютъ, напротивъ ее завалили, засыпали, застроили и уничтожили. Вдоль ручья Кіянки, дорога эта Гончарами и Кожемяками проходила, при подошвѣ Киселевки до соединенія съ ручьемъ Глубочицкимъ. Имѣя постоянно съ правой руки Киселевку, дорога эта поворачивала на право и достигала Подола въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Житный Торгъ. Это былъ, въ данномъ случаѣ, самый естественный путь; принявъ его за древнѣйшій, мы можемъ, безъ всякой натяжки, назначить мѣсто древняго Копырева Конца, мѣсто монастыря Св. Симеона и согласить свидѣтельства Лѣтописцевъ со свидѣтельствами писателей 17-го вѣка. Въ послѣдствіи времени, и весьма вѣроятно, при генералъ-губернаторѣ князѣ Голицынѣ, для сокращенія пути, чтобы не объѣзжать нынѣшнюю Киселевку, провели съ 1715 г. со Стараго Кіева дорогу прямо на Подолъ между горами Уздыхальницею и Киселевкою. Этотъ самый князь Голицынъ провелъ въ 1715 г. съ Печерска на Подолъ и Крещатицкій (Александровскій) взвозъ. Московскій митрополитъ Платонъ, посѣтившій Кіевъ въ 1804 г пишетъ слѣдующее: „Выходили (т. е онъ съ митрополитомъ Серапіономъ) на гору видѣть Андреевскую церковь..... оттуда видъ весьма дальновидный на всѣ стороны и Подолъ стоитъ яко подъ ногами ея.... *съ горы* (Андреевской по этому же взвозу) *на Подолъ по крутизнѣ сходили пѣши*" (стр. 55). Слѣдовательно этотъ съѣздъ былъ въ 1804 г. еще круче теперешняго и опасенъ для ѣзды, а онъ и теперь очень неудобенъ, ясно что устроенъ въ недавнее время. [1])

[1]) Ср. § 69. Кіевъ.

Теперь приведемъ мнѣнія новѣйшихъ писателей и посмотримъ, объясняютъ ли они точное мѣстоположеніе бывшаго польскаго Кіевскаго За́мка. Между описателями Кіева первенство подобаетъ М. Ѳ. Берлинскому. Онъ пишетъ: „Другой пріѣздъ отъ Стараго Кіева (на Подолъ) *Андреевскій* самый древнѣйшій (совсѣмъ не такъ, потому что онъ прорытъ въ позднѣйшее время) крутъ и весьма не выгоденъ. По лѣвую его сторону, ѣдучи изъ Подола, возвышающаяся гора называлась въ старину Уздыхальницею [1]). На сей горѣ находился *За́мокъ* польскаго кастеляна (коменданта) и былъ окруженъ отвсюду высокими двойными срубами съ башнями. Это извѣстно изъ актовъ Кіевскаго Магистрата. (Какихъ же? Не уже ли можно такъ ссылаться, не показывая самыхъ документовъ!) Съ 1654 г., когда Русское правительство возвратило Кіевъ своей державѣ, этотъ За́мокъ обращенъ былъ въ крѣпость, и въ ней опредѣлена артиллерійская команда. (Явное противорѣчіе официальной *Росписи Киеву* 1682 г. въ которой говорится, что крѣпость была на Старомъ Городѣ [2]). Въ этомъ видѣ онъ оставался до 1784 г., т. е. до времени основанія арсенала въ Печерской крѣпости." Доселѣ Берлинскій [3]). Еслибы это было такъ, то на Генеральномъ планѣ Кіева, сдѣланномъ въ 1745 г. [4]) этотъ временной арсеналъ былъ бы показанъ; но тамъ ничего этого не находится, а артиллерійскій полевой дворъ, подъ буквою С показанъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь новыя крѣпостныя Николаевскія ворота близъ бывшаго *Провалья*. Но главное дѣло въ томъ, что на маломѣрной Уздыхальницѣ въ 600 кв. саж. не могъ помѣститься Кіевскій За́мокъ, который, въ слѣдствіе описанія *въ Ревизіи*, долженъ былъ занимать болѣе четырехъ тысячъ квадратныхъ саженъ. Слѣдовательно мнѣніе Берлинскаго не выдерживаетъ критики.

Въ 1832 г. на Старомъ Городѣ, близъ Андреевской церкви и нѣсколько ниже Десятинной началъ было Кодратъ Лохвицкій, на счетъ графа Сакена, отыскивать Древности, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Онъ вырылъ кучу камней, также глубокую яму съ пшеницею, три куска отъ сосноваго шеста, кнутъ, какимъ погоняютъ воловъ и проч. Лохвицкій объявилъ все это за остатки древней Крестовоздвиженской церкви. При этомъ случаѣ преосв. Евгеній Болховитиновъ, судя по выкопаннымъ свѣтскимъ вещамъ, высказалъ мнѣніе, что на этомъ мѣстѣ былъ домъ коменданта Кіевскаго За́мка [5]). Въ этомъ мнѣніи нельзя отрицать доли вѣроятности; но оно далеко не исчерпываетъ нашего вопроса.

Приведемъ наконецъ третье мнѣніе, выраженное М. А. Максимовичемъ, и которое для извѣстныхъ нашихъ писателей служило доселѣ авторитетомъ. Вотъ слова его: „Что касается до *Кіевскаго За́мка*, то онъ стоялъ не на Вздыхальницѣ, а на горѣ Киселевкѣ, слѣдственно онъ принадлежалъ собственно къ Нижнему городу или Подолу, которымъ

[1]) Опис. Кіева, стр. 91 [2]). См. нашу Лѣтопись, стр. 61. [3]) Журн. Минист. Народ. Просв. Ноябрь 1836 г. стр. 273. [4]) См. Обозрѣніе Кіева. [5]) Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ, іюль 1832 г.—О раскопкахъ Лохвицкаго см. § 79. Крестовоздвиженская церковь.

и управлялъ онъ.“ [1]) И только; потому что далѣе авторъ говоритъ о томъ, кому принадлежитъ построеніе сего За́мка и проч. Въ примѣчаніи 19-мъ, авторъ прибавляетъ: „Что Кіевскій За́мокъ стоялъ на горѣ Киселевкѣ, это видно, между прочимъ изъ записки Петра Розвидовскаго..... Въ ней сказано: „По опустошеніи Іоакинѳова конвента, Доминикане подселились *подъ За́мокъ на Житный Торгъ* и основали костелъ подъ именемъ Св. Николая.“ Далѣе: „Грунтъ *подъ горою Здыхальницею* отъ За́мку съ сей стороны подлѣ Бернардиновъ.“ Еще: „Грунтъ за За́мкомъ высокимъ Кіевскимъ, гдѣ мы кирпичный заводъ поставили. Около того на нашемъ грунтѣ сидѣло нѣсколько кожемяковъ.“ [2]) Вотъ *все*, собственное и чужое, что г. Максимовичъ сказалъ о Кіевскомъ замкѣ. Разсмотримъ слова его: *Кіевскій За́мокъ стоялъ не на Вздыхальницѣ, а на горѣ Киселевкѣ*. И это доказываетъ онъ словами Розвидовскаго, который говоритъ совершенно противное, что грунтъ *подъ горою Здыхальницею отъ За́мку съ сей стороны*, а о Киселевкѣ онъ вовсе ничего не знаетъ. Въ такомъ случаѣ лучше было бы не ссылаться на Розвидовскаго. Что же могло побудить г. Максимовича помѣстить За́мокъ—наперекоръ даже Розвидовскому—именно на Киселевкѣ?—Вспомнимъ: Михаилъ Александровичъ читалъ объясненіе преосв. Евгенія въ 1832 г. по случаю раскопокъ Лохвицкаго; въ 1836 г. читалъ мнѣніе Берлинскаго о томъ же. Оба они полагали За́мокъ на Уздыхальницѣ, или какъ г. Максимовичъ пишетъ Вздыхальницѣ; но по причинѣ малой поверхности этой горы, мнѣніе Берлинскаго и м. Евгенія не могло его удовлетворить. Между тѣмъ—подъ вліяніемъ предвзятой идеи, что *искони* были двѣ горы, а не одна—онъ зналъ изъ Боплана, Кальнофойскаго и Розвидовскаго, что въ Кіевѣ былъ За́мокъ, который владычествовалъ и надъ Подоломъ. Тутъ же подъ рукою находится и гора Киселевка, и притомъ гораздо больше Уздыхальницы. Это и было причиною, что онъ Кіевскій За́мокъ помѣстилъ на *одной* горѣ Киселевкѣ. Съ изданіемъ въ свѣтъ книги Zrzódła do dziejow Polskich. Wilno 1844. г. Журавскій въ своемъ „Обозрѣніи Кіева“ еще болѣе развилъ это мнѣніе и оно получило кажущійся авторитетъ. Въ новой статѣ *о мѣстѣ Кіевской церкви св. Андрея* [3]) М. Максимовичъ, въ доказательство своего прежняго мнѣнія, приводитъ выписку изъ документа, сопровождая слѣдующимъ замѣчаніемъ: „А что Кіевскій За́мокъ былъ именно на той горѣ, которая съ половины 17-го вѣка зовется *Кисе́левкою* (по имени воеводы Кіевскаго Адама Киселя), это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ описи Кіевскаго За́мка, составленной въ 16-мъ вѣкѣ, ясно сказано о *За́мковой горѣ*, что у нея: „отъ полуночное стороны, за брамою воеводскою, прилегла гора на име *Щековица*..., а съ другое стороны, отъ полудня, за драбскою брамою, только черезъ ровъ, прилегла гора на име *Клинецъ*, ровна съ замковою; а другая тамъ-же подалей вышча, на име *Вздыхальная*,

[1]) 1 кн. Кіевлянина 1840 г. стр. 42. [2]) Тамъ же. стр. 56. [3]) Кіев. епар. Вѣд. 1866 г. стр. 353.

але тая остра, можетъ быти унижона копанемъ.“ Доселѣ г. Максимовичъ. Свидѣтельство это не подлежитъ сомнѣнію. Тѣмъ лучше! Разсмотримъ же его: *отъ полудня за Драбскою брамою*, т. е. выйдя изъ Драбской брамы на полдень или къ югу, слѣдов. на Старый Кіевъ, тутъ находится вѣтвь горы, которая называлась тогда Клинецъ, а другая вѣтвь *тамъ же подалей вышча Вздыхальная.* Что же изъ этого слѣдуетъ? — То, что Драбскія ворота были, какъ мы выше сказали, почти подъ нынѣшнею Андреевскою церковію. Слѣдовательно За́мокъ занималъ собою Киселевку, Клинецъ и Вздыхальницу, а не *одну* Киселевку. И такъ послѣ всего того, что мы о Кіевскомъ За́мкѣ разыскали, съ мнѣніемъ М. А. Максимовича невозможно согласиться. — Причина столь различныхъ мнѣній о мѣстоположеніи За́мка состоитъ въ томъ, что ни лѣтописи, ни грамоты, ни другіе документы или планы и чертежи старинные не даютъ намъ отчетливаго показанія, для самаго точнаго опредѣленія мѣста упоминаемаго За́мка. Теперь мѣстность опредѣляется со всевозможною точностію; такъ на пр., планъ города Кіева, изданный въ 1846 г. Военно-Топографическимъ Депо при Главномъ Штабѣ въ Петербургѣ, можетъ о нынѣшнемъ времени служить самымъ надежнымъ руководствомъ для потомства; каждая мѣстность Кіева, даже посаже́нно, можетъ быть по сему плану указана. Въ наше время изобрѣтена и фотографія, которая съ удивительною скоростію и вѣрностію передаетъ на бумагу все, что только видѣть можетъ глазъ человѣческій. Ничего этого не знали предки наши, и предоставили намъ трудъ тяжкій и часто даже неблагодарный, особенно при разгадываніи судьбы временъ давнопрошедшихъ. Посему неудивительно, если и компетентные люди съ такимъ трудомъ доискиваются истины. Errare humanum est!

д) *Результатъ.* — 1) Киселевка есть новое названіе, происшедшее въ въ концѣ 17-го вѣка, когда За́мка уже не было на этихъ возвышенностяхъ. 2) Киселевка искони была только бо́льшая половина горы Уздыхальницы и составляла съ нею одну гору подъ именемъ Здыхальницы. 3) Андреевскій съѣздъ прокопанъ лишь въ началѣ 18-го вѣка; а прежде не было на этомъ мѣстѣ никакой проѣзжей дороги со Стараго Города на Подолъ. 4) Кіевскій За́мокъ помѣщался на обѣихъ горахъ, тогда неразъединенныхъ, носившихъ одно названіе Здыхальницы, и 5) Мнѣнія объ этомъ предметѣ Болховитинова, Берлинскаго и Максимовича, бывшія нѣкоторое время авторитетами, противорѣчатъ одно другому, односторонни и не удовлетворяютъ всѣмъ требуемымъ обстоятельствамъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Кіевскаго За́мка. Извѣстно изъ Малорусской Исторіи, что Козаки, подъ предводительствомъ Богдана Михайловича Хмельницкаго, возставшіе на своихъ притѣснителей поляковъ, около 1649 г. разорили въ Кіевѣ всѣ польскіе кляшторы и костелы. Весьма вѣроятно, что въ то же время они истребили и польскій деревянный За́мокъ; потому что съ этого времени не встрѣчается объ немъ никакого болѣе упоминанія; а Русскія войска, какъ видно изъ *Росписи Киеву*, учредили главную крѣ-

пость на Старомъ Городѣ. По неизвѣстному намъ источнику, или по догадкѣ, г. Журавскій сообщаетъ, что на мѣстѣ бывшаго За́мка Кіевляне долго засѣвали свои огороды и баштаны. [1])—Сколько мы припомнимъ съ 1812-го по 1830-й годъ поверхность Уздыхальницы и Киселевки была рѣшительно ничѣмъ не занята; около 1816 г. изрѣдка, лѣтомъ, Киселевка служила сборнымъ мѣстомъ для кулачнаго боя; но полиція вскорѣ прекратила это наслажденіе рабочаго люда. Въ 1854 г. городъ уступилъ Киселевку Флоровскому монастырю, который завелъ тамъ кладбище и выстроилъ небольшую церковь; а въ 1864 г. начали на горѣ Уздыхальницѣ разводить садъ.

е) *Клинецъ.—Въ Ревизіи* За́мка Кіевскаго, писанной въ первой половинѣ 16-го вѣка, находится слѣдующее выраженіе: *А съ другой стороны горы, отъ полудня, за воротами драбскими, только черезъ ровъ..... прилегла гора по имени Клинецъ* [2]). Мы выше видѣли изъ Ревизіи, что Драбскія ворота въ За́мкѣ вели въ Старый Городъ и находились близъ нынѣшней Андреевской церкви. Къ полудню (югу) отъ этой церкви простираются Старокіевскія горы и можетъ быть какая нибудь вѣтвь ихъ къ Подолу называлась тогда Клинецъ. Но по отрывочнымъ сообщеніямъ и по неопредѣленности словъ, теперь нельзя утвердительно сказать, какой именно возвышенности было присвоено это названіе.

§. 68 КИТАЕВСКАЯ ПУСТЫНЬ.

а) китай, б) церковь св. сергія, в) церковь св. троицы.

а) *Китай.*—Китаевская пустынь находится въ $3\frac{1}{2}$ вертахъ ниже устья Лыбеди, а разстояніемъ отъ Лавры къ югу, въ 10 верстахъ, между двумя, съ юга и сѣвера, горами, въ живописной лощинѣ надъ протокомъ и отъ онаго прудомъ, окружена со всѣхъ сторонъ дремучими лѣсами, отъ Днѣпра отстоитъ на двѣ версты съ половиною, а потому мѣстоположеніе ея есть самое уединенное. Въ окрестныхъ горахъ находится нѣсколько пещеръ. Въ слѣдствіе преданія, пустынь сія основана въ половинѣ XII вѣка Княземъ Андреемъ Георгіевичемъ Боголюбскимъ, проименованнымъ *Китаемъ*, который на сѣверной горѣ сей пустыни выстроилъ загородній домъ для удовольствія и отдохновенія отъ безпрерывныхъ браней, коими онъ утвердилъ отца своего на Кіевскомъ престолѣ. Но и домъ сей и пустынь въ несчастные годы непріятельскихъ нашествій и междоусобій были разорены. Остались только слѣды вала и въ немъ остатки каменныхъ зданій. „Се азъ великій князь Китай, нареченный во святомъ крещеніи Андрей Юрьевичь.“ Такъ начинается сія грамота, будьто бы данная Андреемъ Боголюбскимъ

[1]) Обозр. Кіева стр. 4. [2]) Обозрѣніе Кіева, стр. 95.

въ 1159 г. Печерскому монастырю [1]). Судя по новому слогу и по историческимъ промахамъ, сдѣланнымъ составителемъ сей грамоты, видно, что она подложная.

б) *Церковь Св. Сергія.*—Въ XVII столѣтіи монахи Печерскаго монастыря устроили въ этомъ мѣстѣ отшельническій скитъ, а съ 1716 г. Кіевскій генералъ-губернаторъ, кн. Димитрій Михайловичъ Голицынъ, съ согласія Печерскаго архимандрита, Іоанникія Сенютовича, возобновилъ эту пустынь и построилъ тамъ деревянныя келліи и таковую же церковь во имя Преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца, а съ тѣмъ вмѣстѣ поручилъ ее вѣдѣнію Кіевопечерскія Лавры, изъ коей и опредѣлялись туда братія, болѣе изъ любящихъ пустынное безмолвіе и уединеніе.

в) *Церковь Св. Троицы.*—По обветшаніи Сергіевской церкви, на мѣстѣ оной основана, блюстителемъ дальнихъ пещеръ, іеросхимонахомъ Тимоѳеемъ, нынѣшняя каменная церковь Св. Троицы, съ двумя придѣлами, на правой сторонѣ Преподобнаго Сергія Радонежскаго, а на лѣвой Святителя Димитрія; освящена 27 мая, 1767 г. По духовнымъ штатамъ 1786 г. Китаевская пустынь оставлена въ вѣдѣніи Печерской Лавры [2]). Къ сему можно присовокупить, что пустынь эта считается обителью для уединенія престарѣлыхъ братій, мѣстомъ высшихъ подвиговъ и усыпальницею всѣхъ братій Лавры. — Въ горахъ есть древнія пещеры, похожія на Кіевскія; а нѣсколько выше на горѣ, поросшей вѣковымъ лѣсомъ, въ полуверстѣ на югъ, находятся слѣды древняго языческаго кладбища, состоящіе во множествѣ небольшихъ могилъ, сгруппированныхъ на небольшомъ пространствѣ. [3]).

§. 69. кіевъ.

а) старый кіевъ, б) подолъ, и в) печерскъ.

Во время язычества Кіевъ былъ, такъ сказать, городомъ раждающимся. Деревянныя строенія онаго и земляной валъ вокругъ города не долго могли стоять; и отъ сего періода ничего не осталось, кромѣ названій; даже самый историческій источникъ въ этомъ отношеніи столь скуденъ, что о Кіевѣ древнѣйшихъ временъ мы имѣемъ самое недостаточное свѣдѣніе.

Въ IX вѣкѣ Кіевъ составлялъ едва четвертую долю нынѣшняго Стараго Города; ибо онъ занималъ собою только сѣверную часть Старокіевской горы, составляющую, такъ называемое, Андреевское Отдѣленіе. Величина сего *Древнѣйшаго Кіева*, нашего Русскаго Акрополиса, содержитъ 26,316 квад. саженъ, или 10 десятинъ и 2316 кв саж. Самая большая длина отъ юга къ сѣверу 238 саженъ, наибольшая ширина отъ сѣверовостока къ югозападу 148 саж. Въ окружности своей, по

[1]) Описан. К. Лавры 1831 г. стр. 167. [2]) Тамъ же, стр. 308, [3]) Кіев. губ. Вѣдом. 1865 г. стр. 35.

старымъ (теперь уже къ сожалѣнію срытымъ) валамъ имѣла 540 саж. а съ предмѣстіемъ этотъ городъ заключалъ около двухъ верстъ. Это видно изъ текста Лѣтописи подъ 945 г., при описаніи пріѣзда Древлянскихъ пословъ въ Кіевъ (Лаврент. 27. Ср. §. 125. Теремный княжій дворъ). И такъ, слѣдуя Нестору, разсмотримъ окрестности Кіева. Сѣвернымъ предѣломъ онаго была гора *Здыхальница*. На восточномъ предѣлѣ были: Боричевъ Взвозъ и первоначальный княжій теремъ. Слѣды Боричева Взвоза, ведущаго отъ бывшаго устья Почаины въ городъ, до позднѣйшаго времени были еще примѣтны по отлогости, которая, начинаясь между Михайловскимъ монастыремъ и горою Трехсвятительскою, мало по малу спускается къ Днѣпру. Отдаленнѣйшимъ предметомъ къ югу былъ оврагъ на Перевѣсищѣ, вблизи коего теперь латинскій костелъ во имя Св. Александра. Къ западу было также провалье или оврагъ; чрезъ этотъ оврагъ проведенъ былъ мостъ, ведущій въ городъ черезъ ворота, которыя въ 1682 г. назывались *Софійскими*, а въ 18-мъ вѣкѣ *Батыевыми*, съ 1856 г. уничтоженныя. Только при Владимірѣ I отъ сихъ вратъ до нынѣшней Златоустовской церкви, въ длину саженъ на 50 началось это мѣсто заселяться; все же прочее пространство вблизи города было занято садами, огородами, полями пахатными, или кустарниками и великимъ лѣсомъ, особенно съ полуденной его стороны. *И бяше около града лѣсъ и боръ великъ.* Намъ извѣстно древнее пространство вблизи города, называемое *Перевѣсищемъ*. Сіе мѣсто древняго ловища звѣрей и птицъ находилось на скатѣ Старокіевской горы къ Печерску, гдѣ теперь образовалась Крещатицкая улица. Судя по смыслу Русской Правды (изданіе Калачова. М. 1847 стр. 118 и 121) и Уложенія (Глава XVII, отдѣл. 23), оно было мѣстомъ *перевѣса* или сѣтей, развѣшенныхъ для ловленія птицъ. *А перевѣсище бѣ внѣ града* (Лавр. 23 и 25) [1]. Подъ Кіевомъ съ той стороны Днѣпра былъ перевозъ, называемый Кіевымъ.

Михаилъ Максимовичъ, а за нимъ и г. Журавскій думаютъ, что *Козары и Пасынча бесѣда* были два предмѣстья древняго Кіева, и притомъ на сѣверо-восточнымъ скатѣ горы; но эти писатели никакихъ доказательствъ не представляютъ, потому что ихъ нѣтъ; а думать можно, что угодно. Обстоятельнѣе объ этомъ см. § 62. Иліи Св. церковь.

Гора, на которой стоитъ *Древній* Кіевъ, или нынѣшній *Старый Кіевъ*, начинаетъ, почти съ версту внѣ онаго, постепенно отъ запада возвышаться и въ противуположной, восточной сторонѣ оканчивается высокими утесами. Эта, равно и другія окрестныя горы, въ X вѣкѣ были, вѣроятно, обширнѣе и верхи ихъ имѣли большее пространство, нежели теперь; но вліяніе стихій болѣе или менѣе уменьшили оное, дожди смыли, вѣтры и бури обрушили, развѣяли, а рука человѣческая раскопала. Однако непримѣтно, чтобы эти горы были выше, какъ нѣкоторые думаютъ. Теперь самая большая высота Кіевскихъ горъ надъ поверхностію Днѣпра простирается до сорока саженъ. Горы эти раздѣляются глубо-

[1]) Срав. § 90. Михайловскій монастырь.

кими удоліями и оврагами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спускаются покато къ Днѣпру; но большею частію обращены къ этой рѣкѣ своими крутыми сторонами и стремнинами. Все это способствуетъ къ проведенію въ Днѣпръ дождевой воды, которая примѣтно расширяетъ овраги и со временемъ углубляетъ ихъ; между тѣмъ движеніе рыхлаго грунта обнаруживается обвалами; потому что весь грунтъ, на которомъ расположенъ верхній Кіевъ — чрезвычайно рыхлый. Дождевыя воды, подземные ключи, сильное теченіе Днѣпра со стороны Печерска и многочисленныя углубленія, сдѣланныя въ горахъ обывателями, для своихъ дворовъ, со стороны Подола и Плосскаго, были причиною частыхъ обваловъ и представляли немаловажную опасность для города, особенно для Печерскихъ Пещеръ, а равно и для церкви Св. Апостола Андрея Первозваннаго [1]). И такъ какъ движеніе горъ Кіевскихъ происходитъ хотя медленно, но постоянно, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ легко замѣтить можно, и какъ это движеніе производитъ перемѣны въ очертаніяхъ ихъ, то мы должны заключить, что Кіевскія горы въ 9-мъ вѣкѣ имѣли совершенно иной видъ, нежели какой они имѣютъ въ 19-омъ. Теперешняя поверхность Кіевскихъ возвышенностей чрезвычайно неровная, подъемы и спуски встрѣчаются на каждомъ шагу, и не много улицъ, нѣсколько длинныхъ, которыя лежали бы горизонтально. Но неудобства такой мѣстности для обитанія не мѣшаютъ быть Кіеву однимъ изъ живописнѣйшихъ городовъ въ Европѣ.

Кіевъ до 1240 года, въ продолженіи лучшаго періода своего существованія, достигъ той степени величія и славы, до которой онъ ни прежде, ни послѣ не возвышался. Онъ былъ знаменитъ не только въ Греціи и Германіи, но и Арабскіе историки повѣствуютъ объ немъ. Городъ сей, считая пространство нагорной и низменной земли, занималъ тогда до четырехъ тысячь десятинъ; слѣдовательно, величина его не превосходила теперешнюю. Съ сѣверной стороны, отъ горы Скавики или Олеговой могилы до рѣки Почаины, онъ былъ обнесенъ въ 1161 г. высокимъ острогомъ; восточнымъ предѣломъ служила Почаина; южная часть города оканчивалась Лыбедью, а западная равнинами Дорогожическими, монастыремъ Кирилловскимъ и Оболоніею. Окрестности Кіева омываются струями Днѣпра, Почаины, Лыбеди; сюда принадлежатъ также: Глубочица, Кіянка, Крещатицкій ручей, Кловскій, Старикъ, Черторыя, Пробитецъ, и озера: Дорожичи, Іорданское, Вицюнь, Надово; о каждомъ упомянуто на своемъ мѣстѣ [2]).

О Кіевѣ въ теперешнемъ положеніи см. сей второй части параграфы 1 — 5; стр. 137 — 148. Естественно думать, что переживъ столько пе-

[1]) Журавскій. Т. 1. стр. 317 и 322. — Предметъ этотъ еще болѣе развитъ въ статьѣ, подъ названіемъ: „Объ укрѣпленіи Андреевской горы въ Кіевѣ.“ Кіевск. губ. Вѣдом. 1866 г. № 17 и 23.

[2]) Г. Сментовскій, въ своемъ сочиненіи „Кіевъ, его Святыня“, стр. 17, пишетъ: „По мѣстности г. Кіева, въ древности, протекали многіе рѣчки и ручьи, нынѣ совершенно изсякшіе, и только нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились названія, какъ то: *Желань*, *Любка*.“ Слова эти обличаютъ въ авторѣ большое невѣдѣніе нашихъ Лѣтописей. *Желань* было урочище, о которомъ см. § 53, стр. 311; а о *Любкѣ* наши Лѣтописцы рѣшительно ничего не знаютъ.

реворотовъ и перенеся столько бѣдствій, теперешній Кіевъ не похожъ на древній. Время, пожары и нашествія вражескія истребили почти все то, что праотцы наши создали въ древнемъ Кіевѣ. Правда, что отъ прежняго множества и богатства осталось намъ въ удѣлъ не многое; но оно для насъ тѣмъ драгоцѣннѣе и священнѣе. Хотя нѣкоторые писатели, особенно Берлинскій, утверждали, что „въ Кіевѣ, кромѣ древняго имени, все новое. Все древнее истерто и изглажено прежними вѣками, и новые вѣки его возродили“ ¹). Но съ этимъ мнѣніемъ не возможно согласиться. Стоитъ только ближе вникнуть, то увидимъ, что оставшіеся священные памятники служатъ явнымъ противорѣчіемъ подобной мысли. Эти чудные памятники, при всѣхъ опустошительныхъ нападеніяхъ жестокихъ враговъ, при всѣхъ бурныхъ переворотахъ Кіевской области, остались цѣлы и стоятъ въ назиданіе наше.

Природа раздѣлила бывшую Днѣпровскую столицу на три части, какъ то: собственно Кіевъ (теперь Старый Кіевъ или Старый Городъ), Подолъ и Печерскъ. Старый Кіевъ и Печерскъ выстроены на горахъ, а Подолъ на ровномъ и низкомъ удоліи.

а) *Старый Кіевъ*, въ Славянскомъ *Кѵевъ*, *Кыевъ*, или *Киевъ*, а рѣдко *Кіевъ*, всего же чаше просто *Гора*, особенно до XIII вѣка. Такъ подъ 1067 г.: *Людие створиша вѣче на торговищи* (въ Кіевоподолѣ), *идоша на Гору съ веча;* — 1068 г. *Изяславъ же вѣзна торгъ на Гору* (Лавр. 73 и 75); — 1124 г.: *погорѣ Подолье все; въ утрий же день погорѣ Гора;* — 1146 г.: *Игорь созва Кыяне вси на Гору, на Ярославль дворъ;* — 1180 г.: *погорѣша дворове на Горѣ и церкви зажжеся великая митрополья Софья* (Ипат. 10, 22, 122). — 1202 г.: *И вѣхавъ въ Подолье, посла* (Романъ) *на Гору къ Рюрикови;* — 1203 г.: *Не токмо одино Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша и Митрополью Св. Софью* (Лавр. 176). Въ грамотахъ же царей Іоанна и Петра Алексѣевичей названъ *Вышнимъ Городомъ*. Вмѣсто небольшаго города, простиравшагося въ первомъ періодѣ (до половины X вѣка) отъ Боричева Взвоза (надъ которымъ теперь стоитъ Трехсвятительская церковь) до Андреевскаго, то есть, до горы Уздыхальницы, и отъ Градскихъ (Софійскихъ или Батыевыхъ) воротъ до Теремнаго Дворца или нынѣшней Андреевской церкви, въ XI вѣкѣ Кіевъ былъ обнесенъ стѣною или валомъ и имѣлъ съ сѣвера границею Крестовоздвиженскій (теперь Андреевскій) взвозъ; съ юга, слившись Старый Кіевъ съ Перевѣсищемъ, касался Крещатика и Лыбеди; а съ запада ограничивался Златыми Вратами, огородами, находившимися за оными и жилищами на Глубочицѣ и Скавикѣ. И такъ объятностъ его увеличилась болѣе нежели въ двадцать разъ. Въ 1682 г. онъ раздѣлялся внутренними валами также на четыре части, какъ и до 1834 г.; но главная крѣпость, называемая тогда *Меньшимъ Городомъ*, находилась въ нынѣшнемъ Андреевскомъ Отдѣленіи, а прочія Отдѣленія Стараго Кіева назывались *Большимъ городомъ*. Эти обѣ части были

¹) Опис. Кіева, стр. 29.

ограждены земляными валами со внѣшними бастіонами и воротами (срав. Лѣтоп. стр. 61.) По старинной *Росписи Киеву* 1682 г. въ Старомъ Городѣ были слѣдующія *ворота*: а) *Архангельскія* и *Покровскія*; они вели изъ Михайловскаго Отдѣленія въ Софійское, т. е. отъ Михайловскаго монастыря до церкви Св. Софіи мимо старинной церкви Покрова. б) *Всесвятскія* близъ Львовскихъ, по лѣвую сторону оныхъ, выходя изъ города, впослѣдствіи засыпаны Минихомъ. в) *Золотыя*, См. § 59. г) *Кіевскія*. Въ Росписи сказано: *Киевской выводъ и проѣзжіе ворота, что ѣздятъ в Нижней Киевъ Городъ*, и проч. Объ нихъ упоминаетъ и м. Сильвестръ Коссовъ: „Była ta cerkiew (Десятинная) wedle Bramy teraznieyszey Kiowskiey.“ Гордонъ, подъ 23 августа 1685 г. пишетъ: „сегодня начали усиливать сваями крѣпостной валъ близъ Кіевскихъ воротъ“. Всѣ эти свидѣтельства не точны, особенно у Коссова слова wedle и niedaleko очень неопредѣленны; у него Кловъ, недалеко отъ Печерскаго монастыря [1]) и монастырь Св. Димитрія тоже недалеко отъ Лавры [2]). Должно думать, что Кіевскія Старогородскія ворота были недалеко отъ Батыевыхъ и вели со Стараго Города на Подолъ чрезъ Гончари и Кожемяки. О Кіевскихъ воротахъ на Печерскѣ см. ниже. д) *Крещатицкія* ворота находились на Михайловской *стежкѣ*, ведущей теперь мимо польскаго костела на Крещатикъ. е) *Львовскія*, см. §. 84. ж) *Михайловскія* вели отъ Михайловск. монаст. въ Андреевское Отдѣленіе. з) *Николаевскія* возлѣ Десятинной церкви, вели въ Кожемяки. и) *Печерскія*, гдѣ теперь Крещатицкій базаръ. См. § 82 и 86. і) *Софійскія* см. § 17. к) *Трехъ-Святительскія* были близъ церкви Трехъ-Святителей и вели на Боричевъ Взвозъ, который былъ видѣнъ еще до пятидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія; но это историческое мѣсто теперь засыпано, и на немъ выстроены домики. До 1834 г. Старый Кіевъ, или Старый Городъ раздѣлялся валами на четыре неравныя части, какъ то: 1) Андреевское Отдѣленіе, 2) Софійское, 3) Михайловское и 4) Печерское.— Тамъ, гдѣ до 1850 г. существовалъ деревянный театръ, а теперь стоитъ каменный домъ г. Гудимы-Левковича, въ которомъ помѣщается *Европейская Гостинница*, и такъ, на полуденномъ склонѣ Михайловской горы, въ 16-мъ вѣкѣ была *Воздвиженская* нива, т. е. принадлежавшая къ Старокіевской Воздвиженской церкви, [3]), а другая *Введенская* нива, которую пахалъ Кіевскій мѣщанинъ *Черевчей*. О Өеодорѣ Черевчеѣ упоминаетъ Кіевскій митрополитъ Илія Куча въ грамотѣ своей 1577 г. іюля 6 [4]). Но его потомокъ Василій Черевчей, Бургомистръ Кіевскій, 24 мая 1602 г. завѣщалъ эту ниву въ пользу Золотоверхаго монастыря [5]). Чрезъ упомянутую ниву лежала *Михайловская стежка*, или дорожка, по которой ходили Кіевляне въ Печерское предмѣстіе [6]). Вся Крещатицкая улица или удоліе это называлось *Хрещатою долиною* [7]).

[1]) См. Въ Житіи Пр Стефана въ Приложеніи [2]) См. § 48. [3]) Памятн. древ. акт. Кіевъ. Т. II. стр. 290 и 310. [4]) Акт. Запад. Росс. Ср. Паньковщина, ниже, стр. 384. [5]) Кіев. Епар. Вѣд. 1861 г. стр. 398. [6]) 1 кн. Кіевлянина 1840, стр. 39; но къ сожалѣнію, все это безъ доказательствъ. [7]) Памятн. др. акт. Т. II ст. 290 и 310. срав. § 81. Крещатикъ.

Изъ всѣхъ частей *Стараго Кіева* только *Древнѣйшій Кіевъ* или нынѣшнее *Андреевское Отдѣленіе*, названное нами Кіевомъ перваго періода, въ вышеозначенныхъ его границахъ, есть весьма достопримѣчательное мѣсто. Сіе Отдѣленіе, меньшее прочихъ, занимающее возвышенную, сѣверовосточную часть нагорной равнины Стараго Кіева, было первымъ жилищемъ основателей Кіева, колыбелью Русской монархіи и древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ Великихъ Князей. Впрочемъ это Отдѣленіе болѣе всѣхъ другихъ и пострадало, особенно, когда вся Святыня Стараго Кіева, въ разгромѣ Монгольскомъ, предана была разоренію и городъ погребенъ подъ своими развалинами. Хотя Св. Софія, болѣе другихъ уцѣлѣвшая, также обители Михайловская и Печерская, со временемъ изъ пепла своего возстановленныя, опять уже оглашались божественными пѣснопѣніями, но собственно первоначальный градъ Св. Владиміра, составляя собою Акрополисъ Кіева, долго лежалъ еще въ совершенномъ запустѣніи, какъ бы стертый съ лица земли, потому что здѣсь, около Десятинной церкви, была самая упорная и послѣдняя защита противъ Монголовъ. Трудно найти мѣсто, которое не было бы уже не изрыто. Теперешній Старый Кіевъ, въ продолженіи времени отъ 1832 г. до 1848 г. преобразованъ; валы, составлявшіе старинную крѣпость, расчищены и распланированы; не осталось ни одной старой улицы, но проведены всѣ новыя, прямыя и вымощены камнемъ; главнѣйшія изъ этихъ улицъ суть: 1) *Владимірская*, пересѣкающая Старый Городъ отъ Андреевской горы до Златыхъ вратъ; на ней церковь Десятинная, Губернское Управленіе, церковь Св. Георгія, Софійскій Соборъ и нѣсколько частныхъ зданій. 2) *Михайловская*, собственно площадь отъ Михайловскаго монастыря до Софійскаго Собора. 3) *Житомірская* (въ XII в. *Жидовская;* въ XV—XVII в. *Львовская*, въ XVIII в. *Навозная*). Она начинается близъ бывшихъ Батыевыхъ Воротъ, пересѣкаетъ на Старомъ Городѣ улицу Владимірскую и оканчивается у Львовскихъ воротъ и Житомірской Заставы. Противу Святыхъ вратъ Софійскаго собора, находившееся каменное подворье разломано, и на этомъ мѣстѣ образовалась площадь, на которой теперь стоитъ большое зданіе для Губернскаго Управленія.

б) *Кіево-Подолъ*, въ Словенскомъ *Подолье* или *Подоліе*. Подъ 945 г. *Бѣ тогда вода текущи вздолѣ горѣ Кыевьскыя и на Подольи не сѣдяху людие, но на Горѣ. Градъ же бѣ Кыевъ* (См. § 125 Теремн. дворцы.) Но въ XVII столѣтіи Подолъ назывался собственно *Киевомъ*. Такъ въ концѣ посланія митр. Исаи Копинскаго сказано: „Данъ (т. е. сей *листъ*, письмо, посланіе) зъ монастыря Св. Архистратига Михаила церкве золотоверхое *надъ Киевомъ*, дня 1 марта 1632 року [1]); а въ Великорусскихъ грамотахъ и другихъ бумагахъ Подолъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ *Нижняго Города;* такъ въ Росписи Киеву 1682 г. *Нижней городъ, гдѣ Киевской войтъ и мещане живутъ*. Кіево-Подолъ находится на сѣверной

[1]) Памятн. Кіевъ. Т. I. стр. 131.

сторонѣ Стараго Кіева. Подолъ есть не что иное, какъ поселеніе (колонія) древняго Кіева, въ концѣ 10-го вѣка. Величина древняго Подола заключалась почти въ тѣхъ же самыхъ предѣлахъ, въ какихъ она и теперь находится, выключая того, что съ сѣверо-восточной стороны Кіево-Подолъ былъ гораздо болѣе и омывался Почаиною, но въ 1711 г. сталъ Днѣпръ протекать мимо Подола и снесъ у него значительное пространство земли. Эта часть Днѣпровской столицы во время Княгини Ольги, по причинѣ низменности своей, представляла лѣса и болота; со временъ Владиміра Святаго и Ярослава I стала заселяться. При Изяславѣ Подолъ является многолюднымъ, а при Святополкѣ II здѣсь было главное торговое мѣсто. Въ XI и XII вѣкахъ безпрестанныя междоусобія подавали поводъ зажиточнымъ и своевольнымъ жителямъ Подола созывать вѣче и иногда мятежничать. Близкое положеніе рѣки, выгодное къ доставленію жизненныхъ потребностей, и обширный торгъ имѣли слѣдствіемъ, что эта часть города была многолюднѣйшею. По разореніи Батыемъ Кіевоподолъ до того опустѣлъ, что даже въ XVI столѣтіи у подошвы горы Киселевки, близъ находящагося нынѣ Флоровскаго монастыря, существовали еще топи и камышевыя болота, на которыхъ стрѣляли дичь. Отъ сихъ болотъ и топей, по заселеніи сего мѣста, осталось названіе одной улицы *Черная Грязь*. Наименованіе свое Кіево-Подолъ получилъ отъ того, что весь расположенъ на ровномъ, низкомъ мѣстѣ, простирающемся отъ подошвы Старокіевской, Киселевской и Скавицкой горы до самаго Днѣпра. Удолія между сими возвышеніями или горами вездѣ заселены жилищами и причисляются къ Кіевоподолу, коего ширина и длина очень различна. Для защиты Кіева отъ Татарскихъ набѣговъ Литовцы, а потомъ Поляки дѣлали кое-какія укрѣпленія. Бопланъ въ 17-мъ столѣтіи видѣлъ на возвышенности, находящейся подъ Старымъ Городомъ, деревянный За́мокъ надъ Подоломъ, а самый Подолъ былъ огороженъ частоколомъ съ башнями по мѣстамъ и окопанъ ничтожнымъ рвомъ. Эти укрѣпленія продолжали поддерживать и въ царствованіе Анны Ивановны [1]). Кіево-Подолъ имѣетъ отъ нагорной стороны пять пріѣздовъ: 1) *Крещатицкій*, главнѣйшій, идущій отъ Печерска, проведенъ первоначально княземъ Голицынымъ въ 1715 г.; устроенъ лучше прочихъ; прежде имѣлъ деревянную мостовую, а съ 1820 г. изрядную каменную. 2) *Андреевскій*, проведенный въ одно время съ предъидущимъ, очень крутъ и невыгоденъ. По правую его сторону, идя съ Подола на Старый Кіевъ, возвышается гора, называемая Киселевкою, а по лѣвую другая, которая называлась въ старину *Здыхальницею*. У подошвы ея, до временъ Гетмана Хмельницкаго, существовалъ кляшторъ польскій. 3) *Кудрявскій* (Бискупскій) пріѣздъ отъ стороны Кудрявской слободы, еще хуже Андреевскаго. 4) *Глубочицкій*, сопровождающій ручей Глубочицу, между Кудрявскою и Скавицкою возвышенностями. Пріѣздъ этотъ отъ Бѣлогородской дороги

[1]) См. выше, стр. 45, 80 и § 82. Крѣпости.

былъ очень грязенъ, теперь сдѣлано шоссе. Для стока воды Глубочицкаго ручья, проведенъ прямой каналъ поперекъ всего Подола къ Днѣпру. 5) *Цареконстантиновскій*, идущій по улицѣ сего же названія, потомъ 6) *Іорданскій*, продолжающійся по слободѣ, называемой *Плоскимъ*, до Кирилловскаго монастыря. Далѣе за городомъ дорога эта идетъ чрезъ села *Куреневку* и *Преварку* (Пріорку) до Вышгорода; до сего послѣдняго теперь селенія можно въ концѣ Іюня достичь и лугомъ, то есть, сѣнокосами по берегу Днѣпра. Въ статьѣ *Копыревъ Конецъ* (§ 75) изъ приведенныхъ текстовъ Лѣтописи оказывается, что *Подольскія Врата*, ведшія въ древности отъ Бѣлгорода на Подолъ, были недалеко отъ нынѣшняго *Житнаго Торга*, вблизи церкви Воздвиженія Св. Креста на Кожемякахъ. Кромѣ того въ *Росписи Кіеву* 1682 г. упоминаются въ *Нижнемъ Городѣ* слѣдующія ворота: а) *Кожемяцкія*, которыя суть ничто иное, какъ древнія *Подольскія*. б) *Іорданскія*, которыя вели къ Іорданскому монастырю, и были тамъ, гдѣ Щековица дѣлаетъ перерывъ, составляя урочище *Юрковицу*. Эти ворота означены и на генеральномъ планѣ Кіева 1745 г. [1]). в) *Воскресенскія*. Нельзя предполагать, чтобы эти ворота находились возлѣ приходской церкви Воскресенія Христова въ серединѣ города; посему мы не знаемъ, гдѣ онѣ стояли. г) О *Тріумфальныхъ* или *Крещатицкихъ* воротахъ знаемъ мы изъ упомянутаго плана 1745 г. Онѣ назывались также *Городскими*, и находились близъ нынѣшней церкви Рождества Христова. Въ 1781 г. при этихъ воротахъ была Крещатицкая *Рогатка*.—Планъ Кіевоподола до 1811 г. представлялъ, съ тѣсными и грязными улицами, безтолковый лабиринтъ. Митрополитъ Платонъ отзывается о Подолѣ такъ: „Подолъ есть жилище гражданъ Кіевскихъ, состоитъ изъ строенія деревяннаго, весьма мало гдѣ каменнаго, невиднаго, тѣснаго и еще въ порядокъ неприведеннаго, по низкости мѣста и по тѣснотѣ улицъ по мѣстамъ грязнаго. Нѣсколько отличнѣе строеніемъ каменнымъ ратуша, которыя на башнѣ сдѣланъ ангелъ съ копіемъ, который, сказываютъ, ударяя копіемъ означаетъ часы; но при насъ сего не случилось. Подолъ стоитъ по набережному и низкому мѣсту Днѣпра“ [2]). Съ 9-го іюля означеннаго 1811 г. бо́льшая часть его великимъ пожаромъ превращена въ пепелъ. Выключая Введенской части съ ея *Волоскою* улицею, оставшимися въ цѣлости отъ пожара, по новому плану въ Кіевоподолѣ проведены совершенно прямыя улицы, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ, и эта часть города застроена порядочными домами, между коими довольно и каменныхъ. Въ Кіевоподолѣ, близъ Житнаго рынка, на Ярославской улицѣ, есть огромные погреба съ заваленными входами. Объ нихъ есть преданіе, что они принадлежали какому-то латинскому кляштору. Погреба сіи простираются подъ двумя или тремя дворами и проходятъ даже подъ улицу. Часть Подола за канавою съ 1844 г., распланирована, разчищена и застроена.

Оболонь, приходъ Введенской церкви за *канавою* и кварталы на

[1]) См. Обозрѣніе Кіева. [2]) Путешествіе въ Кіевъ. стр. 55.

урочищѣ *Плоскомъ* составляютъ тѣ мѣста на Подолѣ, кои наиболѣе подвержены разлитію и поврежденіямъ отъ Днѣпра. Чтобы оградить Кіево-Подолъ отъ постояннаго подмыванія водами Днѣпра, еще съ 1757 г. дѣланы были разныя попытки укрѣплять берегъ; но по недостатку капиталовъ и энергіи у магистрата, работы эти постоянно были безуспѣшны; наконецъ съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія вспомнили давно забытый вопросъ и стали укрѣплять большую часть Днѣпровскаго берега на Подолѣ. Такимъ образомъ въ 1860 г. явилась пространная *Набережная*. Будетъ ли она долговѣчна, это составляетъ другой вопросъ.

Во время пребыванія Императрицы Екатерины II въ Кіевѣ, прожектированъ былъ планъ для этого города. Но планъ этотъ и остался прожектомъ. Объ немъ уже упомянуто въ нашей Лѣтописи (стр. 111). Новый планъ для Кіева Высочайше утвержденъ 17-го января 1833 г.

в) *Печерскъ*, лежитъ съ юго-восточной стороны Стараго Кіева. Печерское, составлявшее до сороковыхъ годовъ важную часть Кіева, въ древности представляло почти дикую пустыню. Изъ исторіи извѣстно, что эта часть города до начала XVIII-го столѣтія не имѣла никакихъ зданій, кромѣ Печерскаго и Николаевскаго монастырей и нѣкоторыхъ принадлежащихъ имъ селеній. Въ сельцѣ Берестовомъ, любимомъ мѣстопребываніи В. Кн. Ярослава I, кромѣ церквей, Преображенія Господня, Св. Апостолъ Петра и Павла, и княжескаго дворца, другихъ церквей и зданій лѣтописи не показываютъ; на Кловѣ былъ еще монастырь Стефанечь. Пространство, извѣстное нынѣ подъ именемъ Печерской (бывшей Владимірской) и Дворцовой частей, до послѣднихъ годовъ истекшаго столѣтія, кромѣ Государева и Кловскаго дворцовъ, также оставалось совершенно пустымъ, незаселеннымъ и было покрыто лѣсомъ; сіе подтверждается названіемъ *Пустынно*-Николаевскаго монастыря. Пустынями или пустынными монастырями называются тѣ только обители, которыя основаны въ уединенныхъ лѣсныхъ мѣстахъ. Еще болѣе доказываетъ свидѣтельство Преподобнаго Нестора, который, описывая въ 1100 г. положеніе Печерской обители, замѣчаетъ, что тогда *бѣ бо лѣсъ ту великъ* (Лавр. 67). Первое заселеніе Печерской части относится вѣроятно къ концу 15-го вѣка. Кальнофойскій часто упоминаетъ о *Печерскомъ Мѣстечкѣ* близъ Лавры. Въ *Росписи Киеву* 1682 г. оно называется *Посадомъ Печерскимъ*, также и въ другихъ актахъ: „Подъ часъ бытности (около 1700 г.) у пана Стольника Обѣдовскаго на банкетѣ..... на Посадѣ Печерскомъ," и пр. [1]) Мѣстечко это образовалось преимущественно отъ поселившихся на этомъ мѣстѣ Лаврскихъ крестьянъ, и въ 17-мъ вѣкѣ составляло значительный торгъ. Въ 1630 г. мая 28 числа Поляки сдѣлали было внезапное нападеніе на Лавру и Печерское Мѣстечко; о чемъ уже упомянуто въ нашей Лѣтописи (стр. 50). Подробнѣе о Мѣстечкѣ см. § 29, Воскресенская церковь на Печерскѣ. Съ

[1]) Источн. Малорос. Истор. Т. II стр. 22.

основаніемъ вокругъ Лавры крѣпости княземъ Черкасскимъ въ 1679 г. жители Посада должны были мало по малу очищать это мѣсто; выселялись на *Ямки*, ближе къ Клову и основали *Новую Слободу*. Тутъ же, со времени заложенія крѣпости Петромъ I, 1706 г. заведена слобода для военнослужащихъ и названа *Солдатскою*. Возлѣ Пустынно-Николаевскаго монастыря въ 17-мъ вѣкѣ также существовала Слобода; но на этомъ мѣстѣ, съ теченіемъ времени, образовалась часть Печерскаго Города съ Никольскою улицею, и доселѣ существующею, а Новая Слобода теперь совершенно уничтожена и перенесена на *Новое Строеніе*, т. е. въ Лыбедскую Часть. По причинѣ постройки новой крѣпости, теперь на Печерскѣ осталось немного деревянныхъ домовъ и еще менѣе каменныхъ.

Въ *Росписи Киеву* 1682 г. говорится о слѣдующихъ воротахъ на Печерскѣ: а) *Кіевская башня* съ воротами, или просто *Кіевскія ворота*, судя по описанію, были близъ теперешнихъ старыхъ крѣпостныхъ воротъ въ земляномъ валу, ближайшихъ къ церкви Спаса на Берестовѣ. Въ разстояніи отъ Кіевскихъ воротъ на 123 сажени были б) *Васильковскія*, съ башнею; слѣдовательно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся западныя крѣпостныя въ валу ворота, ведущія на *Печерскій базаръ*. *Въ Васильковскую башню*, сказано въ Росписи, *ѣздятъ къ рѣкѣ Лыбеди и до Василькова*. И Кальнофойскій, при объясненіи своего плана Ближнихъ Пещеръ, упоминаетъ о томъ же: „Мимо церкви Преп. Ѳеодосія, путь до башни *Васильковской*“ [1]). Въ 1781 г. на этомъ мѣстѣ была Печерская *Рогатка*. в) *Пятницкія* ворота съ башнею. *Въ Пятницкия ворота ѣздятъ на Звѣринецъ и на Неводницкой Перевозъ*. Близъ этихъ воротъ была нѣкогда деревянная церковь Св. Мученицы Параскевы, нареченной Пятницы. Сравнивъ указанія въ *Росписи Киеву* съ мѣстностію, должно полагать, что Пятницкія ворота находились за нынѣшнимъ комендантскимъ домомъ и Коммиссаріатомъ въ старой Печерской крѣпости, на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь находятся южныя ворота, ведущія къ Неводницкой Пристани. Въ послѣдніе годы начата въ Кіевѣ *набережная*, которая сдѣлаетъ правый берегъ Днѣпра, у подножія города, не только красивымъ, но и удобнымъ для проѣзду по всему протяженію его до Выдубицкаго монастыря. Часть ея отдѣлана и представляетъ образецъ прочности и красоты. Другая огромная работа, начатая въ 1839 г., оконченная въ 1849 г.: это обдѣлка Александровской горы и спуска съ Печерска на Кіевоподолъ. Вскорѣ послѣ окончанія послѣдней войны съ Турціею въ 1830 г. основана въ Кіевѣ обширная крѣпость. Постройка ея съ тѣхъ поръ составляла главнѣйшее занятіе инженеровъ и рабочихъ солдатъ. До сихъ поръ выстроено нѣсколько цитаделей, и въ одной изъ нихъ церковь во имя Св. Владиміра, а посреди Печерска церковь Св. Ольги. Сдѣлана также часть стѣны или вала. Но какъ крѣпость должна была занять многія мѣста,

[1]) Опис. К. Лавры, стр. 318

застроенныя домами жителей, то по уплатѣ за каждое строеніе и мѣсто, отведены жителямъ порожнія мѣста по рѣчкѣ Лыбеди, отъ чего произошла цѣлая, хорошо распланированная, часть города.

§ 70. КІЯНКА.

Ручей, который вытекаетъ изъ малыхъ источниковъ, находящихся подъ горою Старокіевскою, съ сѣверозападной стороны ея, ниже Десятинной и Златоустовской церквей; протекаетъ все урочище Кожевниковъ и Горшечниковъ (Кожемякъ и Гончарей), и потомъ, соединясь, при скатѣ горы Скавики, съ ручьемъ *Глубочицею*, течетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ въ прямомъ каналѣ поперекъ всего Кіево-Подола. Они вливались прежде въ Почаину, а теперь въ Днѣпръ. Ни Несторъ, ни послѣдующіе бытописатели не упоминаютъ объ этихъ ручьяхъ; впрочемъ, мы должны думать, что они во время перваго нашего Лѣтописца, заливая собою Подолъ, были гораздо значительнѣе теперешняго.

§ 71. КЛАДБИЩА.

а) на Аскольдовой могилѣ, б) на Звѣринцѣ, в) Новостроенское, г) на Паньковщинѣ, д) на Скавикѣ, е) Старокіевское.

а) На *Аскольдовой могилѣ*.—Объ этомъ Кіевскомъ урочищѣ было уже обстоятельно упомянуто въ § 14-мъ, (стр. 191 — 198). Въ 882 г. на этомъ мѣстѣ погребено тѣло Аскольда. Въ концѣ 18-го вѣка здѣсь выстроена деревянная, малая церковь Св. Николая, и вѣроятно въ это же время заведено для Печерскихъ покойниковъ кладбище; которое, по случаю устройства новой крѣпости, въ 1840 г. упразднено.

б) На *Звѣринцѣ*.— Устроено въ началѣ сего вѣка съ назначеніемъ особыхъ мѣстъ для Православныхъ, для Лютеранъ и для покойниковъ, Римскаго исповѣданія. Но потомъ мѣсто сіе понадобилось подъ постройку крѣпостныхъ укрѣпленій; въ слѣдствіе чего въ 1839 г. всѣ эти три кладбища были упразднены, и перенесены на теперешнее *Новостроенское* мѣсто.

в) *Новостроенское* кладбище—заведено въ 1839 г. за Лыбедскимъ потокомъ, на такъ называемой Байковой горѣ, единовременно съ закрытіемъ Звѣринецкаго, Старокіевскаго и на Аскольдовой могилѣ. Причемъ было позволено, кому угодно, переносить своихъ покойниковъ на новое кладбище, назначенное для всѣхъ Христіанскихъ исповѣданій на отведенныхъ мѣстахъ. Этимъ позволеніемъ особенно воспользовались Лютеране. Въ 1839 г., въ отдѣленіи, назначенномъ для Православныхъ покойниковъ, заложена *церковь* во имя *Св. Димитрія* митрополита Ростовскаго, оконченная и освященная 24 августа 1841 г. По штату при ней положенъ священникъ и дьячекъ, съ жалованьемъ изъ городскихъ доходовъ, первому 80, а второму 27 рублей. Для квартиръ ихъ

построены близъ церкви отъ города деревянные дома. Но съ одной стороны скудость церковныхъ доходовъ, съ другой бѣдность Православнаго населенія Кіева, служатъ причиною того, что иновѣрческія кладбища Нѣмецкое и Латинское, рядомъ расположенныя съ Православнымъ Дмитріевскимъ, поражаютъ очевиднымъ своимъ превосходствомъ въ отношеніи богатства памятниковъ, благоустройства и чистоты, хотя на нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни причта [1]).

г) На *Паньковщинѣ.*—Урочище это находится предъ теперешнимъ Университетскимъ зданіемъ Св. Владиміра, съ южной его стороны. Все это пространство земли, гдѣ теперь возвышается Университетъ, въ 16-мъ вѣкѣ принадлежало къ Софійскому каѳедральному собору Кіевскихъ митрополитовъ; но какъ эти первосвященники сами не жили тогда въ Кіевѣ, то, для управленія землями, угодьями и вообще доходными статьями, имѣли своихъ намѣстниковъ, которые были большею частію свѣтскія лица, считавшіяся въ службѣ митрополитовъ. Изъ Актовъ Западной Россіи, изданныхъ Археографическою коммиссіею, отъ 17-го марта 1516 г., и отъ 10 сентября 1517 г. мы видимъ, что игуменъ съ братіею Пустынно Николаевскаго монастыря жаловались: „на намѣстника митропольяго Софѣйского, на Васька Паньковича (т. е. сына Панькова, Пантелеимонова)" въ томъ, что онъ „силно впирается въ наше властное млинищо.. на рѣчцѣ на Борщовцѣ" и проч. Подъ 1562 г. октября 18, и подъ 1574 г. декабря 12, встрѣчаемъ двѣ позывныя, королевскую и князя Острожскаго, грамоты Кіевскому *земянину* (землевладѣльцу) Максиму Паньковичу, по жалобѣ братіи Золотоверхо-Михайловскаго монастыря, о присвоеніи имъ Ирининской (Орины) церковной земли. Въ 1577 г. іюля 6-го Кіевскій митрополитъ Илія Куча далъ помѣстную грамоту, въ видѣ довѣренности, Софійскому намѣстнику Богушу Гулькевичу-Глѣбовскому на два церковныя селища, чтобы оныя выкупить и владѣть ими. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: „Я Илія, Божіею милостію, архіепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и Всея Руси, ознаймую симъ моимъ листомъ... ижъ што предковы мои, ихъ милость митрополиты Киевскіи, селища церковные, митропольи Киевскоѣ, на имя Филимоновщину, надъ рѣкою Здвиженемъ, а Багриновъ, надъ рѣкою Днѣпромъ, на службѣ конной, военной, боярской, до воли и ласки (*до усмотрѣнія нашего*) дали были *Василью Паньковичу* и сыну его Максиму: то, пакъ, тотъ *Максимъ Паньковичъ*, якъ будучи человѣкъ досить необачный (*очень невѣжливый, неблагонамѣренный*) кромѣ (*безъ*) вѣдомости и позволенья предковъ моихъ митрополитовъ ихъ милости Кіевскихъ, селищо Филимоновщину земянину тамошнему Кіевскому пану Бенедикту Шкаревскому въ 70-ти копахъ грошей заставилъ и въ руки завелъ; а другое селище Багриновъ, черезъ вырокъ (*присужденіе, резолюцію*) его милости князя воеводинъ, неякомусь Ѳедору Черевчею всказано и въ руки намѣстнику Кіевскому пану Василію Раю въ сороку копахъ грошей Литовскихъ заведено, чего бы,

[1]) Кіевс. Губ. Вѣд. 1865 г. стр. 197.

водлѣ права святого, быти не могло, абы хто на кгрунты церковные пѣнези кому давати мѣлъ, албо выроками своими всказывалъ. А такъ я прагнучи (*сильно желая*) того, абы за мене (*при моей жизни*) вси кгрунты церковныи, якимъ колвекъ способомъ забраныи, якъ могучи (*по возможности*) выисканы быти могли,—а ижъ кромѣ отданья вышей помѣненое суммы пѣнезей, трудно бы ихъ было у кого выискать,—симъ листомъ моимъ позволяю и моцъ сполную даю намѣстнику моему Софѣйскому Богушу Гулкевичу-Глѣбовскому... селища окупити" и проч. Рядъ этихъ актовъ показываетъ, что отъ 1516 по 1577 г., и такъ въ продолженіи шестидесяти одного года, жила въ Кіевѣ фамилія *Паньковичей,* представителями коей былъ сначала Василій, а потомъ сынъ его Максимъ; оба они были нѣкоторое время намѣстниками Кіевскихъ митрополитовъ, и оба оставили по себѣ, въ современныхъ документахъ, самую недобрую память. Лица сіи владѣли землями, прилегающими съ южной стороны Стараго Города; въ слѣдствіе чего землямъ этимъ, въ продолженіи почти четырехъ сотъ лѣтъ, было присвоено названіе *Паньковщины.*

Здѣсь, какъ было упомянуто, впереди университетскаго зданія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается Крещатицкая улица и начинается обсаженное тополями университетское шоссе, а по замѣчанію Кіевлянъ, именно на мѣстѣ дома и усадьбы портнаго Кальбе, въ половинѣ прошедшаго столѣтія городомъ было отведено отдѣльное кладбище для Лютеранъ; которое однакожъ въ 1812 г. упразднено, потому что Крещатицкая мѣстность стала по немногу заселяться и застраиваться. Впрочемъ долгое время оставленное это *Нѣмецкое* кладбище представляло весьма печальный видъ разрушенія, оно находилось въ песчаной котловинѣ, дождевая и снѣговая вода, стремясь съ возвышенныхъ мѣстъ, уносила съ собою песокъ, подмывала кресты, надгробныя плиты, кой-какіе памятники и обнажала гробы, а нерѣдко и самые скелеты. Въ 1825 г. было уже весьма малое число гробовъ; такимъ образомъ кладбище само собою уничтожалось. Мы только помнимъ это мѣсто, но едва ли тамъ остались какіе либо покойники. Съ 1834 г. вся эта мѣстность стала быстро застроиваться. Въ замѣнъ этого кладбища было отведено другое на югѣ Печерска, близъ Звѣринца. Здѣсь община обнесла было свое кладбище рвомъ, обсадила деревьями и построила небольшой домъ для гробокопателей. Но въ 1839 г. и это кладбище, какъ выше сказано, было упразднено Оно перенесено на *Байкову Гору* и соединено съ Дмитріевскимъ кладбищемъ для Православныхъ, вблизи коихъ и Латиняне получили мѣсто для погребенія своихъ покойниковъ. Здѣсь кладбище Лютеранъ приведено въ благоустроеннный порядокъ, раздѣлено дорожками, усажено деревьями и кустами, на многихъ могилахъ разведены цвѣтники, и оно представляетъ издали видъ сада. Въ 1848 г. Нѣмцы возвели небольшое строеніе для временнаго помѣщенія своихъ покойниковъ, и подъ тою же кровлею устроили жилище для гробокопателя.

д) *На Скавикѣ.*—Было ли въ древности на этой горѣ кладбище, Лѣ-

тописи намъ объ этомъ не сообщаютъ, кромѣ того, что въ 912 г. здѣсь погребенъ Олегъ вѣщій. Теперешнее кладбище для Подольскихъ покойниковъ городъ завелъ около 1772 г. Подробнѣе см. въ § 139. Щековица.

е) *Старокіевское.* — Заведено было тоже въ половинѣ прошедшаго столѣтія за Кудрявцемъ, недалеко отъ верховьевъ Глубочицы; но недавно упразднено, и теперь строится на этомъ мѣстѣ церковь Вознесенія Господня.

Къ этому можно еще присовокупить, что кромѣ бывшихъ и настоящихъ въ Кіевѣ кладбищъ, находятся еще нѣкоторыя при монастыряхъ, какъ то: въ Кирилловскомъ, гдѣ погребаютъ тѣла людей, умершихъ въ богоугодныхъ заведеніяхъ; во Флоровскомъ съ 1854 г. устроено кладбищѣ на горѣ Киселевкѣ для погребенія покойницъ, монашествовавшихъ въ семъ монастырѣ: и въ Выдубицкомъ, для покойниковъ зажиточныхъ Кіевлянъ.

§ 72. КЛОВЪ.

а) ГЕРМАНЕЧЪ, СТЕФАНЕЧЪ. б) КЛОВСКІЙ ДВОРЕЦЪ, ЛИПКИ. в) ГОСПИТАЛЪ, г) ГИМНАЗІЯ ВЫШНЯЯ, ПОТОМЪ ПЕРВАЯ, д) УЧИЛИЩЕ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ.

а) *Германечъ, Стефанечъ.* — Стефанъ, третій игуменъ Печерскій, въ послѣдствіи епископъ Владимірскій на Волыни, достроилъ, послѣ Ѳеодосія, соборную Лаврскую церковь; но около 1078 г. монахи, неизвѣстно за что возмутясь, отлучили его отъ игуменства. Оставивъ ихъ, онъ основалъ недалеко отъ Печерска, съ западной стороны онаго, на Кловѣ другой монастырь во имя и во образъ Константинопольскія церкви Положенія Ризы Божіей Матери во Влахернѣ. Епископъ Симонъ, въ сказаніи своемъ о построеніи Великой Печерской Церкви, пишетъ: *Егда же Стефанъ игуменъ изъ манастыря* (Печерскаго) *изгнанъ бысть, видѣвъ преславная чюдеса...... сего ради самъ Влахерньскую церковь на Кловѣ созда* [1]). Но онъ не кончилъ всего строенія и Кловской церкви, а между тѣмъ Половцы въ 1096 г. выжгли *Стефанечъ*, т. е. Стефаномъ начатой монастырь и деревянный *Германечъ. И въ 20 того же мѣсяца, въ пятокъ приде второе Бонякъ безбожный..... къ Кыеву внезапу...... и вѣжгоша Стефанечь манастырь, и деревнѣ и Германечь. И придоша въ манастырь Печерскыи.* Не смотря на разные толки, значеніе словъ *и деревнѣ и Германечь* для насъ непонятно. Благодаря Я. Бередникову, намъ извѣстно нѣсколько варіантовъ этого мѣста. Въ Лаврентьев. спискѣ стоитъ: *и вѣжгоша Стефановъ манастырь и деревнѣ игерьманы.* Почти такъ списалъ и Карамзинъ (Т. II. прим. 174). *И вѣжгоша Стефановъ и деревней Германа* и говоритъ*: Не деревни*, какъ думалъ Татищевъ, а *деревянный Германовъ.* Не смотря на все наше уваженіе къ памяти Исторіографа, намъ кажется, что такое толкованіе очень произвольно. Нѣкоторые думаютъ что слово Германечъ, Германовъ, происходитъ отъ имени Германа, игу-

[1]) См. Арсеніевскій списокъ Патерика 1406 г.

мена монастыря Св. Спаса на Берестовѣ, упоминаемаго въ 1072 г. при перенесеніи Св. мощей Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ. Но это очевидная натяжка. Въ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ стоитъ: *И пожгоша манастырь Стефанечь деревнѣ и Германечь.* Въ Кенигсбергскомъ и Троицкомъ спискахъ: *И пожгоша манастырь Стефанечь деревнѣ (деревней) Германечь.* Толкованіе этой фразы въ Лѣтописи предоставляемъ другимъ.

Подъ 1091 г. въ Лѣтописи говорится, что Стефанъ, при отшествіи изъ Кіева на Владимірскую каѳедру, вмѣсто себя поставилъ въ Кловскомъ монастырѣ игуменомъ Климента. *Его же игуменомъ постави въ свое мѣсто.*

По сказанію Преп. Нестора, подъ 1108 г. *Въ се же лѣто кончаша верхъ святыя Богородица на Кловѣ, заложенѣй Стефаномъ игуменомъ Печерьскымъ* [1]). Въ Ипатіевской Лѣтописи, подъ 1112 г. сказано: *Того же лѣта преставися Давидъ Игоревичь* (князь Дорогобужскій) *мѣсяца маия въ* 25, *и положено бысть тѣло его, въ* 29, *въ церькви святыя Богородица Влахернѣ на Кловѣ* (стр. 3).

Дальнѣйшая судьба Кловскаго монастыря для насъ неизвѣстна. Весьма вѣроятно, что онъ въ 1240 г. не избѣгъ всеобщаго разоренія отъ Татаръ. Въ позднѣйшія времена мѣсто Кловскаго монастыря было подъ вѣдѣніемъ Печерской Лавры. Берлинскій увѣряетъ, что основаніе Стефановой церкви, до построенія настоящаго Дворца, позади онаго, было еще видно; но находящіеся здѣсь пространные погреба выстроены Лаврою уже въ прошломъ столѣтіи [2]).

б) *Кловскій Дворецъ*, Липки. — Въ годъ посѣщенія Кіева Императрицею Елисаветою Петровною, именно въ 1744 г. Печерская Лавра окончила на Кловѣ постройку каменнаго двухэтажнаго Дворца, длиною саженъ въ тридцать, во вкусѣ рококо, вѣка Людовика XV-го, съ выступами и съ другообразнымъ фронтономъ посрединѣ фасада, весьма пріятнаго вида, [3]) и около того же времени, съ сѣверной стороны сего Дворца, развела липовую, великолѣпную и обширную рощу, пересѣкаемую длинными, прямыми аллеями. Съ этого времени урочище Кловъ стали называть также *Липками*. Кто обиталъ въ Кловскомъ Дворцѣ, когда онъ принадлежалъ еще Лаврѣ, объ этомъ свѣдѣній мы не имѣемъ; но въ одно время онъ былъ занятъ подъ временный лазаретъ.

в) *Госпиталь.* — Въ 1770 г. изъ Турціи была въ Кіевъ занесена моровая язва, похитившая въ древнепрестольномъ градѣ нѣсколько тысячъ жертвъ. Множество зачумленныхъ не находило мѣста въ обыкновенныхъ лазаретахъ, въ слѣдствіе чего и Кловскій Дворецъ былъ назначенъ для временнаго Госпиталя. Сіе бѣдствіе, посѣтившее Кіевлянъ въ 1770 и 1771 г., описано полковымъ врачемъ Иваномъ Лерхе,; описаніе это сообщено и въ нашей Лѣтописи (стр. 85). Однакожъ Дворецъ до 1786 г. все еще оставался за Лаврою. Съ учрежденія въ Малоросійскихъ епар-

[1]) Лаврент. стр. 78, 90 99, 121. [2]) Опис. Кіева, стр. 57 и 174. [3]) Весьма вѣроятно, что Архитекторомъ былъ талантливый Нѣмецъ Іоганнъ Готфридъ Шейденъ, выстроившій Лаврскую колокольню.

хіяхъ духовныхъ штатовъ, прекрасный Дворецъ этотъ, со всею Кловскою обширною мѣстностію, отошелъ въ вѣдомство казны. Говорятъ, что первое время онъ былъ предназначенъ для квартиры губернатоторовъ [1]).

г) *Гимназія.* — Съ 1811 г. помѣщалась въ Кловскомъ зданіи *Вышняя Кіевская Гимназія*, въ 1834 г. февраля 15, преобразованная по Общему Уставу 1828 г. и названа *Первою Гимназіею.* За годъ до этихъ перемѣнъ, т. е. въ 1833 г. безжалостно истреблена прекрасная Кловская липовая роща. Неудержимая охота къ передѣлкамъ не пощадила и ее; она была распланирована на улицы, мѣста розданы подъ постройку деревянныхъ домиковъ и столѣтнія липы, украшавшія Кіевъ, повалились подъ ударами топора. — Первая Гимназія помѣщалась въ Кловскомъ Дворцѣ до 1857 г., потомъ перемѣщена изъ него въ другое мѣсто. Въ этомъ году, въ незанятомъ Кловскомъ зданіи открыта была *Выставка Сельскихъ и Ремесленныхъ произведеній*, — вторая въ Кіевѣ. Но въ слѣдующемъ, 1858 г, Кловскій Дворецъ сильно пострадалъ отъ пожара.

д) *Училище дѣвицъ духовнаго званія.* — На обгорѣломъ и частію разрушенномъ Кловскомъ зданіи Кіевское духовенство остановило взоры свои. Въ слѣдствіе ходатайства Министерство Народнаго Просвѣщенія уступило это строеніе въ 1862 г., и съ апрѣля начались поправки и передѣлки, а въ августѣ 1863 г., переведено училище дѣвицъ духовнаго званія изъ дома при Софійскомъ Соборѣ во вновь отстроенный Кловскій дворецъ; 22-го сентября того же года освящена въ немъ и домовая церковь во имя Святыхъ женъ Мироносицъ [2]). Число всѣхъ воспитанницъ простирается до 80-ти.

§ 73. КОНСТАНТИНА СВ. ЦЕРКОВЬ.

Тамъ, гдѣ теперь стоитъ церковь Св. Царя Константина или близъ оной, былъ въ 17-мъ вѣкѣ каѳедральный костелъ и дворецъ латинскаго бискупа и вся часть Подола отъ горы Щековицы до Днѣпра, отдѣленная *Канавою*, называлась *Бискупщиною*; которая, будучи отторгнута изъ подъ вѣдомства магистрата, зависѣла въ гражданскомъ управленіи отъ латинскаго прелата. Это было время преобладанія папистовъ; но около 1649 г. Запорожцы, разоривъ въ Кіевѣ латинскіе кляшторы, въ числѣ ихъ, весьма вѣроятно, истребили и бискупскій каѳедральный костелъ и дворецъ, хотя на это обстоятельство и нѣтъ прямаго указанія [3]).

Съ теченіемъ времени на этомъ мѣстѣ основана Православная церковь, приходская, во имя Святыхъ, Равноапостольныхъ Царя Констан-

[1]) Кіевск. епарх. Вѣдом. 1864 г. стр. 143. [2]) Кіевск. епарх. Вѣдом. 1861 г. стр. 501.; 1863 г. стр. 596 и 1864 г. стр. 140. [3]) Въ статьѣ: Св. Маріи, храмъ латинскій, § 88, говорится объ этомъ подробнѣе.

тина и матери его Елены. Въ Вѣдомости Протопопіи Кіевоподольской отъ 2 апрѣля 1784 г. говорится, что церковь эта первоначально была деревянная, и уже ветхая сгорѣла въ 1726 г. [1]). Мѣстныя ежегодныя вѣдомости упоминаютъ, что при протоіереѣ Георгіѣ Городецкомъ выстроена, (къ востоку отъ горы Щековицы, на разстояніи отъ нея въ 60 саженъ,) теперешняя каменная въ 1734 г., а при священникѣ Василіѣ Дичинскомъ придѣланы въ 1757 г. каменныя галлереи по бокамъ упоминаемой церкви съ притворомъ, и сооружена каменная же, въ три этажа, колокольня; при коей, во второмъ этажѣ, устроена небольшая церковь во имя Св Димитрія митрополита Ростовскаго, тоже по сторонамъ съ галлереями. Въ этой послѣдней богослуженіе бываетъ только лѣтомъ; а въ первомъ нижнемъ этажѣ помѣщаются удобныя палатки. Всѣ эти постройки возведены на счетъ доброхотныхъ дателей. Нѣкоторые сообщаютъ, что существовавшая при этой церкви деревянная колокольня сгорѣла въ 1800 г. [2]). Сильный пожаръ въ 1811 г., истребившій большую и самую лучшую часть Кіевопода, по причинѣ *канавы*, не коснулся ея; тогда и приходъ ея уцѣлѣлъ. Церковь Св. Царя Константина не велика, въ ней могутъ помѣститься неболѣе ста человѣкъ; стѣны побѣлены известью, иконостасъ рѣзной, уже давно почернѣлъ и вся вообще наружность ея очень скромна. Авторъ этого сочиненія, проведшій счастливое дѣтство свое вблизи этой церкви, можетъ засвидѣтельствовать, что она съ 1813 до 1864 г. нисколько не измѣнила своего внѣшняго вида, выключая желѣзной кровли, которая прежде была деревянная. Таже неподвижность замѣтна и на колокольнѣ, которая изъ рукъ архитектора вышла гораздо понаряднѣе: два нижніе этажа въ рустикахъ, а верхній украшенъ пилястрами съ капителями будьто бы Коринѳскаго ордена. Значительныя починки въ церкви и колокольнѣ произведены въ 1830 г. въ настоятельство бывшаго священника Алексѣя Шокотова, въ послѣдствіи Антонія, епископа Кишеневскаго. Въ январѣ 1861 г. открыта при этой церкви, въ деревянномъ церковномъ домѣ, приходская школа для первоначальнаго обученія, и тогда же въ ней было 30 учениковъ. Въ 1864 г. на погостьи этой церкви заготовленъ кирпичъ; намѣревались передѣлать въ колокольнѣ церковь Св. Димитрія въ теплую. Прихожане, коихъ число простирается до 1340 душъ, имѣютъ въ рукахъ своихъ большею частію мелочную и преимущественно хлѣбную торговлю. Тутъ же вблизи и Житный Торгъ. — Церковный штатъ состоитъ изъ священника, діакона, дьячка, пономаря и просфирни. Домъ для причта двуэтажный, низъ каменный, а верхній этажъ деревянный, выстроенъ на церковной усадьбѣ. Доходы церковные простираются вообще до 1200 рублей въ годъ.

§ 74 КОНТРАКТОВЫЙ ДОМЪ.

Дворянство губерній Кіевской, Подольской, Волынской и Черниговской собиралось прежде въ городѣ Дубно, для совершенія между собою

[1]) Кіевск. епарх. Вѣдом. 1862 г. стр. 306. [2]) Кіев. губ. Вѣд. 1865 г. стр. 245.

различнаго рода сдѣлокъ, продажъ, залоговъ, или контрактовъ; отъ того собранія эти и названы *Контрактами*. Купечество, пользуясь этимъ случаемъ, привозитъ къ сборамъ товаровъ, въ иной годъ, на сумму, простирающуюся до нѣсколькихъ милліоновъ рублей, и это обстоятельство даетъ контрактамъ видъ ярмарки. Тутъ же являются актеры, комедіанты, виртуозы, пѣвицы, модные магазины и проч.; спекулянты даютъ балы, редуты, маскарады и всѣ вмѣстѣ стараются забавлять публику и облегчать средства издерживать деньги. Вотъ происхожденіе контрактовъ и понятіе объ нихъ. Съ 1797 г. они переведены изъ Дубно, мѣстечка Волынской губерніи, въ Кіевъ и продолжаются каждогодно съ 15 января по 1-е февраля. Въ это время Кіевъ, собственно Кіево-Подолъ, становится многолюднымъ и шумнымъ городомъ. Впрочемъ должно замѣтить, что со времени учрежденія въ Кіевѣ контрактовъ, народонаселеніе сего города увеличилось, о чемъ мы уже въ нашей Лѣтописи, (на стр. 115) упоминали.

Такъ какъ пріѣзжающія лица всякаго званія доставляютъ домохозяевамъ въ Кіево Подолѣ, особенно вблизи Контрактоваго дома, значительный доходъ съ жилищъ, отдаваемыхъ въ наемъ на время контрактовъ, то вообще, при наймѣ квартиръ, въ продолженіи года, въ этой части города, всегда выговаривается хозяиномъ, что во время контрактовъ жилецъ долженъ помѣститься въ одной или двухъ комнатахъ, а всю остальную квартиру предоставить хозяину для отдачи въ наемъ пріѣзжимъ. — Прежде Контрактовый домъ находился близъ Покровской церкви, состоялъ изъ двухъ этажей, нижняго каменнаго, и верхняго деревяннаго; послѣ пожара въ 1811 г. городъ сдѣлалъ изъ него *Управу Ремесленныхъ Цеховъ*, а для контрактовъ выстроилъ на площади Кіевоподола изрядной величины каменный домъ въ два этажа.

Привозимые на эту ярмарку товары помѣщаются для продажи во временныхъ балаганахъ, занимающихъ тогда всю площадь передъ гостинымъ дворомъ, а лучшіе въ Контрактовомъ домѣ и въ магазинахъ, смежныхъ съ нимъ домовъ. Въ верхнемъ этажѣ Контрактоваго дома временныя лавки устроиваются съ обѣихъ сторонъ, вдоль оконъ, а середина образуетъ просторную залу, установленную скамьями, на которыхъ контрактующіе переговариваются о дѣлахъ и заключаютъ сдѣлки. Въ особыхъ комнатахъ помѣщается и Присутственное Мѣсто. Въ этой же залѣ артисты даютъ концерты, разыгрываются лоттереи для пріютовъ, бываютъ балы и маскарады. Нижній этажъ, во время ярмарки, занимается, гдѣ только можно, вдоль стѣнъ и при подпорахъ, рядами лавокъ, по мѣстамъ не довольно освѣщенныхъ дневнымъ свѣтомъ, но отъ входа есть по обѣимъ сторонамъ большія свѣтлыя залы съ богатыми товарами, которые притомъ располагаются самымъ заманчивымъ образомъ. Посѣтители здѣсь въ шубахъ и въ шляпахъ. Всѣ стѣны вдоль лѣстницы снизу до верху уставлены и увѣшаны эстампами и гравюрами, а снаружи у входа и внутри на колонахъ прибивается множество объявленій о продажахъ и разныхъ надобностяхъ.—Кіевляне замѣчаютъ впрочемъ, что контракты въ новѣйшее время, по мно-

гимъ причинамъ, становятся малолюднѣе, обороты меньше, и что эта ярмарка падаетъ.— Въ 1862 г. въ залѣ Контрактоваго дома открыта была, (первый разъ въ Кіевѣ) „Выставка Сельскихъ и Ремесленныхъ Произведеній.“

§ 75. КОПЫРЕВЪ КОНЕЦЪ.

а) церковь св Іоанна. б) монастырь св. Симеона в) ворота подольскія.

Никакая мѣстность нашей древней столицы не причиняла столько хлопотъ Кіевскимъ археологамъ по призванію и самозваннымъ, сколько этотъ загадочный Копыревъ Конецъ. Его отыскивали на Скавикѣ и подъ нею, на Кожемякахъ внизу или на верху Уздыхальницы, то на Подолѣ, то на Юрковицѣ, то на крутомъ обрывѣ въ новоразведенномъ саду близъ Десятинной церкви, даже на Кудрявцѣ. Удастся кому нибудь вырыть или только замѣтить кучу кирпичей въ старинномъ подвалѣ, сейчасъ выростаетъ изъ земли заколдованный Копыревъ Конецъ съ своими развалинами. Отыщутъ ли въ ямѣ сосновый шестъ, изъ него сдѣлаютъ крестъ и станутъ увѣрять, что это тотъ самый, который на горахъ Кіевскихъ водруженъ Апостоломъ Андреемъ. И много тому подобнаго. Странныя выходки *нѣкоторыхъ* Любителей-Археологовъ, неподготовленныхъ научнымъ образомъ, часто подвергались замѣчаніямъ и остротамъ публики, а недавно—какъ пишетъ намъ одно почтенное лице—вызвали даже рисунокъ, представляющій человѣка, повидимому размышляющаго. Онъ стоитъ передъ раскрытою могилой и держитъ въ одной рукѣ черепъ, а въ другой заступъ. На могильномъ камнѣ надпись: **ЗДЕСЪ ПОГРЕБЕН ОТЕЛО 1823** „Такъ вотъ гдѣ погребенъ знаменитый Отелло!“ восклицаетъ обрадованный антикварій, не замѣчая, что надпись сдѣлана неграмотнымъ маляромъ и годъ выставленъ 1823-й.

Но остроты не помогаютъ дѣлу; вопросъ о Копыревѣ Концѣ остается запутанъ и доселѣ не разрѣшенъ, потому что 1) свидѣтельства объ немъ отрывочны и неопредѣленны, 2) не дошло до насъ никакого видимаго остатка отъ монастыря Св. Симеона и 3) что мы, увлекаясь иногда чужимъ, хотя и дѣйствительно стоющимъ всякаго уваженія, авторитетомъ, не хотимъ его подвергнутъ собственному изслѣдованію.—И такъ, чтобы привести этотъ спорный вопросъ до возможной ясности, нужно, по мнѣнію нашему: а) Собрать всѣ, какія отыщутся, свидѣтельства изъ Лѣтописей и другихъ старинныхъ писателей и разсмотрѣть ихъ подробно. б) Изучить мѣстоположеніе; для чего потребно: 1) осмотрѣть въ подробности соприкосновенныя съ этимъ вопросомъ мѣста Кіева въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, и 2) при помощи историческихъ данныхъ, стараться пріобрѣсть вѣрное понятіе о положеніи этихъ самыхъ мѣстностей во времена давнопрошедшія. в) Результаты, добытые изъ этихъ изслѣдованій, сравнить между собою. Тогда степень исторической вѣроятности сама собою откроется, и наконецъ: г) Под-

вергнуть разбору мнѣнія новѣйшихъ писателей о Копыревѣ Концѣ, чтобы увѣриться о достоинствѣ ихъ попытокъ. И такъ:

I. СВИДѢТЕЛЬСТВА ЛѢТОПИСЕЙ:

1) Подъ 1121 г. *Того же лѣта заложи* (кто?) *церкви Святаго Ивана въ Копыревѣ Конци* [1]. (Ипатьев. стр. 9).

2) Подъ 1140 г. *Пойде Всеволодъ Олговичь изъ Вышегорода къ Кыеву, изрядивъ полкы, и пришедъ ста у Города въ Копыревѣ Конци, и нача зажигати дворы, иже суть предъ Городомъ въ Копыревѣ Конци, мѣсяца марта, въ 4 день*. (Ипатіев. стр. 15). Изъ этого текста явствуетъ: а) Что Копыревъ Конецъ составлялъ часть древняго града Кіева, и именно Кіево-Подола. *Ста у Города въ Копыревѣ Конци.* б) Что Копыревъ Конецъ былъ предмѣстіемъ Кіевоподола. *Дворы, иже суть предъ Городомъ, въ Копыревѣ Конци.* в) Что это предмѣстіе находилось съ сѣверозападной стороны Подола, потому что Всеволодъ шелъ изъ Вышгорода, и г) Что въ это предмѣстіе Кіевоподола шла дорога, какъ и нынѣ, изъ Вышгорода мимо Кирилловскаго монастыря, потомъ улицею Плосскою, мимо теперешней Цареконстантиновской церкви.

3) Подъ 1147 г. *Суботѣ же свитающи, посла митрополитъ игумена Онанью святаго Өедора*; (Монастырь Св. Өеодора называли и *Вотчимъ*, онъ былъ тогда въ Кремлѣ Стараго Кіева См. § 32), *и приѣха игуменъ и видѣ ѝ нагаго* (тѣло убіеннаго князя Игоря II Ольговича, лежавшее тогда не на Торговищѣ Подольскомъ, но уже въ Новгородской божницѣ, при церкви Св. Михаила. См. весь этотъ текстъ въ статьѣ „Бабинъ Торжокъ" § 15), *и облече ѝ, и отпѣ надъ нимъ обычныя пѣсни, везе ѝ на Конець града* (очевидно пропущено слово *Копыревъ*) *въ манастырь Святому Семеону, бѣ бо манастырь отца его и дѣда его Святослава; тамо ѝ положиша.* (Ипатіев. стр. 34). По одному пропуску слова *Копыревъ* въ этомъ текстѣ, можно догадываться, что монастырь Св. Симеона былъ въ Копыревѣ Концѣ; но мы имѣемъ на это, въ нижеслѣдующихъ текстахъ, прямыя свидѣтельства. Изъ словъ Лѣтописи: *бѣ бо манастырь, отца его и дѣда его Святослава*, мы должны заключить, что церковь Св. Симеона воздвигнута Святославомъ II Ярославичемъ, вѣроятно во время княженія его въ Кіевѣ 1073—1076 г.

4) Подъ 1150 г. *Въ тоже веремя Святославъ Олговичь перенесе мощи брата своего Игоря отъ Святаго Семена* (въ Хлѣбниковскомъ и Ермолаевскомъ спискахъ поставлено *Симеона*) *изъ Копырева Конца въ Черниговъ, и положиша у Святаго Спаса въ теремѣ.* (Ипатіев. стр. 53).

[1]) Значеніе въ древности слова *Конець* старались мы опредѣлить въ § 62. Церковь Св. Иліи См стр 330 — Михаилъ Максимовичъ, въ новой статьѣ своей, о которой будетъ ниже упомянуто, привелъ этотъ самый текстъ; и на вопросъ: кто заложилъ? отвѣчаетъ: «Разумѣется Владиміръ Мономахъ.» Такъ онъ думаетъ на томъ только основаніи, что Мономахъ княжилъ въ Кіевѣ около этого времени (1114—1125 г.). Думать можно, что угодно; но доказать нельзя.

5) Подъ 1151 г. *Берендъи сташа мьжи дьбрьми отъ Олговы* (пропущено *Могилы*) *оли и въ огородъ Св. Іоана, а съмо* (т. е. ближе къ Кіевоподолу) *оли до Щьковицъ* (Ипатіев. стр. 60). Намъ уже извѣстно, что *Щьковиця* есть нынѣшняя *Щекавика* или *Скавика*, [1] на которой находилась и Олегова могила. Изъ приведеннаго текста мы видимъ, что Берендѣи расположились вдоль горы Скавики, по южной ея отлогости, т. е. въ нынѣшней Глубочицѣ. Здѣсь находились и *огороды* или сады, *съмо до Щьковицъ*,то есть поближе къ Кіевоподолу. Въ этихъ огородахъ стояла Церковь Св. Іоанна; а подъ 1121 г. сказано: *того же лъта заложи церкви святаго Ивана въ Копыревъ Конци.* Теперь, кажется, понятно, гдѣ былъ Копыревъ Конецъ.

6) Подъ 1162 г. *Изяслава же* (Давидовича Вел. Князя Кіевскаго) *постигоша къ озерамъ въъздяча въ борокъ, и постиже й Войборь Негечевичъ и съче по главъ саблею..... и ту лете съ коня, и埋 вземъ ѝ* (раненнаго Изяслава) *Мьстиславъ* (Изяславичь) *ле жива, посла въ манастырь къ Святому Семену, еже есть въ Копыревъ Конци.* (Ипатіев стр. 90) У Карамзина этотъ текстъ выписанъ нѣсколько иначе: *Повелъша нести тъло его* (Изяслава) *въ манастырь къ Семіону, иже есть въ Копыревъ Конци* (Т. II. примѣч. 401). Тексты эти представляютъ ясное доказательство, что обитель Св. Симеона находилась въ Копыревѣ Концѣ.

7) Подъ 1202 г. *И ъха наборзъ со всъми полкы къ Кыеву Романъ* (Князь Галицкій) *и отвориша ему Кыяне Ворота Подольская, въ Копыревъ Конци. И въъха въ Подолье, посла на Гору* (Старый Кіевъ) *къ Рюрикови и ко Олговичемъ.* (Лаврент. стр. 176) Здѣсь весьма важно выраженіе Лѣтописца: *Ворота Подольская въ Копыревъ Конци.* Замѣчаніе это намъ послѣ пригодится. — На основаніи вышеприведеннаго текста мы должны заключить: 1) Что Копыревъ Конецъ находился съ западной стороны Подола, именно, гдѣ теперь Глубочица, потому что Романъ шелъ по Бѣлогородской дорогѣ. 2) Что дорога, идущая съ Подола по Глубочицѣ, какъ нынѣ, такъ и въ древности, возлѣ самаго этого урочища соединялась со Львовскимъ, теперь Житомірскимъ трактомъ. 3) Такъ какъ въ тексте сказано: *И ъха наборзъ:* то Романъ, избирая, вблизи Кіева, самый кратчайшій путь, для скорѣйшаго достиженія Подола, долженъ былъ ѣхать по Глубочицѣ. Если бы онъ захотѣлъ достигнуть Подола мимо Кирилловскаго монастыря, по Цареконстантиновской улицѣ, то сдѣлалъ бы лишнихъ покрайней мѣрѣ 10 верстъ. Все это очень понятно для знающихъ мѣстоположеніе Кіева; впрочемъ можно увѣриться и на планѣ этого города, который изданъ въ 1846 г. при Военно-Топографическомъ Депо.

II. ОБЗОРЪ МѢСТНОСТИ.

Разсмотрѣвъ бывшее и нынѣшнее мѣстоположеніе Кіева съ тою цѣлію, чтобы удостовѣриться, можно ли слова Лѣтописей согласить·

[1]) См. статью Щековика, § 139; а весь этотъ текстъ въ § 14. Аскольдова могила

съ мѣстностію, мы находимъ: 1) Что мѣсто, гдѣ теперь находится Флоровскій дѣвичій монастырь, въ XVI вѣкѣ было еще покрыто топями и камышевыми болотами, отъ которыхъ осталось и доселѣ названіе *Черная Грязь.* (См. Кіевъ. Подолъ, § 69). Слѣдовательно здѣсь не могло быть предмѣстія. 2) Слобода, называемая *Плоское*, по низкому своему положенію, часто затопляемая Днѣпромъ, равнымъ образомъ была въ древности неспособна къ населенію. 3) Урочище, называемое *Копылово* и находящееся еще далѣе отъ Подола, за бывшимъ Кирилловскимъ монастыремъ, рѣшительно не соотвѣтствуетъ этому обстоятельству. 4) Такъ какъ низменныя мѣста у горъ естественно всегда возвышаются отъ наносной земли, между тѣмъ, какъ луговыя мѣста Оболони всегда подвержены весеннему наводненію: то можно съ достовѣрностію заключить, что урочище Кожемяки, Глубочица и мѣсто близъ нынѣшней церкви Св. Царя Константина, по возвышенности своей и по близости къ древнему Подолію, были самыми способными къ населенію. Но какъ въ слѣдствіе произшествій, упоминаемыхъ въ Лѣтописяхъ, должны быть проѣзжія дороги, которыя вели въ Кіево-Подолъ: то намъ нужно разсмотрѣть: какія это были дороги и сколько ихъ быть могло? Основываясь на свидѣтельствѣ текстовъ, прежде всего мы должны принять двѣ дороги, которыя вели на Подолъ: 1) одну сѣверную, со стороны Вышгорода, (подъ 1140 г.), 2) другую западную, со стороны Бѣлогородки, (подъ 1202 г.). 3) Что касается до нынѣшняго Александровскаго, или иначе Крещатицкаго съѣзда (спуска) съ Печерска на Подолъ: то еще дѣды наши видѣли собственными глазами, что на этомъ мѣстѣ не было настоящей дороги и до 1797 г. никакого строенія; что все это пространство было покрыто рытвинами и лѣсомъ. Изъ городовыхъ записей извѣстно, что впервые генералъ-губернаторъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ съ 1715 г. началъ прокладывать эту дорогу. И такъ она не древняя. 4) Можно ли говорить о дорогѣ, которая теперь, въ видѣ шоссе, отъ цѣпнаго моста проходитъ на Подолъ? Она проведена въ недавнее время; прежде мѣста эти были почти непроходимы, а проѣздъ по нимъ совершенно невозможенъ. 5) Есть еще дорога, извѣстная подъ именемъ Андреевскаго взвоза, который ведетъ со Стараго Кіева на Подолъ. Покойный Берлинскій думалъ, что Андреевскій взвозъ древній и написалъ: „Другой пріѣздъ Андреевскій, *самый древнѣйшій*, крутъ и весьма невыгодный.“ (стр. 91). Мы утверждаемъ, что мнѣніе это невѣрно; оно произошло отъ ошибочнаго пониманія словъ Кальнофойскаго, говорившаго о церкви Св. Симеона; но объ этомъ ниже. Очевидно, что мнѣніе монаха Печерскаго, отца Аѳанасія Кальнофойскаго, какъ писателя позднѣйшаго, не можетъ имѣть никакого важнаго вліянія ни *pro*, ни *contra* на результаты, добытые изъ свидѣтельства древнихъ нашихъ Лѣтописцевъ. Впрочимъ какъ писателя мѣстнаго, видѣвшаго собственными глазами остатки храма Св. Симеона, свидѣтельство Кальнофойскаго заслуживаетъ обстоятельнаго разсмотрѣнія. Но для того, чтобы упомянутое свидѣтельство автора Тератургимы понять въ *истинномъ* его смыслѣ, намъ предстоитъ разрѣшеніе одного спор-

наго вопроса, и именно: *Какъ смотрѣли Кіевляне въ XVII-мъ вѣкѣ на* **ДВѢ ТЕПЕРЕШНІЯ ГОРЫ**, т. е. на *Уздыхальницу и Киселевку?*

Въ 1638 г. жили въ Кіевѣ два монаха, одинъ латинскій, по имени Петръ Розвидовскій, а другой Православный, Аѳанасій Кальнофойскій. Оба они не имѣли намѣренія писать Исторію дорогаго намъ Кіева, но между тѣмъ оба, по своимъ цѣлямъ, оставили для потомства небольшія замѣтки о тогдашнемъ положеніи древней нашей столицы. Розвидовскій, преслѣдуя въ своихъ запискахъ матеріальный интересъ конвента, къ которому онъ принадлежалъ, говоритъ слѣдующее: *Доминикане подселились подъ За́мокъ* (т. е. поселились у подошвы горы, на которой стоялъ За́мокъ) *на Житный Торгъ и основали костелъ подъ названіемъ Св. Николая.* (Этотъ бывшій Николаевскій костелъ есть нынѣшняя Петропавловская церковь. Здѣсь очень важно то обстоятельство, что костелъ этотъ дошелъ до нашихъ временъ въ цѣлости, что даетъ намъ возможность сдѣлать многія указанія). *Насупротивъ конвента* (Замѣтимъ, что Доминиканецъ называетъ безъ различія латинскій храмъ Св. Николая то костеломъ, то конвентомъ,) *на Житнемъ Торгу передъ конвентомъ стоитъ большой крестъ.* (Ясно, что Житный Торгъ или Рынокъ былъ на площади передъ самымъ костеломъ.) *За крестомъ дворъ большой. Изъ того двора половина грунта принадлежитъ конвенту отъ церкви Флоровской.* (Слѣдовательно: 1) Церковь Флоровская существовала въ это время, 2) Площадь Житнаго Торга была между костеломъ Св. Николая и церковію Св. Флора. Это подтверждается и словами Боплана: „католики имѣютъ четыре храма....... *Доминиканскій на рынкѣ.*“ Тоже, что на Житномъ Торгу. 3) И такъ теперешній Житный Торгъ совсѣмъ на другомъ мѣстѣ.) *Грунтъ подъ горою Здыхальницею отъ За́мку съ сей стороны.* (Изъ этихъ словъ явствуетъ: 1) что гору, на которой стоялъ За́мокъ, Розвидовскій называетъ—замѣтьте — *Здыхальницею!* 2) что онъ, живя въ Николаевскомъ кляшторѣ и указывая на за́мковую гору, долженъ былъ употребить указательное мѣстоименіе *этотъ*, *сей*, потому что Здыхальница или за́мковая гора, а по теперешнему Киселевка, своею восточною стороною обращена къ нынѣшнему Петропавловскому монастырю, бывшему въ 1634 г. Николаевскому костелу.) *Оттуда вода проведена была трубами къ конвенту Св. Николая.* Доселѣ Розвидовскій. (Опис. К. Софіи. Приб. стр. 30). Жаль, что преосв. Евгеній не приложилъ записокъ этого Доминиканскаго монаха въ оригиналѣ. Какъ бы ни былъ переводъ хорошъ, но для большей точности изслѣдователь желалъ бы увѣриться собственными глазами. — Вода, о которой говоритъ нашъ Доминиканецъ, и донынѣ струится въ двухъ колодезяхъ во Флоровскомъ монастырѣ. — Изъ вышеприведенныхъ словъ Розвидовскаго мы имѣемъ теперь возможность сдѣлать слѣдующее заключеніе: Во время этого Доминиканца (1634—1664 г.) еще не знали нынѣшняго слова *Киселевка*; названіе это произошло очевидно отъ послѣдняго польскаго коменданта Адама Киселя, умершаго въ 1653 г. Такъ какъ въ половинѣ XVII вѣка обѣ *теперешнія* горы Уздыхальница и Киселевка были извѣстны подъ *однимъ* общимъ наименованіемъ, *За́мковой горы* или *Зды-*

хальницы: то изъ сего слѣдуетъ: 1) что они не были разъединены, и 2) что не составляли двухъ горъ, какъ теперь. Это ясно доказываютъ слова Розвидовскаго, когда онъ говоритъ, что конвентъ Св. Николая (теперешняя церковь Св. Петра и Павла) стоитъ подъ горою *Здыхальницею*, а между тѣмъ теперь эту гору зовутъ Киселевкою. (См. Киселевка § 67, стр. 367). Цѣль наша была доказать, что во время Кальнофойскаго существовала *одна* За́мковая и притомъ *неразъединенная* дорогою гора Уздыхальница, и что Андреевскаго Взвоза тогда не было и быть не могло; потому что онъ былъ загороженъ За́мкомъ.

Намъ могутъ возразить, что кромѣ Боричева Взвоза, была же въ древности гдѣ нибудь еще и другая дорога со Стараго Города на Подолъ. Дѣйствительно была — отвѣчаемъ мы — только не Андреевскимъ *новѣйшимъ* взвозомъ. Сто́итъ хорошо всмотрѣться въ мѣстность, и мы увидимъ, что дорога эта шла съ Подола отъ нынѣшняго Житнаго Торга, между горами Киселевкою и Скавикою, потомъ поворачивала на лѣво, вдоль горы Киселевки, по урочищу Кожемякамъ и, мало по малу поднимаясь, выходила до того мѣста, гдѣ еще до 1856 г. существовали Батыевы, или Софійскія древнія Врата на Старомъ Городѣ. Теперь все разрыто, сглажено и застроено; но еще не такъ давно дорога эта существовала, и хотя ее вовсе не поддерживали, однако она, по естественному положенію своему была гораздо удобнѣе, нежели Андреевскій взвозъ. Дорога эта намъ очень извѣстна; въ продолженіи четырехъ лѣтъ путешествовали мы по ней каждый день отъ Скавики до Гимназіи на Кловѣ. Она начерчена и на превосходномъ планѣ Кіева, гравированномъ при Военно-Топографическомъ Депо и изданномъ въ 1846 году. Начиналась она недалеко отъ такъ называемыхъ Батыевыхъ воротъ и церкви Св. Іоанна Златоустаго, имѣла вправо (къ сѣверовостоку) валы, окружавшія Десятинную церковь, мимо коихъ спускалась на Кожемяки. Мы увѣрены, что всѣ старожилы хорошо ее помнятъ. На позднѣйшей поправкѣ упомянутаго выше плана, приложеннаго при Фундуклеевскомъ изданіи Статистическаго Описанія Кіевской губерніи, дорога эта уже не показана, потому что ее стали уничтожать.

Намъ могутъ однакоже возразить еще слѣдующее: „Мы знаемъ, что въ древности по Боричеву Взвозу проходила дорога со Стараго Кіева на Подолъ. Но судя по теперешнему его положенію, безъ свидѣтельства Несторовой Лѣтописи, этого никакъ не можно было бы допустить, потому что этотъ взвозъ чрезвычайно изрытъ, засыпанъ и застроенъ. Тоже самое могло быть и съ Андреевскимъ взвозомъ, что въ древности онъ былъ удобенъ, а теперь нѣтъ.“ — На это мы скажемъ: Лѣтописи говорятъ, что по Боричеву Взвозу проходила дорога, и это для насъ составляетъ историческую аксіому, въ которой нѣтъ никакой надобности сомнѣваться. Но объ Андреевскомъ взвозѣ рѣшительно ни въ какой Лѣтописи не упоминается, и позднѣйшія всѣ свидѣтельства, и то съ XVIII столѣтія, говорятъ, что онъ былъ крайне неудобенъ. Поэтому естественно принять, что въ древности на немъ вовсе не было дороги.

Да не посѣтуетъ читатель на насъ, что мы утомляемъ его вниманіе такими мелочами. Но эти мелочи ведутъ къ вѣрной цѣли, они подаютъ намъ средство съ увѣренностію назначить мѣсто изчезнувшаго какого либо древняго памятника. Путь этотъ труднѣе, но гораздо безопаснѣе всякаго голословнаго утвержденія, которое, при появленіи перваго дѣйствительнаго документа, разсыпается въ прахъ.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію словъ отца Аѳанасія Кальнофойскаго. Этотъ почтенный инокъ Печерскій, сочинившій на Польскомъ языкѣ книгу *Тератургима*, при объясненіи своего чертежа, упоминаетъ и о Кіевскихъ церквахъ. Онъ начинаетъ, разумѣется, Лаврою, въ которой онъ жилъ, и описываетъ ее съ большою подробностію, за что и ему большое спасибо; потому что мы въ состояніи теперь судить о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произошли въ Печерской обители въ продолженіи болѣе двухъ сотъ лѣтъ. Послѣ Лавры онъ, выставляя цифры для указанія ихъ на своемъ планѣ, который сдѣланъ съ точки зрѣнія птичьяго полета (Vogel-Perspectiv), говоритъ о Кіевскихъ церквахъ въ слѣдующемъ порядкѣ: № 38 Дѣвичій монастырь (Вознесенскій, близъ Лавры); 43 Развалины Спаской церкви; 44 Церковь Св. Николая Пустыннаго; 46 указывая на Днѣпровскій перевозъ, оканчиваетъ описаніе Печерска. Въ номерѣ 47, указывая на Большіе Валы, переходитъ онъ на Старый Кіевъ; 48 Церковь Св. Софіи; 49 Михайловскій монастырь; 50 Развалины церкви Св. Ѳеодора Тирона; 51 Церковь Св. Василія (Трехсвятительская); 52. Церковь Пресвятыя Богородицы, Десятинная; 53 *Церковь Св. Симеона надъ самымъ Подоломъ; а прочія лежатъ подъ холмами кажется на вѣкъ погребены*; 54 *Отъ нихъ воротами мимо За́мка на высокой горѣ воздвигнутаго, внизъ съѣздъ до жалостнаго Кіевоподола, который въ нынѣшнемъ состояніи едвали достоинъ своего древняго имени Кіева* и пр. (Опис. К. Лавры. стр. 313). Въ оригиналѣ: „Cerkiew S° Simeona nad samym Kijowem, a drugie mogiłami leżą, podobno na wieki przywalone. 54 Z tych Brama mimo Zamek na wysokiey gorze erigowany w doł sie spuśćić do opłakanego Kijowa, ponieważ starego teraznieyszy zaledwie imienia godzien", и проч. (стр. 26).

Разсмотримъ указаніе Кальнофойскаго: По словамъ его церковь Св. Симеона, покрайней мѣрѣ ея развалины существовали и въ его время (1638 г.); но развалины эти не дошли до насъ, а слова его, ясныя для его современниковъ, для насъ не совсѣмъ ясны; самый же планъ, нарисованный этимъ монахомъ, для оріентированія отдаленныхъ отъ Лавры церквей, не приноситъ рѣшительно никакой пользы. Порядокъ, въ какомъ Кальнофойскій указываетъ на церкви, только кажущійся. Иное онъ пропускаетъ и дѣлаетъ скачки. Такъ отъ Пустыннаго Николая до Большихъ Валовъ на Старомъ городѣ онъ пропустилъ Столпъ (Słup), Кловъ, Крещатикъ (Св. Мѣсто). Отъ Михайловскаго монастыря онъ обратился къ церкви Св. Ѳеодора, а потомъ вернулся назадъ къ церкви Св. Василія. Вслѣдъ за Десятинною церковію упоминаетъ о церкви Св. Симеона, какъ будьто она была подлѣ нея. (Вотъ происхожденіе ошибки Берлинскаго, а за нимъ и Максимовича; но объ этомъ ниже). Од-

нако и тутъ стóитъ только со вниманіемъ прочитать слова Кальнофойскаго, чтобы прійти къ разумному результату. И такъ: *Церковь Св. Симеона надъ самымъ Подоломъ* (Kijowem). Мы выше видѣли, что при Розвидовскомъ, слѣдовательно и при Кальнофойскомъ Андреевскаго взвоза еще не могло быть; но отецъ Аѳанасій отправляется со Стараго Кіева на Подолъ; а какъ онъ самъ говоритъ, что онъ шелъ мимо За́мка, то ясно, что онъ отправился Кожемяками по той дорогѣ, которую мы выше описали и сами по ней долго ходили. *А прочія лежатъ подъ холмами* (mogiłami leżą), *кажется на вѣкъ погребены*, (т. е. прочія церкви лежатъ въ развалинахъ) *Отъ нихъ воротами мимо За́мка.* И такъ *Отъ нихъ*, т, е, отъ развалинъ (могилъ) *воротами.* Какъ ясно намекаетъ онъ на *Врата Подольскія въ Копыревъ Концѣ!* Стало быть и въ его время существовали въ оградѣ или палисадникѣ Подольскія ворота. *Мимо За́мка*, по правой рукѣ, идя Кожемяками на Подолъ, *на высокой горѣ воздвигнутаго.* Гора эта въ его время носила названіе Здыхальницы, а послѣ Адама Киселя стала называться до нашего времени Киселевкою, *внизъ съѣздъ до жалостнаго Подола.* Мы останавливаемся на его выраженіяхъ: *надъ самымъ Подоломъ* (nad samym Kijowem).... и *Внизъ съѣздъ до жалостнаго Подола* (w doł się spuścić do opłakanego Kijowa), значитъ развалины церкви Св. Симеона находились *выше* Подола. Такъ оно и теперь, по дорогѣ со Стараго Города черезъ Кожемяки. То мѣсто, гдѣ горы Киселевка и Скавика находятся въ наибольшей близости, гдѣ начинаются и граничатъ урочища Кожемяки и Глубочица, это пространство и теперь выше Подола, оттуда течетъ и ручей Глубочица на Подолъ; въ старйну оно было еще выше. Слѣдовательно *на этомъ-то мѣстѣ* былъ Копыревъ Конецъ.

Мы исчисли всѣ *проѣзжія* дороги. Болѣе въ наше время никакихъ не находится. Мы видѣли, что изъ показанныхъ нами, существовали въ древности только двѣ: *Глубочицкая* въ Бѣлогородку и *Цареконстантиновская* въ Вышгородъ. Поэтому, взвѣсивъ свидѣтельства Лѣтописей и обсудивъ мѣстность Кіева, намъ представляется слѣдующій

III. РЕЗУЛЬТАТЪ.

Изъ всѣхъ, приведенныхъ нами текстовъ Лѣтописи, (которые, замѣтимъ мимоходомъ, составляютъ для насъ неопровержимые документы), явствуетъ слѣдующее:

1) Что Копыревъ Конецъ составлялъ часть древняго Кіева, и именно Кіево-Подола. *Ста у Города, въ Копыревѣ Конци.* 1140 г.

2) Что этотъ *Конецъ* составлялъ предмѣстіе (Vorstadt, Faubourg) Кіево-Подола. *Дворы, иже суть передъ Городомъ въ Копыревѣ Конци.* 1140 г.

3) Что положеніе этого предмѣстія было *выше* Подола. *Церковь Св. Симеона надъ самымъ Подоломъ* (Kijowem). Кальнофойскій.

4) Что въ Копыревѣ Концѣ находились: Церковь Св. Іоанна, и

именно подъ горою Скавикою, вблизи нынѣшняго Житнаго Торга. *Заложи* (кто-то) *церковь Св. Ивана въ Копыревѣ Конци.* 1121 г. *Отъ Олговы могилы оли и въ огородъ Св. Іоана, сьмо до Щьковицѣ.* 1151 г.

5) Церковь съ монастыремъ Св. Симеона. *Посла въ манастырь къ Святому Симиону, иже есть въ Копыревѣ Конци.* 1162 г.

6) Городскія ворота, ведущія непосредственно изъ Копырева Конца на Подолъ. *Отвориша Кыяне* (Роману, кн. Галицкому) *ворота Подольская и въѣха* (Романъ) *въ Подолье.* 1202 г.

7) Копыревъ Конецъ находился на той сторонѣ Кіево-Подола, въ которой сходились двѣ дороги, какъ то: одна, идущая на западъ ко Львову (Житомиру, Бѣлогородкѣ). Она отъ Подола проходила по Глубочицѣ, близъ коей соединялась съ Житомирскимъ трактомъ. *И ѣха Романъ* (Галицкій) *къ Кыеву,* (слѣдовательно по Житомирскому тракту) *и отвориша ему Кыяне Ворота Подольская въ Копыревѣ Конци.* Слѣдовательно на теперешнемъ Житнемъ Торгу, котораго онъ достигъ по Глубочицѣ. 1202 г. — Другая дорога, идущая отъ Копырева Конца на сѣверъ, вела по теперешней Цареконстантиновской улицѣ въ Вышгородъ. *Пойде Всеволодъ изъ Вышегорода къ Кыеву, и пришедъ ста у Города въ Копыревѣ Конци.* 1140 г.

8) Изъ всего, сказаннаго выше, слѣдуетъ, что предмѣстіе, называемое Копыревымъ Концемъ, находилось тамъ, гдѣ теперь соединяются Глубочица съ Кожемяками, или другими словами: тамъ, гдѣ существуетъ самое меньшее разстояніе между горами Киселевкою и Скавикою; а Врата Подольскія стояли на мѣстѣ нынѣшняго Житнаго Торга. Заключеніе это удовлетворяетъ всѣмъ обстоятельствамъ, упоминаемымъ въ приведенныхъ текстахъ Лѣтописей, и именно: 1) Здѣсь сходятся дороги Бѣлгородская и Вышгородская. 2) Здѣсь удобно было отъ одной горы до другой загородить Подолъ *столпіемъ* (острогомъ); въ оградѣ этой, разумѣется, были и *Ворота Подольскія,* 3) Кромѣ упоминаемыхъ въ Лѣтописяхъ двухъ проѣзжихъ дорогъ на Подолъ, и кромѣ еще одной (внутренней), которая вела со Стараго Кіева черезъ Кожемяки на Подолъ, другихъ (внѣшнихъ) дорогъ вовсе не было и быть не могло. Перевозъ черезъ Почаину и Днѣпръ противъ Боричева Взвоза не касается настоящаго вопроса.

И такъ, на основаніи предложенныхъ свидѣтельствъ, вывели мы заключеніе о *мѣстѣ* бывшаго Копырева Конца. Одни только дѣйствительные документы, еслибы они современемъ открылись, могутъ уяснить это мнѣніе. Но голословныя предположенія, неподкрѣпленныя доказательствами, не можно было принимать въ расчетъ. Что касается до обители Св. Симеона, то извѣстно, что она была въ Копыревѣ Концѣ (См. тексты подъ 1150 и 1162 г.) и мы думаемъ — но не болѣе, — что она стояла въ древности на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Крестовоздвиженская церковь съ придѣломъ Св. Михаила на Кожемякахъ; потому что Православные искони имѣли обыкновеніе воздвигать церкви на

тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ уже прежде были храмы Божіи; Церковь же Св. Іоанна была ближе къ горѣ Скавикѣ, недалеко отъ Симеоновскаго монастыря. Можетъ быть отъ этой церкви въ 1182 г. пресвитеръ Василій былъ избранъ Печерскою братіею во игумена [1]).

IV. МНѢНІЯ ПИСАТЕЛЕЙ.

Теперь разсмотримъ мнѣнія новѣйшихъ писателей; объясняютъ ли они *удовлетворительно* текстъ нашихъ Лѣтописей.

Обитель Св. Симена была въ Копыревѣ Концѣ. Свѣдѣніе объ этомъ обстоятельствѣ находится въ Ипатіевскомъ спискѣ, который изданъ въ 1843 г. Безсмертный нашъ историкъ Н. М. Карамзинъ называетъ Ипатіевскій списокъ Кіевскою Лѣтописью и упоминаемое выше свѣдѣніе о монастырѣ Св. Симеона въ Копыревѣ Концѣ сообщаетъ въ 401 примѣчаніи своего втораго тома. Первые томы исторіи Карамзина стали выходить въ свѣтъ съ 1816 г., а Описаніе Кіева Берлинскаго издано въ 1820 г., слѣдовательно бывшій мой почтенный наставникъ, Максимъ Ѳедоровичъ Берлинскій, могъ и долженъ бы знать это обстоятельство, но не зналъ его. Вотъ доказательство: Копыревъ Конецъ, по его мнѣнію, находился на Цареконстантиновской улицѣ, (Опис. Кіев. стр. 115 и 187) и, судя по Славянской цифрѣ (39), которую онъ выставилъ на своемъ планѣ, Копыревъ Конецъ полагалъ онъ противъ *Юрковицы*, или на томъ мѣстѣ, гдѣ по плану 1745 г. означены *Іорданскія Ворота.* (Обозрѣн. Кіева, Журавскаго, изд. Фундуклея). Между тѣмъ положеніе бывшей Симеоновской церкви назначилъ онъ ровно за семьсотъ саженъ, слѣдовательно болѣе версты отъ Копырева Конца, и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается спускъ съ Андреевской горы на Подолъ, (въ текстѣ стр. 72 и 181, а на его планѣ Славянская цифра 33), то есть, на такомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ онъ самъ увѣрялъ, были еще въ XVI вѣкѣ топи и болота (стр. 105 и 186); поэтому никакого населенія тамъ и не могло быть. Что же могло побудить его къ такому скачку въ 700 саженъ? — Это произошло очень естественно: Разсматривая свидѣтельство Розвидовскаго, мы выше доказали, что нынѣшняя Киселевка и Здыхальница до 1715 г. составляли *одну* нераздѣльную гору, и что между ними не было никакой дороги. Но Берлинскій не зналъ и этого обстоятельства, потому что о запискахъ Розвидовскаго, помѣщенныхъ въ Описаніи Кіевск. Софіи, публика узнала только по выходѣ въ свѣтъ этого Описанія въ 1825 г. Между тѣмъ давно уже образовались двѣ отдѣльныя горы (Здыхальница и Киселевка) и между ними была уже готовая дорога, какая бы ни было. Берлинскій, при составленіи своего Описанія, пользовался Тератургимою; здѣсь онъ увидѣлъ, что Кальнофойскій, упомянувъ въ своемъ текстѣ о церкви Десятинной, сейчасъ же отправляется на Подолъ, и при окончаніи спуска (дороги) указы-

[1]) См. здѣсь статья Щековица, также Кіевск. Лѣтоп. а за нею и Патерикъ въ Житіи Св. Поликарпа.

ваетъ на церковь Св. Симеона подъ За́мкомъ, который стоялъ на горѣ. Берлинскій воображая, что онъ идетъ по слѣдамъ отца Аѳанасія, также спускается на Подолъ по готовой Андреевской дорогѣ и у подошвы этой горы ставитъ церковь Св. Симеона. Но вотъ бѣда: между двумя описателями протекло 200 лѣтъ! По этой немаловажной причинѣ Берлинскій и не замѣтилъ, что отецъ Аѳанасій спустился на Подолъ по дорогѣ отъ Батыевыхъ Воротъ черезъ Кожемяки, а не по Андреевской, которая тогда и не существовала. Это и было причиною, что Берлинскій сдѣлалъ скачекъ въ 700 саженъ, да кстати сдѣлалъ и другую ошибку, назвавъ Андреевскій взвозъ — для большей важности — древнѣйшимъ! — Въ доказательство онъ два раза ссылается на планъ древняго Кіева, будьто бы находящійся при книгѣ „Patericon,“ изданной митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ въ 1635 г. Это опять ошибка; онъ смѣшалъ Тератургиму съ Патерикономъ. Въ библіотекѣ графа Румянцова, при Московскомъ Музеѣ, есть одинъ экземпляръ Патерикона Сильвестра Ко́ссова, любопытный только по своей старинѣ, но такъ называемаго плана Кіева при этой книгѣ не находится, да его и вовсе не было, потому что нѣтъ ни Descriptii, ни Explicatii на этотъ рисунокъ. Въ Тератургимѣ Кальнофойскаго есть длинное объясненіе: Descriptia Monastyra, Miasteczka y drugich rźeczy aź do samego Kijowa и пр. съ цифрами; слѣдовательно рисунокъ въ Тератургимѣ о. Аѳанасія былъ, но вырванъ, чего нельзя утверждать объ экземплярѣ Патерикона. Планъ Кальнофойскаго представленъ въ копіи преосвящен. Евгеніемъ въ его Описаніи Кіевск. Лавры и въ Обозрѣніи Кіева, изд. Фундуклея. Объ немъ можно не обинуясь сказать, что онъ любопытенъ по рѣдкости, но никуда не годится, потому что сочинители такихъ рисунковъ не имѣли рѣшительно никакого понятія о составленіи топографическихъ плановъ. Они рисовали, что имъ вздумалось, и планы ихъ для насъ составляютъ самыя плохія свидѣтельства. Довольно о Берлинскомъ. Requiescat in pace!

Теперь обращаемся къ мнѣнію Михаила Александровича Максимовича. Да проститъ намъ этотъ ученый мужъ, если мы съ нимъ разойдемся во мнѣніи относительно мѣстоположенія Копырева Конца. Но это впрочемъ не мѣшаетъ намъ сохранить личное наше уваженіе къ заслугамъ его по Исторіи и Языкознанію Южнорусскаго края. Въ первой книгѣ Кіевлянина на 1840 г. пишетъ почтенный авторъ слѣдующее: „Такъ невидно теперь уже слѣда и древней церкви Св. Симеона, еще въ началѣ прошедшаго (?) вѣка стоявшей развалиною надъ Подоломъ на горѣ Вздыхальницѣ (стр. 48).“ Во второй книгѣ своего Кіевлянина на 1841 г. г. Максимовичъ написалъ, на стр. 113-й, о Копыревѣ Концѣ всего 22 строчки. Замѣтимъ здѣсь слѣдующія выраженія: „Упомянутый *топографъ* Кіева“ (т. е. Берлинскій). Далѣе: „Монастырь и церковь Св. Симеона *какъ извѣстно* (??) находились на горѣ Вздыхальницѣ; *слѣдственно* (?) имя Копырева Конца принадлежало той части города, гдѣ находится оконечность Старокіевской горы, надъ которою теперь высится Андреевская церковь и около которой теперь спускается *издревле* (!)

взвозъ на Подолъ, называемый нынѣ Андреевскимъ взвозомъ... Такъ и *означенъ на нашемъ чертежѣ* Стараго Кіева этотъ конецъ Старокіевской горы Уздыхальницы."—Разсмотримъ эти слова: *Невидно слѣда церкви Св. Симеона, еще въ началѣ прошедшаго вѣка стоявшей*. Такъ ли? Послѣдній былъ Кальнофойскій, который извѣстилъ насъ объ этихъ развалинахъ. Кромѣ его, мы никого не знаемъ; но отецъ Аѳанасій видѣлъ ихъ въ 1638 г. т. е. въ семнадцатомъ столѣтіи, а мы живемъ въ девятнадцатомъ; слѣдовательно здѣсь слова *прошедшаго вѣка* составляютъ маленькую ошибку. Далѣе: *Церкви Св. Симеона... стоявшей развалиною надъ Подоломъ на горѣ Вздыхальницѣ*. Не трудно разгадать какими соображеніями руководствовался здѣсь авторъ. Подъ вліяніемъ авторитета Берлинскаго, онъ тоже принялъ Андреевскій взвозъ за *древній*, и также думалъ, что идетъ на Подолъ въ слѣдъ за отцемъ Аѳанасіемъ; осталось только назначить мѣсто бывшаго монастыря Св. Симеона. Но г. Максимовичъ старался быть осторожнѣе своею предшественника. Въ текстѣ Печерскаго инока ясно стоитъ nad samym Kijowem, а потомъ уже слѣдуетъ: Z tych Brama mimo Zamek, т. е. Миновавъ эти развалины, слѣдуютъ ворота городскія мимо За́мка; и наконецъ w doł się spuścić do opłakanego Kijowa. И такъ слова *надъ самымъ Подоломъ* побудили Михаила Александровича монастырь Св. Симеона, поставленный покойнымъ Берлинскимъ у подножія горы, перенести на верхъ Уздыхальницы. Въ слѣдствіе этого перенесенія монастыря, произшедшаго въ первой книгѣ Кіевлянина, авторъ во второй книгѣ уже утвердительно говоритъ: *Монастырь и церковь Св. Симеона, какъ извѣстно, находились на горѣ Вздыхальницѣ, слѣдственно* и проч. Замѣтимъ здѣсь слова *какъ извѣстно!* Мнѣніе почтеннаго автора, что монастырь Св. Симеона находился на горѣ Здыхальницѣ съ появленіемъ первой книги Кіевлянина на 1840 г. стало и публикѣ извѣстнымъ. Это такъ! Но справедливо ли сіе извѣстіе и самое мнѣніе автора? Это совсѣмъ другое дѣло! Г. Максимовичъ не представилъ рѣшительно *никакихъ* доказательствъ, что монастырь Св. Симеона былъ на горѣ Вздыхальницѣ; а на слово, въ этомъ случаѣ, не повѣрятъ никому. Можетъ быть намъ возразятъ, что авторъ основывался на показаніи Кальнофойскаго. Да гдѣ же о. Аѳанасій сказалъ, что монастырь Св Симеона стоитъ на горѣ Здыхальницѣ? Мы нарочно выписали слова польскаго оригинала и Рускій переводъ преосвященнаго Евгенія, издателя Исторіи Кіевской Іерархіи.—Но г. Максимовичъ вдругъ, послѣ словъ *какъ извѣстно*, поставилъ слово *слѣдственно* и такъ далѣе. Нѣтъ Михаилъ Александровичъ! далеко еще до *слѣдственно*. Такъ легко строятся только воздушные замки. Повторяемъ: голословныя увѣренія ни къ чему не ведутъ.—Но согласимся на время, что монастырь *и церковь*—какъ будто монастырь можетъ быть безъ церкви—Св. Симеона былъ на горѣ Здыхальницѣ. Слѣдственно и *Копыревъ Конецъ* помѣщался тамъ же, слѣдственно и *Ворота Подольскія*, бывшія въ Копыревѣ Концѣ, красовались на этой же горѣ. Едва ли можно что либо возразить противъ такого заключенія. Но спросите Кіевлянъ, что они скажутъ на это, еслибы на обры-

вистой горѣ Здыхальницѣ, ниже Андреевской церкви, въ новоразводимомъ саду, вмѣсто легкой бесѣдки, въ одно прекрасное утро, увидѣли они *Врата Подольская*, т. е городскія?—Положимъ что эти городскія ворота Подольскія находились на нынѣшней Андреевской дорогѣ; на мѣстѣ бывшихъ *Драбскихъ* воротъ въ замкѣ [1]); но эта дорога и теперь (1865 г.) весьма неудобна. Мы помнимъ, какъ въ 1820 г., начиная отъ Десятинной церкви, вдоль Андреевской до самой Здыхальницы этотъ спускъ арестанты углубляли, какъ они завалили колодезь, бывшій на этой дорогѣ, между упомянутыми церквами. Берлинскій въ 1820 г. говоритъ объ Андреевскомъ взвозѣ, что онъ *крутъ и невыгоденъ*. Въ 1804 г. былъ онъ еще хуже, и съѣздъ по немъ былъ сопряженъ до того съ опасностію, что люди выходили изъ экипажей и предпочитали сойти на Подолъ пѣшкомъ внизъ. Это пишетъ въ своемъ путешествіи Московскій митрополитъ Платонъ (См. Киселевка § 67, стр. 368). Каковъ же долженъ быть этотъ съѣздъ въ 1638 г.?—Основываясь на выводѣ изъ словъ Розвидовскаго, тамъ вовсе не было съѣзда, а все это мѣсто было загорожено и застроено За́мкомъ. Что же было въ 1202 г., т. е за шестьсотъ лѣтъ до насъ? Не уже ли князь Галицкій Романъ, идущій съ полками своими по Бѣлогородской (Житомирской) дорогѣ, и имѣющій намѣреніе пройти прямо на Подолъ, слѣдовательно, вступившій для этого въ Глубочицкое урочище, вмѣсто того, чтобы идти по ровному мѣсту къ нынѣшнему Житному Торгу, онъ дошедши до Кожемякъ, долженъ былъ взобраться, или вѣрнѣе сказать взлетѣть на отвѣсную Киселевку, для того только, чтобы въ виду всѣхъ Подолянъ, пройти церемоніальнымъ маршемъ чрезъ Ворота Подольскія на горѣ Здыхальницѣ, потомъ съ высоты этой горы въ 30 саженъ соскочить на Подолъ! Вотъ до чего привело не ясно понятое выраженіе Кальнофойскаго *надъ самымъ Подоломъ*, Въ 1-ой кн. Кіевлянина г. Максимовичъ бывшія *Софійскія* или *Батыевы* ворота назвалъ неправильно *Кіевскими* (стр. 19) потому, что это опровергается словами *Росписи Киеву* 1682 г. [2]); но тутъ же, въ примѣчаніи 8-мъ, поправляя себя, сдѣлалъ новую ошибку. Онъ пишетъ: *Но въ 17-мъ вѣкѣ воротами Кіевскими назывались, кажется, тѣ, которыя стояли надъ Андреевскимъ взвозомъ; ибо въ Патерикѣ Коссова упоминается о развалинахъ Десятинной церкви возлѣ нынѣшней брамы Кіевской, на горѣ стоящей.* Не споримъ, потому что *Роспись Киеву* не говоритъ объ этомъ ясно. Но далѣе: *Можетъ быть сіи ворота въ древности назывались Подольскими*, (стр. 51) Вотъ гдѣ ошибка! И для большаго опроверженія самаго себя привелъ текстъ Лѣтописи: „*Отвориша ему* (Роману) *Кіяне ворота Подольская въ Копыревѣ Конци.*“ Ясно, что ворота Подольскія должны быть на Подолѣ, а не на Старомъ Кіевѣ; но допустимъ послѣднее, то князь Романъ, пришедши на Старый Кіевъ, положимъ Львовскими воротами, пройдя Старый Городъ во всю длину, спустился теперешнимъ Андреевскимъ

[1]) См. выше стр. 361, 368, 371 и 372. [2]) См. объ этомъ подробнѣе въ статьѣ Кіевъ (Ворота) § 69 и Софія § 121.

взвозомъ, по словамъ г. Максимовича, *Подольскими* воротами, на Подолъ, посылаетъ съ Подола опять на Старый Кіевъ дать знать о себѣ, что онъ уже прибылъ въ Кіевъ: *И посла на Гору къ Рюрикови* и пр. Выходитъ удивительная несообразность! Берлинскій былъ гораздо осторожнѣе. — Въ заключеніе еще два замѣчанія: 1) Что авторъ могъ составить чертежъ Стараго Кіева по своему усмотрѣнію и потомъ на него ссылаться — это вольно всякому; но не всегда служитъ доказательствомъ справедливости, и 2) М. Ѳ. Берлинскаго *топографомъ* называть не слѣдуетъ. Есть въ Петербургѣ Военно-Топографическое Депо при Главномъ Штабѣ, гдѣ обучаются землемѣры, снимаютъ, чертятъ и гравируютъ планы и карты. Вотъ настоящіе топографы, а Берлинскій былъ описатель старины Кіевской. Слово *топографъ* у г. Максимовича подхватилъ и г. Сементовскій, и повторилъ его нѣсколько разъ (стр. 107, 129), такъ оно ему понравилось; но это названіе неудачно. Теперь обратимся къ новѣйшей статьѣ Михаила Александровича:

Зная все несовершенство труда человѣческаго, зная по опыту, какъ легко впасть въ одностороннія сужденія и даже заблужденія, мы очень далеки отъ той мысли, чтобы почитать статью нашу о Копыревѣ Концѣ за нѣчто безукоризненное; напротивъ того готовы охотно отказаться отъ нашего мнѣнія, если *разумно и убѣдительно докажутъ* невѣрность нашихъ результатовъ. Въ такомъ смыслѣ встрѣтили мы статью г. Максимовича *о мѣстѣ Кіевской церкви Св. Андрея* [1]). Въ этой статьѣ, кромѣ Андреевской церкви, многое говорится о Крестовоздвиженской (срав. у насъ § 79), о Копыревѣ Концѣ и о другихъ предметахъ, столь важныхъ и близкихъ для описателя Кіева. Съ особеннымъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ важность предмета, и съ уваженіемъ, какое подобаетъ любителю, знатоку и изыскателю Кіевскихъ Древностей, Михаилу Александровичу, мы изучали его статью, именно для той цѣли, чтобы по ней исправить собственныя наши ошибки и недостатки, незамѣченные нами. Но должны откровенно сказать, что статья его *о мѣстѣ Кіевской церкви Св. Андрея* и проч. не въ состояніи была убѣдить насъ въ томъ, что результаты его изысканій, относительно Копырева Конца и другихъ предметовъ, вѣрнѣе нашихъ. Не изъ суетнаго авторскаго самолюбія, но изъ чистой любви къ истинѣ, мы должны были остаться при своихъ мнѣніяхъ, которыя мы выразили въ настоящемъ нашемъ сочиненіи. Г. Максимовичъ ссылается иногда на наше Описаніе Кіева. Здѣсь мы должны оговориться. Хотя Описаніе наше вышло лишь въ 1858 г., но оно отдано было въ печать еще въ 1848 г. и, по странному случаю, десять лѣтъ лежало въ заперти и подъ печатью. Съ 1847 г. въ нашей рукописи мы не могли перемѣнить ни одного слова, однако же продолжали изучать свой предметъ. Необходимымъ слѣдствіемъ было то, что, при точнѣйшемъ обзорѣ предмета, мы должны были о нѣкоторыхъ Кіевскихъ Древностяхъ измѣнить или,

[1]) Помѣщенную въ Кіев епарх. Вѣдом 1866 г. за іюнь. № 11. стр. 350—358.

по нашему понятію, исправить прежнее свое мнѣніе. Насколько мы успѣли въ этомъ, предоставляемъ суду безпристрастнаго читателя. — Въ новой статьѣ г. Максимовичъ, въ отношеніи Копырева Конца, остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, которое высказалъ онъ въ 1-й кн. Кіевлянина на 1840 г.; посему нѣтъ надобности повторять тоже самое, что мы въ настоящемъ параграфѣ высказали о его разысканіяхъ. Если не ошибаемся, то все изслѣдованіе свое о Копыревѣ Концѣ почтенный авторъ основалъ на невѣрномъ пониманіи словъ отца Аѳанасія Кальнофойскаго *надъ самымъ Подоломъ*. Здѣсь содержится весь ключъ къ его выводамъ. Очевидно онъ былъ увлеченъ авторитетомъ Берлинскаго, и послѣдовалъ за нимъ по Андреевскому взвозу, котораго при Кальнофойскомъ еще не было, потому, что онъ былъ загороженъ За́мкомъ. М. А. замѣтилъ ошибку Берлинскаго, хотѣлъ ее исправить и — сдѣлалъ новую. Но объ всемъ этомъ было уже говорено. Теперь, во главу угла своего зданія, авторъ выставилъ новое доказательство. Вотъ слова его: „Указаніе на Симеоновскую церковь сохранилось въ житіи Св. Владиміра, помѣщенномъ въ *Пчелѣ*, извѣстной по списку, сдѣланному въ Крупичь-Полѣ 1679 года [1]). Тамъ о Св. Андреѣ Первозванномъ сказано: „пришедши на горы Кіевскіи, благословивъ ихъ, и крестъ святый на нихъ, *гдѣ теперь церковь Св. Симеона стоить*, поставилъ.“ Изъ Тератургимы Аѳанасія Кальнофойскаго, изданной въ Кіевѣ 1638 г., видно, что въ то время, въ числѣ шести *Старокіевскихъ* церквей, стояла еще церковь Св. Симеона *надъ самымъ Кіевомъ* (т. е. Подоломъ). „Отъ нихъ (т. е. отъ Старокіевскихъ церквей) — говоритъ Кальнофойскій — *воротами*, мимо замка, на высокой горѣ воздвигнутаго, сходитъ дорога до плачевнаго *Кіева* (*Подола*), нынѣ едва ли достойнаго называться именемъ прежняго Кіева.“ Тутъ разумѣется (?) *Андреевскій* взвозъ, идущій на Подолъ мимо горы Киселевки, на которой стоялъ Кіевскій замокъ. — Имѣя въ виду эти современныя указанія Пчелы и Тератургимы на церковь Св. Симеона, я полагаю несомнѣнно (!?) что она стояла на томъ самомъ концѣ Стараго Кіева, на которомъ нынѣ возвышается церковь Андреевская.“ (!) Довольно пока для насъ и этого.

Заимствованное г. Максимовичемъ изъ рукописнаго сборника, подъ названіемъ *Пчела*, новое доказательство, въ защиту его прежняго мнѣнія, съ перваго взгляда кажется столь полновѣснымъ и основательнымъ, что противъ него и возражать не можно. Чего же больше хотѣть, когда составитель *Пчелы*, который могъ быть даже очевидцемъ, говоритъ, что на *Анрдеевской горѣ стоитъ церковь Св. Симеона*! — Не смотря однакожъ на кажущееся торжество автора, мы осмѣлимся подвергнуть это новое свидѣтельство ближайшему разсмотрѣнію.

Кромѣ этого главнаго доказательства, желая увеличить силу своихъ доводовъ, притомъ же разыскивая то мѣсто, на которомъ Св. Апостолъ (по преданію) водрузилъ крестъ на Старомъ Кіевѣ, авторъ привелъ

[1]) Объ этой Пчелѣ мы подробнѣе говоримъ въ § 79. Крестовоздвиженская церковь.

нѣсколько другихъ свидѣтельствъ, какъ то: а) Въ Густинской Лѣтописи, составленной въ 1670 г., говорится, что Св. Андрей *пришедъ, идѣже нынѣ горы Кіевскія, ихъ же благословивъ и крестъ на нихъ водрузи недалече нынѣшней брамы* (воротъ городскихъ) *отъ полудня* [1]. б) Южнорусскій Лѣтописецъ, тоже 17-го вѣка, пишетъ: *Вшедши* (Св. Ап. Андрей) *на гору, подлѣ которой теперь брама Кіевская стоить, и церковь Воздвиженія креста святаго, благословилъ и крестъ поставилъ* [2]. Къ этому прибавимъ мы в) изъ Синопсиса 1674 г. *И возшедъ* (Св. Андрей) *на тѣжде горы, благослови ихъ и крестъ водрузи на мѣстѣ, идѣже посемъ церковь Воздвиженія Креста Господня сооружися* [3]. Такимъ образомъ авторъ подалъ поводъ къ слѣдующимъ соображеніямъ:

1). Разсматривая слова Кальнофойскаго, мы выше сего привели въ оригиналѣ полный текстъ изъ его Тератургимы, касающійся церкви Св. Симеона; вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно показали, что изъ словъ его нельзя вывести заключенія, что церковь Св. Симеона была на Старомъ Кіевѣ. Между тѣмъ г. Максимовичъ *утвердительно* говоритъ: „Изъ Тератургимы видно, что въ то время (1638 г.) *въ числѣ шести Старокіевскихъ* церквей, *стояла еще церковь Св. Симеона* надъ самымъ Кіевомъ.“ Вотъ какъ различно, даже противуположно понимаютъ одного и того же автора!

2) Впрочемъ слова Кальнофойскаго далеко не такъ важны въ этомъ отношеніи, какъ показаніе нашихъ древнихъ Лѣтописей, которыя ясно и убѣдительно говорятъ, что церковь Св. Симеона была въ Копыревѣ Концѣ, а Копыревъ Конецъ былъ на Подолѣ, а не на Старомъ Кіевѣ. Особенно см. текстъ подъ 1140 г. *Пойде Всеволодъ Олговичь изъ Вышегорода къ Кыеву* и проч. См. въ настоящемъ 75-мъ параграфѣ выше: I) Свидѣтельство Лѣтописей, стр. 392.— Между тѣмъ г. Максимовичъ привелъ этотъ же самый текстъ, какъ доказательство, что *Копыревъ Конецъ былъ на Старомъ Кіевѣ*, и не замѣтилъ, что этимъ онъ сильно повредилъ своему дѣлу: потому что если согласиться съ авторомъ, въ такомъ случаѣ должно принять, что Кіево-Подолъ въ 12-мъ вѣкѣ вовсе не существовалъ, что это было чистое поле. Иначе, какъ могъ бы Всеволодъ съ войскомъ, со стороны Оболони, достигнуть Стараго Кіева, на касаясь Подола, который былъ кромѣ того *загороженъ столпіемъ отъ горы* (Скавики) *оли и до Днѣпра* (1161 г.) Не есть ли это явная несообразность?

3) Выше видѣли мы четыре свидѣтельства изъ Лѣтописей 17-го вѣка, изъ коихъ въ Южнорусскомъ Лѣтописцѣ и въ Синопсисѣ именно говорится, что на Старомъ Кіевѣ, *недалече брамы*, стояла Церковь Воздвиженія Св. Креста. Въ Густинской Лѣтописи говорится только о *брамѣ*; но въ Пчелѣ, вмѣсто Воздвиженской церкви, показана на Старомъ Кіевѣ церковь Св. Симеона! Такое противорѣчіе современниковъ

[1]) Ипатіевск. стр. 251. [2]) Кіев. епар. Вѣд. 1866 г. стр. 354. [3]) Синопсисъ, изд. 2. стр. 14.

весьма замѣчательно. Тутъ должно быть одно изъ двухъ: если одна сторона говоритъ правду, то другая лжетъ. На чьей же сторонѣ справедливость? — Южнорусскій Лѣтописецъ, по причинѣ близости мѣста, *могъ* знать Кіевъ. Иннокентій Гизель *жилъ* въ Кіевѣ, слѣдовательно зналъ этотъ городъ. Кромѣ того существуютъ *официальныя* акты (См. § 79) — все это единогласно говоритъ, что на Старомъ Кіевѣ была церковь Воздвиженія Св. Креста. Одинъ только составитель Пчелы, написавшій ее въ какомъ-то невѣдомомъ Крупичь-Полѣ, говоритъ, что на Старомъ Кіевѣ была церковь Св. Симеона. По этой причинѣ показаніе его есть явная выдумка, незаслуживающая быть свидѣтельствомъ. Слѣдовательно и въ новой статьѣ почтеннаго автора главное доказательство его оказалось далеко неудовлетворительнымъ. Послѣ всего этого прочіе доводы автора можно пройти молчаніемъ.

Г. Журавскій, какъ видно изъ его, впрочемъ весьма добросовѣстнаго сочиненія, не посвящалъ себя исключительно изученію Кіевскихъ Древностей; на долю его пришлось обработывать огромную массу статистическихъ свѣдѣній по Кіевской губерніи; поэтому онъ въ „Обозрѣніи Кіева“ довольствовался о Копыревѣ Концѣ мнѣніемъ г. Максимовича.

Г. Сементовскій, составляя свой „Кіевъ и его Святыня,“ и видя одно и тоже у Максимовича и Журавскаго, безъ дальнихъ околичностей, по обыкновенію своему, воспользовался готовымъ Оно и легче списать, что попадется; а потому здѣсь и разбирать нечего.

Только Л. Похилевичъ недавно выступилъ съ самостоятельнымъ мнѣніемъ о нашемъ предметѣ. Въ № 23-мъ Кіевск. губер. Вѣдом. за 1865 г., описывая церковь Вознесенія Господня на Кудрявцѣ, прибавляетъ слѣдующее: „По нѣкоторымъ остаткамъ каменныхъ фундаментовъ, должно заключить, что и въ болѣе отдаленную эпоху, близъ церкви, въ 80 саженяхъ къ сѣверозападу, на оконечности возвышенія, была большая каменная церковь, обсаженная липами (!) Не есть ли это *Семіоновскій* (такъ стоитъ въ оригиналѣ) монастырь *надъ* (??) Копыревымъ Концемъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ.“ — Быть можетъ, въ этихъ развалинахъ *погребено* что нибудь другое, но не Копыревъ Конецъ.

§ 76. копылово.

Урочище это находится внѣ Кіево-Подола, на сѣверозападной сторонѣ, за Кирилловскимъ упраздненнымъ монастыремъ, близъ урочища *Сырецъ*. Это есть открытое поле. Неизвѣстно, отъ чего произошло названіе. Ср. § 114. Преварка и Куреневка.

§. 77. красница.

Довольно видимъ мы примѣровъ въ Исторіи, что подъ стѣнами славныхъ монастырей, какъ для защиты и убѣжища, такъ и ради по-

мощи, селились люди и такимъ образомъ происходили посады и мѣстечки. Подъ стѣнами Печерской Лавры вѣроятно еще въ 12-мъ столѣтіи образовалось селеніе, которое въ 17-мъ было уже довольно обширно. Въ 14-мъ вѣкѣ около знаменитаго Троицко-Сергіева монастыря получилъ начало свое Троицкій Посадъ; такимъ же образомъ произошелъ Почаевъ и проч. Возлѣ Пустынно-Николаевскаго монастыря было селеніе, которое Лерхе [1]) въ 1770 г. называлъ уже *Старою Слободою*; въ послѣдствіи она вошла въ составъ Печерска и образовала Николаевскую улицу. Бѣдные люди строили свои хижины за Николаевскимъ монастыремъ (теперешнимъ Военнымъ Соборомъ), на горномъ уступѣ, близъ Аскольдовой могилы, и селеніе это получило названіе *Красницы*. Оно состояло едва ли изъ нѣсколькихъ десятковъ хижинъ. Мимо этого селенія былъ *Спасскій Взвозъ*, а внизу переѣздъ чрезъ рѣку Днѣпръ. Въ 1809 г. для сокращенія, по Неводницкой пристани, дальняго пути, была возобновлена Спасская дорога на гору съ деревянною мостовою, однако по причинѣ крутизны, вскорѣ оставлена. Но когда въ 1848 г. начата постройка чрезъ Днѣпръ постояннаго Цѣпнаго Моста, то Спасскій взъѣздъ или Спускъ опять (въ 1852 г.) возобновленъ; и въ это время селеніе Красница уничтожено.

§ 78. Красный княжій дворъ.

Время построенія этого Дворца неизвѣстно намъ, но должно думать, что оный основанъ въ 1070 г. одновременно съ построеніемъ Княземъ Всеволодомъ церкви Св. Михаила въ Выдубичахъ. Подъ 1096 г. *Тогда же зажгоша Дворъ Красный* (т. е. красивый, прекрасный, великолѣпный), *его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи. То все оканьнии Половци запалиша огнемъ.* (Лаврент. стр. 99.) Изъ Ипатіевской Лѣтописи видно, что Дворецъ этотъ особенно нравился Великому Князю Кіевскому Юрію Владиміровичу Долгорукому. Въ это время несчастная столица *Рускыя земля*, *мать градовъ Рускыхъ*, безпрестанно переходила изъ рукъ въ руки и мѣняла своихъ повелителей. Юрій Долгорукій утвердился было въ 1150 г. на великокняжескомъ престолѣ и въ Красномъ Дворцѣ отдыхалъ на лаврахъ своихъ, оставивъ сына своего Бориса въ Бѣлѣгородѣ (Бѣлогородкѣ), какъ въ передовомъ охранномъ мѣстѣ для столицы. Но сынъ этотъ не уступалъ отцу своему въ любви къ напиткамъ, *піяшеть на сѣньници съ дружиною своею и съ попы Бѣлогородьскыми*; поэтому не могъ устеречь приближенія передоваго войска Изяславова, *бѣжа изъ Бѣлагорода..... и прибѣже къ отцю своему. Въ то же веремя Гюрги бяше на Красномъ Двори. Борисъ же рече: О, се рать! Гюрги же то слышавъ, не може собѣ ничимъ же помочи, въсѣдъ у насадъ* (лодку) *бѣжа на* **ОНУ**

[1]) См. выше стр. 84

сторону; (слѣдственно Лѣтописецъ жилъ въ Кіевѣ), и *вѣха въ Городокъ* (стр. 56). Князь Юрій Владиміровичъ не могъ возбудить къ себѣ любви Кіевлянъ; это нерасположеніе они доказали и по смерти его въ 1158 г. *Пивъ бо Гюрги въ осменика у Петрила, въ тъ день на ночь разболѣся..... и преставися... и много зла створися въ той день: розъграбиша Дворъ его Красный, и другыи Дворъ его за Днѣпромъ розъграбиша, его же звашеть самъ* (Юрій) *Раемъ* (стр. 81). Названіе *Краснаго* дано этому загородному Дворцу вѣроятно по его красивому мѣстоположенію, или по роскошной постройкѣ.

Вокругъ Выдубицкаго монастыря попадается много слѣдовъ жилыхъ мѣстъ, а посему нельзя утвердительно сказать, гдѣ находился Всеволодовъ Дворецъ. Судя по мѣстоположенію холмовъ, можно думать, что Дворецъ этотъ былъ на возвышенности къ сѣверу отъ монастыря; потому что это мѣсто, кажется, самое приличное для него. Такъ думалъ Берлинскій (стр. 52 и 172), а Михаилъ Максимовичъ полагаетъ мѣсто сего Дворца съ полуденной стороны монастыря; а за нимъ и г. Журавскій [1]). Впрочемъ мнѣніе Берлинскаго вѣроятнѣе, потому что съ сѣверной стороны монастыря мѣста болѣе и удобнѣе для княжескаго Дворца. Срав. § 33. Выдубицкій монастырь и § 57. Звѣринецъ.

§ 79. КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

а) древняя на Старомъ городѣ, б) позднѣйшаго времени на Кожемякахъ.

Прежде всего обратимъ вниманіе наше на преданіе Несторово о путешествіи Св. Апостола Андрея по горамъ Кіевскимъ, и разсмотримъ, какимъ мнѣніемъ руководствовались Кіевляне во всѣ времена объ этомъ преданіи. Преп. Несторъ пишетъ слѣдующее: *Якоже рѣша: Ондрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему въ Корсунь, увѣдѣ, яко изъ Корсуня близъ устье Днѣпрьское; въсхотѣ поити въ Римъ, и приде въ устье Днѣпрьское; оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: „Видите ли горы сия? Яко на сихъ горахъ возсияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ въздвигнути имать.“ Въшедъ на горы сия, благослови я́, постави крестъ, и помоливъся Богу́, и сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть Кыевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И пришедъ въ Словѣни, идѣже нынѣ Новъгородъ* и проч. [2]).

Въ параграфѣ 75-мъ (Копыревъ Конецъ) мы имѣли случай говорить о новой статьѣ М. А. Максимовича, подъ названіемъ: „О мѣстѣ Кіевской церкви Св. Андрея.“ — Почтенный авторъ статью свою начинаетъ такъ: „Какъ только задумаешь говорить о Кіевѣ въ отношеніи церковномъ, невольно обращаешься мыслію къ древнему преданію о Св. Апостолѣ Андреѣ: „вшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и

[1]) 2 кн. Кіевлянина на 1841 г. стр. 6. — Обозрѣн. Кіева. стр. 10. [2]) Лаврент. стр. 3.

помолився Богу, и слѣзъ съ горы сея, идѣже послѣ-же бысть Кіевъ."— На какомъ же именно мѣстѣ Старокіевской горы поставленъ былъ крестъ Св. Андреемъ? Объ этомъ, кажется мнѣ, не было уже преданія у Кіевлянъ одиннадцатаго вѣка; а еслибы"... и проч. [1]) Нѣсколько ниже: „Кіевляне, жившіе послѣ нашествія Татарскаго, дорожа древнимъ преданіемъ о Св. Апостолѣ Андреѣ, *желали опредѣлить себѣ то мѣсто, на которомъ поставленъ былъ имъ крестъ*, какъ завѣтное начало первопрестольнаго города Кіева и они *признали* его на томъ сѣверовосточномъ концѣ Старокіевской горы (?), на которомъ около ста лѣтъ уже красуется Елисаветинская церковь Св. Андрея Первозваннаго. Это мнѣніе стародавнихъ Кіевлянъ обратилось для насъ въ вѣковое преданіе и *его охотно признаешь*, взойдя на ту прекрасную высоту надднѣпровскую."—Изъ этого хода мыслей читатель ясно видитъ, что г. Максимовичъ принимаетъ это преданіе за историческую аксіому, за предметъ непререкаемый, о которомъ спора нѣтъ. Не одинъ г. Максимовичъ такъ думаетъ. Всѣ Кіевляне раздѣляютъ и раздѣляли это мнѣніе. Да и какъ не раздѣлять его; оно такъ дорого намъ! Мысль, что одинъ изъ верховныхъ Апостоловъ, одинъ изъ непосредственныхъ учениковъ небеснаго Учителя, удостоилъ древнюю Русь быть на горахъ Кіевскихъ и водрузить на оныхъ святый крестъ — мысль эта, питая религіозное чувство, въ тоже самое время льститъ и нашему народному самолюбію. Посему неудивительно, что этому преданію такъ охотно вѣрится. Какъ бы то ни было, но изыскатель необходимо сдѣлаетъ себѣ вопросъ: Откуда Преп. Несторъ получилъ это извѣстіе?

Знаемъ, что въ новозавѣтныхъ книгахъ Священнаго Писанія, особенно въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, многое говорится о путешествіяхъ Св. Павла, Петра и другихъ Апостоловъ; однако ни слова не упомянуто о путешествіи въ Россію [2]) Апостола Андрея — очень важное обстоятельство, относительно достовѣрности самаго повѣствованія.

Въ прошломъ столѣтіи Россійская Академія Наукъ поручила Байеру, какъ своему сочлену, заняться разысканіемъ Византійскихъ писателей, и тѣхъ мѣстъ изъ нихъ, кои послужили источниками для Лѣтописи нашего безсмертнаго Лѣтописца. Хотя Байеру не удалось разрѣшить этотъ вопросъ удовлетворительно и нѣкоторые важные источники отысканы гораздо позже и притомъ лицами, непринадлежащими Академіи, однако и Байеръ многое разъяснилъ въ нашей Исторіи и облегчилъ дальнѣйшія изслѣдованія. Изъ разысканій Байера [3]) явствуетъ, что древнѣйшее извѣстіе о путешествіи Св. Апостола Андрея въ сѣверныя страны, встрѣчается не раньше начала третьяго столѣтія по Р. Хр., и именно въ сочиненіяхъ Ипполита Портуенскаго, ученика Св. Иринея, писавшаго, что Св. Андрей проповѣдывалъ у Скиѳовъ и Ѳракіянъ. Относительно Скиѳовъ согласенъ съ Ипполитомъ почти его современ-

[1]) Кіев. Епарх. Вѣдом. 1866. стр. 350. [2]) Подъ какимъ бы то ни было названіемъ.
[3]) De origg. Russorum. См. въ Commentar. Academiae Petropolitanae. T. III, стр. 390.

никъ, знаменитый ученостію Александрієцъ Оригенъ, коего сочиненіе объ этомъ сохранилось въ выпискѣ у Евсевія. Эти писатели говорятъ только, что Св. Андрей былъ въ Скиѳіи. О существованіи Руси въ то время не могло быть и рѣчи, и именно потому, что образованная часть тогдашняго свѣта объ ней ничего не знала. Да и самое слово Скиѳія было весьма неопредѣленно; такъ Байеръ говоритъ, что Іеронимъ въ 148 посланіи своемъ къ Маркеллу, Григорій Назіанзинъ и Понтій Паулинъ полагали Скиѳію за Ахаіею и Эпиромъ; Софроній указывалъ на Согдіанъ и Саковъ, какъ обитателей Скиѳіи; Дороѳей отыскивалъ ее въ Виѳиніи, Понтѣ и Ѳракіи, а Никифоръ Каллистъ, въ своей Исторіи Церкви, выставляетъ Каппадокію, Галацію и Виѳинію, какъ земли Антропофаговъ и Скиѳовъ. Изъ этого можно заключить, что Скиѳія была тогда для ученыхъ Византійцевъ не иное что, какъ Terra incognita. Кромѣ сѣверныхъ береговъ Чернаго Моря, все прочее было неизвѣстно. Въ послѣдствіи времени, но едвали раньше девятаго вѣка, подъ словомъ Скиѳія стали разумѣть и Россію. Однакожъ и доселѣ не удалось еще отыскать того Византійца, который служилъ оригиналомъ для Несторова преданія; всего вѣроятнѣе, что мнѣніе о путешествіи Св. Андрея по горамъ Кіевскимъ, могло родиться незадолго до временъ Преп. Нестора и притомъ въ Россіи. Нашъ древнѣйшій Лѣтописецъ ссылается на Георгія Амартола, Меѳодія Патарскаго [1]), не говоря уже о безпрестанныхъ ссылкахъ на книги Св. Писанія; но въ текстѣ, приведенномъ въ началѣ этой статьи, онъ не называетъ ни сочиненія, ни имени автора, а сказалъ только *якоже рѣша*. Ясно, что самъ Несторъ не выдавалъ этого обстоятельства за историческое событіе. Смыслъ его словъ *якоже рѣша* или *якоже рѣкоша* можно теперь выразить такимъ образомъ: „Я такъ слышалъ, но навѣрное не знаю." Еслибы Преп. Несторъ былъ увѣренъ въ сообщаемомъ имъ преданіи, то подъ 1086 г., при повѣствованіи о построеніи Великимъ Княземъ Всеволодомъ церкви Св. Андрея, онъ имѣлъ самый удобный случай подтвердить это преданіе и указать *именно на то мѣсто,* на которомъ водруженъ крестъ. Однако въ Лѣтописи Нестора мы ничего подобнаго не находимъ; между тѣмъ въ Макарьевской Степенной книгѣ (стр. 233—238) повѣсть эта уже гораздо болѣе распространена. Не странно ли послѣ всего этого встрѣчать въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ компиляціяхъ 17-го вѣка слѣдующее: 1) Въ Густинской *Кройникѣ*, составленной въ 1670 г. объ этомъ преданіи говорится такъ: *Святый Апостолъ Андрей пойде Днѣпромъ горѣ, и пришедъ, идѣже нынѣ горы Кіевскія, ихъ же благослови и крестъ на нихъ водрузи недалече нынѣшней брамы отъ полудня* [2]). Читатель видитъ, что здѣсь уже указывается на мѣсто, гдѣ водруженъ былъ крестъ; именно *недалече брамы* (Воротъ). Невольно раждается вопросъ: Что же это такое? Преп. Несторъ, жившій въ 12-мъ столѣтіи, ничего не зналъ объ этомъ обстоятельствѣ, а какой-то составитель *Кройники*,

[1]) См. нашу Лѣтопись, стр. 17 [2]) Ипатіевск. Лѣт. стр. 251.

жившій послѣ Нестора спустя 560 лѣтъ, говоритъ положительно, что крестъ водруженъ возлѣ *брамы*. Но это еще не все; мы увидимъ, что съ теченіемъ времени нарастаютъ и подробности. 2) Какой-то Южно-Русскій Лѣтописецъ, тоже исхода 17-го вѣка, выписавъ эту повѣсть, вѣроятно изъ вышеприведенной Густинской компиляціи, повторяетъ ее и притомъ слѣдующимъ образомъ: *Вшедши* (Св. Апостолъ Андрей) *на гору, подлѣ которой теперь брама Кіевская стоитъ и церковь Воздвиженія креста святого, благословилъ и крестъ поставилъ* [1]). 3) Превелебный отецъ Иннокентій Гизель, въ своемъ Синопсисѣ, вышедшемъ въ 1674 г. пишетъ: *И возшедъ* (Св. Андрей) *на тѣжде горы, благослови ихъ и крестъ водрузи на мѣстѣ, идѣже посемъ церковь Воздвиженія креста Господня сооружися* [2]). Забылъ однако же о брамѣ упомянуть.— 4) Наконецъ съ самостоятельнымъ мнѣніемъ выступаетъ въ 1679 г. составитель сборника, подъ названіемъ *Пчела* [3]). Онъ пишетъ: Св. Андрей *пришедши на горы Кіевскіи, благословивъ ихъ, и крестъ святый на нихъ, гдѣ теперь церковь святаго Симеона стоитъ, поставилъ*. И такъ, этотъ компиляторъ Пчелы, наперекоръ предъидущимъ показаніямъ, вмѣсто Воздвиженской церкви, вздумалъ выставить церковь Св. Симеона! Очевидная несообразность. Древнія наши Лѣтописи ясно говорятъ, что церковь Св. Симеона была въ Копыревѣ Концѣ, а этотъ Конецъ былъ не на Старомъ Кіевѣ, а на Подолѣ. (Срав. § 75. Копыревъ Конецъ, стр. 392, 406). Здѣсь же рѣчь идетъ только о Старомъ Кіевѣ. Удивительныя вещи! И такія мѣста, въ своей новой статьѣ, г. Максимовичъ приводитъ какъ доказательства своихъ разысканій!—По нашему мнѣнію свидѣтельства эти доказываютъ одно только, что преданіе это передавалось изъ одного вѣка въ другой и принималось на слово. Но подобныя свидѣтельства ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть выставлены, какъ доказательства того, что Святый Апостолъ дѣйствительно былъ на горахъ Кіевскихъ. Что касается до церкви Воздвиженской, то показанія этихъ писателей можно принять за достовѣрныя; они могли видѣть эту церковь собственными глазами. Могутъ ли они однакожъ имѣть какой либо вѣсъ, говоря о путешествіи Св. Андрея?

Если воспоминанія наши уже слабѣютъ о временахъ не столь отдаленныхъ, какъ на примѣръ о временахъ Императоровъ Павла Петровича, Александра Павловича, то можемъ ли мы, безъ письменныхъ памятниковъ, довѣрять своимъ воспоминаніямъ о временахъ Петра Великаго и такъ далѣе?—Въ такомъ же точно отношеніи находятся и свидѣтельства Синопсиса, Южнорусской и Густинской Лѣтописей и прочихъ имъ подобныхъ сочиненій 17-го вѣка, къ преданію о посѣще-

[1]) Кіев. епар. Вѣдом. 1866 г. стр 354. [2]) Синопсисъ, изд. 2. стр. 14. [3]) Это сборникъ, писанный на бумагѣ въ 4-ку, подъ названіемъ: *Пчела, или собраніе вещей боговдохновеннаго святыхъ отецъ Писанія. Якоже пчела отъ разныхъ зелій собираетъ, такъ и въ сію книжку трудолюбно собрано*. Пчела написана 1679 г. въ Крупичполѣ, при храмѣ Св. Николая П. Виноградскимъ. См. примѣч. 109, въ книгѣ: О времени происхожденія Славянскихъ Письменъ. Соч. О. Бодянскаго М. 1855 г.

ніи Св. Андреемъ горъ Кіевскихъ. Поэтому странно для насъ, что нѣкоторые писатели не хотятъ понять этой несообразности и ссылаются на свидѣтельства 17-го вѣка о событіи, которое могло быть или не быть за 1800 лѣтъ до насъ!

Обратимъ вниманіе наше еще на слѣдующее обстоятельство: если мы и лишены возможности доказать фактически путешествіе Св. Андрея въ Россію, то отъ этого ни Кіевляне, ни Новгородцы рѣшительно ничего не теряютъ. Какой бы путь ни избрало Провидѣніе, но Оно — вотъ главная вещь — удостоило насъ быть Христіанами. Мы видимъ что и доселѣ гнѣздится въ Іерусалимѣ и Жидовство и Мусульманство; не признавая однакожъ Спасителя, могутъ ли они имѣть какую либо пользу отъ того, что въ этомъ градѣ *дѣйствительно* ходилъ Самъ Богочеловѣкъ, измѣрилъ его Своими Святыми стопами и пролилъ Свою Божественную кровь на землю эту? — Напротивъ того тысячелѣтняя Исторія Кіева очевидно показываетъ, что на нашихъ горахъ возсіяла и доселѣ сіяетъ благодать Божія, что Кіевъ не токмо прославился своими храмами, но что и во мракѣ пещеръ древлепрестольнаго града множество лицъ просіяло святостію жизни [1]).

а) *Воздвиженія Св. Креста церковь древняя.* — Преп. Несторъ въ своей Лѣтописи оставилъ намъ преданіе; — это видно изъ словъ его: *якоже рѣша — какъ говорили*, — что Св. Апостолъ Андрей, проповѣдуя на Кіевскихъ горахъ Евангеліе, водрузилъ на (нынышней Андреевской?) горѣ крестъ, (Лавren. стр. 5). Мстиславъ III Романовичъ, князь Смоленскій, въ память этого преданія, выстроилъ въ 1212 г. церковь Воздвиженія Св. Креста. Церковь эта первоначально была деревянная, а потомъ о каменной сего имени упоминается въ нѣкоторыхъ крѣпостныхъ дѣлахъ Михайловскаго монастыря около половины 16-го вѣка. Положеніе ея было недалеко отъ теперешней Андреевской церкви, къ югу отъ нея, и выше колодца (который давно уже не существуетъ болѣе) въ Старомъ Городѣ. Но остатки отъ этой церкви (?) кирпичнаго щебня еще и по сію пору примѣтны. — Такъ написалъ М. Ѳ. Берлинскій въ своемъ Описаніи Кіева (стр. 72 и 189); а за нимъ потянулся рядъ его послѣдователей. Первый по времени Михаилъ А. Максимовичъ, въ 1-й кн. Кіевлянина на 1840 г. (стр. 50) повторилъ тоже, съ тѣмъ только различіемъ, что строителя наименовалъ „незабвеннымъ героемъ древней Руси, *Удатнымъ* княземъ Мстиславомъ *Мстиславичемъ*. Потомъ Иванъ П. Максимовичъ въ Паломникѣ 1845 г. (на стр. 100) скопировалъ Берлинскаго, назвавъ впрочемъ Мстислава В. Кн. *Кіевскимъ* и назначилъ мѣсто церкви *пониже* Андреевской. Далѣе г. Журавскій въ Обозрѣніи Кіева, 1847 г. (стр. 55), списалъ все у М. А. Максимовича. Въ 1864 г. г. Сементовскій въ своемъ Кіевѣ, (стр. 50) повторяя тоже, написалъ: В. Кн. Мстиславъ (удалой) *Романовичъ*, а церковь назначилъ *ниже* Андреевской; наконецъ Л. Похилевичъ сооб-

[1]) Сравн. § 106. Печерскій монаст. Взглядъ на нынѣшнее состояніе.

щилъ тоже самое въ Кіев. губер. Вѣдом. за 1865 г. въ № 22, стр. 143. Къ этому должно присовокупить, что въ „Лѣтописи и Описаніи Кіева,“ отданной въ печать въ 1847 г., а вышедшей въ свѣтъ въ 1858 г., мы къ сожалѣнію *тоже самое* повторили. Но теперь тщательнѣе разсмотримъ это обстоятельство.

Говоря въ § 23 о церкви Св. Василія (стр. 209), было упомянуто, что король Владиславъ IV въ 1640 г. іюня 7 подтвердилъ право Братскому монастырю на владѣніе церковію Трехъ Святителей, и другою, во имя Воздвиженія Св. Креста, которыя обѣ находились на Старомъ Городѣ. Въ грамотѣ отъ 11 января 1694 г., данной Царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами тоже въ пользу Братскаго монастыря, помѣщены выписки изъ старинныхъ документовъ; изъ коихъ видно, что о Воздвиженской церкви упоминается еще въ 1593 г. Слѣдовательно существованіе на Старомъ Кіевѣ этой церкви въ 16-мъ вѣкѣ не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнію. Но едва ли возможно доказать существованіе Воздвиженской церкви въ 13-мъ вѣкѣ. — Въ Лаврентіевской Лѣтописи, подъ 1212 г. говорится, что *В. К. Костянтинъ... заложи церковь камену на торговищи въ Володимери Воздвиженье Креста честьнаго* (стр. 186); слѣдственно извѣстіе это не касается Кіевской церкви. Подъ 1223 г., при вѣсти о Татарахъ, упоминаются *Мстиславъ* (Романовичъ) *Кыевьскый и Мстиславъ Торопичскый и Черниговьскый* (стр. 189). Тутъ же говорится, что *Мьстиславъ, старый, добрый князь, ту убьенъ бысть* — въ сраженіи на берегахъ Калки съ Татарами — и *другый Мьстиславъ* (стр. 189). слѣдовательно *Мстиславъ Торопецкій.* Далѣе: подъ 1228 г. сказано: *Того же лѣта преставися Мстиславъ Мстиславичь* (Галичскій), *въ черньцихъ и въ скимѣ* (стр. 191). О мѣстѣ погребенія и о церкви ни слова. — Въ Ипатіевской Лѣтописи подъ 1212 г. сказано: *Лестько посла къ Новугороду по Мьстислава... Мьстиславъ же пойде на Галичь.* (стр. 160). Происшествіе это описываетъ Карамзинъ въ III-мъ томѣ своей Исторіи [1]): „Мстиславъ, старшій сынъ Мстислава *храбраго*, племянникъ Рюрика, прославилъ себя защитою Торческа..... получилъ отъ Смоленскаго Князя Удѣлъ Торопецкій“..... вскорости сдѣлался Новгородскимъ княземъ, счастливо воевалъ съ Георгіемъ и Ярославомъ князьями Владимірскими, и въ 1217 г. изъ Новагорода отправился въ Галичь, и проч. Подъ 1224 г. въ Ипатіев. спискѣ, говоря о нашествіи Татаръ, упоминаются: *Бывшю же свѣту всихъ князей во радѣ Кыевѣ* (для того, чтобы дать отпоръ Татарамъ). *Тогда бо бѣахуть Мьстиславъ Романович въ Кыевѣ, а Мьстиславъ въ Козельскѣ и въ Черниговѣ, а Мьстиславъ Мьстиславичь въ Галичѣ. То бо бѣаху старѣйшины въ Руской земли. Юрья же, князя великого Суждальскою не бы въ томъ свѣтѣ. Се же паки млади князи: Данилъ Романовичь, Всеволодъ Мьстиславичь Кыевскій* и пр. (стр. 163). О смерти двухъ Мстиславовъ, Кіевскаго и Черниговскаго, въ сраженіи при рѣкѣ Калкѣ, въ Ипатіев, сп.

[1]) Изд. 6. Т. III. стр. 131,

не упоминается; [1]) но Мстиславу Мстиславичу Галичскому удалось тогда спасти жизнь свою; подъ 1227 г. въ послѣднiй разъ объ немъ упоминается такъ: *Потомъ же Мьстиславъ великый удатный князь умре* (стр. 167).

Мы исчерпали древнѣйшiе и достовѣрные источники наши. Мы видѣли трехъ Мстиславовъ: одного Мстислава Романовича Кiевскаго, другаго Мстислава Мстиславича *удатнаго* Галичскаго и третьяго Мстислава Черниговскаго и Торопецкаго. Но ни одинъ изъ нихъ не думалъ строить въ Кiевѣ церковь Воздвиженiя Св. Креста; покрайней мѣрѣ объ этомъ ничего не сказано въ древнихъ Лѣтописяхъ. — Что касается до Русскихъ источниковъ, то первое извѣстiе объ этомъ обстоятельствѣ встрѣчаемъ мы въ Синопсисѣ Иннокентiя Гизеля и въ Лѣтописи Русской, изданной Львовымъ. Софоновичъ, а за нимъ Гизель, ссылаясь на Стрыйковскаго и проч. пишетъ слѣдующее: „Посемъ великiй самодержецъ Россiйскiй Мстиславъ храбрый, (т. е. онъ разумѣлъ Мстислава Мстиславича *удатнаго*, князя Галицкаго) преставися въ Торску, (т. е. городъ Торческъ) и погребоша его въ Кiевѣ, въ церкви честнаго Креста Господня, юже созда, лѣта отъ Рождества Христова 1212.“ [2]) Мы выше видѣли, что въ Лаврентiев. Лѣтописи кончина сего князя показана подъ 1228 г. *въ черньцихъ и въ скимѣ*, а въ Ипатiевск. подъ 1227 г. — Свидѣтельство Гизеля показываетъ, что онъ воспользовался Софоновичемъ и другими о Кiевскихъ Древностяхъ ходячими тогда мнѣнiями Академическихъ ученыхъ, которые всю мудрость свою почерпали изъ Мѣховскаго, Кромера, Кадлубка, Стрыйковскаго и прочихъ, очень неблагонадежныхъ польскихъ Историковъ; поэтому мнѣнiя сихъ Кiевскихъ ученыхъ, къ сожалѣнiю, не выдерживаютъ никакой критики. Такъ они прiурочили перваго Кiевскаго митрополита Св. Михаила ко времени Св. Владимiра; къ тому же времени отнесли основанiе Михайловскихъ монастырей Золотоверхаго и Выдубицкаго, также Межигорскаго; говорили о крещенiи сыновъ Св. Владимiра на Крещатикѣ; приписали супругѣ В. Кн. Святополка-Михаила (1093—1112 г.) названiе Варвары; увѣряли, что Новгородскiй епископъ Нифонтъ воспротивился митрополиту Клименту въ 1147 г. на основанiи письменной хартiи перваго митрополита Михаила и проч. и проч. Кратко, они любили все возводить къ отдаленной древности, и особенно относить ко времени крещенiя Руси при Св. Владимiрѣ. Все это было бы хорошо, если бы только можно было доказать исторически. Но какъ это невозможно: то мы имѣемъ полное право не довѣрять свидѣтельствамъ Гизеля и его ученыхъ современниковъ о произшествiяхъ, совершившихся отъ 10 до 15-го вѣка, если въ этомъ не подтверждаютъ наши безцѣнныя Лѣтописи. — Къ той же категорiи относится и Лѣтопись Русская, изданная Н. Львовымъ въ пяти частяхъ. Спб. въ 8-ю д. л. 1792 г., ко-

[1]) См. Карамзина краснорѣчивое описанiе сраженiя на берегахъ Калки. Изд. 6. Т. III, стр. 344. [2]) Синописъ. Изд. 2 стр. 84.

торая, подобно Никоновской, любитъ распространять и украшать, и составлена не раньше 17-го вѣка. М. Максимовичъ, въ новой статьѣ своей, приводитъ слѣдующій текстъ изъ Южнорусскаго Лѣтописца: *Похованъ* (Мстиславъ Мстиславичъ, князь Галицкій) *въ церкви Воздвиженія Креста честнаго, которую самъ змуровалъ въ Кіевѣ.* Но такъ какъ древніе Лѣтописцы наши объ этомъ обстоятельствѣ ничего не упоминаютъ, то свидѣтельство южнорусскаго Лѣтописца 17-го вѣка не заслуживаетъ вниманія. — И такъ, по всей справедливости, мы должны: 1) Начать исторію Крестовоздвиженской церкви не раньше 1590 годовъ. 2) Рѣшительно не имѣемъ права назначить ей опредѣленнаго мѣста; но руководствуясь словами акта, даннаго Владиславомъ IV въ 1640 г. іюня 7, можемъ сказать, что эта церковь была *на горной фундаціи*, т. е. на Старомъ Городѣ. Принимая во вниманіе свидѣтельство Густинскаго и Южнорусскаго Лѣтописцевъ 17-го вѣка, о коихъ мы въ началѣ этой статьи говорили, можемъ прибавить, что эта церковь была недалеко отъ городскихъ *Кіевскихъ* воротъ и находилась къ югу отъ оныхъ. А какъ, по нашимъ разысканіямъ Кіевскія ворота (брама) стояли *надъ Кожемяками*, какъ на главномъ пути въ Кіевоподолъ, а не на Андреевскомъ взвозѣ, какъ нѣкоторые ошибочно полагаютъ, потому что его тогда еще не было; онъ былъ загороженъ Замкомъ, то Воздвиженская церковъ стояла къ западу отъ Десятинной церкви, а не къ востоку, какъ думаютъ Берлинскій и М. Максимовичъ, и ихъ послѣдователи. Что же касается до щебня, о которомъ говоритъ Берлинскій, будьто бы оставшагося отъ сей церкви, то это совершенно произвольное объясненіе. Щебень этотъ могъ скорѣе произойти отъ разрушенной Десятинной церкви, которая по величинѣ немногимъ уступала Софійскому храму; тамъ же были монастыри Св. Андрея и Св. Өеодора; однимъ словомъ, весь древній Кіевскій Кремль переполненъ остатками храмовъ и жилищъ. Послѣ всего этого, безъ прямаго указанія достовѣрныхъ источниковъ и безъ видимыхъ развалинъ, можно ли со спокойною совѣстію назначить опредѣленное мѣсто для Крестовоздвиженской церкви?

Но не всѣ любители Древностей руководствовались подобными мыслями; между ними были такія лица, которыя вѣрили болѣе своему счастію, и не почитали нужнымъ сообразоваться съ офиціальными актами, существованіе которыхъ едва ли было имъ извѣстно. Въ 1824 г. преосв. Евгеній пригласилъ жившаго въ Кіевѣ чиновника пятаго класа, Кодрата Андреевича Лохвицкаго, вмѣстѣ съ священникомъ Михаиломъ Кочоровскимъ, имѣть ближайшій надзоръ за работами при раскрытіи основанія Владиміровой Десятинной церкви, — обстоятельство, вѣроятно возбудившее въ Лохвицкомъ страсть къ отысканію Древностей. Человѣкъ этотъ былъ безъ всякой научной подготовки, что видно изъ его собственноручнаго журнала, бывшаго у насъ въ рукахъ: посему онъ не принималъ въ расчетъ тѣхъ трудностей, кои сопряжены съ подобными поисками. Онъ твердо вѣрилъ въ показаніе Синопсиса и Берлинскаго и руководствовался непреклоннымъ желаніемъ открыть

фундаментъ *древней* Крестовоздвиженской церкви и отыскать *подлинный* крестъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, водруженный на горахъ Кіевскихъ за 1800 лѣтъ тому назадъ. Мысль смѣлая, но мы вскорости увидимъ результатъ его поисковъ.

Получивъ денежную помощь отъ фельдмаршала графа Фабіяна Вильгельмовича Сакена, Лохвицкій, въ концѣ апрѣля 1832 г., началъ свои поиски *на горѣ, близъ Андреевской церкви и нѣсколько ниже Десятинной*, слѣдовательно напротивъ нижняго этажа Андреевской церкви [1]. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ Кодратъ Андреевичъ сдѣлалъ слѣдующія открытія: 1) Нашелъ обширную яму, глубиною на три сажени. Яма эта была наполнена испортившеюся пшеницею съ тяжелымъ и непріятнымъ запахомъ. 2) Тутъ же усмотрѣна рогожа, покрывавшая пшеницу. 3) Подъ рогожею лежалъ кнутъ такой же формы, какимъ погоняютъ воловъ, а близъ кнута лежалъ верхній конецъ веревки, нижній конецъ коея былъ опущенъ сквозь пшеницу внизъ и привязанъ за сосновый шестъ. Когда пшеницу вынули и нашли упоминаемый шестъ, то онъ оказался перегнившимъ и распавшимся на три части. Привязанный къ веревкѣ этотъ шестъ очевидно служилъ для переворачиванія пшеницы въ ямѣ, чтобы предохранить ее отъ затхлости. 5) Пшеница оказалась съ частію колосьевъ. 5) Найдено много шелухи отъ пшеницы наверху и по бокамъ ея. 6) Какая то стеклянная масса. 7) Кусокъ смолы. 8) Крестъ мѣдный позолоченный съ 9-ю скважинами. 9) Обломокъ оклада и часть вѣнчика съ образа, позолоченные. 10) Три вѣнца желѣзные отъ иконы. 11) Кусокъ кипариса, съ одной стороны обгорѣлый. 12) Карнизъ горшечный, частію гладкій, частію испещренный фигурами. 13) Лошадиная подкова. 14) Нѣкоторыя домашнія вещи и 15) Кучу камней, лежавшихъ въ безпорядкѣ [2].

Сдѣлавъ *такое* открытіе, Лохвицкій сталъ увѣрять себя и всѣхъ прочихъ, что онъ отыскалъ: 1) *то мѣсто*, на которомъ Св. Апостолъ Андрей водрузилъ крестъ и 2) открылъ *фундаментъ* древней Воздвиженской церкви. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ, просушивъ изрядное количество вырытой пшеницы, представилъ одну часть ея фельдмаршалу Сакену, при коей препроводилъ и кнутъ. Прочее количество пшеницы представилъ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской, также въ Печерскую Лавру и Софійскій Соборъ, а въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ къ пшеницѣ присовокупилъ и часть отысканной рогожи. Хлопоталъ даже у сенатора Б. Я. Княжнина, какъ бы доложить Государю Императору о воздвиженіи креста *на мѣстѣ раскрытія, гдѣ былъ водруженъ* (!) *крестъ Св. Апостоломъ Андреемъ*. Меж-

[1]) Отецъ протоіерей Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ, говоря объ этомъ обстоятельствѣ, дѣлаетъ неточное указаніе на мѣсто, на которомъ Лохвицкій производилъ свои раскопки, показывая на пространство *между церквами Андреевскою и Трехсвятительскою*. См. Кіев. епар. Вѣдом. 1865 г. стр. 332 и 336. [2]) См. Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ, 1832 г. іюль.—Журн. Мин. Народ. Просв. 1838 г. ноябрь, стр. 272. См. у насъ въ § 67. Киселевка, стр. 369.

ду тѣмъ изъ кусковъ найденнаго въ ямѣ сосноваго шеста Лохвицкій сдѣлалъ 12-ти конечный крестъ и вырѣзалъ на немъ слѣдующую надпись: „Крестъ сложенъ изъ трехъ кусковъ сосновыхъ, найденныхъ въ пшеницѣ хлѣбной ямы, углубленной на три сажени, при раскопаніи мѣста фундамента (!) каменной Крестовоздвиженской церкви 13 и 16 вѣковъ въ Старомъ Кіевѣ, на горѣ, гдѣ водрузилъ Крестъ Св. Андрей Первозванный.—Кіевъ 1832 г. мая 22. Крестъ сей 12-ти конечный освященъ 5-го индикта, въ день Сошествія Св. Духа, въ церкви Кіево-Набережнаго Святителя Николая, священникомъ Филиппомъ."— Въ 1864 г. мы видѣли этотъ крестъ у П. П. Должикова.—Судя по выраженіямъ, гг. Лохвицкій и Должиковъ увѣряли, что это тотъ самый крестъ Св. Апостола Андрея, который онъ водрузилъ въ Кіевѣ [1]). Но какъ рѣшительно не было найдено никакого фундамента, притомъ же вырытыя вещи не представляли собою ничего особенно относящагося къ церковнымъ предметамъ, то современники съ улыбкою смотрѣли на антикварное заблужденіе Лохвицкаго. Преосв. Евгеній полагалъ, что на мѣстѣ раскопки былъ частный какой либо домъ позднѣйшаго времени, и вѣроятно домъ коменданта Миниховской крѣпости. Учредившійся при Кіевскомъ Университетѣ Св. Владиміра комитетъ для отысканія Древностей яму съ пшеницей призналъ не церковнымъ запасомъ для печенія просфоръ, но по признакамъ вещей мірскихъ, полагалъ, что это мѣсто составляло остатокъ провіантскихъ запасовъ для крѣпостнаго гарнизона временъ Петра Великаго. Этотъ историческій пуфъ тѣмъ и кончился. Горячее желаніе Лохвицкаго отыскать остатки древней Крестовоздвиженской церкви и *подлинный* крестъ Апостола Андрея осталось неисполненнымъ. Если бы этотъ крестъ сохранился, то наши предки не преминули бы записать это преданіе въ своихъ лѣтописяхъ, подобно тому, какъ мы имѣемъ извѣстіе о крестѣ Св. Ольги, находящемся въ Псковѣ.—Будемъ однако же справедливы къ Кодрату Андреевичу Лохвицкому. На этотъ разъ онъ выказалъ свою слабую сторону: легковѣріе и заблужденіе, столь часто встрѣчающееся въ человѣкѣ недальняго образованія. Нельзя здѣсь предполагать шарлатанства; ибо ему никто на слово не повѣрилъ. Но вскорости Лохвицкій сдѣлалъ то, чего доселѣ не удавалось цѣлому комитету при Университетѣ съ его учеными членами. Кодратъ Андреевичъ въ сентябрѣ того же 1832 г. открылъ Златыя Врата, а на слѣдующій годъ откопалъ основаніе церкви, признанной за Ирининскую, и оставилъ по себѣ вѣчную память въ Кіевѣ.

б) *Воздвиженія Св. Креста церковь на Кожемякахъ.*—Въ офиціальной Вѣдомости Протопопіи Кіево-Подольской отъ 2 апрѣля 1784 г. сказано: „Церковь деревянная съ оградою каменною. Построена въ 1748 г. первая (?) Коштомъ Кіевскаго мѣщанина Артема Трофимова Кожемяки". Изъ примѣчаній, къ этой Вѣдомости присовокупленныхъ редакціею, видно что *Кожемяки* составляли прежде приходъ, принадлежавшій къ

[1]) См. № 5 Русскихъ Вѣдомостей 1864 г.

Подольской церкви Св. Василія Великаго [1]); но по отдаленности прихожанъ, епархіальное начальство, уваживъ ихъ просьбу, позволило въ 1748 г. соорудить имъ особую свою церковь. Собственно Трофимовъ былъ только первымъ вкладчикомъ и начинателемъ дѣла; церковь же построена, какъ видно изъ дѣла о постройкѣ ея (Арх. Кіев. Духов. Консис. 1746 г. № 13) иждивеніемъ всѣхъ прихожанъ—кожемякъ. Въ главѣ ихъ были: Артемій Трофимовъ, Андрей Боклажка, Никифоръ Коваленко, Андрей Жигало, Каленикъ Григорьевъ, Никита Омельяновъ, Аѳанасій Лисянскій; они первоначально дали всѣ вмѣстѣ 1100 р., взяли на себя расходы на богослуженіе и содержаніе причта, выстроили школу, купили колокола, церковную утварь, заказали образа и чрезъ два года вполнѣ была готова церковь на каменномъ фундаментѣ. Но Л. Похилевичъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, показываетъ, что Крестовоздвиженская церковь на Кожемякахъ основана была раньше 1664 г. и что именно въ 1664 г. Кожемяки были освобождены отъ зависимости латинскихъ бискуповъ, которые было овладѣли этою частію города. Такое показаніе несогласно съ Исторіею. Богданъ Хмельницкій возсталъ на своихъ притѣснителей, поляковъ въ 1648 г. Въ слѣдующемъ году Козаки разорили въ Кіевѣ всѣ латинскіе кляшторы, костелы и за́мки; при такомъ положеніи дѣлъ едва-ли могли латинскіе бискупы владѣть цѣлыми частями Кіева, когда ихъ собственная жизнь ежеминутно была въ опасности [2]). Построеніе же Крестовоздвиженской церкви на Кожемякахъ въ 1748 г. доказывается актами. Въ 1811 г., во время большаго пожара на Подолѣ, эта деревянная церковь сгорѣла. Въ томъ же году заложена каменная, которая по проэкту должна была состоять изъ двухъ этажей. Въ нижнемъ, тепломъ, этажѣ вскорости помѣщена церковь во имя Св. Архистратига Михаила; верхній же начатъ только въ 1823 г., а освященъ въ 1841 г. во имя Воздвиженія Св. Креста; колокольня построена въ 1860 г. Прихожанъ показывается до 1200 человѣкъ. Домовъ церковныхъ нѣтъ; доходъ годичный простирается до тысячи рублей серебромъ.—Ручей Кіянка, вытекающій изъ Старокіевскихъ возвышенностей, близъ упоминаемой церкви, соединяется съ ручьемъ Глубочицею.

§ 80. КРЕСТЫ.

На западной покатости Печерска, обращенный къ Клову, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь проведена шоссированная дорога отъ Институтской улицы до Печерскаго рынка, на одномъ косогорѣ издавна стоялъ Крестъ, а вокругъ него деревянный срубъ. Была ли здѣсь церковь или какая могила, — для насъ неизвѣстно. Но мѣстность эта по-

[1]) *Козацкой.* См. § 23, стр. 211.—Кіевс. епарх. Вѣдом. 1862 г. стр. 306. [2]) Кіев. губерн. Вѣдом. 1865 г. стр. 245.—См. Нашу Лѣтопись, стр. 55.

лучила названіе *Крестовъ*. Она была заселена малыми деревянными домами, между коими стояли двѣ жидовскія школы: лѣтняя и зимняя. а ниже, на склонѣ, у такъ называемаго Виноградняго Сада на Кловѣ, находилось нѣсколько свѣчныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, распространявшихъ непріятную атмосферу. Тутъ тѣснились въ лачугахъ Жиды и другая разнобоярщина. Все это представляло незанимательное сосѣдство. Но съ 1830 г. мало по малу всѣ хижины снесены на Новое Строеніе, косогоры сглажены и теперь возвышается на этомъ мѣстѣ грозное военное укрѣпленіе.

§ 81. КРЕЩАТИКЪ.

а) Крещатикъ, б) Святое мѣсто, в) Памятники Св. Владиміру, г) Крещатицкое беремище, д) Институтъ благородныхъ дѣвицъ, е) Крещатицкая улица, ж) Лысая гора.

а) *Крещатикъ* источникъ.—Преп. Несторъ объ немъ ничего не упоминаетъ; однако онъ *теперь* не менѣе другихъ достопримѣчателенъ для Исторіи Кіева. Онъ течетъ въ глубокомъ удоліи, теперь между Государевымъ садомъ и уступомъ горы, на которомъ проведена дорога съ Печерска на Подолъ. Крещатицкое урочище почти до начала 18-го вѣка было покрыто лѣсомъ. Источникъ его незначительный, вливался прежде въ Почаину, которая на этомъ мѣстѣ впадала въ Днѣпръ. Объ этомъ источникѣ Иннокентій Гизель въ своемъ Синопсисѣ пишетъ слѣдующее: *Тогожде времени*, (страницею выше почтенный о. Иннокентій говоритъ: *по Кромерову свидѣтельству отъ Р. Хр. въ лѣто 989-е!* Стало быть тогдашніе ученые не имѣли надлежащаго понятія о нашемъ несравненномъ Несторѣ, когда ссылались, по выраженію славнаго Шлецера, на польскія бредни!) *самъ Михаилъ* (!) *митрополитъ всѣхъ дванадесять сыновъ Владиміровыхъ, ихъ же имѣ отъ различныхъ женъ, наединѣ въ криницѣ, или на источнику окрести. И отъ того часа источникъ онъ, надъ Днѣпромъ, идѣже сынове Владиміровы крестишася, и по сей день Хрещатикъ прослыся* [1]). Еще до Гизеля высказалъ эту мысль Сильвестръ Коссовъ въ своемъ польскомъ Патерикѣ: „Y odtąd te gore nad Dnieprem, gdzie się oni krzcili, prostacy y podziś dzień Chrzeszczatykiem zowią.“ (стр. 16). Теперь вода въ этомъ источникѣ течетъ въ маломъ количествѣ и отъ желѣзной руды, охреннаго вкуса, почти не способна къ употребленію.

б) *Святое Мѣсто.* — Въ харатейныхъ прологахъ 14-го вѣка говорится, что мѣсто крещенія *на рѣкѣ Почаинѣ* издревле именуется *Святымъ*, гдѣ стоитъ церковь *Петрова*; а въ печатномъ Прологѣ: „идѣже нынѣ церковь есть святыхъ мучениковъ *Бориса и Глѣба* [2]). Нѣкоторые писатели, впрочемъ новѣйшаго времени, о Крещатицкомъ источникѣ сообщаютъ слѣдующее: Крещатикъ, какъ мѣсто крещенія

[1]) Синопсисъ Изд. 2. 1823 г. стр. 50. [2]) Карамз. Издан. 6-е. Т. I. примѣч. 461.

двѣнадцати сыновей Св. Владиміра, было издавна уважаемо Кіевлянами и слыло подъ именемъ *Святаго Мѣста*. Съ давнихъ временъ здѣсь существовалъ колодезь или по южно-русскому названію *криница*, съ небольшою надъ нею деревянною часовнею, украшеннною иконами Св. Владиміра, Святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба и другими. Часовня эта принадлежала къ Подольской церкви Рождества Христова, и причтъ сей церкви два раза въ годъ совершалъ крестный ходъ *къ колодцу Князя Владиміра* (такъ его звали), для освященія въ немъ воды, именно 15-го іюля, въ день памяти Св. Владиміра и 2-го мая, въ день Св. Бориса и Глѣба. Къ сему должно присовокупить, что все глубокое Крещатицкое удолье было покрыто множествомъ деревьевъ, росшихъ на горныхъ обрывахъ, а по отлогостямъ уступовъ находилось нѣсколько хижинъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ жительствовалъ причтъ церкви Рождественской, смотрѣвшій за порядкомъ вокругъ часовни [1]). Все это представляло ландшафтъ дикій, но живописный.

в) *Памятники Св. Владиміру*. — Въ 1802 г. городъ выстроилъ близъ упомянутаго источника изъ кирпича памятникъ, который имѣетъ видъ колоны Тосканскаго ордена, поставленной на аркѣ, подъ которою находится колодезь (собственно бассейнъ) съ ключевою водою. Капитель столба увѣнчана жестяною вазою, съ сіяющимъ на ней крестомъ. На нижней части самой колоны находятся три призматическіе выступа; изъ коихъ на среднемъ помѣщена небольшая доска со слѣдующею надписью: *Святому Владиміру Просвѣтителю Россіи*. На нижнемъ призматическомъ выступѣ помѣщена доска гораздо болѣе предъидущей съ надписью: *Усердіемъ Кіевскаго гражданства за утвержденіе правъ древнія сея столицы Всероссійскимъ Императоромъ Александромъ I.—1802 года, сентября 15 дня*. Высота подножія (пьедестала), украшеннаго рустиками и замкнутаго сводомъ, наверху съ баллюстрадомъ, содержитъ 2 саж. 1 арш. 8 вершковъ; широта 2 саж 12 вершк.; длина онаго 5 саж. 1 арш. 12 верш.; высота колоны 5 саж. 2 арш., а высота всего строенія съ шаромъ и крестомъ, считая отъ подошвы земли, 10 саж. 2 арш. При постройкѣ этого монумента первоначальный колодезь Св. Владиміра испыталъ слѣдующее измѣненіе: бывшая *криница* засыпана землею, а ключи отъ нея собраны въ трубу и проведены въ бассеинъ, устроенный нѣсколько ниже ея подъ каменнымъ павильономъ, отъ чего вода можетъ падать, въ бассеинѣ, въ видѣ фонтана. Павильонъ, замѣнившій собою убогую *каплицу*, былъ также украшенъ иконами, бывшими въ ней, и по прежнему оставался подъ вѣдѣніемъ причта Христо-Рождественской церкви. Хотя памятникъ этотъ не отличается большимъ изяществомъ, но поставленный въ прелестномъ Крещатицкомъ удоліи, составляетъ украшеніе этого великолѣпнаго

[1]) Галерея Кіевск. видовъ Сементовскаго 1857 г. стр. 12. — Кіев. епарх. Вѣд. 1861 г. стр. 353.

ландшафта, на заднемъ планѣ коего рисуется Днѣпръ съ его безграничнымъ лѣвымъ берегомъ.

По поводу постройки этого памятника въ Полномъ Собраніи Законовъ находится, отъ 7 ноября 1802 г., Высочайшій указъ, данный Кіевскому военному губернатору Феншу слѣдующаго содержанія: „Сколько пріятно Мнѣ было видѣть знакъ усердія, изъявленнаго Кіевскими гражданами въ сооруженіи памятника Святому и Равноапостольному Великому Князю Владиміру, особенно по уваженію моему къ главной и благочестивой мысли сего памятника, столько крайне былъ Я удивленъ, что о предположеніи семъ отъ васъ предувѣдомленъ Я не былъ. Зданія сего рода столько сами по себѣ важны, что не могутъ быть начинаемы съ единаго вѣдома мѣстнаго начальства; и долгъ онаго, весьма по мнѣнію Моему ясный, есть доносить о нихъ предварительно высшему Правительству. Я узналъ о семъ единственно изъ отношенія вашего къ бывшему генералъ прокурору, на сихъ только дняхъ къ свѣдѣнію Моему дошедшему. Поставляя сіе особенно вамъ въ замѣчаніе, Я тѣмъ неменѣе отдаю справедливость доброму намѣренію Кіевскихъ гражданъ, и особливо за назначеніе ими построить богадѣльню въ пользу страждущаго человѣчества; поручаю вамъ изъявить за сіе Мою имъ признательность“ [1]). Вскорости послѣ этого Высочайшаго замѣчанія на мѣсто Андрея Семеновича Фенша назначенъ былъ генералъ Тормасовъ. Филиппъ Филипповичъ Вигель, въ своихъ воспоминаніяхъ, пишетъ, что Англичанинъ Феншъ очень плохо зналъ Русскій языкъ и не отличался даровитостію ума, жилъ однакоже во Дворцѣ Государева Сада.

Митрополитъ Серапіонъ въ 1804 г. установилъ совершать въ каждую середу Преполовенія крестный ходъ изъ Софійскаго Собора къ Крещатицкому источнику и освящать въ немъ воду. Старожилы говорятъ, что при построеніи сего памятника найденъ былъ въ землѣ обломокъ серебряной руки по локоть съ сжатыми и что-то державшими перстами, и что эта рука хранилась въ Магистратѣ, но въ пожаръ погибла.

Въ журналѣ „Отечественныя Записки“, который издавалъ П. Свиньинъ, въ 3-мъ номерѣ, за іюль мѣсяцъ 1820 г. (стр. 1—11), помѣщена статья, написанная самымъ издателемъ, подъ названіемъ *Крещатикъ въ Кіевѣ*. Здѣсь помѣщается начало этой статьи, содержащее впрочемъ все, что касается нашего памятника. Читатели могутъ сами видѣть, какъ нѣкоторые писатели *легко* обращались съ историческими фактами: „Между Подоломъ и Печерскомъ, въ ущельѣ двухъ крутыхъ, высокихъ горъ, на берегу быстраго Днѣпра видна простая колонна, украшенная *короною*. Она утверждена на каменномъ пьедесталѣ, имѣющемъ *четыре* свода или сквозныхъ прохода, подъ коими *изрытъ* колодезь *чистѣйшей* воды. Памятникъ сей показываетъ *мѣсто* крещенія сыновей Владиміровыхъ, эпохи важнѣйшей, счастливѣйшей для Россіи и назы-

[1]) Полн. Собр. Закон. Томъ 27. 1802 г. № 20,499,

вается Крещатикъ. Онъ воздвигнутъ въ тысяча восемьсотъ *пятомъ* году жителями города Кіева.— Владиміръ, восторжествовавъ надъ братьями своими Ярополкомъ и Олегомъ, и побѣдивъ Полянъ, Вятичей....“ и такъ далѣе. Тутъ авторъ продолжаетъ повѣствовать цѣлую исторію о походахъ Владиміра, о его крещеніи, о крещеніи Кіевлянъ. Отъ этого вышла статейка въ 11 страницъ, содержащая въ себѣ только резонерство и безпрестанныя ошибки противъ Несторовой Лѣтописи, а до памятника ему болѣе дѣла нѣтъ. Къ этой статьѣ приложена крошечная гравюра съ подписью: „Крещатикъ въ Кіевѣ, рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ, гравировалъ Галактіоновъ“. Но это болѣе фантазія, нежели настоящій видъ мѣстности и совершенно соотвѣтствуетъ набору словъ въ статьѣ.

Недалеко отъ Крещатицкаго источника въ недавнее время воздвигнутъ *новый памятникъ Святому Владиміру*. Непредвидѣнныя препятствія при приведеніи *Александровской* горы [1]) въ надлежащій видъ, замедляли выполненіе давно составленнаго проэкта сооруженія памятника Святому Великому Князю Владиміру. Наконецъ обдѣлка горы въ 1849 г. окончена, и памятникъ въ 1853 г. воздвигнутъ. Памятникъ этотъ состоитъ изъ призматическаго восьмисторонняго пьедестала въ готическомъ вкусѣ. Пьедесталъ этотъ утвержденъ на просторной квадратной площадкѣ съ пятью ступенями; на четырехъ углахъ площадки поставлены тумбы; на пьедесталѣ возвышается восьмисторонній, съ короткими колонами аттикъ, а сверху сего аттика находится круглое, короткое подножіе, украшенное рельефными орнаментами.—Все это доселѣ описанное вылито изъ чугуна. На подножіи утверждена статуя, представляющая Св. Владиміра. Для прочности, площадь, пьедесталъ, аттикъ и подножіе сложены изъ кирпича и покрыты чугунною одеждою. Статуя, стоящая на кругломъ подножіи, и барельефъ, прикрѣпленный съ восточной стороны къ пьедесталу, вылиты изъ бронзы. Высота статуи 2 сажени, высота площадки, пьедестала, аттика и подножія, все это вмѣстѣ, 7 саженъ; высота барельефа 4 аршина, широта онаго 3 арш. а высота всего памятника 9 саженъ. Вѣса въ статуѣ 350 пудовъ, а вѣса въ барельефѣ 156 пудовъ. Профессоръ Академіи Художествъ, по отдѣленію скульптуры, баронъ Клодтъ, которому въ 1849 г. заказано было моделлировать и отлить статую и барельефъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, окончилъ это порученіе къ удовольствію знатоковъ и публики. Не смотря на высоту статуи и затрудненіе, сопряженное съ отливкою фигуръ колосальныхъ размѣровъ, пропорціональность соблюдена въ высшей степени, а детали по чистотѣ и изяществу превосходны. Великій князь Владиміръ представленъ въ молящемся положеніи; лице его обращено къ Днѣпру, гдѣ совершилось крещеніе Русскаго народа. Въ правой рукѣ онъ держитъ четырехконечный крестъ, вышиною го-

[1]) *Александровскую* гору называютъ также *Крещатицкою* и *Михайловскою* горою; потому что Крещатицкій источникъ внизу, а Михайловскій Золотоверхій монастырь находится на верху этой самой горы.

раздо выше роста своего, въ лѣвой рукѣ — великокняжескую шапку. Князь одѣтъ въ царское древнее полукафтанье, на плеча его накинута великокняжеская мантія. Въ барельефѣ изображено крещеніе Русскаго народа. По правой сторонѣ представлена группа женщинъ съ улыбающимся младенцемъ; другая группа изображаетъ престарѣлаго дѣда, приведеннаго для крещенія сыномъ и внукомъ. Вверху этихъ двухъ группъ уже крещеніе совершено. Съ одной стороны священникъ даетъ новопросвѣщеннымъ Христіанамъ цѣловать крестъ, съ другой совершается Св. Миропомазаніе. Владиміръ, взирая на своихъ *новыхъ* Христіанъ, молится Богу, вручая Ему себя и народъ. Выше всѣхъ изображенъ епископъ, осѣняющій крестомъ новообращенныхъ; по бокамъ епископа стоятъ два діакона. Этотъ искусный барельефъ содержитъ въ себѣ всего 17-ть фигуръ, изъ коихъ одна представляетъ Великаго Князя, одна епископа, три фигуры священниковъ три — діаконовъ, четыре новообращенныхъ мужчинъ, столько же фигуръ женскихъ и одного младенца. На верху барельефа изображенъ изъ бронзы, также выпукло, гербъ Кіевскій, ниже его Владимірская звѣзда, а по сторонамъ призмы, Владимирскіе кресты. На сторонѣ противуположной барельефу, находится выпуклыми бронзовыми буквами надпись: *Сооруженъ въ 1853 г.* На одной изъ тумбъ, стоящихъ по угламъ пьедестала, находится надпись, означающая, что чугунныя части памятника отлиты на Луганскомъ заводѣ Калужскаго уѣзда, содержимомъ купцомъ Новиковымъ. Вблизи памятника, по окраинамъ горнаго уступа, насажены пирамидальныя тополи. На эту террасу проведены дорожки, вымощенныя кирпичемъ; нѣсколько гранитныхъ тесаныхъ камней, вѣвѣроятно для перилъ, лежатъ пока въ безпорядкѣ на уступѣ горы.— Этотъ прекрасный памятникъ открытъ въ день освященія Кіевскаго Цѣпнаго Моста, т. е. 28-го сентября 1853 г. Оный поставленъ на восточномъ углу террассы, или собственно на уступѣ Михайловской горы, откуда видѣнъ почти весь Кіевоподолъ и все живописное Заднѣпровье.

Мы снова должны обратиться къ памятнику, выстроенному Кіевскими гражданами 1802 г. въ честь Русскаго Равноапостола. Съ нѣкотораго времени Крещатицкій монументъ сталъ приходить въ упадокъ. При взглядѣ на это запустѣніе, многіе неразборчивые судьи, приписывали его равнодушію Кіевлянъ къ Святому Мѣсту. Но здѣсь была совсѣмъ другая причина: Съ 1843 г. начались земляныя работы по устройству набережнаго шоссе отъ мѣста Цѣпнаго Моста до Кіево-Подола; въ тоже время начата обдѣлка Михайловской горы и Александровскаго (Крещатицкаго) спуска съ Печерска на Подолъ. Работы эти воспрепятствовали продолженію крестныхъ ходовъ на Крещатицкій источникъ; самый бассеинъ его былъ снятъ, иконы взяты для сохраненія въ церковь Рождества Христова, источникъ засоренъ и едва струился; только павильонъ съ крестомъ на верху колоны обозначалъ „Святое Мѣсто". Между тѣмъ обдѣлка горы (въ 1849 г.) окончена, открыто и набережное шоссе — работы, стоившія нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, а мѣсто, священное для всей Россіи, оставалось въ запустѣніи. Кре-

щатицкій памятникъ началъ ветшать, деревья, росшія вокругъ павильона и по склонамъ горныхъ возвышенностей, составлявшія красоту этого живописнаго мѣста, срублены, небольшія, разбросанныя на косогорахъ хижины также уничтожены, самая мѣстность чрезвычайно измѣнилась, осталась только одинокая, оборванная колона въ память уже не существующихъ правъ. Въ продолженіи 17-ти лѣтъ этотъ жалкій видъ представлялся взору проѣзжающихъ и проходящихъ по Крещатицкому спуску и прибывающихъ въ Кіевъ по набережному шоссе. Наконецъ общество древлепрестольнаго града заговорило о возобновленіи забытаго памятника. Въ 1861 г. монументъ былъ приведенъ нѣкоторымъ образомъ въ приличный видъ и 15-го іюля совершено въ немъ величественное освященіе воды. Но дѣйствительное возобновленіе Крещатицкаго памятника совершилось позже. Дѣлу обновленія положилъ начало еще въ 1860 г. Кіевскій мѣщанинъ Н. Демиденко. Этотъ молодой артистъ — скрыпачъ, руководствуясь благочестивыми чувствами, рѣшился дать два концерта на скрыпкѣ для сбора денегъ на обновленіе давно запущеннаго памятника. Въ его религіозномъ намѣреніи принялъ участіе хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ. На слѣдующій годъ, по окончаніи крестнаго хода, городское общество приступило къ пожертвованіямъ, и собрано до 500 р. с. Въ 1862 г. мѣщане Ищенко и Демиденко (отецъ артиста) занялись возобновленіемъ памятника, и произвели слѣдующія починки: Крестъ на верху колоны и яблоко подъ нимъ вызолочены. Подъ крестомъ устроено изъ бѣлой жести украшеніе, въ формѣ закрытой крестильницы. Поврежденныя мѣста въ зданіи вновь оштукатурены, и весь монументъ окрашенъ свѣтло сѣрою краскою пріятнаго вида. Пьедесталъ столба, составляющій собою павильонъ, окрашенъ подъ сѣрый мраморъ. Исправленъ и окрашенъ балюстрадъ. Крайніе промежутки между столбами и сводами задѣланы до половины досками, а потомъ до верху стеклами. Отъ Крещатика устроена дверь, а со стороны Днѣпра окно; и все это выкрашено. Внутри, надъ источникомъ нарисованъ масляными красками ликъ Спасителя, окруженный ангелами. Столбы украшены иконами, какъ то: Св. Князя Владиміра и Св. Ольги. Обѣ эти иконы пожертвованы Печерскою Лаврою; а Троицко-Сергіева Лавра прислала двѣ иконы, изображающія Преп. Антонія и Пр. Сергія Радонежскаго, весьма искусной работы. Въ верхней части фонтана устроено вмѣстилище въ видѣ Владимірскаго креста, а ниже придѣланы семь лебедей, изо-рта которыхъ падаетъ вода въ деревянный бассеинъ. Въ самой нижней части памятника, со стороны Днѣпра, устроены два весьма небольшія помѣщенія для сторожа и надсмотрщика. Вообще внѣшній видъ памятника производитъ на зрителя пріятное впечатлѣніе. Вокругъ его стараются развести деревья.

Послѣ долговременной остановки, 15-го іюля 1861 г. совершился въ Кіевѣ необыкновенно торжественный обрядъ освященія воды въ Крещатицкомъ источникѣ. Величественный крестный ходъ отъ Десятинной церкви соединился съ такимъ же ходомъ изъ Михайловскаго, потомъ

изъ Пустынно-Николаевскаго и Лаврскаго монастырей. Въ немъ участвовало духовенство отъ всѣхъ Кіевскихъ церквей. Весь этотъ священный соборъ направился къ Святому Крещатицкому мѣсту, на которомъ совершено освященіе воды. Одинъ очевидѣцъ, описывая это событіе, заключаетъ такъ: „Трогательное пѣніе канона древнимъ Лаврскимъ напѣвомъ, далеко уносимое вѣтромъ по горамъ и водамъ Днѣпра, развѣвающіяся многочисленныя хоругви, священнослужители въ блестящихъ облаченіяхъ, рядъ за рядомъ поступавшія, а наконецъ маститый ахипастырь съ крестомъ на главѣ, послѣдуемый высшими военными и гражданскими сановниками и видъ многихъ тысячь народа, представлявшихся въ одной перспективѣ — все сіе переносило многихъ мыслію ко временамъ крещенія Кіевлянъ; многимъ видѣлись тогда въ этой процессіи Царицыно и Корсунское духовенство, бояре и дружина Св. Владиміра и необозримыя толпы народа, по этому же пути устремлявшіяся нѣкогда къ водамъ Русскаго Іордана. — Въ половинѣ перваго часа началось водоосвященіе. Народъ покрывалъ всѣ окрестныя возвышенныя мѣста: Михайловскую гору съ ея террасами, гору у Царскаго сада, Александровскій спускъ и набережное шоссе; живыя гирлянды унизывали бока горъ, среди которыхъ находится ущеліе и фонтанъ, сосредоточившій теперь на себѣ благоговѣйные взоры Кіевлянъ“ [1]).

Оканчивая описаніе Крещатицкаго урочища, мы почитаемъ нужнымъ объ этой мѣстности сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: Слово *Крещатикъ* происходитъ отъ стариннаго, упоминаемаго въ грамотахъ, названія *Хрещатая долина*, которая дѣйствительно составляетъ собою подобіе креста, и притомъ слѣдующимъ образомъ: одно протяженіе сего креста, начинаясь у склона горы къ Днѣпру, оканчивается вмѣстѣ съ Крещатицкою улицею недалеко отъ Университета; а другое протяженіе, поперечное, начинается Институтскою (прежнею Ивановскою) улицею и продолжается Старымъ Кіевомъ до нынѣшнихъ Присутственныхъ мѣстъ. Теперь эти перекрестныя котловины менѣе примѣтны, потому что мѣстность весьма раскопана, изглажена и застроена; а въ прошломъ столѣтіи все это было гораздо явственнѣе. Но какъ значеніе словъ *Хрещатой долины* современемъ забыто, то для объясненія онаго Иннокентій Гизель, или вѣроятнѣе Ѳеодосій Софоновичъ и распространили въ своихъ: Хроникѣ и Синопсисѣ мнѣніе современныхъ грамотѣевъ, что *Хрещатикъ* или Крещатикъ означаетъ то мѣсто, гдѣ крестились сыновья Св. Владиміра. Обстоятельство это не лишено вѣроятности; но присемъ можно возразить слѣдующее: 1) До временъ Коссова, Гизеля мнѣніе это было рѣшительно неизвѣстно; мы его нигдѣ не встрѣчаемъ; значитъ оно образовалось въ 17-мъ вѣкѣ. 2) Если Равноапостолъ Русскій повелѣлъ Кіевлянамъ принять Св. Крещеніе въ рѣкѣ (въ Днѣпрѣ или въ Почаинѣ, въ этомъ случаѣ все равно), то ясно, что мѣра эта

[1]) Кіев. епарх. Вѣдом. 1861 г. стр. 359.

была необходима по причинѣ *множества*, обращавшихся въ Христіанство; но для 12-ти сыновей Великаго Князя было гораздо приличнѣе принять крещеніе въ церкви, и если тогда оной еще не было въ Кіевѣ, то даже въ палаткѣ, нежели выказывать молодыхъ Князей нагими на *криницѣ* (источникѣ), тѣмъ болѣе, что и самъ Св. Владиміръ крестился въ церкви (Корсунской), а не въ рѣкѣ гдѣ либо. 3) Въ нѣскольких мѣстахъ Кіевской губерніи попадаются названія *Хрещатый*, на пр. *Хрещатое озеро*. Объ немъ упоминается въ грамотѣ В. Кн. Литовскаго Александра въ 1506 г. [1]). *Хрещатая долина* въ Кіевѣ: въ 1593 г. нѣсколько разъ упоминается въ грамотахъ, при описаніи земель, принадлежавшихъ церквамъ Св. Василія и Воздвиженія Св. Креста [2]), и проч. Названіе *Хрещатый* нѣкоторыхъ мѣстностей существуетъ и поднесь; на пр. *Хрещатый яръ* — село въ 10 верстахъ отъ города Таращи. Наименованіе свое получило отъ крестовидно пересѣкающагося удолія, въ коемъ оно расположено. *Хрещатикъ* село Черкасскаго уѣзда при Днѣпрѣ, около 14 верстъ отъ мѣстечка Мошны, [3]) имѣнія княгини Воронцовой. — Было бы крайне нелѣпо, объяснять происхожденіе всѣхъ подобныхъ названій крещеніемъ кого либо на этихъ мѣстахъ. 4) Преподобный Несторъ говоритъ только: *Володимеръ просвѣщенъ самъ и сынове его и земля его* (стр. 52), а о Крещатикѣ рѣшительно ничего не упоминаетъ. Наконецъ 5) Малорусское слово *Хрещатый* означаетъ: накрестъ сложенный, крестообразный, имѣющій подобіе креста. *Хрещата хустка*, *хрещата шата*, т. е. платокъ, риза съ изображеніями креста и проч; но съ этимъ не соединяется никакого понятія о крещеніи. — Впрочемъ, для торжества истины, намъ было бы весьма пріятно, если кто *дѣльными* доказательствами, т. е. оффиціальными актами подтвердитъ справедливость Коссова, Гизелева, Софоновичева преданія и тѣмъ опровергнетъ всякое сомнѣніе. — Преданіе о крещеніи сыновъ Св. Владиміра именно на Крещатикѣ доселѣ принималось какъ аксіома, т. е. какъ неподлежащее сомнѣнію. Въ математической аксіомѣ нельзя сомнѣваться потому, что истина очевидна; но въ Исторіи не всегда бываетъ подобная очевидность. На примѣръ противъ древнихъ Лѣтописей спорить нельзя, потому что замѣнить ихъ не возможно, и ничего нельзя имъ противупоставить. Но позднѣйшія преданія принимать на слово не слѣдуетъ, надобно соображать, согласны ли они съ обстоятельствами того времени, о которомъ говорятъ. Мы видѣли, что упомянутое выше преданіе *о мѣстности* сомнительно. Единственная защита этой повѣсти встрѣчается въ *Галереѣ Кіевскихъ видовъ*. Н. Сементовскаго. Вотъ слова его: „Сказаніе Синопсиса о крещеніи сыновей Великаго Князя Владиміра въ ручьѣ, протекавшемъ въ глубокомъ оврагѣ вливавшемся въ Почаину, *можно* принять за достовѣрное. Очень легко *могло быть*, что Владиміръ, *въ примѣръ народу*, приказалъ двѣнадцати сыновьямъ своимъ принять Св. Крещеніе .. Узкій и неглубокій ручей, *скрывавшій*-

[1]) Кіев спарх. Вѣдом. 1861 г. стр. 426. [2]) Памяти. древ. акт. Кіевъ. Т. II стр. 290 и 310 [3]) Кіев еп. Вѣд. 1864. стр. 307; памятно исторією самосвята Евстафія Пилипенка.

ся въ глубокомъ удоліи, *среди дремучаго лѣса* служилъ самымъ удобнымъ мѣстомъ для исполненія Св. Таинства надъ сыновьями В. К. Владиміра." (стр. 12). Мы должны сказать, что мнѣніе г. Сементовскаго мало удовлетворяетъ насъ. Оно основано на предположеніи, на вѣроятности, и только. Но мало ли, что *могло быть* на свѣтѣ, чего однакожъ *не было*; притомъ же защита его въ самой себѣ содержитъ противорѣчіе. Онъ говоритъ: В. Кн. хотѣлъ *показать примѣръ народу*. Хорошо! Но *этотъ самый примѣръ скрылъ* въ чащѣ деревъ *отъ взоровъ народа*. Что же это значитъ? Развѣ можно показывать скрывая? Или наоборотъ, скрыть показывая? Тутъ двѣ совершенно противуположныя вещи, изъ коихъ одна другую уничтожаетъ.

г) *Крещатицкое Беремище*. — Берлинскій пишетъ: „Извѣстно изъ Лѣтописи и Синопсиса, что, кромѣ Перуна, были разныхъ именъ и свойствъ, имъ приписанныхъ, идолы, поставленные большею частію на самыхъ видныхъ холмахъ въ Кіевѣ. „И оскверняху землю требами своими, и сквернися кровьми земля Русская и холмъ той" (Кенигсб. 70). Ежели, по преимуществу мѣста, поставленъ былъ у Княжескаго Двора главнѣйшій идолъ, Перунъ, то самый высокій холмъ Стараго Кіева, на углу его, обращенномъ къ *Хрещатику*, не оставался празденъ. Ибо и это мѣсто, вѣроятно, также, по случаю низверженнаго съ него въ Почаину (Днѣпръ) идола, называлось *Хрещатицкимъ Беремищемъ*, а потомъ *Кучинскою горою*. Послѣднее названіе произошло послѣ отъ сада, принадлежавшаго какому-то пану Кучинскому; садъ этотъ упразднёнъ при устроеніи (1732—1737 г.) Минихомъ Старокіевской крѣпости. По этой причинѣ Кучинская гора отъ суевѣрныхъ простолюдиновъ почитается сборнымъ мѣстомъ вѣдьмъ, перевертней и упырей" [1]).—Здѣсь мы должны замѣтить, что покойный Берлинскій сдѣлалъ невѣрное показаніе, отнеся садъ пана Кучинскаго на Крещатицкое Беремище, т. е. на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ бронзовый памятникъ Св. Князю Владиміру. Ниже, въ § 94. (Надово озеро), мы увидимъ, что офиціальные документы показываютъ о садѣ Кучинскаго совсѣмъ другое.—Петръ Розвидовскій, бывшій съ 1634—1664 г. генеральнымъ проповѣдникомъ при Кіевскомъ Доминиканскомъ монастырѣ, описывая мѣста или грунты, принадлежавшіе въ Кіевѣ Доминиканамъ, между прочимъ говоритъ: „Грунтъ къ Днѣпру, за Бернардинами, подлѣ грунта Лейзора, арендатора Жида. Тамъ былъ деревянный типографскій дворъ между симъ Жидомъ и садомъ *Кучовскаго*, гдѣ *Вѣдьмы слетались*. Съ сего грунта мы сбирали чиншу тридцать злотыхъ" [2]).

д) *Институтъ*. — Между Крещатикомъ и Дворцовою частію находится Институтъ благородныхъ дѣвицъ, на мѣстѣ, пожертвованномъ г. Бѣгичевымъ. Инстинутъ сей открытъ въ 1838 г.; новое зданіе заложено въ 1839 г., а въ 1843 г. окончено постройкою; оно въ четыре этажа, съ Грековосточною церковію и Римсколатинскимъ костеломъ; золотой

[1]) Опис. Кіева, стр. 89, и 191. [2]) Опис. К. Соф. Прибав. стр. 31.

крестъ на верху осѣняетъ обѣ церкви, устроенныя одна надъ другою; наша Православная вверху, а латинская внизу. Зданіе сіе огромно и великолѣпно; съ возвышенности, имъ занимаемой, открывается величественная панорама во всѣ стороны города.—На Крещатикѣ, среди площадки, противъ Костельной улицы, устроенъ г. Третьяковымъ въ 1843 г. *бассеинъ* изъ гранита. Вода въ него проведена съ горы чрезъ подземныя трубы и бьетъ вверхъ небольшимъ фонтаномъ; но вкусъ ея негоденъ для употребленія.

е) *Крещатицкая улица*.—Сіе удоліе, пролегающее между горами Старокіевскою и Дворцовою, было *Дебрію* и Перевѣсищемъ въ нашествіе Батыя. Въ 1797 г. не было тутъ ни одного строенія, и вообще всѣ теперь населенныя мѣста на Крещатикѣ представляли еще и въ концѣ прошлаго столѣтія одну пустоту; въ послѣдніе годы обратилось мѣсто сіе въ одну изъ лучшихъ улицъ Кіева, которая становится уже средоточіемъ здѣшней промышленности.

ж) *Лысая гора*.—Приведенное выше Крещатицкое Беремище и повѣствованіе Розвидовскаго и Берлинскаго о вѣдьмахъ, даютъ намъ поводъ упомянуть о знаменитой Лысой горѣ, о которой молва, вмѣстѣ съ молвою о Кіевскихъ вѣдьмахъ, распространена по всѣмъ предѣламъ Россіи. Гора сія находится на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ виду Кіева; начинаясь вблизи шоссе отъ Цѣпнаго Моста, она простирается, мимо селенія Воскресенскаго, небольшимъ песчанымъ возвышеніемъ почти на четыре версты до села Вигуровщины. Были, однако же, и другія возвышенія на правой сторонѣ Днѣпра, которыя также почитались сборищемъ Кіевскихъ вѣдьмъ. Такъ одно изъ нихъ близъ Кирилловскаго, въ направленіи къ Межигорью, слыло *Лысою горою*. Другое же возвышеніе находилось въ самомъ Кіевѣ, подъ Михайловскою горою, на Крещатицкомъ Беремищѣ, о чемъ уже въ семъ параграфѣ упомянуто.

§ 82. КРѢПОСТИ.

а) СТАРОКІЕВСКАЯ, б) ПЕЧЕРСКАЯ (СТАРАЯ), в) КІЕВО-ПОДОЛЬСКАЯ г) ЗВѢРИНЕЦКАЯ.

Старокіевская Крѣпость.—Валы и окопы Стараго Кіева существовали еще во времена доисторическія, потому что каждое осѣдлое населеніе свое древніе Славяне, для безопасности отъ нападеній непріятельскихъ, ограждали валами, окопами, острогами и проч., однимъ словомъ *огораживали*, почему и называлось городомъ, *градомъ*. Объ этой крѣпости до разоренія Батыева въ Лѣтописяхъ многократно упоминается. (Ср. о семъ ниже въ § 125. Теремные Княжескіе Дворцы). Хотя чувство личной безопасности и любовь къ отчизнѣ тотчасъ послѣ ужасныхъ бѣдствій, причиненныхъ Татарами, должны были возродить въ Кіевлянахъ желаніе привести городъ свой въ прежнее оборонительное состояніе и оградить его новыми, безопаснѣйшими укрѣпленіями, однако едвали они могли скоро приступить къ сему дѣлу, когда, съ одной стороны бѣдность и малочисленность ихъ, а съ другой моровая язва,

нѣсколько разъ опустошавшая область Кіевскую, надолго лишили ихъ самыхъ важныхъ пособій къ приведенію въ исполненіе ихъ патріотическихъ намѣреній. Притомъ извѣстно что укрѣпленія городовъ зависятъ не столько отъ подданныхъ, сколько отъ воли и согласія государей. Но намъ извѣстно, что князья Галицкіе, которые, по удаленіи Татаръ, почитались владѣтелями Кіева, нимало не заботились о возобновленіи и укрѣпленіи этого города; они болѣе дорожили титуломъ князей Кіевскихъ, нежели благосостояніемъ самаго города, изъ котораго вывозили даже иконы и колокола (См. § 32 Вотчь монаст. Св. Ѳеодора). Съ 1320 г. по 1569 г. Кіевъ находился подъ владычествомъ князей Литовскихъ; но князья эти также мало заботились о благоустройствѣ Кіева. Политика ихъ была обращена на дѣла Сѣверной Россіи. Впрочемъ Гедиминъ и Ольгердъ обезопасили Кіевъ отъ частыхъ набѣговъ Татаръ, строили самонужнѣйшія укрѣпленія для охраненія умножавшихся жителей, которые искали въ городскихъ стѣнахъ защиты отъ хищныхъ враговъ своихъ подъ старыми валами сего города. Такимъ образомъ болѣе всего увеличивался Старый Кіевъ и Подолъ. Но кажется, что Литовскіе князья возобновляли только прежнія укрѣпленія, разрушенныя Татарами. Между тѣмъ Длугошъ свидѣтельствуетъ, что Кіевъ еще въ 14 и 15-мъ вѣкахъ представлялъ однѣ почти развалины [1]). Съ 1569 по 1667 г. Кіевъ зависѣлъ отъ королей польскихъ, которые для укрѣпленія города, выключая деревяннаго *Кіевскаго Замка* на двухъ нынѣшнихъ горахъ Уздыхальницѣ и Киселевкѣ, и деревяннаго частокола съ ничтожнымъ рвомъ вокругъ Кіевоподола, ничего болѣе не сдѣлали. Однакожъ отецъ Аѳанасій Кальнофойскій въ 1638 г. Старокіевскіе валы называетъ *великими*. Iść prosto przez doł (Крещатикъ) do wałow wielkich —Въ 1654 г., когда возгорѣлась война съ Русскими, князь Иванъ (Янушъ) Радзивилъ, гетманъ Литовскій, старался Старокіевскіе валы привести въ нѣкоторое оборонительное состояніе. Но въ томъ же году, по занятіи Кіева Русскими войсками, первымъ дѣломъ воеводы князя Ѳедора Семеновича Куракина было возобновленіе древней крѣпости на Старомъ Городѣ, и распространеніе оной въ слѣдующемъ 1655 г.—Во второй разъ Старокіевская крѣпость была возобновлена по случаю взятія Турками въ 1678 г. 22 іюля, Чигирина, когда угрожала опасность самому Кіеву, и собрано было подъ стѣнами его многочисленное войско Московское и Запорожское. Командовавшій запасными Московскими полками князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій, въ ожиданіи нашестія отъ Турковъ изъ-подъ Чигирина: „на знаменіе бытія своего подъ Кіевомъ, обведоша (войска) великій Градъ Кіевскій многими крѣпкими валами" [2]). Кн. Черкасскій прибавилъ тогда къ Старому Городу еще больше пространства, оградивъ его новымъ землянымъ валомъ по южной или Крещатицкой сторонѣ, начиная отъ Михайловскаго монастыря до Золотыхъ Воротъ. Посредствомъ сего вала

[1]) Historia Poloniae. Lib. II. pag. 154. [2]) Кіев. Синопсисъ Изд 2 стр. 161.

пригородилось тогда къ Старому Городу новое *Печерское Отдѣленіе*. Именемъ *Печерскихъ* названы были и каменныя ворота въ этомъ нижнемъ валу, которые существовали до 1833 г. На мѣстѣ ихъ собирается теперь Крещатицкій базаръ, возлѣ урочища, называемаго *Козьимъ Болотомъ*.— Въ городскихъ укрѣпленіяхъ 1679 г. участвовалъ извѣстный генералъ Патрикъ Гордонъ. О состояніи Старокіевской крѣпости въ 1682 г. довольно обстоятельно сообщаетъ оффиціальная *Роспись Киеву* [1]). Въ 1684 г. мая 16, Гордонъ началъ возобновлять испорченныя мѣста этой крѣпости и оканчивать начатое. До 7-го ноября употреблено имъ на укрѣпленіе 499 сосновыхъ бревенъ, 207 дубовыхъ свай, 3273 дубовыхъ палисадинъ и 18 досокъ. Гордонъ, въ своемъ дневникѣ, отъ 30 мая 1685 г. замѣчаетъ, что онъ окончилъ укрѣпленіе на Старомъ Кіевѣ, близъ *Печерскихъ* воротъ.— Но удивительно какъ разнообразно и непослѣдовательно многими лицами показана мѣра Старокіевской крѣпости: въ 1674 г. кн. Юрій Трубецкой означилъ 2548 саженъ; 1682 г. Оффиціальная Роспись Киеву 2127 с.; 1684 г. генералъ Гордонъ 3755 саж.; 1685 г. тотъ же самый только 2152 с.; 1832 г. по измѣренію г. Глаголева, выходитъ 1890 саженъ. Въ третій разъ Старокіевская крѣпость, по распоряженіямъ фельдмаршала, графа Миниха, въ продолженіи Турецкой войны, изъ опасенія нашествія Турокъ, съ 1732 по 1737 г. еще разъ возобновлена, и именно сверхъ старыхъ окоповъ и деревянныхъ укрѣпленій насыпанъ огромный валъ вокругъ Стараго Города и соединенъ Подолъ и Печерскъ ретраншаментами. Но при этомъ, сколько извѣстно, не сдѣлано никакихъ перемѣнъ внутри крѣпости. Послѣ сего укрѣпленія Стараго Кіева совсѣмъ оставлены, а въ 1812 г., особенно съ 1834 г. стали ихъ раскапывать и сносить. И теперь напрасно стали бы искать слѣдовъ Ярославовыхъ укрѣпленій, когда для распланировки нынѣшняго Кіева, можно сказать, на нашихъ глазахъ, не только изчезли внутренніе валы Стараго Кіева, но во многихъ мѣстахъ уже изгладились и тѣ насыпи, надъ которыми трудились Черкасскій и Минихъ.— Въ оставшемся надъ Борычевымъ отрывкѣ стариннаго вала, срытаго въ 1834 г. Михаилъ Максимовичъ примѣтилъ, подъ верхнимъ и среднимъ слоемъ земли древнѣйшую основу, можетъ быть остатокъ того еще вала, которымъ окопанъ былъ первоначальный Кіевъ. Въ томъ валу, который идетъ надъ краемъ Андреевской горы вдоль Днѣпра, дотлѣваютъ большіе деревянные срубы, коими Старый Кіевъ городился въ среднія времена, поверхъ древняго окопа [2]). Теперь планъ Стараго Кіева совершенно измѣнился. Валы расчищены, проведено нѣсколько прямыхъ улицъ и образовалась въ серединѣ пространная площадь, съ новыми домами. Изчезли ветхія лачужки и узкіе, кривые переулки, коими, какъ лабиринтомъ, покрывались развалины Стараго Кіева въ вѣка его бѣдности;

[1]) См. въ Приложеніяхъ; а въ сокращеніи см. нашу Лѣтопись, стр. 61. [2]) 1 Кн. Кіевлянина 1840 г., стр. 47. и 48.

но къ сожалѣнію уничтожены его историческіе валы и окопы. Въ теперешнемъ видѣ нельзя уже распознать и тѣхъ немногихъ мѣстъ, на которыхъ еще въ 17-мъ вѣкѣ стояли развалины Русской древности. При тогдашнемъ обновленіи и укрѣпленіи Стараго города обломки древнихъ зданій разошлись на новое жилье, а остальная часть ихъ покрылась новыми слоями земли, подъ садами на нихъ выросшими и подъ домами на нихъ выстроенными [1]). — Исторію *Кіевскаго За́мка* см. въ § 67. Киселевка.

б) *Печерская крѣпость* старая. — По случаю опасности отъ Турковъ, Козаки Малорусскіе, по повелѣнію князя Черкасскаго и подъ смотрѣніемъ гетмана Ивана Самуйловича, сдѣлали въ 1679 г. около Печерскаго монастыря земляной валъ. „А гетманъ Иванъ Самойловичъ, на память своего съ многочисленными войсками бытія подъ Кіевомъ... любовь свою... имѣя къ святой Лаврѣ Печерской... потщася оградити ю и утвердити окрестъ крѣпкими земляными валами“ [2]). Это было первое основаніе Печерской крѣпости. Но сія старая фортификація не могла бы устоять противъ новой тактики Карла XII; почему Петръ I устроилъ на выгоднѣйшемъ положеніи Печерскую крѣпость по собственному плану. Она заложена Петромъ I августа 15 дня, 1706 г., начали ее строить Малорусскіе Козаки, подъ смотрѣніемъ Мазепы [3]), а въ 1716 г. она окончена и опредѣлены комендантъ и инженерный генералъ. Первымъ комендантомъ былъ полковникъ Геренкъ. Яковъ Марковичъ, въ своемъ дневникѣ сообщаетъ, что въ 1713 г. войска Козацкія, по причинѣ опасности отъ Турковъ, стояли подъ Кіевомъ и дѣлали валъ (ретраншаментъ) мимо Лыбеди отъ Печерской крѣпости до Подола. Потомъ въ маѣ 1720 г. гетманъ Скоропадскій, по приказанію Петра I, отправилъ пять тысячъ Козаковъ для возобновленія Печерской крѣпости [4]). Съ 1711 г. перешли въ крѣпость на жительство начальники города и губерніи и перенесена туда же губернская канцелярія, такъ что Лавра съ крѣпостію и форштатомъ составляли въ то время нѣкоторымъ образомъ особый городъ, отдѣлившійся отъ Стараго Кіева обширнымъ пустымъ и лѣсистымъ мѣстомъ, которое теперь застроено и составляетъ Дворцовую часть.

в) *Кіево-Подольская* крѣпость. — Подъ Литовскимъ и Польскимъ владычествомъ Кіево-Подолъ былъ отъ Татарскихъ набѣговъ защищенъ палисадникомъ съ башнями и ничтожнымъ рвомъ, какъ пишетъ Бопланъ. При Русскихъ воеводахъ Подолъ былъ укрѣпленъ земляными валами. Въ дневникѣ Гордона сказано, что 7-го іюня 1684 г. начали исправлять крѣпостной валъ въ Кіево-Подолѣ, подъ смотрѣніемъ этого генерала. Въ царствованіе Анны Ивановны, во время Турецкой войны, выстроено было, подъ руководствомъ графа Миниха, около Подола, со стороны Днѣпра и Оболони деревянное укрѣпленіе съ валами, башнями и во-

[1]) См. выше примѣч. на стр. 266 [2]) Синопсисъ. Изд. 2. стр. 161. [3]) См. выше, стр. 80 и 81. [4]) Истор. Мал. Росс. Б. Каменск. Изд. 3. стр. 136.

ротами. Укрѣпленіе это, возводимое на счетъ мѣщанства, было причиною для него многихъ тягостей [1]). Вообще распоряженія иностранца Миниха, подъ вліяніемъ всемогущаго Бирона, останутся на всегда памятны для Кіевлянъ и вообще для Малороссіи. Послѣ пожара 1811 г. не осталось на Подолѣ и слѣдовъ отъ упомянутаго выше укрѣпленія; вся память сохраняется доселѣ только въ названіяхъ *Высшій* и *Низшій Валъ* вдоль устья Подольскаго канала, или какъ Кіевляне называютъ *Канавы*.

г) *Звѣринецкая малая крѣпость*.—Она заложена въ 1810 г. на противолежащемъ холмѣ къ югу отъ Печерской крѣпости, весьма вѣроятно на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности былъ *Всеволодовъ Красный Дворъ*. Въ дополненіе къ этому параграфу скажемъ, что съ 1830 г. начались на Печерскѣ постройки колосальныхъ крѣпостныхъ зданій. (Ср. § 69 Кіевъ). Въ старой Печерской крѣпости, кромѣ Лаврскаго монастыря, Преображенской, Өеодосіевской и Воскресенской приходскихъ церквей, арсенала, гауптвахты и другихъ крѣпостныхъ строеній, находятся: Коммиссаріатское Депо, хлѣбные магазины и домы для коменданта и инженернаго генерала.

§. 83. КУДРЯВЕЦЪ.

а) замокъ, б) бискупщина, в) церковь вознесенія господня, г) лукьяновка.

а) *За́мокъ*.—Урочище Кудрявецъ есть возвышенность, находящаяся съ югозападной стороны Кіевоподола и къ западу отъ Стараго Кіева, примыкаетъ къ урочищу Кожевниковъ и Горшечниковъ. Съ давнихъ временъ на Кудрявцѣ находился митрополичій загородный домъ и садъ, но въ 1604 г. латинскій бискупъ отнялъ его у Православнаго духовенства и выстроилъ за́мокъ, почему это урочище и слобода долгое время назывались бискупскимъ.

б) *Бискупщина*.—Такъ слыли въ старину городскія земли на Подолѣ, начинавшіяся отъ Іорданскаго озера на Оболони до Щековицы и Житнаго Торга *за Канавою* до Днѣпра; а отсюда простиравшіяся слободою или урочищемъ Кожемяками до самаго бискупскаго замка на горѣ Кудрявцѣ. Эти земли составляли владѣнія латинскаго бискупа въ Кіевѣ. Онѣ были пріобрѣтаемы разновременно, но большая часть ихъ подарена Сигизмундомъ III въ 1604 г. [2]) Однако всѣ онѣ возвращены городу грамотою царя Алексѣя Михайловича въ 1660 г. Владѣя упомянутыми землями, бискупы, кромѣ многихъ другихъ преимуществъ, имѣли право продажи на нихъ горячаго вина. Память объ этомъ долго сохранялась въ одномъ питейномъ дому на Житномъ Торгу: вмѣсто обыкновенной нумераціи, онъ носилъ на вывѣскѣ названіе *бискупскаго*.

[1]) См. выше, стр. 80. [2]) Обстоятельнѣе, см. нашу Лѣтопись, стр. 44.

в) *Церковь Вознесенія Господня.*—Когда волею Провидѣнія кончилось владычество поляковъ въ Кіевѣ, то и опустѣвшее урочище Кудрявецъ возвращено было Православной каѳедрѣ и, на мѣстѣ бывшаго бискупскаго замка, митрополитъ Іоасафъ Кроковскій выстроилъ въ 1718 г. деревянную церковь во имя Вознесенія Господня въ память дня своего хиротонисанія. Церковь эта была воздвигнута въ качествѣ домовой при загородномъ митрополичьемъ дворцѣ. По свидѣтельству преосв. Евгенія, митрополитъ Арсеній Могилянскій развелъ, около 1763 г. на этомъ мѣстѣ, регулярный садъ. Въ 1788 г. лѣтній дворецъ Кіевскихъ митрополитовъ перенесенъ въ Шулявщину; съ этихъ поръ Вознесенская церковь сдѣлана приходскою, а въ бывшемъ митрополичьемъ дворцѣ на Кудрявцѣ была потомъ помѣщена военная больница, которая въ 1804 г. сгорѣла, причемъ и бывшій садъ опустошенъ. Теперь здѣсь только огородъ и близъ него стоитъ одиноко ветхая Вознесенская церковь. — Нѣкоторые думаютъ, что долина, а въ послѣдствіи слобода, *Кудрявецъ*, лежащая между Старокіевскимъ, такъ называвшимся *Пробитымъ Валомъ* и *Глубокою Долиною*, получила свое имя отъ протекавшей тамъ рѣчки Кудрявца, на которой въ 17-мъ вѣкѣ была монастырская *гребля* (гать) и *млинокъ* (мельница), какъ видно изъ записи 1676 г. [1]). Когда въ 1850 г. возникалъ вопросъ о заведеніи въ Кіевѣ Болгарскаго монастыря, то предположено было монастырю этому назначить Вознесенскую церковь и отвесть для него принадлежащую митрополичьему дому огородную землю, примыкающую къ церкви. Но предположеніе это, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не состоялось. Между тѣмъ расширеніе Кіева, постепенно продолжающееся съ 1830 г. потребовало новыхъ церквей въ мѣстахъ новаго заселенія, а измѣненіе плана самаго города сдѣлало излишними нѣкоторыя церкви въ прежнихъ мѣстностяхъ. Въ слѣдствіе подобныхъ причинъ открылась необходимость устроить новую церковь за бывшею Житомирскою заставой, на мѣстѣ тоже бывшаго Старокіевскаго кладбища, очутившагося также внутри города; а существующую ветхую церковь на Кудрявцѣ, какъ стоящую на краю своего прихода, упразднить. Закладка новаго, каменнаго храма, во имя Вознесенія Господня, на упомянутомъ новомъ мѣстѣ, т. е. на бывшемъ Старокіевскомъ кладбищѣ, послѣдовала 9-го мая 1863 г. въ день Вознесенія Господня; но постройка эта, по скудости средствъ, идетъ очень медленно. Вознесенскій приходъ составляетъ довольно обширную мѣстность съ населеніемъ свыше двухъ тысячъ человѣкъ; церковнаго дома для жительства священно и церковнослужителей нѣтъ, хотя недавно отведено мѣсто для церкви очень большое. Вообще годовой церковный доходъ простирается до 1700 рублей серебромъ.

г) *Лукьяновка.* — Разливъ Днѣпра въ 1845 г. былъ до того необыкновенно великъ, что низменныя части Кіево-Подола покрылись водою на десять аршинъ выше нормальнаго уровня. Разливъ этотъ въ Вве-

[1]) 1 Кн. Кіевлян. стр. 56.

денскомъ приходѣ на Подолѣ и на Плосскомъ истребилъ 77 домовъ, а 451 домъ значительно повредилъ. Съ этихъ поръ жители, наиболѣе подвергавшіеся Днѣпровскимъ наводненіямъ, оставляя свои прежнія мѣста, стали селиться на возвышенностяхъ Кіева, какъ то: въ верховьяхъ ручья Глубочицы и въ Куреневкѣ. Выше Глубочицы образовался новый кварталъ города, извѣстный подъ названіемъ *Лукьяновки* [1]). — Въ старину близъ этого мѣста были *Жидовскіи кладовищи* (см. § 54. Жидовская улица). Намъ неизвѣстно, отъ чего произошло названіе Лукьяновки; но оно едва ли старѣе начала прошлаго столѣтія. Думаемъ, что на этомъ мѣстѣ, въ концѣ 17-го столѣтія, имѣлъ свою усадьбу или дачу Лукьянъ Александрóвичъ, цехмистеръ Кіевскій, коего жена, овдовѣвши, подъ именемъ Анны, была монахинею въ дѣвичьемъ Михайловскомъ монастырѣ, и подарила въ оный *пляцъ;* о чемъ, подъ 1690 г. упоминается въ *Описи* и въ универсалѣ Мазепы отъ 25 августа 1699 г (См. § 90. Михайловск. монастырь). Вѣроятно потомокъ сего цехмистра Лукьяна, Бургомистръ Димитрій Александрóвичъ оставилъ журналъ о посѣщеніи Кіева Великимъ Княземъ, Наслѣдникомъ, Павломъ Петровичемъ въ 1781 г. [2]). Мѣстность Лукьяновки, руководствуясь планомъ Кіева, изданнымъ при Топографическомъ Депо въ 1846 г., находится на западныхъ оконечностяхъ горы Скавики и горъ урочища Плосскаго. Начинаясь при верховьяхъ ручья Глубочицы и оканчиваясь недалеко отъ Кирилловскихъ Богоугодныхъ Заведеній, Лукьяновка простирается въ длину, отъ юга къ сѣверу, до 600 саженъ, а въ ширину, отъ востока къ западу, имѣетъ гораздо менѣе версты. Одна дорога въ Лукьяновку ведетъ, со стороны урочища Юрковицы, начинающейся въ *Рогаткахъ*, (на этомъ мѣстѣ были съ 1682 по 1745 г *Іорданскія Ворота* [3]), здѣсь кончался Подолъ). Другая дорога со стороны Плоскаго проходитъ близъ церкви Св. Димитрія; и еще двѣ со стороны Глубочицкой мѣстности; ближайшая изъ нихъ къ Подолу проходитъ Кудрявецъ, перерѣзываетъ Глубочицу и наконецъ Скавику, мимо кладбища старообрядцевъ; а дальнѣйшая дорога, начичинаясь отъ старой Житомирской, (недалеко отъ новаго острога), проходитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ получаетъ начало свое ручей Глубочицкій. Вся эта мѣстность, по показанію отца Александра Кирилловича Громаковскаго, изрытая старыми и новыми оврагами, составляетъ разнообразную и многовѣтвистую нагорную возвышенность Глубочицы, съ сѣверной ея стороны. На Лукьяновкѣ находится нѣсколько порядочныхъ дачъ и одна главная улица, или дорога, которая въ этой слободѣ потомъ раздѣляется на двѣ, изъ коихъ первая спускается на средину Глубочицы, а вторая проходитъ до старой Житомирской дороги. На Лукьяновкѣ селятся преимущественно бѣдные люди, какъ то, разоренные на Оболони разливами Днѣпра, рыболовы, отставные солдаты, также бывшіе въ

[1]) См. выше, стр. 126. [2]) См. нашу Лѣтопись, стр. 95. [3]) См. выше, стр. 62 и § 69, Кіевъ, Подолъ, стр. 380.

услуженіи и желающіе обзавестись своимъ хозяйствомъ и т. п.; но люди эти избираютъ мѣста для своихъ жилищъ преимущественно въ оврагахъ, а не на самой возвышенной равнинѣ, вѣроятно для большей защиты отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

§ 84. ЛЬВОВСКІЯ ВРАТА.

Они же Жидовскія ворота, теперь Житомірскія. Неизвѣстно, когда впервые поселились Жиды въ Кіевѣ, хотя объ нихъ, какъ жителяхъ Кіевскихъ, упоминается въ первый разъ около 1093 г. (См. Жидовская улица. § 54). Они умножились во время правленія Святополка II (1093—1113), который, руководясь корыстными побужденіями, оказывалъ Жидамъ большую протекцію. Жалобы современниковъ на Святополка видны изъ Житія Прохора Чудотворца или Лободника, описаннаго Печерскимъ черноризцемъ Поликарпомъ, который говоритъ, что „въ дни княжения своего Кыевѣ Святополкъ Изяславичъ много насилие створи, имѣния многимъ от-имъ; сего ради Богъ попусти поганымъ силу имѣти на нь. И быша рати многы от Половецъ, къ симъ же и усобицѣ, и бысть въ та времена гладъ крѣпокъ и скудота великая въ Русьской земли во всемъ“ [1]). Жиды однако могли быть въ Кіевѣ и въ древнѣйшія еще времена, особенно, когда Козары, владѣя этимъ городомъ, исповѣдывали вѣру Моисея, которую послѣ перемѣнили на Магометанскую [2]). О Жидовскихъ вратахъ упоминается подъ 1146 г. *переѣхавше Берендичи черезъ Лыбедь взяша Игоревы* (II Ольговича) *товары* (обозъ) *передъ Золотыми вороты... и поверга* (Улѣбъ) *стяги* (знамена) *и поскочи къ Жидовьскымъ воротомъ*. Особенно важенъ текстъ подъ 1151 г. *Вячьславъ и Изяславъ* (II Мстиславичъ) *стаста передъ Золотыми вороты у Язины* (?), *а Изяславъ Давыдовичь ста межи Золотыми Вороты и межи Жидовьскыми, противу Бориславлю двору, а Ростиславъ ста передъ Жидовьскыми вороты, а Городеньскій Борисъ у Лядьскыхъ воротъ. Кыяне же промежи князи* (между князьями) *сьмо сташа; отъ Вячьслава и Изяслава по праву* (т. е., по правую руку, направо, или къ сѣверу отъ Златыхъ вратъ. Разумѣется, что Изяславъ и Вячеславъ, защищая Кіевъ отъ нападенія Георгія Суздальскаго, стояли лицомъ къ непріятелю, слѣдовательно, имѣли позади себя Златыя врата) *оли до Изяслава* (Давидовича) *и до Ростислава, а отъ Ростислава* (стоявшаго предъ Жидовскими воротами) *оли и до Олговы Могилы* (на Скавикѣ), *а по лѣву Вячьслава и Изяслава* (т. е., налѣво отъ нихъ) *оли до Лядьскыхъ воротъ* (до Крещатика); *и тако сташа около всего города... а друзіи противу Лядьскымъ воротамъ на песцѣхъ* (пескахъ) *бьяхутся* [3]). Тутъ же Берендѣи и Торки, хищные друзья Изяславовы, пользуясь общимъ смятеніемъ, обирали монастыри, жгли села и сады. Въ Никоновск. лѣтоп. сказано: „Волости и села пожгоша и *винограды* присѣкоша“ (II. 125).

[1]) См. Харатейн. Патерикъ, Арсеніевск. рукопись 1406 г. [2]) Klaprot's Russlands Vergrösserungen. Seite 182. [3]) Ипатіевск. стр. 24, 60. Весь этотъ текстъ см. выше, стр. 195.

Судя по выше приведеннымъ мѣстамъ Лѣтописи, *Жидовскія* врата были не что иное, какъ теперешнія *Львовскія*, около 1835 г. переименованныя въ *Житомирскія*, находящіяся въ Софійскомъ Отдѣленіи Стараго Кіева, къ сѣверозападу отъ Софійскаго собора. Львовскими же они названы потому, что въ 13-мъ вѣкѣ Князья Галицкіе почитали себя владѣтелями Кіева, и во время зависимости Кіева отъ Литвы и Польши, чрезъ Львовскія ворота пролегала дорога во Львовъ (Лембергъ) главный городъ Галиціи, гдѣ иногда жили митрополиты Кіевскіе. — Деревянныя Львовскія ворота, вмѣсто прежнихъ каменныхъ построенныя, существовали до 1795 г. Икона Св. Богоматери, *всѣхъ скорбящихъ радости*, стоявшая на каменныхъ Львовскихъ воротахъ, хранится въ Срѣтенской церкви, не въ дальнемъ оттуда разстояніи находящейся. По обветшаніи деревянныхъ Львовскихъ воротъ, мѣсто это въ концѣ прошлаго столѣтія извѣстно было подъ названіемъ *Житомирской заставы*.

§ 85. лыбедь.

а) лыбедь, б) жилище рогнѣды, а потомъ село предславино, в) дѣвичь-гора и бусовица.

а) *Лыбедь.*—Рѣчка на берегу коея преданіе поселило Лыбедь, сестру Кія, жившаго будто бы (какъ Стрыйковскій пишетъ) въ 430 г. *Быша три братья, единому имя Кыи, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь* (Лаврент.). Рѣчка эта обтекаетъ Кіевъ съ югозападной стороны онаго. Древніе Кіевляне по близости получали изъ нея воду, что видно изъ описанія подъ 968 г. во время осады Кіева Печенѣгами: *Отступиша Печенѣзи отъ града и не бяше льзѣ коня напоити; на Лыбеди Печенѣзи* (т. е., по причинѣ Печенѣговъ. Лавр. 37).

б) *Жилище Рогнѣды, а потомъ село Предславино.*—Возлѣ Лыбеди во время Владиміра I было (около 983 г.) жилище Рогнѣды, названной, по ея горестямъ, Гориславою, а во время Нестора, около 1111 г., на этомъ мѣстѣ находилось село Предславино. Подъ 980 г.: *Бѣ же Володимеръ побѣжденъ похотью женскою, и быша ему водимыя: Рогнѣдь, юже посади на Лыбеди, идѣже нынѣ стоить сельце Предьславино.* (Лавр. 48). Карамзинъ думаетъ [1]), что село Предславино названо или по имени Предславы, супруги Улеба и родственицы В. К. Игоря I, посолъ коея, Каницаръ, находился въ Кіевскомъ посольствѣ въ Царьградъ 944 г.; или по имени дочери Владиміра и Рогнѣды. Княжна Предслава, вѣроятно, родилась и жила въ этомъ селѣ, а въ 1018 г. была взята въ плѣнъ Болеславомъ, который за нее прежде сватался (Лаврен. 20 и 62). Въ послѣдствіи времени въ Лѣтописяхъ часто упоминается о рѣчкѣ Лыбеди, возлѣ которой происходили княжескія битвы. Такъ, подъ 1146 г. *Берендичи* (союзники Изяслава II), *перѣхавше Лы-*

[1]) Ист. Гос. Росс. Т. I. примѣч 347 и 439; Т. II. прим. 17.

бедь, взяша Игоревы товары, т. е. обозъ (Ипат. 24). Подъ 1151 г., во время войны Изяслава II, Князя Кіевскаго, съ Георгіемъ, Княземъ Суздальскимъ: *И пойдоша* (Георгій Владиміровичь съ Ольговичами) *къ Кыеву, и сташа возлѣ Лыбедь. Изяславъ же ста противу ему предъ Золотыми вороты ..стрѣльцемъ, стрѣляющимся о Лыбедь... тогда же Георгіевичъ Андрей ѣхаста къ Лыбеди... съ Половци* къ городу Кіеву, и проч. (Лавр. 143, Ипат. 61). Верховья этой рѣчки въ 12-мъ вѣкѣ назывались *Сухою Лыбедью*. Подъ 1146 г. *И ту быша имъ прорви отъ* (Надова) *озера, а друзіи* (прорвы) *изъ сухоа Лыбеди*. Подъ 1151 г. *Андрей же Гюргевичъ и Володимеръ... переѣхаша, кдѣ же есть Сухая Лыбедь* (Ипат. стр. 24 и 61). Теперь Лыбедь, представляетъ ручей, сопровождаемый топями и нѣсколькими прудами, изъ коихъ самые большіе: 1) на *Шулявщинѣ*, возлѣ рощи, 2) *Паньковскій*, вблизи университета, въ Лыбедской части, и 3) *Печерскій*, возлѣ устья Лыбеди въ Днѣпръ; на этихъ прудахъ находятся мельницы. Лыбедь выходить изъ Шулявщины. Источники ея находятся отъ Софійскаго Собора, по прямому направленію, въ пяти верстахъ и 125-ти саженяхъ къ западу. Она впадаетъ въ Днѣпръ ниже Выдубицкаго монастыря. Ручей этотъ, на которомъ теперь нѣтъ ничего примѣчательнаго, вѣроятно, въ древности былъ значительнѣе, и многоводнѣе, чѣмъ теперь. Монастыри Кіевскіе, особенно въ 17-мъ вѣкѣ, получали значительный доходъ отъ своихъ мельницъ, приводимыхъ въ движеніе водами этой рѣчки; а лѣвый берегъ ея, особенно при устьѣ, и доселѣ доставляетъ лучшій кирпичъ для зданій Кіевскихъ. О мѣстѣ села Предславина нѣтъ положительнаго извѣстія, а существуютъ только догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя. Куча кургановъ за Лыбедью, близъ Васильковской дороги, носитъ названіе *Батыевыхъ*. Любитель и изыскатель Кіевскихъ Древностей, почтенный М. А. Максимовичъ, на основаніи одной Записи Золотоверхо-Михайловскаго монастыря, составленной въ 16-мъ вѣкѣ [1]), пытался было опредѣлить мѣсто села Предславина. Вотъ слова его: „Названія упомянутыхъ здѣсь урочищъ, (въ актѣ говорится о тѣсныхъ улицахъ, глубокой долинѣ, старомъ путищѣ, о грушѣ Владиміровой и пр.) приводятъ насъ къ мысли: Не въ этихъ ли мѣстахъ находилось село Предславино? Возлѣ этого села безъ сомнѣнія *былъ садъ* (!), гдѣ находилась груша, подъ которою *можетъ быть* (!) особенно любилъ отдыхать Владиміръ, послѣ богатырскихъ своихъ подвиговъ: и ее назвали *Владиміровою грушею;* (замѣтимъ, спустя пять сотъ лѣтъ послѣ него), а потомъ это имя осталось надолго (дѣйствительно надолго) и на запустѣломъ урочищѣ. На урочищѣ *тѣсныхъ улицахъ можетъ быть* (!) находилась самая застроенная часть села; а *старое путище*, ведущее черезъ *глубокую долину* къ тѣснымъ улицамъ *не было ли* (!) тою дорогою, по которой Владиміръ ѣзжалъ къ своей Рогнѣдѣ, и которая послѣ 985 г. стала для него уже немилымъ путемъ и *вѣроятно была* (!) имъ оставлена“ [2]). Вотъ что называется

[1]) Кіев. епарх. Вѣдом. 1861 г. стр. 430. См. у насъ § 90. Михайловскій монастырь.

[2]) 2 кн. Кіевлянина, 1841 г. стр. 102—107.

распространять на заданную тему и украшать. Читатель легко усмотрѣть можетъ, что подобныя объясненія упоминаемыхъ въ актѣ урочищъ, кромѣ произвольныхъ предположеній и фантазіи, не представляютъ никакихъ убѣдительныхъ результатовъ. Въ такомъ случаѣ намъ лучше сознаться, что мѣстоположеніе бывшаго въ древности села Предславина для насъ неизвѣстно.

c) *Дѣвичь гора* и *Бусовица* или *Бусовая.* — Такъ назывались въ старину двѣ надднѣпровскія горы при устьѣ Лыбеди, изъ коихъ первая была на правой сторонѣ Лыбеди, а Бусовица на лѣвой.

§. 86. Лядскія или польскія врата.

Печерское отдѣленіе.

Подъ 1151 г. ***А Городеньскій Борисъ у Лядьскыхъ воротъ... Кыяне сташа... оли до Лядьскыхъ воротъ... а Коуеве сташа отъ Золотыхъ воротъ по тѣмъ огородомъ до Лядьскихъ воротъ***; ***а оттолѣ оли и до Клова... и до Берестоваго и до Угорьскыхъ... а друзіи противу Лядьскымъ воротомъ на*** **ПѢСЦѢХЪ** (пескахъ) ***бьяхуться.*** (Срав. §. 14. Аскольдова могила)... Подъ 1240 г. ***Постави же Баты пороки*** (стѣнобитныя машины) ***городу подлѣ вратъ Лядьскыхъ***, ***ту бо бѣаху пришли*** **ДЕБРИ** (Ипатіев. 60, 61, 177). Что слово ***Лядьскій***, ***Лядскый*** значитъ *Польскій*, видно изъ слѣдующаго текста. Подъ 1031 г. ***Ярославъ и Мьстиславъ... идоста на Ляхы... и повоеваста Лядьскую землю и многы Ляхы приведоста*** (Лаврен. 64). Лядьскія врата до 1837 г. находились на южной сторонѣ Софійскаго Отдѣленія въ Старомъ Кіевѣ, на древней (Ивановской) дорогѣ, ведущей изъ этой части города на Печерскъ, близъ Софійскаго собора, къ юговостоку отъ него, въ верхнемъ старомъ валу, окружавшемъ Печерское Отдѣленіе Стараго Города.

Печерское Отдѣленіе названо симъ именемъ по тому, что покатое и косогорое положеніе сей части Стараго Кіева обращено къ сторонѣ Печерска. Во время Батыева нашествія на мѣстѣ семъ и на Крещатикѣ были *дебри* и *пески*, какъ изъ вышеприведенныхъ текстовъ Лѣтописи видно; слѣдовательно, Печерское Отдѣленіе было тогда не заселено. Безпокойныя обстоятельства Малороссіи и опасность отъ непріятелей въ XVII вѣкѣ были причиною, что люди, прибѣгавшіе подъ защиту Старокіевскихъ валовъ, составили сіе селеніе. Во время Чигиринской войны (1678 г.) мѣсто сіе присоединено было новымъ валомъ къ Старому Кіеву Княземъ Черкасскимъ, командовавшимъ тогда въ Кіевѣ войсками (Ср. §. 82 Крѣпости, стр. 431). Въ верхнемъ старомъ валу находящіяся ворота назывались *Лядьскими*, а въ нижнемъ валу на Крещатикѣ, упраздненныя въ 1833 г., *Печерскими*. На семъ мѣстѣ собирается теперь Крещатицкій базаръ, возлѣ урочища, называемаго *Козьимъ Болотомъ*. Верхняя часть сего Печерскаго Отдѣленія на Старомъ Кіевѣ къ сторонѣ Десятинной церкви и Михайловскаго монастыря, и нынѣшняя Крещатицкая улица назывались въ древности *Перевѣсищемъ* и до временъ Ярослава I не были населены.

§ 87. МАГИСТРАТЪ.

Изъ общественныхъ зданій въ Кіевѣ въ продолженіи 18-го столѣтія наибольшее вниманіе обращалъ на себя домъ, въ которомъ помѣщался Магистратъ. Въ Оброзрѣніи Кіева 1847 (стр. 87) сказано: „Зданіе Магистрата стояло *возлѣ* того мѣста, гдѣ находится теперь Контрактовый домъ". Сіе показаніе ошибочно. Я собственными глазами видѣлъ это зданіе, и твердо помню его мѣсто. Отъ Успенской (Пречистой) церкви на Подолѣ до Контрактоваго дома по прямой линіи 109 саженъ. На сей же прямой линіи стояло и прежнее зданіе Магистрата отъ Успенской церкви въ 66 саженяхъ. А какъ по той же самой прямой линіи находится и фонтанъ Сампсоновскій, и притомъ отъ Успенской же церкви въ 48 саженяхъ, то зданіе Магистрата было между фонтаномъ (почти въ 20 саженяхъ отъ него) и между теперешнимъ Контрактовымъ домомъ, отстоя отъ него на 33 сажени, а *не возлѣ онаго*. Впрочемъ, засыпанные погреба бывшаго Магистратскаго дома сохранили еще часть глубокаго своего фундамента и могутъ дать довольно пищи для будущихъ антикваріевъ.

Это бывшее Магистратское каменное зданіе представляло большой продолговатый домъ въ два этажа. Архитектура его была подражаніе Французской XVII вѣка. Италіянцы сами нарушили классическую простоту Архитектуры, употребляя при строеніяхъ то излишніе выступы, то углубленія стѣнъ, или полукруглые карнизы, фронтоны, даже прерванные, также витые столбы и проч. Соблазнительный, но блестящій, примѣръ подалъ самъ великій Микель-Анджело Буонаротти; его подражатели только испортили вкусъ вычурами. Французы, принявъ эту манеру, называемую *рококо*, еще болѣе перечурили. Изъ простой, степенной и важной Греческой и Римской Архитектуры сдѣлали игрушку и пустили въ свѣтъ. Поляки искони охотно принимали все то, что шло изъ Франціи, но они не имѣли той Французской игривости и нѣжности. Архитектура у нихъ сихъ временъ отличается рококо, смѣшанное съ тяжестію и неловкостію. Малороссія заимствовала черезъ Поляковъ и образованіе свое и вкусъ архитектурный. Въ такомъ-то вкусѣ былъ и прежній Магистратскій домъ, оконченный постройкою въ 1737 г. и всѣ каменныя приходскія церкви, и немногіе каменные частные домы, въ то время въ Малороссіи выстроенные. (См. §. 136. Частныя старинныя зданія).

Магистратскій двух-этажный домъ имѣлъ въ длину 15, въ ширину 6, въ высоту до верхняго карниза почти 6, а съ кровлею 9 саженъ. Одинъ фасадъ сего дома обращенъ былъ къ Братскому монастырю, а другой, съ главнымъ входомъ, къ фонтану или къ Успенской церкви. Круглая съ балкономъ башня, высотою до 15 саженъ, стояла посреди главнаго фасада, съ небольшимъ выступомъ, Посрединѣ главнаго строенія былъ обширный выступъ, въ которомъ находилась парадная лѣстница и сѣни. Вровень со вторымъ этажемъ дома, въ семъ выступѣ

была открытая галлерея или терраса, украшенная на верху фронтономъ, на которомъ стояла мѣдная колосальная статуя Θемиды, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ вѣсами въ другой. Въ продолженіи лѣта, въ хорошую погоду, предъ домомъ Магистратскимъ люди собирались слушать музыку; съ половины 11-го часа утра до половины 1-го часа пополудни на высокомъ балконѣ, вокругъ башни, играли четыре трубача; по вечерамъ же въ открытой галлереѣ, надъ лѣстницею, городскіе музыканты играли *зорю*. Но особенное вниманіе и удивленіе простаго народа привлекалъ, по своему устройству, гербъ Кіевскій. Это было мѣдное, въ кругу, до четырехъ аршинъ въ поперечникѣ, барельефное изображеніе Св. Архистратига Михаила, который издревле почитается покровителемъ Кіева. Фигура Архангела была такъ устроена при часахъ на башнѣ, что во время ихъ боя, она ударяла стальнымъ копьемъ въ кремнистую пасть змѣя, отъ чего сыпались изъ нея искры. Надъ часами, вокругъ карниза башни, была надпись Славянскими золочеными буквами: „Богомъ хранима града Кіева ҂ахчз. (1697)“. Роковымъ пожаромъ 1811 г. іюля 9 дня, зданіе сіе опустошено, и кирпичи онаго употреблены на постройку теперешняго Контрактоваго дома, а отъ бывшаго Магистрата сохранился только означенный гербъ Кіева да статуя Θемиды, поврежденные огнемъ [1]). Присутственное Мѣсто онаго было помѣщено въ каменномъ, принадлежащемъ городу, зданіи, находящемся противъ Воскресенской церкви; но въ 1838 г. купленъ каменный домъ гражданина Сухоты, близъ церкви Св. Николая Добраго, куда и Присутственныя Мѣста Магистрата, Словеснаго и Сиротскаго Судовъ перенесены. Учрежденіе Магистрата въ Кіевѣ относится ко временамъ Литовскаго владычества надъ симъ городомъ. Права Кіевлянъ въ продолженіи вѣковъ были весьма различны; покоренные Гедиминомъ, сначала они не могли имѣть многихъ выгодъ или льготъ, но потомъ мало по малу стали выпрашивать у Литовскихъ Князей, а въ послѣдствіи, по обстоятельствамъ, подкрѣпляемые Гетманами Запорожскихъ Козаковъ, стали получать отъ Литовскаго, а потомъ и отъ польскаго, правительства болѣе и болѣе правъ и преимуществъ. Еще гораздо раньше 1499 г. гражданамъ Кіевскимъ дано было право вольныхъ Имперскихъ городовъ по уложенію Оттоническому или Магдебургскому, а для судопроизводства предоставленъ Статутъ Литовскій [2]). Сими нововведеніями поляки старались устранить прежнія узаконенія и обычаи, столь явно Малороссіянамъ напоминавшія древній бытъ Святой Руси. Главный начальникъ Магистрата (*Войтъ*, и притомъ пожизненный) избирался гражданами и утверждался властію королевскою, а потомъ Императорскою. По немъ 6 непремѣнныхъ Бургомистровъ и столько же Ратмановъ, которые въ очередные годы исправляли дол-

[1]) Гдѣ теперь находится фигура Θемиды—намъ неизвѣстно; но бывшій гербъ Кіевскій, обрѣзанный и безъ всякой механики, придѣланъ, и притомъ весьма неаккуратно, къ фронтону нынѣшняго зданія Городской Думы. [2]) О Магдебургскомъ правѣ нѣсколько обстоятельнѣе см. нашу Лѣтопись стр. 33, 35, 36, 38 и 41.

жности: два присутствовали въ Магистратѣ съ Войтомъ, а два завѣдывали городскою экономіею; Шафаръ, Лавникъ и Инстигаторъ имѣли свои особыя обязанности [1]). Всѣ сіи, дѣйствительно служившія на урядахъ, лица назывались *Реестровыми*, и при церемоніальныхъ парадахъ, составляли кавалерію; прочіе же граждане раздѣлялись на 15 цеховъ, имѣвшихъ свою *Управу*. Цехи при церемоніяхъ составляли инфантерію. Цехмистры или цеховые начальники въ Магистратскихъ собраніяхъ могли подавать свой *голосъ* наравнѣ съ Реестровыми. Но это Готическое зданіе древнихъ Имперскихъ городовъ въ наше время рушилось. Въ 1835 г. Именнымъ Указомъ повелѣно Кіеву руководствоваться правами Великороссійскихъ городовъ (Городовое Положеніе); въ слѣдствіе чего Магистратъ переименованъ въ *Городскую Думу;* неизмѣнный Войтъ (послѣдній былъ Г. И. Киселевскій) и пожизненныхъ шесть Бургомистровъ скасированы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и церемонія [2]). Теперь избирается на каждые три года *Городской Глава* (первымъ былъ купецъ Парфентій Дегтеревъ, вторымъ Елисеевъ, а третьимъ И. Ходуновъ). И такъ эта перемѣна въ обычаяхъ моей родины побуждаетъ меня къ этой статьѣ присовокупить еще слѣдующее описаніе.

До 1835 г. былъ въ Кіевѣ родъ зрѣлищъ, въ коемъ, безспорно, Кіевляне принимали живое участіе. Это были, такъ называемыя, *церемоніи.* Генералъ Гордонъ въ Запискахъ своихъ, помѣщенныхъ Туманскимъ въ его „Россійскомъ Магазинѣ“ (Ч. 3, стр. 238), упоминаетъ о праздновавіи дня Богоявленія, происходившемъ въ Кіевѣ 1685 г. Вотъ слова Гордона: 1685. Januar... den 6-ten, am heil. Drei-Königstage rückten meine Kavallerie-Soldaten und Strelizen-Regimenter mit 16 Feldstücken aus. Nach dem Gottesdienste und der Wasserweihe wurde, der Gewohnheit nach, drei Salven gegeben: die erste aus dem schweren Geschütze und die beiden andern aus kleinen Gewehren. Eine jede Salve wurde mit 21 Schüßen aus den Kanonen des Schloßes und der Stadtwälle gegen die Untere Stadt zu und aus dem kleinen Gewehre von 6 Regimentern, die auf dem Walle des Schlosses und der Stadt, im Gesichte der Untern Stadt, aufmarschirt waren, beantwortet. Gordon und die übriegen Officiere speißten darauf bei dem Bojaren zu Mittage [3]). То есть: „Шестаго числа января, въ праздникъ Богоявленія Господня, выступили въ строй, подъ командою моею, кавалерійскіе и Стрѣлецкіе полки, имѣя при себѣ 16 полевыхъ пушекъ. Послѣ обѣдни и по освященіи воды, по обыкновенію учинена троекратная пальба: первый залпъ изъ пушекъ, а два послѣдніе изъ ружьевъ. На каждый залпъ было отвѣтствовано 21-мъ пушечнымъ выстрѣломъ изъ За́мка и съ городскихъ валовъ, обращенныхъ къ Подолу, также мелкою пальбою отъ шести полковъ, стоявшихъ на валахъ За́мка и на сторонѣ

[1]) *Шафаръ*, Szafarz, Schaffner, наблюдавшій за городскимъ хозяйствомъ, по которому онъ велъ расходы.—*Лавникъ*, Schöppe, наблюдавшій за порядкомъ и справедливостію въ городскихъ судахъ.—*Инстигаторъ*, Instigator (по фискальнымъ дѣламъ) смотритель за городскими угодіями и за доходами по онымъ. — *Фискъ* Fiscus, касса, доходы отъ городскихъ угодій. [2]) Въ Приложеніяхъ см. Роспись Кіевскихъ Войтовъ, сколько намъ удалось извлечь изъ актовъ. [3]) Tagebuch des Generals Patrik Gordon.

Стараго Города, прилежащей къ Подолу. Гордонъ и прочіе офицеры, послѣ церемоніи, обѣдали у боярина", т. е. у Александра Петровича Салтыкова, или у Ѳедора Петровича Шереметева. Первая изъ современныхъ *церемоній* была 6-го января. Наканунѣ Р. Х. простолюдины ставятъ на *покуттѣ* (въ первомъ углу комнаты) подъ образами, на лавкѣ, покрытой сѣномъ, въ горшкахъ *Кутю* и *Узваръ*, т. е., пшеничную кашу и сушеные груши и т. п., сваренные въ водѣ. Этотъ вечеръ называется *богатымъ* или *святымъ*, а вечеръ наканунѣ новаго года—*щедрымъ*. Между тѣмъ, какъ ожидаютъ времени ужина въ послѣдній день, молодые люди, по возрастамъ и полу, составляя партіи, ходятъ отъ одного дома къ другому подъ окны, *щедруютъ*, т. е., поютъ извѣстныя народныя пѣсни и получаютъ за это хлѣбъ, или деньги. Кутя и узваръ остаются и въ *голодный вечеръ*, т. е., канунъ Крещенія или Богоявленія (6 января); названъ же онъ такъ по тому, что въ этотъ день до освященія воды въ церкви и появленія зари никто не принимаетъ пищи, да и пища позволяется только постная. Въ этотъ вечеръ (точно какъ и въ вечеръ святой или богатый), накрывъ столъ чистою скатертью (въ старину ковромъ), ставятъ кушанья, зажигаютъ восковыя свѣчи, (изъ коихъ примѣчательнѣйшія суть три бѣлыя, вмѣстѣ связанныя съ васильками, символъ Св. Троицы), затеплютъ лампаду предъ образами, накуриваютъ комнату ладаномъ, и отецъ семейства читаетъ молитвы. Потомъ старые и взрослые люди садятся за столъ, вокругъ коего молодые должны стоять. Послѣ ужина ѣдятъ *кутю* съ *сытою*, т. е., съ медомъ, жидко разведеннымъ въ водѣ, а потомъ *узваръ*. Приходя отъ заутренни съ зажженными восковыми свѣчами, на сволокѣ дѣлаютъ дымомъ изображеніе креста. Въ день Крещенія Господня обыкновенно бываетъ торжественная литургія въ Братскомъ монастырѣ, потомъ духовенство, въ сопровожденіи цеховъ, идетъ къ Днѣпру, и на мѣстѣ, для сего приготовленномъ, святитъ воду. Но иногда, по причинѣ сильнаго мороза, церемонія отмѣнялась. Она являлась во всемъ своемъ блескѣ и занимательности лѣтомъ, 1-го августа, въ день Святыхъ Маккавеевъ. Когда въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы на Подолѣ начинается литургія, въ которой почти всегда Митрополитъ священнодѣйствуетъ, *Товарищи золотой короговы* или конница, имѣвшая двухъ трубачей, литавры и небольшое знамя, располагается вокругъ сего храма. Каждый изъ всадниковъ одѣтъ въ кунтушъ, поверхъ жупана, на польскій покрой, изъ тонкаго свѣтлозеленаго сукна, рукава коего съ прорѣзью заброшены назадъ *(на вылетъ)*, всѣ швы выложены золотымъ снуркомъ; подъ симъ кунтушемъ находится кафтанъ (жупанъ), обыкновенно атласный, фіолетоваго цвѣта. На головѣ высокая шапка изъ Крымскихъ барашекъ, бархатный верхъ коея, малиноваго цвѣта, украшенъ золотою кистью. Черезъ плечо виситъ лядунка; къ шелковому поясу привѣшена сабля. Высокое козацкое сѣдло, на коемъ часто лежитъ кожанная, набитая пухомъ, подушка, и вся сбруя окованы серебряными украшеніями, часто вызолоченными; стремена также сере-

бряныя. У сѣдла виситъ пара дорогихъ пистолетовъ [1]). На лѣвой сторонѣ отъ Товарищей золотой корогвы, по улицѣ до Флоровскаго монастыря продолжается въ два ряда пѣхота, состоящая изъ 15-ти отдѣленій или цеховъ, изъ коихъ каждый имѣетъ свою *корогву*, т. е. огромное знамя съ изображеніемъ Святыхъ, по обѣимъ сторонамъ коего стоятъ два человѣка *молодшіе* съ пиками, а впереди ихъ *Цехмистеръ* съ обнаженною саблею. Начало пѣхоты составляетъ духовая магистратская музыка. Каждый членъ пѣхоты одѣтъ въ кунтушъ простаго покроя, но въ послѣднее время обыкновенные сюртуки часто замѣняли кунтуши. На головѣ также высокая шапка. Къ поясу привязана сабля, и каждый снабженъ лядункою и ружьемъ (иногда безъ замка!). Всѣ, которые обязаны быть, или посылать за себя на церемонію, не могли уклоняться отъ оной, въ противномъ случаѣ платили значительный штрафъ. По окончаніи литургіи, если хорошая погода благопріятствуетъ, духовенство въ облаченіи съ крестами и хоругвями идетъ къ фонтану Сампсоновскому и святитъ въ немъ воду; при пѣніи многолѣтія съ шумомъ взлетаетъ трехъ-фунтовая ракета и, лопаясь въ высотѣ, подаетъ знакъ: начинаютъ во всѣ колокола звонить, раздается звукъ трубъ, ударятъ въ литавры, загремитъ музыка, и конница, по слову предводителя, начинаетъ маршировать вокругъ Гостинаго двора до Контрактоваго Дома, и на лѣвой сторонѣ его отъ входа останавливается; въ слѣдъ за нею идетъ пѣхота и вытягивается по правой сторонѣ, вдоль Братскаго монастыря. Между тѣмъ духовенство, по окончаніи водоосвященія, чиновники и именитые граждане идутъ въ верхнюю залу Контрактоваго дома на, такъ называемую, *закуску*. Скоро начнется пальба. Кавалеристы, изъ предосторожности, встаютъ съ лошадей, служители отводятъ ихъ подалѣе. Предводитель церемоніи—въ послѣднее время г. Мажный [2])—съ гордою осанкою, на ретивомъ конѣ, въѣзжаетъ въ средину парадныхъ войскъ, кричитъ: „*Слушай!*“ и раздается перелетный гулъ пистолетныхъ выстрѣловъ, на кои пѣхота отвѣчаетъ; вдругъ начинаютъ стрѣлять изъ пушекъ, коими изстари управляетъ цехъ цырюльниковъ. При бѣглыхъ выстрѣлахъ изъ пистолетовъ и ружей, періодическій громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, игра музыки, сопровождаемая ударами на огромномъ барабанѣ, звуки трубъ, грохотаніе литавръ, шумъ волнующейся толпы нѣсколькихъ тысячь зрителей, крикъ тѣснящихся съ сосудами за освященною водою, восклицанія женщинъ и дѣтей, прячущихся въ коридорахъ Гостинаго двора, ржаніе лошадей и вторящее эхо — все это производитъ хаосъ необъятный, но вмѣстѣ торжественный! Военные съ особливымъ удовольствіемъ смотрѣли на эти парады. Послѣ троекратныхъ залповъ потрясенная атмосфера успокоивается, разсѣваются массы дыма,

[1]) Товарищи золотой корогвы (т. е., золотаго знамени есть заведеніе, много похожее на общество Черныхъ Головъ (Die Schwarzen Häupter) въ Ригѣ и Ревелѣ. Первымъ недостаетъ только всегдашняго Клуба и Библіотеки, какія имѣютъ послѣдніе. Въ товарищество принимали обыкновенно достаточныхъ гражданъ, и оно состояло изъ купцовъ и цеха мясниковъ. [2]) А до него г. Тернавскій.

ряды мѣшаются и рѣдѣютъ; покрытые пылью и окуренные порохомъ члены церемоніи:

„Шевци, кравци и ковали,
„Цехи рѣзницкій, коновальскій,
„Кушнирскій, ткацкій, шаповальскій," [1])

идутъ въ *Управу Ремесленныхъ цеховъ*, гдѣ закусываютъ и запиваютъ. Каждый съ довольнымъ видомъ, по совершеніи подвига, возвращается домой и имѣетъ право цѣлый этотъ день стрѣлять въ городѣ, сколько ему угодно. Однако жители чрезвычайно рѣдко пользовались этимъ позволеніемъ. Замѣчательно, впрочемъ, что никогда не случалось несчастія въ подобные дни, ни пожаровъ, ни нечаянныхъ убійствъ; по крайней мѣрѣ, я никогда не слыхалъ объ этомъ. Но мои добрые земляки живутъ не для однихъ такихъ церемоній. Въ 1812 г., въ трудное время нашего Отечества, всѣ воины, составлявшіе гарнизонъ, были отозваны на поле битвы, и бодрые Кіевляне, тѣми же *церемоніальными* ружьями и саблями вооруженные, содержали всѣ караулы въ крѣпости и на гауптвахтахъ въ городѣ. Описанная выше торжественная церемонія 1-го августа въ послѣдній разъ была празднована въ 1834 г.; въ слѣдующемъ 1835 г. городскіе парады въ Кіевѣ отмѣнены вмѣстѣ съ уничтоженіемъ особыхъ привилегій городоваго магистрата.

§ 88. МАРІИ СВ. ХРАМЪ ЛАТИНСКІЙ.

а) СВ. МАРІИ КОСТЕЛЪ, б) БЕРНАРДИНСКІЙ И ЕЗУИТСКІЙ КЛЯШТОРЫ. в) СВ. НИКОЛАЯ КОНВЕНТЪ, г) СВ. АЛЕКСАНДРА ДОМИНИКАНСКІЙ КОСТЕЛЪ.

а) *Св. Маріи костелъ.* — Польскіе писатели повѣствуютъ, что въ началѣ 13-го столѣтія Великій Князь Кіевскій, Владиміръ Рюриковичъ, позволилъ латинянамъ основать Доминиканскій кляшторъ во имя Св. Богородицы въ Кіевѣ. Годъ основанія онаго неизвѣстенъ. Преосв. Евгеній принимаетъ Доминиканца Іакиѳа или *Яцека* [2]) основателемъ сего монастыря, а первымъ пріоромъ Година (Godin). Незабвенный Карамзинъ пишетъ [3]), что Іакинѳъ былъ въ Кіевѣ послѣ 1240 г., т. е. послѣ разоренія Кіева Батыемъ; ибо Іакинѳъ и описалъ Папѣ это разореніе. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказывается, что показаніе польскихъ историковъ, будьто В. Кн. Владиміръ позволилъ въ Кіевѣ селиться латинянамъ и построить костелъ — весьма сомнительно. Доминикане постоянно старались увѣрять, что они поселились въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, что этотъ князь особою грамотою, писанною будьто бы золотыми буквами, снабдилъ ихъ и тѣми имѣніями, какими они всегда владѣли въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Короли, разумѣется, охотно утверждали права Доминикановъ на эти владѣнія, постоянно ссылаясь

[1]) Энеида Котляревскаго. [2]) Опис. К. Софіи, стр. 83. [3]) Ист. Гос. Росс. Изд. 6. Т. III. стр. 211, прим. 238.

на грамоту Владиміра. Одинъ новѣйшій писатель, говоря объ этомъ обстоятельствѣ, дѣлаетъ слѣдующее преувеличеніе: „Польско-Литовскіе короли, утверждая эти владѣнія, тоже всегда ссылаются на грамоту Владиміра, *котораго* при этомъ *они называютъ дражайшимъ своимъ отцомъ* (Pater noster carissimus*)*, *увѣренные*, что первымъ покровителемъ Доминикановъ былъ *равноапостольный просвѣтитель Руси*" [1]). Но въ актѣ, на которой Доминикане ссылаются, написано такъ: „Nos igitur Alexander, Dei gratia Dux et haeres Kijoviae et cetera (Удѣльный князь Кіевскій Александръ или Олелько Владиміровичъ 1399—1417, потомъ опять 1443—1455 г.) significamus tenore praesentium universis et singulis: quomodo donationem per eleemosynam (въ видѣ милостыни), quam praeclarus felicis memoriae *Wlodimirus,* Dei gratia Dux Kijowiae et cet. *pater noster carissimus,* ecclesiae sancti Nikolai in Kijow ac fratribus Ordinis sancti Dominici donavit seu dedit; demumque praeclarissimus Vitoldus, Dei gratia, Dux Magnus Lithuanorum bonae memoriae, Litera sua confirmavit [2]). Въ этомъ актѣ говорится о *поколодной* пошлинѣ и пр., но изъ приведенныхъ словъ мы видимъ, что князь Александръ называлъ своего отца, pater noster carissimus, что очень естественно; а польскіе короли и не думали именовать удѣльнаго князя Владиміра Ольгердовича (1381—1395 г.) своимъ отцемъ и притомъ дражайшимъ [3]). Странная охота, для эффекта, извращать историческіе факты! Не лучше ли предоставить эту способность польскимъ историкамъ, такъ Оскольскій пишетъ, что упоминаемая грамота Владимірова долгое время хранилась въ Черниговѣ [4]). Вышеприведенный авторъ статьи, выдумавъ одно обстоятельство, продолжаетъ. „Но сами Доминикане не заходили такъ далеко въ своихъ показаніяхъ, а утверждали, что эта грамота затеряна во время нашествія на Кіевъ Батыя." Но Батый былъ въ Кіевѣ въ 1240 г. а грамота могла быть дана Владиміромъ Ольгердовичемъ не раньше 1381 г., слѣдовательно нельзя было затерять ее за стосорокъ лѣтъ до ея существованія. Къ сожалѣнію Лѣтописи наши умалчиваютъ о томъ обстоятельствѣ, когда впервые водворились латиняне въ Кіевѣ. Неутомимый изслѣдователь Исторіи Кіевской Іерархіи, преосв. Евгеній [5]), съ помощію богатыхъ матеріаловъ, собранныхъ многоученымъ преосв. Иринеемъ Фальковскимъ, приводитъ нѣсколько свидѣтельствъ польскихъ историковъ объ основаніи въ нашей древней столицѣ перваго латинскаго костела и епископства; но свидѣтельства эти, хотя и многословны, однако столь сбивчивы и противорѣчащи, что ничего не можно сказать опредѣленнаго. Нарушевичъ пишетъ, что латинство стало прививаться въ Днѣпровскихъ областяхъ еще со временъ Болеслава Храбраго, около 1018 г. Очевидная ложь, потому что тогда Кіевская и Волынская области были

[1]) Въ Кіев. епарх. Вѣдом. 1863 г. помѣщена неизвѣстнаго автора статья подъ названіемъ: „Мѣстность, занимаемая Кіевскою духовною семинаріею." (Стр. 250 и 354). Статья эта изложена бойко, увлекательно, но расчитана собственно на эффектъ; посему не всегда согласна съ историческою истиною. [2]) Опис. К. Софіи. Прилож. стр. 17. [3]) См. нашу Лѣтопись, стр. 28. [4]) Опис. К. Софіи стр. 83; [5]) Тамъ же стр. 89, 90, 106.

чисто Православныя, да и самые поляки далеко не всѣ были приведены въ латинство. Далѣе Нарушевичъ говоритъ, что въ началѣ 13-го столѣтія Романъ Мстиславичъ, князь Галицкій (1198—1205 г.) въ Русскихъ Княжествахъ ослабилъ римско-латинскую вѣру и пренебрегалъ увѣщаніями папы Иннокентія III, но что потомъ польскій король Лешекъ Бѣлый съ сестрою своею Соломеею, королевою Галицкою, основали въ Кіевѣ Доминиканскій монастырь подъ ближайшимъ наблюденіемъ монаха Іакинѳа Одрованжа. Извѣстіе это, какъ уже сказано, весьма сомнительно; однако же вышеприведенный авторъ статьи, на основаніи Ипатіевскаго списка, подъ 1228 годомъ, совершенно справедливо замѣчаетъ, что это дѣло было возможное. При всеобщей разладицѣ Южно-Русскихъ Князей предъ нашествіемъ Монголовъ—разладицѣ, къ которой въ самомъ началѣ примѣшались польскіе и Венгерскіе короли и даже Нѣмецкіе императоры, пропаганда папистовъ стала сильно напирать на южныя Русскія области, особенно когда Коломанъ Венгерскій временно завладѣлъ было Галиціею. Владиміръ Рюриковичъ вначалѣ былъ въ разладѣ съ Даніиломъ Галицкимъ и съ поляками, союзниками Даніила. Въ 1228 г., въ соединеніи съ ляхами, предводительствуя сильнымъ войскомъ, Даніилъ Галицкій неожиданно явился подъ Кіевомъ. Испуганный Владиміръ выслалъ своихъ бояръ просить мира и согласился на всѣ условія, предложенныя противниками. *Даніилъ же и Василько, собравша Ляхы многы, идоста Кыеву со Пакославомъ* (польскимъ) *воеводою, и Олександро съ нима; срѣтоша же посли отъ Володимера* (Кн. Кіевскаго) *и Михаила* (Черниговскаго) *Воротиславъ Петровичъ, Юрьи Толигнѣвичъ* (имена двухъ пословъ), *хотяще мира; умиришася, и Ляхове возворотишася вспять* (стр. 167). Очень вѣроятно, что пропаганда папистовъ, воспользовавшись этимъ событіемъ, дѣйствительно ввела тогда (1228 г.) въ Кіевъ Доминикановъ. Въ слѣдствіе чего и повѣствуютъ, что основателемъ перваго латинскаго кляштора былъ монахъ этого ордена *Яцекъ* (Іакинѳъ), что храмъ построенъ былъ въ честь Св. Маріи Богородицы, что мѣсто этого кляштора, по показанію Розвидовскаго, было на Подолѣ надъ Днѣпромъ, а по сказанію другихъ, на Оболони. По мнѣнію же нѣкоторыхъ изыскателей этотъ первоначальный латинскій кляшторъ могъ быть близъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ Петропавловскій монастырь, противъ Флоровскаго; ибо извѣстно, что это мѣсто до 16-го столѣтія было покрыто топями и могло причисляться къ Оболони. (Ср. § 75. Копыревъ Конецъ). — И такъ написты — по сказанію Нарушевича — вторглись въ Кіевъ при В. Кн. Владимірѣ Рюриковичѣ, около 1228 г.; но во всей этой исторіи, сообщаемой Нарушевичемъ [1]), преобладаютъ противорѣчія и вымыслы, которыя, кромѣ славнаго Фризе, въ его сочиненіи Kirchengeschichte von Pohlen (Breslau. 1786) обнаружилъ ясно еще архимандритъ Амвросій (прежде Аѳанасій) Лотоцкій въ своемъ новомъ сочиненіи [2]). — Пишутъ

[1]) Historia Narodu Polskiego. Warszawa, T. VII стр. 45. [2]) Церковно-Историческ. Описаніе Варшавской Православной епархіи. Почаевъ 1863 г.

(Ходыкевичъ) что Доминикане считали тогда особенною святынею своего монастыря статую Богородицы, принесенную Яцекомъ въ Кіевъ. Въ этомъ нѣтъ надобности сомнѣваться, потому что поклоненіе статуямъ Богородицы у латинянъ и одѣваніе ихъ въ богатыя одежды и доселѣ въ обыкновеніи.—По сказанію Длугоша [1]), обстоятельства польсколатинской пропаганды въ Кіевѣ были не такъ удачны; Владиміръ Рюриковичъ, оправившись отъ невзгоды въ 1228 г. и подружившись съ Даніиломъ Галицкимъ, не боялся больше ляховъ и въ 1233 г. выгналъ всѣхъ Доминиканъ изъ Кіева, и запретилъ имъ снова являться въ этомъ городѣ. Не смотря однакожъ на это запрещеніе, паписты успѣли опять проникнуть въ Кіевъ, или польскій историкъ Ходыкевичъ, выдумалъ цѣлую исторію, что при Батыевомъ нашествіи на Кіевъ въ 1240 г. два старшіе Доминиканскіе брата Альбертъ и Доминикъ и многіе другіе плѣнены, а 90 братовъ иные прострѣлены, другіе прободены и сожжены; спасся только Яцекъ, который унесъ съ собою и статую Богородицы. Статую эту и донынѣ показываютъ во Львовѣ (Лембергѣ) [2]).

Неизвѣстно также, когда латиняне начали строить свои костелы и кляшторы въ Кіевѣ, во время зависимости этого города отъ Литвы, потому что всѣ свидѣтельства польскія составляютъ страшную путаницу. Нарушевичъ сообщаетъ, что папа Иннокентій IV, около 1252 г., устроилъ Русскую миссію изъ Доминикановъ и Францискановъ подъ именемъ Societas Peregrinantium; миссіонеры эти по нѣкоторымъ мѣстамъ построили латинскіе костелы и кляшторы и положили основаніе ерекціямъ для *будущихъ* епископовъ въ Кіевѣ, Луцкѣ, Хелмѣ, Галичѣ, Перемышлѣ, Каменцѣ и Церетѣ въ Валахіи, и что В. Кн. Литовскій, Гедиминъ, овладѣвши Кіевскимъ Княжествомъ, ввелъ, по грамотѣ папы Іоанна 22-го, въ Кіевъ, въ 1321 г. латинскаго епископа и возстановилъ римско латинскую вѣру и духовенство, за 80 лѣтъ передъ тѣмъ истребленныя нашествіемъ Батыя [3]). Тогда новые члены Доминиканскаго ордена отыскали въ Кіевѣ пепелище своихъ предшественниковъ, учредили на немъ главное свое мѣстопребываніе, и стали увѣрять, что они получили, будьто, отъ Витольда (1392—1430 г.) грамоту на всѣ владѣнія, данныя Яцеку Владиміромъ. Справедлива ли вся эта исторія—какъ авторъ статьи замѣчаетъ—или нѣтъ, трудно рѣшить. Покрайней мѣрѣ у Доминиканъ никогда никто не видалъ ни грамоты Витольдовой, ни копіи съ нее. Этого мало. По разысканіямъ митрополита Евгенія Доминикане не имѣютъ никакихъ граматъ и отъ Литовско-польскихъ королей, на которыя они ссылаются, а есть грамота Іоанна Казимира 1649 г., и въ оной приводятся грамоты будьто Казимира, Александра, Сигизмунда I, Баторія, Сигизмунда III и Влади-

[1]) Dlugoss. Historia Poloniae, T. VI, стр. 649. Ср Карамзина Т III. прим. 238 [2]) Ходыкевичъ. Commentar. in rebus gestis in Provincia Russiae, Ordinis Praedicatorum. стр. 237. Опис. К. Софіи. стр. 84. [3]) Historia Narodu Polskiego. Warszawa. 1786. T. VII, стр. 43.

слава, о чемъ ниже подробнѣе скажемъ. Не смотря на все это, Доминикане, до послѣдняго существованія своего въ Кіевѣ, управляли духовными дѣлами, касательно римско-латинскаго исповѣданія въ этомъ краѣ, и имѣли свой капитулъ. Кіевскіе латинскіе епископы поставлялись исключительно изъ монаховъ сего ордена и, по свидѣтельству Яна Бѣльскаго, [1]) не имѣли въ Кіевѣ своего особаго костела, а служили всегда въ Доминиканскомъ кляшторѣ, имѣя вблизи особый для себя домъ на Подолѣ. Изъ грамоты короля Яна Казимира, отъ 25 января 1649 г., въ которой помѣщены и прежнія, можетъ быть подложныя, грамоты, явствуетъ, что удѣльный Кіевскій князь Владиміръ Ольгердовичъ предоставилъ Доминиканскому кляштору право собирать *поколодную* пошлину, что подтвердилъ будьто бы и сынъ его Александръ или Олелько, въ 1411 г. Покрайней мѣрѣ Доминикане долго пользовались этимъ правомъ. Въ Описаніи Кіевскаго Софійскаго Собора, приведены (стр. 91) слѣдующія слова изъ Кіевскаго Каталога митрополитовъ: „Въ лѣто 1433-е въ Кіевѣ первый костелъ римскій созданъ и первый бискупъ поставленъ бысть, княжащу въ немъ, по Витовтовомъ книженіи, Свидригайлу, брату короля польскаго Ягелла, вѣры латинскія, бывшу злонравну и свирѣпу.“ Въ послѣдствіи времени началась Унія и гоненія на Православныхъ; написты умножились и усилились въ Кіевѣ. Въ Литовской Метрикѣ упоминается, что въ 1552 г. на Старомъ Городѣ уже были римскіе костелы. Между тѣмъ и латиняне скучали игомъ деспотизма папскаго, почему Кіевскій латинскій епископъ, Николай Пацъ (отъ 1562 до 1580 г.) явно проповѣдывалъ Лютерову реформу [2]). Это не мѣшало впрочемъ папистамъ думать о вещественныхъ своихъ выгодахъ; въ 1604 г. повелѣніемъ короля Сигизмунда III отдана Кіевскому латинскому бискупу цѣлая половина Кіевоподола за каналомъ къ горѣ Щековицѣ, близъ которой бискупъ основалъ свой каѳедральный костелъ и дворецъ [3]). Измѣнники Православію: Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рагоза, Ипатій Поцѣй и другіе были причиною столь великаго усиленія латинянъ въ Кіевѣ и угнетенія Православныхъ.

б) *Бернардинскій и Езуитскій кляшторы.* — Бопланъ, бывшій инженеръ въ службѣ польскихъ королей, Сигизмунда III и Владислава IV, въ своемъ „Описаніи Украины“ говоритъ, что на Подолѣ (около 1646 г.) подъ горою (какою?) былъ еще Бернардинскій монастырь; а какъ Езуиты, по словамъ Боплана, поселились между Днѣпромъ и Бернардинами, т. е. на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Борисоглѣбская церковь (§ 20), то преосв. Евгеній (стр. 179) полагалъ, что кляшторъ Бернардинскій былъ подъ горою Андреевскою, близъ церквей Покрова и Св. Николая Добраго. Сличивъ показаніе Розвидовскаго, (Сравн. § 134. Флоровскій монастырь) съ тѣмъ, что недавно близъ теперешняго Житнаго Торга, подъ горою Киселевкою, открыты огромные погреба (Срав. § 69. Кіевъ, стр.

[1]) Widok Krolewstwa Polskiego. Poznań, 1763, T. I. стр. 229. [2]) Бандке. Dzieje Krolewstwa Polskiego. T. II. стр. 168. [3]) См. Бопланъ въ нашей Лѣтописи, стр. 46. Ходыкевичъ T. I. стр. 64. Опис. К. Соф. стр. 150 Срав. § 83. Кудрявецъ.

380), можно думать, что латинскіе монастыри владѣли тогда мѣстами и дворами и подъ Киселевкою. Училище Езуитскаго кляштора, дѣйствовавшее во вредъ нашей Православной Академіи, находилось въ началѣ 17-го вѣка подъ горою Уздыхальницею, ниже нынѣшней Андреевской церкви. Такъ написалъ преосв. Евгеній [1]); за нимъ стали тоже самое повторять и другіе, какъ то Михаилъ Максимовичъ [2]); и проч. но какъ никто не представилъ объ этомъ показаніи никакого доказательства, ни акта, ни современнаго свидѣтельства, то все это остается только голословнымъ мнѣніемъ; въ такомъ случаѣ гораздо естественнѣе принять, что училище Езуитовъ, столь памятное своими ковнями для нашей Кіевской Академіи, было при самомъ кляшторѣ, и послѣ него остались обширные фундаменты, кои употреблены были въ дѣло при Борисоглѣбской церкви, что гораздо проще и обыкновеннѣе. Берлинскій пишетъ: „Въ 1252 г. нѣкоторый пріоръ Доминиканскаго ордена Іакинфъ, съ соизволенія тогдашняго Галицкаго и Кіевскаго князя Льва Даниловича, заложилъ сей (т. е. Николаевскій) римскаго исповѣданія храмъ, *который и былъ единственный въ городѣ* (Кіевѣ) *для богослуженія сего исповѣданія до 1660 г.* [3]). Тутъ много несообразностей и ошибокъ. Въ 1648 г. Бопланъ пишетъ: „Латиняне имѣютъ въ этомъ городѣ (Кіевѣ) *четыре* храма" и проч.; о началѣ основанія Доминиканами своего костела говорено уже выше.

в) *Св. Николая конвентъ.* — Съ 1634 по 1664 г. при Доминиканскомъ Николаевскомъ кляшторѣ или конвентѣ былъ монахъ Петръ Розвидовскій главнымъ проповѣдникомъ. Преслѣдуя исключительно матеріальныя выгоды своего кляштора, онъ въ запискахъ своихъ [4]) преимущественно описываетъ дворы, мѣста и другія угодія, кои доставляли доходы для кляштора. О началѣ Николаевскаго латинскаго монастыря изъ записокъ Розвидовскаго можно извлечь слѣдующее: Конвентъ Іакинѳовъ основанъ первоначально надъ Днѣпромъ съ церковію во имя Богоматери. По опустошеніи пожаромъ сего конвента Доминикане подселились подъ За́мокъ (Срав. § 67 Киселевка, и § 75 Копыревъ Конецъ) на Житный Торгъ и основали костелъ во имя Св. Николая. Отъ прежняго Іакинѳова конвента, опустошеннаго пожаромъ, Доминикане воспользовались, для новой постройки, кирпичемъ и кровельнымъ свинцомъ, который въ пожаръ сплавился. Но преосв. Евгеній, при этомъ разсказѣ Доминиканскаго патера, замѣчаетъ, что Кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, въ просьбѣ своей къ Царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, писалъ отъ 28 марта 1691 г. что сей костелъ весь построенъ изъ камня древней Вышгородской Борисоглѣбской церкви, разоренной поляками.—Главнымъ строителемъ, или собственно жертвователемъ латинскаго Николаевскаго костела, воздвигнутаго около 1640 г. Розвидовскій именуетъ пана Стефана Аксака, — фамилія неоднократно встрѣчающаяся въ Кіевскихъ

[1]) Опис. К. Соф. стр. 179. [2]) 2 Кн. Кіевлян. 1841 г. стр. 114. [3]) Опис. Кіева, стр. 104.
[4]) Опис. К. Соф. Прибавл. стр. 30.

актахъ.—Между тѣмъ близъ развалинъ сгорѣвшаго Іакинѳова конвента остался небольшой деревянный костелъ, въ которомъ Доминикане исправляли богослуженіе, а на Іакинѳовъ праздникъ и процессіи. Потомъ подарили этотъ костелокъ за Днѣпръ своему благотворителю Ѳедору Криницкому. Вокругъ этого костелка было немало городскихъ мѣстъ, приносившихъ конвенту доходъ. Для лучшей удобности новаго Николаевскаго конвента Доминикане „съ немалымъ иждивеніемъ" устроили въ немъ колодезь и отъ горы, которая въ 1634—1664 г. называлась Здыхальницею, а послѣ сего времени стала называться Киселевкою, провели трубы для снабженія своего колодца водою. Далѣе Петръ Розвидовскій исключительно исчисляетъ дворовыя мѣста и другія обширныя угодія, приносившія конвенту богатые доходы. Въ разсказѣ Доминиканскаго проповѣдника нѣкоторые замѣчаютъ, что невинное повидимому выраженіе *подселились* вѣроятно скрываетъ въ себѣ слишкомъ виновное дѣло. Во время перваго разгара Уніи, когда въ Кіевѣ не было Православнаго митрополита и когда паписты насильно отнимали у Православныхъ церкви, *подселеніе* Доминикановъ вѣроятно произошло также насильственнымъ образомъ. Постройка Николаевскаго конвента окончена въ 1646 г. и тогда же генералъ-викарій Доминикановъ Іеронимъ Грабовъ-Гроховскій открылъ здѣсь свой капитулъ. Славно стали поживать Доминиканскіе патеры въ своемъ новомъ великолѣпномъ конвентѣ: и не мудрено, при помощи огромныхъ средствъ, они озаботились обставить себя всѣми удобствами жизни. Въ городѣ принадлежало имъ много доходныхъ мѣстъ, какъ то: а) пространство отъ конвента до Успенской церкви на Подолѣ. б) къ сторонѣ церкви Св. Николая Притиска большой дворъ, который подарила патерамъ госпожа Виленская, бывшая сперва за княземъ Романомъ Рожинскимъ. в) Почти вся мѣстность отъ конвента до Воскресенской церкви. г) Къ сторонѣ Флоровскаго монастыря большой домъ и дворъ, подаренный Михаиломъ Аксакомъ, братомъ главнаго жертвователя; кратко сказать, почти всѣ мѣста, лежавшія вокругъ Николаевскаго кляштора, принадлежали ему. На этомъ пространствѣ расчетливые патеры выстроили домики, и отдавали ихъ въ наемъ мѣщанамъ. д) Гpунтъ къ Днѣпру за Бернардинами, вблизи нынѣшней церкви Рождества Христова. Тамъ они имѣли большой деревянный домъ, въ которомъ помѣщалась типографія е) Выше этого двора имъ принадлежала вся нагорная мѣстность Старокіевской горы, на которой разведенъ былъ садъ какимъ-то паномъ Кучовскимъ, *гдѣ вѣдьмы слетались.* Теперь тамъ же *Аптекарскій* садъ. ж) Также мѣсто подъ Андреевскою горою, и наконецъ з) Изрядное пространство на Кожемякахъ, гдѣ отцы Доминикане выстроили кирпичный заводъ и нѣсколько домовъ, отдававшихся въ наемъ.

Въ окрестностяхъ Кіева Доминиканамъ принадлежали многія и притомъ обширныя угодія, какъ то: а) мѣстность, простирающаяся въ длину отъ Днѣпра и Вышгорода, черезъ Оболонь, Куреневку, мимо Бѣлогородки до самого Гостомля, а въ ширину отъ рѣчки Сырца на Куреневкѣ до рѣчки Горынки, составлявшей границу Вышгородскихъ

полей. Одинъ сосновый боръ на этомъ огромномъ пространствѣ занималъ тогда четырнадцать верстъ въ длину и ширину. Доминикане утверждали, что вся эта мѣстность дана имъ будьто бы Владиміромъ, впрочемъ неизвѣстно какимъ, и что пустую мѣстность эту они впервые населили. Вдоль рѣчки Сырца они устроили 5 мельницъ, домы для мельниковъ и нѣсколько дачъ. За Сырцомъ, въ правую сторону, начиная отъ Куреневской церкви, была деревня *Яцковка*, заселенная будьто еще Яцекомъ (Іакинѳомъ), основателемъ перваго конвента. Но Розвидовскій не засталъ уже этой деревни, она была разобрана, и на ея мѣстѣ стояли только 4 постоялыхъ двора, построенные конвентомъ. Половина деревни *Берковецъ* основана также Доминиканами, а другая половина этой деревни населена отцами Печерской Лавры. Розвидовскій говоритъ, что онъ самъ построилъ по рѣчкѣ Ирпеню въ разныхъ мѣстахъ 350 хатъ и населилъ ихъ, (тогда же возникла и Петропавловская Борщаговка,) а по Ирпеню устроилъ нѣсколько плотинъ и мельницъ. Онъ же основалъ новую слободу *Пріорку*—теперешнее предмѣстье Кіева *Преварку*, построивъ здѣсь 200 хатъ, которыя населилъ крестьянами, и для нихъ выстроилъ *Русскую* церковь. До сего времени на этомъ мѣстѣ была обширная дача Николаевскаго пріора (начальника).

Отцы Николаевскаго Доминиканскаго конвента издавна имѣли притязаніе на право собирать въ городѣ *мыто* и *помѣрное* на Житномъ Торгу со всего привозимаго въ городъ хлѣба зерноваго. Съ большаго судна они брали по копѣ грошей Литовскихъ, т. е. по 60-ти; съ малаго—полкопы (30), съ наименьшаго 15 грошей; съ большой лодки 12 грошей, отъ воза по одному грошу. Съ начала 16-го вѣка Кіевскій Магистратъ робко протестовалъ иногда противъ этихъ преимуществъ латинскаго пришлаго меньшенства въ городѣ. Оспаривая у папистовъ право собирать *помѣрную* или *поколодную* пошлину, Кіевляне желали обратить это право въ пользу города, но польскіе короли не были расположены оказывать правосудіе своимъ Православнымъ подданнымъ и право собирать на Житномъ Торгу пошлину постоянно оставалось за Доминиканами; что продолжалось до изгнанія ихъ. Въ 1690 г. Иванъ Мазепа, универсаломъ своимъ, помѣрную пошлину, собираемую на Житномъ Торгу, уступилъ было митрополиту Варлааму Ясинскому; но въ 1699 г. право собирать пошлину эту обращено въ пользу магистрата [1]). Кромѣ того конвентъ держалъ въ городѣ на своихъ земляхъ четыре кабака, доходы съ которыхъ шли лично на пріора. Отъ времени, когда латинство торжествовало въ угнѣтенномъ Кіевѣ, сохранилась грамота короля Іоанна Казимира, данная 25 января 1649 г. Доминиканскому монастырю, въ подтвержденіе правъ и привилегій, жалованныхъ оному прежними Великими Князьями Литовскими, королями польскими и однимъ Кіевскимъ воеводою. Грамота эта большею частію на Латинскомъ языкѣ, а частію и на бывшемъ Малорусскомъ книжномъ нарѣчіи и содер-

[1]) Опис. К. Софіи, стр. 263.

житъ въ выпискахъ слѣдующія грамоты: 1) 1411 г. Удѣльнаго Князя Кіевскаго Александра (Олелька) Владиміровича, въ коей онъ подтверждаетъ право, данное отцемъ его, собирать *поколодную* пошлину и на владѣніе селеніемъ *Заднимъ Сырцомъ* съ пашнею Хлопачъ, принадлежавшими нѣкогда какой-то женщинѣ, названной *Бѣсовою бабою*. 2) 1495 г. августа 8. Велик. Кн. Литовскаго Александра Казимировича. Здѣсь къ прежнему прибавляется право собирать пошлину съ приходящихъ по Днѣпру судовъ съ рожью; объясняя притомъ, что прежнія грамоты погибли во время набѣговъ Татарскихъ. 3) 1500 г. января 4. Кіевскаго воеводы кн. Юрія Александровича. Въ ней именемъ короля повелѣвается, чтобы, кромѣ посторонних людей, всѣ городскіе обыватели платили Доминиканамъ поколодную пошлину. 4) 1509 и 5) 1511 г. Обѣ короля Сигизмунда I. Въ этихъ грамотахъ говорится, что Доминиканскій костелъ и монастырь Св. Николая въ Кіевѣ основанъ (будьто бы Православнымъ) удѣльнымъ Княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ, (слѣдовательно не раньше 1380 г.). Данныя права нѣсколько расширены. 6) 1542 г. сентября 1. Короля Сигизмунда I. на имя Кіевск. воеводы Януша Юрковича (Юрьевича) Добровицкаго. Подтверждается право о сборѣ пошлины съ жителей Кіева. 7) 1560, января 1. Сигизмунда Августа. Грамотою этою предписывается виннымъ откупщикамъ въ Кіевѣ, прежде пану Троцкому, а потомъ пану Григорію Ходкевичу, бывшему воеводою Кіевскимъ, чтобы они вносили ежегодно, за каждый шинокъ, по восьми копъ грошей въ пользу Доминикановъ; потому что у этихъ монаховъ отобрано право держать питейные дома въ четырехъ дворахъ, пожалованныхъ имъ въ городѣ. 8) 1577 г. декабря 15. Стефана Баторія. По примѣру Православныхъ церквей, въ годовые праздники производить *канонъ*, т. е. варить медъ въ пользу храма позволено и Доминиканамъ два раза въ годъ, также *сытить* медъ по четыре кади и продавать, а воскъ употреблять на свѣчи въ костелѣ. Грамота эта подтверждена Сигизмундомъ III, 1 сентября 1610 г.—9) 1633 г. Королей Владислава IV и наконецъ 10) 1649, января 25-го Іоанна Казимира. Въ этихъ двухъ грамотахъ подтверждаются всѣ прежнія привилегіи Доминикановъ.

Прекрасно выражается авторъ упоминаемой статьи, что „Спокойно и широко зажили отцы конвента съ постройкою новаго храма и капитула и съ торжествомъ Уніи. Съ ними никто не могъ тягаться въ судахъ; на что рѣшатся, то и сдѣлаютъ. Рѣшились они отнять у священника „ближайшей къ конвенту церкви“ [1]) сѣнокосъ на Оболони, граничившій съ ихъ сѣнокосами, и отняли; не смотря на то, что самое изстари шедшее названіе этого сѣнокоса *Поповка* показывало, что онъ давнымъ давно уже принадлежалъ Русскому священнику. Также отняли они у мѣщанъ еще три сѣнокоса, которые граничили съ ихъ владѣніями. Предъ послѣдними днями своими, они отняли у Армянъ цѣлыя нивы близь рѣчки Сырца за Куреневкою и взяли съ нихъ 200 злотыхъ

[1]) Ближайшими къ конвенту церквами были Успенская, Притиско-Николаевская и Васильевская или Козацкая.

за судебные убытки, не смотря на то, что Армяне владѣли этими нивами, какъ и землею на Куреневкѣ, гдѣ была ихъ церковь (на мѣстѣ нынѣшней Православной) по грамотѣ Казимира, данной въ началѣ 15-го вѣка. Даже Кіевскіе латинскіе епископы не могли устоять съ ними въ спорѣ за одинъ сѣнокосъ на Оболони" [1]). Но скоро наступила эпоха освобожденія Кіева отъ ига поляковъ. Съ 1648 г. Запорожскіе Козаки, подъ предводительствомъ храбраго гетмана Богдана Хмельницкаго, начали вести кровопролитнѣйшую войну съ поляками и около 1649 г. разорили въ Кіевѣ всѣ латинскіе кляшторы и костелы. Патеры и ксендзы спасались бѣгствомъ, а побѣдоносный Хмельницкій, универсаломъ, отъ 11 января 1651 г., отдалъ Доминиканскій кляшторъ Братскому монастырю. Вотъ этотъ достопамятный универсалъ: „Богданъ Хмельницкій зъ войскомъ Запорозскимъ.—Пеневажъ всемогущею своею рукою десною Богъ и створитель неба и земли, сподобилъ мнѣ непріятелей и гонителей Всходной Православной Церкви, Матки нашой, ляховъ зъ Украины въ Польщу далеко прогнати, старанье маю пильное около благолѣпія церквей Божихъ и монастырей, для розмноженія хвалы Божои, а яко инымъ многимъ церквамъ и монастырамъ для поправы и выживленя (*содержанія*) придавалемъ маетности лятцкіе и млины, такъ и монастыревѣ Богоявленскому Брацкому Кіевскому Доминиканскіи маетности, а особливо село, названное *Мостища*, надъ рѣчкою Ирпинемъ и надъ рѣчкою Которомъ, зо всѣми приналежными кгрунтами, полями, сѣножатми, борами, лѣсами и всѣми млинами и пожитками подаемъ въ владзу (*во владѣніе*) и спокойное уживанье (*пользованіе*). Данъ въ Чигирину, 11-го дня іануарія, року 1651. Богданъ Хмельницкій рука власна" [2]). Хотя съ 1648 по 1654 г. Польша иногда отнимала Кіевъ у Запорожскихъ Козаковъ, а потомъ съ 1654 по 1667 г. также часто оспаривала право владѣнія этимъ городомъ и у Русскихъ; но въ продолженіи сихъ двадцати лѣтъ, при ненависти Кіевлянъ къ своимъ притѣснителямъ, полякамъ, паписты, не смотря даже на измѣну Гетмана Виговскаго, не могли имѣть значительныхъ успѣховъ; въ 1660 г., Грамотою Царя Алексѣя Михайловича, высланы были изъ Кіева поляки, армяне и жиды, а Доминиканскій кляшторъ отданъ въ вѣдомство Православнаго духовенства. Изъ Малоросс. Дѣлъ Коллежск. Архива 1690 г., № 46, видно, что въ каменномъ Доминиканскомъ костелѣ, не совсѣмъ съ 1660 г. разоренномъ, Кіевскіе мѣщане и Козаки помѣстили шинокъ (кабакъ) [3]). Грамотою же Царей, Іоанна и Петра Алексѣевичей, 1691 г., разоренный Николаевскій Доминиканскій монастырь отданъ подъ вѣдѣніе Кіевскаго митрополита, Варлаама Ясинскаго, который, возобнововъ его, переименовалъ *Петропавловскимъ*. Притомъ же во время сего митрополита (1690—1707 г.) *не было уже ни одного латинскаго костела въ Кіевѣ*, и даже въ Академіи своей не

[1]) Кіев епар. Вѣдом. 1863 г. стр. 255. [2]) Акты Запад. Росс. Т. V. № 28 —Памятн. Кіевск. Коммис. Т, II. стр. 213. [3]) Истор. Малорос. Б. Каменскаго. Изд. 3 Т. II. стр. 207.

позволялъ сей преосвященный обучаться иностранцамъ (Опис. Кіев. Софіи, стр. 211). Но послѣ это было разрѣшено. По Именному указу, 19 Апрѣля, 1799 г. выстроенъ въ Кіевѣ римскій деревянный костелъ, въ Печерской Части, на *Новомъ Базарѣ*, близъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ каменная Православная церковь Св. Ольги. Къ сему костелу назначено было 20 Доминиканскихъ и Уніятскихъ священниковъ, но Уніятскіе никогда не были допущены поляками, а служатъ только Доминикане.

г) *Св. Александра Доминиканскій костелъ.*—Выстроенный въ 1799 г. упомянутый выше деревянный костелъ, сгорѣлъ въ 1817 г., и съ того времени основанъ другой каменный во имя Св. Александра, въ Михайловскомъ Отдѣленіи Стараго Кіева, на старомъ бастіонномъ валу, вблизи Золотоверхаго Михайловскаго монастыря, къ югу отъ него. Стѣны заложеннаго въ 1817 г. Александровскаго костела были вскорости выведены изъ основанія, но, за недостаткомъ потребной суммы, зданіе это такъ и оставлено; а возлѣ него къ юго-западу Доминикане выстроили, для жительства, довольной величины каменный, въ два этажа и покрытый желѣзомъ, корпусъ, въ главной залѣ коего совершалось богослуженіе. Но въ 1838 году, оконченъ и самый костелъ, фасадъ коего довольно тяжелой Архитектуры, внутренность впрочемъ изрядно расположена и украшена лѣпною работою; освященъ въ 1842 г. По проэкту своему зданіе это долженствовало быть великолѣпнымъ, но въ исполненіи замѣтна скудость средствъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Bayerische Staatsbibliothek MÜNCHEN

I + II
130,- DM
133784

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Zakrevskij, Nikolaj Vasil'Evič

Opisanie Kieva vnovʹ obrab. i značitelʹno umnʹžennoe izd. s priloženiem risunkov i čertežej

Bd.: 1

Moskva 1868

4 Russ. 68 y-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10691844-0